

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

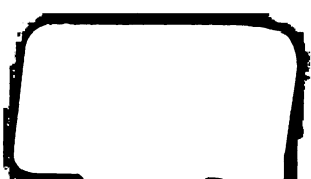
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1853

МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ТЕАТРЪ
ЖИВОПИСЬ

501689

ПАНТЕОНЪ

№ 11.

НОЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ КОМПАНЬОНКА. Повѣсть Евгенія Лунскаго. (С. К.)

СТИХОТВОРЕНІЯ. А. Г. Ротчева. Вечеръ на морѣ.
Тропическая ночь.
Всегда, вездѣ одинъ.
До свиданья.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

✓ РАШЕЛЬ И КЛАСИЦИЗМЪ. В. Р. Зотова.
ПУССЕНЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Осень.—Минувшее и настоящее.—Умѣнье раздуть аэиши.—Театръ въ Курскѣ и Рыбинскѣ.

III. СМѢСЬ.

1. Александръ Кастрень и его путешествія. Статья третья и послѣдняя.
В. И. Перекрестова.
2. Петербургскіе савояры. Уличный типъ. В. В. Толбина.
3. Трехъязычный влѣкъ у великановъ. Статья первая.
4. Шестой континентъ. П. М. Новосильскаго.
5. Джамъ Лунный Свѣтъ. Повѣсть Эленна-Поэ
6. Новости изъ внутренней Россіи.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женахъ Аттилы. — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Жизнь и произведенія Рембрандта (статья Густава Плана). — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Послѣднія изслѣдованія историческаго значенія мисіологій древнихъ народовъ. — МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ. — Что можетъ утѣшить въ жизни? (разсказъ). — Острова Уланъ, Сандвичевы и Танти (изъ путевыхъ записокъ Жюльенъ-де-ла Гравьера). — Новости парижской жизни (Письмо изъ Парижа)

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ПОДАВАННІИ

Ведомствъ Юсти.

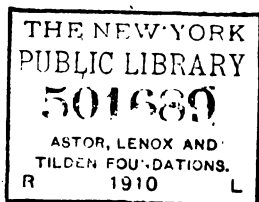
ТОМЪ XII.

НОВАРЬ — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1853.

САНКТУТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ. Ноября 30-го 1853.

Ценсоръ Н. Пейкеръ.

ВЪ
ОБЩЕ
МЪ
ИЗДА
НІИ

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОМПАНЬОНКА.

ПОВѢСТЬ ЕВГЕНІЯ ЛУНСКАГО.

(С. К.)

O, vanitas vanitum
et omnia vanitas!

I.

ПРЕЛЮДИЯ.

Въ небольшой угловой комнатѣ, оклеенной гороховыми обоями съ насыпными и притомъ весьма замысловатыми арабесками, на низенькомъ диванѣ съ отлогою спинкой, лежалъ, завернувшись въ пестрый архадукъ, молодой человѣкъ и курилъ папирску.

Кто его знаетъ, какую думу онъ думалъ; только лицо его, довольно правильное и выразительное, носило отпечатокъ сильной скуки.

Онъ, то положить одну ногу на другую, то опустить ее на полъ, то гладить и перебирать себѣ волосы, то, устремивъ глаза въ потолокъ, затанется клубомъ дыма и пускаетъ его изъ рта неровными кольцами, то, стряхнувъ пепелъ забудетъ о папирскѣ и держать ее въ пальцахъ до тѣхъ поръ, пока она не истлѣветъ совершенно, то, наковецъ, бросивъ ее, закуритъ другую. Словомъ, видно, что онъ крѣпко не въ духѣ.

Въ комнатѣ убрано хорошо, даже отчасти роскошно. Мебель на пружинахъ, крытая малиновымъ штофомъ; занавѣски кисейныя съ затканными каймами; письменный столъ уставленъ разными щегольскими бездѣлками; на окнахъ чинно разставлено нѣсколько горшковъ цвѣточныхъ луковичъ; на потолкѣ проведены золотыя багетки; въ лѣвомъ углу стоитъ орѣховая этажерка съ книгами; полъ паркетный; на мохнатомъ коврѣ дремлетъ Зарѣма, лигавая собака; возлѣ дивана стоитъ маленькій, круглый столикъ; тутъ наложено и наставлено много всякой всячины, какъ-то: сигарницы, коробка со спичками, бронзовый колокольчикъ, футляръ съ часами, серебряная раковина для пепела, стеариновая свѣча въ бронзовомъ подсвѣчникѣ и т. п.

Быль апрѣль на исходѣ, не то зима, не то весна; на улицѣ слякоть страшная. Сани, раскатясь по камнямъ, того и гляди что вывалятъ сѣдока въ какойнибудь ухабъ, откуда онъ выкарабкается не иначе, какъ въ преобразованномъ видѣ и костюмѣ; а дрожки, трясясь, подпрыгивая и переваливаясь съ боку на бокъ, по всѣмъ неблагоприятнымъ признакамъ, угрожаютъ тѣмъ же. Солнце выглянетъ, да тотчасъ же и спрячется зацѣпившись упорно за сѣрую тучу, или даже не выглянетъ и вовсе. Порою же, изъ этихъ тучъ моросило что-то мелкое, въ родѣ снѣга или дождя; только это быль не снѣгъ и не дождь, а пародія на то и на другое.

Молодой человекъ обернулъ голову къ окну, взглянулъ на небо, зевнулъ, потянулся, посмотрѣлъ на часы и сильно позвонилъ.

Вошелъ казачекъ.

— Чего изволите, сударь?

— Подай одѣваться.

— Прикажете старый сюртукъ?

— Болванъ! Да развѣ я ношу его когданибудь? ты видно еще не проснулся.

— Новый, сударь, нельзя-съ, — отвѣчалъ заминаясь мальчикъ.

— Ахъ ты негодяй! Ты еще его не вычистилъ! Вотъ я тебя въ деревню отправлю, лѣнтяй этакой! Тамъ будешь исправнѣе.

Видно мальчикъ привыкъ къ подобнымъ угрозамъ, потому что выслушалъ барина не поморщившись, и только тряхнувъ головой, отвѣчалъ хладнокрѣвно:

— Вы, сударь, изволили вѣчеръ разорвать сюртукъ, такъ я отнесъ его къ портному. Лѣвый рукавъ маленько подпоролся.

— Все врешь. Тебѣ было лѣнь вычистить; ты лучше проспалъ.

— Портной ужó самъ хотѣлъ запереть его, такъ изволите увидѣть.

Наступило молчаніе.

Молодой человекъ насупилъ брови, страхнулъ ладонью носы ар-
лука своего, повомя, подумавъ минуту, спросилъ:

— Не было писемъ съ мечты?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Вчера безъ меня никто не приходилъ?

— Приходилъ портной-съ.

— Гм... портной... зачѣмъ же онъ приходилъ?

— За деньгами-съ.

— Въдь я сказалъ, что заплачу въ будущемъ мѣсяцѣ.

— Онъ говоритъ, сударь, что дольше ждать не можетъ.

— Хорошо, ступай.

Мальчикъ повернулся, отворилъ дверь, чтобъ выйти, но бѣринъ
приподнялся на диванѣ и кликнулъ:

— Сенька!

Последній остановился съ вопросительною миной.

— Скажи отъ меня портному, чтобъ онъ не мафордалъ мнѣ слиш-
комъ сведни ллантами. Не то я по своейски проучу его. Слышишь?

— Слушаюсъ.

— Ступай.

Сенька сбѣгалъ три шага назадъ, но вдругъ что-то вспомнилъ, по-
чесалъ въ затылкѣ и промзнесъ въ полголоса:

— Сергей Петровичъ!

— Что тебѣ надо?

— Сегодня, когда вы изволите почивать... часу въ восьмомъ...
или въ девятомъ... Хозяинъ былъ-съ...

— Ну?

— Спрашиваю деньги за фатеру. Говорить, ужъ моль три мѣсяца
какъ срокъ прошелъ.

— Я это безъ него знаю.

— Нельзя-ли, говоритъ, попросить Сергѣя Петровича, хоть сколь-
ко нибудь отдать. Крайняя нужда, говоритъ.

Сергѣй Петровичъ опустилъ голову на бархатную подушку, положилъ
локоть на правую ладонь, принялся немстова крутить свои черные уси-
ки и промзнесъ повелительное:

— Ступай!

Сенька мгновенно исчезъ за дверью.

Сергѣй Петровичъ Одежъ былъ еще очень молодъ, то-есть, глѣтъ
двдцати лѣтъ или семѣ, и притомъ весьма не дурень собой. Оба эти
качества дѣлко продолжили ему дорогу къ сердцу женщины; они сво-
собствования еще и къ тому, что онъ успѣвалъ уже накупитьсеа до сыла.

Находясь прежде на службѣ, онъ получалъ отъ старушки—матери своей, проживавшей въ своемъ имѣніи и обладавшей двумястами душъ въ Ярославской губерніи, заложеными, между прочимъ, въ Опекуновскомъ Собрѣтѣ, по три тысячи ассигнаціями въ годъ, чѣмъ и принужденъ былъ довольствоваться.

Но Одоевъ былъ не такого десятка: онъ любилъ жить въ довольствѣ, любилъ показать себя; любилъ поиграть въ преферансъ, хотя зачастую проигрывалъ; любилъ угостить друзей хорошимъ шампанскимъ, или поподчивать гаванскими сигарами; любилъ развѣзжать въ собственномъ экипажѣ; а такъ какъ на три тысячи не слишкомъ разгуляешься, то онъ, подобно всѣмъ легкомысленнымъ, которые, чтобъ не отстать отъ другихъ, съ закрытыми глазами кидаются въ самыя безразсудныя крайности—пустился на долги.

Долгъ—вещь щекотливая; запутаешься разъ, такъ потомъ трудно выпутаться. Однако Одоевъ смотрѣлъ на это, повидимому, флегматически, и, не обращая вниманія ни на возрастающій капиталъ, ни на гигантскіе проценты, которые тянули съ него услужливые кредиторы, не думалъ унывать, и жилъ себѣ, какъ говорится, припѣваючи, только на чужой счетъ.

За то, когда наступалъ срокъ платежа, такъ ужъ ему приходилось жутко: бывали дни, въ которые онъ принужденъ былъ просиживать какъ какойнибудь зрестантъ, не находя рѣшительно никакой возможности вырваться какънибудь изъ дому, потому что передняя его наполнялась въ известное время всякимъ сбродомъ. То придетъ кучеръ за жалованьемъ, то сапожникъ требуетъ денегъ за изношенные когда-то сапоги, то явится прачка, то каретникъ; то придетъ Иванъ Андреевичъ Рюкинъ съ просроченнымъ векселемъ, то Алексѣй Ильичъ Задникъ, съ требованіемъ процентовъ, то Платонъ Захаровичъ Щепневъ съ угрозою описать все движимое и недвижимое—словомъ всѣхъ требованій не приберешь. А Севька, какъ неизмѣнное эхо, гласитъ всѣмъ одно и то же: «дома нѣту-съ», а на вопросъ: «скоро-ли вернется баринъ?» «Не могу знать-съ».

Одоевъ нѣсколько разъ писалъ къ матери, прося ее убѣдительно выслать ему денегъ на расплату долговъ, каясь въ винѣ своей и обѣщая исправиться; но старушка—помѣщица щадяла кошелекъ свой и присылала одинъ только наставленія, и сынокъ въ нѣсколько лѣтъ накопилъ долгу около тридцати тысячъ рублей серебромъ.

Въ это утро, какъ мы уже сказали, онъ былъ особенно не въ духѣ. Ночь онъ провелъ въ дворянскомъ собраніи; спалъ дурно и мало; голова у него разболѣлась; выхвать онъ не могъ, по причинѣ разор-

важнаго сюжета, да еще, къ довершенію всѣхъ этихъ неприяностей, Сенька донесъ ему о посѣщеніи хозяина и о просьбѣ портнаго.

Сергій Петровичъ началъ хандрить не на шутку, началъ перебирать въ умѣ всевозможныя средства и придумывать какъ бы пособить горю. Кровь хлынула ему въ лицо. Онъ провелъ рукою по горячему лбу своему, который прикрывала до половины вышитая ермолка.

Тутъ, какъ нарочно, подвернулась Зарѣна, только что проснувшаяся, и подойдя къ господину своему, положила лапы и морду къ нему на колѣна.

Одоевъ сорвалъ ермолку, скомкалъ ее, швырнулъ съ досадою подъ столъ и отподчивалъ нѣсколькими толчками Зарѣму, которая съ визгомъ убралась на свое мѣсто.

Въ комнату вошелъ Василій Дмитриевичъ Жербинъ, пріятель Сергія Петровича, высокій, худощавый франтикъ въ палевыхъ перчаткахъ.

— А, Базиль! какими судьбами?—сказалъ Одоевъ, протягивая руку вошедшему и обрадовавшись случаю прекратить на время досаду свою.

— За дѣломъ, братецъ, отвѣчалъ послѣдній, придвигая себѣ стулъ и уставивъ шляпу между колѣнъ.

— За дѣломъ... повторилъ Одоевъ нахмурившись, и въ разгоряченномъ воображеніи его снова мелькнула мысль о какомъ нибудь порученіи отъ одного изъ его кредиторовъ.

— Разуѣтается, иначе я къ тебѣ и не пріѣхалъ-бы; дѣла пропасть! Занять съ утра до вечера... Да что это ты, братецъ, смотришь какими-то сентябремъ?

— Былъ третьяго дни въ собраніи... проигралъ двадцать пять рублей серебромъ... а вчера былъ въ маскарадѣ...

— Это не новость,—перебилъ Жербинъ, засмѣявшись.

— И влюбился...

— Вотъ это разница!

— Вообрази, продолжалъ съ внезапною живостью молодой человекъ, я пріѣхалъ туда въ двѣнадцатомъ часу. Ты знаешь, что на балѣ скука смертная, и я всегда стараюсь держаться отъ него на благородной дистанціи. Только что я вошелъ, маски хлынули въ залу. Въ карманахъ у меня было пусто, слѣдовательно и на душѣ не слишкомъ весело—это ужъ само собою разуѣтается. Дома я присидѣть не хотѣлъ, я поѣхалъ только pour faire acte de présence. Долго ходилъ я взадъ и впередъ, слушая безтолковую визготню этой бѣснующейся черной массы, вдругъ, вижу, въ одной изъ проходныхъ комнатъ сидитъ голубое домино, возлѣ двухъ другихъ, на которыхъ, впрочемъ, я не обращалъ вниманія. Представъ себѣ женщину довольно высокаго роста, крошечную

уучку, сжатую въ бѣлой перчаткѣ, дивную талию, которую чудесно обрисовывала бѣлая кружевная манжета, и ножки, Basile, такія маленькія и узенькія, что обѣ вмѣстѣ свободно помѣстятся на моей ладони. Хоть я и не расположенъ былъ мезотъ разный вздоръ, однако голубое домино такъ сильно заинтересовало меня, что я тотчасъ же подлетѣлъ къ нему съ словами: «Veuх-tu mагаher avec moi, beau masque?» и съ протянутой рукою. Маска сказала что-то шопотомъ своимъ спутницамъ, изъ коихъ одна была въ розовомъ атласѣ и вся обвѣшана камешками, другая въ черномъ, толщиною обхвата въ два; послѣ чего всѣ трое встали и, не отвѣчая ни слова, пошли вречь. Я долго сѣдѣлъ за ними, проклиная свою неудачу и ихъ неумѣстную свѣсь. Нечего сказать, стояло прѣхать въ маскарадъ за тѣмъ только, чтобъ посидѣть нѣсколько минутъ въ углу и потомъ, не раскрывая рта, уѣхать домой!

— Судя по обстоятельствамъ, знаешь-ли что? Можетъ быть, на этой удивительной талии и нынѣшнихъ плечахъ было рабое лицо, сѣрые глаза и испорченные зубы.

— Какой вздоръ! вскричалъ Одоевъ, невольно ужаснувшись при мысли, что, быть можетъ, дѣйствительно, вмѣсто воображаемой поэзии, онъ воссѣвалъ жалкую прозу.

— Это въ порядкѣ вещей, прибавилъ философически Жербинъ. Такихъ примѣровъ у насъ довольно: нынче хорошенькія какъ то вывелись. Куда ни обернешь, все старья, да дурныя; видно ужъ вѣкъ таковъ!

— Онѣ сѣдали нѣсколько туровъ по залѣ, продолжалъ Одоевъ, потому я потерялъ ихъ изъ виду. Мнѣ стало такъ досадно, что я протѣснился сквозь толпу, подчуя совершенно толчками всѣхъ и каждого, кто мнѣ ни попадался на встрѣчу, и бросился на лѣстницу, давъ себѣ слово, во что бы то ни стало, отыскать незнакомку. Сходя съ подъѣзда, я увидѣлъ на ступенькѣ красную камелію, приколотую за минуту до того къ груди голубаго домино, которую оно, вѣроятно, уронило, надѣвая салопъ. Я, разумѣется, подвѣлъ ее и поклялся хранить на память ея владѣтельницы, кто бы она ни была. Смотри, вотъ она.

Сергій Петровичъ выдвинулъ изъ стола ящикъ, досталъ оттуда сафьянный футляръ, предназначенный прежде неизвѣстно для какого употребленія, и, открывъ его, показалъ Жербинѣ завядшую красную камелію.

— Что скажешь ты про мое приключеніе? спросилъ онъ.

— Скажу, братецъ, что оно сильно пахнетъ Аркадіей, отвѣчалъ Василій Дмитріевичъ. Только нынче Аркадія не въ модѣ.

— Особенно у тебя, хоть ты и шатаешься каждый день по Нев-

спому съ лорнетомъ въ глазу, а что отъ этого пользы? Занался-ли ты хоть одной женщиной порядкомъ?

— А ты?

— Я? я до сихъ поръ не находилъ еще женщины по моему вкусу. А вчерашняя должна быть прехорошенькая.

Жербинъ засмѣялся.

— Развѣ ты видѣлъ ее безъ маски? спросилъ онъ. Лицо у женщины главное, а вѣдь оно было закрыто. Положимъ, что у нея чудесная талія и предестная ножка, но это еще не доказываетъ, что она хороша собою. Да и вообще всѣ эти черзчуръ перетанутыя таліи мнѣ какъ-то всегда подозрительны. У всѣхъ перезрѣлыхъ, онъ день отъ дня становится тоньше. Время неумолимо уноситъ красоту женщины; оттого, что въ сорокъ лѣтъ лицо старѣетъ, съжигается, покрывается морщинами. Что остается тогда дѣлать женщинѣ? Чѣмъ поправить слѣды неумолимаго времени? фигурой, ни чѣмъ болѣе, да пожалуй еще хоть косметическими средствами. Теперь, я въ свою очередь спрашиваю тебя: что скажешь ты, если красавица твоя принадлежитъ къ этой категоріи?

Одоевъ съ нетерпѣніемъ пожалъ плечами. Логика пріятеля начинала видимо надобдать ему.

— Оставимъ это, сказалъ онъ. Такъ какъ мы съ тобою рѣдко сходимся въ мнѣніяхъ, то скажи лучше, за какимъ дѣломъ ты ко мнѣ пріѣхалъ?

— Да! я было и забылъ, отвѣчалъ Жербинъ, спокойно переходя отъ одного предмета разговора къ другому, и какъ-бы не замѣчая неудовольствія пріятеля.—Слышалъ ты когда нибудь о Губкиныхъ? Кажется, я говорилъ тебѣ о нихъ? Этотъ Губкинъ низенькій ростомъ, немного ковыляетъ. Ну, такъ у этихъ Губкиныхъ завтра балъ по случаю рожденія дочери, которой, какъ говорятъ, минетъ семнадцать лѣтъ. Вотъ, братецъ, приглянись! триста тысячъ приданаго и каменный домъ на бойкой улицѣ. Лакомый кусочекъ!

— А самъ-то что? спросилъ Одоевъ, котораго заманчивая цифра, нигомъ разсѣивъ дурное расположеніе духа, заставила едва замѣтно улыбнуться. Самъ-бы лучше воспользовался, чѣмъ другихъ подбивать. Право, Жербинъ, твой совѣтъ не уступитъ Аркаді!

— Вотъ пустяки! съ чего ты взялъ, что я намѣренъ жениться?

— Правда! Тебѣ не стоитъ, ты какъ разъ протрешь глаза этимъ денежкамъ; промотаешь на падевыя перчатки, да на лакированные ботинки.

— Слушай же далѣе, продолжалъ молодой человекъ, проведя рукою

по велению съ самодовольною миной. Губкинъ этотъ изъ простыя купцовъ, нажился подрадами; теперь они тянутся въ grand genre. Madame Губкина просила меня привезти ей кавалеровъ, такъ какъ у нее часто бываетъ недостатокъ въ нихъ на вечерахъ. Я уже сконандовалъ туда Стручкова и Зурова, и наконецъ явился къ тебѣ съ подобнымъ же предложеніемъ, такъ какъ ты слынешь у насъ однимъ изъ первыхъ танцоровъ. Вдешь?

— Признаться тебѣ сказать, что я терпѣть не могу новыхъ знакомствъ, и къ тому же я вовсе не расположенъ пуститься въ плясъ. Лѣнь страшная.

— Это новость; ты прежде не былъ лѣнивъ. Ба! да я чуть-ли не отгадалъ причины, отъ которой ты не въ духѣ и отчего не хочешь вѣхать на базъ! Вотъ, еслибъ вчера голубое домино пригласило тебя полькировать, такъ ты завтра же поѣхалъ бы отъ радости на край свѣта, не только что къ подрячику. Что, не правда?

— Впрочемъ, возразилъ Одоевъ подумавъ, какъ бы не слыша сарказма, такъ и быть, отправаюсь, чтобъ разсѣяться. Я тамъ ни души не знаю, однако изъ любопытства можно посмотреть, что это за общество. Будетъ скучно, такъ сяду за карты. По крайней мѣрѣ, хоть время убью.

— Итакъ, рѣшено: завтра въ половинѣ одиннадцатаго я за тобою заѣду, сказалъ Жербинъ, вставая и вынувъ изъ кармана раздушенный батистовый платокъ, которымъ принялся вытирать круглое стеклышко лорнета.

— Хорошо. Я буду ждать тебя, отвѣчалъ Одоевъ, лѣнливо приподнявшись.

— Чортъ возьми! Мнѣ надо заѣхать еще въ два мѣста, а дорога такая, что, того и гляди, совершишь путешествіе въ первую лужу.

— А propos! Я теперь не при деньгахъ. Нельзя ли занять у твоего Губкина? Дастъ онъ въ долгъ?

— Попробуй счастья, быть можетъ, и дастъ.

— Хорошо. Я завтра же постараюсь устроить это.

— Желаю тебѣ успѣха. Прощай.

— До свиданья, отвѣчалъ Одоевъ, протягивая руку.

Жербинъ уѣхалъ. Одоевъ звнулъ и снова улегся на диванъ.

II.

ГУБКИНЫ И ИХЪ ВЕЧЕРЪ.

Теперь мы перенесем дѣйствіе нашего разсказа изъ Малой Морской на бойкую улицу, какъ выразился Жербинъ.

Вы, конечно, не посѣтуете на насъ, благосклонный читатель, за этотъ скачокъ, который мы дѣлаемъ не изъ какихъ нибудь прихотей, которыми такъ изобилуетъ родъ человѣческій (не исключая даже и насъ, грѣшныхъ), а просто изъ необходимости познакомить васъ съ Семеномъ Ѡадеевичемъ Губкинымъ и съ почтеннымъ его семействомъ.

Итакъ, вѣхавъ въ бойкую улицу и, придерживаясь лѣвой стороны ея, вы увидите большой, небѣленый трехэтажный домъ, съ затѣливымъ подъездомъ, протянутымъ черезъ всю ширину тротуара, съ ясными воротами, съ сѣрыми мраморными подоконниками, гладко выполированными; съ зеркальными стеклами, парадирующими, впрочемъ, только въ центральныхъ окнахъ бельэтажа, съ чугуннымъ, узорчатымъ балкономъ, опирающимся на плачевно-склоненныя головы какихъ-то двухъ весьма замысловатыхъ статуй, и наконецъ съ огромными бронзовыми львами, стоящими, разинувъ пасть, по обѣимъ сторонамъ подъезда, на гранитныхъ поставахъ.

Войдите навѣрхъ по широкой, устланной пестрымъ ковромъ, лѣстницѣ, въ средній этажъ, и вы очутитесь въ покояхъ Семена Ѡадеевича.

Комнаты высокія, большія, широкія, длинныя; убраны онѣ изящно, даже притязательно роскошно; только въ претензіи хозяевъ видно совершенное отсутствіе всякаго вкуса. Вездѣ золото да бархатъ, бархатъ да золото. Непривычный глазъ тутъ скоро утомится и опуститъ вѣки. Разноцвѣтные шарики замелькаютъ у него передъ глазами отъ слишкомъ яркаго блеска и пораженнаго имъ зрѣнія: можно просто ослѣпнуть. И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ нѣтъ? и статуи, и картины, и вазы, и занавѣсы двойныя и тройныя, и бѣсѣдки изъ плюща, и жардиньерки съ цвѣтами, и бронзовые часы съ музыкой, и жирафодоли, и кандеябры, и вышитыя портьеры, и камни мраморныя, и разныя статуэтки въ амбразурахъ стѣнъ, словомъ: эти комнаты походятъ скорѣе на какую нибудь выставку, нежели на всеневное жилище.

Дѣло въ томъ, что Семень Ѡадеевичъ любилъ себя показывать и прихвастнуть своимъ богатствомъ. Каждую пятницу у него собиравлись человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, между которыми были и чиновные, и

военные, и негоціанты и, наконецъ, помѣщики. Последнихъ Семень Фаддеевичъ (не извѣстно для насъ по какой причинѣ) уважалъ въ особенноти. Заберется себѣ съ ними послѣ обѣда въ кабинетъ, да и толкуетъ тамъ объ урожаѣ, о продажѣ льна, о молотѣбѣ, о пшеницѣ и вообще о всякой всячинѣ, касающейся хозяйства, къ которому Семень Фаддеевичъ имѣлъ неотъемлемую склонность.

Надо признать, что въ молодости Семень Фаддеевичъ былъ лицо весьма незначительное. Отецъ его, какой-то мелочной торгашъ, имѣвшій во время оно, чуть-ли не табачную лавочку, нажилъ себѣ кое-какое состояніе, складывая барыши свои копейка къ копейкѣ. Самъ же онъ увеличилъ это состояніе различными оборотами и спекуляціями, и въ послѣдствіи женившись на дочери богатого мѣщанина.

Судя по образу жизни его и по частымъ пирамъ, которые онъ любилъ задавать, можно было подумать, что Семень Фаддеевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безразсудныхъ и расточительныхъ выскочекъ, которые, отъ недостатка занятій, или отъ избытка праздности, соряютъ деньгами и напоследокъ разоряются. Но кто зналъ его покороче, или кто имѣлъ случай войти хоть разъ въ его домашнія подробности, тотъ удостовѣрился бы немедленно, что Семень Фаддеевичъ былъ скорѣе скупъ, нежели тороватъ, что казна его хранилась подъ солидными замками, и что надо было много труда, чтобъ заставить его тряхнуть карманомъ, даже въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ. Подобную непріятность испытывала на дѣлѣ каждую пятницу Прасковья Никитична, дражайшая половина его, когда являлась къ нему съ реестромъ закупокъ, потребныхъ для вечера. Тутъ ужъ Семень Фаддеевичъ не преминетъ сперва хорошенько покричать и побраниться, и даже найдетъ тму расходовъ, по его мнѣнію, совершенно лишннихъ. И странная вещь, что, послѣ всей этой кутерьмы, ему точно на сердцѣ станетъ легче; онъ на минуту уймется, отсчитаетъ почти хладнокровно требуемую сумму, не преминувъ, впрочемъ, утянуть хоть цѣлковый, но зато, лишь только она изъ бумажника вонъ, какъ крику просто не оберешься. Въ подобныя мгновенья Прасковья Никитична обыкновенно оставляла мужа на произволъ судьбы и спѣшила убраться во-свояси, опасаясь, чтобы гроза не приняла болѣе опасныхъ размѣровъ, и зная по опыту, что на просторѣ она стихнетъ скорѣе.

Ничто не могло такъ взбѣсить Семена Фаддеевича, какъ, напримѣръ, подобныя эпиграмы, которыми знакомые въ шутку любили иногда кольнуть его: «Вы, Семень Фаддеевичъ, человекъ богатый! У васъ два дома! А что, если сказать по чистой совѣсти, вѣдь вы, я думаю, много прикопили, чай сундуки ломатся?»—«А, позвольте васъ спросить, ми-

лестивый государь, отвечал обыкновенно старикъ, еслибъ я не попилъ денегъ, такъ съ чѣмъ бы осталась тогда дочь моя! Въ гувернантки что-ли нешла бы? Нѣтъ, ужъ извините, а дочь моя не рождена быть гувернанткой! А вотъ съ хорошими-то приданными и женихъ скорѣе найдется; а не выйдетъ, такъ небось не разъ отца вспомнеть, да сказать спасибо за то, что позаботился объ ней.»

Семень Ѳаддеичъ судилъ философически, нельзя съ этимъ не согласиться, а все-таки слылъ за чловѣка безъ всякаго образованія. Впрочемъ, онъ въ немъ и не нуждался: онъ обладалъ достаточнымъ для него количествомъ природнаго ума, а знакомые смотрѣли сънисхожденіемъ на это отсутствіе и недостатокъ познаній, разумѣется, не потому, что нитали особенное расположеніе къ его особѣ, а потому, что у него было что-то въ карманѣ, и, какъ водится, старались прѣбывать съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, по случаю его обѣдовъ.

Однако, не взирая на этотъ природный умъ и всеобщее уваженіе, онъ былъ у себя въ домѣ лицомъ едва ли не послѣднимъ, потому что Прасковья Никитична играла въ немъ главную роль; и если ей приходилось спрашивать о чемъ мужа, такъ это дѣлалось только для формы, или въ такомъ случаѣ, когда нужно было вытребовать отъ него денегъ. Она вела всѣ домашнія дѣла такимъ образомъ, что до него ничто не касалось; а онъ, сидя запершись въ своемъ кабинетѣ, откуда рѣдко выходилъ, занимался дѣлами и счетами, и вовсе не замѣчалъ своей ничтожной роли. Ему было все равно, что въ домѣ ни дѣлалось, только бы его оставляли въ покоѣ.

Единственная дочь его и наследница огромнаго состоянія, Марья Семеновна, или Mariette, какъ называла ее маменька, женщина крайне чопорная, была воспитана дома, и для ея воспитанія Семень Ѳаддеевичъ не щадилъ никакихъ издержекъ.

Mariette до двадцати-лѣтняго возраста не переставала учиться; при ней безотлучно находились двѣ гувернантки, изъ коихъ одна была русская, преподающая также французскій и нѣмецкій языки, а другая англичанка, да еще, кромѣ прочихъ учителей, къ ней три раза въ недѣлю ѣздилъ итальянецъ. Когда ей стукнулъ двадцать первый годъ, заботливая маменька, одѣвавшая ее до тѣхъ поръ à l'enfant, говорила всѣмъ и каждому, что ей только семнадцатый, и, спровадивъ всѣхъ наставниковъ и наставницъ, взяла для нея компаньонку.

Балъ былъ въ полной силѣ разгара, когда наши приятели вошли въ залу. Пары медляли по паркету, доканчивая галопомъ шестую фигуру кадрили. Въ ближнемъ покоѣ гремѣлъ оркестръ Лядова.

Невозможно было пробраться впередъ сквозь эту бѣснуюся тол-

пу. Одоевъ и Жербинъ остановились въ дверяхъ, выжидая болѣе удобной минуты, чтобъ подойти къ хозяйкѣ.

Первый, бѣглымъ взглядомъ окинулъ собраніе, стараясь разгадать, въ какое общество забросилъ его случай. Второй, воткнувъ въ глаза невзвѣнный лорнетъ свой и поправивъ небрежно прическу, сталъ разсыянно смотрѣть на танцующихъ.

Минуту спустя, музыка умолкла, гости разбрелись по разнымъ комнатамъ, и тогда только Жербинъ могъ кое-какъ провести Одоева въ главную залу, гдѣ, на триковомъ диванѣ и обмахиваясь великолѣпнымъ опахаломъ изъ марабу, возсѣдала торжественно съ какими-то двумя старухами Прасковья Никитична.

Это была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, плотная, въ желтомъ атласномъ платьѣ съ серизовыми лентами и цвѣтами, обшитомъ сверху до низу широкими бруссельскими кружевами, въ которомъ какъ-то невольнo просвѣчивала претензія на—увы! отцвѣтшую молодость. Въ манерѣ ея замѣтна была какъ-то натянутасть; голова, гордо поднятая кверху, еле-еле оборачивалась къ собесѣдницамъ, да и то тогда только, когда того требовала необходимость; самодовольная улыбка постоянно царствовала на губахъ ея, какъ бы сознавая собственное достоинство.

Одоевъ, опытный и искусный наблюдатель, сдѣлалъ этотъ экзаменъ въ одно мгновенье, и съ перваго взгляда увидѣлъ съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло.

— Честъ имѣю представить пріятеля моего, Сергѣя Петровича Одоева, — сказалъ Жербинъ, подводя его къ Губкиной.

— *Charmée de faire votre connaissance, monsieur*, отвѣчала, жеманясь, Прасковья Никитична. Одоевъ ловко раскланялся.

— Я премного обязана мосье Жербину за его любезность, — продолжала она, сдѣлавъ сладкую мину. Впрочемъ, онъ давно бы долженъ былъ познакомить насъ. Говорятъ, вы прекрасно танцуете, и особенно что вы отличный полькѣръ. Позвольте представить вамъ дочь мою.

И обернувшись въ сторону, она прибавила:

— *Mariette, venez donc, ma chère!*

— Что за баба! подумалъ молодой человекъ. Не успѣлъ показаться, какъ ужъ она навязываетъ мнѣ ее въ дамы. Теперь, хочешь, или не хочешь, а изволь пригласить ее на слѣдующій кадрили. Бѣда, если дочка такой же масти, какъ матушка.

Одоевъ съ утонченною учтивостью поклонился *Mariette*, которая подошла къ нимъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ кавалеровъ, и отвѣчала на почтительный поклонъ его легкимъ наклоненіемъ головы.

Marieite, какъ мы сказали выше, была дѣвушка не первой юности, но такая маленькая, худенькая и миниатюрная, что походила скорѣе на ребенка, или на какого-то недоросля, хотя и узнали мы, по секрету отъ горничной ея, что въ башмакахъ ея были весьма искусно устроены внутренніе каблукы, чтобъ особа ея казалась по возможности выше. Русые волосы ея, смуглая кожа, небольшіе, сѣрые, но пронизательные глаза, ротъ довольно большой и не совсѣмъ еще сформированная талія составляли порознь довольно некрасивыя подробности, но все вмѣстѣ было недурно. Физическое развитіе Marieite произошло очень медленно и поздно. Частію, тутъ едва-ли не примѣшивался одинъ довольно важный органическій недостатокъ, а именно, что одна лопатка ея выдавалась нѣсколько наружу и была гораздо больше другой, въ слѣдствіе чего корсетъ ея былъ какого-то совершенно особеннаго устройства и снабженъ мѣстами достаточнымъ количествомъ ваты, пружинъ, накладокъ, и такъ даже.

Marieite также, какъ и маменька ея, любила одѣваться пышно. На ней было розовое креповое платье, въ три тюника, что еще болѣе скрадывало ея крошечный, почти кругленькій ростъ, а яркій розовый цвѣтъ увеличивалъ смуглость кожи; на головѣ, на шеѣ и на тюникахъ красовались цвѣты, жемчугъ и банты.

— Позвольте просить васъ на слѣдующую кадрили, сказалъ Сергій Петровичъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Съ удовольствіемъ, проговорила дѣвушка форменную фразу. Тѣмъ болѣе, что мосье Жербинъ утверждаетъ положительно, что вы играете первую роль на всѣхъ петербургскихъ балахъ. *Donc, je vais vous mettre à l'épreuve.*

Одоевъ отвѣчалъ залпомъ комплиментовъ, а Прасковья Никитична, въ восторгѣ отъ своей дочки, улыбнулась еще слаще прежняго и подняла голову еще выше.

Заиграли польку. Marieite исчезла въ толпѣ танцующихъ, а друзья тотчасъ же воспользовались случаемъ отдѣлаться отъ хозяйки и ретироваться подальше, чтобъ посмотреть на хорошенькихъ и также, какъ водится, подтрунить при первой возможности надъ недовкими.

— Скажи, пожалуйста, *mon cher*, сказалъ Сергій Петровичъ, котораго черные глаза вдругъ засверкали необыкновеннымъ огнемъ:—кто эта прелестная блондинка, которая танцуетъ вонъ съ тѣмъ высокимъ гусаромъ?

— Гдѣ? Помилуй, братецъ, здѣсь много блондинокъ; почему мнѣ знать, о которой ты говоришь.

— Да вотъ же она. Смотри направо... видишь?

— Да ихъ тутъ трое.

— Боже мой, какъ ты сегодня безтолковъ! Или я недовольно ясно выражаюсь. Вотъ она обгоняетъ теперь какого-то льва съ дамой въ желтомъ платьѣ. Сама она въ бѣломъ, съ красною камеліей на груди.

— А! теперь вижу, отвѣчалъ Жербинъ небрежно, и ирашурившись пошогрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ ему пріятель. — Это Александрина, компаньонка Марьи Семеновны.

— Какая хорошенькая! Что за глаза, что за бюстъ, что за лицо, что за ножка! Вотъ танцуетъ-то! Какая легкость и непринужденность въ манерѣ!

Жербинъ засмѣялся.

— Браво, браво! сказалъ онъ. Тебя можно поздравить: голубое домино ужъ въ отставку. Какъ ты себѣ хочешь, а ужъ это пріятное непостоянство; вчера вздыхалъ по одной, а сегодня вылокалъ другую.

— А почему ты знаешь? Быть можетъ, это и есть голубое домино, на которое въ среду я такъ тщетно поглядывалъ. У нея та же самая фигура, та же походка и наконецъ точно такая же красная камелія.

— У тебя сильное воображеніе: ты будешь теперь видѣть голубое домино на всѣхъ перекресткахъ.

— Я тебѣ говорю, что это она, перебилъ Одоевъ съ нетерпѣніемъ. Я въ этомъ увѣренъ.

— Что ты увѣренъ, я въ томъ не сомнѣваюсь. Однако, братецъ, вотъ ужъ полчаса, какъ мы здѣсь, а я еще не представилъ тебя Губинну. Пойдемъ скорѣе, не то, пожалуй, онъ еще обидится.

— погоди. Дай мнѣ прополькировать съ нею, а тамъ, пожалуй, vedi меня куда хочешь.

— Послѣ будешь полькировать, сколько твоей душѣ угодно. Время передъ тобой.

И Жербинъ, взявъ подъ руку молодого человѣка, увелъ его изъ залы и углубился въ анфиладу комнатъ, не слушая съ его стороны никакихъ возраженій.

Когда услужливый кавалеръ привелъ Александрину на мѣсто, Правдова Никитична подозвала ее къ себѣ и попросила распорядиться на снятъ манжетовъ. Довольно долго спустя, Одоевъ возвратился въ залу безъ пріятеля, который остался съ кѣмъ-то разговаривать; но польку перестали уже играть. Мѣсто ея заступилъ шумный говоръ, а Александрины не было въ комнатѣ.

Одоеву стало досадно. Вообще весь этотъ вечеръ былъ наполненъ подобными неудачами, и что онъ ни предпринималъ, ничто не клеилось.

Это же, въ довершенію несчастія, была пятница, а Одоевъ замѣчалъ не разъ, что пятница всегда бываетъ для него неудачна.

— А все этогъ несносный Жербинъ надѣлалъ эту катасасію, думалъ онъ. Станя онъ меня десятю минутами позже къ этому глупому старику, я не опоздалъ бы и не остался бы въ дурацкѣ. Такъ мѣтъ вѣдь: «пойдемъ, да пойдѣмъ!» Не посидѣлъ бы я увидѣть въ кабинетѣ его всѣхъ этихъ мудрецовъ, которые сидятъ да толкуютъ о шенницѣ да о гравбахъ, какъ о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ. Самъ благо не танцуетъ, да ходитъ изъ угла въ уголъ, да фанфаронитъ съ своимъ кривуреннымъ глазомъ. Отбрѣю же я его порядкомъ!

Одоевъ протанцовалъ слѣдующую кадравъ съ Mariette, замѣтивъ, между прочимъ, что она весьма некстати говоритъ множество заученныхъ въ романахъ фразъ; потомъ, повертѣвшись нѣсколько минутъ между друзьями, ушелъ въ другія комнаты, гдѣ были карточные столы, и сѣлъ за преферансъ.

Было около двухъ часовъ утра, когда Жербинъ, послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ наткнулся на него.

— Помилуй, братецъ, сказалъ онъ: да на что это похоже? тебѣ пришла сюда, чтобъ танцовать, а ты сидишь да коздряешь. Пойдемъ скорѣе—тебя ищутъ.

— Дай нульку докончить; видишь, что у меня стоитъ семьдесятъ рениговъ.

Одоевъ могъ бы передать кому-нибудь карты, но сказалъ это потому, что вовсе не имѣлъ желанія пуститься въ плясъ и былъ разсерженъ не на мутну. Къ большей досадѣ его, тутъ, какъ нарочно, подвернулся какой-то низенькій, плѣшивый старичокъ и объявилъ, что съ удовольствіемъ займетъ его мѣсто, прибавивъ, между прочимъ, что весьма радъ, что подосидѣлъ во-время, потому что самъ только что освободился отъ картъ.

Одоевъ всталъ и, не поблагодаривъ даже услужливаго любителя преферанса, зашелъ прежде въ буфетъ, чтобъ заглушить горе мороженнымъ.

— Вѣдешь-ли что, шоп елетъ,—говорилъ дорогою Жербинъ: Прасковья Никитична раза три тебя спрашивала, а ты, какъ нарочно, вдругъ обратился въ невидимку.

— Если я обратился въ невидимку, такъ ты виноватъ въ этомъ. Можешь сказать это твоей Прасковьѣ Никитичнѣ.

— Ого! да мы, кажется, сердимся за что-то?

— Я думаю, что всякій порядочный человекъ разсердился бы на твою шельму. Только что я собрался заашиковать Александрину, какъ

тебѣ вздумалось вести меня, Богъ знаетъ зачѣмъ, къ этому несносному Губкину, и она исчезла у меня изподъ-носу. Я ждалъ, ждалъ, думая, что она скоро вернется, однакожь напрасно; наконецъ потерялъ терпѣніе и убрался подалеже отъ твоей подвижной куклы Губкиной и ея черномазой Mariette.

Жербинъ захохоталъ.

— Такъ вотъ причина твоей досады! вскричалъ онъ. Ну, братецъ, честное слово, ты не много потерялъ, что тебѣ не удалось полюбезничать съ этой компаньонкой. У нея только всего и есть, что хорошенькое личико, да нѣсколько горшковъ камелій, потому что она безъ ума отъ камелій; что-же касается до кармановъ, такъ они пусты.

— А кто ея отецъ? спросилъ Одоевъ, невольно заинтересованный этими словами.

— А Богъ его знаетъ! Кажется, служилъ гдѣ-то въ неважной должности. Теперь его нѣтъ въ живыхъ.

— Еслибъ она была въ заглѣ, я хотѣлъ бы взглянуть на нее еще разъ.

— Кто-жъ тебѣ мѣшаетъ? Пойдемъ. Только я даю тебѣ дружескій совѣтъ: не слишкомъ явно за нею ухаживай; Прасковья Никитична этого не любить. А лучше ты прикуртизань хорошенько Мариеттѣ: триста тысячъ — вѣдь лакомый кусочекъ, будетъ чѣмъ долги расплатить. Да! ты, кажется, хотѣлъ просить у Губкина въ займы. Ну что, успѣлъ-ли?

— Некогда было. Ты видѣлъ, что въ его кабинетѣ собраны чучелы со всѣхъ концовъ свѣта—гдѣ тутъ говорить о деньгахъ! Пойдемъ же скорѣе.

И не докончивъ своей порціи мороженнаго, Одоевъ бросилъ на столъ хрустальную раковину и поспѣшно вышелъ изъ буфета въ сопровожденіи Жербина.

Одоевъ увидѣлъ Александрину, которая промелькнула въ вихрѣ вальса, и потомъ; запыхавшись, опустилась на стулъ. Губкина снова дозвола ея и шепнула ей что-то на ухо.

Дѣвушка тотчасъ же вышла, вѣроятно, опять за какимъ нибудь порученіемъ.

Это окончательно взбѣсило Одоева. Онъ взялъ съ окна шляпу и медленными шагами подошелъ къ хозяйкѣ, чтобъ проститься съ нею.

— Какъ! вы уже увѣжаете, м-г Одоевъ? спросила Прасковья Никитична, дурно скрывая досаду свою. Вы доставили бы намъ большое удовольствіе, если бъ остались отужинать съ нами.

— Я весьма благодаренъ за лестное приглашеніе ваше, но, къ ве-

лучайшему сожалѣнію, долженъ отказаться отъ него, отвѣчалъ молодой человекъ, взглянувъ на часы. Я общался быть еще на одномъ балѣ: теперь третій часъ, я еще успѣю.

— По-крайней мѣрѣ, я надѣюсь, что вы и впредь будете посѣщать насъ?

Одоевъ поклонился.

— Пожалуйста, безъ церемоній; пріѣзжайте къ обѣду, мы всегда дома.

Сергѣй Петровичъ поклонился еще разъ и вышелъ въ швейцарскую.

Надѣвая шубу, онъ услышалъ, что кто то зоветъ его. Онъ обернулся: Жербинъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ къ нему и кричалъ что есть силы:

— Помилуй, братецъ!... что ты дѣлаешь!... Погоди немного.... что про тебя будутъ думать!.. Погоди хоть четверть часа!.. проигравъ весь вечеръ въ карты, и теперь уѣзжаешь!.. Остаешься хоть на мазурку!.. Покажись хоть на нѣсколько минутъ!.. успѣешь домой!..

Но Одоевъ, не слушая безсвязной болтовни его, надѣлъ кое-какъ калоши, завернулся въ шубу и махнувъ рукой съ явною досадою, стремглавъ бросился съ лѣстницы.

III.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Кто не испыталъ на себѣ, какое несносное впечатлѣніе производить на человека неудача? Что ни за думай, чего ни пожелаешь, на все встрѣтишь препятствіе и неминуемую помѣху; это давно уже признано и доказано на дѣлѣ. Иногда задумаешь бездѣлицу; вздоръ, а какъ посмотришь, такъ и отъ тѣхъ надо отказаться.

Одоевъ пролежалъ въ постели до двѣнадцатаго часа; но глаза его не сомкнулись ни на одну минуту. Онъ долго ворочался съ боку на бокъ, стараясь заснуть, однакожъ усиліе его оказалось совершенно бесполезнымъ, и поневолѣ принужденъ онъ былъ углубиться, отъ нечего дѣлать, въ крѣпкую думу.

И въ самомъ дѣлѣ можно ли спать, когда воображеніе наше занято какою нибудь мыслью? Правда и то, что сонъ послѣ бала—вещь самая обыкновенная. Но развѣ можно думать о немъ, когда насъ занимаетъ какое нибудь приключеніе, или какая нибудь неудача? Въ подобномъ случаѣ сонъ уже становится незваннымъ гостемъ, и тогда мы, напротивъ, разуемся, если онъ держитъ себя на благородной дистанціи.

Съ Одоевымъ не случилось никакого романческаго приключенія, и онъ отъ души желалъ укрыться подъ благодѣтельнымъ покровомъ Морфея; но какъ тотъ, повидимому, отказывался оказать ему обычное гостепрїимство, то онъ, отъ нечего дѣлать, перенесся мыслями въ блестящіе чертоги Прасковьи Никитичны.

Первое лицо, на которомъ остановилось воображеніе его, была, разумѣется, Александрина—это дивное существо, съ которымъ не успѣлъ онъ обмѣнять ни одного слова и которое произвело на него неизгасимое впечатлѣніе.

Какимъ образомъ попала она въ этотъ домъ, гдѣ все для нея такъ чуждо, гдѣ смотреть на нее съ такимъ пренебреженіемъ, обращаются такъ свысока, и гдѣ, повидимому, она вовсе не въ своей сферѣ? Ужели крайность или нищета заставили ее прибѣгнуть къ этому горькому состоянію? Ужели эта дѣвушка, молодая и прекрасная, которой изящныя манеры свидѣтельствовали о пышномъ воспитаніи, могла посвятить себя столь мелочной жизни и смотрѣть, повидимому, равнодушно на свою незавидную долю?

Одоевъ невольно сталъ сожалѣть о ней. Онъ видѣлъ ее только издали, но его поразила ея горькая почтительность къ окружающимъ, ея убѣжденіе въ собственномъ ничтожествѣ. Казалось, она свыклась съ своею участью и вполне постигла свою унижительную обязанность.

Одоевъ никогда не занимался женщинами особенно. Ему было только двадцать семь лѣтъ, слѣдовательно, съ его характеромъ, онъ не могъ думать о чемъ либо серьезно. Въ головѣ его ни одна мысль не вѣривалась прочно, умъ его былъ сильно подверженъ скукѣ, воображеніе настроено на хандру, почти всеобщую болѣзнь молодости, и онъ, пользуясь вполне ея привилегіями, анализировалъ вещи съ весьма неблагоприятной точки зрѣнія.

Впрочемъ, Одоевъ былъ очень уменъ и зачастую трунилъ надъ самимъ собою, что однакоже, не мѣшало ему подвергаться частымъ насмѣшкамъ прїателей.

Онъ все таки продолжалъ свою, такъ сказать, полусонную жизнь; бывалъ вездѣ; дремалъ въ оперѣ, скучалъ въ маскарадѣ, на балахъ бывалъ простымъ, иногда даже сатирическимъ зрителемъ; женщину замѣчалъ отъ нечего дѣлать, любилъ ее безъ всякихъ видовъ и часто ухаживалъ за нѣсколькими вдругъ. Побѣды удавались ему легко; по этой части онъ былъ избалованъ. Въ кругу его знакомыхъ дамы говорили: «Одоевъ очень недурепъ,» или: «Одоевъ очень любезенъ.» И дѣйствительно, онъ вполне заслуживалъ оба отзыва вообще, а послѣдній исключительно, потому что умѣлъ понять каждаго, умѣлъ занять разговоромъ остроумнымъ

и оригинальнымъ, особенно, когда бывалъ въ духѣ. Надо было видѣть, какъ неподражаемо серьезно рассказывалъ онъ анекдоты, или какую придавалъ занимательность самой пустой вещи, самому простому и безцвѣтному приключенію. Конечно, съ перваго взгляда, онъ показался бы каждому фанфарономъ, или, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ съ большими претензіями, потому собственно, что рѣдко съ кѣмъ сходился коротко, или оказывалъ кому либо особое расположеніе.

Надо было знать Одова, чтобъ постигнуть его качества и недостатки; надо было изучить его натуру, чтобъ сказать положительно свое сужденіе о немъ. Будь онъ менѣе вѣтренъ, онъ составилъ бы счастье любой женщины. Вѣтренность была первымъ недостаткомъ его, вторымъ—расточительность. Его характеръ бывалъ иногда не понятенъ—такъ онъ переиначивалъ его, такъ мастерски управлялъ и ворочалъ своими поступками, такъ разнообразилъ свои иллюзіи, которыя испещряли его бурную молодость.

Онъ нечаянно наткнулся въ маскарадѣ на голубое домино, создалъ себя изъ него идеалъ совершенства, и вдругъ показалось ему, что сердце его наконецъ зашевелилось.

Увидѣвъ Александрину, онъ тотчасъ вообразилъ, что это должна быть непременно она, то есть, его чудное голубое домино, и заключилъ совершеннымъ убѣжденіемъ, что двѣ строгія спутницы ея были—*Marieette* и Прасковья Никитична.

Всѣ эти догадки были весьма неположительны и довольно и сбивчивы, но Одоевъ рѣшилъ по-своему и крѣпко вѣрилъ въ справедливость предположенія, когда сравнилъ матушку съ толстой, неповоротливой дамой, а дочку—съ миниатюрною дѣвушкой, сіявшей розовымъ атласомъ, и обратившей на себя всеобщее вниманіе коллекціею украшавшихъ ее камней.

Онъ живо припомнилъ всѣ обстоятельства, случившіяся на балѣ, пожалѣлъ о тщетныхъ усиліяхъ своихъ сблизиться съ Александриной, съ которой, къ крайней досадѣ своей, не успѣлъ обмѣнять ни одного слова. По всему видно было, что тутъ скрывались какіе нибудь замыслы, потому что компаньонка весь вечеръ была на разсылкахъ и исчезала мгновенно при каждомъ взглядѣ, который онъ останавливалъ на ней.

Какъ бы то ни было, только Одоевъ рѣшилъ, что это надо вывести на чистую воду, чтобы знать положительно, какихъ мѣръ придерживаться и какъ нибудь вывѣдать, дѣйствительно-ли эта дѣвушка его таинственная героиня?

Что-жь касается до *Marieette*, то онъ вспомнилъ о ней только

мимолетно. Все, что онъ могъ заключить о ней, было: что она очень занята собой, хорошо воспитана, но безъ дальняго ума, и что во всѣхъ дѣйствіяхъ ея было много педантства. Впрочемъ, всѣ движенія ея были ловки, хотя въ нихъ и просвѣчивала нѣкоторая самоувѣренность; видно, потому, что они были напередъ разсчитаны. Она была, несмотря на свои физическіе недостатки, очень бойка и жива, что заставляло забывать ея некрасивое лицо, и притомъ изысканно любезна со всѣми. Одоевъ, всегда подвергавшій женщину самому строгому грамматическому разбору, со всѣми существительными и прилагательными, не могъ не сознаться, что въ ней много привлекательнаго.

Сверхъ того, Mariette была богатая невѣста, а это качество довольно заманчиво, и потому Mariette была постоянно окружена множествомъ поклонниковъ, добивавшихся, какъ величайшей чести, ея расположенія и предугадывавшихъ ея малѣйшіе взгляды. Такая невѣста долго не засматся. Свѣтъ не обращаетъ вниманія на качества физическія и душевныя; онъ ищетъ нѣчто посюляднѣе; а что можетъ быть сюляднѣе трехъ сотъ тысячъ капитала? Не разъ случалось намъ слышать отъ алчныхъ любителей презрѣннаго металла, что онъ служитъ лучшимъ достоинствомъ, какимъ только судьба дозволила обладать женщинѣ. Все прочее въ ней—химера. Красота, образованность, любезность—все это утекаетъ съ быстрымъ потокомъ всеразрушающаго времени; иногда даже въ цвѣтущихъ лѣтахъ всѣ эти достоинства, безъ прилагательнаго, не удостоиваются даже и тѣни вниманія, тогда какъ съ деньгами такихъ примѣровъ не бываетъ. Почему? Потому что человѣку, каковъ бы онъ ни былъ, деньги всегда пригодятся, особенно человѣку, невмѣющему за душой ничего, кромѣ долговъ, любящему жить на распашку и мѣтящему только на *богатую невѣсту*, какъ для извлеченія своей особы изъ критическаго положенія, такъ и для продленія комфорта и роскоши, безъ которыхъ большая часть искателей супружескихъ благъ не можетъ обойтись.

Герой нашъ придерживался тѣхъ же воззрѣній: Одоевъ разсчиталъ, что подобная афера будетъ весьма кстата; что, такъ какъ въ настоящее время онъ находился въ крайне критическихъ обстоятельствахъ, то съ его стороны было бы глупо упустить подобную находку, и что огромное приданое Mariette можетъ послужить на расплату долговъ, да еще, кромѣ того, отъ него останется столько, что можно будетъ пожить и пожуировать.

Одоевъ, само собою разумѣется, имѣлъ время вычислить все это на просторѣ, потому что послѣ всѣхъ своихъ догадокъ, ожиданій и неудачъ, спать рѣшительно не хотѣлъ и не могъ.

Впрочемъ, мы должны прибавить, къ несказанному сожалѣнію на-

шешу и риску даже поселить въ читателѣ невыгодное мнѣніе о героѣ нашемъ, что и надежды, и ожиданія, и неудачи—все это, при появленіи въ умѣ его вышеизложеннаго проекта, мгновенно, подобно сигарочному дыму, испарилось изъ его воображенія. Mariette и ея триста тысячъ, триста тысячъ и Mariette—вотъ что теперь исключительно занимало его.

Было далеко за полдень, когда онъ вздумалъ сдѣлать визитъ Губкинымъ. Онъ желалъ завести съ ними знакомство покороче, и къ тому-жъ, визитъ послѣ бала—вещь самая естественная, которую требуютъ приличія. Сверхъ того, ему хотѣлось увидѣть Александрина, а можетъ быть, ему удастся и поговорить съ нею, и потомъ, главное, понравится Марьѣ Семеновнѣ. Одна только Прасковья Никитична произвела на Одоева какое-то непріятное чувство, похожее на антипатію. Ея странныя манеры, крикливый голосъ, натянута до безконечности чопорность и неуѣдкое жеманство, были для него просто нестерпимы.

Впрочемъ, что ему за дѣло до нея? Вѣдь не она же, въ самомъ дѣлѣ, богатая невѣста; не она и та интересная особа, съ которою, какъ будто на зло, ему не удалось вчера полькировать; а остальное, то-есть, ея претензію корчить знатную даму, равно какъ и чрезмѣрную заботливость о лимонадахъ и оршадахъ можно простить, въ ожиданіи будущихъ благъ.

Долго еще Одоевъ причитывалъ различныя подробности, думая, передумывая и не зная на что рѣшиться.

На улицѣ была ѣзда страшная.

Онъ позвонилъ и велѣлъ подать себѣ одѣваться.

IV.

НЕУДОБСТВО ПОЗДНЯГО ОДѢВАНЬЯ.

Въ великолѣпной уборной, обитой красивымъ штофомъ, украшенной по угламъ золотою рѣзбой въ видѣ широкихъ гирляндъ и убранной въ готическомъ вкусѣ, на низенькой кушеткѣ изъ чернаго дерева, закинувъ назадъ голову и опустивъ небрежно руки, которыя держали раскрытый модный журналъ, сидѣла Марья Семеновна въ бѣломъ кисейномъ вышитомъ капотѣ.

Волосы ея еще не были причесаны, но собраны на затылкѣ кое-какъ въ большую косу, въ которую былъ воткнутъ черепаховый гребень, а туго зашплетенные на вискахъ косички свидѣтельствовали, что она въ спороухъ времени намѣревалась заняться своимъ туалетомъ.

Возлѣ; у стола, на низенькомъ табуретѣ, сидѣла Александрина совершенно уже одѣтая и вышивала что-то по канвѣ.

На ней было сѣрое кашемировое платье съ гладкимъ амазонскимъ лифомъ, станутымъ въ талии сѣрымъ же кушакомъ съ стальнойю пряжкой, а шею окаймляял англійскаго шитья воротничъ. Простая прическа ея изъ густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, округленныхъ назадъ въ два толстые кольца, взбитыхъ напередъ и сглаженныхъ тщательно, спускалась до половины уха безукоризненно, просто, оставляя наружу овальный лобъ, и обрисовывая граціозно ея греческій профиль.

Обѣ молчали. Mariette была не въ духѣ, а Александрина нѣсколько задумчива. Мы рѣшительно не беремся излагать причины этой задумчивости, не зная чему приписать ее, потому что характеръ Александрины чрезвычайно гибокъ и эластиченъ.

Беззаботная, равнодушная и угодливая при постороннихъ, она безъ свидѣтелей становилась грустна и серьезна. Понимая вполне свое щекотливое положеніе, она старалась свыкнуться съ нимъ сколько могла, и излишнюю веселость считала неприличною. Александрина рано познакомилась съ горемъ. Поселившись въ чужомъ домѣ, гдѣ старалась приноровливаться ко всякому, она часто принуждена была сносить непріятности, а что еще хуже, эти косые и вмѣстѣ презрительные взгляды, которые производятъ на душу такое сильное впечатлѣніе, которые такъ обидно, такъ больно откликаются въ сердцѣ. А между тѣмъ никто не подозрѣвалъ даже, какъ жестоко страдала бѣдная дѣвушка въ тѣ самыя минуты, когда на прелестныхъ устахъ ея мелькала улыбка.

Александрина все умѣла скрыть. Свѣтъ и люди вразумили ее; переходя съ мѣста на мѣсто, она коротко узнала ихъ; она стала опытна не по лѣтамъ. Умъ ея созрѣлъ въ ту самую пору, когда умъ каждой женщины только начинаетъ развиваться.

Два звонкіе, протяжные удара раздались на бронзовыхъ часахъ камня. Вслѣдъ за этимъ, партъера приподнялась и въ уборную вошла горничная.

— Что тебѣ надо, Даша? спросила Марья Семеновна лѣтливо.

— Какое платье прикажете приготовить?

Неизвѣстно, о чемъ думала въ это время Mariette; быть можетъ, она не разобрала хорошенько вопроса, или думала о чемъ другомъ, только она повернула слегка голову къ Александринѣ, и показывая ей картинку журнала, сказала какимъ-то полусоннымъ тономъ:

— Посмотрите, ma chère.... эти рукава совсѣмъ недурны.... до локтя гладкіе, а низъ пышный, обшитый въ пять рядовъ кружевами.

Они напоминают маризу де-Понладуръ; говорить, она носила такіе Какъ вамъ нравятся?

— Они очень красивы, отвѣчала Александрина, думая совершенно противное и бросивъ бѣглый взглядъ на картинку:—то есть, смотря потому, кто ихъ надѣнетъ, прибавила она улыбувшись. — На одной они будутъ очень эффектны, на другой, напротивъ, очень дурны.

— Какъ это? спросила Mariette, взглянувъ на нее и нѣсколько удивленная странностью такого сужденія.

— Весьма просто для васъ они хороши, но для меня въ нихъ слишкомъ много претензій и мало вкуса. Надѣньте ихъ вы—къ вамъ они пойдутъ, а если надѣну ихъ я — это будетъ смѣшно.

— Что это за философія! У васъ преоригинальныя идеи!

— Сверхъ того, продолжала дѣвушка,—ихъ могутъ носить только люди богатые, потому что тутъ столько кружевъ, что просто разоренье.

— По крайней мѣрѣ разнообразіе. Всѣ эти гладкіе и сборчатые рукава такъ надоѣли, приглядѣлись, что можно порадоваться, когда они выйдутъ изъ моды. Я не люблю носить вещь, которую носятъ всѣ и съ незапамятныхъ временъ, или на которой нѣтъ никакой гаршировки. Точно не изъ чего сдѣлать. Зачѣмъ, право, изобрѣтають такія дурачкія моды?

— А что же стали бы дѣлать тѣ, которые любятъ простоту и однообразіе? возразила Александрина. Я первая осиротѣла бы, еслибъ мнѣ пришлось оставить мои рукава и замѣнить ихъ новыми à la marquise Pompadour. Привычка много значить.

— О, въ такомъ случаѣ, я васъ поздравляю, сказала Mariette насмѣшливо прищурившись. Вы, стало быть, намѣрены носить вѣчно одно и то же и не замѣнять тому, что вамъ нравится. Это довольно оригинально, но слишкомъ бросается въ глаза.

Даша простояла нѣсколько минутъ у дверей, и удостовѣрившись наконецъ, что ее рѣшительно не замѣчаютъ, сочла за нужное вторично возвысить голосъ и возобновить вопросъ.

— Какое платье прикажете приготовить?

— Платье? повторила Mariette машинально: какое хочешь.

Потомъ, подумавъ, она прибавила:

— Хоть лиловое гроденаплевое и бѣлую пу-де-суа мантилью.

Горничная вышла.

Mariette зѣвнула, протянула руку вдоль кушетки, подняла другую къ лицу и положила щеку на ладонь.

— Завтра мы будемъ въ оперѣ, сказала она помолчавъ. Даютъ Люцію. Хотите вѣхать съ нами?

— Меггі, отвѣчала Александрина: Вы знаете, что я всегда къ вамъ услугамъ.

— Да вы хотите вѣсть, или нѣтъ?

— Я совершенно въ вашемъ распоряженіи, сказала дѣвушка, поднявъ голову.

— Агъ какія вы сившняя, Александрина! Говорите прямо: хотите, или нѣтъ. Я вижу, что вы предпочитаете остаться дома.

— Если вы предоставляете мнѣ располагать вечеромъ, то я лучше желала бы идти къ маменькѣ.

— Какъ хотите. А эгорис! Видѣли вы вчера молодого человѣка, котораго привезъ къ намъ м-г. Жербинъ? Кажется, его фанплиа...

— Одоэвъ.

— Вѣдь это тотъ самый, который такъ прѣставалъ къ вамъ въ маскарэдъ.

— Я не замѣтила его, отвѣчала Александрина просто и безъ всякой аффектаціи.

— Онъ олимпъ не дурень. Лицо правильное и выразительное, манеры аристократическія. Жаль только, что онъ мало танцуетъ. Вчера, говорить, весь вечеръ проигралъ въ карты.

Александрина опустила иголку, и едва замѣтная улыбка приподняла уголки ея маленькаго ротика.

— У васъ и безъ него было довольно кавалеровъ, сказала она. Нельзя пожаловаться на недостатокъ.

— Однакожь, пріѣхать въ домъ въ первый разъ и не показываться весь вечеръ—это вѣдь *maque de convenances*. Пріѣхать для того, чтобъ танцовать, и не танцовать вовсе—на что это положе?

— Прекрасно! сказала Прасковья Никитична, входя въ комнату. Третій часъ, а ты еще и не думала одѣваться! Ну, если кто нибудь пріѣдетъ? Ты вѣдь не можешь выйти, а все оттого, что любишь прохлаждаться вплоть до обѣда. Надобно ѣхать съ визитами; карета заложена, а она изволить себѣ лежать—и гора надѣ! Одѣвайся скорѣе!

— Сію минуту, маман. Извините меня, я думала что еще не поздно.

Магиссе лѣнливо поднялась съ куметки, опираясь одной рукою на локоть, другою сильно позвонцая.

Въ одну дверь вошла Даша, другую полуотворилъ лакей и, не показываясь доложилъ:

— Пріѣхалъ Сергій Петровичъ Одоэвъ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Прасковья Никитична: вотъ не кстати-то! Право, я не знаю, какъ и быть. А все вы, сударыни,

взволнованы! Что вы до сих пор дѣлали? Даже не причесаны еще! Отказать нельзя: это значитъ прекратить знакомство. Проси, сказала она лакею. А вы, ма снѣге, продолжала Губкина, обращаясь къ Александринѣ, потрудитесь принять его; мы скоро выйдемъ; я должна остаться здѣсь, чтобъ поторошить эту гнѣвницу.

Одоевъ большими шагами расхаживалъ по гостиной, когда въ ближнемъ покоѣ послышался шорохъ платья и вслѣдъ затѣмъ на порогѣ показалась Александрина.

Одоевъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, не постигая, какимъ образомъ случай наконецъ допустилъ его увидѣть эту дѣвушку, да еще видѣть тогда, когда онъ надѣялся на это менѣе, чѣмъ когда либо.

Онъ внутренно поздравилъ себя съ осуществившеюся надеждою и ловко поклонился Александринѣ, которая слегка склонила, въ отвѣтъ на поклонъ его, свою прекрасную головку.

Александрина была высока ростомъ, очень стройна, очень ловка. О лѣтахъ ея невозможно было судить правильно: когда она смѣялась, когда находилась въ обществѣ постороннихъ, ей казалось на видъ не болѣе восемнадцати; когда она уходила въ свою комнату и предавалась тамъ своимъ горькимъ думамъ, когда она становилась серьезна и печальна, ей казалось тогда болѣе тридцати, словно годы являлись къ ней въ одну минуту и налагали упорно и безжалостно на этотъ умный лобъ свое клеймо. Строгая правильность лица ея, носъ прямой и тонкій, на которомъ замѣтна была легкая горбинка, глаза темно-голубые, небольшіе, но прекраснаго разрѣза; зубы блестящіе и ровные, точно жемчугъ; кожа прозрачная и притомъ ослѣпительной бѣлизны, какъ вообще у всѣхъ блондинокъ—все это вмѣстѣ составляло такое цѣлое, которымъ не пренебрегъ бы ни Микель Анджело, ни Канова, еслибъ у нихъ случился недостатокъ въ образцахъ для ихъ бессмертныхъ произведеній. Голова ея, маленькая и изящная, обремененная густыми и шелковистыми бѣлокурыми волосами, гордо возвышалась на длинной атласной шеѣ, какъ пышная лилія на стройномъ стеблѣ; ея развѣтые виски и совершенная пропорціональность формъ могли служить типомъ любому художнику, а темныя рѣсницы, вопреки свѣтлымъ волосамъ, рѣзко обозначались на ея блѣдныхъ щекахъ, бросая на нихъ остроконечную тѣнь, когда она опускала вѣки; станъ ея, гибкій и ловко перехваченный; руки вѣжыя, съ длинными пальцами, суживавшимися на концахъ и на которыхъ не было ни одного кольца; плеча широкія и нѣсколько закругленные, наконецъ поразительная оконченность бюста, составляли одно изъ тѣхъ прекрасныхъ явленій природы, которыя такъ

редко встрѣчаются въ нашемъ щедушномъ и невозженномъ общественномъ мѣрѣ.

Александрина узнала Одоева съ перваго взгляда и увидѣла въ немъ человѣка хорошаго круга. Впрочемъ, она уже знала его по наслышкѣ отъ Жербина, который былъ у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Она давно уже составила себѣ портретъ его, но воображала его совсемъ иначе. Она представляла себѣ Одоева низенькаго роста, плотнаго, широкоплечаго, смуглаго, неизмѣннаго ни понятія о свѣтской жизни, ни того утонченнаго образованія, которымъ такъ щеголяютъ наши петербургскіе львы, словомъ, одного изъ тѣхъ закоренѣлыхъ, безпечныхъ холостяковъ, которымъ все надоѣло и наскучило, и которые, когда наступаетъ имъ четвертый десятокъ съ хвостикомъ, начинаютъ, отъ нечего дѣлать, метаться изъ угла въ уголъ, чтобъ убить какъ нибудь время, или чтобъ сказать потомъ: «Я былъ тамъ».

Понятія Александрины на его счетъ были оттого такъ неосновательны, что Жербинъ никогда не распроставался о немъ, но говорилъ мимоходомъ, когда приходилось къ слову. Ей казалось страннымъ и то, что Жербинъ, человѣкъ очень молодой и находчивый, могъ сдружиться съ человѣкомъ, котораго характеръ такъ мало согласовался съ его собственнымъ и котораго лѣта даже разнились съ его лѣтами. Но Жербинъ любилъ странности, освоился съ ними и не могъ безъ нихъ существовать, слѣдовательно эта неравная дружба была весьма естественна.

Не зная почему и не отдавая себѣ въ томъ отчета, Александрина была пріятно поражена, замѣтивъ свою ошибку и увидѣвъ передъ собою высокаго молодого брюнета, котораго щегольской черный мундиръ, плотно обхватывавшій корпусъ, увеличивалъ стройность гнѣбаго стана. Одно только обстоятельство нѣсколько удивило ее: это—поспѣшность, съ какою онъ отдалъ свой бадный визитъ.

— Извините, пожалуйста, м-г Одоевъ, сказала Александрина, знакомъ приглашая гостя сѣсть и помѣстившись на противоположномъ креслѣ около окна, что не Прасковья Никитична встрѣчаетъ васъ: она собирается ѣхать куда-то и потому дѣлаетъ необходимыя къ тому распоряженія. Она не замедлитъ выйти къ вамъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ Одоевъ, я весьма счастливъ, что могу познакомиться съ вами. Искренно обязанъ м-ше Губкиной за удовольствіе, которое она доставляетъ мнѣ. Могу васъ увѣрить, что оно не изгладится изъ моей памяти.

Александрина была пріучена къ комплимантамъ; она часто слы-

ища ихъ, и потому отвѣтъ Одоева произвелъ на нее несприятное впечатлѣніе. Ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Вы постоянный петербургскій житель? спросила она, желая дать другой оборотъ разговору.

— Зимой, постоянный, а лѣтомъ я живу въ деревнѣ, отвѣчалъ молодой человекъ улыбувшись.

Наступило молчаніе.

Александрина не находила что говорить, потому-что терпѣть не могла пустыхъ и пошлыхъ разговоровъ, а Одоевъ, пользуясь минутой, въ которую дѣвушка опустила глаза, углубился въ созерцаніе.

Но молчаніе надо же было прервать, и потому Александрина, стараясь побѣдить отвращеніе свое къ фразамъ, расточаемымъ въ изобиліи въ пустыхъ бесѣдахъ, спросила:

— Какъ вамъ нравятся наши увеселенія?

— Увеселенія? какого рода? спросилъ Одоевъ.

— Всѣ вообще: балы, концерты, спектакли?

— На первыхъ я обыкновенно скучаю, потому-что не люблю танцевать; на вторыхъ бываю не часто, потому-что не знатокъ въ музыкѣ, а третьихъ также избѣгаю по возможности, потому-что не нахожу удовольствія просидѣть нѣсколько часовъ сряду въ душной залѣ, чтобъ смотрѣть вздорныя пьесы. У меня есть, впрочемъ, абонированное кресло, но я предоставляю его желающимъ, и готовъ платитъ десятиро, только чтобъ меня избавили отъ подобной пытки.

Сардоническая улыбка едва замѣтно проскользнула по тонкимъ губамъ Александрины. Такое фанфаронство не понравилось ей. Эта улыбка мелькнула подобно молніи, а между тѣмъ, какъ много она выразила! Она обнаружила въ одно и то же время сожалѣніе и насмѣшку; она явно говорила: «какъ ты смѣшонъ, какъ ты жалокъ!»

Опытный фізіономистъ Одоевъ, казалось, понялъ ее вполне, и желая загладить невыгодное впечатлѣніе, которое произвелъ на дѣвушку носившимъ прибавить:

— Впрочемъ, все зависитъ оттого, въ какомъ я расположеніи духа. Иногда, чтобъ убить время, я не пренебрегаю и театромъ. Одно, что я люблю, люблю исключительно—это маскарады.

И онъ устремилъ на нее такой пыливый взоръ, что она не могла выдержать его и опустила вѣки.

«Неужели онъ узналъ меня?» подумала дѣвушка съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Не можетъ быть: мы были слишкомъ неприступны. Я не говорила съ нимъ и не снимала маски.

— Маскарады, повторила она вслухъ, нисколько не сконфузивъ.

нись, но ценить однако стоить этот ивтай намекъ. Какое же удовольствіе вы находите тамъ?

— О, весьма большое! Я увѣренъ, что еслибъ вы посѣщали маскарэды, вы раздѣляли бы мое мнѣніе. Маскарэды тѣмъ пріятель, что именно тамъ можно встрѣтить лица, которыми интересуешься и которыхъ по какимъ либо обстоятельствамъ не встрѣчаешь въ обществѣ. Тамъ можно говорить многое, говорить все, что вамъ вздумается, можно высказать множество истинъ, можно услышать много забавнаго и занимательнаго, можно избрать себѣ въ собесѣдники кого вамъ угодно, и наконецъ интриговать всѣхъ безъ разбора. Маска имѣетъ свои привилегіи.

— Да, сказала Александрина: многіе подтверждаютъ это мнѣніе, но я не раздѣляю его. Я была въ маскарэды одинъ разъ въ жизни, изъ пустаго любопытства, провела тамъ нѣсколько минутъ и скучала смертельно. Правда, иные ѣздятъ туда, чтобъ убить время; но можно убить его инымъ образомъ. Люди изобрѣтательны; у нихъ много средствъ къ тому.

Это была она, непременно она, подумалъ съ восторгомъ Одоевъ: теперь уже нѣтъ никакихъ сомнѣній. Открытіе сдѣлано; надо только приступить къ завоеванію сердца, и какъ можно скорѣе и ловче.

Послѣ минутнаго молчанія онъ спросилъ:

— Такъ вамъ не нравятся маскарэды?

— Нѣтъ, не нравятся.

— Вы, стало быть, любите тотъ ограниченный образъ жизни, который французы называютъ «*vie privée*»?

— Да, я предпочитаю его и даже вовсе не люблю выѣзжать. Мнѣ дома какъ-то веселѣе. Впрочемъ, это не удивительно: я порядочная домохозяйка, прибавила Александрина, засмѣявшись.

— Слѣдовательно, если я не ошибаюсь, сказалъ Одоевъ, едва скрывая удивленіе свое при подобномъ сужденіи дѣвушки, сужденіи для него совершенно новомъ, вы занимаетесь вещами болѣе серьезными?

— О нѣтъ, не всегда. Я отдаю, однакоже, преимуществу чтенію. Теперь, особенно, у меня есть прекрасныя книги.

— Какія же именно?

— Романъ Александра Дюма. Вы не читали нтъ?

— Началъ когда-то, но не кончилъ. Дюма написалъ такое несметное количество томовъ, что я прочелъ нѣсколько и потомъ бросилъ.

— Онъ пишетъ много, это правда, но зато пишетъ мастерски, сказала Александрина, всегда горячо державшая сторону этого автора.

Какъ интересно у него самое ничтожное лице, какъ занимательно самое безцѣльное приключеніе.

Одоевъ хотѣлъ отвѣчать, но на порогѣ показалась Прасковья Никитична и Mariette,

Обѣ были въ шляпкахъ и, несмотря на мартъ мѣсяцъ, у каждой было въ рукахъ по зонтику. Богъ ихъ знаетъ, для какого употребленія они были вынуты изъ чаловъ: отъ дождя или отъ солнца? Трудно было рѣшить это, потому—что на улицѣ не было ни того, ни другаго.

Одоевъ былъ весьма непріятно прерванъ на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, и искренно пожалѣлъ о непродолжительности его. Александрина говорила для него такъ ново, и при всемъ томъ такъ неоспоримо просто, что ему казалось, что онъ давно знакомъ съ нею.

Одоевъ наслаждался вполне и оказывалъ словамъ ея вниманіе, котораго другому трудно было бы добиться отъ него, и вдругъ увидѣлъ двухъ дамъ, разодрѣтыхъ какъ куколъ, и звывшихся, точно на зло, чтобы во-время прекратить бесѣду ихъ. Переходъ былъ чувствителенъ.

Сергій Петровичъ счелъ однакоже за нужное пріятно улыбнуться, чтобы скрыть свою досаду и подошелъ къ нимъ тотчасъ же съ какою-то сахарною фразой на устахъ.

— Я васъ очень благодарю за ваше посѣщеніе, мосье Одоевъ, сказала Прасковья Никитична, опускаясь на диванъ. Vous êtes bien aimable...

— Жаль только, что вы предпочли явиться къ намъ съ церемоннымъ визитомъ, подхватила Mariette. Я врагъ всякъ церемонныхъ визитовъ; и вы доставили бы намъ гораздо болѣе удовольствія, еслибъ крикнули за-просто провести съ нами день.

Одоевъ поклонился.

— Я не замедлю сдѣлать это впредь, если вы позволите, отвѣчалъ онъ. Сегодня же это было бы весьма некстати, потому—что я задержанъ бы васъ и отвлекъ отъ намѣренія выѣхать. Но должно употреблять снисхожденія во зло.

— Что это, теорія или аксіома? спросила Mariette усмѣхнувшись.

— Ни то, ни другое, сказалъ Одоевъ, взглянувъ на нее съ нѣкоторымъ изумленіемъ: это истина, доказанная неоднократно на дѣлѣ.

— Ваша истина очень нелюбезна. По-моему такъ должно имѣть снисхожденіе къ тѣмъ, кто васъ проситъ, а не отказывать изобрѣвъ.

— Какова у насъ погода? сказала Прасковья Никитична. Нельзя ходить ни въ саняхъ, ни на колесахъ. Нашъ климатъ день отъ дня становится хуже!

— Огъ никогда, кажется, и не былъ хорошъ, сказала Mariette, сбѣлавъ гримаску. Осень была дурная, зима дурная, весна дурная; одна надежда на лѣто, если оно, противъ обыкновенія, у насъ будетъ.

— А гдѣ вы намѣрены провести его нынче? спросилъ Одоевъ.

— На Петергофской дорогѣ. Мы всегда тамъ живемъ; у насъ своя дача на седьмой верстѣ. А вы?

— Я желалъ бы отпавиться мѣсяца на три къ матушкѣ въ деревню. Я давно съ нею не видался и уже лѣтъ восемь какъ не былъ тамъ.

— Въ какой губерніи ваша деревня?

— Въ Ярославской. Вотъ чудная жизнь! Какіе тамъ лѣса, сколько дичи! Я страстный любитель охоты и рассчитываю на нее съ большимъ наслажденіемъ.

Разговоръ продолжалъ вертѣться на предметахъ незначущихъ, извѣщаясь безпрестанно и сохраняя то пустое направленіе, которое обыкновенно принимаетъ при первой встрѣчѣ.

Во все это время Александрина не вклела ни одного слова и сидѣла неподвижно на мѣстѣ своемъ, ограничиваясь только тѣмъ, что слушала разсѣянно. Странно было видѣть эту дѣвушку въ безмолвномъ оцѣпенѣніи и смотрѣть на ея безстрастное лицо, еще недавно милое и пріятливое, но вдругъ превратившееся въ холодное и равнодушное. Взглянувъ на нее, можно было подумать, что она была въ этой комнатѣ ничто иное, какъ мебель: никто не обращалъ на нее даже тѣни вниманія.

Пробило половина четвертаго.

Одоевъ всталъ и началъ собираться домой. Прасковья Никитична возобновила свои просьбы посѣщать ихъ, и просила его обѣдать въ слѣдующій понедѣльникъ. Послѣ чего всѣ встали и вышли изъ гостиной.

Александрина слегка кивнула ему головой, въ знакъ прощанія, и медленными шагами пошла по комнатамъ, гдѣ вскорѣ скрылась въ длинной анфіладѣ ихъ.

Одоевъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, взглянувъ бѣгло на ея покорный видъ, на ея плавную походку—и ему стало больно и неловко, точно что-то кольнуло его въ сердце.

Высокій лакей подалъ Прасковѣ Никитичнѣ бѣзхатный салопъ на мѣху изъ черныхъ лисицъ, Mariette—легонкій бурнусъ, и побѣждалъ отворить дверцы кареты.

Одоевъ посадилъ въ нее дамъ, вскочилъ въ свои сани и оба экипажа помчались въ разныя стороны.

V.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Случалось ли вам когданибудь, благосклонный читатель, иметь в виду какойнибудь проект, проект важный и заманчивый, и быть принужденным отложить его на довольно долгое, а иногда и на неопределенное время? Или желать чегонибудь сильно и горячо, и видеть это желание зарытымъ въ долгій ящикъ? И кивнуть въ васъ тогда негодование, бушуетъ неистово ваше обманутое самолюбіе, какъ-то фальшиво звучитъ ловко затронутая струна его. Что тутъ прикажете дѣлать? Какъ оборониться отъ нападений фортуны? Какъ достигнуть своей цѣли? Какъ опрокинуть непрощенную преграду? Многие утверждаютъ, что на это есть два средства: первое—благоразуміе, второе—сила воли. А извольте-ка попробовать эти средства, да при первой явившейся неожиданности оказіи, пустить ихъ въ ходъ, и посмотрите тогда, къ чему послужитъ вамъ ваше благоразуміе и ваша великая сила воли. Попробуйте испытать любое, и вы убѣдитесь, что ни то, ни другое ровно никуда не годятся.

Такъ было и съ Одоевымъ. Онъ пользовался вполне приглашеніями, которыя не переставали сыпаться на него щедро, и часто бывалъ у Губкиныхъ.

Не понимая, почему ему тамъ нравилось и что его тянуло туда, тѣмъ болѣе, что сама Прасковья Никитична, по его собственному выраженію, была «дура набитая;» нужъ ея—«грамотный мужикъ, надутый снесью;» «д очь ихъ—«хорошо вышколенный попугай,» а Александрина всегда такъ отдалена отъ нихъ, всегда въ такомъ загонѣ, что съ нею нельзя было обмѣнять двухъ словъ.

Онъ возобновлялъ посѣщенія свои по возможности и, противъ всякаго ожиданія, проводилъ время пріятно. У нихъ обыкновенно собирались по пятницамъ; въ прочіе же дни рѣдко кого принимали, кромѣ Одоева, да какаго-то барона фонъ Штубенказе, который страшно ухаживалъ за Марьей Семеновной и ужасно надѣдалъ ей своими любовностями, а Одоева бѣсилъ этимъ до невѣроятія.

Mariette была музыкантша. За ея уроки много было переплачено денегъ, и потому она хорошо играла на роялѣ. Она любила похвастать своими познаніями, говорила безъ умолку, когда представлялся къ тому удобный случай, и, какъ говорится, умѣла пускать пыль въ глаза.

Губкины жили открыто; прислуги у нихъ было пропасть; начиная отъ самой бездѣлицы, все у нихъ дѣлалось по модѣ. Они обѣдали въ

шесть часовъ, чай пили въ десять, спать ложились въ два, вставали въ двѣнадцатомъ, и оттого весь день у нихъ былъ назананку.

Вечеромъ Семень Фаддичъ убрался во-свои и не показывался вплоть до чая, а молодежь, то есть Mariette и Сергѣй Петровичъ, принимались за музыку. Mariette пѣла отрывки изъ итальянскихъ арій, Одоевъ аккомпанировалъ ей; Прасковья же Никитична усаживалась въ вольтерово кресло и сидѣла въ немъ въ какой-то полудремотѣ, забавляясь, отъ нечего дѣлать, съ маленькою бловонкой, называемою романтическимъ именемъ «Монтальта», заимствованнымъ изъ какого-то романа; Александрина обыкновенно работала гдѣ нибудь въ сторонѣ, при свѣтѣ лампы; баронъ зѣвалъ въ углу, испуская ежеминутно страшные вздохи.

Время шло быстро. Наступилъ май мѣсяцъ; сухіе сучья начали пускать отпрыски; грязь съ шумомъ скатилась въ канавы; Петербургъ значительно омуствѣлъ, но зато острова и загородныя мѣста наводнились дачниками. Губкины также перѣехали на дачу, но Одоевъ не тужилъ о томъ; онъ продолжалъ бывать у нихъ такъ же часто, а именно: раза два, или даже три въ недѣлю, выбирая, само собою разумѣется, хорошую погоду, чтобы не упустить случая погулять съ Марьей Семеновной по саду, куда, къ вящему удовольствію его, Александрина, какъ *комплиментка*, обязана была сопутствовать имъ.

Онъ старался сдѣлать разговоръ общимъ, съ неподражаемымъ умѣньемъ поддерживая его такъ, что обѣ дѣвушки принуждены были принимать въ немъ участіе. Александрина говорила умно, судила о вещахъ положительно и имѣла обо всемъ то высокое понятіе, ту строгую, глубоко основную идею, которая пріобрѣтается только съ годами, которую постигаютъ люди много страдавшіе, испытанные жизнью.

Одоевъ дивился и не постигалъ, откуда берется у нея такой вѣрный взглядъ, откуда это твердое убѣжденіе въ истинѣ сказаннаго, откуда столько опытности въ эти годы? Малѣйшее замѣчаніе ея было такъ научно, такъ глубоко обдуманно, такъ совершенно, что онъ слушалъ ее не иначе, какъ съ невольнымъ уваженіемъ. Онъ явно ухаживалъ за Mariette, имъ, вѣрнѣе, за цифрой ея капитала, вожделѣнной принадлежности ея будущаго мужа, но сердце влекло его къ Александриной, этой чудной, загадочной дѣвушкѣ, такъ мало походившей на тѣхъ, которыхъ до сихъ поръ встрѣчалъ онъ.

Прикидываясь влюбленнымъ въ Mariette, проводя съ нею цѣлыя вечера, напѣвая ей комплименты, онъ не переставалъ думать о компаньонѣ. Бѣдная Mariette! ослѣвленная собственными чувствами, она, приглядываясь къ нему все болѣе и болѣе, не подозрѣвала ка-

ую жалкую роль онъ заставлялъ ее играть. Еслибъ онъ дѣлалъ осторожность оказывать Александрина больше вниманія, нежели того требовало общезнаніе, онъ зналъ, что его не стали бы принимать, и кромѣ того, Александрина дорого заплатилась бы за свою неумышленную побѣду. Другимъ путемъ, болѣе вѣрнымъ, продолжилъ онъ себѣ дорогу въ этотъ домъ, гдѣ Mariette, какъ комета, влечила за собою длинный хвостъ поклонниковъ. Онъ могъ присоединиться къ числу ихъ, могъ догнать или опередить ихъ, смотря по обстоятельствамъ, какъ собственному желанію; но Александрина была тутъ на другихъ условіяхъ, следовательно, надо было дѣйствовать осторожно. Часто искалъ онъ случая застать ее какъ нибудь наединѣ, чтобъ высказать ей все, что онъ чувствовалъ, но дѣвушка ловко оборонялась и избѣгала встрѣчи съ нимъ съ настойчивостью, крайне сардлившею нашего героя.

Онъ видѣлъ, что предпринималъ невозможное, видѣлъ, что если хоть дѣлъ будетъ продолжаться такимъ образомъ, то онъ никогда не достигнетъ своей цѣли, и потому рѣшился придумать другое средство. Невыносимая досада терзала его при мысли, что эта бѣдная компаньонка, невинная никакихъ видовъ на будущность, пренебрегаетъ его любовью до такой степени, что не оказываетъ ему ничего: ни вниманія, ни охраненія, но остается непоколебима непреступна, и ускользаетъ отъ него всякій разъ, когда онъ вздумаетъ подойти къ ней слишкомъ близко.

Задумывая свой будущій полонгъ, Одоевъ не воображалъ даже возможности неудачъ, тѣмъ болѣе, что никогда не зналъ ихъ, а победы доставались ему такъ легко. Онъ часто спрашивалъ себя: что такое была Александрина? Была-ли она дѣйствительно одно изъ тѣхъ безчувственныхъ созданій, которыя пресмыкаются на землѣ подобно насекомому и живутъ на ней безъ привязанностей, безъ всякихъ ощущеній? Или подъ личиною холодности и равнодушія она скрываетъ настоящія чувства? Была-ли она только скрытна, или все дѣйствія ея были что-то иное какъ маска?

Одоевъ долго думалъ, да гадалъ, но на этотъ разъ соображеніе отдало ему въ обычной услугѣ, что, однакоже не помѣшало ему сдѣлать два заключенія: первое, что Александрина была дѣвушка съ величайшими достоинствами, второе, что она самая жестокая кокетка, знающая удовольствіе мучить его, чтобъ потомъ торжество ея было больше. Впрочемъ послѣднее мнѣніе свое онъ ни на чемъ не основывалъ, потому что Александрина была со всеми точно такъ же холодна и равнодушна, а комплиментъ каждому мужчине, комплиментъ, который любя женщина, какъ бы безчувственная она ни была, принимаетъ съ

явнымъ удовольствіемъ, Александрина выслушивала почти пѣ-хотя, и отвѣчала какою-то насмѣшливою, даже презрительною улыбкой.

Одоевъ старался всѣми силами слернуть эту загадочную оболочку, но въ продолженіе семи недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ нею, отношенія ихъ не подвинулись ни на шагъ.

Лѣто было чудное. Онъ получилъ письмо отъ матери, которая просила его пріѣхать съ ней позидаться. Сказать правду, ему было теперь вовсе не до отъѣзда изъ столицы. Но дѣлать было нечего; онъ еще зимою обѣщалъ пріѣхать къ ней погостить, следовательно, ѣхать было надо. Онъ взялъ подорожную почтовыхъ и поехалъ въ деревню, разумеется, не безъ сокалѣній и взлоховъ, но по крайней мѣрѣ, съ надеждою на скорое возвращеніе и съ твердымъ намѣреніемъ утануть еще сколько нибудь деньковъ изъ срока, назначеннаго для прожитія подъ кровомъ родныхъ пенатовъ.

Прежде онъ радовался этой поѣздкѣ: ему все такъ надоѣло, что онъ желалъ поскорѣе отдалунуть отъ своей избалованной жизни; но теперь онъ проклиналъ глупую идею: «забѣгаться въ деревню, когда можно пожумровать въ городѣ». Онъ выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ іюля, а возвратился въ половинѣ сентябрю.

Губкиныхъ не было уже на дачѣ. Онъ явился къ нимъ на другой день; его приняли съ тѣмъ же радушіемъ, съ тѣми же знаками дружбы; но Александрина не показывалась вовсе, а въ обращеніи Марьи Семеновны просвѣчивала какая-то холодная принужденность.

Не постигая причины внезапной переменѣ, Одоевъ принялся пріискивать ее, но пріискивалъ напрасно: не смотря на всѣ усилія онъ ея не нашелъ. Однакожъ онъ все-таки продолжалъ по прежнему бывать у нихъ часто; навѣщалъ ихъ почти ежедневно, особенно вечера проводилъ почти всегда съ ними, но игра-ли случая; умышленность-ли хозяйки, только Александрину онъ не видалъ совсѣмъ, а если она и показывалась, то на такое короткое время, что невозможно было не только отнестись къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ, но даже объять двухъ словъ мимоходомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ показать неудовольствіе свое, следовательно, дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Любилъ-ли онъ действительно Александрину, или чувство его было ничто иное, какъ капризъ, или новая прихоть? Этому вопроса онъ не задавалъ себѣ. Только, когда въ ближней комнатѣ раздавался нѣжный голосъ дѣвушки, онъ жадно прислушивался къ нему, и когда кто нибудь входилъ, взоръ его съ безпокойнымъ ожиданіемъ устремлялся на дверь.

Разговаривая съ гостями, Праксовья Никитична прилежно наблюда-

за за нимъ; отъ прощительнаго взора ея ничто не могло укрыться; но хотя продѣлки эти повторялись ежедневно, однако для прочихъ они оставались покрытыми мракомъ неизвѣстности, благодаря неусыпной предусмотрительности Губкиной.

Отъ всѣхъ этихъ неудачъ чувства Одоева къ Александриѣ не измѣнились ни сколько, напротивъ, подобно волкану разгорались день отъ дня все сильнѣе. Неудачи только воспламеняли его возрастающую страсть, а бдительность Прасковьи Никитичны онъ проклиналъ отъ всей души. Онъ горячо желалъ какъ нибудь объясниться съ Александриной и, наперекоръ возстающимъ противъ него препятствіямъ даже самой Прасковьи Никитичѣ, далъ себѣ слово хоть письменно молить ее о свиданіи. А что скажетъ на это Губкиня, какія приметъ тогда мѣры, до этого ему нѣтъ теперь ровно никакого дѣла. Пусть дуется на него Mariette, пусть сама Губкина лопнетъ съ досады, пусть обдумаютъ что хотять, пусть говорятъ что хотять, лишь бы только его оставили въ покоѣ.

Однажды, это было во вторникъ, Сергій Петровичъ лежалъ на своемъ турецкомъ диванѣ и крѣпко хандрилъ. Въ рукахъ у него была газета; онъ разсѣянно глядѣлъ на фельетонъ, въ которомъ красовались дебюты: Плесся, Вольниетъ, Мартынова и другихъ, и вообще, какъ всѣ фельетоны, наводилъ на него страшную зѣвоту. Жербинъ давно у него не былъ. Что съ нимъ случилось, онъ не могъ понять, потому что Жербинъ не любилъ сидѣть дома и каждый день, отъ нечего дѣлать, обѣщалъ поочередно извѣстное число знакомыхъ.

Одоевъ велѣлъ заложить лошадь и спросилъ одѣваться, Черезъ полчаса онъ былъ у Жербина, но не засталъ его. Было половина четвертаго, и онъ заключилъ, что, по неизмѣнному и никогда ненарушаемому обычаю, тотъ долженъ быть на Невскомъ. Онъ поскакалъ туда, и дѣйствительно, сойдя съ пролетокъ и пройдя нѣсколько шаговъ по широкому тротуару, онъ увидѣлъ его съ какимъ-то толстымъ господиномъ, говорившемъ очень громко по-французски, и немилосердо картавившемъ на каждомъ словѣ.

Туалетъ Жербина былъ по обыкновенію изященъ: на немъ было надѣто синее пальто, очень коротенькое, то есть не достававшее до коленъ, такъ что, еслибъ случилось увидѣть его какому нибудь зазѣмшему провинціалу, тотъ счелъ бы это пальто ужъ никакъ не за пальто, а скорѣе за курточку; галстухъ Жербина былъ самый модный, то есть также довольно короткій или, вѣрнѣе, узкій, отчего верхняя часть шеи его оставалась незакрытою; тонкіе полотняные манжеты выглядывали изъ-подъ рукавовъ; панталоны были свѣтло-сѣрые безъ

штришокъ, вольно падающіе на лакированныя ботинки, на которыхъ солнце отражало свое ослѣпительное сіяніе; и наконецъ, квадратное стеклышко, служившее ему вмѣсто лорнета, было воткнуто въ нѣсколь-ко прищуренный глазъ и эластическій снурокъ своеправно болтался по лицу.

Увидя Одоева, онъ раскланялся съ толстякомъ, который пошелъ въ кондитерскую.

— Гдѣ это ты пропадалъ? сказала Жербинъ, подходя къ нему.

— Вотъ прекрасно! Это надо у тебя спросить. Отчего тебѣ нагдѣ не видно?

— Занять, братецъ. Нынче мнѣ некогда развѣзжаться.

— Ну, а теперь?

— Теперь я гуляю.

— Хорошее занятіе, нечего сказать!

— Гулянье также занятіе. Оно, во-первыхъ, необходимо для здоровья, а во-вторыхъ... во-вторыхъ... ну, да во-вторыхъ слѣдуетъ въ четвертомъ часу быть здѣсь. Весь grand-gенге такъ дѣлаетъ. Это ужъ такъ принято.

Одоевъ засмѣялся.

— Ты, братецъ, просто шибшался на твоимъ grand-gенге, сказалъ онъ: ты только мнѣ и бредишь. Однако, здѣсь нестерпимо жарко... пойдешь въ пассажъ.

Пріятели взошли по ступенькамъ и, взявшись подъ руку, мелкими шагами пошли по ненастертому паркетному полу, мимо всевозможныхъ магазиновъ, рассуждая о всякомъ вздорѣ и поминутно раскланываясь на всѣ стороны.

— Скажи пожалуйста, братецъ, спросилъ Василій Дмитріевичъ, въ кого ты влюбленъ? въ Марью Семеновну или въ Александрину?

Одоевъ притально и смѣливо насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— Я? влюбленъ? повторилъ онъ протяжно и дѣлая удареніе на каждомъ словѣ. Я влюбленъ! Съ чего ты это взялъ?

— Съ того, съ чего всѣ берутъ. Объ этомъ весь городъ говоритъ теперь, а ты ни съ того, ни съ сего задумалъ секретничать, воображая, что я ничего не знаю.

— Нечего секретничать, потому что это все вздоръ.

— Какой тутъ вздоръ, не вздоръ, если я тебѣ говорю, что самъ слышалъ разные толки собственными ушами.

— Отъ кого же?

— Ужъ это не твое дѣло; слышалъ, да и все тутъ.

— У тебя изобрѣтательное воображеніе.

— Скажи еще, что, ты не бываешь каждый день у Губляныхъ, не просиживаешь тамъ вечера, не караулишь, какъ какойнибудь аркадскій пастушокъ, которойнибудь изъ этихъ нимфъ?

— Пустяки! Впрочемъ, что удивляться! Твои предположенія всегда въ такомъ родѣ.

— Это не предположенія, а фактъ, чтожь дѣлать! ужъ у меня такое правило говорить всегда прямо. Однако, братецъ, сорвался на сердце, а эта м-ше Александрина также порядкомъ задѣла твою неприступную философію, и покорила наконецъ твою непокоримое сердце. Что, не правда? спросилъ Жербинъ, и не дожидаясь отвѣта, самъ отъчалъ за пріятеля:

— Сушая правда. Хоть сей часъ держать пари готовъ на полдюжины шампанскаго.

— Смотри, проиграешь.

— Никакъ не проиграю. Вѣдь я знаю, что ты за ней волочишься, это известно всѣмъ и каждому. Ну, да это въ сторону, а дѣло въ томъ, что Прасковья Никитична какъ-то это проноухала; ей это пришлось не понутру, потому что ея возлюбленная дочка отъ тебя безъ ума; вслѣдствіе чего Александринѣ объявлено самымъ, впрочемъ, деликатнымъ образомъ, что когда у нихъ бывають гости, или даже ктонибудь изъ ежедневныхъ посѣтителей, такъ чтобъ она оставалась въ своей комнатѣ; что ее не хотять стѣснять, зная какъ она любитъ уединеніе, что ей у себя будетъ лучше нежиди съ посторонними, и тому подобное.

— Неужели? спросилъ Одоевъ съ негодованіемъ. То-то ее нынче совѣсть не видно.

— Впрочемъ, я ужъ говорилъ тебѣ, что у нея ни гроша, а жениться изъ одного хорошенькаго личика вовсе не кстати; она не заплатить долговъ твоихъ, да и нынче подобныя сантиментальности какъ-то устарѣли. Вотъ на Mariette, такъ другое дѣло; по крайней мѣрѣ это болѣе сообразно.

— Жениться, повторилъ Одоевъ, — мнѣ жениться? Ты шутишь, Жербинъ!

— Нѣсколько. Когданибудь надо же этимъ кончить, а теперь для этого случай самый удобный.

— Когданибудь, да не теперь. Теперь еще слишкомъ рано. Вотъ когда стукнетъ сорокъ съ чѣмънибудь, тогда, пожалуй, можно, а до тѣхъ поръ надо еще подождать; молодость бываетъ однажды.

— А я совѣтую тебѣ не торопиться, продолжалъ Жербинъ, не замѣчая грустной и смѣтой насмѣшливой улыбки, блуждавшей на устахъ

его друга: не то берегись: тамъ ужъ есть теперь на лицо толстый баронъ фонъ Штубенказе, постоянный вздыхатель по Марьѣ Семеновнѣ. Онъ какъ разъ перебьетъ ее у тебя, несмотря на то, что, кромѣ краснаго носа да сѣдыхъ волосъ, у него нѣтъ ровно ничего. Онъ все таки баронъ, а Губкинъ помѣшанъ на баронствѣ; самому нѣльзя попасть въ бароны, такъ хотъ дочку выдать, все таки родня будетъ баронская.

— Съѣздить развѣ къ нимъ сегодня? я вчера у нихъ не былъ, третьяго дня такъ же. Что они про меня подумаютъ?

— Да ихъ сегодня дома нѣтъ, они въ театрѣ.

Одоевъ быстро и пристально ваянулъ на Жербина.

— Всѣ? спросилъ онъ какимъ-то странно рѣзкимъ тономъ.

— Разумѣется всѣ, кромѣ Александрины.

— Какъ? Александрина дома!

— Конечно. Развѣ ты не знаешь, что она не любитъ ничего на свѣтѣ и сидитъ у себя въ каморкѣ, какъ какая нибудь отшельница.

Сергій Петровичъ поспѣшно вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ молча показалъ ихъ пріятелю.

— Гдѣ ты сегодня обѣдаешь? спросилъ послѣдній.

— У Снѣтковыхъ. А ты?

— Въ клубѣ.

Оба сошли съ подвѣзда. Одоевъ взявъ у кучера шинель, надѣлъ ее, вскочилъ на свои щегольскія пролетки, потомъ кивнулъ головою Жербину. Пролетки понеслись по мостовой и вскорѣ скрылись за Аничковымъ мостомъ.

«Чудакъ этотъ Одоевъ, подумалъ Жербинъ уѣзжая: вздумалъ же влюбиться въ компаньонку, влюбиться какъ школьникъ, и вздыхаетъ теперь съ утра до вечера».

VI.

НЕЖДАННЫЙ ВИЗИТЪ.

Былъ вечеръ. Домъ Семена Фаддеевича и Прасковьи Никитичны Губкиныхъ былъ слабо освѣщенъ; разставленные нарядка лампы и опущенныя шторы свидѣтельствовали объ отсутствіи хозяевъ.

Однѣюко сидѣла Александрина въ своей комнатѣ, опершись локтемъ на овальный столъ, на которомъ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи, бросающія матовый свѣтъ на блѣдное, выразительное лицо дѣвушки. Передъ нею лежала раскрытая книга, но она не читала ее, а смотрѣла прямо на противоположную стѣну, неподвижно поднимая вѣки, и по

временами опускала ихъ и закидывая темно-голубые глаза, утомленные долгимъ напряженіемъ. Лѣвая рука ея, брошенная на диванъ, оставалась постоянно въ одномъ положеніи, и только изрѣдка пальцы ея судорожно и безжалостно мали батистовый платокъ. Александрина была чудно хороша въ этотъ вечеръ: на ней было гороховое кисейное платье съ двумя пышными воланами, окаймленными широкимъ голубымъ бортомъ; сборчатый лифъ, стянутый голубымъ кушакомъ, драпировалъ ея высокую грудь: изъ-подъ рукавовъ, узкихъ около плечъ и широкихъ внизу, также обшитыхъ двумя фалболками, на которыхъ кайма была гораздо уже, выглядывали нѣжныя, прекрасно округленные руки, которыхъ бѣлизна была ослѣпительна; ноги ея были протянуты в, скрещенныя, покоились на коврѣ.

Александрина была прелестна, и при всемъ томъ никто не повѣрилъ бы, что ей было не съ большимъ двадцать лѣтъ. Въ эту минуту ей было на видъ по крайней мѣрѣ сорокъ; никто не повѣрилъ бы, что это была одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ беззаботная молодость мирно и незамѣтно протекаетъ въ тѣсномъ кружкѣ любящихъ ихъ существъ; никто не сдѣлалъ бы такой грубой ошибки, но каждый съ перваго взгляда угадалъ бы истину, потому что увидѣлъ бы передъ собою не дѣвушку, но скорѣе женщину, женщину, испытанную рокомъ, борющуюся съ самой собою и подавившую, или, вѣрнѣе, убившую всѣ страсти свои. Трудно изъяснить словами, что выражало теперь это умное и вѣсѣтѣ гордое лицо: оно выражало и презрѣніе, и отвращеніе, и ненависть, и душевную скорбь, а потомъ, порою, на немъ вдругъ проглядывало совершенное равнодушіе, совершенное спокойствіе, совершенная безчувственность, хотя глаза мрачно сверкали, хотя брови были слегка сдвинуты, хотя губы были судорожно сжаты, хотя на наморщенномъ лбу едва замѣтно пробѣгала легкая морщина.

Тишина царствовала кругомъ. Домъ былъ совершенно пустъ, только два или три лакея дремали въ швейцарской.

Несмотря на зажженные фонари, на улицѣ было темно. Мѣсяць свѣтилъ въ окно Александриной комнаты, и мертвые лучи его, рисуя на полу фантастическія фигуры, отражались на висѣвшемъ насупротивъ зеркалѣ.

Въ этой комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда роскоши. Тутъ все было просто, почти необходимое. Зеленая драдемамовая занавѣска перестѣкала комнату отъ одного конца до другаго; такая же была на дверяхъ, такая же на окнахъ; небольшая кушетка, на которой сидѣла Александрина, передъ нею овальный столъ на низенькихъ ножкахъ; маленькій письменный столъ у лѣвой стѣны, около потухающаго

вазаны; восемь креселъ и четыре стула на кружкахъ; пильны оривонго дерева съ бронзовыми винтами, покрыты тонкою простыней; полъ нини высокая плетеная, подбитая красною тафтой моранка съ шерстями; два афротинные портрета, вѣсившіе надъ кушеткой — вотъ все, что тутъ было.

Безконечно долго тянулся вечеръ, а между тѣмъ часы летѣли одинъ за другимъ, но Александрина не замѣчала этого. Она сохраняла свою безмолвную неподвижность; ни одинъ членъ ея не пошевеливался, и только голова, опущенная на ладонь, во временахъ откидывалась назадъ. Холодно, почти безжизненно было лицо ея; но несмотря на эту безжизненность, сколько оно выражало! Какая глубокая дума, какая безпредѣльная грусть просвѣчивала безсознательно въ этихъ темныхъ глазахъ!

— Rent-on entree, mademoiselle? раздался голосъ за портьерой, которая осторожно приподнялась, и прежде нежели дѣвушка успѣла опомниться, Одоевъ очутился передъ нею.

Она вздрогнула и слегка покраснѣла, не зная, чему приписать этотъ поздній визитъ. Въ эту минуту онъ былъ ей вовсе не по сердцу.

— Куда это выи уѣхали? спросилъ Одоевъ, садясь противъ дѣвушки и прикидываясь, что ничего не знаетъ. Я думалъ застать ихъ, а вышло наоборотъ. Это предосудно!

— Развѣ вы забыли, что сегодня пятница? отвѣчала Александрина, улыбувшись едва замѣтно.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Сегодня вѣдь дадутъ Семирамиду. Вотъ несчастная память! Вѣчно все пере забуду.... Что съ вами, Александра Васильевна, вскричалъ съ-безпокойствомъ молодой человекъ, пораженный и встревоженный ея разстроеннымъ видомъ и смертельною блѣдностью. Бога ради, скажите мнѣ, не случилось-ли чего набудъ съ вами?

Но лице Александрины, точно по какому набудъ волшебству, вдругъ совершенно измѣнилось. Попримемъ было оно теперь безжестко, равнодушно и безстрастно. Ее застали въ расцѣлахъ, но одинъ нигъ — и она опомнилась.

— Что со мною случилось? спросила она, смѣясь. Потрудитесь объяснить мнѣ это сами, потому что, какъ видите, я и здорова, и весела, следовательно рѣшительно не могу отвѣчать на вопросъ вашъ.

Одоевъ пристально взглянулъ на нее и неволью отшатнулся. Эта сѣрмтность, это внезапное спокойствіе, это изумительное угаданье владѣть собою его совершенно озадачили.

— Помилоте китрить, сказалъ онъ вслухъ. Скрытность съ друзьями — вещь предурная, а для меня, съ вашей стороны, она даже осмор-

битована. Если я ни въ чемъ не провинился передъ вами и ничѣмъ не заслужилъ вашего гнѣва, скажите мнѣ, что васъ такъ встревожило? прибавилъ онъ съ участіемъ.

Александрина пожала плечами.

— Какъ вы смѣшны, м-г Одоевъ, сказала она. Что же по вашему могло встревожить меня?

— Почему я знаю! Только я никогда не видалъ васъ въ такомъ состояніи, какъ сію минуту. Если вы ничѣмъ не разстроены, отчего же вы не поѣхали въ театръ? продолжалъ онъ съ видомъ упрека. О чемъ вы такъ замечтались?

— Я уже видѣла Сомираниду. Хорошую пьесу, но-моему, долго смотреть только одинъ разъ, но не по нѣскольку. Если слишкомъ пригляднись къ ней, она не имѣетъ прежней цѣны. Вы видите, что я не скучаю, прибавила Александра, показывая раскрытую на перамѣхъ страницъ книгу.

Наступило молчаніе. Нѣсколько минутъ разговоръ не клеился.

Одоевъ былъ на короткой ногѣ съ Губкиными и потому съ ними не церемонился. Онъ имѣлъ привилегію бывать у нихъ во всякое время; ему всегда были рады, всегда принимали безъ доклада.

Въ сосѣдней комнатѣ пробило девять.

Съ послѣднимъ ударомъ молотка, Александра подняла голову.

— Не хотите-ли папирску? спросила она.

— Мерси, отвѣчалъ Одоевъ, я не курю.

— Вы не курите? повторила съ удивленіемъ Александра. Давно-ли?

— Съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что вы этого не любите.

Дѣвушка слегка покраснѣла и взглянула на него съ недоумѣніемъ.

— Вы вѣрно боитесь, сказала она, что у меня заболитъ голова отъ табачнаго дыму? Напрасно: дымъ на меня не дѣйствуетъ.

И она взялась за келнольчикъ, чтобъ приказать принести cigarette изъ кабинета Семена Фаддеича, но Одоевъ остановилъ ее.

— Сегодня я не расположенъ курить, сказалъ онъ. Благодарю васъ.

— Жаль. Вамъ будетъ скучно, а сегодня вы и безъ того уже не въ духѣ.

— Такъ вы думаете, что съ папирской мнѣ будетъ веселѣе?

— Конечно. Заявившись папирской, вы забудете скуку.

— Скуку! повторилъ молодой человѣкъ машинально. Скука неизбежна необходима для каждаго. Можно обойтись безъ многого, но безъ скуки нельзя, потому что ей одной обязаны мы отрадными минутами нашей жизни. Еслибъ у насъ не было скуки, мы не умѣли бы жить отрадныхъ минутъ, которыхъ въ жизни бываетъ немного. Она

заставляют нас цѣнить ихъ дорого и высоко, и потому я заступаюсь за скуку.

— Понемолѣ, сказала дѣвушка серьёзно и посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ. Вамъ вѣдь рѣдко бываетъ весело.

— Вы это замѣтили?

— Конечно. Я васъ почти не видала веселымъ.

— Вы сегодня безчеловѣчны, Александра Васильевна. За что вы такъ нападаете на меня?

Онъ придвинулся къ ней, и неожиданно схватилъ ее за руку.

— Послушайте! вскричалъ онъ: вы ко мнѣ несправедливы! Вы обвиняете меня въ скукѣ, то есть въ несносномъ характерѣ, а знаете ли вы, отчего характеръ этотъ сталъ несноснымъ? Отчего съ нѣкоторыхъ поръ скука не покидаетъ меня? Оттого, продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта дѣвушки, которая быстро выдернула у него руку, оттого, что я такъ рѣдко вижу васъ; оттого, что вы избѣгаете присутствія моего; оттого, что я не могу жить безъ васъ; оттого, что и люблю васъ!

Смуглое, правильное лице Одоева выражало безумную страсть. Его голосъ дышалъ неполнѣйшею искренностью, черные глаза сверкали какъ раскаленные уголья. Всякая другая дѣвушка смутилась бы при подобномъ признаніи, хотя признаніе это для молоденькой, обладавшей притомъ красивою наружностью, не было бы эпохой. Но Александрина выслушала его повидимому совершенно равнодушно, и устремивъ на молодого человѣка пристальный, почти насмѣшливый взглядъ, сомнительно покачала головой.

— Вы меня любите, проговорила она спокойно. Для меня это не новость.

Одоевъ вскопчилъ точно отъ прикосновенія электричества.

— Вы, стало быть, знали, что я люблю васъ! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, не знала. Но предвидѣла вашу фразу, которую, въ продолженіе моей скитальческой жизни, слышала тысячу разъ; которая каждый разъ меня обманывала.

При последнемъ словѣ молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ, стиснулъ зубы, провелъ рукою по лбу и опустился на стулъ. Подобнаго отвѣта онъ вовсе не ожидалъ.

— Стало быть, вы любви не вѣрите? спросилъ онъ иронически.

— Нѣтъ, не вѣрю.

— И никогда не вѣрили ей?

— Что за странный вопросъ!

— Неужели вы никогда не любили? продолжалъ Одоевъ, какъ бы

не слыша восклицанія ея. Неужели это чувство для васъ совершенно чуждо?

Александрина принужденно улыбнулась.

— Вотъ мило! сказала она. Развѣ я обязана вамъ отчетомъ въ мои чувствахъ?

— О, простите меня за нескромность. Она происходитъ не изъ пустаго любопытства. Вы сами сказали мнѣ, что не разъ слышали слово любовь; но неужели ваше сердце ни разу не откликнулось на него? Неужели это слово ни разу не заставило трепетать его? Неужели не могло оно согрѣть его? Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ быть! Я не вѣрю вамъ, вы клеветеете на себя. Всякій, кто знаетъ васъ, кто видѣлъ васъ хоть мелькомъ, тотъ, подобно мнѣ, не повѣритъ вамъ. Бездушную женщину не возможно любить, а васъ, я увѣренъ, любилъ многіе. Я самъ, продолжалъ онъ, снова схвативъ ея руку: я самъ люблю васъ какъ безумецъ! такъ люблю, что не могу жить безъ васъ! За одно ваше слово, за одинъ взглядъ я готовъ отдать полжизни!

Александрина отняла руку свою, скрестила обѣ руки на груди и отодвинулась.

— Я давно люблю васъ, люблю горячо, безпредѣльно, а отъ васъ не видѣлъ еще ничего, кромѣ равнодушія, даже презрѣнія. Вы находите удовольствіе въ моихъ страданіяхъ, вы отвергаете любовь мою, вы безжалостно отгадываете мое бѣдное сердце, которое бьется только для васъ. Александрина, Александрина! Сжальтесь надо мною, не будьте невозможны!

И его блестящій, пламенный взглядъ страстно впился въ задумчивое личико дѣвушки.

Съ минуту сидѣла она, храня глубокое молчаніе, потомъ грустно улыбнулась.

— Вы обманываете себя, проговорила она медленно. Вамъ не за что любить меня.

Какимъ ѣдкимъ сарказмомъ дышала эта простая, короткая фраза! какая ужасная иронія проглядывала въ каждомъ слогѣ ея! Но, чтобъ нѣтъ идею объ этомъ сарказмѣ, объ этой ироніи, надо было видѣть ту минуту, которая, подобно летучему метеору скользнула, на выразительныхъ устахъ дѣвушки. .

Мы не беремся описывать, какое магическое дѣйствіе произвела эта фраза на Одова. Вполнѣ постигнувъ на что намекала Александрина, онъ поблѣднѣлъ, въ свою очередь пожалъ плечами и облокотился на спинку кресла.

— Не думалъ я слышать отъ васъ подобнаго отвѣта, сказалъ онъ

съ колючестью. Не берусь разбирать настоящаго смысла его, потому что, если начать разбирать его, онъ можетъ внушить невыгодное мнѣніе о той, чьи уста произнесли его.

Дѣвушка выпрямилась. Въ глазахъ ея блеснула молнія.

— Что это? Вы, кажется, говорите дерзости? сказала она надменно.

— Человѣкъ благомыслящій и воспитанный слишкомъ хорошо знаетъ долгъ уваженія, которымъ обязанъ онъ женщинѣ. Следовательно, я не могъ сказать вамъ дерзости, ни унизить собственнаго достоинства. Если же у меня противъ воли вырвалось лишнее слово, то потому, что мнѣ больно слышать, и еще слышать отъ васъ, подобное сужденіе, которымъ вы такъ безжалостно и несправедливо оскорбляете чело­вѣчество.

— Я не оскорбляю его, а говорю истину. Говорю то, въ чемъ убѣдилась на отвѣтъ.

— Вы не могли убѣдиться въ томъ; вы еще слишкомъ молоды. Теперь вы клеветаете вдвойнѣ: клеветаете и на себя, и на людей. Никогда не повѣрю я, чтобъ съ вашимъ умомъ, съ вашимъ характеромъ, съ вашими правилами могли вы смотрѣть на свѣтъ съ такой неблагопріятной точки зрѣнія. Быть можетъ, вы были испытаны жизнью, или много страдали; но это еще не оправданіе. Каждому чело­вѣку судьба назначила особенный путь—одному легкій и отраднѣй, другому тяжелый и утомительный, который долженъ свершать онъ безъ ропота. Повторяю вамъ, Александрина, надѣясь, что вы простите мнѣ мою откровенность: невозможно разрѣшать такъ утвердительно такой многосложный и затруднительный вопросъ. Никогда люди опытные, постигнувшіе жизнь со всѣхъ сторонъ ея, не рѣшаются на это, опасаясь про­маха: А въ ваши годы это большой рискъ, большая самоувѣренность.

Александрина слушала не прерывая его. Ея взглядъ былъ попрежнему насмѣшливъ; на ея блѣдномъ, прекрасномъ лицѣ изображались недо­вѣрчивость и сомнѣніе.

— Послушайте, продолжалъ Одоевъ, я признался вамъ въ любви, а что вы отвѣтили мнѣ на мое признаніе? *«Вы обманываете себя, вамъ не за что любить меня.»* Что понимали вы подъ этимъ? Уже ли вы хотѣли сказать: люди до того заражены корыстолюбіемъ, что для нихъ недоступно никакое благородное чувство? Если я понялъ васъ не въ превратномъ смыслѣ, то съ вашей стороны это кровавая насмѣшка.

— Напрасно считаете вы слова мои за насмѣшку, отвѣчала холодно Александрина. Ваши сужденія не разуверятъ меня. Вы будете допоривать мнѣніе мое, сколько и когда вамъ угодно, но сегодня, но

затра, но через недѣлю, но через вѣскольке лѣтъ я скажу вамъ то же самое.

— Это жестоко, несправедливо! Я увѣренъ, что все сказанное вами противорѣчитъ вашему собственному убѣжденію.

— Нѣскольке. За кого же вы принимаете меня? Вѣроятно, за безсмысленнаго ребенка, который самъ не знаетъ что говорить? Это очень жестоко, м-г Одоевъ, прибавила дѣвушка; который вамъ годъ?

Молодой человѣкъ съ величайшимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Странность и неожиданность вопроса озадачили его.

— Двадцать седьмой. Но чему приписать...

— Двадцать седьмой? перебила Александрина. О, въ такомъ случаѣ я не удивляюсь ни вашему ослабленію, ни вашей логикѣ, потому что въ сравненіи съ вами я старуха.

— Вы!

— Я. Мнѣ двадцать шестой годъ; я однимъ годомъ моложе васъ, но старѣе васъ опытностью. Я постигла въ короткое время натуру человека, а давно изучила ее. Я не вѣрю ни вашей любви, ни возможности, ни продолжительности ея; не вѣрю вашей дружбѣ, потому что не считаю васъ способнымъ къ этому чувству. Быть можетъ, мои слова покажутся вамъ дикими, нелѣпыми, но въ мои лѣта каждая женщина пережила многое. Она не можетъ ошибиться.

Неожиданная, упорная борьба Александрины, ея понятія, оригинальное направленіе ума ея, серьезнаго и меланхолическаго, были для Одоева настоящею новостью. Никогда не слышала онъ отъ женщины ничего подобнаго; никогда ни одна женщина не представлялась до такой степени любви его. Самолюбіе его сильно возбудилось, и въ ту самую минуту, когда Александрина, объясняя продолжительное молчаніе его въ свою пользу, внутренно поздравляла себя съ успѣхомъ, радуясь, что ей удалось оттолкнуть его отъ себя, въ эту самую минуту, говоримъ мы, Одоевъ мысленно проносилъ клятву не выходить изъ этой комнаты до тѣхъ поръ, покажется гордая, надменная кампаньонка не откажется ему взаимностью.

Одоевъ всталъ съ своего мѣста, обошелъ мимо стола на ту сторону куметки, куда она пересѣла, и вконецъ нежелая она успѣла опомниться, узналъ передъ нею на колѣни.

— Что это! Что съ вами! вскричала съ испугомъ Александрина. Встаньте, Бога ради. Можетъ кто-нибудь войти и застать васъ въ этомъ положеніи.

И она быстрымъ движеніемъ протянула къ нему обѣ руки, стараясь поднять его.

Онъ схватилъ эти руки и страстно прильнулъ къ нимъ губами, не смотря на тщетныя усилія дѣвушки вырвать ихъ.

— М-г Одоевъ, что это значить? спросила съ негодованіемъ Александрина. Или вы забыли уже, что я сейчасъ говорила вамъ?

— Что мнѣ за дѣло до философіи вашей! Я не хочу ни слышать, ни помнить, ни понимать ее. Я васъ люблю, люблю болѣе жизни своею и, вопреки всѣмъ доводамъ вашимъ, докажу вамъ это на дѣлѣ. Я люблю васъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ видѣлъ васъ въ маскарадѣ: на васъ было надѣто голубое домино, голубая атласная маска и прозрачная бѣлая мантилья, приколотая красною камеліей. Всѣ маски похожи одна на другую, но я тотчасъ же узналъ васъ, когда на третій день пріѣхалъ къ вамъ на балъ, а вы не узнали меня, вы не хотѣли узнать меня! Не грѣшно ли вамъ это?

— Я васъ не замѣтила.

— Но я подходилъ къ вамъ.

— Можетъ быть. Я хорошенько не помню.

— Александрина, Александрина! Будьте великодушны! Отгнѣйте жестокое намѣреніе ваше, бросьте холодное обращеніе ваше, позвольте любить себя!

— Вотъ странная настойчивость! Какая же въ томъ польза, еслибъ я и дала вамъ это позволеніе? Тогда на вашу долю выпала бы самая смѣшная и жалкая участь, возразила дѣвушка съ ѣдкимъ сарказмомъ. Вы только напрасно расточали бы любовь вашу существу, до такой степени бездушному, что оно не въ состояніи даже было бы рѣшить, къ какой категоріи причислить это чувство, которое, повторяю вамъ, я считаю за насмѣшку.

— Считайте ее чѣмъ вамъ угодно, только заклинаю васъ, не отшучивайте меня! Я буду молчать, буду сносить безропотно ваше равнодушіе, но побѣдить любовь мою я не въ силахъ.

— Послушайте, м-ег Одоевъ, сказала строго Александрина: вы ведете себя не прилично; вы оскорбляете беззащитную дѣвушку и потому предупреждаю васъ, что при первой попыткѣ вашей подойти ко мнѣ, я позову людей.

Она встала, вооружилась колокольчикомъ, отошла къ окну и стала въ амбразуру его, глядя спокойно на полный кругъ мѣсяца. Звѣзды вострѣли на синемъ небѣ; кой-гдѣ пробѣгали рѣдкія тучки, подобно прозрачному туману, заслонявшія на мгновеніе блестящія свѣтила; мостовая была пуста, пѣшеходовъ не видно. Одинъ только извозчикъ стоялъ какъ вкопанный у тротуара, и подергивая ежеминутно тощую клячу, мурлыкалъ въ полголоса заунывную пѣсню.

Одоевъ поднялся съ полу, взявъ со стула фуражку и остановился на срединѣ комнаты, съ укоромъ устремивъ на дѣвушку пронизательные черные глаза.

— Прощайте, Александра Васильевна, сказалъ онъ грустно. Я вижу, что мнѣ нечего болѣе дѣлать здѣсь. Если мое присутствіе до такой степени непріятно вамъ, если вы такъ сильно ненавидите меня, то скажите мнѣ прямо, что вы не хотите, чтобъ я бывалъ въ этомъ домѣ—я покорюсь безропотно приказанію вашему. Лучше нанесите мнѣ оба удара вдругъ, нежели каждый отдѣльно. По-крайней-мѣрѣ, вы убьете меня разомъ.

— Adieu, m. t. Одоевъ, пропознесла спокойно Александринна.

— О, еслибъ вы знали, до какой степени простиралась къ вамъ любовь моя, вы никогда не рѣшились бы пропознести роковое слово—«adieu» этииъ убійственнымъ тономъ.

«Простиралась»? Что значить это слово? Развѣ онъ вдругъ пересталъ уже любить ее? Развѣ она оттолкнула его своею холодною? При этой мысли дѣвушка обернулась. Лицо Одоева выражало такую страшную борьбу, голосъ его былъ такъ неподдѣльно печаленъ, что ей стало жаль его. Подобная наружность не можетъ быть фальшива. Александринна была горда, но справедлива. Она упрекнула себя въ опрометчивости, съ какою высказала неудовольствіе свое, потому... кто знаетъ, что происходило въ эту минуту въ сердцѣ ея? Еслибъ кто-нибудь могъ заглянуть въ него, то навѣрное убѣдился бы, что оно было вовсе не такъ холодно и непреклонно. Каковы бы ни были ощущенія Александринны, они по большей части не вырывались наружу; она мастерски умѣла подавить ихъ, прикрывая своею обычною, равнодушною маской и рано приучивъ себя къ благоразумію.

— Вижу, что я не долженъ любить васъ, прибавилъ Одоевъ. Судьба сдѣлала васъ несправедливою, а люди озлобили. Богъ съ вами! Забудьте все, что произошло между нами.

Онъ поклонился и хотѣлъ выйти.

Не болѣе какъ мгновенно колебалась дѣвушка, придумывая и не зная на что рѣшиться, но эту нерѣшительность побѣдило самолюбіе.

Быстрымъ движеніемъ она остановила Одоева.

— Подождите немного, Сергѣй Петровичъ, сказала она улыбувшись: я не хочу, чтобъ вы вышли отсюда, не узнавъ напередъ причины, которая заставляетъ меня такимъ образомъ дѣйствовать. Но объ этомъ послѣ. Сперва простите меня, потому что я передъ вами виновата: бываютъ минуты, въ которыя я сама не знаю, что дѣлаю; но на меня нельзя сердиться за это. Я не умѣю владѣть собою; я чуждаюсь всѣхъ, кого ви-

жу. Это, конечно, ребячество, однако я не могу преодолеть его, хоть часто рассказываю въ томъ. Теперь ваша очередь быть ко мнѣ снисходительнымъ.

Она протянула ему бѣлую ручку и опустила головку. Суровое выраженіе лица ея уступило мѣсто трогательному умиленію, слеза сверкнула на ея влажныхъ глазахъ.

— О! сказалъ Одоевъ, не выпуская руки ея, скажите еще одно слово, скажите, что вы меня любите! Александрина, вы осчастливите меня совершенно. Я удостовѣрюсь тогда, что вы умѣете чувствовать.

— Приказывать чувствамъ не въ нашей власти. Еслибъ я обѣщала что-нибудь, я обманула бы васъ, сказала дѣвушка съ горькою усмѣшкой, стараясь подавить въ себѣ некстати явившуюся энергію: Было время, когда и я умѣла чувствовать, когда имѣла благородную способность любить. Но прошло то время, пропало невозвратно! Оно пранеслось надъ головой моею какъ буря, страшная, грозная, всеразрушающая; но къ счастью, природа устроила такъ, что даже стихіи подвержены непостоянству. Послѣ бури наступаетъ невозмутимая тишь, и эта тишь, въ продолженіе многихъ лѣтъ господствуетъ безвыходно въ моей душѣ.

— Неужели вы когда-нибудь любили? Неужели это правда?

— Чему жъ вы удивляетесь? Каждая женщина, если она только не истуканъ, начинаетъ рано любить и любить сильно, отвѣчала Александра, снова переходя къ внезапному спокойствію. Счастье ея, если ей отвѣчаютъ неподдѣльной взаимностью; но горе ей, если завѣтное чувство ея безжалостно растопчутъ, тогда она превращается или въ демона, или въ истукана, и этотъ жалкій удѣлъ не покидаетъ ее до могилы. Послушайте, продолжала дѣвушка, быстро и неожиданно схвативъ его за руку. Еслибъ вамъ пришлось испытать десятую долю того, что перенесла я, вы возненавидѣли бы и жизнь, и людей, и самого себя. Не дай Богъ никому; даже еслибъ были у меня враги, и тѣмъ не желала бы я быть на моемъ мѣстѣ и, подобно мнѣ, до дна испить горькую чашу моральныхъ истязаній.

— Боже мой! вы меня пугаете! Александрина, прійдите въ себя! Ваше воображеніе разстроено: вы говорите загадками; вы преувеличиваете и минувшее и настоящее.

— Преувеличиваю! Напрасно вы такъ думаете. Развѣ по вашему ничего, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ скитаюсь я изъ дома въ домъ, вымаливая пристанище? Это развѣ ничего, что безусловно обязана я подчиняться капризамъ людей, пріютившихъ меня, угождать всѣмъ безъ разбора, даже, при случаѣ, ходить, сидѣть, говорить и смѣяться, когда

а вовсе не расположена къ тому? Но вашему, это все ничего? Вы говорите, что воображеніе мое разстроено? Я удивляюсь, какъ до сихъ поръ оно еще кое-какъ уцѣлѣло, и какъ давно я не лишилась разсудка? Вы находите, что я говорю загадками? Сейчасъ я объденюсь дѣйствіемъ. Теперь, когда уже вы навели меня на это, не для чего мнѣ что либо скрывать отъ васъ; по крайней мѣрѣ вы поймете меня лучше, и бѣдное сердце мое нѣсколько отляжетъ. Что за вздоръ говорю я! перебила Александрина съ горько-саркастическою усмѣшкой. Можетъ ли отлечь на сердцѣ, когда давно истерзано оно по влочкамъ, когда не осталось въ немъ ни одной живой частицы! — М-г Одоевъ, васъ удивляетъ моя логика? Она похожа на безумство; но не я виновата въ этомъ; мои дѣйствія всегда одинаковы. Я не могу держаться середины; во мнѣ постоянно господствуютъ двѣ жалкія крайности, или я автоматъ, или сумасшедшая. Вы меня любите? Но развѣ вы можете любить компаньонку?

— Вы ли это Александрина! вскричалъ съ возрастающимъ изумленіемъ Одоевъ. Что съ вами? Я сегодня не узнаю васъ!

— Вы думаете, что сегодня я впервые слышу признаніе въ любви? продолжала дѣвушка, какъ бы не слушая его: нѣтъ, подобныхъ признаній я много слышала, слишкомъ много! Я даже имѣла слабость вѣрить имъ, и... отвѣчать. О, все бы дала я, чтобъ вернуть давно утраченное спокойствіе, которымъ наслаждалась я въ былое время! Пока не знала еще я, что такое любовь, или пока вѣрила ей слѣпо; пока червь не источилъ моего сердца, и оно было молодо и не подозрѣвало обмана!

Александрина замолчала, провела рукою по пылающему лбу, по жаркимъ щекамъ, на которыхъ выступили багровыя пятна, потомъ пристально взглянула на молодаго человѣка и прибавила, измѣнивъ совершенно тонъ, который по прежнему сталъ спокойнѣе, равнодушнѣе и холоднѣе:

— Я уже говорила вамъ, и повторю еще разъ, что вы обманываете себя. Нельзя утверждать того, что невозможно. Положимъ, что теперь вы расположены ко мнѣ, болѣе чѣмъ когда либо... да, я правильно выразилась... но загляните въ ваше сердце черезъ недѣлю... загляните въ него безпристрастно, разберите его со всею строгостью анализа — и вы не найдете въ немъ ни малѣйшей тѣни того, что шевелело его сегодня. Вы не найдете въ немъ ничего, кромѣ пустоты, не увидите ничего, кромѣ холода.

Спокойно, безстрастно было лице ея; грудь высоко поднималась, но вздоха не было слышно.

Одоевъ весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Кажется, онъ не до-
вѣрялъ тому, что слышитъ, даже не сознавалъ хорошенько, гдѣ онъ на-
ходится. Онъ сидѣлъ безмолвно, неподвижно, скрестивъ руки.

Одоевъ судилъ, какъ судятъ многіе злонисты; онъ увидѣлъ Алексан-
дрину; она ему понравилась, но не хотѣла отвѣчать взаимностью. Этого
было достаточно, чтобы затронуть за живое и безъ того уже недремав-
шій злонистъ и поставить самолюбіе нашего героя въ то рѣшительное и
бунтующее положеніе, которое всегда было ему свойственно, тѣмъ бо-
льше, что Александрина была первая женщина, такъ упорно противив-
шаяся любви его.

Дѣвушка опустила зеленую штору, потомъ снова сѣла на кушетку
и придвинула къ себѣ книгу.

— Пора вамъ оставить меня, Сергѣй Петровичъ, сказала она.
Уже поздно. Что скажетъ Прасковья Никитична, когда застанетъ васъ
здѣсь въ эту пору?

— Э, Боже мой! Какое мнѣ дѣло до того, отвѣчалъ небрежно
молодой человѣкъ. Пусть думаетъ и говоритъ все, что душѣ ея угод-
но; что касается до меня, я предупреждаю васъ, что не выйду отсюда
до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ рѣшительнаго отвѣта.

— Вы съума сошли! вскричала дѣвушка. Вы очень хорошо знаете,
что никогда не получите его. Въ тяжеломъ положеніи своемъ Алек-
сандрина можетъ быть и жалка, и глупа, но не было примѣра, чтобы
она нарушила когда-либо обѣщаніе свое. Чего вы отъ меня хотите?
Если вы ожидаете снисхожденія на вашу шалость — а подобнаго по-
ступка нельзя назвать иначе — то напрасно. Я уже сказала вамъ и
повторяю еще разъ, что вамъ нечего ожидать отъ меня, потому-что
сердцемъ я давно отжила.

— Скажите лучше, что вы никогда имъ не жили, отвѣчалъ Одо-
евъ съ горечью. Весь вечеръ молилъ я васъ о любви у ногъ ва-
шихъ и не получалъ въ отвѣтъ ничего, кромѣ насмѣшки. Если пред-
шественникамъ моимъ выпала та же доля, то я не завидую имъ.

— Теперь вы пустились въ колкости—это лучше; только онѣ не
помогутъ вамъ. Къ чему говорить сарказмы, когда можно обойтись и
безъ нихъ? Къ чему понапрасну расточать свой умъ? Ни то, ни дру-
гое ни къ чему не поведетъ васъ. Лучше разстанитесь миролюбивымъ
образомъ, лучше изгонимъ изъ памяти нашей картину этого глупаго
вечера. М-г Одоевъ, теперь одиннадцатый часъ; наши могутъ вернуть-
ся съ минуты на минуту. Увѣжайте поскорѣе; я не желаю, чтобы васъ
застала здѣсь.

Но молодой человекъ, молча устремивъ на нее взоръ, не трогаясь съ мѣста.

— Боже мой! вскричала Александрина, такіа непріятности случаются только со мной! Не то, такъ другое; и вѣчно изъ-за пустяковъ я получаю выговоры. — М-г Одоевъ, продолжала дѣвушка убѣдительнымъ тономъ: я знаю, что просьба моя не можетъ имѣть для васъ никакой цѣны; но неужели вы находите удовольствіе надѣваться на мою и заставлять просить себя нѣсколько часовъ сряду? Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что присутствіе ваше для меня весьма непріятно. Въ послѣдній разъ повторяю вамъ, что передъ вами не женщина, а кукла, ни на что неспособная и ни къ чему негодная, которая не можетъ и не должна вѣшать ничего, даже состраданія и антипатіи.

Въ меланхолическомъ взорѣ ея, на блѣдномъ лицѣ, на презрительныхъ устахъ сіяла такая непоколебимость, что Одоевъ убѣдился наконецъ, что продолжительнѣйшая настойчивость будетъ бесполезна.

Онъ молча поклонился и вышелъ. Александрина достигла своей цѣли: ей удалось оттолкнуть его отъ себя, а между тѣмъ, лишь только дверь затворилась, лишь только затихъ въ отдаленіи шумъ шаговъ его, слезы градомъ полились изъ глазъ дѣвушки. Она всплеснула руками, судорожно сдавила ими грудь и голосомъ, полнымъ невыразимаго отчаянія, вскричала:

— Боже мой! Боже мой! спаси меня!.. Неужели я люблю его?

Александрина была теперь снова одна, и потому безъ опасенія сбросила обычную маску свою. Глухое рыданіе вырвалось изъ груди ея. Ея сила воли была изумительна при постороннихъ, но безъ свидѣтелей она ослабѣвала. Дѣвушка закрыла лицо руками и почти безъ чувствъ упала на кушетку.

На слѣдующее утро горничная, войдя къ ней, нашла постель ея неизмятою.

VII.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Не думайте, благосклонный читатель, что, давъ главѣ нашей это поэтическое названіе, мы вздумали сдѣлать пародію на знаменитый «*Домикъ въ Коломнѣ*» Пушкина. Боже насъ избави отъ подобной нечестности! Никогда безразсудная фантазія копировать гениальнаго поэта не можетъ войти въ голову человека благомыслящаго, а нашъ скромный рассказъ и подавно не имѣетъ права на подобную претензію: Причина,

побудившая насъ избрать вышеупомянутое заглавіе, очень проста, а именно: мы не могли пріискать главѣ нашей названія болѣе удобнаго.

И такъ, позвольте на минуту отступить отъ нити нашего разсказа, чтобъ познакомить васъ съ новымъ лицомъ, хотя новое знакомство, вѣдь пренепріятная, и перенестись въ Коломну.

Тутъ, какъ вамъ извѣстно, дома всевозможныхъ архитектуръ: есть и большіе, и маленькіе, и средніе, и кривые, и полуразвалившіеся, и старыя, и новыя, словомъ: сортовъ несметное количество. Между ними есть одна весьма замѣчательная, деревянная о двухъ окнахъ съ искоробленными рамами, перекосившимися на одинъ бокъ, съ довольно низенькимъ заборомъ, изъ котораго вывалилось нѣсколько досокъ, и который такъ пригнулся къ землѣ, что, того и гляди, съблаетъ гласаду и упадетъ на чью-нибудь голову. Ставни сѣрыя, въ средніе которыхъ вырваны сердечки; калитка низенькая, цискайная; къ ней, вмѣсто ручки прибита гвоздикомъ веревочная петля, совершившая уже повиновенію, долгую службу, потому-что, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, связана уздами; на самомъ центрѣ калитки красуется желѣзная дощечка, выкрашенная бѣлою, масляною краской, а на ней большими черными буквами нарисовано: «*Домъ титулярной совѣтницы Голубковой, свободенъ отъ постоя*». Двѣ плоскія ступеньки ведутъ въ узкія сѣни, раздѣляющія двѣ чистенькія комнатки отъ тѣсной кухни, перегороженной пополамъ. Все это движимое и недвижимое сильно пахнетъ древностью и свидѣтельствуетъ неоспоримо, что домъ этотъ стоитъ тутъ и не чинится съ давнихъ временъ.

Законная владѣтельница его, Варвара Степановна Голубкова, получившая его въ приданое отъ родителя своего, чиновника одиннадцатаго класса, проживала въ немъ безвыѣздно со дня своего брака, совершившароса по общему наклонности съ Васильемъ Ивановичемъ Голубковымъ, двадцати-двухъ-лѣтнимъ юношею; вкусившимъ наслажденіе супружеской жизни не болѣе какъ съ какой нибудь десятокъ лѣтъ и дослужившимся, однакоже до чина титулярнаго совѣтника

Варвара Степановна осталась вдовою въ цвѣтушихъ лѣтахъ, съ маленькою дочерью Сашею, которую, послѣ смерти мужа, пустила въ баллотировку одного изъ воспитательныхъ заведеній, куда она, по счастью, попала, а сама стала кое-какъ жить процентами съ небольшого капитала своего, положеннаго покойнымъ отцомъ ея въ какой-то банкъ, въ самый день ея свадьбы.

При ней находилась одна только служанка, Авдотья, выгнавшая Сашу, добрая и усердная женщина, получавшая жалованья по два рубля серебромъ въ мѣсяцъ. Варвара Степановна была женщина солид-

на, не дурная собой; воспитаніе получила она весьма ограниченное, но, несмотря на то, нѣбла нѣсколько случаевъ вступить снова въ семейную жизнь. Рѣшившись продолжать вдовствовать, она посвятила себя исключительно попеченіямъ о Самѣ. Знакомыхъ у нея было немного, посѣщали ее рѣдко, сама она почти никуда не выходила, потому—что любила быть одна въ своемъ завѣтномъ уголкѣ.

Она много претерпѣла лишений, старалась сберечь что—нибудь для дочери, которая должна была со временемъ жить съ нею. Авдотья тоже очень любила Саму; и еслибъ послѣдней не пришлось провести восемь лѣтъ въ институтѣ, она непременно избаловала бы ее самымъ невѣроятнѣйшимъ образомъ. Каждое воскресенье она отправлялась туда, вооруженная огромнымъ улоомъ, заключающимъ въ себя нѣсколько сортовъ ватрушекъ, пироговъ и тому подобное, и на прощаньи съ любимцею проливала на возвратномъ пути известное количество слезъ. Эта исторія возобновлялась каждый разъ, когда старая няня побываетъ въ гостяхъ у Самы, несмотря ни на какія ласки и увѣщанія послѣдней.

Авдотья привыкла къ господамъ своимъ; нѣсколько разъ выходило ей нѣсто выгоды этого, но она не хотѣла о немъ и слышать, увѣряя, что ей тутъ такъ хорошо, что лучше и быть не можетъ; а если усердный докладчикъ принимался наставлять, она осыпала такового цѣлымъ потокомъ ругательствъ.

Зато Варвара Степановна смотрѣла на нее не такъ, какъ смотреть обыкновенно на наемную прислугу: она позволяла ей многое въ отношеніи и къ себѣ, и къ дочери, понимая вполне ея рѣдкую преданность и высоко цѣня ея услуги.

Саша, или Александрина, названная такъ подругами, провела шесть лѣтъ въ институтѣ и еще, кромѣ того, два года оставалась въ пепиньернахъ, но желанію матери. Александрина была одна изъ первыхъ ученицъ; и такъ какъ ее знали за дѣвушку бѣдную, то, при выпускѣ, ей выдано награжденіе, на которе Варвара Степановна сшила ей все необходимое. Замѣтивъ стѣсненное положеніе, почти нищету матери, Александрина увидѣла, что принуждена прикидывать себѣ иной образъ жизни, чтобъ не быть ей въ тягость, и, не смотря на доводы и увѣщанія старушки, рѣшилась вкратчѣ компаньонки, хоть такое мѣсто найти весьма трудно. Идти же въ гувернантки ей не хотѣлось, потому что неуспынный присмотръ за дѣтьми слишкомъ утомителенъ, и сверхъ того, для этого необходимо обладать какъ невозмутимымъ терпѣніемъ, такъ и рѣшительнымъ здоровьемъ. Александрина же хотя и обладала первымъ изъ этихъ условій съ избыткомъ, но была слабаго телосложенія, и потому классная дама ея, принимавшая въ ней участіе,

рекомендовала ее через нѣсколько времени компаньонкой въ одинъ знакомый домъ. Вступивъ въ незнакомую для нея сферу, окруженная на первыхъ порахъ людьми бездушными и выскательными, претерпѣвая на каждомъ шагу непріятности неопытной, чистосердечной дѣвушки стало казаться, что она попала въ какой-то омутъ, въ которомъ нѣтъ ни входа, ни выхода, въ которомъ живутъ существа совершенно нилы, нежели тѣ, которыхъ она до сихъ поръ встрѣчала.

Долго не могла она свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ своимъ; долго не могла побѣдить своего уязвленного самолюбія. Изъ одного дома перешла она въ другой, гдѣ ей также было не легче.

По мѣрѣ того, какъ подвигалась она впередъ по скользкой стезѣ жизни, ее горькая опытность росла съ каждымъ днемъ. Мало-по-малу приучила она себя обрывать безжалостно свои чувствительныя струны, и съ невозмутимымъ равнодушіемъ глядѣть на все, что происходило вокругъ нея: Любовь ея, перейдя всѣ степени, начиная отъ благоразумной и тихой, до восторженной и порывистой, оставила въ воспоминаніи дѣвушки нѣсколько грустныхъ періодовъ, но ни одной эпохи. Александрину любили многіе, но любили только на словахъ, такъ что любовь дѣвушки по большей части падала на бесплодную почву. Александра, преувеличивая свое тогдашнее положеніе, старалась вырвать съ корнемъ изъ сердца своего неумѣтную чувствительность.

Было воскресенье, день спустя послѣ описаннаго нами происшествія. Варвара Степановна только что возвратилась отъ обѣдни и, напившись кофе, принялась вязать завитый чулокъ свой, усявшись на маленькомъ обтянутомъ ситцемъ диванѣ.

Теперь это была уже старушка, строгая и почтенная, вся въ черномъ, въ большомъ шерстяномъ клѣтчатомъ платкѣ, приколотомъ на груди большою булавкой, въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ въ оправленныхъ серебромъ очкахъ, съ большими круглыми стеклами. На лицѣ ея, еще свѣжемъ и добродушномъ, не было ни морщинки, но зато сѣдина, повидимому, давно уже убѣлила ея голову, и двѣ сѣдыя какъ лемъ, бужли волосъ свѣшивались на виски. Въ ней было много сходства съ дочерью, но она была гораздо меньше ея ростомъ, довольно плотна и станъ ея согнулся подъ бременемъ заботъ.

Авдотья стирала въ кухнѣ. Она была не въ духѣ, и въ подобныхъ случаяхъ имѣла обыкновеніе разсуждать и браниться съ своею собственною особой, что происходило и въ настоящую минуту. Отъ этого ли весьма неинтереснаго обстоятельства, или отчего другаго—не знаемъ навѣрное, только у нея дѣло какъ-то не ладилось, и что ни возьметъ она, все валилось изъ рукъ. Дрова въ печкѣ были сырыя и никакъ не хо-

тѣмъ разгараться, а тѣсто, между тѣмъ, стояло замигивающее въ кастрюлѣ и греяло перекинуты.

Авдотья принялась раздувать огонь, присѣвъ на корточки передъ за-слонкой и переворачивая на всѣ стороны полѣнья большими желѣзными щипцами. Вдругъ мѣдный кофейникъ огромнаго размѣра, вмѣщавшій въ себя, по-крайней-мѣрѣ, чашекъ около десятка, и красовавшійся въ центрѣ стоящаго на плитѣ тагана, подѣ которымъ пылали и трещали щепья, совершенно неожиданно издалъ ревъ, подобный свисту паровой мѣшины, и кофе, поднявшись черезъ края, полилъ ручьями на плиту, и оттуда на полъ, шипя и пѣнясь.

Смекнувъ тотчасъ въ чемъ дѣло, Авдотья разразилась страшною бранью, вскочила на ноги и бросилась какъ безумная спасать остатки.

— Здравствуй няня, сказала Александрина, отворивъ осторожно дверь кухни.

— Ахъ ты мать моя! Солнышко мое ненаглядное! вскричала старуха, бросивъ мочалку и побѣжавъ къ ней съ самыми чувствительными знаками радости—Куда это ты пропадала, моя красавица? Аль нездорова была? А я ужъ и не чаяла, что ты придешь къ намъ сегодня.

— Некогда было. Ты знаешь, я живу въ чужомъ домѣ и часто не могу дѣлать то, что мнѣ хочется. Сегодня же я свободна часа на три, и пришла посмотреть на васъ. Что, маменька здорова?

— Ничто. На прошлой недѣлѣ маленько зубами маалась, ну, да теперь полегче стало.

— Бѣдная маменька! сказала Александрина печально: она нынче часто хвораетъ.

— Ужъ такіе годы ея, возразила Авдотья флегматически. «Старость не радость», говоритъ русская половица. Вотъ у меня этотъ платъ куда красивъ былъ: самъ желтый, цвѣты красные, а какъ износлася, такъ и дырки пошли.

Александрина засмѣялась при этомъ сравненіи. Логика Авдотьи была всегда въ такомъ родѣ, что къ ней невозможно было привыкнуть.

— А ты, няня, сказала она, боясь обидѣть старуху смѣхомъ своимъ: на кого это ты такъ разсердилася? Я никогда не видала тебя въ такомъ видѣ.

Да что, сердись, не сердись, а бѣды не поправишь. Варил я, знаешь ты, себѣ кофей, да и отошла въ сторону, чтобъ подѣлать покажѣсть другое дѣло—кофей—то у меня и ушелъ...

— Ну, вотъ тебѣ, свари другаго, сказала дѣвушка, доставъ изъ портъ-моне цѣлковый, который подала старухѣ.

— Ахъ ты моя дорогая! Золото ты мое ненаглядное! закричала

Авдотья, не вынимая себя отъ радости, и бросилась целовать руку, державшую монету. Вишь, ты вѣдь, знать, любишь меня, старуху, коли такъ жалѣешь! «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица. И впрямь; мой издѣль мнѣ не сталъ въ убытокъ: твою милость какъ разъ цѣлюшечка пожаловала.

Потолковавъ еще нѣсколько времени съ Авдотьей, Александрина отправилась черезъ сына въ комнату матери.

При видѣ дочери, Варвара Степановна пришла въ совершенный восторгъ. Она даже на работахъ сняла очки и сложила чулокъ, который обыкновенно оставался въ рукахъ ея, несмотря ни на какого посетителя.

— Что это, ты совсѣмъ пропала, Саша? спросила Варвара Степановна. Не грѣшно-ли тебѣ забывать меня? Впрочемъ, прибавила она, одумавшись, я вѣдь знаю, что ты не отъ себя зависишь. Ну, что, какво тебѣ тамъ? Много ли ты выѣзжаешь? Веселишься ли ты?

— Веселюсь, маменька.

Варвара Степановна пристально взглянула на нее и покачала головой. Блѣдность дѣвушки ее испугала.

— Развѣ можно говорить о весельи такимъ тономъ, какъ будто тебѣ плакать хочется? Ты что-то очень невесела. Не случилось-ли у насъ чего нибудь? спросила съ безпокойствомъ старушка.

— Нѣтъ, ничего не случилось, маменька.

— Ты отъ меня что-то скрываешь, Саша. Я ужъ это не разъ замѣтила. Посмотри, вѣдь ты блѣднехонька, худая такая. Правда, ты толста никогда не была, а ужъ теперь просто переломиться хочешь.

— Мало-ли отъ чего худѣютъ люди, возразила печально Александрина. Мнѣ дано въ удѣлъ не столько радостей, сколько горя. Неудивительно, что я переѣдилась въ эти три мѣсяца, пока мы не видѣлись.

— Отчего же неудивительно? спросила Варвара Степановна съ возрастающимъ безпокойствомъ.

— Да оттого, отвѣчала дѣвушка спохватившись, что когда я сказала вамъ, что веселюсь, я ошиблась. Напротивъ, все лѣто я проскучала, потому что ни разу не видѣлась съ вами.

— Ну, это еще не бѣда. Что жъ дѣлать, когда нельзя было иначе? Быть можетъ, современемъ все переѣдится, и ты чаще станешь навѣщать меня; а покажеться потери: худо-ли, хорошо-ли — все къ лучшему. Хочешь кофею?

— Благодарю васъ. Я долго не могу остаться: Прасковья Ники-

тица и Марья Семёновна позвали съ визитами и къ обѣду вернутся. Я немного отдохну, а потомъ домой пойду. Сегодня у насъ гости.

— Какъ! неужели, не выдавъ меня столько времени, ты пришла ко мнѣ только на нѣсколько часовъ? Неужели тебя не отпустили на целый день?

— Нѣтъ, сказала Александрина съ покорностью: когда у насъ гости, я должна быть дома.

Старушка вздохнула.

Она всѣмъ видѣла, что дочь ея потеряна для нея, пока будетъ жить съ чужими; она постигала вполне, что дѣвушка не была счастлива въ этомъ домѣ, но никогда не показывала ей вида, что понимаетъ положеніе ея, боясь огорчить ее и зная, какъ тщательно скрывала отъ нея Александрина все, что приходилось сносить ей, ждаа ея здоровье и безъ того уже довольно плохое.

— Часто у васъ гости бываютъ? спросила она, помолчавъ.

— Прежде бывали только по пятницамъ, а теперь почти каждый день, отвѣчала Александрина разсѣянно. Даже наскучила.

— Ну, а этотъ... Какъ, бивъ, ты его называешь?.. я забыла.

— Олоевъ?

Блѣдныя щеки Александрины покрылись яркимъ румянцемъ при этомъ словѣ.

— Да, Олоевъ. Ты говорила, что онъ недуренъ собой. Ужъ вожа-луй не хочеть-ли онъ жениться на вашей Марьѣ Семёновнѣ?

— А Богъ его знаетъ, замѣтила дѣвушка равнодушно и твердо, во голосъ ея слегка задрожать.

Барвара Степановна замѣтила это. Она пристально посмотрѣла на нее, потомъ прибавила:

— Если онъ ей нравится—такъ и дѣло съ концомъ. Она богата, онъ въ долгу какъ въ шелку, стало быть, ему такая невѣста просто владѣ. Тутъ нечего и думать долге.

— Онъ, кажется, никогда и ни о чемъ не думаетъ. Онъ такой странный.

— Теперь не думаетъ, а какъ заимодавцы потянутъ въ судъ, тогда любовь и подумаетъ. Всему есть мѣра.

— Развѣ у него есть заимодавцы? Почему вы знаете, что онъ много долженъ?

— Какъ не знать? Земля слухомъ полнится.

— Жаль его, отвѣчала дѣвушка, неволью озадаченная этою вѣстью. Жаль, если онъ доведеть себя до этого.

— Сама, дитя мое, сказала ласково старушка, глаза морщинистомъ

рукой иъжнюю ручку дѣвушки: ради Бога, берегись его. Онъ тебѣ нравится; я давно замѣчаю это. Быть можетъ, и ты пригланулась ему: тутъ нѣтъ ничего мудренаго, потому что ты у меня дѣвушка хоть куда, только я говорю тебѣ для твоей собственной пользы: будь осторожна. Если онъ станетъ что нибудь говорить тебѣ, не вѣрь ему и не слушай. Ужъ эти нѣтъ мужчины! Хорошо еще если попадутъ на умную, да та не поддастся, да не развѣсятъ уши; а какъ попадется бессмысленная, такъ ужъ они съумѣютъ завербовать ее; напоютъ пропасть, наговорятъ столько, что кажется, какъ не повѣрить имъ? Какъ не расчувствоваться?

— Будьте спокойны, маменька, отвѣчала Александрина, стараюсь улыбнуться. Меня онъ не проведетъ; да и что ему искать во мнѣ? Что я такое? Бѣдная дѣвушка, прибавила она, которая живетъ изъ милости у чужихъ и проживаетъ все свое жалованье, чтобъ одѣваться прилично.

— Вотъ то-то и есть! Ну, да что про тебя и говорить? Не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ ты у меня, сказала старушка съ самодовольствіемъ, но не убѣдившись однако же нисколько въ истинѣ словъ ея. Если ты и полюбишь, такъ не покажешь этого; ты не пропадешь съ твоею гордостью.

Александрина видѣла, что мать не вѣритъ ей, а ей такъ хотѣлось скрыть отъ нея все и прошедшее, и настоящее. У бѣдной старухи и безъ того было довольно заботъ и горя; которыя увеличивать было бы жестоко, и потому Александрина посвѣшно перемѣнила разговоръ.

— Я часто писала къ вамъ съ дачи, сказала она, а отъ васъ получила всего два письма. Неужели вы были больны?

— У меня глаза очень ослабли. Теперь я ничего почти дѣлать не могу... вязать, и то худо вижу. Я знала, что ты безпокоиться будешь, да дѣлать нечего, должна была покориться.

— А я такъ часто думала объ васъ, сказала Александрина, доставая изъ большого вышитаго мѣшка тщательно сложенную бумагу, приколотую въ нѣсколькихъ мѣстахъ булавками, и развернувъ ее, положила передъ старушкой два вышитые кисейные чепчика.

При видѣ такой внимательности, Варвара Степановна прослезилась, начала сморкаться, потомъ кашлять и отъ избытка чувствъ, чуть даже не заплакала самымъ трагическимъ образомъ.

— Какъ-же это тебѣ не стыдно, Саша? сказала она съ упрекомъ, шить такую скучную и медленную работу, когда у тебя и безъ того совсѣмъ нѣтъ времени.

— У насъ всегда есть время для тѣхъ, кого мы любимъ, отвѣчала

Александрина вставая, и стала надвигать шляпку передъ маленькимъ туалетомъ, стоявшимъ въ простѣнкѣ между оконъ.

— Куда же ты такъ сѣднись? Погоди немножко, возразила старушка, подходя къ ней. Пришла на минутку и ужъ уходитъ.

— Не могу, маменька, сказала печально дѣвушка. Пожалуй, онъ прїѣдетъ, а я еще не вернулась. Прощайте.

— Ну, коли не можешь, такъ Господь съ тобою, отвѣчала Варвара Степановна со вздохомъ. Только смотри, найди скоро, а то неравно еще устанешь. Побереги себя.

Она перекрестила ее и нѣсколько разъ поцѣловала въ лобъ.

Александрина пошла проститься съ Авдотьей, а Варвара Степановна сѣла къ окошку, чтобъ еще разъ, хоть издали, посмотреть на дочь.

И снова мысленно повторила она, что Александрина будетъ потеряна для нея до тѣхъ поръ, пока судьба ея не устроится инымъ образомъ. А скоро ли это случится, даже случится-ли когданибудь—бѣдная мать не рѣшалась задавать себѣ этого вопроса, одна мысль о которомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, совершенно несбыточная, заставляла ее вздрагивать.

Она не могла постигнуть, какъ этотъ гордый, непреклонный характеръ сталъ такъ гибокъ и покоренъ? Какъ онъ спокойно принималъ все мелкія дряблы? Съ какимъ стоическимъ хладнокровіемъ подчинялся имъ, какъ терпѣливо переносилъ все толчки, неутомимо преслѣдовавшіе ее? Точно все чувствительныя струны замерли, и безслышные уже звуки ихъ, или, вѣрнѣе, замирающіе отголоски, обречены на какую-то жалкую, непрерывную дремоту. Какъ эта твердая натура могла такъ легко войти въ свою роль и такъ мастерски подавить свое самолюбіе?

Александрина вскорѣ вышла изъ домика, затворила за собой калитку и, запахнувшись бурнусомъ, тихо пошла по тротуару, задумчиво склонивъ голову и опираясь на зонтикъ. Маленькая и узкая ножка ея, обутая старательно въ прюнелевый сапожокъ, привлекала вниманіе прохожихъ, которые нескромно заглядывали на владѣтельницу ея. Но та, не замѣчая ихъ, подвигалась медленно впередъ и вскорѣ, повернувшись направо, скрылась за угломъ.

VIII.

ЛОВЛАСЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Александрина возвратилась передъ самымъ обѣдомъ, и на вопросъ, сдѣланный швейцару: «вернулись-ли барыня съ барышней?» получила въ отвѣтъ, что: «сейчасъ позволили прїѣхать».

Она обрадовалась, что такъ удачно окончилъ путешествіе свое и пошла къ себѣ переодѣться.

Обѣдъ продолжался долго; съѣли въ пять часовъ, встали въ седьмомъ. Чужихъ было человекъ десять, по большей части все мужчины, изъ которыхъ баронъ фонъ Штубенкасе былъ такъ занятъ блюдами, что во все время не вымолвилъ рѣшительно ни одного слова, а Жербинъ трунилъ безъ пощады надъ русскими новарами (Прасковья Никитична, для важности, держала француза), говоря, что они въ новаренномъ мастерствѣ ровно ничего не смыслятъ, и доказывалъ всевозможными доводами все превосходство французовъ, которыхъ гастрономическая кухня можетъ смело соперничать со всеми кухнями Европы.

Одоевъ пріѣхалъ уже вечеромъ.

Было довольно поздно; мужчины играли одни въ карты, другіе—въ бильярдъ. Mariette некетничала съ барономъ.

Освѣщеніе было великолѣпное: комнаты горѣли несметнымъ множествомъ керсельскихъ лампъ.

Сидя въ столовой у большаго, круглаго стола, Александрина разливала чай. Лакеи, одинъ за другимъ, приходили къ ней за приказаніями, которыя она отдавала имъ какъ-то не-хотя и разсѣянно. Звукъ веселаго разговора долеталъ до нея изъ гостиной, гдѣ сидѣла молоденькая; разговоръ кивѣлъ тамъ живой и игривый, изобрѣтались острые изламбуры, небывалые анекдоты и колкія эпиграммы. Жербинъ, по неизвѣстному правилу своему и на въ какіхъ случаяхъ ненарушаемому обыкновенію, фанфаронилъ и хвасталъ до нелзя, какъ только могъ.

Александрина сняла чайникъ съ серебрянаго самовара, налила чашки, разставила ихъ на подносѣ, который держалъ передъ нею одинъ изъ лакеевъ, молча указала другому на серебряную корзинку съ сухарями, и потомъ снова опустилась на стулъ, перебирая машинально кисти чернаго шелковаго передника.

Столовая была въ сторонѣ. Съ ней были смежны двѣ проходныя комнаты, въ которыхъ рѣдко сидѣли, и одна изъ нихъ выходила на балконъ, который былъ теперь отворенъ.

Вечеръ былъ чудный, вовсе непохожій на сентябрьскій. Александрина сидѣла прямо противъ двери, ведущей въ эти комнаты. Правильное лицо дѣвушки было задумчивѣе обыкновеннаго, но о чемъ она думала, куда разбрелись ея мысли—трудно было разгадать это.

Сильный звонъ колокольчика заставилъ ее вздрогнуть; она подняла голову и, къ несказанному удивленію своему, увидѣла Марью Семесовну, въ сопровожденіи Одоева. Вѣроятно, той показалось, что на зовъ ея не довольно скоро являются, и потому, подойдя къ маленькому столику, сто-

явшему противъ малиноваго бархатнаго дивана, она невольно еще разъ и отдала вошедшему лакею какое-то приказаніе, котораго Александрина не могла разслушать. Любопытство подстрекнуло ее; она стала глядѣть внимательнѣе и ей показалось, что оба горяче о чемъ-то спорили. Всплѣвъ за этииъ явилась Даша съ мантилею въ рукахъ, которую на-бросила на плечи Mariette, Одоевъ поддалъ послѣдней руку и оба вышли на балконъ.

Александрина чуть не вскрикнула. Кровь хлынула ей въ голову и багровымъ пятномъ заиграла на блѣдной щекѣ. Она омертвѣла рукою о столъ и, прижавъ другую къ груди, какъ бы желая заглушить сильное бѣшеніе сердца, стала слушать съ напряженнымъ вниманіемъ, чтобы уловить хоть что нибудь изъ разговора ихъ, побудившаго обонкъ къ этому свиданію съ глазу на глазъ.

Но—увы! къ крайнему сожалѣнію она мало могла разслушать, потому что оба говорили довольно тихо, но не какому-то странныму инстинкту, свойственному одной только женщинѣ, она отгадала остальное, отгадала почти все, что не достигло чуткаго уха.

Ужели Одоевъ былъ до того низокъ, что могъ забыть такъ скоро свои просьбы и клятвы? Ужели онъ хотѣлъ только пошаманиться надъ нею, прикинулся влюбленнымъ, и разыгралъ такъ ловко и искусно роль свою для одной забавы? Нѣтъ; всѣ его приемы были слишкомъ натуральны, чтобы подорвать въ нихъ малѣйшую тѣнь фальшивости; его убѣжденія слишкомъ краснорѣчивы, чтобы сомнѣваться въ искренности ихъ, и хотя Александрина, два дня тому назадъ, такъ энергически утвердила его въ противномъ, такъ холодно оттолкнула его; но кто знаетъ, что происходило тогда въ ея сердцѣ? Поставленное судьбою на ту шаткую ступень, которая принуждала его вѣчно противорѣчить себѣ, вѣчно таить всѣ ощущенія, болѣе или менѣе сильныя, и никогда не заглядывать въ его сокровенныя изгибы, быть можетъ, это бѣдное, глубоко удивленное сердце наконецъ встрепенулось или отжалнулось, судя по послѣдней фразѣ, произнесенной дѣвушкой на-единѣ, тотчасъ по удаленіи Одоева. Да и зачѣмъ бы ему было обманывать ее? Какое бы онъ нанесъ въ томъ удовольствіе? какую пользу? къ чему послушала бы она эта комедія? Еслибъ онъ захотѣлъ просто позабыться надъ нею, онъ могъ бы сдѣлать это инымъ образомъ; ему не къ чему было изстрадать нѣный вечеръ и добиваться отъ нея съ такимъ унорствомъ согласія на мольбы свои и безконечныя просьбы. Наконецъ забыть цѣль, забыть такъ скоро и забыть, не видѣвъ даже ее съ тѣхъ самыхъ поръ—было невозможно. Для этого надо быть самымъ страннымъ и безнравственнымъ. Быть можетъ, поступокъ Александрины и ея колкія

сужденія оскорбили его? Но истинная любовь слѣпа и неутомима, и вмѣсто того, чтобы угаснуть, она возрастаетъ по мѣрѣ препятствій.

Все еще не довѣря самой себѣ, Александрина тихо встала, бросила вокругъ себя бѣглый взглядъ и вида, что въ столовой нѣтъ никого, она медленно пошла въ ту комнату, гдѣ былъ балконъ, и перешлась за густымъ трельяжемъ изъ плюща, окаймлявшемъ стеклянную дверь. Въ центрѣ потолка висѣлъ готическій рисованный фонарь, низко спускавшійся на бронзовой цѣпи, и потому въ комнатѣ было довольно темно; свѣтъ походилъ на какой-то полумракъ.

Такимъ образомъ Александрина могла видѣть и слышать отсюда все, не бывъ вовсе замѣченною. Она стала не шевелиться и притамала дыханіе.

Было поздно. Мѣсяцъ выкатился изъ-за тучи и тонныя, серебряныя лучи его блѣдно падали на балконъ.

— Да, говорилъ Одоевъ, облокотясь на перила, странныя вещи происходятъ съ человѣкомъ. Онъ хочетъ пользоваться жизнью, жадно ловить счастье, а оно не дается ему въ удѣлъ.

— Счастье! повторила Mariette усмѣхнувшись. Развѣ человѣкъ умѣетъ пользоваться имъ?

— Смотри по обстоятельствамъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что иной и умѣлъ бы пользоваться имъ, да не отъ него зависитъ.

— Оттого, что люди слишкомъ самонадѣянны и капризны. Они часто хотятъ невозможнаго.

Одоевъ задумчиво взглянулъ на темное небо, отошелъ отъ перилъ и подойдя къ Mariette такъ близко, что лицо ея почти коснулось его сюртука, отвѣчалъ двусмысленно:

— Невозможность заманчива, и потому извинительна; нельзя отказаться себѣ въ удовольствіи испытать ее. Иногда она имѣетъ вліяніе на цѣлую жизнь нашу, потому что, желая невозможнаго, намъ какъ-то веселѣе живется, когда весь интересъ нашъ сосредоточенъ на одной цѣли. Мы желаемъ, надѣемся, ждемъ, а это не бездѣлица.

— Стало быть и вы, слѣдуя похвальному правилу, также живете иллюзіями? спросила шутя Mariette.

— Отчасти. Только иллюзіи любимцевъ фортуны иногда осуществляются, мнѣ же такого рода, что наврядъ ли осуществляются когда-либо.

— Нельзя-ли узнать къ какой категоріи принадлежать онъ? Вы подстрекаете мое любопытство.

— Къ категоріи сердца.

— Ахъ Боже мой! ужъ не влюблены ли вы? Впрочемъ, по-моему, любовь не иллюзія.

— А по-моему, эта задача подлежитъ сомнѣнію.

— Нисколько! вскричала Mariette. Иллюзіей называемъ мы то, что создаетъ наше воображеніе, и что по большой части не существуетъ въ природѣ, однимъ словомъ то, что вы называете невозможнымъ. А развѣ любовь невозможна? Развѣ вы не вѣрите ей? Напротивъ, кажется, это вещь весьма обыкновенная. Ну, что вы скажете на это?

— Я скажу: и да, и нѣтъ.

— Это весьма загадочно и неудовлетворительно.

— Я постараюсь выразиться яснѣе. Любовь, продолжалъ Одоевъ, устремивъ на дѣвушку пристальный взоръ: вещь обыкновенная только тогда, когда взаимно раздѣляется существомъ, которое внушаетъ ее. Если же она остается незамѣченной, то какъ назовете вы тогда это чувство?

— Какъ хотите, только не иллюзіей. Такое названіе вовсе не соответствуетъ ему, потому что, рано или поздно, истинная любовь находитъ отголосокъ въ каждомъ сердцѣ, и я могу насчитать вамъ тысячу прѣдѣловъ.

— Зачѣмъ! перебилъ Одоевъ, съ несвойственною ему живостью. Вы можете доказать мнѣ это на дѣлѣ. Отъ васъ зависитъ уничтожить это убѣжденіе. Mariette, Mariette, я люблю васъ!

Съ послѣднимъ словомъ онъ былъ у ногъ дѣвушки, предвидѣвшей подобную развязку, но неуспѣвшей опомниться отъ внезапнаго перехода ожиданія къ дѣйствительности.

Александрина стояла за трельяжемъ съ сердечнымъ зампаніемъ, стараясь не проронить ни одного звука. Язвительно-саркастическая улыбка скользнула на блѣдныхъ губахъ; ея колѣни дрожали, руки судорожно опустились и обрывали безжалостно листья плюща.

Одоевъ въ глазахъ ея былъ безсовѣстный интригантъ, чуждый благородства и чести, словомъ: одинъ изъ тѣхъ жалкихъ корыстолюбцевъ, которыхъ портретъ давно начертало воображеніе ея, которыхъ столько разъ случалось ей встрѣчать, которыхъ давно уже такъ глубоко постигла. Значить, поступокъ его съ нею былъ ничто иное, какъ гнусная лживость, а признаніе, сдѣланное имъ теперь Mariette, было основано на интересѣ. Бѣдная Александрина! Еще незадолго до этого, пораженная совершенностью, которою дышала каждая фраза, каждый жестъ Одоева, она упрекала себя въ излишней недовѣрчивости, внутренне намѣреваясь заглядѣть ее при первомъ удобномъ случаѣ, а теперь вдругъ увидѣла характеръ его во всей наготѣ своей, увидѣла, что онъ занялся ею

только отъ скуки, только мимоходомъ, что она служила для него минутною, пустою забавой. Къ чему повели ея строгія оужденія? Какая вышла изъ нихъ польза? Ровно никакой! Невольно подавшись искушению и хорошенько сама того не сознавая, Александрина начинала вѣрить тогда Одоеву, тогда показался онъ ей лучше другихъ, а теперь въ одинъ мигъ разрушилось то мнѣніе, которое онъ такъ хитро умѣлъ внушить ей. Тогда она сожалѣла о немъ, стараясь подавить раждающуюся взаимность, теперь она презирала его.

Одоевъ почтительно взявъ руку Mariette, которую не отнимали у него, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ и шепталъ тихо:

— Mariette, я люблю васъ!

Дѣвушка сконфузилась и высвободила потихоньку руку свою.

— Вы сами сейчасъ сказали, что любовь не можетъ быть властью, потому что въ каждомъ сердцѣ находятъ отголосокъ. О, докажите же это на дѣлѣ! Докажите, что мнѣніе мое было неосновательнымъ!

Mariette молчала.

— Если вы отвергнете сердце мое, прибавилъ Одоевъ, ваше равнодушіе убьетъ меня.

Одоевъ выразился романически. Онъ зналъ, что Mariette любила этотъ тонъ. Онъ непрежнему стоялъ передъ нею на козлахъ, она и не думала поднимать его.

Мѣсяцъ скрылся за тучу, стало совершенно темно, и потому нельзя было замѣтить трепета, который пробѣжалъ по всемъ членамъ дѣвушки. Онъ снова схватилъ ея руку и спросилъ:

— Смію ли я надѣяться, что не останусь венонитымъ?

Mariette не отвѣчала ни слова; она только слегка оттолкнула его, потомъ хотѣла стоять на другой конецъ балкона, но Одоевъ удержалъ ее.

— О говорите, говорите! вскричалъ онъ съ живостью. Рѣшите мою участь спорѣ, сейчасъ же!

Mariette быстро обернулась, посмотрѣла съ безпокойствомъ на отворенную дверь, потомъ на темную улицу, какъ бы опасаясь посторонняго свидѣтеля, и голова ея склонилась на плечо Одоева, а трещащія губы прошептали едва внятно:

— Я также люблю васъ.

Одоевъ вскрикнувъ, вскочилъ на ноги, а она, вырвавшись изъ его объятій, бросилась опрометью бѣжать.

Онъ вышелъ вслѣдъ за нею. На лицѣ его сіяла самодовольная улыбка; направляя шаги къ двери и покручивая старательно усы, онъ напѣвалъ итальянскую арію.

Александрина глубоко вздохнула и бросилъ на удаляющуюся молодца-

те часамъ полный презрѣній взглядъ, неслышно ушла къ себѣ въ комнату, унеся тайну обманъ.

Гости вскоре стали разѣвѣдываться, но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ отсутствія дѣвушки, которая не показывалась болѣе и провела единственно остатокъ вечера.

Долго ходила она взадъ и впередъ, перебирая въ умѣ все случившееся, и все еще сомнѣваясь въ истинѣ происшествія, котораго была свидѣтельницей. Сожалѣніе, досада, негодованіе, гнѣвъ сибѣлялись въ ней попеременно: она обвиняла себя въ томъ, что могла хотя минуту повѣрить искренности этого человека, не постигая, какъ съ такою яростью взглянуть на вещи, съ такою измѣнчивою обычностью могла она поддаться искушенію? Но все равно: Одиозъ не знаетъ, что пережила она въ эти роковые два дня, не подозреваетъ даже и того, что происходило въ ней въ настоящую минуту, следовательно онъ тайно упретъ въ ротъ истинѣ съ нею.

А ее уязвленное самолюбіе, а ее оскорбленная гордость? О, она ступитъ за щитъ иль, она не позволитъ издѣваться надъ ними, никогда!

«Я говорила ему, что ему не за что любить меня, думала Александрана, стараюсь подавить душевное ее волненіе. Онъ же хотѣлъ вѣрять мнѣ... а теперь.... но вѣче и быть не могло.... Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ!»

Она сѣла къ письменному столу, взяла листокъ тонкой, розовой бумаги, стальное перо, и мелкими, щеголеватыми почеркомъ написала слѣдующія строки:

«Милостивый Государь!

«Не знаю, какъ назвать поведеніе, которымъ вы руководствуетесь, но знаю, что оно превосходить те мѣтны, которое я видѣла о васъ. Я много жила морально, и моя кочующая жизнь способствовала мнѣ коротко узнать людей. Собоираясь съ настоящимъ положеніемъ моихъ и вполне сознавая свое ничтожество, я повторяю вамъ теперь то же, что говорила два дня тому назадъ, когда вы, забывъ, вѣроятно, что видите передъ собою не что иное, какъ то забытое, ненужное міру существо, которое называютъ компаньонкой, и когда показалось вамъ, что, вопреки обычаевъ, вы захотѣли любить его, повторяю вамъ то же самое: вы жестоко обманываете себя: вамъ не за что любить меня. Надо имѣть желѣзную волю, чтобы перемѣнить свою натуру, а люди такъ далеки отъ этого! Мы живемъ для себя, а не для другихъ. Хотя аксіома эта не подлежитъ никакому сомнѣнію, но сегодня, когда печально случай привелъ меня удивить раз-

говоръ вашъ съ Марьей Семеновной, я убѣдилась въ томъ вполне. Я все слышала—все, и, признаюсь, удивлялась, откуда, повременамъ, беретса въ человѣкѣ такое краснорѣчіе, когда душа его такъ пуста? Какъ достигаетъ онъ до этого необъяснимаго искусства? Но странная вещь, что, дѣлая этотъ разборъ надъ вами, я заглянула въ самой себя, припомнила все прошедшее и настоящее, и тотчасъ же сказала себѣ, что не нѣтъ права осуждать другихъ, потому что и во мнѣ самой точно такая же дремящая душа, то же каменное сердце, негодное ни къ чему, неспособное не только къ любви, но даже къ ненависти и презрѣнію, однимъ словомъ: что я пропитана тѣми же жалкими недостатками и слабостями, которые такъ рѣзко замѣчала въ другихъ, и которые всегда внушали мнѣ непобѣдимое отвращеніе. И вотъ, въ наказаніе, мнѣ пришлось раздѣлить ту же участь. Чтожь дѣлать! Когда мы выикнешъ въ себя хорошенько, рассмотримъ на просторѣ эти слабости и недостатки и удостоверимся, что мы точно такіе же эгоисты, какъ и прочіе, насъ это утѣшаетъ, намъ какъ-то веселѣе живется. Оттого-ли это что мы при самомъ началѣ не стараемся оборонять себя отъ заразы, которая, какъ извѣстно, крайне прилипчива, или оттого, что сами уже слишкомъ испорчены? Въ пятницу вы оказывали расположеніе мнѣ, сегодня Марья Семеновнѣ, но расположеніе это, какъ это должно было предвидѣть, вышло ложно и фальшиво: вы говорили намъ одно и то же, а между тѣмъ обманули и себя и насъ, то есть не насъ, а неправильно выразилась, потому что меня вы обмануть не могли, но Марью Семеновну. Въ отношеніи меня, вы обманули себя, а надъ Марьей Семеновной хотѣли позабавиться. Последнее вамъ удалось и вы торжествуете теперь, вы счастливы совершенно! Вамъ можно позавидовать, потому что васъ хоть что нибудь забавляетъ еще, и такъ какъ, безъ сомнѣнія, есть много жертвъ, обреченныхъ вами на собственную забаву, то и впредь желаю вамъ успѣха подобнаго сегодняшнему.»

Александрина.

Она положила письмо въ конвертъ, запечатала его изищною облаткой, нарисала адресъ, потомъ позвонила.

Вошла горничная.

— Маша, сказала Александрина, подойди къ ней, у меня есть до тебя большая просьба.

— Что прикажете-съ?

— Отнеси пожалуйста завтра утромъ вотъ это письмо по адресу... это вдалеко...

— Слушаю-съ, отвѣчала Маша, протанувъ руку, чтобы взять его.

Александрина держала письмо в дрожащих пальцах, не рѣшилась поручить его хитрой горничной, прославившейся въ домѣ своей неутомимой болтливостью и непобѣдимую страстью къ сплетнямъ.

— Пожалуйте, сказала опять Мама.

— Дѣло въ томъ, отвѣчала Александра съ несвойственною ей робостью, что я желала бы, чтобъ объ этомъ никто ничего не зналъ. А не то, пожалуй, выйдетъ еще непріятность.

— Извольте-съ, повторила горничная сладко-льстивымъ голосомъ.

Дѣвушка все еще колебалась, но наконецъ, зная, что надо было рѣшиться на что-нибудь, прочла адресъ съ такимъ волненіемъ, такъ отрывисто, и вмѣстѣ такъ тихо, что ее едва можно было разслушать, потомъ прибавила вслухъ, желая задобрить услужливую горничную:

— Тебѣ нравится мое розовое барежовое платье—можешь взять его себѣ.

Мама съ восторгомъ поцѣловала руку дѣвушки, взяла письмо, обѣщая доставить его завтра въ восьмомъ часу утра, чтобъ не возбудить ни въ комъ подозрѣнія, раздѣла Александрина и, потушивъ свѣчи, вышла изъ комнаты.

Мама любила разглашать новости и потому не могла устоять противъ искушенія рассказать по-секрету про данное ей порученіе, сперва Дашѣ, потомъ ключницѣ, потомъ буфетчику, такъ что за ужиномъ уже вся прислуга знала и толковала по-своему о запискѣ Александры Васильевны, отираваемой завтра, чуть свѣтъ, къ Сергѣю Петровичу Одоеву.

IX.

ПРОЗАИЧЕСКАЯ РАЗВѢЗКА.

Александрина всю ночь провела безъ сна. Все слышанное и видѣнное ею казалось ей какою-то смутною тяжелою грезой, и лежа въ постели съ открытыми глазами, несмотря на потемки, она спрашивала себя: какое впечатлѣніе произведетъ на Одоева письмо ея? А содержаніе его должно было порядочно затронуть его самолюбіе.

Александрина встала съ головою болью и какою-то тяжестью во всѣхъ членахъ.

Быль двѣнадцатый часъ. Мама, одѣвая Александрина, отдала ей отчетъ въ своемъ равнѣмъ визитѣ, объявивъ, между прочимъ, что удач-

не удержавшись от порыва; нию и не вообразив даже, что она отлучалась из дому. Александрина позвала ее, и несмотря на то, что чувствовала себя не так здоровой, вышла из кабинета Прасковьи Никитичны, гдѣ обыкновенно на утрамъ пили кофе.

Нѣмъ взгляды на Mariette, эту жалкую соперницу, у нея въ глазахъ помутилось и въ груди сильно застучало сердце, точно что-нибудь стравалось отъ него.

Она одишоко неударовалась съ нею съ невозмутимымъ енокой-ствіемъ, но поспѣшно смуталась на ближнее кресло, опасаясь, чтобы фантасическія сны не вытѣкли ей.

Mariette была необыкновенно весела, безпрестанно хотела обо всѣхъ вадорѣ и болтала безъ уюду. Она до того была зашита собой и своимъ вчараннымъ дебитомъ, что не замѣтила даже страшной блѣдности Александрины, на лицѣ которой не было ни кровинки.

Но этого не случилось съ Прасковьей Никитичной: ничто не могло ускользнуть отъ зоркаго ея глаза. Пораженная молчаливостью дѣвушки и ея разсѣяннымъ видомъ, съ которымъ вовсе не привыкла видѣть ее, она внимательно оглядѣла ее съ ногъ до головы и, возгнувъ къ ней серебряный кофейникъ, сказала какимъ-то дребезжащимъ тономъ:

— *Prenez-vous donc, ma chère.*

Александрина молча наклонила голову въ знакъ благодарности, надела себѣ чашку, и омочивъ въ нее розовыя губы, пододвинула къ себѣ бѣлѣду и начала усердно подхватывать ее сухарями, разламывая ихъ на маленькіе кусочки.

— Не знаете-ли, mesdames, что сдѣлалось съ барономъ? спросила Прасковья Никитична, глядя вопросительно на обѣихъ. Онъ былъ вчера, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ; даже ухалъ не дождав-шись ужина.

— Онъ куда-то былъ отозванъ на вечеръ, отвѣчала Mariette. Впрочемъ, я очень рада, что такъ случилось: онъ ужасно надоелъ мнѣ.

— А ты, чѣмъ бы тебѣ постараться занять его, да не показывать, что тебѣ съ нимъ скучно, какъ нарочно ушла куда-то, оставивъ его въ углу одного. Этакъ не дѣлаютъ, замѣтила лаконически Губкина.

— Но его болтовня нестерпима, шатап:—она такъ безконечно-однообразна, что я просто гдѣвать принялась.

— Все равно. Молодая, воспитанная дѣвица должна уметь преодолѣть себя и быть всегда одинаково любезной, особенно съ мужчинами.

Это была фаворитная тема Прасковьи Никитичны, на которую любила нападать она и кстати и некстати. Какъ вообще всѣ матушки, желавшія пристроить къ мѣсту переродившихъ дочекъ, она думала, что

некая во всякомъ расположеніи и даже отнюдь не должно ни въ какомъ случаѣ уносить изъ вида человека, который могъ бы составить партію дѣлушкѣ богатой, но не изъ знатнаго, даже не изъ дворянскаго происхожденія, а его, то—естъ барона фонъ Штубенкаазе, и подавно, потому что онъ былъ очень хорошій и во всякъ отношеніяхъ удовлетворительный женихъ, несмотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ и на недостаточность состоянія.

Mariette покажется еще вовсе не думала о замужствѣ. Ея шумная, веселая разнообразная жизнь не давала ей времени увлечься чѣмъ-нибудь другимъ. Ей некогда было скучать ни въ гостяхъ, ни дома; поблуду что Прасковья Никитична завела огромный кругъ знакомства, дакъ только лѣтъ ей начала подрастать, и вывозила ее куда только возможно. У Mariette было много жениховъ; ей треста тысячъ всѣмъ предлагались по сараю, но Mariette была разборчива, потому что знала себя кѣну.

Нельзя не согласиться, впрочемъ, что она поступала весьма благодарно: съ такими несомнѣнными достоинствами она имѣла полное право разбираться.

Mariette подошла къ большому трюмо, стоявшему въ простѣнкѣ, повернулась передъ нимъ, охорашивая себя волосы, потомъ, вдругъ обернувшись къ Александринѣ, спросила: какую шляпку шамфрона она одѣвать себя къ зимѣ?

Последняя до того занята была своими мыслями и болтовней, что не расслушала хорошенько вопроса, такъ что Mariette принуждена была повторить его, прибавивъ между прочимъ:

— Будьте внимательнѣе, когда съ вами говорить, Александрина. Дрожу, а не знаю, гдѣ сегодня мысли ваши!

Александрина отвѣчала, что она отдастъ передѣлать свою промышленную шляпку, которая еще довольно хороша, и потому ее можно пронести эту зиму.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Mariette: такъ какъ въ будущемъ лѣсѣцѣ ваше рожденіе, то я дарю вамъ шляпку. Завтра будетъ ко мнѣ н-ше Мадьяръ, закажите ей на вашъ вкусъ. Вы умѣете торговаться лучше меня.

— Свѣге mademoiselle Mariette, а вамъ очень благодарна за ваше чужое вниманіе ко мнѣ, отвѣчала Александрина, старалась улыбнуться: когда вы напрасно вводите себя въ линіи задержки и хлопоты.

— Вотъ пустяки! сказала Mariette. Non il le faut: ça se fait. И, взглянувъ въ зеркало, она пошла одѣваться.

Непріятно прозвучали слова ея въ ухахъ Александрины: она дѣ-

жала ей подарокъ этотъ не потому, чтобы желала доставить ей удовольствіе, а потому только, что такъ дѣлалось, и объявляла ей это прямо.

— Здравствуйте, Прасковья Никитична, сказалъ Одоевъ, отверая дверь. Можно войти?

— А, Сергѣй Петровичъ! Очевь рада. Что это вы сегодня явились спозаранку?

Онъ раскланялся съ обѣими, взглянувъ украдкой на Александрина.

Та отвѣчала холодно и непринужденно на поклонъ его. Онъ не нашелъ въ ней никакой перемѣны, только глаза ея покраснѣли и распухли; а между тѣмъ, во взглядѣ ея не было ни принужденности, ни укора, ни даже презрѣнія. Это взбѣсило его.

Онъ сѣлъ противъ Губкиной и отвѣчалъ, снимая перчатки, которыя бросилъ въ фуражку:

— Я желалъ застать васъ однихъ, чтобы имѣть возможность сказать вамъ нѣсколько словъ безъ свидѣтелей, и потому явился къ вамъ по провинціальному.

Прасковья Никитична съ самодовольствіемъ кивнула головой, облокотилась на диванъ съ нѣкоторою важностью и сказала Александринѣ:

— Laissez nous pour un instant, ma chère. Та, не отвѣчая ни слова, спустила съ колѣнной болонку, поставила на столъ недопитую чашку и, не оглянувшись ни разу, ушла къ себѣ.

Александрина была одна изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя не ужасаются ничего, которыя на все насмотрѣлись вдоволь, которымъ ничто не въ диковинку и которыя и радость и горе принимаютъ съ одинаковымъ равнодушіемъ. Отъ судьбы не ждуть онѣ ничего, борются съ вею не въ силахъ, и пролетаютъ незамѣтно ихъ лучшіе годы безъ отрады, безъ воспоминаній, безъ всякой надежды на будущность. Жизнь ихъ медленно угасаетъ и онѣ, испытанныя, выстрадавшія много, не ищутъ уже въ ней ничего и оставляютъ ее безъ сожалѣнія, утомленная долгой, непрерывной борьбой.

Одоевъ обождалъ покажѣсть дверь не затворилась и тихіе, ровные шаги Александрины не затихли въ отдаленіи.

Губкина сядѣла важно, въ вопросительной позѣ, смотря ему прямо въ лицо.

— Вы удивляетесь моему раннему посѣщенію, Прасковья Никитична? сказалъ наконецъ Одоевъ—и это весьма естественно, потому что я извѣстный лѣбитай. Но причина этому та. что въ другое время у васъ всегда есть кто нибудь изъ постороннихъ, или васъ вовсе не застанешь дома; а я желалъ бы окончить дѣло свое сегодня же.

— Что жъ, говорите, я слушаю васъ.

— Важность предмета, съ которымъ я явился сюда, требовала бы подробнѣе объясненій; но такъ какъ я непримиримый врагъ всѣхъ излишнихъ и пустыхъ словъ, то позвольте мнѣ не отступать отъ принятаго мною правила.

Лицо Одоева было серьёзно; Губкина продолжала вопросительно глядѣть на него, какъ бы понуждая его къ объясненію болѣе ясному.

— Я люблю вашу дочь, присовокупилъ онъ, и пріѣхалъ просить руки ея.

Прасковья Никитична была къ этому подготовлена. Она знала, что рано или поздно это должно было случиться, потому что Одоевъ давно ухаживалъ за Mariette и ухаживалъ явно, слѣдовательно имѣлъ на нее виды.

Но Прасковья Никитична, по ея мнѣнію, отнюдь не должна была скоро сдаться. Это значило бы уронить собственное достоинство, да еще сверхъ того, еслибъ она сдалась слишкомъ скоро, онъ могъ бы подумать, что она обрадовалась предложенію его, точно безъ него дочь ея и не вышла бы замужъ — нѣтъ; у Прасковьи Никитичны ничего не дѣлалось безъ разсчета. Она никогда не упускала случая приладить себѣ вѣсу и ничто не могло сравниться съ ея высокоумнымъ тщеславіемъ.

Съ важностью выслушала она просьбу Одоева и, не измѣняя нисколько положенія, сочла нужнымъ отвѣтить слѣдующее:

— Семень Фаддеечъ и я прежнего обязаны вамъ за честь, которую вы дѣлаете намъ.... но.... прежде нежели обѣщать что либо, я должна еще хорошенько подумать.

— Вы, стало быть, въ чемъ нибудь затрудняетесь? спросилъ молодой человекъ.

— Да, отчасти. Хотя я вообще и не люблю долго думать о чемъ либо, однако, все таки въ подобномъ случаѣ нельзя безъ этого обойтись, тѣмъ болѣе, что *вслѣдъ*—Прасковья Никитична сдѣлала удареніе на *вслѣднѣмъ* словѣ—кто адресовался ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ какъ ваше, я принуждена была отказать.

«Воздравляю ее! подумалъ Одоевъ. Вотъ разодолжила-то, нечего сказать! Вообразила себѣ, что дочь ея такой фениксъ, отъ котораго весь свѣтъ долженъ съ ума сходить. Быть можетъ, она и права, быть можетъ и сходять съ ума, только ужъ никакъ не отъ Mariette, а отъ ея прилагательнаго. Впрочемъ, на то кажется и времени еще достаточно не было: давно-ли она ее показывать-то стала, всего какой нибудь годъ, а то все по дѣтски одѣвала, чтобъ самой годковъ десять посбавить.»

— Отчего же вы отказали мнѣ? спросилъ онъ вслухъ.

— Оттого, что Mariette еще слишкомъ молода. Успѣеть замужемъ найдется, а жениховъ всегда найдутся. Впрочемъ, прибавила она, спохватившись вдругъ, что выразилась слишкомъ рѣзко: а поговорю съ ней объ этомъ. Надо узнать прежде, согласится ли она, и потому уже дѣйствовать рѣшительно. Предупреждаю васъ, что эта записка совершенно не обязываетъ ни васъ, ни Семейя Фоминичи, не будемъ принуждать ее. Мы предоставляемъ выборъ совершенно ей собственному усмотрѣнію.

— Я обѣщавалъ вчера съ Марьей Семеновной, сказала Одоевъ, рѣшившись во что бы то ни стало покончить дѣло въ свою пользу и покончить немедленно: отвѣтъ ея былъ для меня благоприятенъ.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что Марья Семеновна не могла не понять, что, назвавъ ее своею женою, я былъ бы самымъ счастливымъ изъ смертныхъ, и что никто другой не составитъ такъ хорошо ея счастья.

— Mariette еще ребенокъ, который ничего не смысляетъ. Она часто говоритъ одно, а думаетъ другое, или наоборотъ. Впрочемъ... если она согласна... то извольте. Я дамъ вамъ благословеніе мое.

Сергій Петровичъ, при всей дальновидности не ожидалъ, что ему такъ легко удастся. Правда, иногда онъ обманывался въ ожиданіяхъ своихъ, но съ нѣкоторыхъ поръ ему просто везло. Теперь мечта его, которую онъ такъ давно ласкалъ — прискаты себѣ богатую невѣсту и ей состояниемъ поправить опустошеніе своего собственнаго, осуществилась. Но какъ человѣкъ съ тактомъ, онъ не хотѣлъ показывать своей радости, и только прикоснувшись въ первый разъ къ обремененной кольцами и браслетами рукъ Прасковьи Никитичны, пресильнаго позволенія явиться послѣ обѣда къ невѣстѣ, и тотчасъ же уѣхалъ домой, чуть не прыгая на своихъ дрожжахъ и сравнивая себя со всѣми мудрецами Греціи.

Мѣсяца черезъ полтора, около восьми часовъ вечера, по тротуару одной изъ широкихъ и яркоосвѣщенныхъ улицъ Петербурга шли толпою двѣ старухи, щедринаго сложенія, въ черныхъ, поношенныхъ сапогахъ и въ темныхъ сборчатыхъ шляпкахъ. Обѣ усердно о чемъ-то толковали, или, какъ говорится, трещали безъ умолку, потому что рѣчь шла у нихъ рѣкой и повидному не имѣла никакой возможности прескнуться.

— Поглядите-ка, Прасковья Ильинична, прервала на самой срединѣ фразы одна изъ старухъ, указывая рукою на церковь, которая видѣлась въ концѣ улицы: никакъ тамъ свадьба.

— Свадьба и есть, подхватила спутница ее. Видишь церковь-то такъ и вылазитъ. А что, Татьяна Ивановна, не пойти-ли и намъ туда? Я ужъ никакъ съ подъяю какъ свадьбу не видѣла. Съ хачиртажи никакъ не урвусь, а поглядѣть смерть хочется. Шутка-ль подъяла? Легко сказать!

— Разумѣется пойдемте. Я, почтай что каждый день свадьбы гляжу, нарочно для этого раньше нѣтъ гостей уйду, а какъ на дорогѣ попадетсѣ, такъ ужъ тутъ не прогуляю. Эка сила каретъ-то: просто видимо-не видимо! Должно быть свадьба-то богатая, ужъ, пожалуй, не кунеческая-ли?

— А народу-то сколько! присовокудила Прасковья Ильинична. Просто тьма тьмущая: и на паперти, и на улицѣ! Пробреремсѣ-ли мы туда? Что, если въ церковь-то насъ не впусать?..

— Не впусать! Какъ бы не такъ! Да статочное ли это дѣло? цербила словоохотливая Татьяна Ивановна. Ужъ я вамъ говорю, что впусать, а пробраться мы пробреремсѣ такъ, что мое почтенье, да еще станемъ на самомъ переду, и мѣсто выберемъ самое лучшее. Ни на кого не поглядимъ.

Порѣшивъ такимъ образомъ, обѣ прибавили шагу, шутались чуть не вскачь, нисколько не взирая на то, что рисковали сшибить съ ногъ попадавшихся на встрѣчу прохожихъ, и нѣсколько минутъ спустя, достигли, запылавшись, воздегвиной цѣпи.

Церковь, дѣйствительно, была ярко освѣщена. Цѣлый рой экипажей стоялъ около паперти.

Татьяна Ивановна и Прасковья Ильинична вошли въ церковь.

Въ церкви было такъ тѣсно, что, по словамъ обѣихъ спутницъ, не куда было уронить яблока. Однако-же, не смотря на это, обѣ прѣшли на лѣвый клирость. По окончаніи обряда, онѣ, мѣстъ съ тѣмной вышли изъ церкви, вслѣдъ за женихомъ и невѣстою; послѣдніе сѣли въ богатую карету и весело покатали по мостовой, а первыя еще остановились на улицѣ потолковать.

— Прасковья Ильинична! а Прасковья Ильинична! говорила Татьяна Ивановна. — Поглядите-ка родная на жениха-то... Какой безподобный! Просто молодецъ-молодецъ!

— Не то что молодецъ, Татьяна Ивановна, просто красавецъ. Всѣмъ вѣзлѣ, нечего сказать! И росту высокаго, и этакой осанки важной, и лица какого прѣзнаго. Волосы какъ смоль, а глава словно урман!

— А ужь женушка-то, куда некрасива, словно испитая какая, подхватила снова Татьяна Ивановна. — Видно, однакоже, не глупа: вишь накого мужа подцѣвила!

— Да, ужь признаться, хоть бы и не ей такого. Ахъ, мои матушки, — продолжала Прасковья Ильинична, качая головой, и глядя на жениха съ состраданіемъ: онъ-то чего глядѣлъ? Ослабъ что-ли? Съ этакой красой, какую скверную взялъ!

— Видно, богата. Ну, ужь признаться, будь я на его мѣстѣ, ну право не поглядѣла бы что денегъ много. Шутка-ли всю жизнь съ этакой чучелой маяться! Вишь какая поджарая, да черномазая! Хоть бы для этакой оказіи каблукъ поддѣлала себѣ, да попритерлась маленько,

Татьяна Ивановна вдругъ замолчала, потому что около самой рѣшетки кляроса услышала весьма для нее любопытное совѣщаніе, происшедшее между дороднымъ, бородатымъ купцомъ и его супругою.

— Такъ ты говоришь, сколько за нею, Терентьичъ? — спрашивала послѣдняя.

— Да говорятъ, что триста тысячъ, матушка.

— Неужто? А ты отъ кого слышалъ?

— Мало-ли отъ кого. Поди, чай, и здѣсь всякъ знаетъ объ этомъ. Ужь мнѣ всѣ уши прожужжали.

— Да вѣдь мало-ли что говорить-то.

— Мнѣ давеча еще ихной фалеторъ то же самое сказывалъ. Какъ карета-то подкатила, я и шмыгъ туда, да и выспросилъ все до-чиста.

— А ты что думаешь? Быть можетъ и взаправду ему деньги-то ей приглянулись! А то, что бы ему за оказію съ этакой непригожей связаться!

— Вѣстимо, приглянулись деньги. Шутка-ль триста тысячъ!

— Сколько, сколько, родной мой? спросила Татьяна Ивановна, перевѣсившись черезъ перилы, непроизвольно ни одного слова, и погагавшая, что огромная цифра достигла слуха ея въ преувеличенномъ видѣ.

— Да, триста тысячъ, матушка, подтвердилъ купецъ.

— Неужто! Вотъ оказію-то, такъ ужь подлинно оказію! А кто она такая? Не знаешь-ли? Ужь ты, чай, все повыспросилъ.

— Какъ же не повиспросить, матушка? Сказывали мнѣ, что какая-то Губкина.

Татьяна Ивановна и Прасковья Ильинична долго не переставали азать, удивляться, и даже приступили къ купцу съ требованіемъ пересказать мнѣ немедленно и со всѣми подробностями все слышанное, всю подноготную, что тотъ и исполнилъ со всевозможною добросовѣстностью.

Въ эту самую минуту на улицѣ, около паперти, отъ толпы отдѣлилась молодая дѣвушка въ черной бархатной шляпкѣ и въ длинномъ байковомъ бурнусѣ, потому что была глубокая осень и стужа сильная. Она устремила большіе темно-голубые глаза на плотно затворенную дверь церкви, потомъ тотчасъ же опустила ихъ, какъ бы опасаясь, чтобъ она не растворилась, и проскользнула въ ближнюю улицу.

Не въ дальнемъ разстояніи, по загрозиѣвшейся мостовой тащился шагъ за шагомъ ломовой извозчикъ. На длинныхъ россуекахъ его стояла простая, выкрашенная подъ красное дерево, кровать, старый комодъ, небольшой туалетъ, да бѣлый деревянный ящикъ, изъ котораго выглядывали верхушки нѣсколькихъ горшковъ цвѣтовъ, плотно закутанныхъ въ бумагу.

Александрина быстро удалялась, направляя шаги свои къ домику доброй старушки, своей матери, которая ласками своими не разъ уже отогрѣвала сердцѣ бѣдной дѣвушки. Она опустила вуаль, зашагнула бурнусъ и искорѣ скрылась изъ виду.

А что же случилось съ красною камеліей?

Однажды Сенька, камердинеръ Сергѣя Петровича, нашедшаго необходимымъ въ этотъ день куда-то отлучиться, убиралъ кабинетъ его. Обмахивая пыль съ письменнаго стола и съ прочихъ мебели и этажерокъ съ бездѣлушками, рука его наткнулась на завѣтый футляръ, и не зная по какой причинѣ, ему вздумалось открыть его, что онъ немедленно и привелъ въ исполненіе. Камелія совершенно высохла и ярко-красные нѣкогда листья ея съѣжились и пожелтѣли.

— Эка штука! сказалъ Сенька, вертя ее въ пальцахъ во всѣ стороны. — Что это барину вздумалось положить сюда эту траву? Что за краса въ ней? А не то, можетъ статься, онъ позабылъ ее тутъ. Въдь она ему не нужна, только мѣсто занимаетъ ... дай, брошу ...

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ: — А какъ спросить?.. куда, дескать, ты дѣвалъ? скажешь... Нѣтъ, не спросить, продолжалъ Сенька съ увѣренностью. — Куда этакая дрянъ годится? Совсѣмъ запылился, да засохъ этотъ цвѣтъ, даже корова ѣсть не станетъ.

И без дальних перелетов, Сеняки вышвырнулъ его въ торъ, который былъ уже заметенъ къ порогу, а оттуда смахнулъ его крылою и отразилъ такимъ образомъ въ дальнѣйшее и окончательное путешествіе, не заботясь и даже не подозревая нисколько того, что уничтожилъ некогда завѣтный талисманъ, прасованнiйся на груди голубого демона.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Г. РОТЧЕВА.

—
I.

ВЕЧЕРЪ НА МОРѢ.

Подъ небомъ тропиковъ вечерняя заря
Прекрасна! Я люблю, впередъ жадно взоры
На западъ, наблюдать, какъ въ пурпурѣ горя,
Какъ будто игла, черны, какъ храмины, какъ горы,
Надъ шаромъ огненнымъ тѣснятся облака.
Уже погасъ въ волнахъ огонь златаго шара...
Темно.... а ихъ толпа, серебриста и легка,
И блещеть и горитъ, какъ въ заревѣ пожара!
Пустынно одинокъ корабль мой на волнахъ....
Лишь чебо да вода — куда ни брошу очи!
Люблю я въ этотъ часъ — слиянье дня и ночи
Встрѣчать и провожать.... молитва на устахъ
Въ сей часъ таинственный: ея прикосновеень
Врачуешь тяжкое души моей волненье!
Тогда я счастливѣй, тогда мечтаю я:
Мой другъ! не тамъ ли, гдѣ, то пурпуромъ одѣта,
То въ золотѣ — небесъ троическихъ заря
Горитъ и гаснетъ, гдѣ, какъ знаменье завѣта,
Встрѣчаю я Креста * плѣнительный восходъ,
Не тамъ ли часъ свиданья намъ пробьетъ?...

На переходѣ въ Калькутту. Апр. 1852.

* Южный Крестъ — созвѣздіе.

II.

ТРОПИЧЕСКАЯ НОЧЬ.

Чуть дышетъ вѣтерокъ и море — какъ равнина.
 Тропическая ночь. Какъ тихо, какъ тепло!
 Полнеба въ пурпурѣ, другая половина
 Вся въ тучахъ, и черна, какъ ворона крыло.
 Весь въ брызгахъ огненныхъ, какъ сказочное диво,
 Какъ гипогрифъ, корабль качается лѣнливо.
 Но тучи все чертѣй... проснулась въ нихъ гроза,
 Какъ страсть въ груди. Вотъ громъ, сверкнули небеса,
 Зажглись изъ края въ край.... Какъ левъ, трахнувши гривой,
 Понесся мой корабль, раскинувъ паруса!
 Но ты спокойна будь! И въ ужасахъ природы
 Ты все въ душѣ моей! Пускай гроза шумить!
 Я вѣрю, мой карабль при воѣ непогоды
 Безвредно къ пристани летить!

Тихій океанъ. Корабль Гаммабаль. Июль. 1852.

III.

ВСЕГДА, ВЕЗДѢ ОДИНЪ.

Всегда, вездѣ одинъ! Въ минуты ли печали
 На небо южное впередъ жадный взглядъ:
 Въ немъ незнакомыя созвѣздія горятъ —
 И закрываю я мнѣ чуждыя скрижали!
 И мнѣ еще грустнѣй.... На Южный Крестъ смотрю —
 Минувшихъ дней встаютъ грядой воспоминанья,
 И я въ душѣ мольбу усердную творю:
 «Отдайте сѣверной звѣзды моей сіянье!»
 Иль пальма стройная надъ головой моей
 Широколиственнымъ раскинется покровомъ,
 Душа моя твердитъ въ волненіи вѣчно новомъ:
 «Подъ небомъ сѣвера отраднѣй было ей!»
 Когда жъ, въ часъ вечера, надъ дивными цвѣтами
 Тропической земли — огни, какъ свѣтлый рои

Видѣній неземныхъ, мелькають предъ глазами,
 Мой взоръ любитъся ихъ свѣтлою гурьбой,
 А сердце говоритъ: » на сѣверѣ долекомъ
 Твой путеводный огонь, онъ для тебя горитъ! »
 И вновь душа моя, въ волненьи одинокомъ,
 Ни чѣмъ не радуясь, о сѣверѣ груститъ!
 Пусть воздухъ сѣвера не полнъ благоуханій
 Сихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, тропическихъ долинъ,
 Но въ немъ вся жизнь моя! Тамъ ядъ воспоминаній
 Не гложетъ грудь мою... О, тамъ я не одинъ!

Восточная Индія, на берегахъ Ганга. Августъ. 1852.

IV.

ДО СВИДАНЬЯ.

Въ часъ незабвенный, въ часъ страданья
 Ты мнѣ сказала: « до свиданья! »
 А не послѣднее — прости.
 И съ той поры, я слово это,
 Какъ лучъ живительнаго свѣта,
 Храню въ измученной груди.
 « Жди свѣтлый часъ соединенья
 Въ молитвѣ, въ вѣрѣ и въ терпѣннѣ! » —
 Ты мнѣ сказала: — « я твоя! »
 И, помня сладостные звуки,
 Всѣ раздрающія муки
 Сносила гордо грудь моя.
 Разстались мы — и надо мною
 Бѣгутъ обычной чередою
 Чужаго неба облака!
 Мнѣ все здѣсь чуждо — лишь страданья
 Не чужды — да воспоминанья,
 Да безпредѣльная тоска,
 И все, чѣмъ сердце въ жизни билось,
 Къ чему тревожное стремилось,

Без укоры и без слез,
 Печаль въ душѣ сокрывъ глубоко,
 Какъ жрецъ, покорный волѣ рока,
 Не самъ ли въ жертву я принесть?

Смотрю въ грядущее пылко....

Въ немъ безответно, молчаливо!

Печаль грядущее сулитъ!

Къ нему одно мое моленье:

Да ядъ губительный сомнѣнья

Моей души не омрачить!

Что жъ? если часъ обѣтованный,
 Блаженства часъ, тотъ часъ желанный
 Намъ въ этой жизни не пробьеть...

Ты вѣришь — этотъ часъ свиданья

Ударить тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,

Гдѣ наше счастье не пройдетъ!

Каиръ; на берегахъ Нила. Сент. 1852

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

РАШЕЛЬ И КЛАССИЦИЗМЪ.

Въ исторіи сценическаго искусства артисту принадлежитъ второстепенное мѣсто: онъ только исполнитель мысли автора, живой органъ передачи чувствъ, влагаемыхъ авторомъ въ лица историческія, или созданныя его воображеніемъ. Знаменитые артисты находятъ иногда въ характерахъ, которые олицетворяютъ, новыя черты, незамѣченныя до того ни авторомъ, ни публикою, дополняютъ эти характеры, выставляютъ ихъ рельефнѣе, яснѣе, эффектнѣе. Этимъ, однакожъ и ограничивается значеніе автора въ области искусства. Если онъ изъ незначительной роли можеть иногда сдѣлать довольно замѣчательную, то ни въ какомъ случаѣ не извлечетъ ничего изъ дурной роли. Тальма, Лекенъ, Гаррикъ, Кинъ, Дюшенуа и Марсъ не прибавили ничего къ славѣ авторовъ, чьи пьесы они играли: они знамениты только тѣмъ, что превосходно исполняли роли великихъ писателей; они не прибавили ни маловаго значенія пьесамъ, въ которыхъ выходили на сцену. Рашель составляетъ исключеніе въ ряду этихъ великихъ артистовъ. Она рѣшительно возстановила цѣлый рядъ пьесъ, которыхъ безъ нея почти никто не смотрѣлъ. Она заставила публику обратиться къ произведеніямъ, давно забытымъ, оживила ихъ, сдѣлала изъ своей роли въ такихъ пьесахъ главную роль, вокругъ которой сосредоточила всѣ остальные. Для нея только масса зрителей собиралась смотрѣть классическихкихъ писате-

лей французской сцены — и это едва ли не единственный прищипъ въ исторіи театра.

Теперь, когда вопросъ о классицизмѣ давно рѣшенъ, когда никто не станетъ спорить о томъ, возможно ли въ наше время существованіе трагедій съ классическими единствами и безъ всякой исторической вѣрности, когда, наконецъ, мы видимъ предъ собою знаменитую защитницу и одушевленную классицизма—вопросъ о значеніи его и отношеніи къ исторіи литературы дѣлается очень важенъ и интересенъ. Въ отдѣлѣ театральной хроники нашего журнала читатели найдутъ отчетъ о представленіяхъ Рашели на нашей сценѣ. Здѣсь мы расскажемъ біографію знаменитой артистки и постараемся объяснить отношеніе ея къ классицизму. Для этого мы должны бросить прежде всего бѣглый взглядъ на классицизмъ вообще, на его развитіе, паденіе и возрожденіе, при появленіи Рашели.

Не хотимъ возвращаться къ дѣламъ давноминувшихъ дней и сделаемъ только бѣглый очеркъ классицизма, чтобы опредѣлить его настоящее значеніе въ теоріи и исторіи драматическаго искусства.

Въ древней Греціи трагедія была народнымъ праздникомъ, почти обрядомъ. Гимны, пѣтые хоромъ въ честь Діонисія—Вакха, положили, какъ извѣстно, основаніе этому роду произведеній. Пѣвецъ—корифей, выходившій изъ среды хора и заводившій съ нимъ родъ разговора, подалъ Эспису мысль составить для этого корифея рассказъ о какомънибудь подвигѣ изъ исторіи Вакха. Рассказъ этотъ, названный *эпизодомъ*, давалъ возможность хору отдохнуть, чтобы потомъ съ новою силою обратиться къ воспѣванію сына Семелы. Впослѣдствіи эпизодъ сдѣлался главною частью этихъ представленій; хоръ занялъ второе мѣсто. Эта переиѣна сдѣлана была Эсписомъ, раздѣлившимъ эпизодъ, или рассказъ, на пять частей, или *актовъ*, и избравшимъ предметомъ этихъ рассказовъ другія лица, кромѣ Вакха. Еще прежде Эскила, Фриникъ къ одному корифею прибавлялъ другихъ и вывелъ на свои подмостки женщинъ, роли которыхъ исполняемы были, однакожъ, мужчинами; женщины никогда не появлялись на греческихъ театрахъ.

При преемникахъ Эскила — Софоклъ и Эврипидъ и вообще до послѣднихъ дней греческой трагедіи, хоръ занималъ въ ней всегда, если не первое, то весьма важное мѣсто, былъ главною, существенною частью каждой пьесы. Это были зрители, принимавшіе участіе въ представленіи, то изъ простаго любопытства, какъ въ *Прометей*, то изъ страха, какъ въ *Семи вождахъ предъ Оивами*, то изъ мщенія, какъ въ *Эменидахъ*; то соединялъ онъ всѣ свои голоса, воспѣвая свое сожалѣніе, негодованіе или ужасъ, то разговаривалъ съ актеромъ, или читалъ

ему наставленіе посредствомъ одного корифея, избраннаго изъ среды хора. Софокль и Эврипидъ ввели въ обыкновеніе оканчивать каждый актъ трагедіи строфами и антистрофами, пѣтymi обѣими половинами хора поочередно. Планъ и содержаніе ихъ трагедій, конечно, выше Эсхилловскихъ, но никогда хоры ихъ не достигали того величія, не производили такого впечатлѣнія, какъ у Эсхила. Стоить вспомнить только эффектъ хора Эмениды, пробуждавшій въ зрителяхъ религіозный ужасъ. Что можетъ быть трогательнѣе хора стариковъ, въ трагедіи *Персы*? Хоръ второго акта въ трагедіи *Семь вождей*—выше всѣхъ одъ Пиндара.

Стало быть, отличительною чертою древней греческой трагедіи былъ хоръ. Въ театрѣ, гдѣ помѣщалось тридцать тысячъ зрителей, онъ наполнялъ сцену, въ огромной пустотѣ которой терялись бы немногіе актеры. Нѣсколько десятковъ голосовъ, сопровождаемыхъ инструментами, производили большое впечатлѣніе на зрителя. При началѣ трагедіи, на сцену выходила толпа мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и стариковъ, гражданъ и рабовъ, жрецовъ и воиновъ; впереди ихъ шли музыканты, правшіе на флейтѣ, или лиръ; хоръ занималъ на театрѣ свое обычное мѣсто между зрителями и актерами, устроенное, однакожъ, ниже сцены. При появленіи актера, хоръ вступалъ съ нимъ въ разговоръ, принималъ участіе въ его горестяхъ, подавалъ ему совѣты; по уходѣ актера и во время такъ называемыхъ у насъ антрактовъ, хоръ рассказывалъ какія нибудь событія изъ представляемаго сюжета; говорили о своихъ опасеніяхъ, о надеждахъ касательно поступковъ героя, или, наконецъ, просто обращеніе къ какому нибудь божеству и пѣлъ моральныя сентенціи.

Само собою разумѣется, что, при постоянномъ участіи хора въ трагедіяхъ, для сохраненія правдоподобія, необходимо было, чтобъ мѣсто дѣйствій происходило въ храмѣ, на площади, подъ портикомъ, куда допускался народъ. Это было причиной употреблявшагося у древнихъ *единства мѣста*, *Единство времени* простекало само собою изъ этого же условія, потому что хоръ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ долѣе одного дня. Очевидно, что введеніе хора связывало писателя трагедій. Кромѣ этихъ неудобныхъ единствъ, актеры принуждены были открывать свои замыслы и тайныя чувства передъ толпою, являвшеюся на мѣсто дѣйствія часто безъ всякой причины. Какъ пріятно было выслушивать Медею предъ этой толпой свои ужасныя намѣренія, или Федру свою преступную страсть, которую она хотѣла бы скрыть отъ самой себя!

Огромность греческихъ театровъ вела за собою еще и другія неудобства: надо было увеличивать ростъ актера, усилить его голосъ. Из-

обрѣтены были высокіе котурны, широкія маски съ аппаратами, придававшими голосу силу и звучность, но лишавшими его гибкости и выразительности, въ то же время, какъ маска придавала лицу неподвижность и безжизненность. При такихъ условіяхъ было трудно, да и вовсе необходимо, быть хорошимъ актеромъ: надо было только громко декламировать или, ябрьѣе, пѣть свою роль. Изобрѣтеніе впоследствии масокъ, у которыхъ одна половина лица выражала радость, другая печаль, такъ что актеръ не могъ иначе стоять къ публикѣ какъ въ профиль, повертываясь къ ней то той, то другой стороною, смотря по положенію роли—было верхомъ негѣпости. И, однакожь, все это не помѣшало трагедіямъ Эсхила и Эврипида, и въ особенности Софокла, быть совершенствомъ своего рода и своего времени.

Мы не будемъ разбирать теперь греческихъ трагедій: Рашель, конечно, дастъ намъ поводъ говорить о многихъ изъ нихъ впоследствии. Римъ, соперничествовавшій съ Греціей во многихъ родахъ поэзіи, не оставилъ ни одной порядочной трагедіи. Въ этомъ виновато можетъ быть время, непощадившее этихъ произведеній. О нихъ нельзя судить по трагедіямъ Сенеки. Цицеронъ и Квинтиліанъ очень хвалятъ трагическихъ писателей Акція и Пакувія. Мы знаемъ также, что Овидій написалъ *Медю*, Цезарь—*Эдипа*, Октавій Августъ—*Аякса*. Эти трагедіи не могли быть слабыми произведеніями.

Болѣе двѣнадцати вѣковъ прошло со смерти трагедіи до ея возрожденія во Франціи. Начало ея было также религіозное, какъ въ Греціи. Какъ въ Греціи, французская трагедія родилась на площадяхъ и перекресткахъ, и первые сценическіе подмостки были устроены на бочкахъ, напоминавшихъ Оесписа. *Мистеріи* во многомъ напоминали древнія трагедіи, хотя въ нихъ не было ни одного единства. Первымъ трагическимъ писателемъ Франціи считаютъ *Беранже Парасола*, умершаго въ 1383 году. Находясь при Іоаннѣ неаполитанской, онъ написалъ пять трагедій, содержаніе которыхъ взялъ изъ приключеній этой королевы. Онъ посвящалъ свои пьесы папѣ Клименту VII. Это были разговоры то элегическіе, то сатирическіе, безъ раздѣленій на явленія и акты.

Первая французская трагедія, составленная по правиламъ древней греческой, была *Клеопатра*, написанная *Жоделлемъ*; она была играна въ 1552 году и возбудила всеобщій восторгъ. Генрихъ II присутствовалъ со всѣмъ своимъ дворомъ при представленіи этой трагедіи, и далъ автору 500 экю изъ своихъ собственныхъ денегъ. Друзья автора до того увлеклись его успѣхомъ, что вздумали устроить въ честь Жоделля такой же триумфъ, какими Афиняне награждали своихъ трагическихъ

писателей. На пиру, въ Аркейлѣ друзья автора закололи, въ честь его, козла. Эта пародія древности едва не стоила жизни бѣднымъ энтузіастамъ. Народъ требовалъ, чтобы ихъ сожгли какъ идолопоклонниковъ. Ихъ съ трудомъ освободили. Успѣхъ Жоделля былъ, однакожь, непродолжителенъ: авторъ «Клеопатры» умеръ при Карлѣ IX отъ бѣдности, другіе говорятъ даже—отъ голоду.

Гарнье, преемникъ Жоделля, все еще подражая древнимъ, не копировалъ ихъ, однакожь, рабски, какъ его предшественникъ. Его *Ипполитъ* заставилъ забыть *Клеопатру*. Болѣе тридцати лѣтъ Гарнье господствовалъ на французской сценѣ.

Въ 1600 году явился *Гарди*, написавшій *восемьсотъ* трагедій, изъ которыхъ многія не совсѣмъ дурны. Отъ этого писателя до Корнеля прошло также болѣе тридцати лѣтъ, и въ этотъ періодъ времени явились только двѣ порядочныя трагедіи: *Муцій Сцевола*, *Дюріе*, и *Софонизба*. Мере. Первую передѣлывалъ сначала Мармонтель, потомъ Люсь де-Лансиваль. Вторую безъ церемоніи воспользовался Вольтеръ, сказавъ въ предисловіи, что онъ взялъ на себя трудъ обдѣлать ее за-ново (de remettre à neuf). Замѣчательно, что Корнель также написалъ *Софонизбу*, очень плохую пьесу, и что до него еще четыре автора писали четыре трагедіи на тотъ же сюжетъ.

Жодель, Гарнье и Гарди, слѣдуя во всемъ трагедіямъ древнихъ, ввели и хоры въ свои пьесы. Каждый актъ ихъ трагедіи оканчивается трагедіями, полными сентенцій и общихъ мѣстъ. До Гарди, эти хоры даже пѣлись. Мало по малу стали, однакожь, замѣчать несообразность хоровъ, и они дѣлались все короче и рѣже. Наконецъ, въ 1636 году, явилась первая классическая трагедія, признаваемая образцомъ всѣхъ послѣдующихъ произведеній въ этомъ родѣ, до сихъ поръ восхищающая приверженцевъ классицизма. Это былъ знаменитый «Сидъ» Корнеля.

Фонтенель, племянникъ Корнеля, говоритъ въ жизнеописаніи своего дяди: «Чтобы судить о красотѣ какого нибудь произведенія, достаточно разобрать его внутреннее достоинство; но чтобы судить о заслугахъ и значеніи писателя, необходимо сравнить его съ современниками» и съ его предшественниками, прибавимъ мы. Въ этомъ отношеніи во французской литературѣ нѣтъ писателя выше Корнеля. Онъ создалъ все въ трагедіи: стихъ, интригу, характеры. Несмотря на все величіе, его герои говорятъ простымъ языкомъ, сравнительно съ надутостью, сентенціальностью и каламбурами (conceits) Гарди и Гарнье. Чувства героевъ Корнеля возвышенны; его римляне, испанцы, греки, довольно близко подходятъ къ дѣйствительнымъ. Переворотъ, сдѣланный имъ въ

драматическомъ присутствіи, такъ великъ, что имя его должно стоять на первомъ мѣстѣ въ исторіи театра.

Корнель не вдругъ, однакожь, достигъ извѣстности и знаменитости, но всегда оставался одинаково великъ въ своихъ пьесахъ. До Сида онъ написалъ восемь очень плохихъ пьесъ, послѣ Сида написалъ еще столько же, и еще слабѣе. Разборъ его пьесъ займетъ насъ, когда Рашель будетъ играть ихъ. Скажемъ теперь только, что онъ окончательно утвердилъ формы, составляющія основаніе классической трагедіи: три единства: мѣста, времени и дѣйствія, пять актовъ и стихи. Правда, послѣ него были попытки снова ввести въ трагедію хоры; но, кромѣ Гофоліа, гдѣ величіе библейскаго сюжета, положеніе дѣйствующихъ лицъ и самое мѣсто дѣйствія—храмъ Соломона, позволяли употребить въ дѣло эту главную принадлежность древняго театра — всѣ остальные трагедіи съ хорами, не исключая *Эсмира* Расина, *Эдипа* Вольтера и *Улисса* Понсара, не имѣли успѣха. Одна изъ внѣшнихъ причинъ упадка хоровъ была та, что публика не могла высидѣть три часа слишкомъ безъ отдыха, безъ антрактовъ.

Прошли времена, когда на праздникахъ въ честь Діонисія давали въ одинъ спектакль шесть трагедій, и представленія шли нѣсколько дней сряду, начинаясь съ утра и продолжаясь до поздняго вечера. Зато, конечно, подобныя театральныя зрѣлища въ Афинахъ бывали одинъ разъ въ годъ, а современная публика всякій вечеръ хочетъ видѣть и слышать новое.

Трагедія, основанная Корнелемъ, поддержанная и возвышенная Расиномъ, упала тотчасъ же послѣ нихъ и до Вольтера не производила ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ двухъ, трехъ пьесъ Кребильона младшаго. Вольтеръ былъ послѣднимъ знаменитымъ представителемъ ея въ литературѣ. Разрушившій такъ много литературныхъ предрасудковъ, онъ не смѣлъ, однакожь, вооружиться противъ устарѣлыхъ формъ трагедіи и рабски слѣдовалъ имъ, осыпая бранью произведенія *пылаго дикара* — Шекспира.

Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV и первые Людовика XVI драма начала уже вторгаться на сцены парижскихъ театровъ. Попытки Дидро и Бомарше возбуждали участіе, несмотря на вопли классииковъ, приходившихъ въ отчаяніе; революція все остановила. Въ это время, когда на театрахъ республики играли надутыя трагедіи Маріи-Жозефа Шенье и сладкія пасторали съ Титирами и Мелибеями.

Въ короткое время своего владычества, Наполеонъ всѣми силами старался поднять классицизмъ. Онъ былъ идеаломъ классика въ литературѣ. Его суровому, холодному и отчасти напыщенному генію пра-

нысь громкія фразы трагедіи, строгія формы и кутурны. Нѣсколько разъ требовалъ онъ у Франціи трехсотъ тысячъ конскриптовъ и знаменитаго поэта. Истощенная Франція давала ему войско, но не дала поэта. Селевьянъ какъ-то не шло подъ желѣзною рукою побѣдителя вѣль-Европы. Съ величайшими усиліями Франція производила только Бауръ—Дорміановъ и ему подобныхъ писателей.

Реставрація познакомила наконецъ Францію съ литературной жизнью остальной Европы. Но прошло еще около пятнадцати лѣтъ, покажется классицизмъ умеръ окончательно подъ ударами молодой фаланги даровитыхъ драматурговъ. *Генрихъ III* и *Христина* Александра Дюма, *Отелло* въ переводѣ Альфреда де-Винья и *Герники* Виктора Гюго—положили основаніе новой школѣ, современной драмѣ, до сихъ поръ господствующей на сценахъ всей Европы, хотя попытки воскресить классическую трагедію продолжаютъ по временамъ какъ со стороны авторовъ, такъ и со стороны актеровъ. Изъ короткаго очерка сущности древней трагедіи, сдѣланнаго нами, читатели могутъ заключить: возможно ли въ наше время возвращеніе къ классицизму? Еще не такъ давно зашлепкали между романтизмомъ и классицизмомъ жаркіе споры; и какъ почти во всѣхъ литературныхъ спорахъ, продолжительность ихъ происходила оттого, что спорящіе просто не понимали другъ друга, спорили не о дѣлѣ, а о словахъ, понимая и толкуя ихъ каждый по своему. Подъ классицизмомъ понимали произведенія древней литературы, а изъ современныхъ такіа, которыя подходили къ древнимъ—подражали имъ. Классики и не догадывались, что ихъ поддѣлки и подражанія—только пародія на древнихъ; что взять образцомъ только одну форму у давнопогибшихъ націй, значитъ добровольно лишитъ себя средствъ быть оригинальными, самобытными, вѣрными своей національности, положить самого себя на прокустово ложе, убить жизнь, душу произведенія и восхищаться его разрушеннымъ трупомъ, поставленнымъ на ходули.

Мы видѣли, что главною, необходимою частью греческой трагедіи былъ хоръ, отвергнутый самими классиками, какъ несвойственный новымъ идеямъ, новымъ сценическимъ условіямъ. Отчего же эти самыя лица такъ упорно держались своихъ негнѣныхъ единствъ? Причиною этому было схоластическое ученіе среднихъ вѣковъ, основанное на Аристотелѣ. *Ipse dixit*—и этого было довольно: это прекращало всѣ споры. Уже гораздо позже замѣтили, что пресловутый Аристотель никогда не говорилъ положительно и прямо о необходимости трехъ классическихъ единствъ въ своей *Поэтикѣ*. Да и врядъ ли кто изъ тогдашнихъ поборниковъ классицизма, правившій *jugare in verba magistri*, читалъ эту знаменитую *Поэтику*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аристотель былъ великій чело-

вѣтъ съ огромнымъ и разнообразнымъ дарованіемъ; но легкость выраженія не принадлежала къ числу его достоинствъ. Сжатость его философскаго слога, афектація его методы, сухость, темнота выраженій, ненужныя повторенія, невыносимыя длинноты—все это дѣлаетъ чтеніе Аристотеля весьма затруднительнымъ. Проповѣдуя ученіе совершенно противоположное Платону, Аристотель хотѣлъ отличиться отъ своего учителя даже слогомъ. Платона укоряли въ излишествѣ украшеній; Аристотель избѣгалъ ихъ вовсе, но впалъ въ другую крайность—темноту и сухость. Къ тому же *Питтика* его дошла до насъ въ однихъ отрывкахъ. Вотъ все, что Аристотель говоритъ въ ней объ одномъ изъ единствъ трагедій: «Трагедія стѣсняется заключиться въ одномъ днѣ, или простирается немного далѣе этого времени». И на этомъ паткомъ основаніи классики построили свою систему! Далѣе Аристотель говоритъ: «Трагедія есть подражаніе важнаго событія, полнаго, довольнаго—продолжительнаго... Но какова должна быть мѣра этой продолжительности? Этого искусство не можетъ опредѣлять въ точности». И изъ этихъ словъ классики вывели, что важное событіе только то, въ которомъ участвуютъ герои, и что событіе это должно совершиться непременно въ одинъ день и въ теченіе пяти актовъ!

Есть, впрочемъ, у Аристотеля и такія сужденія о трагедіи, которыя классики не брали на себя труда переиначивать, а просто не обращали на нихъ вниманія, хотя въ нихъ заключается прямое опроверженіе нѣкоторыхъ изъ классическихъ формулъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующія слова: «Безъ дѣйствія нѣтъ трагедій. Можно сшить вмѣстѣ прекрасныя сентенціи, блестящія мысли или выраженія, и не достигнуть впечатлѣнія, производимаго трагедіей». Не правда ли, какъ оправдываютъ эту мысль безконечныя тирады французскихъ трагедій, монологи Терамена и разные рассказы о томъ, что *дѣлается* за кулисами, между тѣмъ, какъ объ этомъ только *говорится* на сценѣ.

Подобныхъ мѣстъ, которыми классики вовсе не слѣдуютъ, мы бы могли найти не мало. Такъ Аристотель прямо говоритъ, что главное достоинство трагедіи—планъ и сюжетъ, а классики предпочитаютъ всему слогъ. Лагарль прямо говоритъ, что, по языку, Корнель не можетъ быть поставленъ въ ряду классиковъ. Потому Аристотель требуетъ какъ можно болѣе правдоподобія отъ поступковъ героевъ, желаетъ, чтобы они были ни совершенно добры, ни совершенно злы и чтобы впали въ несчастіе не по преступленію, или по злобѣ, но по ошибкѣ или заблужденію, свойственнымъ человѣку. Какъ все это похоже на классическихъ героевъ! Конечно, классики могутъ сказать намъ на это, что и Аристотель могъ ошибаться, приводя подобныя сужденія, какъ

ошибался, называя Эврипида первымъ греческимъ трагикомъ; онъ не ошибался только въ тѣхъ сужденіяхъ, изъ которыхъ классицизмъ извлекли свои правила. А извлечь ихъ было не трудно, какъ мы видѣли выше: стоило только взять нѣсколько строкъ изъ Аристотеля и перетолковать ихъ по своему. Вѣдь извлекли же даже изъ Аристотеля, что главною пружиною классическихъ трагедій должна быть любовь, тогда какъ любви — какъ мы понимаемъ теперь это чувство — нѣтъ ни въ одной греческой трагедіи, кромѣ Федры.

Въ томъ, что французская трагедія похожа на греческую, можно было увѣрять только, пока нѣтъ литература не познакомилась съ Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипидомъ въ добросовѣстныхъ переводахъ. Тогда псевдоклассицизмъ, видя, что притязанія его на родство съ древними богами чѣмъ смѣшны, принялъ другую тактику и сталъ хлопотать за сохраненіе своихъ единствъ и героевъ потому, что они только одни могли спасти идеалъ прекраснаго, высокаго въ литературѣ, униженный попытками романтиковъ представить жизнь современную въ настоящемъ ея видѣ, изобразить человека человекомъ, а не героемъ. Наконецъ, разбитые на всѣхъ пунктахъ, классицисты стали оправдывать свои единства и формы двухсотлѣтнею давностью; но и въ этомъ случаѣ изысканія строгой критики доказали, что съ самыхъ первыхъ временъ псевдоклассицизма шли объ руку съ нимъ и его противники. Не говоря уже о такихъ писателяхъ, которые какъ Буа-Робертъ, Демаре, Сен-Сорленъ, Шарль Перро, возставали въ эпоху процвѣтанія классицизма, противъ его образцовъ грековъ и римлянъ и противъ педанта Буало, положившаго въ своемъ *Art poétique* законы псевдоклассицизма. Фонтенель, д'Аламберъ, Мармонтель, Мариво, Дидро, Кондорсе, Бомарше, Жанъ Жакъ-Руссо также не уважали древнихъ и не признавали ихъ заслугъ. Ламотъ первый возсталъ противъ классическихъ единствъ, доказывая ихъ нелѣпость, первый началъ смѣяться надъ трагическими наперсниками. Вольтеръ, несмотря на весь свой авторитетъ, на свои злые сарказмы, не могъ осмѣять и уронить Ламота въ общественномъ мнѣніи. Ламотъ защищался очень неуклюже и поминутно ловилъ Вольтера въ противорѣчіяхъ самому себѣ. Послѣ того, въ то самое время, какъ Дюсеъ уродовалъ Шекспира, приспособляя его къ классическимъ формамъ, Себастианъ Мерсье въ своемъ «Опытѣ драматическаго искусства», изданномъ въ 1773 году, излагалъ о театрѣ и вообще о романтизмѣ почти тѣ же самыя мысли, которыя были въ такомъ ходу отъ 1820 до 1830 года. Самое слово *романтизмъ* было въ первый разъ употреблено въ это же время Летуриеромъ въ предисловіи къ его

переводу Шекспира. Мерсье былъ настоящимъ основателемъ новой школы, хотя Франція и забыла о немъ.

Теперь уже не спорять о преимуществахъ классицизма передъ романтизмомъ, не спорять даже объ обратномъ предложеніи. Въ наше время подъ классическою школою литературы понимаютъ ложныя чувства, ложныхъ героевъ, ложныя формы. Романтизмъ, напротивъ, сдѣлался сиюминутнымъ истиннымъ. Очевидно, что рѣшеніе вопроса, уясненнаго до такой степени, не можетъ быть подвержено ни малѣйшему сомнѣнію.

И однакожь, въ наше время есть приверженцы классицизма, есть заклятые враги романтизма. Отчего происходитъ это? Намъ кажется, что и это не трудно объяснить. Приверженность французамъ стараго порядка, *de l'ancien régime*, къ классицизму объясняется историческимъ ходомъ вещей во Франціи. Классическая литература, начиная съ Людовика XIII, была достояніемъ избраннаго, высшаго класса общества. Масса народа никогда не сочувствовала трагедіямъ и смотрѣла ихъ потому, что больше смотрѣть было нечего. Поэтому съ преданіями о классицизмѣ у классиковъ соединяются преданія блестящаго двора Людовиковъ XIV и XV. Въ классической трагедіи старые классики (молодыхъ классиковъ нѣтъ и никогда не было) любятъ свое прошедшее, свою молодость, воспоминаніе первыхъ лѣтъ ученія, первыхъ минутъ любви. Вражда этихъ лицъ къ романтизму можетъ объясниться также отчасти и злоупотребленіями его, доходившими до послѣдней степени крайности въ современной французской драмѣ. Но очевидно, что употребленіе во зло какого бы то ни было предмета, не доказываетъ еще, чтобы предметъ этотъ былъ дурецъ или вреденъ. Сами романтики, неувлекаемые пристрастіемъ и односторонностью взгляда, и оуждающіе по заслугамъ формы и заблужденія классицизма, отдадутъ всегда справедливость знаменитымъ классическимъ писателямъ, умѣвшимъ и въ этихъ стѣснительныхъ формахъ выразить много благородныхъ и прекрасныхъ чувствъ. Дѣло только въ томъ, что, нестѣсняемые этими формами, классическіе писатели создали бы еще лучшія произведенія.

Тѣмъ, что мы сказали выше, объясняется невозможность возрожденія классицизма въ наше время, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и возможность съ участіемъ и любопытствомъ смотрѣть французскія трагедіи, только не постоянно и не всякій день. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не любопытно человѣку, знакомому съ исторіей литературы, взглянуть на произведенія, восхищавшія образованныхъ людей, двѣсти лѣтъ тому назадъ? Развѣ не интересно вернуться къ давнопрошедшимъ временамъ, воскресить въ своей памяти образы эпохи блестящей, знаме-

литой? Конечно, эпоха эта будетъ непонятна тому, кто не изучалъ историческаго развитія литературы; но она будетъ всегда занимательна даже для націй, въ которыхъ сценическое искусство развивалось по другимъ законамъ, на другихъ основаніяхъ. Вотъ почему образованный англичанинъ, испанецъ, германецъ будутъ съ удовольствіемъ слушать французскую трагедію, хотя нѣтъ національный театръ далеко выше французскаго, а Шекспиръ, Кальдеронъ и Шиллеръ конечно уже выше Расина и Корнеля.

Изъ всѣхъ народовъ ближе всего подходятъ къ французамъ, по сценическимъ произведеніямъ — итальянцы; дальше всѣхъ отъ нихъ славянскія племена. У насъ, конечно, театръ нашъ, при началѣ его существованія, долженъ былъ слѣдовать классическому направленію. Французская трагедія явилась и на нашей сценѣ, сначала въ тяжелыхъ вирвахъ Ломоносова и Сумарокова, потомъ болѣе въ очищенномъ видѣ у Княжнина и его подражателей. У насъ также, какъ и въ Парижѣ, только высшій кругъ интересовался трагедіей; для народа она была дика, какъ экзотическое растение, которое никакъ не могло прivityся къ нашей почвѣ. Впрочемъ, и въ первые годы своего существованія, русская классическая трагедія почувствовала необходимость своихъ, самобытныхъ, народныхъ сюжетовъ для сценическихъ представленій. Правда, наши Владисавы, Росславы, Ярополки, Вадимы, Дмитріи Самозванцы были тѣ же французскіе маркизы или, что все одно и то же, Пирры, Оресты, Баязеты, Титы французскихъ трагедій; но даже эти заморскія маріонетки, одѣтыя въ русскіе кафтаны, пробуждали въ массѣ зрителей любовь къ народнымъ драмамъ. Классицизмъ упалъ у насъ еще до 1812 года. Послѣ этого онъ поддерживался съ трудомъ только нѣсколькими замѣчательными сценическими дарованіями. Въ одно время съ Западной Европой, началось и у насъ толки о классицизмѣ и романтизмѣ. Ни одинъ альманахъ двадцатыхъ годовъ не выходилъ безъ болѣе или менѣе глубокомысленнаго разсужденія объ этомъ предметѣ. Мы нашли, между прочимъ, весьма любопытный отзывъ о романтизмѣ у Пушкина въ одномъ частномъ письмѣ его къ другу-литератору. Вотъ, что писалъ знаменитый поэтъ нашъ изъ Опочки, 3 декабря 1824 года: «Я написалъ трагедію и ею очень доволенъ; но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже К—ъ вретъ... Жду твоей новой повѣсти, да возмись—ка за дѣльный романъ и пиши его со всей непринужденностью разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебатину... Я право болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.» Въ этомъ

же письмо Пушкина высказывает свое мнѣніе о первой *романтической* комедіи въ Россіи, о «Горѣ отъ Ума». Это мнѣніе до того замѣчательно, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ близкое отношеніе къ предмету, о которомъ мы бесѣдуемъ съ читателями.

«Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣдкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана неясно: не то... не то московская кузина. Молчалинъ недовольно рѣзко подлѣ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? старая пружина, но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ, между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. *Les propos du bal*, сплетни, рассказъ Репетилова о клубѣ, Загорецкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго гениа. Теперь вопросъ: въ комедіи «Горѣ отъ ума», кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Шылый, благородный и добрый малый, проведеній нѣсколько времени съ очень умнымъ челоѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшейся его мыслями, остротами и сатирическими заключеніями. Все это говоритъ онъ очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? на балѣ московскимъ бабushкамъ? Молчалину? Это непростительно! Первый признакъ умнаго челоѣка: съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера предъ Репетиловыми и т. п. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно, что онъ вѣтренъ и глупъ: съ такимъ простодушіемъ довольно, чтобы онъ признавался въ своей глуности, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину—прелестна, и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія, но Грибоѣдовъ видно не захотѣлъ—его воля. О стихахъ я не говорю: половина должна войти въ пословицу».

Подобные свѣтлые взгляды были не рѣдкость въ русской литературѣ двадцатыхъ годовъ. Мы не можемъ, однакожъ, входить въ подробности развитія и паденія классицизма въ Россіи и должны обратиться къ главному предмету нашей статьи, отъ котораго мы такъ часто от-

даемся, увлекаемые богатствомъ сюжета и любопытными чертами исторіи классицизма.

Прошло безъ малого восемь лѣтъ послѣ июльскаго переворота, классицизмъ совершенно упалъ въ Парижѣ. Французскій театръ посѣщали одни старики, восхищавшіеся трагедіями изъ упрямства и по привычкѣ. Но и романтизмъ успѣлъ надѣсть своими крайностями, преувеличеніями, неуваженіемъ къ искусству, къ основнымъ законамъ прекраснаго; истиннаго. Вдругъ, среди жаркихъ лѣтнихъ дней, двѣнадцатаго іюня 1838 года, Французскій Театръ возвѣстилъ въ своихъ афишахъ дебютъ дѣвядцы *Рашель-Феликсъ* въ роли *Камиллы* въ трагедіи Корнеля: *Горации*...

Театръ былъ еще пустѣе, нежели когда нибудь; зрители собрались смотрѣть и пьесу и дебютантку рѣшительно отъ скуки, и вдругъ даже первый выходъ Рашели поразилъ публику. Вмѣсто неестественнаго, классическаго *выступанія*, молодая дебютантка вышла простой, благородной походкой. При первыхъ звукахъ ея голоса изумленіе увеличилось. Это было не декламированіе стиховъ на распѣвъ, по завѣтнымъ традиціямъ съ трагическимъ завываніемъ, однообразнымъ паденіемъ стиха на послѣднемъ слогѣ, это было простое, естественное чтеніе, живая рѣчь живаго созданія, голосъ, полный чувства и возбуждающій чувство въ зрителяхъ. Классики видѣли, что это не *классическая* игра, не *классическое* чтеніе стиховъ, но сознавались въ глубинѣ души, что все таки это хорошо сыграно и прочтено. Три акта прошли въ недоумѣніи, въ молчаніи; ни одинъ аплодисменъ не раздавался въ полупустой залѣ. Зрители поняли, что въ искусствѣ совершился переворотъ огромный, важный, неожиданный. Но въ четвертомъ актѣ классики не выдержали: они пришли въ восторгъ, вздрогнули невольно при знаменитыхъ стихахъ, превосходно прочтенныхъ молодой артисткой:

Rome, unique objet de mon ressentiment!
 Romé, à qui vient ton bras d'immoler mon amant!
 Rome, qui t'a vu naître et que ton cœur adore!
 Rome, enfin que je hais, parce qu'elle t'honore!

Въ особенности конецъ этого монолога рѣшительно уничтожилъ публику:

Puissé-je de mes yeux voir tomber la foudre,
 Voir tes maisons en cendres et tes lauriers en poudre!
 Voir le dernier romain à son dernier soupir
 Moi seule en être cause et mourir de plaisir!

Эффектъ этого спектакля былъ единственный въ лѣтописяхъ французскаго театра со времени Жоржъ и Дюшенуа. На другое утро Парржъ съ удивленіемъ узналъ о появленіи въ немъ новой гениальной артистки. Журналы, до тѣхъ поръ ничего о ней неговорившіе, обратили вниманіе на ея дебюты, но слѣдили за ними какъ-то недовѣрчиво; извѣстность ея распространялась очень медленно.

Послѣ Горациевъ Рашель играла роль Эмилиі въ *Цинль Корнеля*. Зрители также слушали съ ужасомъ знаменитую тираду ея:

Me connais-tu, Maxime et sais tu qui je suis?

Tu m'ose aimer et tu n'ose mourir.
 Tu prétends un peu trop: mais pour que tu pretendes
 Rends-toi digne du moins de ce que tu demandes,
 Cesse de fuire en lache un glorieux trepas
 Ou de m'offrir un coeur que tu fais voir si bas;
 Fais que je porte envie a ta vertu parfaite;
 Ne te pouvant aimer fais que je te regrette:
 Montre d'un vrai Romain la derniere vigueur .
 Et merite mes pleurs au défaut de mon coeur.

Суровый талантъ Корнеля особенно хорошо былъ постигнутъ Рашелью; это видно изъ двухъ противоположныхъ характеровъ, каковы характеръ Камиллы и Эмилиі. Камилла женщина, которую любовь заставляетъ позабыть объ отечествѣ; Эмилиа жертвуетъ отечеству своею любовью. Въ этой послѣдней роли Рашель достигла высокаго совершенства и съ особеннымъ чувствомъ передала самоотверженіе наивной, непорочной дѣвушки, которую сознаніе разрушеннаго счастья вынуждаетъ къ смѣлому поступку.

Герміона, въ *Андронахъ*, была третья роль Рашели. Различіе характера Герміоны отъ Камиллы и Эмилиі было прекрасно выражено Рашелью. Зрители видѣли предъ собою истинную дочь Менелая, то счастливую и нѣжную, то преданную самому сильному отчаянію, умѣющую повелѣвать своими чувствами въ присутствіи предпочтенной ей соперницы, передъ плѣнною троянкой, которую Герміона уничтожаетъ однимъ презрительнымъ взглядомъ и величественнымъ движеніемъ. Особенно въ этой пьесѣ, все могущество таланта Рашели выказалось въ эмергической сценѣ, когда она говоритъ Оресту:

Ne vous suffit il pas que je l'ai condamné?
 Ne vous suffit il pas que ma gloire offensée
 Demande une victime a moi seule adressée,

Qu'Hermione est le prix d'un tyran opprimé;
Que je le hais; enfin, seigneur, que je l'aimai?

Je m'en vais seule au temple ou leur hymen s'apprête,
Où vous n'oser aller mériter ma conquête;
Là de mon ennemi je saurai m'approcher
Je percerai le cœur que je n'ai pu toucher;
Et mes sanglantes mains, sur moi-même tournées,
Aussitôt, malgré lui, joindrons nos destinées;
Et, tout ingrat qu'il est, il me sera plus doux
De mourir près de lui que de vivre avec vous.

И потомъ, отдѣльные стихи въ ея сценѣ съ Пирромъ были верхомъ совершенства, какого когда либо достигали актрисы...

Аменада въ Тавпретѣ была исполнена Рашелью съ такимъ же совершенствомъ. Роль Эрифилы, въ Ифигеніи несмотря на свою незначительность, была сыграна Рашелью съ такимъ искусствомъ, что дочь Клеопатры казалась передъ нею второстепенной героиней. Противъ Рашели начали уже распространять толки зависти: стали упрекать ее въ томъ, что у нея не достаетъ истиннаго чувства; что ни въ душѣ ея, ни въ голосѣ незаметно выраженія грусти, задумчивости и восторговъ любви. Тогда, какъ бы для опроверженія этихъ обвиненій, она появилась въ роли Монины, въ Митридатѣ. Рашель особенно была хороша въ ту минуту, когда печальная Монима держитъ отравленный кубокъ и мечтаетъ о голубомъ небѣ своей родины, и когда она сталкивается съ Ксифаромъ. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, когда она говорила Митридату:

Dans l'ombre du secret ce feu allait s'éteindre;
Et même de mon sort je ne pouvais me plaindre,
Puisqu'enfin, aux dépens de mes vœux les plus doux,
Je faisais les bonheur d'un héros tel que vous.
Vous seul seigneur, vous seul m'avez attachée
A cette obéissance où j'étais attachée, и проч.

Директоръ Французскаго Театра положилъ возобновить представленіе трагедіи Баязетъ, въ которой Рашель должна была играть роль Роксаны. За нее боялись нешного ея почитатели. Самъ Жюль-Жаневъ, всегда благосклонный почитатель таланта Рашели, лично объявилъ ей, что она въ роли Роксаны «никогда ни на что не будетъ похожа,» но и Жюль-Жаневъ принужденъ былъ сознаться, что ему суждено ошибаться. Представленіе Баязета увѣнчалось огромнымъ успѣхомъ, и Рашель раздѣлила славу актеромъ Фонта игравшимъ роль Османа. Особенно

хороша она была въ томъ явленіи, гдѣ ей подають письмо и она говоритъ :

Donne!.. Pourquoi fremir?.. et quel trouble soudain
Me glace à cet objet et fait trembler ma main?
Il peut l'avoir écrit sans m'avoir offensée

Ah! de la trahison me voila done instruite!
Je reconnais l'arnas dont il m'avait séduite.
Ainsi donc mon amour était récompensé,
Lâche! indigne de jour que je t'avais laissé!
Ah! je respire enfin, et ma joie est extrême
Que le traître une fois se soit trahi lui même!
Libre des soins cruels où j'allais m'engager,
Ma tranquille fureur n'a plus qu'a se venger,
Qu'il meure! Veugeons-nous: courez! qu'on le saisisse,
Que la main des muets s'arme pour son suplice;
Qu'ils viennent preparer ces noeuds infortunés....

Рашель передала эти неистовыя слова Роксаны съ ужасающею естественностью.

Не смотря на эти успѣхи, зала Французскаго Театра оставалась пуста попрежнему. Рашелью восхищались немногіе класики. Большинство публики имъ не вѣрило. Говорили даже, что Рашель просто сочинили класики, чтобы поддержать свою умирающую трагедію, что Рашель—просто фокусъ и что трагедія съ Рашелью—тотъ же трупъ, который при ударѣ гальванической батареи приподнимется на мгновеніе для того, чтобы послѣ упасть съ большіимъ шумомъ.

И вдругъ, среди этого равнодушія, среди недовѣрчивости къ возникающему дарованію явилась въ фельетонѣ Journal de Débats статья блестящая, живая, увлекательная, полная ума, чувства и любви къ искусству. Предметомъ этой статьи была Рашель; авторъ ея—Жюль-Жаненъ, невидавшій первыхъ дебютовъ артистки, потому что онъ путешествовалъ въ это время по Италиі.

Жюль-Жаненъ былъ въ восторгѣ отъ Рашели Она была уже знакома ему прежде. Съ годъ тому назадъ, на театрѣ Драматической Гимназіи, директоръ его Делетръ-Пуарсонъ принялъ новую дебютантку, и заказалъ даже для нея новую пьесу Теолону, одному изъ неутомимыхъ поставщиковъ бульварныхъ пьесъ. Тогда только что вышелъ *Театръ Клары Хазуль*—Мериме и всѣ театры переносили на сцену эпизодъ изъ пьесы, отъ которой спасается графъ Романья. Пьеса Теолона называлась *Вандеянка* и заключала въ себѣ сто первое повтореніе этой

исторія. Это происходило 24 апрѣля 1837 года. Пьеса не имѣла никакого успѣха; дебютантка раздѣлила участь пьесы. Несмотря на это, Жюль-Жаненъ писалъ въ фельетонѣ того же журнала Преній, 1 мая 1837 года слѣдующее:

«Въ этой пьесѣ (La Vendéenne) авторъ хотѣлъ не только создать драму, но вывести въ драмѣ ребенка, дѣвочку, которой только что минуло пятнадцать лѣтъ; имя ея—*Рашель*. Ребенокъ этотъ, по счастью, не феноменъ и не попадетъ въ число рѣдкостей. Въ игрѣ Рашели много ума, души, сердца, чувства и очень мало опытности; въ ней есть природное пониманіе драмы, которую она играетъ, и чтобъ понять ее, ей довольно своего собственнаго разсудка: она не нуждается ни въ чьихъ урокахъ и совѣтахъ. Въ ней не видно никакого усилія, никакого преувеличенія; нѣтъ криковъ, нѣтъ жестовъ; чрезвычайная умѣренность въ движеніяхъ корпуса и лица; ничего, что бы было похоже на кокетство, но, напротивъ, что-то рѣзкое, смѣлое, даже дикое въ движеніяхъ, въ походкѣ, во взглядѣ—такова Рашель. Эта дѣвочка, обладающая сознаніемъ истины въ искусствѣ, костюмируется съ мелочною вѣрностью; голосъ ея глухъ и не выработанъ, какъ голосъ ребенка; руки красны, ноги также какъ и руки, не сформировались; она далеко не красавица—но нравится. Однимъ словомъ, въ этомъ молодомъ дарованіи таится великая будущность; она уже въ настоящую минуту возбуждаетъ много участія, слезъ, волненія.»

На эту статью не обратили въ то время вниманія. Говорили, что знаменитый фельетонистъ увлеченъ; что онъ преувеличиваетъ. Обо всемъ этомъ онъ упоминалъ въ новой статьѣ по поводу той же Рашели, появившейся на другомъ театрѣ, въ другихъ пьесахъ, съ другимъ успѣхомъ.

«Странная вещь! говорить онъ, дѣвочка, ничему неучившаяся, безъ искусства, безъ приготовленія, вдругъ является въ старинной трагедіи, силою своего дыханія разогрѣваетъ ея остывшій пепелъ и развиваетъ изъ этого пепла пламя. Это точно удивительно! И замѣьте, эта дѣвочка невысока ростомъ, довольно дурна собой, слабой груди, ~~не имѣетъ~~ обыкновенной наружности, съ выраженіями тривиальными. Недавно я встрѣтился съ нею; она сказала мнѣ: C'est moi que j'étais-tau ~~Саванна~~. Я долженъ былъ отвѣчать ей на это: je le savons. Не спрашивайте у нея, кто такой Танкредъ, старикъ Гораций, что такое Гериния, Троянская война, Пирръ, Елена? Она не знаетъ этого; она ничего не знаетъ. Но въ ней есть что-то лучше знанія: въ ней есть ~~идеализмъ~~ страсть, есть молнія, освѣщающія все вокругъ нея. Едва она ~~заходитъ~~ на сцену—она вырастаетъ; вы видите передъ собой фигуру

поэмы Гомера; голова ея поднялась, грудь расширилась, глаза загорѣлись, ноги гордо попирають землю; ея жестъ исторгается изъ души; звучная рѣчь полна сердечной страсти. Смѣло играетъ она въ цѣсть Корнеля, возбуждая страхъ и волненіе, также смѣло выходитъ она въ трагедіи Вольтера, всюю душою и тѣломъ предается нѣжной страсти Расина—и ничто не удивляетъ ее. Она родилась въ этомъ отдѣльномъ мірѣ поэзіи, она знаетъ все его тайны. Актеры, играющіе вмѣстѣ съ нею, удивляются этой смѣлости; древняя трагедія оживаетъ въ надеждѣ. Партеръ безмолвный, очарованный ея упоеніемъ, слушаетъ эту музыку чудныхъ стиховъ...»

Далѣе Жюль-Жаненъ говоритъ о трудности поднять въ наше время изъ праха классическую трагедію; радуется, что Рашель, не видѣвъ опасности, гордо выступила на этотъ подвигъ, смѣло исполняла его. Во всѣхъ порывахъ ея незамѣтно ничего, что отзывалось бы школой, напоминало консерваторію, показывало бы учителя, скрывающагося за этой декламацией, заранѣе положенной на ноты. Все, что въ ней есть, принадлежитъ ей одной—ошибка и торжество. Она презираетъ старья, избитыя троцы, даже не знаетъ ихъ. Часто старый трагическій актеръ, играющій съ ней и привыкшій къ извѣстному ударенію (*melorée*) на извѣстномъ стихѣ, вдругъ останавливается, испуганный новымъ удареніемъ на новомъ словѣ, которое вдругъ придаетъ новый блескъ и стиху и тирадѣ. Она сама не знаетъ впередъ, что сдѣлаетъ; ничего не предвидитъ; всякое движеніе исторгается у нея невольно, безсознательно.

Вотъ еще нѣсколько строкъ въ концѣ этого знаменитаго фельетона: «Рашель — это піюія Виргилія: блѣдная, умирающая, она едва сидитъ съ опущенными руками, съ согнутымъ тѣломъ... вдругъ эта убитая природа пробуждается, оживаетъ, огонь изъ души переходитъ въ глаза; сердце сильно бьется въ поднявшейся груди; дыханіе ея сильно, горячо; вся фигура вдругъ становится дивно хороша. Какія позы! какой ростъ! какія руки! Ее можно принять за одну изъ тѣхъ древнихъ статуй вполнину изваянныхъ неизвѣстнымъ художникомъ, но которыя до того хороши, что никто не осѣлится коснуться рѣзцомъ до этого необдѣланнаго мрамора. И покамѣстъ ей говорить, возбуждаютъ въ ней страсть, она вся занята; дѣйствуетъ сердцемъ, душою, умомъ, взглядомъ, всѣмъ тѣломъ съ ногъ до головы... Эта дѣвочка одарена необыкновеннымъ логическимъ смысломъ, сама этого не зная. Она не забываетъ ни на минуту господствующей страсти въ роли своей, хотя бы могла этимъ произвести большой эффектъ. Потомъ, когда она не сможетъ больше такъ сильно чувствовать, когда устанетъ, измучится отъ страданій, тогда играетъ до конца трагедіи—какъ позволять ей силы; она не играетъ, не слушаетъ; голосъ ея пау-

даётъ вмѣстѣ съ жестами... Будьте же снисходительны, если увидите, что она идетъ ощупью по дорогѣ, по которой сейчасъ шла съ такой энергіей: что дѣлать! погасъ свѣтъ, указывавшій ей дорогу.»

Эта статья Жюль-Жанена возбудила всеобщее вниманіе, надѣлала много шума въ Парижѣ, хотя въ ней фельетонистъ выражался немного восторженно, сознаваясь, что Рашель иногда играетъ неровно и слабо, и противорѣчилъ самому себѣ, говоря, что она играетъ то по одму вдохновенію, то съ удивительнымъ умомъ.

Одинъ изъ парижскихъ фельетонистовъ вычислялъ суммы, вырученныя французскимъ театромъ за представленія Рашели отъ іюня до октября 1838 года. Увеличивающаяся постепенно прогрессія выручки довольно любопытна. Вотъ она:

12 іюня 1838 года, первый дебютъ — Камилла въ Гораціяхъ — 752 фр.; 16 іюня—Эмилія, въ Циннѣ—558 фр.; 23 іюня—Гораціи—303 фр.; 9 іюля—Герміона въ Андромахъ — 373 фр.; 11 іюля — Цинна—342 фр.; 15 іюля—Андромаха—740 фр.; 9 августа—Аменанда, въ Танкредѣ—620 фр.; 12 августа, та же роль — 422 фр.; 16 августа—Эрифилла, въ Ифигеніи—715 фр.; 18 августа—Гораціи—594 фр.; 22 августа—Танкредъ—800 фр.; 26 августа—Андромаха—1225 фр.; 30 августа—Танкредъ—650 фр.; 4 сентября—Андромаха—629 фр.; 9 сентября—Танкредъ—2048 фр.; 11 сентября—Гораціи—1304 фр.; 15 сентября—Андромаха—1218 фр.; 17 сентября—Танкредъ—1118 фр.; 23 сентября—Андромаха—2129 фр.; 27 сентября—Цинна—3150 фр.; 29 сентября—та же роль—2400 фр.; 3 октября—Андромаха 4281 фр. 5 октября—Монима въ Митридатѣ—3660 фр.; 9 октября—та же роль—4640 фр.; 12 октября — Андромаха— 5529 фр.; 17 октября—Гораціи—4440 фр.; 19 октября—Андромаха — 6131 фр.; итакъ за двадцать шесть представленій получено было 49,465 франковъ.

Въ продолженіе октября мѣсяца число это возрасло до ста тысячъ франковъ. Ложь говорятъ, что въ теченіе пяти лѣтъ, съ 12 іюня 1838 по 1 ноября 1842 года, за сто семьдесятъ представленій, Рашель доставила Французскому Театру болѣе милліона пяти сотъ тысячъ франковъ. Этими пьесами не ограничился полный репертуаръ Рашели и вскорѣ послѣ роли Аменанды въ Танкредѣ, она явилась въ роли Химены въ Сидѣ. Спектакль былъ обставленъ великолѣпно: Бовале игралъ Родрига, Гюйонъ дона Діега; Фонта короля; Друвилъ дона Санчо. Трудную роль Химены, въ которой Корнель хотѣлъ изобразить всю испанскую гордость и вмѣстѣ всю пламенную нѣжность испанской женщины, Рашель сыграла слабѣе прочихъ ролей и только мѣстами являлась на высокой

степени своего искусства; но это минутное впечатлѣніе неполнаго наслажденія было скорѣе изглажено ролью Маріи Стюартъ. Рашель, послѣ полнаго торжества въ Парижѣ, играла эту роль въ Лондонѣ съ равнымъ огромнымъ успѣхомъ и, кромя неистовыхъ рукоплесканій англійской публики, была награждена англійскою королевою драгоцѣннымъ золотымъ браслетомъ, украшеннымъ брилліантовымъ именованнымъ шифромъ.

Марія Стюартъ, какъ *Аріана* и *Фредегонда* Лемерсье, дала Рашели возможность выказать все могущество своего таланта и въ области трагедіи новѣйшей. Въ *Аріанѣ*, грустный и влюбленный взглядъ ея трогалъ томною нѣгою; въ роли Маріи онъ возбуждалъ невольное сочувствіе къ этой повѣстической и несчастной женщинѣ; въ *Фредегондѣ* выраженіе глазъ Рашели пугало и обдавало душу холодомъ; блескъ ихъ, по словамъ Франсуа Жиро, былъ блескомъ металлическимъ, твердымъ, уничтожающимъ всякую надежду найдти въ *Фредегондѣ* какое нибудь женское чувство... Наконецъ, послѣ *Полины* въ *Полівактѣ*, *Лаодицѣ* въ *Никомедѣ*, *Эсфирі* и *Юдифи*, для Рашели наступило еще трудное испытаніе: назначена была *Федра*—лучшее произведеніе Расина, давно всѣми нетерпѣливо ожидаемое, которое не могло имѣть болѣе гениальной представительницы. Театръ былъ весь полонъ, и огромная, труднѣйшая во всемъ классическомъ репертуарѣ роль *Федры* была сыграна въ совершенствѣ, хоть нѣкоторые фельетонисты замѣтили въ ней прежній недостатокъ чувствительности; эта слабая сторона искупалась вполне, впрочемъ, силою выраженія и пантомимы.

Послѣ представленія *Федры*, Рашель достигла апогея извѣстности и славы, сдѣлалась предметомъ общихъ разговоровъ, возбуждала всеобщій интересъ. Къ каждому слову ея прислушивались, припоминали каждое остроумное или удачное выраженіе, которыя пересказывались въ различныхъ кругахъ общества.

Рашель сама очень хорошо сознается, что упрекъ въ недостаткѣ чувствительности не безоснователенъ, и отвѣчала однажды:

«Я стараюсь придать своему голосу необходимую мягкость и нѣжность для выраженія этого чувства; но когда желаю достигъ совершенства той интонаціи, какая прилична этому сердечному состоянию и какъ я понимаю ее — голосъ не повинуется мнѣ и фальшивитъ». Это чисто музыкальное замѣчаніе. Тальма испытывалъ то же самое.

Со времени фельетона Жюль-Жанена Рашель сдѣлалась настоящею знаменитостью. Журналы овладѣли ею и, какъ водится, начали рассказывать чудеса и небывлицы о ея дѣтствѣ и первой молодости. Вотъ, однакожь, самые вѣрные факты о ея жизни, которые мы могли собрать изъ множества разнородныхъ и часто противорѣчащихъ другъ другу источни-

лютъ. У Рашели не одни поклонники и панегиристы, у нея есть враги и памфлетисты, клеветавшіе не только на игру, но и на жизнь артиста.

Простой французскій торговецъ Феликсъ, родомъ изъ Метца, женатый на жидовкѣ Эсэиръ Гаа (Хаа), съ ношею за плечами странствовалъ по ярмаркамъ въ сопровожденіи многочисленнаго семейства. Въ Швейцаріи, въ кантонѣ Ааргау, въ мѣстечкѣ Мюнфѣ, двадцать четвертаго марта 1820 года родилась у него дочь, которую назвали *Элиза-Рашель*. Рожденіе дочери не прекратило бродячей жизни мелочнаго торговца; онъ продолжалъ кочевать по разнымъ городамъ Франціи и наконецъ остановился въ Лионѣ, гдѣ прожилъ около двухъ лѣтъ. Торговля шла плохо: семейство надо было кормить; маленькая Рашель пѣла по улицамъ, въ кофейняхъ и собирала милостыню...

Про эту эпоху жизни Рашели рзсказываютъ много басенъ. Говорить, будто ее жестоко мучили, если она собирала мало денегъ; будто голодная дѣвочка должна была прибѣгать даже къ непозволительнымъ средствамъ, чтобъ утолить свой голодъ, и однажды была даже взята на улицу и проч. Во всѣхъ этихъ разсказахъ справедливо только то, что она съ первыхъ лѣтъ младенчества терпѣла нужду и лишенія и что въ это время ея судьба походила на судьбу многихъ гениальныхъ артистовъ. Вотъ что говорилъ Вольтеръ объ этихъ труженикахъ искусства.

«Почти всѣ актеры и актрисы, составившіе себѣ извѣстность на театрѣ, занимались сценическимъ искусствомъ противъ желанія своихъ родителей, несмотря на бѣдствія, поражавшія ихъ съ самой первой молодости, несмотря на всѣ униженія, холодность, даже презрѣніе — ужасную свиту бѣдности, часто умерщвляющей гевій въ самомъ зародышѣ его, и между тѣмъ, несмотря на всѣ эти страшныя преграды, прирела, побѣждая всѣ препятствія, всегда была сильнѣе несчастій и воспитанія».

Слова Вольтера, справедливыя въ прошедшемъ, оправдываются иногда и въ настоящемъ.

Въ 1831 году Феликсъ жилъ уже въ Парижѣ въ бѣдномъ уголку на Гревской площади. Онъ все еще думалъ сдѣлать изъ дочери своей музыкантку и привелъ ее однажды къ профессору музыки Шарону, въ его музыкальную школу. Рашель не пробыла въ ней и года: пѣніе не давалось ей. Она перешла въ консерваторію къ профессору декламации и автору французскаго театра Севтъ-Олеру. Три года училась она, повидимому безуспѣшно, потомъ играла нѣсколько маленькихъ ролей на театрѣ *Прадо* и *Залы Мольера*, гдѣ упражнялись ученики и ученицы

Сент-Олера, незамѣчавшаго въ Рашели никакого дарованія и почти вовсе незамѣчавшагося ею.

Пятнадцать лѣтъ она дебютировала, какъ мы уже говорили, на театрѣ Гимназій и безъ успѣха. Тогда она стала учиться у другаго актера французскаго театра Сансона, взявшагося докончить ее сценическое образованіе и, несмотря на увѣренія Жюль-Жанена, много изучала и трудилась прежде нежели достигла успѣха.

Но вслѣдъ за этимъ успѣхомъ, въ то время, когда въ теченіе сентября и октября 1838 года, Французскій Театръ собиралъ отъ 70 до 80 тысячъ франковъ въ мѣсяцъ свыше обыкновенныхъ сборовъ, потому что весь Парижъ бросился смотрѣть Рашель—на нее обрушились новыя заботы, новыя непріятности, денежныя, грязныя.

Директоръ французскаго театра Ведель ангажировалъ Рашель за четыре тысячи франковъ въ годъ. Въ октябрѣ жалованье это было увеличено до восьми тысячъ. Общники театра, видя выгоды, какія приносила имъ Рашель (каждый мѣсяцъ круглымъ числомъ касса собирала до 40 тысячъ франковъ), предложили срокъ контракта по 1 апрѣля 1840 года, выговоривъ неустойки 50 тысячъ, если Рашель захочетъ нарушить контрактъ. Потомъ ей предложили званіе *общницы* (*soicétaire*) Французскаго Театра, съ ангажементомъ на *тридцать* лѣтъ. Она приняла это условіе, хотя не заключала на него контракта. Извѣстно, что актеры—общники Французскаго Театра, получаютъ положенную часть съ доходовъ театра, которая и дѣлится между ними не по таланту, а по *старшинству*. Рашель была, конечно моложе всѣхъ. За пять лѣтъ службы она получила бы по расчету 1250 франковъ пенсіи, а между тѣмъ въ одинъ годъ доставила она театру болѣе 450 тысячъ доходу. Поступокъ дирекціи театра съ Рашелью былъ очевидно весьма неблаговиденъ. Ей было девятнадцать лѣтъ; она нехорошо понимала свои выгоды; за нея вступился отецъ. Онъ требовалъ, чтобъ Французскій Театръ по справедливости назначилъ прибавку къ жалованью его дочери, опредѣлилъ *разовыя* деньги смотря по количеству сбора и дадъ ей въ годъ три мѣсяца отпуска для отдыха или представленія въ другихъ городахъ.

Французскій Театръ возсталъ противъ этого справедливаго требованія и началъ сильно жаловаться на неблагодарность артистки и корыстолюбіе ея отца. Журналы приняли сторону *общниковъ*—и на Рашель посыпались со всѣхъ сторонъ пасквили и непріятныя выходки.

Въ Парижѣ и Брюсселѣ вышли даже цѣлыя книги, направленныя противъ ни въ чемъ невинной дѣвушки. Сочинили цѣлую сцену между ею и ея учителемъ въ декламациі, Самсономъ, окончившуюся тѣмъ,

что старый актер разбил статуэтку Рашели и сказал ей такое: sortez! какого она сама никогда не произносила на сценѣ.

Всѣ фельетоны были противъ Рашели и только одинъ малоизвѣстный парижскій журналъ вооружился всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ противъ этихъ нападеній, начинавшихъ становиться уже неприличными. Вотъ что говорить защитникъ Феликса:

«Мы уже имѣли случай возставать противъ *достоверныхъ* извѣстій, сообщенныхъ нѣкоторыми фельетонами. Въ подобнаго рода извѣстіяхъ, какъ для журналиста, такъ и для читателя скрывается часто самое неблагонамѣренное неправдоподобіе; въ особенности, когда вопросъ касается театра, чаще всего представляется случай указывать на такіа злоупотребленія тисненія.

»Чтобъ представить, для доказательства нашихъ словъ, фактъ самый новый, напоминаемъ, что всѣ газеты, большія и маленькія, серьезныя и шутивыя, съ невѣроятною поспѣшностью и охотою перепечатали строки, явно вышедшія изъ администраціи Французскаго Театра. Вотъ эти строки.

• Добродѣтельный родитель дѣвицы Рашель, подписавшій собственноручно контрактъ, заключенный между французскимъ театромъ и имъ, въ пользу своей несовершеннолѣтней дочери отъ ея имени, суммою въ 4000 франковъ, возвышаетъ теперь свои притязанія до ничтожной суммы шестидесяти тысячъ франковъ. Кажется, что онъ такъ хлопочетъ объ этой суммѣ для остальныхъ членовъ своего бѣднаго семейства.

Г. Феликсъ *Рашель* хочетъ выручить г. Веделя, потому что гребуетъ эту скромную плату въ шестидесять тысячъ франковъ только до совершеннолѣтія нашей великой трагической актрисы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Ведель не приметъ подобнаго предложенія, потому что, въ противномъ случаѣ, не будетъ нисколько удивительно, если въ одинъ прекрасный день всѣ соплеменники дѣвицы Рашель явятся тоже предлагать дирекціи условія отъ имени ихъ малолѣтней родственницы.»

• Спѣшимъ объяснить истину. Дѣвица Рашель вступила на сцену Французскаго Театра въ мартѣ 1838 года, съ назначеніемъ ей жалованья 4000 фр. въ годъ. Дебюты ея начались въ іюнь и были блестятельны, какъ всѣмъ извѣстно. Въ продолженіе сентября и октября мѣсяцевъ сборы возвысились отъ 65 до 70 тысячъ франковъ и съ того времени жалованье г-жѣ Рашель было увеличено наградами до 8000 фр.

«Общники Французскаго Театра предчувствовали уже будущее, но ангажементъ г-жи Рашель продолжался на прежнемъ условіи до 1-го апрѣля 1840 г; между тѣмъ представленія молодой артистки доставляли съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дохода, и ея присутствіе на сценѣ увеличивало театральнй доходъ отъ 35 до 40,000 франковъ каждый мѣ-

сятъ. Общники Французскаго Театра понимая, что нужно было сохранить какъ нибудь на долгое время на ихъ сценѣ талантъ, любимый публикою, тотчасъ же предложили дѣвицѣ Рашель *званіе* общницы, которое было скрѣплено контрактомъ на *тридцать* лѣтъ; другихъ условій положительно опредѣлено не было.

«До вступленія на сцену дѣвицы Рашель, сборы Французскаго Театра едва покрывали расходы; въ настоящее время они приносятъ ежегодно до 450,000 франковъ доходу—почему же послѣ этого удивляться, что отецъ дѣвицы Рашель желаетъ приобрести для своей дочери нѣкоторую часть изъ тѣхъ огромныхъ доходовъ, которые она доставляетъ театру? Зачѣмъ, послѣ этого, всѣ эти газетныя и журнальныя нападенія, эти возгласы противъ неблагодарности, жадности и корыстолюбія, когда виноваты во всемъ единственно только сами обвинители?

«Гг. члены Французскаго Театра! развѣ вы уже позабыли, что эта молодая артистка спасла васъ отъ холоднаго равнодушія утомленной вами публики; что она возстановила умирающую трагедію, привлекла снова толпу къ тѣмъ твореніямъ Расина и Корнея, которыя лежали заброшенными въ пыли, за немнѣніемъ достойнаго истолкователя красота ихъ, и что она, наконецъ, отдала вамъ свою молодость, свой талантъ и даже, можетъ быть, самую жизнь!.. потому что, развѣ вы можете быть увѣрены, что эта блѣдная и слабая дѣвушка не падетъ, истощенная тѣми разнообразными душевными потрясеніями, которыя она выражаетъ съ такою естественностью и энергією?

«Никогда артистъ не возвышался до такихъ огромныхъ требованій», говорите вы; но никогда ни одинъ артистъ и не выказывалъ такъ рано и такъ быстро такого полнаго и могучаго таланта. Самъ Тальма сталъ Тальмою только по прошествіи двадцати лѣтъ, а Рашель сдѣлалась великою актрисой съ перваго своего дебюта.

«Не торгуйтесь съ этою молодою дѣвушкой, которая требуетъ не столько для себя, сколько для своего многочисленнаго семейства, которому она единственная опора; не будьте мелочны съ этимъ дарованіемъ, которое стало для васъ источникомъ богатства. Вспомните, что цѣнность гениальнаго дарованія стоитъ выше всѣхъ вашихъ театральныхъ тарифовъ, условленныхъ для посредственности.»

Послѣ этого опроверженія всѣхъ мападныхъ клеветы, стоить привести письмо самого отца Рашели, Феликса, чтобъ показать сколько было справедливаго и сколько ложнаго во всѣхъ журнальныхъ объясненіяхъ, занимавшихъ весь Парижъ, и еще болѣе дѣлавшихъ Рашель героиней настоящей минуты.

«Вашъ журналъ—писалъ онъ къ одному редактору—обвиняетъ меня,

(хотя только основываясь на слухахъ) въ томъ, что, я 1) пакожу недостаточнымъ жалованье 20,000 фр., получаемое моею дочерью; 2) въ томъ, что я требовалъ ей съ этой же минуты полного пенсіона, назначеннаго общникамъ 3) 12,000 фр.; каждагодно вознагражденія; 4) 500 за каждый выходъ и, наконецъ, 5) четырехтысячнаго отпуска.

« Вотъ мой отвѣтъ на эти обвиненія:

« Дочь моя не получаетъ *двадцати тысячъ франковъ*, но только *восемь*. Вступивъ на сцену въ мѣсяцъ съ жалованьемъ въ 4,000 фр., въ октябрѣ дочь моя начала получать 8,000 до 1840 года, употребляя часть его на свои костюмы, которыхъ не полагала ей дирекція, и сию васъ увѣрить, что до сихъ поръ, покуда она не будетъ *общинницей*, Рашель не получаетъ *другаго содержанія, не заключала другаго ангажежмента*. Правда, что дирекція сдѣлала три самые лучшіе ея костюма и дала ей тысячу франковъ вознагражденія въ ноябрѣ и другую тысячу въ декабрѣ; но этимъ все и ограничилось, хотя дочь моя и доставляла французскому театру въ первые же шесть мѣсяцевъ двѣсти тысячъ сбору.

« Я никогда не требовалъ ни полного пенсіона, ни 12,000 вознагражденія сверхъ жалованья, а напротивъ, въ письмѣ моемъ директору говорилъ, что *въ назначеніи части, которую дочь моя должна имѣть въ вознагражденіе изъ общей театральной суммы, я вполне полагаюсь на справедливость театрального комитета.*»

« Я не требую 500 фр. разовыхъ за каждый спектакль, но по 300 200 и наконецъ 100 франковъ за представленіе, смотря потому, будутъ ли сборы превышать сумму 5000, 4000 фр. или достигнуть только этой послѣдней цифры. Я даже считаю обязанностью прибавить здѣсь для всеобщаго свѣдѣнія, что если, по несчастію, благосклонность, которою пользуется дочь моя, прекратится, комитетъ вправѣ не допускать ее до представленій.

« Я не требую четырехъ мѣсяцевъ отпуска, но только трехъ, и то единственно потому, чтобъ публикѣ не надобно видѣть постоянно одиъ трагическія пьесы, изученію которыхъ дочь моя посвятила себя исключительно.

« Въ сущности я требую отъ 100 до 300 франковъ за каждое представленіе и трехтысячный отпускъ. Оставаюсь при этихъ требованіяхъ, я несколько не полагаю, чтобъ разрушалъ или подписанный мною контрактъ, который *дочь моя хочеть также соблюдать, какъ и я*. Мы доказали это желаніе, отказавшись отъ самыхъ выгодныхъ и блестящихъ

предложеній, сдѣланныхъ нами другими театрами. Я нисколько не отказываюсь отъ связывающаго меня обязательства, но обращаюсь съ вопросомъ ко всему, что есть только добросовѣстнаго во Франціи: можетъ ли мое желаніе доставить дочери пенсіонъ, 200 франковъ, среднимъ числомъ, за каждое представленіе и три мѣсяца отпуска, быть причиною столькихъ клеветъ противъ меня и недоброжелательныхъ толковъ?

«Да, я бѣденъ и отецъ шестерыхъ дѣтей; но во Франціи эта крайность и такое количество семейства даютъ еще болѣе права на снисхожденіе!

«Да! я точно требую отъ имени моей дочери нѣкоторыхъ выгодъ у театра, который также былъ бѣденъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а теперь, благодаря счастію моей дочери и благосклонности къ ней публики, находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи!

«Виновать ли я въ чемъ послѣ всего этого? Справедливо ли посягать внутри моего семейства смущеніе и печаль, однимъ словомъ, всю тягость незаслуженной недоброй огласки, которая падетъ не на одного меня?»

«Примите увѣреніе и пр.

Феликсъ.»

Письмо это, напечатанное въ одной изъ болѣе читаемыхъ газетъ, произвело сильное впечатлѣніе. Рашель стала еще болѣею любимицею публики.

Принуждены были согласиться, что требованія Рашели и ея отцѣ справедливы. Она получила все, чего просила. Вмѣстѣ съ разовыми она получала въ послѣднее время до ста тысячъ франковъ въ годъ.

Оставаясь съ тѣхъ поръ постоянно любимицею публики французскаго театра, Рашель долгое время не хотѣла играть ничего, кромѣ классическихъ трагедій. Одни приписывали это исключительной привязанности ея къ старинному репертуару; другіе говорили: актриса эта до того увлекается чувствомъ, что бываетъ всякій разъ больна отъ изнеможенія послѣ трагедій Расина и Вольтера, стало быть, она можетъ просто умереть послѣ романтической драмы. Ни та, ни другая причина не удовлетворили публику. Любить исключительно классическій репертуаръ нельзя человеку съ современнымъ образованіемъ; сыграть роль напыщенную и неестественную трудно, немалую вѣрную исторію, современности, логику ума и страстей. Скорѣе въ этой

ограниченности репертуара можно было видеть бѣзѣнъ стѣтъ въ со-
временныхъ пьесахъ ниже, чѣмъ въ классическихъ. Мало ли маду, одна-
кожь, Рашель начала играть произведенія послѣдующихъ и новѣйшихъ
драматурговъ, классическія по формѣ, близкія къ современности по ду-
ху и изложенію. Кромѣ упомянутыхъ уже нами пьесъ, къ этому роду
принадлежатъ: *Жанна-д'Аркъ*—Сулье, *Юдиовъ и Клеопатра*—г-жи
Жиранденъ, *Виргинія*—Датуръ-де-Сент-Ивара, *Аїа*—Ожье, одна
пьеса Рожана, и наконецъ *Валеріа*, въ которой она играла *дѣл* роли,
круръ (изобрѣтеніе вовсе неклассическое!) строгую и добродѣтельную
Валерію—Мессалину (о историкѣ!) и страстную Анневу. Рашель помы-
сливала также свои силы въ пьесахъ, составляющихъ переходъ отъ трагедіи
къ такъ называемой высокой комедіи, комедіи нравовъ. Таковы пьесы:
Горацийъ и Лудія—Понсара и *Воробей Лесбий*—Бартѣ, двѣ маленькія
этюда древности, въ одномъ актѣ, написанныя звучными стихами,
въ которыхъ Рашель играла роли возлюбленныхъ Горация и Катюши.
Она спустилась даже впоследствии до презрѣнной прозы въ *Адриенну
Лекурваръ*, драмъ-комедіи Скриба и *Леди Тартюфъ*—комедіи г-жи
Жиранденъ. Въ этихъ послѣднихъ пьесахъ, роли Рашель все таки дра-
матическія и по нимъ нельзя судить, можетъ ли она когда нибудь за-
мѣнить г-жу Марсъ, чего она, какъ кажется, сильно желаетъ. Мы ду-
маемъ, что ей всегда будетъ нѣшать имѣть успѣхъ въ комедіи ея го-
лосъ, имѣющій мало гибкости и мягкости для выраженія тонкихъ оттѣн-
ковъ чувствъ, и недостатокъ нѣжности и кокетливой граціи, безъ ко-
торого можетъ иногда обойтись героиня, но никогда—женщина. Безирри-
страстные французы говорятъ даже, что она въ трагедіи стоитъ выше
Жоржа и Дюшенуа, но ниже Дюменль и Рокуръ. (См. *Les acteurs et
les actrices de Paris; biographie complète* par V. Darthenay. Paris
1853). Вотъ что говорила о ней также недавно одна изъ лучшихъ
парижскихъ газетъ: «*Messenger des théâtres et des arts*»: «Голосъ г-жи Ра-
шель нѣсколько глухой, нѣсколько строгій для комедіи—въ выраженіяхъ
трагическихъ блистателенъ. Она соблюдаетъ удивительно постепенность
эффекта, разнообразить его, пользуется имъ съ большимъ искусствомъ,
пренебрегая традиціями и ища вдохновенія въ самой себѣ; она не тро-
гаетъ зрителя въ положеніяхъ, которыми онъ привыкъ восхищаться, и
вдругъ возбуждаетъ его восторгъ въ такихъ мѣстахъ, на которыя онъ
прежде не обращалъ вниманія. Не понятно, какимъ образомъ она могла
достигнуть всѣхъ тонкостей классическихъ писателей, найти въ нихъ та-
кія стороны, которыхъ не замѣчали ея предшественницы. Рашель очень
умно обдумываетъ свою роль; искусно скрываетъ всѣ ея слабыя сто-

роны, выказываетъ всё блестящія мѣста. Она удивительна въ выраженіи ненависти, гнѣва, мщенія, но выражаетъ лучше рѣзкія страсти, нежели любовь и нѣжность».

Съ этимъ, конечно, согласится всякій, кто видѣлъ Рашель въ ея лучшихъ роляхъ. Мы можемъ прибавить также, что дикція ея, обыкновенно ясная и отчетливая, становится прерывистою и неясною въ выраженіяхъ страсти, что, конечно, вѣрно истинѣ, но не можетъ быть допущено на сценѣ, гдѣ все условно и гдѣ зритель прежде всего имѣетъ право требовать, чтобъ онъ явственно слышалъ и разбиралъ то, что говорятъ. Рѣзкія вскрикиванья въ мѣстахъ, гдѣ это вовсе не нужно, и злоупотребленіе эффекта въ переходѣ голоса изъ forte къ piano безъ всякой причины, оправдывающей этотъ переходъ, принадлежатъ также къ числу недостатковъ знаменитой артистки, которая, несмотря на эти недостатки, все таки составляетъ самое замѣчательное явленіе современнаго сценическаго искусства и единственное въ его исторіи.

В. З.

ПУССЕНЪ.

I.

Жизнь Пуссена видна вся въ его картинахъ, которыя соответствуютъ благородству и чистотѣ его чувствъ. Въ нихъ видна также борьба, которую великій артистъ долженъ былъ вести съ невѣжествомъ и завистью, прежде чѣмъ достигъ извѣстности. Жизнь Пуссена, разумѣется, давно извѣстна; но есть предметы, о которыхъ можно вѣчно говорить, не сказавъ еще всего, и которые возвышаютъ человѣка, представляя ему благородный примѣръ и полезный урокъ.

Собраніе любознательныхъ писемъ великаго живописца еще болѣе открываетъ подробностей о немъ и оканчиваетъ совершенно его портретъ. Въ нихъ видны его мысли, чувства, сужденія о современникахъ и нѣкоторые изъ правилъ, которыя онъ принялъ въ искусствѣ. Но яснѣе всего въ этихъ письмахъ высказывается его искреннее расположеніе къ друзьямъ, гордость и нѣжность чувствъ, и умныя утѣшенія, которыми онъ облегчаетъ горе друзей въ несчастіи.

Сколько разъ повторяли, что Пуссенъ самый классическій живописецъ, и многіе удивятся узнать, что онъ въ самомъ-то дѣлѣ самый смѣлый нововводитель, какой только встрѣчается въ исторіи живописи. Онъ явился посреди преувеличенныхъ, натянутыхъ школъ, у которыхъ искусство превращено было въ ремесло. Онъ отсталъ отъ этой ложной школы, безъ

дурныхъ намѣреній, но потому что слѣдовала своему влеченію. Не надобно однакоже думать, чтобъ смѣлый преобразователь имѣлъ большое вліяніе на своихъ современниковъ. Напротивъ, артисты, гораздо ниже его талантомъ, произвели гораздо больше его впечатлѣнія, и составили цѣлыя школы только потому, что казались новыми и необыкновенными. Эффекты и дурной вкусъ имѣютъ привиллегію нравиться въ эпохи бездѣйствія и устатка, которыя слѣдуютъ за великими событіями, тогда какъ очень трудно избавиться отъ правилъ ложной школы, только потому, что они приняты всѣми, и что посредственность имѣла въ ней большіе успѣхи. Когда Пуссенъ явился посреди послѣдователей Караччи, всѣ боялись признать его, не смотря на его необыкновенный талантъ. Кажется даже, что вліяніе этихъ живописцевъ имѣло дѣйствіе и послѣ него, потому что послѣдующіе французскіе живописцы продолжали подражать натянутой манерѣ итальянцевъ. Лебрювъ замѣтно изучалъ стиль Пуссена, и его картины соединяютъ правильность съ академическою строгостью, которыя тоже вдохновили цѣлое поколѣніе артистовъ, явившихся послѣ него во Франціи.

Лессюёръ имѣлъ еще меньше вліянія, чѣмъ Пуссенъ, потому что невозможно подражать его извности и границѣ, точно также какъ трудно изобразить энергію и другія возвышенныя качества Пуссена. Но что составляетъ настоящую славу этихъ двухъ основателей французской живописи, такъ это вліяніе, которое они имѣютъ въ наше время, хотя современники и предпочитали имъ итальянскую манеру. Оба они имѣютъ свою оригинальность и напоминаютъ наивность фламандскихъ школъ, вѣрную экспрессию, и открываютъ въ будущемъ новую карьеру для рисунка и его исполненія. Они будутъ путеводителями всѣхъ артистовъ, которые уважаютъ принятыя правила и подражаютъ одной природѣ.

Пуссенъ принадлежалъ къ благородному, но бѣдному семейству. Отецъ его, Жанъ Пуссенъ, былъ Пикардецъ и служилъ въ военной службѣ при многихъ короляхъ, но въ 1592 году удалился въ маленькій городъ Вернонь въ Нормандію, не потому чтобъ служба утомила его, или онъ хотѣлъ поправиться послѣ ранъ, но потому что чрезвычайная бѣдность не позволяла ему продолжать службу на свой счетъ. Въ то несчастное время для Франціи, финансы были такъ разстроены, что почти никто не рассчитывалъ на жалованье, которое получали очень немногіе.

Когда Вернонь былъ взятъ, Жанъ Пуссенъ переселился въ Андели, маленькій городокъ на берегахъ Сены, и женился тамъ на дочери прокурора, Маріи Леземанъ. Въ 1594 году родился у нихъ сынъ Николай, который долженъ былъ прославить это скромное имя. Онъ очень рано началъ оказывать расположеніе къ живописи, и отецъ его не хотѣлъ,

чтобы сынъ его былъ артистомъ; но настойчивость ребенка и его усердие превозмогли всѣ препятствія. Притомъ же въ этомъ городѣ нечаянно случился живописецъ, имя котораго не забыто въ исторіи искусства: это былъ Жантенъ Варенъ, замѣтливый необыкновенными способностями маленькаго Пуссена, и старавшійся развить ихъ, не забываясь, чтобы узнать прежде всего изучалъ классическія науки. Этотъ недостатокъ чувствовалъ въ послѣдствіи самъ Пуссенъ, когда понялъ, какъ необходимо изученіе древнихъ, если приступаешь къ чему нибудь серьезному. Къ счастью, онъ успѣлъ позже воспользоваться совѣтами добрыхъ и умныхъ людей, которые дали ему средство познакомиться съ древнею литературою и дополнить его неверхностное воспитаніе.

Молодой человѣкъ самъ замѣтилъ, что совѣты его перваго учителя недостаточны, и единственнымъ его желаніемъ было ѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ надѣялся найти больше учености и больше моделей.

Нѣсколько эстаповъ съ Рафаэлемъ и Джуліе Романо возбудили въ немъ истинный прелесть, и онъ думалъ только объ одномъ—какъ бы ему усовершенствовать свои познанія. Онъ отправился наконецъ въ столицу, которая не походила на теперешнюю и не соединяла въ себѣ всѣхъ средствъ для образованія, и началъ искать себѣ учителя. Но хлопоты Пуссена были напрасны, потому что парижскіе учителя знали столько же, сколько провинціальный живописецъ, показавшій ему первыя правила. Съ нимъ еще могло случиться, что онъ вѣсто новыхъ познаній забудетъ, или употребитъ во зло старыя, какъ это часто случается съ молодыми, неопытными талантами. Есть артисты, которые всю жизнь не могутъ избавиться отъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ стилѣ, происшедшихъ отъ дурнаго направленія первыхъ уроковъ.

Живописецъ Фердинандъ Эль принялъ Пуссена въ число своихъ учениковъ; но онъ не долго пользовался его совѣтами, точно также какъ и уроками Лалемана, который былъ вторымъ его учителемъ въ Парижѣ. Встрѣча съ Филиппомъ Шампанемъ была для него счастлива. Этотъ извѣстный живописецъ былъ еще молодъ, но уже зналъ всѣ традиціи фландрской живописи, и между молодыми артистами составляла общую дружбу, которая принесла много пользы Николаю Пуссену.

Всѣ маленькіе артисты начинаютъ одинаково. Натуральное безпокойство заставляетъ ихъ и они, пренебрегая установленными правилами, стараются создать что нибудь новое, оригинальное. Биографы Пуссена говорятъ, что хотя учителя его были люди неизвѣстные и бездарныя; но все-таки онъ у нихъ научился правиламъ. Развѣ можно ожидать въ искусствѣ матеріальную часть отъ духовной? Правила безъ таланта, точно также какъ талантъ безъ правилъ, не могутъ

ничего создать великаго. Притомъ же Дидеро замѣчаетъ справедливо, что великіе артисты часто не въ состояніи не только научить, но даже объяснить элементы своего искусства. Отсутствие метода составляетъ истинное несчастье нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ необыкновеннымъ талантомъ. Вотъ отчего и Пуссенъ понялъ, что полезное, неосновательное ученіе не только недостаточно, но даже вредно. Случай познакомилъ его съ нѣкоторыми любителями, и у нихъ онъ увидѣлъ образцовыя картины, съ которыхъ снималъ копіи. Одинъ мелодой, богатый дворянинъ до того привязался къ будущему живописцу, что пригласилъ его къ себѣ въ Пуату, гдѣ у него было имѣніе. Но-мать этого друга, непонимавшая ничего кромѣ хозяйства, разумеется, не видѣла въ искусствѣ ничего полезнаго, и потому обращалась съ артистомъ какъ съ слугою, смѣясь надъ его занятіями. Бѣдный Пуссенъ носѣвши воротиться въ Парижъ, куда добрался какъ вѣдь, рисуя по дорогѣ потолоки и вывѣски, чтобъ заплатить за ночлегъ и нищу. Для этого рода живописи онъ употреблялъ краски, растертыя на водѣ съ клеемъ, и приучился къ этой манерѣ, которая имѣла вліяніе и на послѣдующія его картины, оставляя въ нихъ что-то сухое и рѣшительное, которое имѣетъ свою хорошую сторону.

Онъ возвратился въ Парижъ больной и безнадежный, и не могъ даже приняться ни за какую работу. Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ вспомнилъ о родномъ городкѣ Андела, и отправился туда. Цѣлый годъ работалъ онъ за ничтожную цѣну и рисовалъ все, что ему заказывали, чтобъ только собрать небольшую сумму и добраться какъ нибудь до Италіи—этой обѣтованной земли всѣхъ талантовъ.

Наконецъ онъ какимъ-то образомъ доѣхалъ до Флоренціи, но тамъ его ждало такое жестокое разочарованіе, что онъ принужденъ былъ возвратиться въ Парижъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время невозможно было жить въ городахъ Италіи артисту съ неизвѣстнымъ именемъ, потому что вездѣ были свои уже знаменитые любимцы, которые исполняли всѣ работы по своей части.

Филиппъ Шампанъ подаль руку помощи своему другу, и такъ какъ въ это время отбывали Люксембургъ, то живописецъ Дюженъ поручилъ нѣсколько работъ Филиппу, который раздѣлилъ ихъ съ Пуссенемъ. Талантъ молодого живописца обратилъ на него всеобщее вниманіе и возбудилъ зависть Дюшена, который подъ пустымъ предлогомъ поссорился съ двумя друзьями и заставлялъ ихъ отказываться отъ работъ. Пуссенъ въ это время успѣлъ сдѣлать нѣсколько экономій, и надѣялся опять увидѣть Римъ. Но въ Ліонѣ его остановила опасная болѣзнь, и неизвѣстно

вернулся ли бы ее артист, если бы одинъ состоянть этого города не далъ ему впередъ денегъ за обѣщанныя картины.

Не страшна ли судьба великаго артиста, который, не смотря на свой талантъ, не можетъ никакъ выпутаться изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Теперь ученики, подающіе надежды, посылаются въ Италію безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ съ ихъ стороны, и для нихъ устранены все препятствія, чтобъ они могли достигнуть совершенства. Бѣдный же Пуссенъ принужденъ былъ опять вернуться въ Парижъ, гдѣ не могъ найти пищи своему вдохновенію, и который онъ возненавидѣлъ отъ всей души, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ.

Однако извѣстность живописца начала возрастать въ этомъ городѣ, потому что онъ окончилъ нѣсколько работъ, которыя обратили на себя всеобщее вниманіе знатоковъ. Въ 1623 году иезуиты праздновали канонизацію св. Игнатія Лойолы и св. Франциска Ксаверія, и предложили конкурсъ для картинъ, изображающихъ жизнь этихъ святыхъ. Пуссенъ не пропустилъ этого удобнаго случая и представилъ шесть картинъ, которыя нарисовалъ въ шесть дней. Эта удивительная скорость поразила его соперниковъ, тѣмъ болѣе, что, не смотря на замѣтную поспѣшность, картины были превосходны. Все любители и знатоки Парижа признали его великимъ живописцемъ и старались съ нимъ сблизиться. Въ этомъ числѣ находился кавалеръ Марини, неаполитанскій поэтъ, знаменитый въ свое время и поселившійся во Франціи по желанію Маріи Медичи. Притомъ же это было и его собственное желаніе, потому что онъ не могъ ужиться ни въ Неаполѣ, ни при другихъ итальянскихъ дворахъ, гдѣ его сатиры сдѣлали ему много непріятностей и враговъ. Въ Парижѣ онъ тоже продолжалъ писать, только въ другомъ родѣ, и заслужилъ уваженіе всехъ знатныхъ лицъ. Марини отгадалъ, что Пуссенъ скоро прославится, и потому поспѣшилъ предложить ему свою дружбу. Онъ заставилъ артиста переѣхать къ нему, и представилъ его во многіе важные дома. Но болѣе всего онъ заслужилъ благодарность Пуссена тѣмъ, что познакомилъ его съ древнею литературою и съ поэтами Италіи. Марини проводилъ цѣлые дни въ мастерской живописца и, читая ему пассажи изъ лучшихъ поэмъ, воспламенялъ его воображеніе и очищалъ вкусъ, представляя настоящія модели для картинъ. Разумѣется, что поэтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ прочесть Пуссену все свои произведенія, на которыя, говорятъ, артистъ написалъ нѣсколько рисунковъ. Можетъ быть, это было причиною, что въ немъ развился вкусъ къ сельскимъ сценамъ въ древнемъ родѣ, къ вакханаліямъ и поэтическимъ пейзажамъ, которые нѣсколько не похожи на жеманные пасторали, бывшіе

въ то время въ большой модѣ. Въ нихъ онъ никакъ не могъ найти типовъ для своихъ нимфъ, фавновъ, боговъ Олимпа и Парнасса.

Еще новый случай познакомилъ его съ рѣдкими моделями—статуями изъ мрамора и бронзы, которыя прожгли вѣка и теперь еще оживляютъ собою современный Римъ.

Матео Барберини вошелъ на папскій престолъ подъ именемъ Урбана VIII. Марини былъ его другомъ, и рассчитывая на прежнія чувства папы, рѣшился вернуться въ Италію, не смотря на свои болѣзни и преклонныя лѣта. Разумѣется, онъ предложилъ Пуссену ѣхать съ нимъ, но тотъ къ несчастію имѣлъ въ это время много заказовъ и не могъ оставить Парижа, не окончивъ множества картинъ. Это была самая большая жертва для артиста; однако онъ простился съ своимъ другомъ, обѣщая соединиться съ нимъ по окончаніи работъ. Въ самомъ дѣлѣ, весной 1624 года онъ отправился въ давно желаемый городъ; но тамъ его ожидали новыя несчастія. Въ Римѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ надеждъ и сознаться, что Парижъ, со всеми его неприятностями, былъ все-таки благосклоннѣе для артиста, чѣмъ вѣчный городъ.

Новый папа принялъ Марини чрезвычайно холодно, и тотъ, огорченный незаслуженною немилостію, большой и отчаянный увѣталъ въ Неаполь, гдѣ скоро и умеръ. Однако онъ успѣлъ рекомендовать Пуссена одному изъ своихъ друзей, который представилъ артиста кардиналу Барберини, племяннику папы.

Но кардиналъ назначенъ былъ посланникомъ въ Испанію, и потому не имѣлъ времени заняться съ живописцемъ, позволивъ ему только изучать, сколько ему угодно, богатый музей дворца Барберини. Вотъ все, до чего могъ достигнуть Пуссенъ на тридцатомъ году своей жизни, въ полной силѣ молодости и таланта; вотъ для чего онъ все бросилъ и устранялъ все препятствія, чтобъ остаться въ Римѣ безъ покровителей и безъ средствъ къ жизни.

Что было ему дѣлать въ этомъ городѣ, гдѣ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ? Въ отечествѣ по-крайней-мѣрѣ начали его цѣнить, хотя репутація его и стоила ему многихъ трудовъ и страданій; но здѣсь онъ долженъ былъ начинать снова работать, и это было тѣмъ труднѣе, что онъ явился посреди цвѣтущихъ школъ съ новымъ талантомъ, но оригинальность котораго могла скорѣе возбудить противъ него недовѣрчивость, а ужъ никакъ не доставить ему покровителей или друзей. Дѣла его пришли въ такое печальное положеніе, что онъ продалъ за четырнадцать экю большую батальную картину, въ которой было множество фигуръ, и за два экю портретъ большихъ размѣровъ. Черезъ нѣсколько

времени какой-то посредственный живописецъ получилъ большую сумму только за коню этой картины.

Однако твердость не оставила артиста, и онъ съ жаромъ продолжалъ работать: копировалъ антики, древнія модели и изучалъ новыя науки, еще мало ему извѣстныя. Перспектива, анатомія и особенно архитектура, которой онъ обязанъ самыми богатыми аксессуарами своихъ картинъ, были постоянными предметами его занятій, и онъ думалъ только объ увеличеніи и разнообразіи своихъ познаній. Въ Римѣ онъ нашелъ другаго артиста, который былъ тоже въ бѣдственномъ положеніи и обладалъ замѣчательнымъ талантомъ — это былъ скульпторъ *Франсуа Дюкенуа*, болѣе извѣстный подъ именемъ Франциска *Фламандца*, который не могъ найти себѣ достаточно работы, чтобъ жить порядочно. Бѣдные артисты сошлись, подружились, и начали вмѣстѣ работать и отыскивать людей. Пуссенъ занялся скульптурой и сдѣлалъ нѣсколько моделей для статуй, между прочимъ восковую фигуру сидящей Клеопатры. Онъ дѣлалъ также группы, сюжеты для которыхъ бралъ съ лучшихъ картинъ. Не этому ли занятію надобно приписать, что въ его картинахъ фигуры иногда имѣютъ изысканное положеніе и очень отдѣляются одна отъ другой, какъ будто бы были мраморныя?

Этотъ недостатокъ и сухость въ исполненіи замѣтны во всѣхъ его первыхъ картинахъ. Въ Луврѣ находится въ этомъ родѣ картина его *Чума у Филистимлянъ*, которую онъ продалъ въ Римѣ, бывши въ крайности, только за то, что ему стоилъ матеріалъ. Кардиналъ Ришелье купилъ ее скорѣе послѣ этого за тысячу экю, и то еще удивлялся дешевизнѣ, потому-что талантъ Пуссена успѣлъ преодолѣть все пренятствія и сдѣлался извѣстнымъ.

Пуссенъ приучился работать съ необыкновенною скоростью, что было очень удобно какъ для его бѣднаго положенія, такъ и для того, что воображеніе его не успѣвало остывать, когда картина была уже окончена. Притомъ же онъ, подобно другимъ артистамъ, не употреблялъ во зло своей рѣдкой способности и не оставлялъ ничего неоконченнаго или неправильнаго. Напротивъ, отдѣлка и старательность первыхъ картинъ Пуссена доказываютъ, что онъ обдумывалъ каждую фигуру и положеніе, что онъ занимался подробностями, мелочами и общимъ эффектомъ картины. Однако эта скорость исполненія могла ему вредить, потому-что многіе почетные люди увѣряли, что при такой поспѣшности, картины Пуссена могутъ быть только эскизами или набросаннымъ рисункомъ. Разумѣется, стоитъ только рассмотреть эти эскизы, чтобъ понять, что они драгоценнѣе многихъ большихъ и обдуманыхъ картинъ, потому-что въ нихъ видна гениальная кисть и мысль художника.

Эта натура въ экспрессіи и простота средствъ въ то время, когда было въ модѣ все натянутае и жеманное, не могли скоро возвысить репутацію артиста, потому-что любители всегда готовы защищать только то, что въ модѣ. Живописцы въ Римѣ и иностранные артисты были въ эту минуту увлечены геціемъ Гвидо-Рени, ученика Караччи, блистательный талантъ котораго представлялъ разительную противоположность съ манерою Пуссена.

Это была эпоха, названная по справедливости *серебрянымъ альбомъ искусства*, но которую теперь уже слишкомъ унижаютъ. Тогда славились Караччи и ихъ ученики.

II.

Послѣ великаго XVI вѣка, когда въ живописи почти вдругъ явились таланты во всѣхъ родахъ, должна была непременно наступить эпоха критики. Люди, одаренные необыкновенными способностями и являющіеся въ то время, когда искусство еще въ младенствѣ, считаются основателями правилъ и могутъ сами служить предѣлами изящнаго. Преданія не могутъ остановить ихъ, потому-что для нихъ нѣтъ сравненій, и они могутъ быть увѣрены, что современники наградятъ ихъ радостнымъ восторгомъ, который отдадутъ тому, кто доставитъ имъ новое наслажденіе, больше силы и увѣренности. Образцовыя произведенія еще не успѣли надобѣсть міру, потому-что они очень рѣдки и не поддаются искуснымъ поддѣлкамъ неопытныхъ учениковъ. Владѣтели этихъ сокровищъ, уважаемыхъ всѣми, гордятся ими, не стараются отыскивать въ нихъ незамѣтныхъ недостатковъ.

Счастливая эпоха *возрожденія* искусствъ, слѣдовавшая за готической, имѣла огромное вліяніе, бывшее продолжительнымъ, потому-что необыкновенные таланты являлись безпрестанно, и не успѣвалъ угаснуть одинъ изъ нихъ, какъ природа заботливо производила другой, такой же рѣдкой и высокой, хотя совершенно съ другимъ характеромъ. Однако скоро великіе люди начали являться рѣже, и подражатели умножились. Можетъ быть тоже, послѣ столькихъ образцовыхъ произведеній, восторгъ утомился, судьи одѣлались строже и разборчивѣе и не довольствовались смѣлыми, но неопытными талантами. Однако влородіе итальянскаго генія еще не истощилось въ продолженіе одного вѣка, и Караччи, пользуясь удивленіемъ современниковъ и приѣздомъ Рафаэля, ввели нѣсколько новыхъ элементовъ въ живопись, имѣвшихъ много успѣха, но нисколько не подвинувшихъ впередъ искусства.

Они думали, что если присоединить къ граціи и красотѣ предшественниковъ своихъ еще одну степень матеріальнаго подражанія, то достигнуть такого совершенства, которое только возможно въ живописи. Неправильности и легкіе недостатки, происходящіе отъ избытка чувствъ, казались имъ важными пороками, и они, копируя модели, исправляли ихъ, чтобъ только доказать свою ученость. Тогда—то изобрѣли академическій родъ живописи, и свободную натуру подчинили правиламъ артиста.

Рафаэль употреблялъ модели часто простыя, чтобъ съ помощью ихъ изображать возвышенные типы, вызванные его воображеніемъ, но послѣ него эти модели выражали уже самый типъ, и никто не смѣлъ отступить отъ него, какъ отъ самаго важнаго правила, принятаго всѣми.

Это преувеличеніе реализма, не смотря на многія хорошія стороны его, должно было привести къ роду живописи, въ которомъ энергія и вѣрность должны были выкупать слишкомъ замѣтное подражаніе. Вотъ почему эта подражательная живопись имѣла много успѣха и произвела цѣлое поколѣніе живописцевъ, называемыхъ *натуралистами*, которые происходятъ по прямой линіи отъ Караччи, Караваджіо, Рибейры. Выше ихъ стоитъ неподражаемый Гверчино, самый патетическій поклонникъ идеала.

Въ то же время явилось нѣсколько другихъ талантовъ болѣе гбныхъ и нѣжныхъ; они придали этому подражанію особенную прелесть и грацію, и успѣли обратить на себя всеобщее вниманіе. Альбано и Гвидо Рени считаются корифеями въ этомъ увлекательномъ родѣ, имѣвшемъ въ наше время такое огромное вліяніе на живопись послѣдняго столѣтія, что всѣ артисты учителя и ученики сѣдѣли въ Италію для того только, чтобы изучить нѣжную манеру картинъ Гвидо-Рени.

Изъ этихъ школъ вышелъ еще одинъ геніальный человекъ, напоминающій простоту живописцевъ XVI столѣтія, въ картинахъ котораго нѣтъ блестящихъ и легкихъ качествъ, какими отличаются его соперники. Это Доминикино, котораго товарищи называли *Быкомъ*; но этотъ быкъ сдѣлалъ для искусства больше, чѣмъ всѣ его порицатели.

Чтобъ оцѣнить безпристрастно достоинства этихъ разнообразныхъ талантовъ, довольно замѣтить, какое вліяніе имѣлъ каждый изъ нихъ на послѣдующихъ артистовъ. Пуссенъ многимъ обязанъ Доминикину, но онъ перенялъ также твердость школы подражателей природы. Подобное же вліяніе еще замѣтнѣе въ Рубенсѣ, пріѣхавшемъ въ Италію уже съ зрѣлымъ талантомъ и съ извѣстностью, и до того перемѣнившимъ свою манеру, что послѣдующія его картины, какъ—то: *Распятіе*, находящееся въ Антверпенской церкви, *Смерть св. Франциска* и

многія другія можно назвать спорте итальянскими картинами, нежели фламандскими.

Пуссенъ, прїѣзжавъ въ Римъ, былъ уже въ полномъ развитіи таланта и могъ судить о достоинствахъ всехъ родовъ живописи. Школа Гвидо была тогда въ большой славъ. Ученики его составляли сильную многочисленную партію, и до того провозглашали преимущество своего учителя, что публика не хотѣла слышать ни о комъ другомъ. Это пристрастіе, доведенное до крайнихъ предѣловъ, заставило пренебрегать другия, великіи талантомъ, который стоилъ лучшей участи. Доминиккине въ началѣ поприща считался соперникомъ Гвидо, но потомъ его начали унижать, преслѣдовать, даже угрожать ему. Великій артистъ принужденъ былъ скрываться отъ враговъ; его кроткій и задумчивый характеръ удалялъ его отъ шумной толпы, которая завидовала ему и боялась, что талантъ его уничтожить все ихъ навадки.

Пуссенъ попалъ въ самый разгаръ этой артистической борьбы, но онъ недолго колебался, и его здравый умъ тотчасъ же отличилъ на чьей сторонѣ справедливость и страданіе. Онъ громко предъявилъ свое предпочтеніе непризанному гению, съ которымъ имѣлъ нѣкоторое сходство. Притомъ же грусть и величіе, изображающіяся въ картинахъ Доминиккине, привлекали его болѣе, чѣмъ изысканность, нѣжность и свѣжесть картинъ Гвидо. Этотъ контрастъ долженъ былъ тронуть его чувствительную душу, тѣмъ болѣе, что и жизнь обоихъ итальянскихъ артистовъ была совершенно разная. Доминиккино и Гвидо нарисовали для церкви св. Григорія двѣ картины изъ жизни св. мученика Андрея. Оба произведенія поставлены были одно противъ другаго; Доминиккино изобразилъ мученія святаго, а Гвидо веденіе его на казнь. Эту послѣднюю картину окружила толпа любопытныхъ, и ученики Гвидо старались непрерывно копировать ее и хвалили безъ умолку, тогда какъ никто даже не обращалъ вниманія на первую картину.

Доминиккино жилъ въ Римѣ, скрываясь отъ враговъ и преслѣдованій. Онъ былъ боленъ, но съ твердостью переносилъ несчастія, и вдругъ узналъ, что къ покинутой его картинѣ приходитъ часто французскій живописецъ и копируетъ ее съ величайшимъ стараніемъ. Великій живописецъ хотѣлъ узнать челоуѣка, осмѣливавшагося презрѣть общественное мнѣніе, и велѣлъ перенести себя въ церковь, чтобы встрѣтить своего неизвѣстнаго почитателя.

Пуссенъ такъ занялся копіею, что не замѣтилъ раннаго посетителя. Притомъ же онъ не зналъ лично Доминиккино, и думалъ, какъ многіе въ Римѣ, что онъ умеръ. Однако увидя блѣдность и слезы незнакомаго, смотрѣвшаго на картину, Пуссенъ почувалъ, что передъ нимъ не простой

любителя, а великий художник. Какъ изобразить восторгъ молодого артиста, когда онъ узналъ, что передъ нимъ несчастный Доминикино. Пуссенъ съ искренностью и благородствомъ предложилъ ему свои услуги и утѣшенія, и итальянскій артистъ благодарилъ отъ всей души за неожиданную дружбу. Оба живописца поняли и оцѣнили другъ друга, и Доминикино, открывъ въ своемъ почитателѣ необыкновенный талантъ, позволилъ ему работать въ своей мастерской и давалъ полезные совѣты. Пуссенъ съ своей стороны начиналъ обращать на себя вниманіе знатоковъ и употреблялъ все свое вліяніе, чтобъ возвысить картины Доминикино и заставить ихъ признавать превосходными. Нѣкоторые историки рассказываютъ, что знаменитая картина *Примаченіе св. Иеронима* сдѣлалась известною только благодаря великодушному поступку Пуссена. Можетъ быть, это легенда, подобно многимъ другимъ, встречающимся въ біографіяхъ великихъ артистовъ, но увѣряютъ, что картина великаго художника была, въ слѣдствіе интригъ, снята съ своего мѣста и брошена на чердакъ, и когда монахи церкви заказали французскому живописцу другую картину, то прислали ему *св. Иеронима* Доминикино только для развѣрнуть, какъ старое, негодное полотно. Можно вообразить себѣ удивленіе и негодованіе Пуссена, когда онъ увидѣлъ чудную картину, которую смѣли считать ничтожною. Онъ пристыдилъ легковѣрныхъ похвальныхъ интригантовъ, и доказалъ имъ, что они обладаютъ образцовымъ произведеніемъ, которое должны почитать лучшимъ сокровищемъ.

Однако Пуссенъ, покровительствуя непризнаннымъ талантамъ, чувствовалъ, что ему самому не мѣшало бы отыскать могущественнаго и просвѣщеннаго покровителя, потому-что талантъ его былъ еще признанъ не всѣми. Онъ находилъ единственное утѣшеніе въ безкорыстной дружбѣ одного бѣднаго семейства, которое утѣшало его во всѣхъ неудачахъ. Дружба его съ Доминикино продолжалась до отъѣзда итальянскаго живописца въ Неаполь, гдѣ ему поручили украсить церковь св. Януарія. Известно, что это путешествіе было послѣднимъ для страдальца и что онъ умеръ за работою, говорятъ, отъ дѣйствія яда. Пуссенъ тоже работалъ съ такимъ прилежаніемъ, что силы его истощились и онъ заболѣлъ очень опасно. Положеніе его было отчаянное, тѣмъ болѣе, что бѣдность не позволяла ему лечиться. Тогда одинъ изъ его соотечественниковъ, Жанъ Дюге, служившій паваромъ у одного вельможи, принялъ его въ свой домъ и заботился о немъ какъ о сынѣ. По выздоровленіи, живописецъ хотѣлъ доказать признательность за спасеніе своей жизни, и женился на дочери своего благодѣтеля, Маріи Дюге, которую никогда не переставалъ любить и уважать. Такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то Пуссенъ усыновлялъ въ послѣдствіи брата своей же-

ны, Гаспара, которому щедро отплачивалъ за благодѣанія его родныхъ. Этотъ Гаспаръ сдѣлался известнымъ подъ именемъ *Гуспера Пуссенна*, потому-что принялъ имя своего воспитателя, и неизменно его уважаются всѣми живописцами, потому-что навѣнчиваютъ стиль его учителя-отца.

Кажется, что судьба утомила наконецъ преслѣдовать гениальнаго артиста, и вѣстѣ съ семейнымъ счастьемъ наградила его другими благами, способствовавшими къ распространенію его известности. Кардиналъ Барберини, которому онъ былъ представленъ послѣ отъѣзда и смерти Марини, возвратился изъ посольства, и вспоминая свои общанія, призвалъ Пуссена, заказалъ ему нѣсколько картинъ и поручилъ составить сюжетъ одной картины для мозаики въ куполѣ церкви св. Петра: это было мученіе св. Эразма. Замѣчательно, что подъ одною этою картиною Пуссенъ подписалъ свое имя. «Не для того, говорилъ онъ, что картина имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но для того, чтобъ невѣжды не смѣшали мое слабое произведеніе съ образцовыми картинами великихъ художниковъ, украшающими этотъ великолѣпный храмъ.»

Фамилія дель-Поццо тоже начала покровительствовать французскому живописцу, и въ ней нашелъ онъ искреннюю и вѣрную дружбу, которая утѣшала его до конца жизни и которою онъ былъ вправѣ гордиться. Большая часть его писемъ адресованы къ командору дель-Поццо или къ его брату. Первое отдѣленіе *Святыхъ тайнъ* написалъ онъ тоже для командора, и оно считается образцовымъ произведеніемъ. Оно принадлежитъ теперь герцогу Рютланду. Второе отдѣленіе, заказанное г. Шантелу находится тоже въ Англіи и принадлежало къ Орлеанской галерей.

Съ этой эпохи жизнь Пуссена была обезпечена, и онъ заботился только объ одномъ, чтобы производить чудныя картины. Въ этомъ періодѣ онъ написалъ ихъ множество; но надобно удивляться не столько скорости его, сколько отчетливости и отдѣлкѣ каждаго сюжета. «Это не такія картины, писалъ онъ, какія наши парижскіе живописцы намазываютъ въ двадцать четыре часа, и еще *посемистывая во все время*, пока работаютъ». Сила характера и таланта Пуссена заслужили всеобщее уваженіе, и онъ занялъ мѣсто посреди двухъ школъ, находившихся въ вѣчной ссорѣ. Потомъ покровительство вельможъ и вниманіе любителей увеличили его известность, и его имя ставили наравнѣ съ знаменитыми живописцами. Онъ жилъ уединенно въ маленькомъ своемъ домѣ въ *Пинчю*, и продолжалъ работать усердно, находя развлеченіе только въ умныхъ разговорахъ съ образованными друзьями.

Въ этомъ уединеніи, окруженный артистическими рѣдкостями и добрыми друзьями, онъ получилъ пріятное извѣстіе изъ своего отечества.

Франція и король ея обратили наконецъ вниманіе на живописца. Мода, которая всегда слѣдуетъ за счастливыми, начала возносить Пуссена, и люди, не разъ видѣвшіе его картины и не признававшіе въ нихъ достоинствъ, теперь громко кричали о его необыкновенномъ талантѣ. Во Франціи удивились, какъ могъ сдѣлаться повѣстнымъ Пуссенъ въ странѣ, гдѣ множество образцовыхъ произведеній и артистовъ поневолѣ должны сдѣлать всѣхъ судей строгими и взыскательными!

Въ 1638 году кардиналъ Ришелье предложилъ Людовику XIII возобновить нѣкоторыя части Лувра. Болѣе всего онъ хотѣлъ украсить дворецъ живописью; и такъ какъ имя Пуссена повторялось всѣми съ восторгомъ, то кардиналъ рѣшился призвать его и удержать въ Парижѣ. Прежде всего заставилъ къ нему написать тѣхъ, которые его знали въ Римѣ и которые просили живописца согласиться на желаніе великаго министра. Но въ это время Пуссенъ началъ только пользоваться независимостью, и потому ему тяжело было бросить все, чего онъ достигъ столькими трудами. Онъ отговаривался заказами на призывы министра, и когда, послѣ усиленныхъ просьбъ, согласился наконецъ вернуться въ отечество, то собрался въ это путешествіе цѣлые два года, предчувствуя неминуемыя есоры и интриги, къ которымъ онъ всегда питалъ отвращеніе. Въ его письмахъ ясно видно съ какою неохотою онъ покидалъ свое уединенное жилище и мѣнялъ тихую жизнь Рима на безпокойства и непріятности. Въ 1639 году 15-го января писалъ онъ слѣдующее письмо г. Шантелу, который болѣе всего хлопоталъ о пріѣздѣ Пуссена въ Парижъ.

«Г. Нойе требуетъ моего рѣшенія, (г. Нойе былъ начальникъ луврскихъ востроекъ, писавшій живописцу длинное письмо, въ которомъ просилъ его воспринять пріѣздомъ), но я, признаюсь, все еще не знаю, что можно отвѣчать. Пятнадцать лѣтъ прожилъ я въ этой странѣ, и наконецъ добился до независимости; женился здѣсь и надѣялся умереть, слѣдуя италіанской пословицѣ: *Chi sta bene non si muove...* И такъ проку вамъ, если встрѣтятся какія-нибудь препятствія въ нашемъ дѣлѣ, можете вѣтъ до свиданія того, кто желаетъ моего пріѣзда.

«Съ тѣхъ поръ какъ я рѣшился ѣхать, я нахожусь въ безпрестанномъ волненіи, потому что ни какъ не могу выбить изъ головы, что сдѣлаю большую глупость, даже слово отправиться во Францію, и еще въ такое время, когда спокойствіе для меня нужнѣе всего. Я покидаю мой тихій, маленкій домикъ для выгодъ, которыя еще, можетъ быть, не сбудутся и останутся только въ однихъ мечтахъ.

«Я постараюсь исполнить мое обѣщаніе, но если какая-нибудь ба-

жизнь задержать меня здѣсь, то я скажу, что сама судьба не позволяет мнѣ разстаться съ Римомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, судьба долго задерживала его, но наконецъ надобно же было ѣхать, потому что всѣ предложенія истощились, и онъ прибылъ въ Парижъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, какъ будто въ изгнаніе къ варварамъ.

«Я всегда увлекаюсь работою, писалъ онъ, когда вижу предъ собою что-нибудь прекрасное; но здѣсь мы такъ далеки отъ солища, и все, что я встрѣчаю, — дурно и отвратительно».

Онъ не могъ впрочемъ жаловаться на пріемъ, который ему сдѣлали. Онъ представлялся королю, и тотъ принялъ его милостиво и ласково. Видѣвъ съ титуломъ перваго королевскаго живописца, ему назначили жалованья тысячу экю въ годъ, сдѣлали директоромъ всѣхъ работъ въ Луврѣ и другихъ дворцахъ, и заказали ему картины для капеллы, въ Фонтенбло, Сентъ-Жерменъ и нѣсколько картоновъ для ковровъ. Ему назначили цѣлый домъ въ Тюльерійскомъ саду, окруженный зеленью и цвѣтами. Онъ былъ меблированъ отлично, и въ погребу была приготовлена бочка стараго вина. Кажется, смотря по этому пріему, надобно было ожидать, что Пуссенъ будетъ играть важную роль, и что жизнь его будетъ завидная.

Онъ началъ рисовать узоры для ковровъ, которые должны были украшать комнату короля. Ему позволили употребить, для скорости работы, его прежнія картины. Картоны были окончены и имѣли размѣры Рафаэлевыхъ, но къ несчастію пропали или уничтожены, и неизвѣстно, были ли употреблены въ дѣло. Стало быть, путешествіе это не принесло ни какой пользы Парижу, потому что даже медальоны, изображающіе жизнь Геркулеса, которыми была украшена большая Луврская галерея, въ послѣдствіи были уничтожены, и отъ нихъ не осталось бы ничего, еслибъ Пень не сохранилъ ихъ въ своихъ гравюрахъ.

Появленіе человека съ необыкновеннымъ талантомъ и разнообразными познаніями, который зналъ архитектуру лучше чѣмъ архитекторы, и явно показывалъ свое презрѣніе къ женанному модному стилю—должно было разрушить всѣ мечты посредственныхъ артистовъ, исполнившихъ уже разныя работы въ Луврѣ. Особенно Вуз, модный живописецъ, не могъ преслѣдовать Пуссену его превосходства и замѣчанія Людовика XIII, который при пріездѣ Пуссона вскричалъ: «какъ будетъ досадно бѣдному Вуз!»

Новизна бѣднаго живописца и его почитателею достигла высшей степени, когда выставилъ картину Пуссона, изображающую Чудо св.

Франциска Кевериа, вѣстѣ съ картиною Вув. Первая была всегда окружена толпою любопытныхъ, на вторую никто не обращалъ вниманія.

Кромѣ работъ, заказанныхъ Пуссену, просилъ также рисунковъ его для книгъ королевской библіотеки, и онъ долженъ былъ приняться за все въ одно время.

Онъ жалуется на это въ письмѣ къ командору дель-Поццо и говоритъ, что рѣшительно не имѣетъ ни минуты свободной.

«Я бы съ удовольствіемъ занялся сюжетомъ картины, назначенной для васъ, но здѣсь такъ преувеличили мою скорость въ исполненіи, что я не могу заняться даже собственными моими дѣлами—такъ я заваленъ рисунками для книгъ, украшеніемъ кабинетовъ, формою каминовъ и другими бездѣлками... Они увѣряютъ, что небольшія работы послужатъ мнѣ развлеченіемъ отъ большихъ, и платятъ мнѣ за нихъ похвалами, а не деньгами.»

Посреди этихъ мелочныхъ занятій, которыя только разстроивали его, онъ представилъ планъ предполагаемыхъ украшеній въ Луврской галерей. Разумѣется, что этотъ планъ ни сколько не походилъ на представленный архитекторомъ Лемерсье, по которому уже начались работы.

Это послѣднее обстоятельство увеличило еще враговъ Пуссена, соединившихся вѣстѣ, чтобы преслѣдовать его клеветами, угрозами и критиками, которыя охладили участіе Нойе, главнаго покровителя живописца. Пуссенъ описываетъ это печальное положеніе въ письмѣ своемъ къ г. Шантелу и проситъ его защиты.

«Недавно я получилъ отъ министра письмо, въ которомъ сказано: талантъ Пуссена долженъ быть независимъ, и я буду сообщать ему только о желаніяхъ короля... Однако я до сихъ норъ не слышалъ, чего именно желаетъ король, и чѣмъ я могу быть ему полезенъ. Я даже сомнѣваюсь, знаетъ ли его величество, что я въ состояніи исполнить, а между тѣмъ отъ меня требуютъ невозможно. Развѣ можно въ одно время дѣлать рисунки для книгъ и картины для церкви, расписывать галерею, дѣлать картоны и множество другихъ заказовъ? Помогите, у меня одна голова и та довольно слабая, и одни руки, и я не хочу чтобъ мнѣ помогали. Надобно же учредить хоть какую-нибудь послѣдовательность, а те мнѣ скоро скажутъ: нарисуйте огромную картину, когда у васъ будетъ свободное время. Министръ требуетъ, чтобъ я исключительно занялся галереею, но для чего же онъ неминутно присылаетъ мнѣ работы, которыя отвлекаютъ мои мысли. Одни картоны для ковровъ могутъ возмущать мнѣ голову, а тутъ еще тысячи другихъ требованій! Извините, что я смѣю беспокоить васъ моими жалобами, но я человекъ

апуратный, и люблю во всемъ порядке а не суматоху, къ которой осужденъ и которая терзаетъ меня».

Пуссенъ началъ дѣлать замѣчанія свои о работѣ Лемерсье, о тяжеломъ стилѣ его, отсутствіи пропорцій и гармоніи въ цѣломъ, словомъ представлялъ, что архитектура его такого дурнаго стила, что живописи не можетъ поправить этихъ ошибокъ. Партія Вуз и Лемерсье начала свои нападенія тѣмъ, что объявила планъ Пуссена ничтожнымъ и недостойнымъ Лувра, что простота его скрываетъ только постыдную скудость, потому что онъ вездѣ уничтожилъ позолоту и украшения, и что это можетъ показаться обиднымъ для націи. Эта критика была сдѣлана съ замѣтною цѣлью, чтобъ экономія не была принята въ работахъ и не лишила бы значительныхъ доходовъ. Пуссенъ отвѣчалъ на эти оскорбительныя нападки слѣдующее: «Врагами моими сдѣлались всѣ, которые начали работать въ большой галереѣ и которые уже рассчитывали на большіе барыши. Я не боюсь ихъ, потому что владѣю богатствомъ, даннымъ мнѣ Богомъ, котораго нельзя отнять у меня какъ деньги. Оно вездѣ спасетъ меня и оправдаетъ передъ порядочными людьми. Но все-таки мнѣ больно переносить нападки и клеветы низкихъ невѣждъ. Я доказалъ, что начатыя работы Лемерсье никуда не годятся и, отвѣчавъ тѣмъ, которые находятъ, что мои планы бѣдны, что мнѣ не приказывали дѣлать ихъ великодушными, и что еслибъ и приказали, то я самъ бы отсвѣтвалъ это потому, что во-первыхъ, въ Парижѣ мало работниковъ, способныхъ къ этимъ занятіямъ, во-вторыхъ, на это надобно много времени, а въ-третьихъ, такіе огромные расходы не стоить дѣлать въ проходной галереѣ. Притомъ же, вѣроятно, послѣ всѣхъ работъ и издержекъ, эта галерея будетъ заброшена и придетъ въ такое же положеніе, въ какомъ я ее нашелъ, потому что *наша нація не умлетъ цѣнить прекрасныхъ вещей и наслаждаться ими, а мазодить, напротивъ, удовольствіе портить ихъ и истреблять*. Стало быть, я нахожу, что угодилъ королю представивъ планъ простой, изящный, который можетъ быть оконченъ въ непродолжительное время и съ небольшими издержками. Если же будутъ принимать советы моихъ враговъ и предпочтутъ ихъ предложенія моимъ, не смотря на причины, высказанныя мною, то я охотно уступаю мое мѣсто болѣе искуснымъ артистамъ. *Я буду даже радъ, что во Франціи найдутся талантливые люди, незаметные до этого случая, которые въ состояніи украсить Парижъ своими работами и принести честь націи*».

Далѣе онъ извиняется въ томъ, что объясняется такъ откровенно, но это потому, что онъ привыкъ выражать свои мысли красками, а не словами.

Въ концѣ письма ояъ прибавляетъ : «Я чувствую, что способенъ произвести что нибудь порядочное, но не горжусь этимъ, не ищущи на лести, ни почестей, потому что самъ никогда не унижался до лести, а всегда любилъ правду.»

Письма эти объясняютъ больше, чѣмъ всѣ рассказы и замѣчанія. Самый гениальный живописецъ своего времени и первый живописецъ Франціи долгое время остается въ неизвѣстности, и когда наконецъ иностранцы оцѣнили его дарованіе, не смотря на собственные великіе таланты, то его призвали на видное мѣсто директора работъ, поручивъ его вкусу и умѣнію всѣ украшенія великолѣпнаго дворца. Кажется, что въ этомъ случаѣ соотечественники Пуссена поступили благоразумно, гордясь національнымъ талантомъ, посѣдѣли вызвать его въ отечество и постарались ласками и уваженіемъ загладить первое невниманіе къ молодому таланту. Король принимаетъ его благосклонно, министры гордятся его прїзводомъ, всѣ вельможи ухаживаютъ за человѣкомъ, который возвышаетъ славу Франціи. И чтожь? Черезъ нѣсколько времени этого самаго гениальнаго человѣка равняютъ съ невѣждами, которые не въ состояніи сдѣлать ничего порядочнаго, и онъ обязанъ еще оправдываться въ томъ, что у него больше таланта; прежніе покровители—его друзья и не думаютъ защищать его. Всѣ знаютъ постыдные происки и интриги низкихъ клеветниковъ, и никто не остановитъ этихъ презрительныхъ дѣйствій. Неужели всѣ считаютъ невозможнымъ, чтобъ во Франціи работалъ французъ, а не иностранцы, которые уже полтора вѣка забрали въ свои руки всѣ искусства, школы, монументы? Эта странная привязанность къ иностранному показываетъ только нерѣшительность въ сужденіяхъ о степени дарованія собственныхъ своихъ артистовъ, или неосновательность вкуса, потому что безпрестанныя перемены и передѣлки образцовыхъ произведеній не только не трогаютъ публику, но даже замѣтно ей нравятся. Стало быть, прекрасное и посредственное для нея равны, если то и другое имѣютъ равный усѣхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція имѣетъ истинный вкусъ только въ томъ родѣ, который у нее доведенъ до совершенства. Вообще во Франціи предпочитаютъ сужденія, рѣчи, мысль, выраженную словами или написанную, и въ этомъ родѣ она богата самыми умными и способными цѣнителями. Она въ этомъ отношеніи похожа на Аены, гдѣ послѣдній изъ народа понималъ изящество слова. Но Фидія и Апелесы не многочисленны въ этой странѣ, *удаленной отъ солнца*. Надобно было много времени и прїмѣровъ Италіи, чтобъ разогрѣть вкусъ публики во Франціи, и хотя она ласково принимала и награждала иностранныхъ

артистовъ, но своихъ собственныхъ не умѣла цѣнить, или оставляла ихъ въ невѣдѣнности.

Когда Нойе призывалъ Пуссена изъ Рима, то въ тоже время искалъ и другихъ живописцевъ и скульпторовъ. Пуссенъ, видя этотъ наборъ безъ разбора, не могъ удержаться, чтобъ не написать въ Парижъ, что напрасно приглашаютъ такихъ артистовъ, которые хуже посредственныхъ французскихъ. Когда позже прѣхалъ съ триумфомъ Бернини строить колонаду, которую за него построилъ все-таки французъ Перо, онъ въ восхищеніи остановился предъ скульптурными работами Пюже, и сказалъ очень откровенно:

— Зачѣмъ призывали меня во Францію и завалили скульптурными работами, когда у васъ самихъ есть такіе великіе артисты?

Даже картины Пуссена, украшавшія Лувръ и которыя онъ успѣлъ окончить въ короткое свое пребываніе въ Парижъ, не были пощажены: и онѣ погибли не случайно, но были уничтожены по приказанію графа д'Анжевилье, который сдѣлалъ другое распоряженіе касательно украшеній. Пуссенъ, кажется, предчувствовалъ участь своихъ картинъ, когда писалъ, что французы не умѣютъ цѣнить и сохранять свои образцовыя произведенія.

III.

Всѣ эти непріятности заставили наконецъ Пуссена отказаться отъ мѣста, котораго онъ и не добивался. Онъ подъ разными предлогами началъ просить отпуска, съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться во Францію. Огромное количество мелкихъ работъ не позволяло ему серьезно заняться большими картинами и работать старательно. Онъ даже не могъ выбирать самъ сюжетовъ и долженъ былъ отказываться отъ значительныхъ заказовъ, которые упрочили бы его славу. Наконецъ онъ вырвался изъ Парижа и вернулся въ Римъ. Тутъ онъ опять вздохнулъ свободнѣе, и началъ писать картины по своему выбору и вдохновенію, довольствуясь за нихъ небольшою платою, которую никогда не хотѣлъ увеличивать, говоря, что ему не надобно много, чтобъ жить покойно и счастливо.

Онъ имѣлъ особенное пристрастіе къ небольшимъ картинамъ, но это еще не доказываетъ, что онъ былъ неспособенъ наполнить холсты большихъ размѣровъ. Его большія картины отличаются тѣмъ же изящнымъ вкусомъ, и онъ пользовался большими пространствами, чтобъ показать свое знаніе въ архитектурѣ, которое выражалось у него чуд-

ыми, оригинальными созданиями. Онъ одинъ былъ въ состояніи освободить Францію отъ рабскаго подражанія Италіи, и еще въ такое время, когда искусства приходили въ ней въ упадокъ. Онъ создалъ бы новый родъ декорационной живописи, который напомнилъ бы о великихъ французскихъ артистахъ Жанъ Гужонъ, Жерменъ Пидонъ, Филибертъ Делоръ: они не подражали италіянкамъ, но изобрѣли оригинальное искусство, вдохновляясь формами *возрожденія*.

Со времени возвращенія въ Римъ, жизнь Пуссена протекала также тихо, какъ и до отъѣзда его во Францію. Онъ продолжалъ учиться и работать, довольный тѣмъ, что избавился отъ всѣхъ хлопотъ и зависимости. Самая счастливая нація та, исторія которой незанимательна. Еще счастливѣе артистъ, который напоминаетъ о себѣ только образцовыми произведеніями, и выражаетъ страсти и борьбу людей только въ своихъ работахъ. Однако онъ сохранилъ сношенія съ Парижемъ, и хотя не охотно, но исполнялъ комиссіи своихъ *парижскихъ друзей*, которые просили его то переслать копіи картинъ, то древнія статуи. Кроме этихъ порученій и писемъ г. Шавтелу, онъ ничего не зналъ о Парижѣ и не любопытствовалъ справляться о немъ. Въ первое время пріѣзда Пуссена въ Италію, *письма друзей* до того преслѣдовали великаго артиста, что онъ могъ вообразить себя еще во Франціи. Ему поручали не только выбирать картины и мраморы, на что онъ терялъ много драгоценнаго времени, но просили высылать духи и перчатки, потому что тогда была мода выписывать эти предметы изъ Италіи; и добрый Пуссенъ не только не отказывался отъ этихъ тягостныхъ порученій, но еще хлопоталъ, чтобъ достать самые лучшіе предметы и переслать ихъ какъ можно осторожнѣе. Въ эту эпоху путешествія не были такъ обыкновенны какъ теперь, и надобно было ждать цѣлые мѣсяцы прежде окончанія приготовленій къ дорогѣ. Потомъ ждали удобнаго случая, выбирали лучшую дорогу, чтобъ не встрѣтиться съ разбойниками, избѣгали опасныхъ мѣстъ, словомъ путешествіе считалось самымъ важнымъ дѣломъ. Можно себѣ вообразить, сколько хлопотъ и безпокойствъ дѣлали эти комиссіи бѣдному живописцу, который не столько думалъ о своихъ картинахъ, сколько о модныхъ посылкахъ. Впрочемъ, надобно признаться, что часто требовали и его собственныхъ картинъ, которыхъ много было отправлено во Францію.

Смерть кардинала Ришелье случилась вскорѣ послѣ отъѣзда Пуссена, и такъ какъ Людовикъ XIII скоро послѣдовалъ за своимъ министромъ, то произошли большія перемѣны въ управленіи работами и дворцами. Проекты объ украшеніяхъ въ Луврѣ были покинуты, и потому вѣтъ ничего удивительнаго, что о великомъ артистѣ забыли очень

скоро. При Мазаринѣ возобновили работы и попробовали опять пригласить Пуссена, но тотъ рѣшительно отказался, сказавъ, что онъ можетъ прислать рисунки изъ Рима, если хотятъ принять его планы для украшеній Лувра. Онъ говорилъ, что уже ничѣмъ не заманять его въ Парижъ, и что если даже покроютъ всѣ его картины золотомъ, онъ все-таки останется въ Римѣ. Послѣ этого отказа уже не приставали къ нему болѣе; но Людовикъ XIV продолжалъ посылать ему жалованье, назначенное его предшественникомъ.

Въ Римѣ возрасла слава Пуссена, и онъ не хотѣлъ болѣе покидать этого города; друзья окружали его ласками и почестями; вокругъ были живописныя мѣста для прогулокъ; всездѣ онъ встрѣчалъ предметы, достойные изученія и наблюденія. «Я замѣчаю, пишетъ онъ, что чѣмъ дѣлаюсь старше, тѣмъ больше возрастаетъ мое желаніе выучиться чему нибудь новому и подвинуться къ совершенству.» И онъ не пропускалъ никакой бездѣлицы безъ вниманія. «Дары природы, говорилъ онъ, разбросаны всездѣ и находятся то въ людяхъ, то въ предметахъ. Человѣкъ не можетъ быть одаренъ всѣми качествами, но главная цѣль его должна состоять въ томъ, чтобъ наукой и терпѣніемъ соединить какъ можно больше познаній и тѣмъ достигнуть возможнаго совершенства.»

Онъ долго рассматривалъ великолѣпныя видлы въ окрестностяхъ Рима, и это послужило къ изображенію особеннаго характера въ его пейзажахъ. Это смѣшеніе зданій съ величественными деревьями, между которыми онъ изображаетъ всегда занимательныя и приличныя мѣсту сюжеты, поражаетъ всегда зрителя и производитъ на него сильное впечатлѣніе. Его родъ живописи совершенно оригинальный и неподражаемый, и у него не можетъ быть соперниковъ.

Что можетъ быть поразительнѣе темнаго свода древнихъ деревьевъ, подъ которыми два невольника держатъ тѣло добродѣтельнаго Фокіона, тогда какъ вдали развиваются цвѣтущія поля, окружающія Афины—неблагодарное отечество! Вотъ другой пейзажъ, представляющій въ одно время горе и радость: Орфей, божественный пѣвецъ, собираетъ вокругъ себя нимфы и пастуховъ, которые въ восторгѣ слушаютъ его лиру, тогда какъ на первомъ планѣ Эвридика въ ужасѣ роиаетъ корзину съ цвѣтами, потому что змѣя ужалила ее смертельно. Въ глубинѣ картины видѣнъ счастливый городъ, гдѣ процвѣтаютъ искусства. По рѣкѣ плаваютъ лодки, и рыбаки купаются въ прозрачныхъ волнахъ.

Можно назвать еще много образцовыхъ произведеній Пуссена, но словами нельзя выразить всей прелести, оригинальности и величія ихъ. Какъ описать его вакханаліи и аллегоріи? Въ этомъ родѣ съ нимъ можно сравнить только древнія картины.

Италянцы увлечены однимъ желаніемъ—блеснуть достоинствами исполненія; но они мало заботятся объ экспрессіи, Пуссенъ, напротивъ, не старается показать свои познанія, но думаетъ объ истиннѣ выраженіи и въ тоже время о правильности. Можно сказать, что, не смотря на его пристрастіе къ Италиі, онъ кѣньше всѣхъ походитъ на итальянскихъ живописцевъ.

Тивіанъ изобразилъ Антиопу, отдыхающую подъ густыми деревьями, и для фона выбралъ венеціанскій пейзажъ, въ которомъ помѣстилъ даже охотниковъ и крестьянъ. Каждый спроситъ, что изображаетъ эта картина, и какъ попала эта превосходная фигура въ такой необыкновенный пейзажъ?

Тожѣ самое можно сказать и о многихъ другихъ произведеніяхъ великихъ живописцевъ, которыя заключаютъ въ себѣ рѣдкія качества, но картины которыхъ не производятъ большаго впечатлѣнія потому, что въ сюжетѣ нѣтъ единства, и мысль артиста не соединяетъ всѣхъ частей картины. Часто изображаютъ множество фигуръ безъ всякаго выраженія, которыя группированы то на первомъ планѣ, то на второмъ, чтобъ только увеличить общій эффектъ. Но эта излишняя роскошь происходитъ отъ бѣдности мысли, и Рейнольдсъ называетъ подобныя лица по справедливости *нанятыми фигурами*, потому что ихъ можно придѣлать ко всѣмъ сюжетамъ.

Въ этомъ отношеніи Пуссенъ можетъ назваться настоящимъ реформаторомъ. Въ картинахъ его много воображенія, но онъ очень остороженъ и не увеличиваетъ безъ надобности числа фигуръ или украшеній. Онъ никогда не повторяется въ своихъ картинахъ, и въ нихъ нѣтъ ничего лишняго и пошлаго, потому что никто не помогалъ ему рисовать, какъ это случалось съ другими живописцами; онъ самъ отдѣлывалъ малѣйшія подробности, не позволяя никому дотрогиваться до своихъ картинъ, тогда какъ большая часть живописцевъ рисовала только главныя фигуры, предоставляя всѣ аксесуары ученикамъ.

«Надобно, чтобъ картина выражала всегда мысль, говоритъ Пуссенъ. Рисунокъ и композиція не должны быть главною цѣлью, потому что они относятся тожѣ къ мысли.

«Живописецъ долженъ сначала распределить сюжетъ, потомъ найти украшенія, изобразить красоту, нѣжность, живость, костюмы, правдоподобіе, а главное—стараться, чтобъ во всемъ была мысль. Разумѣется, что этому нельзя научиться: это дается свыше.

Правила эти, какъ плоды опытности и разсудка, были уже извѣстны артисту, когда онъ пріѣхалъ въ Римъ. Они руководили имъ до конца жизни; это доказывается тѣмъ, что Пуссенъ не увлекался подражаніемъ

ни одному великому имени. Онъ *обсуждалъ* каждый предметъ, и это качество создаетъ великихъ людей въ практической жизни точно также, какъ въ области воображенія. Онъ единственный изъ знаменитыхъ живописцевъ, не старавшійся присвоить тебѣ ни одного качества великихъ людей, которыхъ мы привыкли почитать свѣтилми искусства. Онъ одинъ не подражалъ Микель Анджело, этому Голиафу живописи, который увлекъ за собою всѣхъ артистовъ своего времени и привелъ въ восторгъ послѣдующія поколѣнія, тотчасъ же послѣ готическаго искусства и безстрастныхъ фигуръ, которыми еще восхищались наканунѣ, поразили всѣхъ своимъ страннымъ, величественнымъ стилемъ, производящимъ и теперь большое впечатлѣніе даже послѣ картинъ Рубенса, который самъ переродился въ этой новой школѣ. Всѣ знаютъ, до какой степени Микель Анджело овладѣлъ воображеніемъ Рафаэля, и это единственная причина перемены стиля великаго живописца. Послѣ этого можно себѣ вообразить, какое вліяніе имѣлъ Микель Анджело на другихъ, менѣе оригинальныхъ живописцевъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Пуссенъ по пріѣздѣ въ Римъ восхищался величіемъ и гордостью этого необыкновеннаго художника. Можетъ быть, онъ испугался этого впечатлѣнія, потому что, говорятъ, боялся приблизиться къ Венеціи, чтобъ не увлечься яркостью красокъ ея школы. Возлѣ образцовъ, полныхъ величія и не принадлежащихъ ни одному народу, онъ нашелъ толпу греческихъ боговъ и героевъ, соединившихъ величіе съ человѣческими слабостями. Вѣроятно, произведенія древности поразили его болѣе потому, что въ нихъ онъ узнавалъ свой собственный талантъ, хотя въ то время слабый и неопытный, но уже предчувствовавшій свою силу, особенно когда онъ сравнивалъ себя съ итальянскими артистами. Артисты, одаренные истиннымъ талантомъ, могутъ восхищаться образцовымъ произведеніемъ, но тотчасъ же замѣтять его малѣйшіе недостатки и особенно разницу, которая существуетъ между авторомъ картины и ихъ собственными чувствами. Когда Корреджіо, при видѣ картины Рафаэля сказалъ знаменитые слова: *Anch'io son pittore*, онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ сказать: Вотъ прекрасное произведеніе, но я помѣстилъ бы въ немъ то, чего тутъ недостаетъ.

Пуссенъ подражалъ древнимъ, потому что къ этому увлеченъ былъ своими чувствами. «Всѣ великіе люди, говоритъ ученый Вевенаргъ, подражали какимъ нибудь моделямъ, но, не смотря на это, были оригинальны, потому что обладали такимъ же геніемъ, какъ тѣ, которые пронавели модели. Стало быть, они обрабатывали свой собственный стиль, находящійся въ древнихъ учителяхъ, которыхъ часто побѣждали своимъ талантомъ. Тѣ же, которые подражаютъ безъ собственнаго призванія, оста-

нута всегда жалкими копистами и не достигнуть никогда до величин моделей. Вотъ отчего необходимъ талантъ, чтобъ быть хорошимъ подражателемъ!»

Пуссенъ подражалъ барельефамъ и статуямъ, но не такъ какъ подражаютъ теперь, то есть отчетливо, передавая даже все особенности костюмовъ. Онъ не старался изображать со всею точностью форму, складки, мебель, прически: это уже переходитъ въ искусство антикварія не не артиста, который не долженъ забывать, что онъ самъ въ состояннн создавать. Живописецъ долженъ изучать древнихъ, но не радоваться сходству узора на хламидѣ, и напоминая могучій геній древнихъ, изображать подъ его покровомъ-человѣчскія страсти. Такъ подражалъ Пуссенъ древнимъ.

Современные живописцы и архитекторы хлопочуть только о мелочахъ и подробностяхъ. Они изображать со смѣшнымъ педантствомъ сколько старыхъ предметовъ, и воображаютъ, что воскресили древность. Въ этомъ состояла главная страсть знаменитаго Менгса, который, кажется, жилъ въ греческомъ и римскомъ мнрѣ, презирая все остальное. Онъ безъ разбора копировалъ все подробности рисунковъ Геркуланума, вазъ и барельефовъ, но стиль его, совершенно германскій, теперь смѣшннть даже пурнстовъ, и никогда не будетъ ннть почитателей. Менгсъ хотѣлъ самъ сдѣлаться древнимъ, чтобъ еще подробнѣе изображать свои любимые предметы, и его друзья рассказывали сериозно, что онъ въ своей мастерской пѣлъ *идейскія пѣсни*, чтобъ еще болѣе проникнуться своенъ сюжетомъ. Тоже самое возобновилось въ эпоху Овербека и Корнелюса, когда въ Германнн вздумали возобновить искусство, подражая стилю первобытныхъ школъ. Тогда въ Римѣ толпа молодыхъ Германцевъ приняла католицизмъ изъ любви къ живописи, и согласилась бы на все, чтобъ только болѣе приблизиться къ идеалу среднихъ вѣковъ. Многнне изъ нихъ приняли даже костюмъ XIV вѣка, думая этимъ выразить готическую наивность.

Пуссену можно сдѣлать одинъ упрекъ и довольно важный: онъ далъ костюмы Транновой колонны своимъ Грекамъ и помѣстилъ римскнне траги въ Египтѣ, во времена фараоновъ. Онъ тоже систематически пренебрегалъ колоритомъ, только неизвестно съ какимъ намѣренннемъ онъ это дѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, странная мысль—добровольно лишать себя одного изъ самыхъ сильныхъ пособннн, которое украшаетъ живопись и придаетъ прелесть выраженнню! Это объясняютъ привязанностью Пуссена къ скульптурѣ, но вѣроятнѣе всего онъ подчинился влиянню живописцевъ, находившихся въ его время въ Римѣ, и почти забывшихъ всея традицнн ея расказахъ. Онъ не замѣтно привыкъ къ этой манерѣ, и по-

томъ самъ находилъ прелесть въ темныхъ и безцвѣтныхъ оттѣнкахъ. Это очень естественно, потому что и Рубенсъ принялъ эту манеру во всѣхъ картинахъ, которыя рисовалъ въ Италіи, и дымный колоритъ, которымъ рѣзко онѣ отличаются отъ его остальныхъ яркихъ произведеній. Много картинъ первой манеры Пуссена сохранили яркія краски, которыя казались бы еще блестящими, еслибъ онѣ не имѣли привычки рисовать на красномъ или темномъ фонѣ, отчего въ послѣдствіи всѣ цвѣта дѣлались темными. Въ началѣ своего поприща онъ снялъ много копій съ Тиціана, что нисколько не доказываетъ отвращенія отъ яркаго колорита.

Можетъ быть, онѣ почиталъ краски аксессуарнымъ предметомъ, который только нравится зрѣнію, или думалъ, что онѣ помѣшаютъ простотѣ его композиціи, какъ излишнее украшеніе; но все таки странно, что онѣ не понималъ, какое важное вспомогательное средство заключается въ краскахъ, и что если иногда одинъ неудачный цвѣтъ портитъ контуры, то часто живая краска выказываетъ достоинства картины, какъ это доказали извѣстные колористы.

Можетъ быть, скажутъ въ оправданіе этой странности, что картины Пуссена могутъ обойтись и безъ яркаго колорита, и артистъ имѣлъ полное право отдѣлывать ихъ въ такомъ видѣ, какъ хотѣлъ. Послѣ этого можно обвинить Пуссена и въ томъ, когда онѣ упрекалъ Рафаэля въ недостатокъ познаній. Когда онѣ говорилъ, что Рафаэль можетъ похвастаться идеаломъ въ сравненіи съ современниками, но что онѣ настоящій невѣжда въ сравненіи съ древними, то намекалъ, что великій артистъ не имѣетъ познаній въ анатоміи, и нисколько не думалъ унижать живописца, которымъ всегда восхищался, удивляясь его неподражаемой граціи, вѣжности, смѣлости рисунка, увлекательной прелести въ цѣломъ. Во многихъ качествахъ, и особенно въ тѣхъ, которыхъ не доставало самому Пуссену, онѣ предпочиталъ великаго Рафаэля даже древнимъ.

Если сравнить исполненіе картинъ Рафаэля съ Тиціаномъ, Корреджіо и фламандскими живописцами, то можно найти въ первомъ много недостатковъ. Но другія драгоценныя и неподражаемыя качества ставить его въ главѣ живописцевъ древнихъ и новыхъ, и кажется, что бѣлая правильность или анатомическія подробности не увеличили бы общаго эффекта его картинъ, но скорѣе ослабили бы его.

Пуссенъ превосходно изображалъ красоту, но въ его картинахъ она не такъ увлекательна, какъ у Рафаэля. Изображенія на картинахъ Пуссена имѣютъ много благородства, но до того правильны, что кажутся холодными и монотонными. У него нѣтъ ни стыдливой краски дѣвъ, ни восторженной блѣдности страдалицъ. Его фигуры не порази-

тальны, какъ у Мурльо, и не задумчивы и нѣжны, какъ у Кореджіо. Онъ не умѣетъ, какъ эти два артиста, окружить ихъ яркимъ сіяніемъ и помѣстить посреди легионовъ ангеловъ.

Зато какое у него совершенство въ историческихъ сюжетахъ, какая сила и сложеніе у этихъ храбрыхъ Римлянъ, кажется, оживающихъ передъ вами! Они нисколько не похожи на театральныхъ героевъ, у которыхъ только одежда римская. Всѣ его Фокіоны, Эвдамидасы и Ахиллы—настоящіе греки. Коріоланъ, убѣжденный слезами матери, можетъ быть только римляниномъ! Одинъ Пуссенъ могъ создать этихъ двухъ воиновъ, которые стоятъ позади колеблющагося начальника и ждутъ въ волненіи, какое дѣйствіе произведутъ просьбы Ветурии и римлянокъ. Онъ одинъ могъ создать этого человѣка съ мечемъ, вполонину вынутымъ изъ ноженъ, и гнѣвъ котораго стихаетъ въ ту минуту, когда мать въ печальной одеждѣ обнимаетъ его колѣни и умоляетъ за Римъ. Эта чудная женщина кажется живою и привлекаетъ глаза всѣхъ. Подобно великому Корнелю, съ которымъ онъ имѣетъ много сходства, Пуссенъ выбираетъ свои сюжеты изъ того времени, когда были великіе люди и великія чувства. Его смѣло можно поставить въ число героевъ Плутарха, которыхъ онъ оживилъ въ своихъ картинахъ. Кажется, благородная его душа можетъ существовать только въ героической сферѣ и презираетъ низкіе и мелочные предметы. Презрѣнный Скаронъ вздумалъ прислать Пуссену своего *Turphon burlesque*, и тотъ отвѣчалъ на это посланіе другу своему г. Шантелу: «Я получилъ отъ директора почтъ книгу, наполненную глупостями и неприличными шутками г. Скарона, безъ письма, такъ что не знаю даже, кто мнѣ прислалъ ее. Я пробѣжалъ эту книгу, и ужъ конечно никогда не вздумаю перечитывать. Вы, конечно, не потребуете, чтобъ я выразилъ вамъ все отвращеніе, которое чувствую къ этому роду сочиненій.»

Въ другой разъ онъ пишетъ о томъ же предметѣ:

«Г. Скаронъ прислалъ мнѣ письмо, и признаюсь, я нахожусь въ большомъ затрудненіи. Я очень бы желалъ, чтобъ его прихоть—имѣть мою картину, прошла, и чтобъ онъ смотрѣлъ на мою живопись точно также, какъ я на его сочиненія. Я очень сожалѣю, что ему вздумалось прислать мнѣ свою книгу; но что беспокоитъ меня больше всего, это угроза, что онъ пришлетъ мнѣ своего комическаго *Виргилія* и посланіе, посвященное мнѣ въ первой книгѣ, которая будетъ напечатана. Онъ воображаетъ заставить меня смѣяться, также какъ онъ самъ хохочетъ, не смотря на свою уродливость. *Напротивъ, я готовъ плакать, когда подумаю, что въ нашемъ отечествѣ родился новый Эростратъ.»*

Вотъ еще новый образецъ слога чловѣка, который всегда извѣнялся, что не умѣетъ писать, *потому что занимается нѣмыми выраженіемъ мысли.* Онъ ишетъ изъ Рима къ г. Шантелу, который всегда былъ къ нему привязанъ и старался утѣшать его во всѣхъ несчастіяхъ:

«Какъ бы я желалъ, чтобъ присланные мною семь картинъ превратились въ семь другихъ сюжетовъ, гдѣ бы изображены были всѣ превратности судьбы. Не надобно было бы долго придумывать этихъ примѣровъ и мучить свое воображеніе. Изъ нихъ чловѣкъ видѣлъ бы, что необходимо пріобрѣсти добродѣтели и разумокъ, чтобъ устоять противъ различныхъ испытаній. Обыкновенные люди поминутно подвергаются ея преслѣдованіямъ. Я увѣренъ, что вы глубоко тронуты вашею недавнею потерею, но вы должны уже были приготовиться къ ней, потому вашъ не въ первый разъ разставаться съ тѣми, кого любите. Есть люди, которые хладнокровно разсуждаютъ о несчастіяхъ въ жизни и которые приходятъ въ отчаяніе, когда съ ними что нибудь случится. Тутъ они поймутъ, что воображеніе бываетъ ниже дѣйствительности. Но вы, мой другъ, уже однажды съ твердостью перенесли тяжелую потерю; призовите же и теперь на помощь все ваше благоразуміе. Изъ вашего письма я вижу, что вы очень слабы и не возвратились еще въ нормальное состояніе. Пусть ваше горе таятся въ душѣ, но не показывайте его снаружи. Будьте тверды какъ всегда.»

Однако, при концѣ жизни, *благоразумный этотъ чловѣкъ* принужденъ былъ самъ употребить въ дѣло философію, которую проповѣдывалъ своимъ друзьямъ. Слабость лѣтъ и разныя болѣзни изнурили силы великаго живописца, хотя характеръ его и разумокъ сохранили прежнюю твердость. «Рука моя уже не слушается меня, говорилъ онъ, хотя мнѣ кажется, что я еще въ состояніи твердо водить кистью. Я вспоминаю слова Фемистокла, говорившаго при концѣ жизни: «чловѣкъ умираетъ часто въ то время, когда хочетъ произвести что нибудь прекрасное.» Однако я не прихожу въ отчаяніе, и хотя тѣло мое слабѣетъ, но голова здорова, и я увѣренъ, что никогда не отстану отъ моихъ правилъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни.»

Смерть жены, случившаяся за годъ до его собственной кончины, поразила артиста, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нуждался въ нѣжныхъ заботахъ, потому что рука его уже не въ состояніи была держать кисть, и глаза плохо различали предметы. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи онъ написалъ къ Шантелу, прося его принять на себя послѣднія распоряженія и не забыть завѣщаній въ пользу бѣдныхъ родственниковъ въ Андеи. Съ этой минуты страданія его увеличались и онъ напи-

сать только одно письмо г. Шамбре, которому даетъ нѣкоторые совѣты въ теоріи живописи. Больше онъ не могъ уже ничѣмъ заняться, потому что болѣзнь овладѣла нхъ совѣсть. Эти немногіе совѣты объ искусствѣ, написанные дрожащею рукою у дверей гроба, заставляютъ сожалѣть, что великій артистъ не вздумалъ прежде описать своимъ древнимъ слогомъ всѣхъ правилъ искусства, которое онъ прославилъ. Ко всѣмъ его болѣзнямъ прибавился еще параличъ, и онъ употреблялъ нѣсколько дней на то, чтобъ написать коротенькое письмо. Горе и страданія ускорили его смерть. И Римъ, который считалъ его своимъ и уважалъ какъ великаго человека, горько плакалъ о преждевременной кончинѣ Пуссена. Онъ умеръ 19 ноября 1665 года.

Въ послѣднихъ его картинахъ замѣтно дрожаніе руки, на которое онъ часто жаловался въ своихъ письмахъ. Оно видно и въ четырехъ картинахъ Лувра, изображающихъ четыре времени года, и въ знаменитомъ *Потопѣ*, который считается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Въ эпоху, когда старость и болѣзнь еще не ослабили его силъ, онъ писалъ фигуры вообще въ уменьшенномъ видѣ. Этотъ недостатокъ болѣе всего замѣтенъ въ картинѣ *La femme adultère*. Но зато въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, находится удивительная мысль, смѣлый рисунокъ и необыкновенная отчетливость.

Послѣ этихъ неполныхъ и слабыхъ замѣчаній о великомъ артистѣ, любопытно прочесть сужденія иностраннаго живописца о Пуссенѣ, котораго онъ уважалъ, несмотря на совершенную противоположность манеры и стиля французскаго художника. Извѣстный Рейнольдсъ много писалъ о Пуссенѣ. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія англійскаго живописца:

«Ни одна современная картина не походитъ на древнія столько, какъ картины Пуссена. Лучшія его произведенія очень сухи, и хотя надобно избѣгать этого недостатка, но онъ чрезвычайно идетъ къ простотѣ, которая отличаетъ манеру Пуссена. Онъ такъ долго изучалъ древнихъ, что привыкъ думать какъ они, и кажется знаетъ всѣ поступки и жесты этихъ людей во всѣхъ случаяхъ жизни.

«Въ послѣднее время онъ перемѣнилъ свою манеру и принялъ болѣе мягкую и нѣжную, въ которой замѣтно больше отношеній между фигурами, какъ, напримѣръ, въ *Семи таинствахъ*, находящихся въ коллекціи герцога Орлеанскаго. Вообще картины второй его эпохи не могутъ равняться съ первыми сухими и холодными сюжетами.

«Любимые его сюжеты взяты изъ мифологій, и никогда еще живописецъ не соединялъ столько качествъ, чтобъ представить подобные сюжеты. Онъ зналъ подробно не только нравы и костюмы древнихъ, но даже характеры этихъ вымышленныхъ аллегорическихъ лицъ.

«Рубенсъ тоже превосходно писалъ олицево, фавловъ и сатурна, но у него они все таки не принадлежатъ къ древней природѣ, какъ у Пуссена. Въ подобныхъ сюжетахъ все должно напоминать о древности, и живопись должна быть полная. О современности не должно быть и помину въ древнихъ картинахъ.

«Если Пуссенъ изображаетъ восходящее солнце въ видѣ Аполлона, который выѣзжаетъ на колесницѣ изъ Океана, если онъ олицетворяетъ рѣки, озера, это нисколько не удивляетъ насъ, потому что нѣтъ отклоненія съ остальной картиной. Но еслибъ въ этихъ фигурахъ было что нибудь современное, и одежды напоминали бы матеріи нашихъ фабрикъ, если бъ пейзажъ напоминалъ современный видъ, было бы смѣшно видѣть Аполлона вмѣсто солнца, или нимфу съ урной вмѣсто озера.»

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Рубенсѣ, Рейнольдсъ прибавляетъ:

«Его блестящей, невнимательной и неточной манерѣ можно протиположить простоту, отбѣлку и правильность Пуссена. И несмотря на эту контрасть, оба живописца нѣмало между собою сходство. Въ картинахъ обоихъ художниковъ есть замѣтные недостатки, но они такъ свойственны имъ, что страшно исправлять ихъ, потому что съ этого нельзя пропасть весь эффектъ картины.»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Осень—Минувшее и настоящее.—Умѣнье радовать женщин.—Театръ въ Курскѣ и Рыбнискѣ.

Ни одна Божья птичка, ни одинъ бѣднякъ, лишенный на зиму шинели, не встрѣчаютъ такъ радостно весны, какъ странствующіе актеры—осень. Жатва, въ полномъ значеніи слова—жатва! Въ это время первый любовникъ замѣтно полнѣетъ, трагикъ постоянно въ веселомъ расположеніи духа и скрежещетъ зубами только на сценѣ; что же касается до комика, то онъ рѣшительно не вылезаетъ изъ пѣвшаго парика. Антрепренѣръ улыбается всѣмъ и каждому и, что всего важнѣе и отраднѣе для Гамлета или Угольно, даетъ ему акуратно каждый день въ счетъ получаемыхъ. Въ былое время, театральная осень въ провинціи заставляла бѣдныхъ артистовъ смотрѣть сентябремъ, и лѣтнее солнце свѣтило для нихъ гораздо темнѣе. Осенью нерѣдко пустѣлъ городъ: помѣщики, люди богатые, разъѣхались по своимъ усадьбамъ. Въ дни праздничные даже и уѣздный критикъ—литераторъ, даже всѣ Добчинскіе и Бобчинскіе дезертировали изъ города къ сосѣду—помѣщику, и въ то время, какъ въ отъѣздѣхъ полѣ, при восторженныхъ крикахъ: а-ту, а-ту-ого! лаясь удовольствіа всѣхъ цвѣтовъ, лица печальныхъ артистовъ не

измѣняли своего блѣднаго цвѣта. Кому же было посѣщать театр?—не аптекарю же, или его супругѣ. Карлъ Богданычъ и Шарлота Крестьяновна, пропахнувъ во своей ромашкѣ, и рады были бы подышать воздухомъ сквознаго амбара, да вѣдь они не встрѣтили бы тамъ своего милаго Коцебу... Но это грустное время миновалось! Охота—эта чума театральнаго кассы, уже не имѣетъ такихъ рьяныхъ поклонниковъ, какъ было встарь... По-большой-части охотничьи доспѣхи висятъ мирно на стѣнѣ, и развѣ одоужаются на спектакль тѣмъ же артистамъ. Опустошительную войну въ поляхъ и лѣсахъ противъ зайцевъ, волковъ и куропа-токъ ведутъ прикащики съ дѣсятскими и молодыми парнями—стрѣлками; литераторы сдѣлались постоянными насѣтателями спектаклей и постоянными ихъ критиками. Помѣщики, гонимые скучнымъ журналомъ и безмолвною пустошью полей, частенько наѣзжаютъ въ городъ—и театръ цвѣтетъ, и артисты полнѣютъ; иные цвѣтутъ вмѣстѣ съ театромъ.

Осень, мы увѣрены, много скажетъ намъ новаго о провинціальныхъ театрахъ; теперь же ограничимся немногимъ, при всемъ желаніи подарить нашихъ читателей цѣлымъ томомъ отчета о выше-волоцкомъ театрѣ. Но, какъ извѣстно, нынче выводится изъ моды въ журнальномъ мирѣ давать невнтересное и старое въ приложеніяхъ. Одно насъ навело на старую мысль при чтеніи этого отчета. Рассказывая о прекрасной игрѣ г. Гедцъ въ пьесѣ г. Савинова «Дайте мнѣ старуху!» нашъ корреспондентъ, съ драматическою точностью выписывающій афиши, увѣдомляетъ, что пьеса названа: «Онъ не онъ, или дайте мнѣ старуху!» Поистинѣ, такое названіе послѣ того, какъ просмотришь фарсъ, кого не поставить въ тупикъ и кого не заставить сдѣлать себѣ вопроса: «да который же это—онъ не онъ? Надо сказать правду: провинціальные режиссеры большіе охотники уродовать заглавія пьесъ, раздувая ихъ, сколько хватить чернилъ и воображенія. Это ихъ общая слабость... Мы нигдѣ и никогда не можемъ забыть страшной афиши, объявлявшей когда-то въ Кременчугѣ о пьесѣ «Вѣчный жидъ». Афиша эта, безъ преувеличенія, была больше обыкновеннаго полотенца и вмѣщала въ себѣ 12 отдѣльных пьесъ, подъ подобными заглавіями: ядъ и книжалъ, труппа (вмѣсто группа) мертвецовъ и проч., все въ этомъ же родѣ... Но обратимся къ новостямъ.

ТЕАТРЪ ВЪ КУРСКЪ.

Въ 3 № «Пантеона» за мартъ мѣсяцъ настоящаго года, въ статьѣ о провинціальныхъ театрахъ, Г. О. Грѣхновскій говорилъ о цѣломъ годѣ сибѣтацией курскаго театра съ 11-го апрѣля 1852 г. о его началѣ и паденіи. Считаемо нелишнимъ кое-что прибавить къ этому извѣстію.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1851 года явился въ Курскѣ г. Ващенко-Захарченко съ труппою актеровъ, собранныхъ изъ разныхъ провинціальныхъ театровъ, и съ Пасхи у насъ начались представленія. Въ сформированной Захарченкою труппѣ дѣйствительно было много хорошихъ артистовъ и между ними встрѣчались такіе сюжеты, которые всегда и вездѣ въ провинціи могутъ занять первыя роли. Курская публика, желая поощрить заѣзжаго антрепренѣра, приняла его благосклонно (и хотя не такъ, какъ описываетъ г. Грѣхновскій, что театръ всегда былъ полонъ и за недѣлю надо было запасти билетомъ), театръ посѣщали многіе. Въ первыя числа мѣсяца г. Ващенко-Захарченко съ труппою своею отъезжалъ на ярмарку, не въ Лебедки, какъ сказано въ приведенной статьѣ, а въ Лебедянь; оттуда въ іюнь мѣсяцѣ возвратился прямо къ Коренной ярмаркѣ, а послѣ жатвы, труппа съ нѣхъ содержателемъ вновь возвратилась въ Курскъ, утративъ на ярмаркѣ много актеровъ и актрисъ; за всеѣмъ тѣмъ еще оставалось ихъ такое количество, которое, по малому курскому театру, могло продолжать свои представленія. Лѣтъ у насъ театральныя зрѣлища вообще мало посѣщаются; г. Ващенко-Захарченко принялъ это за равнодушіе публики и уѣхалъ съ труппою своею въ Орелъ. Не знаю, какъ были приняты тамъ заѣзжіе гости, но въ декабрѣ мѣсяцѣ наши знакомцы вновь возвратились въ Курскъ съ незнакомыми намъ драматическими актерами.

И началась драма... комедія да и только! Г. Ващенко-Захарченко, не долго думалъ, и недостатокъ драматическихъ актеровъ и актрисъ пополнилъ водевильными; словомъ: Карлуша игралъ Уголино—похожимъ по толѣ обѣихъ пьесъ: они въ заключеніе оба голодны; но Карлуша—не Уголино! При бѣдной обстановкѣ и разнохарактерныхъ костюмахъ выступали на сцену современники Стюартовъ и Людовика XIV и смѣшили публику своею наивностью до копейки, а людей серьезныхъ заставляли уѣзжать изъ театра, не досидѣвъ до половины спектакля. Когда же шли водевили, въ театрѣ бывало много посѣтителей, потому что водевили шли всегда хорошо. Въ нихъ участвовали даровитыя актрисы Гусевы (мать и дочь); публика просиживала спектакль съ удовольствіемъ, лю-

бунсъ ихъ прекрасною игрою; но Ващенко-Захарченко, какъ видно изъ статьи Грѣхновскаго, платилъ дорого трагическимъ актерамъ и, не получая отъ драмы большихъ выгодъ, рѣшился вновь искать счастья въ г. Орлѣ, куда въ половинѣ января 1852 г. выѣхалъ съ труппою и уже болѣе въ Курскъ не возвращается... Не много потеряли.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1852 года, составила въ Курскѣ дирекція театровъ и, въ числѣ прочихъ директоровъ, принялъ на себя это званіе г. Магъевъ. Желая имѣть небольшую, но хорошо собранную труппу, директоры отправили режиссера театра г. Василькова въ Москву, который, проѣзжая чрезъ Орелъ, встрѣтилъ въ немъ всю бѣдствующую труппу г. Ващенко-Захарченко. Содержатель не выдавалъ имъ жалованья до начатія представленій (это было великимъ постомъ), актеры съ восторгомъ узнали, что въ Курскѣ составила дирекція, упростили взять ихъ отъ г. Ващенко, который и самъ желалъ отъ нихъ отдѣлаться, прося только Василькова взять его музыку для курскаго театра. Васильковъ хотя и не имѣлъ на этотъ предметъ полномочія отъ дирекціи, но рѣшился принять предложеніе Ващенко и вмѣстѣ съ нимъ и со всюю сформированною имъ труппою актеровъ прибылъ къ Пасхѣ въ Курскъ; хотя многіе изъ собранной Ващенко-Захарченкою труппы актеры и актрисы были слабы, но дирекція приняла ихъ. Вотъ какъ началась въ Курскѣ дирекція, продолжающаяся и до настоящаго времени подъ тѣмъ же управленіемъ. Паденія курскаго театра никогда не было; пережнялись актеры и актрисы, какъ и вездѣ это бываетъ на провинціальныхъ театрахъ, но курскій театръ никогда не достигалъ такой славы, какъ въ настоящее время. Много перебывало во время управленія дирекціею курскимъ театромъ столичныхъ и провинціальныхъ артистовъ; на иныхъ любовалась, другихъ порицала наша публика, но постоянная примадонна нашего театра *Г-жа Гусева 2*, имѣя большой репертуаръ и обладающая прекраснымъ голосомъ и разнообразною, неподдѣльною игрою, остается въ продолженіе двухъ лѣтъ постоянною любимицею курской публики, занимая въ продолженіе этого времени первыя роли во всѣхъ водевиляхъ, комедіяхъ и опереткахъ. Г-жа Гусева на Коренной ярмаркѣ играла въ продолженіе двѣнадцати дней, каждый день въ двухъ и трехъ разнохарактерныхъ русскихъ и малороссійскихъ цѣсахъ, и ни кто не замѣтилъ въ ней усталости и малѣйшаго пренебреженія къ игрѣ; публика всегда восхищается ею; въ бенефисы ея всегда театръ но-

.. Было 26 іюня 1853 г. въ Коренной ярмаркѣ.

.. Она беретъ въ годъ три бенефиса.

ложь и билетомъ непременно надо запасаться за недѣлю. 20 июня, въ день ея бенефиса, театръ былъ совершенно полонъ: ни одной ложи, ни одного кресла не было пустаго. За такое вниманіе публики актриса заплатила ей прекрасною игрою въ роли Катерины въ пьесѣ «Молодая девиантка, или дочь Доминика». При открытіи занавѣса аплодисменты долго не давали бенефицианткѣ начать свою роль. Послѣ каждой пропѣтой аріи заставляли повторять ее нѣсколько разъ; она была вызвана послѣ каждаго акта и въ концѣ спектакля восемь разъ. Самая высокая и образованная публика нашла въ игрѣ г-жи Гусевой талантъ самообытный, неподдѣльный. Въ Коренной ярмаркѣ за 12 спектаклей выручено было 2,500 руб. серебромъ. Такимъ сборомъ не вездѣ могутъ похвалиться провинціальныя театры, особенно въ лѣтнее время.

КУРСКІИ СТАРОШИЛЪ.

РЫБИНСКІИ ТЕАТРЪ.

Въ послѣднее время рыбинская публика наслаждалась прекрасною игрою г. Полтавцева, который столько принесъ ей удовольствія, несмотря на то, что нынѣшнее лѣто какъ для театра, такъ и для всѣхъ жителей рыбинскихъ, было не слишкомъ весело. Но съ появленіемъ г. Полтавцева холера, которая навела уныніе на всѣхъ жителей, была забыта; нашъ рачительный антрепренеръ г. Лавровъ старался всѣми силами доставлять удовольствіе публикѣ, хотя самъ понесъ значительный убытокъ. И какъ мы обрадовались, когда афиша наша возвѣстила о прибытіи г. Полтавцева. Театръ хотя не всегда бывалъ полонъ, но кто посѣщалъ его, тотъ не раскаявался и разгонялъ свою скуку. Хотя у г. Лаврова сформирована большая труппа, но во всей театральной этой труппѣ только трое рѣзко обрисовываются на первомъ планѣ, именно г. Лавровъ, прекрасный драматическій артистъ, г-жа Лаврова (жена его), миленькая субретка, съ небольшимъ, но довольно приятнымъ голоскомъ и, въ дополненіе къ нимъ, г. Маскимовъ; всѣ же остальные развѣ недурны были бы въ живыхъ картинахъ, и то если бы въ нихъ имъ пришлось или сидѣть или спать. Послѣ втораго представленія г. Полтавцева, афиша снова намъ объявила драму *Скопинъ-Шуйскій*. Роль Скопина для перваго дебюта игралъ актеръ московскихъ театровъ г. Сенявскій... Благодаримъ молодаго артиста, который

намъ также доставлять удовольствіе; тѣмъ пріятнѣе было намъ видѣть его, что онъ не старался подыматься на драматическія ходули. Его простая, но отчетливая игра, непритворное чувство оправдалась рукоплесканіемъ публики. Я его видѣлъ потомъ въ водевилѣ «Заколдованный Принцъ» въ роли Ганса, гдѣ я, бывало, восхищался игрой нашего уннаго лоника г. Мартынова. Молодой артистъ, г. Сенявскій, хотя ны его несколько не сравниваемъ съ г. Мартыновымъ, былъ—таки на своемъ мѣстѣ; безъ всякихъ сценическихъ фарсовъ заставлялъ зрителя отъ души смѣяться. Жаль, что онъ такъ мало играетъ, тогда какъ смѣло могъ бы замѣнить мѣсто г. Дмитріева, который обладаетъ всевозможности фарсовъ. Онъ въ каждой роли — полишинель, и иногда кажется, что г. Дмитріевъ скорѣе обладаетъ танцевальнымъ искусствомъ, чѣмъ драматическимъ. Г-жа Милославская, примадонна, обладаетъ голосомъ очень несвѣжимъ; впрочемъ, о ней и говорить нечего. Г. Максимовъ занимаетъ амплуа комическихъ стариковъ и играетъ иногда удовлетворительно, если чувствуетъ себя здоровымъ. Гг. Колосовъ и Щегловъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе улучшаются. Хорошобы, если бы у насъ еще разъ повторился такой пріятный, театральныи сезонъ!

Р. НИКОЛАЕВЪ.

СМЪСЪ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ.

Статья третья и послѣдняя.

19 декабря 1842 года Кастренъ оставилъ Мезень, начавъ такимъ образомъ свое путешествіе по тундрамъ. Прибывъ въ деревню Сомсга, Кастренъ напрасно спрашивалъ о тадибе, назначавшемъ ему свиданіе; здѣсь никто не зналъ, гдѣ онъ живетъ, Но, съ помощію становаго пристава, тадибе отыскали дня черезъ три и доставили Кастрѣну.

Тадибе, взявшій съ Кастрѣна въ задатокъ рубль серебромъ, отиѣвивался отъ исполненія обѣщанія, говоря, что онъ, сдѣлавшись христіаниномъ и стоя на краю гроба, не хочетъ связываться съ волшебствомъ; что онъ сжегъ свой бубень и не хотѣлъ даже спросить у Тадебтсію лекарства для своей больной дочери; онъ обѣщалъ возвратитъ цѣлковый или сообщить Кастрѣну разныя свѣдѣнія объ искусствѣ тадибе. Кастренъ удовольствовался послѣднимъ, и вотъ его замѣчанія объ этомъ предметѣ.

Предметы магіи (колдовства) у всѣхъ народовъ одинаковы, и число ихъ соотвѣтствуетъ желаніямъ, намѣреніямъ и потребностямъ челоуѣка. Преимущественно же магія занимается: 1) леченіемъ и 2) отгадываніемъ. У нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ у Финновъ, преобладаетъ въ магіи леченіе болѣзней, у другихъ, какъ у Самоѣдовъ, гаданіе. Главный характеръ магіи зависитъ отъ различной степени образованія народовъ, отъ ихъ взгляда на вещи и отъ ихъ умственныхъ способностей.

Самоѣды думаютъ, что колдунъ самъ по себѣ можетъ сдѣлать очень мало или ровно ничего; онъ только посредникъ или передатчикъ міра

духовъ, и его достоинство состоитъ только въ томъ, что онъ входитъ въ сношенія съ духами Тадебтсіо и получаетъ отъ нихъ необходимыя для него свѣдѣнія. Духи Самоѣдовъ, подобно имъ самимъ, народъ очень хитрый, упрямый и капризный: — имъ часто приходитъ на умъ не повиноваться тадибе, или обмануть его ложными словами; въ особенности они насмѣхаются надъ старыми тадибе. А потому тадибе долженъ быть молодъ и силенъ, крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, которое онъ долженъ иногда, по приказанію Тадебтсіо, рѣзать ножомъ и истязать другими острыми инструментами. Впрочемъ обычай этотъ уже выходитъ изъ употребленія; но преданіе говоритъ, что прежніе тадибе прокалывали себя пиками, стрѣляли въ себя стрѣлами, приказывали рѣзать себя на куски, и потомъ снова возвращались невредимыми къ жизни. Подобныя вещи рассказываютъ о нѣкоторыхъ живыхъ еще тадибе, а слѣдующій рассказъ, кажется, даетъ поводъ думать, что въ этомъ есть своя доля правды. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, въ одной юртѣ на Тиманской тундрѣ встрѣтились три Самоѣда и русскій. Одинъ изъ Самоѣдовъ былъ посвященъ въ ученіе тадибе, а другіе просили его показать свое искусство. Прийдя въ обыкновенное изступленіе, тадибе во время самой церемоніи приказалъ стрѣлять въ себя изъ заряженнаго пулею ружья. Одинъ изъ Самоѣдовъ виновался приказанію, и пуля отскочила отъ тѣла; ружье заряжено снова—и выстрѣлъ другаго Самоѣда имѣлъ такой же результатъ. Удивленный русскій зарядилъ ружье, выстрѣлил и убилъ Самоѣда-тадибе на-повалъ. Кастрѣнъ въ Канвической тундрѣ встрѣтилъ множество чиновниковъ, ѣхавшихъ на слѣдствіе по этому дѣлу, результатъ котораго ему неизвѣстенъ. О прежнихъ тадибе рассказываютъ много преданій, встрѣчающихся и въ финскихъ народныхъ сагахъ. Тадибе летали, плавали надъ водою, поднимались къ облакамъ и спускались въ землю, принимая притомъ любой видъ.

Ремесло тадибе наследственное; *magus non fit, sed nascitur* *. Такое же мнѣніе имѣютъ Финны, но финскій магъ долженъ сначала изучить *Sanat, syntu* и прочее, а Самоѣдъ ничего, потому что Самоѣдъ заботу обо всемъ предоставляетъ Тадебтсіо, а Финъ старается все узнать посредствомъ мудрости, полученной имъ отъ отцовъ своихъ. Тадибе переводить на обыкновенный языкъ только то, что ему сообщать духи на языкѣ, одному ему понятномъ. Хотя Кастрѣнъ и слышалъ фразу: «итти въ науку къ тадибе,» но никогда не могъ узнать, въ чемъ именно состоитъ эта наука. Вотъ что одинъ Самоѣдъ рассказывалъ Кастрѣну о себѣ самомъ: пятнадцати лѣтъ отдала его въ науку къ тадибе, пото-

* Поэты (маги) не образуются, но рождаются.

ну что въ его родѣ было много знаменитыхъ шамановъ; два тадибе должны были учить его; они завязали ему глаза, дали въ руку бубенъ и просили ударить въ него; между тѣмъ одинъ тадибе бѣлъ его рукою по головѣ, другой по спинѣ; спустя нѣсколько времени, глаза ученика пресвѣтлѣли, и онъ увидѣлъ множество Тадебтсію, тащущихъ у него на рукахъ и ногахъ; испугавшись этого явленія, ученикъ убѣжалъ къ священнику, былъ окрещенъ и не видалъ никогда ни одного Тадебтсію. Къ этому надобно прибавить, что тадибе рассказывали сначала воображеніе мальчика чудесными сагами и рассказами о Тадебтсію.

Тадибе, достаточно посвященный въ тайны своего ремесла, обзаводится бубномъ и особымъ костюмомъ. Бубенъ украшается, смотря по состоянію тадибе, болѣе или менѣе; украшенія состоятъ изъ идоловъ бубенчиковъ, колецъ, оловянныхъ пластинокъ и прочее. Форма бубна круглая, величина его различная; Кастрѣнъ видѣлъ бубенъ величиною въ $\frac{5}{4}$ аршина въ діаметрѣ и $\frac{1}{8}$ въ вышину; бубенъ съ одной стороны только обтянутъ тонкою прозрачною оленьюю кожей. Бубенъ въ рукахъ тадибе есть могущественный инструментъ: ударами въ него онъ возвышаетъ свой духъ, и звуки ударовъ проникаютъ въ тенный міръ духовъ и будятъ ихъ отъ лѣниваго сна. Костюмъ тадибе и красивъ, и странный. Онъ состоитъ изъ замшевой рубашки, называемой самбуртсіа, которая внизу оторочена краснымъ холстомъ. Швы также покрыты краснымъ холстомъ, а равно и плечи; глаза и все лице закрыты кускомъ холста, потому что не посредствомъ глазъ, а помощію внутренняго зрѣнія тадибе проникаетъ въ міръ духовъ. Голова не закрыта, и только узкій кусокъ краснаго холста вдетъ около затылка, а другой черезъ темя; они служатъ для прикрѣпленія куска, закрывающаго лице. На груди у тадибе желѣзный лясъ.

Убранный такъ, тадибе садится на землю, для того чтобы у Тадебтсію испросить совѣтъ и помощь. Ему прислуживаетъ при этомъ другой тадибе, еще мало посвященный въ искусство. Церемонія начинается тѣмъ, что старшій тадибе бьетъ нѣсколько разъ въ бубенъ и поетъ нѣкоторыя слова ужаснымъ голосомъ; другой тадибе вторитъ ему, и оба распеваютъ одни и тѣже слова, подобно финскимъ пѣвцамъ руугъ. Каждое слово и каждую букву растягиваютъ до безконечности. Когда, послѣ короткаго пролога, начнется таинственный разговоръ съ Тадебтсію, тогда старшій тадибе умолкаетъ и тихо ударяетъ въ бубенъ; впрямую слушаетъ онъ въ это время отвѣтъ идоловъ. Между тѣмъ младшій тадибе поетъ тѣ слова, которыя прошепталъ передъ тѣмъ старшій. Когда нѣтъ разговора съ Тадебтсію кончился, тадибе испускаютъ дикій вой, ударами въ бубенъ дѣлаются чаще и громче, и отвѣтъ орacula возвышается.

Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ тадибе содержится мало словъ, и что они представляютъ родъ импровизаціи. Въ пѣсняхъ Самоѣдовъ вообще не разбираютъ словъ и мало обращаютъ вниманія на размѣръ и ритмъ. Если пѣвецъ знаетъ о чемъ говорить, то слово прійдетъ само, и если оно не соотвѣтствуетъ мелодіи, то выпускаютъ ту или другую букву или растягиваютъ ее, какъ требуетъ мелодія. Если же Самоѣдъ пѣснь не поетъ, а речитатируетъ, то онъ заботится о нѣкотораго рода ритмѣ, подходящемъ къ троею.

Представимъ теперь нѣсколько случаевъ самоѣдскаго колдовства.

Если шаманять о пропажѣ оленя, то мелодія тутъ употребляется очень простая. Сначала призывается Тадебтсію, и одинъ тадибе говоритъ Кастрену, что онъ поетъ при этомъ слѣдующее:

Придите, придите,
 Духи чародѣйства!
 Если вы не придете,
 Я къ вамъ приду.
 Проснитесь, проснитесь,
 Духи чародѣйства!
 Я пришелъ къ вамъ,
 Восстаньте отъ сна!

Тадебтсію отвѣчаетъ:

Скажи, по какой
 Причинѣ прибѣжалъ ты,
 Зачѣмъ приходишь ты
 Нарушать нашъ покой? —

Тадибе говоритъ:

Пришелъ ко мнѣ
 Недавно Нжинетсъ (Самоѣдъ),
 Этотъ человекъ, который
 Надоѣлъ мнѣ сильно;
 У него пропалъ олень.
 Вотъ почему я
 Теперь прихожу къ вамъ.

На этотъ призывъ является только одинъ Тадебтсію; если ихъ прійдетъ много, то каждый говоритъ свое, и тадибе не знаетъ, кого изъ нихъ слушать. Тадибе проситъ своего послушнаго духа отыскать оленя. «Ищи его, ищи его, какъ можно лучше, и чтобы олень не потерялся.» Разумѣется, Тадебтсію повинуется приказанію, а между тѣмъ тадибе настаиваетъ на томъ, чтобы духъ искалъ оленя хорошо и не переставалъ до тѣхъ поръ, пока найдетъ оленя. Когда Тадебтсію возвратится съ поисковъ, тадибе опять начинаетъ просить его говорить правду. «Не лги; если ты солжешь, мнѣ будетъ худо. Товарищи моя осмѣютъ меня тогда. Скажи прямо, что ты видѣлъ; скажи худое, скажи хорошее. Скажи одно только

слово. Если ты скажешь много (то есть не ясно и неопредѣленно), то ить будетъ худо, и т. д. Тогда Тадебтсію называютъ то мѣсто, гдѣ онъ иидѣлъ оленя. Послѣ того тадибе идетъ къ указанному мѣсту съ тѣмъ, для кого вся эта церемонія дѣлается, но отвѣчаетъ однако же, если олень между тѣмъ убѣжить оттуда или другой тадибе съ помощью Тадебтсію уничтожить слѣдъ оленя, и т. д. Надобно сказать, что до заклинанія тадибе узнаетъ всѣ обстоятельства, сопровождавшіе пропажу оленя: когда это случилось, гдѣ, думаетъ ли Самоѣдъ, что олень украденъ, кто его сосѣди, не враги ли его и т. д. Если Самоѣдъ не можетъ дать необходимыхъ свѣдѣній, то тадибе принимается за бубень, спрашиваетъ объ этомъ дѣлѣ Тадебтсію, спрашиваетъ опять Самоѣда, и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока составитъ себѣ по возможности ясное понятіе о ходѣ дѣла. Это заранѣе составленное мнѣніе и есть то, что слышитъ тадибе во время своего изступленія отъ Тадебтсію; можетъ быть, иногда это является тадибе въ его изступленномъ состояніи какъ сонъ — но онъ получаетъ приговоры оракула изъ устъ самаго Тадебтсію, являющагося передъ нимъ въ воображеніи. Кастренъ убѣдился въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве не только спокойными и одногласными увѣреніями тадибе объ этомъ предметѣ, но еще и тѣмъ, что очень часто тадибе признается, что онъ или не могъ вызвать Тадебтсію, или не могъ принудить его дать ясный отвѣтъ, и это въ такихъ случаяхъ, когда тадибе легко могъ бы выдумать предсказаніе. Кастренъ самъ испытывалъ откровенную честность тадибе въ этомъ отношеніи.

Непосвященные въ продѣлки тадибе Самоѣды употребляютъ и другія средства для отысканія потерявшихся оленей. Изъ оленьихъ роговъ образуютъ кругъ на полу; въ срединѣ круга кладутъ брусокъ, а на него огнью, топоръ или другой кусокъ желѣза такъ, чтобы онъ пересѣкалъ брусокъ и могъ легко упасть съ него. Потомъ Самоѣдъ начинаетъ ходить кругомъ, пока кусокъ желѣза упадетъ. Самоѣдъ теперь знаетъ въ какую сторону убѣжалъ олень, и если онъ пойдетъ туда, то олень самъ прибѣжитъ къ нему навстрѣчу. Такимъ же образомъ отыскиваютъ людей, сбившихся съ дороги, только вмѣсто оленьихъ роговъ, для образованія круга, употребляются человѣческіе волосы.

Когда больной прибѣгаетъ за помощью къ тадибе, то, не смотря на опасность болѣзни, леченіе не начинается тотчасъ, и ожидаютъ «первой утренней зари». Во время ночи тадибе совѣщается съ своимъ Тадебтсію и проситъ у него совѣта и помощи. Если къ утру больной чувствуетъ себя лучше, то время взяться за бубень; въ противномъ случаѣ надобно ожидать «седьмой утренней зари». Если и тогда больному не будетъ лучше, тадибе объявляетъ его неизлечимымъ, и даже не дѣлаетъ

никакой попытки помочь несчастному. Если же въ теченіе означеннаго времени больному сдѣлается лучше, то талибе спрашиваетъ его: знаетъ ли онъ того, кто напустилъ на него болѣзнь? Если больной не знаетъ, то талибе начинаетъ спрашивать о его врагахъ и т. д. Въ случаѣ неудовлетворительныхъ отвѣтовъ больного, спрашиваютъ Тадебтсію. Талибе не рѣшается въ этомъ дѣлѣ ничего предпринять до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ, откуда болѣзнь взялась.

Если болѣзнь напущена злыми людьми, то талибе просить духа помочь больному, и необходимое слѣдствіе этой помощи есть переходъ болѣзни съ больного на того, кто напустилъ ее. Талибе увѣрили Кастрѣна, что они при леченіи не употребляютъ болѣе никакихъ приѣмовъ, что они не знаютъ ни наговоровъ, ни заклинаній и понятія не имѣютъ о естественныхъ средствахъ леченія. Кастрѣнъ нашелъ между Самоѣдами только леченіе прижитаніемъ, для чего берутъ березовый труть, сушатъ его и вырѣзываютъ изъ него два небольшіе кусочка, которые зажигаютъ и кладутъ на больное мѣсто. Самоѣды считаютъ хорошимъ признакомъ если труть стокочитъ отъ больного мѣста; виѣсть съ нимъ отскакиваетъ и боль. Изъ сказаннаго здѣсь видно, что талибе обладаютъ вообще малыми свѣдѣніями, хотя ихъ считаютъ умными и свѣдущими людьми. Никто въ Тадебтсію такихъ послушныхъ и услужливыхъ духовъ, талибе не знаетъ свѣдѣнія о болѣзняхъ. Впрочемъ Тадебтсію познунутся Шумъ или Ийбенбертій (Илейбертью), такъ Самоѣды-язычники зовутъ своего бога, что доказываетъ между прочимъ одна пѣсня, гдѣ талибе посылаетъ Тадебтсію къ Нуму, для испрошенія помощи больному. Талибе говоритъ съ духомъ, въ пѣснѣ, такъ: «Не оставляй больного, ступай вверхъ, ступай къ Ийбенбертію, и проси его о помощи». Тадебтсію познунутся призыванію, но тотчасъ возирается и говоритъ, «что Ийбенбертій не отвѣчалъ ничего», то есть не даетъ помощи. Тогда талибе начинаетъ просить о помощи самаго Тадебтсію, который отвѣчаетъ на это: «Какъ я могу помочь? Я менѣе могущественъ, нежели Нумъ, я не могу помочь!» Талибе продолжаетъ свои просьбы, говоря, чтобы Тадебтсію старался вверхъ къ Нуму и просилъ бы его о помощи и спасеніи. Съ своей стороны Тадебтсію говоритъ талибе, чтобы онъ самъ шелъ къ Нуму, на что талибе отвѣчаетъ: я не могу достигнуть до Нумы, потому что онъ очень далеко отъ меня. Если бы я могъ приблизиться къ нему, то не просилъ бы тебя, а самъ пошелъ бы къ нему. А какъ я не могу идти къ нему, то ступай ты. Тадебтсію наконецъ соглашается: «Для тебя, говоритъ онъ, я пойду; но на меня Тадебтсію косится поспешно и говоритъ, что онъ мнѣ не скажетъ ни слова и т. д.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о языческихъ богахъ Самоѣдовъ.

Объ Нумъ или Йимбертій расказываютъ Самоѣды тоже самое, что содержатъ финскія пѣсни объ Икко. Нумъ живетъ въ воздухѣ и оттуда посылаетъ на землю громъ и молнію, дождь и снѣгъ, бурю и вѣтеръ. Часто его смѣшиваютъ съ видимымъ небомъ, которое тоже называется Нумъ. Звѣзды составляютъ часть Нумы и называются Нюмжи, то есть нѣчто, принадлежащее къ Нумъ. Радуга составляетъ край одежды Нумы и называется Нумбанн. Солнце тоже почитается какъ Нумъ или Йимбертій, потому что при восходѣ солнца Самоѣдъ выходитъ изъ юрты, а при закатѣ онъ читаетъ молитву: «Если ты Йимбертій уходишь, я иду на покой.» Отъ нѣкоторыхъ Самоѣдовъ я слышалъ, что земля, море и вся натура Нумъ; другіе же, вѣрно въ слѣдствіе вліянія христіанской религіи, привыкли считать Нума творцемъ міра и думаютъ, что онъ управляетъ міромъ и сохраняетъ его, посылаетъ людямъ счастье, даетъ имъ оленей, лисицъ и богатства всякаго рода. Нумъ охраняетъ также оленей отъ дикихъ звѣрей, въ слѣдствіе чего онъ имѣетъ эпитетъ Уйтбарибержій, что значитъ «хранитель скота». Все что дѣлается на землѣ, Нума видитъ и знаетъ объ этомъ. И если онъ видитъ, что люди хорошо поступаютъ, то онъ посылаетъ имъ во всемъ удачу, даетъ имъ оленей, и хорошій ловъ, долгую жизнь, и такъ далѣе. Если же человѣкъ грѣшитъ, то ему Нумъ посылаетъ бѣдность и несчастія, и преждевременную смерть. Не имѣя яснаго понятія о будущей жизни, Самоѣды вообще думаютъ, что человѣкъ получаетъ и наказаніе за зло, и награду за добро еще въ этой жизни, и это мнѣніе поселяетъ въ нихъ ужасное отвращеніе отъ грѣховъ (haebea) и злыхъ дѣлъ, въ особенности отъ убійства, воровства, клятвопреступленія и нарушенія супружеской вѣрности. Хотя Самоѣды очень любятъ выпить, но пьянство не считается у нихъ порокомъ. Нумъ наказываетъ убійство и клятвопреступленіе — смертію, воровство — бѣдностію, супружескую не вѣрность — неблагополучными родами, и такъ далѣе.

Кромѣ Нумы Самоѣды почитаютъ своихъ домашнихъ боговъ, фетишей или Наге, повѣряютъ имъ свои желанія и потребности, просятъ о помощи во всѣхъ предпріятіяхъ и въ особенности объ удачномъ ловѣ. Хае и Тадебтсію сходныя божества, подчиненныя Нумъ, но между ними есть то различіе, что духи Тадебтсію доступны только для всевидящихъ очей тадибе. Наге не столь духовные, отвѣчаютъ на вопросы и непосвященныхъ въ мистеріи маговъ. Эти Наге бываютъ или естественные, или искусственные. Къ первому разряду принадлежать — необыкновенные камни, деревья, и другіе рѣдкіе въ природѣ предметы. Если Самоѣдъ найдетъ какой либо рѣдкій предметъ, который по его понятіямъ можетъ служить богомъ, то онъ завертываетъ его пестрыми

лентами или кусочками холста и везетъ съ собою, куда бы онъ не ѣзжалъ. Самоѣды язычники имѣютъ особенныя сани, Гагенъ-ганъ, въ которыхъ сохраняются ихъ домашнія божества и которыя они берутъ съ собою во всѣ поѣздки. Если фетишь такъ великъ, что его неудобно уложить въ сани, то онъ дѣлается предметомъ обожанія для всего народа;—такихъ фетишей очень много на островѣ Вайгачѣ, и ихъ образуютъ камни и скалы; * самый главный изъ нихъ называется ja jigei Nahe, то есть владѣтель страны Хае. Фетишь этотъ—большой камень, лежащій около одной пещеры; никто не знаетъ откуда онъ и когда попалъ сюда; видомъ онъ напоминаетъ формы человѣка, за исключеніемъ головы, которая у камня острая. Преданіе говоритъ, что по этому образцу Самоѣды начали дѣлать большихъ и малыхъ идоловъ изъ дерева, которые называются Сіадаи, потому что у нихъ человѣческое лицо (sja). Сіадаи бываютъ и мужскіе и женскіе; они обыкновенно одѣты по-самоѣдски и украшены лентами и всякими хламомъ. Впрочемъ на мѣстахъ лова (охоты) встрѣчаются и нагіе сіадаи, обращенные лицомъ къ западу.

По неимѣнію дерева, фетишей дѣлаютъ изъ земли или снѣга, которые тоже называются Хае;—впрочемъ подобные фетиши употребляются только въ случаѣ нужды, напримѣръ при присягѣ, которая часто бываетъ у самоѣдовъ-язычниковъ. Если самоѣда обокрадутъ, то онъ призываетъ къ присягѣ того, на кого имѣетъ подозрѣніе, и употребляя при этомъ хае, сдѣланное изъ камня, дерева, земли или снѣга, какъ идола для своего противника, убиваетъ собаку, уничтожаетъ идола и говоритъ подозрѣваемому въ воровствѣ: «Если ты украдъ, то да погмбнешь ты, какъ эта собака». Самоѣды, говорятъ, такъ боятся этой присяги, что воръ почти никогда не можетъ произнести клятву, но скорѣе сознается въ своемъ преступленіи. При присягахъ употребляютъ также морду медвѣдя, которую изрѣзываютъ въ куски. Это самая большая клятва, потому что Самоѣды считаютъ медвѣдя за могущественное божество, которое гораздо сильнѣе Гаге. Самоѣды говорятъ, что присяги у нихъ чаще всего бываютъ въ дѣлахъ по воровству, но употребляются также и при другихъ случаяхъ, и еще необращеннымъ Самоѣдамъ дозволено въ русскихъ судахъ произносить клятву по ихъ обычаямъ.

Если кто прибѣгаетъ съ просьбою о помощи къ Хае или Сіадаи, тотъ долженъ подкрѣпить просьбу жертвою, которая въ важныхъ случаяхъ совершается тацбе; а когда просятъ только о счастливомъ уловѣ, то жертву можетъ принести всякій. Церемоніи при жертвоприно-

* Иславннъ насчитываетъ до 20 фетишей на островѣ Вайгачѣ, сверхъ которыхъ одинъ былъ деревянный, сожженный миссіонерами въ 1827 году.

женіи различны. Поставивъ на землю Хае, тадибе садится лицомъ къ нему, а между собою и божествомъ ставитъ пруть, къ концу котораго прикрѣплена красная лента; потомъ тадибе принимается за свой бубенъ и поетъ пѣснь Хае, въ которой содержится просьба. Черезъ нѣсколько времени начинаетъ лента на пруть двигаться (въ слѣдствіе какаго нибудь незамѣтнаго дѣйствія тадибе), что для зрителей служитъ знакомъ, что Хае говоритъ съ тадибе. Рѣчь Хае тадибе переводитъ просящему, и обыкновенное содержаніе ея такое, что Хае обѣщаетъ исполнить просьбу съ условіемъ, чтобъ въ жертву ему принесены были или олень, или оленья самка, или молодой олень и т. д. Не рѣдко случается, что просящій начинаетъ торговаться съ своимъ тадибе, предлагая ему вмѣсто оленя — самку, вмѣсто самки — молодого маленькаго оленя и т. д., или же просить объ отсрочкѣ жертвы, на что тадибе или соглашается, или нѣтъ, смотря по важности желаній своего поклонника. При самомъ началѣ жертвоприношенія всѣ женщины удаляются отъ мѣста, гдѣ должна совершиться жертва; потомъ приводятъ животное, ставятъ его передъ идоломъ, и тадибе удушаетъ жертву. Голову, рога и даже кожу животнаго вѣшаютъ передъ Хае на дерево; лице Хае тадибе мажетъ кровью оленя, и сожигаетъ на огнѣ не много оленьей кожи, что и составляетъ обѣдъ идола, а остальное тадибе съѣдаетъ съ присутствующими при жертвоприношеніи; тадибе не должны уронить ни одной капли крови на свои платья, что считается грѣхомъ и приноситъ несчастье.

Путешествіе по тундрамъ не представляетъ ничего особеннаго; переездъ совершается на оленяхъ, которыхъ двѣ пары запрягаются въ сани. На пути отъ Мезеня до деревни Несь, (сто верстъ) Кастрень удостоверялся только въ томъ, что Самоѣды очень любятъ водку, и тѣ изъ нихъ, которые не приняли еще христіанства, имѣютъ много женъ.

Деревня Несь лежитъ въ пятнадцати верстахъ отъ впаденія рѣки того же имени въ Бѣлое море. Деревня эта состоитъ изъ самыхъ жалкихъ жилищъ, владѣльцы которыхъ приписаны въ Мезенѣ. Отцы нынѣшнихъ поселенцевъ основали свои жилища здѣсь для того, чтобъ поправить свои дѣла торговлею съ Самоѣдами; но къ ихъ невыгодѣ правительство наше снабжаетъ Самоѣдовъ мукою, солью, порохомъ и свинцомъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Въ 1825 году прибыла сюда миссія, для обращенія Самоѣдовъ въ христіанство, которая имѣла значительный успѣхъ; въ слѣдствіе чего были выстроены три церкви: въ 1831 году для большеземельской тундры на рѣкѣ Кольвѣ, и въ томъ же году для канискихъ Самоѣдовъ въ деревнѣ Несь, а въ 1832 для таманской тундры на рѣкѣ Пьота.

Въ Насѣ Кастренѣ остановился на нѣкоторое время для изученія языка, и имѣлъ удовольствіе познакомиться и даже жить посреди семейства тамошняго священника. Здѣсь же удалось ему быть на самоѣдской свадьбѣ, о которой онъ говоритъ слѣдующее. Если Самоѣдъ хочетъ жениться, то онъ виѣсть съ сватомъ отправляется къ жилищу родителей той дѣвушки, которую онъ выбралъ для себя. Пріѣхавъ къ юртѣ, женихъ, по обычаю, остается у своихъ саней, а свать входитъ въ юрту и дѣлаетъ предложеніе отцу или опекуну дѣвушки. Если отвѣтъ будетъ отрицательный, то женихъ и свать тотчасъ отправляются домой; въ противномъ же случаѣ свать спрашиваетъ, когда праздновать свадьбу. Впрочемъ у Самоѣдовъ есть обычай, что женихъ платитъ отцу невѣсты известную сумму. Для чего предъ сватовствомъ со стороны жениха производится оцѣнка невѣсты, и свату сообщаютъ цѣну. Но если отецъ дѣвушки потребуетъ за свою дочь большую цѣну, то свать идетъ къ жениху и совѣтуется съ нимъ, можно ли прибавить одного или двухъ оленей къ преждеобъявленной цѣнѣ. И такъ торгуются до тѣхъ поръ, пока сойдутся въ цѣнѣ, и въ такомъ случаѣ свать вводитъ жениха въ юрту; если же не поладятъ въ цѣнѣ, то женихъ не входитъ въ юрту.

Послѣ помолвки женихъ не посѣщаетъ невѣсту, но все предоставляется заботамъ свата. Предъ самою свадьбой родные невѣсты ѣдутъ къ жениху въ гости. Когда гости поѣдятъ и выпьютъ въволю, свать привязываетъ четыре оленя гуськомъ, двухъ самцовъ и двухъ самокъ, покрываетъ двухъ переднихъ краснымъ холстомъ, привѣшиваетъ колокольчикъ на шею передняго оленя, обводитъ оленей три раза кругомъ юрты и запрягаетъ ихъ въ сани жениха. Поѣздъ отправляется къ невѣстѣ; женихъ ѣдетъ впереди, свать управляетъ его оленями. По прибытіи къ юртѣ, свать объѣзжаетъ ее три раза, останавливается позади юрты и оставляетъ тамъ жениха въ саняхъ. По прибытіи жениха, убиваютъ оленя. Веѣ ньютъ водку, и обѣдъ начинается; но женихъ не пользуется тутъ однакоже, а свать приноситъ ему кушанье и вино за юрту. По окончаніи стола, свать приводитъ наконецъ жениха въ юрту, въ которой по одну сторону очага сидятъ родственники жениха, а по другую родные невѣсты. Женихъ подходитъ къ роднымъ невѣстамъ и садится съ нею рядомъ, по правую ея сторону; свать садится у ногъ жениха и невѣсты. Когда веѣ усядутся, хозяинъ подчуетъ гостей водкою. Первый стаканъ онъ подаетъ свату, который передаетъ его жениху, и тотъ выпиваетъ половину, а остальное передаетъ невѣстѣ. Послѣ нѣсколькихъ стакановъ водки, начинаютъ ѣсть вареное мясо; сердце отдается жениху и невѣстѣ. Потомъ церемоніи уничтожаются, и

свадьба оканчивается водкою. Впрочемъ еслибъ вся водка и вышла въ первый день свадьбы, то женихъ долженъ оставаться въ юртѣ до другаго утра, когда влдутъ всѣ къ нему. Невѣста лежитъ закрытая въ своихъ саняхъ, оленями которыхъ управляетъ мать жениха. По прибытіи къ жениху, мать его три раза обвозитъ невѣсту въ саняхъ около юрты; послѣ чего покрывала съ нее снимаются и ее вводятъ въ юрту. Угощеніе тутъ начинается снова: подаютъ оленину, водку, всѣ пьютъ, спорять, шумятъ и дерутся.

Когда Кастрень съ женою священника прибыли на свадьбу, они нашли, что гости были уже такъ хорошо угощены, что многіе лежали безъ движенія около юрты на снѣгу, и вѣтеръ заносилъ снѣгомъ лица ихъ. Много сценъ самыхъ комическихъ можно было видѣть здѣсь: какой нибудь Самоѣдъ, шатаясь, осматриваетъ мертвецки-пьяныхъ, находитъ знакомаго, беретъ его за голову, поворачиваетъ спиною къ вѣтру и ложится рядомъ съ нимъ, носъ къ носу. Другой съ кружкой въ рукахъ отыскиваетъ свою дорогую половину и, узнавъ ее наконецъ, начинаетъ лить водку ей въ ротъ; тамъ какой нибудь Самоѣдъ подмѣчаетъ своего непріятеля, наноситъ ему нѣсколько ударовъ и удаляется незамѣченный; тутъ мертвецки-пьянаго укладываютъ въ сани, привязываютъ его къ нимъ и увозятъ домой. Дѣвицы самоѣдскія во-время свадьбы занимаютъ разными играми. Хозяинъ юрты пригласилъ Кастрена на чашку чая, и они усѣлись втроемъ въ юртѣ, Кастрень посреди хозяина и свата.

Послѣ чая хозяинъ приказалъ убить оленя. Самоѣды ѣли оленья мясо сырое, обмякшая его въ теплую кровь; впрочемъ они и варятъ его. Во время стола самоѣдскія дѣвушки пѣли пѣсни; напѣвъ ихъ очень походилъ на кваканье лягушекъ. Трагическая сцена прервала обѣдъ: въ дверь юрты заглянулъ Самоѣдъ съ острокопечнымъ лицомъ и просилъ искланнымъ голосомъ позволенія принять участіе въ свадебномъ праздествіи; нѣкоторые изъ гостей пригласили этого человѣка войти въ юрту, и онъ принималъ приглашеніе; хозяинъ ничего не зналъ объ этомъ, но когда увидѣлъ не прошеннаго гостя, велѣлъ его выгнать вонъ; много рукъ нашлось для исполненія этого, но другіе заступились за Самоѣда; хозяинъ и свать схватили другъ друга за волосы и положеніе Кастрена, сидѣвшаго между ими, было довольно критическое; бой начался въ юртѣ съ ужаснымъ ожесточеніемъ, и вся домашняя утварь пришла въ движеніе; наконецъ Самоѣда выгнали изъ юрты. Когда все успокоилось, хозяинъ рассказалъ Кастрену, что недавно одинъ мошенникъ показалъ ему бумагу, будто бы подписанную Кастренью, и которою давалось право Самоѣду этому собирать для нашего

путника по двадцати рублей ассигнаціями съ каждой юрты, а тѣхъ, которые не хотятъ платить—отправлять въ Архангельскъ. Вотъ причина, по которой хозяинъ не хотѣлъ пустить того Самоѣда къ себѣ въ жилище.

Женихъ, во все время пребыванія Кастрена въ юртѣ, спалъ мертвымъ сномъ у двери, потому что былъ сильно пьянъ. На немъ была надѣта малица, то есть родъ рубашки изъ оленьей кожи, шерстью къ тѣлу; малица была безъ всякихъ украшеній. Наружностью женихъ походилъ на другихъ Самоѣдовъ: онъ имѣлъ широкія скулы, толстыя губы, маленькіе глаза, низкій лобъ и плоскій носъ, образующій почти прямую линію со лбомъ, широкія ноздри, черные какъ смоль, щетинообразные волосы, рѣдкая борода, темная кожа. Невѣста была — дитя лѣтъ тринадцать и считалась у Самоѣдовъ красавицею. Маленькое круглое личико, полныя розовыя щеки и губы, бѣлый лобъ, черные волосы, маленькіе темные глаза—вотъ самоѣдская красота. Особенную прелесть придаетъ молодымъ Самоѣдкамъ ихъ одежда, которая состоитъ изъ туники изъ оленьей кожи, довольно узкой, но къ низу расширяющейся и у колѣнъ оканчивающейся оторочкою изъ собачьяго мѣха; воротникъ туники откинуть назадъ и застегивается на полной груди; ноги обуты въ оленьи сапоги; волосы свои самоѣдскія дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы и украшаютъ лентами и другими вещами; косы у нѣкоторыхъ достигаютъ до пятъ. Невѣста отличалась отъ другихъ дѣвушекъ тѣмъ, что имѣла на лбу двѣ нитки стеклянныхъ бусъ и не такъ была пьяна, какъ прочія ея подруги. Всѣ лица гостей, не исключая и дѣвушекъ, носили на себѣ явные кровавые знаки побоища, бывшаго передъ тѣмъ. Страсть къ дракѣ въ особенности увеличилась къ вечеру. Вездѣ видны были люди, вцѣплявшіеся другъ другу въ волосы. Бой начинался безъ всякаго повода; какъ только два человѣка сталкивались между собою, они, не разбирая лѣтъ и пола, хватали другъ друга за волосы и потасовка продолжалась до тѣхъ поръ, пока одинъ не былъ побѣжденъ и оставался на снѣгу, а побѣдитель шелъ на новые подвиги.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной нами свадьбы, Кастрень оставилъ Несъ и направилъ путь свой на востокъ, къ Чесской губѣ. Кастрень не поѣхалъ внизъ по Канинскому полуострову потому, что въ ту зиму тамъ никто не жилъ, что случается довольно рѣдко.

Вотъ причина, заставившая Самоѣдовъ оставить это мѣсто во-время той зимы: берегъ морской у Канинскаго носа очень низокъ и болотистъ и въ дождливую осень сильно размягчается; если зима начнется значительными морозами, то повеюду образуется толстая ледяная кора, и

олени, не будучи въ состояніи копытомъ пробить эту кору, не могутъ достать для себя моха и слѣдовательно подвергаются опасности умереть съ голода. Хотя въ горахъ, можетъ быть, и есть мохъ, но это бесполезно для Самоѣдовъ, потому что они и зимою и лѣтомъ занимаются рыбною ловлею въ морѣ и должны жить на берегу. Вообще канинской носъ мало посѣщается, и канинскіе Самоѣды большею частію живутъ на Томанскомъ берегу. Передъ Рождествомъ они приходятъ въ Мезень и Сомса (Somsa), гдѣ промѣниваютъ оленинъ кожи, лисицъ и проч., что добыли на твердой землѣ и въ морѣ, на муку, масло, порохъ, свинецъ, водку, и проч. Послѣ Рождества уходятъ они снова къ морю, исключая не многихъ бѣдняковъ, которыхъ можно видѣть въ Пинегѣ, Холмогорахъ, Архангельскѣ, гдѣ мужнины нанимаются въ извозчики, а женщины просятъ милостыню. На рѣкахъ Висасъ, Снопа, Виска—Кастренъ встрѣтилъ нѣсколько русскихъ дворовъ, обитателей которыхъ, какъ и вообще о всѣхъ русскихъ, живущихъ на тундрахъ, Кастренъ относится съ очень невыгодной стороны.

Хотя Кастренъ и благополучно прибылъ въ Пустозерскъ, но на дорогѣ съ нимъ случилось много приключеній, которыя раза два могли окончиться очень трагически для нашего путника. Вотъ что замѣчаетъ Кастренъ о характерѣ Самоѣдовъ вообще: они имѣютъ много общаго съ финнами; они очень осмотрительны, скрытны и хладнокровны, недовѣрчивы и упрямы; медленно принимаются за какое нибудь дѣло, но постоянны при исполненіи его. Подобно лапландцамъ, они капризны, любятъ обманывать, и на нихъ нельзя положиться; впрочемъ послѣднія два качества относятся въ особенности къ канинскимъ Самоѣдамъ и не должны входить въ изображеніе характера Самоѣдовъ вообще. Взглядъ Самоѣда на жизнь очень печаленъ. Ночь господствуетъ и въ наружной, и во внутренней жизни Самоѣда, и еслибъ самоѣдскій народъ имѣлъ сильныя страсти, то это былъ бы самый дикій народъ на землѣ. Но Провидѣніе устроило такъ, что на большую часть вещей въ мірѣ Самоѣды смотрятъ очень равнодушно. Пища составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ для Самоѣда, но и этотъ вопросъ Самоѣды разсматриваютъ съ большимъ спокойствіемъ, и часто жертвуетъ удовольствіемъ поѣсть еще большому наслажденію — пить. Голодъ, жажду и прочія непріятности Самоѣды переносятъ охотно, если только дѣло идетъ о его спокойствіи и удобствахъ. Но если кто нибудь угрожаетъ его жизни, если его обмануть, обидать или возбуждать только идею объ обидѣ, тогда этотъ сынъ Ледовитаго моря выказываетъ вполне свой характеръ, который можно встрѣтить только подъ болѣе знойнымъ солнцемъ, нежели на тундрахъ. Этотъ мрачный, необузданный, страстный

по своему духу въ особенности проявляется въ канинскихъ Самоѣдахъ. Этотъ духъ поддерживается здѣсь значительнымъ достаткомъ жителей и тѣмъ, что они упрямо держатся язычества. Не таковы Самоѣды тиманскіе. Въ 1831 и 33 годахъ сдѣлался здѣсь падежъ оленей, которыхъ погубило до 20,000 штукъ, что привело жителей въ крайнюю бѣдность; даже много погубило и Самоѣдовъ, потому что они употребляли въ пищу зараженныхъ болѣзнію оленей. Послѣ такого испытанія, тиманскіе Самоѣды сдѣлались кротки и богобоязненны и всѣ обратились въ христіанство; правда, и у нихъ взглядъ на жизнь довольно печаленъ; но по крайней мѣрѣ нѣтъ уже тѣхъ дикихъ страстей. Сердце ихъ мягко, духъ кротокъ, а печаль живетъ въ глубинѣ души. Самоѣды охотно оказываютъ благодѣянія бѣднымъ, и эта добродѣтель миритъ съ неровностями самоѣдскаго характера.

Пустозерская волость состоитъ изъ 18 большихъ и малыхъ деревень, часть которыхъ расположена по нижнимъ частямъ теченія рѣки Печоры, а часть по рѣкамъ, впадающимъ въ Печору, и около ближайшихъ озеръ. Самая большая деревня здѣсь — Пустозерскъ, получившій свое названіе отъ близъ лежащаго озера Пустаго и называемый обыкновенно городкомъ, потому что въ прежнее время была въ немъ крѣпость, какъ говорятъ, для защиты отъ набѣга Самоѣдовъ. Природа здѣсь самая скудная и пустынная; лѣса мало, скалы нѣтъ, зимою видно ровное снѣжное поле, на которомъ свободно разгуливаетъ вѣтеръ. И въ самомъ дѣлѣ, вьюги здѣсь такъ бываютъ сильны, что жители не могутъ иногда вытти изъ домовъ своихъ за водою или за дровами. Очень часто случается, что снѣгомъ заноситъ деревню до такой степени, что въ немъ дѣлаютъ узкіе ходы около домовъ, потому что большой и бесполезный трудъ былъ бы раскапывать весь снѣгъ около дома.

Въ этой—то печальной странѣ остался Кастренъ на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы изучить языкъ, нравы, религію и обычаи Самоѣдовъ, которые пріѣзжали въ Пустозерскъ изъ тундръ Большеземельской, Канинской и Тиманской, — преимущественно для промѣна своихъ товаровъ на муку и другія необходимыя для нихъ вещи, а равно и для водки. Съ цѣлію посѣтить храмъ Божій пріѣзжали очень рѣдкіе. Кастренъ дѣлалъ изъ Пустозерска небольшія поѣздки въ близъ лежащія оттуда юрты Самоѣдовъ, съ своимъ менторомъ самоѣдскимъ колонистомъ, который былъ знаменитъ между своими соотечественниками какъ по уму, такъ по печальной исторіи своей жизни. Мать колониста этого продала его, когда онъ былъ маленькимъ ребенкомъ, одному переселенцу за нуль муки, и онъ переходилъ потомъ изъ рукъ въ руки, какъ товаръ дѣтѣхъ поръ, пока поступилъ въ работу къ одному переселенцу, кочевав-

дому въ Большеземельской тундрѣ. Хозяинъ этотъ былъ человекъ жестокий и скупой, и заставлялъ мальчика, которому тогда было 8 лѣтъ, день и ночь пасти оленей, едва прикрывая за это его наготу и почти не утоляя его голода. Къ счастію мальчика, исправникъ, объѣзжая тундру, обратилъ на него вниманіе и освободивъ изъ рабства, взялъ къ себѣ и сталъ учить его вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Впрочемъ исправникъ скоро уѣхалъ оттуда, и мальчикъ снова остался безъ пристанища. Прийдя въ возрастъ онъ продалъ себя въ рекруты, но былъ признанъ негоднымъ къ службѣ и отпущенъ. Потомъ онъ жилъ въ работникахъ на тундрахъ, и наконецъ поселился въ небольшой деревнѣ около Пустозерска, гдѣ онъ срубилъ себѣ избу, женился на русской, но не смотря на то сохранилъ любовь свою къ націи, къ которой принадлежалъ по рожденію. Когда Самоѣды перестали показываться въ Пустозерскѣ, Кастрень отправился въ русскую деревню, Устьсылмекъ, лежащую въ 250 верстахъ къ югу. Дорога туда идетъ вверхъ по теченію рѣки Печоры, и нѣтъ тутъ никакихъ постоянныхъ поселеній, а на нѣкоторомъ разстояніи выстроены избы курныя в бани, гдѣ путники и останавливаются. Сюда много пріѣзжаетъ русскихъ для ловли тетеревей, которыхъ они ловятъ силками.

На парѣ жалкихъ лошадей Кастрень тащился цѣлую недѣлю до Устьсылмека, который ведетъ свое начало отъ Іоанна Грознаго и населенъ грубыми людьми. Эти люди считали Кастрена волшебникомъ, разбойникомъ и зажигателемъ, отравителемъ рѣкъ и ключей; они увѣряли, что онъ имѣетъ сношеніе съ нечистою силою и рассказывали о немъ тысячи неправдъ. Поступки ихъ съ Кастреномъ были до того неприязненны, что онъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить это селеніе и отправился въ Исемскъ, населенный Зырянами и отстоящій отъ Устьсылмека во 100 верстахъ. Молва о Кастренѣ достигла и сюда, и ни одинъ изъ Зырянъ, обыкновенно гостепріимныхъ, не хотѣлъ пустить его къ себѣ въ домъ, и только съ помощію находившагося тамъ чиновника Кастрену отвѣли наконецъ квартиру. Не смотря на участіе, которое приняли въ Кастренѣ семейство чиновника и лучшихъ жителей деревни, толпа смотрѣла на нашего путника, какъ на волшебника и безбожника. Впрочемъ здѣсь Кастрень могъ продолжать свои занятія, изучая всемогъ нарѣчіе самоѣдскаго языка и языкъ зырянскій. Исемскіе Зыряне въ религіи, нравахъ и образѣ жизни совершенно схожи съ русскими. Главныя отличія ихъ характера доказываютъ ихъ родство съ Финнами и вообще съ цѣлымъ финскимъ племенемъ, куда принадлежатъ и Зыряне. Имъ прислывають осторожность, серьезность, прямоту, честность и прочія качества; но также лукавство, недовѣрчивость и надоброжелательство. Мужъ у Зы-

рянь смотритъ на свою жену какъ на невольницу и заставляеть ее дѣлать все то, что онъ самъ долженъ былъ бы дѣлать. Малое уваженіе Зырянъ къ ихъ женщинамъ можно видѣть изъ отношеній жениха къ невѣстѣ при самой свадьбѣ, когда невѣста при всѣхъ гостяхъ поетъ пѣсню, въ которой со слезами и поклонами проситъ жениха сжалиться надъ ея беззащитнымъ состояніемъ и взять ее въ жены. Естественно этимъ хотѣтъ выразить то, что невѣста не должна гордиться предложеніемъ жениха, а должна смотрѣть на себя, какъ на послушную его служанку, почему она послѣ вѣнца должна сама разувать новобрачнаго. При зырянскихъ свадьбахъ встрѣчается много обычаевъ, показывающихъ униженіе женщины, и Кастрень приводитъ нѣсколько пѣсень, въ которыхъ дѣвушка прощается съ домою родительскимъ и его радостями.

Въ Исемскѣ Кастрень пробылъ до половины іюня и оттуда отправился въ небольшую деревню Колва, лежащую въ 400 верстахъ отъ Исемска на Большеземельской тундрѣ. Путь этотъ Кастрень сдѣлалъ въ пятнадцать дней, водою, въ рыбацкѣй лодкѣ, сначала изъ Исемска внизъ по рѣкѣ Исъмѣ, а потомъ вверхъ по теченію рѣкѣ Печоры и Ужа до устья рѣки Колвы. Печора у Самоѣдовъ называется моремъ (jam) и отчасти оправдываетъ свое названіе. Принимая въ себя почти всѣ воды, текущія съ западной стороны Сѣвернаго Урала, Печора въ низкихъ частяхъ своего теченія достигаетъ ширины въ три версты и болѣе; теченіе ея ровное; она богата рыбою; въ среднихъ частяхъ ея берега плодородны, но неспособны для хлѣбопашества по суровости климата, въ которомъ они лежатъ; за то обѣщаютъ много для скотоводства, которое здѣсь дѣлаетъ самые незначительные успѣхи. Жители, почти во всей этой странѣ Зыряне, существуютъ охотой и рыбной ловлей; впрочемъ они не кочуютъ, а живутъ въ небольшихъ деревняхъ, принадлежащихъ исемской волости.

Въ среднихъ частяхъ Печоры много занимательнаго: великолѣпная рѣка, прекрасные поросніе лѣсомъ берега, зеленѣющіе луга и холмы, дикая пустыня, темный, меланхолю наводящій цвѣтъ, свойственный на сѣверѣ травѣ, лѣсамъ и даже водѣ, и такъ далѣе; но комары, которыхъ здѣсь страшное множество, мѣшаютъ наслаждаться природою, потому что вынуждаютъ или надѣть волосяную сѣтку, или сидѣть въ балаганѣ (палатка изъ холста); и самые солнечные лучи здѣсь почти ослѣпляютъ зрѣніе, такъ они нестерпимо горячи. Деревня Колва населена большеземельскими Самоѣдами, принявшими языкъ и образъ жизни Зырянъ. Въ ней выстроены церкви, жилища для двухъ священниковъ и одного діакона и множество маленькихъ хижинъ, гдѣ живутъ Самоѣды.

Въ этой деревнѣ Кастрень провелъ остатокъ лѣта, и въ это время писалъ грамматику зырянскаго азыка.

Огромное пространство земли, которое русскіе называютъ Большеземельская тундра, раздѣлено между Самоѣдами, приписанными къ волостямъ Пустозерской, Устьсымской и Исемской, такъ что сѣверо-западная часть ея принадлежитъ пустозерскимъ и устьсымскимъ Самоѣдамъ, а юго-восточная — исемскимъ. Впрочемъ Самоѣды, какъ народъ кочующій, не наблюдаютъ въ точности границъ этого раздѣленія, а переселяются туда, куда хотятъ или куда принуждаютъ ихъ обстоятельства. Правительство высшее не утверждало этого раздѣленія тундры, а оно произведено мезенскимъ уѣзднымъ судомъ; по просьбѣ зырянскихъ крестьянъ, которые завладѣвъ всякими путями оленей исемскихъ Самоѣдовъ, старались присвоить себѣ и мѣста пастбищъ, имъ принадлежавшія. Они подали просьбу отъ имени и для пользы исемскихъ Самоѣдовъ; но какъ эти самоѣды не имѣютъ уже оленей, а другимъ Самоѣдамъ судъ воспретилъ переходить означенную нами выше границу, то южная часть тундры и осталась за Зырянами. Эта часть состоитъ изъ лѣсныхъ мѣстъ по Уусѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ; — зимою эта страна очень благопріятствуетъ оленеводству, потому что лѣсъ защищаетъ оленей отъ ужасныхъ здѣшнихъ бурь, которыя дѣлаютъ пребываніе на тундрахъ опаснымъ не только для людей, но и для оленей. Лѣтомъ же олень не можетъ выносить жара въ лѣсахъ, и потому Зыряне, при началѣ лѣта, переходятъ границы своихъ пастбищъ и перекочевываютъ въ тѣ мѣста тундры, гдѣ нѣтъ лѣса, и слѣдовательно пролѣзаетъ. Осенью же они, мало по малу, возвращаются на прежнія мѣста. Осень — настоящее время жатвы на тундрахъ; тогда является во множествѣ оленіна, оленьи кожи, лисьи шкуры, перья и такъ далѣе; исемскіе крестьяне ѣздятъ сами въ юрты въ юрту и посылаютъ отъ себя прикащиковъ для вымѣна у Самоѣдовъ разныхъ вещей; зимою многіе изъ нихъ отправляются въ Сибирь для покупки у тамошнихъ Остяковъ и Самоѣдовъ мѣховъ, у русскихъ колонистовъ муки и прочаго.

Съ однимъ изъ такихъ промышленниковъ уговорился Кастрень еще въ Исемскѣ, ѣхать изъ Колвы въ Обдорскъ, и дѣйствительно, 4 сентября онъ отправился въ каюкъ изъ Колвы. Каюкъ—это одномачтовое плоскодонное судно, впереди широкое, въ кормѣ узкое. Путешествіе на такомъ каюкѣ не можетъ назваться пріятнымъ, потому что палуба его пропускаетъ одинаково дневной свѣтъ и дождевую воду; а открытая бочка съ соленою рыбою и мясомъ, служащимъ пищею людямъ судна, распространяютъ прескверный запахъ. А потому подъ палубою сдѣлано было четыре балагана, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ Кастреню,

другой хозяйку кашка, третій его племяннику съ женою, а четвертый вѣроятно, какой нибудь красавицѣ съ розовыми щечками, потому что онъ сдѣланъ былъ изъ розовыхъ платковъ. Впрочемъ эта красавица не показывалась изъ балагана, вѣрно по скромности и изъ боязни грубыхъ людей судна, и какъ оказалось въ послѣдствіи была—старая колдунья.

На третій день по отъѣздѣ изъ Колвы, какъ достигъ устья рѣчки Скени, впадающей въ Уусу съ востока, въ 40 верстахъ отъ Колвы и въ 60 отъ Печоры. Здѣсь Ууса поворачиваетъ на сѣверъ и въ 90 верстахъ отсюда, при впадѣніи въ нее рѣчки Хирмора (или Adsiwa) Ууса направляется опять на востокъ. До этого мѣста берега Уусы почти одинаковы съ берегами Печоры; у самой рѣчки они покрыты гѣсомъ и богаты лугами, а далѣе внутрь земли представляютъ болота и пикн; вообще же берега низменны и только изрѣдка встрѣчаются мѣста нѣсколько возвышенныя, которыя Зыряне называютъ *челья*; господствующая земля—глина, встрѣчаемая рѣже по мѣрѣ того, какъ поднимаются по рѣкѣ; камня попадаетъ мало, но въ нѣсколькихъ верстахъ выше устья рѣчки Хирмора находится гора, называется Адакъ. Далѣе природа совершенно переменяется: гѣсъ становится рѣже, деревья принимаютъ меньшіе размѣры; береза начинаетъ превращаться въ кустарникъ; сосна теряетъ вѣтви и прикрываетъ наготу свою темнымъ мохомъ; ивнякъ образуетъ на берегу непроницаемыя шалеры, и вся страна показываетъ наклонность къ переходу въ тундру.

Хотя люди ученые и неученые утверждаютъ, что хлѣбопашество не можетъ быть ведено съ успѣхомъ на мѣстахъ, орошаемыхъ нижними частями теченія Уусы и верхними Печоры; но это мнѣніе не подтверждено еще опытомъ, потому что тамошніе жители и не думаютъ о хлѣбопашествѣ. Въ самомъ Исемскѣ, который славится здѣсь хлѣбопашествомъ, оно ведется очень плохо. Впрочемъ кромѣ хлѣбопашества, Ууса и Печора представляютъ неизсякаемые источники для жизни народа некочующаго: луга здѣсь роскошны; рыбы множество; дичи тоже. И, несмотря на то, страна эта пустынна и необитаема. По берегамъ Печоры разсѣяно нѣсколько малонаселенныхъ деревень, а на Уусѣ, кромѣ Колвы нѣтъ ни одного поселенія, отъ чего природа является здѣсь во всей своей дикости.

Проѣхавъ мимо устья рѣчки Кося (версть 40), тоже впадающей въ Уусу, какъ бросилъ якорь недалеко отъ устья рѣчки Хусморъ (или Rögöwli), потому что погода стала утихать. Но вечеромъ буря поднялась снова, дождь лилъ ливнемъ, и какъ подвергался опасностямъ быть разбитымъ о скалистый берегъ; къ счастью, людямъ удалось спасти судно и закрѣпить якорь. Въ ту же ночь Кастрентъ имѣлъ случай

наблюдать, какъ старая хромая колдунья, жившая въ четвертой балаганѣ, заклинала вѣтеръ. Познакомившись съ нею, Кастрень узналъ отъ нея много подробностей о самоѣдскихъ шаманахъ и между прочимъ слышалъ слѣдующій разсказъ о Уріерѣ, знаменитомъ тадибе.

«Давно, очень давно жилъ на землѣ тадибе по имени Уріеръ, который былъ тадибе — мудрецъ изъ мудрецовъ, врачъ изъ врачей; онъ былъ такой человекъ, какого наше время не произведетъ. — Пропадетъ ли олень, или обокрадутъ кого, надобно ли выгнать кого нибудь и т. д., всё обращались въ такихъ случаяхъ только къ Уріеру. — Уріеръ имѣлъ многочисленный стада оленей, посѣтилъ много странъ и видѣлъ много народовъ; но наконецъ жизнь надоѣла ему. — «Оленеводство, сказалъ онъ самъ себѣ, съ каждымъ годомъ уменьшается, мохъ тоже, дичь тоже, а между тѣмъ воровство, обманъ и неправда увеличиваются между людьми. Я не хочу долго жить на этой землѣ, но найду себѣ лучшее жилище на небѣ. Сказавъ это, онъ приказалъ обѣимъ своимъ женамъ приготовить для него самого и для нихъ новое платье, а для оленей новую сбрую, запретивъ имъ настрого употреблять при этой работѣ что нибудь бывшее уже въ носкѣ. Когда было все готово, онъ сѣлъ въ сани, запряженные четырьмя оленями и поднялся на воздухъ; за нимъ слѣдовали обѣ жены его, каждая въ особыхъ саняхъ. — Когда они были на половинѣ дороги къ небу, олени Уріера начали вдругъ клониться къ низу. — Уріеръ, предугадывая причину этого, спросилъ своихъ женъ, дѣйствительно ли они сдѣлали платья и сбрую изъ совершенно новыхъ материаловъ, какъ онъ имъ приказывалъ. И тогда вторая жена Уріера призналась, что на ея платьѣ находится ленточка, уже бывшая прежде въ употребленіи, и въ тоже время просила и заклинала Уріера, со слезами на глазахъ, позволить ей возвратиться на землю, гдѣ она оставила двухъ сыновей своихъ: она хотѣла лучше переносить всё печали земнаго существованія съ дѣтьми своими. — Тронутый ея просьбами, Уріеръ послалъ ее на землю, а самъ съ своею первою женою поднялся на облака и нашелъ тамъ въ изобиліи все, что только нужно человеку — здоровыхъ оленей, сочный мохъ, дичь и т. д.»

Вариантъ этого разсказа говоритъ, что обѣ жены Уріера съ дѣтьми поднимались съ нимъ на небо; но чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ сыновей возвратился на землю и описалъ Самоѣдамъ всё наслажденіе новаго жилища, его богатство оленями, мохомъ, и проч.

Надобно замѣтить, что Самоѣды вѣрятъ, что подобныя поѣздки, какъ Уріерова, до сихъ поръ продолжаются. — Если случится, что какой нибудь клятвопреступникъ или злодѣй погибнетъ на тундрахъ, и слѣдовъ

его не найдутъ, то обыкновенно говорятъ, что его съѣлъ медвѣдь; но если эта судьба постигнетъ человѣка извѣстнаго между Самоѣдами почему нибудь хорошему, тогда всѣ убѣждены, что этотъ счастливый смертный отправился въ облака, подобно Уріеру.

Самоѣды думаютъ, что смерть уничтожаетъ существованіе человѣка совершенно, что жизни за гробомъ нѣтъ, и только одни тадибе пользуются у нихъ правомъ на безсмертіе.—Правда, они полагаютъ, что умершій живетъ еще нѣсколько времени въ могилѣ, и потому кладутъ около него ножъ, топоръ, конье, деньги и прочія вещи, и также отъ времени до времени убиваютъ оленя на могилѣ; но если трупъ сгнилъ, то, по понятіямъ Самоѣдовъ, жизнь человѣка кончилась совершенно. Тадибе же безсмертны и превращаются по смерти своей на землѣ въ Итарма (itarma), которые тоже, что Тадебісіо канинскихъ Самоѣдовъ.—Самоѣды вообще боятся Итарма и не любятъ говорить о нихъ; они думаютъ, что Итарма то покоятся въ своихъ могилахъ, то выходятъ оттуда, особенно ночью, странствуютъ по землѣ и, смотря по своему прежнему характеру на землѣ, дѣлаютъ людямъ добро или зло.

Продолжая путь свой по р. Уусъ, Кастренъ и его спутники на другой день ввечеру увидѣли большіе огни на берегу. Огни эти разложены были шедшими крестьянами, остановившимися здѣсь на отдыхъ, на пути къ стадамъ своихъ оленей. Каюкъ остановился вблизи огня, всетцы были приглашены на него, и все общество усѣлось около опрокинутой бочки, замѣнявшей столъ. Пока подавали чай, лица Зырянъ выражали неудовольствіе и досаду; но какъ только появился коньякъ, флегма ихъ начала мало по малу исчезать. Кастренъ воспользовался случаемъ обратитъ разговоръ на состояніе Самоѣдовъ и на ихъ отношенія къ колонистамъ на тундрахъ. Вопросъ этотъ былъ очень щекотливъ, потому что Самоѣды обвиняли колонистовъ, въ томъ числѣ и Зырянъ, во многихъ несправедливостяхъ, и твердо были убѣждены, что въ слѣдствіе безсовѣстныхъ притѣсненій колонистовъ, они впади въ то жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда.—Зыряне же смотрѣли на себя какъ на благодѣтелей Самоѣдовъ и старались свои дѣйствія прикрыть хотя тѣнью справедливости.

Много еще говорили, и результатъ ихъ разсужденій можно соединить въ три пункта: 1) Всѣ они согласны въ томъ, что Зыряне в колонисты много способствовали образованію и облагороженію Самоѣдовъ, и теперь продолжаютъ дѣлать тоже постоянно; 2) въ настоящее время колонисты не только не приносятъ вреда Самоѣдамъ, но эти послѣдніе, напротивъ, получаютъ отъ нихъ много пользы, потому что колонисты даютъ Самоѣдамъ возможность зарабатывать

деньги, и 3) Зыряне могутъ жить въ этихъ бесплодныхъ странахъ только оленеводствомъ. Если о томъ же спросить Самоѣдовъ, то хотя они и согласятся, что между колонистами встрѣчаются добрые люди, полезныя для нихъ въ вещахъ Божественныхъ и человѣческихъ; но вообще они очень недовольны пришельцами и обвиняютъ ихъ въ присвоеніи себѣ самоѣдскихъ оленей воровствомъ и обманами, въ отведеніи въ рабство вавилонское дѣтей и родныхъ Самоѣдовъ; дайте, что колонисты сдѣлали пребываніе на тундрахъ весьма затруднительнымъ, потому что ихъ многочисленныя стада истребляютъ оленій мохъ; потому, что они обманываютъ ихъ въ торговлѣ, крадутъ у нихъ оленей и прочее. А потому всѣ Самоѣды, имѣющіе еще стада оленей, очень желаютъ, чтобъ колонисты или совсѣмъ вытѣснены были изъ тундръ, или мѣста для ихъ стадъ были ограничены; теперь же они играютъ роль владѣтелей всей самоѣдской земли, что Самоѣдамъ очень не нравится.

Не смотря на различныя препятствія то отъ погоды, то отъ быстрины теченія рѣки, то отъ ея мелководія во многихъ мѣстахъ, каюкъ 15 сентября достигъ небольшой хижины или юрты, лежащей въ 40 верстахъ отъ Урала.

Въ этой-то тѣсной юртѣ должны были помѣститься пятнадцать человѣкъ и ожидать зимы для того, чтобы отправиться въ Сибирь. Не надѣясь вынести ожиданія зимы въ этой неудобной, нечистой, жаркой и дымной юртѣ, Кастрень хотѣлъ безъ остановки отправиться пѣшкомъ въ Обдорскъ; но Зыряне не дали ему проводника, потому что путешествіе это было сопряжено съ большими опасностями и предчувствіями, а Зыряне не хотѣли взять на свою совѣсть отвѣтственности въ случаѣ смерти Кастрена на этомъ пути. И такъ Кастрень долженъ былъ коротать свое время здѣсь. Заниматься въ юртѣ было невозможно; сами Зыряне днемъ не могли вынести дыма и жара. — Въ хижинѣ постоянный дождь дѣлалъ прогулки очень непріятными, при томъ же вокругъ юрты была тундра, то есть безлѣсная нагая почва; на тундрѣ можно встрѣтить холмы и долины, болота, озера, рѣки и прочее, но на ней нѣтъ прозаченія. Можетъ быть, посредствомъ микроскопа откроютъ умныя существа и на тундрѣ, но невооруженнымъ глазамъ наблюдателя представляются здѣсь только низкій явнякъ, сѣрый мохъ, нѣкоторыя травы и множество тайнобрачныхъ растений. Изъ животныхъ, кромѣ оленей, волки, лисицы, въ особенности каменные лисицы, вороны, совы и безчисленное множество крысъ и мышей.

Наконецъ въ концѣ октября, чрезъ мѣсяць ожиданія, наступила зима; зырянскія стада оленей прибыли къ юртѣ, и начались приготовленія къ отъѣзду. Въ короткое время составилъ караванъ изъ 150

саней, который раздѣлялся на 15 альгицъ, что означаетъ маленький караванъ въ 10 саней. Въ каждыя сани запрягаются два оленя, которые посредствомъ недоуздки прикрѣпляются къ вѣдущимъ впереди санямъ, и такъ составляется альгинъ, впереди котораго вѣдутъ легкія сани, запряженные 3 или 4 оленями. Эти сани такъ коротки, что человекъ можетъ сидѣть только цѣперегъ ихъ, спиною обратясь къ правой сторонѣ, а ноги его висятъ надъ саней. Желая избѣжать подобнаго неудобства, Кастрень воспользовался въ обыкновенныя сани, на которыхъ перевозятся тяжести, гдѣ онъ могъ по крайней мѣрѣ лежать и смотрѣть въ обѣ стороны. Впрочемъ, по дорогѣ не на что было много смотрѣть, и поѣздъ подвигался медленно впередъ, сдѣлавъ въ первые четыре дня около 40 верстъ, но недостигши Урала, потому что для болѣе удобнаго переѣзда черезъ горы надобно было сдѣлать порядочный крюкъ. — Погода не очень благоприятствовала путешествію: то оттепель, то дождь заставляли ихъ останавливаться на пути и ставить юрты, когда это позволялъ вѣтеръ. Юрты эти состояли изъ колевъ и оленьихъ шкуръ и были такъ легки, что сильный вѣтеръ могъ унести ихъ, если онѣ не были прикрѣплены къ дереву или тяжелымъ санямъ; полъ юрты дѣлается изъ досокъ, вѣтвей или рогожъ и оленьихъ шкуръ; огонь раскладывается на рѣшетчатомъ таганѣ, и котлы висятъ на полкахъ, укрѣпленныхъ однимъ концемъ въ стѣну юрты. Впрочемъ приготовленіе пищи на огнѣ не всегда возможно во время этого пути; иногда не только нельзя разложить огня, но и разбить палатки, а потому Самоѣды Русскіе и Зыряне привыкли уже употреблять здѣсь мясо и рыбу сырыя. Даже образованные люди употребляютъ въ пищу замороженную рыбу сырую и считаютъ ее предохранительнымъ средствомъ отъ скорбута. — Путешественникъ привыкаетъ поневолѣ къ сырой пищѣ, и каждый вѣдущій вѣдетъ при себѣ въ саняхъ кусокъ сыраго мяса, особенно оленье горло, которымъ онъ наслаждается по мѣрѣ своего аппетита. — Общество, въ которомъ находился Кастрень, было самое пестрое, и на привалахъ каждый жилъ по-своему: Русскіе пѣли вѣселья пѣсни, щѣпали, дурачились; Зыряне читали молитвы, разказывали легенды и морализировали; Самоѣды были тихи, молчаливы и внимательно слушали другихъ. Караванъ перевалился чрезъ уральскій хребтъ благополучно въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотѣли прорыть каналъ для соединенія двухъ рѣкъ, берущихъ свое начало на хребтѣ и выходящихъ — Елецъ въ Усу, а Падага или Собъ въ Обь. — Если проектъ этотъ осуществится, то Обь будетъ соединена съ Печорою, и это новое водное сообщеніе будетъ имѣть большое вліяніе на культуру страны и на цивилизацію дикихъ ея обитателей.

Съ хребта путь влетъ вдоль рѣки Собы, къ Ю. В., въ странѣ, покрытой густымъ лѣсомъ лиственницъ и сосенъ. Черезъ три дня пути караванъ оставилъ Собу вправо; въ теченіе полутора дней ѣхали по тундрѣ и наконецъ достигъ возвышенія, съ котораго видна была Обь во всей своей красотѣ. Вода еще была очень высока, а потому раскинули на возвышеніи палатки, и послали людей отыскивать юрты Остяковъ. Посланные возвратились къ вечеру и принесли извѣстіе, что Остяки, въ юртахъ которыхъ они были, не соглашаются перевезти Кастрена на другую сторону Оби, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ лодки. Опасаясь, что Остяки ночью убѣгутъ, Кастренъ отправился самъ къ нимъ въ саняхъ, и ему удалось угрозами заставить Остяковъ перевезти его въ Обдорскъ, котораго онъ наконецъ достигъ послѣ почти двухмѣсячнаго путешествія, соединеннаго съ величайшими трудностями.

Это небольшая деревня, расположенная на сѣверѣ восточной Сибири, недалеко отъ впаденія Оби въ Ледовитое-море. Прѣжде это было знаменитое названіе, входившее въ титулъ русскихъ царей, но теперь деревня эта потеряла свое значеніе. Названіе Обдорскъ — зырянское и означаетъ устье Оби (отъ ob и dor—крайній). Очень можетъ быть, что Зыряне основали эту колонію, имя которой происходитъ отъ ихъ языка; впрочемъ, по исторіи мы знаемъ только то, что Зыряне во времена давнопрошедшія посѣщали это мѣсто для торговыхъ цѣлей. Гораздо позже начали русскіе изъ Тобольска и Березова посѣщать это мѣсто и выстроили здѣсь небольшія хижины и магазины, но не жили тутъ постоянно. Трудности, встрѣчаемыя на пути сюда, заставили русскихъ постоянно поселиться въ этой пустынной странѣ. Русскіе поселенія начались здѣсь лѣтъ сто тому назадъ; но большая часть колонистовъ переселилась сюда въ послѣдніе тридцать лѣтъ, и теперь они живутъ здѣсь съ паспортомъ, который ежегодно должны перемѣнять. Настоящіе же обитатели страны суть остяки и самоѣды; юрты многихъ изъ нихъ Кастренъ видѣлъ около Обдорска, другіе должны были при-
быть въ скоромъ времени.

По ивѣнью Кастрена, промышленники, поселившіеся въ Обдорскѣ ивѣютъ одну цѣль — хитростью завладѣть тѣмъ, что остяки и самоѣды приобрѣли трудомъ. Когда Кастренъ вошелъ въ домъ къ одному ивѣщанину изъ Тобольска, съ намѣреніемъ посмотреть для себя квартиру, онъ нашелъ все семейство сидящимъ на полу и пожирающимъ сырую рыбу, которую глава семейства рѣзалъ на куски. Одна особа, какой-то чиновникъ, хвастался Кастрену тѣмъ, что въ теченіе полугода онъ не употреблялъ другой пищи, кромѣ сыраго мяса. Хотя вы здѣсь и увидите дома, нѣкоторые даже въ два этажа, но

всѣ они построены изъ стараго барочнаго лѣса и мало защищаютъ отъ холода и вѣтровъ. Жители одѣваются подобно остякамъ и самоѣдамъ, и многіе держатъ многочисленныя стада оленей; коровы и овцы тоже не рѣдкость здѣсь; но за то лошадей нѣтъ вовсе, а вмѣсто ихъ употребляются олени или собаки. Впрочемъ, надобно признаться, говорить Кастрень, что въ нѣкоторыхъ семействахъ здѣшнихъ гражданъ и купцовъ вы найдете тобольскій тонъ: сертуки изъ тонкаго сукна, блестящія шали, большіе зеркала, мускатное вино, пріятную бестѣду и табакъ Суворова № 1-й. Съ боязнію и недоброжелательствомъ встрѣчали Кастрена многіе жители Обдорска, думая видѣть въ немъ опаснаго ихъ коммерческимъ предпріятіямъ соглядатая, и это подозрѣніе было тѣмъ естественнѣе, что Кастрень постоянно находился въ сношеніяхъ съ остяками и самоѣдами, стараясь пріобрѣсть отъ нихъ разныя свѣдѣнія филологическія, этнографическія и статистическія.

Съ установомъ зины прибыли на обдорскій рынокъ остяки и самоѣды во множествѣ и расположились съ своими юртами и оленями вокругъ деревни, въ которую внесли новую жизнь, странную и пеструю. Сыны и дочери тундръ появились въ значительномъ числѣ на улицахъ Обдорска, съ удивленіемъ рассматривая высокіе дома его. Кастрень долго не могъ повѣрить, что вся эта толпа собралась сюда для торговли, потому что самоѣды и остяки казались совершенно равнодушными ко всякому интересу и даже не приносили на рынокъ своихъ товаровъ. Говорили однако же, что подъ шубами номадовъ спрятано много драгоценностей; но эти товары доступны не всякому покупателю. Номадъ пробирается къ какому нибудь доброму пріятелю совершенно незамѣтно, получаетъ тамъ хорошее угощеніе, и продаетъ свои товары, и хотя видитъ, что терпитъ убытокъ, но его боязливый характеръ ужасается публичной продажи, и притомъ не въ его волѣ отдать свой товаръ тому, кто больше дастъ за него. Изъ тысячи остяковъ и самоѣдовъ, ежегодно посѣщающихъ Обдорскъ, очень мало найдется такихъ, которые не были бы должны купцамъ, мѣщанамъ и казакамъ суммы, превышающія ихъ состояніе. А потому, если они осмѣлятся продать товаръ не своимъ кредиторамъ, то тѣ не замедлятъ наложить запрещеніе на ихъ имѣніе. Правда, иногда случается, что туземецъ продаетъ свой товаръ чужому купцу, но и это дѣлается съ большими предосторожностями.

Мало по малу магазины въ Обдорскѣ наполняются мѣхами, состоящими изъ лисиць, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей и т. д., платьями, сшитыми изъ оленьей кожи, перьями, оленьей, замороженной осетрѣной, мамонтовою костью и прочимъ. За эти товары туземцы получаютъ муку

и печеный хлѣбъ, табакъ, котлы, чугуны, стекло, ножи и иголки, латунныя пуговицы и кольца, бусы стеклянныя и прочія мелочи.

Въ Обдорскѣ прѣзжаютъ во время ярмарки, которая продолжается съ начала зимы до февраля, большею частію жители Березова—купцы, мѣщане, крестьяне и казаки въ значительномъ числѣ, хотя эти люди и жалуются на худую торговлю по причинѣ увеличивающейся бѣдности вожадовъ.

Въ Обдорскѣ Кастрень познакомился съ г. Шершиневичемъ, чиновникомъ, служившемъ при губернаторѣ. Г. Шершиневичу поручено было составить проектъ законовъ для остяковъ и самоѣдовъ, живущихъ въ Тобольской губерніи, и онъ изучалъ этихъ народовъ на мѣстѣ и собралъ очень много интересныхъ свѣдѣній, которые сообщилъ Кастреню. Признавая родство остяковъ съ финнами и мадырами, Кастрень говоритъ объ этомъ народѣ слѣдующее:

Подобно самоѣдамъ, остяки раздѣляются на множество мелкихъ родовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ образуетъ большое семейство. Это различіе уже исчезло между остяками, принявшими христіанство, потому что они управляются русскими законами и русскими присутственными мѣстами; обдорскіе остяки сохранили нѣкоторыя патриархальныя учрежденія. Любовь къ пѣлому роду — вотъ та власть, которая въ этомъ случаѣ приводитъ къ добродѣтели. Каждый родъ состоитъ изъ извѣстнаго числа семействъ, имѣющихъ одно общее происхожденіе, и родственныхъ болѣе или менѣе между собою. У остяковъ, подобно какъ и у самоѣдовъ, есть роды, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотенъ, даже тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе не могутъ уже доказать своего родства съ другими; но, несмотря на то, смотреть на себя какъ на родныхъ, не вступаютъ между собою въ супружество и помогаютъ другъ другу, по обязанности. Всѣ принадлежащіе къ одному и тому же роду обыкновенно кочуютъ вблизи другъ друга, и обычай требуетъ, чтобы богатые изъ нихъ помогали бѣднымъ. Остяки вообще народъ бѣдный и живутъ изо дня въ-день; а потому помощь, которую они оказываютъ ближнимъ, собственно состоитъ въ томъ, что они братски раздѣляютъ съ ними дневную добычу. Замѣчательно, что у нихъ не просятъ милостыни. Если два остяка поссорятся и не могутъ кончить дѣла мирною, они идутъ къ старшинѣ, который безъ всякихъ судебныхъ формъ рѣшаетъ дѣло; этия рѣшенія объ партіи обыкновенно остаются довольны, въ противномъ же случаѣ они могутъ жаловаться князю. Съ самыхъ древнихъ временъ, множество родовъ, жившихъ другъ подлѣ друга, признавали одного начальника, который носилъ названіе князя. Достоинство это подтверждено Императрицею Екатериною II, и формальный дипломъ

дѣла былъ остякскому князю въ Обдорскѣ и Куноватѣ, въ Березовскомъ округѣ. Каждый князь въ своемъ округѣ рѣшаетъ все дѣла, исключая тѣхъ, которыя по старинному русскому праву наказываются смертію. Главнѣйшая обязанность князя состоитъ однакоже въ поддержаніи согласія между различными родами и рѣшеніи тѣхъ спорныхъ дѣлъ, которыя возникаютъ по поводу пастбищъ, мѣстъ для рыбной ловли и охоты, и проч., между людьми, принадлежащими къ разнымъ родамъ. Князю подчинены все старшины родовъ, а самъ онъ зависитъ отъ русскаго правительства. Достоинства князей и родовыхъ старшинъ наследственны и переходятъ отъ отца къ сыну; если сынъ не совершеннолѣтній, тогда общество назначаетъ дядю или другаго близкаго родственника его опекуномъ; если же сына нѣтъ, то наследуетъ по выбору какой нибудь близкій родственникъ покойнаго.

Общіе религиозные обряды служатъ также могущественными узлами для соединенія между собою отдѣльныхъ лицъ одного и того же рода, изъ которыхъ каждый съ незапамятныхъ временъ имѣетъ своихъ собственныхъ идоловъ, сохраняемыхъ часто въ особой юртѣ; жертвы и другія церемоніи для почитанія такихъ идоловъ совершаетъ цѣлый родъ, и къ этимъ идоламъ приставлено лицо, которое въ одно и то же время и шаманъ, и жрецъ, и лѣкарь. Лица эти пользуются почитаніемъ отъ народа; во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ къ нимъ прибѣгаютъ за совѣтами не только родъ, но и отдѣльныя лица; но шаманъ не отвѣчаетъ самъ непосредственно ни на одинъ вопросъ, а предоставляетъ рѣшеніе дѣла идоламъ, и вопрошающему передаетъ только отвѣтъ идоловъ.

Впрочемъ эти вопросы нельзя предложить высочайшему, небесному богу, котораго остяки называютъ турумъ (Tugum), потому что онъ говоритъ съ человѣкомъ только въ громѣ и бурѣ. Хотя и думаютъ, что турумъ постоянно слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не укрывается ни добро, ни зло, и что онъ каждому воздаетъ по дѣламъ его; но, несмотря на все это, турумъ недоступенъ для смертныхъ, и существо очень грозное. Онъ не слушаетъ никакихъ молитвъ и просьбъ, и управляетъ міромъ и людьми по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Онъ не обращаетъ вниманія на жертвы и молитвы, и смотритъ только на заслуги человѣка, и по нимъ раздѣляетъ свои дары людямъ. А если остякъ нуждается по какому нибудь случаю въ высшей помощи, то долженъ обратиться съ своею просьбою къ божеству низшему, подчиненному. Эти низшія божества или составляютъ общее достоиніе цѣлаго рода, или принадлежать отдѣльнымъ семействамъ, и наконецъ лицамъ, но оба рода идоловъ почти не отличаются другъ отъ друга. Большею частію они деревянные, имѣютъ видъ человѣческой и

представляют то мужчинъ, то женщинъ. Идолы, принадлежащіе кълому роду, украшены богаче прочихъ: на нихъ увидите вы красныя платья, цѣпочки на шеѣ и проч.; лица ихъ часто обложены жемчугомъ, мужскіе идолы иногда имѣютъ мечъ на боку и панцырь. Хотя роды сохраняютъ своихъ идоловъ охотнѣе всего въ особыхъ юртахъ, но за недостаткомъ ихъ, идоловъ ставятъ въ палатки или подъ открытымъ небомъ на какомъ нибудь отдаленномъ отъ жилищъ холмѣ въ лѣсу. Вообще остяки не любятъ показывать чужимъ людямъ своихъ идоловъ, и по этому ихъ священныя юрты или храмы расположены всегда въ мѣстахъ отдаленныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ, что необходимо еще и потому, что въ юртахъ этихъ много жертвованныхъ денегъ и мѣховъ, которые легко могли бы сдѣлаться жертвою воровства. Кастрень не знаетъ, какъ устроены храмы остяковъ; но на пути въ Обдорскъ онъ нечаянно попалъ въ общество остякскихъ боговъ, которые стояли подъ развѣснутыми листовными деревьями и были совершенно нагіе, не отличаясь ни чѣмъ отъ самоѣдскихъ Сіадаи. Остяки называли ихъ Имліанъ, для отличія отъ всѣхъ идоловъ другаго рода, которые имѣли общее названіе—Лонгъ, соотвѣтствующее Хае самоѣдовъ. Эти Имліаны имѣли различную вышину: самые большіе по глазомѣру не превышали 1½ аршина, а меньшіе — вполнину ниже. Въ этой же рошѣ, гдѣ поставлены были идолы, Кастрень видѣлъ множество оленьихъ шкуръ и роговъ, повѣшанныхъ на деревѣ такъ, что идолы могли имѣть ихъ постоянно передъ глазами. Недалеко отъ этого мѣста жило бѣдное остякское семейство, для котораго роша была святилищемъ.

О частныхъ и семействамъ принадлежащихъ богамъ остяковъ тоже можно сказать, что и объ идолахъ самоѣдскихъ. Идолы эти или состоятъ изъ необыкновеннаго вида камней и другихъ рѣдкихъ предметовъ, которыхъ почитаютъ, не измѣняя ихъ вида, или они преимущественно деревянныя съ человѣческимъ лицомъ и остроконечною головою. Каждое семейство, даже каждое отдѣльное лицо имѣетъ одного или многихъ такихъ идоловъ, которыхъ остяки считаютъ своими богами—защитниками, и возятъ повсюду съ собою въ особыхъ саняхъ, одѣвая ихъ приличнымъ образомъ по-остяцки. Часто эти идолы имѣютъ особенныя обязанности: нѣкоторые охраняютъ стада оленей, другіе даютъ хорошій ловъ, здоровье, семейное счастье и такъ далѣе. Ихъ выставляютъ по мѣрѣ надобности въ палаткѣ, на пастбищѣ оленей, на мѣстахъ охоты и рыбной ловли, и приносятъ имъ жертвы отъ времени до времени, обмазывая ихъ губы или кровію, или рыбнымъ жиромъ и ставя предъ ними сосудъ съ рыбою или мясомъ для пищи идола. Такія жертвенныя церемоніи можетъ совершать всякій; но если надобно принести общую

жертву божеству или спросить ихъ совѣта для цѣлаго рода или для отдѣльнаго лица, то при этихъ случаяхъ необходимъ шаманъ, потому что одинъ онъ извѣдываетъ сердце боговъ и одинъ онъ можетъ говорить съ ними. Бубень необходимъ для шамана: обыкновенныя слова не долетаютъ до слуха боговъ; разговоръ съ ними надобно вести посредствомъ цѣнія и ударовъ въ бубень. Иногда говорить самъ идолъ, поставленный передъ шаманомъ; но его слова слышитъ только шаманъ. А между тѣмъ, для убѣжденія легковѣрной толпы въ томъ, что идолъ дѣйствительно говоритъ, шаманъ ставитъ предъ нимъ палку и къ верхнему концу ея прикрѣпляетъ ленту; если лента случайно, или чрезъ особое устройство, извѣстное шаману, придетъ въ движеніе, всякій полагаетъ, что богъ говоритъ съ шаманомъ. Разумѣется, при такихъ случаяхъ никогда не обходится безъ жертвъ, состоящихъ изъ одного или нѣсколькихъ оленей. Когда шаманъ убьетъ оленя, шкуру его и рога вѣшаетъ на священномъ деревѣ въ честь бога, а мясо съѣдаютъ присутствующіе, показавъ его предварительно идолу. Часть мяса всегда идетъ шаману.

Богослуженіе остяковъ состоитъ только въ призваніи боговъ и умилостивленіи ихъ посредствомъ жертвъ. Иногда различные роды совершаютъ нѣкоторые общіе празднества въ честь богамъ. Самый большой и торжественный праздникъ бываетъ осенью, когда кочующіе остяки съ богатою добычею съ тундръ возвращаются къ своимъ родичамъ, ловящимъ рыбу въ рѣкѣ Оби. Празднество совершается различными родами въ извѣстные годы; но въ немъ принимаютъ участіе не только члены того рода, который празднуетъ; но остяки другихъ родовъ собираются къ этому торжеству и приносятъ съ собою нѣкоторыхъ изъ самыхъ древнихъ ихъ идоловъ, для того чтобы тѣ поздравили сосѣднихъ боговъ и насладились ихъ гостепримствомъ. Чужіе идолы, прибывшіе на праздникъ, ставятся въ той же юртѣ, гдѣ находятся боги рода, совершающаго праздникъ; если же родъ не имѣетъ особой юрты для своихъ боговъ, то выстраиваетъ нарочно для этого случая большую палатку. Празднество отправляется ночью, и очевидецъ описываетъ его такъ: «церемонія началась съ 8 часовъ вечера и продолжалась до 2 часовъ по полуночи. При началѣ дѣти бѣгали изъ юрты въ юрту и созывали остяковъ къ богослуженію; они издавали при этомъ странные дикіе звуки, и казались какъ бы испуганными. Мало-по-малу собрались остяки въ юрту, назначенную для богослуженія. При входѣ каждый остякъ повертывался три раза передъ идоломъ и садился на правую сторону юрты, или въ боковое отдѣленіе, или на полъ. Сосѣди разговаривали между собою, и каждый занимался чѣмъ хотѣлъ. Западная сто-

рона была отдѣлена занавѣсой. за которую шли нѣкоторые остяки. Когда всё собралось, зашумѣлъ шаманъ саблями и копьями, оправленными желѣзомъ, когорыя предварительно были принесены въ юрту и положены передъ идоломъ. Потомъ шаманъ далъ каждому изъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ женщинъ, находившихся за занавѣскою, по саблѣ и копью, взявъ самъ въ каждую руку по саблѣ, и оборотился спиною къ идолу. Прочіе остяки выстроились въ рядъ вдоль юрты, а другіе стояли также выстроенные въ боковыхъ отдѣленіяхъ. Потомъ всё въ одно время поворотился три раза кругомъ, держа сабли передъ собою. Шаманъ ударилъ свои сабли одна о другую, и всё остяки начали по командѣ шамана вдругъ кричать на разные тоны «hai», начиная при этомъ изъ стороны въ сторону. Звуки эти то скоро слѣдовали одинъ за другимъ, то отдѣлялись паузами, и при каждомъ «hai», перекачиваясь направо и налево, то опуская свои сабли и копыя, то поднимая ихъ. Эта церемонія продолжалась цѣлый часъ; остяки все болѣе и болѣе приходили въ экстазъ, и лица ихъ дѣлались ужасными. Когда они накричались вдоволь, вдругъ замолкли, перестали качаться, перевернулись передъ идоломъ, какъ дѣлали это въ началѣ, и отдали шаману сабли и копыя, которыя онъ собралъ и положилъ передъ идоломъ на прежнее мѣсто. Нѣкоторые изъ остяковъ сѣли снова въ отдѣленіяхъ, а другіе на полу. Тогда поднялась завѣса, скрывавшая до тѣхъ поръ женщинъ, заиграли домбру (dombra), и мужчины и женщины начали танцовать. Танецъ этотъ то дикій, то смѣшной, часто неприличный, продолжался очень долго. Потомъ явились комедіянты и фокусники въ различныхъ комическихъ костюмахъ, и представили тѣже сцены, какія были въ танцѣ. Наконецъ шаманъ еще разъ роздалъ сабли и копыя, и снова начались крики «hai» и качанія какъ и прежде; дѣло кончилось тѣмъ, что остяки повернулись три раза, поражая землю копьемъ, отдали шаману оружіе и отправились домой. Праздникъ описанъ здѣсь такъ, какъ будто бы онъ совершался однимъ изъ родовъ, и тутъ упоминается только одинъ идолъ; описаніе это разнится также и въ другихъ отношеніяхъ отъ свѣдѣній, собранныхъ Кастреномъ. Кастрень говоритъ, что праздникъ продолжается десять ночей сряду, и въ первую ночь танецъ, описанный выше, совершаетъ одинъ шаманъ передъ идолами, во вторую ночь — два остяка, въ третью — три, и т. д., а въ послѣднюю ночь пляшутъ всё, даже женщины. Праздникъ не обходится безъ жертвъ: остяки, возвращающіеся на родину съ тундры, угощаютъ боговъ роскошно олениной, и шаманъ каждому богу приноситъ особое блюдо съ сырымъ мясомъ, мажетъ ему губы и лице кровью, даетъ ему пить воду и угощаетъ его

самымъ усерднымъ образомъ. Когда, по мнѣнію шамана, боги довольно покушали, блюда берутъ отъ нихъ и остатки сами съѣдаютъ мясо. Что остается отъ жертвеннаго обѣда, то идетъ шаману. Такія общественныя жертвоприношенія совершаются при различныхъ случаяхъ: при началѣ какого нибудь важнаго предпріятія, при предполагаемомъ путешествіи и перекочевкѣ, и такъ далѣе. Если рыбный ловъ на рѣкѣ Оби скуденъ, то обдорскіе остатки иногда привязываютъ камень на шею оленю и бросаютъ оленя въ рѣку, какъ жертву.

Хотя въ этихъ жертвахъ и празднествахъ проявляются слѣды религіознаго культа, но остатки въ этомъ отношеніи стоятъ на самой низшей степени культа. Они почитаютъ своихъ боговъ не по религіозному чувству, но изъ выгодъ! Остатки почитаютъ боговъ и приносятъ имъ жертву не для нихъ самихъ, не изъ благоговѣнія къ ихъ величеству и силѣ, а для того, чтобъ боги исполняли ихъ желанія или удовлетворяли ихъ потребности. За все, что приносятъ богамъ, требуютъ отъ нихъ отдарковъ, и жертва есть или задатокъ для будущихъ услугъ, или плата за услуги, уже оказанныя. Не рѣдко боги назначаютъ за свои услуги плату впередъ, и шаманъ тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, играетъ роль переводчика и посредника между богами и смертными. Если боги требуютъ слишкомъ высокую плату, то шаманъ старается склонить ихъ къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ, употребляя при томъ даже угрозы и всегда съ хорошимъ успѣхомъ. Изъ этого ясно, что своихъ боговъ остатки чтутъ не какъ какую нибудь абсолютную силу, а просто какъ услужливыхъ, покорныхъ имъ духовъ. Только турумъ или небесный богъ пользуется большимъ уваженіемъ, хотя и не составляетъ предмета культа. Меньшее значеніе имѣетъ лѣсной богъ — меангъ (meang) и водяной богъ кули, (kuli) изъ которыхъ послѣдній злой и губительный богъ. Медвѣдь пользуется у остатковъ какъ и у народовъ, родственныхъ имъ, особеннаго рода уваженіемъ. У обдорскихъ остатковъ Кастрень видѣлъ даже мѣдныя маленькія изображенія медвѣдей, которыя почитаются какъ идолы. Преданія говорятъ, что эти идолы перешли сюда отъ древнихъ пермяковъ и зырянъ, которые тоже обожали медвѣдя. Нѣкоторыя деревья и мѣстности тоже обожаются остатками. Если кедръ растетъ между соснами, то кедръ и вся мѣстность вокругъ считаются священною. Тамъ, гдѣ семь лиственницъ растутъ вмѣстѣ, одна подлѣ другой — тоже священное мѣсто. Обыкновенно на такихъ мѣстахъ вы увидите множество идоловъ и большое число оленьихъ шкуръ и роговъ, повѣшенныхъ на сучьяхъ деревьевъ въ честь боговъ.

Остатки приносятъ жертвы и совершаютъ другія церемоніи въ на-

ить покойниковъ; это основано на мнѣніи, что умершій, хотя и похороненный какъ слѣдуетъ, продолжаетъ занятія, какъ и при жизни, и имѣть тѣже потребности. А потому частію съ нимъ, а частію около могилы кладутъ сани, копые, очагъ, котелъ, ножикъ, топоръ, камень, огниво и другіе инструменты, посредствомъ которыхъ онъ можетъ добыть себѣ продовольствіе и приготовить пищу. При погребеніи и потомъ отъ времени до времени родные покойника на могилѣ его приносятъ въ жертву оленей. Если умереть какое нибудь старшее многоуважаемое лицо, родные его готовятъ тотчасъ идола, который сохраняется въ юртѣ умершаго и которому оказываютъ такую же честь, какую пользовался покойникъ при жизни. Каждое утро эту статуэтку одѣваютъ, кормятъ, вечеромъ раздѣваютъ и кладутъ въ постель, и вообще она занимаетъ то мѣсто, которое обыкновенно принадлежало покойнику. Три года ей оказываютъ такое почитаніе, а потомъ опускаютъ въ могилу; въ три года тѣло покойнаго нестлѣетъ, а слѣдовательно жизнь его въ могилѣ совершенно прекратится.

Клятва у остяковъ имѣетъ высокое религіозное значеніе, и одна изъ важнѣйшихъ есть клятва на мордѣ медвѣдя, которую обвиняемый рѣжетъ на куски ножомъ и говоритъ при этомъ: «Пусть медвѣдь съестъ меня, если я клянусь ложно». Остяки клянутся такъ же богами и съ такими же церемоніями, какъ самоѣды. Вообще въ этомъ отношеніи между остяками и самоѣдами много общаго. Другихъ клятвъ остяки не употребляютъ; свидѣтели у нихъ никогда не присягаютъ; имъ обыкновенно вѣрятъ на-слово; всѣ мужчины и женщины, кромѣ сумасшедшихъ, могутъ быть свидѣтелями; дѣти могутъ свидѣтельствовать противъ своихъ родителей, сестры противъ сестеръ, супруги противъ другъ друга.

Бракъ у остяковъ—болѣе гражданское учрежденіе, и со стороны невѣсты заключается отцемъ и ближнимъ ея родственникомъ. Сама женщина, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, касающихся ея самыхъ дорогихъ интересовъ, не имѣетъ голоса: она рабыня въ полномъ смыслѣ слова. Но и этого мало, она считается существомъ нечистымъ, и ее заставляютъ жить въ состояніи самаго ужаснаго униженія. А потому женщина, чувствуя свое ничтожество, не смѣетъ обнаружить свою волю и слѣпо повинуется всякой прихоти мужа. Спокойно она должна смотрѣть на продажу съ аукціона ея сердца отцемъ, братомъ или другимъ ближнимъ родственникомъ. Съ нею поступаютъ какъ съ товаромъ, не заботясь о ея желаніяхъ. Правда, женщинъ не продаютъ на рынкахъ, во все судба ея зависитъ отъ продажи тайной. Цѣны на молодыхъ дѣвушекъ въ разныхъ мѣстахъ различны. Въ Обдорскѣ дѣчь богатаго челоѣка цѣ-

нятся въ 50—100 оленей; а бѣднякъ отдастъ свое дитя и за 20—25 оленей. Причина дороговизны дочерей людей богатыхъ, кажется, та, что супругъ ея надѣется въ будущемъ получить отъ своего тестя помощь и покровительство, не говоря уже о значительномъ приданомъ, которое зять получить тотчасъ. И слѣдовательно дорогая жена тоже, что дорогой и хорошій товаръ, который въ продолженіе времени принесетъ болѣе выгодъ владѣльцу, нежели товаръ дурной, купленный дешево. Впрочемъ цѣна за дѣвушку разсматривается какъ настоящая плата за получившій товаръ, а не какъ впередъ данныя деньги, которыя потомъ возвратятся въ будущемъ. По понятіямъ остяковъ, нѣтъ ничего справедливѣе, какъ полученіе отцемъ или защитникомъ дѣвушки за нее платы. Дочерей отдаютъ замужъ обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда онѣ могутъ работать, и отдаютъ людямъ совершенно чужимъ. И можетъ ли совершенно чужой человѣкъ имѣть притязаніе на то, чтобъ для него кормил, содержал и воспитывал женщину, которая потомъ остальную часть своей жизни будетъ его рабыня? Отецъ можетъ удерживать свою дочь при себѣ, и она работою вознаградитъ ему съ лихвою то, что стоила сама въ дѣтствѣ. Но если онъ изъ доброй воли отдастъ свою законную собственность, то тотъ, кто беретъ ее (будущій мужъ), долженъ вознаградить отца за заботы его о дочери и за издержки на ея прежнюю жизнь. Короче, плата за невѣсту, есть вознагражденіе отцу за его издержки и заботы о дочери во-время ея юности. Калымъ этотъ выплачивается, до, или послѣ свадьбы; если онъ заплаченъ былъ до свадьбы, и одна изъ особъ, женихъ или невѣста, умерли, то калымъ возвращается; Впрочемъ, въ случаѣ смерти невѣсты, жениху предоставляется право за взятую уже съ него плату требовать другую дочь, если таковая имѣется.

Хотя у остяковъ многоженство и дозволено, но оно, по причинѣ высокой цѣны на дѣвушекъ, рѣдко встрѣчается. Кастрень говоритъ, что въ Обдорскѣ ему назвали только одного человѣка, имѣвшаго трехъ женъ; двоеженцы также рѣдки. При многоженствѣ существуетъ здѣсь обычай, что мужчина можетъ жениться на многихъ сестрахъ; но многіе возстаютъ противъ этого обычая, потому-что опытъ показалъ, что сестры обыкновенно неуживались въ такихъ бракахъ. Два брата не могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, если бъ онѣ были даже отъ разныхъ матерей; меньшей братъ долженъ жениться на вдовѣ старшаго. Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшіеся въ живыхъ можетъ вступить въ новый бракъ не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ смерти покойника. Сыновья и дочери не должны вступать въ бракъ ранѣе двухъ лѣтъ со дня смерти ихъ родителей.

У остяковъ и у другихъ дикихъ обитателей Сибири женщина не наследуетъ, и слѣдовательно мужъ не можетъ наследовать родственникамъ своей жены, и вдова не получаетъ части изъ имущества своего покойнаго мужа. Наслѣдство раздѣляется по-равну между сыновьями, которые обязаны содержать мать свою, сестеръ и другихъ женщинъ къ семейству принадлежащихъ. Если сыновья остаются послѣ смерти отца несовершеннолѣтними, то ихъ, вмѣстѣ съ женщинами, беретъ подъ покровительство ближайшій родственникъ, и за то получаетъ часть, равную съ сыновьями. Если покойникъ не оставилъ сына, то имѣніе его раздѣляютъ родственники дальніе и ближніе между собою, по взаимному соглашенію, принимая на себя обязанность заботиться о дочеряхъ и вдовѣ.

По образу жизни, Обдорскіе остяки раздѣляются на рыбаковъ и оленеводовъ; первые живутъ около рѣкъ, въ особенности на Оби и Нарымѣ, послѣдніе кочуютъ большую часть года по тундрамъ и находятся въ постоянномъ соприкосновеніи съ самоѣдами. Число остяковъ, исключительно занимающихся оленеводствомъ, относительно весьма мало, и, говорятъ, ежегодно уменьшается, сливаясь съ самоѣдами. Это смяніе дошло до того, что остякъ—олeneводъ не только принялъ религію, нравы и образъ жизни самоѣдовъ, но часто знаетъ ихъ языкъ, лучше своего роднаго. Истинный остякъ представляется намъ только въ остякъ—рыбакѣ, но и тутъ можно замѣтить разность въ ихъ образѣ жизни, потому что одни занимаются только рыбною ловлей, а другіе сверхъ-того и оленями; эти—то послѣдніе лѣтомъ раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ одна ловитъ рыбу, а другая стережетъ оленей. Съ наступленіемъ теплаго времени, олени отправляются на берега моря, потому—что имъ жарко, и комары и мошки менѣе безпокоятъ ихъ тамъ; комары и мошки страшно мучатъ оленей, особенно во-время ихъ ливня. Во-время пребыванія своего на берегахъ Ледовитаго моря, остякъ, подобно самоѣдамъ и русскимъ, бьетъ тюленей, моржей, бѣлыхъ медвѣдей и прочихъ. Впрочемъ ихъ остяковъ не многіе доходятъ до самаго моря: большая часть ихъ проводитъ лѣто на самыхъ сѣверныхъ тундрахъ, и когда воздухъ охладится, мошки и комары нечешутъ, тогда они перекочевываютъ въ лѣсныя мѣста къ востоку отъ Урала, гдѣ охотятся за лисцами. Съ наступленіемъ зимы и тѣ остяки и самоѣды, которые кочевали по берегу моря, переходятъ въ страны лѣсныя, гдѣ находятъ и для себя и для оленей защиту отъ страшныхъ бурь. Переходъ этотъ совершается весьма медленно; въ день проходятъ небольшое число верстъ, останавливаются на отдыхъ, на день или на два, и все время охотятся. Каждый родъ держится вмѣстѣ, и въ главѣ его идетъ князь или старшина. Къ концу декабря всѣ эти ко-

чужія толпы приходатъ на обдорскій рынокъ. По распоряженію правительства, всѣ князья и старшины должны во-время ярмарки находиться въ Обдорскѣ, потому-что на нихъ возложена обязанность сдавать въ это время ясакъ. Изъ Обдорска туземцы опять отправляются въ лѣса и охотятся тамъ въ продолженіе холоднаго времени. Остязки и самоѣды, исключительно занимающіеся оленями, раннею весною отправляются уже къ морю; тѣ же, у которыхъ часть семействъ занята рыбною ловлей на рѣкахъ, не торопятся откочевывать, тѣмъ болѣе, что не посѣщаютъ самыхъ отдаленныхъ береговъ Ледовитаго моря; эти послѣдніе остязки кочуютъ съ своими оленями во-время зимы подлѣ своихъ постоянныхъ жилищъ или юртъ, которыхъ вовсе нѣтъ у самоѣдовъ и у постоянно-кочующихъ остязковъ.

Само собою разумѣется, что остязки, которые нѣсколько лѣтъ могутъ жить на одномъ и томъ же мѣстѣ, могутъ имѣть весьма малое число оленей, потому-что большія стада требуютъ обширныхъ пастбищъ и не допускаютъ осѣдлой жизни. Но какъ бы незначительно ни было число этихъ оленей, обладаніе ими считается большимъ богатствомъ; олень даетъ не только пищу и одежду Остязку, но и полезенъ ему при путешествіяхъ и на охотѣ. Остязки, не имѣющіе оленей, должны дѣлать перѣзды на собакахъ, которыя еще требуютъ пищи отъ хозяина и не могутъ замѣнить оленей при перевозкѣ тяжестей; для такихъ Остязковъ рыбная ловля главный источникъ пропитанія.

Извѣстно, что тѣ племена, которыя въ полярныхъ странахъ занимаются исключительно рыбною ловлей, постоянно живутъ въ бѣдности, которая нерѣдко влечетъ за собою лѣнь, пьянство и развратъ. Кастрѣвъ полагаетъ, что причины этого болѣею частію случайныя, а также, что жители тамошніе не умѣютъ порядочно пользоваться богатыми источниками, которые природа приготовила тамъ для человѣка, и не могутъ противостоять искушенію—употреблять крѣпкіе напитки, предлагаемые имъ колонистами. Это можно сказать по крайней мѣрѣ объ остязкахъ-рыболовахъ. Вся рыба, которая сбывается купцамъ, ловится лѣтомъ, и въ это время спекуляторы изъ Обдорска, Березова и Тобольска ѣздятъ по Оби на своихъ лодкахъ, отбираютъ у Остязковъ уловъ, солятъ рыбу и сохраняютъ ее въ особо-устроенныхъ на берегу магазинахъ. При началѣ осени они отправляются домой, и въ тѣхъ же лодкахъ, въ которыхъ привезли муку, проданную остязкамъ, увозятъ рыбу. Русскіе тоже ловятъ рыбу на Оби и съ большимъ успѣхомъ, нежели остязки. Между тѣмъ остязки продолжаютъ свой промыселъ, и часто рыбу пускаютъ въ озера или пруды, откуда осенью опять достаютъ ее и замораживаютъ. Въ началѣ зимы привозятъ русскіе и сырокъ для

закупки замороженной рыбы, часть которой остяки сами продаютъ въ Обдорекѣ. Рыбная ловля продолжается и зимою; но уже рыба не имѣетъ той цѣны въ торговлѣ, какъ пойманная въ другое время года, и рѣдко попадаетъ въ такомъ количествѣ, чтобы превышала дневную потребность самихъ рыбаковъ. Въ Оби попадаются: 1) щука, окунь, ершь, плотва, живущіе тутъ лѣто и зиму; 2) осетръ, сельдь, налимы и разные виды лосося, называемой муксуномъ, нельмой, сырокъ, пыдсакъ, все такія рыбы, которыя въ началѣ іюня, когда ледъ пройдетъ, заходятъ въ рѣки вверхъ по теченію, а зимою мало по малу возвращаются въ море. Осетръ и разные виды лосося цѣнятся высоко; прочіихъ же рыбъ остяки сѣдаютъ сами или кормятъ ими собакъ. Рыбу ловятъ сѣтями на песчаныхъ мѣстахъ; для ловли употребляются также верши, удочки, и проч.

Обдорскіе остяки одѣваются совершенно какъ самоѣды, только женщины первыхъ заняли отъ татаръ обычай закрывать свои лица. Кочующіе остяки устраиваютъ свои юрты, подобно самоѣдамъ. Юрты остяковъ—рыбаковъ маленькія, низкія избы, въ одномъ углу которыхъ устроены чучаль (очагъ). Окно замѣняется отверстіемъ въ стѣнѣ или потолкѣ, которое зимою покрывается кускомъ льда. Въ лучшихъ юртахъ вдоль одной или нѣсколькихъ стѣнъ полъ покрытъ рогожами, на которыхъ располагается семейство хозяина и которыя служатъ постелями. Иногда предъ входомъ въ юрту устраиваютъ небольшую клѣтку для платья и домашней утвари. Лѣтнія юрты еще хуже, потому что онѣ безъ пола и безъ чучала; окно затянута кожей налима; огонь раскладываютъ посреди юрты, а дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ. Бѣднѣйшія остяцкія семейства живутъ въ ямахъ, покрытыхъ торфомъ.

Палаасъ описываетъ наружность и характеръ остяковъ такъ: «Роста они средняго и даже малаго, сложенія слабаго и въ особенности имѣютъ тонкія и худыя ноги. Лица ихъ вообще непріятны, блѣдны и гладки, не имѣютъ ничего характеристическаго. Волосы у нихъ красноватые и бѣловатые, и у мужчинъ всегда въ безпорядкѣ, что дѣлаетъ лица ихъ еще болѣе непріятными. Между взрослыми женщинами, особенно которыя постарше, очень немного миловидныхъ. Остяки боязливы, суевѣрны и просты, впрочемъ довольно добры; начиная съ юности они привыкаютъ къ работѣ, но если небольшія потребности ихъ удовлетворены, то они способны только къ празности, особенно мужчины; хозяйство и жизнь ихъ возбуждаютъ отвращеніе». Кастрень при этомъ замѣчаетъ, что хотя онъ многихъ остяковъ видѣлъ съ блѣднымъ цвѣ-

томъ лица и свѣтлыми волосами, но у большой части остяковъ, какъ и у самоедовъ, цвѣтъ кожи темный и волосы черные какъ смоль. Это замѣчаніе навело Кастрена на мысль, что остяки-блондины были, можетъ быть, потомки вырянъ, которые переселились въ Сибирь во время обращенія ихъ св. Стефаномъ. Впрочемъ остяки образованіемъ своего лица больше подходятъ къ финскому, самоедскому и тюркскому племенамъ и, неимѣютъ плоскаго носа, маленькихъ узкихъ глазъ и безобразно широкихъ скулъ монголовъ и тунгусовъ. Они не представляютъ ясно очерченнаго типа, что, вѣроятно, происходитъ отъ смѣшенія ихъ съ разными чуждыми племенами. Боязливость, суевѣріе, простоту и доброту можно встрѣтить у всѣхъ дикихъ народовъ Сибири. Палласъ оставилъ безъ замѣчанія два хорошія качества остяковъ:—ихъ услужливость и честность. Остякъ никогда не оставитъ друга своего въ нуждѣ; двери у него всегда отворены для просящаго; онъ охотно раздѣляетъ съ нимъ то, что имѣетъ; богатый считаетъ своею обязанностью помогать бѣднымъ. Воровство здѣсь почти неизвѣстно; дома всегда отворены и имущество часто оставляется безъ присмотра посреди тундры. Остяки живутъ между собою какъ братья, не питаютъ никакого подозрѣнія другъ противъ друга. Вообще Кастренъ защищаетъ остяковъ противъ Палласа и даже неопритность приписываетъ ихъ ремеслу, говоря, что она встрѣчается только между остяками-рыбаками, а кочующіе живутъ очень опрятно.

ПЕРЕКРЕСТОВЪ.

24 іюля, 1853 года, Луганскій заводъ.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ САВОЯРЫ.

Уличный тип

Позвольте, благосклонный читатель, рекомендовать вашему вниманию петербургских савояровъ, — не тѣхъ, которые приносятъ изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ свои иностранныя мышеловки для русскихъ мышей, но тѣхъ, которыхъ, волею или не волею, а приходится иной разъ слушать и видѣть. Такая смѣлость будетъ тѣмъ болѣе извинительна, что это сословіе, вѣроятно, когда-нибудь уже интересовало васъ и въ чувствительныхъ переводныхъ романахъ, и въ переводныхъ романахъ веселыхъ. Правда, что кругъ дѣятельности и дѣйствій петербургскихъ савояровъ не такъ обширенъ, какъ савояровъ парижскихъ, но все таки довольно разнообразенъ для того, чтобы обратить на себя хотя малое вниманіе, если не всѣхъ и каждого, то, по крайней мѣрѣ, людей любознательныхъ, рассматривающихъ также внимательно самую малую песчинку, какъ и громадное солнце. «Исторія души человѣческой, ютя в самой мелкой души, стоитъ иногда цѣлой исторіи иного народа», сказалъ Лермонтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, горе, радость, надежды и наслажденія человѣческія такъ разнообразны въ своемъ основаніи и проявленіи, что стоитъ рассмотреть ихъ порою поближе, если не отвлеченно въ каждомъ (что невозможно), то, по крайней мѣрѣ, въ какомъ нибудь извѣстномъ, тѣсномъ кругу. Положимъ, что личность савояровъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого особеннаго, что могло бы пробудить къ ней слишкомъ большой интересъ; положимъ, что многіе называютъ ихъ даже «лѣнтяями» и «дармоедами», но все-таки они существуютъ, — почему же не присоединить и ихъ къ многому, хотя и мелкому существующему, но уже болѣе или менѣе каждому извѣстному? Кого правописатели не рекомендовали публикѣ? Они представляли ей и водовозовъ, и дворниковъ, и саломницъ, и петербургскихъ нѣмцевъ — одни

только савояры, столь же общіе какъ водовозы и салопницы, оставались въ тѣни;—пора же, наконецъ, настать очереди и для савояровъ. Вотъ существующіе ихъ виды: рылейщики, шарманщики (съ обезьянами и безъ обезьянъ), пѣстуны однихъ обезьянъ, ношатаи сурковъ и морскихъ свинокъ и подражатели пѣнію соловья.

Быть можетъ, кто-нибудь замѣтитъ при этомъ: «Отъ чего же рядъ не продолженъ и не упомянуто объ уличныхъ фокусникахъ, о вожатыхъ ученыхъ собакъ и ученыхъ обезьянъ, танцовщикахъ, арфистахъ и арфисткахъ, уличныхъ сальтенбанкахъ, пѣвцахъ, пѣвицахъ, и прочее и прочее? На такой основательный вопросъ можно будетъ принести только одинъ оправдательный отвѣтъ: — Потому что артисты этихъ послѣднихъ видовъ не принадлежатъ къ числу артистовъ чисто савойскаго происхожденія, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ также, какъ и савояры, носятъ на себѣ иго шарманокъ, — а здѣсь условлено говорить лишь только о савоярахъ «чистой крови». Послѣ такого логическаго оправданія, можно, кажется, приступить къ дальнѣйшему повѣствованію и начать его съ «рыла» и «рылейщиковъ», какъ съ вида самаго общаго и самаго малаго.

Приступая къ достовѣрному сказанію объ особенностяхъ рылейщиковъ, позвольте прежде всего объяснить вамъ, благосклонный читатель, что такое «рыло», если вы не петербургскій житель или, если даже и петербургскій, но будучи всегда окружены лишь роялями Лихтенгаля и Вирта да пѣвучими скрипками, не имѣете о немъ рѣшительно никакого понятія.

Слово это нисколько не должно оскорблять вашего эстетическаго слуха; оно отнюдь не грубо измѣненное, —человѣческими же устами, — названіе человѣческаго лица, которымъ именуютъ иногда, въ порывѣ досады и гнѣва, самыя благообразныя фізіономіи. Вся подозрительность въ этомъ щекотливомъ случаѣ можетъ произойти только отъ неправильнаго произношенія этого иностраннаго слова, на русскои діалектѣ. «Рыло», какъ обыкновенно говорятъ, есть ни что иное, какъ тоже, такъ себѣ, нѣкоторымъ образомъ, музикайское орудіе — «рыла», вѣче, по убѣжденію многихъ другихъ, мандолина, (mandoline). Маленькій инструментъ этотъ, похожій своею наружною формою нѣсколько на скрипичный футляръ, носится на перевязи, перекинутой черезъ плечо, и до того прочно и грубо устроенъ, что, какъ цыганъ, въ извѣстной пѣснѣ, не страшится ни вьюги, ни мятелей. Персты играющаго на немъ артиста никогда не касаются струнъ его. Обязанность рукъ исполнителя колесо, приврѣпленное къ ручкѣ, о которой можетъ дать полное

понятіе ручка, приводящая въ дѣйствіе механизмъ известнаго вѣща инструмента—органа.

Звуки, издаваемые рыла... тутъ автору представляется большое затрудненіе, и онъ поневолѣ долженъ остановиться въ нерѣшимости отъ труднаго, самому себѣ заданнаго вопроса: съ чѣмъ, съ какою существующею въ природѣ вибраціей, потрясающей воздухъ, можетъ его воображеніе сравнить звуки бѣднаго, неусовершенствованнаго человѣческаго изобрѣтательностью рыла?.. У самаго смѣлаго и находчиваго описателя инструментальныхъ особенностей и совершенствъ, при всемъ его желаніи льстить и поэтизировать, неостанетъ отважности сравнить ихъ, напримѣръ, съ пѣніемъ какой-бы то ни-было, даже ни кѣмъ невиданной и неслыханной, птицы! Съ ревомъ какого-нибудь животнаго, съ которымъ можно, напримѣръ, сравнить отголосокъ Левіофана инструментовъ—контрабаса, тоже невозможно, и будетъ далеко неправильно и не вѣрно... Говоря о звукахъ, производимыхъ рыла, нельзя дать мѣста даже и самому маленькому поэтическому увлеченію; нельзя имѣть никакого права допустить какое-бы то ни-было благоприятное для его нѣжности сравненіе. Въ этомъ затруднительномъ случаѣ, чтобы быть вполне достовѣрнымъ повѣствователемъ, необходимо, нехота, прибѣгнуть къ пособію грубой, ничѣмъ не увлекающейся прозы. Пусть же она одна и отвѣчаетъ предъ вами, благосклонный читатель, за тривиальную точность сравненія. Первоначальныя трели этого миниатюрнаго, но между тѣмъ громкаго инструмента (покуда ржавое и неподмазанное колесо, приводящее въ сотрясеніе струны, порядочно не развертятся и не начнетъ дѣлать правильныхъ оборотовъ) болѣе всего походятъ на «хриплый пискъ недоколотаго поросенка». Не известно когда, въ наказаніе за какое музыкальное преступленіе и какой разгнѣванный музыкальный геній воспроизвелъ эти ручныя гусли. Исторія гармоніи, сохранившая, съ благодарностію до нашихъ временъ, имена Эола, Орфея и Пана, набросала пепелъ забвенія на творца ихъ; вѣроятнѣе всего надо полагать, что рыла получило свое начало въ самомъ тартарѣ. Нестройный хрипъ жестиной, пастушечьей петербургской трубы, прерывающій раннимъ утромъ самый вѣпкій сонъ, можетъ похвастаться упоминательною гармоніей въ сравненіи съ потрясающимъ нервы скрипомъ этой, чистотой антимзыкальной гитарки; а между тѣмъ и она доставляетъ средства къ существованію упряжняющимся на ней артистамъ.

Рылейщики, точно также, какъ и шарманщики и ношатаи обезьянъ, сурковъ и морскихъ свинокъ, встрѣчаются на каждомъ шагѣ, на каждой улицѣ и перекресткѣ и почти на всѣхъ, не замкнутыхъ отъ чужаго посѣщенія, дворахъ. Ихъ требованія и надежды очень благоразумны и

ограниченъ. Нискользя свои концерты подъ однимъ, равно для всѣхъ безкорыстнымъ и гостеприимнымъ небомъ, и слѣдовательно не нуждаясь въ наймѣ никакого, болѣе удобнаго, музыкальнаго крова, они, какъ птицы небесныя, за доставляемое ими удовольствіе довольствуются лишь малыя крохами. Часы для такихъ концертовъ не опредѣлены и ими можетъ наслаждаться всякій желающій, отъ ранняго утра до поздняго вечера.

Возрастъ, въ который вполне развивается талантъ артистовъ на рылѣ, а также и сравнительное превосходство музыкальнаго исполненія вѣсь одного изъ нихъ передъ другими, опредѣлить невозможно, потому что мотивы дикой гитарки до крайности однообразны и, подъ нѣсколькими десятками колесъ воспроизводятъ одну и ту же мелодію—ничто въ родѣ трепака. Правда, что иногда среди этихъ нестройныхъ, терзающихъ уши звуковъ вдругъ какъ будто послышится какой-то жалобный, мелодическій аккордъ, похожій на слабый голосъ пустынного путника, изнуреннаго голодомъ и жаждою, но этотъ аккордъ, какъ должно полагать, или вырывается какъ нибудь случайно, изъ самой глубины внутренности рылѣ, или есть ничто иное, какъ фата-моргана слуха. Фаты-морганы существуютъ не въ одной физической природѣ, но и въ нравственной—это давно извѣстно.

Играющимъ на этомъ инструментѣ бывають мальчики отъ десяти и болѣе лѣтъ, загорѣлые отъ солнца, исхудалые отъ ежедневныхъ переходовъ въ мѣста самыя отдаленныя, никогда удовлетворительно не насытившіеся, а между тѣмъ, не смотря на все это, до того живые и постоянно бодрые и неутомимые, какъ будто жилы ихъ, вмѣсто обыкновенной крови, наполнены вѣчно движущеюся и ни чѣмъ не остановимою ртутью. По своей легкости для ношенія и простотѣ исполненія музыкальныхъ пьесъ, рылѣ именно только ребяческой инструментъ, но очень не трудно увидѣть иногда, среди несовершеннѣйшей толпы рылейщиковъ и такихъ, которыхъ сильные мускулы тотчасъ приведуть вамъ на память формы древняго Геркулеса, а порою даже и такихъ, которыхъ кудри бѣгають къ плечамъ обитою нерасчесанною волной, будто тонкія, матовыя серебряныя нити высокаго художественнаго издѣлія Бенвенуто Челлини. Эти послѣдніе рылейщики отличаются отъ первыхъ только наружностью; движенія же ихъ также живы. Старики эти уже привыкли къ своему ремеслу, прыгать на одной ногѣ, свистя при этомъ, уснаеннымъ, скрытою во рту жестяною машинкою, пріезивстомъ, — имъ гораздо легче, чѣмъ приняться за такое-нибудь иное ремесло, привычное ихъ лѣтамъ.

Если вы не такъ излѣжены и вамъ же трудно, часу въ восьмомъ

утра встать съ постели, чтобъ постоять на Вознесенскомъ мосту, вамъ всегда удастся полюбоваться пестрою, разнообразною толпой ходебщиковъ не только савойскаго, но даже германскаго происхожденія. Погодите нежного, и предъ вами незамедлительно потянутся изъ всѣхъ трехъ Подъяческихъ, длинная вереница ихъ, спѣшащая на разныя улицы и окраины Петербурга не для стяжанія лавровъ и рукоплесканій, а только на долю дневнаго счастья. Ни томительный лѣтній зной, ни осенній ливень, ни зимнія вьюги и морозы не въ состояніи остановить людей этихъ, прибывшихъ въ Россію, какъ аргонавты въ древнюю Колхиду, за поисками золотого руна. Значеніе слова «усталость» имъ кажется вовсе неизвестно, и крѣпости ихъ ногъ могла бы иной разъ позавидовать не она, до тучности откормленная, городская лошадь, покрывающаяся бѣлою пѣной, пробѣжавъ отъ одной оконечности Невскаго проспекта до другой. Ни одной улицы, ни одного переулка не пропустить савояры, и даже обитатели самыхъ отдаленныхъ дачъ могутъ каждодневно наслаждаться особенностью ихъ игры. Пройти на тощакъ десять, пятнадцать верстъ имъ также легко, какъ какой нибудь столичной барышнѣ протанцовать кряду нѣсколько десятковъ полетъ и кадрили.

Глядя на шумную, говорливую толпу ихъ, торопливо подвигающуюся впередъ, невольно приходитъ на память, часто употребляемое всѣми восклицаніе Пушкина:

-Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній...

И въ самомъ дѣлѣ, чего и кого не увидите вы въ фалангѣ этихъ не честолюбивыхъ промышленниковъ!.. Вотъ маленькая ученая лошадка, съ хвостомъ, перевязаннымъ щедро лентами, со лбомъ, украшеннымъ пучкомъ густыхъ перьевъ, расписанныхъ красною, голубою, зеленою и желтою красками, тщательно подвитыхъ подъ страусовыя перья. На спинѣ лошади возвышается, на нѣсколько четвертей, всадникъ—мартышка, въ старинномъ французскомъ камзолѣ, постоянно прыгающая на сѣдлѣ, съ нѣжкомъ снимающая предъ прохожими шляпу и старающаяся, время отъ времени, ухватить неосторожныхъ за носъ, въ будущемъ ожиданіи правильныхъ представленій. Вслѣдъ за ученой лошадкой медленно движется веселый—шарманка, (нѣчто въ родѣ какой-то гармонической кунтескамеры) укрѣпленная на двухъ колесахъ и везомая самимъ хозяиномъ, переругивающимся съ своею подругой, ведущей свору собакъ, въ коротенькихъ женскихъ кацавейкахъ и ченчиккахъ, коротенькихъ фрячкахъ и треугольныхъ шляпахъ. На верху этой подвижной шарманки—кунтескамеры устроена сцена, на которой вы уви-

лите прекрасную испанку, подпрыгивающую качучу вмѣстѣ съ стоящимъ съ нею рядомъ, на заднихъ ногахъ, козломъ, толстаго турецкаго пашу, вальсирующаго съ тощимъ жидомъ, и много другихъ, очень вертлявыхъ особъ, прискакивающихъ на мѣдныхъ спичкахъ. За шарманкой кунстъ-камерой ѣдетъ простая, громадная шарманка, запряженная обыкновенною лошаdkой, управляемою двумя иностранными дамами, съ мѣдными налобниками, въ коротенькихъ, синихъ суконныхъ юбкахъ, но за то въ предлинныхъ мужскихъ охотничьихъ сапогахъ. Лимонныя лица ихъ украшены такими яркими лапнтами, что цвѣтъ осенней зари, блѣднѣя предъ ихъ искусственною свѣжестью, долженъ краснѣть за свой неполдѣльный пурпуръ. По бокамъ шарманки выступаетъ двухперсонный оркестръ, составленный изъ бубна съ колокольчиками и изъ желѣзнаго треугольника, издающаго тѣ же самыя звуки, какіе издаетъ кухонная сковорода... Вотъ большіе и маленькіе савояры-пѣтуны мартышекъ; вотъ другіе, няньки и кормилицы прокармливающихъ ихъ, въ свою очередь, морскихъ свинокъ, терпѣливыхъ затворницъ, задыхающихся среди гнилаго сѣна, которыми наполнены ихъ маленькія деревянные темницы. За этими савоярами бѣжитъ маленькая дѣвочка съ посинѣлыми рученками, пристукивая отъ холода пальцами, какъ касаньями, одѣтая засаленной швейцарскою пастушкой... Вотъ другая, такая же маленькая женская пара, наряженная сальфидами, которая цѣлый день будетъ восхищать любопытствующихъ посреди дворовъ исполненіемъ вальсовъ, полекъ, полекъ-мазурокъ, подъ акомпаниментъ женщины, играющей на скрипкѣ и въ тоже время поющей: Ah! du liber Augustin, Augustin, и другіе танцевальныя припѣвы... Вотъ испанецъ, въ дыравомъ кафтанѣ, готовый тѣшить вась аріями всевозможныхъ италянскихъ оперъ.

Когда этотъ первый отрядъ пройдетъ, потянется другой — пойдутъ піемонтцы съ круглыми столиками, съ мѣшками, наполненными игрушечными ружьями, пушками, барабанами, обручами, половыми щетками, кофейными мельницами, и проч., которыми будутъ упражняться, среди необыкновенныхъ представлений, обезьяны «высшей школы». За ними слѣдуютъ простые, обыкновенные шарманщики, съ шарманками безъ куколъ и съ куклами, съ обезьянами и безъ обезьянъ. Всю эту толпу замыкаютъ акробаты въ порыжелыхъ шинеляхъ, тщательно прикрывающіе свой легкій, дико-американскій костюмъ, обнаженную шею и ноги, обтянутыя разползающимся бумажнымъ трико. Головы этихъ американцевъ, вмѣсто обыкновенныхъ картузовъ, бываютъ иногда прикрыты индѣйскими головными уборами изъ перьевъ и фольги, привлекающими особенное вниманіе прѣзжихъ мужичковъ и уличныхъ мальчишекъ. Это

уличные набылы, салтенбанки, акробаты, Вейнерты, Раппо и что вамъ угодно, ломающіе себѣ члены и суставы безъ всякой положительно-опредѣленной таксы, большею же частію, по расчетливости петербургскихъ любителей не таксированныхъ представленій, совершенно бесплатно, безъ всякаго, даже льстящаго самолюбію *браво* и *спасибо*.

Вся эта толпа цестрѣтъ самыми яркими лохмотьями, и ея разнообразныя одежды напоминаютъ масляничныхъ балаганныхъ скомороховъ. На нѣкоторыхъ мальчикахъ—савоярахъ можно даже иногда увидѣть нѣкоторыя принадлежности костюма, (особливо жилеты и шляпы) сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги, которая подъ вечеръ дождливаго дня теряетъ свою первоначальную, данную ей утромъ форму и цвѣтъ, плотно липнетъ въ лохмотьяхъ къ лицу, груди и колѣнамъ, возбуждая, вмѣсто участія, невольный смѣхъ. Зимю описанные костюмы мало измѣняются. На многихъ савоярахъ остаются тѣже лѣтнія курточки, перевитыя какими нибудь шерстянымъ шарфомъ, въ которыхъ они, дрожа отъ холода, выдѣлываютъ предъ окнами домовъ самыя отчаянныя и оживленныя *па*, чтобы только какъ нибудь да разогрѣть свою кровь, хотя и ртутную, но готовую застыть отъ стужи. Утирая одною рукою выжатую морозомъ слезу и повертывая другою судорожно рылэ или шарманку, савояръ тщетно ожидаетъ иногда вознагражденія за свою ловкость и продолжительную музыку. Иному бываетъ не въ догадъ бросить ему что нибудь, другіе не ищутъ возможности, потому что заклеены окны.

Правда, нѣкоторые савояры облакаются въ важныя пальто, но эти пальто, купленные съ плечъ, иногда чуть-ли не гигантскихъ, широкія, длинныя, неуклюжія, дѣлаютъ ихъ похожими на шелковичныхъ червей, обернувшихся въ просторную кокону. Самое теплое и тщательно прикрытое мѣсто въ ваточныхъ одеждахъ принадлежитъ обезьянамъ, спящимъ, до минуты надобности, преспокойно за пазухой. О присутствіи ихъ можно только догадаться по слишкомъ возвышенному горбу на боку савояра, гдѣ у человѣка не можетъ существовать собственнаго горба, или по высовывающейся, порою, изъ пальто лапы, ловящей снѣжки, падающія на лицо обезьянчика или просто шутящей съ его носомъ. Суровый климатъ Савои, къ которому савояры привыкли съ младенчества, помогаетъ имъ сносить съ горемъ пополамъ суровость нашей зимы; невѣстно какое ощущеніе чувствуютъ въ такое время урожденцы Пиемонта, Вероны и другихъ итальянскихъ мѣстечекъ, прибывшіе въ Россію выдѣлывать гипсовый карикатуры на высокія скульптурныя произведенія древней Греціи и древняго Рима.

Какое-то глубокое раздумье западаетъ въ душу, когда взгляды, обжигая беззаботное выраженіе лицъ этихъ уличныхъ потѣшниковъ, на-

чтень сѣднѣть за развѣтвленіемъ музыкальнаго, танцовальнаго и акробатическаго отряда по разнымъ улицамъ, послѣ долгихъ переговоровъ и условій объ участкахъ, гдѣ кому начинать свои дѣйствія. Такъ и хочется спросить у каждаго изъ нихъ:

«Откуда ты, откуда, гость неожиданный?
 Какой неожиданною судьбой
 Ты загнанъ къ намъ въ холодный край туманный?
 Скажи, хорошъ у насъ сводъ неба голубой,
 Отрадно ли весна здѣсь нѣгой счастья дышетъ?..
 Друзей ты встрѣтилъ ли, нашелъ ли ты пріютъ,
 Когда на промыселъ пошелъ, дитя послушный?
 За пѣсни бѣдныя, за твой суровый трудъ
 Ты награжденъ—ли, выходець тщедушный?
 Всегда ли сладокъ сонъ? Ужель, пришелець, ты
 Не гордъ такъ, что порой, усталый, изнуренной,
 Приподнимаешь грошъ, упавшій съ высоты,
 Безъ гнѣва, съ радостью, рукою запыленной?
 На жесткій войлокъ ли склонившись головой
 Ты спишь, или гдѣ нибудь въ тѣни зеленой кущи,
 Скажи, смущаютъ ли ребячій твой покой
 Печаль прошедшаго, заботы дней грядущихъ?..»

На всѣ эти вопросы можно положительно отвѣчать только одно, что почти всѣ савояры спятъ на войлокахъ. За исключеніемъ музыкантовъ, акробатовъ, фокусниковъ и другихъ штукарей, не савойскаго происхожденія, имѣющихъ болѣе средствъ къ роскоши; почивающихъ на кроватяхъ, снабженныхъ мочальными тюфяками, а иногда и на чемъ нибудь лучшемъ и имѣющихъ кое-какое домашнее хозяйство, въ которомъ кофейникъ играетъ, разумѣется, главную роль, ни одинъ изъ савояровъ не знакомъ съ комфортомъ и разными другими удобствами домашней жизни. Кухоннаястряпня производится у нихъ только для больныхъ, русскою деревенскоюстряпухой, нанятой въ складчину, которая подкуетъ ослаблага, нездороваго савояра тѣмъ, что Господь ей на умъ положитъ и что поближе подъ руку. Щи, похлебка, каша, свѣжая свинина, соленые огурцы, все съѣдается савоярами, какъ кушанья, самыя легкія для желудка; иныхъ роскошнѣйшихъ блюдъ они не имѣютъ, за исключеніемъ самыхъ торжественныхъ праздниковъ и самыхъ торжественныхъ дней ихъ жизни, въ которые уже сами они готовятъ stofato и pasagoni. Дни эти составляютъ въ ихъ памяти и въ ихъ году нѣкоторымъ образомъ замѣчательную эпоху, воспоминаемую съ сладостнымъ прищелкываніемъ языка и пальцевъ.

Рыбешки, обыкновенные шармашки и воспитатели обезьянъ и

поросенку свинокъ, живутъ все вмѣстѣ, артелью, въ одной квартирѣ; вырученные днемъ деньги кладутъ въ общую кассу, чтобы по истеченіи положеннаго времени, дѣлиться по равнымъ частямъ, при посредствѣ избраннаго дѣльми обществомъ кассира. Съ первыми лучами зари визгъ, пискъ и драка проголодавшихся животныхъ, раздѣляющихъ съ своими хозяевами братски ночлеги, а иногда и самое войлочное ложе, скоро разгоняетъ крѣпкій сонъ усталыхъ савояровъ. Громкій визгъ перваго проснувагося, или просто только отъ одного писка, или визга, или отъ усиленнаго подергиванія мартышки за курчавыя, сбитыя тоже какъ войлокъ, волоса, подымаетъ всѣхъ остальныхъ, убаюканныхъ разнообразными грѣзами, нестройными, причудливыми повтореніями впечатлѣній прошедшаго дня, которыя окружаютъ ихъ призраками то дворниковъ, гоняющихъ ихъ метлами со двора, то собакъ, бросающихся на нихъ съ ожесточеніемъ, при видѣ вовсе непріятной и возбуждающей собачью антипатию морды обезьяны, то мальчишекъ, бросающихъ въ нее кочарыжками или чѣмъ пепало, и преслѣдующихъ даже самихъ савояровъ названіемъ наацевъ, моменниковъ и гаеровъ. Среди этихъ непріятныхъ, почти обычныхъ видѣній, мелькаютъ нерѣдко и свѣтлые образы милостивой женщины, бросающей съ балкона гривенникъ своею бѣдненькою ручкою, видѣ хорошо убранной залы, въ которую вводятъ его съ мартышкой, чтобъ показать ее вблизи окружающимъ маленькимъ дѣтямъ, и которой свѣтлѣющей полъ савояръ замаралъ своими грязными подошвами. Савояру не хочется открывать глазъ, ему бы жалалось еще разъ призвать къ своему жесткому изголовью такіа балующія его грѣзы, но дѣйствительность, что вѣтеръ злой, гонитъ его, какъ легкий листъ изъ тепла на холодъ, отъ нѣги къ тяжелой дѣятельности, изъ міра благосклонной мечты въ область безпощадной сущности. Савояръ вздыхаетъ, расчесываетъ прилежно пятерней свои кудри и встаетъ; день, котораго онъ ждетъ, становится ему не милъ.

Сборы савояровъ, спящихъ всегда полуодѣтыми, непродолжительны. Проспѣвая на дневной промыселъ и не имѣя никакой претензіи плѣнять уличную публику изысканностью своей наружности, они часто выходятъ, даже не умывшись порядочно, и не тратятъ сколько времени на завтракъ. Завтракомъ заисауются они уже на улицѣ, у лоточныхъ торговцевъ, и уничтожаютъ его на ходу, а иногда среди самыхъ танцевъ и музыкальныхъ пьесъ, дѣлаетъ имъ дружно съ своими свинками и особенно съ обезьянами, которыя въ это время дѣлаются очень наглы и непокорны по врожденной прожорливости и зависти. После обильной маленькой драки и взаимнаго сопротивленія, завтракъ, состоящій обыкновенно изъ одной ситной булки и какихъ нибудь прямоостей—луку, меркови

и чесноку, оканчивается у обезьяны и савояра мирно съ равнымъ апшеттомъ. Какъ въ завтракъ, такъ и въ уличномъ обѣдѣ обезьяна бываетъ всегда сытѣе своего хозяина, потому-что савояръ болѣе заботится о ней чѣмъ о себѣ, какъ будто бы не она, а онъ служить ей. Пошатай обезьяны не просятъ, какъ носильщикъ морской свинки, подавая громко и жалобно, употребляя въ этомъ случаѣ имя маленькаго животнаго, насколько не подозревающаго, что его хозяинъ, ради своей надобности, выставляетъ ее, свинку, такую неотвязчивую и неудовлетворимую нищю. Обезьянщикъ, напротивъ, лелѣетъ и бережетъ свою обезьяну и никогда не продастъ ее, ее, нерешедшую съ нимъ половину Европы, развѣ что ему предложить такую цѣну, которая въ его жизнь составляетъ капиталъ огромный, надолго обезпечивающій во многомъ. Дерните вы савояра за ухо, за волосы, онъ только слегка запищитъ, поморщится и отойдетъ прочь; нанесите же вы такое же оскорбленіе мартышки, глаза его засверкаютъ и рука готова тотчасъ же схватить привычное оборонительное оружіе—комокъ грязи.

Прежде всѣхъ ирочихъ жителей Петербурга, удовольствіе слышать рыле и шарманки достается булочникамъ, торговцамъ мелочныхъ лавокъ, прикащикамъ и служителямъ русскихъ рестораций и харчевень и вообще всему мастеровому классу, какъ людямъ которые раньше встаютъ. Завидя отворенныя двери булочныхъ, мелочныхъ лавокъ и харчевень, рылейщики и шарманщики приостанавливаются, принимаютъ приличную позу и начинаютъ издавать монотонные звуки, кружиться волчкомъ на одной ногѣ, припрыгивать и оглашать воздухъ пронзительнымъ свистомъ, очень похожимъ на прерывистый, предупредительный свистокъ паровой машины, подходящей къ станціи.

Рылейщикамъ и шарманщикамъ нѣтъ до того никакой надобности, расположены или нѣтъ слушать ихъ музыку пробудившіеся. Чуждые всякой лишней щепетливой деликатности, они исполняютъ свое дѣло съ необыкновеннымъ усердіемъ и живостію, поглядывая внимательно на окна и двери и даже на чердаки, то опрокинувъ голову на затылокъ, какъ будто они притѣлили что нибудь выгодное для себя на самыхъ облакахъ, то перегнувшись до земли, чтобы заглянуть въ подвалы, въ чяніи, не окажется ли и въ нихъ охотниковъ послушать ихъ и пожертвовать кое-что отъ избытка средствъ. Не замѣтивъ никого, савояры продолжаютъ играть и насвистывать, пока убѣдятся, что нѣтъ болѣе никакой надежды, или не раздастся изъ дверей или окна сердитый возгласъ продирающаго глаза лавочника:

— Убирайся прочь, скоророхъ, пока такъ тебя водой не вспрыснутъ, что запоешь на всѣ цѣтушья голоса! Вишь какъ уши выдумалъ

драть, нѣмецкая трещетка! Добрые люди не усильи еще порядочно перекреститься и куска въ горло пропустить, а ты видно уже нажрался, напился и пошелъ скоморошничать!

И лавочникъ преспокойно усаживается пить чай, никакъ не предполагая, что конвульсивно сжатая рука рылейщика, можетъ быть, едва въ состояніи наvertывать веселую пѣсню; что отъ постоянно не вполне удовлетворяемаго аппетита, желудокъ савояра сильно сводитъ, и что вертящаяся съ такимъ проворствомъ нога, отъ ожиданія получить какое нибудь вознагражденіе за стараніе и искусство, едва, быть можетъ, чувствуетъ въ дыравомъ башмакѣ; свои окостѣнѣвшіе пальцы.

Савояръ медитъ въ нерѣшимости, и все таки еще не много повертывается, въ чаіиіи умялостивленія.

— Да перестанешь ли ты когда нибудь дрыгать ногами? повторяется снова сердитый возгласъ, и савояръ спѣшитъ къ другой лавочкѣ, къ другому, быть можетъ, болѣе музыкальному и щедрому хозяину и начинаетъ свистать то соловьемъ, то малинкой, то разливаться и пѣть канарейкой. Пріятная картина поражаетъ глаза рылейщика. Лавочникъ купилъ у чухонца картофелю и рассчитывается съ нимъ; въ рукахъ у него много и мелкаго серебра, и мелкой мѣды. Савояръ подходит чуть не-подъ-самое его ухо, и желая отличиться, вполне возвышаетъ свистъ на два тона. Въ воображеніи его рисуется уже кофѣйка, она уже, умственно, въ его карманѣ, но и тутъ расчетъ оказывается всегда не вѣренъ.

Принадлежа къ числу савояровъ, забывающихъ на улицѣ о данномъ имъ дарѣ слова (чѣмъ рылейщики, шарманщики и пѣстуны обезьянъ рѣзко отличаются отъ савояровъ, прогуливающихъ съ морскими свинками, не умолающими ни на одну минуту) рылейщики и шарманщики, если имъ и не подадутъ ничего, покорно и безропотно удаляются въ нныя щедрыя мѣста, въ другую улицу, и опять начинаютъ играть, свистать и вертѣться кубаремъ на одной ножкѣ.

Для исполненія ихъ чисто-дервишкаго вальса, рылейщикамъ не существуетъ никакихъ уличныхъ неудобствъ и препатствій. Нисколько не страшась быть раздавленными чѣмъ нибудь рысакомъ и опрокинутыми зазѣвавшимися извощикомъ, пренебрегая видомъ дышла, они ловко увертываются отъ скачущихъ экипажей, искусно перепрыгиваютъ съ булыжника на булыжникъ и, въ самомъ крайнемъ случаѣ, покинувъ сухое, избранное ими для балета мѣсто, нисколько не задумываются докончить начатый прыжокъ на самой срединѣ дождевой лужи, обдаваемой ихъ съ ногъ до головы грязными вспрысками. Опрятность одежды и вообще фізіономія самая послѣдняя изъ заботъ савояровъ (что распо-

лагасть ихъ, вѣроятно, во Франціи, преимущественно предъ прочими ремеслами къ ремеслу трубочистовъ), и потому они продолжаютъ хладнокровно свое шествіе съ лицомъ, испещреннымъ грязью, будто родимыми пятнами, покуда любознательная лапа мартышки не вздумаетъ ихъ соскоблить, одно за другимъ, чтобы попробовать не есть ли это чтонибудь съѣстное и лакомое. Впрочемъ, такая совершенно посторонняя услуга достается только однимъ немногимъ шарманщикамъ, потому—что, собственно рылейщики не носятъ обезьянъ, и по своимъ недостаточнымъ средствамъ, не могутъ купить ихъ, чтобы достигнуть до степени добыванія копѣекъ менѣе трудной и болѣе почетной въ савоярскихъ понятіяхъ о человѣческомъ достоинствѣ.

Савояры нисколько не подвержены пороку сребролюбія и корытолюбія. Картофелина, яблоко, остатокъ пирога или иѣдныи грошъ, не поданныи, а даже съ невниманіемъ брошенные, куда ни попало, заставляютъ ихъ также продолжительно и усердно играть, и пятачекъ, упавшій изъ окна, гривенникъ или двугривенный, пожертвованныи людьми, находящимися въ томъ веселомъ расположеніи, когда все чувства какъ-то удваиваются, приводитъ рылейщиковъ и шарманщиковъ въ какое-то ясное неистовство, превращаетъ свистъ ихъ, именно какъ будто въ настоящій свистъ Соловья-Разбойника, а антрша на одной ногъ, чуть ли не въ воздушные антрша самой Тальони. Болѣе всего прочаго пространства Петербурга труденъ для савояровъ путь по Гостинному Двору.

Въ надеждѣ изъ получаемыхъ торговцами барышей получить и свою часть дневнаго барыша, Савояры приостанавливаются предъ каждою лавкой, ловко ловятъ на легу бросаема полукопѣйки, и не уменьшая быстроты скачковъ, извиваясь между прохожими, переходятъ къ прочимъ лавкамъ, и такъ обсакаиваютъ цѣлый гостинный рядъ, обливаясь крупнымъ потомъ. Они нисколько не оскорбляются, если предъ чьимъ магазиномъ прикащикъ, замѣтивъ что они своимъ присутствіемъ мѣшаютъ прохожимъ, вмѣсто полукопѣйки наградить ихъ толчкомъ; споткнувшись немного впередъ или на сторону, Савояры, не возражая ни слова, идутъ съ рѣшимостію, какъ ни въ чемъ не бывало на новыя случайности и вѣроятности. Гостинный дворъ, благодаря сострадательности русскаго торговаго сословія, настоящая Калифорнія для всѣхъ странствующихъ музыкантовъ и прочихъ артистовъ; но подавая имъ даянъ, достойную ихъ искусства, всегда почти полукопѣйку, и только съ порывѣ самой высокой щедрости копѣйку серебромъ, торговцы и прикащики всегда имѣютъ обыкновеніе прибавлять къ ней назидательный совѣтъ:

— Прими, мусье, и убирайся поскорѣ прочь, а то мѣшаешь мо-

кулателямъ, когда въ магазинъ идутъ. Ферштейнъ? теперь адомъ маршъ, мусье, бонъ вояжъ!

Но иногда и полукопейка расчетливая дань, необходимая въ промышленности, отъ полного знанія савояровъ того коммерческаго правила, по которому и полукопейка принимается въ строгій расчетъ, какъ необходимая часть единицы, безъ которой не можетъ существовать полного рубля, ускользаетъ какъ тѣнь изъ рукъ рылейщиковъ, шарманщиковъ и прочихъ, и часто протанутая отвертая ладонь, отдѣленная отъ адовой гитарки или разбитой шарманки, издающей лихорадочные, болезненные звуки, опять принимается за нихъ, не ощутивъ въ себѣ ничего математическаго.

— Полукопейки есть сдачи, спрашиваетъ савояръ лавочный мальчишка, возвышая надъ его головою руку съ зеленѣющею въ ней мѣдною копейкой. Ну, распорядяйся же скорѣе, некогда!

— Non, monsieur! провозноситъ сожалительно савояръ, размахнувъ руками.

— Ну, такъ у меня тоже для тебя *монъ*, объявляетъ мальчишка; впередъ умнѣе будь и запасайся сладчей; въ выручку свою всегда что нибудь про запасъ для раздачи клади. Впередъ *вуй* носи!

Савояръ благодаритъ поклономъ, хоть за одно желаніе и удаляется, затанцъ въ сердцѣ своемъ сладостную надежду, что этотъ же самый человекъ, который сейчасъ такъ скупо жадся изъ длинной полукопейки и выказывалъ такой строгій расчетъ, когда нибудь, въ праздничный день, гдѣ нибудь на гуляньи, броситъ ему, безъ всякаго сожалѣнія, не только гривенникъ, но даже и рубль.

Гостиница дверь — самое любимое, центральное мѣсто, въ которое никогда не забудутъ завернуть савояры, какъ бы далеко отъ неге они ни были. Кромѣ поясненной уже щедрости доргоновцевъ, рылейщанин и шарманщики заводятъ въ гостиницѣмъ ряду постояющихъ слушателей и зрителей, которыхъ они, преимущественно предъ прочими, томятъ своими мелодіями, а также находятъ иногда случай добесѣдовать и развлечь себя разговоромъ, болѣе, впрочемъ, памятнимымъ, чѣмъ словеснымъ.

Тщетно дожидаясь покупателей и наскучивъ играть все въ шапки да въ шапки и колотить, для препровожденія времени, какъ куакецы въ тактъ по наковальнѣ, себя по пальцамъ (игра медная и очень употребительная въ апраксинскихъ рядахъ) лавочные мальчики, завяда рылейщика и шарманщика, тотчасъ начинаютъ звать его.

— Мусье, говорятъ они, комень-ви-гиръ, наше вамъ почтеніе. Какъ ваше здоровье? Сколько изволили себѣ нынче капиталу напрыгать, мусье?

Шарманщикъ улыбается и кланяется, ожидая, что будетъ дальше.

— А гримаса у васъ веселая, продолжаетъ красноречиво: стало быть вы нынче таки съ барышомъ, такъ попотчуйте же насъ чѣмъ нибудь?

Шарманщикъ продолжаетъ улыбаться и хватается за ручку шарманки, чтобы пощекотать слухъ какою нибудь полькою, которая, неизвестно по какому чудному гармоническому механизму, вдругъ иногда переходитъ въ похоронный маршъ, а иногда просто въ какой-то совершенно зыбный шипъ.

— Нѣтъ, ужь эту-то аферу ты оставь, прерываетъ меценатъ, замѣтивъ музыкальное поползновеніе савояра: эта штука намъ ужь надоѣла, а ты, если такъ ужь тебѣ захотѣлось, лучше перекувырнишь, грошь дадимъ. Вотъ что произведи.

При этомъ, для непонятливаго савояра, производится пояснительная пантомима рукою. Савояръ отрицательно трясетъ головою и со вздохомъ размахиваетъ руками.

— Вотъ и оказывается, что ты, стало быть, глушь, когда кувыркаться даже не умѣешь, за что же тебѣ послѣ этого деньги-то платить, мусье; ну, не разбойникъ ли ты? продолжаютъ шутить надъ савояромъ пріатели. Въ это время проходитъ одинъ изъ рестораторовъ, неимѣющихъ осядлости, которыми упитывается и упоется весь Гостинный дворъ.

— А что, мусье, спрашиваютъ мальчики савояра, указывая на окорокъ, что, возьмешь этого кушанья попробовать?

Неволиѣ понимающій вопросъ, савояръ старается объяснить знаками, что онъ бы и не прочь отъ этого кушанья, но, хоть око его и видитъ, да зубъ не ѣмѣтъ.

— Какъ! восклицаютъ прикащики: да развѣ ты не изъ такихъ? развѣ у тебя тоже своя, какая нибудь, сторона есть? А ну-ка, пусть тебѣ отрушатъ, посмотримъ....

Аппетитъ савояра является во всемъ своемъ блескѣ; прикащики веселятся.

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, замѣчаютъ они, должно быть, въ самомъ дѣлѣ, онъ только просто заграничный; смотри, смотри, какъ жреть, только за ушами хруститъ. Молодецъ! и впередъ будь такимъ молодцомъ. Получай копейку за представленіе.

И всѣ остаются довольны, и Савояръ уходитъ отъ нихъ въ восхищеніи, сытый, надѣленный лишнею, неожиданною прибылью, на которую какъ не на рассчитанную, тотчасъ же спѣшитъ купить горсть орѣховъ, если не своей обезьянѣ, то въ гостионецъ обезьянамъ товарищей, унося вмѣстѣ съ своимъ подаркомъ пріятное воспоминаніе какъ о Гостинномъ дворѣ вообще, такъ и о ветчинѣ въ особенности.

Вотъ легкій очеркъ пріятной и выгодной стороны савоярскаго путешествія! Но, такъ какъ ни чья жизнь и ни чей день не проходятъ, иногда, безъ непріятностей, то и савояры имѣютъ ихъ, и еще немного болѣе другихъ. Непріятности эти, или маленькія несчастія савоярскаго жизни бывають болѣею частію случайныя: то отъ собакъ, дѣлающихъ лишнюю дыру въ ихъ костюмѣ, то отъ неосторожной прислуги, обливающей ихъ на дворахъ, подъ окнами, грязною водою, то отъ петербургской погоды, неожиданно-непріятной для всѣхъ. Но бывають также и непріятности, пріуготованныя и злонамѣренныя, хотя и не прямо противъ самой личности савояровъ, но все таки не менѣе того чувствительныя. Судьба, на которую, какъ-то отвыкли жаловаться савояры, нисколько въ нихъ не вмѣшивается; враждебными геніями савояровъ оказываются въ этомъ послѣднемъ случаѣ шалуны, уличные мальчишки и болѣе всего мальчишки-слуги, и очень часто воздаяніе, на которое рассчитывалъ рылейщикъ или шарманщикъ, превращается для него въ настоящее наказаніе, будто за какую нибудь вину. Желая вполнѣ повеселиться въ отсутствіе господъ и испытать вѣрность глаза и прицѣла, слуги-мальчишки выбираютъ мартышекъ савояровъ имѣтою своей ловкости, и мѣдный грошъ, обернутый въ бумагу, едва не касаясь фзіономіи развнувшего ротъ и опрокинувшего на затылокъ голову шарманщика, ударяется въ спокойно сидящую на плечѣ его обезьяну. Мартышка взвизгиваетъ, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону и, не вѣдая правила, что за виновныхъ невинный не отвѣчаетъ, съ злобою вѣбляется въ нерасчесанныя кудри хозяина. Шарманщикъ сильно морщится, но если ударъ не причинилъ его питомцѣ слишкомъ большаго вреда, самъ начинаетъ улыбаться злой шуткѣ, съ благодарностью снимаетъ картузь или испанскій плисовый токъ, и поднявъ поразившее его обезьяну физическое тѣло, принимается снова играть, ожидая вторичной награды... И вотъ она не медлитъ, но что-то болѣе тяжелое, чѣмъ грошъ, поражаетъ снова, но уже не такъ ловко и, мѣтко и, минуя настоящую избранную цѣль, попадаетъ прямо въ лицо самого музыканта. Шарманщикъ болѣзненно вскрикиваетъ и между тѣмъ все таки спѣшитъ нагнуться и посмотреть какою, такъ больно ударившею его, монетою наградили его повѣсы-слушатели. Онъ срываетъ обертку, но вмѣсто ожидаемаго металла, который, могъ быть заступникомъ за нихъ въ его незлобивомъ сердцѣ, видитъ завернутый въ бумагу комокъ кухонной глины. Тутъ, втѣстѣ съ кровинкою, показавшеюся изъ носа, долготерпѣніе его исчерпывается. Двойное, мгновенное мщеніе за оскорбленную личность мартышки и его собственную, закипаетъ въ груди шарманщика. Артистъ, постоянно безмолвствующій во время исполненія своихъ концертовъ, снова

получаетъ даръ слова и изъ губъ его начинаетъ вырваться смѣшанная французско-итальянская брань. Онъ съ живостью начинаетъ грозить мальчишкамъ ихъ же оружіемъ; видя, что на его справедливый гнѣвъ противники отвѣчаютъ ему только смѣхомъ, высовываніемъ языковъ и присоединеніемъ къ длинѣ носа еще длины всѣхъ десяти пальцевъ, шарманщикъ дѣлаетъ даже видъ, что готовъ привести угрозу свою въ исполненіе; рука его уже отдѣлилась отъ туловища и разсѣкаетъ взадъ и впередъ воздухъ, но, какая-то болѣе мощная рука приостанавливаетъ его усталую руку.

— Что ты глину-то съ чужихъ дворовъ воруетъ? раздается за нимъ громкій укорительный возгласъ.

Шарманщикъ оборачивается: передъ нимъ стоитъ грозная особа дворника, блюстителя порядка и охранителя двора, съ своимъ обычнымъ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ—метлой.

— Монсье! пицить савояръ, стараясь знаками и немногими словами объяснить кровную, хоть и нечаянно нанесенную ему обиду.

— Не мусьюкай, не умусьюкаешь! возражаетъ дворникъ, ты кромѣ всего прочаго, баталію еще здѣсь, кажется, хочешь заводить?

— Монсье... начинаетъ снова савояръ, желая защитить свою невинность.

— Вотъ я тебѣ покажу, какой я мусье, другой разъ—въ буджѣ, доканчиваетъ дворникъ, выпроваживая савояра за ухо въ ворота и подталкивая его вѣткою метлы.

Вдвойнѣ невинно-оскорбленный шарманщикъ усаживается гдѣнибудь на тротуарномъ столбикѣ, или просто на землѣ, не разбирая удобно или не удобно мѣсто, и принимается хныкать, заѣдая въ то же время свою обиду и горе морковью, остатками булки или яблокъ, выпнутыми изъ кармана. Многіе проходятъ и проѣзжаютъ мимо шарманщика, но никто не думаетъ обратить вниманіе на его горе, кромѣ давно уже утѣшившейся обезьяны, которая, стараясь вырвать у савояра скудный запасъ дневной провизіи, становится чрезвычайно нѣжна, лижетъ ему лице и рука, и визжитъ какъ-то жалобно. У всякаго есть свои заботы: гдѣ-же заниматься мелкими неприятностями такого нибудь савояра. Одна только проходящая мимо торговка гнилыми апельсинами, съ лицомъ желтымъ, какъ латунь, въ парикѣ, сдѣланномъ, вмѣсто волосъ, изъ по-рыжѣлаго сырца, рѣзко отличающагося отъ черныхъ ея глазъ и бровей, останавливается передъ шарманщикомъ и поглядываетъ, какъ онъ, доѣдая яблоко пересчитываетъ на ладони копейки—прибыль настоящаго дня.

— Васъ вейнеть ду? хѳръ малъ; васъ вейнеть ду? спрашиваетъ она савояра, приподнимая его. А вотъ цто, несъ ушибъ, бѣдненькій!

Видя незнакомое лицо, прискирвшаа мартышка принимается снова пидать самымъ прозительнымъ пискомъ.

— Молчи, цортъ! На!—проноситъ торговка, подавая обезьянѣ самый гнильбшій изъ апельсинновъ.

— Merci, madame, спѣшить поблагодарить шарманщикъ, видя такую внимательность къ существу, самому дорогому и милому для него въ его петербургской жизни.

— За что, за свое добро что за благодарность, возражаетъ торговка; а тебѣ, прицажешь? добавляетъ она, подавая и савояру апельсиннъ.

— Merci, madame! благодарить опять шарманщикъ, протагивая руку.

Принимая это движеніе, мартышка спѣшить подражать хозяину и тоже протягиваетъ лапу къ апельсинному лотку.

— А! ду власть аухъ, дусника, проноситъ торговка. Прикажешь подотчивать? обращается она къ шарманщику; нимъ, нимъ, красавица, доканчиваетъ она, подавая мартышкѣ второй апельсиннъ.

При видѣ такой новой щедрости, грустное расположеніе шарманщика совершенно проходить. Онъ успѣшно вскакиваетъ и принимается вертѣть шарманку и насвистывать, чтобъ вознаграждать хоть музикою и танцами за великодушную внимательность.

— Позно, полно, ты и такъ усталъ, я не охотница, замѣчаетъ продавщица апельсинновъ: можетъ еще апельсинникъ прикажешь? на, кумай на здоровье.

Савояръ благодаритъ новымъ низкимъ поклономъ, и желая продолжать путь, намѣревается припрятать въ карманъ свое богатство. Костлявая рука торговки успѣшно предупреждаетъ это движеніе.

— А что же мнѣ деньги? спрашиваетъ она изумленного шарманщика, насильно разгибая ему ладонь и овлаждая его капиталомъ. Развѣ ты полагаешь, что я всѣхъ, кто плацетъ, даромъ должна сводить товаромъ кормить? Развѣ я должна потчивать твою скверную обезьяну? Ахъ, ду!...

Неожидавшій такого угощенія, савояръ снова принимается хныкать, видя, какъ жиловка упрятываетъ въ кошелекъ свой его копейки и расчитавшись, подаетъ ему нѣсколько копеекъ сдачи. Савояръ начинаетъ упрашивать; торговка остается глуха къ его моленіямъ. Шарманщикъ понимаетъ, что потеря его невозвратима, и умоляющее выраженіе его лица замѣняется выраженіемъ досады и гнѣва. Успѣшно упратав мартышку за пазуху, онъ быстро приподнимаетъ руку, дѣлаетъ ею лозкое, неожиданное движеніе—и лотокъ старухи опрокидывается на улицѣ вмѣстѣ со всѣмъ ея товаромъ. Жидовка вскрикиваетъ, брѣ-

сается на савояра, но онъ уже далеко, онъ уже во всемъ утѣшился своею мѣстью, и снова, беззаботный и веселый, удаляется отъ озлобленной торговки, припрыгивая и дѣлая ей самыя разнообразныя гримасы, перенятыя имъ отъ своей постоянной спутницы.

Сутки савояра проходятъ очень однообразно, безъ всякихъ развлеченій; впрочемъ, виновать, и савояры имѣютъ своего рода развлеченія. Уставъ все играть да играть, свистать и прыгать, савояръ рѣшается немного отдохнуть и развлечься. Чѣмъ же, вопросъ, развлечься ему? Очень немногимъ, положимъ, но все-таки есть чѣмъ. Желая позабавиться, савояры принимаются дразнить своихъ обезьянъ, чтобы, какъ новые Фанъ-Амбурги, укротить потомъ ихъ ярость, или подраживать собакамъ, или, остановясь у рѣшетокъ каналовъ, бросать въ воду камешки и слѣдить за ихъ рикшетами надъ водяною поверхностью.

Поприще рылейщиковъ и, въ особенности, шарманщиковъ не ограничивается одними улицами и дворами: ихъ очень часто приглашаютъ на свои пирушки мастеравые и другіе подобные люди.

При раздавшемся возгласѣ: шпилера сюда, подавай сюда шпилера! Хозяева гостепріимныхъ заведеній слѣшаютъ залучить рылейщиковъ и шарманщиковъ, за неизбѣишемъ вблизи, подъ рукою, иныхъ музыкальныхъ артистовъ.

— А ну-ка, веселенькую, плясовую! кричатъ шарманщику съ одной стороны сильные голоса.

— *Жалобостную!* требуютъ съ другой.

— Эй, ты, желтобрюхій журавль, накалывай не бѣлы-то сѣбѣ, перебиваютъ эти требованія съ третьей стороны.

— Польку, транбланъ-польку, трясучку-польку! вопять съ четвертой.

— Ваньку-Таньку! сливаются, наконецъ, все голоса въ одинъ общій гулъ.

Оторопѣвшій савояръ, не понимая различныхъ требованій, начинаетъ наворачивать первую пьесу, слѣдующую за той, на которой остановился валъ шарманки.

— Важно! раздается одобрителный голосъ съ одной стороны.

— Съ градомъ! восклицаютъ съ другой.

— Сомни своей механикѣ уста, не то она поретъ! кричатъ съ третьей стороны.

Савояръ переменяетъ валъ, другой, третій, и наконецъ успѣваетъ угодить всей публикѣ. Къ ногамъ его падаютъ копейки, трехкопеечники и даже иногда между ихъ коричневатымъ цвѣтомъ удается сверкнуть серебряному пятачку.

Шарманщикъ совершенно счастливъ и вполне остается довольнымъ честною кампаніею, которая не въ веселомъ расположеніи духа бываетъ не такъ щедра, и большею частью любитъ наслушаться звуковъ рыла и шарманокъ даромъ, или, какъ говорится въ простонародьи, на «*шеръ ами*» и на «*шармака*».

Завидя въ бездѣйствіи стоящаго шарманщика, отыскивающаго глазами въ окнахъ домовъ любителей музыкальных наслажденій, или просто, отъ нечего дѣлать, дразнящаго собакъ, мелочные торговцы начинаютъ звать его:

— Эй, мусью, полно тебѣ съ собаками разговаривать, всего не переговоришь, комъ-ка лучше сюда.

Шарманщикъ подходитъ.

— Ну-ка, про шпиль намъ что нибудь.

Шарманщикъ начинаетъ наvertывать какую нибудь мелодію.

— Важно! Молодецъ! Ну-ка посмотришь теперь, какъ ты произво-дишь вотъ это, продолжаютъ мелочные торговцы, поясняя непонятнее для савояра слово «вотъ это» дряганьемъ двухъ пальцевъ и вѣиц-кимъ дополнительнымъ словомъ: танцень.

Савояръ начинаетъ плясать.

— Молодецъ! потѣшил! Ну, теперь можешь идти себѣ, куда хо-чешь.

Шарманщикъ снимаетъ шапку и начинаетъ кланяться.

— Что, денегъ что ли нужно? дѣлаютъ ему вопросъ слушатели.

Шарманщикъ начинаетъ издавать тихое мычанье и вторично протягиваетъ картузъ.

— Такъ тебѣ непременно нужно заплатить? спрашиваютъ его слушатели.

Шарманщикъ утвердительно киваетъ головой.

— Гуть! Изволь, ахъ ты нищій этакой! говорятъ слушатели и кидаютъ въ картузъ шарманщика что то въ родѣ гроша.

— Видѣлъ? гонухъ, что ли?

Шарманщикъ улыбается, и идетъ себѣ дальше.

Савояры носящіе свинокъ, несмотря на постоянный ихъ протяжный возгласъ: «*Же ву при энъ пети шу, нуръ монъ кошонъ де меръ, мушье*;» чаще прочихъ савояровъ подвергаются вѣроятности не получить не только чего нибудь, но даже простаго «спасибо», за открываемую ими предъ всякимъ прохожимъ клѣтку. Зрителями этихъ савояровъ большею частью бываютъ уличные мальчишки и рабочій классъ, предпочитающій обыкновеннымъ скруткамъ костюмъ азіатскій—затрапезные халаты.

— Радуге eschon de шег, вкратъ савояръ, завидя ромесвенни-
вость, выходящия изъ заведенія, открывая коробку.

— Что у тебя тамъ такое, мусье? спрашивать зрители.

— Eschon de шег, monsieur! повторять, съ поминкомъ, савояръ.

— Врешь, какъ ты своего звѣря ни именуешь, а онъ все будетъ, по
нашему, престава крыса. Охота же тебѣ, мусью, съ такою дразью нан-
чаться; отдалъ бы ты ее лучше мнѣ, да принялся бы по нашему,
ишь строчить да сапоги точать, большае бѣ барыня добытъ. Развѣ
только она особенныя какія вѣбудъ заслуги оказываетъ: танцуетъ, что
ли, она?

Савояръ отрицательно качаетъ головой.

— Ну, вотъ и выходитъ, что ты дуракъ, даромъ ты человекъ за-
морскій. А что, крыса твоя кусается или нѣтъ? можно же хвостъ по-
дергать?

И не ожидая позволенія, зрители приступаютъ къ опыту. Свинка на-
чинать пищать и барахтаться, что доставляетъ не малое удовольствіе
любопытствующимъ.

— Важно! замѣчаютъ они: видишь, какъ она у тебя нѣсми поестъ. А
что, мусье, она у тебя все кушаетъ или съ разборомъ, вотъ, напримѣ-
ръ, леденчикъ можно ей предложить?

Савояръ показываетъ знаками, что его свинка чужда лакомства.

— Важно! замѣчаютъ любопытствующіе, похвально, мусье, что она
у тебя такого степеннаго поведенія. Ну, спасибо, тѣмъ твою штуку
дальше, гуть моргеть, мусью, доказываютъ зрители, помучивъ и пощи-
павъ порядочно свинку и укладывая ее въ сѣно.

Савояръ стариваетъ ротъ, чтобъ просить обыкновеннаго вспоможе-
ствованія для своей свинки, но, вмѣсто словъ, изъ губъ его вырывается
также визгъ. Обозрѣвая его смѣшную, засяленную фигуру, одному изъ
зрителей пришла охота полюбозытствовать, какого рода пискъ можетъ
издавать самъ савояръ, и онъ, изъ любезительности, не принявъ
ушипнуть и его. Визгъ савояра приводитъ въ самое веселое распо-
ложеніе его зрителей.

— А, братецъ, замѣчаютъ они: такъ ты, стало быть, можешь сво-
ему звѣрю подтягивать; отчего же ты не подтягиваешь? большія бы
деньги, шиво, браво, а то нѣтъ чай только прохричиваешься...
Un petit chou, роуг мон eschon de шег, мон вон мочіонг, начинаетъ
просить неслобивый савояръ, мочесмыва ешну.

Щедрые всѣхъ къ кошатамъ морскихъ свинкокъ оказываются ле-
бизавки, торгующія мукой, крупою и овсомъ. Несмотря даже на затвор-
ницъ, лобазики говорятъ мальчикѣ, показывая ему на карманъ:

— Ну-ка, отвори твой закрокъ.

Савояръ растопыриваетъ карманъ и получаетъ горсть муки или овса. Изъ благодарности, онъ хочетъ открыть ящикъ и показать свое маленькое животное; лобазинни, повертывая его лицомъ къ выходу, спѣшатъ зайти:

— Съ Богомъ, съ Богомъ, не трудись, видали эти виды; своихъ такъ итукъ въ лобазѣ довольно, хоть сотню сами тебѣ покажемъ. Прими безъ показу.

Въ этомъ отношеніи, морскія свинки бывають счастливѣе обезьянъ, которымъ иногда приходится долго голодать. На пояснительный жестъ савояра, что обезьяна его ни къ овсу, ни къ мукѣ никакого раскормленія не знаетъ, щедрые податели замѣчаютъ съ насмѣшкою:

— Вишь какая авантажная! того не жреть, другаго не лопаетъ, етъ третьяго тошне. Такъ ты бы ей лучше нанялъ мраморныя палаты, сама къ ней къ кухмистеру или въ камердымы пошелъ. Прощай, нуся.

И часто маленькій савояръ, голодный, утомленный, возвращается позднимъ вечеромъ въ свой душный сырой подвалъ, вѣщающій изъ десяти, къ такимъ же, какъ и онъ, голоднымъ товарищамъ, не имѣя ни одного сочувствующаго сердца, къ которому бы можно было прилепиться ему, чтобы сложить хоть малую часть тяжелой, гнетущей его тоски, кромѣ хрюкающихъ свинокъ, да такихъ же, какъ и онъ, прозябательно кричащихъ обезьянъ. Свернувшись на засаженномъ войлокѣ, клубкомъ, какъ котата, и желая хоть крѣпкимъ сномъ прогнать немного докучливый аппетитъ, савояры засыпають, сжавъ въ усталыхъ рукахъ свою единственную надежду, единственное утѣшеніе и единственное средство къ существованію—своихъ обезьянъ.

И иногда чудныя грезы, замѣняющія безнадежную существованность, какъ единственный даръ счастья за его непривѣтливость къ савоярамъ, носятся надъ усталою головою мальчика-савояра. Среди душевной, сырой атмосферы его ночлега, вдругъ засверкаетъ предъ нимъ своимъ вѣчнымъ свѣгомъ Мюнбланъ, начнетъ разбѣгаться у подошвы его долина Шамуви, и зашумитъ знакомыми струями тихая рѣчка. Ему видится небо его Саои; къ сѣрымъ облакамъ, тонкою, голубоватой струей подымается дымъ изъ родной трубы, поконившейся на бокъ хижины. Тошная собака радостнымъ лаемъ привѣтствуетъ возвратившагося странника. Съдая старушка-мать, окруженная полунагими ребятишками, одною рукою крѣпко и жадно жметъ пришельца къ груди своей, а другою, еще жаднѣе, ищетъ въ карманѣ его заработаннаго имъ на чужбинѣ золота. И вотъ оно уже сверкаетъ на ея ладони! Вотъ уже запылалъ давно нетопле-

ный очагъ; запахъ мяса и сытныхъ кушаній достигаетъ до обоянія проголодавшагося путешественника; эти кушанья уже на столѣ, уже приятно щекотать его гортань. Веселая пѣсня довольства и счастья льется трелями изъ его гармоническаго гортана, громко вторятъ ей родныя, высокія горы, и небо принимаетъ ихъ въ свое голубое пространство. И вотъ савояру хочется пить; жажда пресыщенія томить его; онъ быстро протягиваетъ руку—но она хватаетъ отнюдь не желанную чашу. Слухъ полупробужденнаго поражается жалобнымъ пискомъ. Пятерней онъ придавилъ только обезьяну или морскую свинку! Не страшнѣе еще съ себя порядочно чарующаго обоянія грезъ, савояръ хочетъ снова забыться, но уже нѣтъ времени. Въ тусклое окно уже брежетъ сѣрый, мокрый день; сожители его уже нарядились въ свои лохмотья и ему самому пора собираться въ дорогу за хлѣбомъ себѣ и своему животному. Савояръ грустно почесываетъ голову и спѣшитъ въ обычное путешествіе на неопредѣленную удачу, ищетъ для благополучія своего желудка и кошелька въ перспективѣ цѣлый Петербургъ и всѣ его окрестности.

Савояры никогда не бываютъ грустны: они уже свыклись съ своимъ бытомъ, и другое какое нибудь занятіе—мѣсто слуги, легкая работа въ теплыхъ комнатахъ, скоро могутъ имъ наскучить; жизнь кочующая привлекательнѣе для нихъ жизни осѣдой и обезпеченной, даже и тогда, когда они лишатся возможности прогуливаться по улицамъ съ обезьяною или морскою свинкой. Постигнутый великимъ савоярскимъ горемъ—смертью своихъ животныхъ, савояръ не изберетъ себѣ другаго ремесла; онъ будетъ ходить съ пустою коробкою и жалобно просить пособія, пока не будетъ въ состояніи купить новую. Жизнь савояровъ дѣлается тогда очень трудна, а между тѣмъ, несмотря на всѣ лишенія, савояры никогда не задумаютъ упражняться въ попыткахъ осматривать незамѣтно какіе кто привыкъ носить въ своемъ карманѣ платки.

В. ТОЛКІНЪ.

ТРЕХТЪСЯЧНЫЙ ПЪНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ.

(Статья первая.)

Со времени Гарсилассо-де-ла-Веги, знаменитаго историка Инковъ и завоеванія Перу, повѣствовавшаго, что «на югѣ Нового Свѣта существуетъ, по перуанскимъ преданіямъ, земля, населенная великанами» Патагонія оставалась страной неизвѣстною. По словамъ этого же писателя, Магелланъ *собственными глазами* видѣлъ, въ 1519 году, многихъ изъ этихъ великановъ, имѣвшихъ до шести съ половиною локтей роста; одинъ изъ нихъ былъ даже до того высокъ, что матросы экипажа едва доставали ему до пояса. Кевендичъ (Cavendish), przepлывавшій Магелланскій проливъ въ 1592 году, видѣлъ, если только вѣрять его разсказу, на западномъ берегу трупы двухъ патагонцевъ, длиною до четырнадцати локтей. Имѣвши случай замѣтить слѣдъ тоже одного туземца, сохранившійся на песку, онъ нашелъ, что длин. его превосходила вчетверо длину его собственной ступни. Капитанъ Кингъ, авторъ сочиненія: *Географическія замѣтки о западной оконечности Южной Америки, Огненной Земли и Магелланскаго пролива*, увѣряетъ, что руки и ноги патагонцевъ, сравнительно съ пропорціями тѣла, очень малы. О ростѣ патагонцевъ капитанъ Кингъ говоритъ то же самое, и по его словамъ, ростъ этотъ еще изумительнѣе тогда, когда туземцы сидятъ или ѣдутъ верхомъ, потому что верхняя часть ихъ туловища очень длинна и сравнительно непропорціональна съ короткими ногами. Слова Кинга подтверждаетъ и капитанъ Борнъ (Bourne) заглавіемъ своего интереснаго разсказа о пребываніи въ Патагоніи «Пѣнъ у великановъ».

Капитанъ Борнъ, офицеръ одного купеческаго судна (shoper), не принадлежитъ къ числу путешествующихъ съ ученою цѣлью; онъ, какъ многіе другіе, ѣхалъ въ Калифорнію искать счастья. Повѣствованіе его о жизни патагонцевъ имѣетъ, разумѣется, очень много сходства съ нравами и обычаями другихъ туземныхъ племенъ западной Америки, но онъ дополняетъ свои картины многими новыми извѣстіями, которыя тѣмъ интереснѣе, что касаются страны, куда до сихъ поръ никто еще не проникалъ и е которой никто ничего не знаетъ. До 1850 года не было сдѣлано даже ни малѣйшей попытки распространить между патагонцами благотворный свѣтъ Евангелія, несмотря на пламенное рвеніе и неустрашимость миссіонеровъ, первоначальныхъ испанскихъ завоевателей и ихъ послѣдователей. Въ выше сказанномъ только году составилось въ Бристолѣ общество патагонской миссіи, основанное методистами съ цѣлью озарить эти варварскія, дикія, кочующія племена истинами христіанской религіи. Снявшись, въ сентябрѣ 1850 года, съ якоря въ Ливерпулѣ, миссія благополучно вышла на берегъ у мѣста своего назначенія, простоявъ съ кораблемъ, плившимъ въ Калифорнію. Съ того времени до 1851 года, не было никакого извѣстія объ участи миссіонеровъ, покуда капитанъ Муршедъ (Moogshed), командующій королевскимъ англійскимъ кораблемъ Дидоной, отправленный для розысковъ, не привезъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ, что они все погибли отъ холода, голода и болѣзней; одинъ изъ нихъ, пережившій прочихъ до самаго послѣдняго страшнаго и торжественнаго часа, велъ журналъ ихъ долговременныхъ и жестокихъ страданій. Вотъ что пишетъ капитанъ Борнъ о своемъ пребываніи въ Патагоніи.

I.

Жажда къ золоту не превратилась еще въ общую эпидемическую болѣзнь, какою она явилась осенью и зимою 1848 года, когда общество двадцати-пяти искателей приключеній, отправлявшееся въ Калифорнію, отплыло изъ Нью-бедфордскаго порта на суднѣ John Alluwe, находившемся подъ командою Брунеля и старшаго по немъ Борна. Судно это, по легкости своего хода и удобству плаванія на немъ, въ рѣкахъ, было нарочно набрано для такого дальнаго пути и, несмотря на свое достоинство, было какъ-то счастливо тѣмъ, что, несмотря на общее стремленіе и жадность добывать золотую руду, при которыхъ трудно выбирать цѣлое общество приличныхъ пассажировъ, вмѣстѣ днѣ путе-

мѣстѣнниковъ, непредвѣщавшихъ никакихъ сильныхъ несогласій и не обузданныхъ привычекъ и требованій. Мы подняли паруса съ самыми блестящими надеждами, съ мечтами, въ которыхъ только и сверкало одно золото. Для избѣжанія остановокъ и опасностей, случающихся при обходѣ мыса Горна, было условлено попытаться пройти Магелланскій проливъ.

Судно наше отплыло изъ порта тринадцатаго февраля и въ продолженіе довольно долгаго времени всѣ были очень довольны путемъ, исключая, разумеется, его однообразія, когда вдругъ у корабля нашего оказались кое-какіе недостатки въ его устройствѣ. Самые нетерпѣливые, не обращая на это никакого вниманія, требовали, чтобъ продолжали плаваніе, но большинство голосовъ рѣшило зайти въ первую ближнюю гавань и исправить то, что было необходимо. Мы своротили поэтому къ Фернамбуку и бросили якорь на вѣтшнемъ рейдѣ 25 марта. Красота и безопасность фернамбукскаго рейда замѣчательны. Онъ защищенъ отъ напора волнъ почти перпендикулярнымъ утесомъ, закрывающимъ на три четверти пространство у его входа и несѣсняющимъ, между тѣмъ, нѣсколько плаванія кораблей, имѣющихъ тамъ превосходную якорную стоянку. Отдаленный только на восемь градусовъ отъ экватора, Фернамбукъ согрѣвается лучами тропическаго солнца и походить на бѣольшую часть испанскихъ и португальскихъ городовъ, наполненныхъ высокими и массивными зданіями, имѣющими болѣе наружность замковъ, чѣмъ коммерческихъ конторъ и обыкновенныхъ жилищъ. Улицы его узки, неправильны и наполнены людьми и животными всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ формъ. Поселяне гонятъ по нимъ передъ собой своихъ мустанговъ (mustangs), муловъ и ословъ, навьюченныхъ разными продуктами; богатые и благородные прогуливаются, лежа въ своихъ палаткахъ, между которыми мелькаютъ женщины, несущія въ маленькихъ боченкахъ, ведрахъ и кружкахъ, на головѣ своей воду, не прибѣгая нѣсколько къ помощи рукъ для поддержанія равновѣсія полныхъ сосудовъ. Женщины эти идутъ такъ же смѣло, такъ же развязно и скоро, какъ могутъ ходить только юнги. Это общее движеніе, разнообразіе лицъ, постоянный шумъ и говоръ придавали какую-то особенную прелесть нашимъ поѣздкамъ на берегъ. Многочисленныя фернамбукскія церкви не имѣютъ ничего замѣчательнаго въ своей наружности, что бы могло остановить на себѣ взглядъ, и только одно внутреннее богатство ихъ украшеній свидѣтельствуетъ, что благочестіе, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, не шадило ничего, ни излишняго, ни даже необходимаго, чтобы споспѣшествовать церковному благоустройству.

Мы оставались въ Фернамбукѣ очень недолго, и потому я не рѣ-

шаюсь пускаться въ исчисленіе его достопримѣчательностей. Запасшись всѣмъ нужнымъ, мы снова вышли въ море и до нашего прибытія къ проливу съ нами не случилось ничего достойнаго замѣчанія. Мы встрѣтились только съ однимъ или съ двумя кораблями. 30 апрѣля судно наше обогнуло мысъ Богородицы и направило рейсъ къ Магелланскому проливу. Вмѣстѣ съ нами, по одному пути и для одинаковой цѣли, плыли съ того времени два судна: Геба, изъ Балтимора, и Гагеръ, изъ Нью-Йорка. Воспользовавшись безвѣтріемъ, остановившимъ насъ на нѣсколько часовъ предъ входомъ въ проливъ, капитанъ Брунелъ разрешилъ побывать на палубѣ Гебы. Онъ возвратился предъ наступленіемъ ночи, и мы, напутствуемые свѣжимъ западнымъ вѣтромъ, успѣли войти въ Магелланскій проливъ. Гагеръ, какъ корабль болѣе опытный въ путешествіяхъ по этимъ морямъ, шелъ впереди. Около полуночи, пройдя миль двѣнадцать отъ перваго мѣста остановки, оба корабля бросили якорь.

На слѣдующее утро былъ совершенный штиль. Нѣкоторые изъ людей нашего экипажа, взяли маленькую шлюбку и отправились охотиться на берегъ. Они возвратились вскорѣ послѣ полудня, со множествомъ убитыхъ морскихъ птицъ. Черезъ нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, капитанъ Брунелъ также выразилъ желаніе выйти на землю и приказалъ сдѣлать кое-какія приготовленія, какъ вдругъ переѣмнилъ намѣреніе и попросилъ меня занять его мѣсто, чтобы зацѣпиться какими нибудь свѣжими припасами, если представится возможность. Зная, по рассказамъ китоловозовъ и другихъ мореплавателей о звѣрской природѣ туземцевъ, я не безъ отвращенія согласился исполнить просьбу капитана, и съ четырьмя человекѣми, снабженными ружьями и большимъ мѣшкомъ съ хлѣбомъ и табакомъ, отчалилъ отъ судна къ берегу. Едва только мы къ нему приблизились, какъ толпа великановъ бросилась къ водѣ и начала насъ осматривать. Наружность и видъ ихъ нисколько не говорили въ ихъ пользу, и мы долго оставались, не смѣя пошевелить веслами. Дурные слухи о патагонцахъ не внушали намъ никакого желанія свести съ ними болѣе короткое знакомство.

Наконецъ я рѣшился издали окликать ихъ по испански и спросилъ: нѣтъ ли у нихъ яицъ, живности и мяса? Мнѣ отвѣчали тоже и гораздо лучше моего испанскимъ языкомъ, что все требуемое находится въ ихъ жилищахъ. Тогда я просилъ принести запасы къ берегу, замѣтивъ, что въ обмѣнъ ихъ у насъ есть съ собою хлѣбъ и табакъ. Покуда челнокъ нашъ окончательно не вѣрзался въ землю, на переговоры истрачено было много времени. Чтобы предупредить попытку патагонцевъ украсть что нибудь, я сталъ у руля съ ружьемъ въ рукѣ,

приказывая моимъ спутникамъ не выходить изъ челнока; но, несмотря на мои приказанія, они не могли удержаться, чтобъ не соскочить на землю, обѣщаясь только не удалиться.

Индійцы продали мнѣ нѣсколько кожъ, за которыя я заплатилъ имъ хлебомъ; и въ то время, когда мое вниманіе было развлечено этимъ мѣновымъ торгомъ, они уговорили моихъ товарищей углубиться съ ними подалѣе отъ берега. Когда я осмотрѣлся потомъ кругомъ, со мною остался только одинъ человекъ, котораго я тотчасъ же послалъ въ погоню за прочими, приказавъ ему вернуть ихъ немедленно. Приливъ въ этомъ мѣстѣ материка возвышается и понижается на сорокъ-два фута. Челнокъ мой быстро врѣзывался все болѣе и болѣе въ песокъ, и такъ-какъ онъ былъ широкъ и тяжело нагруженъ, то мнѣ не было никакой возможности сдвинуть его съ мѣста на большую глубину. Во время моихъ безуспѣшныхъ попытокъ, одинъ изъ старшинъ и многіе другіе патгонцы уже успѣли влѣзть въ него. Я очень хорошо понималъ, что было неблагоприятно и неловко стараться выпроводить этихъ незваныхъ гостей, тѣмъ болѣе, что ихъ число никакъ не допускало даже мысли прибѣгнуть къ пособію силы. Однимъ словомъ: я находился совершенно въ ихъ власти, и тотчасъ же понялъ всю затруднительность и опасность моего положенія. Люди мои ушли Богъ знаетъ куда; глубоко завязнувшій челнокъ былъ наполненъ дикарями, между тѣмъ, какъ болѣе тысячи другихъ черныхъ великановъ наполняли берегъ. Судьбу, ожидавшую меня среди этихъ существъ, о которыхъ я слышала столько ужаснаго, можно было очень хорошо предвидѣть. Чтѣ оставалось мнѣ дѣлать? вопросъ, легче предлагаемый, чѣмъ разрѣшаемый, вертѣлся въ умѣ моемъ!

Послѣ безконечнаго ожиданія (и могло ли оно не казаться мнѣ такимъ среди обстоятельствъ, обращающихъ въ вѣка самыя краткія минуты), одинъ изъ моихъ людей возвратился къ берегу съ просьбою, позволить ему побывать въ туземной деревнѣ, находящейся, по его словамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, въ которой обѣщали снабдить ихъ съ избыткомъ мясомъ, яйцами и молокомъ. Я рѣшительно не согласился; но, несмотря на приказаніе—тотчасъ же войти въ челнокъ, онъ упорствовалъ въ своемъ требованіи и снова убѣдительно началъ упрашивать согласиться на общее ихъ желаніе; оно показалось мнѣ такъ неблагоприятно и опасно, что я настойчиво повторилъ разъ уже мною приказанное. Тогда матросъ, отозвавшись, что онъ успѣшитъ увѣдомить о моемъ отказѣ своихъ товарищей и не замедлитъ вернуться съ ними, снова удалился. Незвѣстно, какая причина могла задержать всѣхъ ихъ, только остальные нѣсколько не смѣли мнѣ повиноваться. Соскучившись ждать

ихъ и безнокосыхъ въ то же время о ихъ участи, я выпросилъ у одного патагонца его лошадей и поскакалъ по слѣдамъ бѣглецовъ. Въ пылу моего преслѣдованія, я перегналъ тѣхъ, кого отыскивалъ; и когда рѣшился повернуть назадъ, упрямыи конь мой былъ противоположнаго намѣренія. Во время нашихъ обоюдныхъ усилій, удерживавшихъ насъ на одномъ мѣстѣ, я увидѣлъ моихъ спутниковъ, приближавшихся ко мнѣ тоже верхомъ позади толпы патагонцевъ. Напрасно я упрямивалъ ихъ возвратиться на корабль: искушеніе имѣть обѣщанное мясо, янча и молоко и тонкая хитрость черныхъ ихъ путеводителей, усыпавши въ моихъ товарищахъ самую обыкновенную осторожность. Переговоривъ ввечерѣю съ каждымъ изъ нихъ и объяснивъ имъ всѣ подозрѣнія, возбужденныя обстоятельствами, я снова возвысалъ голосъ и повторилъ приказаніе вернуться къ берегу. По всему было видно, что патагонцы обманули насъ. По словамъ ихъ, деревня должна была находиться въ самомъ маленькомъ разстояніи отъ мѣста нашей высадки, а между тѣмъ мы уже преѣзжали почти съ милею и не замѣчали даже слѣдовъ какого нибудь жилья.

Рѣшившись вернуться къ челноку безъ нихъ, я обернулъ лошадь къ берегу; тутъ только свала личина, надѣтая дикарями. Патагонцы схватили за узда и не позволили мнѣ двинуться съ мѣста. Всѣ мы сошли съ лошадей. Не знаю, что думали въ ту минуту мои товарищи; но я не перемѣнилъ намѣренія и хотѣлъ вѣшкомъ пуститься въ обратный путь; но прежде чѣмъ успѣлъ я приблизиться къ одному изъ четырехъ рѣшившихся за мною слѣдовать, какъ патагонцы выхватили у него изъ рукъ ружье. Условившись помогать другъ другу въ нашемъ отступленіи, мы ускорили шаги, но не успѣли ихъ сдѣлать и сотню, какъ замѣтили, что надѣнды тоже рѣшились за нами слѣдовать. Верхомъ на лошадяхъ, они скоро обогнали насъ и, остановившись, преградили дорогу; но бросаясь изъ стороны въ сторону и смѣло отворачивая морды ихъ лошадей, мы все таки продолжали быстро подаваться впередъ. Усиленные движенія патагонцевъ показали намъ наконецъ, что рѣшительная минута настала. Я выхватилъ пистолеты (со мною была только одна одноствольная пара), но не успѣлъ еще ни одного нориядно зарядить, какъ съ полдюжины этихъ великановъ бросились на меня сзади. Одинъ изъ нихъ ухватился за стволъ пистолета; я прицѣлился ему въ голову и спустилъ курокъ—благодаря Бога онъ осыпса! Выстрѣлъ непремѣнно положилъ бы патагонца на мѣстѣ и, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ту же бы минуту остальные отмстили бы на мнѣ и на моихъ спутникахъ смерть своего товарища. Это нѣтъ легко понять и говорить объ этомъ теперь, но тогда, въ первую ми-

ниту, увлекаясь борьбою за свою свободу, опасаясь даже за самую жизнь, которую считала обязанностью защищать против такнах дикарей и против такой опасности, я рассуждал совершенно иначе.

Ко мнѣ подошелъ тогда одинъ пожилой старшина, схватилъ меня съ силою за руку и сказалъ:

— Usted no bono! usted hab la varmano por me casa muho, mala hombre сыгганае. Muho montaro hombre!

Этимъ образчикомъ своей испанской галиматии онъ хотѣлъ мнѣ объяснить, что, обѣщавшись идти въ ихъ хижины и теперь отказываясь, мы стали въ ихъ мнѣніи ничто иное, какъ люди злые и ложные. Его густое и гортанное произношеніе еще болѣе дѣлало рѣчь его непонятной; но всякая критика была въ ту минуту тѣмъ неумѣстнѣе, что сильныя выразительныя движенія, сопровождавшія каждое слово, достаточно должны были помогать и моему слуху, и моему пониманію. Я спѣшилъ отвѣчать ему, что если онъ прикажетъ своимъ подчиненнымъ удержаться отъ всякихъ насилій противъ нашей личности, мы готовы слѣдовать за нимъ, куда ему будетъ угодно. А между тѣмъ патагонцы схватились уже за ножи, и только ожидали, кажется, знака, чтобы употребить ихъ въ дѣло. Старшина замѣтилъ это непріязненное и гибельное для насъ движеніе.

— Еще успѣемъ! проговорилъ онъ.

Я понялъ, что ему хотѣлось сперва получить рому и табаку за нашъ выкупъ, и потомъ уже окончить съ нами.

Въ промежуткѣ этихъ переговоровъ, одинъ изъ моихъ корабельныхъ спутниковъ, ближайшій ко мнѣ, замѣтилъ въ рукахъ у одного изъ патагонцевъ, стоявшаго недалеко отъ того мѣста, гдѣ я продолжалъ сопротивляться, ружье свое. Онъ неожиданно бросился на похитителя и болѣе, разумѣется, ловкостью чѣмъ силой (потому что противникъ его, какъ и все окружавшіе насъ патагонцы, были самыхъ огромныхъ размѣровъ) успѣлъ высвободить свое оружіе. Отскочивъ потомъ быстро въ сторону и взведя курокъ, онъ громко совѣтовалъ мнѣ, обрадованный своею удачею, послѣдовать его примѣру и попытаться подобнаго же счастья. Я только могъ взглядомъ одобрить совѣтъ его; такое предложеніе было для меня рѣшительно неудобосполнимо въ настоящую минуту и я никакъ не могъ имъ воспользоваться. Однимъ изъ патагонцевъ уже схватилъ меня тогда за руки и за ноги, другіе обхватили меня по срединѣ тѣла, между тѣмъ, какъ прочіе принялись выворачивать и свѣдѣтельствовать мои карманы. Совѣтовавшій мнѣ матросъ также жестоко ошлібся, полагая, что онъ успѣлъ оградить свою независимость отъ всякаго посягательства на нее. Не прошло еще и минуты, не успѣлъ онъ

порядочно уложить ружье на плечо, какъ очутившіеся вокругъ него, въ нѣсколько скачковъ, индѣйцы снова отняли у него драгоценную защиту его свободы.

Во все это время старшій начальникъ патагонцевъ не переставалъ жать мнѣ руку съ такою силою, какъ-будто держалъ ее въ тискахъ, удерживая, впрочемъ, своихъ подчиненныхъ отъ другихъ насилій, сильнымъ потряхиваніемъ полуобнаженнаго мѣднаго ножа. Замѣчая въ немъ изъ этого движенія какое то расположеніе къ поступкамъ умѣреннымъ и несовершеннѣйшимъ кроваваго, я принялся все болѣе и болѣе увеличивать выкупъ за свою свободу и жизнь, обѣщая старику въ избыткѣ рому, табуку, хлѣба, мѣдныхъ и стеклянныхъ вещицъ, если только онъ согласится отпустить насъ и дозволить вернуться на челнокъ.

Успѣвъ наконецъ своими угрозами удалить отъ насъ на нѣкоторое разстояніе прочихъ черныхъ хищниковъ, старшина, кажется, уже рѣшился принять мои заманчивыя предложенія, потому-что вскочилъ съ живостью на лошадь и приказалъ мнѣ помѣститься сзади его, на хребтѣ. Я не заставилъ его повторять два раза такое приказаніе, и почитая себя уже на большой дорогѣ къ свободѣ, съ легкостью и дѣлкостью юнга, утѣлся за патагонскимъ предводителемъ. А между-тѣмъ, несмотря на его, быть можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ первоначальное, доброе намѣреніе, политика его скоро измѣнилась. Къ намъ подскакалъ одинъ, изъ самыхъ безобразныхъ и рѣшительныхъ съ виду патагонцевъ, и, къ невыразимому моему ужасу, началъ совѣтовать не отпускать насъ. По его мнѣнію, я былъ капитаномъ корабля, и онъ утверждалъ, что, дозволить мнѣ возвратиться обратно на корабль, они ни за что уже не получатъ ни рому, ни табуку. Пораженный такимъ замѣчаніемъ, старшій приостановился и слѣзъ съ лошади, приказавъ сойти и мнѣ. Старшій патаговецъ повелъ потомъ своего коня на вершину одного пригорка, куда и я долженъ былъ за нимъ слѣдовать по данному мнѣ знаку. Тамъ онъ остановился, приказавъ мнѣ сѣсть на землю и дожидаться его возвращенія. Я слѣзъ, и взглядъ мой, сіяя самыми пламенными надеждами и туманясь отъ самыхъ сильныхъ сожалѣній, могъ свободно переноситься, не встрѣчая препятствія отъ нашего челнока къ нашему кораблю, стоявшему спокойно на якорѣ. Вскорѣ на вершину пригорка, на который я любовался такими драгоценными для меня предметами, приведены были и прочіе мои товарищи. Имъ также приказано было сѣсть на землю. По исполненіи этого приказанія, открылись съ нашей стороны самыя заманчивыя предложенія. Мы предлагали патагонцамъ столько рому и табуку, что, послѣ продолжительныхъ торговъ и переторжекъ, они наконецъ согласились отпустить трое изъ насъ, оставивъ чет-

вертаго заложничкоу; этотъ четвертый, разумѣется, былъ я. Я старался уговорить которагонибудь изъ моихъ товарищей выступить на мое место, и уже нашелъ одного; онъ былъ почти согласенъ. Я ожилъ духомъ; но когда наступила рѣшительная минута, твердость и мужество его оставили, и онъ прибѣгнулъ ко всему своему краснорѣчію, чтобы выпутаться изъ затруднительнаго положенія и отговориться отъ даннаго имъ слова. Никакія великолѣпныя обѣщанія не могли опровергнуть его убѣжденія въ этой драгоценной истинѣ, что лучше имѣть синицу въ рукахъ, чѣмъ любоваться журавлемъ на небѣ.

Бѣднякъ! Я нисколько не имѣю права жаловаться на него за то, что онъ такъ дорожилъ своею свободою; мнѣ было лишь прискорбно то, что я долженъ былъ находиться въ такомъ ужасномъ положеніи единственно отъ ихъ же общаго упрямства, пренебреженія къ моимъ совѣтамъ и отъ ихъ же непослушанія моимъ приказаніямъ. Впрочемъ, будь я на мѣстѣ отказавшагося, вѣроятно, и я сдѣлалъ бы то же самое и не захотѣлъ ризковать за другаго своею свободою, а, можетъ быть, и даже самою жизнью. Но положимъ, что онъ и согласился бы исполнять мою просьбу, надо было знать, согласился бы патагонцы на такой обмѣнъ, считая меня самою ценною добычей? Итакъ, было рѣшено, что трое возвратятся на корабль, а я останусь принужденною жертвою самоотверженія.

Трое патагонцевъ усадили моихъ товарищей сзади себя на лошадей и вѣхали къ берегу. Нельзя выразить, какое болѣзненное чувство терзало меня, видя ихъ отъѣздъ. При мысли, что я оставленъ на произволъ дикарей, коварство и жестокость которыхъ были мнѣ уже известны по рассказамъ и частью испытаны самимъ, мною овладѣло самое сильное отчаяніе.

Я чувствовалъ, что нахожусь уже внѣ круга моихъ прежнихъ товарищей, и завидовалъ имъ; послѣ я узналъ, что и они испытали лукавство туземцевъ и что патагонцы не желали отпустить ни одного изъ насъ.

Подъѣзжавъ на близкое разстояніе къ челноку, патагонцы остановились и не хотѣли ни сами податься впередъ, ни людямъ моимъ удалиться отъ нихъ; плѣнники освободились только силою, послѣ самой уверной схватки. Одинъ изъ нихъ бросился въ море, другіе вошли въ челнокъ, оттолкнули его пѣспѣшно отъ берега и втащали къ себѣ вышедшаго въ ту минуту, когда онъ уже лишился силъ. Прибывъ на судно, они рассказали о нашемъ приключеніи и моемъ бѣдственномъ положеніи. Всѣ тогда принялись вытаскивать на палубу запасы рому и табаку, нужные для моего выкупа. Предъ наступленіемъ ночи, двѣ лодки,

наполненные требуемыми предметами и снабженные оружіемъ и зарядами, подъѣхали къ патагонскому берегу и вошли въ маленькую бухту.

Замѣтивъ ихъ прибытіе, я просилъ патагонцевъ подвезти меня къ нимъ; но они вмѣсто того, чтобъ согласиться на мою просьбу, приказали мнѣ взойти на вершину одного ближняго пригорка и дали въ руки старую кожу гуанако, чтобъ я, дѣлая ею знаки, звалъ людей нашего судна къ себѣ. Видя что туземцы хотять употребить меня вмѣсто ловушки, чтобъ и другихъ завлечь въ свои сѣти и взять въ плѣнъ, я рѣшительно отказался исполнить ихъ требованіе, объяснивъ патагонцамъ, что мои соотечественники, послѣ вчерашняго приключенія съ нами, ни за что не оставятъ своихъ лодокъ. Чтобъ получить желаемый ромъ и табакъ, патагонцамъ оставалось, следовательно, только одно средство: самого меня вести къ берегу. Послѣ долгихъ разсужденій и не безъ видимаго неудовольствія, они наконецъ рѣшились на такую необходимость. Старшина приказалъ мнѣ сѣсть къ нему на лошадь, измѣнивъ въ этотъ разъ первоначальное мое положеніе: онъ усадилъ меня на грубо-выдѣланный деревянный станокъ сѣдла, а самъ помѣстился на хребетъ и, обвивъ меня своими длинными руками, началъ ногами управлять движеніями лошади. Въ такомъ положеніи подвезенъ былъ я почти къ самому берегу, близъ котораго, на полной водѣ держались наши лодки. Подъѣхавъ какъ можно ближе, чтобъ меня слышали, я началъ кричать матросамъ, чтобъ они ни въ какомъ случаѣ не стрѣляли въ патагонцевъ и отдали имъ все обѣщанное.

Товарищи отвѣчали мнѣ, что они привезли ромъ и табакъ, и спрашивали, что имъ дѣлать съ ихъ грузомъ. Я обратился къ патагонскому старшинѣ, объяснилъ, чѣмъ нагружены были наши лодки и спросилъ, доволенъ ли онъ?

— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ: и когда ромъ и табакъ будутъ на берегу, ты получишь свободу.

Довѣренность моя къ словамъ патагонца, какъ всякій можетъ догадаться, далеко была неполна; но вспомнивъ пословицу: кто ничѣмъ не жертвуетъ, ничего не приобретаетъ, я приказалъ нашимъ людямъ выгрузить ромъ и табакъ на берегъ, что они тотчасъ же и исполнили. Туземцы поспѣшно завладѣли и тѣмъ и другимъ, и я снова началъ требовать, чтобъ меня отпустили. Въ отвѣтъ на это старый разбойникъ замѣтилъ, что рому было недостаточно и что ему нуженъ цѣлый боченокъ. Я настаивалъ, силясь вырваться, но тщетно: онъ держалъ меня поперегъ тѣла; и когда я замѣчалъ ему, что отъ объятій его мнѣ больно, патаговецъ еще сильнѣе сжималъ мою талию. Онъ догадывался, что, при малѣйшемъ ослабленіи его рукъ, я не премину этимъ восполь-

зоваться и буду стараться соединиться какъ нибудь съ своими товарищами, пользуясь близостью воды. Я началъ дѣлать уже самыя усиленныя движенія, какъ вдругъ онъ ударилъ ногами лошадей, какъ бы намереваясь оставить мѣсто разбитна. Это движеніе испугало меня и я, со всюю силою присоединивъ къ ней всю тяжесть своего тѣла, началъ тянуть узлу въ противоположную сторону; но разница между усиліями человѣческими и мощностью лошади, подстрекаемой ударами, была слишкомъ огромна. Я только успѣлъ закричать товарищамъ, чтобъ они возвращались на другой день и ни подь какимъ предлогомъ не оставлять меня во власти дикарей, что они и обѣщали мнѣ торжественно, какъ уже мы помчались назадъ отъ берега.

Патагонецъ быстро скакалъ пять или шесть миль, и мы скоро доѣхали до одной туземной деревни, въ которой старикъ остановился у своего вигана и поручилъ меня надюру одной изъ своихъ женъ. Патагонка приказала мнѣ войти въ хижину и сѣсть на землю. Усѣвшись, я поснѣнно окинулъ кругомъ все жилище любопытнымъ и безпокойнымъ взглядомъ, и мое вниманіе тотчасъ же было привлечено нѣсколькими парами глазъ, сверкавшихъ страннымъ свѣтомъ въ одномъ темномъ углу. Я задумался и не зналъ, человѣческимъ ли существамъ, или дикимъ звѣрямъ принадлежать такія свѣтащіяся глаза; но, всмотрѣвшись внимательно, скоро увидѣлъ, что эти взоры устремляли три женщины—великаниши. Продолжая свой осмотръ, я увидѣлъ въ этой темной хижинѣ еще множество чернокожихъ дѣтей различныхъ лѣтъ и различнаго роста, игравшихъ и ползавшихъ, подь наметомъ, въ совершенно обнаженномъ состояніи. На всё эти открытія я употребилъ довольно долгое время, потому что въ виганѣ было очень темно, а жители ея были чернокожіе.

Вскорѣ послѣ этого вошелъ старшина и началъ разговаривать съ своими женами. Онъ произносилъ слова глухо и гортанно, и я никакъ не могъ постигнуть смысла его разговора, между тѣмъ, какъ мнѣ было очень любопытно хоть догадаться, какъ передавалъ онъ рассказъ о дневныхъ происшествіяхъ, замѣчательныхъ по двойной добычѣ: табачной, ромовой и человѣческой.

Черезъ нѣсколько минутъ, по приходѣ родоначальника этой темной хижины, одна изъ женъ принесла нѣсколько сухихъ вѣтвей и травы; хозяинъ мой вынулъ изъ мѣдной коробки кремьнь, трутъ, кусочекъ стали — и трепещущее пламя быстро освѣтило всю внутренность патагонскаго жилища. При свѣтѣ его, я могъ любоваться образчикомъ патагонской архитектуры, благодаря за это удовольствіе свою судьбу. Хижина была устроена изъ жердей вышиною локтей въ восемь, соединенныхъ между собою на вершинѣ острымъ угломъ, подь которыми утвѣр-

идена была горизонтальная жердь; два ряда жердей, параллельных землѣ, довершали все устройство хижины, покрытой кожей гуанако, сшитыми нитями страусовыми жилами—единственными нитями, употребляемыми патагонцами. Кожи эти, натянуты на жерди, прикреплены къ землѣ маленькими деревянными кольями. Чтобы допустить проветриваніе внѣшняго воздуха, туземные архитекторы протыкають въ кожу нѣсколь- ко отверстій; но всѣ они вполнѣнну прикрыты другими наружными ко- жами, такъ что внѣшній воздухъ и внутренній дымъ, за отсутствіемъ трубы, влетаютъ и вылетаютъ черезъ скважины, какъ только можетъ быть имъ удобнѣе. Впрочемъ, первоначальный мой осмотръ удобства па- тагонской архитектуры былъ очень быстръ, потому что едва благопріят- ный блескъ огня дозволялъ взглядамъ моимъ предаться созерцанію, какъ уже невыносимый дымъ принудилъ меня крѣпко сомкнуть ихъ, и я скоро почувствовалъ, какое мученіе должна была бы испытывать вѣтяща, еслибѣ животное кѣтилосъ живьемъ. Никакой долговременный навыкъ не могъ приучить мои глаза, носъ и лёгкія сносить это неудобство. Очень часто, почти задыхаясь, я принужденъ былъ ложиться ничкомъ на землю и плетно прилегать къ ней лицомъ, потому что всякое дру- гое положеніе было невыносимо и, я полагаю, для меня смертельно.

«Имя рѣчи (сказалъ гдѣ-то Шенепиръ) бываютъ хуже чаднаго дыма; но даже воображеніе поэта не могло бы придумать ничего во- добнаго въ этомъ послѣднемъ отношеніи хуже внутренности патагонской хижины, потому что мѣлки, которыя я испытывалъ, уже не могли найти себѣ никакаго сравненія, а между тѣмъ и старый патаговецъ и его многочисленная семья, казалось, не могли нарадоваться на свое помѣще- ніе. Они бѣготали, ворчали и строили разныя гримасы и ужимки съ та- кимъ самодовольствіемъ, какъ будто дышали самымъ чистымъ и благо- ухающимъ воздухомъ.

Мои размышленія и наблюденія были вскорѣ прерваны приготовле- ніемъ къ обѣду. Одна изъ четырехъ женъ моего хозяина, исполнявшая должность экономки и хозяйки, занялась стряпней столь же простою и первобытною, какъ и хижина, въ которой должно было ее производить. Мое воображеніе невольно начало рисовать мнѣ призраки: быка, домаш- нихъ куръ и ящѣ, общаніемъ которыхъ патагонцы сманили моихъ людей съ чеднока и которыя были причиною моего нѣща; но я напрас- но дожидался ихъ появленія. Если быкъ, куры и ящѣ не могли нахо- диться въ распоряженіи патагонскаго старшины, то въ то время были, вѣроятно, куда нибудь далеко припрятаны.

Старая кодунья сбросила съ одной изъ жердей, поддерживавшихъ хижину, часть какого то животнаго: собаки, гуанако, или какаго другаго—

воображенію предоставлялось полное право воспроизводить всё животныя породы — и приступила къ своей обязанности. Потрясая мощнымъ кулакомъ старый мѣдный ножъ, она начала рубить имъ мясо направо и налево, покуда не искрошила весь кусокъ на части. Взявъ потомъ нѣсколько деревянныхъ палочекъ, заостренныхъ по концамъ, она надѣла на нихъ разрубленные куски, воткнувъ противоположные концы въ землю кругомъ огня, который былъ только довольно силенъ, чтобы окоптить и опалить мясо, но ни сколько не достаточно, чтобы его изжарить.

Но патагонцы дорожатъ, кажется, болѣе временемъ при кухонныхъ операціяхъ и не принимаютъ въ соображеніе послѣдняго обстоятельства. Прожорливому аппетиту ихъ некогда ждать этой степени гастрономическаго совершенства. Черная повариха сняла говядину сырую и, грязными руками разрывая ее на куски еще болѣе мелкіе, начала раздавать присутствующимъ, хватавшимъ свои порціи съ жадностью. Мнѣ также бросили одинъ кусокъ; но что мнѣ было съ нимъ дѣлать? Обѣдъ самаго гастрономическаго и роскошнаго альдермана не прельстилъ бы меня въ подобную минуту и въ подобномъ мѣстѣ! Я не могъ рѣшиться поднести ко рту такое кушанье, между тѣмъ, какъ семейство великана, какъ стая проголодавшихся собакъ, уничтожило все, что доставалось ему на долю, съ самымъ искреннимъ прилежаніемъ. Запустивъ въ эти куски, едва опаленные огнемъ, свои бѣлые зубы, всё выказывали знаки самаго высшаго животнаго наслажденія.

Вдругъ старшина обернулся и, замѣтивъ, какъ мало чести оказываю я его гостепримству и хлебосольству, спросилъ меня ломавымъ испанскимъ языкомъ:

— Por que usted, no munge usted, usted carna? Esta carna muho bueno hombre por munge, se hombre, munge! (Зачѣмъ не ѣшь ты свое мясо? Это мясо очень хорошо, прекрасное кушанье. Ышь, ѣшь!)

Видя, что хозяинъ мой разгорячился и не зная, какія дѣйствія могли послѣдовать за его словами въ случаѣ отказа, я рѣшился исполнить его приглашеніе со всевозможною наружною охотой. Вкусъ этого невѣдомаго мяса показался мнѣ, впрочемъ, не такъ отвратителенъ, какъ его наружный видъ. Таковъ былъ мой первый обѣдъ у патагонскихъ великановъ, однообразный составъ котораго иногда измѣнялся отъ счастливыхъ успѣховъ охоты и травли. По окончаніи обѣда, старуха взяла широкій рогъ, вѣроятно, украшавшій когда-нибудь лобъ испанскаго быка, опустила этотъ рогъ въ кожаный большой мѣхъ и начала передавать изъ рукъ въ руки. Мѣхъ и рогъ были наполнены такимъ нашиткомъ, который, вѣроятно, не принадлежалъ къ тѣмъ первобытнымъ нашивкамъ, какими утоляли свою жажду первые люди; отъ него то-

же вѣяло далеко несвѣжестью. Мнѣ пришлось опять побѣдять свое отвращеніе и пить какъ другіе.

Вернувшись въ свой уголь къ потухающему огоньку, я предался самымъ горестнымъ мыслямъ. Странное и внезапное одиночество, въ которое я былъ ввергнутъ, мало вѣроятностей на успѣхъ и попытку къ побѣгу, страданія, на которыя я былъ осужденъ на неопредѣленное время, неизвѣстность намѣреній туземцевъ противъ моей личности — все это заставляло сжиматься и ныть мое сердце.

Мрачныя мои размышленія были разсѣяны отданнымъ мнѣ приназаніемъ готовиться къ ночному успокоенію. Старая кожа гуанако, брошенная на мокрую землю въ одинъ изъ самыхъ тѣсныхъ угловъ патагонскаго хлѣва, предназначена была служить мнѣ постелью. Я помѣстился на ней какъ только могъ удобнѣе, а вмѣстѣ со мною и все семейство великана, по разнымъ мѣстамъ, подъ одною кровлей, и въ скоромъ времени удушливая атмосфера хижины огласилась разнозвучнымъ и разнотоннымъ храпѣньемъ. Мозгъ мой, волнуемый лихорадочными видѣніями и думами, не позволялъ мнѣ испытать сладости сна на моемъ неожиданномъ новосельи. Въ головѣ моей составлялись, одинъ за другимъ, планы побѣга, пробѣгали разнообразныя виды и средства освобожденія.

— Можно ли мнѣ выйти изъ хижины, не будучи замѣченнымъ? Могу ли я отыскать дорогу къ берегу?

Вотъ главныя вопросы, которые занимали меня въ ту тревожную минуту. Сомнительный отвѣтъ на первый вопросъ былъ еще сомнительнѣе на второй.

— И если мнѣ и удалось бы добраться до берега, найду ли я тамъ челнокъ, на которомъ бы можно было удалиться отъ этой проклятой земли? Какъ мнѣ скрыться, и гдѣ скрыться до того времени, пока мои товарищи пришлютъ за мною лодку? Таковы были вопросы, заданные мною самому себѣ. Патагонцы съ разсвѣтомъ дня, замѣтили бы мое бѣгство и, прежде чѣмъ я могъ бы дать чѣмъ-нибудь замѣтить нашему судну о моемъ присутствіи на берегу, погнались бы за мною на своихъ лошадяхъ съ своими собаками. Ни одной кущи деревцевъ, ни одного кустарника не было мною замѣчено среди той пустыни, по которой увозили меня такъ недавно. Я старался придумать какую-нибудь хитрую уловку, но ни одна не представлялась моему воображенію. Мнѣ только оставалось: или бѣжать просто безъ всякой цѣли, или ничего не дѣлать; а первое казалось мнѣ также невозможно какъ второе. Однакоже, въ моемъ отчаяніи, я рѣшился сдѣлать попытку къ побѣгу.

Прележавъ въ некоторое время неподвижно, прислушиваясь къ храпѣ-

нѣ многочисленныхъ сожителей, чтобы увѣриться, всё ли они засну-ли, я всталъ, воздерживаясь отъ самаго малѣйшаго шума и едва слыш-но, какъ тѣнь, началъ скользить къ выходу вигамъ. Оглянувшись бояз-ливо назадъ, я замѣтилъ, что старый старшина сдѣлалъ легкое движеніе. Онъ или притворялся спящимъ, или какой-нибудь шорохъ раз-будилъ его въ такую критическую для меня минуту. Вернуться тот-часъ же на свою кожаную постель, значило бы выдать себя и открыть принятое намѣреніе, и потому я притворился прогуливающимся очень гладкокровно на открытомъ воздухѣ, и сталъ разсматривать звѣзды, ко-торыя, казалось мнѣ, были не такъ неподвижны и не такъ устремлены на землю, какъ проклятые глаза моего хозяина, устремленные на меня. Я почелъ самымъ благоразумнымъ, по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, вернуться въ мой уголъ и снова лечь на гуанакую кожу. Я замѣ-тилъ стараго патагонца на прежнемъ мѣстѣ; онъ храпѣлъ очень при-лежно какъ-будто ничто не возмущало его сновидній. Въ продолженіе двухъ долгихъ часовъ потомъ я думалъ и передумывалъ о новомъ способѣ бѣгства и старался разрѣшить неразрѣшимую задачу. На-конецъ, когда мнѣ показалось, что всё заснули уже непритворно, я рѣшился на вторичную попытку: выползъ изъ хижины и спѣшилъ пре-жде всего спрятаться въ траву. Обманывался ли я? Нѣтъ! Бдительная па-ра глазъ слѣдила опять за каждымъ моимъ движеніемъ! Не было ни-какой возможности скрыться отъ бдительнаго присмотра ея двухъ туск-лыхъ огоньковъ. Въ ту же минуту мнѣ послышались какъ-будто за-ыванья сотни волковъ и почти такое же количество собакъ бросилось, вслѣдъ за ними, мнѣ подъ ноги наперерывъ одна передъ другою: Бро-сившись обратно въ вигамъ со всею возможною мнѣ скоростью я спот-кнулся на длинную и толстую палку. Само Провидѣніе послало мнѣ это оборонительное оружіе; я схватилъ его и, размахивая кругомъ, на-чалъ расточать удары тѣмъ изъ собакъ, которыя были заносчивѣе и приближались на разстояніи моего жезла. По возвращеніи моемъ на прежнее мѣсто, старый Парозильверъ (такъ назывался старшина) ле-жалъ попрежнему, растанувшись на самой срединѣ хижины, среди своихъ женъ и многочисленнаго поколѣнія, и спалъ повидимому са-мымъ крѣпкимъ и безтревожнымъ сномъ.

Аргусовы глаза и коварство стараго патагонца, несчастный резуль-татъ моей вторичной попытки и неопредѣленность новой, которую долж-но начинать мнѣ на слѣдующую ночь, въ ожиданіи свободы посредствомъ вторичнаго выкупа, перевернули вверхъ дномъ всё мои надежды, мы-сли и соображенія. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ; я испытывалъ не-многими нравственными мученія; но, впрочемъ, къ утру мнѣ посчастли-

вилось впасть въ забытiе, полное самыми тревожными, горячечными грѣзами. Мнѣ казалось, что я былъ вдали отъ хижины дикаря, на палубѣ нашего судна, которое несло къ какой-то опасной безднѣ на полныхъ парусахъ, надуваемыхъ сильнымъ вѣтромъ. Никто изъ экипажа не предчувствовалъ, казалось, опасности; одинъ я ее только видѣлъ и вполнѣ понималъ; между тѣмъ, подъ влiанiемъ какаго-то шамара, губы мои не могли произнести ни одного звука, и ни одинъ изъ моихъ членовъ не былъ въ состоянiи сдѣлать даже малѣйшее движенiе, которымъ бы можно было мнѣ предупредить экипажъ о предстоящей ему участи. Я оставался прикованнымъ невидимой силой къ мѣсту, знатому мною на палубѣ въ нѣкомъ мученiи, тогда какъ корабль все ближе и ближе подвигался на встрѣчу роковой гибели. Нѣкоторые изъ матросовъ опрокинуты были силою порыва, другiе, сброшенные въ пѣнящiяся волны, боролись уже съ смертiю, наврасно стараясь ухватиться за осколки мачтъ и другихъ частей разбитаго корабля. Въ минуту самаго ужаснаго безпорядка и всеобщаго отчаянiя, когда надежда отклонить послѣднiи усилiями страшную рѣзвизку, превращается въ бессмысленное спокойствiе безнадежности, я вздрогнулъ, открылъ глаза и не могъ нѣкоторое время понять и сообразить, гдѣ я и какимъ образомъ очутился въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Будучи поглощенъ дѣйствительно пучиной, неужели я былъ выброшенъ ею на твердую землю? Я провелъ рукою по глазамъ, чтобъ увѣриться, не заслоняетъ ли что мое зрѣнiе и осмотрѣлся направо и налево. Знакомый уже видъ хижины, пещель вчерашняго камелька, старый патагонецъ и его странная семья, дверь, чрезъ которую онъ слѣдилъ за мною своимъ рысьимъ взглядомъ и до которой съ такимъ ожесточенiемъ преслѣдовала меня бѣшеная стая собакъ, убѣдили меня какъ нельзя болѣе въ существенности того положенiя, которое бы я почти охотно промѣнялъ въ эту минуту на всѣ ужасы моего сонидѣнiя.

Мало по малу волненiе мое начало уменьшаться, и первые лучи солнца уже застали меня довольно спокойнымъ. Мысли мои пришли въ порядокъ; преувеличенное отчаянiе утихло: не вся еще надежда была потеряна! Слѣдовало только стараться уговорить патагонскаго старшинку свезти меня къ берегу и начать новую переторжку. Увидѣвъ, что онъ проснулся, я подошелъ къ нему и началъ обѣщать и рому и табаку вдвое противъ вчерашняго полученнаго имъ количества; но онъ отбѣчалъ мнѣ съ какою-то безпечностью, болѣе или менѣе притворною, и съ какимъ-то равнодушиемъ къ заманчивому предложенiю, что онъ объ этомъ подумаетъ и что будетъ еще на это время. Я, напротивъ, на-
ставвалъ и представлялъ ему всю необходимость ѣхать не мѣшая, если

онъ точно желаетъ застать еще корабль нашъ на прежнемъ мѣстѣ и притомъ безъ той толпы провожатыхъ, которые вчерашній день слѣдили за нимъ по пятамъ: старый Парозильверъ, казалось, нисколько не намеренъ былъ торопиться. Онъ взялъ свой ножикъ, вынулъ его изъ мѣдныхъ ноженъ и началъ точить на ржавой стальной пластинкѣ, пробуя время отъ времени остроту лезвія и поглядывая на меня какъ-то особенно значительно изподлобья и притомъ косвенно, какъ бы желая, чтобъ я не замѣтилъ его взгляда. Было ли это занятіе предшествіемъ какого нибудь насилія, заранѣе обдуманнаго, или только подготовленная эффектная сцена, чтобы поразить мое сердце съезательнымъ страхомъ— я не могъ разгадать этого, и понималъ очень хорошо только, какъ опасно было обнаруживать предъ дикаремъ свои, можетъ быть, напрасныя опасенія. Я рѣшился поэтому дѣйствовать на антагонскаго старшину видомъ безстрашія и присутствія духа и показать ему пренебреженіе къ опасностямъ: достоинства эти, сколько мнѣ было извѣстно, были уважаемы дикарями. Я подошелъ къ нему, попробовалъ въ свою очередь остроту лезвія и началъ самъ окончательного дотачивать. Не довольствуясь похвалами красотѣ ножа, я распространялся въ изъясненіяхъ удивленія къ собственнымъ качествамъ стараго антагонца, какъ самаго великаго изъ туземныхъ предводителей чернаго племени, что было физически—истинно и совершенно—ложно морально. Начавъ потомъ снова обѣщать ему самое огромное вознагражденіе за все его ласки, я очень ловко умѣлъ намекнуть ему о томъ, какъ будетъ ему выгодно ѣхать къ берегу ранѣе и какъ больше прійдется на его долю добычи рому и табаку, если провожатыхъ съ нимъ будетъ меньше.

Прослушавъ довольно долгое время мои льстивыя выраженія, старикъ наконецъ рѣшился пойти за своею старою лошадыю. Я успѣлъ за нимъ на хребтѣ и мы медленно поѣхали къ берегу. Къ моему несчастію, вѣтеръ дулъ порывами и челноку опасно было отваживаться по волнамъ, высоко набѣгавшимъ на землю. Три корабля стояли на новыиъ якоряхъ недалеко отъ прежняго ихъ мѣста. Геба стояла близь еранской отмели, опасной для мореплавателей. Я узналъ впоследствии, что, понавъ на малую волну, въ которой она едва могла двигаться, она едва не разбилась; но пожертвовавъ нѣсколькими мачтами, успѣла наконецъ обогнуть отмель и вышла въ открытое море. Гагеръ стоялъ недалеко отъ Гебы; наше судно расположилось гораздо выгоднѣе, и я надѣялся, что оно выдержитъ счастливо бурю.

Старый Парозильверъ, кажется, очень хорошо понималъ причину, препятствовавшую челноку наняму пристать къ берегу, какъ это было

мною общано. Торгъ и размѣнъ отложены были до слѣдующаго дня и ны удалились тѣмъ же путемъ и въ томъ же положеніи, какъ и пріѣхали.

Когда, на другое утро, мы прибыли опять къ берегу моря, взоръ мой съ жадностью устремился на тѣ мѣста, на которыхъ наканунѣ сосредоточивались все мои надежды и ожиданія. Пусть представляютъ мое отчаяніе: ни одного изъ кораблей не было видно на морской поверхности! Потонули ли они? Сорвало ли ихъ съ якорей и, противъ ихъ желанія, увлекло въ открытое море? или мои товарищи, послѣ того, какъ стихъ вѣтеръ, послѣ многихъ разсужденій, поплыли далѣе, оставивъ меня на произволъ собственной судьбы? Я предался самымъ разнообразнымъ предположеніямъ; но изъ всехъ ихъ было вѣрно только одно, что я остался во власти патагонцевъ. Съ отплытіемъ кораблей исчезла для меня всякая возможность къ побѣгу, а грядущее, такъ мудро сокрытое Провидѣніемъ, не представляло мнѣ, въ моемъ тогдашнемъ безнадежномъ положеніи, ни малѣйшей вѣроятности на избавленіе.

Когда, истолковавъ для себя все въ самую дурную сторону, я объявилъ моимъ новымъ повелителямъ, что буря, вѣроятно, поглотила все три корабля со всемъ экипажемъ и имуществомъ, это извѣстіе было, кажется, для нихъ очень пріятно. Они приняли его съ самымъ громкимъ адскимъ смѣхомъ и повидимому нисколько не сожалѣли о лишнемъ количествѣ рому и табаку, которое могли еще вымѣнить у моихъ товарищей за выкупъ моей свободы. Такая звѣрская радость еще болѣе увеличила мое отчаяніе. Все мое прошедшее принадлежало другому міру; я вступалъ, такъ сказать, въ новую сферу существованія. Предо мною разстилалась угрюмая и неплодная страна; въ будущемъ представлялась мнѣ жизнь, чуждая малѣйшей человѣческой радости, осужденная на голодъ, холодъ, изнуренія, оскорбленія всякаго рода, быть можетъ, даже на непрерывныя мученія; нить этой жизни вполнѣ зависѣла отъ малѣйшей прихоти дикихъ и тотчасъ могла быть прервана. По странному могуществу воображенія, какъ бы для того, чтобъ еще болѣе показать мнѣ весь ужасъ и всю тягость моего положенія, мысль моя переносилась на иныя картины, въ иныя мѣста. Мнѣ видѣлись веселыя лица, слышались нѣжные, милые голоса—предметы, къ которымъ я привыкъ съ дѣтства. Мнѣ какъ-будто даже слышалось бѣненіе тѣхъ любящихъ меня сердецъ, которыя, нисколько не предчувствуя постигну ю меня въ въ одинъ короткій срокъ дня роковую напасть, наслаждаются спокойствіемъ и радостью. Грозная новость о моей судьбѣ пугливо пробудить ихъ отъ сладкой дремоты!

— Одинъ Господь можетъ теперь помочь мнѣ! вскричалъ я, потому что отъ людей мнѣ уже нечего надѣяться.

Возвратясь въ деревню и прибѣгая къ своимъ географическимъ воспоминаніямъ, я заключилъ однакожь, что пять или шесть дней пути къ западу достаточны, чтобъ дойти до «Голоднаго» порта, находящагося на проливѣ, сѣмьнаго мѣстечка республики Хили, единственнаго пункта, въ которомъ я могъ войти снова въ сношеніе съ образованнымъ европейскимъ міромъ. Я поспѣшилъ, поэтому, посоветовать патагонцамъ отправиться въ него со мною, прибавивъ, что это путешествіе осталось единственнымъ средствомъ выгодно сбыть меня съ рукъ. Дикари отвергли мое предложеніе такъ быстро и такъ рѣшительно, что я никакъ не могъ вообразить предубѣжденія противъ этого мѣстечка. Впослѣдствіи я узналъ, что патагонцы въ неочень давнее время посѣщали эту часть Южной Америки для кражи лошадей и ихъ экспедиція увѣнчалась такимъ блистательнымъ успѣхомъ, что они нисколько не были расположены въ минуту моего предложенія показывать въ Голодномъ портѣ свои, еще не совсѣмъ позабытыя, фізіономіи. Серебро, ружья, пистолеты, ножи, мѣдъ, хрусталь, ромъ, табакъ—не знаю, чего еще не общалъ я имъ, ни сколько не скупаясь ни на какія обѣщанія, но они рѣшительно объявили, что не пойдутъ въ фаминскій портъ.

Какъ бы желая утѣшить и вознаградить меня за неудачное предложеніе, старый Парозильверъ общалъ свезти меня въ «Голландію», мѣстечко, которое, по его словамъ и убѣжденію, было гораздо лучше и благопріятнѣе для меня Голоднаго порта. На какой точкѣ твердой земли находилась эта «Голландія» Южной Америки, существовала ли она въ самомъ дѣлѣ гдѣ-нибудь действительно, кромѣ обманчиваго воображенія стараго начальника патагонцевъ—я рѣшительно не могъ угадать. Я спросилъ его о разстояніи этой «Голландіи» отъ настоящаго мѣста моего плѣна. Парозильверъ отвѣчалъ, что не можетъ опредѣлить съ должною точностію, кѣмъ было обитаемо это мѣстечко—американцами или англичанами? Старшина тоже не могъ дать прямого отвѣта; онъ только объявилъ мнѣ, что тамъ живутъ отъ двадцати до тридцати бѣлыхъ людей и есть много рому и табаку. Парозильверъ общалъ отправиться со мною въ его «Голландію» на другой день. По какому направленію?—Парозильверъ показалъ мнѣ рукою на ту сторону, гдѣ находился Атлантичeskій океанъ.

— Слава Богу! подумалъ я: нужды нѣтъ, гдѣ находится эта «Голландія» и кѣмъ она ни населена, только бы не патагонцами.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго утра, но поѣздка въ «Голландію» была отсрочена по случаю неожиданнаго извѣстія.

Одинъ изъ туземцевъ, ходившій за чѣмъ-то къ берегу, объявилъ, что корабль нашъ возвратился. Старшина, я и съ подложными патагон-

цевъ тотчасъ же отправилъсь къ берегу при этой новости. Прибыль къ заливу, мы точно увидѣли въ отдаленіи корабль, но корабль чужой, что очень хорошо можно было видѣть по вооруженію его мачтъ. Но все таки, еслибъ мнѣ можно было войти съ нимъ въ сношеніе и извѣстить о своей участи, онъ непремѣнно бы помогъ мнѣ. Войдя въ устье пролива, неизвѣстный корабль бросилъ якорь миль за пятнадцать отъ мѣста моего лѣтненія. Я старался вразумить патагонцевъ, что, по случаю приближенія отлива, кораблю можно было подвинуться къ твердой землѣ не иначе, какъ съ возвышеніемъ воды, то есть къ ночи, и просилъ ихъ обождать до этого времени на берегу. Первоначально они согласились исполнить мою просьбу, но голодъ и жажда истощили ихъ терпѣніе прежде условленнаго срока, и они, желая удалиться, требовали, чтобы и я слѣдовалъ за ними. Я началъ убѣдительно уранивать, представлять всю невыгоду и неблагоразуміе такого рѣшенія, и наконецъ снова успѣлъ убѣдить моихъ повелителей. Было рѣшено, что старшина проведетъ со мною ночь неподалеку отъ берега, а другіе возвратятся въ деревню. По удаленіи ихъ, мы развели огонь, который я поддерживалъ до утра съ бдительностью весталки. Старый Парозильверъ растапулся во всю длину, огородивъ себя отъ порыва вѣтра густыми кустарничкомъ, между тѣмъ, какъ я началъ употреблять все стараніе, чтобы огонь, разведенный мною, не потухъ. Предъ наступленіемъ ночи я примѣтилъ, что корабль поднялъ паруса и намѣренъ былъ отплыть снова въ открытое море. Я быстро схватилъ тогда горячія головы и началъ махать ими, бѣгая часа два взадъ и впередъ по протяженію берега. Корабль шелъ по прямой линіи; посреди окружавшей меня темноты можно было легко разглядѣть бѣлыя паруса его. Я собралъ новые сучья для нашего пламени и вскорѣ костеръ запылалъ самымъ сильнымъ огнемъ; чтобы лучше выдаться изъ мглы, я всталъ впереди самаго костра, началъ махать, вмѣсто сигнальнаго флага, моею фуражкой и поминутно поворачивался въ разныя стороны, чтобы дать явственнѣе увидѣть мой силуэтъ. Вдругъ сердце мое затрепетало отъ радости: на палубѣ показался огонь, остановившійся неподвижно на одномъ мѣстѣ. Не было сомнѣнія, что корабль снова сталъ на якорь, и именно противъ той самой точки, гдѣ былъ я и Парозильверъ. Несмотря на мучившій меня голодъ и на совершенное изнуреніе, я съ живостью бросался во все стороны и собиралъ сучья, чтобы увеличить какъ можно болѣе пламя моего спасительнаго маяка. Когда утренній отблескъ освѣтилъ окружность, я увидѣлъ, что корабль точно стоялъ на якорѣ въ разстояніи милъ отъ берега, такъ покойно и неподвижно, какъ морская птица, уснувшая на гладкой поверхности воды. Но вскорѣ на палубѣ запы-

но стало движеніе; начали подымать сперва маленькіе, а потомъ большіе паруса—и предметъ всѣхъ надеждъ моихъ, моихъ самыхъ пламенныхъ желаній, моихъ томительныхъ ожиданій въ продолженіе цѣлой ночи, сырой и холодной, быстро помчался по проливу, по всей вѣроятности, въ Калифорнію. Я еще слѣдилъ за его мелькающими вдали парусами глазами, наполненными слезъ, когда старый патагомецъ, бывшій, также какъ и я, на сторожѣ, видя, что предположенія наши не сбылись, поспѣшилъ за своею лошадыю, которая съ связанными ногами ржала недалеко, стараясь щипать, гдѣ могла, тощую траву.

Едва успѣлъ я немного оправиться отъ тягостнаго чувства безнадежности, какъ новый корабль, родъ брига, вошелъ въ проливъ, по направленію отъ Дунгенесса.

«Не нужно отчаяваться», ободрилъ я самого себя: скоро встанетъ солнце и утреннія сумерки совершенно разсѣются, прежде чѣмъ корабль поровняется съ вашимъ костромъ. Онъ непременно долженъ меня замѣтить.

Твердо убѣжденный въ этой мысли, я приготовился встрѣтить whatever пришельца и уволить свое рвеніе и дѣятельность. Я началъ бѣгать по берегу и искать какой-нибудь длинной палки, но напрасно; такой нигдѣ не отыскивалось; но нужда научить изобрѣтательности. За мѣшкѣмъ нужнаго, я замѣнилъ желаемую длину цѣлаго индѣйскими частями и собралъ нѣсколько маленькихъ, прямыхъ палочекъ; чтобы связать ихъ вмѣстѣ, я изорвалъ свое исподнее платье, присоединивъ къ нему шнуры отъ башмаковъ; фланелевый жилетъ служилъ мнѣ вмѣсто флага, и, разведя новый огромный костеръ, я началъ бѣгать по берегу, потрясая моимъ развернутымъ знаменемъ. Но по мѣрѣ того, какъ корабль подвигался впередъ, сердце мое снова болѣзненно сжалось, потому-что вѣтеръ дувшій къ берегу, вдругъ измѣнился. Чтобы воспользоваться его направленіемъ, нужно было плыть къ Огненной Землѣ. Наконецъ корабль поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы находились, но такъ близко къ противоположному берегу пролива, что вѣроятность быть замѣченнымъ мною уменьшалась. На палубѣ корабля двигались черные предметы, которые, конечно, были матросы или пассажиры. Увидятъ ли они меня въ подозрительную трубку? Приплывутъ ли они на мои сигналы? Нѣтъ! Корабль продолжалъ удаляться отъ меня; скоро онъ сталъ едва замѣтенъ—и моя новая надежда на избавленіе лопнула, какъ блестящій мыльный пузырь!

Это былъ для меня рѣшительный, смертельный ударъ! Изнуренный голодомъ, холодомъ, усталостью и отчаяніемъ, я упалъ на землю и рыдалъ какъ ребенокъ. Въ первый разъ тогда я почувствовалъ влечь

всю тягость моего одиночества. Всѣ попытки, всѣ средства, всѣ надежды были напрасны; я не чувствовалъ въ себѣ ни силъ, ни рѣшимости дожидаться новыхъ счастливыхъ обстоятельствъ. Была минута, когда я упрекала себя въ томъ, что не бросаюсь въ море, чтобы доплыть до брига; такое предпріятіе было, правда, невозможно, но я подвѣргался лишь опасности утонуть; я только рисковалъ жизнью!

Впрочемъ, я скоро опять успокоился; умъ мой такъ странно созданъ, что я не могу долго упадать духомъ. Спокойныя и рѣшительныя думы смѣняли малодушное отчаяніе. Какой-то внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что мужчине стыдно отчаяваться предъ несчастіемъ. Я вспомнилъ истину: «Старайся самъ—и тебѣ поможетъ Богъ», и, приподнимаясь съ земли, принялъ твердое намѣреніе разсѣять мое отчаяніе по вѣтру и предаться съ мужествомъ и надеждою на Бога всему, что могло только ожидать меня въ неизвѣстномъ будущемъ. Во мнѣ произошла въ эту минуту необыкновенная переиѣна. Я чувствовалъ себя новымъ человекомъ, твердымъ, на все готовымъ, и на всѣ явленія, на всѣ событія смотрѣлъ съ этого дня хладнокровно и съ спокойнымъ сердцемъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ, что о скоромъ освобожденіи мнѣ нечего было даже и мечтать. Патагонцамъ суждено было на неопредѣленный срокъ оставаться моими товарищами и сожителями, и мнѣ не оставалось ничего больше дѣлать, какъ изучать ихъ нравы, обычаи и привычки, а въ особенности характеры, чтобы, при случаѣ, умѣть воспользоваться слабобю стороною и укрощать ихъ жестокость. Я рѣшился, во что бы то ни стало, войти въ ихъ довѣренность и усыпить ихъ бдительность, чтобы, при первой удобной случаѣ, если только могъ онъ когда представиться, бѣжать отъ нихъ.

II.

Патагонія, какъ она представилась моему взору, вполне оправдывала географическія ея описанія. Это страна пустынная, безплодная, печальная. Нужно побывать въ ней и дополнить своимъ присутствіемъ то, чего нельзя выразить словами, чтобы вполне судить о ней. Наблюдетелю, оборотясь спиною къ Магелланскому проливу, увидать предъ собою только огромное пространство, наполненное маленькими возвышенностями; но, напрягая зрѣніе въ западу, онъ можетъ замѣтить, что почти плоская страна эта начинаетъ измѣнять свой однообразный видъ. Длинная цѣпь горъ, протанутая отъ сѣвера къ югу, раздѣляетъ восточную часть Патагоніи отъ западной. Рыхлая и песчаная почва земли не производитъ никакой растительности, которая бы могла носить названіе

деревя. Мелкіе кустарники, малорослые древесныя побѣги одни только встрѣчаются повсюду; въ долинахъ растеть высокая, жесткая трава. Источники и ручьи рѣдки, и туземцы пользуются только водою ключей и прудовъ, встрѣчающихся въ долинахъ. Вода эта невпріятнаго, затхлаго вкуса и часто даже вонюча.

Животныя породы не разнообразіе растительнаго царства. Гуанако, четвероногое, изъ породы ламъ, имѣющее нѣкоторое сходство, особенно по росту, съ жирафами, одно только многочисленно. Превосходя ростомъ оленя, легкія и быстрыя на бѣгу гуанако, бродять большими стадами по всѣмъ патагонскимъ долинамъ и по всему протяженію Андъ. Мясо гуанако служитъ преимущественно пищею патагонцамъ; кожу гуанако они сушатъ вмѣстѣ съ шерстью, стараясь, сколько можно, сохранить ея натуральную мягкость и нѣжность. Особенное искусство, съ которымъ выдѣлываются кожи, кажется, обще всѣмъ индійскимъ племенамъ, потому-что буйволовыя одежды, оленьи и медвѣжьи кожи и другіе шѣла цѣнные и нецѣнные, которые употребляются въ Европѣ какъ предметы роскоши или необходимости, приготавливаются индійцами Сѣверной Америки. Патагонцы разрѣзываютъ кожу гуанако на куски различной величины и шиваютъ ихъ самыми разнообразными, причудливыми фасонами, такъ-что костюмъ каждаго имѣеть свою особенную форму и видъ. Изъ копытъ гуанако, патагонцы выдѣлываютъ себѣ подметки къ садамъ, если можно такъ назвать ихъ обувь; но это бываетъ только когда имъ приходится желаніе принарядиться и поспокойнѣе походить, что случается очень рѣдко.

Кромѣ патагонцевъ, гуанако имѣеть другихъ враговъ—*кугара*, или американскаго льва. Животное это менѣе своего африканскаго соотечественника и своимъ нравомъ и привычками походить болѣе на тигра. Шерсть его желтокоричневаго цвѣта, мягка, глянцева и гладка; формы очень красивы; нравъ свирѣпый. Охота за кугаромъ, впрочемъ рѣдкая и опасная, самое любимое препровожденіе времени патагонцевъ. Кромѣ этихъ звѣрей, въ Патагоніи водятся еще «shunk», которыхъ мясо употребляютъ въ пищу, четвероногое, похожее на лисицу; преимущественно изобилуетъ она крысами, которыхъ въ ней неисчислимое множество. Изъ птицъхъ породъ замѣчательны только кондоръ, водящійся на Андахъ, и птицы похожія на страуса, но только гораздо менѣе африканскихъ. Птицы эти водятся въ долинахъ; рѣдкія ихъ перья обыкновенно бывають сѣраго или коричневаго цвѣта; мясо патагонскихъ страусовъ нѣжно и пріятнаго вкуса; но патагонцы въ особенности лакомы до ихъ жира. Какъ африканскіе страусы, патагонскіе бѣгаютъ очень быстро, такъ-что самому искусному всаднику трудно ихъ догнать.

Климатъ Патагоніи суровъ до крайности. Граница къ сѣверу Ріо-Негро, Патагонія почти вся лежитъ подъ 40 градусомъ западной широты. Въ пору моего плѣна, то-есть, въ май мѣсяцѣ, погода Патагонія очень походила на ноябрьскую погоду въ Новой-Англіи. Холодные вѣтры, дующіе постоянно въ этой открытой со всѣхъ сторонъ землѣ, еще болѣе увеличиваютъ суровость температуры, которая необыкновенно переменчива близъ береговъ Магелланскаго пролива. Внезапные порывы вѣтра, равняющіеся ураганамъ, очень затрудняютъ мореплаваніе и съ такою силою гонять къ берегу волны, что трудно противиться ихъ теченію.

Патагонцы, по крайней мѣрѣ то племя, въ средѣ котораго бросила меня судьба, ведутъ жизнь кочующую. Бродя съ одного края страны къ другому, или за охотою, или просто по одной прихоти, они почти исключительно питаются мясомъ животныхъ и птицъ. Самую лучшую пищу и болѣе употребительную доставляетъ имъ гуанако; а плащъ, сдѣланный изъ кожи этого животнаго, сшитый страусовыми жилами и стянутый около шеи, составляетъ всю одежду патагонцевъ.

Съ перваго взгляда патагонцы кажутся настоящими великанами; свирѣпый и дикій видъ ихъ еще болѣе увеличиваетъ непріятное впечатлѣніе, производимое несоразмѣрнымъ, уродливымъ ростомъ. Никогда не случалось мнѣ видѣть такого высокаго племени; но я не могу никакъ, даже приблизительно, опредѣлять величину ихъ роста. Собственный мой ростъ, довольно большой, былъ для меня единственною мѣркою. Я очень свободно могъ стоять прямо подъ-мышками у многихъ изъ нихъ; другіе были еще выше, и всѣ превышали меня болѣе, чѣмъ на цѣлую голову. Плечи у патагонцевъ широки, грудь полна и выпукла, члены мускулисты и довольно-пропорціональны. Когда покидаетъ ихъ врожденная лѣнь и что-нибудь ихъ воодушевитъ, или озлобитъ, патагонцы выказываютъ необыкновенную силу и мужество. Голова у нихъ большаго размѣра, скулы выдавшіяся, какъ у индійцевъ Сѣверной Америки, на которыхъ они походять и цвѣтомъ кожи, съ тою только разницею, что оттѣнки ея темнѣе и грязноватѣе. Лобъ патагонцевъ широкъ, но низокъ, такъ-что волосы сходятся почти съ бровями; глаза у нихъ большіе, обыкновенно совершенно черные или темно-каріе, очень блестящи, хотя выраженіе ихъ показываетъ мало смысленности. Волосы на головѣ патагонцевъ, густые, курчавые, жесткіе и спутанные какъ войлокъ, позволяютъ имъ обходиться безъ искусственныхъ шляпъ. Они никогда не стригутъ ихъ и носятъ раздѣленными на косы, на плечахъ впереди и на спинѣ сзади, а иногда прикрѣпляютъ къ вискамъ огромными завитками. По примѣру племенъ, болѣе образованныхъ, патагонцы

обращаютъ большое вниманіе на убранство и наружный видъ этого голенаго украшенія. Зубы ихъ прекрасной формы и необыкновенной бѣлизны, въ чемъ одномъ можно было бы имъ позавидовать. Огромныя руки и ноги довольно неразмѣрны съ прочими частями тѣла: Голосъ патагонцевъ глухъ, хрипаватъ и гортаненъ. Слушая разговоръ ихъ, скоро и невнятно произносимыя рѣчи, можно было бы подумать, что они набрали себѣ въ ротъ горячаго пудинга и жгутся имъ, стараясь поскорѣе проглотить. Вообще наружность ихъ выражаетъ тушюмїе; но если всматриваться внимательно, то изъ-подъ этой личины бессмыслия вдругъ поразитъ васъ мелькающее выраженіе низкаго плутовства и притворства; особенно когда они чѣмъ-нибудь воодушевлены или заинтересованы въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ необходимы всѣ ихъ умственные качества. Наружность патагонцевъ изумительно преобразуется и выдвываетъ неожиданную понятливость и подвижность. Человеку, побывшему съ ними довольно долгое время, не трудно подмѣтить въ этомъ племенѣ сильную двуличность, которую трудно предположить съ перваго раза подъ такою наружною личиною бессмысленности. Подражательность ихъ превосходитъ всѣ описанія: въ этомъ отношеніи патагонцы могутъ поспорить съ обезьянами; а склонность ко лжи чуть ли не перащивающая, но ихъ колятїямъ, добродѣтель. Ложь такъ обыкновенна и общепринята у патагонцевъ, что нельзя сдѣлать шагу, не замѣтивъ ее. Мужчины, женщины, взрослые и малолѣтныя—всѣ заражены этимъ порокомъ въ высшей степени и, кажется, даже родятся съ этою склонностью, стараясь съ лѣтами превзойти въ ней старшихъ. Никогда обнаруженіе истины не приведетъ патагонцевъ въ стыдъ и не поставитъ ихъ въ затрудненіе. Къ этимъ нравственнымъ чертамъ можно присоединить еще самое сильное коварство, непощадное тщеславїе и пристрастіе къ похваламъ. Неопратность и отвращеніе отъ воды въ этомъ отношеніи, кажется, также какъ и ложь — врожденная болѣзнь патагонцевъ. Они никогда не умываются и лицо ихъ покрыто такимъ густымъ слоемъ сала и грязи, наростшей въ продолженіе многихъ лѣтъ, что натуральный цвѣтъ ихъ кожи можно замѣтить только нѣстами, когда, по какому-нибудь случайнымъ, независящимъ отъ нихъ воли причинамъ, отпадетъ искусственная кора, облепляющая всѣ части тѣла ихъ. Невужно при этомъ говорить, сколько такое состояніе помогаетъ разнуженію безпокойныхъ насѣкомыхъ. Патагонцы устаны ими въ буквальномъ смыслѣ.

Патагонскія женщины не такъ велики ростомъ, какъ мужчины, но зато превосходятъ ихъ тучностью. Несмотря на то; что никто изъ патагонцевъ не имѣетъ понятїя ни объ Алжоранъ, ни о Магаметъ, стар-

шины ихъ имѣли четырехъ жёнъ, многіе по двѣ и только самыя ничтожныя изъ туземцевъ по одной. Всѣ домашнія заботы, хлопоты и работы возложены на женщинъ. Онѣ ставятъ и снимаютъ хижины, отыскиваютъ съѣстные припасы, запасаются водою и стрипаютъ кушанье, если можно назвать стрипаньемъ ту первобытную кухонную процедуру, доторую я уже имѣлъ случай описывать. Онѣ почитаются рабынями, но между тѣмъ допускаются своими супругами и повелителями ко всѣмъ домашнимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ и пользуются тѣмъ же самымъ комфортомъ, какимъ наслаждаются и мужчины. Но если случится супругамъ ихъ испытать какое-нибудь препятствіе, неудачу, или проигратъ; однимъ словомъ, если они бываютъ отчего-нибудь не въ хорошемъ расположеніи духа—все неудовольствіе и злоба падаютъ на ихъ беззащитныя головы: женщины надѣляются ударами самыми жестокими и переносятъ ихъ съ терпѣніемъ и покорностью, достойными лучшей участи. Всѣ патагонянки до крайности любятъ разныя мелкія блестящія вещицы, какъ-то: хрустальные осколки, мѣдные и бронзовые кусочки, яркіе суконныя лоскутки и тому подобное, которыми онѣ съ большимъ тщаніемъ украшаютъ себѣ шею. Нѣкоторыя изъ нихъ протыкаютъ себѣ уши и вдѣваютъ въ нихъ бронзовыя или мѣдныя подвѣски, которыми украшаютъ иногда и своихъ дѣтей. Впрочемъ, кромѣ рома, табаку и хлѣба, они, кажется, ни въ чемъ не находятъ высшаго удовольствія. Мужчины расписываютъ или, лучше сказать, мараютъ себѣ лицо и грудь какою то красноватою землей; древесный уголь также служитъ имъ 'косметическимъ средствомъ. Широкія, красныя полосы, соединенныя съ черными, перепутанныя въ самыхъ фантастическихъ уборахъ, бываютъ общею и любимую тѣлесною живописью патагонцевъ; женщины дѣлаются еще отвратительнѣе отъ смѣси глины, крови и жира, которою онѣ натираютъ себѣ все тѣло. Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы назвать хорошенькими, если бы онѣ старались быть поопратнѣе и не такъ заботились объ искусственномъ украшеніи ихъ природныхъ формъ.

Нравственность патагонцевъ не выше ихъ матеріальнаго просвѣщенія; развращеніе ихъ нравовъ равняется ихъ жестокости. Я не замѣтилъ между ними признаковъ существованія глубокой старости. Самые драхлые изъ патагонцевъ не были, кажется, старѣе шестидесяти лѣтъ. Все ихъ главное богатство состоитъ изъ лошадей, большую часть украденныхъ въ испанскихъ поселеніяхъ близъ Чили. Лошади эти маленькаго роста, дики, покрыты длинною и жесткою шерстью и, судя по ихъ тощому и изнуренному виду, болѣе годны на пищу воронамъ, чѣмъ для верховой ѣзды. Впрочемъ, между этими клячами встрѣчаются лошади хорошихъ породъ, ужъ, безъ всякаго сомнѣнія, гдѣ-нибудь украденныя.

Грубая сѣдла, употребляемыя патагонцами, также, должно быть, добываются ими гдѣ нибудь въ ближнихъ поселеніяхъ, потому-что сами они неспособны къ ремесламъ. Сѣдла эти сѣдланы изъ двухъ дощечекъ, связанныхъ между собою вдоль ремнями, имѣющихъ по обѣимъ сторонамъ округленныя возвышенности и стягиваются на хребтѣ кожанымъ ремнемъ, пропущеннымъ сквозь двѣ скважины, находящіяся по обѣимъ сторонамъ деревянныхъ половинокъ. Чаще всего эти грубыя сѣдла зашиваются кожей гуанако. Патагонцы большею частью управляютъ лошадьми посредствомъ веревки, обвязанной вокругъ нижней челюсти. Нѣкоторые изъ всадниковъ употребляютъ удила, состоящія изъ деревяннаго сука, или желѣзнаго прута продѣтаго между челюстями и завязаннаго туго подъ нижнюю. Шпоры патагонцевъ дѣлаются изъ дерева; шпильки ихъ бывають вершковъ шесть длины съ желѣзными наконечниками; эти самодѣльные шпоры прикрѣпляются тремя ремнями, изъ которыхъ одинъ проходитъ надъ щиколой, другой надъ пяткой, а третій обвиваетъ всю ногу кругомъ. Всѣ патагонцы ловкіе и смѣлые наѣзники.

Старшина и главные начальники патагонскаго племени вооружены ножами или саблями. Мнѣ никогда не случилось видѣть у нихъ огнестрѣльнаго оружія, и я полагаю, что они не знаютъ его употребленія. Луки и стрѣлы, копыя и палицы—оружія, обыкновенно употребляемыя индѣйцами и доведенныя у нѣкоторыхъ племенъ до самаго полнаго, губительнаго совершенства, также, кажется, неизвѣстны патагонцамъ. Прочіе патагонцы вооружаются ножами и bola, метательнымъ орудіемъ, которымъ они ловятъ и убивають всякаго рода животныхъ. Bola состоитъ изъ двухъ круглыхъ камней, или двухъ свинцовыхъ пуль (если представится патагонцамъ случай гдѣ добыть ихъ), вѣсомъ съ фунтъ, привязанныхъ на обохъ концахъ длиннаго, сажени въ три и болѣе, ремня. Когда патаговецъ гонится верхомъ за своею добычею, bola становится губительнымъ оружіемъ. Всадникъ держитъ въ рукѣ одну изъ пуль, или одинъ изъ камней, вертя другую часть ремня вокругъ головы съ обыкновенною скоростью. Когда ремень вытянется отъ движенія въ прямую линію, онъ бросаетъ его съ удивительною меткостью въ преслѣдуемое животное, и если не поражаетъ его смертельно, то непременно уже опутаетъ извилами ремня и, такъ сказать, пригибаетъ къ землѣ; ударъ ножомъ оканчиваетъ охоту.

Племя, которымъ начальствовалъ старшій Парозильверъ, состояло почти изъ тысячи человекъ. Замѣчая въ своихъ подчиненныхъ не-
 позволятельныя увлеченія къ неповиновенію, старшій Парозильверъ прибѣгалъ къ видимымъ признакамъ своего могущества; онъ съ грознымъ видомъ

потрясалъ своимъ мѣднымъ ножомъ предъ глазами непокорныхъ — все приходило въ повиновеніе и порядокъ возстановлялся.

Дѣятельность также не принадлежитъ къ числу хорошихъ качествъ патагонцевъ; всѣ они очень лѣнны и ничто не бываетъ имъ, кажется, такъ тяжело, какъ тѣлесныя и умственныя упражненія. Даже на самую охоту они рѣшаются отправляться тогда только, когда всѣ ихъ съѣстные запасы совершенно истощатся; но если въ такую рѣшительную и трудную для нихъ минуту настзнетъ буря, очень часто случается, что они сидятъ дня два и три въ своихъ жилищахъ безъ всякой пищи. У нихъ, кажется, нѣтъ ни въ чемъ никакой опытности, никакой склонности къ усовершенствованію чего нибудь, и они вѣчно вращаются въ одномъ и томъ же первобытномъ кругу.

Съ перваго взгляда огромный ростъ патагонцевъ можетъ привести въ ужасъ; но мнѣ немного нужно было времени, чтобъ убѣдиться въ томъ, что ни у одного изъ этихъ великановъ нѣтъ врожденной храбрости. Это оправдали мои наблюденія; но къ тому же самому заключенію можно идти, узнавъ только ихъ одну склонность ко лжи, коварству и предательству. Такія свойства никогда не бываютъ замѣчаемы въ натурахъ сильныхъ и могущественныхъ, и только употребляются людьми слабыми и малодушными. Для нападеній своихъ патагонцы всегда выбираютъ ночное время и никогда не наступаютъ на врага прямо лицомъ къ лицу, когда имѣютъ даже малѣйшій случай поразить его неожиданно сзади. Если же необходимость принудить ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ во время дня, они всегда нападаютъ на противниковъ въ массѣ, превышающей вдвое или втрое число ихъ. Суевѣріе еще болѣе увеличиваетъ ихъ природную трусость. Патагонцы вѣрятъ въ колдовство, заговоры, предсказанія и разныя предзнаменованія, которыя благоприятно или неблагоприятно дѣйствуютъ на человѣческую судьбу.

Я часто думалъ, что если бы мнѣ можно было войти въ ихъ полное довѣріе и приобрести надъ ними какое нибудь мистическое вліяніе: какъ бы оно было мнѣ полезно! какимъ бы оборонительнымъ оружіемъ служила мнѣ эта власть, и какъ бы она могла способствовать моему побѣгу! Я не замѣтилъ между патагонцами никакихъ признаковъ идолопоклонства, а также не могъ замѣтить ни въ рѣчахъ ихъ, ни въ ихъ нравахъ и обычаяхъ, имѣютъ ли они какое понятіе о существованіи Верховнаго Существа. Исключая одного случая—странной церемоніи, о которой я буду говорить ниже и которой поводъ и значеніе остались для меня неизяснимыми—ничто, во все время моего пребыванія у патагонцевъ, не могло показать мнѣ, существуетъ ли у нихъ хоть какая нибудь религія. Людьми ли патагонцы? Этотъ вопросъ ча-

это вертелся въ головѣ моей, но и его я не могъ разрѣшить. Все, что я зналъ до тѣхъ поръ о патагонцахъ, было извѣстно мнѣ отъ китолововъ, или въ европейскихъ колоніяхъ, сосѣднихъ съ Патагоніей; но нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся во время моего пребыванія у этихъ великановъ, и собственные ихъ, хоть и не ясны, рассказы заставляютъ меня полагать, что патагонцамъ несовѣсь несправедливо приписываютъ влеченіе попробовать, при удобномъ случаѣ, человѣческаго мяса. Благодаря Богу, я не былъ свидѣтелемъ такихъ пиршествъ; но одна мысль о нихъ не разъ обливала лобъ мой холоднымъ потомъ.

Прежнія мои привычки и прежній образъ жизни дѣлали для меня несноснымъ мое настоящее бѣдственное существованіе и позволяли съ трудомъ переносить суровость патагонскаго климата. Выйдя на берегъ, я былъ одѣтъ въ свой обыкновенный корабельный костюмъ: толстую куртку, панталоны, башмаки и кожаную лаковую фуражку. Нижнее мое платье было шерстяное; но, какъ уже я сказалъ выше, эта необходимая часть моего туалета была пожертвована, безъ всякой пользы, на устройство ручнаго телеграфа, которымъ я хотѣлъ подать признакъ о своемъ существованіи кораблямъ, замѣченнымъ мной въ водахъ Магелланскаго пролива. Жить, не перемѣняя бѣлья и одежды, спать безъ одѣяла, не отдѣляясь ни чѣмъ отъ грязной и влажной земли, кромѣ куска тонкой кожи гуанако, не говоря уже о другихъ подобныхъ обстоятельствахъ дикой жизни, было такъ рѣзко противоположно тому комфорту, которымъ я пользовался на нашемъ суднѣ. Первое время было мнѣ очень трудно сносить все эти неудобства моего новаго быта; но наконецъ я началъ привыкать и къ холоду, и къ дождю, и къ бурямъ, и ко всѣмъ измѣненіямъ патагонской температуры, снося все съ такимъ же стоическимъ хладнокровіемъ и безпечною, съ какими сносили климатическія и жизненные неудобства черные великаны, неспытавшіе индогита съ самаго ихъ рожденія.

Немногое, извѣстное мнѣ о патагонцахъ, неслишкомъ было утѣшительно и не могло меня достаточно успокоить за безопасность моей будущности. Китоловы, отъ которыхъ имѣлъ я о моихъ черныхъ властителяхъ нѣкоторыя свѣдѣнія, сами были очень довольны, что знали о нихъ неочень подробно. Я долженъ замѣтить при этомъ еще то, что вообще все мореплаватели пристають къ этой странѣ Америки съ большими предосторожностями, и многіе опытные моряки рѣшительно отказываются сходить на твердую землю. Разныя припасовъ съ туземцами производятся не иначе, какъ на челнокахъ, стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, на полной водѣ и полныхъ вооруженными людьми. Въ числѣ немногихъ и мнѣ досталось грустное преимущество из-

учить вблизи и на опытѣ нравы и обычаи того племени, къ которому всѣ бѣлые имѣютъ такое глубокое отвращеніе и такую сильную боязнь.

III.

Едва только прошло мое первое отчаяніе и я собрался съ твердостью, какъ первою моею заботою было утолить мучившую меня жажду. Послѣ долгихъ и напрасныхъ стараній, отыскать гдѣ-нибудь поблизости прѣсную воду, я подошелъ къ морю, рѣшась проглотить нѣсколько глотковъ хоть соленой воды. Ожидая каждую минуту, что старшина погонится за мною съ толпою своихъ черныхъ подчиненныхъ и стаею собакъ, мнѣ вдругъ пришло желаніе, хоть на минуту, укрыться отъ его преслѣдованія, и я пошелъ съ этою цѣлью такъ близко отъ воды, что набѣгающія волны смывали слѣды мои. Пройдя большое разстояніе, я удалился отъ берега и углубился во внутренность страны, отыскивая благопріятное мѣсто, гдѣ бы можно мнѣ было вырыть въ рыхлой землѣ достаточную яму, чтобъ спрятаться въ ней и закрыться травой и сучьями. Эта счастливая мысль все болѣе и болѣе развивалась въ умѣ моемъ, когда вдругъ на одной изъ возвышенностей показался предо мною старый Парозильверъ съ однимъ изъ патагонцевъ. Я чистосердечно послалъ въ эту минуту и его самого и его спутника въ самую глубь Магелланскаго пролива, привѣсивая умственно имъ обоимъ самые тяжелые камни, чтобъ они не могли какъ нибудь всплыть на морскую поверхность, а между тѣмъ—Богъ да проститъ мнѣ невольное притворство—взявши я самую искреннюю наружную радость и выразилъ самое большое удовольствіе, желая имъ показать, какъ дорога для меня подобная неожиданная встрѣча. Мало, повидимому, убѣжденный въ моемъ чистосердечіи, старый Парозильверъ двумя словами сухо приказалъ мнѣ помѣститься на лошадь позади его, и какъ я ни торопился исполнить его приказаніе, онъ повелительно и грубо повторилъ его. Въ продолженіе всего пути я почелъ выгоднымъ льстить ему какъ нельзя болѣе, осыпая похвалами его величіе, его нравственныя и физическія достоинства и снова началъ его просить, чтобъ онъ доставилъ меня въ «Голодный» портъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно: я свезу тебя въ Голландію.

Цѣлый день трясся я за нимъ на лошадиномъ позвоночномъ столбѣ по направленію къ мысу Богородицы. Въ продолженіе двухъ дней и двухъ ночей я ничего не ѣлъ и не пилъ, кромѣ нѣсколькихъ глотковъ воды, а въ день, предшествовавшій этимъ злополучнымъ двумъ суткамъ, мнѣ, какъ нарочно, какъ-то не было охоты наполнять желудка. Къ су-

веркашъ мы остановились у одного пригорка, возвышавшагося надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ раскинуты были шалаши патагонцевъ. Въ глазахъ туземцевъ мѣстоположеніе этого участка, вѣроятно, казалось превосходнымъ, но въ моихъ, оно было угрожо и пустынно; а между-тѣмъ, видя, что Парозильверъ слѣдитъ за малѣйшимъ моимъ движеніемъ бдительнымъ взоромъ, я скрылъ свои печальныя впечатлѣнія въ самую глубь души. Въ концѣ этой ложбины или, лучше сказать, низкаго болота, паслись почти неисчислимые табуны лошадей, за которыми, не въ далекомъ разстояніи, видѣлось множество шалашей, или хижинъ, уже поставленныхъ, или приготовляемыхъ къ постановкѣ сквавами (женщинами), единственными архитекторами въ Патагоніи. Вокругъ этихъ хижинъ, какъ докучливые рой лѣтнихъ мушекъ, играли толпы черныхъ дѣтей, наполняя воздухъ радостными криками. Это зрѣлище, казалось, привело стараго Парозильвера въ неизяснимое удовольствіе, потому-что онъ остановилъ лошадь и предался безмолвному созерцаю. Впрочемъ, оно продолжалось недолго, и мы, поворачивая то вправо, то влѣво, не замедлили спуститься во вновь устроенную деревню и остановились у хижины старшины. Я не дожидаясь приглашенія и поспѣшно соскочилъ съ косянаго своего сѣдла, на которомъ терпѣлъ такое долгое время самыя мучительныя истязанія.

Едва тольکو мы расположились въ хижинѣ, я опять возобновилъ свое предложеніе везти меня въ «Голодный» портъ, добавивъ, что готовъ одинъ идти и просить, чтобы меня выкупили, если патагонцы не желаютъ сами сопровождать меня. Старый Парозильверъ повторилъ, что онъ не хочетъ даже и слушать объ этомъ ничтожномъ портѣ, потому-что намѣреніе его совершенно иное, и что онъ вымѣняетъ меня на ромъ и табакъ въ Голландіи, потому-что это европейское поселеніе въ избыткѣ изоблудуетъ первымъ и послѣднимъ предметомъ.

Черезъ три дня послѣ нашего кочевья на этомъ мѣстѣ, патагонское племя раздѣлилось. Я былъ порученъ надзору одному изъ главныхъ подчиненныхъ Парозильвера. Не знаю, существовалъ ли во всей Патагоніи другой подобный кровожадный мошенникъ, каковымъ былъ мой новый надсмотрщикъ. Первое время я позагалъ, что моя настойчивость и безпрестанныя просьбы надѣли старому патагонцу, и онъ рѣшился отъ меня отдѣлаться. Новый мой пристагъ угощалъ меня, время отъ времени, рассказавши о своихъ звѣрскихъ подвигахъ, вѣроятно, съ цѣлью поразить меня приличнымъ ужасомъ и покорить своему могуществу. Было бы долго и отвратительно повторять все слышанное мною и описывать тѣ выразительныя и ужасныя тѣлодвиженія, которыми сопровождались патетическія мѣста рассказовъ, и потому я ограничусь только однимъ звѣрскимъ

случаеѣ, который онъ повторялъ чаѣе прочихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Достоверность происшествія, слышаннаго мною отъ отвратительнаго дикаря, была мнѣ въслѣдствіи подтверждена людьми, вполне заслуживающими довѣріе.

Около двухъ лѣтъ до моего плѣненія, англійскій бригъ Авонъ бросилъ якорь въ Вера Санта-Круцъ и капитанъ Этонъ, командовавшій имъ, рѣшился сойти на твердую землю съ нѣсколькими человекѣми изъ своего экипажа, чтобъ купить у патагонцевъ лошадей, за которыхъ онъ заплатилъ имъ ромомъ, табакомъ и стеклянными вещицами. Получивъ условленное количество вещей, туземцы, по врожденному плутовству, отказались отъ своихъ обѣщаній и не хотѣли отдавать лошадей. Соскучась долго дожидаться, капитанъ намѣревался уже поднять паруса, когда патагонцы, какъ будто раскаявшись въ своихъ поступкахъ, начали ему дѣлать знаки, уговаривая возвратиться на берегъ. Обманутый капитанъ согласился послать къ берегу лодку, которая возвратилась съ семью или осемью туземцами. Нужно замѣтить, что часть экипажа находилась въ морѣ на другой лодкѣ. Взобравшись на палубу, въ заднюю часть корабля, патагонцы окружили капитана Этона, показывая ему знаками, что лошади плывутъ вслѣдъ за ними, и въ то время, когда онъ, безъ всякаго подозрѣнія, подходилъ къ борту и нагнулся, чтобъ посмотреть, что происходитъ на берегу, дикари обнажили свои длинные ножи и пронзили ему сердце. Бросившись потомъ на трупъ его, они схватили его за волосы, приподняли къ себѣ на колѣни, перерѣзали ему горло и начали поражать новыми ударами, чтобы воистинѣ увѣрится, что въ немъ не осталось ни искры жизни. Старшій лейтенантъ, на котораго они бросились потомъ, тяжело, но не смертельно раненный, успѣлъ спуститься въ люкъ и спрятался между грузомъ. Корабельнаго юнга постигла та же самая участь, какъ и капитана. Двое или трое матросовъ также раненные, тоже спустились въ нижнюю часть корабля и спрятались, между тѣмъ, какъ патагонцы поѣдали, пили и грабили все, что ни попадалось имъ подъ руки. Г. Дугласъ, находившійся въ то время на кораблѣ, умерщвленъ не былъ, но его связали, перевезли на берегъ и задержали. Другой пассажиръ, по имени Свимсъ, пытался освободить Дугласа и отдавалъ все, что отъ него ни требовали патагонцы за выкупъ его товарища; но эта готовность послужила лишь къ тому, что его также схватили и задержали. Г. Джонъ Гелль, съ которымъ читатель скоро познакомится покороче, рѣшился на третью попытку и отправился на берегъ. Онъ предлагалъ огромный выкупъ за обѣихъ друзей, но съ нимъ поступили также, какъ съ Дугласомъ и Свимсомъ; къ счастью, на другой день онъ успѣлъ

убѣждать. Что же касается до Дугласа и Снимса, они были уведены во внутренность Патагоніи и, какъ полагаютъ, умерщвлены и съдены, и я думаю, что это предположеніе не несбыточно. Совершенно разграбленный и опустѣлый, Авонъ съ остальною частью своего экипажа продолжалъ потомъ путь въ Монтевидео.

Я пробылъ десять дней съ презрѣннымъ участникомъ этого ужаснаго происшествія. Это былъ свирѣпый великанъ; но, впрочемъ, я не могу жаловаться, чтобъ онъ обходился со мною очень жестоко. Жизнь наша была однообразна: мы спали большую часть дня, пили чистую воду, если только гдѣ могли ее найти, и ѣли все, что только намъ ни попадалось; но, впрочемъ, не досыта. Дней черезъ десять все племя опять соединилось на условленномъ мѣстѣ и прибыло тамъ нѣсколько сутокъ. Патагонцы все это время проводили въ игрѣ, которая служить имъ единственнымъ развлеченіемъ и отрадою, покуда побужденія голода не подымутъ ихъ на охоту за гуанако.

Я уже сказалъ, что игра—господствующая страсть патагонцевъ и они предаются ей съ такимъ же увлеченіемъ, каковымъ отличаются записные европейскіе игроки. Патагонцы употребляютъ для игры кусочки гуанакowej кожи, величиною почти съ наши обыкновенныя игорныя карты, на которыхъ изображены собаки и другія животныя, а равно разные болѣе или менѣе кабалистическіе знаки, грубо нарисованные палочкой, обмакнутою въ смѣсь изъ глины, крови и жира. Въ противоположность европейскимъ условіямъ игры, патагонцы ставятъ ставку все въѣсть и такимъ образомъ проигрываютъ свои сѣдла, узды, ножи и все, чѣмъ только въ состояніи располагать. Страсть ихъ доходила иногда до того, что они срывали плащи, прикрывавшіе ихъ женъ, предоставляя бѣднымъ женщинамъ охраняться отъ холода, какъ онѣ заблагоразсудятъ.

Но гдѣ же находилась эта таинственная «Голландія», о которой такъ упорно твердилъ мнѣ старый Парозильверъ? Онъ увѣрялъ меня сперва, что до этого желаннаго мѣста не болѣе четырехъ дней пути, а между тѣмъ прошло уже десять въ постоянномъ путешествіи, когда я снова отважился повторить вопросъ о разстояніи Голландіи.

— Черезъ шесть дней мы пріѣдемъ, отвѣчали мнѣ на мое любопытство.

Шесть дней прошли также, какъ и прежнія десять, безъ всякаго видимаго приближенія, и на новый мой вопросъ, прибытіе наше снова было отсрочено на шесть или на семь дней. Казалось, что эта «Американская Голландія» удалялась отъ насъ по мѣрѣ того, какъ мы желали къ ней приблизиться.

Когда все племя снова соединилось, я начал просить старика Парозильвера взять меня опять въ свою хижину и подь свой присмотръ: къ моему удовольствію, онъ согласился довольно-охотно. Близь него я могъ пользоваться безопасностью, на которую не могъ надѣяться у другихъ туземцевъ; старикъ одинъ могъ защитить меня отъ своихъ злобныхъ и кровожадныхъ соотечественниковъ; послѣ Бога, онъ былъ моимъ единственнымъ покровителемъ. Вполнѣ убѣжденный въ могущество Парозильвера, я общалъ ему все, что только могло возбудить его аппетитъ и жажду и польстить алчности къ добычѣ; ко всему этому я насулилъ еще множество подарковъ его женамъ и огромному потомству, упрашивая только объ одномъ, чтобы онъ свезъ меня въ какое нибудь мѣсто, населенное бѣлыми. Дѣйствуя въ духѣ той же политики я со всѣми домашними старшины, я съ самоотверженіемъ ласкалъ грязныхъ дѣтенышей, стараясь дать имъ понять прелесть всѣхъ тѣхъ вещицъ, которыя назначались имъ отъ меня въ подарокъ...

Когда я сопутствовалъ охотникамъ, я всегда былъ увѣренъ что добуду себѣ къ вечеру что нибудь съѣстное, потому что патагонцы имѣютъ обыкновеніе разводить огонь и жарить часть дичи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была убита. Способъ ихъ приготовления мяса ничѣмъ не отличается отъ описаннаго уже мною способа жаренія мяса женщинами. Охотники развѣшиваютъ куски надъ огнемъ, коптятъ ихъ, болѣе или менѣе, и пожираютъ съ жадностью безъ соли и безъ всякой иной приправы, кромѣ самаго изумительнаго, никогда неудовлетворяемаго вполнѣ аппетита. Метода эта измѣнялась единственно только при приготовленіи страуса (такъ называю я по привычкѣ похожую на него патагонскую птицу). Птицу эту ощипываютъ, вынимаютъ кишки, наполняютъ ей внутренность горячими камнями, зашиваютъ потомъ кожу и жарятъ надъ пепломъ. Когда полагаютъ, что жаркое достаточно прожарилось, жилы страуса, разрѣзываются и огромная птица, которой мясо далеко превосходить вкусомъ мясо нашей домашней индѣйки, разрывается на части руками и уничтожается. Я было позабылъ при этомъ объ одной важной особености. Страуса покрываютъ слоемъ жира на полвершка толщины, которъй, раставъ и впитавшись въ мясо, образуетъ приправу, очень уважаемую патагонскими Лукуллами. Если отъ охотничьихъ импровизированныхъ обѣдовъ остаются какіе нибудь куски, патагонцы привѣшиваютъ ихъ къ сѣдламъ и увозятъ съ собою. Куски эти, ударяясь о бока лошади, чрезъ нѣсколько времени покрываются лошадиною потною цѣной и потомъ до того приставшею къ нимъ пылью, что обращаются въ совершенно темную массу, по которой никакъ нельзя узнать ни первоначальнаго вкуса, ни породы животныхъ, къ которымъ она принадлежала. Эти куски

принимаются прекраснымъ патагонскимъ поломъ съ улыбкою благодарности и тотчасъ же уничтожаются съ выраженіемъ самаго полного удовольствія. Патагонцы нисколько не дорожатъ перьями своихъ страусовъ, несмотря на красоту ихъ и большое количество перьевъ, разносимое вѣтромъ по всѣмъ окрестностямъ, не стоить, по ихъ понятіямъ, труда собирать, чтобы воспользоваться ими для украшенія ихъ особъ, вмѣсто отвратительныхъ замѣлокъ, которыми они умащаютъ себѣ тѣло.

Огромныя патагонскія степи, въ которыхъ ничто не препятствуетъ погонѣ за дичью, исключая попадающихся время отъ времени кустарниковъ и болотныхъ камышей, гдѣ ничто не скроется отъ взора, очень благоприятствуютъ успѣхамъ туземной охоты. Двѣсти или триста конныхъ патагонцевъ, съ обнаженною головою, обвернутые плащами изъ кожи гуанако, вооруженные bola и длинными ножами, привѣшанными къ поясу, пускаются на добычу въ сопровожденіи безчисленной стаи собакъ.

По всему пространству степей, доступному зрѣнію, рисуются ихъ громадные силуэты, уменьшенные отдаленностью; они скачутъ развѣвая свои длинные волосы по вѣтру, все уменьшаясь и уменьшаясь, покуда густая поднявшаяся на горизонтъ пыль не скроетъ ихъ, какъ туманомъ, отъ взоровъ. Пыль эта служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что охотники подвѣли стадо гуанако, и что оно приближается; и въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени большое пространство земли какъ будто вдругъ оживетъ и задвигается. Это значить, что стадо, состоящее изъ пяти-сотъ или тысячи гуанако, помчалось впередъ съ ужасающею скоростью. Какое бы первоначально направленіе не приняла гуанако, они всегда слѣдуютъ по прямой линіи. Патагонцы пускаютъ лошадей своихъ во всю прыть, стараясь пересѣчь дорогу этому бурному, одушевленному потоку. Сблизившись со стадомъ на разстояніе двадцати или тридцати шаговъ, охотники отвязываютъ bola отъ пояса, развѣтываетъ его въ огромныхъ кругахъ надъ головою и мечутъ съ необыкновенною силой. Страшное метательное орудіе обыкновенно поражаетъ жертву въ шею или голову, обвивается вокругъ переднихъ ногъ и опрокидываетъ животное на землю. Очень рѣдко случается, чтобы патагонцы промахнулись и не поразили избранное ими животное.

По окончаніи охоты, принимаются тотчасъ же пластать добычу. Гуанако разрѣзаютъ животъ, вынимаютъ внутренности и вскрываютъ сердце и главныя вены, чтобы благоприятствовать истеченію крови, которую патагонцы пьютъ съ жадностью изъ пригоршней рукъ. Утоливъ свою жажду, охотники сливаютъ остальную кровь въ нѣкоторыя изъ внутренностей, которыя дѣлаются для нихъ впоследствии времени такими же изысканными кушаньями, какими славятся Арль, Ліонъ и

Воловь. Ребра и спинной хребетъ, очищенные отъ мяса, и голова гуанако бросаются въ пищу собакамъ. Остальныя части животнаго разрѣзываются на большіе куски шѣсть съ кожею, связываются попарно и, перекинутыя сзади сѣдла, отвозятся въ деревню. Возвратясь въ свои жилища, всадники никогда не берутъ на себя труда снимать привезенную добычу, они молча остаются на сѣдлѣ облокотясь на гриву, до тѣхъ поръ, покуда женщины не унесутъ части гуанако на надлежащее мѣсто. Тогда только патагонцы связываютъ съ лошадей, разсѣдываютъ ихъ и пускаютъ на волю.

Во время нашего кочевья на этомъ новомъ мѣстѣ, между патагонцами обнаружилось самое сильное неудовольствіе и размолвка; нѣтъ сомнѣнія, что я былъ этому причиною. Большая часть черныхъ моихъ сожителей питала противъ меня враждебные замыслы. Чтобы отвратить собиравшуюся надъ головою моею грозу, мнѣ нужно было болѣе чѣмъ когда либо расточать общанія, льстить прихотямъ и порокамъ патагонцевъ и мѣсть для каждаго, самаго ничтожнаго изъ нихъ, наготовѣ савыя медовыя рѣчи.

Съ первой минуты, когда я вступилъ на эту землю, туземцы приняли меня за капитана корабля и за лицо значительное; такое заблужденіе было несправимо и губительно для моего освобожденія. Волею и неволею я принужденъ былъ поддерживать до конца эту важную роль и даже увеличивать для своей пользы предполагаемое важное мое значеніе. Впрочемъ, патагонцы такъ лукавы, что трудно проникнуть ихъ мысли, и я никогда не могъ положительно узнать, какое именно себѣ произвождѣ на нихъ впечатлѣніе. Когда я расточалъ свои общанія, старшина пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ бы желая проникнуть въ самую глубину моихъ помысловъ. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго времени, я успѣлъ пріобрѣсти кое какую самостоятельность, рассказывая патагонцамъ, нисколько не запинаясь, такія правдоподобныя приключенія, какія, вѣроятно, не случались и съ знаменитымъ барономъ Мюнхгаузеномъ. Я вскорѣ сталъ любимымъ разскащикомъ цѣлаго племени, и нужно при этомъ замѣтить, не только не безъ удовольствія, но даже и не безъ пользы. Сказками моими, и въ особенности чудеснымъ ихъ содержаніемъ, соображаясь съ моимъ наблюденіемъ, я видимо ослаблялъ таившуюся противъ меня между большимъ числомъ патагонцевъ ненависть и пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ. Не опасаясь встрѣтить между этими первобытными слушателями недовѣріе въ томъ, что я стараюсь только тѣшить ихъ выдумками, я полными пригоршнями почерпалъ себѣ источникъ для разсказа изъ приключеній Синдбаба-мореходца и другихъ чудесъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь», иногда

даже изъ лукавыхъ запискахъ Жиль Блаза, факты которыхъ, перемеживаясь съ истиннымъ сказаніемъ Синдбаба, сопровождалъ всегда самыми краснорѣчивыми тѣлодвиженіями.

Патагонцы сживали около меня по нѣскольکو часовъ сряду, выпуча глаза и развѣсивъ уши, прислушиваясь къ каждому моему слову съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ прислушиваются къ рассказамъ маленькія дѣти. Перемѣшивая клочки испанскаго своего языкознанія съ патагонскими словами, которыя мнѣ посчастливилось запомнить, я растягивалъ нити своихъ занимательныхъ для туземцевъ исторій до нескончаемой длины съ геніальной эластичностью. Иногда, по общему требованію любознательной публики, старшина приказывалъ мнѣ снова пересказывать ту же самую сказку, что было въ первое время для меня очень затруднительно по причинѣ разныхъ дополненій, пропусковъ и вариантовъ, которые я невольно дѣлалъ, не твердо удерживая въ памяти все сказанное прежде; но вскорѣ, принявъ всѣ предосторожности и подражая дѣтямъ, которыя, чтобы лучше запомнить, загибаютъ листья у книги, или надѣйцамъ, которые ломаютъ на новомъ пути сучья незнакомыхъ имъ деревь, чтобы лучше найти опять старую дорогу, я могъ начинать ту же самую Одиссею, въ самыхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ столько разъ, сколько мнѣ было угодно.

Раздраженіе, которое я замѣтилъ противъ себя въ нѣкоторой части патагонскаго племени, казалось мнѣ совершенно прошло, когда, въ одну ночь, я долженъ былъ удостовѣриться, что пламя не переставало тѣнса надъ пепломъ. Въ тотъ обычный часъ вечерняго отдыха, когда я приготовился къ приказанію удалиться, какъ собака, въ мой душный уголъ, одинъ изъ патагонцевъ, великанъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, лицо котораго мнѣ не нравилось болѣе прочихъ, вдругъ неожиданно вошелъ въ хижину и обмѣнялся съ мной хозяйномъ шопотомъ нѣсколькими словами. Не понимая ничего, что онъ говорилъ, я очень хорошо замѣтилъ, по ихъ черезчуръ значительнымъ взглядамъ, что предметомъ ихъ разговора былъ единственно я, и что исходъ его не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго. Великанъ оставался въ хижинѣ очень недолго. Посидѣвъ немного въ раздумьи, старый Парозильверъ быстро поднялся съ земли и приказалъ мнѣ за нимъ слѣдовать.

Разумѣется, что первый вопросъ мой былъ: куда онъ намѣренъ вести меня и за чѣмъ?

— Иди за мной! отвѣчалъ только мнѣ лаконически патагонскій старшина.

Въ недалекомъ разстояніи отъ нашей хижины я замѣтилъ довольно значительное число патагонцевъ, утѣвшихся кругомъ на землѣ. Зрѣлище

это заморозило въ жилахъ моихъ всю кровь; въ головѣ моей промелькнули самыя грустныя предположенія. Не нужно быть угадчиной, чтобъ понять всю важность значенія этого патагонскаго собранія. «Роковое живое кольцо», такъ справедливо приводящее въ ужасъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ несчастная судьба когда либо предавала на произволъ нѣжнаго состраданія и человѣколюбія дикихъ, было образовано для моей особы. Неожиданность такого удара еще болѣе увеличила мой ужасъ; умъ мой совершенно помрачился и я остался на мѣстѣ какъ окаменѣлый. Я видѣлъ ясно, что, безъ особеннаго милосердія и покровительства Провидѣнія, кровавая трагедія должна была надо мною окончиться и что развязка ея близка; а между тѣмъ, волею или не волею, я долженъ былъ вступить въ этотъ смертельный кружокъ. Въ краткій промежутокъ времени, который мнѣ остался, чтобъ подойти къ сборищу патагонцевъ, мысли мои устремились съ молитвою къ Тому, чье око и всемогущество могли одни спасти меня отъ неизбѣжной опасности, если только Его правосудная десница сама не опредѣлила срока для моей жизни.

Подошедши къ кружку, я увидѣлъ, что патагонцы сидѣли на льду, и свѣгу, согнувшись на корточкахъ; они ожидали насъ съ своими мѣдными ножичками и огромными ножами, спрятанными подъ кожаными плащами. Я видѣлъ, что мои черные сожителы готовились порѣшить со мною окончательно, потому что, безъ важныхъ причинъ, они никогда не берутъ съ собою никакого оружія. Мнѣ приказали войти въ патагонскій кругъ и я усеялся въ немъ какъ только могъ ближе къ моему хозяину. Тогда каждый патаговецъ, поочередн, началъ ораторствовать на своемъ глухомъ нарѣчій. Слова горныхъ дикарей были почти для меня непонятны; но глубокая ненависть, сверкавшая въ глазахъ ихъ и на лицахъ и черезчуръ одушевленные и рѣзкія тѣлодвиженія нѣкоторыхъ произносившихъ свои краснорѣчивыя рѣчи, не позволяли мнѣ нисколько сомнѣваться въ настоящемъ смыслѣ ихъ краткихъ периодовъ; большая часть требовала немедленно моего умерщвленія; другіе были, кажется, еще въ нѣкоторой нерѣшимости или, по крайней мѣрѣ, выказывали намѣренія отсрочить на нѣкоторое время мою смертную казнь. Эти послѣдніе говорили мнѣ и были гораздо гладнокровнѣе, но ни одинъ голосъ не возвышался, между тѣмъ, въ полную мою пользу. Старый Парозильверъ, какъ старшина началъ рѣчь послѣдній.

Если такъ можно поэтически выразиться—я повисъ на губахъ его; слѣдя съ тревожнымъ трепетомъ за игрою его физиономіи и за его тѣлодвиженіями; я понималъ, что онъ соглашался съ мнѣніемъ еще немного побережь меня, чтобы имѣть приманку для привлеченія другихъ. Въ рѣчи своей старшина напомнилъ кровожаднымъ ораторамъ

также и о моихъ обѣщаніяхъ—огромномъ количествѣ табу и рому и о разныхъ игрушкахъ ихъ женамъ и дѣтямъ, которыя я предлагалъ за свое освобожденіе. Къ этому онъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, прежде чѣмъ покончить со мною, нужно воспользоваться обѣщаннымъ и имѣть предлагаемое въ своихъ рукахъ. Слова его имѣли, какъ мнѣ показалось, большое вліяніе на разногласіе рѣшенія патагонскаго совѣта; всѣ на минуту смолкли и начали разсуждать между собою шопотомъ. Тогда я рѣшился на послѣднюю попытку и полагая минуту благоприятною, самъ выступилъ на сцену, чтобы защищать свое колеблющееся дѣло. Дозволеніе произнести тоже рѣчь въ свою очередь было мнѣ дано безъ всякаго затрудненія. Старый Парозильверъ взялся служить мнѣ переводчикомъ, передавая каждое мое слово съ удвоеннымъ выраженіемъ, что еще болѣе увеличивало силу и краснорѣчіе моего ораторскаго обращенія къ дикимъ. Я не могу безъ смѣха вспомнить въ настоящее время ту торжественную рѣчь, которая заключалась въ наборѣ исковерканныхъ испанскихъ словъ и выраженій такого, или почти такого содержанія:

«Buenos senores! me mucho grande americane capitan, mismo comondant, mucho mass, mucha barca, mucha galeta, muchos soldados, muchos marinarios, me tene mucho, mucho big guns, bastante poquito, mismo bastante, cutlass, pistols, mucho bastante. Vuestros hombres, buenos per me, mi marinarios, mi soldados buenos per vos. Otro corso usted malo gumpre me...» и прочая и прочая.

Этимъ смѣшаннымъ вавилонскимъ нарѣчіемъ, состоящимъ изъ языковъ англійскаго, испанскаго и частью патагонскаго, усиленными разными отчаянными гримасами и тѣлодвиженіями, я хотѣлъ дать понятіе патагонцамъ, что они имѣли дѣло не съ обыкновеннымъ человекомъ, но съ такимъ значительнымъ лицомъ, которое на своей родинѣ (въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, о которыхъ удавалось имъ, вѣроятно, отъ кого-нибудь слышать) нисколько не ниже и не менѣе самаго президента, сановника, имѣющаго въ своемъ распоряженіи корабли, двигающіеся и силою паровъ и силою парусовъ, множество солдатъ и мотросовъ, пушекъ, ружей, пистолетовъ и ножей. По исчисленіи всей этой власти и величія, я рѣшительно объявилъ моимъ слушателямъ, что если они будутъ поступать со мною благосклонно и человѣколюбиво, то и мои подчиненные поступать съ ними такъ же, и щедро вознаграждать ихъ; въ противномъ же случаѣ, если они покусятся сдѣлать мнѣ хотя малѣйшее зло, изъ Сѣверной Америки къ землѣ ихъ пристанутъ столько людей, сколько нѣтъ на головахъ ихъ даже волосъ, и что эти люди истребятъ не только ихъ, но даже ихъ женъ и дѣтей. Къ этой угрозѣ я добавлялъ, что если патагонцы согласятся предста-

вить меня въ какое-нибудь мѣсто, населенное бѣлыми, американцами и агличанами, французами или испанцами, то я прикажу выдать имъ столько рому, табаку, хлѣба, муки, рису, сахару и чаю, сколько они сами пожелаютъ, и что люди блага происхожденія, какой бы они ни были націи, ни минуты не замедлятъ пожертвовать всѣмъ, что-бы услужить такой важной особѣ, какъ я.

Слова мои видимо не падали на бесплодную почву. Разинувъ отъ удивленія рта, патагонцы слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ, и зѣвское выраженіе ихъ лицъ стало смягчаться. Было рѣшено дожидаться исполненія моихъ обѣщаній. Мнѣ даже обѣщали доставить меня чрезъ нѣсколько дней въ Голландію, но я зналъ, что это значило. Впрочемъ, Голландія ихъ, о которой такъ часто они вспоминали, не была мистификаціей, какъ показали потомъ обстоятельства, и медленность въ отпращиваніи меня въ это европейское поселеніе происходила отъ недовѣрчивости къ моимъ словамъ и нерѣшимости какъ поступить со мною. Патагонцы такъ же сильно, какъ и я, желали отпавиться въ образцованную колонію, чтобы пріобрѣсти такія лестныя вещи, каковы ромъ, табакъ, мука, и прочее; но мысль: не попытаюсь ли я какъ-нибудь скрыться отъ нихъ дорогою, постоянно удерживала ихъ отъ этого ревностнаго желанія. Чтобы избѣжать этого возможнаго случая, большая часть изъ нихъ вѣроятно скорѣе бы лишила меня жизни, если бы только они увлекались одною врожденною свирѣпостью, но ихъ удержали мои угрозы, такъ ловко и счастливо присоединенныя къ лестнымъ обѣщаніямъ. Ружья и пушки благотѣльно для меня подѣйствовали не на одно патагонское воображеніе; трусость бываетъ почти всегда нераздѣльна съ жестокостью. Однимъ словомъ: я показался имъ очень плохую личностью, трудною въ сохраненіи и опасною на свободѣ. Патагонцы обѣщали, отказывали, опредѣляли конечный срокъ къ отбытію, и опять откладывали его на неопредѣленное время. Торопить ихъ, значило произвести обратное послѣдствіе для моихъ желаній, и потому я предоставилъ имъ полную свободу дѣйствовать по ихъ доброй волѣ, не упуская между тѣмъ ни малѣйшаго случая все глубже и глубже запускать крючокъ, который я снабдилъ такою великолѣпною приманкой.

ШЕСТОЙ КОНТИНЕНТЪ.

(Статья дополнительная къ Южному полюсу).

Смотря на земной глобусъ, мы съ перваго взгляда замѣчаемъ, что материкъ Европы, Азии и Америки очень углубляются на сѣверъ, между тѣмъ, какъ противоположныя оконечности Африки, Новой Голландіи и Южной Америки недалеко простираются къ югу. Мысъ Доброй Надежды не достигаетъ 35° , оконечность Вандименовой Земли лежитъ подъ 43° , а мысъ Горнъ подъ 56° ю. ш., все остальное пространство до льдовъ южнаго полюса покрыто океаномъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи ученые предполагали, что на отдаленномъ югѣ должна находиться обширная земля, будто бы необходимая для равновѣсія земнаго шара.

Не упоминаая о неудачныхъ плаваніяхъ для открытія этого материка, первая настоящая ученая экспедиція къ южному полюсу совершена была знаменитымъ мореплавателемъ Кукомъ. Онъ осмотрѣлъ въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ болѣе 100° пространства по долготѣ выше 60° ю. ш. и дважды достигалъ значительныхъ южныхъ широтъ, именно въ 1773 году $67^{\circ} 30'$ на меридіанѣ 38° в. д. и въ 1774 году $71^{\circ} 15'$ на меридіанѣ 108° з. д. Хотя Сандвичева земля *) была единственнымъ его открытіемъ, но Кукъ многократными плаваніями доказалъ, что отъ экватора къ югу, до параллели 60° ю. ш. нельзя сдѣлать никакихъ важныхъ открытій. Между тѣмъ отъ 60° ю. ш. до полюса оставалось много еще неизслѣдованнаго пространства моря.

Хотя Кукъ и полагалъ, что подъ южнымъ полюсомъ должна находиться обширная земля, около которой образуются ледяныя громады, относимыя вѣтрами и теченіями моря въ меньшія широты, но былъ увѣренъ, что достигнуть до нея невозможно и что вообще едва ли кому удастся далѣе его проникнуть къ югу, потому что льды, туманная погода, морозы, снѣгъ, бури, словомъ, всѣ возможныя препятствія послужатъ непреодолимою преградой самому предпринчивому изслѣдователю. Такъ полагалъ знаменитый мореходецъ послѣ труднаго и опаснаго плаванія своего къ южному полюсу. Но кто можетъ положить границы усиліямъ и предпринчивости челоѣка и сказать: «вотъ предѣлъ, котораго не преѣдешь!» По слѣдамъ Кука новѣйшіе мореплаватели устремились въ южныя полярныя моря и, преодолевъ всѣ препятствія, дошли на отдаленномъ югѣ до важнѣйшихъ открытій.

Послѣ Кука, чрезъ 45 лѣтъ, первая экспедиція на югъ предпринята была, по волѣ Императора Александра Благословеннаго, русскими мореплавателями. Начальникъ этой экспедиціи, капитанъ Беллинсгаузенъ, шесть разъ проникалъ за полярный кругъ, осматривалъ въ предѣлахъ его значительное по долготѣ пространство моря, описалъ группу южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и открылъ въ этихъ водахъ, среди льдовъ, вулканическіе острова Маркиза де-Траверсе, описалъ острова, составляющіе Новую Шетландію, нѣсколько разъ доходилъ до неподвижной ледяной стѣны, которая тянулась отъ запада къ востоку и преграждала ему дальнѣйшіе поиски къ югу. Наконецъ благородныя его усилія и, можно сказать, дерзкая предпринчивость увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ: онъ открылъ у неподвижнаго льда, близъ параллели 69° ю. ш., подъ меридіаномъ $90^{\circ} 46'$ з. д., высокой на 4000 ф. поднявшейся изъ воды островъ Петра 1-го и потомъ, почти въ той же широтѣ, берегъ Александра, подъ меридіаномъ 73° отъ Гринича. Такимъ образомъ открытіе самыхъ отдаленнѣйшихъ антарктическихъ земель долго, и именно, до путешествія капитана Росса *), оставалось за русскими.

Въ 1849 году капитанъ купческаго судна англичанинъ Смитъ открылъ западнѣ Сандвичевой земли Новую Южную Шетландію. По прибытіи въ Вальпарайзо, онъ донесъ объ этомъ открытіи английскому командору шерифу, который немедленно отправилъ, для обозрѣнія этой земли,

*) Кукъ видѣлъ эту землю въ туманную погоду и не могъ удостовѣриться, что она состоитъ изъ группы острововъ.

*) Россъ подтверждаетъ это на 188 стр. 1 тома изданныя имъ путешествія, подъ заглавіемъ: *A voyage of discovery and research in the southern and antarctic regions during the years 1839—43 by captain Sir James Clark Ross, R. V. etc. in two volumes. London. 1847.*

нтурмана Брансфильда. Брансфильдъ, описавъ эту землю, или, лучше сказать, группу острововъ, которые названы Южными Ново-Шетландскими, дошелъ до 65° ю. ш., гдѣ остановленъ былъ сплошнымъ льдомъ. По изданной Лоріемъ картѣ плаванія Брансфильда, оказывается, что къ югу отъ острова Бриджмена, принадлежащаго къ Южной Шетландіи, онъ видѣлъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, подъ $63^{\circ} 20'$ ю. ш. и 62° з. д.

Если вѣрить американцу Фанингу, то въ 1820 году въ Новой Южной Шетландіи находилось, для добыванія морскихъ котиковъ, пять американскихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ у острова Десепціонъ. Часовой, поставленный на самомъ высокомъ мѣстѣ острова увидѣлъ, въ ясную погоду, къ югу горы, изъ которыхъ одна была вулканическая, что-будто американскій купеческій капитанъ Пальмеръ на шлюпѣ Геро отправился для обзорнія этой земли, и дѣйствительно нашелъ обширный гористый берегъ, покрытый льдомъ и снѣгомъ, еще болѣе угрюмый и безжизненный, чѣмъ Новая Шетландія и, не смотря на лѣтнее время, до того окруженный льдами, что пристать къ нему не было никакой возможности. Возвратясь къ острову Десепціонъ, Пальмеръ былъ удивленъ, увидя въ этихъ водахъ два русскія военныя судна — это были *Востокъ* и *Мирный*, возвращавшіеся, въ 1821 году, изъ продолжительнаго путешествія къ южному полюсу. Пальмеръ былъ у начальника русской экспедиціи, который, будто бы узнавъ о сдѣланномъ имъ открытіи обласкалъ американца и назвалъ по его имени открытый имъ берегъ. Пальмеръ дѣйствительно пріѣзжалъ къ капитану Беллингаузеву, но объ открытомъ имъ берегѣ, по крайней мѣрѣ въ это время, не было помину, и вышеприведенный рассказъ Фанинга — чистая выдумка, а между тѣмъ берегъ, видѣнный Брансфильдомъ, названъ впоследствии именемъ Пальмера и берегомъ Троицы.

Въ концѣ 1821 года англичанинъ Повель на суднѣ Голубь (Dove), встрѣтясь въ Новой Южной Шетландіи съ упомянутымъ выше Пальмеромъ, начальствовавшимъ тогда судномъ *Монро*, вмѣстѣ съ нимъ предпринялъ путешествіе для открытія новыхъ острововъ и добыванія на нихъ морскихъ котиковъ. 6 декабря на суднѣ *Голубь* увидѣли землю: это были острова, названные англичанами островами Повель или Южными Оркнейскими, въ 60° ю. ш. и 45° з. д.

О путешествіи американца Морреля, который будто бы въ 1820 году на меридіанѣ 42° з. д. достигъ $70^{\circ} 14'$ ю. ш. и нашелъ свободное отъ льдовъ море, а потомъ между 68° и $62^{\circ} 40'$ ю. ш. шелъ вдоль высокаго берега, распространяться много нечего: оно не заслуживаетъ

ни малѣйшей вѣтры. Впослѣдствіи Дюмонъ-Дюрвилъ съ судами *Астробліею* и *Зеле* невредимо прошелъ по этой землѣ.

Гораздо болѣе можно вѣрить капитану купеческаго судна англичанину Ведделю. Въ 1822 году, начальствуя надъ двумя судами *Анлой* (*Jane*) и *Beaufou*, онъ 12 января находился у Южныхъ Оркнейскихъ острововъ для добыванія морскихъ котиковъ; но какъ эти звѣри въ этихъ водахъ были почти все истреблены, то отправился для обозрѣнія пространства моря между этими островами и Южными Сандвичевыми. Не сдѣлавъ здѣсь никакихъ открытій, онъ пустился далѣе къ югу и, безъ большихъ затрудненій, 18 февраля достигъ 72° ю. ш. при 35° з. д., не имѣя въ виду ни одной льдинки. 20 февраля, въ $74^{\circ} 15'$ ш., въ горизонтѣ были только 4. ледяные острова; погода стояла хорошая и довольно теплая. Веддель не сомнѣвается, что онъ легко могъ бы проникнуть гораздо далѣе къ югу и даже приблизиться къ полюсу, но, принимая во вниманіе позднее время года и трудности, ожидавшія его на возвратномъ пути, онъ рѣшился воспользоваться попутнымъ вѣтромъ и поворотилъ къ сѣверу, заходилъ потомъ къ Новой Южной Шетландіи, островамъ Фалкландскимъ, къ Патагоніи и наконецъ, въ 1824 году, возвратился въ Англію. Изданное имъ описаніе этого путешествія обратило на себя вниманіе ученыхъ, изумившихся, что простой купеческій капитанъ, безъ всякихъ затрудненій дошелъ до широты, какой, при всѣхъ усиліяхъ, не могли достигнуть ни знаменитый Кукъ, ни отважный русскій мореплаватель Беллинсгаузенъ. Веддель въ описаніи своемъ старается доказать возможность достиженія самого полюса, потому что въ высокихъ южныхъ широтахъ, по мнѣнію его, надо ожидать свободнаго отъ льдовъ моря и температуры болѣе утѣренной.

Въ 1828 году британское правительство послало офицера Форстера на судавъ *Птыухъ* (*Chanticleer*) для физическихъ наблюденій. Форстеръ отъ Земли Штатовъ, лежащей къ востоку отъ Огненной Земли, отправился въ декабрѣ въ Новую Южную Шетландію, къ острову Десепсионъ, а оттуда на югъ къ землѣ Троицы или Пальмера. Онъ нашелъ тамъ обширный, весьма гористый, занесенный снѣгомъ берегъ. Нѣкоторыя горы возвышались надъ поверхностью моря на 6 и 7 тысячъ футовъ. Форстеръ приставалъ къ берегу и, исполнивъ неизбежную церемонію принятія этой находки подъ владѣніе Англіи, назвалъ мысъ, на который входилъ, *Овладѣніемъ* (*Possession*). Онъ находится въ $63^{\circ} 26'$ ю. ш. и въ $66^{\circ} 26'$ з. д. Оттуда берегъ тянется, сколько предѣлы горизонта позволяли видѣть, на югозападъ, оканчиваясь цѣпью горъ, которыя могли быть отдѣльными островами, или вершинами материка. Отправясь потомъ къ острову Десепсионъ, Форстеръ занимался

физическими наблюденіями. Достоинъ замѣчанія, что, во время прибытія его въ январѣ мѣсяцѣ къ острову, море покрыто было льдами, при отпращиваніи же назадъ, въ мартѣ, совершенно отъ нихъ свободно.

Фаннингъ еще рассказываетъ, что въ то же время американецъ Броунъ, на суднѣ *Мирный* (Pacific), занимавшійся тюленьимъ промысломъ, открылъ между Южнымъ Георгіемъ и Сандвичевою землею четыре острова; но широтѣ ихъ, надо полагать, что они принадлежатъ къ группѣ острововъ Маркиза де-Траверсе, открытыхъ еще въ исходѣ 1819 года Беллингаузеномъ.

Вскорѣ послѣ того, лондонскій Торговый домъ Эндерби отправилъ два судна, бригъ (Tula) и куттеръ (Lively), подѣ начальствомъ Бискозъ, для добыванія морскихъ котиковъ и открытій въ большихъ южныхъ широтахъ. Бискозъ отправился изъ Лондона 14 іюля 1830 года. 27 ноября находился онъ у Южныхъ Сандвичевыхъ острововъ и, по невозможности проникнуть далѣе 60° къ югу, направилъ путь свой сначала къ востоку, а потомъ опять къ югу. 21 января на меридіанѣ Гринича онъ достигъ $66^{\circ} 16'$ ю. ш., а 1 февраля въ 10° в. д. $68^{\circ} 51'$ ю. ш., но далѣе сплошной ледъ не допустилъ его идти къ югу. Держась между параллелями 66 и 68° , 25 февраля въ $66^{\circ} 2'$ ю. ш. и 46° в. д. онъ увидѣлъ землю, окруженную льдами, потомъ опять видѣлъ ее въ широтѣ $65^{\circ} 57'$ и долготѣ 50° в., но за льдами не могъ подойти къ ней ближе 20 миль. Берегъ этотъ, названный имъ Эндерби, простирался въ длину отъ 100 до 150 миль, былъ гористъ и покрытъ снѣгомъ и льдомъ, исключая острыхъ вершинъ, которыя казались черноватыми. Дурная погода и ненадежное здоровье экипажа заставили его поспѣшить въ обратный путь, къ Вандиновой Землѣ. Суда его остановились у Гобаръ-Тоуна, заходили въ Новую Зеландію, къ островамъ Чатаму и Боунти и въ исходѣ 1831 года снова пустились къ югу.

15 февраля 1832 г. въ широтѣ 67° ю. и долготѣ $74^{\circ} 18'$ з. Бискозъ увидѣлъ высокій островъ, который составлялъ оконечность цѣлой группы острововъ, идущихъ отъ WSW къ ONO. Онъ назвалъ его островомъ Аделанды*.

21 февраля Бискозъ былъ подѣ высокаго берега и заходилъ въ бухту, находившуюся между двумя высокими скалами, названными имъ Вильямсъ и Моверби, въ широтѣ $64^{\circ} 45'$ и долготѣ $68^{\circ} 11'$ з. Отсюда Бискозъ направилъ путь къ Новой Шетландіи, гдѣ едва не потерялъ

* Это самая южнѣйшая земля, открытая Бискозъ. Но берегъ Александра, открытый Беллингаузеномъ, почти подѣ тѣмъ же меридіаномъ углубляется на 100 итальянскихъ миль еще далѣе къ югу.

нераблекрушенія, потомъ заходя въ острова Фалклендскія; тамъ разбилось судно его «Lively», послѣ того приставалъ еще къ острову Св. Екатерины и наконецъ возвратился въ Англію.

Бискозъ назвалъ послѣднее свое открытіе землею Грагама, которой дальнѣйшее протяженіе на югъ можетъ связываться съ берегомъ Александра.

Мореплавателю Бискозъ обязаны открытіемъ дальнѣйшаго протяженія къ юго-западу антарктической земли, которой острова Новой Шетландіи составляютъ какъ бы передовой архипелагъ. Сверхъ того, онъ нашелъ и на другомъ меридіанѣ признаки южнаго материка. Жаль, что большое разстояніе, на которомъ онъ видѣлъ послѣднюю землю не дозволило ему судить о дальнѣйшемъ ея направленіи.

Путешествіе Бискозъ обратило на себя особенное вниманіе ученыхъ. Французское и Англійское Географическія Общества присудили ему награды.

Торговый домъ Эндерби ободренный такими успѣхами, счѣтнулъ снарядить вновь два судна, для дальнѣйшихъ открытій, подъ начальствомъ Бискозъ; но, по особымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ отказаться отъ этого путешествія. Экспедиція поручена была лейтенанту Реа, который близъ Новой Шетландіи неблагоразумно зашелъ въ такую чашу льда, что одно изъ его судовъ разбилось, а другое съ большимъ трудомъ едва могло черезъ льды пробиться назадъ, чѣмъ и кончилось это неудачное путешествіе.

Теперь насталъ новый періодъ ученыхъ экспедицій, предпринятыхъ къ южному полюсу уже не частными людьми, но правительствами трехъ морскихъ націй.

Въ 1837 году правительство Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшилось въ первый разъ послать большую экспедицію къ южному полюсу. Ученыя общества Англіи ходатайствовали предъ своимъ правительствомъ о снаряженіи подобной экспедиціи, опасаясь, чтобы американцы не присвоили себѣ однихъ славы въ открытіи южнаго материка; англійскіе моряки также сильно подстрекаемы были успѣхами Бискозъ и Ведделя. Итакъ, положено было отправить и отъ британскаго правительства ученую экспедицію къ южному полюсу, которая должна была еще заняться и магнитическими въ обширномъ размѣрѣ наблюденіями. Начальство надъ нею вѣрено было капитану Джесу Россу. Въ то же время два французскіе корвета, Астролябія и Зеа, подъ командою Дюмонъ-Дюрвиля, назначавшіеся для ученаго кругосвѣтнаго плаванія, получили инструкцію идти по слѣдамъ Ведделя для достиженія наибольшихъ южныхъ широтъ. Такимъ образомъ мореплаватели трехъ націй

призваны были къ благородному соперничеству среди льдовъ подъ южнымъ полюсомъ.

Начнемъ съ экспедиціи французовъ:

7 сентября 1837 года корветы Астролябія и Зеде оставили тулонскій рейдъ. Дюмонъ-Дюрвиль находился на Астролябіи, капитанъ Жакино начальствовалъ на Зеде. Посѣтивъ и отчасти описавъ проливъ Магеллановъ, 9 января 1838 суда пустились къ Новой Шетландіи.

16 и 17 января миновали острова Элефанта и Кларенса, которыхъ, за пасмурностью, не могли видѣть и продолжали идти къ юго-востоку, встрѣчая на пути довольно много ледяныхъ острововъ. 22 января не достигнувъ еще параллели 64° на меридіанѣ 48° з. д., встрѣтили сплошной ледъ, который преградилъ имъ путь, почему и принуждены были, слѣдуя вдоль его, уклониться къ сѣверу. 26 января, выбравшись изъ льдовъ, прошли по сѣверную сторону Оркнейскихъ острововъ. 2 февраля пустились опять къ юго-востоку. 4 февраля ледяное поле вновь преградило имъ дорогу; дней пять они были совершенно затерты льдами и съ большимъ трудомъ пробились сквозь нихъ на чистое мѣсто. До 15 февраля слѣдовали вдоль ледянаго поля, а потомъ принуждены были повернуть къ западу и пройти вновь по сѣверную сторону Оркнейскихъ острововъ. 22 февраля оставили вправѣ маленькій островокъ Бриджменъ, возвышающійся футовъ на 500 отъ поверхности моря и служащій убѣжищемъ безчисленному множеству пингвиновъ. Продолжая идти далѣе къ юго-западу, увидѣли по лѣвую отъ себя сторону покрытый снѣгомъ берегъ и на немъ высокую гору, которую, судя по картѣ Лорія видѣлъ и Брансфильдъ. Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ ее горою Брансфильда, а весь берегъ — Землею Луи Филиппа.

5 марта Дюмонъ-Дюрвиль подходилъ къ берегу на разстояніи 3 или 4 миль; но, за позднимъ временемъ и по неудовлетворительному состоянію здоровья экипажа на обоихъ корветахъ, не рѣшился предпринять дальнѣйшаго обозрѣнія этого берега и направилъ свой путь сначала къ Новой Шетландіи, а оттуда къ берегу Чили, и въ заливѣ Талкахуанскомъ пребылъ два мѣсяца.

Посѣтивъ потомъ въ тропическихъ моряхъ острова Монга-Рева, Нука-Гиву, Отави, Опулу, Гаван, Вити, Соломоновы, частью Каролинскіе и Маріанскіе, Молуккскіе, Зондскіе и нѣкоторые другіе, Дюмонъ-Дюрвиль достигъ 12 декабря 1839 года въ Вандименовой Землѣ Гобартъ-Тоуна. Здѣсь извѣстный капитанъ Бискозъ объявилъ ему о попыткѣ своей подняться къ югу по меридіану Новой-Зеландіи, гдѣ, однакоже, на параллели 63° встрѣтилъ непроходимые сплошные льды. Онъ присовокупилъ къ этому, что многіе мореплаватели предполагаютъ существованіе земли

на югъ по меридіану острова Маквари. Дюмонъ-Дюрвиль рѣшился по этимъ даннымъ изслѣдовать пространство Южнаго Полярнаго моря между меридіанами 120° и 160° в. д.; впрочемъ, ему не были еще извѣстны слѣдующія, за годъ передъ тѣмъ, въ этихъ водахъ открытія капитаномъ вѣтовляковаго судна Баллени земли Сабрина по меридіану 120° в. д. и острововъ Баллени по меридіану 165° в. д.

1 января 1840 Астролябія и Зеле, оставивъ Гобартъ-Тоунъ, отправились во второй разъ въ Ледовитое море. 16 января въ широтѣ 60° показались первые льды; 19 видны были большіе ледяные острова правильной формы съ плоскими вершинами и отрубистыми боками, вышиною отъ 100 до 130 футовъ, встрѣчали также тюленей и пингвиновъ, что служило признакомъ близости берега.

19 января въ три часа пополудни съ форъ-марса увидѣли прямо впереди берегъ; въ это время находились въ 66° ю. ш. и около 140° в. д. отъ гринич. мер. На слѣдующій день предъ судами возвышался однообразный, покрытый снѣгомъ, берегъ, тянувшійся отъ востока къ западу; но на немъ не было замѣтно ни одного чернѣющагося пятнышка. Видя одну чистую ледяную стѣну, многіе сомнѣвались, что это былъ дѣйствительно берегъ. Между тѣмъ прибывшій съ Зеле яликъ объявилъ, что на этомъ суднѣ еще со вчерашняго дня всѣ увѣрены были въ открытіи новой земли.

Хотя французы и не пересѣкли еще южнаго полярнаго круга, и даже въ оба плаванія ни разу не удалось имъ побывать за нимъ, но поторопились въ этотъ же вечеръ сдѣлать праздникъ въ честь полярнаго дѣдушки.

21 января корветы тѣсно окружены были ледяными островами; иногда они проходили между двухъ отвѣсныхъ ледяныхъ скалъ такъ близко, что эхо команды офицеровъ повторялось между ледяными стѣнами. Когда съ Астролябіи смотрѣли на Зеле, находящуюся подлѣ ледянаго острова, она, въ сравненіи съ нимъ, казалась игрушкой.

Наконецъ суда вошли въ родъ бассейна; съ одной стороны окружалъ ихъ покрытый льдомъ берегъ, съ другой—цѣпь ледяныхъ острововъ, которую только что миновали. Съ Астролябіи снущена была шлюбка для сдѣланія на одномъ ледяномъ острову магнитическихъ наблюдений. Въ это время вахтенный на Астролябіи офицеръ Дюрокъ замѣтилъ на льду черное пятно. Дюмонъ-Дюрвиль, несмотря, что время клонилось уже къ вечеру и берегъ былъ недалеко, рѣшился послать къ этому мѣсту яликъ съ Дюрокомъ, чтобъ привезти оттуда что нибудь, несомнѣнно удостоверяющее, что предъ ними дѣйствительно находится земля. Для той же

цѣли посланъ былъ яликъ и съ Зелѣ. Они 200 саженями здѣсь не доставали дна.

Въ 9 часовъ вечера возвратились наблюдатели. Кромѣ магнитическихъ обсерваций, имъ удалось, посредствомъ компаса, замѣтить, что ледяные острова имѣютъ поступательное и притомъ довольно чувствительное движеніе: Такимъ образомъ практически убѣдились, что ледяныя громады, отламываясь отъ материка, легко вѣтрами и теченіемъ уносятся въ морѣ.

Вскорѣ возвратились и ялики. Несмотря на бурунъ, они успѣли пристать къ одному голому острову. Матросы, взобравшись наверхъ, бросали оттуда оторопѣвшихъ пингвиновъ, спокойствіе которыхъ никто не возмущалъ доселѣ. Другіе, вооружась кирками и молотками, принялись отбивать куски отъ утеса, который такъ былъ твердъ и крѣпокъ, что отъ него летѣли только маленькіе осколки. По счастью, матросы въ другомъ мѣстѣ нашли большіе куски гранита, которые отдѣлялись отъ скалъ, вѣроятно, дѣйствіемъ быстрыхъ измѣненій въ температурѣ воздуха, и взяли ихъ на ялики. Сравнивая эти обломки съ кусочками камня, найденными въ желудкѣ наканунѣ убитаго пингвина, убѣдились въ совершенномъ ихъ сходствѣ. Вотъ по какимъ иногда слѣдамъ можно доходить до важныхъ открытій!

Этотъ безжизненный, частью обнаженный, частью покрытый снѣгомъ островъ, равно и весь подъ ледяною корою берегъ, моряки взяли подъ владычество Франціи, распустивъ для того трехцвѣтный флагъ. Кромѣ пингвиновъ, ничего на островѣ не видали; нашли одну только на низменности водоросль, и та, вѣроятно, занесена была туда волнами или птицами. Этотъ островокъ принадлежитъ къ группѣ девяти или десяти подобныхъ острововъ, отстоящихъ отъ берега на версту.

Дюмонъ-Дюрвиль назвалъ этотъ берегъ Аделью, выдавшійся на на немъ мысъ — Открытійемъ, а островокъ, къ которому приставалъ — Геологическимъ.

Съ 22 января суда шли вдоль сплошнаго льда, уклоняясь отъ берега нѣсколько къ сѣверу; между тѣмъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, пошелъ снѣгъ и сдѣлался такой густой туманъ, что отъ одной мачты не видать было другой. Ночь на 25 января, была для этой экспедиціи одна изъ самыхъ опаснѣйшихъ; но Провидѣніе сохранило мореплавателей: суда ихъ невредимо пронесли мимо ледяныхъ громадъ, столкновеніе съ которыми было бы для нихъ совершенною гибелью.

На другой день сдѣлалось потише и погода прояснилась. Зелѣ скрылась изъ виду, но къ 6 часамъ вечера увидѣли ее, шедшею подъ всеми парусами на соединеніе съ Астролябіей.

29 января увидѣли военный бригъ, который поднималъ американскій флагъ. Французы догадались, что онъ принадлежитъ къ американской экспедиціи, подъ начальствомъ лейтенанта Вилькса, и подняли свой флагъ. Суда желали войти въ сношенія, но, по обоюдному недоразумѣнію, разошлись въ разныя стороны: французы къ сѣверу, а американецъ къ югу.

30 января французскія суда подошли къ ледяной стѣнѣ, возвышающейся отъ поверхности моря, отъ 100 до 150 футовъ. Продолжая слѣдовать вдоль нея, тщетно искали какихъ нибудь признаковъ для удостовѣренія, что это берегъ, а не одинъ только ледъ; бросали лотъ, но 200 саженьми дна не достали. Нѣкоторые почитали эту стѣну просто за неподвижный ледъ; Дюмонъ-Дюрвиль призналъ ее за настоящій берегъ, и безъ дальнихъ справокъ назвалъ Землею Кларк, въ 135° вост. дол.

31 января суда достигли 128° вост. дол., отъ парижскаго меридіана. Въ эти дни склоненіе компаса изъ восточнаго сдѣлалось западнымъ, слѣдовательно перешли въ этой долготѣ магнитный меридіанъ *.

1 февраля, въ 65° южн. шир. французская экспедиція спустиа одинъ мѣсяць, по выходѣ изъ Гобартъ-Тоуна, простилась съ Полярнымъ моремъ и направила свой путь къ Вандименовой Землѣ, которой достигла 17 февраля; потомъ суда посѣтили острова Аукландскіе, Новую Зеландію и нѣкоторые другіе, причемъ едва не потерпѣли кораблекрушенія, наткнувшись на коралловую стѣну острова Туа, направили путь къ мысу Доброй Надежды, и 6 ноября 1840 года, по 38-ми мѣсячномъ плаваніи, потерявъ отъ болѣзней много команды, прибыли въ Тулонъ **.

Американская экспедиція, подъ начальствомъ лейтенанта Вилькса, состояла изъ двухъ шлюповъ: Венсенъ и Павлинъ (Peacock), изъ брига Порпойзъ (Porpoise) ***, двухъ шкуновъ: Морская Чайка (Sea-Gull) и Летучая Рыба (Flying-Fisch) и изъ Транспорта (Relief) **** назначенна-

* Въ 1820 году, шлюпы Востокъ и Мирный, подъ начальствомъ капитана Беллинсгаузена, пересѣли магнитный меридіанъ, въ 136° в. д. отъ Гринича. Прибавя къ долготѣ 128°, разность долготы между Парижемъ и Гриничемъ 2°20'15'', все еще выйдетъ въ положеніи магнитнаго меридіана, чрезъ 20 лѣтъ, значительная разность.

** Дюмонъ-Дюрвиль не успѣлъ самъ издать этого интереснаго путешествія: онъ погибъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, на желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Версаль, 2 мая 1842 года. Обязанность эту приняли его спутники, и оно явилось въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: Voyage au Pôle Sud et dans l'Océanie sur les corvettes l'Astrolabe et la Zélée exécuté par ordre du Roi pendant les années 1837—1840, sous le commandement de m. J. Dumont-Durville, capitaine de vaisseau, etc. X volumes, avec un atlas pittoresque et 10 cartes. Paris. Gide. 1844 — 1847.

*** Морская свинья.

**** Облегченіе.

го для широты провоза. Вообще эта экспедиція богато снабжена была всеми возможными инструментами для астрономических и физических наблюдений; ее сопровождали многіе ученые и въ особенности естествоиспытатели, съ подробными инструкціями, изъ которыхъ, по части гидрографіи, составлена была знаменитымъ русскимъ гидрографомъ адмираломъ Крузенштерномъ.

Въ началѣ февраля 1839 года всѣ суда этой экспедиціи стояли на якорѣ въ одной изъ бухтъ Огненной Земли. Въ половинѣ февраля Павлинъ и Летучая Рыба пошли на западъ къ меридіану, на которомъ Кукъ достигъ наибольшей широты; прочія суда, подъ начальствомъ Вилькса, отправились къ обзорѣню моря между Южными Оркнейскими островами и берегомъ Пальмера, или Троицы. Первый отрядъ на меридіанѣ 100° з. д. проникъ за параллель 69° ю. ш., а по пути Ведделя встрѣтились сплошные льды тамъ же, гдѣ встрѣтилъ ихъ Дюмонъ-Дюрвиль и не дозволили экспедиціи идти далѣе къ югу.

Въ 1840 году путешествіе Вилькса было удачнѣе. Онъ обзорѣлъ пространство моря отъ 160° до 95° в. д. близъ антарктическаго круга и на всемъ этомъ протяженіи полагаетъ непрерывный берегъ, названный имъ Южнымъ или Австральскимъ Континентомъ. Вильксъ предоставилъ въ эту компанію каждому судну, когда войдетъ во льды, дѣйствовать отдѣльно по удобности и общимъ rendez-vous назначилъ у сплошныхъ льдовъ меридіанъ 105° в. д.

Венсенъ и Павлинъ встрѣтили ледяныя поля 11 января въ $64^{\circ} 14'$ ю. ш. и въ $154^{\circ} 53'$ в. д., и на другой день, во время пасмурности разлучились. Павлинъ достигъ до неподвижнаго льда 15, а Летучая Рыба 21 января. Суда эти замѣтили необыкновенную перемѣну въ цвѣтѣ воды, были окружены ниягвинами и тюленями; близъ этого мѣста находились острова Баллена. Поутру 19 января 1840 года усмотрѣнъ былъ берегъ на Венсенѣ и Павлинѣ; послѣдній, потерѣвъ много отъ льдовъ, принужденъ былъ 24 января отправиться въ Портъ-Джаксонъ. Наканунѣ на этомъ суднѣ достали дно моря 320 саженими; грунтъ оказался голубоватый илъ съ крупнымъ гравіемъ.

Летучая Рыба, вытерпѣвъ жестокой штурмъ, принуждена была отправиться въ меньшія широты. Венсенъ и Порпойзъ продолжали идти вдоль ледянаго берега, видя время отъ времени землю въ разстояніи отъ десяти до одной мили, смотря по тому, какъ ледяная стѣна имъ это позволяла.

29 января суда вошли въ заливъ, названный ими Пинверсъ, единственное мѣсто, въ которомъ могли бы пристать къ берегу*, глубины

* Заливъ этотъ находится въ близкомъ разстояніи отъ того пункта, въ которому импе-

было только 30 сажень; но сильный ураганъ, длившійся полторы сутки, отъ котораго суда едва не погибли, отнесъ ихъ миль на 60 къ западу отъ залива. Вильксъ, вмѣсто того, чтобъ возвратиться назадъ и выйти въ заливъ Пинерсъ на берегъ, продолжалъ слѣдовать къ западу вдоль неподвижнаго льда, который въ долготѣ 97° повернулъ къ сѣверу. Время года (20 февраля) было уже позднее, погода стояла дурная и Вильксъ отправился сначала въ Портъ-Джаксонъ, гдѣ починался Павлинъ, а потомъ въ Новую-Зеландію, гдѣ назначено было общее rendez-vous. Тамъ, въ заливѣ острововъ, находились Порпойзъ и Летучая Рыба, Морская же Чайка въ апрѣлѣ 1839 пропала безъ вѣсти на меридианѣ Горна. Что касается до транспорта Relief, то онъ, оставивъ грузъ частью на Сандвичевыхъ островахъ и частью въ Сидней, отправился въ Сѣверную Америку. Изъ Новой Зеландіи экспедиція заходила въ Портъ-Джаксонъ, гдѣ Вильксъ узналъ объ открытыхъ капитаномъ Баллени островахъ въ 165° в. д. за полярнымъ кругомъ. Освѣдомясь о новой экспедиціи къ южному полюсу капитана Росса, котораго ожидали тогда въ Портъ-Джаксонъ, онъ оставилъ ему, при подробномъ письмѣ, карту, на которой назначилъ берегъ южнаго материка, отчасти видѣнный и отчасти предполагаемый по разнымъ признакамъ отъ 160 до 97° в. д. Карту и письмо дѣйствительно Россъ получилъ въ Гобартъ-Тоунѣ, предъ отправленіемъ во льды, и она послужила ему въ пользу, именно въ избраніи меридіана, по которому дошелъ до важнѣйшихъ открытій.

Отчетъ объ экспедиціи Вилькса изданъ имъ самимъ, подъ названіемъ: Narrative of the United States Expedition, during the years 1838—1842. By C. Wilkes. U. S. N. Comandor of the Expedition. 3 vol. and an atlas. Philadelphia. etc. 1845

Капитанъ Джемсъ Россъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1839 года отправился изъ Англіи съ двумя судами, Эребусомъ и Терроромъ; первымъ командовалъ Россъ, вторымъ — Крозьеръ.

Они заходили на острова Мадеру, Тенерифъ, Зеленаго мыса, на о. Св. Елены и мысъ Доброй Надежды; въ послѣднихъ двухъ устроили магнитическія обсерваторіи, потомъ посѣтили островъ Крозетъ и землю Кергеленову, гдѣ устроили также магнитическую обсерваторію; потомъ отправились къ Землѣ Вандименовой въ Гобартъ-Тоунъ и оттуда къ островамъ Аукландскимъ; тутъ нашли двѣ выставленныя доски съ надписями—одну Дюмонъ-Дюрвиля, объ открытіи имъ земли Адель и *Adelphi-Durvilla*

primoresque et 10 cartes. Февра 21 января 1840. Вильксъ утѣряетъ, что увидѣлъ землю

*** Морская свинья.

амый день видѣлъ ее и Дюмонъ-Дюрвиля; отсюда вышелъ

*** Облегченіе.

къ эту землю.

дѣленіи южнаго магнитнаго полюса, другую—о плаваніи американскаго судна Порпойзъ около южнаго полярнаго круга; сверхъ того, найдена была худо-закупоренная бутылка съ бумагами, которыя такъ промокли, что трудно было разобрать написанное; впрочемъ, Порпойзъ не говорилъ въ нихъ объ открытіи южнаго материка.

Въ декабрѣ суда заходили къ острову Кеббелю, и наконецъ, 17 числа, направили путь свой къ югу.

27 декабря въ широтѣ $63^{\circ} 20'$ и въ долготѣ 174° в. встрѣтили первые ледяные острова съ отрубистыми боками и плоскими вершинами, высотой отъ 120 до 180 футовъ и до двухъ миль въ окружности.

30 декабря пересѣкли путь Беллингсаузена въ $64^{\circ} 38'$ ю. ш. и $173^{\circ} 10'$ в. д., а 1-го января перешли чрезъ полярный кругъ.

9 января 1841 года пробілись чрезъ густые льды и вышли въ открытое море. 11 января увидѣли берегъ съ высокими горами, покрытый снѣгомъ. Передовой островъ въ $71^{\circ} 56'$ ю. ш. и $171^{\circ} 7'$ в. д., къ которому суда приставали, названъ Россомъ островомъ Овладѣнія. (Possession). На немъ не было никакихъ признаковъ растительности, природа была мертва; только одни пингвины, въ безчисленномъ множествѣ стоявшіе рядами, нарушали крикомъ своимъ царствовавшее здѣсь безмолвіе. Тутъ не обошлось безъ необходимой церемоніи, принятія этой холодной, безжизненной подъ вѣчнымъ снѣговымъ покровомъ земли, подъ владычество Англіи. Гора, имѣвшая до 10,000 футовъ высоты отъ поверхности моря, названа горою Сабина, а вся земля, въ честь англійской королевы названа Викторіею.

Продолжая идти вдоль берега, 27 января приставали къ острову, находящемуся въ $76^{\circ} 8'$ ю. ш. и $168^{\circ} 12'$ в. д. На немъ есть огнедышущія горы высотой отъ 500 до 600 футовъ; нѣкоторыя скалы мѣстами имѣли желтоватый цвѣтъ, безъ малѣйшаго гдѣ либо знака растительности; вездѣ представлялись взорамъ только снѣжныя и ледяныя массы. Термометръ показывалъ $4\frac{1}{2}^{\circ}$ морозу. Россъ назвалъ его островомъ Франклина.

28 января открыли берегъ съ огнедышущею горою, которая возвышалась на 12,400 футовъ отъ поверхности моря и извергала въ высоту отъ 1500 до 2000 футовъ дымъ и пламя. Гору эту назвали Эребусъ. Другая гора, высотой до 11,000 футовъ, на восточной своей сторонѣ имѣла менѣе снѣга и состояла изъ коническихъ потухшихъ вулкановъ; ее назвали Терроръ. Широта мѣста въ это время была $76^{\circ} 6'$, долгота $168^{\circ} 11'$ в.

Продолжая плаваніе вдоль ледяной стѣны къ востоку, 31 января встрѣтили непреодолимую преграду отъ густаго льда, и не могли въ

этомъ мѣстѣ проникнуть далѣе къ югу, 2 февраля достигли широты $78^{\circ} 4'$ и принуждены были отъ сплошнаго льда поворотить къ сѣверу. До 11 февраля находились безпрестанно во льдахъ. Термометръ опустился до -8° и вода вокругъ судовъ стала замерзать. Между тѣмъ сдѣлался жестокой штормъ при снѣгѣ и туманѣ; вода замерзала на глубину, снасти обледенѣли и суда подверглись величайшей опасности.

14 февраля, выбравшись на чистое мѣсто, все еще имѣли $76^{\circ} 22'$ ю. ш., при $178^{\circ} 16'$ в. д. Термометръ стоялъ на нулѣ. Тогда предпринчившій, неутомимый Россъ рѣшился, направить свой путь къ южному магнитному полюсу; но 17 февраля сплошной ледъ прекратилъ ему дорогу въ $76^{\circ} 12'$ ю. ш. и въ 164° в. д. Въ это время магнитная стрѣлка показывала $88^{\circ} 40'$ наклоненія и $109^{\circ} 24'$ вос. склоненія. Россъ очень жалѣлъ, что ему не удалось водрузить на этомъ мѣстѣ флага, подобно тому, какъ это онъ сдѣлалъ на сѣверномъ магнитномъ полюсѣ.

2 марта въ ш. $67^{\circ} 28'$ и д. $165^{\circ} 30'$ в. видѣли три острова, которые Россъ назвалъ островами Баллеи.

4 марта, при жестокомъ вѣтрѣ, экспедиція считала себя въ великой опасности, имѣя подъ вѣтромъ берегъ, назначенный на картѣ капитана Вилькса; но 6 марта, находясь въ 12 миляхъ отъ этого берега, Россъ, при ясной погодѣ, его не видалъ и полагаетъ, что за землю приняты были облака.

7 марта въ ш. $65^{\circ} 31'$ и въ вос. д. $162^{\circ} 9'$, суда находились въ самомъ критическомъ положеніи: ихъ прижимало, при безвѣтріи, сильною зыбью къ ледянымъ островамъ, а буксира нельзя было употребить, по причинѣ сильнаго волненія; но Провидѣніе спасло отважныхъ плавателей: подувшій вѣтеръ дозволилъ имъ удалиться отъ ледяныхъ громадъ.

28 марта въ ш. $57^{\circ} 21'$ въ продолженіе двухъ или трехъ часовъ видѣли безчисленное множество птицъ, летѣвшихъ къ сѣверу; это стало затмѣвало воздухъ и занимало, примѣрно, пространство въ длину отъ 6 до 10, а въ ширину отъ 2 до 3 итальянскихъ миль.

Въ ш. $53^{\circ} 30'$ видѣли послѣдніе льды; 6 апрѣля вошли въ рѣку Деревятъ, Вандименовой Земли и бросили якорь вблизи устроенной или магнитической обсерваторіи. Команда на Эребусъ и Терроръ пользовалась совершеннымъ здоровьемъ и самыя суда весьма мало потерпѣли отъ льдовъ.

Во время пребыванія въ Гобартъ—Тоунѣ производились одновременныя условенныя магнитическія наблюденія, между тѣмъ экспедиція приготавлилась къ вторичному плаванію въ Южномъ Полярномъ морѣ.

Суда заходили въ Портъ-Джаксонъ, въ Новую Зеландію, въ Залізъ-Островъ, гдѣ также устроили обсерваторію и проводили магнитическія наблюденія.

22 ноября 1841, суда вышли изъ Новой Зеландіи и 16 декабря въ ш. $58^{\circ} 36'$ дол. $146^{\circ} 34'$ з. впервые увидѣли ледяные острова вышиною въ 130 футовъ и окруженностью до $\frac{3}{4}$ мили.

25 декабря въ ш. 66° и дол. $156^{\circ} 14'$ з. суда совершенно затерты были льдами. Новый годъ встрѣтили на льду; всѣ были въ веселомъ расположеніи духа и выдумывали разные игры. До половины января находились въ густыхъ льдахъ и вмѣстѣ съ ними подавались въ разные стороны; въ туманное время прикрѣплялись къ льдинамъ, между тѣмъ не могли избѣжать столкновенія со льдами; иногда удары такъ были сильны, что мачты дрожали и какъ бы готовы были упасть. 18 января, при жестокомъ вѣтрѣ, развело такое сильное волненіе, что волны переливались черезъ высокіе ледяные острова. Руль на Эрбусѣ повредился, да и на Террорѣ едва держался; паруса изорвало въ клочки; иногда суда находились на гребняхъ двухъ ближайшихъ между собою водяныхъ холмовъ, такъ что ихъ раздѣляла только одна нарытая волнами пролазъ, наполненная льдинами. Ночью промесса суда чрезъ цѣпь ледяныхъ острововъ, которые утромъ видны были назадъ.

21 января, когда вѣтеръ стихъ, суда прикрѣпились къ большой льдинѣ и поправили на Эрбусѣ руль, а для Террора одѣзали и вставили кошки. Обшивка на судахъ, несметра на удары о льдины, много испортилась.

28 января находились въ шир. $67^{\circ} 39'$ и дол. $155^{\circ} 59'$ з., такъ что вмѣстѣ съ льдинами подвинулись на 450 миль отъ того мѣста, какъ вошли въ ледяное поле.

Наконецъ 2 февраля въ шир. $67^{\circ} 29'$, дол. 159° з., пробившись сквозь льды, вышли въ чистое море. Далѣе плыли въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ прошломъ году. 18 февраля въ полдень находились въ шир. $76^{\circ} 52'$ и дол. 178° з.

20 февраля термометръ показывалъ $-8^{\circ}, 9$; вокругъ судовъ сталъ образовываться новый ледъ; снасти обледенѣли.

23 февраля достигли $77^{\circ} 49'$ шир. въ $162^{\circ} 36'$ з. д. На ледяныхъ горахъ видѣли много камней и остатки земли: лево было, что они отдѣлились отъ берега. Глубина моря здѣсь оказалась 290 сажень; но какъ ледяная стѣна имѣла высоты только до 15 сажень, то и нельзя было полагать, чтобъ она касалась дна. Въ полдень дошли до $78^{\circ} 10'$ ш. при $161^{\circ} 27'$ з. д., слѣдовательно на 6 миль далѣе къ югу противъ прошлогодней наибольшей широты. Россѣ

желалъ плыть вдоль ледяной стѣны, тянувшейся къ сѣверо-востоку, но при морозѣ 6° , вода на все видимое пространство стала покрываться слоемъ новаго льда, и какъ зима приближалась, то рѣшились спуститься къ сѣверу и 5 марта пересѣкли полярный кругъ, за которымъ находились 64 дня.

13 марта, суда, при крѣпкомъ вѣтрѣ, набѣжали на цѣпь ледяныхъ горъ и едва успѣли привести къ вѣтру; при этомъ случаи Эребусъ и Терроръ такъ сильно другъ о друга стукнулись, что на первомъ сломались бушпритъ и форъ-стеннга.

18 марта въ ш. 60° и д. 125° з. достигли мѣста, гдѣ предполагаютъ южный фокусъ наибольшей магнитной силы.

2 апрѣля миновали мысъ Горнъ и 6 апрѣля прибыли въ Портъ-Луи на Фалкландскихъ островахъ. Зиму употребили на исправленіе судовъ; изъ Рио-Жанейро привезли новый бушпритъ, между тѣмъ занимались магнитическими наблюденіями.

17 декабря пустились въ третью, послѣднее къ южному полюсу плаваніе, и именно къ землѣ Луи-Филиппа.

20 декабря пересѣкли линію равной температуры океана въ ш. $55^{\circ} 48'$, д. $54^{\circ} 41'$ з. На 1000 саженяхъ глубины термометръ показывалъ $3^{\circ},3$ на 750 с. $3^{\circ},2$ на 600 с. $3^{\circ},3$ на 450 с. $3^{\circ},4$ на 300 с. $3^{\circ},4$ на 150 с. и на поверхности моря $3^{\circ},6$.

Океанъ, занимающій до $\frac{3}{4}$ всей поверхности земнаго шара, дѣлится, въ отношеніи температуры воды, на три бассейна: первый, или тропическій, находится между параллелями 56° с. и 56° ю. ш.; другіе два отъ параллелей 56° идутъ къ обонимъ полюсамъ и называются сѣвернымъ полярнымъ и южнымъ полярнымъ бассейномъ, смотря потому, какой въ срединѣ ихъ находится полюсъ. Въ тропическомъ бассейнѣ опыты показали, что, по мѣрѣ увеличиванія глубины, температура воды постепенно уменьшается, однако не далѣе $+ 3^{\circ}$; потомъ, начиная съ глубины отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ футовъ, постоянно оказывается та же самая температура. Совсѣмъ другое явленіе замѣчается въ бассейнахъ полярныхъ. Тамъ на поверхности воды термометръ показываетъ нуль и даже ниже нуля, съ увеличеніемъ же глубины, температура возвышается, пока не дойдетъ до $+ 3^{\circ}$, тогда на всѣхъ дальнѣйшихъ глубинахъ остается постоянною. Такимъ образомъ на обонимъ полушаріяхъ около параллели 56° есть полоса, на которой, начиная отъ самой поверхности океана, во всѣхъ глубинахъ бываетъ почти одна и та же температура: около $+ 3^{\circ}$; это и есть нормальная, собственно океану принадлежащая теплота.

24 декабря въ шир. 61° открылись первые льды и 25 декабря суда вошли въ нихъ.

27 декабря, находясь между ледяными островами, при температурѣ воздуха $2^{\circ}2$, и воды $0,9$, видѣли, какъ ледяныя горы таяли и съ страшнымъ шумомъ и трескомъ разрушались. Подобнаго явленія не замѣчали въ прежнія плаванія.

28 декабря увидѣли на параллели 63° берегъ, составляющій продолженіе земли Луи-Филиппа; нѣсколько прибрежныхъ острововъ названы Оваскими.

1 января 1843 года въ шир. $64^{\circ} 14'$, дол. $55^{\circ} 54'$ з. находились близъ высокой земли. Гору на ней, высоту въ 7050 футовъ, назвали Гаддингтонъ, а возвышавшійся около нея на 2760 футовъ отъ поверхности моря островъ—Кокборнъ; вершина его обнажена была отъ сѣвга и походила на потухшій кратеръ. Островъ этотъ принятъ во владѣніе Англіи.

Весь январь провели во льдахъ. 4 февраля, выйдя изъ нихъ, направили путь къ востоку, чтобъ подняться въ наибольшую широту.

14 февраля въ шир. $65^{\circ} 13'$ пересѣкли путь Ведделя, но совершенно при другихъ обстоятельствахъ: онъ плавалъ въ свободномъ отъ льдовъ морѣ, а Эребусъ и Терроръ встрѣтили тутъ густые льды.

28 февраля опять были въ чистомъ морѣ. 1 марта пересѣкли полярный кругъ въ долготѣ 9° з. 5 марта достигли $71^{\circ} 30'$ при долготѣ $14^{\circ} 51'$ з. Но далѣе, за сплошными льдами, не могли проникнуть. Въ слѣдующіе дни вытерпѣли два шторма и, къ большому счастью, избѣжали столкновенія съ ледяными горами.

11 марта вышли изъ полярнаго круга въ дол. $13^{\circ} 30'$ з. 25 марта въ ш. $47^{\circ} 10'$ д. $10^{\circ} 51'$ в. видѣли послѣдніе ледяные острова.

4 апрѣля суда прибыли на мысъ Доброй Надежды, потомъ въ Рио-Жанейро, наконецъ благополучно возвратились въ Англію, не потерявъ ни одного человѣка отъ болѣзни во все время этого труднаго, въ самомъ неблагопріятномъ климатѣ, плаванія.

Послѣ всѣхъ этихъ путешествій существованіе огромнаго южнаго материка не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Честь перваго открытія его по справедливости должна принадлежать русскому мореплавателю Беллинсгаузену; найденный имъ берегъ Александра подъ меридіаномъ 73° з. д. къротно, примыкаетъ къ землѣ Грагама, составляя самую южную, доселѣ извѣстную ея оконечность *. За берегомъ Грагама тянутся къ сѣверо-востоку земли Пальмера, Тронцы и Луи-Филиппа до 50° з. д.,

* Жаль, что предприимчивый Россъ въ третье свое плаваніе къ южному полюсу, не устремился къ нему подъ этимъ меридіаномъ.

потомъ, близъ полярнаго круга, подъ меридіаномъ 50° в. д., находится открытая капитаномъ Бископъ земля Эндерби, капитанъ Камберъ видитъ берегъ подъ меридіаномъ 60° , далее идетъ берегъ, виденный американскимъ капитаномъ Вильксомъ отъ 100° до 160° в. д.; этотъ же берегъ видѣли Балленъ на меридіанѣ 120° в. д. (земля Сабрина) и Дюмонъ-Дюрвиль на меридіанахъ 135° в. д. (берегъ Клари) и 140° в. д. (земля Аделъ). Наконецъ между меридіанами 160° и 170° простирается открытая капитаномъ Россомъ на самомъ отдаленномъ югъ земля Викторія.

Но южный материкъ все еще открытъ подъ непроницаемою завѣсою. его окружаетъ недоступная ледяная стѣна и досель ни одинъ еще мореходецъ не вступалъ на таинственный берегъ, вершины котораго покрыты вѣчными снѣгами, а внутри kloкочуть огненные раскаленные массы, выбрасывая изъ кратеровъ лаву и пламень на 2000 ф. въ высоту.

Но что недоступно нынѣ, доступно можетъ быть завтра пытливому, непрестанно идущему впередъ уму человѣческому. Придетъ время, когда отвага и усилія людей иредпримчивыхъ, побѣдивъ всѣ препятствія, проникнутъ не только на южный материкъ, но и до самыхъ земныхъ полюсовъ, Дай Богъ, чтобъ подобныя открытія на пользу науки совершены были руками великой земли Скандинавіи, судьбами которой управляетъ Царь мудрый и могучій.

И. Новосильскій.

• Западиѣ этой земли, между меридіанами 16° и 19° в. д., вѣроятно, долженъ находиться неизвѣстный берегъ, потому что капитанъ Беланисгаузенъ, находясь здѣсь въ болыпои широтѣ, видѣлъ береговыхъ птицъ.

ДЖАКЪ ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Нѣсколько времени тому назадъ, ѣдучи изъ Глазгоу въ Ливерпуль, вѣреди всеобщей суматохи и говора, царствовавшихъ на станціи желѣзной дороги, я былъ пораженъ зрѣлищемъ; которое, потому особенно привлекло мое вниманіе, что составляло противоположность съ окружающими предметами и которое во всякое время заинтересовало бы меня, приведя на память воспоминанія прежняго ремесла моего.

Путешественники и носильщики проходили съ двухъ противоположныхъ сторонъ; мужчины и женщины были обременены: первые чемоданами, послѣдніа—картонами. Тутъ одинъ паровозъ подымаетъ въ воздухъ свою колонну дыма, тамъ другой, улетаа, оставляетъ въ пространствѣ свои пронзительные крики. Посреди кутерьмы этой я замѣтилъ группу, состоящую изъ шести моряковъ; они вышли изъ вагона третьяго разряда и тащили за собой поклажи свои, запачканныя и пропитанныя самымъ чистымъ запахомъ смолы. Пятеро изъ нихъ, вовсе несхожіе между собою, въ отношеніи лѣтъ и тѣлосложенія, были очень смуглы; лица ихъ, руки и шеи подходили подъ цвѣтъ краснаго дерева, что достаточно доказывало многочисленность и продолжитель-

ность ихъ путешествій, совершенныхъ ими вдоль всѣхъ широтъ, гдѣ вѣтеръ освѣжаетъ жаръ, когда жаръ не уничтожаетъ вѣтра.

Одинъ изъ моряковъ этихъ, сильный и здоровый человѣкъ, среднихъ лѣтъ и славнаго роста, съ огромными усами, шелъ впередъ; на немъ была шапка изъ манильской травы, коричневые панталоны, сапоги и широкій камзолъ, изъ наружнаго кармана котораго торчалъ великолѣпный платокъ, произведенія Индіи.. Я былъ увѣренъ, что это шкиперъ какого нибудь красиваго корабля компаніи Восточной Индіи. Странное лицо, принадлежащее къ группѣ этой, былъ молодой негръ отъ девятнадцати до двадцати лѣтъ, одѣтый матросомъ, какъ остальные его товарищи; только безобразныя ноги его были обуты въ пару высокихъ сапоговъ, въ которыхъ онъ путался во время ходьбы, между тѣмъ, какъ у товарищей его была преотважная поступь, несмотря на то, что они немного шатались; но это происходило отъ дорожной тряски, къ чему людямъ ихъ ремесла трудно привыкнуть; у негра былъ широкій носъ, толстыя губы и кожа такъ черна и блестяща, что походила цвѣтомъ на каменный уголь. Еслибъ, какъ большая часть негровъ, онъ вѣчно скалилъ зубы, то, вѣроятно, не былъ бы такъ забавенъ, какъ теперь своей важной физиономіей. Нѣсколько молодыхъ дамъ, стоявшихъ неподалеку съ распушенными зонтиками, чтобъ предохранить цвѣтъ лица отъ солнца, говорили между собою:

— Ахъ! посмотрите, посмотрите на этихъ моряковъ: они должны быть иностранцы.

Что касается до меня, я съ перваго взгляда увидѣлъ, не нуждаясь въ ихъ краснорѣчій, что люди эти были закоренные англійскіе матросы, такіе, какихъ не найдти даже между моряками нашей націи.

Разумѣется, что шотландецъ и ирландецъ могутъ быть хорошими моряками, и можно насчитать съ дюжину такихъ, которымъ теорія ремесла этого безвѣзвѣстна, однако, въ морскомъ англійскомъ воиѣ есть какая-то особенная способность, смышленное развитіе этого идеальнаго характера, который состоитъ изъ смѣси суровости и безопасности, практической ловкости и простосердечнаго незнанія свѣта, и которымъ отличаются дѣти Океана.

Предаваясь размышленіямъ этимъ, въ которыхъ серьезное мѣшалось съ забавнымъ, я сѣвшилъ къ ливерпульскому пароходу; онъ неподвижно стоялъ у набережной и въ продолженіе этого минутнаго отдыха фыркалъ какъ огромный китъ, всплывшій, чтобъ подышать воздухомъ на поверхность. Между пассажирами, которые давили, такъ сказать, цд-

дубу, мнѣ пріятно было увидѣть этихъ моряковъ; ихъ было, какъ я уже сказалъ, шестеро; они сошли въ матросскую каюту, гдѣ помѣстились съ самыми довольными видомъ, что доказывало, что они почитали себя почти какъ дома.

Черезъ нѣсколько минутъ *Горадь Гласгоу* выплываетъ изъ порта, ударяя сильно и быстро своими огромными крыльями, которыя все болѣе и болѣе вытягивались, по мѣрѣ того, какъ мы вѣзжали въ море. Волны сильноѣ заходили. Чтобы утвердить ходъ судна, развернули большой фокъ на остромъ носу его—и дынное облако, вылетающее изъ трубы и разносимое вѣтромъ, останавливалось на задней части парохода, гдѣ черная, какъ смола, тѣнь его рѣзко отдѣлялась отъ бѣлой струи, которую пароходъ, въ полетѣ своемъ, оставлялъ за собою.

Съ самаго начала вечера (это было лѣтомъ) серебристый дискъ луны сталъ подыматься противъ синеватыхъ вершинъ Аррана, еще освѣщенныхъ лучами заходящаго солнца.

Между тѣмъ прибрали немного и возобновили моряковъ на палубѣ, заваленной валами; плесканье воды и шипѣнье паровой трубы были тишиною для ушей ишнихъ въ сравненіи со шумомъ и жужжаньемъ сопровождавшимъ отъѣздъ нашъ.

Въ число особенныхъ и, какъ кажется, неизбежныхъ непріятностей которыя надо переносить на пароходахъ, слѣдуетъ помѣстить слѣдующаго скрипача, безпрестанное скрипѣнье котораго, присоединяясь къ толканью и качанью желудка, производитъ непріятный феноменъ, столь обыкновенный на пароходахъ.

Одинъ изъ такихъ странствующихъ музыкантовъ показывалъ образчикъ своего таланта передъ одною группою пассажировъ. Далѣе, между тѣмъ, на концѣ парохода оставалось одно мѣсто, гдѣ не было ни шуму, ни суетни, и гдѣ я вскорѣ замѣтилъ моряковъ своихъ, фигуры которыхъ отдѣлялись на неизмѣримой перспективѣ моря.

Покинувъ избранную сферу, чтобы закурить сигару, я засталъ двоихъ моряковъ, тѣхъ, которые были постарше, въ разговорѣ съ какимъ-то пассажиромъ, тоже мореходомъ, поповидимому не столь свѣдущимъ, какъ они сами.

Остальные прохаживались быстрымъ и неровнымъ шагомъ, характеризующимъ моряковъ вообще. Негръ же поворачивалъ по временамъ голову и выражалъ гримасою удовольствіе, которое доставляла ему музыка; но, впрочемъ, онъ не удостоивалъ вниманіемъ общество низшаго

разряда, подлѣ котораго стоялъ, и не виѣшивался въ толпу, которая повидному уже взмолилась морю о помилованіи.

По всему видно было, что товарищи негра считали его совершенно себѣ равнымъ, да и онъ самъ, кажется, былъ такого же мнѣнія.

Цвѣтъ кожи не поселялъ къ нему отвращенія моряковъ, участь которыхъ, онъ, вѣроятно, давно рздѣлялъ, какова ни была бы она. Постель ихъ уже была приготовлена у бнида парохода, между дубовыхъ шестовъ и пучковъ веревокъ.

Презабавно было смотрѣть, съ какими презрѣніемъ закоренѣлые эти моряки глядѣли на матросовъ этой лодки съ *трубой*, и какъ послѣдніе уважали ихъ. Но дѣло въ томъ, что ни съ той, ни съ другой стороны не было замѣтно особеннаго желанія поразговориться.

Когда я очутился подлѣ нихъ, то сдѣлалъ вслухъ нѣсколько замѣчаній, обращаясь къ моряку, котораго принималъ за начальника этой маленькой группы. Мнѣ было нетрудно заставить разговариваться этого настоящаго *батюшку Смолу*. Онъ былъ смышленъ и учтивъ. Я приписываю это тому, что онъ видѣлъ столько отдаленныхъ странъ и любопытныхъ вещей, на которыя, чтобъ умѣстить ихъ на бумагѣ, не хватило бы дюжины путешественниковъ и комментаторовъ.

Всѣ они шестеро плавали на однихъ и тѣхъ же корабляхъ по разнымъ направленіямъ. Недавно, принадлежа къ экипажу большаго ливерпульскаго корабля, который они теперь догоняли, они были въ Калькуттѣ, Сингапорѣ и Кантонѣ; въ промежуткѣ, между пріѣздомъ и отъѣздомъ этого корабля, они съѣздили въ Глазгоу по дѣлу главнаго шкипера. Окончивъ дѣло это, они отправились къ Ломондскому озеру (lac Lomond); до тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не видывалъ прѣсной воды.

Вовремя объясненія этого и пока негръ прохаживался взадъ и впередъ мимо меня съ своими товарищами, я увидѣлъ сквозь разстегнутую пеструю рубашку, что грудь его была расписана странными эмблемами, ярко-синяго и краснаго цвѣтовъ. Вѣроятно, онъ почти не считалъ бы себя мужчиною, еслибъ на немъ не было украшеній такого рода; потому что дикіе океана во многихъ отношеніяхъ сходны съ дикими американскихъ лѣсовъ.

Наконецъ я сказалъ шкиперу нѣсколько словъ насчетъ этого страннаго украшенія молодаго негра.

— Jack Moonlight! (Джакъ Лунный-Свѣтъ) закричалъ морякъ, обращаясь къ негру, подойди сюда, любезный... Покажи свои бумаги вотъ этому барину.

Негръ улыбнулся и повидимому былъ очень доволенъ моею просьбою; онъ разстегнулъ рубашку и показалъ мнѣ свои знаки. Посрединѣ былъ рисунокъ, вѣроятно съ намѣреніемъ нарисованный, чтобъ скрыть сломанную въ груди кость: надъ рисункомъ была корона, а подъ нимъ якорь; съ одной стороны большая стрѣла морскаго арсенала, съ другой кругъ въ которомъ стоялъ 1838 годъ.

— Это мои документы, милостивый государь, сказалъ негръ, выказывая свои бѣлые зубы.

— Знакъ этотъ для него очень важенъ, прибавилъ одинъ изъ молодыхъ моряковъ, но у него есть еще другой, на плечѣ; знаете мистръ Вильсонъ?

— Объ этомъ не надо говорить, Джекъ, отвѣчалъ шкиперъ.

Негръ снова принялъ важный видъ и снова началъ ходить взадъ и впередъ.

— Какъ вы его сейчасъ назвали? спросилъ я у Вильсона: кажется Лунный-Свѣтъ?

— Да, милостивый государь, его зовутъ Джекъ Лунный-Свѣтъ.

— *Ut lucus a non lucendo*, подумалъ я. Это, вѣроятно, какой нибудь сверхъестественный лунный свѣтъ... что-то въ родѣ потаеннаго фонаря. Да кто жь назвалъ его такимъ именемъ? спросилъ я громко.

— Право не знаю, милостивый государь, отвѣчалъ шкиперъ: кажется весь экипажъ. Подшкиперъ и поваръ, какъ отличные маляры, наколоты и нарисовали на груди его эти фигуры.

— Да тутъ цѣлая исторія, милостивый государь, сказалъ мнѣ другой матросъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось знать ее. Расскажите, пожалуйста, вскричалъ я, обращаясь къ шкиперу и садясь, между тѣмъ, какъ двое его товарищей выражали глазами то же желаніе.

— По правдѣ сказать, отвѣчалъ морякъ, съ самодовольнымъ видомъ поправляя камзолъ и поглядывая то на тотъ, то на другой сапогъ: я не большой мастеръ рассказывать; но какъ я самъ разыгрывалъ роль въ этомъ дѣлѣ, то вы узнаете его подробно и вѣрно. Въ то время, продолжалъ онъ, мы были на дрейфѣ передъ Гаваною, противъ мѣды. Корабль *La Marie Jeanne de Bristol*, находился подъ командою капитана Дрейя; это было въ 1838 году—кажется что такъ, Томъ?

— Да, да, мистръ Вильсонъ, подтверждалъ другой морякъ: это довольно ясно и правильно написано на груди Джакъ Луннаго-Свѣта.

* Каменный валъ въ морѣ у пристани.

— Мария Жанна, продолжалъ инжнеръ, возвратилась изъ Ямайки, чтобы рзсчитаться по одному дѣлу, и потому недолго оставалась на яхтѣ; но, за двѣ ночи до ея отъѣзда, прибылъ большой португальскій гальотъ и, въ свою очередь, легъ на дрейфъ за тридцать-пять футовыхъ саженъ отъ правой стороны нашего корабля, такъ что изъ оконъ своихъ мы могли смотрѣть въ его каюты. Правда, флагъ гальота смѣшивалъ на американскій и на немъ былъ яликъ, который, какъ говорили, замѣнялъ иногда командира экипажа; но, наблюдая за его приѣздами, улосками, и видя большую палату, которая была почти на одной линіи съ бугшпритомъ, мы вскорѣ не были больше никакого сомнѣнія, что такое былъ въ самомъ дѣлѣ этотъ гальотъ. Съ самой первой ночи, судя по шуму и свѣту на кораблѣ, мы догадались, что изъ него высаживаютъ порадочное число недавно вывезенныхъ изъ Гвинеи негровъ. Между тѣмъ, сторожевыя испанскія лодки объѣзжали надворонъ и трибуналъ, застѣвая чрезъ три или четыре дня, разсысывалъ и преслѣдовалъ всѣхъ и каждого, кого только подозрѣвали занимающимся такой торговлей; трибуналъ этотъ увѣрялъ, что онъ такъ строгъ и употребляетъ такую осторожность и бдительность, что отъ него ничто скроется. Около Флоридъ видѣли тоже англійскаго крейсера, но мы предполагали, что, день тому назадъ, онъ былъ занесенъ бурей въ Мексиканскій заливъ.

На слѣдующую ночь былъ чудный свѣтъ луны, такъ что на кораблѣ, гдѣ были негры, все было совершенно тихо до двухъ часовъ третьей четверти. Тогда вдругъ снова сталъ переносить на землю, какъ говорится, свой грузъ, потому что лунѣ надлежало скоро закатиться, а судно входилось въ гѣни, отбрасываемой магазинани.

Рулевой и я (въ это время я былъ еще просто матросомъ перваго класса на Марип-Жаннѣ) стояли тогда на налубѣ, потому что была наша очередь караулить, какъ вдругъ замѣтили, что на сосѣдномъ кораблѣ происходило какое то сматеніе и глухой шумъ. Тѣнь корабля этого доходила почти такъ же далеко, какъ тѣнь нашего руля; я въ это время смотрѣлъ въ задъ корабля, и нитъ показалась на водѣ струя, какъ будто человекъ, или какое нибудь животное, подплывалъ къ нашему кораблю.

— Рулевой! сказалъ я: ужь не акула ли это, которую, говорятъ, кормить гальотъ, потому что она служитъ ему захтою?

— Гдѣ это? спросилъ рулевой.

— Да вонъ, посмотри! отвѣчалъ я.

Въ эту минуту минуту я увидѣлъ черную и пурчавую голову негра, который всплылъ въ пространство, освѣщенное луной, отдѣлявшее нашъ корабль отъ пространства тѣни, въ которой находился галыотъ. Негръ ныль безъ малѣйшаго шума.

— Смирно, товарищ! сказалъ я рулевому: не пугай бѣднаго мага-го. Бьюсь объ закладъ, что онъ ищетъ спасенія.

Негръ взошелъ на вѣнты бизань-мачты, потому голова его вытѣкнулась изъ-за закраинъ правой стороны корабля, а какъ мы съ рулевымъ не пошевельнулись, то онъ доползъ до бика, гдѣ люки были отворены и всѣ матросы спали на своихъ койкахъ. Въ одну минуту онъ спустился внизъ; мы подкрались за нимъ, чтобъ посмотреть, что онъ станетъ дѣлать. Подъ самой дѣстницей находилась кладовая, гдѣ лежали уголья нашего повара; кладовая эта была въ полу и отворялась желѣзнымъ кольцомъ. Негръ, чтобъ соскочить туда, не спрашивая позволенія, началъ открывать кладовую. Какъ только онъ исчезъ и дверь за нимъ захлопнулась, рулевой вскричалъ!

— Да онъ еще ребенокъ!

— Но все таки порядочно проворный, отвѣчалъ я. — Что удивляетъ меня, такъ это сметливость, съ которою онъ выбралъ себѣ самый лучший пріютъ изъ всего корабля. Старикъ Дидона, право, можетъ принять его за сына жены своей Нанси, совершенно почернѣвшаго отъ угля.

— Такъ слушай же пріятель, продолжалъ, сѣясь, коричій: надо, во что бы то ни стало, скрыть мальчика отъ *чернаго аптекаря* и не пускать его въ кладовую до тѣхъ поръ, пока корабль не выйдетъ въ открытое море.

Вы знаете, милостивый государь, что мы зовемъ *аптекаремъ* нашего повара.

— Не безпокойся, товарищъ, сказалъ я: постараюсь такъ устроить дѣло, чтобъ Дидона не могъ разболтать этой тайны между провлатыми торгашами.

Надо вамъ сказать, что этотъ Дидона былъ поваромъ на кораблѣ *Маріа-Жанна*; настоящее имя его было Діодоръ Томпсонъ; но будучи передъ тѣмъ, два или три года тому назадъ, помощникомъ повара на фрегатѣ *Дидоны*, его всѣ стали звать Дидоной, хотя я и слышалъ, что это скорѣе женское, чѣмъ мужское имя. Это былъ негръ янки, такой же черный, какъ уголь, съ которымъ онъ безпрестанно нѣлъ дѣло; впоследствии онъ женился на одной женщинѣ изъ Бристоля. Она подарила ему сына; но ребенокъ былъ бѣлъ какъ мать.

На слѣдующее утро, передъ тѣмъ, какъ поднимать якорь, Дидона вышелъ изъ своей койки въ шесть часовъ утра и собрался разводить огонь; онъ подошелъ къ баку и хотѣлъ было отворить угольную камору, но я остановилъ его, сказавъ:

— Постой, Дидона, я хочу дать тебѣ добрый совѣтъ.

— Не мѣшайся въ чужія дѣла, а занимайся собственными, Джагъ Вильсонъ, отвѣчалъ онъ грубо, по своей привычкѣ.

— Дидона, продолжалъ я: какъ ты думаешь, кто сбѣжалъ нынѣшнюю ночь по этой лѣстницѣ въ угольную камору?

— Не могу знать, отвѣчалъ онъ. Да кто жь это былъ, Джагъ? а?

Сказавъ это, онъ опустилъ желѣзное кольцо двери.

— Такъ знай же, Дидона, сказалъ я: у насъ на кораблѣ что-то не ладно. Тутъ я началъ намекать ему о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ.

Поварь поспѣшилъ исполнить мои совѣты, чему я отъ души хохоталъ. Между тѣмъ старикъ не смѣлъ открыть совѣтъ люка, а чуть приподнялъ его, чтобъ всунуть только провизію, достаточную для прокормленія полдюжины человекъ.

Такимъ образомъ я былъ увѣренъ, что минимй люциферъ просидитъ тамъ спокойно цѣлый день.

Когда мы начали поднимать якорь; лодка, принадлежащая гальоту, съ неприязненнымъ любопытствомъ стала вѣзти около нашего корабля. потому что люди эти питаютъ естественное отвращеніе къ англійскимъ кораблямъ. Два или три раза они посмотрѣли изподлобья на старика Дидону, въ замѣнъ чего, поваръ забросалъ ихъ проклятіями, достойными сатаны. Я думаю, что еслибъ мы опоздали часомъ сняться съ якора, то сосѣди пришли бы къ намъ на корабль съ испанскими солдатами и позволеніемъ объяскать насъ. Они стали бы увѣрять, что потеряли невольника законно-купленнаго, или даже, можетъ быть, стали бы обвинять насъ, что мы занимаемся постыдной торговлей, которой они сами занимались.

Между тѣмъ мы отправились, и къ первой четверти земля была у насъ на юго-западъ, *канатные паруса* на сторонѣ бакборда, а вѣтеръ сзади.

На слѣдующее утро поваръ подошелъ къ моей койкѣ, сталъ качать ее и сказалъ:

— Теперь мнѣ уголь необходимъ, Джагъ.... Ужь вѣрно онъ выбрался оттуда—какъ ты думаешь, любезный?

— Убирайся къ чорту, дуракъ! закричалъ я. Оставь меня въ покое. Развѣ ты не знаешь, что меня только что смѣняли, а ты прерываешь сонъ бѣднаго матроса и занимаешь его собственными своими дѣлами.

— Клянусь небомъ, я отплачу тебѣ, проклятая смола! вскричалъ поваръ въ ярости. Ты выдумалъ, будто тутъ сидитъ чортъ... Я заставляю тебя раскаиваться въ такой шуткѣ... и не позже какъ сегодня утромъ... вмѣсто чая, напою тебя кипяткомъ.

— Ну такъ вди за уголь, сказалъ я ему.

Дидона взялся за кольцо, приподнялъ дверь каморы и, спуская внизъ лѣстницу, погрозилъ мнѣ кулакомъ.

— Прощай, Дидона, закричалъ я ему.

— О, проклятый злодѣй! промычалъ онъ изъ глубины каморы.

Поваръ пошатнулся; я могъ объ этомъ судить по треску угля; потомъ, вдругъ заревѣлъ какъ звѣрь.

Въ эту самую минуту явился молодой негръ.

— Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, выскочилъ изъ каморы и бросился на палубу, откуда побѣжалъ на шканцы; тамъ стоялъ подшкиперъ, который въ эту минуту командовалъ, чтобъ распустили другой парусъ.

Опускная дверь упала, прихлопнулась и бѣдный Дидона остался тамъ какъ въ мышеловкѣ. Еслибъ намъ не хотѣлось завтракать, то мы заставили бъ его посидѣть тамъ.

Когда поваръ вышелъ изъ каморы, онъ былъ совершенно встревоженъ.

— Ты правду сказалъ, Джакъ Вильсонъ, вскричалъ онъ, глядя на меня: чортъ сидѣлъ въ каморѣ; я видѣлъ его — и это вѣрно! Онъ, какъ пламя, вылетѣлъ изъ груды угля... и такъ же черенъ какъ... Эй, товарищи! да кажется вы смѣтаетесь... это и въ самомъ дѣлѣ смѣшно.... ха! ха! ха!

Дидона до того раскохотался, что у него слезы полились изъ глазъ.

Наконецъ всѣ обступили молодого негра, который стоялъ на шканцахъ. Бѣдняжка не умѣлъ сказать ни слова по англійски; но онъ бросился въ ноги подшкипера, какъ бы умоляя пощадить его жизнь.

Въ эту самую минуту капитанъ корабля вышелъ на палубу съ двумя дамами, бывшими въ числѣ пассажировъ; имъ хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ; но какъ негръ былъ въ совершенномъ дезабильѣ, то дамы тотчасъ же юркнули въ каюту. Капитанъ увидѣлъ невольника и немедленно разобралъ дѣло, а потомъ приказалъ подшкиперу одѣть его и дать въ помощники повару.

Дидона громче прежняго сталъ хохотать. Онъ хотѣлъ убѣднить невична, котораго полюбилъ весь экипажъ нашъ, видя, что онъ на все способенъ. Какъ я уже сказалъ вамъ, его называли Джакомъ, и вѣсто того, чтобъ оставить мальчика на кухнѣ, изъ него сбывали что-то похожее на моряка.

Во время возвращенія Маріи-Жанны, негръ довольно кое чему выучился, такъ-что могъ уже развѣртывать паруса и прикрѣплять ихъ. Мы поручили Дидонѣ напечатать на груди его свидѣтельство по всѣмъ правиламъ, доказывающее, что онъ вступилъ въ званіе моряка, за плату, въ службу Великобританіи. Это и есть то самое свидѣтельство, которое вы сейчасъ видѣли, милостивый государь.

— Все это очень хорошо, сказалъ я; но во всемъ этомъ, нѣтъ и помину о лунѣ... такъ что я не понимаю, почему называете вы его такимъ страннымъ именемъ? Онъ вовсе не положъ на лунный свѣтъ?

— Погодите немного, я не кончилъ еще своего разсказа. Я сдѣлалъ еще путешествіе въ Ямайку на Маріи-Жаннѣ, потому что всегда имѣлъ привычку не намѣнять, если можно только, кораблю своему. Я помню, какъ одинъ разъ поваръ Дидона, поссорившись съ женою своею Ненси, вскорѣ послѣ того, какъ мы снялись съ якоря, сказалъ негру Джаку при всѣмъ экипажѣ, что намѣренъ оставить ему все, что скопилось; а онъ былъ довольно богатъ, какъ это было всѣмъ извѣстно. Дидона никогда не тратилъ своего жалованья и во время многочисленныхъ путешествій старикъ-негръ собралъ не мало денегъ.

— На этотъ разъ, благодаря попутному вѣтру, мы скоро летѣли, пока не очутились у Багамы. Корабль остановился и остался неподвиженъ какъ столбъ посреди огромнаго пространства воды, жгучій какъ пламя, ровный какъ ледъ. Два или три раза порывъ вѣтра толкалъ корабль нашъ впередъ, но вскорѣ другой сильный порывъ оттолкнулъ его назадъ; когда вѣтеръ дулъ сзади мы сѣвшии распускатъ паруса и, мину-ту спустя, принуждены были, во время проливнаго дождя, подымать изъ гардени. Право, мы думали, что никогда не выберемъ изъ этой негостепріимной широты, какъ вдругъ увидѣли такъ же ясно, какъ на мореходной картѣ, струю на поверхности моря, по направленію сѣверо-запада.

Вскорѣ мы замѣтили плывущую вдоль корабля нашего огромнѣйшую акулу; такого чудовища я отъ роду не видывалъ. Каждую ночь она отплывала за корабль, и тяжелая масса ея стеклянно-зеленаго цвѣта погружалась въ глубину лазурныхъ водъ; но каждое утро она снова являлась подлѣ корабля, съ распущенными жапами и въ сопровожденіи

друзь маленькихъ морскихъ рыбъ. Ее никакъ нельзя было принятьть, и матросы предсказывали, что между насъ непременно скоро убудеть кто вѣбудъ изъ товарищей.

Однако поварь, чтобъ привлечь это чудовище, приготовилъ чудесную приманку — такой огромный кусокъ поросенка, что его хватило бы на четверть экипажа. И въ самомъ дѣлѣ поварь поймалъ акулу. Всѣ матросы схватились за веревку, въ которую попалъ акула, и съ большимъ трудомъ втащали уже морду ея на палубу, такъ что видна была внутренность ея пасти и горла. Но вдругъ веревка оборвалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была скрѣплена съ цѣпью.

— Акула, проведя страшный шумъ и заливая насъ всплесками, снова упала въ море...

Животное исчезло изъ глазъ нашихъ.

Къ счастью, къ закату солнца, довольно сильный вѣтеръ повнесъ насъ далѣе.

Наканунѣ у насъ была полная луна, а въ эту ночь, какъ теперь помню, былъ чудный лунный свѣтъ; какого я никогда не видывалъ. Вода, почти такая же синяя, какъ днемъ, катилась свѣтлыми, блестящими волнами; небо утопало въ бѣломъ, прозрачномъ воздухѣ, а луна, необыкновенной величины, сіяла какъ бральянтъ.

Поварь Дидона имѣлъ привычку въ теплыхъ широтахъ во время лунныхъ ночей спать на палубѣ. Онъ ложился лицомъ къверху, такъ что луна прямо ударяла на него, и грѣлся какъ ящерица на солнцѣ. Часто товарищи совѣтовали ему закрывать лицо и говорили, что если онъ не рискуеть испортить цвѣта кожи, такъ можетъ проснуться или слѣпнымъ или криворотымъ, или потерять память.

Мы говорили это не шутя, потому-что въ тропикахъ нѣтъ часто случалось видѣть товарищей, страдающихъ отъ сильнаго ударенія луны... Даже я вотъ что вамъ скажу: если вы выѣсите на лунный свѣтъ рыбу, то не болѣе какъ въ часъ, или два, она такъ испортится что отъ нея будетъ пахнуть какъ отъ люциферовой спички, и она можетъ отравить того, кто съѣстъ ее.

— Наконецъ, милостивый государь, Дидона вышелъ на палубу съ старшимъ оубаломъ, разостлалъ его на полъ и легъ лицомъ къ самой лунѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ уже спалъ глубокимъ сномъ и храпѣлъ всею силой. Тогда матросамъ, которыхъ попутный вѣтеръ привелъ въ веселое расположеніе духа, захотѣлось пошалить и хорошенько запугать Дидону.

Они принесли горшокъ съ краской и кистью и набросали слой штукатурки по всему лицу его (Дилона промычалъ только и продолжалъ спать попрежнему) потомъ намазали масломъ шершавую его голову и такъ причесали волосы, чтобъ они походили на рога; потомъ принесли полное ведро воды и поставили на палубу, подлѣ самаго негра, такъ, чтобъ проснувшись, онъ могъ себя выдѣть.

Нѣсколько времени спустя, вѣтеръ сталъ утихать и паруса, колыхавшіеся еще сверху, вскорѣ почти совсѣмъ опустились; марсельстеньги крутились около мачтъ, потомъ снова распускались со свистомъ, который раздавался по морю; наконецъ вѣтеръ совершенно пересталъ намъ услуживать и капитанъ корабля приказалъ сложить паруса. Еще разъ настала совершенная тишь; синяя вода только надувалась при свѣтѣ луны, какъ парусъ, который бы стали мыть въ серебряномъ тазу... Это лучшее сравненіе, какое могъ я придумать.

Такъ-какъ корабль нашъ остановился, черный поварь, шатаясь, вскочилъ на ноги... и я почти готовъ поклясться, что наканунѣ онъ разливалъ по бутылкамъ боченокъ ямайскаго рома. Когда онъ открылъ глаза, чтобъ узнать гдѣ находится, ведро съ водою, въ которой отражалась луна, стояло именно у него надъ носомъ.

Онъ замычалъ.

— Ахъ! чортъ!... вскричалъ онъ и, добѣжавъ до перилъ корабля, бросился въ море.

— Спасите! помогите! закричалъ я.

Весь экипажъ сбѣжался.

— Ахъ, Господи!... сказалъ одинъ матросъ, показывая пальцемъ точку, привлекавшую все его вниманіе: посмотрите!...

Черная голова Дилоны выставлялась изъ воды; но въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи что увидѣли мы? Черныя лапы акулы... Она подкрадывалась потихоньку, какъ обыкновенно дѣлаютъ эти проклятыя животныя, когда не увѣрены въ своей добычѣ.

— Акула! акула! кричалъ экипажъ: Громъ и молнія! вотъ она!

— Спускайте лодку! командовалъ подшхиперъ.

Нѣсколько человекъ бросились къ лодкамъ и немедленно спустили въ воду одну изъ нихъ.

Молодой негръ Джакъ тоже стоялъ на палубѣ. Въ одну минуту онъ сбросилъ съ себя шляпу и башмаки, схватилъ большой поварской ножъ и прыгнулъ въ море. Никогда не видалъ я, чтобъ кто нибудь плавалъ лучше и смѣлѣе его. При лунномъ свѣтѣ мы могли такъ же ясно

и хорошо видѣть всѣ предметы, какъ днемъ. Джакъ подстерегъ удобную минуту и однимъ прыжкомъ бросился на акулу, лапа и хвостъ которой оставляли въ водѣ блестящую струю. Старикъ Дидона храбро барахтался, крича изо всей силы, чтобъ ему бросили веревку, но все не подзарывая содѣйствія акулы

Что касается до молодого Джака, онъ въ послѣдствіи рассказывалъ намъ, что, чувствуя ноги свои на спинѣ чудовища, онъ нырнулъ водъ акулу и всадилъ въ челюсть ея поварской ножъ свой въ ту самую минуту, когда она поворачивала голову, чтобъ схватить свою добычу.

Джакъ какъ и всѣ молодые негры съ береговъ Гвіаны, съ малыхъ лѣтъ упражнялся въ битвѣ съ морскими звѣрями.

Но любопытнѣе во всемъ этомъ-то, что съ тѣхъ самыхъ поръ чудовище не подавало знака жизни; вѣроятно, оно до того испугалось, что прыгнуло въ самую глубь моря, по прямой линіи съ килемъ корабля нашего.

Что бы тамъ ни было, а лодка въ одну минуту очутилась подлѣ Дидоны и Джака, которые сѣли въ нее здравы и невредимы.

Джакъ клялся намъ, что въ ту минуту, когда акула готовилась повернуть голову и была только на поллоктя разстоянія отъ старика Дидона, и когда онъ, Джакъ, хлопоталъ на хребтѣ этого плотояднаго чудовища, то слышалъ звонъ цѣпи, въ которую запуталась морда акулы. Минуту спустя, подъ ногами у него была только одна прозрачная вода, въ которой онъ ясно видѣлъ бѣлые шары, поднимающіеся изъ зеленой массы, которая спускалась подъ выпуклость корабля. Въ такомъ случаѣ ноги повара, прежде чѣмъ акула проглотила бы ихъ, запутались бы въ приманкѣ собственнаго его приготовления.

Въ заключеніе скажу, что происшествіе это произвело въ Дидонѣ такое потрясеніе, что онъ никогда не могъ поправиться, и, возвратясь изъ путешествія, поклялся провести на твердой землѣ остатокъ дней своихъ и никогда не поддаваться колдовству.

Не умѣю вамъ сказать, оттого ли, что этотъ новый родъ жизни ему не нравился, но вѣрно то, что въ скоромъ времени потомъ онъ навсегда отправился изъ здѣшняго міра, оставивъ Джаку большую часть того, что имѣлъ, съ условіемъ, что впредь онъ будетъ носить его имя.

Когда мы рассказали исторію эту матросамъ *Маріи-Жанны*, они въ шутку стали называть повара *Луннымъ-Свѣтомъ*, что было довольно

естественно, потому что, если разобрать зоровавшие, чешь виль лунный
на свѣтъ былъ причиною его смерти,

Когда Джакъ, похорошивъ Дядю, отправился съ нами, стали на-
зывать его Jack Moonlight, хотя, если поглядѣть на него, никакъ нельзя
вообразить, чтобъ могло быть что нибудь общее между Луннымъ-
Свѣтомъ и чернымъ лицомъ Джака, развѣ только то, что крайности,
какъ говорятъ, сходятся.

НОВОСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ.

Въ провинціальныхъ вѣдомостяхъ за сентябрь и октябрь мѣсяцы между жалуются на погоду и застои общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, почти все движеніе общественной провинціальной жизни въ сентябрѣ сосредоточивалось въ Нижнемъ Новгородѣ, на Макарьевской ярмаркѣ: тамъ была ярмарка торговой общественной жизни. Нынѣшній годъ ей немного помѣшала холера, которая, хотя и не была сильна, во все таки пугала купцевъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ средоточіи торговли чаемъ, на нынѣшнюю ярмарку было привезено байховаго чая до 25,000, а кирпичнаго до 11,500 ящиковъ. Вместе съ ярмаркою была открыта въ Нижнемъ выставка сельскихъ произведеній для губерцій Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Казанской и Самарской.

Такая же выставка была въ Херсонѣ съ 15-го сентября во время дворянскихъ выборовъ, и въ Вологдѣ, гдѣ она открылась 8 сентября. Число представленныхъ предметовъ на вологодскую выставку простирается до 700, и почти всѣ принадлежатъ Вологодской губерніи. Здѣсь же 15 и 16 сентября происходили испытанія крестьянскихъ лошадей, изъ которыхъ первый призъ (по вазовому испытанію) получила крестьянка Пудовъ, лошадь котораго (рыжий жеребенокъ 7 лѣтъ, роста 2 арш. $2\frac{1}{2}$ верш.) провезла 203 пуда. На бѣговомъ же испытаніи получила первый призъ лошадь крестьянина Кирилова (гнѣдая кобыла роста 2 арш. и $1\frac{3}{4}$ верш.). проскакавъ дистанцію 6 верстъ въ 9 минутъ и

15 секундъ—быстрота, замѣчательная для простой крестьянской лошади. Въ Черкасскѣ же недавно была особенно любопытна національная скачка. Донцы, въ полномъ вооруженіи съ ратовьями (копьями), слишкомъ 20 человекъ неслись во весь опоръ, приставъ на стремя, дистанцію 8 верстъ. Въ продолженіе 21 минуты по отпавленіи, шесть скакуновъ пришли къ мѣсту и получили призы, между которыми первый призъ состоялъ изъ сѣдла, окованнаго серебромъ, и 100 руб. сер. Это не чета англійскимъ стипльчесь; здѣсь обыкновенная казачья лошадка, на которой сидитъ дюжій казакъ въ полномъ вооруженіи, перелетаетъ барьеры, рвы и балку также легко, какъ поджарый англійскій скакунъ съ выдержаннымъ на діэтѣ жокеемъ. Зато эти вооруженныя скачки производили восторгъ во всѣхъ казакахъ; они кричали ура и бросали въ воздухъ шапки.—Кстати о Новочеркасскѣ. 2 октября тамъ умерла отъ холеры талантливая віолончелистка Христіани, посѣтившая большую часть Россіи и прибывшая въ Новочеркасскъ проездомъ съ Кавказа. * Къ этому некрологическому извѣстію объ артисткѣ прибавлю другое: въ Житомирѣ скончался, также отъ холеры, слѣпецъ-виртуозъ Фрибе, одинъ изъ лучшихъ современныхъ флейтистовъ... Особенно пострадали отъ холеры содержатели театровъ: она похитила извѣстнаго комика Красовскаго (автора пьесы Женить изъ Ножевой линіи, игралъ съ большимъ успѣхомъ въ Москвѣ). Въ послѣднее время Красовскимъ украшалась владимірская сцена. Въ нынѣшній же сезонъ на владимірскомъ театрѣ, гдѣ обыкновенно даются водевилы, 10, 11 и 13 сентября Казановъ давалъ представленія съ своею труппою обезьянъ, которыя, по новизнѣ своей, очень понравились владимірской публикѣ. Почти во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи есть теперь свои театры; но такъ какъ о нихъ говорится въ особыхъ статьяхъ Пантеона, то я не стану здѣсь о нихъ упоминать; скажу только о нашей провинціальной итальянской оперѣ въ Одессѣ и Тифлисѣ. Въ Тифлисѣ новая примадона Маріана Роффи, прелестная собою, какъ утверждаетъ тифлисская хроника, дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ Лучиѣ; голосъ г-жи Роффи хотя и не обширенъ, но въ высшей степени мелодиченъ. У Бартолотти очень нехорошій теноръ, а басъ Сонсони обладаетъ прекраснымъ голосомъ.

Въ Одессѣ г. Ферлотти дебютировалъ въ Маріи ди Роганъ въ роли Энрико. Онъ прекрасный актеръ, и голосъ его, хотя уже не первой свѣжести, отлично обработанъ и очень понравился публикѣ. Тамъ

* Въ это же время былъ тамъ Апполинарій Контскій и далъ нѣсколько концертовъ.

же съ большимъ успѣхомъ г. Фидель давалъ концертъ на скрипкѣ и г. Разми, профессоръ гимнастики, съ своей американской компаніей, давалъ гимнако-эквилибристическое представленіе, заслужившее вниманіе въ послѣднее время и въ Кіевѣ. Г. Разми намѣренъ давать представленія по всей Россіи и быть даже въ Петербургѣ. Въ Кіевѣ же, въ театрѣ на Подолѣ играетъ балетная группа г. Морисъ Пюанъ, одна изъ первыхъ танцовщицъ котораго—г-жа Риза, заслужила одобреніе даже на вѣнской сценѣ.

Но все вниманіе кіевлянъ устремлено теперь на недавно-открытый памятникъ великому князю Владиміру Святому. Каждый день сотни людей поднимаются на Александровскую гору, чтобъ посмотрѣть на этотъ колоссальный монументъ. Статуя вылита изъ бронзы и вѣситъ 350 пудовъ; вышиною она въ 2 сажени, а во всеиъ памятникѣ съ пьедесталомъ 9 сажень. Великій князь Владиміръ изображенъ съ благодарственной молитвой, поднявшимъ взоры на небо въ ту минуту, какъ городъ спѣшилъ къ рѣкѣ креститься—мысль высокая и исполненная прекрасно. Лицомъ Владиміръ поставленъ къ Дунаю, гдѣ совершилось крещеніе русскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держитъ крестъ, въ лѣвой великокняжескую шапку; одѣтъ въ древнее царское полукафтанье, сверху накинута мантия. Въ барельефѣ, имѣющемъ вѣса 159 пудъ, высоты 4 арш., ширины 3 арш., представлено крещеніе русскаго народа. Одна группа представляетъ двухъ женщинъ съ улыбающимся младенцемъ, вылитымъ превосходно; другая группа изображаетъ престарѣлаго дѣда, приведеннаго для крещенія сыномъ и внукомъ. Чело старика покрыто морщинами; онъ до преклонныхъ лѣтъ прожилъ въ язычествѣ, но лицо его теперь спокойно, какъ будто старикъ вновь родился и помолодѣлъ. Вверху этихъ двухъ группъ уже крещеніе совершено. Съ одной стороны священникъ даетъ новопросвѣщеннымъ христіанамъ цловать животворящій крестъ, съ другой—совершается св. таинство миропомазанія. Выше всѣхъ изображенъ епископъ, осѣняющій крестомъ новообращенныхъ. Памятникъ поставленъ на Александровской горѣ, откуда видѣнъ почти весь Кіевъ и все живописное Задніпровье. Сзади, по прямой линіи, зритель видитъ Десятинный храмъ, къ сожалѣнію, нецѣлѣвншій—это первый соборъ въ Россіи, построенный Владиміромъ святымъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пострадали мученики варяжскіе. Вблизи отъ Десятиннаго храма золотятся куполы Софійскаго собора и Михайловскаго монастыря. Превосходный этотъ памятникъ работы извѣстнаго нашего художника барона Клодта. Мы сообщимъ еще новое извѣстіе, утѣшительное для кіевлянина. На мѣсто деревянной церкви радости всѣмъ сворбачищмъ Божіей Матери, что на

Старомъ Кіевѣ, будетъ строиться каменный храмъ. 20 сентября мѣсто подъ постройку было освящено епископомъ чигиринскимъ Аполлинаріемъ. Въ Кіевѣ же построенъ новый цѣнный мостъ у такъ называемаго Панкратьевскаго спуска, или оврага, ниже впаденія рѣчки Чарторей въ Днѣпръ. Сооруженіе этого моста продолжалось пять лѣтъ; надо было побѣдить большія препятствія, которыя противопоставляла природа; надобно были привезти изъ Англіи машины и многія части моста. Наконецъ природа побѣждена: искусный строитель, англійскій инженеръ Карль Виниольсъ, восторжествовалъ надъ всеми затрудненіями. Ему честь и слава, а Кіеву мостъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ мостовъ (цѣнныхъ) во всей Европѣ. 28 сентября, въ двѣнадцать съ половиною часовъ дня, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, совершенно освященіе этого знаменитаго сооруженія. Обрядъ освященія совершалъ высокопресвященнѣйшій Митрополитъ кіевскій Филаретъ, со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ. На концѣ моста, прилегающемъ къ кіевскимъ высотамъ, былъ поставленъ столъ, на которомъ были приготовлены священные сосуды для совершенія водоосвященія. По сторонамъ стола, вдоль по мосту, заняло мѣста духовенство, а ближе къ балюстрадѣ моста—кадеты и воспитанники разныхъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Публика устыла всѣмъ вышешности, всѣ скаты; помѣщались даже на такихъ мѣстахъ, къ которымъ, въ другое время, никто и приблизиться не захочетъ, изъ опасенія упасть въ оврагъ. вмѣстѣ съ окончаніемъ цѣннаго моста, набережное шоссе, пролегающее отъ моста, у подошвы кіевскихъ горъ, на Подоль, также окончено, и въ этотъ день открыто для ѣзды. Въ Кіевѣ съ разныхъ мѣстъ Россіи притекають болѣе ста тысячъ богомольцовъ, и часто случалось, что пришлецъ изъ дальней Сибири, достигнувъ уже берега Днѣпра, взираетъ на высоты горъ кіевскихъ, на святые храмы его, но бурливый Днѣпръ, на далекое разстояніе разливъ свои воды, препятствуетъ перевѣду. Въ послѣдніе годы, а именно съ 1839 года, въ Кіевѣ не бывало постоянныхъ зимъ; часто Днѣпръ, замерзши у береговъ, не замерзалъ по срединѣ, поэтому всякое сообщеніе съ Черниговскою и Полтавскою губерніями прекращалось и иногда на весьма долгое время. Устройство цѣннаго моста все устранило. Теперь туда, на Крещенскую ярмарку (на контракты) съѣзжаются полтавскіе и черниговскіе помѣшники, купцы привезутъ товары изъ Петербурга, Москвы, Харькова и Полтавы, и Кіевъ, можетъ быть, въ самое непродолжительное время сдѣлается замѣчательнымъ торговымъ мѣстомъ.

Другой мостъ былъ открытъ 15 сентября въ Петрозаводскѣ черезъ

рѣку Лососинку. Рѣка Лососинка протекаетъ посреди самаго города Петрозаводска и раздѣляетъ его на двѣ части. Рѣка вообще мелка, но такъ быстра, что въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія продолжила себѣ новый путь, разрывъ берега на большое пространство и образовала котловину, или длинный и широкій рядъ овраговъ, почти совершенно раздѣлившихъ Петрозаводскъ. Черезъ эти-то овраги и рѣку и построили новый мостъ длиною до 120 сажень.

Въ Казани, въ четвергъ 10 октября, было освященіе Николовщинской церкви. Церковь эта была построена во второй половинѣ XVII вѣка и освящена въ 1674 году. Но во время бывшаго въ 1842 году пожара церковь сгорѣла и съ 1849 года началась ея перестройка, которая и окончена въ нынѣшнемъ году. Новый храмъ, какъ по наружности своей, такъ и внутренней отдѣлкѣ, одинъ изъ красивѣйшихъ въ Казани. Архитектура его принадлежитъ русско-византійскому стилю.

Въ Самарѣ съ 14 сентября открылась ярмарка, извѣстная подъ названіемъ Воздвиженской. Съѣздъ на нее иногородныхъ торговцовъ былъ весьма незначителенъ. Съѣздъ черни былъ великъ, но не больше, какъ на одинъ день: поселяне, купивъ нужное или продавъ свои произведенія, поспѣшили къ уборкѣ хлѣбовъ, обрадовавшись ведру.

Скажу теперь нѣсколько словъ о новыхъ явленіяхъ въ области наукъ и искусствъ. Въ Або, у аптекаря Юлина, выставленъ устроенный физикомъ Якоби электромагнитный снарядъ для рыбной ловли. Снарядъ этотъ, состоящій изъ 12 магнитовъ и изъ находящихся между ними двухъ цилиндровъ, производилъ, даже при незначительномъ вращеніи цилиндровъ, весьма чувствительные удары, которые должны сдѣлаться невыносимыми при продолжающемся болѣе сильномъ движеніи цилиндровъ, когда этимъ снарядомъ хотятъ дѣйствовать на кита. Вдоль каната, къ которому прикрѣпляются гарпуны, проходятъ изолированныя мѣдяныя проволоки, другой конецъ которыхъ въ то мгновеніе, когда гарпунъ достигаетъ кита, сообщается съ электромагнитнымъ снарядомъ. Снарядъ этотъ назначенъ для руссійско-финляндскаго китоловнаго судна Аянь.—Знаменитый германскій живописецъ Крюгеръ недавно окончилъ въ Дерптѣ четыре картины, изображающія русскія войска съ входящими въ ихъ составъ различными націями, и эти картины уже отправлены въ Санкт-петербургъ.—Въ Тифлисѣ явилась въ свѣтъ переведенная на грузинскій языкъ г. Циначпогваровымъ комедія Грибовдова: «Горе отъ ума», а въ Одессѣ выходитъ книга г. Смольянинова, подъ заглавіемъ: «Исторія Одессы». Авторъ занимался составленіемъ этой монографіи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и пользовался всеми мѣстными архивами. Исто-

риг Одессы войдетъ въ составъ III-го тома записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Кстати о книгахъ. Въ нынѣшнемъ году въ Одессѣ открыты двѣ новыя книжныя лавки: одна русская, г. Благо, другая иностранная, г. Абрамсона. Открытіе новой книжной лавки въ провинціальномъ городѣ составляетъ событіе въ исторіи ея образованія, хотя въ Одессѣ необходимость въ такомъ предпріятіи далеко не могла быть такъ настоятельна, какъ во всякомъ другомъ городѣ. Остается пожелать, чтобъ примѣръ нашего образованнаго южнаго порта съ этою отношеніи нашелъ подражателей.

СОВРЕМЕННОЙ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женах Аттилы. — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА. — Жизнь и произведенія Рембрандта (*статья Густава Плана*). — ОТКРЫТИЯ ВЪ НАУКАХЪ ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Последнія изслѣдованія историческаго значенія миеологій древнихъ народовъ. — **ИНТЕРЕСНЫЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Что можетъ утѣшить въ жизни? (*разсказъ*). — Острова Уланъ, Сандвичевы и Танта (*изъ путевыхъ замисокъ Жюльенъ-де-ла Гривьера*) — Новости парижской жизни (*Письмо изъ Париза*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Германскія легенды о женахъ Аттилы. — Въ германскихъ преданіяхъ Аттила изображенъ вовсе не такимъ; какъ у латинскихъ и греческихъ писателей. Западные и южные народы проклинали его, но въ замкахъ германскихъ рукоплескали бардагъ, воспѣвавшимъ добродѣтели Аттилы.

Это противорѣчіе съ исторіею можно объяснить.

Германскія племена V вѣка были почти всё вассалами Аттилы, но вассальство это нисколько не оскорбляло ихъ гордости, не унижало національности. Во-первыхъ, они раздѣляли его со всѣми народами восточной Европы и западной Азіи; во-вторыхъ, оно было кротко и почетно. Юриандесъ разсказываетъ, съ какимъ уваженіемъ и какими почестями принялъ Аттила предводителей германскихъ племенъ: гепидскаго — Ардарыка и остроготскихъ — Валамира и Теодомира. Они были

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Ebeiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

его совѣтниками и полководцами, болѣе друзьями и союзниками, нежели подвластными.

Со смертью Аттилы власть германцевъ въ Италиі и за Рейвомъ ослабѣла. Онъ былъ представителемъ побѣдъ ихъ и силы, и благодарности ихъ къ нему выразилась во всѣхъ преданіяхъ. Они даже, изъ благодарности, запутали хронологію. По сагамъ—Теодорикъ обязанъ ему своимъ царствомъ, а Германарикъ и Одоакръ разбиты имъ же, хотя Аттила умеръ черезъ восемь лѣтъ послѣ рожденія перваго изъ нихъ и самъ родился черезъ двадцать пять лѣтъ по смерти двухъ послѣднихъ.

Безъ сомнѣнія, эти саги принадлежать восточнымъ германскимъ племенамъ, которыхъ амехунги (князья) служили подпорю Аттилы. Саги эти восходятъ до баснословныхъ временъ, когда три племени Готовъ отправились изъ Скандинавіи на трехъ корабляхъ. Эти саги распространены были тогда отъ Днѣстра до По и отъ Дунаю до Норвегіи.

Древнѣйшая рукопись одного изъ этихъ германскихъ преданій найдена была въ Фульдѣ и принадлежала австрійскому Франку. Манускриптъ этотъ писанъ въ VIII вѣкѣ на тогдашнемъ французскомъ діалектѣ; герои поэмы: Аттила и Теодорикъ. Въ ней сказано, что, по просямъ Одоакра, Теодорикъ былъ выгнанъ изъ Вероны и скрылся къ Аттилѣ, который принялъ его дружелюбно, и послѣ сраженія при Равеннѣ, побѣдивъ Одоакра, возвратилъ престолъ Теодорикъ.

Но изгнаніе Теодорика было продолжительно. Англо-саксонская сага говоритъ, что прошло тридцать зимъ, въ продолженіе которыхъ Теодорикъ жилъ въ Марингабургѣ.

Спутники Теодорика, вышедшіе съ нимъ изъ отечества въ пятѣ лѣтъ, возвращаются домой съ блѣсившими головами. Жены ихъ умерли; дѣти не узнаютъ ихъ. Героями этой фульдской эпопеи Гильдебрандъ и Гаудбрандъ.

Скальды Исландіи и Скандинавіи сохранили объ Аттилѣ двѣ поэмы: *Атла-Маль* и *Атла-Кведа*; онѣ составляютъ болѣе трети семундиніи Эдды; слѣдственно, въ Скандинавіи память о Гуннахъ сохранилась во всей свѣжести, хотя ихъ появленіе и пребываніе на берегахъ Балтійскаго моря было кратковременно. Но скальды не слѣдовали остготскимъ преданіямъ и не выставили Теодорика и итальянскихъ героев впередъ, а помѣстили ихъ на второмъ планѣ поэмы. Они слѣдовали англо-саксонскимъ бардамъ Беовульфъ (написавшему знаменитую *песнь странствующаго льва*), выставившему на первомъ планѣ героевъ Рейна, которыхъ зналъ лучше и которые были для него занимательнѣе: имена Гибика, Гунтера и Гагена, соединенныя съ сагою объ Аттилѣ и Теодорикѣ, перешли въ Скандинавію вмѣстѣ съ Бургундцами, Франками; но Скандинавы примѣшали къ нимъ странныя и фантастическія фигуры, принадлежащія только имъ однимъ.

Въ этихъ сагахъ прежде Аттилы и Теодорика выходятъ на сцену Сигурдъ, или Зигфридъ, супругъ Гудруны, дочери Гибика и Гримгильды, бывшей, по убіеніи Зигфрида, супругою Аттилы.

У Скальдовъ Скандинавіи *блѣднолицый Атла* (Аттила) обитаетъ въ крѣпостцѣ на Дунаѣ, которую день и ночь охраняютъ стражи. Въ яс-

полненькой залѣ своей Валгаллы шеть онъ вино рѣкою. Въ германской сагѣ Аттилу вowitz Этцель, а замокъ его—Этцельбургъ. Это стезина вѣчныхъ празднествъ, сходбище героевъ и красавиць; здѣсь Аттила гораздо кротче, добрѣе, даже склоненъ къ христіанству и одаренъ многими добродѣтелями. Супруга его Брика (у скандинавовъ Герпіа, у германцевъ Герке, или Гелки) угощаетъ всѣхъ во дворцѣ и собираетъ вокругъ себя храбрѣйшихъ наладниковъ.

О бракѣ Аттилы съ Ильдикою и о смерти его преданія говорятъ тоже ровно. Впрочемъ, одно изъ двухъ: или онъ умеръ отъ удара послѣ неутирѣннаго употребленія вина, или палъ жертвою мщенія жены своей, которую увезъ съ собою, убивъ отца ея.

Преданія называютъ намъ четырехъ женъ Аттилы, и исторической критикѣ оставалось разобрать, которую изъ нихъ признать за Ильдико. Имя это состоитъ изъ двухъ словъ: иль, иль—тоже, что германская Гильде—это Беллона германскихъ племенъ. Второе слово дико превращено изъ Гунде, или *вина*, и оба слова означаютъ героиню.

Въ именахъ трехъ женъ Аттилы (изъ четырехъ) есть слово Гильде. Гильдара, дочь Данин, Гильдегунда и Гримгильда. Четвертая, Гудруна, означаетъ соединеніе войны и волшебства.

Гильдара датчанка слишкомъ невзначущее лицо, и должна быть устранена изъ изслѣдованія.

Вторая, Гильдегунда, описана въ поэмѣ одного монаха изъ города Флерн на Дуарѣ. Въ ней сказано, что Аттила, являсь на Рейнѣ, получилъ заложникомъ отъ короля Франковъ Гибика, сына его Гагена, а отъ бургундскаго короля Геррика дочь его Гильдегунду. Наконецъ изъ Аквитаніи онъ взялъ королевскаго сына Вальтера, жениха Гильдегунды.

Во дворцѣ Аттилы, на Дуарѣ, приняла Гильдегунду супруга короля Гунновъ—Оспира, самымъ дружескимъ образомъ и вѣрила ей надворъ за замокомъ и ключи отъ комнатъ Аттилы.

Когда король Гибикъ умеръ, сынъ его Гагенъ бѣжалъ изъ Гумиланда на родину. Тогда, чтобъ предупредить побѣгъ Гильдегунды, Аттила вздумалъ выдать ее за одного изъ своихъ вельможъ; но вѣрній женихъ ея, Вальтеръ, уговорился съ нею и бѣжалъ. Бѣгство любовниковъ было продолжительно и опасно, но окончилось счастливо. Вальтеръ женился на Гильдегундѣ; началась новая война. Вальтеръ палъ въ сраженіи, а жена его отвезена въ Этцельбургъ, чтобъ сдѣлаться супругою Аттилы. Она ли умертвила его въ ночь свадьбы—объ этомъ преданіе молчитъ.

Посмотримъ теперь на Гудруну: она дочь сѣверныхъ сагъ, печальная и утрюмая; неволею сдѣлалась она супругою Аттилы и клеветъ свою участь. Норны (скандинавскія Парки) распространяютъ чары свои надъ Аттилою и будятъ его ночью, а Герпіа, другая жена Аттилы, наполняетъ сердце его подозрѣніями противъ Гудруны. Для спасенія ея являются братья ея, Гунтеръ и Гагенъ; но они побѣждены и брошены въ темницу, гдѣ и погибаютъ. Съ той минуты Гудруна замышляетъ кровавую мсть. Успокоивъ подозрѣнія Аттилы критическими ласками и напоивъ его до безчувственности, она входитъ въ спальню

его и вонзаетъ книжалъ въ грудь Аттилы. Гуннъ пробуждается, узнаетъ своего убійцу и закликаетъ Гудруну устроить ему великолѣпныя похороны. Она даетъ слово, и едва Аттила испустилъ духъ, какъ она сходитъ во дворъ и зажигаетъ замокъ, гдѣ погиваютъ всѣ Гунны.

Слѣдственно Гудруна уже ближе къ исторической Ильдико. Только скальды придали ей оттѣнки сѣверной повѣи; нѣмецкія же преданія (Нибелунги) вовсе не говорятъ о насильственной смерти Аттилы; они дѣлаютъ изъ него героя и великодушнаго властителя, который даже одного изъ своихъ сыновей крестилъ въ христіанскую вѣру.

II ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Жизнь и произведенія Рембрандта. (Статья Густава Шланга). Рембрандтъ родился, въ 1606 году, въ Лейердорпѣ. Онъ былъ сынъ мельника, по имени Герретцъ. Отецъ его нажилъ достаточное состояніе. Рембрантъ былъ предназначенъ къ ученому поприщу: можетъ быть мельникъ мечталъ, что сынъ его будетъ адвокатомъ. Извѣстно только, что какъ скоро Рембрандту попала въ руки латинская грамматика, онъ обнаружилъ совершенное отвращеніе отъ этого занятія. Вмѣсто того, чтобы твердить склоненія и спряженія, онъ рисовалъ въ классахъ все, что окружало его, начиная съ головы профессора до школьных скамеекъ. Когда его спрашивали что-нибудь изъ заданнаго урока, онъ не въ состояніи былъ отвѣчать, и учитель, чтобы наказать его за лѣность, заставлялъ его учиться, когда дѣти играли. Отецъ скоро узналъ о способностяхъ сына къ рисованію. А какъ въ первые года XVII вѣка живопись была въ большомъ уваженіи въ Голландіи, то мельникъ Герретцъ и не колебался отказаться отъ первоначальнаго своего плана. Видя, что сынъ его не любитъ латини, онъ не упорствовалъ въ прежнихъ намѣреніяхъ, а думалъ только о счастіи сына. Мельника сдѣлала его богатымъ; почему же живопись не приведетъ сына его къ той же цѣли? Тогда жилъ въ Лейденѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мельницы, живописецъ, котораго имени никто бы не зналъ теперь, еслибы оно въ исторіи не соединилось съ именемъ Рембрандта. Этого живописца звали Шваненбургъ. Герретцъ рѣшился вѣрнуть ему своего сына.

Съ первыхъ же дней сынъ мельника обнаружилъ самое счастливое расположеніе. Тупая его понятливость, когда дѣло шло объ изученіи латинской грамматики, вдругъ развернулася при урокахъ Шваненбурга. Онъ срисовывалъ съ удивительною вѣрностью и быстротою всѣ рисунки своего учителя, и такъ искусно подражалъ ему, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ учитель откровенно сознался, что ему ужъ нѣчему учить мальчика.

Гордась успѣхами сына, мельникъ тотчасъ же сталъ справляться, гдѣ бы достать искуснѣйшаго учителя. Оставя Шваненбурга, Рембрандтъ поочередно учился у Ластмана и Пинаса. Произведенія, остав-

шія послѣ этихъ двухъ мастеровъ, отличаются вѣрностью подробностей, но не имѣютъ большихъ достоинствъ. Сравнивая ихъ съ картинами ученика ихъ, тотчасъ можно видѣть, что они могли ему объяснить только матеріальное выполненіе искусства. Но, угадывая свое превосходство, Рембрандтъ пользовался ихъ совѣтами. Одушевленный желаніемъ и надеждою превзойти ихъ, онъ, однакожь, въ точности шелъ по пути, указанному ими, и имѣлъ къ нимъ уваженіе, какъ Рафаэль къ Перуджино.

Выйдя изъ мастерской ихъ, Рембрандтъ не имѣлъ уже другаго учителя, кромѣ природы. Онъ понялъ это и воротился на мельницу отца своего. Подражаніе природѣ имѣло для него такую прелесть и такъ сильно привлекало его, что онъ безирестьяно изучалъ одни и тѣ же предметы. Одного дерева, внимательно разсматриваемаго въ разные часы дня, полусвѣщеннаго утреннею зарею, облитого свѣтомъ въ полдень и озареннаго послѣдними лучами заходящаго солнца, достаточно было, чтобъ занять все его вниманіе. Мельница отца его казалась ему теперь достаточною школою. Всѣ измѣненія свѣта и тѣней наблюдалъ онъ со вниманіемъ. Онъ какъ-будто предчувствовалъ, что ему нельзя будетъ бороться съ итальянскою школою въ чистотѣ линий, красотѣ контура, въ благородствѣ выраженій; но старался срисовывать самыя летучіе эпизоды, караулилъ каждый эффектъ свѣта и слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его постепенныхъ измѣненіяхъ и переходахъ.

Впрочемъ, Рембрандта нельзя причислить къ вавввымъ подражателямъ природы. Если линію и форму предмета можно передать, то свѣтъ уловить невозможно. Это-то затрудненіе рѣшилъ онъ уничтожить, освѣщая предметы собственной своею методою. Дѣйствительно, всѣ произведенія его отличаются такимъ распредѣленіемъ свѣта, который ему одному свойственъ. Онъ съ математическою точностью измѣрялъ количество свѣта, которымъ могъ распорядиться, и никогда не переходилъ за эту черту.

Чтобъ составить себѣ эту методу и умѣть примѣнять ее, надобно долго изучать природу, не принадлежа ни къ какой исключительной системѣ, ни къ какимъ традиціямъ отдѣльной школы. Эту трудную опытностью приготавлился Рембрандтъ къ составленію собственной методики, которой тайну онъ унесъ съ собою въ могилу, потому-что искуснѣйшіе послѣдователи его не могли достигъ до его освѣщенія.

Между друзьями отца его было много хорошихъ знатоковъ искусства. Одна картина молодого Рембрандта въ особенности привлекла ихъ вниманіе. Они присовѣтовали ему отвезти ея въ Гагу: тамъ только могли достойно оцѣнить ее. Они дали ему адресъ одного знатока, который покупалъ всѣ замѣчательныя картины, и Рембрандтъ отправился, полный надежды.

Меневать этотъ очень хорошо его принялъ и осыпалъ похвалами. Но каково было удивленіе живописца, когда любитель этотъ предложилъ ему сто гульденовъ за его картину! Рембрандтъ никогда не видѣлъ подобной суммы. Съ этой минуты онъ понялъ, что картины его будутъ имѣть цѣну, и сталъ думать о себѣ высоко. Дѣйствительно, успѣхъ его

не былъ сѣдѣніемъ ни предшествовавшей славы, ни равныхъ похвалъ. Онъ пріѣхалъ въ столицу совершенно никому неизвѣстный, и стоило ему только показать свою картину, чтобъ получить сто гульденовъ. Безъ самолюбія могъ онъ, сѣдовательно, думать, что дарованіе его послужитъ ему залогомъ счастья. Пѣшкомъ пришелъ онъ въ Гагу; а чтобъ поскорѣе показать отцу пріобрѣтенное сокровище, онъ на обратномъ пути сѣлъ въ почтовую повозку.

Въ біографіяхъ Рембрандта рассказываютъ, что когда повооза остановилась для обѣда и всѣ путешественники вышли, кромѣ Рембрандта, у котораго радость отняла аппетитъ; лошади, которыхъ забыли распречь и привязать, сами пустились къ Лейдену и увезли съ собою одного Рембрандта.

Когда молодой живописецъ подалъ отцу полученные имъ сто гульденовъ, тотъ изумился и обрадовался тому, что не принуждалъ своего сына учиться латинской грамматикѣ.

Это первое путешествіе въ Гагу возбуждало въ Рембрандтѣ другую страсть, которая не имѣла ничего общаго съ искусствомъ и которая осталась въ немъ на всю жизнь. Пересчитавъ свои сто гульденовъ, онъ сѣдѣлся скупымъ, жаднымъ къ золоту. Мудрено сказать, что онъ видѣлъ въ золотѣ? Онъ не хотѣлъ имъ купить всѣхъ наслажденій въ жизни, потому-что въ дни величайшаго богатства не измѣнялъ первоначальнымъ привычкамъ простой жизни. Ни одежда, ни столъ не доказывали его богатства. Какъ бы то ни было, съ этой минуты жизни Рембрандта заняли двѣ страсти: къ художеству и къ золоту. Чтобъ быть справедливымъ, прибавимъ, что первая изъ нихъ, безъ содѣйствія другой, не произвела бы такого множества картинъ, которыя разнообразіемъ удивляютъ потомковъ. Безъ страсти къ золоту онъ не создалъ бы, кромѣ знаменитыхъ своихъ картинъ, триста шестьдесятъ шесть астамповъ (гравированныхъ крѣпкою водкою), которые съ вариантами простираются до шестисотъ восьмидесяти семи.

Въ работѣ Рембрандта нигдѣ не видно поспѣшности, или нерадѣнія. Онъ писалъ много, чтобъ получать больше, но никогда не выпускалъ работы, которая была не достойна его. Еслибъ его жадность къ золоту внушала ему хоть одинъ дурной поступокъ, она была бы порокомъ, какъ всякая другая страсть, унижающая челоѣчество; но она никогда не охлаждала въ душѣ его страсти къ прекрасному и высокому.

Бракъ Рембрандта можетъ служить доказательствомъ, что жадность къ золоту не совершенно преобладала въ немъ. Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, онъ легко бы могъ найти себѣ богатую партію, но выбралъ подругою жизни крестьянку изъ деревни Ринсдорпъ, у которой все имущество состояло въ молодости и красотѣ. Сѣдственою, надобно думать, что только то золото, которое онъ пріобрѣталъ кистью, или грабштахомъ, имѣло для него особенную цѣнность, и что гульденъ, которыми осыпали его картины, пріятнѣе были для него самаго богатого приданого.

Едва успѣлъ онъ жениться, какъ сваялъ портретъ своей жены во

всемъ блескъ первой красоты. Впрочемъ, и женись, не перешлилъ онъ нисколько обраба жизни: это была та же простота, доходившая до скупости. Одинъ лишній расходъ позволилъ онъ себѣ — туалетъ жены. Онъ любилъ, чтобъ она хорошо одѣвалась, но требовалъ тоже, чтобъ одежда эта была не городская, а сельская.

Любопытно видѣть, къ какимъ хитростямъ прибѣгалъ Рембрандтъ, чтобъ удовлетворить своей жадѣ къ золоту. То продавалъ онъ свои гравюры съ аукциона и самъ надбавлялъ цѣну; то поручалъ сыну своему тиховько продавать ихъ, говоря, что укралъ ихъ у отца. Последнею чертою могли бы воспользоваться Плавтъ или Мольеръ. Но самую смѣлою выдумкою было то, что однажды Рембрандтъ исчезъ и распространилъ слухъ о своей смерти. Мастерскую его продали съ аукциона и собрали огромныя суммы... Вдругъ мертвецъ явился среди изумленныхъ покупателей. Этого поступка нельзя оправдать. Произведенія живописца удваиваются въ цѣнѣ послѣ его смерти, потому-что онъ ужъ не будетъ производить подобныхъ имъ и, слѣдственно, выдумка Рембрандта — была обманомъ.

Рембрандтъ работалъ до послѣдней минуты жизни. Онъ умеръ шестидесяти восьми лѣтъ (1674). Это былъ отдѣльный геній безъ предковъ и потомковъ. Если, по костюму персонажей своихъ, принадлежитъ онъ своему времени и отечеству, то, по энергій, истинѣ и выразительности выведенныхъ имъ лицъ, принадлежитъ онъ всему міру. Традицій онъ знать не хотѣлъ, да и что бы онъ выигралъ, справляясь съ ними? Его шкафы были наполнены старинными тканями, вышитыми котсюманн, старымъ вооруженіемъ всѣхъ народовъ и вѣковъ. «Вотъ моя антики!» говорилъ онъ, указывая на эту кучу тюрбановъ, сабель, шлемовъ, мечей и бахрамовъ.

Любопытно, что Рембрандтъ въ сценическомъ отношеніи не заботился ни о времени, ни о мѣстѣ дѣйствія своихъ картинъ. Береть ли онъ сюжетъ изъ Старога, или Новаго Завѣта, онъ не занимается ни мѣстностью, ни костюмами персонажей. Историческая истина никогда не приходила въ голову Рембрандту. Онъ хотѣлъ только изображать истинну человѣческую, лишь бы персонажи его выражали предположенную имъ мысль, лишь бы свѣтъ и тѣнь искусно были расположены и весь пейзажъ гармонировалъ съ сюжетомъ; до впрочемъ ему не было дѣла.

Во, всѣхъ произведеніяхъ человѣческаго ума двѣ отдѣльныя стороны: одна выражаетъ страсти, другая идетъ по указаніямъ науки. Изъ нихъ Рембрандтъ избралъ первую, и въ ней не боялся соперниковъ; вторую онъ оставилъ въ пренебреженіи. У него не только не достаетъ исторической и мѣстной истины, но даже возвышеннаго благородства, о которомъ онъ тоже не думалъ. Но, оставаясь голландцемъ во всемъ смыслѣ этого слова, онъ нашелъ средство быть всегда вѣрнымъ истинѣ. Рембрандтъ хотѣлъ только имѣть дѣло съ человѣкомъ; онъ его изслѣдовалъ, выражалъ, и поэтому трогалъ, восхищалъ, или погружалъ въ задумчивость зрителя.

Въ наше время немного нужно учености, чтобъ указать на усаз-

ныя ошибки Рембранта. Изъ тѣмъ легче видѣть и исчислить, что онъ не случайныя, а нарочно сдѣланныя. Всѣ дѣйствительно знаютъ, что если Рембрантъ ошибался, то добровольно. Онъ зналъ историю, но не хотѣлъ о ней помнить. Онъ не заботился о сценѣ, гдѣ совершалась изображаемая имъ драма. Если онъ не ученый живописецъ въ историческомъ смыслѣ этого слова, то живописецъ — философъ. Если онъ не знаетъ, или не выражаетъ мѣстной и преходящей стороны челоуѣчества, то вполне знаетъ и удивительно изображаетъ его внутреннюю, вѣчную сторону — страсти. Не облагороживая свои лица, онъ разнообразитъ ихъ, смотря по званію каждаго.

Рембрантъ былъ замѣчательнымъ учителемъ своего искусства. Зная такъ хорошо всѣ его тайны, онъ не позволялъ, чтобъ ученики его работали въ одной, общей мастерской. У него были устроены отдѣльныя комнаты для каждаго, гдѣ каждый занимался дѣлами ему вѣдомыми, вовсе не зная, что дѣлаютъ товарищи. Не подражая самъ никому, Рембрантъ хотѣлъ, чтобъ и ученики его сохранили ту же независимость въ развитіи дарованій. Онъ боялся невольнаго подражанія. По несчастію, справедливо, что тамъ, гдѣ сто учениковъ пять лѣтъ живутъ въ одной мастерской и подъ общимъ надзоромъ, они выходятъ отсюда съ одинаковою методою, которая мѣшаетъ развитію индивидуальнаго дарованія.

Біографы рассказываютъ, что ученики, зная жадность Рембранта къ золоту, рисовали часто на картонѣ гульденъ, и Рембрантъ каждый разъ схватывалъ ихъ. Впрочемъ, онъ самъ же выучилъ учениковъ своимъ подобнымъ обманамъ. Однажды, чтобъ пошутить надъ жителями Амстердама, онъ, вмѣсто одного стекла оконной рамы, вставилъ картину, изображающую любопытную служанку, смотрящую на улицу; изображеніе было такъ хорошо сдѣлано, что всѣ ошибались и только черезъ нѣсколько дней увидѣли обманъ.

Рембрантъ требовалъ съ каждаго ученика по сту гульденовъ за ученіе, но, сверхъ того, продавалъ въ свою пользу и подъ своимъ именемъ копія, которыя они списывали.

Мы не упоминали, изъ какихъ источниковъ Рембрантъ почерпалъ свои сюжеты. Біографы говорятъ только объ одномъ, но онъ очень важенъ, а именно: о гравюрахъ Марка Антонія Раймонда. Этотъ гравёръ, неимѣвшій до-сихъ-поръ равныхъ себѣ, много перевелъ на доски картинъ Рафаэля, и въ триста лѣтъ никто изъ послѣдователей не превзошелъ Раймонда. Эделингъ, Древе, Больсвертъ не затмили его славы, и Рембрантъ съ жадностью собиралъ и дорого цѣнилъ произведенія болонскаго гравёра. Но, вѣроятно, онъ пользовался и работами Альберта Дюрера.

Раймондъ и Альбертъ Дюреръ прежде всего отличаются точностью и вѣрностью рисунка. Между-тѣмъ въ картинахъ Рембранта нигдѣ не видно ни малѣйшаго подражанія имъ. Онъ, кажется, имѣлъ ихъ всегда передъ глазами только для того, чтобъ не попасть на одну дорогу съ ними. Желая строго сохранить свою самоотоятельность, онъ имѣлъ всегда въ виду лучшихъ мастеровъ, чтобъ пролагать себѣ новый путь.

Для слабыхъ умовъ эта метода была бы очень опасна; для сильныхъ—она превосходна.

Остается еще одинъ историческій вопросъ въ жизни Рембрандта. Путешествовалъ ли онъ? Нѣкоторые биографы отвѣчаютъ утвердительно, ссылаясь на то, что на трехъ его гравюрахъ выставлено слово *Венеція*. Я, съ моей стороны, не думаю, чтобъ Рембрандтъ когда-нибудь выѣзжалъ изъ Голландіи. Полагаю, что подпись *Венеція* выставлена для приманки покупателей, и что это была одна изъ хитростей Рембрандта, чтобъ возвысить цѣну картины. Еслибъ онъ дѣйствительно былъ въ Венеціи, то Тиціанъ, Поль-Веронезъ, Бонифаціо и Джорджіоне имѣли бы вліяніе на его методу. Венеціанская школа, слабая во многихъ отношеніяхъ въ контурѣ и возвышенности выраженія, сохранить навсегда неоспоримое достоинство истиннаго и свѣтлаго колорита. Венеціанскіе живописцы всегда полнымъ свѣтомъ освѣщали свои картины; у нихъ никогда настоящая форма персонажа не скрывается въ полутѣни. Фрески въ церкви св. Антонія Падуанскаго, живопись на органахъ въ церкви св. Себастіана непременно имѣли бы вліяніе на голландскую методу Рембрандта. Ему было тогда (1635) только двадцать девять лѣтъ и извѣстность его только-что начиналась; къ тому же эти три гравюры 1635 года весьма неважны.

Если бы нужно было искать итальянскую школу, подавшую Рембрандту мысль его методы, то всего ближе къ ней пармская; но тутъ нельзя далеко простирать сравненія. Если фрески Аллегри предвѣщаютъ методу Рембрандта, то нельзя приписать пармскому живописцу постепенности оттѣнковъ, которыми мы удивляемся въ Рембрандтѣ. Пармскій куполь, который, къ сожалѣнію, слишкомъ высокъ и котораго иначе нельзя изучить, какъ взобравшись на церковныя стропила, не имѣетъ ничего общаго съ методою голландскаго художника. Правда, что Корреджіо одинъ изъ итальянцевъ, котораго метода имѣетъ нѣкоторое сходство съ Рембрандтомъ; но нельзя углубляться и въ это сравненіе, которое тотчасъ же окажется невѣрнымъ. Отъ картины *Духовнаго брака св. Екатерины*, находящагося въ Луврѣ, до изображенія *Божіей Матери*, увѣчанной Исусомъ, которая теперь въ городской библіотекѣ въ Парижѣ, нѣтъ ничего общаго въ методѣ Корреджіо съ Рембрандтомъ.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію самихъ картинъ Рембрандта. Онѣ многочисленны и разнообразны. Начнемъ съ библейскихъ сюжетовъ. Два главныя его произведенія: *Исусъ на Крестѣ* и *Снятіе со Креста*. Всѣ, бывшіе въ Венеціи, знаютъ картину Тинторета, изображающую тотъ же сюжетъ. Венеціанскій художникъ истощилъ въ ней всѣ богатства своего дарованія, но расточительность его неудовлетворительна, потому-что, несмотря на три огромные креста, занимающіе всю картину, глаза не знаютъ на чемъ остановиться. Хотя она въ тридцать футовъ длины, но воображенію живописца все еще кажется тѣсно. Сравните же картину Тинторета съ произведеніемъ Рембрандта, и вы увидите всю разницу между своевольствомъ безусловной фантазіи и предусмотрительностью ума, привыкшаго къ размышленію. Въ кар-

тѣмъ Рембрандта толпа многочисленна и густа, но съ какою искусствомъ распределены свѣтъ и тѣнь! Налѣво чернь тѣснится къ зрителю казая. Эту толпу освѣщать не нужно. Она бессмысленно смотритъ на торжество злобы надъ святостью, и съ дикимъ любопытствомъ взираетъ на страданія Спасителя. На другой сторонѣ взоръ зрителя отдыхаетъ на группѣ Божіей Матери, Маріи Магдалины и св. Іоанна. Хотя они и не освѣщены полнымъ свѣтомъ, но чувства и характеръ этихъ лицъ изображены превосходно. Правда, отдышка тѣла самого Иисуса неудовлетворительна и два разбойника изображены въ изысканномъ положеніи; но послѣднѣе, въ которомъ послѣдніе находятся, составляетъ уже гениальную черту искусства. Живописецъ не хотѣлъ отвлекать вниманія отъ главнаго предмета. Вопросъ о религіозномъ выраженіи лицъ былъ бы не такъ выгоденъ для Рембрандта. Если сравнить его картину съ картиною *Христосъ на Крестѣ* Фра-Анджелико въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи, то побѣда останется за послѣднимъ; но зато, если итальянскій живописецъ сильнѣе выразилъ религіозность лицъ, если святая жена плачетъ у креста трогательнѣе, нежели у Рембрандта, то послѣдній побѣждаетъ своею народною толпою, о которой никто до него не думалъ; только Рембрандтъ могъ представить ее. Притомъ же, контрастъ между этою дикою, любопытною чернью и между безутѣшною Матерью и отчаяннымъ ученикомъ, составляетъ самую глубокую мысль искусства. Самъ Иисусъ на первомъ планѣ ясно выражаетъ безконечную скорбь съ безпредѣльною преданностью воли небеснаго Отца. На лицѣ его дышетъ чувство великой жертвы, Имъ принесенной для спасенія людей. Лучи, падающіе сверху и освѣщающіе божественный ликъ Спасителя — удивительны. Однимъ словомъ, это произведеніе Рембрандта превосходно.

Святіе со креста болѣе извѣстно и чаще подвергалось критикѣ. На этотъ же сюжетъ есть двѣ знаменитыя картины: фреска Даниила Вольгерра и картина Рубенса, въ антверпенскомъ соборѣ. Первая имѣетъ неоспоримое достоинство; но точность въ подробностяхъ производитъ часто у автора сухость. Что же касается до картины Рубенса, то, хотя она ужъ и исчезла вполнину подъ рукою варваровъ-реставраторовъ, но и теперь еще видно, что это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Рубенсъ родился въ 1570, а умеръ въ 1640, слѣдственно Рембрандтъ долженъ былъ знать эту картину; но онъ избѣжалъ всякаго подражанія. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи бороться съ Рубенсомъ, слѣдуя его направленію, и обратился къ другой мысли — къ выраженію чувствъ каждаго изъ персонажей. На первомъ планѣ стоитъ родъ бургомистра, въ плащѣ среднихъ вѣковъ, съ богатою палкою въ рукѣ, въ качествѣ свидѣтеля погребенія, для составленія протокола. На крестѣ видно уже отдѣлившееся тѣло Спасителя со всеми признаками отсутствія жизни. На лѣстницѣ и на самомъ крестѣ видно нѣсколько бѣдноодѣтыхъ людей, которыхъ лица выражаютъ глубокую скорбь. Однимъ словомъ: у Рембрандта всякое лицо оправдано сюжетомъ картины. Иногда эти лица представляютъ несоветъ красивыя линіи, но эффектъ группъ поразителенъ. Невоз-

можно безъ глубокаго чувства смотрѣть на эту сцену искупленія. Отсутствіе мянцныхъ формъ не охлаждаетъ чувствъ зрителя, и картина эта навсегда останется однимъ изъ самыхъ высокихъ произведеній живописи, потому что высокое выраженіе и вѣрность чувствъ обнаруживаютъ гениальнаго мастера.

Воскресеніе Лазаря и Изманіе купцовъ изъ храма могутъ стать на ряду съ первыми двумя картинами Рембрандта. Иисусъ повелѣваетъ Лазарю встать, и Лазарь приподнимается изъ гроба. Изумленіе присутствующихъ выражено удивительно вѣрно. У однихъ удивленіе это сѣшено со страхомъ, у другихъ съ чувствомъ признательности и умиленія. Голова Лазаря, блѣдная и худая, похожа на голову человѣка, пробуждающагося отъ продолжительнаго сна и собирающагося собрать свои мысли. Расположеніе группъ, поза персонажей — все обнаруживаетъ великаго мастера. Лишь Иисуса полонъ величія и милосердія; складки мантии увеличиваютъ божественную красоту Его. Еслибъ Рембрандтъ только написалъ одну эту картину, онъ былъ бы причисленъ къ первокласснымъ художникамъ. Въ распредѣленіи свѣта есть что-то таинственное. Впрочемъ, въ этой картинѣ лишь Иисуса такъ величественъ, что глазамъ нельзя остановиться на второстепенныхъ частяхъ. Блва замѣтно, что правая нога его несовѣтъ вѣрна.

Изманіе продавцовъ изъ храма составлено сильно и вѣрно. Чернь, гонимая бичомъ божественнаго Учителя, бѣжитъ со страхомъ, стараясь увести остатки своихъ товаровъ. Во всей сценѣ царствуетъ безпорядокъ, совершенно соответствующій сюжету. Но взоры вольно обращаются къ Иисусу, занимающему средину картины. Вдали направо видѣтъ первосвященникъ, пришедшій смотрѣть на пораженіе *книжниковъ*. Объ архитектурѣ храма говорить нечего; если онъ не сходенъ съ имѣющимися теперь данными, въ немъ нѣтъ ничего страннаго, оскорбляющаго вкусъ.

Взглянемъ теперь на другаго рода картины.

Ночной рундъ, находящійся въ амстердамскомъ музеѣ, составляетъ, по сознанію самихъ противниковъ Рембрандта, чудо художческаго исцеленія; можетъ быть, никогда волшебство цвѣтовъ не простиралось такъ далеко. Взоръ безпрестанно открываетъ новые персонажи, отдѣляющіеся отъ полотна. Солдаты, начальникъ рунда, бургомистръ представляются такъ рельефно, что можно принять ихъ за живыя существа. Молодая дѣвушка на дѣвой сторонѣ — прелестна. Впрочемъ, вся картина — вымыселъ и вовсе не выражаетъ того, что видишь. Называютъ ее *ночнымъ рундомъ*; но что значитъ барабанщикъ, идущій передъ отрядомъ? Что значитъ молодая дѣвушка, которая испуганными глазами ищетъ какъ бы помощи и спасенія? Что значитъ перо, воткнутое на щипцѣ начальника рунда, какъ въ день парада? Какую роль играетъ тутъ бургомистръ? Воспоминаніе ли все это, или мечта воображенія? Но сонъ или существованіе, воспоминаніе или своеправіе — это одно изъ лучшихъ созданій искусства.

Урокъ анатоміи, въ гагскомъ музеѣ, показываетъ дарованіе Рембрандта въ новомъ свѣтѣ. Это ужъ чистая натура — но кака! Докторъ

объясняетъ ученикамъ пропесь движенія ручныхъ мышцъ: онъ щипцами поддерживаетъ жилы, соединяющіяся съ главными мускулами. Ученики, собравшись у трупа, внимательно слѣдуютъ за словами профессора. Что можетъ быть проще этого сюжета? И однакожь, Рембрандтъ создалъ изъ него превосходную картину. Главное достоинство картины состоитъ въ удивительномъ разнообразіи и истиннѣ выраженіи на лицахъ учениковъ. Всѣ отгѣвки и постепенности ума изображены во взорахъ и позахъ слушателей. Одинъ угадалъ уже демонстрацію и взглядомъ убѣждается въ томъ, что уже зналъ напередъ; другой съ удивленіемъ смотритъ на то, чего не могъ разгадать; третій глядитъ и не понимаетъ; четвертый разсѣянно смотритъ на все, какъ-будто умъ его не въ силахъ понять того, что слышитъ. Такой искусный колористъ, какъ Рембрандтъ, не могъ не показать всего знанія въ подобномъ сюжетѣ. Видъ трупа не преувеличенъ. Это доказываетъ въ живописцѣ чувство изящнаго.

Портретную живопись понималъ Рембрандтъ совершенно особенно. Въ Парижѣ есть нѣсколько портретовъ его, писанныхъ имъ съ самого себя. Въ галереѣ Себастьяна Эрара есть два поясные портрета, означенные въ каталогѣ подъ названіемъ *deux symphonies*: одинъ въ бархатѣ, другой въ атласѣ; они возбуждаютъ всегда всеобщее удивленіе; они могутъ служить доказательствомъ, что Рембрандтъ не уступаетъ ни Рубенсу, ни Ван-Диву въ портретной живописи. Въ собраніи гравюръ Рембрандта есть прелестнѣйшія головки дѣвушекъ, которыхъ улыбка восхищаетъ каждаго и которая, вѣжета, созданы рукою фен. Портретъ бургомистра Сикса не хуже портретовъ Ван-Дика, гравированныхъ имъ же самимъ. Голова бургомистра отдѣляется отъ оконной рамы полнымъ освѣщеніемъ. Это одна изъ лучшихъ драгоценностей въ собраніи гравюръ Рембрандта.

Главное достоинство его портретовъ—чрезвычайная отдѣлка всѣхъ подробностей. Но этого мало. Держась повидимому, совершенной реальности, онъ умѣетъ придать портрету особенный характеръ. Онъ не рабски списываетъ, а ясно выказываетъ, даже иногда преувеличиваетъ характеристическія черты каждаго, и чрезъ это портреты его приобретаютъ особенное достоинство. Опытный глазъ тотчасъ же узнаетъ портретъ его работы. Рембрандтъ не наблюдаетъ условныхъ позъ; онъ болѣе всего старается схватить особенность фізіономіи каждаго, не облагораживая ихъ, но оставляя въ настоящемъ ихъ видѣ.

Въ наше время живописцы стараются списывать съ природы, не забывая ни малѣйшей подробности; но этимъ они и дѣлаютъ ту ошибку, которой Рембрандтъ успѣлъ избѣжать. Они приписываютъ подробностямъ ту же важность, какъ цѣлому; но въ то время, какъ они гонялись за отдѣлкою этихъ подробностей, цѣлое пропадало. Морщинка на вискѣ, трещина на губахъ, бородавка на щекѣ—все это изображается въ точности, но отличительная черта фізіономіи исчезаетъ. Всѣ, изучающіе теорію живописи и скульптуры, знаютъ теперь, что жертвованіе подробностями составляетъ главное основаніе изящнаго

О матеріальномъ исполненіи картинъ Рембрандта можно рассказать

сѣдующій анекдотъ. Одинъ любитель, осматривавшій его мастерскую, хотѣлъ подойти какъ можно ближе къ картинѣ, чтобъ рассмотреть способъ накладыванія красокъ. Рембрандтъ остановилъ его за руку и сказалъ:

«Картинны нехорошо пахнутъ; ихъ не надобно нюхать».

Эта выходка значила, что онъ хотѣлъ своими картинами производить эффектъ, не позволяя, чтобъ ихъ рассматривали вблизи и въ увеличительное стекло.

Пейзажи Рембрандта не слабѣе прочихъ его произведеній. Въ нихъ та же простота, которая такъ восхищаетъ въ прочихъ его картинахъ. Ему надобно немного данныхъ: мельница, водопадъ, лодка въ каналѣ, дѣлаются подъ рукою его элементами поэзій. Въ биографіяхъ его рассказываютъ, что онъ пристрастился къ ландшафтамъ, при частыхъ своихъ посѣщеніяхъ бургомистра Сикса, у котораго была дача близъ Амстердама. Пейзажъ, извѣстный подъ именемъ *трехъ деревьевъ*—образецъ чистоты и искусства; чѣмъ больше на него смотришь, тѣмъ болѣе она расширяется. Горизонтъ, кажется, удаляется предъ изумленнымъ взоромъ. Облака, которыхъ зритель не видитъ, но угадываетъ, покрываютъ тѣмъ первые планы, а въ глубинѣ картины все освѣщено полнымъ свѣтомъ. Эти ландшафты можно сравнить съ Рюнсдалевскими; но послѣдній придаетъ многу важности подробностямъ, и картина его, увидя всѣхъ точностью, производитъ тотчасъ же эффектъ, котораго искалъ художникъ. Пейзажи Рембрандта дѣйствуютъ иначе. Онъ не тотчасъ же раскрываетъ всѣ богатства картины, но старается возбудить нѣсколько различныхъ ощущеній, дѣйствуя постепенно и не вдругъ. Пейзажи его, болѣе меланхолическіе, чрезвычайно однообразны. Ему видимо хочется воспроизвести впечатлѣнія, раждаемыя этими предметами, а не самыя предметы, потому-то ландшафты Рембрандта и считаются по справедливости поэмами: въ нихъ вездѣ видно болѣе мысли, нежели простое подражаніе природы; обворожая глаза, они говорятъ и уму. Съ этимъ условіемъ искусство становится на ряду съ поэзіею. При всѣхъ различіяхъ воспроизведеній, всѣ формы изображенія должны имѣть главнѣйшею цѣлью — дѣйствіе на чувства. Мелодія стиховъ, разнообразіе цвѣтовъ, чистота формъ составляютъ только средство для художника; искусство обращается къ слуху и зрѣнію только для того, чтобъ достигнуть умственнаго впечатлѣнія. Рембрандтъ совершенно повялъ это.

Какое же мѣсто опредѣлять теперь для Рембрандта въ исторіи живописи? Есть два способа оцѣнки всѣхъ великихъ мастеровъ: общая, или умственная сторона, и техническая, или чисто-искусственная. Если смотрѣть на первую сторону — мудро указать на степень, занимаемую Рембрандтомъ. Передъ нимъ столько художниковъ, которые не ниже его въ этомъ отношеніи; но, въ отношеніи къ технической сторонѣ живописи, вопросъ дѣлается проще. Три главные мастера преобладаютъ въ выраженіи формы красками: Леонардо-Винчи, Микель-Анжело и Рафаэль. Два другіе, не столь ученые, но не менѣе искусные, слѣдуютъ за ними: Тиціанъ и Корреджіо; послѣ итальянскихъ

мастеровъ одинъ Рубенсъ служить представителемъ новой методы, а послѣ него одинъ Рембрандтъ, давшій живописи новый, неожиданный видъ.

Микель Анжело представляетъ науку живописи въ абсолютной ея формѣ. Хотя сводъ его сикстинской капеллы обнаруживаетъ изящность и прелесть, хотя картины его изъ первой главы Книги Бытія писаны имъ съ такою чистотою и искусствомъ, которые бы сдѣлали честь и Рафаэлю, но общая характеристическая черта его таланта состояла въ изяществѣ формы картины его. Капелла Медичи во Флоренціи, картины его: Иноусъ въ Римѣ, Моисей и милосердіе въ церкви св. Петра, Страшный судъ въ сикстинской капеллѣ—вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Даже *Святое Семейство* во Флоренціи и *Парки* въ Вилла Боргезе выражаютъ ту же идею, и слѣдовательно, Микель Анжело служить ученымъ выраженіемъ формы.

Леонардо-да-Винчи, столь же ученый, какъ и Микель Анжело, представляетъ уже живопись съ другою точию зрѣнія. Онъ вездѣ старается соединить позванія съ изяществомъ. *Тайная Вечера* и *Поклонение волжово* достаточно выражаютъ методу флорентинскаго живописца, бывшаго потомъ главою миланскихъ школъ. Въ этихъ двухъ пронаведеніяхъ открывается все познаніе Микель Анжело съ новымъ элементомъ прелести, которую Микель Анжело, конечно, зналъ, но употребилъ только въ сводѣ сикстинской капеллы.

Что же касается до Рафаэля, прозваннаго главою живописцевъ, хотя онъ, конечно, менѣе ученъ, нежели Микель Анжело и Леонардо-да-Винчи, но отличительное его качество, возбуждающее вѣчно удивленіе художниковъ, это—изящество контуровъ и гармонія линий. Въ этомъ отношеніи никто не превзошелъ его. *Афинская школа*, *Нарнасъ* служатъ тому доказательствомъ. Если въ *Пожаръ Борго* и въ *Сициллахъ* выказалъ онъ такія же анатомическія свѣдѣнія, какъ Микель Анжело и Леонардо-да-Винчи, все-таки съ увѣренностью можно сказать, что наука не составляетъ отличительной черты его таланта. Онъ болѣе всего славится красотою *композиціи*. Дрезденская дѣва, такъ искусно выгравированная Миллеромъ, *Мадонна a la Chiesa* во дворцѣ Цитти, *Семья Давидъ* въ Ватиканѣ и *Святое Семейство* въ Луврѣ — прекрасныя картины.

Тиціанъ открылъ новую дорогу въ исторіи живописи. Менѣе занимавшійся науками, нежели Леонардо-да-Винчи и Микель Анжело, онъ обратился къ колориту. *Успеніе Божіей Матери* и *Срѣтеніе*, находящіяся нынѣ въ Венеціанской Академіи, представляютъ неисчерпаемый источникъ для этюдовъ. Три великіе мастера, предшествовавшіе Тиціану, никогда не достигали до такой роскоши колорита. Достоинство этихъ двухъ картинъ состоитъ въ ослабительномъ блескѣ божественныхъ лицъ, которымъ Тиціанъ умѣлъ окружить ихъ — это новая тайна живописи, которой до него никто не зналъ.

Корреджіо въ шармскомъ куполѣ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Онъ показывалъ формы въ тѣни, которыхъ Микель Анжело, Леонардо-да-Винчи, Рафаэль и Тиціанъ не угадали, или по крайней мѣрѣ представили блѣдо.

Въ этомъ трудномъ дѣлѣ онъ оказалъ удивительное искусство. Въ отношеніи къ наукѣ, онъ далекъ отъ Микель Анджело и Леонардо-да-Винчи; но по прелести и выраженію онъ имъ равенъ, а этого много. Въмѣсто того, чтобъ изображать тѣлесныя формы въ полномъ свѣтѣ, Антоніо Аллегри старался выразить то, что Мильтовъ въ *Потерянномъ раѣ* называетъ *видимую тѣлностью*, то есть изображать фигуры въ полутѣни, ослабляя такъ искусно оттѣнки, что, несмотря на блѣдность освѣщенія, глазъ ясно открываетъ формы.

Такимъ образомъ находимъ мы въ Италіи чистую науку живописи, представитель которой Микель Анджело, науку, соединенную съ граціею — въ Леонардо да Винчи, граціею, соединенную съ наукою, но преобладающую надъ нею — въ Рафаэлѣ; блескъ свѣтлаго и вѣрнаго колорита — въ Тиціанѣ; рисунокъ формы въ тѣни — у Корреджіо.

Какую же новую форму видимъ мы послѣ этихъ пяти методовъ? Только одну, заслуживающую мѣсто въ исторіи живописи — методу Рубенса. Онъ долго жилъ въ Италіи и тщательно изучалъ венеціанскую школу, не покоряясь ей рабски. Если въ картинахъ его замѣтны слѣды вліянія Тиціана и Поля Веронеза, то надобно сознаться, что онъ ввелъ новую методику въ живопись. Форма, которую Микель-Анджело и Леонардо-да-Винчи почитали въ чисто-ученомъ отношеніи, а Рафаэль, Тиціанъ и Аллегри — въ гармоніи линий, блескъ свѣтовъ и въ полутѣняхъ, Рубенсъ старался выразить ея новымъ способомъ — и успѣлъ въ этомъ. Если у него не доставало иногда благородства и возвышенности, но вѣрность подражанію всегда въ немъ удивительна. До Рубенса никто такъ вѣрно не изображалъ тѣла: этимъ онъ превзошелъ всѣхъ итальянскихъ мастеровъ: *Находь* галереи Медичи, *Снятіе со креста* въ антверпенскомъ соборѣ, *Распятіе св. Петра* въ Кѣльнѣ, *Святое Семейство* — все доказываетъ великое дарованіе Рубенса и достигнутую имъ цѣль.

Послѣ пяти итальянскихъ мастеровъ, послѣ Рубенса, что могъ сдѣлать Рембрандтъ? Ему оставалось одно — искать новую методику, и онъ исполнилъ эту трудную задачу. Дѣйствительно, его метода совершенно отдѣльна отъ предъидущихъ шести. Умѣя, въ случаѣ нужды, освѣщать, какъ Тиціанъ, изображать тѣло какъ Рубенсъ, уступая въ познаніяхъ Микель Анджело и Леонардо-да-Винчи, не достигнувъ гармоничности контуровъ Рафаэля, Рембрандтъ можетъ только быть сравниваемъ съ Антоніо Аллегри; но освѣщеніе Рембрандта гораздо ученѣе, чѣмъ у Аллегри. Ни одинъ итальянецъ не придумалъ этого способа. Слѣдственно Рембрандту должно по справедливости назначить седьмое мѣсто въ іерархіи живописи. Чистая форма принадлежитъ въ этой іерархіи Микель Анджело и Леонардо-да-Винчи; не столь ученая, но болѣе гармоническая форма — Рафаэлю; роскошь колорита — Тиціану; формы полутѣни — Корреджіо; живое тѣло — Рубенсу; форма таинственной тѣни — Рембрандту.

За ними явился Николай Пуссенъ; но метода его не представляла ничего новаго; группы его и выраженіе лицъ иногда ученѣе Рафаэля, но самостоятельности и оригинальности въ немъ нѣтъ. Мурильо и Веласкесъ, какъ Пуссенъ, не образовали новыхъ методовъ; дарованіе ихъ не

составляетъ прогресса въ живописи. Слѣдственно, назначая сельное мѣсто Рембрандту, я не ставлю его выше Пуссена, Веласкеса, Мурильо, Альберта, Дюрера или Гольбейна по композиціи, или выраженію, но отдаю ему должную дань за составленіе собственной своей методы. Послѣ этихъ семи живописцевъ, нѣтъ ужь оригинальности: все подражаніе, болѣе или менѣе явное. Много было мастеровъ умныхъ, превосходныхъ, но ни одинъ не превзошелъ этихъ семи живописцевъ.

Скажемъ въ заключеніе, что красота составляетъ высшее выраженіе искусства, и слѣдственно художники должны искать ее въ миланской и римской школахъ; но, изучивъ ихъ, надобно обратиться и къ голландскому мастеру, чтобъ похитить у него тайны его методы. Не вижу, почему бы нельзя было чистый рисунокъ Леонарда, или Рафаэля облить таинственнымъ полусвѣтомъ Рембрандта? Можетъ быть, это трудно, но не невозможно.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Последніе изслѣдованія историческаго значенія миеологіи древнихъ народовъ. — Миеологія каждаго языческаго народа служитъ вѣрнѣйшимъ выраженіемъ его индивидуальныхъ нравовъ, и часто поучительнѣе его исторіи. Дѣйствительно, исторія неполнѣ объясняетъ жизнь греческой націи: въ исторіи много случайнаго и фантастическаго, независящаго отъ народа; но миеологія—собственное созданіе и исключительное достоинствіе каждаго племени. Индія, наиримѣръ, не оставила намъ ни одной строки собственно такъ называемой исторіи. Ученые сожалеютъ объ этомъ и дорого бы заплатили за какую-нибудь хронику, за списокъ династій; но зато Индія оставила намъ свои поэмы, миеологію, священныя книги. Въ нихъ вся душа Индіи, вся ея внутренняя жизнь. Въ исторіи мы бы нашли нѣсколько сухихъ разсказовъ, изъ которыхъ критика не могла бы отдѣлать истинное отъ вымышленнаго. Но миеологія даетъ намъ вѣрный отпечатокъ образа мыслей и чувствъ этого народа.

При господствующихъ нынѣ идеяхъ, мы не можемъ не признать безсмыслиемъ, недостойнымъ всякаго мыслящаго человѣка, всю миеологію Греціи и Рима. Не выикая глубоко въ историческія науки, мы будемъ всегда удивляться, какимъ образомъ народы, которыхъ намъ представляютъ учителями человѣчества, могли поклоняться пьянымъ и развратнымъ божествамъ, допуская въ свои религіозныя понятія безсмысленныя разсказы и неблагопрістойныя происшествія. Всякій пожметъ плечами при видѣ этого непостижимаго ослѣпленія. Умъ никогда самовольно не покоряется безсмысленностямъ; и если въ историческихъ дѣйствіяхъ народовъ видимъ мы какое-нибудь безсмысліе, значитъ, мы не открыли еще тайной причины подобнаго заблужденія. Навное воображеніе первобытныхъ народовъ создало странную, поэтическую, чувственную миеологію. Только недавно стали разсматривать ее кри-

тлѣсти, отыскивать тайное значеніе, символистичу всѣхъ этихъ мифовъ.

Во Франціи несомнѣнно успѣшно занимались этими изслѣдованіями. Жанъ Дендеръ, Банье, Лаже, Клавье, Пети-Радель не пошли дальше грубаго эвгемеризма (извѣстно, что Эвгемеръ видѣлъ во всѣхъ богахъ древности обоготворяемыхъ людей), но въ Германіи внимательнѣе вникли въ этотъ предметъ. Гёте, Лессингъ, Винкельманъ и Гердеръ начали смотрѣть на мифологію, какъ на науку. Шеллингъ въ трансцендентальной философіи рассуждалъ о богахъ Самоэракіи. Множество филологовъ и антикваріевъ старались понять великую загадку древней мифологіи, которой смыслъ глубоко сокрытъ въ религіозной жизни народовъ.

Фридрихъ Крейцеръ, съ 1800 по 1812 годъ, составилъ первый огромное сочиненіе, названное имъ *Символикою* и содержащее въ себѣ изслѣдованіе древнихъ мифологій. Это было уже нѣчто систематическое научное; это былъ ученый «Пантеонъ», въ которомъ собраны были всѣ божества индійскія, египетскія, персидскія, финикійскія, этрускія, греческія, римскія. Но у Крейцера главный недостатокъ александрійской школы, а именно: символическое преувеличеніе, мистицизмъ, синкретизмъ. Онъ ищетъ разгадку слишкомъ высоко, не обращая вниманія на простую, наивную, дѣтскую и полочувственную жизнь первыхъ индо-эллинскихъ племенъ. Нельзя искать глубочайшихъ размышленій и соображеній тамъ, гдѣ все дѣлалось по инстинкту, покорялось своенравной фантазіи; нельзя серьезно и философически трактовать о свидѣніяхъ ребенка.

Греческая мифологія въ первомъ проявленіи не что иное, какъ произведеніе молодого, пылкаго воображенія, безъ всякаго помысла о догматической системѣ, безъ теологическаго значенія. Объяснять эти мечты, значить то же, что растолковывать звонъ колоколовъ, объяснять очерки облаковъ. Древній человекъ смотрѣлъ на природу дѣтскимъ взглядомъ. Ребенокъ набрасываетъ на все окружающее какой-то отблескъ непостижимаго, потому что самъ ничего постигнуть не въ силахъ. Едва отдѣляясь отъ природы, онъ ужъ разговаривалъ съ нею и воображалъ, что она ему отвѣчаетъ. Видя чудныя феномены физическаго міра, онъ олицетворялъ ихъ и превращалъ въ божества. Онъ боготворилъ собственно свои ощущенія, и тѣ неопредѣленные предметы своихъ ощущеній, которые не умѣлъ еще постигнуть и отдѣлать отъ видимаго міра.

Видя, напримѣръ, безграничность моря, съ его то бурными, то прекрасными волнами, своенравные изгибы береговъ, чувствуя задумчивость, навѣваемую этимъ зрѣлищемъ безпредѣльнаго, древній человекъ составилъ себѣ цѣлый рядъ грозныхъ, своенравныхъ и непостижимыхъ боговъ океана. Другіе боги владычествовали надъ горами, надъ атмосферою и ея явленіями. Вся природа отражалась въ первобытной мифологіи. Отъ этого произошли таинственныя поколѣнія Тельхиновъ на островѣ Родосѣ, Куретовъ на Критѣ, Дактилей въ Фригіи, Карсиновъ и Синтиевъ на островѣ Лемносѣ, Кабировъ въ Самоэракіи,

Тролей въ Скандинавіи, имѣвшія прямыя сношенія съ силами природы. Все, что поражало человека, дѣлалось для него божествомъ.

Многіе изъ важнѣйшихъ мифовъ древности основаны только на обманчивой этимологіи, родившейся въ воображеніи ребенка; иногда же противорѣчія и безсмыслія производили фантастическіе рассказы.

Всякое божество объясняется отдѣльными циклами идей и сходствами вещей. Еслибъ Меркурій былъ только божествомъ воровъ, а Бахусъ — кумиромъ пьяницъ, то это была бы очень плохая выдумка, не остроумный вымыселъ, а жалкая риторическая фигура, годная развѣ только для классическихъ поэмъ. Но древность боготворила въ лицѣ ихъ совсѣмъ другое. Меркурій былъ представителемъ промышленнаго ума человека, *Эфебомъ*, какъ его прозвали философы аѳинской гимназіи. Съ Бахусомъ же связаны всѣ идеи молодости, удовольствій, похожденій, легкихъ побѣдъ, сильныхъ страстей. Сравнивъ съ ними Аполлона, тотчасъ видишь въ немъ иностранца, который, несмотря на свое продолжительное пребываніе въ Греціи, не потерялъ азіатскаго характера. Аполлонъ одѣтъ въ длинный *бассаридъ*; чело его увѣнчано восточною шапкою.

Мифъ, болѣе всего объясняющій эту чрезвычайную сложность и противорѣчіе древнихъ басенъ, представляетъ Главкъ — смиренное божество бѣдныхъ, сохранившее первобытный инородный типъ почти во всей чистотѣ. Главкъ соединяетъ въ себѣ всѣ повѣрья и мечты моряковъ. Онъ старъ, избитъ волнами; тѣло его покрыто раковинами и морскими растеніями. Иные увѣряютъ, что онъ бросился въ море оттого, что не могъ никого убѣдить въ своемъ безсмертіи — и съ тѣхъ поръ ежегодно посѣщаетъ берега и острова. Вечеру, когда предстоитъ бурная ночь, волны Главка высоко поднимаются и шепчутъ грозныя оракулы. Рыбаки молятся на своихъ лодкахъ и стараются умилостивить Главка, который, взоидя на прибрежную скалу, угрожаетъ ихъ сталамъ и полямъ, и между тѣмъ самъ плачетъ о своемъ безсмертіи. Онъ тоже любилъ; но любовь его была печальна, несчастна и окочалась какъ зловѣщій сонъ. Онъ любилъ прекрасную морскую дѣву Сицилу — и она сдѣлалась чудовищемъ, лаявшимъ на мореходовъ близъ сицилійскихъ береговъ. Съ тѣхъ поръ бѣдный Главкъ вѣчно золъ, недоволенъ. На памятникахъ изображенъ онъ всегда съ бородою изъ морскихъ травъ, съ быстрымъ взоромъ, съ нахмуренными бровями.

Древніе сами очень затруднялись въ объясненіяхъ своей мифологіи, желая придать существенность мечтамъ воображенія. Басни эти всѣ такъ были хорошо составлены, что всякій находилъ въ нихъ то, что ему нравилось. Одни принимали систему Эвгемера, объясняющаго всю мифологію историческими событіями; другіе искали въ нихъ философическихъ системъ. Наивныя божества древности пьютъ и ѣдятъ, раздѣляя всѣ нужды и удовольствія людей. Изъ этого Проклъ заключилъ, что они безпрестанно мѣшаютъ опредѣленное съ безконечнымъ. Ампрісія, какъ твердая пицца, принадлежитъ къ первой категоріи; жидкій нектаръ — ко второй. Уранъ, Сатурнъ, Юпитеръ составляютъ у философа Плотина три основанія умственнаго міра: *единство, разумъ и душу*.

Юантеръ, порождающій Минерву—это всамірный духъ, проявляющійся звнѣ.

Сатурнъ, пожирающій дѣтей своихъ — это разумъ, безпрестанно возвращающійся самъ къ себѣ. Такимъ образомъ все сдѣлалось аллегоріею и метафорою. Эти цвѣты, распустившіеся при первыхъ лучахъ рождающагося человѣчества, превратились въ рукахъ педантовъ и философовъ въ холодныя и неуклюжія загадки. Едва сквозь антропоморфическую оболочку остался одинъ мнѣ первобытной природы—это мнѣ о нимфахъ. Ихъ имена указываютъ на источники, изъ которыхъ они произшли. Но и тутъ философъ Порфирій преобразовалъ ихъ въ цѣлую систему отвлеченностей. Нимфы—это души; оболочка ихъ—это тѣло, пещеры ихъ — цѣлый свѣтъ; внутренность пещеры мрачна, наружность блестяща, и прочее.

Важный недостатокъ Крейцера состоитъ въ томъ, что онъ смотрѣлъ на мнѣологию съ мистической и философической стороны. Нельзя было предполагать, что въ отдаленной ея древности хотѣли прикрыть идолослуженіе символами. Все это родилось вдругъ, безъ приготовленій, какъ мысль, какъ слово. Въ мнѣи нѣтъ двойкаго элемента, онъ ни чѣмъ не прикрытъ.

Было, правда, и въ древности олицетвореніе нравственныхъ идей, какъ-то, фортуны, гниги, побѣды, цѣломудрія, сна и прочее. Были мнѣи изобрѣтенныя, какъ, на примѣръ, Психея; но и эти аллегоріи всѣ просты, ясны, остроумны, непохожи на загадки символовъ.

Что такое *эволюціи* Гезіода? Это первая попытка составить исторію первыхъ своихъ боговъ, какъ города и племена отыскивали и придумывали свое первобытное происхожденіе. Кажется, гораздо прежде его Орфей хотѣлъ сдѣлать то же. Тайнства мнѣологии выдуманы уже позже. Притомъ же Греки не были никогда мистиками. Всѣ перевороты эллиновъ, ираклидовъ, дорійцевъ произошли отъ столкновеній народа со жрецами. Послѣдніе никогда не играли въ Греціи важной роли. Поэзія рѣдко касалась до нихъ. Гомеръ говоритъ мало о жертвоприношеніяхъ. Настоящая жизнь грековъ была военная, героическая. Самыя искусства старались о красотѣ боговъ, а не о таинственности и ужасѣ. Идолы индійцевъ безобразны: Греція хочетъ, чтобъ мнѣология ея была изящна, привлекательна. Фидій составилъ статую Юпитера по собственному своему идеалу, а не по наставленіямъ жрецовъ, или предавій. Для человѣка нѣтъ идеи выше человѣческой красоты. Кановы, спеленатыя куклы индійцевъ и египтянъ, не внушаютъ уваженія. Греки помѣстили въ число полубоговъ Филиппа Кротонскаго, какъ прекраснѣйшаго изъ эллиновъ.

Крейцеръ долженъ былъ смотрѣть на мнѣологию съ точки зрѣнія древнихъ народовъ, а не искать въ ней отвлеченностей и философскихъ системъ. Впрочемъ, противъ его символической системы составила другая, принадлежащая Фоссу, Герману и Лобеку, называвшаяся противосимволическою. Наконецъ третья сохраняла средину. Отфридъ-Мюллеръ, Фелькеръ и ихъ послѣдователи составили чисто-эллинскую школу.

Фоссъ былъ сильный противникъ символизма. Онъ въ 1824 году обнарудовалъ въ Штутгартѣ *акти-символистику*, очень ученую книгу, но, къ сожалѣнію, наполненную личностями, на которыя Крейцеръ очень благообразно не отвѣчалъ.

Лобекъ тоже возсталъ на *символистику* Крейцера. Его *Angloarphatus*, напечатанный въ 1829 году, служить лучшимъ опроверженіемъ системы Крейцера; но зато вездѣ, гдѣ Крейцеръ хотѣлъ найти что нибудь честное и нравственное, Лобекъ вездѣ видитъ ребячество и пошлость. Крейцеръ въ древне-пеласгійской религіи открылъ происхожденіе ея отъ восточнаго символизма. Лобекъ видѣлъ въ этомъ бессмысленный фетишизмъ. Онъ говоритъ, что происхожденіе древнихъ религій неизвѣстно и искать его не зачѣмъ; доказываетъ, что всѣ древніе мифографы несогласны между собою ни въ эпохѣ, ни въ чинахъ, ни въ генеалогіяхъ своихъ боговъ. Но что жъ онъ этимъ доказалъ? Только то, что критика напрасно требуетъ отъ мифологіи исторической точности и что странно смѣяться надъ древними вѣрованіями оттого только, что въ нихъ иногда встрѣчается безсмыслица. Это тоже, что требовать отъ страстей разсудительности. Элевсинскія таинства для насъ теперь очень забавны, а въ свое время они имѣли большое нравственное вліяніе.

Въ то время, какъ кѣнигсбергскій профессоръ истощалъ всѣ усилія своей учености, чтобъ отнять у древней мифологіи всякую поэзію, эта мифологія старалась стать въ уровень съ исторіею. Буттманъ, Фелькеръ, Швенкъ посредствомъ филологіи, Гергардъ, Панофа посредствомъ археологіи старались найти истину. Но всѣ они отвергаютъ гипотезу Крейцера, будто бы религія древнихъ грековъ произошла изъ Индіи.

Конечно, первобытные жители Греціи и Италіи, какъ и всѣ европейскія племена того вѣка, сохранили въ своихъ религіозныхъ идеяхъ, въ языкѣ и чертахъ слѣды своего происхожденія; но это же самое замѣтно у язычниковъ германцовъ, кельтовъ, славянъ. Мы скорѣе думаемъ, что аллинскій духъ развивался независимо отъ своего восточнаго происхожденія, будучи обязанъ своимъ морямъ, горамъ и собственнымъ вѣрованіямъ всею красотою своихъ мифовъ.

Глава послѣдней школы Отфридъ Миллеръ. Онъ говоритъ, что религія древнихъ пеласговъ была олицетворенная природа. *Мати-Земля* (Да-Матерь) и спутницы ея Персефона, Гандесъ, Гермесъ, Геката, были еракійскими и пеласгійскими божествами, которыя превращены были эллинами въ болѣе изящныя мифы. Это превращеніе было ужъ собственнымъ вдохновеніемъ, а не иноземнымъ заимствованіемъ. Различіе племенъ послужило объясненіемъ къ различію мифологіи. Исслѣдованія Миллера о дорійцахъ, минійцахъ и эгрускахъ чрезвычайно замѣтельны. Борьба Гермеса и Аполлона изображаетъ борьбу простонародныхъ боговъ, сельскихъ жителей Аркадіи, противъ боговъ своихъ завоевателей. Побѣжденные боги поступили потомъ въ число второгласныхъ. Еслибъ смерть такъ рано не похитила Миллера у науки, онъ вѣрно успѣлъ бы объяснить все, оставшееся темнымъ.

Преллеръ продолжалъ слѣдовать по стопамъ Миллера. И у него мистическій элементъ греческой мифологіи принадлежитъ еракійцамъ и пеласгамъ. Основная идея пеласгійской мифологіи состояла въ обоготвореніи природы, и въ особенности земли. Антропоморфизмъ эллиновъ, представленный Гомеромъ и эпической эпохой, Преллеръ почитаетъ эпохою утвержденія народной и національной мифологіи. Позже, во времена Солона и Пизистрата, произошла уже реакція въ пользу боговъ древности и выразилась въ таинствахъ, смѣшанныхъ съ шарлатанствомъ и поддержанныхъ потомъ неоплатониками.

Впрочемъ, надобно прибавить, что древность была непостоянна въ своихъ вѣрованіяхъ. Каждое столѣтіе проявлялась гдѣ-нибудь новая мифологія. Всякое новое божество, вывезенное изъ чужихъ краевъ, имѣло всегда, какъ новость, больше поклонниковъ, нежели прежнее, существовавшее нѣсколько вѣковъ. Древній Панъ едва былъ допущенъ въ свиту Діонисія (Бахуса), вошедшаго въ моду гораздо позже перваго. Гермесъ, великій пеласгійскій богъ, осужденъ служить указателемъ дорогъ на перекресткахъ. Честный Вулканъ является на Олимпѣ какъ будто только для того, чтобъ надъ нимъ смѣялись Юпитеръ и Венера. Всѣ древніе промышленные, земледѣльческіе, трудолюбивые боги превращены въ слугителей новыхъ боговъ. Эти первые боги не уничтожали старыхъ, но оставляли ихъ въ забвеніи. Иногда же они сливались вмѣстѣ. Такъ мифъ Цереры и Прозерпины сдѣлался общинъ, а сабазіяскія таинства (во Фригіи) вошли въ моду, соединясь съ діонисіями.

Со времени вторженія сабазіяскихъ таинствъ (въ VII вѣкѣ до Р. X.) открывается у грековъ страсть къ иностраннымъ божествамъ. Служеніе Аттису, Цибеллѣ, Адонису съ дикими возгласами впервые нарушили изящный вкусъ грековъ. Одинъ Загрей оставался въ большомъ уваженіи. Это былъ вѣчно-юный Діонисій, котораго оплакивали какъ Адониса; поклонники его производили величайшіе безпорядки.

Тѣмъ и кончается влияние Востока на мифологію Греціи. Оно было гораздо значительнѣе, но ужъ при упадкѣ Эллады. Изида, Сераписъ, Матра, не скрывая уже именъ своихъ, явились въ Греціи и составились прежнею мифологіею самое чудовищное смѣшеніе.

Самые мифы древнихъ вѣрованій были довольно неопредѣленны. Всякій мифъ право объяснять и украшать ихъ по-своему. Это была тема для поэмъ и романовъ. Но позднѣйшія мистеріи были уже серьезно почитаемы чѣмъ-то особеннымъ. Что такое были, напримѣръ, элевсинскія таинства? Теперь мы ужъ съ ними хорошо знакомы. Это были спектакли древней символистки. Иногда представляли смерть Адониса, иногда изуродованіе Аттиса, иногда убійства Загрея или Сабазія. Легенды Цереры и Прозерпины болѣе всего служили предметомъ этихъ представленій. Всѣ обстоятельства этого мифа, всѣ подробности поисковъ Цереры, являясь въ дѣйствіи, сильно говорили воображенію. Сперва тянулась длинная процессія съ разными шутовскими эпизодами; потомъ слѣдовали поиски Цереры во мракѣ, наконецъ внезапный блескъ: пропылен храма открылся, зрители вводили въ великолѣпныя залы, гдѣ они слыша-

ли голоса дѣйствующихъ лицъ. Машинны производили перегибы де юраций и каждый день ознаменовывался различнымъ спектаклемъ: то представляли *литоболію* (сраженіе камнями); то поклонялись *матери Ахеевъ* (*Da-mater Achaea*), то ходили къ морю, гдѣ росли священныя фиговые деревья и гдѣ производились разныя обряды съ плясками, музыкою и ночными празднествами. *Гефиризмъ* (шутки на мосту) занимали всѣхъ. Здѣсь на мосту черезъ Цефисъ сходились жители и встрѣчали процесію колкими шутками, на которыя отвѣчали тѣмъ же. Можетъ быть, эти словесныя пренія были началомъ сценическаго искусства. Вообще элевзяскія таинства славилась своимъ великолѣпіемъ.

Послѣ этого можно сказать, что мистеріи эти были вовсе не мистическія, какъ думаетъ Крейцеръ, и не бессмыслица, какъ утверждаетъ Лобекъ. Тутъ не было ни поученія, ни философіи, одна символика—и только. Женщины, праздновавшія смерть Адониса, заботились ли о томъ, что онъ представлялъ солнце; что вепрь, умертвившій его—это зима, и что онъ воскресаетъ съ первымъ цвѣткомъ? Нѣтъ, онъ вовсе не о томъ плакали, не затѣмъ обѣгая: онъ хотѣли спектакля, шуму—и больше ничего.

Спизезій говоритъ, что посвященные въ таинства ничего больше не узнавали, но что ихъ настраивали и готовили къ воспріятію впечатлѣній спектакля. Впрочемъ, чтобъ участвовать въ немъ, требовалось быть только афиняниномъ, или имѣть въ городѣ родню. Позже стали всѣхъ пускать на эти зрѣлища.

Слѣдственно мистеріи надобно почитать преобразованиемъ древнихъ религій въ ту минуту, какъ дѣтскія преданія первобытныхъ временъ не могли уже удовлетворить требованіямъ разившейся образованности, но какъ народу нужна была болѣе серьезная и догматическая вѣра, то мистеріи, конечно, были плохою выдумкою.

Истинной почитательности въ богамъ миселогіи не было и прежде. Намъ теперь удивительно, какимъ образомъ народъ, осудившій за смерть Сократа за безбожіе, позволилъ Аристофану въ комедіи своей колотить палками Бахуса на сценѣ, а Геркулеса превращать въ позарѣнка. Мы видимъ въ Римѣ потомъ, что, дѣлая объѣты богамъ, всегда общались имъ такую-то награду въ случаѣ успѣха, и наказаніе, если предпріятіе не исполнится.

Въ наше время трудно себѣ представить существо, непонимающее единого Бога. Дѣйствительно, когда умъ человѣческій достигаетъ нѣвѣстной точки образованности, онъ невольно чувствуетъ необходимость *монотеизма* (Единобожія). Но въ древнія времена вѣтшія впечатлѣнія имѣли вліяніе на политеизмъ и монотеизмъ. Арабское или семитическое племя всегда было привержено къ монотеизму. У этихъ народовъ, обитателей степи, нѣтъ философіи, нѣтъ миселогіи, нѣтъ политической жизни, но у нихъ одинъ Богъ. Они поняли это Верховное Существо; они видѣли, что Онъ все создалъ. Не таковы племена, переселившіяся изъ Индіи въ Грецію. У нихъ на каждомъ шагу была разнообразная природа съ роскошными картинками и чудесами, и чудеса эти, непостижимыя дѣтскому уму первобытныхъ

народовъ, породили множество боговъ. Но и тутъ тайный истинникъ указывалъ этимъ народамъ на что-то свыше этихъ боговъ, плодовъ игриваго воображенія. Сдѣлавъ главнымъ своимъ божествомъ Юпитера, они поставили надъ нимъ Хроноса (Время) и надъ Временемъ Судьбу. Иначе они не умѣли выразить своей идеи; но по всему видно, что они, хотя смутно, понимали и чувствовали необходимость единого Бога.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬ- НЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Что можетъ утѣшить въ жизни (разсказъ). — Поездъ желѣзной дороги изъ Парижа въ Орлеанъ остановился на одной изъ незначительныхъ станцій. Паръ со свистомъ вылеталъ изъ локомотива и кондукторы, подходя ко всѣмъ вагонамъ, громко называли имена двухъ или трехъ сосѣднихъ селеній. Вдругъ изъ вагона перваго класса кто-то закричалъ: «Отворите!» и вслѣдъ затѣмъ человекъ лѣтъ сорока быстро вышелъ на галерею.

Несмотря на прекрасную погоду, незнакомецъ былъ закутанъ въ теплый плащъ, съ поднятымъ воротникомъ, не позволявшимъ разглядѣть его черты. Дойдя послѣдно до выхода съ дебаркадера, онъ подалъ смотрителю свой билетъ и пошелъ дальше.

— Вы ошибаетесь! закричалъ тотъ ему вслѣдъ прочитавъ билетъ: у васъ написано: до Орлеана.

Но незнакомецъ, не слушая его, шелъ уже по узкой тропинкѣ, которая вела въ ближнее селеніе. Смотритель закричалъ вслѣдъ его раза два, но видя, что труды его напрасны, пожалъ плечами и сказалъ:

— Онъ или глухъ или англичанинъ. Впрочемъ, если онъ опоздаетъ и поездъ уйдетъ, то самъ будетъ виноватъ! Да и къ чему онъ взялъ билетъ до Орлеана, когда ему надобно остановиться здѣсь? Вѣдь есть же такіе странные люди! Вотъ ужъ машина тронулась, а онъ все бѣжитъ впередъ. Пріятнаго пути, господинъ сумасшедшій!

Скорая, лихорадочная походка незнакомца могла отчасти оправдать мнѣніе смотрителя станцій. Онъ шелъ прямо, не обращая вниманія на дурную дорогу, канавы и лужи. По всему было видно, что какая-то мысль овладѣла имъ совершенно.

Онъ, казалось, даже не звалъ, куда привела его дорога и гдѣ онъ находится, потому что вдругъ остановился и, приподнявъ шляпу, посмотрѣлъ вокругъ себя.

При блескѣ заходящаго солнца онъ увидѣлъ небольшое селеніе, расположенное на скатѣ горы. Дальше зеленѣлись луга, черезъ которые протекала широкая и быстрая рѣка. Путешественникъ съ минуту посмотрѣлъ на эту картину, но она не произвела на него никакого дѣйствія. Онъ съ безпокойствомъ посматривалъ то на лѣсокъ, который видѣлся вдали, то на рѣку, отражавшую послѣдніе лучи солнца. На

лицъ его изобразилась нерѣшительность, наконецъ онъ завернулся въ плащъ, какъ будто почувствовалъ холодъ, и пошелъ прямо къ селенію.

Первые дома принадлежали, по всей вѣроятности, бѣднымъ работникамъ, и незнакомецъ прошелъ молча мимо нихъ до главнаго мѣста селенія. Тутъ возвышалась церковь; дома были большіе и чистые и наверху одного новаго зданія развѣвался національный флагъ, что доказывало что тутъ находится контора мера, казармы и школа; напротивъ вѣсла вывѣска, изображающая золотого льва.

Путешественникъ остановился передъ гостинницею и хотѣлъ ужъ переступить черезъ порогъ, но въ эту минуту раздался въ нижней залѣ громкій смѣхъ и звонъ стакановъ. Это заставило незнакомца остановиться на минутъ; потомъ онъ повернулся и пошелъ по одной изъ маленькихъ улицъ, выходящихъ въ поле.

Здѣсь дома были рѣдки и прерывались большими садами. Въ нѣкоторыхъ двери и ставни были заперты какъ въ лѣтнихъ жилищахъ; въ другихъ чрезъ открытыя окна видно было удобное и богатое убранство, доказывающее достаточность и образованность жителей. Путешественникъ понялъ, что онъ находится въ аристократическомъ кварталѣ селенія и потому шелъ тише, посматривая по сторонамъ, какъ будто искалъ чего-то.

Вдругъ его вывелъ изъ задумчивости чей-то голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ пожилую женщину, которая бѣжала къ нему.

— Вы, вѣрно, хотите посмотреть домъ? сказала она скоро. — Извольте, сударь. Я увѣрена, что вамъ понравится; четыре комнаты... съ садомъ и полемъ. Потрудитесь подождать: я сейчасъ принесу ключи отъ доктора.

И, не дожидаясь отвѣта, старушка побѣжала въ одинъ изъ соседнихъ домовъ.

Незнакомецъ оставался въ томъ же положеніи, какъ будто не понималъ что говорили ему. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою новенькій, красивый домикъ; на двери его былъ прибитъ большой билетъ. Тутъ только, казалось, онъ понялъ о чемъ говорила ему женщина, и хотѣлъ сказать ей, что она ошибается, но проворная старушка уже исчезла.

Онъ хотѣлъ уже идти дальше, но, посмотрѣвъ на домикъ, увидѣлъ за рѣшеткой хорошенькій садъ, цвѣты, бесѣдки и, прислонясь къ двери, сталъ смотрѣть на тихое жилище, какъ будто ему было жаль расстаться съ нимъ.

Старуха скоро вернулась, звеня ключами; отворяя двойные замки, она продолжала говорить незнакомцу, по какому случаю домъ этотъ продается. Хозяинъ его, г. Денуаръ, получилъ большое наследство въ колоніяхъ и долженъ былъ самъ отправиться туда какъ можно скорѣе. Вотъ почему онъ оставилъ домъ съ мебелью и со всѣми принадлежностями.

Въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, будто въ домѣ еще жили. Въ комнатахъ стояли еще свѣжіе цвѣты; стѣнные часы не остановились, въ кабинетѣ на столѣ лежала открытая книга, и вездѣ веро съ начатою за-

пискою. Даже окошко было полуоткрыто и пропускало лучи и запахъ розъ и гелиотропа.

Путешественникъ вышелъ на маленькій балконъ и, опершись на балюстраду, началъ также молча осматривать окрестности: Старуха показывала ему всѣ зданія, называла замки, деревни, дѣса, потомъ, перейдя къ сосѣднимъ домамъ, сказала, что въ началѣ улицы домъ нотариуса, а возлѣ домъ доктора: стало быть, жилецъ не долженъ бояться болѣзни, потому что докторъ Пидуа, самый ученый человекъ во всей Франціи. За нимъ посылаютъ за десять миль въ окружности; онъ знаетъ всѣ возможныя лекарства и вылечиваетъ всѣ болѣзни.

Незнакомецъ ни словомъ не прерывалъ болтовни старухи и, переставъ смотрѣть на мѣстоположеніе, подошелъ къ письменному столу, гдѣ были всѣ принадлежности для письма, и, остановившись, сказала, которая уже начинала исторію про нотариуса, подаль ей серебряную монету и спросилъ: можетъ ли онъ написать здѣсь письмо и возьмется ли она отнести его на почту?

— Съ большими удовольствіемъ, сударь, отвѣчала старуха, немного удивленная. Но отчего же вы не хотите осмотрѣть садъ? Тамъ есть прудъ съ карпами и карасями... и дворъ тоже есть чистый. Развѣ вы не останетесь здѣсь?

— Можетъ быть, отвѣчалъ незнакомецъ разсѣянно: но прежде всего мнѣ надобно написать письмо. Только не забудьте отнести его на почту.

Старуха объявила, что память у ней превосходная; что она ничего не забываетъ; что въ молодости получила награду за хорошую память и хотѣла уже въ доказательство, начать новую исторію, но молчаливый путешественникъ остановилъ ее съ нетерпѣніемъ.

— Извините, сударь, проговорила болтуня: вы вѣрно торопитесь. Здѣсь вы найдете все, что вамъ нужно: бумагу, перья, чернила, облатки вотъ въ этой раковинѣ... свѣчей еще не надобно, потому что свѣтло. Я оставляю васъ, сударь. Когда вы кончите, то позовите меня: я буду въ саду подъ этимъ окномъ.

Когда старуха, наконецъ, скрылась за дверью, незнакомецъ сѣлъ къ столу и написалъ слѣдующее письмо:

«Джону Макензи»

«Я пишу вамъ это письмо въ незнакомомъ мнѣ домѣ и въ селеніи, имени котораго не знаю. Сегодня утромъ я привелъ всѣ дѣла свои въ порядокъ и уѣхалъ изъ Паряжа. Прежде я бросился въ городскую карету, которая привезла меня къ станціи желѣзной дороги; я взялъ мѣсто въ вагонѣ и, остановившись на первой станціи, вышелъ и пѣшкомъ дошелъ до какого-то селенія, откуда пишу вамъ это письмо.

«Вы вѣроятно поняли причину моего скорого отъѣзда. Я не могъ дольше оставаться тамъ, гдѣ мнѣ все напоминало о несчастіяхъ, которыхъ нельзя поправить и послѣ которыхъ нельзя утѣшиться ничѣмъ. Вы знаете, какіе жестокіе удары поразили меня. Въ шесть мѣсяцевъ я вышилъ до дна всю чашу горестей. Прежде всего я потерялъ мое со-

стояніе, и послѣ богатства и роскоши перешелъ въ положеніе, которое для другаго было бы еще довольствомъ, но для меня оно хуже бѣдности. Однако я перенесъ это испытаніе и думалъ, что заплачу дань несчастію. Какъ я жестоко ошибся! Несчастіе мое еще не начиналось. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ недостаточность состоянія, даже бѣдность, если я окруженъ милыми, любимыми существами? Вотъ моя сокровища, моя села, счастье! Вы знаете, что меня поразило... въ одну недѣлю я похоронилъ двухъ моихъ дочерей и черезъ мѣсяць мать ихъ послѣдовала за ними. Я остался одинъ съ воспоминаніями, которые терзали меня.

• Этого было уже слишкомъ много для слабой человѣческой натуры. Я пробовалъ нѣсколько дней забыть... но это невозможно, горе побѣдило меня, я не могу вылетѣть ничѣмъ, не могу утѣшиться.

• Когда это письмо дойдетъ до васъ, вы будете уже жалѣть обо мнѣ, мой милый Джонъ. Прошу васъ только исполните мою послѣднюю волю. Я оставилъ въ моемъ домѣ духовную и всѣ бумаги по своимъ дѣламъ.

• Надѣюсь, что все исполнится по моему желанію и что, послѣ моей смерти, вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ.

• Прощайте, Джонъ Макензи. Ваши дѣла идутъ прекрасно, ваше семейство окружаетъ васъ, будьте же веселы и счастливы и не вспоминайте никогда о вашемъ другѣ

Жозефъ Массень . .

Прочитавъ написанное, бѣдный страдалецъ запечаталъ письмо, отдалъ его той же жепцинѣ и пошелъ дальше по улицѣ, потомъ въ поле и скоро скрылся въ туманѣ.

Часа черезъ два ѣхалъ по дорогѣ, идущей по берегу Сены, вслѣдствіе на тихой, покойной лошади. Хотя ночь уже настала, но, при свѣтѣ звѣздъ, можно было отличить, что онъ былъ старъ и измученъ усталостью. На немъ былъ старый сюртукъ, застегнутый до горла, сѣрая шляпа съ широкими полями, тоже ветхая и пожелтѣлая; кожаныя штиблеты доходили до колѣнъ и покрывали толстые башмаки, которые опирались въ стремена, давно уже потускнѣвшія. Спереди въ сѣдлу были прикрѣплены двѣ небольшія корзинки, изъ которыхъ висѣли медицинскія травы и старое бѣлье, доказывающее занятіе вслѣдствіе.

Докторъ Пидуа (это былъ онъ) не нуждался въ оружіи для охраненія себя въ дорогѣ. Его лучшую защиту составляли уваженіе и любовь всѣхъ окрестныхъ жителей и даже извѣстныхъ негодяевъ, потому что не было ни одного жителя въ окрестности, которому бы докторъ не оказалъ какой нибудь услуги, о которой самъ тотчасъ же забывалъ. Пидуа привыкъ жертвовать собою для другихъ, какъ земледѣлецъ, обрабатывающій землю, и, какъ онъ, не дорожилъ своими трудами. Благодѣяніе сдѣлалось главною цѣлью его жизни, и онъ работалъ для ближняго точно также, какъ другіе работаютъ для себя, то есть и не подозревалъ, что могъ поступать иначе.

Въ этотъ вечеръ онъ ѣхалъ не одинъ: передъ нимъ сидѣла дѣвочка лѣтъ шести, прислонясь головкою къ плечу старика, который придерживалъ ее одной рукою. Плавный ходъ лошади укачивалъ малютку и она по временамъ засыпала; но когда неожиданное движеніе пробуждало ее, она начинала горько плакать. Тогда добрый докторъ утѣшалъ ее ласками и, прижимая къ себѣ, качалъ ее тихонько, чтобъ она опять заснула.

Они ѣхали уже нѣсколько времени по берегу рѣки. Туманъ дѣлался гуще, луна блѣднѣла и группы деревьевъ принимали фантастическія странныя формы. Шумъ затихъ и только слышался плескъ воды о берегъ и стукъ отдаленной мельницы, которая жѣрно ударила въ воду своими огромными крыльями.

Старый докторъ ѣхалъ молча и въ задумчивости посреди неясныхъ формъ и монотонныхъ звуковъ. Онъ уже повернулъ къ селенію, какъ вдругъ свали его раздался страшный крикъ. Онъ остановилъ лошадь и началъ прислушиваться; но все опять затихло. Старикъ подумалъ, не послышался ли ему этотъ крикъ и продолжалъ свой путь.

Когда онъ подъѣхалъ къ своей двери, послышалось какое-то ворчанье и на порогѣ показалась чья-то тѣнь.

— Это ты, Жанна? спросилъ Пидуа.

— А кому еще быть? отвѣчалъ недовольный голосъ. Не скажете ли вы и сегодня, что пріѣхали домой рано?

— Меня задержали, отвѣчалъ спокойно докторъ. Подержи лошадь, Жанна, а то она пойдетъ въ конюшню прежде, чѣмъ я сойду съ нея.

Безобразная, горбатая женщина сошла съ крыльца и взяла лошадь подъ устцы, хотя сама едва доходила до сѣдла, потомъ спросила уже болѣе мягкимъ голосомъ:

— А что ваша больная? лучше ли ей?

— Случилось то, что я говорилъ, отвѣчалъ старичокъ: теперь все кончилось.

— Умерла! вскричала Жанна.

— Тише пожалуйста, сказалъ докторъ: не разбуди малютку.

Тутъ только служанка замѣтила, что баринъ ее держалъ на рукахъ ребенка.

— Такъ это вы сиротку-то привезли! вскричала она.

— Неужели можно было оставить ее тамъ съ покойницей? отвѣчалъ докторъ также тихо.— У ней нѣтъ родныхъ, и сосѣди не могутъ ее взять къ себѣ: надобно же было кому нибудь пріютить ребенка. Возьми ее тихонько, чтобъ она не проснулась и не заплакала.

— Бѣдняжка! сказала Жанна, ласково и осторожно взявъ дѣвочку на руки.— Счастлива ты, что Богъ привелъ къ тебѣ моего барина. Съ нимъ вѣстѣ входитъ въ домъ утѣшеніе. Подожди меня, Сѣрка; а вы, сударь, пожалуйста въ комнату, ужинъ готовъ.

Добрый докторъ очень былъ доволенъ, что Жанна такъ ласково привала сиротку, чего онъ не ожидалъ; и когда служанка пошла ставить лошадь въ конюшню, онъ внесъ дѣвочку въ комнату и положилъ ее на постель такъ тихо, что она даже не проснулась.

Потомъ онъ вошелъ въ маленькую столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ и куда Жанна внесла зажженную свѣчку.

Эта комната была оклеена желтыми обоями, на которыхъ, отъ сырости, сдѣлались темныя пятна и которыя во многихъ мѣстахъ разорвались. Небольшой буфетъ, столъ и нѣсколько стульевъ составляли все ея убранство. Только передъ окошкомъ висѣла ветхая бѣлая занавѣска, да на каминѣ, безъ рѣшетки, стояла сломанная ваза и два бронзовые подсвѣчника.

Пидуа сѣлъ за столъ, на которомъ Жанна поставила супъ и блюдо зелени— это былъ обыкновенный обѣдъ доктора, который иногда прибавлялъ къ нему нѣсколько плодовъ изъ своего сада. Во время ужина служанка сѣла къ камину съ своей работой, разспрашивала о смерти матери Пьереты, потомъ разсказала о всѣхъ, кто въ его отсутствіе спрашивалъ его. Докторъ записывалъ имена и располагалъ, какъ на другой день дѣлать ему визиты, когда послышался сильный шумъ у дверей дома. Жанна побѣжала узнать, кто стучится и скоро вернулась въ сопровожденіи мельника и его работниковъ. Они несли человека безъ движенія, съ котораго стекала вода. Это былъ тотъ самый путешественникъ, о которомъ мы говорили въ началѣ разсказа.

Старикъ взглянулъ на несчастнаго и вскричалъ:

— Утопленникъ!

— Кажется, что такъ, г. докторъ, отвѣчалъ мельникъ, стараюсь сдѣлать печальную мину. Пьеръ пошелъ заперать шлюзъ и увидѣлъ, что въ водѣ барахтается какая-то большая рыба. Онъ зацѣпилъ ее и притащилъ къ берегу.

Старый докторъ вспомнилъ крикъ, который остановилъ его у берега Сены, и не сомнѣвался, что это погибалъ несчастный, котораго принесли къ нему. Онъ приказалъ перенести его въ свою комнату, уложилъ на диванъ и началъ давать ему первыя пособія.

По разсказамъ работника Пьера, утопленникъ боролся съ теченіемъ, когда его увлекло къ мельницѣ и потерялъ чувства только когда его вытащили изъ воды.

Однако прошло полчаса и онъ не оказывалъ никакого признака жизни. Присутствующіе качали головою и перешептывались, думая что все уже кончилось, когда докторъ подалъ знакъ, что онъ услышалъ легкій вздохъ. На колѣняхъ передъ безчувственнымъ тѣломъ онъ слушалъ его дыханіе и біеніе сердца. Наконецъ сомнѣніе исчезло: утопленникъ началъ приходить въ себя.... оживать....

Когда докторъ увѣрился, что опасность миновалась, онъ приказалъ выйти изъ комнаты мельникамъ и всѣмъ любопытнымъ, собравшимся уже посмотреть на покойника, велѣлъ Жаннѣ нагрѣть постель и перенести на нее Масена, который начиналъ дышать свободнѣе.

Скоро онъ открылъ глаза, но голова его была такъ слаба, что онъ не могъ собраться съ мыслями, не могъ выговорить ни одного слова.

Пидуа, впрочемъ, просилъ его молчать, потомъ самъ приготовилъ какое-то лекарство, далъ выпить больному и тотъ сейчасъ же погрузился въ тяжелый сонъ, который продолжался весь остатокъ ночи.

Докторъ бросился на свой старый диванъ и уенулъ тоже легкимъ и тревожнымъ сномъ, къ какому онъ привыкъ, думая всегда о своихъ больныхъ. Когда солнце освѣтило скромную спальню доктора, Массенъ открылъ глаза и увидѣлъ хозяина, закутаннаго въ старый плащъ. Разумѣется, что онъ сначала не понялъ, какимъ образомъ находится въ чужой комнатѣ, на постели, куда онъ не ложился, и съ незнакомымъ человѣкомъ. Онъ смѣшивалъ сонъ съ дѣйствительностью и не помнилъ, что съ нимъ случилось. Мало по малу, однако, мысли начали проясняться, память возвратилась; онъ страшно поблѣднѣлъ и вскрикнулъ отъ ужаса.... Онъ понялъ, зачѣмъ онъ здѣсь, вспомнилъ все, что съ нимъ случилось.

Отчаяніе и стыдъ сжали сердце несчастнаго; онъ приподнялся на постели, но передъ нимъ стоялъ уже старый докторъ, разбуженный его крикомъ.

— Кто вы? Зачѣмъ я здѣсь? спросилъ Массенъ, смотря на него помутившимися глазами.

— Я докторъ и вы у меня, отвѣчалъ старикъ.

— Какъ я здѣсь?

— Васъ принесли сюда тѣ, которые вытащили васъ изъ воды.

— Зачѣмъ меня спасли!

Докторъ задрожалъ.

— Стало быть, это не случайность? сказалъ онъ, смотря на больного съ сожалѣніемъ. Вѣрно, вы очень несчастны?

Массенъ не отвѣчалъ, но закрылъ лицо руками; старикъ тоже молчалъ, боясь пробудить въ больномъ тягостныя воспоминанія; наконецъ онъ взялъ руку больного, пощупалъ пульсъ и спросилъ: какъ онъ себя чувствуетъ; но тотъ не отвѣчалъ ничего.

Докторъ продолжалъ дѣлать ему медицинскія замѣчанія и потомъ началъ незамѣтно говорить о раскаяніи и смиреніи. Его слова не были пологи на сухія, холодныя наставленія; они шли прямо отъ сердца, были просты и убѣдительны. Видно было, что онъ привыкъ утѣшать несчастныхъ, привыкъ производить на нихъ сильное впечатлѣніе.

Больной слушалъ сначала неподвижно и какъ будто не понималъ смысла словъ; потомъ поднималъ голову, посматрѣлъ на старика пристально и сказалъ съ раздражительностью человѣка въ отчаяніи, которому неужны утѣшенія:

— Вы вѣрно не потеряли вдругъ всѣхъ, кого любили больше жизни?

— Я сосредоточивалъ всю мою любовь на одномъ существѣ, сказалъ Пидуа голосомъ, дрожащимъ отъ волненія. Съ дѣтства я не зналъ родныхъ и привязался всѣми силами души и сердца къ женщицѣ, которая соединила со мной свою судьбу. Мы любили другъ друга страстно и были счастливы до того дня, когда смерть разлучила насъ.

— Она умерла? повторилъ больной.

— Шесть лѣтъ тому назадъ, въ нашей сторонѣ была сильная лихорадка и она умерла. Одну ее я не могъ спасти, тогда какъ выме-

чтлгь сотни чужихъ. Всѣ мои познанія и заботы были напрасны. Она скончалась на моихъ рукахъ—и съ нею я потерялъ все.

Слезы мѣшали старику говорить и онъ украдкой отеръ глаза.

— Извините, что я напомнилъ вамъ о вашемъ несчастіи, сказалъ незнакомецъ: я понимаю вашу потерю и сожалею о васъ.

— Разумѣется, что несчастіе мое велико, продолжалъ Пилуа: во сколько тысячъ людей раздѣляютъ его со мною. Мы всегда считаемъ несчастіе другихъ легкимъ испытаніемъ, а свое собственное почитаемъ печальнымъ исключеніемъ.

— И вы остались совершенно одни?

— Нѣтъ; со мною осталось воспоминаніе о той, которая жила для меня двадцать лѣтъ. Я продолжаю жить въ томъ же мѣстѣ и продолжаю тѣже занятія. Если она исчезла навсегда, то все здѣсь не перестаетъ напоминать ее, и я не могу думать, что отсутствіе ея невѣчно. Я всегда старался поступать такъ, чтобъ она была довольна мною, и теперь продолжаю тоже; это составляетъ мое утѣшеніе.... Когда бѣдные люди приходятъ благодарить меня за заслуги и говорятъ, что будутъ молиться за меня, я отвѣчаю имъ: молитесь за нея. И мнѣ большое наслажденіе доставляетъ мысль, что имя ея уважаютъ, что она не умерла ни для кого и живетъ въ сердцахъ всѣхъ.

Массень задумался, потому что еще въ первый разъ слышалъ такіа слова и чувствовалъ какое-то новое волненіе въ душѣ. До сихъ поръ онъ привыкъ къ положительнымъ наслажденіямъ вещами или чувствами; онъ вѣрилъ въ счастье дѣйствительное, не понималъ, что могутъ быть еще другія радости, въ которыхъ можно найти утѣшеніе и счастье.

Онъ посмотрѣлъ на доктора, на блѣдномъ лицѣ котораго ясно выражалось грустное смиреніе.

Въ это время вошла Жанна съ маленькой Пьеретою, которую держала за руку. Малютка только что проснулась и хотѣла тотчасъ же видѣть своего благодѣтеля. Она ласково бросилась къ старику и нѣжно обняла его. Больной невольно задрожалъ;

— У васъ есть дочь! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Со вчерашняго дня, отвѣчалъ докторъ.—Долго я молилъ Бога, чтобъ Онъ послалъ мнѣ сына, и надежды мои не исполнялись; но въ вознагражденіе отцовъ безъ семейства есть сироты, которымъ нужны покровители.

И онъ рассказалъ въ немногихъ словахъ, какъ Пьерета осталась одна и онъ ввѣлъ сиротку къ себѣ.

— Это будетъ солнечный лучъ въ моемъ бѣдномъ домѣ, прибавилъ онъ. Я знаю ребенка. Онъ будетъ любить меня и я опять буду не одинъ. Если она вырастетъ у меня, все-таки будетъ кому закрыть мнѣ глаза передъ смертью.

Жанна, убирающая комнату, услышала послѣднія слова и сказала сердитымъ тономъ:

— Врядъ ли вы доживете, чтобъ Пьерета выросла, потому что вы закроете ваши глаза гораздо раньше, если не будете беречься. Вотъ

вы опять не спали почти всю ночь, а теперь отправитесь къ больнымъ, не отдохнувъ хорошенъко послѣ вчерашнихъ трудовъ. Подите хоть позавтракайте... все простынетъ. Вѣдь вы убиваете себя.

Докторъ улыбнулся.

— Не брани меня, Жанна, сказалъ онъ. Принеси сюда столъ и поставь три прибора. Пьерета вѣрно проголодалась и мой больной не откажется попробовать моего супа.

Служанка вышла.

— Вотъ еще одно изъ моихъ утѣшеній, продолжалъ старикъ.—Вы видѣли эту бѣдную дѣвушку, до того уродливую; что никто не бралъ ее въ услуженіе и пугался одного ея вида. Та, которую я потерялъ, скланилась надъ несчастною, взяла ее къ себѣ и терпѣливо выучила всему, къ чему она была способна. Послѣ смерти жены, Жанна занимается у меня хозяйствомъ и заботится обо мнѣ какъ о ребенкѣ. Она предава мнѣ безгранично; и если иногда ворчитъ на меня какъ собака, то какъ собака готова и умереть у ногъ моихъ. Она тоже напоминаетъ мнѣ прошедшее и утѣшаетъ въ настоящемъ.

Столъ принесенъ былъ къ постели больного и, послѣ многихъ просьбъ, Массенъ согласился выпить немного молока. Докторъ продолжалъ говорить съ нимъ тихо и дружески. Онъ не спросилъ ни о его имени, ни о причинѣ отчаянія, ни о рѣшеніи въ будущемъ; но онъ открывалъ ему постепенно, какъ и чѣмъ можно излечиться отъ жесточайшихъ ударовъ судьбы; какъ можно утѣшиться, исполняя свои обязанности и, дѣлая добро другимъ, наслаждаться самому спокойствіемъ.

Во время завтрака и разговора доктора часто прерывали бѣдные люди, приходившіе за совѣтами или лекарствами, потому что Пидуа былъ не только докторомъ, онъ помогалъ не однимъ больнымъ, но всѣ несчастные находили въ немъ опору и покровителя. Зная всѣхъ жителей въ окрестности, богатыхъ и бѣдныхъ, и оказывая всѣмъ услуги; онъ доставлялъ бѣднякамъ работу, хлопоталъ объ окончаніи торговыхъ сдѣлокъ, ссужалъ деньгами сколько могъ, рекомендовалъ хорошихъ работниковъ и служителей, и его слова цѣнились выше всѣхъ возможныхъ свидѣтельствъ—такъ всѣ уважали и любили добраго доктора!

Массенъ слушалъ и смотрѣлъ со вниманіемъ на эти трогательныя сцены и удивлялся, сколько добра можетъ сдѣлать бѣдный человѣкъ, если онъ этого захочетъ. Въ немъ самомъ происходила спасительная перемена. Онъ началъ смотрѣть на жизнь съ другой стороны и попалъ то, о чемъ не имѣлъ прежде понятія. Случалось ли ему прежде думать, что мы созданы на свѣтъ не для однихъ себя, но что мы тѣсно связаны съ обществомъ и не смѣемъ разорвать всѣхъ связей и отказаться отъ обязанностей, назначенныхъ Богомъ, которыя хотя и кажутся намъ тяжелыми, но въ которыхъ заключается истинное утѣшеніе?...

Принимъ старикаго доктора показывалъ, что можно найти радости и развлеченіе въ исполненіи великихъ обязанностей, и что въ этихъ ежедневныхъ трудахъ и заботахъ о другихъ собственное несчастье уменьшается. Съ остатками огромнаго богатства, съ умомъ и здо-

ровнемъ Массенъ могъ точно такъ же, какъ докторъ, посвятить свою жизнь на пользу несчастныхъ, а не предаваться безплодному отчаянію.

Незамѣтно эта мысль наполнила его сердце, и въ головѣ его мелькали планы благодѣяній, какія онъ можетъ оказать, если соединится съ докторомъ и раздѣлитъ его труды; но вдругъ онъ вспомнилъ о письмѣ, написанномъ наканунѣ Джону Макензи—и благія намѣренія его разлетѣлись. То, что прежде было внушеніемъ отчаянія, теперь сдѣлалось необходимымъ, потому что ему стыдно было жить, когда онъ объявилъ о своей смерти. Такая роль казалась ему слишкомъ унижительною, и потому, отогнавъ отъ себя надежду, онъ предался мрачнымъ мыслямъ.

Въ это время послышался голосъ, который показался больному знакомымъ. Онъ началъ прислушиваться, потому что докторъ вышелъ въ столовую, но не могъ понять ни одного слова, говорили очень скоро и съ большимъ жаромъ. Когда старикъ вошелъ въ спальню, Массенъ спросилъ съ любопытствомъ: кто приходилъ къ нему.

— Одна старушка, моя сосѣдка, отвѣчалъ докторъ.—Она пришла посоветоваться со мною объ одномъ странномъ происшествіи, которое случилось съ ней вчера.

— Что же это такое?

— Какой-то незнакомецъ смотрѣлъ вчера домъ г. Ленуара. Большой неволью вдрогнулъ.

— Онъ прошелъ въ кабинетъ, продолжалъ старикъ и попросилъ позволенія написать письмо.

— И онъ написалъ?

— Да, и отдалъ письмо моей сосѣдкѣ...

— Чтобъ она отнесла на почту?

— Она и хотѣла исполнить желаніе незнакомца, но замѣтила въ немъ что-то странное; и чтобъ не быть причиною какого набудъ несчастія, оставила письмо у себя...

— Что вы говорите!..

— И привнесла его мнѣ, чтобъ я рѣшилъ, что съ нимъ дѣлать.

— Гдѣ же это письмо!

— Вотъ оно.

Массенъ быстро схватилъ запечатанное письмо.

— Такъ я не ошибся, замѣтилъ докторъ: это письмо ваше.

— Да; отвѣчалъ незнакомецъ съ невольнымъ волненіемъ.—Богъ все устроилъ къ лучшему и еще разъ позволилъ мнѣ выбирать между жизнью и смертью.

— И вы выбрали?.. спросилъ докторъ кротко.

Незнакомецъ помолчалъ съ минуту, смотря на старика съ участіемъ, потомъ разорвалъ письмо и протянулъ ему обѣ руки.

— Вы спасли меня! закричалъ онъ со слезами на глазахъ: вы показали, что въ бѣдности и несчастіи можно найти цѣль жизни, можно найти утѣшеніе.

Черезъ нѣсколько дней Массенъ поселился въ красномъ домикѣ Ленуара и началъ лечиться по системѣ доктора Пидуа. Скоро всѣ за-

вѣдали, что у доктора есть помощникъ, такой же ревностный, старательный и готовый жертвовать всѣмъ для несчастныхъ. Неутомимый покровитель несчастныхъ былъ сдѣланъ меромъ селенія, и его стараніями дороги были поправлены, улицы вычищены, основаны пріюты для больныхъ, для дѣтей и для бѣдныхъ. Посреди этихъ заботъ горестъ несчастнаго превращалась въ тихую грусть. Благодарность и благословіе окружающихъ заставили его почувствовать, что человекъ никогда не можетъ сказать, что онъ одинъ, если есть вокругъ него несчастные, которыхъ должно любить и которымъ можно помочь.

Новости парижской жизни. (Письмо изъ Парижа). Извѣстія изъ Парижа должны быть прежде всего точны и вѣрны, и я отвѣчаю за эти два необходимыхъ качества. Что же касается до формы, она будетъ разнообразна, какъ всѣ летучія новости.

Зима наконецъ наступила, и странствующие туристы возвратились послѣ лѣтнихъ прогулокъ съ толпою иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Парижъ въ нынѣшнемъ году объявилъ жестокою войну старымъ улицамъ, старымъ домамъ, нездоровымъ кварталамъ. Крысы воѣ выгнаны изъ своихъ жилищъ: ихъ преслѣдуютъ, и несчастныя не знаютъ, куда преклонить голову: всѣ бросаютъ въ нихъ камнями. Не думайте, что я преувеличиваю ихъ положеніе. Парижъ, прекрасный Парижъ находится теперь въ самомъ жалкомъ и грязномъ состояніи. Съ одной стороны валатся съ пылью старыя зданія, съ другой возышаются дѣса, и за ними, какъ-будто волшебствомъ, воздвигаются красивые, просторные дома, выравненные въ правильныя улицы. Старый Парижъ уже не существуетъ. Новый Парижъ возраждается. Все это очень выгодно для архитекторовъ, каменщиковъ, красильщиковъ и для общаго здоровья. Мы должны благодарить членовъ городского совѣта, который осудилъ на смерть древнюю Лютецію, чтобы на развалинахъ ея построить новый Парижъ. Мы немного сердиты на нихъ за Макъ-адамовское шоссе, которое зимою даетъ намъ грязь, а лѣтомъ пыль; но такъ какъ съ друзьями не надобно ссориться, то мы и прощаемъ имъ эту маленькую неудачу.

Начавъ говорить объ улицахъ и дорогахъ, кстати скажемъ нѣсколько словъ о новомъ проектѣ, который состоитъ въ томъ, чтобъ открыть новую линію омнибусовъ, по двадцати сантимовъ и на желѣзной дорогѣ, по которой будутъ возить одніе лошади. Рельсы уже положены на линіи къ Пасси, другіе приготавливаются и кареты скоро будутъ готовы. Въ каждомъ вагонѣ будетъ четыре отдѣленія, въ которыхъ сорокъ мѣстъ, и этотъ поѣздъ повезетъ только одна лошадь безъ большаго шума. Будетъ ли полезно это предпріятіе? Мы отвѣчаемъ: да. Будетъ ли оно выгодно? Это сомнительно. Мы можемъ только увѣрить, что омнибусы съ галереями по пятнадцати сантимовъ приносятъ въ

день до пятнадцати франковъ убытка, потому что почти всегда случается, что внутренность экипажа пуста, тогда какъ галереи наполнены путешественниками. Это можетъ служить предостереженіемъ для прожекторовъ.

Теперь стараются не только ѣздить при помощи паровъ съ величайшею скоростью, но хотятъ еще летать по воздуху. Сначала шары подымали людей, потомъ лошадей, теперь дикіе звѣри летаютъ по воздуху, и въ послѣднее воскресенье знаменитый укротитель звѣрей Мартенъ (не смѣшивайте его съ медвѣдемъ того же имени) поднялся верхомъ на львѣ. Къ чему это представление? Съ какою цѣлью дѣлаются эти фокусы? Не знаемъ, и можемъ только спросить: кто тутъ больше похожъ на животное: левъ или всадникъ? По нашему мнѣнію, это зрѣлище неинтересно и небезопасно. Великодушно ли со стороны челоѣка подвергать бѣднаго льва жестокииъ мученіямъ и можно ли положиться на него, что онъ не вырвется и не бросится въ толпу зрителей, гдѣ можетъ произвести много несчастій? Подобные опыты не могутъ ничего доказать въ аэростатикѣ; это просто жестокій фокусъ. Надобно еще замѣтить, что наука, овладѣвшая уже столькими предметами, хочетъ наконецъ рѣшительно присвоить себѣ воздухъ и сдѣлать его не только агентомъ движенія, но и большою проѣзжею дорогою. Вода и огонь уже подчинены власти челоѣка; остается одинъ воздухъ. Когда и какъ овладѣють имъ? Этотъ вопросъ можетъ рѣшиться только время. Разумѣется, Петенъ наведъ ужъ на разрѣшеніе задачи; но Петенъ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній въ механикѣ, и его опыты были неудачны. Другіе продолжаютъ искать и кончатъ тѣмъ, что найдутъ.

Теперь дошли до того, что дѣлаютъ все скоро. Желѣзныя дороги строятъ повсюду и непрерывно; даже на океанѣ путешествуютъ съ помощью паровъ. Это хорошая примѣта въ наше время. Развѣ можно ненавидѣть тѣхъ, съ которыми мы мѣняемся произведеніями и вѣжливостями? Вернемся однако къ Парижу и къ его окрестностямъ. Недавно въ Анверѣ были регаты, въ Шантильи конскія скачки. Въ обоихъ мѣстахъ стеченіе любопытныхъ было многочисленно. Смотрѣть, какъ переговаются лошади, или лодки, очень пріятно, тѣмъ болѣе, что это зрѣлище заставляеть насъ самихъ мѣнять мѣста. Чтожъ, дѣлать, люди не хотятъ отстать отъ столовъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, находятся въ безпрестанномъ движеніи.

Столько же шуму, сколько движущіея столы, надѣлалъ докторъ Мими Веронъ. Онъ общается въ непродолжительномъ времени издать вполовѣ свои записки... не думайте, что дѣло идетъ объ аптекѣ—нѣтъ: Мими Веронъ давно уже отказался отъ лекарствъ и отъ мази Ренью, которая положила основаніе его состоянію, но не утвердила его. Для этой цѣли необходимо было для сына Эскулапа управленіе дирекціею французской оперы, и постановка Роберта, а затѣмъ редакція журнала «Constitutionnel». Однако мемуары доктора гораздо занимательнѣе тѣхъ, которые печатаетъ Александръ Дюма въ «Presse». Первый будетъ говорить обо всемъ, второй рассказываетъ только о себѣ; одинъ

писать исторію, другой вдается въ романъ. Мы, разумѣется, предпочитаемъ исторію.

Въ наше время существуетъ сильная страсть: заставить говорить о себѣ, во что бы то ни стало; соглашаются даже, чтобъ говорили дурное, только бы говорили. Напримѣръ, если мы вступимъ въ область критики, и, перейдя на лѣвый берегъ Сены, остановимся въ театрѣ Одеона, то принуждены будемъ смотрѣть неудобосваримое произведеніе, ввухнившее Александру Дюма слѣдующее четверостишіе:

La pièce a marché sans entrave,
Mais je vous le dis franchement,
Il faut pour voir Gusman le brave
Etre plus brave que Gusman.

(Пьеса прошла безъ препятствій; но я вамъ скажу откровенно: чтобъ смотрѣть Гусмана Храбраго, надобно быть храбрѣе самого Гусмана).

Это освобождаетъ насъ отъ разбора, и мы лучше поговоримъ о не успѣхѣ Жницъ (les Moissonneuses) и о значительномъ успѣхѣ маленькаго образцоваго произведенія подъ названіемъ: « Потерянная драгоценная вещца » (le Bijou perdu). Это премиленькая исторія, напоминающая Ла Попелиньера и Ризельё; по крайней мѣрѣ авторы заняли у нихъ сюжетъ. Цвѣточницу играетъ г-жа Марія Кабель, вокальная драгоценность, потерянная для комической оперы въ нынѣшнемъ году и найденная лирическимъ театромъ, который, благодаря ей, дѣлаетъ каждый вечеръ значительные сборы. Скажемъ тоже кстати, что г. Аданъ написалъ образцовое произведеніе, одушеваясь пьесой, сочиненною гг. Левеномъ и Дефоржъ и свѣжимъ, сильнымъ голосомъ г-жи Кабель.

Въ то время, какъ лирическій театръ мститъ своимъ старшимъ братьямъ успѣхомъ, Набобъ продолжаетъ привлекать публику въ комическую оперу. Что же касается до большой оперы, то она не выходитъ изъ «Осады Гента» и «Роберта», и дѣлаетъ очень хорошо, потому что г-жа Тедеско и Роже переносятъ не слабѣя, всю тяжесть этихъ двухъ великихъ произведеній.

Въ числѣ новыхъ пьесъ, Французскій Театръ живетъ одною надеждою на молодость Людовика XVI-го, которую обѣщала ему Александръ Дюма. Г-жа Августина Броганъ, занимающая главную роль въ этой пьесѣ, принуждена отказаться отъ нея, по случаю опасной болѣзни. Прекрасная герцогиня де-При страдаетъ глазами и, вѣроятно, минутная эта слѣпота пройдетъ; но теперь она не можетъ сдѣлать шагу безъ проводника.

Театръ Веселости имѣлъ на послѣдней недѣлѣ слезный успѣхъ. Жоржъ и Марія дѣлаютъ значительные сборы съ Лаферьеромъ; но самый замѣчательный успѣхъ въ послѣдніе дни имѣли Семь чудесъ свѣта, у Сен-мартенскихъ воротъ. Волшебство играетъ тутъ важную роль. Деннери знаетъ всѣ средства театра и еще разъ доказалъ свою отаность

Концерты тоже приготовляются и музыканты скоро откроютъ свою кампанію, объѣдая блистательное пѣніе, и все, что за ними слѣдуетъ. Что же касается до итальянцевъ, они нѣняютъ только директора. Выѣсто г. Корти, будетъ г. Рагани, который уже получилъ согласіе нѣкоторыхъ великихъ талантовъ участвовать въ оперѣ, несмотря на то, что Россія и Америка похитили многихъ изъ нихъ.

Со всѣхъ сторонъ сѣзжаются къ намъ иностранцы. Графиня К. отдѣлала свой отель, который скоро откроется для высшаго общества. Финансовый кварталъ приготовляетъ тоже праздники, и богатая свадьба г-жи Перейръ съ г. Турнейзенъ будетъ предлогомъ къ многимъ увеселеніямъ. Г. Турнейзенъ почти русскій, и много способствовалъ къ основанію огромнаго состоянія г-на Эмиля Перейры, стало быть, теперешній бракъ можетъ похвастаться уплаченнымъ долгомъ.

Воспоминаніе о свадьбѣ, натурально, приводитъ къ модамъ, и мы скажемъ, что замѣтили новаго въ этомъ отношеніи. Начнемъ съ того, что шляпки уже не шляпки, но что-то среднее между чепчикомъ и шляпкою и непринадлежащее ни къ той, ни къ другой породѣ. Подражаютъ теперь не матеріямъ, но мѣхамъ. Леопардъ и пантера имѣютъ честь быть избранными для этой эксцентричности, и надобно признаться, что мода эта доказываетъ только дурной вкусъ. Подъ предполагаемыми шляпками носятъ гирлянды-пуфы изъ крепа съ золотыми жилами. Хорошо ли это? Разузнется, хорошо, потому что одно безобразіе портитъ женщину; а хорошенькая всегда будетъ хороша, даже подъ самую оригинальную шляпкою, особенно если она сдѣлана у г-жи Пле-Оренъ, или у Офренъ. Платья изъ муаръ-антикъ уступаютъ мѣсто бархату, потому что прекрасныя плечи выдаются изъ него лучше. Мужчины хотятъ тоже сдѣлать маленькую модную революцію. Самые смѣлые изъ нихъ отказались уже отъ сукна и увѣряютъ, что порядочные люди должны носить бархатъ; онъ округляетъ талію, красивъ, кокетливъ, доказываетъ артистократію и даже ученость, и очень вѣроятно, что будетъ принятъ.

Важное дѣло занимаетъ также всѣхъ въ настоящее время; это—дороговизна квартиръ. Просто невѣроятно! Хозяева домовъ рѣшительно сошли съ ума. Они нарочно красятъ свои дома, чтобъ отдавать квартиры дороже, и бѣдные артисты, или служащіе, которые платили прежде пятьсотъ или шестьсотъ франковъ за квартиру, принуждены теперь платить почти вдвое. Цѣны возвысились также на обувь, одежду, припасы.

Эти печальныя размышленія навели насъ на воспоминанія о похоронахъ Франсуа Араго, знаменитаго астронома, котораго мы великолѣпно проводили до его послѣдняго жилища. Несмотря на проливной дождь, провожавшихъ было много (до 100,000 человекъ) и между ними нѣсколько замѣтныхъ лицъ. Г. Флуранъ, академикъ, сказалъ рѣчь надъ гробомъ своего друга, и журналы нѣсколько дней сряду были наполнены похвалами знаменитому ученому. Не говорятъ еще, кто займетъ его мѣсто, но думаютъ, что достойнѣе всѣхъ г. Матье, зять Араго,

который занимает второе мѣсто на Обсерваторіи. Имя Араго известно во многихъ отношеніяхъ. Франсуа былъ старшій въ семействѣ и первый показалъ дорогу къ славѣ; меньшіе братья послѣдовали за нимъ и сдѣлались извѣстны въ литературѣ. Этьенъ имѣлъ значительные успѣхи, какъ драматическій авторъ. Жакъ, меньшой, но самый несчастный, писалъ обо всемъ. Жакъ Араго могъ продолжать Скварона и написать исторію кулакъ, которую предпринялъ другой литераторъ, чтобъ познакомить читателей съ этою цыганскою жизнью, то въ золотѣ, то въ рублицѣ, въ которой скрыто столько страшныхъ драмъ. Франсуа Араго былъ великій писатель и великій астрономъ. Жакъ былъ умный человѣкъ, любезный и остроумный, смѣлый путешественникъ, ловкій фокусникъ. Слѣдующее непереводимое четверостишіе выражаетъ его совершенно въ нѣсколькихъ словахъ:

Dans votre course vagabonde
 Vous devez réussir toujours.
 Quand on fait aussi bien les tours,
 On doit faire le tour du monde.

О человѣческая слабость! Жестокій рокъ! Этотъ неутомимый путешественникъ не можетъ теперь даже обойти свою комнату.

Русскій ученый г. Пироговъ прислалъ въ Академію Наукъ записки, которыя провозвели большое впечатлѣніе. Онъ доказываетъ, что хирургическія операціи имѣютъ больше успѣха надъ замерзлыми членами и никогда не влекутъ за собою смерти.

Письма похожи на кошельки, изъ которыхъ одни наполнены разными монетами, другіе пусты. Сегодняшнее мое письмо напоминать платье арлеянина; только я постараюсь, чтобъ въ немъ не было арлеяниады. Для путешествія изъ Парижа въ С. Петербургъ нельзя взять съ собою то, что поцалось подъ руку; надобно выбрать только то, что нужно или полезно. Я взялъ понемногу того и другаго, потому что въ торговлѣ всегда прежде показываютъ образчики, а потомъ выдаютъ весь товаръ.

Итакъ я предлагаю вамъ на выборъ рассказы, и новости. Выберите скорѣе. Литературный галопъ въ такой же модѣ, какъ музыкальный. Потомъ я представлю вамъ спектакли, балы, концерты, которые даютъ пищу умамъ, желудкамъ и любопытству зѣвакъ. Литераторы и артисты стараются только угождать публикѣ, а она думаетъ только о томъ, какъ бы ей послѣ одного удовольствія поспѣшить къ другому. Удовольствіе—прекрасная вещь; оно недорого и приспособлено ко всемъ возрастамъ. Оно оставляетъ послѣ себя воспоминанія, впоследствии согрѣвающія старость, которая такъ похожа на зиму.

Корреспондентъ является къ вамъ нынѣшній разъ съ новостями въ одной рукѣ, съ спектаклями въ другой. Откройте же ему вашу дверь, потому что отъ береговъ Сены до Невы онъ встрѣчалъ только туманы, снѣгъ и морозы. Бѣдняжка, какъ онъ озябъ, и сколько разъ перо

выпадало изъ его рукъ, потому что одно соображеніе согрѣвало его!

Наилучшее богатство новостей бываетъ тоже иногда въ тягость... и я все думаю, какую бы новость разказать еще. Нельзя же говорить обо всемъ вдругъ. Вотъ одно происшествіе, котораго я былъ свидѣтелемъ, драма, въ которой у меня была маленькая роль, какъ говорится: «на выходъ». Это было на пожарѣ фабрики фортепьянъ у Дебена. Народу собралось много, но порядокъ не былъ нарушенъ и картина была превосходная. Передъ Пассажемъ Панорамы былъ растянута кордонъ солдатъ, вербовавшій прохожихъ, чтобъ составлять цѣпь. Волей или неволей, но надобно было исполнять то, что требовалось для спасенія имущества и жизни людей; и такъ какъ французы сибѣются надо всемъ, то и при этомъ случаѣ не могли не посмѣяться надъ нѣкоторыми франтами, попавшими въ число пожарныхъ. Пожаръ распространился отъ фабрики г. Дебена до магазина, подъ вывѣскою *городовъ Франціи*. Огонь уничтожилъ дерево инструментовъ и съ жадностью бросился на матеріи. Однако старанія пожарной команды остановили дѣйствіе огня и оказалось, какъ всегда, что страху было гораздо больше, чѣмъ несчастія. Одна женщина, вида, что огонь близко, связала нѣсколько простынь и начала спускаться изъ окошка, какъ по самой близкой дорогѣ. Къ несчастію, она жила высоко и простыни не хватило до земли, такъ что она покачалась немного на воздухѣ и потомъ упала на прохожаго, который порядочно ушибся... Со всѣхъ сторонъ раздавались крики ужаса, а въ двадцати шагахъ отъ пожара Шарпжъ хладнокровно просыпался, потому что наступило уже утро, и отворялъ свои магазины. Шелъ сильный дождь и небесная вода много помогла пожарнымъ. Если бы подулъ сильный вѣтеръ, то прекрасный вывѣскій кварталъ не существовалъ бы теперь и считался покойникомъ.

Какъ беззаботны и легковѣрны люди! Прежде они танцовали на вулканѣ, теперь на пожарѣ, и окруженные со всѣхъ сторонъ опасностями, они разговаривали спокойно о постороннихъ вещахъ. Отъ Панорамъ, до пассажа Вердо цѣлая колонія нѣмцевъ обонхъ половъ гуляла какъ будто по бульварамъ.

Я вышелъ изъ цѣпи послѣднимъ, несмотря на усталость; вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ гуляющихъ и сказалъ:

— Знаете ли вы, что мой другъ женится?

— У васъ много друзей, отвѣчалъ я: который же изъ нихъ счастливецъ?

— Готшалкъ.

— Я слышалъ про него, прибавилъ я: что онъ женится на американскомъ милльонѣ.

— Нѣтъ, онъ женится по страсти.

— Къ деньгамъ?

— Нѣтъ; къ невѣстѣ, которая, говорятъ, прекрасна.

— Желаю, чтобъ Гименей былъ благосклоненъ къ вашему другу.

Эту новость сообщилъ мнѣ вашъ ученый пьянствъ Даконбъ и я,

видя его восторгъ при счастьи товарища, принужденъ былъ сознаться, что не всегда волки дерутся между собою.

Какой-то господинъ завѣщалъ ремесленнику десять тысячъ франковъ, потому что случайно встрѣтился съ нимъ однажды. Другой умирающій завѣщалъ газетѣ *юспиталей* ежегодный доходъ въ десять тысячъ франковъ съ тѣмъ, чтобъ директоры журнала выдавали по три тысячи франковъ за полезныя открытія и семь тысячъ употребили на уменьшеніе подписной цѣны. Я не знаю, справедливо ли это новѣстіе, но съ охотою вѣрю ему, хотя оно похоже на *чрезвычайное объявленіе*. О немъ напечатано слѣдующее: *Газета юспиталей, самый первый медицинскій журналъ* и пр. и дальше: «Если кто изъ молодыхъ студентовъ не можетъ заплатить за подписку больше пятнадцати франковъ, то дирекція платитъ изъ суммы, завѣщанной мною». Если это новѣстіе и не утка, то надобно признаться, что очень похоже на утку.

Говоря о парижскихъ новостяхъ, я никакъ не забуду визита къ намъ вашего великаго артиста *Щепкина*. Съ одного полюса до другаго знаменитости притягиваютъ другъ друга, стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что наши первые таланты ласково припили вашего комика. Есть въ Парижѣ нѣсколько извѣстныхъ мѣстъ, гдѣ русскіе и французы мѣняются вѣжливостями и деньгами. Это клубъ иностранцевъ, биржа, театры, Верн, Вефуръ, и вездѣ наружность русскихъ такъ откровенна и ласкова, что привлекаетъ къ себѣ всѣхъ. Я зналъ въ Парижѣ одного слѣпца генерала который былъ, какъ и всѣ его соотечественники, чрезвычайно преданъ своему отечеству. Онъ не могъ наслаждаться жизнью въ Парижѣ, но зналъ лучше насъ всѣ монументы, дубличныя заведенія, мастерскія, школы. Можно было подумать, что онъ видитъ ушами и понимаетъ даже то, чего ему не объясняютъ: У него были прекрасныя дѣти, добрая жена, которую онъ очень любилъ.

Повторяю еще, что русскіе и французы соединили мостомъ свои границы, чтобъ посѣщать другъ друга, какъ близкихъ сосѣдей.

Кстати о мостахъ. Я не зналъ, что въ Парижѣ ихъ двадцать одинъ. Это больше чѣмъ нужно для того, чтобъ соединять браками предмѣстье Сен-Жерменское и Шоссе д'Антенъ. Съ одной стороны находятся титла, съ другой—деньги.

Одно изъ полезныхъ нововведеній въ нынѣшнемъ году, это—осмотръ мясныхъ лавокъ. Случалось, что иногда мясники продавали испорченное мясо; теперь это будетъ невозможно, и общее здоровье выиграетъ отъ этого. Всѣ предосторожности въ этомъ случаѣ не могутъ быть излишними, потому что большая часть болѣзней происходитъ отъ дурной или испорченной пищи. Вотъ ужъ скоро сто лѣтъ, какъ тифозная лихорадка косила преимуществу молодыхъ людей; теперь наступило время холерини, позже прійдетъ, можетъ быть, очередь холеры, стало быть, заботиться о здоровьи—совсѣмъ не лишнее.

Общество садоводства раздавало свои награды въ прошедшее вос-

красное водъ президентомъ г. Гурбъ. Конкурсъ дѣйствовалъ прекрасно, и награды согласовались съ важностью присылокъ.

25-го числа, то есть черезъ нѣсколько дней, откроется засѣданіе пяти факультетовъ академіи. Теперь пришла очередь отдѣленія литературы, и г. Жомаръ будетъ президентомъ собранія.

Спортъ окончилъ свой сезонъ скачками 26-го числа въ Шанталь; лвыи и львицы, присутствующіе обыкновенно на этихъ зрѣлищахъ, вѣроятно проведать послѣднюю лошадь и будутъ держать за нее пари.

Никогда еще театры не были такъ полны осенью, какъ въ нынѣшнемъ году. Сборы въ октябрѣ мѣсяцѣ превышаютъ доходы августа 224,778 франковъ. Это порядочная сумма... Итальянскій театръ открылся со всеми любимцами публики: Маріо, Гриси, Тамбурини; другихъ дебютантовъ тоже будетъ много. Лирическій театръ не можетъ разстаться съ своею «Потерянною Драгоценностью». Театръ Гимназиі живеть успѣхомъ комедіи г-жи Жоржъ-Завдъ Le presoig. Во ожиданіи публикати своихъ записокъ, авторъ Клоди работаетъ для театра... тутъ вѣрнѣе и успѣхъ и деньги.

Комическая опера репетируетъ хорошенькую пьесу, которая займетъ мѣсто «Набоба». «Семь чудесъ свѣта» продолжаютъ наполнять театръ; французская комедія играетъ старыя вещи. Зачѣмъ ей перемониться съ друзьями? Общники ея получаютъ большое жалованье даже когда ничего не дѣлають, и заставляютъ играть мѣсто себя дублеровъ, которые не умѣють занимать публику. Несмотря на всѣ реформы, осталось еще много злоупотребленій, отъ которыхъ можетъ избавить одно время.

Музыка оперы *Vijou* уже находится на многихъ почитрахъ, и *Набоба* будутъ часто пѣть въ нынѣшнюю зиму. Вообще всѣ мотивы этой оперы напоминають что-то знакомое. Авторъ укралъ самъ у себя: Музыкальный лексиконъ братьевъ Эскиюдье—очень полезное изданіе, которое займетъ видное мѣсто въ артистическихъ библіотекахъ. Объявляютъ также о новомъ сочиненіи *Les nuits de Noel. Разказы въ Рождественскія ночи*, авторъ котораго провелъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и работалъ надъ большимъ переводомъ *Истории искусства отъ начала ихъ до нашихъ временъ. Разказы въ Рождественскія ночи* написаны въ родѣ послѣднихъ сочиненій Диккенса. Авторъ обѣщаетъ много въ будущемъ. Первый томъ *Записокъ парижскаго мыслителя* уже вышелъ и заглавіе совершенно оправдывается содержаніемъ. Скоро выйдетъ новый романъ графини Даншъ, подъ названіемъ *Воображеніе*, и вѣроятно будетъ любопытенъ, потому что писательница превосходно умѣетъ дѣйствовать воображеніемъ. Что придаетъ движеніе мыслямъ?—Воображеніе. Какой живописецъ искуснѣе всѣхъ?—Воображеніе. Кто дѣйствуетъ на разумъ?—Все таки воображеніе. Чѣмъ оживляются воспоминанія?—Воображеніемъ. Прошедшее, настоящее, будущее проходятъ передъ увеличительнымъ стекломъ воображенія; добро и зло отражаются въ немъ. Это идеалъ счастья и страданія; радость и горе изображаются въ немъ; всѣ движенія души находятъ отголосокъ въ воображеніи. Это окнись, въ которомъ волны вѣчно возвышаются одна

воду другою, брызгающій фонтанъ, скачущій конь, поле, усѣянное цвѣтами, поющая птичка, листъ, уносимый вѣтромъ, звукъ, повторяемый эхою, горе, проливающее слезы, блаженство, оживляющее душу. Умъ—средоточіе, откуда гений почерпаетъ свои качества. Воображеніе — поправа ума, солнце и его лучи, тѣнь и свѣтъ. Воображеніе увеличиваетъ или уменьшаетъ всё предметы. Разница эта происходитъ оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на нихъ. Напримѣръ, чтобъ перейти отъ идеальнаго къ дѣйствительному, отъ серьезнаго къ шуткѣ—не выдумали ли недавно, что новый фасонъ шляпокъ очень красивъ. Выдумали одѣвать шляпки на шею, а не на голову и воображаютъ, что это оригинально. Что это еще за модныя матеріи изъ шелка и бархата, напоминающія одежды волшебниковъ? И кто это выдумалъ мантіи? Вѣроятно, горбатые. Изъ желанія казаться оригинальными, дѣлаются стынными. Воображеніе создаетъ мудрецовъ и безумцевъ. Крайности приводятъ всегда къ безднѣ. Во всемъ надобно знать мѣру; и если скука убиваетъ, воображеніе тоже имѣетъ много жертвъ. Если вы хотите долго пользоваться вашимъ состояніемъ, проживайте только проценты. Въ любви, въ дружбѣ, въ политикѣ, можно немного помечтать, но не забираться слишкомъ высоко. Пусть мысли летаютъ въ небѣ, но не надобно забывать и земли. Нѣтъ ни одной лошади, ни одного курьера, который бы перетянулъ воображеніе. Биржа у васъ тоже скоро работаетъ, когда она примется за дѣло и ставить западни. Развѣ вы не встречали влюбленныхъ, которые поутру были въ отчаяніи, а вечеромъ веселились? Часто любовь бываетъ непродолжительнае фелетона или письма.

Острова Уалавъ, Сандвичевы и Тавити (изъ путевыхъ записокъ Жюльена де-ла Фрагера).— Марта 21-го, спустя пятьдесятъ два дня послѣ отплытія нашего изъ Манилы, мы увидѣли островъ Уалавъ. Выброшенный безжалостно изверженіемъ, островъ этотъ возвышаетъ свои иглообразныя вершины до 600 метровъ выше поверхности моря. Острова Уалавъ и Пунипе, раздѣленные между собою пространствомъ около ста миль, самыя возвышенныя точки длинной цѣпи подводныхъ Кордильеровъ, которая тянется отъ 5-го до 8 градуса сѣверной широты на пространствѣ, лежащемъ между 135-мъ и 160-мъ градусами восточной долготы. Цѣпь этихъ горъ послужила основаніемъ первоначальныхъ построекъ въ 300 футовъ и была началомъ ряда длинныхъ подводныхъ утесовъ, нынѣ уже обитаемыхъ, увѣчаныхъ нѣсколькими деревьями и только изрѣдка затопляемыхъ водою, поднимаемою морскими бурями.

Въ 1840 году, корветъ «Данаида» подъ командою Юсефа Розамели, бросилъ якорь у острова Пунипе. Два офицера «Данаиды» сняли планъ острова, а одинъ изъ нихъ, Гарно, собралъ любопытныя свѣдѣнія о преданіяхъ и нравахъ обитателей Каролинскихъ острововъ. Одно изъ этихъ преданій придаетъ острову Пунипе печальную извѣстность. Дѣлая его окончательною могилою послѣднихъ обломковъ несчастной экспедиціи Лаперуза.

Извѣстно, что капитанъ Диллонъ и знаменитый мореплаватель Дюмонъ-Дюрвиль, послѣ самыхъ усердныхъ разысканій и разспросовъ у старожиловъ острова Ваникору, заключили, что не всѣ матросы экипажей двухъ корветовъ, подъ командою Жаперуза, погибли близъ острова, оба утесы котораго разбились оба нѣ судна. Часть изъ нихъ отправилась къ Маріанскимъ островамъ на лодкѣ, на построение которой употреблено было шесть мѣсяцевъ. Лодка отправилась изъ Ваникору и оставшіеся на немъ матросы, спасшіеся отъ кораблекрушенія, никогда уже болѣе не слыхали о судьбѣ отплывшихъ своихъ собратьевъ.

На какомъ пунктѣ Океаніи погибли пловцы?

Разсказы островитянъ, обитателей Пунипе, обратили вниманіе офицеровъ корвета «Данаида». Изъ этихъ разсказовъ можно было заключить, что, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, лодка съ бѣлыми людьми разбилась у этого острова о подводные утесы; что въ этой лодкѣ находилась пушка съ изображеніемъ лилии. Бѣлые долго защищались отъ нападенія островитянъ, но, наконецъ, застигнуты были ночью и перебиты всѣ до одного. Пушка долго служила трофеемъ побѣды на островѣ, пока англійское купеческое судно не увезло ее съ собою, что случилось не задолго до прибытія корвета «Данаида». Бросивъ взглядъ на карту, легко можно убѣдиться изъ разсказовъ островитянъ, что островъ Пунипе есть пунктъ втораго и конечнаго крушенія спутниковъ Жаперуза, отправившихся къ островамъ Маріанскимъ.

Островъ Уаланъ видѣнъ съ моря за пятьдесятъ миль. Положеніе его не могло ускользнуть отъ вниманія мореплавателей. Онъ стоитъ на пути судовъ, плывущихъ изъ Новой-Голландіи въ Китай. Въ 1804 году, американскій капитанъ Крезеръ, первый замѣтилъ его и далъ ему названіе острова «Стронгъ», которое еще и повинѣ сохранилось у большей части мореплавателей. Первое изъ европейскихъ судовъ, бросившихъ якорь у береговъ его, былъ корветъ «La Coquille». Во время наслѣдованія равныхъ архипелаговъ Океаніи, 5-го іюня 1824 года, Дюперрей замѣтилъ, отъ сѣверозападнаго мыса между скаль, вдающихся въ милью въ море, заливъ, совершенно защищенный со всѣхъ сторонъ. Дюперрей бросилъ въ немъ якорь и далъ новооткрытому имъ порту названіе: «портъ Раковины». Два офицера корвета, Лоттенъ и Бераръ, получившіе приказаніе снять видъ острова, отыскивали на противоположной его сторонѣ другой заливъ, защищенный отъ морскаго вѣтра маленькимъ островкомъ Желе, на которомъ большая часть начальниковъ островитянъ, обитателей Уалана, основала свою резиденцію. Второй новооткрытый заливъ получилъ названіе «порта Шаброля». Въ окружающихъ островъ скалахъ, отысканы еще двѣ бухты, которыя и даны названія двухъ офицеровъ: портъ Лоттенъ и портъ Бераръ. Кромѣ этихъ поименованныхъ четырехъ пунктовъ, стоянка на якорѣ около острова признана невозможною. Но изъ этихъ четырехъ заливовъ, только два первые совершенно безопасны. Къ тому же, въ «портъ Раковины» трудно входить, по причинѣ подводныхъ утесовъ гланувшихся во всю длину фарватера, а изъ «порта Шаброля» еще труднѣе выйти, потому что самый выходъ совершенно открытъ всѣмъ

вѣтрамъ. Когда, поднятые волною, мы обогнули послѣднюю скалу, выходящую въ море, на нашемъ корветѣ «La Bayonnaise» послышался вдругъ общій отголосокъ удивленія и восторга. Ни Ява, ни Молуккскіе острова не могутъ дать понятія о величественной красотѣ залива, открывшагося передъ нашими глазами. Горы, точно темнозеленою завѣсью окружали полуокружіемъ спокойный и глубокій заливъ. Маленькій островокъ Деле, мимо котораго мы плыли, соединенный съ твердою землею обширною отмелью звѣздчатыхъ коралловъ, заканчивалъ къ сѣверу веселый контуръ залива. Свѣтлая зелень его пальмовыхъ деревьевъ, качаясь, отражалась въ прозрачныхъ водахъ. Обломки коралловъ и базальтовъ защищали его отъ морскихъ волнъ. Подъ защитою такой стѣны, которая, казалось, воздвигнута была трудами пелазговъ или циклоповъ, цвѣли и благоухали купы кустарниковъ, словно букеты цвѣтовъ, перехваченные у корня невидимою нитью, верхнія вѣтви которыхъ, наклоняясь, спускались до самой земли. Свѣжій вѣтеръ, срывавшій верхушки валовъ въ морѣ, внѣ залива, не могъ проникнуть сквозь густую, сплошную зелень рощъ. Паруса наши повисли вдоль мачтъ; мы скользили въ глубь залива остальною силою вдругъ спавшаго вѣтра. Изъ-за деревьевъ стали показываться жилища; мы немного уклонились отъ берега и въ пятидесяти брасахъ отъ острова Деле корветъ нашъ бросилъ якорь.

Дюперрей въ 1824 и русскій морякъ Лятке въ 1827 годахъ были послѣдними посѣтителями, на военныхъ судахъ, острова Уалава. Но суда, преслѣдующія кашалотовъ между экваторіальными архипелагами, не замедлили воспользоваться портами, открытыми Дюперре, находя въ нихъ возможность запастись водою и топливомъ, единственными предметами, въ которыхъ иногда нуждаются китоловы, снабженные всегда достаточно всѣми принадлежностями, необходимыми для ихъ промысла. Жители новооткрытыхъ портовъ кротки и миролюбивы, что было однимъ изъ главныхъ удобствъ для купеческихъ судовъ.

Дюперрей, во все время пребыванія своего между островитянами, не видалъ у нихъ оружія какого бы то ни было рода. Отдѣленные отъ другихъ острововъ значительнымъ пространствомъ моря, обитатели Уалава не подозрѣвали даже ихъ существованія, и имъ никогда не приходилось защищаться отъ какого либо нападенія. Собственныя ихъ пирѣги не удалялись далеко отъ скалъ ихъ роднаго острова. Хлѣбныя и кокосовыя деревья, растущія во множествѣ на островѣ, доставляли обитателямъ обильную пищу; ингамы, сокъ пальмовыхъ деревьевъ, бананы и сахарный тростникъ, требуя небольшого воздѣлыванія, доставляли разнообразную пищу островитянамъ.

Составъ народонаселенія, состоящаго изъ двухъ-трехъ тысячъ, не отличался отъ быта прочихъ островитянъ Океаніи, о которыхъ собраны были свѣдѣнія Кукомъ и Лаперузомъ. Король, нѣсколько старшинъ и остальная часть народонаселенія, тихая и покорная — вотъ весь организмъ почти всѣхъ острововъ Полинезіи. Въ недавнемъ времени случился раздоръ между двумя частями народонаселенія: уалавскіе канаки (природные жители) овладѣли островомъ Деле, и одинъ

изъ нихъ возведенъ былъ въ главный санъ, вмѣсто прежняго владыка, котораго побѣдители отгнали въ горы. Когда «Байсизъ» бросилъ якорь въ шамброльскомъ портѣ, новый король уже занималъ тронъ своего предшественника подъ названіемъ «Короля Георга» котораго его прозвали сиднейскіе китоловы.

Еще солнце не скрылось за высокими горами, окружающими заливъ, какъ весь экипажъ корвета сошелъ, безоружный, на берегъ и разсыпался между группами островитянъ, сидящими на берегу залива, и, какъ прекрасно выразился поэтъ: «Новый Свѣтъ протягивалъ доверчиво черную руку старой Европѣ».

Мы дали знать королю Георгу о желаніи нашемъ видѣть его на корветѣ. Приглашеніе наше возбудило его любопытство, но недоверчивость, несомнѣннѣ для насъ лестная, удерживала его подвергнуть свою особу непріятнымъ случайностямъ невѣдѣнности. Однако онъ побоялся оскорбить насъ отказомъ и началъ собираться на корветъ съ отважностью Курція, бросившагося въ пропасть. Уланская королева взяла всѣ предосторожности, внушенныя ей вѣжностью, чтобъ охранить короля при выходѣ изъ дворца. Извѣстная искусствомъ своимъ знахарка приведена была къ властителю, чтобъ заморозить его противъ всѣхъ предстоящихъ ему опасностей. Колдунья долго водила своими костлявыми пальцами по шеѣ и плечамъ Георга, провозносила какіе-то непонятныя слова, и онъ, успокоенный волшебствомъ, твердыми шагами вышелъ изъ дворца и направилъ шаги къ берегу, гдѣ катерь ожидалъ его со свитой.

При входѣ на корветъ, Георгъ былъ встрѣченъ всѣмъ экипажемъ. Трудно передать изумленіе и удивленіе главы дикарей при видѣ воинственныхъ снарядовъ корвета. Онъ приложилъ палецъ къ губамъ, въ знакъ безсилія выразить свой восторгъ. Частыя и тихія восклицанія на разные тоны выражали его разнообразныя ощущенія. Онъ не видѣлъ еще подобнаго ничего нашему корвету. Когда же онъ осматривалъ длинныя ряды пушекъ, пирамиды бомбъ и картечи, шпаги, ружья и абордажные топоры, развѣшанные по стѣнамъ, восторгъ его дошелъ до высочайшей степени и онъ, какъ казалось, тогда лишь только составилъ полную идею о нашей силѣ и могуществѣ. Наконецъ Георгъ заговорилъ. Благодаря частымъ его сношеніямъ съ китоловами, онъ могъ объясняться не хуже инаго купца въ China-street; онъ съ чувствомъ положилъ ниѣ свою руку на плечо и первыя слова его были болѣе льстивы, чѣмъ простодушны.

Дикари на этотъ счетъ не такъ дики, какъ можно подуматъ, и Георгъ разсудилъ, вѣроятно, что, гдѣ дѣло идетъ о похвалѣ, тамъ надо отбросить всякое опасеніе впасть въ преувеличеніе. «Commodore, сказалъ онъ ниѣ, you are like god!» и потомъ сейчасъ же прибавилъ, опуская свои руки чуть не до земли и сопровождая свой жестъ громкимъ смѣхомъ: «Вотъ каковы китоловы, и вотъ какіе вы!» и при послѣднемъ словѣ король выпрямился во весь свой ростъ и поднималъ руку вверхъ. Еслибъ потолокъ нижней палубы не остановилъ его движенія, то Георгъ возвысилъ бы насъ до ста локтей вышины.

Рѣшились посѣтить корветъ, Георгъ позаботился и о своемъ одѣяннѣ. Къ юпкѣ, охватывающей его станъ, онъ присоединилъ бумажную рубаху съ синими полосами, которая, облекая его широкія плечи, не срывала геркулесовскихъ ихъ размѣровъ. Высокій, прямой станъ его и выдающіеся мускулы доказывали силу, недслабѣвшую отъ лѣтъ. Георгу было отъ сорока пяти до пятидесяти лѣтъ. Умныя, хотя и некрасивыя черты лица его выражали боязливую кротость, но въ складѣ его губъ и въ блескѣ черныхъ глазъ, готовыхъ вспыхнуть, легко было подѣтнуть необузданность страстей дикаря: «огненная вода» могла преобразить агненка въ кровожаднаго тигра. Георгъ скоро перешелъ отъ удивленія къ болѣе дружескимъ чувствамъ, въ ознаменованіе чего и спросилъ у меня бутылку водки (brandy). Я велѣлъ принести и, подавая, присовокупилъ къ моему угощенію длинное наставленіе о предѣлѣ спиртуозныхъ напитковъ. Георгъ, казалось, слушалъ меня съ невозмутимымъ вниманіемъ.

— Вы правы — сказалъ онъ мнѣ, когда я кончилъ свое нравственное поученіе, — brandy very baal for the chiefs, то есть, бренди очень вредна для старшинъ, а потому я рѣшился выпить бутылку одинъ. На другой день какое-то неестественное выраженіе, замѣченное мною на лицѣ дикаря, убѣдило меня, что онъ совѣстливо сдержалъ свое обѣщаніе.

Ромъ и табакъ едва ли не единственные предметы торговли на рынкахъ Полинезіи. Къ счастью, мы нашли другіе способы выказать щедрость нашему гостю.

Каждый изъ насъ поставилъ себя въ обязанность подарить что нибудь отъ себя Георгу, и въ нѣсколько минутъ онъ сдѣлался обладателемъ полнаго гардероба.

Простодушный, какъ великанъ Шульчи, или Аріосто, дикарь позволялъ намъ одѣть себя по нашему произволу. Онъ ни однимъ словомъ не сопротивлялся, когда мы надѣли ему длинный полосатый халатъ, и перьятый атласный галстухъ. Съ каждою новою вещью, которую наша фантазія изобрѣтала и прибавляла къ его наряду, онъ повертывался къ зеркалу и охорашивался передъ нимъ съ совершеннымъ самоудовольствіемъ. Жилетъ съ пестрыми разводами и широкіе ситцевые шальвары довершили нарядъ нашего гостя, но невозможно было прибрать обуви по ногамъ его.

Георгъ возвратился въ свои владѣнія въ истинно великолѣпной одеждѣ — такъ онъ думалъ по крайней мѣрѣ. Его подданные были того же мнѣнія, когда увидѣли Георга, выходящаго на берегъ, мѣрно и величественно шествующаго ко дворцу. Они встрѣтили и провожали его ликами и неистовыми криками восторга; королева выбѣжала къ нему на встрѣчу, остановилась въ изумленіи и, приложивъ палецъ къ губамъ, возвела глаза къ небу.

Когда, усталый отъ разнородныхъ ощущеній, владѣтель острова Уалана бросался, въ изнеможеньи, на тростяниковую циновку, покрывавшую владѣній земляной полъ его дворца, супруга его, не будучи въ состояніи сдерживать долѣе своего любопытства, засыпала мужа вопросами: что видѣлъ? что слышалъ? Какая причина заставила могущественныхъ дню-

земцевъ прибыть на островъ? Легко вообразить, какое впечатлѣніе произвели на воображеніе королевы восторженныя описанія короля.

Положено было, что завтра же супругъ повезетъ свою супругу на корветъ. Она явилась туда въ сопровожденіи жень, главѣйшихъ старшинъ острова. Всѣ онѣ были въ рубахахъ съ синими полосами, какая наканунѣ была у Георга, незакрывавшими вплоть синеватаго рисунка, которымъ татуировано было ихъ тѣло. Ноги ихъ были совершенно обнажены и у каждой изъ нихъ была продернута изъ черной главы трубка въ мочкѣ лѣваго уха. Узкое таро дикихъ, сотканное изъ волоконъ банана и окрашенное мѣстными красками, не вышло еще изъ употребленія со времени пребыванія «La coquille» на Уалавѣ и обтягивало станъ островитянокъ. Всѣ онѣ были малы ростомъ какъ лиллипутянки. Королева, уже немолодая, отличалась изумительнымъ благородствомъ движеній и мелодическимъ, жалобнымъ голосомъ. Къ несчастію, она была страшно кривонога; этимъ недостаткомъ отличались всѣ женщины, сопровождавшія ее на корветъ. У прочихъ островитянокъ этого не было замѣтно. Проводя цѣлые дни въ сидячемъ положеніи на циновкахъ, поджавъ подъ себя крестообразно ноги, женщины высшаго званія, едва могутъ держаться, когда имъ вздумается пройти на своихъ согнутыхъ, худыхъ ногахъ. Жаль было смотрѣть на усиліе ихъ ходить по палубѣ корвета. Маленькія ножки китайскихъ жевщицъ представляютъ въ этомъ отношеніи гораздо менѣе неудобствъ.

Георгъ жаловался мнѣ на климатическую зловредность своего острова, и видъ одного осмотрѣннаго нами селенія, зараженнаго проказою, къ несчастію, вполне оправдывалъ сѣтованія короля.

Ощущенія королевы при осмотрѣ корвета были столько же восторженны, какъ и чувства ея супруга. Ни одинъ уголокъ судна не скрылся отъ ея пытливаго взгляда. Она повертывалась во всѣ стороны, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, какъ бѣлая мышка, и воображеніе ея было поражено всѣмъ, что она видѣла. Спутницы слѣдовали за нею, ахая и восклицая ежеминутно отъ удивленія, и прерывая ее, отъ времени до времени, только звонкимъ радостнымъ смѣхомъ. Повелительница не думала скрывать своего восторга. Она одарена была веселымъ, общительнымъ нравомъ, и простодушная болтовня ея очень тѣшила насъ. «Я очень люблю китолововъ, говорила она, между прочимъ, они всегда привозятъ мнѣ подарки, хвалятъ меня и называютъ good belly queen. Они привозятъ королю китоваго жиру, рому и табаку. Если на островѣ не видно долго ивоземцевъ, всѣ мы, и король и наши подданные, становимся очень недовольны.»

Я предложилъ маленькую закуску. Всѣ спутницы королевы помѣстились на полу у входа въ залу, и супруга Георга, смѣясь, бросала имъ остатки закуски. Вдругъ негодование пробѣжало по чертамъ лица Георга, а королева быстро отодвинулась отъ стола. Въ это время, слуга мой внесъ угря непомѣрной величины, убитаго палкой однимъ изъ нашихъ матросовъ. «Что съ вами?» спросилъ я Георга? Онъ указывалъ мнѣ на рыбу, поставленную передо мною. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что мы, вѣроятно, поступили вопреки какому нибудь значи-

тельнаго суевѣрія островитянъ. Я сталъ оправдывать нашъ поступокъ, какъ ужьль, и старался вразумить Георга, что если мы дерзнули поднять руку на *табу*, то сдѣлали это по невѣдѣнію и безъ всякаго дурнаго умысла. Георгъ пожалъ плечами, какъ будто желая тѣмъ выразить, что онъ выше подобныхъ предразсудковъ, что я не такъ его понавль. «Не надо ѣсть этой рыбы, потому что отъ нея дѣлается проказа», сказалъ онъ. Королева была откровеннѣе и сказала напрямикъ, что рыбу эту не надо ѣсть потому, что это запрещаетъ *табу*. Откуда взялось обожаніе угря, общее почти всѣмъ островамъ Океаніи, и неуваженіе къ которому почти всегда наказывается смертью—трудно добраться до начала этого обыкновенія. Но вотъ до какого заключенія довели меня разысканія на островѣ Уаланъ: послѣ жестокаго урагана, опустошившаго островъ, которымъ истреблены были всѣ деревья и посѣвы обитателей, островитяне поддерживали свое существованіе въ продолженіе цѣлаго года, только муреною и угрями, которыхъ оставяла сбѣгавшая морская вода между скалами звѣздчатаго коралла. Съ той эпохи вошло въ обыкновеніе щадить эту рыбу и она нашла себѣ защиту подъ покровомъ народнаго суевѣрія. Солнце уже начинало садиться, когда Георгъ рѣшился разстаться съ корветомъ. Уже болѣе часу онъ нашелъ себѣ развлеченіе совершенно въ своемъ вкусѣ. Онъ съ важнымъ видомъ взялъ иглу и подсѣлъ къ матросамъ, чинившимъ парусъ въ одной изъ палубъ судна. Я обѣщаль Георгу побывать у него въ непродолжительномъ времени, даже въ тотъ же вечеръ, когда уалаанскіе жители располагаются на корточкахъ для ѣды *попои*.

Попои — печеная смѣсь плода хлѣбнаго дерева и кокосовыхъ орѣховъ, подаваемыхъ на банановыхъ листьяхъ. Изъ этой смѣси составляютъ кѣцку огромнаго размѣра, отъ которой каждый изъ ѣдящихъ пальцами отковыриваетъ себѣ куски до удовлетворенія аппетита.

Я съѣхалъ на берегъ.

Первый попавшійся мнѣ островитянинъ съ готовностью провелъ меня ко дворцу. Низенькая дверь заставила меня согнуться до самой земли, и я вступилъ на большой дворъ, обнесенный тростниковою изгородью. Я давно уже сдѣлалъ замѣчаніе, что ни одинъ изъ подданныхъ Георга, будь онъ хоть старѣйшимъ изъ старшинъ, не осмѣливался стоять предъ уалаанскимъ повелителемъ. Тотъ, кто вздумалъ бы встать въ уровень съ Георгомъ или выше его, пошелъ бы за преступника.

Дворъ, въ который я вступилъ, былъ устланъ грубыми циновками. Противъ входа возвышалось королевское жилище.

При взглядѣ на эту постройку въ стрѣльчатомъ стилѣ, состоящую только изъ тростника и плетеной соломы, можно было принять ее за гигантскій пчелиный улей. Несмотря на то, жилище короля Георга была замѣчательнымъ произведеніемъ терпѣнія и изобрѣтательности. Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною индійскихъ жилищъ, эта отличалась изяществомъ и обдуманностью плана.

Что касается до внутреннего убранства, оно поражало несатѣливою простотою. Дѣв дереянные скамьи, тонкая цыновка и большой сундукъ, на которомъ стоялъ свѣтильникъ, наполненный китовымъ жиромъ—вотъ вся мебель королевскаго жилища.

Вечеръ былъ предѣстный; луна тихо плыла по небу. Король Георгъ и королева усѣлись на цыновкахъ; я сѣлъ подлѣ нихъ. Мы закурили сигары и бесѣда началась.

Къ несчастію, я не всегда понималъ англійскую рѣчь короля; что же касается до королевы, то ее щебетанье было для меня постоянно загадочно. Миѣ пришлось бы оставить островъ Уаланъ, не собравъ о немъ нужныхъ свѣдѣній, если бы королю не пришла счастливая мысль позвать къ себѣ двухъ языковѣдцовъ, занимающихъ должности при дворѣ его, которые не только были нашими переводчиками, но и сами приняли дѣятельное участіе въ разговорѣ. Въ маленькомъ Уаланскомъ царствѣ права владѣтеля не ограничиваются одними наружными формами. Король—полный обладатель земли острововъ Уалава и Деде. Торговля сосредоточена въ его рукахъ. Только что какое нибудь китоловное судно броситъ якорь въ одномъ изъ портовъ его владѣній, король первый отправляется на судно. Онъ обмѣниваетъ свои фрукты, таро, игнамовый корень на табакъ и ромъ, и въ этомъ последнемъ предметѣ имѣетъ всегда львиную долю. Подданные прославляютъ его великодушіе, называютъ великимъ, искуснымъ политикомъ, однимъ словомъ: по выраженію самой королевы «человѣкомъ съ горкою дальновидностью». A good look out.

Главною цѣлью моихъ разысканій было изслѣдованіе религіозныхъ понятій Георга и его подданныхъ. Неужели жители Уалава даже не подозреваютъ существованія Бога? Неужели нѣтъ у нихъ хотя самаго грубаго понятія о Создателѣ видимаго міра? Трудно было остановиться на подобномъ предположеніи, а между тѣмъ, когда я заговорилъ о Творцѣ, создавшемъ бѣлыхъ и черныхъ людей, королей и канаковъ, Георгъ, улыбувшись отвѣтилъ миѣ, что онъ Его не видалъ. «Что будетъ съ вами, когда вы умрете?»—Меня заруютъ въ яму. Какъ ни вертѣлъ я свой вопросъ на разные лады, но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Смѣло могу увѣрить, что мысли о безсмертіи души никогда не заходила въ голову Георга.

Разказы о старинѣ, до которыхъ такъ жадны всѣ полинезійскіе островитяне, преданія, сохранившіяся на островахъ въ пѣсняхъ и пляскахъ народныхъ, казалось, исчезли съ Уалава, не оставивъ послѣ себя ни слѣдовъ, ни сожалѣній.

Въ ста миляхъ отъ него, совсемъ на другомъ пунктѣ Каролинскаго архипелага, на островѣ Пуинге живутъ остатки преданія о какой-то царькопальной эпохѣ, которыя бы должны были сохраниться и на Уалавѣ, потому что порода людей видимо одна и та же на обоихъ островахъ. Это преданіе говоритъ, что въ какія-то баснословныя времена полинезійскіе острова были населены великанами. Они составляли дѣятельный, несокрушимый народъ. Одни изъ нихъ срывали горы, другіе рыли каналы и бассейны, третьи окружили островъ Пуинге во-

ралловою стѣною и шута передвигади базальтовые обломки съ мѣста на мѣсто. Къ той эпохѣ относятся начало сооружеія видимыхъ памятниковъ зодчества, развалины которыхъ скоро совершенно исчезнутъ подъ могучею мѣстною растительностью, и которые напоминаютъ удивленному взору мореплавателя зодчество ацтековъ и египтянъ. Цѣлый городъ, выстроенный безъ цемента, покрываетъ своими развалинами землю, гдѣ нынѣшнее поколѣніе устроило свое кладбище. Эти развалины—остатки зодчества великановъ. Жители острова Пунипе при близкаются къ нимъ всегда со страхомъ.

Преданіе прибавляетъ, что жители этихъ несокрушимыхъ стѣнъ, не имѣя болѣе матеріаловъ для продолженія своихъ построекъ, стали юевать за пріобрѣтеніе ихъ между собою и перебили другъ друга. Въ это время къ берегу пристала ширѣга съ жителями, приплывшими изъ дальнихъ странъ. Они были поражены ужасомъ при видѣ гигантскихъ построекъ своихъ предшественниковъ и, выстроивъ себѣ соломенные шалаши, поселились у самаго берега моря. Отъ нихъ-то произошли пять племенъ островитянъ острова Пунипе. Вотъ какое преданіе живетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Уалана и сохранило въ памяти жителей два явственныя переселенія островитянъ. Отъ перваго сохранились развалины зодчества, замѣченныя Кукомъ и Лаперузомъ на островѣ Св. Пасхи, Ансономъ и офицерами «Ураніи» изумлявшимися ими на Маріанскихъ островахъ, и которыя встрѣчаются на островѣ Пунипе, на совершенно противоположныхъ пунктахъ Океаніи, нимѣвшихъ между собою никакихъ сношеній.

Между дикарями острова Пунипе находятя люди, занимающіеся ворожбою. Не безъ удивленія встрѣчаемъ тождественность приемовъ полднейскихъ знахарей и колдуновъ, съ приемами китайскихъ бовъ и новгольскихъ вѣщунговъ. Только-что дикарь начнетъ жаловаться на болѣзнь, родственники его посылаютъ за главнымъ врачомъ. Если болѣзнь маловажна, довольствуются окуркою больного по точному предписанію врача; но если болѣзнь опасна, прибѣгаютъ къ средствамъ особеннымъ. На островѣ Пунипе существуютъ священныя вершины скалъ, недосыгаемыхъ для человѣка. Туда будто бы убѣгаютъ души больныхъ. Надо найти средство принудить бѣгланку возвратиться въ покинутое ею тѣло. Главное дѣло состоитъ въ поспѣшности, потому что у вырвавшейся изъ тѣла души вырастаютъ гигантскія крылья не по дюймъ, а по часамъ; и если потерять время, крылья унесутъ душу въ небо.

Врачъ жертвуетъ собою, пускается за душою въ погоню и рѣшается подняться на вершину горы. Если ему удастся поймать преслѣдуемую душу, онъ ее проворно заключаетъ въ кокосовый орѣхъ и, по возвращеніи съ нею къ больному, выливаетъ ее на голову его вмѣстѣ съ кокосовымъ молокомъ. Но, говорятъ эти знахари, случается, и нерѣдко, что душа оставитъ землю и отлетитъ передъ самымъ носомъ врача, преслѣдующаго своимъ взоромъ полетъ ея черныхъ крыльевъ въ возду-

хѣ. Куда улетаетъ окрыленная душа — этого вопроса не разрѣшить и самъ врачъ. «Она улетѣла далеко, далеко! говорятъ между собою дикари: ее встрѣтятъ тамъ души прежде умершихъ и выведутъ ее въ новую ея обитель.»

Но возвратимся къ Георгу. Онъ имѣ по пальцамъ насчиталъ десять родовъ кореньевъ; способныхъ, въ случаѣ нужды, замѣнить хлѣбное дерево и кокосовый плодъ. Только одинъ сахарный тростникъ изъ всѣхъ мѣстныхъ произрастеній признанъ предметомъ неприкосновеннымъ и посвященнымъ *табу*. На случай новаго опустошенія острова ураганомъ, я предложилъ королю прибавить къ богатству мѣстныхъ произведеній растительнаго царства его острова и принять отъ меня для посѣва нѣсколько мѣшковъ картофелю, рису и кантонскихъ турецкихъ бобовъ. Но, несмотря на торжественныя обѣщанія, данныя имѣ Георгомъ, я сомнѣваюсь, чтобы предложенные мною предметы для посѣва посажены были въ землю. Островитяне не помышляютъ о завтрашнемъ днѣ; для нихъ только настоящій мигъ имѣетъ значеніе. Они обладаютъ дѣтскою безпечною и легко поддаются лѣности, развивающейся въ тѣлѣ отъ вліянія тропическаго климата.

Но имѣнію ихъ, пріобрѣтеніе всякаго новаго удобства, или пользы, не окунается потраченными на нихъ трудами. Не разъ оставляемыя имѣ китоловами животныя пользовались предоставленною имѣ свободою. Свиньи рыскали по лѣсамъ; куры одичали и живутъ въ совершенной независимости.

Художникъ-ваеатъ нашелъ бы истинное наслажденіе въ созерцаніи покойной позы дикарей и ихъ врожденнаго благородства движеній. Идеалъ художественности—мужественная и могучая красота только иногда бывала угадываема гениемъ. Но между этими первобытными людьми, вы увидите ходячіе остовы, живо съѣдаемые отвратительными язвами. Взоръ съ ужасомъ отвращается отъ несчастныхъ, переносящихъ съ апатической терпѣливостью свой недугъ. Ужасное зрѣлище губительнаго бича возбуждало въ сердцахъ нашихъ невольное состраданіе. Черные обитатели Африки давно уже возбуждаютъ всеобщее состраданіе. Жители Океаніи должны бы еще въ большей степени возбудить къ себѣ симпатію и обратить на себя вниманіе филантроповъ. Трудно европейцу представить себѣ, какіе страшные беспорядки, какія преступныя насилія совершаются на архипелагахъ Полинезій. Девертеры съ китоловныхъ судовъ заразили острова своимъ присутствіемъ. Между кровяни и миролюбивыми островитянами они распространяли жажду къ пріобрѣтенію, освоили ихъ со всѣми дурными страстями и пороками, сдѣлавъ ихъ же первыми жертвами своей злобы. Цѣлыя племена были истреблены ими. Разбойники вооруженною рукою отбирали у нихъ предметы, годные для торговли; ослушниковъ наказывали смертью; каждый европеецъ присвоивалъ себѣ право жизни и смерти надъ беззащитными жителями, и цѣлое поколѣніе Флибустьеровъ, подъ назва-

тіемъ «береговыхъ братьевъ» утвердило знамя самоуправства на островахъ, счастливыхъ до того времени, не болѣе какъ подстѣгнута тому назадъ. Не разъ было говорено, что, для восстановления порядка и справедливости, необходимо, чтобъ къ тѣмъ берегамъ приходили чаще военныя европейскія суда. Я прибавлю, что этого недостаточно. Полинезійскіе островитяне не могутъ теперь существовать безъ покровительства какой-нибудь европейской державы. Всѣ нити прежняго быта у нихъ перерваны; имъ уже не сдѣлаться снова простодушными дикарями, какими ихъ засталъ и описалъ Кукъ. Надо освободить ихъ отъ притѣсненій и насилій разныхъ авантюристовъ, но еще болѣе надо положить предѣлы сокрушительнымъ страстямъ, которыми они поддались и которыя ихъ истребляютъ.

Возвратное плаваніе наше отъ острова Уалава свершилось благополучно и 17 апрѣля мы бросили якорь въ Макао. Головы взшедшихъ къ намъ на судно китайцевъ поразили насъ необычайнымъ развитіемъ черепа. Уже болѣе мѣсяца бритва не прикасалась къ нимъ. Китайцы носили трауръ, по случаю кончины ихъ повелителя. Послѣ тридцатилѣтняго царствованія, сынъ Кіа-Кинга, внукъ знаменитаго Кіань-Донга, присоединился къ пяти владыкамъ изъ династіи Маньчжуровъ, оставивъ своему преемнику колеблющуюся власть и неважную будущность.

Императоръ Тао-Квангъ, передъ смертью своею, назначилъ своимъ преемникомъ четвертаго изъ своихъ сыновей, который, взшедеъ на престолъ, принялъ названіе И-Шинга. Онъ рожденъ былъ отъ матери татарскаго происхожденія. По законамъ династіи Тая-Цынгъ, сыновья, рожденные отъ женщинъ китайскаго происхожденія, не имѣютъ права на престолъ. Восшествіе на престолъ новаго повелителя не ознаменовалось никакою реформою. Уваженіе къ памяти родителя воспрещаетъ наследникамъ престола и каждому подданному Небесной имперіи, по крайней мѣрѣ одинъ годъ не дѣлать никакихъ намѣненій въ заведенномъ порядкѣ, чтобы, поступая иначе, тѣмъ не выказать какъ будто нѣкотораго осужденія политики покойнаго.

Получивъ въ Макао повелѣніе возвратиться во Францію, обойдя мысъ Горнъ, побывавъ на Сандвичевыхъ островахъ и въ Таити, 29 іюня 1850 года мы уже бросили якорь въ портъ Гонолулу.

Малайская порода людей произошла отъ смѣшенія арабскаго и монгольскаго племени. На югѣ экватора отъ земель Папу до Новыхъ Гебридскихъ острововъ, сохранился въ чистотѣ арабскій типъ; жители Полинезіи представляютъ, напротивъ, чисто-монгольское племя.

Ничто не можетъ лучше объяснить сходства нравовъ, языка и наружныхъ формъ разныхъ полинезійскихъ племенъ, какъ предположеніе, что эти два племени распространились по морскимъ островамъ на такое разстояніе, на какое могли разбросать ихъ вѣтры.

Первое племя остановлено западнымъ муссономъ около группъ острововъ Вити; второе—бурами сѣвернаго полушарія у американскаго материка и у Сандвичевыхъ острововъ.

Когда мы прибыли въ Говолулу, первое впечатлѣніе утвердило меня въ гипотезѣ, которую я уже давно увлекался; я могъ думать, что я не покидалъ еще Уалава и прочихъ острововъ Каролинскаго архипелага. Въ Полинезій находятъ два рода острововъ: одни, какъ пѣна выкатывающаго горнила, выплыли изъ глубины океана, взлетѣли подъ небеса и вершины ихъ, нарытыя лавою, остыли съ теченіемъ времени, Другіе—произведеніе звѣздчатыхъ коралловъ—едва возвышаются надъ поверхностью моря. Вѣтры и птицы забросили на нихъ нѣсколько растительныхъ сѣмянъ, волны выбросили нѣсколько кокосовыхъ орѣховъ, и на этихъ-то отмеляхъ, покрывшихся отъ времени растительностью, волною же морскою занесено нѣсколько обитателей. Земля пологихъ береговъ этихъ острововъ не способна къ воздѣлыванію.

Сандвичевы острова не принадлежатъ къ породѣ острововъ, недавней формациі. Четыре главные изъ нихъ получили свои названія отъ имени племенъ, первоначально на нихъ обитавшихъ: Гавай, Мави, Вагу и Тауай.

Гавай самый большой изъ четырехъ; но Вагу обладаетъ лучшимъ портомъ, и потому сдѣлался центромъ торговли. Коммерческія суда, передъ входомъ въ Охотское море, или Беринговъ проливъ, заходятъ въ Вагу для необходимыхъ исправленій, или запаса волою и провизіей.

Городъ Говолулу, обязаный имъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, нынѣ главный городъ Полинезій.

Хотя Сандвичевы острова равны Сициліи и Сардиніи въ отношеніи пространства, но народонаселеніе этого архипелага едва ли превышаетъ число ста или ста-двадцати тысячъ жителей. На пространство, въ семь разъ меньшемъ, островъ Майорка, въ Средиземномъ морѣ, имѣетъ двойное число жителей. На Сандвичевыхъ островахъ жители населяютъ только берега, середина же ихъ необитаема и невоздѣлываема. Какъ всѣ вообще страны вулканическаго происхожденія, Сандвичевы острова наполнены пропастями и скалами. Кратеры потухшіе или готовые выбросить подземное дремящее пламя; долины, сжатыя двумя стѣнами застывшей лавы; высокія пѣши горъ внезапно прерываемыя провалами—вотъ общій видъ Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ можно встрѣтить, смотря на какой высотѣ находишься, такое же разнообразіе климатовъ, какъ на Явѣ или на Филиппинскихъ островахъ.

Существуетъ общее мнѣніе, что Сандвичевы острова открыты были испанцами прежде Кука; но знаменитому мореходу принадлежитъ честь первенства сдѣлать извѣстнымъ Европѣ нинѣ открытый архипелагъ, назвавъ его именемъ одного изъ лордовъ британскаго Адмиралтейства.

Съ незапамятныхъ временъ существовало на Сандвичевыхъ остро-

вѣтъ большое различіе между начальниками и ивѣннѣмъ классомъ народа. Обожаемые при жизни, начальники племенъ становились боже-ствами островитянъ послѣ своей смерти. Море и земля равно имъ принадлежали. Архипелагъ Океаніи раздѣленъ на нѣсколько феодалныхъ владѣній. Табу—первое уложеніе островитянъ. Нѣкоторыя постановленія этого строгаго кодекса связываютъ даже дѣйствія самого повелителя страны. Такъ, по его уставамъ, отъ жилища короля до самобѣднѣйшей хижины простаго дикаря, мужъ съ женою не можетъ обѣдать за однимъ столомъ; дужчинамъ и женщинамъ предписывалось ѣсть врознь. По странному злоупотребленію власти, строгость уставовъ табу обращена была преимущественно на женщинъ. Табу не зналъ ни снисходительности, ни постепенности въ наказаніяхъ. Ослушаніе противъ табу равнялось ослушанію противъ божества.

Кто спускалъ пирогу на воду въ запрещенные по уставу дни, кто нарушалъ малѣйшимъ безпорядкомъ торжество молитвенныхъ обрядовъ, кто нечаянно покрывалъ короля своею тѣнью, кто произносилъ имя короля въ словахъ пѣсни, кто не повергался ницъ передъ служителямъ, несшимъ королевское *маро*—всѣхъ равно постигала неизбѣжная участь—смерть. Смертный приговоръ противъ виновныхъ присуждался въ тайныхъ собраніяхъ среди глубокой ночи.

Все богатство полинезійскихъ островитянъ состоитъ въ хлѣбномъ и кокосовомъ деревьяхъ. На островахъ, гдѣ растутъ въ изобиліи эти быстро созрѣвающіе плоды, всѣ прочія произведенія земли почитаются роскошью, почти бесполезною. Жители Сандвичевыхъ острововъ не могутъ, однако, питаться одними этими плодами и по необходимости воздѣлываютъ таро и сладкій картофель.

Островитяне терпѣливо долбятъ пироги изъ стволовъ длинныхъ деревьевъ каменными топорами, просверливаютъ въ бокахъ ихъ дыры костями, съ трудомъ обточенными и сшиваютъ кручеными кокосовыми мочалами. Островитяне вяжутъ рыболовные сѣти, выдѣлываютъ изъ красныхъ перьевъ епанчи для королей, въ которыя тѣ облакаются во время религиозныхъ торжествъ; дикарь гонится за рыбой по волнамъ, преслѣдуетъ птицу въ воздухѣ и убиваетъ человѣка для принесенія его въ жертву своимъ божествамъ.

Прибытіе европейскихъ судовъ влечетъ за собой новый трудъ для гавайскихъ островитянъ. Сандакъ для обитателя Сандвичевыхъ острововъ то же, что было золото для американцевъ. Сандакъ привлекъ къ берегамъ ихъ иноземныхъ торговцевъ. Горячіе напитки, шелковыя матеріи, желѣзо, огнестрѣльные оружія разбудили корысть въ душахъ начальниковъ дикарей, которымъ нечѣмъ было болѣе платить за всѣ эти сокровища, какъ произведеніемъ своихъ лѣсовъ. Въ теченіе 20 или 30 лѣтъ около шести тысячъ тоннъ сандальнаго дерева вывезено англійскими и американскими судами съ Сандвичевыхъ острововъ, и про-

для кантовскихъ индейцевъ. Вслѣдствіи это ароматическое дерево мало было отыскивать въ непроходимыхъ ущельяхъ и на недосягаемыхъ высотахъ; подобная разработка лѣсовъ, столь же тягостная, какъ и разработка золота, могла быть, причиною уничтоженія цѣлаго народонаселенія, если бы Провидѣнію не угодно было, чтобъ пренебреженіе и непредусмотрительность одного поколѣнія островитянъ не истребило въ конецъ этихъ деревьевъ; поэтому сандалъ не былъ для Сандвичевыхъ острововъ такимъ богатствомъ, чтобъ сдѣлаться причиною потери ихъ независимости, но онъ сильно способствовалъ къ соединенію ихъ и къ основанію туземной монархіи.

Въ 1792 году, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ Кука и шесть лѣтъ послѣ Лаперуза, англійскій капитанъ Ванкуверъ посѣтилъ Сандвичевы острова въ то время, какъ король Камеаеа былъ повелителемъ трехъ гавайскихъ областей. Палица изъ твердаго дерева и копьё съ двумя рядами акуловыхъ зубовъ были оружіемъ его подданныхъ. Камеаеа домогался получить порохъ и ружья отъ англійскаго капитана, но Ванкуверъ отказалъ ему въ этомъ.

Побочный сынъ мавійскаго короля нашелъ средство пріобрѣсть оружіе отъ командировъ судовъ, менѣе совѣстливыхъ и осторожныхъ.

Два матроса, взятые имъ въ плѣнъ, сражались вмѣстѣ съ нимъ и распространили ужасъ между враждебными ему племенами.

Въ 1796 весь архипелагъ покорился его власти. Онъ умеръ 8 мая 1819 года въ своемъ гавайскомъ дворцѣ, состоявшемъ изъ шести соломенныхъ шалашей. Каагуману, женщина происходившая отъ древняго рода гавайскихъ начальниковъ, и съ давняго времени бывшая сообщницею всѣхъ тайныхъ его помысловъ, возвела на престолъ наследника его, порученнаго ей волею умершаго короля, удержавъ за собою власть надъ островами.

Во время царствованія Камеаеи, старыя постановленія сохранялись почти безъ всякаго измѣненія. Уложеніе табу продолжало быть основаніемъ законовъ на этой части полинезійскаго архипелага. Слухи объ ученіи Евангелія, распространяемаго англійскими миссіонерами въ Таити и большія перемѣны, отъ того происшедшія, начали вскорѣ достигать и до Сандвичевыхъ острововъ. Каагуману пришла смѣлая идея религіознаго преобразованія. Спустя нѣсколько времени послѣ смерти Камеаеи, новый правитель Сандвичевыхъ острововъ Лиголиго надѣлъ королевскую одежду гавайцевъ — епанчу изъ красныхъ перьевъ. Въ присутствіи всѣхъ начальниковъ и жрецовъ, собранныхъ для этого торжества Каагуману предложила молодому королю уничтожить табу. Лиголиго отступилъ въ ужасѣ отъ такого предложенія. Но Рубиконъ былъ перейденъ. Отважной Каагуману оставалось или умереть или уничтожить оковы, которыя она задумала свергнуть. Мало по малу король забылъ свои опасенія и предубѣжденія; табу было уничтожено и древнее зданіе гавайскихъ постановленій разрушено отважностью жепщины.

Одинъ изъ начальниковъ поднялъ знамя идолопоклонства. Онъ былъ молодъ, отваженъ и приверженъ къ старому порядку вещей. Жрецы окружили его и обѣщали ему власть. На призывъ ихъ народъ сбѣжался подъ знамена возстанія. Двѣ враждующія стороны встрѣтились въ одной изъ долинъ гавайскихъ.

Долго побѣда не склонялась ни на чью сторону. Наконецъ защитникъ вѣрнѣшаго божества былъ побѣжденъ. Народъ перебилъ въ ярости своихъ безсильныхъ боговъ, неподавшихъ помощи своимъ защитникамъ, и такимъ образомъ гавайцы съ готовностью приняли ученіе миссіонеровъ, принесенное имъ въ 1820 году; нѣсколько лѣтъ спустя, Савличевы острова стали принадлежать протестантскому вѣроисповѣданію.

Миссіонеры взяли въ свои руки бразды правленія и управляли островитянами полновластно, пока важное событіе не разрушило ихъ спокойнаго и такъ легко доставшагося имъ обладанія. Два католическіе священника прибыли въ Гонолулу въ 1827 году и приобрѣли многочисленныхъ послѣдователей ихъ ученія въ низшемъ классѣ народонаселенія.

Между подчиненными Камеамеа, третьяго, наследника Литоаиго, считается нынѣ двадцать пять тысячъ католиковъ.

Срокъ нашего отплытія изъ Гонолулу приближался, и мы ждали его не безъ удовольствія. Дурныя, пыльные дороги; народъ, потерявшій прежнюю чистоту нравовъ; промышленности со всѣхъ странъ, поджыгающіе на этой крайней границѣ океана случаи отправиться къ золотымъ берегамъ Калифорніи — вотъ что мы оставляли безъ сожалѣнія на Савличевыхъ островахъ. До той еще поры, пока жаръ солнечный не сдѣлалъ нестерпимую прогулку по пыльнымъ улицамъ, площадямъ и набережнымъ Гонолулу, мы переплывали тихій, узкій заливъ, вьющійся между двумя отрогами звѣздчататаго коралла, и выходили на берегъ.

Движеніе этого полинезійскаго рынка, отсылающаго свои продукты въ Новый Свѣтъ въ обмѣнъ на золото, представляетъ глазами зрѣлище очень занимательное. Суда, идущія изъ Сав-Франциско и готовые отплыть въ Гонгъ-Конгъ и въ Калькутту, безпрестанно перекрещаютъ рейды; другія подъ вѣтри парусами летятъ въ узкій проходъ, лежащій между коралловыми отмелями, и бросаютъ канакамъ, ожидающимъ на берегу, канатъ, съ помощью котораго тѣ тащатъ суда въ гавань. На прилегающихъ къ порту улицахъ движеніе большаго города съ страннымъ отчеткомъ возникающей цивилизаціи. По набережной множество мужичь и амаонокъ верхомъ на лошадяхъ, съ развѣвающимися по вѣтру алыми шарфами и волосами, заплетенными въ косы. Остатки наводницъ, галолирующія сидя на сѣдлѣ помужски, принадлежали къ высшему классу островитянъ. Раскормившіеся съ нами до

земли и улыбающіеся имъ мужичны, потомки начальниковъ Камезен, отцы которыхъ были свидѣтелями перваго прибытія на островъ судовъ Кука и Лаперуза. Смуглыя лица и красная кожа этихъ гавайскихъ чиновниковъ сильно разногласили съ ихъ одеждою. Они учатся англійскому языку, который сдѣлался на Сандвичевыхъ островахъ коммерческимъ и официальнымъ языкомъ. Чиновники эти начальствуютъ надъ миссіонерскою, собираютъ подати, облѣывая терпѣливо и ловко собственныя дѣла свои, пьютъ чай по три раза въ день и занимаются чтеніемъ съ подобающею имъ важностью въ тѣ часы, когда находятся въ трезвомъ состояніи.

4 іюля 1850 года мы съ радостью оставили Гонолулу. Намъ оставалось еще побывать на одномъ только островѣ Тихаго моря, но зато этотъ островъ былъ—Таити. На разстояніи 800 миль отъ Сандвичевыхъ острововъ, между 17 и 18 градусами южной широты, лежитъ лучшій островъ Океаніи, и мы увидѣли его послѣ 28-ми дневнаго плаванія. Его вѣчнозеленящія вершины, берега, окаймленные пальмовыми деревьями, волны, разбивающіяся бѣлой пѣною о берега—ничто не обмануло нашихъ ожиданій.

Между высокими горами, рисующимися на синевѣ неба, одна смѣлѣе прочихъ возвышаетъ свою пятиглавую базальтовую вершину подъ самыя облака. Ее называютъ Діадемою. Подошва ея лежитъ между двумя долинами Папеноо и Фатауа.

Плывите осторожнѣе къ этимъ очарованнымъ берегамъ, остерегайтесь подводныхъ утесовъ, скрывающихся подъ голубыми, прозрачными водами, не смѣшите подходить къ берегамъ, пока не обогнете мыса Венеры и пока не увидите кокосовыхъ деревьевъ, колеблющихся свои вершины надъ свѣжимъ заливомъ, совершенно покрытымъ ихъ тѣнью; не ищите глазами входа въ портъ: вы напрасно станете его отыскивать, если дружеская рука не укажетъ вамъ его. Валиссъ и Бугенвилль бросили якорь не въ этихъ мѣстахъ. Папеитскій портъ былъ еще въ то время неизвѣстенъ. Эти счастливые мореплаватели хотя стояли на менѣе безопасныхъ мѣстахъ, но зато ощущенія ихъ были живѣе и новѣе нашихъ. Рой пирогъ радостно игралъ около ихъ судовъ; удивленные взгляды не слѣдили за каждымъ движеніемъ; простые и вроткіе островитяне принимали ихъ за полубоговъ. Эти первобытныя дѣтя природы, несмотря на свое невѣжество, существовали не зная нужды. Хлѣбныя и кокосовыя деревья, банановыя лѣса равно питали королей и подданныхъ. Жизнь островитянъ Таити была безпечна и легка. Температура воздуха умѣренна и постоянна; земля плодороднѣе здѣсь, чѣмъ на Сандвичевыхъ островахъ; море близъ береговъ изобилуетъ рыбою. Оттого—то повзрѣла—эта дочь сладкаго бездѣйствія—примѣшивала иногда свои вдохновенія въ ихъ пиршества, свою мѣрную рѣчь въ ихъ любовь.

Прежде чѣмъ познакомить таитянъ съ благотѣльными постановленіями и угѣшительными вѣрованіями, страствующіе промыш-

денки внесли къ нимъ губительный бичъ пороковъ, истребляющій и унижающій челоѡвчество. Менѣе чѣмъ въ четверть столѣтїя число жителей, простиравшееся до 200,000 во времена Кука, уменьшилось до 7,000. Богатыя и населенныя области обратились въ пустыни. Протестантскимъ миссіонерамъ принадлежитъ честь спасенїя остатковъ этого народонаселенїя отъ гибельныхъ слѣдствій спиртуозныхъ напѣтковъ и смутъ анархїи. Они уговорили свергнутаго короля Помаре II, удалившагося на островъ Мореа, отказаться отъ идолопоклонства и помогли ему снова овладѣть престоломъ и восстановить спокойствїе въ Таити въ 1815 году.

Достаточно немногихъ дней, чтобъ научиться понимать языкъ, обладающій только двѣнадцатью звуками, соединяющимися всякой безъ комбинаціи, а потому таитяне могли въ скоромъ времени читать переводы священныхъ книгъ, которыя во множествѣ были распространяемы миссіонерами на двухъ островахъ. Простой и гармоническій языкъ ихъ усвоилъ себѣ библейскій колоритъ.

Превосходство европейскихъ мануфактурныхъ и другихъ издѣлій, возможность прїобрѣтать ихъ посредствомъ легкаго обмѣна, уничтожило всякую мѣстную промышленность. Островитяне стали прїобрѣтать ружья, вмѣсто того, чтобъ выдѣлывать свои палицы, и до того довели пренебреженїя къ своимъ произведенїямъ, что перестали заботиться и обрабатывать поля, предпочитая питаться мукою и сухарями, привозимыми китоловными судами. Никогда лѣнь не царствовала въ Таити такъ полно, никогда благодарная и плодородная почва не была въ такомъ запущенїи, не приведена была въ такую явную невозможность прокормить многочисленныхъ своихъ обитателей.

Въ то время, какъ Франція объявила свое протекторство на этихъ островахъ, влїаніе миссіонеровъ принесло уже всевозможные плоды и принимаемая ими мѣры совершенно гармонируютъ съ добродушіемъ и веселымъ нравомъ кроткихъ туземцевъ.

При Магагенѣ, на высотахъ Панама и въ долинѣ Папеноо таитяне сражались въ рядахъ французовъ; первый, взобравшійся на вершину Фатауа, былъ одинъ изъ начальниковъ островитянъ. Смѣшеніе двухъ племенъ свершилось на полѣ битвы. Таити сдѣлался для насъ дорогъ по пролитой на немъ французской крови и по воспоминанію о славныхъ подвигахъ, совершенныхъ нами во всѣхъ его долинахъ. Дикари имѣли случай убѣдиться въ силѣ французскаго оружія, а потому высоко цѣнили великодушїе, имъ оказанное. Когда «Уравїя» подъ флагомъ контръ-адмирала Брюа, возвратилась въ Европу, въ декабрѣ 1846 года, спокойствїе на островѣ Таити было совершенно восстановлено.

Нѣтъ въ мїрѣ мѣста, гдѣ бы климатъ былъ здоровѣе, гдѣ бы мѣ-

4¹/₄

стоположеніе представляло глазамъ богаѣ воспитительныя виды, гдѣ бы обитатели страны были прямодушнѣе и добрѣе. Конечно, таитанѣ уже не тѣ прекрасныя дикари, какими ихъ засталъ Кукъ, но, къ счастью, еще не сдѣлались джентльменами Сандвичевыхъ островъ. Если смотрѣть съ художественной точки зрѣнія, то можно жалѣть о красивой татуировкѣ тѣла, которая, по словамъ таитанъ, обратившихся въ христіанство и желающихъ оправдать прежнія лезческія, обычаи была «кокетствомъ бѣдлана и покровомъ дѣвицы, неумѣящаго выработать себѣ одежду». Но ошибочно думаютъ, что эта умная порода людей утратила свою особенность, подчинившись нашимъ идеямъ и правамъ. Женщины Таити съ врожденной ихъ граціею соединили какой-то оттѣнокъ духовности, который дѣлаетъ чувства ихъ внушенія глубокими и продолжительными. Путешественникъ, посѣтившій островъ мимоходомъ, увидитъ только грязный осадокъ народонаселенія; но тотъ, кому случится пристальнѣе изучить туземцовъ, будетъ удивленъ, найдя у простодушныхъ и наивныхъ дикарей чистосердечіе и духовную чистоту.

Любовь таитянокъ, кротка и снисходительна, какъ ихъ улыбка. Онѣ не отличаются неистовою ревностью обитательницъ Явы, но далеко не такъ холодны и апатичны, какъ манильскія женщины. Незная жара страсти, онѣ зато обладаютъ глубокими чувствами любви. Мнѣ не разъ случалось читать прощальныя письма, въ которыхъ трогательно выказывалась покорность, могущая смягчить самого Донъ-Жуана. Вотъ одно изъ такихъ писемъ:

«О, мой возлюбленный! мой духъ смущенъ и не можетъ уже успокоиться; онъ, какъ глубокая вода, никогда недремлющая, вздымается, ища успокоенія. Я—вѣтка, отломленная вѣтромъ: ей никогда не приростъ къ родному дереву. Ты уѣхалъ и больше не возвратишься. Твой образъ скрылся отъ меня и я его никогда не увижу! Ты былъ лианой, которую я посадила у входа въ домъ мой: ея корни вросли въ мое жилище. Тѣло мое разбивается и падаетъ какъ камень, катящійся въ невѣримую глубину моря. О, мой другъ, вотъ моя любовь! она срасталась съ моею жизнью. Привѣтъ тебѣ, мой драгоценный другъ, во имя истиннаго Бога, во имя владыки душевнаго мира.»

Языкъ таитянъ бессиленъ для выраженія важныхъ и сильныхъ мыслей; но онъ очень способенъ для модуляціи поэзіи. Старыя пѣсни ихъ сложны были только изъ сочетанія гармоническихъ фразъ. Музыкальный ритмъ замѣтенъ въ ихъ сочиненіяхъ. Слушателю предоставлялось на волю придавать этимъ отрывистымъ рѣчанъ, всегда сохранявшимъ развѣренную пѣвучесть, смыслъ, отдаленный намекъ или аллегорію. Вотъ одна изъ пѣсенъ, которую таитянки и донынѣ любятъ чтѣть имъ повторянъ:

«Цвѣтокъ долины благоухаетъ безъ сознанія; птичка поетъ не зная, что ее слушаютъ: такъ и красота твоя, безъ твоего вѣдома, окружаетъ тебѣ благоуханіемъ.»

Между пѣснями подобнаго содержанія, безпорядочнаго, неопредѣленнаго выраженія, иногда удивляетъ нечаянность, попадающіеся гомерическія эпитеты. Великій островъ этого архипелага имѣетъ свое поэтическое названіе, присвоенное ему и никогда его непокидающее въ пѣсняхъ таитянъ. Такъ Райатеа называется «магконгій»; «Борабора—тиховесельный»; «Гуагине—непокидающій пляски.»

Таити нельзя назвать Спартою Океаніи, но скорѣе Лесбосомъ. Въ немъ преобладаютъ любовныя пѣсни надъ воинственными. Острова Вити и Савдвичевы предпочитали, напротивъ, эпопею идилліи. Помаре, королева острова Таити, никогда не сочиняла стиховъ, какъ Тонго. Она любитъ читать тѣ, которые затвердила наизусть у веселыхъ подружекъ своихъ. Она часто тихонько повторяетъ эти отрывчатые фразы, смыслъ которыхъ ускользаетъ отъ слушателей, но мѣрность и звучность ихъ ласпаютъ втайнѣ воспоминаніе королевы.

Помаре, своею нерѣшимостью и боязливостью, чуть не потеряла престолъ и не нарушила спокойствіе цѣлаго мира. Легкомысленная въ молодости, озабоченная въ лѣтахъ зрѣлаго возраста, королева вымыче характера богѣ спокойнаго и посвящаетъ все существованіе своимъ дѣтямъ, наслѣдникамъ острова Таити, острововъ Помоту, острововъ Райатеа, Борабора и Гуагине.

Помаре, обратившая на себя вниманіе всей Европы, сдѣлала честь нашему корвету своимъ посѣщеніемъ. Мы приняли ее со всѣми церемоніалами и всѣми почестями, оказываемыми въ Европѣ коронованнымъ особамъ.

Пушки грянули при приближеніи ея къ берегу. Музыка встрѣтила ее любимыми пѣснями; во время обѣда, для нея изготовленнаго, она занимала кресло на встрадѣ, нарочно для нея устроенной. Подданные ея могли видѣть свою повелительницу, сидѣвшую выше всѣхъ.

Королева Помаре была видимо тронута такими признаками нашего вниманія. Ея темное лицо оварилось улыбкою самодовольствія; она долго пребыла на корветѣ и передъ отъѣздомъ пожелала увѣичать цвѣточнымъ вѣнкомъ капитана, весело передъ нею склонившагося для полученія такой награды.

Ари-Фетъ, супругъ королевы, не придумалъ иначе выразить своихъ ощущеній, какъ выказать предъ нами аппетитъ, достойный Гаргантюа,

но зато между спутницами Помаре мы нашли пріятныхъ собесѣдницъ. Молодая принцесса Аймата, что значитъ на туземномъ нарѣчьи «пожирательница глазъ» назначенная королевою въ будущія супруги наслѣднику престола Ари-Тайман, или «плачущая принцесса» великолѣпной красоты, хотя уже не молодыхъ лѣтъ, выказали намъ полную, простодушную радость отъ правдника, для нихъ устроеннаго. Когда посѣтительницы, сопровождаемыя трескомъ и взрывомъ ракетъ и осыпанныя огненнымъ дождемъ фейерверка, сѣли въ приготовленный для нихъ катеръ, лица ихъ выражали сожалѣніе о быстро промелькнувшихъ часахъ удовольствія.

На другой день мы плыли уже къ берегамъ Франціи...

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

НОВЫЯ КНИГИ:

ЭТЮДЫ ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ. Соч. А. М. С-на. С. Петербургъ, 1853. Въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 12-ю д. л. 97 стран.

КРЫМСКІЕ ЦЫГАНЕ. Повѣсть А. Котляревскаго. С. Петербургъ, 1853. Въ типографіи Ю. Штауфа. Въ 8-ю д. л. 116 стран. **

«Петербургскій Вѣстникъ» предъидущей книжки «Пантеона» заключался сожалѣніемъ въ пользу многородныхъ читателей, для которыхъ литература наша не приготовила къ осени уютнаго изданья какого нибудь романа или собранія повѣстей. Насвою статью смѣло можно начать объявленіемъ о выходѣ въ свѣтъ двухъ томичковъ, точнѣе, брошюръ, весьма по формату удобныхъ для чтенія. Но не всегда легкое на вѣсъ—легко и читается. Отъ днхъ фоліантовъ не оторвешься, а воздушные, повидимому, листочки такъ и разрываютъ васъ самихъ на части, когда, напротивъ, бывало, десятки «волюмовъ» жадно поглощались, какъ порціи Сальваторова мороженаго въ знойную пору лѣта или въ зимній зной на какомъ-нибудь удручающемъ балу... гдѣ собственно подсматриваются, напримѣръ, «этюды изъ женской жизни»...

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и въ книжномъ магазинѣ Ф. В. Базунова: 75 коп. сер.; вслѣдствіе за фунтъ.

** Такъ же и у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера: 1 р. 25 к. сер., съ пересылкою.

Но что такое *этюды* изъ женской жизни? *Étude* — учение, обучение, упражненіе, стараніе, знаніе, наука, наблюденія, замѣчанія. Которое изъ этихъ и другихъ еще словъ, подходящихъ къ общему смыслу существительнаго *étude*, исключительно разумѣлъ авторъ? Первое и второе едва ли годятся. Слѣдуетъ третье — *упражненіе*. «Упражненія изъ женской жизни?» Нѣтъ, не выходитъ! Какія это упражненія? Четвертое, пятое и шестое также не идутъ. Слѣдственно надобно помириться съ двумя послѣдними и вѣрить, что это *замѣчанія* или *наблюденія* изъ женской жизни. Пусть будетъ такъ. Ужь если стоять что наблюдать, отъ нечего дѣлать, такъ это золотистыхъ пчѣлокъ въ стеклянномъ ульѣ и модныхъ женщинъ! Но—важное условіе — надобно выбрать надлежащую точку зрѣнія и быть лично незамѣченнымъ...

Что ни говорите, а и самая обертка книжки, какъ туалетъ красавицы, не мало располагаетъ въ ея пользу, то есть, въ пользу обѣихъ: книжки и красавицы, или, наоборотъ, отталкиваетъ, если оказываются признаки безвкусія, изысканности, пестроты. Нельзя сказать, чтобъ заглавный листъ «Этюдъ» отличался особенной граціей, изяществомъ. Онъ сильно напоминаетъ бенефисную афишу, представляя наборъ шрифтовъ и словъ въ слѣдующемъ видѣ:

ЭТЮДЫ

ИЗЪ ЖЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

Этюдъ первый:

А ВЪДЪ ЖАЛЬ ЕЕ!..

Этюдъ второй:

ВЪДНЯЖКА.

Этюдъ третій:

КРАСАВИЦА.

По порядку, надлежитъ начать съ той, которой *жаль*, чтобъ нечего было жалѣть въ заключеніе, разставаясь съ «красавицей».

Этюдъ первый: «А вѣдъ жаль ея» имѣетъ еще другое заглавіе: «быль, которая можетъ повториться». Совершенно справедливо! Все

давнымъ-давно уже повторяется... умное и веселое, радостное и печальное, скучное и глупое. «Ничто не ново под луною». Всѣ эти повѣсти и романы, которые выдаютъ намъ за новыя, ужасно стары, если судить по тому, что они ни въ комъ не возбуждаютъ участія, сочувствія.

«Въ гостиной одного изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ П., женщина лѣтъ двадцати-осьми, (запятая) *полулежала на роскошномъ пате*» (стран. 1). Такъ начинается повѣсть, и подобное начало, съ «*полулежаишемъ на роскошномъ пате*», до невѣроятности повторительно. Это избитый, обветшалый приемъ всѣхъ гг. новыхъ сочинителей, принимавшихся за свѣтскія повѣсти, не зная моднаго свѣта, слышавшихъ только о его вѣшной обстановкѣ.

Двадцати-осьми-лѣтнюю дамочку звали Вероникой. Вдова богатаго старика, она влюблена въ молодого доктора, Славина или Славскаго— не помнимъ хорошенко, съ которымъ находилась въ нѣжной перепискѣ, и вотъ почему въ ея «ногахъ, на подушкѣ, стоялъ полуоткрытый ящикъ; кругомъ разбросаны были измятыя письма, *повидимому* часто читанныя и долго *хранившіяся на груди*» (2). Глубокое выраженіе отчаянія «оттиснуто» было на лицѣ Вероники, вслѣдствіе того, что докторъ разлюбилъ ее, пересталъ оказывать ей должную внимательность. Такого невѣжливаго доктора сѣдовало смѣнить, а не погружаться въ отчаяніе, не «мучить убитый *горемъ* умъ свой пустымъ *разговоромъ*» (3), хоть ради этого неграціознаго столкновенія творительнаго надежа. «Сердце разрывалось, глядя на нее» — сказано нѣсколькими строками ниже, хотя, какъ извѣстно, сердце глядѣть не можетъ.

Когда отчаяніе Вероники достигло нестерпимой степени, она почла приличнымъ удалиться въ другую комнату. Тѣмъ временемъ въ гостиную вошелъ иѣкто Поль Розовъ, безобразный, горбаченкій человѣчекъ, но страстный и нѣжный, душою и сердцемъ преданный Вероникѣ за то, что она, во-первыхъ, его облагодѣтельствовала и, во-вторыхъ, хороша собою. «Полуоткрытое письмо лежало забытое возлѣ ножки пате; Поль, казалось, узналъ руку, потому что онъ поблѣднѣлъ, приѣтвивъ письмо, и отвернулася, но (,) *приподымаясь*, взглядъ его упалъ на зеркало, которое висѣло надъ диваномъ, и что-то похожее на внутреннее сотрясеніе поколебало его» (5). Здѣсь вы, конечно, въ недоразумѣніи, кто приподыялся: самъ Поль, или только взглядъ его, и въ комъ или въ чемъ произошло внутреннее сотрясеніе — въ Полѣ, зеркалѣ или диванѣ? Не стѣсняйтесь неправильностью языка, неточностью фразъ, слушайте далѣе...

За Полею Розовымъ въ ту же гостиную входитъ и Славскій, или Славинъ. Въ промежуткѣ передъ появленіемъ доктора авторъ знакомитъ васъ съ личностью и положеніемъ Поля. Его мать «умерла скоро послѣ его рожденія; отецъ же его, человекъ *честный*, но *жестокій* (какъ близко сходятся эти два прилагательныя!), устро(а)ивалъ будущее только для здороваго сына, который могъ-бы продолжать дѣла его, и рожденіе горбатаго уродца разстро(а)ивало его планы» (11). «Вероника захотѣла видѣть его», т. е. Поля, потому что онъ былъ ей дальнимъ родственникомъ, и легкое участіе, возбужденное сначала его горбомъ, «превратилось скоро въ состраданіе нѣжное и глубокое. Съ сердцемъ празднымъ и скучная среди вѣжливаго презрѣнія, которымъ свѣтъ окружилъ ее (за ея легкомысліе), Вероника чрезвычайно обрадовалась случаю сдѣлать что-нибудь доброе и полезное» (11—12).

И такъ вошелъ докторъ Славскій. Поля упрекаетъ его въ холодности къ Вероникѣ. Онъ отвѣчаетъ, что ему не изъ чего горячиться, что она его не цѣнитъ и что не для чего «цѣнать любовь, которая приноситъ ей несчастіе».

— Она васъ любитъ для того, чтобы любить, а не для того, чтобы быть счастливою, возражаетъ Поля, *грустно покачаетъ головою*. — Не ужели вы думаете, что сердце можетъ разсчитывать—промѣнять любовь на счастье?

— Къ чему же тогда и любовь? спрашиваетъ докторъ.

— *А безъ любви на что и жизнь!* восклицаетъ Поля.

Докторъ сознается, что любить должно съ надеждою быть счастливымъ; но Поля поражаетъ его пышными фразами, говоря: «То-есть вы хотите торговать вашимъ чувствомъ и получать проценты съ вашего сердца... Вы привязали къ себѣ сердце бѣдной женщины, а теперь отталкиваете его потому, что оно сильно бьется».

«Я не добивался этой привязанности, поясняетъ Славскій. «Оно отдалось мнѣ, когда я и не думалъ искать его, и я принималъ его больше съ состраданіемъ, чѣмъ съ горячностью. Оно разрушало всѣ привычки моей жизни и возмущало спокойствіе моихъ занятій. Оно вошло въ мое святилище, какъ непоосвященный, и я не имѣлъ смѣлости выгнать его, потому что оно плакало... Два года упрекаю себя за эту слабость... у меня есть другое назначеніе, назначеніе выше того, которое призываетъ насъ осушать слезы женскія» (стр. 17—19).

Напрасны всѣ новые доводы горбатаго оратора въ пользу Вероники: докторъ уничтожаетъ ихъ окончательно великою цѣлью своихъ ученыхъ занятій. «Я хочу достигнуть рѣшенія опредѣленнаго и полнаго, говорить онъ, потирая лобъ.—Видите ли, у меня есть идея, которая не-

неть довести до рѣшенія вопроса: *что такое жизнь* (курсивъ въ подлинникѣ)? Нужно только объяснить» и проч. (Стран. 19—20.)

Къ сожалѣнью, горбатый Поль не догадался сказать никому доктору, что «смѣшеніе разнородныхъ электричествъ» отуманило его инимно-учебный умъ. Поль уверенно остается при своемъ намѣреніи повернуть сердце Славскаго къ Вероникѣ, которая весь этотъ нелѣпый разговоръ, отрывочно лишь приведенный здѣсь, подслушиваетъ у дверей, и наконецъ предстаетъ неблагодарному съ градомъ упрековъ, въ родѣ слѣдующаго: «Къ чему я жалуюсь? Не такъ-ли это должно быть? Женщину увлекаютъ, выказывая себя въ глазахъ ея добрымъ, честнымъ, благороднымъ; ее обожаютъ, очаровываютъ, лишаютъ разсудка—ну, а потомъ всачески стараются найти въ ея жизни какое-нибудь пятно, котораго не могли смыть ея слезы; и если отыщутъ, кидаются на него, какъ на сокровище, упрекаютъ его съ какою-то радостною гордостью и, оставляя ее, бросаютъ съ негодованіемъ вамъ въ лице грязью прошедшаго... Вѣдь это значить убить ее. Понимаете ли вы, *сударь*, убить? О, это подло! это подло!»

Разумѣется, что «сударь» не выдерживаетъ такого выразительнаго гнѣва и ретируется къ дверямъ, съ грознымъ объявленіемъ, что бывшіе друзья никогда болѣе не увидятся. Устрашаемая разрывомъ съ любимымъ все-таки человѣкомъ, Вероника внезапно перемѣняетъ токъ и обращеніе, страстно, нѣжно взываетъ къ уходящему: «Александр! Александр!»

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ онъ, *не оборачиваясь*.

«Александр!» повторяетъ она, простирая къ нему руки.

— Что вамъ угодно отъ меня? повторяетъ Александръ, *отворачиваясь*.

Театральныя позы эти оканчиваются тѣмъ, что Вероника падаетъ на колѣни, обнимаетъ колѣни доктора, хватается его руки и цѣлуетъ ихъ (см. стран. 21—25). Славскій сдается, не напоминая вступленной Вероникѣ, что женщина должна целовать только руки родителей, и можетъ иногда удостоить этой чести или этого счастья руку достойнаго мужа, въ невольномъ выраженіи нѣжной преданности, или въ горестную минуту вѣчной съ нимъ разлуки. Помнимъ, когда-то и гдѣ-то видѣли мы картину, изображавшую смертнѣй одръ... Прекрасная молодая женщина, блѣдная какъ смерть, стояла передъ нимъ на колѣняхъ и приняла устами къ неподвижной рукѣ умирающаго, лова отчаяннымъ взоромъ послѣдній, угасающій взглядъ милаго человѣка. Двое малютокъ плакали у ногъ ея....

Было жаль несчастной, и, вопреки заглавію повѣсти, не жаль Ве-

решив, сколько она ни страдаетъ отъ равнодушія своего ученаго доктора. Они помирились не надолго, по той, какъ говоритъ авторъ, причинѣ, что Славскій «былъ одинъ изъ умовъ свѣтлыхъ, свѣтлыхъ и предпринчивыхъ, которые не могутъ остановиться на известной истинѣ (какой—неизвестно); но, устремивъ глаза на звезды, постоянно плывуть къ *умственной Америкѣ*. Предъявнши изслѣдованія о нервной жидкости, Славскій не обращалъ никакого вниманія на все то, что не имѣло прямого отношенія къ его изысканіямъ» (26). А какъ Вероника не возбуждала уже въ немъ любознательныхъ изысканій, потому что онъ вполне изучилъ ея характеръ, то вдовушка снова предоставлена была перочитыванію прежнихъ писемъ Славскаго, который лично чуждался ее. Но не такъ легко отдѣлаться отъ эксцентрической особы, нѣющей свои старинныя права и притязанія. Вообразивъ, что онъ отвлекается иною склонностью, Вероника начинаетъ тайно преслѣдовать Славскаго, тихонько выходитъ со двора, прокрадывается на какой-то чердакъ, гдѣ докторъ лечитъ какую-то бѣдную старуху, и, спрятавшись, слышитъ слѣдующій разговоръ его съ другимъ докторомъ, котораго онъ привелъ туда съ собою:

— «Параличъ въ членахъ совершенно пропалъ, говорилъ онъ: въ мозгу тоже много измѣнился и, когда я подвергаю большую дѣйствию гальванизма, въ ней пробуждается разуміе. Ты это сейчасъ увидишь самъ.

«Вероника слышала приготовленіе машины. Оба медика, занятые этииъ приготовленіемъ, нѣсколько минутъ молчали.

— «Пойми-же, сказалъ вдругъ Славскій: что я сдѣлаю, если мнѣ удастся возвратитъ смыслъ и движеніе этой женщины. Я нашелъ *храмиллице общей жизни* (опять бредить), я овладѣлъ мозгомъ и проч.

— «Это въ самомъ дѣлѣ удивительно отвѣчалъ другой. Славскій ходилъ большими шагами, предаваясь энтузіазму, который нечувствительно возрасталъ въ немъ.

— «И *эта* необъятная задача, сказалъ онъ вдругъ, остановясь передъ уродомъ: она здѣсь, въ *этой* безобразной массѣ, которая даже въ *эту* минуту не знаетъ, что живетъ. О, если-бы ты зналъ, какъ для меня дорога эта женщина! Дороже всего въ мирѣ.... въ ней все мое.... моя слава! наука! Это моя Галатея....

— «Я понимаю тебя, сказалъ молодой докторъ, улыбаясь: ты въ ней любишь свою идею; для тебя любить — значитъ думать. Ни одна красавица не могла тебя живо занимать.

«Славскій пожалъ плечами.—Красавица ничему не научаетъ, сказалъ онъ.—Это сказано было съ такимъ хладнокровіемъ, что у Вероники замерло сердце: тутъ только она вполне поняла Славскаго. Не слу-

шая болѣе ничего, въ полубезуміи прислонившись къ стѣнѣ, какъ будто рѣшившись на что-то новое, она провела по лбу рукою и шепотомъ проговорила: «А? теперь онъ будетъ меня любить!» Руки ея тряслись, губы посинѣли; она отыскала дверь и вышла» (стр. 31—32).

Спустя три дня послѣ этого посѣщенія, «Вероника лежала въ постели, постигнутая болѣзнию вдругъ и безъ видимой причины. Славскій нашелъ болѣзнь опасною, а между-тѣмъ она часъ-отъ-часу усиливалась и противилась всѣмъ средствамъ. Упорство болѣзни обратило наконецъ (на нее) вниманіе доктора: онъ началъ пристально заниматься болною, сталъ чаще ѣздить къ ней и долѣе оставаться. Нѣсколько разъ казалось ему, что онъ нашелъ нить болѣзни; но всегда, спустя нѣсколько дней послѣ успѣха, въ то время, когда онъ не считалъ уже своего присутствія необходимымъ, болѣзнь своя появлялась съ неизъяснимою жестокостью и упорствомъ. Любопытство Славскаго раздражено было въ высшей степени: ему казалось, что наука его обманываетъ: болѣзнь, по видимому, дѣйствовала со смысломъ. Симптомы ея были чрезвычайно обманчивы, то просты и открыты, то сложны и таинственны, то уступали, то противились *средствамъ*. Испытавши напрасно всѣ известныя *средства*, Славскій прибѣгнулъ къ электричеству. Полезное вліяніе его скоро обнаружилось. Это привело въ восторгъ медика и прежняя нѣжность его къ Вероникѣ почти возвратилась. Онъ сталъ внимателенъ (къ ней), беспокоенъ, осыпалъ ее распросами и ласками; каждый день по нѣскольку часовъ проводилъ возлѣ ея постели, и никогда, въ самыя счастливыя минуты его страсти, она не видала его столько любезнымъ и внимательнымъ ко всему, что ей могло нравиться. Несмотря на всю суровость опыта, она предавалась обольстительной нѣжности, подкрѣплялась легковѣріемъ и увѣряла себя, что наконецъ отыскала въ сердцѣ Славскаго неопѣтѣвшую еще струну, и что прежнее ея счастье возвратится къ ней (къ струнѣ?). Она никакъ не хотѣла вѣрить, что онъ любилъ въ ней не ее, но болѣзнь ея. Ей нуженъ былъ обманъ, потому истина убила-бы ее, а ей не хотѣлось умирать: ей еще хотѣлось жить, дышать, видѣть небо и любить... Между тѣмъ дѣятельность Славскаго слабѣла съ болѣзнию, и лишь только Вероника оправлялась, визиты его становились рѣже» (стр. 32—34).

Болѣзнь Вероники не была притворною. Какимъ-то необъяснимымъ способомъ она сама себя произвела на груди рану, о существованіи которой докторъ, въ слѣпотѣ своей, ничего не зналъ. Такимъ образомъ всѣ мѣры врачеванія оказывались безуспѣшными, и докторъ, въ свою очередь, начиналъ приходить въ отчаяніе. «Вероника, рѣшившись, умереть, не имѣла теперь другой мысли, какъ только удержать возлѣ себя

Александра, и, какъ всегда случается, страсть ея усилълась по мѣрѣ пожертвованій. Она требовала доктора, уложила его остаться, принуждая его сидѣть возле своей постели для того только, чтобъ держать его руку и смотреть на него... любовь ея, лишенная всякаго благородства, представляла что-то ужасающе-дѣтское, невыразимое. Зная, что одна только больница составляетъ красоту въ глазахъ доктора, она старалась ее выказать, украсить ее» (стр. 37). Приведенное курсивомъ слово, вѣроятно, опечатка. Вмѣсто *благородства*, должно читать *благоразумія*, потому что именно недостатокъ благоразумія, разсудительности, или, точнѣе, совершенное безуміе страсти, полное заблужденіе ума и сердца негубили Веронику, если такая несчастная дѣйствительно существовала. Она умерла. Поль Розовъ пережилъ ее только нѣсколькими минутами...

Читателю, слѣдившему за нашей литературою и журналистикою послѣднихъ лѣтъ, этотъ Поль, безъ сомнѣнія, напоминаетъ другое подобное лицо, другаго горбуна, въ повѣсти г-на Дмитрія Чернышева: «Дачный разсказъ», напечатанной въ майской 1850 года книжкѣ «Современника». Самостоятельностью и безграничною преданностью любимой себѣ, вообще характеромъ и положеніемъ своимъ, въ обѣихъ повѣстяхъ, оба горбуна чрезвычайно, какъ настоящія близнецы, схожи между собою, словно сдвоенны одинъ съ другимъ. Кто-же у кого заимствованъ? Разувайтесь, авторъ «Этюдовъ» у г. Дмитрія Чернышева, потому что повѣсть послѣдняя явилась тремя годами ранѣе. Да, такъ кажется лишь съ перваго взгляда на обертку «Этюдовъ», съ цифрой 1853. Но потрудитесь взглянуть на примѣчаніе, или выписку, въ концѣ разсмотрѣнной повѣсти—и убѣдитесь, что авторъ «Этюдовъ» не могъ заимствовать у автора «Дачнаго разсказа»: она помѣщена была въ октябрьской 1848 г. книжкѣ «Библиотеки для Чтенія». Непостижимое сближеніе, необъяснимая случайность! Впрочемъ, повѣсть эта не можетъ вѣтъ ни въ какое сравненіе съ «Дачнымъ разсказомъ», который неизвѣримо—выше ея, хотя критика и справедливо находила въ немъ значительные недостатки. Не въ сюжетѣ дѣло: при другомъ исполненіи, при другой вѣтвильной обстановкѣ, при иныхъ сценахъ и объясненіяхъ дѣйствующихъ лицъ, и повесть г. А. П. С.—а могла-бы быть покура. Сильное и смѣтное дарованіе сумѣло бы удачно воспользоваться и эксцентрическимъ ея содержаніемъ: неугасимой любовью къ человеку, неотвѣчающему безграничной страсти.

Еще слабѣе, еще страшнѣе вторая повѣсть «Этюдовъ»: *Блѣднѣе*, также названная «блѣдною» и украшенная эниграфомъ изъ Жанъ-Полъ: «Много есть страданій, которыя не кончатся съ жизнью, но окажи-

вить ее...» Первая повесть отъ начала до конца отличается патетичностью, пафосомъ; въ началѣ второй преобладають остроуміе, юморъ, бойкость пера. Напримѣръ:

«Зима стояла чисто русская, морозная зима, чудесная зима! Это было послѣ перваго, знаменитаго (?) нашествія холеры. Москва, послѣ полугодоваго страху и безпокойства, послѣ чесноку и хлоровой воды, принялась опять за свои удовольствія, засіяла снова своимъ характеристическимъ блескомъ и патриархальнымъ разгуломъ. Въ среду, вечеромъ, танцовали у графини Лелевой. Графиня, всегда отличавшаяся изяществомъ и роскошью своихъ вечеровъ, въ этотъ разъ собрала у себя всѣ цѣлтки, весь блескъ, всю аристократію Москвы. Домъ графини Лелевой былъ освѣщенъ чрезвычайно ярко» (стр. 47—48).

Это чрезвычайно-яркое освѣщеніе, несказанно надѣвшее читателейъ въ тысячѣ мнимо-свѣтскихъ повѣстей, довершается спенами и фразами вѣнчайшей реторики и выспренности съ именами Лидинныхъ, Линскихъ, Агласевыхъ, испещрявшими журналы и альманахи двадцатыхъ годовъ. Баронъ Любичъ (не столько нѣмецкая, сколько малороссійская фамилія) влюбленъ въ Магдалину Лидину; но ея мать, Серафима, не допускаетъ ихъ сблизиться, въ силу какого-то запутаннаго родства. Очевидно, что авторъ начитался старинныхъ драмъ съ тайнами и неожиданными развязками. Однакожъ повесть скорѣе похожа не на драму, а на высокопарное извлеченіе изъ какого-нибудь слѣдственнаго дѣла. Повесть оканчивается похоронами Серафимы и отреченіемъ отъ свѣта Магдалины. Увольняемъ читателей отъ несвязныхъ подробностей, и только, какъ диковинки, выпишемъ нѣкоторыя мѣста:

«Свѣжее созданіе, она (Магдалина) являлась видимымъ выраженіемъ той прелести, которую поймешь чувствомъ и не выразишь языкомъ» (стр. 50). «Музыка заиграла вальсъ. Столпились мужчины среди залы и завила около нихъ пестрая ширлянда танцующихъ. Глаза молодой Лидиной встрѣтились съ глазами Любича, ея рука легла небрежно на его руку, и рѣзво понеслись они по скользкому паркету. Разыгралось прихотливо-вольное воображеніе юноши, когда, въ позволительныхъ объятіяхъ, держалъ онъ соблазнительный станъ Лидиной, когда такъ близко отъ его взоровъ трепетала чистымъ дыханіемъ весенняя грудь ея. И зачѣмъ выдуманъ вальсъ, зачѣмъ мы кружимся съ красавицей, которою должны любоваться безошлинно, безкорыстно?» (51) Природа подарила его (Любича) такимъ языкомъ (не даромъ ли слова?), что о чемъ бы ни говорилъ онъ, его слушали» (52). Этюды не такъ счастливы. А вотъ образчикъ восклицаній, обращаемыхъ матерью къ покорной дочери: «Магдалина! доброе, милое дитя! люби меня... о, не переставай любить

меня! Въ твоей любви заключаются все мои желанія, вся жизнь твоей матери... о, Магдалина! если ты перестанешь любить твою мать, знаешь ли, что можетъ быть?» (стран. 56) «Магдалина не слушала. Наклонивъ головку и разсыпавъ приглаживая черные волосы на *блѣомъ, прекрасномъ* челѣ, она, казалось, была погружена въ самоѳсебя» (57). *Прекрасное* блѣое чело!.. Впрочемъ, подобнаго рода фразу неправильно употребляютъ многіе. Это почти общій промахъ. Но строгая логика, во избѣжаніе явнаго противорѣчія, не позволяетъ говорить ни прекрасное блѣое чело, ни прекрасные голубые глаза, потому что хотя «прекрасное» и выражаетъ отвлеченное понятіе красоты или прелести, безъ означенія собственно цвѣта, но тѣмъ не менѣе *красное* все-таки *красное*; частица же *пре* отнюдь не уменьшаетъ красоты—напротивъ, показываетъ ея превосходную или усиленную степень. «И Лидина, прижимая дочь къ груди, въ которой горѣлъ *волоканъ страстей*, цѣловала ее въ голову, въ уста и очи» (60). Страсти да и только! «Га! ужасно!» (72), сознается баронъ Любичъ, а самъ авторъ рассуждаетъ не иначе, какъ слѣдующимъ восторженнымъ языкомъ: «Страшно положеніе семнадцати-лѣтней дѣвушки въ эпоху ея первой страсти. Она (,) какъ цвѣтокъ (;) развивается цвѣтеть и *вянетъ* (?) въ это время. Первый предметъ, который заранѣе обрисовывала ея фантазія, съ которымъ заранѣе сжилась душа, этотъ предметъ (,) столько обольстительный для нея, чаруетъ, увлекаетъ ее, и судьба ея рѣшена: *она его!.. она его..*» И потомъ, почти рядомъ, еще два раза: «она его!» Этотъ краснорѣчивый монологъ, какого давно уже не встрѣчалось въ современной литературѣ русской, найдете вполне на страницѣ 65-й. Удивительно! Но еще удивительнѣе, что такое странное литературное произведеніе нашло собоѣ мѣсто въ извѣстномъ и нѣкогда громко-извѣстномъ журналѣ. Да, *Блѣдняжка*, какъ гласитъ примѣчаніе къ этой повѣсти, была уже напечатана въ декабрьской 1848 года книжкѣ той-же «Библіотеки для Чтенія». Это, вѣроятно, случайность, невольный недосмотръ редакціи, потому что журналисты наши, какъ извѣстно, не печатаютъ всего, безъ разбора. Попадаются иногда въ журналахъ слабыя, плохія произведенія, но не въ такой степени и не такія странныя!

Однакожъ, это еще не конецъ. *Pour la bonne bouche*, авторъ «Этюдъ» предлагаетъ новую, нигдѣ еще ненапечатанную вещьцу, предлагаетъ «Красавицу», съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньи исчезаетъ...

Можете, послѣ этого, вообразить, какую блистательную, рѣдкую красавицу описываетъ вамъ г-нъ А. П. С—нъ, какимъ искрометнымъ каскадомъ льется изъ-подъ пера его описательное остроуміе! Въмѣсто главъ, рассказъ этотъ дѣлится на *возгласы*; кромѣ буквъ, въ немъ употребляются еще и кабалистическіе знаки. На страницѣ 86-й найдете ихъ въ такомъ видѣ:

«А!!??іі§§—;.... — Э! — О! § ( ): — ,,,,».

Описаніе начинается и оканчивается фразою: «Фу! какъ соблазнительно хороша она!» (См. стр. 81 и 97). За пятью *возгласами* слѣдуетъ «Заключеніе», съ виграфомъ изъ Шатобриана: «Лишаясь счастья быть вашимъ мужемъ, я больше *несчастенъ* (т. е. несчастливъ), нежели виновенъ». Пушкинъ и Шатобрианъ потревожены собственнo затѣмъ, чтобъ рассказать вамъ наживоисписѣйшимъ слогомъ о томъ, какъ оную знаменитую, разумѣется, никогда несуществовавшую красавицу сговорили за богатаго провинціала, котораго авторъ называетъ «*малосольнымъ*» и «*свѣжакомъ*» и который отказался отъ своей блистательной невѣсты потому, что она «выразительно галопировала». Последний рассказъ свой авторъ именуетъ *импровизаціей*. Точно импровизація! Ограничиваемся выпискою изъ нея двухъ строкъ: «это прелесть, это Амуръ!.. Да просто эта дѣвушка и прелесть, и Амуръ—все вмѣстѣ—и, въ добавокъ еще, если только хотите, *объяденье!*»

Странные «Этюды» эти, ненормальное явленіе въ литературѣ, требовали разбора, въ поученіе и примѣръ молодымъ авторамъ, какъ осторожно должно обходиться съ искусствомъ.

Отъ сравненія вещи иногда значительно выигрываютъ, и потому, послѣ «Этюдovъ» г-на А. П. С—на, «Крымскіе цыгане» г-на А. Котляревскаго, могутъ нѣкоторымъ и понравиться. Правда, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ, въ поэмѣ своей, воспѣлъ «Цыганъ» бессарабскихъ, а къ цыганамъ московско-петербургскимъ мы слишкомъ присмотрѣлись, до-сыта наслушались ихъ полудикихъ пѣсенъ, и въ глазахъ нашихъ значительно поубавилась поэзія этого кочеваго племени. Но все-же лучше, съ кое-какою удачею, или полуудачею описывать крымскихъ цыганъ, нежели большой свѣтъ такъ, какъ его изобразили пресловутые «Этюды». Жаль, однакожь, что г. Котляревскій усиливается подражать литературнымъ живописцамъ, рисующимъ природу особеннымъ способомъ, при которомъ роши прячутся за горы, море за скалы, луна за деревья. Вотъ, на примѣръ, на стран. 7-й сказанія г-на Котляревскаго, горы представляютъ собою «удавовъ съ непрободаемой че-

шуй», море превращается «въ необъятной величины алмазь», стремнины нисходятъ въ пучину морскую, дерево растеть на деревѣ и притоки корнии вверхъ. Далѣе, тутъ же, можно увидѣть *жиганіе* звѣздъ, услышать *журчаніе* не ручьевъ, а слезъ, вздохи розъ, *захлебыванье* соловьевъ и тому подобныя, неподобныя иносказательности. Какъ не глупы эти описательныя сравненія, такъ же мало сходны съ дѣйствительностью опозтвизированныя цыгане молодого автора. Да и въ самой исторіи не много интереса. Татарскій чабанъ, Османъ, купилъ себѣ въ жены цыганку Юцаде, а та влюбилась въ другаго татарина, да еще и разбойника, Алима. и свѣдавъ о его погибели, плачевно окончила дни свои. Ни въ пламени, изъ котораго, по словамъ автора, состояло все существо Юцаде, ни въ ревности ея мужа, ни въ кровавыхъ похожденияхъ Алима не оказывается ничего достопримѣчательнаго. Достопримѣчательнъ развѣ отецъ героини повѣсти съ *лицомъ, похожимъ на затылокъ*; а что касается непрерывныхъ плясокъ, обжорства, ссоръ и дракъ между дѣйствующими лицами вообще, то едва ли все это можетъ сильно привлечь образованнаго читателя. Наконецъ нѣжность Юцаде, которая, во имя своего возлюбленнаго Алима, цѣлуетъ пни, словно видить въ нихъ его олицетвореніе, скорѣе смѣшна, нежели трогательна. Все это ложная *дорога, вбѣгающая въ обвалъ или выскакивающая на скалу* (выраженія автора). Печатнаго листа не достало-бы для выписки главнѣйшихъ курчавостей, неправильностей языка и затѣявостей темно-яркаго слога въ сочиненіи г-на Котляревскаго. Въ концѣ книжкѣ, на двухъ почти страницахъ, означены усмотрѣнныя въ ней опечатки: но всего не усмотрѣно. Опечатокъ хватить еще на десять слишкомъ страницъ. Впрочемъ, изданіе довольно чистенькое. Только, воля ваша, за брошюрку дороговато рубль съ четвертью — книжка любаго нашего журнала, въ тридцать листовъ, стоитъ дешевле, и въ каждой—просимъ замѣтить—есть что прочесть, не безъ пользы и удовольствія.

Миссъ Анпа. Романъ *Фешимора Купера*. Переводъ съ англійскаго А. В. Гарковенко. Спб., 1853. въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 8-ю д. л. 238 стран. *

Въ произведеніяхъ Вальтеръ-Скотта и Купера находили большое сходство. Помнится, автора «Американскихъ степей» называли даже подражателемъ автора «Беверлея». Безспорно, что шотландскій романистъ

* Въ главной конторѣ «Пантеона»: 2 р. сер., съ пересылкою.

служилъ для многихъ образцовъ и, какъ *предшественникъ* Купера, не оставался безъ вліянія и на послѣдняго. У обоихъ колоритъ и художественныя свойства повѣствованія одинаковы, общія, тѣмъ болѣе, что оба писали на одномъ и томъ же языкѣ; но мѣстность и матеріалы разсказа совершенно различны. Дѣйствующія лица романовъ Вальтеръ-Скотта, преимущественно, цари и королевы, принцы и герцоги, графы и лорды, вельможи и полководцы, вообще люди государственные, историческіе. Куперъ—романистъ новаго-свѣта—почти исключительно бралъ своихъ героевъ изъ среды людей обыкновенныхъ, нерѣдко даже изъ низшаго класа; какой-нибудь простой матросъ или охотникъ возбуждалъ самое прілежное и тонкое психологическое изученіе американскаго повѣствователя. Поприце романовъ Вальтеръ-Скотта — суша, материкъ, живое и блистательное общество. Куперъ изображалъ большею-частью море, океанъ, степи и первобытно-безмолвные лѣса своей родины. Характеры его моряковъ и дикарей, какъ поразительно-вѣрные оттиски съ природы, какъ первообразы, типы, ему обязаны своимъ высокимъ, поэтическимъ значеніемъ. Его описательныя картины и морскія сцены, его рисунки мрачныхъ, непроходимыхъ дебрей—неподражаемы и несравненны. Точною, изыскательною кистью своею онъ одинъ умѣлъ открывать жизнь, занимательность и поучительность тамъ, гдѣ все повидному было мертво, пустынно, глухо, безжизненно. Уступая нѣсколько Вальтеръ-Скотту въ драматизмъ, въ изобрѣтательности или движеніи творчества, онъ едва-ли не превосходилъ его безмятежнымъ, величавымъ спокойствіемъ описанія, которое, однакожъ, при этой наружной холодности, представляло всю живость, силу и яркость красокъ. Около одного, много двухъ-трехъ дѣйствующихъ лицъ, самаго скромнаго происхожденія и весьма неказистаго степнаго положенія, онъ умѣлъ сосредоточивать своего рода тихую драму, увлекательную въ простотѣ и видимо малодвиженіи непорывистыхъ страстей. И только американецъ могъ такъ описывать американскую жизнь, и только она могла давать ему сюжеты и краски, которыми онъ воспользовался какъ великій художникъ и поэтъ въ прозѣ. Глубокая, чистѣйшая нравственность разлита въ его произведеніяхъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей пищи раздраженію фантазіи, ни одной шаловливой мысли, ни одной черты или тѣни, искусительной для молодаго воображенія. Дети и дѣвушка могутъ безопасно читать Купера, а зрѣлый читатель найдетъ въ его романахъ обильную пищу для размышленія и созерцанія.

Почти всѣ романы Купера давно уже переведены на русскій языкъ, и почти всѣ эти романы вѣвють между собою нѣкоторую общность, *связь*: всюду у него находите въ разныхъ видахъ, или обстоятельствахъ,

одно и то же лицо, одну и ту же величавую фигуру, или, пожалуй, идею, съ которою онъ не могъ, или не хотѣлъ разстаться, и которую окончательно встрѣчаете въ его *Путеводитель въ пустынь*, прекрасно переведенномъ у насъ лѣтъ двѣнадцать тому.

«Путеводитель въ пустынь» (*Pathfinder, открыватель или разыскиватель* слѣдовъ въ лѣсахъ и степяхъ) есть, такъ сказать, продолженіе и окончаніе «Последняго изъ Могиканъ», «Пионеровъ» и «Степей», составляющихъ между тѣмъ, какъ и самый «Патфайндеръ», произведенія и отдѣльныя. Соколиный-глазъ, Длинный-карабинъ, Патфайндеръ—одна и та же личность, оригинальный образъ вѣчнаго жителя лѣсовъ и степей тогда еще дѣвственной Америки, простаго, безискусственного сына дикой природы. Кто читалъ «Путеводителя», тотъ, конечно, помнитъ этого тихаго и кроткаго, христіански-покорнаго жребію героя пустыни; помнитъ и прелестную *Мабель*, очаровательное созданіе воображенія гениальнаго романиста, которую Патфайндеръ страстно полюбилъ въ тѣ лѣта, когда сердце начинаетъ уже охлаждать, и отъ которой великодушно-страдальчески умѣлъ отказаться...

Но есть еще другой разрядъ произведеній Купера, непримыкающій къ цѣпи четырехъ главнѣйшихъ его романовъ, представляющихъ великое и гармоническое цѣлое. Къ числу этихъ второстепенныхъ, но все-таки замѣчательныхъ произведеній лучшаго американскаго повѣствователя, уже сошедшаго въ могилу, принадлежатъ и *Миссъ Анна*. Содержаніе этого романа... Но мы не хотимъ лишить читателя интереса новизны, и потому не будемъ пересказывать содержанія, и еще менѣе критиковать Купера, предоставляя такой подвигъ смѣлости другимъ рецензентамъ, которые недавно несомнѣнно почтительно отнеслись къ безответной тѣни одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ представителей всемірной литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія... Послушаемъ, что скажутъ журналы о «Миссъ Аннѣ» и тогда, можетъ быть, возвратимся къ ней...

Со времени «Путеводителя», у насъ, если не ошибаемся, совсѣмъ не появлялось болѣе переводовъ Купера: тѣмъ пріятнѣе будетъ для публики настоящій: онъ очень хорошъ, изданъ красиво и даже роскошно.

Говоря о роскоши печатной, нельзя не обратить вниманія публики на превосходный, отлично раскрашенный планъ Петербурга, изданный недавно извѣстнымъ граверомъ, Э. М. Камкинымъ. Красота, изящество плана нисколько не мѣшаютъ его строгой вѣрности и отчетливости. Къ нему присоединяется особая изъяснительная брошюрка съ красною

вишетькою. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 2 руб. сер. Желающіе имѣть планъ на лучшей бумагѣ прибавляютъ 25 коп.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ Вѣстникъ нашъ ничего не говоритъ о журналахъ. Это даетъ ему возможность предоставить мѣсто нижеслѣдующей статьѣ, доставленной къ намъ однимъ почитателемъ журнала: «Мода». Раздѣляя высказанное въ ней мнѣніе объ этомъ граціозномъ изданіи, печатаемъ ее безъ всякихъ измѣненій и покушеній на ея литературное достоинство...

— Mesdames, любите-ли вы моды?

— Любите-ли вы рукодѣля?

— Любите-ли музыку, живопись и другія изящныя искусства!

Mais si, si, monsieur, отвѣчаете вы со всѣхъ сторонъ; мы любимъ очень все это; безъ этого намъ нельзя жить, какъ безъ воздуха; безъ этого мы не можемъ провести часа дома, ни сдѣлать одного шага за порогъ.

— О, счастливыя читательницы! такъ я поздравляю васъ и завидую вамъ: у васъ есть богатый источникъ этихъ наслажденій, на васъ готовъ излиться цѣлый рогъ изобилія модъ, рукодѣлій, новостей, удовольствій, сюрпризовъ, сердечныхъ движеній и мало ли еще чего! У васъ, однимъ словомъ, есть *Мода, журналъ для свѣтскихъ людей*.

— Знаете вы «Моду»?

— За кого-же вы насъ принимаете, чтобъ мы не знали «Моды»? Знаемъ, очень знаемъ, не только знаемъ, но и любимъ ее; это наша настольная книга, нашъ необходимый руководитель, это лучшее украшеніе нашихъ туалетовъ и будуаровъ.

— Такъ, такъ, mesdames, я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ; но вѣдь я и не думаю рекомендовать «Моды» (въ этомъ не нуждается ни вы, ни самъ журналъ); я, какъ уже сказалъ, только поздравляю васъ и завидую вамъ.

— Журналъ «Мода», это дамская Калифорнія—да!

— О, счастливыя дамы! Но только ли дамы? А кавалеры, которые бываютъ обыкновенно счастливы счастьемъ дамъ?

— О, счастливые кавалеры! какое удивительное, какое милое, восхитительное средство имѣете вы теперь дѣлать подарки вашимъ дамамъ! Кто осмѣлится подарить дамѣ или, à plus forte raison, дѣвицѣ, наприимѣръ, мантилью, шляпку, даже браслетъ или брошку? Погreur! Но картину, книгу, журналъ—не запретитъ подарить своей дочери самая требовательная маменька, особенно такой журналъ какъ «Мода».

— И смотрите, какой здѣсь тонкій расчетъ: этотъ подарокъ будетъ 24 раза въ годъ (аккуратно два раза въ мѣсяцъ) напоминать дамъ о любезности кавалера.

— А знаете ли сколько будетъ стоить этотъ подарокъ?

— Какихъ набудь 10, 11, рублей. Mais, enfin, c'est une bagatelle; за эту цѣну нельзя купить даже золотой булавки.

Но, кромѣ того, посмотрите, какой кладъ этотъ журналъ для помѣщиковъ, имѣющихъ домашнихъ портныхъ. Подпишитесь на журналъ съ мужскими модами—и вамъ будутъ высылать при немъ въ мѣсяцъ двѣ гравюры мужскихъ модъ и, сверхъ того, ежемѣсячно по огромному листу фасоновъ и выкроекъ въ натуральную величину собственно-мужскихъ костюмовъ.

Что касается до модныхъ магазиновъ и портныхъ, особенно въ провинціяхъ, то, по нашему мнѣнію, журналъ «Мода» рѣшительно необходимъ для нихъ.

Вы, вѣроятно, безъ насъ знаете, что «Мода», занимаясь дамскими, дѣтскими и мужскими модами, а также всевозможными женскими работами и рукодѣльями, въ то же время слѣдитъ за всѣми явленіями общественной жизни, и въ легкихъ, живыхъ и занимательныхъ литературныхъ очеркахъ передаетъ извѣстія изъ міра изящныхъ искусствъ: музыки, живописи, театра и проч., а также новости свѣтской жизни, т. е. свѣдѣнія объ общественныхъ удовольствіяхъ, балахъ, танцахъ, модныхъ обычаяхъ, объ отдѣлкѣ и убранствѣ комнатъ и проч. Текстъ журнала иллюстрируется политипажами.

— Но, спросите, можетъ быть, вы: аккуратно ли выходитъ журналъ?

— Нѣтъ, виновать, вы не спросите этого, потому что вамъ хорошо извѣстна образцовая аккуратность «Моды.»

Эта то аккуратность, при всѣхъ другихъ достоинствахъ изданія, и сдѣлала его любимымъ дамскимъ журналомъ.

Объ аккуратности журнала на будущее время не можетъ быть и рѣчи, потому что нынѣ онъ уже приобрѣлъ всеобщее довѣріе, утвердился на прочныхъ основаніяхъ и отнынѣ можетъ только совершенствоваться и улучшаться.

А сколько приложений, и какихъ милыхъ, изящныхъ, воспитательныхъ и, сверхъ всего, необходимыхъ для дамъ даетъ «Мода»!

Приложенія моды — это, какъ мы сказали, цѣлый рогъ изобилія, это дамская Калифорнія; ихъ трудно даже пересчитать; тутъ вы найдете, во первыхъ, при каждой изъ 24-хъ тетрадей отличную парижскую гравюру модъ, раскрашенные канвовые узоры извѣстнаго Сажу, превосходные узоры для шитья гладью и англійскимъ швомъ, печатанные на

нѣтъныхъ фонахъ и нѣскольکو неутюмяющіе зрѣнія, вслѣдствіе чего они и названы *сохранителями зрѣнія* (conservateurs de la vue); кромѣ того, почти въ каждой тетради вы найдете узоры для вязанья тамбурнаго и филейнаго и для всѣхъ сортовъ дамскихъ работъ. Далѣе, на будущій годъ, редакція «Моды» ввела *новость*: узоры для мозаическихъ дамскихъ работъ; *другая новость*: «Мода» даетъ превосходные узоры, печатанные *аэроколитаграфією*, т. е. разными красками съ золотомъ. Но этого мало! Ежемѣсячно вамъ будетъ доставляться множество выкроекъ, съ фасонами самыхъ свѣжихъ, самыхъ модныхъ костюмовъ: женскихъ, бурнусовъ, талъма, пальто, балльных и домашнихъ платьевъ, пеньюаровъ, верлѣже шейзетокъ, кофты, фишию, модести, воротничковъ, рукавовъ, бѣлья дамскаго и дѣтскаго и всевозможныхъ дѣтскихъ костюмовъ и проч. и проч. Потому въ каждый сезонъ вамъ будутъ доставлены образчики модныхъ матерій, съ означеніемъ ихъ ширины и цѣлы и съ указаніемъ, гдѣ ихъ можно достать. Сверхъ всего, будутъ прилагаться рисунки мебели, экипажей, бронзы, фарфора и другихъ комнатныхъ украшеній.

Угождая такъ щедро и роскошно всѣмъ требованіямъ и вкусамъ публики, журналъ необходимо долженъ былъ приобрести огромный успехъ. Мы нѣсколько не сомнѣваемся, что на будущій годъ число подписчиковъ еще значительно увеличится, потому что журналъ, при участіи образованныхъ свѣтскихъ дамъ, литераторовъ и многихъ специальныхъ людей, издается весьма основательно, добросовѣстно и постоянно идетъ путемъ улучшеній.

Подписка на «Моду» принимается въ С. Петербургѣ, въ Редакціи *Моды*. Цѣна за годовое изданіе со всѣми приложеніями 9 рублей, съ пересылкою 11 рублей.

II. ТЕАТРЪ.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Статья первая).

Пріѣздъ Рашели. — Последняя знаменитость. — Ожиданія и надежды Петербурга. — Федра - Рашель — *Ипполитъ* Эрриша. — *Ипполитъ* Сенеки. — Разборъ Федры. — Мнѣніе Шюгеля и Шатобриана — Уваженіе французовъ къ классицизму — Мысль Федры. — Завѣстники Рашели. — Федра Пизона. — Мнѣніе о ней Лагарпа и Вольтера. — Федра Расина — Прекрасныя стихи и неестественныя характеры. — Любовь Ипполита и Ариѣн — Сцена признанія и ревности. — Труппа Рашели. — *Готье*, *Рафаэль*, *Шери*, *Кромье*, *Дина*. — Сестры Рашели — Вліяніе ея на свою труппу. — Историческая въ ность и пластика. — *Марія Стюартъ* Лебрюна и Шиллера. — Классицизмъ и нѣмецкая драма. — Рашель въ роли Маріи Стюартъ.

Мы начинаемъ въ этомъ мѣсяцѣ нашъ обзоръ французскихъ спектаклей разсказомъ о знаменитой артисткѣ и ея пребываніи въ Петербургѣ. Это событіе должно составить эпоху въ исторіи нашего театра, и мы считаемъ обязанностию обратить на него особенное вниманіе, разобратъ подробнѣе спектакли, въ которыхъ будетъ участвовать шаржская знаменитость. Сама Рашель и пьесы, играемая ея труппою, возбуждаютъ столько любопытныхъ вопросовъ, наводятъ на столько мыслей, что мы рѣшаемся посвятить разбору этихъ пьесъ и игрѣ артистки нѣсколько статей, которыя, полагаемъ, будутъ прочтены безъ скуки всѣмъ, кого занимаетъ сценическое искусство и драматическая литература. О спектакляхъ нашей французской труппы мы будемъ продолжать говорить, какъ прежде, только въ отдѣльныхъ статьяхъ, не смѣшивая этихъ труппъ и пьесъ, дѣйствительно совершенно различныхъ и непохожихъ одна на другую.

Что пріѣздъ Рашели составляетъ важное событіе для петербургской сцены, въ томъ, конечно, никто не будетъ сомнѣваться. Артистка эта уже болѣе десяти лѣтъ пользуется огромною извѣстностью во всей Европѣ; иностранныя газеты въ теченіе долгаго времени наполнялись самыми восторженными похвалами артисткѣ, иногда даже самыми странными толками о ней, впрочемъ, еще болѣе способствовавшими къ распространенію ея славы. Петербургъ давно уже ждалъ къ себѣ эту гостью. Въ послѣднее время, когда она, составивъ свою собственную труппу, начала разъѣзжать съ нею не только по столицамъ Европы, но даже по маленькимъ городкамъ Франціи, Петербургъ въ правѣ былъ надѣяться, что и его посетитъ эта представительница классицизма. Наконецъ надежды его сбылись: давно желанная гостья двинулась въ

городъ, который начинаетъ отбивать у Парижа его привилегію: покровительствовать знаменитостямъ и раздавать патенты на европейскую извѣстность. И встрѣтилъ гостью истинно порусски: распахнулъ для нея двери своего театра, далъ ей всѣ средства выказаться предъ русской публикою во всемъ блескѣ дарованія, оказалъ ей, словомъ, такое гостепрѣимство, какого она, конечно, не встрѣчала ни въ одномъ въ городѣ остальной Европы; и когда антрепренёръ ея труппы, или директоръ отпусковъ г.-жи Рашель, какъ онъ самъ называлъ себя въ объявленіяхъ и на визитныхъ карточкахъ (Raphaël-Félix, directeur des congés de m-lle Rachel) открылъ абонементъ на представленія знаменитой трагической акрисы (célébre tragédienne, какъ онъ же называетъ ее въ афишахъ), петербургская публика стала абонироваться съ такимъ усердіемъ; какого, конечно, не ожидалъ и самъ директоръ отпусковъ, тѣмъ болѣе, что цѣны на мѣста были вообще довольно высоки, и многія распоряженія антрепренёра (какъ, наприимѣръ, непозволеніе помѣщаться въ ложѣ болѣе шести человекъ и обязанность платить за каждое лицо свыше этого числа шестую часть цѣны за ложу), противорѣчили принятымъ у насъ обыкновеніямъ. Петербургъ забылъ все это, когда увидѣлъ на сценѣ послѣднюю европейскую знаменитость.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Рашель, Петербургу уже никого не остается больше вилѣть и слышать на сценѣ. Все, что есть лучшаго во всѣхъ родахъ сценическихъ зрѣлищъ, посѣщало уже Петербургъ, если не въ апогеѣ своей славы, то въ минуты яркаго и блестящаго заката. Петербургъ не слышалъ только одной Жевни-Линдъ; но ее не слышалъ и Парижъ, и признаемся: мы плохо вѣримъ тѣмъ знаменитостямъ, которыя нравятся только Германіи, Англіи и сѣверо-американцамъ. Нѣмцы очень снисходительны; англичане и ихъ заатлантическіе братья очень невыскательны: первымъ довольно слѣть о du, lieber Augustin, или зрѣю изъ Фрейшюца, чтобъ они расчувствовались и признали гениальною пѣвицу, затронувшую ихъ патріотизмъ; послѣдніе предпочитаютъ часто въ музыкѣ, какъ сказалъ о нихъ одинъ французъ: ce qui est bien fort à ce qui est fort bien. Германія произвела много добросовѣстныхъ пѣвицъ, но съ огромнымъ дарованіемъ только одну—Генриетту Зонтахъ; Англія и Сѣверная Америка—ни одной.

Обратимся, однакожъ, къ знаменитости, занимающей въ настоящее время Петербургъ. Чтобъ ясно повѣять значеніе Рашели въ исторіи драматической литературы, необходимо познакомиться ближе съ родомъ произведеній, въ которыхъ она составила себѣ извѣстность, то есть съ классическими трагедіями. Значеніе ихъ въ области искусства мы старались объяснить въ статьѣ *Рашель и Классицизмъ*. Здѣсь мы будемъ

говорить только о тѣхъ пьесахъ въ которыхъ являлась Рашель на нашей сценѣ.

Долгое время одинъ Парижъ наслаждался удовольствіемъ смотрѣть Рашель и восхищаться ею, потомъ оно доставлено было почти всѣмъ главнымъ городамъ Франціи, Бельгіи, Германіи, Вѣнѣ, Лондону, Берлину и наконецъ намъ. Въ Берлинѣ она сыграла только восемь ролей; у насъ сыграетъ ихъ вдвое больше. Заранѣе радуемся этому.

Двадцать пятое октября будетъ долго памятно всѣмъ любителямъ драматическаго искусства. Въ этотъ день Петербургъ первый разъ увидѣлъ Рашель въ роли *Федры*. Разсмотримъ сначала самую пьесу.

Преданіе, оставленное намъ Греціею о Фейрѣ слѣдующее. Дочь Миноса II, царя критскаго и знаменитой Пазифаи, она вышла замужъ за Тезея, одного изъ полубоговъ древней Эллады; у него былъ уже сынъ Ипполитъ отъ амазонки Антионы. Федра увидѣла его—и полюбила. Выстроивъ на горѣ, близъ Трезена (города, гдѣ жилъ Ипполитъ) храмъ, посвященный Венерѣ Смотрящей, Федра смотрѣла оттуда на Ипполита въ то время, какъ онъ охотился по соседнимъ лѣсамъ. Наконецъ, не въ силахъ булучи побѣдить свою страсть, она призналась въ ней Ипполиту, который отвергнулъ ее съ презрѣніемъ. Тогда, въ бѣшенствѣ, она оклеветала его, сказавъ, что онъ посягалъ на ея честь. Тезей изгналъ Ипполита. Федра, мучимая угрызеніями совѣсти, повѣсилась. Ипполита, разбила лошади, испугавшись морскаго чудовища. Овидій въ XV главѣ своихъ *Метаморфозъ* подробно и прекрасно описываетъ смерть Ипполита. Изъ этого сюжета Эврипидъ сдѣлалъ одну не изъ лучшихъ своихъ трагедій. Расскажемъ ея содержаніе, чтобы видѣть, что такое была трагедія древнихъ и въ какой степени воспользовался ею Расинъ для своей пьесы.

Первый актъ пьесы Эврипида начинается выходомъ *Венеры*. Богиня, негодуя на Ипполита за то, что онъ приноситъ жертвы Діанѣ, а не ей, хочетъ погубить его посредствомъ Федры, которую она заставила полюбить Ипполита. Богиня предвидитъ клевету Федры на Ипполита и изгнаніе его Тезеемъ, и даже просьбу Тезея, чтобъ Нептунъ отмстилъ за него. «Я знаю, что Федра мнѣ вѣрна, говоритъ Венера, но надобно, чтобъ она погибла. Ея жизнь мнѣ не такъ дорога, чтобъ пожертвовать ей моимъ ищеніемъ. Погубимъ невинную жертву, чтобъ погубить моего врага.» Сознаемся, что мысль вывести Венеру для того, чтобъ она высказала такое неблагоприятное намѣреніе и рассказала заранѣе весь ходъ пьесы, не дѣлаетъ чести изобрѣтательности Эврипида. Послѣ Венеры является на сцену Ипполитъ, вернувшійся съ охоты, и приноситъ жертву Діанѣ. Одинъ изъ его приближенныхъ со-

вѣтуетъ ему не забывать и Венеру. Ипполитъ рѣшительно отказывается служить ей. Является хоръ, составленный изъ трезенскихъ женщинъ. Онѣ поютъ, что Федра страдаетъ неизвѣстной болѣзью и хочетъ умереть. Федра выходитъ изъ дворца съ своею кормилицей, допрашивающей ее о причинѣ печали и отчаяннiя. Федра отвѣчаетъ одними воплями страданiя и безсвязными фразами. Кормилица совѣтуетъ ей не дѣлать хора свидѣтелемъ ея тоски и бреда. Федра соглашается, что это неприлично, беретъ покрывало и закрываетъ лицо. Первый актъ оканчивается.

Второй актъ начинается тѣмъ, что хоръ допрашиваетъ кормилицу о причинѣ отчаяннiя Федры. Кормилица общается узнать объ этомъ хорошенько и опять начинаетъ спрашивать Федру, сидящую тутъ же. Та наконецъ признается въ своей любви. Хоръ и кормилица вскрикиваютъ отъ ужаса. Федра продолжаетъ рассказывать, какъ она боролась съ этой страстью. Кормилица успокаиваетъ ее, говоря, что смертнiй не властенъ сопротивляться волѣ боговъ, и что даже они сами не боролись съ своими чувствами. Хоръ совѣтуетъ Федрѣ не слушаться кормилицы. Та совѣтуетъ Федрѣ прибѣгнуть къ волшебнымъ напиткамъ, внушающимъ любовь. Федра спрашиваетъ, какъ приготавливаются подобные напитки и въ то же время снова приходитъ въ отчаяннiе при мысли, что Тезей, который теперь въ отсутствiи, скоро узнаетъ о ея любви. Второй актъ оканчивается. Надо было имѣть все ослѣпленiе класиковъ, чтобъ не видѣть, что оба эти акта составляютъ одинъ, и что такимъ образомъ нельзя было дѣлать пьесу только для того, чтобъ въ ней было необходимо пять актовъ.

Въ третьемъ актѣ кормилица открываетъ Ипполиту любовь къ нему Федры. Онъ приходитъ въ негодованiе. Федра, вида и здали жесты Ипполита (огромность греческой сцены позволяла дѣйствию происходить въ разныхъ концахъ въ одно и то же время) подозрѣваетъ нескромность кормилицы и жалуется на нея хору, тронутому этими жалобами. Ипполитъ, связанный клятвою: не открывать никому того, что ему скажетъ кормилица—облегчаетъ себя тѣмъ, что читаетъ бѣдную выходку въ сорокъ стиховъ противъ женщинъ, послѣ которой уходитъ. Федра прегоняетъ отъ себя кормилицу и идетъ вѣшаться.

Четвертое дѣйствиe начинается тѣмъ, что хоръ оплакиваетъ судьбу Федры. Одна изъ ея женщинъ выбѣгаетъ изъ дворца, говоритъ, что Федра повѣсилась и призываетъ хоръ на помощь. Онъ колеблется—идти ли ему. Федру выносить мертвую. Въ эту минуту прiѣзжаетъ Тезей. Онъ хочетъ послѣдовать въ могилу за своею супругой. Вдругъ въ охолодѣвшей рукѣ ея онъ видитъ письмо; въ этомъ письмѣ обви-

иваетъ она Иполита въ томъ, что онъ посягнулъ на честь Тезея. Тотъ осуждаетъ преступника на изгнаніе и проситъ Нептуна наказать его. Хоръ спрашиваетъ Тезея не спѣшить мщеніемъ. Является Иполитъ; съ ужасомъ видитъ онъ трупъ Федры. Тезей показываетъ ему письмо Федры и упрекаетъ его. Иполитъ не открываетъ истины, но увѣряетъ отца въ своей невинности. Тотъ не слушаетъ ничего и велитъ своимъ стражамъ изгнать его.

Въ пятомъ дѣйствіи хоръ разсуждаетъ о непрочности человѣческихъ замысловъ. Одинъ изъ свиты Тезея приходитъ и разсказываетъ о томъ, какъ Иполита разбила лошадь. «Признаюсь, говоритъ Тезей: ненависть моя къ злодѣю заставила меня выслушать этотъ разсказъ, съ нѣкотораго рода удовольствіемъ; но наконецъ я чувствую, что благоговѣніе къ богамъ и любовь къ сыну, хотя и преступному, пробуждаются въ моемъ сердцѣ. Такъ, безъ радости и безъ печали, при этомъ событіи, я остаюсь равнодушенъ». Потомъ, узнавъ, что сынъ его еще не совсѣмъ умеръ, Тезей приказываетъ принести его, чтобы еще разъ упрекнуть его въ преступленіи и убѣдить въ немъ самымъ наказаніемъ его. Вдругъ является Діана, *Dea ex machina*, и открываетъ невинность Иполита. Его приносятъ на сцену и онъ, умирая, примиряется съ Тезеемъ.

Такова трагедія Эврипида. Нельзя сказать, чтобы она отличалась искуснымъ ходомъ дѣйствія, занимательностью положенія, правдоподобіемъ сценъ. Характеры въ ней, впрочемъ, вѣрны древности. Иполитъ, дикъ и гордъ; Тезей суровъ и непреклоненъ; Федра страстна, горда и мстительна. Когда она видитъ, что на ея любовь не отвѣчаютъ, она спокойно убиваетъ себя; но, умирая, оклеветываетъ, изъ мщенія, того, кто былъ причиною ея страданій и смерти. За этотъ поступокъ возставази на нее всѣ классики, въ главѣ которыхъ былъ Лагарпъ. Онъ находилъ, что передъ смертью неестественно оклеветать невиннаго и что надо даже простить виновнаго. Лагарпъ забылъ одно, что Федра была не христіанка и что Эврипиду не могли быть доступны высокія чувства, которыя развило въ человѣчествѣ ученіе Спасителя.

Скорѣе всего Эврипида можно упрекнуть за ходъ пьесы, вѣденной весьма дурно, за его богинь, которыхъ незачѣмъ было вводить въ трагедію, за нѣкоторыя длинноты ея и небрежность стиха. Федра ни разу не говоритъ съ Иполитомъ, даже не думаетъ смягчить его. Тезей возвращается, когда Федра уже умерла—все это странно и не оправдывается младенческимъ состояніемъ искусства.

Иполитъ Сенеки выше *Иполита* Эврипида по ходу дѣйствія,

хотя и ниже его по языку. У Сенеки много краснорѣчивыхъ шествъ, сценическихъ эффектовъ, прекрасныхъ мыслей, блистательныхъ фразъ. Расинъ заимствовалъ у него для своей Федры гораздо больше, чѣмъ у Эврипида. Такъ онъ взялъ у Сенеки сцену, въ которой Федра сама открываетъ свою любовь Ипполиту, тогда какъ мы видѣли, что у Эврипида дѣлаетъ это кормилица и весьма неуклюже. Расинъ заимствовалъ у Сенеки же мысль: выхватить у Ипполита его мечъ, который потомъ служить къ его обвиненію. У Сенеки же взялъ онъ мысль, что Тезей сходилъ въ адъ, чтобъ оказать услугу Пиритюю, и что не можетъ по-видимому вернуться оттуда. Последняя сцена трагедіи, въ которой Федра открываетъ свое преступленіе и невинность Ипполита, принадлежитъ также Сенецкѣ. Расинъ бралъ у него даже почти цѣликомъ фразы и перекладывалъ ихъ въ стихи. Вотъ, для примѣра, переводъ начала знаменитой сцены между Федрою и Ипполитомъ:

ИППОЛИТЪ. Я вижу ясно: любовь твоя къ Тезею мучаетъ и ослѣпляетъ тебя.

ФЕДРА. Да, Ипполитъ, это правда: я люблю Тезея такимъ, какъ онъ былъ въ дни его молодости, когда легкій пухъ едва покрывалъ его щеки, когда онъ началъ на критское чудовище въ извилинахъ лабиринта и нить служила ему руководителемъ. Какъ онъ былъ тогда прекрасенъ! Я вижу еще его распушенные волосы, его лицо, блестящее цвѣтомъ молодости, эту снѣдь силы и красоты. Онъ походилъ лицомъ на эту Диану, которой ты поклоняешься, или на солнце моего прадѣда, или, скорѣе, онъ походилъ на тебя. Да, онъ былъ похожъ на тебя, когда онъ очаровалъ дочь своего врага. Онъ точно такъ же держалъ голову; его его безвечная красота блеститъ еще болѣе въ его сытѣ. Твой отецъ оживаетъ весь въ тебѣ, и ты получилъ отъ своей матери амазонки что-то суровое, примѣшивающее дикую красоту къ греческому лицу. Ахъ, еслибъ ты пріѣхалъ въ Критъ: моя сестра дала бы тебѣ спасительную нить!.. и проч.

Расинъ заимствовалъ этотъ монологъ только до сихъ поръ. Далѣе Федра у Сенеки говоритъ уже прямо и бросается на колѣни передъ Ипполитомъ. Наконецъ Расинъ прямо переводилъ нѣкоторые стихи Сенеки, какъ, на примѣръ, слѣдующій, въ которомъ заключается знаменитая фраза кормилицы и отвѣтъ Федры:

Genus omne profugit. — Pellicis carco metu!

ОКЛОНИ. — Il a pour tout le sexe une haine fatale.

Р ИВРАИ. — Je ne me verrais point préférer une rivale!

Расинъ не заботился только ни у кого свою Арвотъ и любовь къ ней Инволита; и надо признаться, что это самое плохое изобрѣтеніе въ кривой пьесѣ, хотя и нельзя прямо обвинять въ этомъ Расина. Онъ долженъ былъ принести дань своему вкусу и его натакнутой сантиментальности, требовавшей любви и любезности отъ героя. Конечно, Шенепьеръ никогда не сдѣлалъ бы подобной уступки духу времени; но Расинъ былъ поэтъ своего вѣка.

О Фредъ и ея достоинствахъ и недостаткахъ написаны цѣлые томы, начиная отъ сочиненій иезуита Рапена, написавшаго комментарія на всѣ трагедіи Расина, до Вильгельма Шлегеля, издавашаго на французскомъ языкѣ «Сравненіе Фреды Расина съ Фредою Эврипиди». Знаменитый германскій писатель доказалъ, что Расинъ испортилъ первоначальную пьесу, которая трогательнѣе, истиннѣе и поэтичнѣе французской. Онъ объяснялъ, почему это подражаніе, прихвщенное насильственнымъ образомъ къ нравамъ XVII столѣтія, гораздо хуже древней трагедіи, вывелъ заключеніе, что поэтъ долженъ изображать общество, его окружающее, иначе онъ не имѣетъ достоинствъ своей эпохи и не приобтѣкаетъ достоинствъ эпохи давноминувшей.

Шатобрианъ, Вильменъ, Гизо, Низаръ, Планшъ, Сент-Бевъ и всѣ современные французскіе критики, въ свою очередь, восхищались Расиномъ и Фредой. Даже литературные противники этихъ судей литературы, какъ, напримѣръ, Альфредъ Мишельсъ, указывая на ихъ промахи и ложныя сужденія, не смѣли сказать ни слова о недостаткахъ Расина. *Usus tyrannus!* и эта поговорка лучше всего относится къ французамъ. Они такъ дорожатъ своими классическими авторами, что малѣйшее сомнѣніе въ ихъ непогрѣшимости считаютъ оскорбленіемъ національнаго достоинства. Такое уваженіе къ классической литературѣ имѣетъ свою хорошую сторону, и мы весьма желали бы, чтобы и у другихъ народовъ изучали съ такимъ же рвеніемъ и издавали такъ же тщательно даже малоизвѣстныхъ писателей стараго времени. Но, удивляясь имъ съ исторической точки зрѣнія, нельзя въ то же время выставять ихъ образцами для современныхъ писателей, какимъ-то идеаломъ совершенства, *pes plus ultra* генія, до котораго не могутъ достигнуть современники.

Изъ всѣхъ названныхъ нами критиковъ, Шатобрианъ вѣрнѣе прочихъ опредѣлялъ характеръ Фреды Расина, сказавъ, что боязнь вѣчнаго наказанія за яя преступленіе, видна во всей роли этой женщины и въ особенности въ сценѣ ревности, изобрѣтенной самимъ Расиномъ. Это совершенно справедливо. Но кто же скажетъ, что подобный характеръ вѣренъ исторической Фредѣ? У древнихъ подобная любовь, не разъ

вотрѣщающаяся въ нихъ предавіахъ, не разъ казалась имъ преступленіемъ. Виргилій не помѣстилъ Федру въ своемъ тартарѣ, но заставилъ ее только послѣ смерти бродить по цвѣтущимъ полямъ, вмѣстѣ съ тѣнями неутѣнныхъ любовниковъ, перенесшихъ свои мечты и страданія даже за предѣлы гроба.

Записки, современныя Расину, говорятъ, что онъ написалъ Федру по просьбѣ Шанмеле, просившей у него страстной роли. Однажды, на вечерѣ у г-жи Лафайетъ, онъ сказалъ слѣдующую мысль: «Хорошій поэтъ можетъ внушить состраданіе къ преступникамъ; надобно имѣть только тонкость чувствъ, вѣрность взгляда, чтобы уменьшить преступленіе Медеи и Федры, такъ, чтобъ онѣ понравились зрителямъ.» Трагедія Федра — оправданіе этой теоріи. Пьеса была сыграна 1-го января 1677 года на театрѣ Бургонскаго отеля. Черезъ два дня, на театрѣ улицы Гевега сыграна была другая пьеса, подъ тѣмъ же названіемъ съ тѣмъ же сюжетомъ, сочиненія Прадона. Враги Расина, въ главѣ которыхъ были герцогъ Неверскій, герцогиня Бульонъ и госпожа Дезульеръ, употребили всѣ усилія, чтобы уронить пьесу Расина и доставить торжество его сопернику. Истинный талантъ побѣждалъ всѣ проски, не раньше, однакожь, какъ черезъ годъ. Трагедія Расина имѣла блестящій успѣхъ, даже въ потомствѣ; пьесу Прадона забыли вскорѣ даже его современники, хотя и предпочитали сначала Федру Расина.

Трагедія Прадона, однакожь, не такъ дурна, какъ думаютъ о ней тѣ, которые не читали ее. Вольтеръ, въ своемъ «Философическомъ Словарѣ», говоритъ: «Чтобы имѣть Федру совершенную, надо взять планъ Прадона и стихи Расина». Лагарнь конечно возстаеъ противъ этого мнѣнія, но мы согласны скорѣе съ Вольтеромъ. Въ пьесѣ Прадона есть много очень хорошо веденныхъ сценъ. Тезей у него только женихъ Федры, оставляющій ее царствовать на время своего отсутствія. Федра любитъ Ипполита и признается въ этомъ своей наперстницѣ Арисіи, которую въ свою очередь любятъ Ипполитъ. Вмѣстѣ со своею любовью, Федра хочетъ предложить Ипполиту и санъ властителя, нахвываясь раскустить въ народѣ вѣсть о смерти Тезея. Но Тезей возвращается отъ Пиритоя. Онъ подозрѣваетъ Ипполита въ любви къ Федрою и, чтобы убѣдиться въ этомъ, велитъ ей самой предложить Ипполиту руку Арисіи. Это положеніе чрезвычайно драматично, и сцена между Федрой и Ипполитомъ очень эффектна. Федра признается ему въ эту минуту въ своей любви и грозитъ умертвить Арисію, если онъ согласится на бракъ съ нею. Отказъ Ипполита еще болѣе убѣждаетъ Тезея въ его подозрѣніи, къ тому же онъ застаеъ Ипполита у

ногъ Федры въ то время, какъ тотъ умоляетъ ее пощадить Арисію, поэтому—что Федра сказала ему:

Je vais faire expirer ma rivale à tes yeux.

Тезей осуждаетъ своего сына на изгнаніе и обращается къ Нептуну, съ тою же самою мольбою, какъ у Расина. Ипполитъ удаляется, не обвиняя Федру. Это трогаетъ ее; она велитъ освободить Арисію, но сама бросается вслѣдъ за Ипполитомъ и вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ тою же смертію, слѣдуя въ колесницѣ за его колесницею.

Кромѣ натянутого окончанія, планъ пьесы П라도на очевидно очень недуренъ; нельзя также сказать, чтобы и стихи были нехороши: они слабѣ Расиновскихъ въ патетическихъ мѣстахъ, и также приторны въ нѣжныхъ.

Обратимся теперь къ Федрѣ Расина и къ исполненію ея знаменитою артисткою.

Первая сцена между Ипполитомъ и Тераменомъ, въ которой Ипполитъ объявляетъ о своемъ намѣреніи оставить Тазены, потому что любить Арисію, prepares зрителей къ появленію Федры.

И вотъ она выходитъ на сцену блѣдная, слабая, опираясь на руку своей кормилицы Эноны. Глухимъ, прерывистымъ голосомъ говоритъ она:

*N'allons point plus avant; demeurons, chère Oenone,
Je ne me soutiens plus; ma force m'abandonne:
Mes yeux sont éblouis du jour que je voi,
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi!*

Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на образованныхъ зрителей первымъ появленіемъ, первыми словами великой артистки. Съ нетерпѣніемъ ожидали ея выхода, съ жадностью вслушивались въ звуки этого не гибкаго, но выразительнаго, страстнаго голоса, полнаго то безмолвнаго отчаянія, то горькой энергіи; съ любопытствомъ смѣтрѣли на эту женщину, такъ рано достигшую славы, такъ смѣло утвердившую за собою европейскую извѣстность. Съ каждымъ новымъ стихомъ Федры вниманіе публики возрастало. Съ удивительнымъ выраженіемъ были переданы въ особенности слѣдующіе стихи:

*Soleil, je te viens voir pour la dernière fois...
Dieu, que ne suis-je assis à l'ombre des forêts!
Quand pourrais-je, au travers d'une noble poussière,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière.*

Въ этомъ послѣднемъ стихѣ, который Федра относитъ къ воспоминанію объ Ипполитѣ, вылилась вся любящая, страстная душа ея. И потомъ стыдъ ея, когда она подозреваетъ, что коринянка поняла ея движеніе, былъ переданъ художнически, также, какъ сопротивленіе просьбамъ Эноны, умоляющей открыть тайну ея печали. Тутъ въ особенности были хороши стихи:

Quand tu sauras mon crime et le sort qui m'accable,
Je n'en mourrai pas moins,—j'en mourrai plus coupable...

И потомъ стихи самаго признанія:

... Je le vis, je rougis, je pâlis à sa vue,
Un trouble s'éleva dans mon âme éperdue;
Mes yeux ne voyaient plus, je ne pouvais parler,
Je sentis tout mon corps et transir et brûler,
Je l'évitais partout. Oh comble de misère!
Mes yeux le retrouvait dans les yeux de son père...
... Ce n'est plus une ardeur dans mes veines cachée,
C'est Venus tout entière à sa proie attachée.

Приходъ Паноны (вмѣсто которой въ труппѣ Рашель явился *zeigneur* Паноупъ), возвѣщающей о смерти Тезея, оканчивается актъ. Странно, что послѣ этого извѣщенія разговариваютъ только Энона и Панопа, а Федра говоритъ одно слово: *ciel!* и потомъ, въ концѣ акта, еще четыре стиха о томъ, что она согласна жить. Кажется, что извѣстіе о смерти Тезея должно было бы произвести немножко побольше впечатлѣнія. Вообще Рашель была безукоризненно хороша въ этомъ актѣ.

Во второмъ актѣ Аргисія рассказываетъ Исменѣ о любви своей къ Ипполиту. Длинный разговоръ этотъ былъ весьма неинтересенъ для публики и къ тому же написанъ очень плохими стихами. Есть они и въ первомъ актѣ, но гораздо въ меньшемъ количествѣ. Такъ Исмена говоритъ объ Ипполитѣ:

Le nom d'amant peut-être offense son courage,
Mais il en a les yeux, s'il n'en a le langage,

Аргисія отвѣчаетъ:

Je rendais souvent grâce à l'injuste Thésée,
Dont l'heuresse rigueur secondait mes mépris.
Mes yeux alors, mes yeux n'avaient pas vu son fils;
Non que par les yeux seuls lâchement enchantée,

J'aime en lui sa beauté sa grâce tant vantée,
Présents, dont la nature a voulu l'honorer.
Qu'il méprise lui-même et qu'il semble ignorer.
J'aime, je prise en lui de plus nobles richesses.

и такъ далѣе точно въ такомъ же сладкомъ родѣ Является Ипполитъ и, сказавъ ей:

Vous voyez devant vous un princee déplorable,

изъясняется въ любви и предлагаетъ управлять Аоніями. Аріана удаляется, не давъ ему положительнаго отвѣта насчетъ его объясненія и сказавъ только, какъ любая изъ героинь романовъ Скудері или отеля Рамбуля:

J'accepte tous les dons que vous me voulez faire,
Mais cet empire enfin, si grand, si glorieux
N'est pas de vos présents le plus cher à mes yeux.

Является Федра. Съ первыхъ стиховъ ея Расинъ дѣлается опять поэтомъ сильной, истинной страсти, а не сладенькимъ любезникомъ. Федра говоритъ:

Le voici. Vers mon coeur tout mon sang se retire,
J'oublie en le voyant ce que se viens lui dire.

Опомнись, она говоритъ ему о судьбѣ Аоніи, о смерти Тезея и наконецъ снова увлекается и говоритъ, что любить Тезея не такимъ, какъ онъ сходилъ въ адъ,—

Mais fidèle, mais fier et même un peu farouche,
Charmant, jeune, traitant tous les coeurs après soi,
Tel qu'ont depeint nos dieux, ou tel que je vous voi.

и потомъ, сожалѣя, зачѣмъ не онъ пріѣзжалъ въ Критъ, гдѣ бы она сама, вмѣсто сестры своей Аріаны, погела его въ лабиринтъ, представляетъ:

Et Phèdre au labyrinthe avec vous descendue,
Se serait avec vous retrouvée ou perdue.

Ипполитъ отвѣчаетъ на это стихами, приводимыми во всѣхъ риторикахъ:

Dieux qu'est ce que j'entends! Madame, oubliez-vous
Que Thésée est mon père et qu'il est votre époux!

Федра, опомнившись, спрашиваетъ очень плохимъ стихомъ :

Et sur quoi croyez-vous que j'en perds la mémoire?

но потомъ, когда Ипполитъ хочетъ уйти, останавливаетъ его слова :

Ab cruel! tu m'as trop entendue!
 Je t'en ai dit assez pour te tirer d'erreur.
 Hé bien! connais donc Phèdre et toute sa fureur:
 J'aime. Ne pense pas qu'au moment que je t'aime,
 Innocente a mes yeux, je m'approuve moi-même...
 ... Je voulu te paraître odieuse, inhumain
 Pour mieux te résister j'avais cherché ta haine.
 De quoi m'ont profité mes inutiles soins:
 Tu me baissais plus je ne t'aimais pas moins!
 ... Venge toi, punis moi d'un odieux amour
 Digne fils du héros qui ta donné le jour.
 Délivre l'univers d'un monstre qui t'irrite,
 La veuve de Thésée ose aimer Hippolyte!..

Это лучшіе стихи изъ монолога, въ которомъ болѣе сорока стиховъ. Длиннота его дѣлаетъ то, что много стиховъ пропадаютъ у Рапели въ эту минуту. Весь этотъ монологъ она говоритъ глухо, прерывисто, въ смущеніи, очень натурально, но не громко и очень быстро. И это первое мѣсто, въ которомъ, какъ намъ казалось, великая артистка, увлекшись ролью, забыла немного о зрителяхъ, которые хотѣли бы слышать рѣшительно каждый стихъ ея. Слѣдуетъ сказать, что такихъ мѣстъ, по нашему, можетъ быть и ошибочному мнѣнію, несовсѣмъ удачныхъ — во всей Федрѣ мы замѣтили только два. О второмъ скажемъ дальше.

Вырвавъ мечъ у Ипполита, чтобъ заколотся, и остановленная Эноною, Федра удаляется. Терамень увлекаетъ Ипполита.

Въ третьемъ актѣ Федра, выйдя на сцену съ Эноною, посылаетъ ее опять смягчить Ипполита. Кормилица же вскорѣ возвращается, принеся извѣстіе о пріездѣ Тезея. Федра, въ ужасѣ, хочетъ умереть, говоря:

Mourons: de tant d'horreur qu'un trépas me delivre.
 Est-ce un malheur si grand que de ceaser de vivre?
 La mort aux malheureux ne cause point d'effroi.

Энона убѣждаетъ ее оклеветать Ипполита передъ Тезеемъ, чтобъ самой не быть уличенной въ преступной страсти. Федра позволяетъ

ей дѣлать, что она найдетъ лучшимъ. Сознаемся, что мы не находимъ убѣжденій Эноны ни довольно логическими, ни еще менѣе краснорѣчными. Является Тезей; Федра отъ него скрывается; Ипполитъ проситъ позволенія удалиться. Тезей смущенный, взволнованный, хочетъ разсказать Федру о причинахъ такого страннаго приѣма, и въ четвертомъ актѣ возвращается на сцену съ Эноною, уже успѣвшею оклеветать Ипполита. Тезей въ ужасѣ. Является самъ Ипполитъ; отецъ осыпаетъ его упреками, называя его:

Reste impur des brigands dont j'ai purgé la terre

и приказываетъ:

De ton horrible aspect purge tous mes états.

Тезей повидимому особенно любитъ этотъ оборотъ фразы, потому что и при первомъ выходѣ говорить:

D'un perfide ennemi j'ai purgé la nature.

Ипполитъ не хочетъ защищаться при такомъ обвиненіи, но настаиваетъ въ своей невинности, прося, чтобъ отецъ припомнилъ всю прежнюю жизнь своего сына и говоря:

*Quelques crimes précèdent toujours les grands crimes :
Quiconque a pu franchir les bornes légitimes,
Peut violer enfin les droits les plus sacrés :
Ainsi que la vertu le crime a ses degrés.*

и оканчиваетъ знаменитымъ стихомъ:

Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon cœur.

Тезей не вѣритъ этому сердцу, глубина котораго чиста какъ день, и, умоляя Нептуна наказать преступника, изгоняетъ его. Федра приходитъ узнать, какая участь опредѣлена Ипполиту. Тезей объявляетъ ей и говорить, между прочимъ, что Ипполитъ признался ему въ своей любви къ Арсіи, но онъ не повѣрилъ этому. Федра поражена этими словами и по уходѣ Тезея обращается къ Энонѣ со словами, потрясшими всю залу:

Oenone! qui l'eut cru? j'avais une rivale!

Вся эта сцена ревности у Рахели—верхъ совершенства. Конечно, это не древняя Федра, не Эллинка полубаснословныхъ временъ, не все-

такъ это женщина, вѣрная самой себѣ, страстная, ревнующая, убитая горемъ и страданіями. Разговоръ этотъ, однакожь, чрезвычайно длинень (136 стиховъ), и Рашель еще мало сокращаетъ его, прогоняя отъ себя Энону, склонившую ее къ оклеветанью Ипполита. Она оканчиваетъ этотъ монологъ двумя прекрасными стихами, возбуждающими громкія рукоплесканія :

Détestat les flatteurs! présent le plus funeste
Que puisse faire aux rois la colère céleste!

Въ этомъ мѣстѣ намъ кажется также, что знаменитая актриса уже слишкомъ возвышаетъ голосъ и читаетъ эти два стиха съ такимъ же жаромъ, съ какимъ признавалась въ любви Ипполиту. Это возвышеніе голоса очень эффектно оканчиваетъ актъ, но кажется намъ не совмѣстно съ истиннымъ значеніемъ стиховъ, которые, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ прочесть съ гнѣвомъ, но не съ ужасомъ и отчаяніемъ.

Пятый актъ начинается вторичнымъ прощаніемъ Ипполита съ Арсією, весьма скучнымъ. Они, конечно, собираются бѣжать и обвѣнчаться, но зрителямъ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Ипполитъ уходитъ при появленіи отца. Арсія говоритъ нѣсколько словъ Тезею, въ которыхъ намекаетъ на невинность Ипполита и тоже уходитъ. Тезея и безъ того мучитъ сомнѣніе. Выходитъ Панопя (или Панопъ) и объявляетъ, что Энопа бросилась въ воду, а Федра умираетъ. За нею является Терамень и читаетъ свой знаменитый монологъ въ девяносто три стиха:

A peine nous sortions des portes des Thézère,

начало котораго возбудило въ зрителяхъ легкой и невольный смѣхъ, напомнивъ имъ тѣ дни, когда французскій учитель заставлялъ ихъ вытверживать наизусть эти стихи, какъ образецъ краснорѣчія и красоты слога. Стихи дѣйствительно хороши, хотя неумѣстны и чересчуръ риторичны въ устахъ челоуѣка, только что бывшаго свидѣтелемъ страшной смерти своего воспитанника. Является Федра, объявляетъ о своемъ преступленіи, о невинности Ипполита, о томъ, что она отравилась — и умираетъ, оканчивая трагедію плохими стихами:

Et la mort à mes yeux déroband la clarté
Rend au jour, qu'ils souillaient toute sa pureté!

У Расина пьеса оканчивается, впрочемъ, еще неэффектнѣе, словами Тезея, отравляющагося отдать послѣдній долгъ Ипполиту и позаботиться объ Арсіи, о которой вовсе не заботится зритель.

Мы изложили подробно ходъ пьесы Расина. Сравнивая ее съ трагедію Эврипида и Сенеки, читатели увидятъ сами всѣ достоинства и недостатки французской пьесы. Безъ художнической игры Рашель врядъ ли бы трагедія эта могла кому нибудь понравиться, и это еще одно изъ лучшихъ произведеній Расина!

Что сказать объ исполненіи другихъ ролей? Публика наша была слишкомъ строга къ труппѣ Рашель. Конечно, труппа эта составлена далеко не изъ первокласныхъ талантовъ; но артисты въ ней старательные, добросовѣстные и на каждомъ изъ нихъ видно вліяніе великой артистки. Извѣстно, что главное достоинство Рашели и отличительное свойство ея передъ другими артистками класическихъ трагедій состоитъ въ томъ, что она не декламируетъ стихи, не скандируетъ ихъ по преданіямъ школы, произносившей ихъ на-распѣвъ, а читаетъ просто, сообразуясь съ смысломъ стиха и чувствомъ, имъ выражаемымъ. Ультра-класики видятъ даже въ этомъ чтеніи упадокъ искусства. Признаемся, что нѣкоторыя мѣста трагедій, чисто-лирическія или эпическія, не слѣдуетъ читать иначе, какъ декламируя.

Таковъ, напримѣръ, монологъ Терамена, который, однакожь, *Готье* прочелъ такъ, какъ будто рассказывалъ въ прозѣ о печальномъ событіи. Кромѣ этой ошибки, *Готье* сыгралъ недурно свою роль. *Рафаэль Феликсъ* былъ также хорошъ въ роли Ипполита. *Шери* (старшій) прекрасно прочелъ роль Тезея; жаль только, что онъ дурно держится на сценѣ. *Г-жа Кронье* была очень хороша въ благодарной роли Эноны. Вообще это лучшая наперсница, какую намъ когда либо удавалось видѣть. *Г-жа Дина Феликсъ* (Арисія) еще очень молода и въ чтеніи ея замѣтны большія неровности. Мѣстами она играетъ хорошо, мѣстами очень слабо. Изъ всѣхъ сестеръ Рашель, увлеченныхъ ея примѣромъ и вступившихъ на сцену, это самая младшая. Она играла въ Парижѣ на театрѣ: *Gaité*, съ большимъ успѣхомъ роль Эванджелины въ пьесѣ *Дядя Томъ*, а до тѣхъ поръ играла маленькихъ дѣвочекъ въ *Гимназіи* и во Французскомъ Театрѣ*.

Мы увѣрены, что самые лучшіе артисты были бы не на своихъ мѣстахъ въ этихъ неестественныхъ роляхъ, и поэтому очень сънисходительно смотримъ на труппу Рашель. Вездѣ и всегда, гдѣ только давались класическія трагедіи, въ нихъ участвовали двѣ-три знаменитости, а все остальное была золотая посредственность. Это неизбѣжная

* Изъ другихъ сестеръ Рашели, *Ревекка* играетъ во французскомъ театрѣ; въ особенности хороша въ роли *Катарины* въ драмѣ Виктора Гюго, *Анжелино Сара*, на томъ же театрѣ играетъ въ комедіяхъ, и *Лиз* на театрѣ *Porte saint-Martin*.

участь трагедіи, и намъ не слѣдуетъ быть взыскательными къ несчастнымъ наперсникамъ, осужденнымъ на то, чтобъ подавать реплики героямъ и умираать виѣсть съ ними въ концѣ трагедіи.

Постановка пьесы была очень хороша; Федра костюмирована прекрасно, исторически вѣрно и изящно. Все, до головного убора включительно, было въ ней сообразно съ преданіями и съ законами вкуса. Каждый шагъ, каждый жестъ ея, заравѣ рассчитанный и обдуманый, былъ красивъ, граціозенъ, или величественъ. Съ каждой позы ея скульпторъ могъ снимать модель для статуи. Въ малѣйшемъ движеніи ея было столько пластической красоты, что публика не могла оторваться взглядомъ отъ этой удивительной женщины, этого умнаго, строгаго, одушевленнаго лица, хотя далеко не съ греческимъ очертаніемъ. Въ минуты страстныхъ монологовъ Рашель заставляла забыть все на свѣтѣ. *C'est une femme monumentale!* вскричалъ сосѣдъ нашъ, восторженный французъ, и мы совершенно согласились съ его выраженіемъ. Правда, зато другой, сидѣвшій неподалеку отъ насъ зритель, увѣрялъ, что Рашель читаетъ неясно, не договариваетъ фразъ. Бываютъ всякіе зрители!

Второй дебютъ артистки былъ въ трагедіи Пьера Лебрёна, *Марія Стюартъ*, передѣланной изъ извѣстной пьесы Шиллера того же названія, игранной въ Парижѣ еще въ 1820 году, когда Парижъ только что начиналъ знакомиться съ драматическими произведеніями нѣмецкой и англійской литературы. Лебрёнъ порядочно изуродовалъ пьесу Шиллера, но былъ въ этомъ случаѣ вѣренъ условіямъ псевдоклассицизма, господствовавшаго въ его время. Могъ ли этотъ классицизмъ переварить, напримѣръ, сцену объясненія Мортимера съ Маріею или исповѣдь ея передъ смертью Мельвилю? А между тѣмъ эти обѣ сцены лучшія въ пьесѣ, виѣсть со сценою свиданія двухъ королевъ. И публика въ особенности любитъ эти прекрасныя, сильныя сцены. Не далѣе, какъ прошлую зиму, мы видѣли ихъ на Александринскомъ театрѣ и восхищались ими виѣсть съ русскими зрителями, несмотря на устарѣлый языкъ перевода и слабую игру неудачной дебютантки въ роли Маріи Стюартъ.

Лебрёнъ извлекъ, однакожъ, изъ пьесы Шиллера все, что ему позволялъ классицизмъ, и — о ужасъ! осмѣлился даже нарушить законъ единства *мѣста*, переносилъ попеременно дѣйствіе изъ темницы Маріи въ Фотрингейскій замокъ. Пьеса его имѣла большой успѣхъ. Онъ не объявилъ, что ее передѣлалъ изъ Шиллера, но его напрасно обвиняютъ въ желаніи присвоить себѣ пьесу нѣмецкаго драматурга. Французы знали Шиллера до Лебрёна по двумъ переводамъ нѣмецкой драмы. Одинъ явился еще въ 1816 году и сдѣланъ былъ г. *Гессе*, а другой г. *Латуша* за нѣсколько времени до появленія трагедіи Лебрёна, въ

томъ же 1820 году. Оба эти перевода въ прозѣ. Гессе переводилъ довольно добросовѣстно, но *смягчалъ* нѣкоторыя мѣста; Латушь держался больше духа подлинника, нежели буквального перевода, но передалъ Шиллера возможности близко и вѣрно. Даже историческія этюды о Маріи Стюартъ были въ это время знакомы Франціи. Въ этомъ же году вышла вторымъ изданіемъ извѣстная біографія шотландской королевы, написанная Ф. Гентцемъ и переведенная Дамазъ де-Ренономъ. Книга эта была составлена по Буханану, Леслию, автору Записокъ Крауфорда, Мельвилю, Брантому, Кемдену и де-Ту, большая часть которыхъ были современниками Маріи. Изъ новѣйшихъ авторовъ Гентцъ, какъ, извѣстно, пользовался Рапенномъ, продолжателемъ Миттленда, Робертсономъ, Уейтекеромъ, Тейлеромъ, Гудделемъ и Юномъ, и составилъ замѣчательную біографію, пользовавшуюся большимъ авторитетомъ до изданія въ свѣтъ изслѣдованій Вальтеръ-Скотта, Лобанова, Минье и Дарго. Стало быть, французамъ былъ хорошо извѣстенъ даже историческій характеръ Маріи, немножко идеализированный Шиллеромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ быть, единственный недостатокъ въ пьесѣ Шиллера, отличающейся вообще строгою вѣрностью исторіи въ малѣйшихъ подробностяхъ драмы. Все, отъ характера Елисаветы до описанія турнира даннаго Елисаветою французскому послу, пріѣзжавшему просить руки ея для герцога анжуйскаго — все изумительно-вѣрно. Въ особенности Елисавета очерчена не только кистью художника, но рѣзцомъ историка. Монологъ четвертаго акта, въ которомъ она высказываетъ истинныя свои чувства къ Маріи — вершъ совершенства.

Maria Stuart

Heisst jedes Unglück das mich niederschlägt,—

говоритъ она въ концѣ его, и въ этихъ словахъ выливается вся Елисавета. Лейчестеръ жертвующій своимъ чувствомъ холоднымъ расчетамъ честолюбія, также очерченъ мастерски. Пылкій фанатикъ Мортимеръ, благородный Паулетъ, строгій исполнитель своего долга, типъ возвышенныхъ чувствъ старый Мельвиль—все это такіе характеры, которые дѣлаютъ изъ трагедіи Шиллера образецъ превосходной пьесы. Никто не удивится, если мы скажемъ, что у Лебрѣна всѣ эти лица почти также хорошо обрисованы въ другой французской трагедіи неизвѣстнаго автора времени Людовика XIII Реньо (Regnault), написанной на тотъ же сюжетъ. Въ трагедіи Реньо, посвященной кардиналу Ришельё, много положеній и сценъ точно такихъ же, какъ у Шиллера, тѣ же лица: графъ Кентъ, графъ Шрюсберри, Мельвиль, Аміасъ-Паулетъ, французскій посолъ Помпонъ де-Бельверъ изображены съ тѣми

же самыми характерами. Наконецъ стихи въ ней тоже недурны, особенно по тому времени. Вотъ, для примѣра, конецъ монолога Елисаветы, который есть также у Шиллера:

De mouvemens divers je me sens combattue:
L'ambition m'anime et la crainte me tue.
Je rêve, je médite et de tous les costéz
Je ne puis decouvrir que des extrémités.
Dans ce dédale obscur, où ma raison se trouve,
Je quitte un sentiment sitôt que je l'approuve;
Je veux perdre Marie et je ne le veux pas:
Je crains également sa vie et son trépas...

Это сходство двухъ трагедій французскаго и нѣмецкаго писателя очень любопытно, тѣмъ болѣе, что ни въ прежнихъ трагедіяхъ на тотъ же сюжетъ Мон-Кретъена (*L'Ecoissaise ou le Désastre*), Бурсо, авонимовой, игранной въ 1734 году и другихъ, нѣтъ ничего похожаго на данную Ренью и Шиллера (у Мон-Кретъена есть даже хоры). Зналъ ли Шиллеръ трагедію Ренью? Этого вопроса не рѣшили нѣмецкіе критики.

Обратимся, однакожь, къ пьесѣ Лебрёна. Въ одномъ изъ современныхъ ему парижскихъ журналовъ: (*Revue encyclopédique ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts*) мы нашли любопытный разборъ трагедіи Лебрёна, написанный Бюшономъ. Классическій критикъ говоритъ сначала о недостаткахъ классическихъ трагедій, о скучныхъ экспозиціяхъ пьесы и наперсникахъ, вовсе неизвѣстныхъ грекамъ, но которыхъ французы ввели по необходимости для того, чтобъ сдѣлать понятными зрителямъ положенія дѣйствующихъ лицъ трагедіи, тогда-какъ въ Греціи этимъ лицамъ довольно было, выйдя на сцену, сказать только: «я Орестъ, или я Агамемнонъ», чтобы всѣ тотчасъ же знали ихъ жизнь и характеръ. Навѣрный классикъ сознается, однакожь, что трагедіи Шекспира и Шиллера производятъ совершенно другое впечатлѣніе на зрителя, нежели французскія трагедіи. «Коріолянъ, Юлій-Цесарь, Ромео и Джульета, говорятъ онъ, овладѣваютъ нами съ первыхъ сценъ. Вы переноситесь въ Римъ и Венецію, сочувствуя дѣйствующимъ лицамъ. Завѣса, отдѣлявшая васъ отъ прошедшаго ушала; вы принадлежите уже вполнѣ поэту, который по своей волѣ заставляетъ васъ обитать въ міръ имъ созданномъ». Далѣе Бюшонъ удивляется силѣ Лебрёна, рѣшившагося пренебречь предрасудками своихъ соотечественниковъ и перенести на французскую сцену Марію Стюартъ Шиллера. «Всегда благоразумный въ своихъ концепціяхъ, говоритъ критикъ, Лебрёнъ соединяетъ съ вѣрнымъ тактомъ, съ тонкимъ

чувствомъ театральныхъ приличій чистый слогъ, естественный и большею частью красивый». Это чисто-классическая критика. Въ наше время не поздоровилось бы отъ такихъ похвалъ.

Лебрёнъ выбросилъ изъ трагедіи Шиллера всѣ политическія отношенія, весь колоритъ того времени, уничтожилъ вовсе благородное лицо Таальбота, Мортимера сдѣлалъ совершенно безцвѣтнымъ, Лейчестера искажилъ, заставивъ его дать средство Мортимеру бѣжать, что составляетъ чистую нецѣпость, потому что бѣгство Мортимера совершенно погубило бы честолюбца въ глазахъ Елисаветы. Несмотря на эти измѣненія и искаженія, пьеса Лебрёна все таки лучше весьма многихъ классическихъ трагедій. Истые классики, по словамъ Бюшона, упрекали Лебрёна, что онъ ввелъ новый родъ пьесъ, что настоящая трагедія должна заключать въ себѣ рядъ сценъ и происшествій, которыя ускоряютъ или замедляютъ развязку пьесы, и что тамъ не можетъ быть трагедіи, гдѣ зритель заранѣе знаетъ, чѣмъ она кончится. Странныя понятія! И господа классики еще приводили въ подтвержденіе своихъ дикихъ мнѣній Аристотеля и древнюю Грецію. Но что же были всѣ трагедіи грековъ, какъ не давно уже знакомыя имъ событія, въ которыхъ дѣйствовали давно извѣстныя лица. Нѣтъ, мнѣніе публики шло всегда наперекоръ этимъ господамъ, силившимся втиснуть поучительныя событія исторіи, изслѣдованія сердца человѣческаго въ тѣсныя рамки нецѣпаго классицизма. Только что погибла Марія послѣ семнадцатилѣтняго заключенія, въ среду страстной недѣли, въ четыре часа утра въ 1587 году, какъ явилось множество пьесъ на этотъ страшный, поучительный сюжетъ. Судъ современниковъ предупреждалъ судъ потомства и исторіи.

Трагедія Лебрёна начинается сценою между кормилицею Маріи, Анною Кеннеди, и губернаторомъ Фотрингейскаго замка, Паулетомъ, гдѣ Марія томится въ плѣну. Первые два стиха Анны особенно плохи:

*Cessez au nom du ciel et daignez m'écouter.
A son malheur encore pourriez-vous ajouter!*

подобныхъ стиховъ очень много въ трагедіи. Бумаги Маріи взяты для разсмотрѣнія. Анна упрашиваетъ отдать ихъ. Является Марія. Первые слова ея дышатъ грустью и величіемъ. Рашель читаетъ ихъ удивительно:

Anna! console-toi.

*Ce qu'on veut me ravir ne tenait pas à moi.
A de vains ornements je renonce sans peine и проч.*

Нѣдо замѣтить также, что и эти стихи очень плохи. Мортимеръ приноситъ Маріи письмо отъ кардинала де Гиза и рассказываетъ о томъ, какъ онъ узналъ Марію; рассказъ этотъ, полонъ чувства, поэзіи и написанъ гладкими стихами:

Un jour qu'en son palais plein de magnificence
Je promenais mes yeux errants de toutes parts,
Le portrait d'une femme attirais mes regards
Troublé je ne pouvais en détacher ma vue.
• Ce n'est pas sans raisons que votre âme est émue
Dit alors le pontif en s'approchant de moi:
• Prisonnière et souffrante pour notre sainte-foi,
• Votre pays retiens dans un dur esclavage
• Celle dont vos regards ont admiré l'image.

Потомъ Мортимеръ рассказываетъ Маріи о рѣшеніи парламента и его приговорѣ, еще неутвержденномъ Елисаветою. Марія спокойна и говоритъ:

Je ne lacraîns pas, elle aime trop la gloire,

и посылаетъ его къ Лейчестеру уговориться съ нимъ о средствахъ къ ея освобожденію. Является Борлейгъ, чтобы объявить рѣшеніе парламента. Марія не признаетъ его и защищаетъ свои права сильными, хотя и не очень гладкими стихами. Во всей этой сценѣ Рашель неподражаема по благородству, величію и гордому достоинству. Нельзя описать впечатлѣнія, которое она производитъ на зрителей своею дикціею, и въ особенности послѣднимъ монологомъ, оканчивающимся стихами:

Un sénat étranger
Peut me faire périr et non pas me juger.

Актъ оканчивается сценою между Борлейгомъ, склоняющимъ Паулета къ преступленію и благороднымъ отвѣтомъ старика, отвергающаго съ негодованіемъ постыдныя предложенія.

Во второмъ актѣ Маріи нѣтъ на сценѣ. Мортимеръ открывается Лейчестеру; тотъ въ свою очередь, устроивъ свиданіе ея съ Елисаветою, ожидаетъ всего отъ этого свиданія. Входитъ Елисавета въ сопровожденіи Мельвиля, склоняющаго ее къ милосердію. Слова благороднаго старика дышать нувствомъ, звучны и хороши:

Je la confie au coeur de votre majesté.
Le ciel à votre sexe a donné la bonté;
Que ce royaume heureux s'aperçoive, madame,
Que la main qui le guide est celle d'une femme.

Lorsque ses fondateurs autrefois ont permis
Que le sceptre des rois aux reines fut commis,
Sans doute ils ont voulu, j'en crois mon espérance,
A côté du pouvoir faire asseoir la clémence.

Послѣдующая сцена Елисаветы и Лейчестера, оканчивающая актъ, длинна и слаба.

Третье дѣйствіе начинается знаменитымъ монологомъ Маріи, вздохнувшей наконецъ въ фотрингейскихъ садахъ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ. Условія классицизма не позволяя перенести мѣсто дѣйствія въ садъ, и Марія восхитается природою въ залѣ. После гордаго величія, съ которымъ она встрѣтила Бордейса, Марія дѣлается здѣсь, насидитъ съ своею кормилицею—женщиною, бѣдною плѣнницею; она радуется и плачетъ какъ ребенокъ. Съ какою чувствомъ произноситъ Рашель эти стихи:

Laisse mes livres pas errer à l'aventure.
Je voudrais m'emparer de toute la nature.
Ah! d'un air libre est pur laisse moi m'enivrer
.....Laisse moi du moins,
Soulevant un moment ma chaîne douloureuse,
Rêver que je suis libre et que je suis heureuse.

и потомъ превосходный монологъ Шиллера, начинающійся этими стихами:

Dort, wo die grauen Nebelberge ragen,
Faengt meines Reiches Gränze an,
Und diese Volken, die nach Mittag jagen,
Sie suchen Frankreichs fernen Ocean.
Eilende Volken, Segler der Luft!
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
Grüßet mir freundlich meinen Jugendland.
Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach ich hab keinen andern Gesandten!
Frei in Laften ist euhre Bahn;
Ihr seyd nicht dieser Königin unterthan.

Эти удивительные дактило-хорен Шиллера переданы слѣдующими восьмью стихами Лейбена:

Vois-tu cet horizon, qui se prolonge immense?
C'est là qu'est mon pays; là l'Ecosse commence.
Ces nuages, errans qui traversent le ciel
Peut-être hier ont vu mon palais paternel;

Ils descendent du nord, ils volent vers la France!..
 Oh! saluez le lieu de mon heureuse enfance!
 Saluez ces doux bords qui me furent si chers
 Hélas en liberté vous traversez les airs.

Знаменитая сцена свиданія ведена была Рашелью такъ, что театръ потрясаяся отъ аплодисментовъ. Въ ней есть дѣйствительно много хорошихъ стиховъ, зато есть множество плохихъ, въ родѣ:

Madame, à ma rigueur c'est vous en prendre à tort..

Въ словахъ Рашели:

Ah, vivez, gouvernez, disposez de mes droits.
 Dès la fleur de mes ans le malheur m'a flétrie
 Je ne suis hélas, que l'ombre de Marie!

было столько глубокой грусти, и потомъ стихи:

Dites une parole: achevez, je l'attends:
 Oh! ne me laissez pas l'attendre plus longtemps!

были произнесены ею съ такимъ выраженіемъ, какого нельзя передать: его надо слышать, чтобъ понять, до какой степени искусства и совершенства можетъ дойти актриса. Критика не можетъ уловить ни звуковъ, ни интонаціи: она мертвыми словами передаетъ живое впечатлѣніе, потрясающее тысячи зрителей; изъ этихъ словъ узнаютъ только, что актриса была удивительна, но какъ и чѣмъ — этого не объяснить критика, и ея безсиліе еще болѣе говорить въ пользу великаго таланта.

Последній стихъ Маріи заключаетъ достойнымъ образомъ эту великолѣпную сцену.

Leicester etait là. J'étais reine à ses yeux.

Впечатлѣніе этого стиха и этой сцены невыразимы. Четвертый актъ позволяетъ немного отдохнуть зрителямъ отъ этого впечатлѣнія. Маріи опять нѣтъ на сценѣ. Актъ наполненъ объясненіемъ Мортимера съ Лейчестеромъ, обвиненіемъ и защитою Лейчестера и наконецъ сценою утвержденія приговора, который поручаютъ исполнить Лейчестеру же.

Пятый актъ опять верхъ торжества Рашели. Онъ проходитъ весь въ приготовленіяхъ къ смерти и прощаніи Маріи съ ея приближенными и друзьями. Ею сопровождаютъ и утѣшаютъ Мельвилъ и Анна. Многія дамы въ театрѣ рыдали вмѣстѣ съ Анною, когда Марія, отдавая ей на память своей платокъ, говорила:

Prends ce don, ce tissu, ce gage de tendresse
 Qu'a pour toi de ses mains embellis ta maitresse;
 Doux ouvrage; il a vu mes secrètes douleurs,
 Hélas, et bien souvent je l'ai mouillé de pleurs.

Последнія слова ея къ Лейчестеру также полны глубокаго чувства. Всю эту сцену портить только множество плохихъ стиховъ. Трагедія оканчивается съ уходомъ Маріи, съ послѣднимъ стихомъ ея, на который даже нѣтъ рѣчи!

Allons! je n'ai plus rien qui m'attache ici-bas.

потому—что на сценѣ выбрасывается вся послѣдняя сцена отчаянія Лейчестера, напоминающая такую же сцену отчаянія Ореста въ Андроматѣ, и которая безъ всякой нужды растягивала пьесу.

Мы скажемъ немногое о исполненіи другихъ ролей. Труппа Рашели, привыкшая къ классическимъ героямъ, была гораздо слабѣе въ роляхъ лицъ, которыя ближе къ намъ и нашимъ понятіямъ. Лейчестеръ (Шери) читалъ недурно, но держалъ себя несообразно съ своимъ званіемъ. Кронъ (Анна Кенеди) была очень хороша. Шери (младшій) и Готье—Борлейгъ и Паулетъ—сносны. Мортимеръ Рафавль также читалъ хорошо, но роль у него слишкомъ незначительна и бездѣтна. Марія Леру въ роли Елисаветы очень слаба, хотя читала мѣстами хорошо. Наружность ея вовсе не соответствуетъ ея роли. Впрочемъ, чтобы хорошо сыграть Елисавету, нуженъ характеръ равносильный Рашель—а гдѣ его взять? Лучше всѣхъ сыгралъ роль Мельвиля старшій нашъ знакомецъ Латущъ, актеръ съ дарованіемъ и умомъ, бывшій прежде на нашей сценѣ.

Марія Стюартъ понравилась нашей публикѣ болѣе Федры. Театръ былъ постоянно полонъ, тогда—какъ въ представленіяхъ Федры замѣтны были пустыя мѣста. То же самое замѣтили мы и въ Андроматѣ тогда какъ Адриенну Лекуврёръ (о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ) давали восемь разъ сряду по востребованію публики. Гдѣ же это возстановленіе классицизма, о которомъ такъ кричали французы? Публика смотритъ съ большимъ удовольствіемъ пьесы современныя, а въ классическихъ только тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Рашель, слушаетъ Расина только для Рашели, а не Рашель для Расина. Результатъ неутѣшительный для классиковъ. То, что ложно и неестественно, не поднять никакими средствами, когда оно уже разъ упало. Классическія трагедіи—все—таки олицетвореніе скуки, и хоть Пушкинъ сказалъ, что скука есть одно изъ принадлежностей мыслящаго существа, но всякій, думаемъ, согласится скорѣе восхищаться Адриенной Лекуврёръ, нежели звать по правиламъ классическихъ трагедій.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Еще выдержки из дневника одного местного денатльмена. — Наружность Петербурга летом и зимою. — Как проводить у нас день съ осени до весны. — Театры, клубы, собрания, кондитерскія, кафе-рестораны, гостиницы съ ихъ публикою. — Хлыщя. — Уличные званки съ своими наблюденіями. — Живопись и скульптура, замѣненная обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной поэзіи изъ камня. — Замѣчательный по части свѣтописи художникъ. — Серебряная лотерея.

Пріятель нашъ, съ которымъ мы довольно коротко познакомили читателей Пантеона, въ его іюльской книжкѣ (см. *Петерб. Вѣстникъ*, стран. 11 — 33), снова одарилъ насъ выписками изъ дневника своего за послѣднее время, которыя какъ нельзя удобнѣе укладываются въ фельетонныя рамки, и такимъ образомъ еще разъ избавляютъ лѣнивое перо наше отъ лишняго труда. Представляемъ извлеченіе это во всей его простотѣ, безыскусственности и непритязательности литературной.

27 октября. Борей съ бѣлыми власами и съ сѣдою бородою еще не пронесся надъ Петербургомъ въ своей ледяной одеждѣ, съ своимъ студенымъ дыханіемъ, которое морозитъ носъ и румянитъ уши, какъ вишню. На улицахъ стоитъ еще осенняя грязь, и кое-гдѣ въ провалинахъ ожидающей снѣга мостовой блестятъ зыбкія лужи, незамѣняющія зеркала проходящимъ красавицамъ. Петербургъ все еще какъ-будто бы не разстается съ позднимъ лѣтомъ, не принимая въ угрюмыя черты свои свѣтлой зимней фizioноміи, и я продолжаю созерцать колеблющуюся Неву съ ея гранитныхъ береговъ, съ ея роскошными видами. Остановитесь на Благовѣщенскомъ мосту или на Дворцовой-набережной, глядите въ даль и въ стороны — и долго взоръ вашъ не оторвется отъ этихъ великолѣпныхъ громадъ, которыми полтора вѣка украсили суровую мѣстность — тысячелѣтія ожидавшую въ тишинѣ и неизвѣстности своего высокаго предназначенія. Адмиралтейство и твердыня крѣпости; блестящій шпиль перваго и упирающійся въ облака святой крестъ Петропавловскаго-собора, хранящаго въ себя драгоцѣнныя сердцу русскому останки Петра Великаго, Екатерины Второй и Александра Благословеннаго; созданія Растрелли: Академія Художествъ и величественный чертогъ царей; массивный золотой куполь Исакія и ангелъ на вершинѣ колонны, воздвигнутой во славу вѣнчаннаго миротворца.... а тамъ, за Невую, цѣлый, другой городъ — островъ, съ Академіею Наукъ, Биржею, кадетскимъ корпусомъ, гдѣ было нѣкогда жилище Меншикова. Но,

вѣтъ, я не систематическій прозаикъ, который послѣдовательно, гладко и терпѣливо умѣетъ перечислять все, аффектно выставить противоположности, ни поэтъ, по каплѣ вдохновляемый—я безпорядочно глотаю вдругъ, разомъ, все очарованіе, всю силу впечатлѣній, рождающихся во мнѣ, когда медленно окидываю взглядомъ оба берега Невы! Не съумѣю и пересказать отчетливо всѣхъ думъ, которыя тогда роятся въ душѣ моей! то сжатая, картинная исторія полутора ста лѣтъ, съ Карломъ XII и Наполеономъ, Полтавою, Бородинымъ и Лейпцигомъ—цѣлая поэма, вызванная событіями и великими мужами, народная эпопея и знаменительная глава изъ сказаній человечества....

Прогуливаясь по ровнымъ, широкимъ и длиннымъ улицамъ петербургскимъ, въ Лѣтнемъ или Таврическомъ саду, въ скверѣ у Инженернаго-зѣмка, въ Петровскомъ-паркѣ, по Мойкѣ или Фонтанкѣ, я не только удовлетворяю физической потребности движенія, «моцію», но и потребности, точнѣе, удовольствію нравственному. Ходить и размышлять, мечтать—для меня одно и то же. Въ постели и креслахъ я становлюсь глуше, неподвижнѣе морально. За письменнымъ столомъ я только машина, прозаически записывающая мои «бродячія» созерцанія. Сколько адмирательныхъ мыслей, сколько счастливыхъ фразъ навсегда теряю я во время прогулки, даромъ рассыпаю по мостовой. Это бисеръ, который топчутъ ногами безпечные прохожіе; это жемчугъ, чистое золото, которое, безъ-сомнѣнія, обогатило-бы фельетонистовъ, еслибъ они могли подслушивать мой вдохновенный шопотъ; мои «ходячія» сочиненія, подъ перомъ ихъ способны обратиться въ ходячую монету. Въ одной Городской раскѣно нѣсколько томовъ прекрасной, звучной моей прозы, и двѣ-три сотни чрезвычайно удачныхъ стихотворныхъ экспромтовъ, которые, равномѣрно какъ и проза, доставили-бы мнѣ славу, поряцатель и завистниковъ. На Вознесенскомъ-проспектѣ, на Владимірской и Антейной, на пространствѣ между мостами Цѣпнымъ и Висячимъ, оставилъ я десятки незаданныхъ брошюръ и тысячи восхитительныхъ монологовъ, которые стоило-бы только превратить налету въ рукописи, чтобъ подстрекнуть немногѣ-дремлющую предприимчивость нашихъ клепропродавцевъ.

Въ осеннюю слякоть, подъ вспрыски дождя и толчки вѣтра, путешествующія вдохновенія мои нѣсколько притупляются, становятся довольно раздражительны, потому что, принужденный затыкать уши хлопчатной, носъ прятать въ кашню, а ноги въ тяжелыя и глубокія колоши, я охотнѣе ищу крова, камяна и теплой бесѣды добрыхъ, умныхъ людей. Не связывая себя ни съ кѣмъ продолжительными и тѣсными отношеніями, я, тамъ сказать, на пути встрѣчая и оставляю случайныя знаком-

ства, из опасенія поддаться увлеченіямъ такой дружбы, которая непременно, въ минуту слабости, попроситъ займы, или нажить вражду, которая ни зачѣмъ не проститъ невинной эпиграммы и правдиваго слова.

Такъ, полагаю, живутъ люди осторожные, благоразумные.

А какъ живетъ, напримѣръ, спрашиваете вы, современный петербургскій людъ?

Вопросъ легкій, но отвѣтъ трудный, многосложный.

Обширный Петербургъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько городовъ, раздѣленныхъ мѣстностью и нравами, образомъ жизни своихъ обитателей. Васильевскій-островъ, Петербургская-сторона, Выборгская, Пески, Цоли, Новая-мѣста, Большая и Малая Коломны и другія отдаленныя, уединенныя части, или улицы столицы—это ея провинція, области, съ многоразличными и своеобразными условіями быта, болѣе или менѣе скромнаго, болѣе или менѣе сосредоточеннаго въ извѣстныхъ, родовыхъ предѣлахъ.

Жизнь замѣтная, общая, собственно столичная, кипитъ въ частяхъ адмиралтейскихъ, главная соединительная артерія которыхъ — неизбежный Невскій-проспектъ.

Онъ никогда не пустъ и немраченъ, а съ половины октября до конца мая, отъ полудня до полуночи, широкіе тротуары его пестрятъ плотною толпою прохожихъ; на торцевой его мостовой не умолкаетъ безпрерывный стукъ множества экипажей, къ которому съ дѣтства можетъ только привыкнуть мѣстное ухо, в который поражаетъ дѣвственный слухъ заезжаго провинціала.

Петербургъ—горячая дѣловой, занятой. Утро въ немъ посвящается труду, исполненію обязанностей. «Гулять» онъ начинаетъ съ двухъ, съ трехъ часовъ пополудни, и продолжаетъ прогулку до четырехъ до пяти. Въ четыре, пять обѣдаетъ; немного отдыхаетъ послѣ обѣда — долго спать ему некогда: надобно посмотрѣть Рашель, послушать Лагранжъ, полюбоваться балетомъ и на рускомъ театрѣ посмѣяться надъ чередѣлкою французскаго водевиля, потому что современные драматурги наши, за немногими исключеніями, не сочиняютъ сами.

Послѣ театра надобно посѣтить на партію преферанса къ знакомымъ, въ Англійскій или иной клубъ, въ Дворянское или Благородное собраніе, туда, сюда, между прочимъ, на ужинъ съ пріятелями у Дюссо, Дамшанка, или въ другомъ подобномъ гостепріимномъ пріютѣ...

Для многихъ приманка не самый спектакль, куда стремятся все по призыву моды и новости—а публика и собственная персона, по пословицѣ: «людей посмотрѣть, себя показать». И дѣйствительно заманчиво! И я иногда за всѣми, ради первой половины пословицы — людей по-

смотрѣть, потому что себя мнѣ нечего показывать — я немолодъ, не красивъ и, сверхъ того, меня одѣваетъ не Шармеръ, прическа у меня англійская, усовъ не вошу, туалетъ мой въ глаза не бросается, не говоря уже о скромности и застѣнчивости, которыми надѣленъ я съ избыткомъ, могущимъ возбудить соревнованіе въ любой красной дѣвушкѣ...

Лишенный удовольствія и преимуществъ показывать самого-себя, я, въ вознагражденіе за то, вполне и безъ помѣхи, наслаждаюсь созерцаніемъ другихъ. Для меня антракты иногда гораздо занимательнѣе, самой пьесы. Взгляните на эти блестящіе партеры Большаго и Михайловскаго театровъ. Глаза у меня разбѣгаются. Я измѣняю ихъ горизонтальное положеніе, и подымаю ихъ къ звѣздамъ красоты, ослѣпительно горящимъ въ роскошныхъ рядахъ ложъ. Вокругъ меня разливается благоуханіе... Блескъ нарядовъ, свѣжесть прелестныхъ личикъ, матовая бѣлизна бархатныхъ плечъ, золото, алмазы, жемчугъ зубовъ и натуральный... но поспѣшаю поставить нѣсколько точекъ, потому что, опять таки сознаюсь, я не умѣю описывать, дробить моего впечатлѣнія, входить въ мелкій или частный анализъ.

Еще печальное сознаніе... Порою головѣ моей становится горячо, чувству душно, сердце стѣсняется, на языкѣ шевелятся глухие сарказмы, въ мысли возстаетъ сатира, сколько нелѣпая, столько же и несправедливая, безпричинная. Полагаю, что это происходитъ отъ досады, зависти: на меня никто, ни въ партерѣ, ни въ ложахъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ-будто я вовсе не существую, не стою ни одного взгляда, не возбуждаю ни чьего участія... А было время молодое... О, жестокой сорокалѣтній возрастъ! Молодость давно прошла, а настоящая старость еще не наступила. Я въ борьбѣ между двумя противоположными періодами. Еще не совсѣмъ утихли во мнѣ волненія живыхъ страстей, и безмятежное спокойствіе сдвинъ не осягнуло меня покаместъ своимъ непоколебимымъ чернымъ крыломъ...

Въ-слѣдствіе ли вышеобъясненной досады, или просто потому, что люблю хорошенько выспаться послѣ обѣда, я рѣдко, впрочемъ, и бываю въ театрахъ. Съ меня довольно разъ, много два въ зиму побывать въ итальянской оперѣ, на новыхъ, или, по крайней мѣрѣ, съ новыми танцовщицами балетахъ; короче: я не пропускаю ознакомиться съ вновь прибывающими сюда знаменитостями, но пропускаю повторенія: въ теченіе около двадцати почти лѣтъ, я достаточно пресытился всевозможными представленіями, все видѣлъ, слышалъ—зрѣніе и слухъ мой приутихли, обаянія мало-по-малу разсѣялись...

3 ноября. — Такъ какъ, выше уже сказано, я долго силю послѣ обѣда, часовъ до восьми, девяти иногда, то для меня возможенъ толь-

ко поздній выѣздъ или выходъ со двора. Будь я помоложе да поворотливѣй, на этомъ «позднемъ» основаніи, мнѣ всего-бы удобѣе было рыскать по баламъ, которые, какъ извѣстно, рано не начинаются. Но я не женихъ, лѣтъ десять уже не танцую, и меня на балы не приглашаютъ, да врадъ-ли-бы и самъ я сталъ ѣздить, безъ цѣли и желанья. Не знаю, однакожъ, какою цѣлью или желаньемъ привлеченъ я былъ наканунѣ въ «Благородное танцевальное собраніе». Утромъ у меня случилась тяжелая, скучная работа: требовалось хоть немного развлечения, разсѣянія, общества. Такимъ образомъ я отправился на «семейный вечеръ»... Вхожу въ эти блистательныя залы, гдѣ каждую пятницу собирается средней кругъ и кружится въ вальсѣ... Слышу звуки весьма хорошаго оркестра Ладе, вижу — хорошенькія личики, стройныя талии, очевъ милыя ножки, обутыя въ шелковыя башмачки — и хоть бы одна струна во мнѣ даже слабо отозвалась... А еще недавно, три, четыре года тому, я не могъ совершенно равнодушно слышать балльной музыки, видѣть хорошенькаго личика. Неужели съ каждою новою зимою отвѣтнѣйшій человѣкъ холодѣетъ болѣе и болѣе, и наконецъ совсѣмъ замерзаетъ?..

Брожу одиноко по заламъ, изрѣдка встрѣчая того или другаго стариннаго знакомаго. Размѣниваемся пожатіемъ рукъ и расходимся въ разныя стороны. Тоже молодцы поуважи, но еще держатся, выпрямяются, натягиваютъ бѣлыя перчатки, собираясь, видно, танцовать. У нѣкоторыхъ сохранились прежніе густые волосы, если только это не парики или накладки...

Пробираюсь въ «игорныя» комнаты, гдѣ за десятками столовъ весьма степенно и молчаливо забавляются преферансомъ. Тутъ уже люди серьезныя. Ни одной улыбки на устахъ... Уста и улыбки въ танцевальныхъ залахъ... Счастливыя, однакожъ: они изобрѣли занятіе для отдохновенія, имѣютъ свое преимущество — преферансъ, а я и въ карты играть не умѣю. На чтó же гожусь я? въ журнальные развѣ сотрудники... но читатели не любятъ неумѣстной хандры и старческаго хныканья...

Нечего было мнѣ дѣлать ни въ танцевальныхъ залахъ, ни въ «игральныхъ» комнатахъ, и я удалился въ «читальную», пересмотрѣлъ новые журналы и газеты, любовался нѣсколькими миловидными дамочками, которые въ кабинетъ для чтенія приходили курить папиросы.

Часъ ѣхать спать ложиться:

Коли на балъ пріѣхалъ ты, такъ можешь воротиться, — сказалъ мнѣ заглянувшій туда-же одинъ пріятель, постоянно, въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, цитирующій стихи изъ «Горя отъ ума». — «Или, пожалуй, поужинаемъ вмѣстѣ?» прибавилъ онъ въ прозѣ, и обращаясь къ прозѣ...

Разумѣется, мы поужинали, на сколько пожилымъ людямъ дозволяется обременять на ночь желудокъ, въ известной степени уже потерпѣвшій отъ предыдущихъ гастрономическихъ наслажденій, и — надобно отдать справедливость здѣшной столовой — карта блюдъ довольно разнообразна, приготовляются они очень недурно, и цѣны всему болѣе нежели умѣренны. Сидѣвшая насупротивъ насъ молодежь, кажется, подсмѣивалась надъ нами въ томъ смыслѣ, что мы вдвоемъ едва могли справиться съ одною полубутылочкой шампанскаго. Посмотрю я на эту молодежь черезъ пять лѣтъ: она будетъ пить воду, т. е. запивать ею лекарства.

Черезъ нѣсколько дней. — Да, мнѣ кажется, современная молодежь «и жить торопится, и чувствовать спѣшить». Она, если не ошибаюсь, избрала девизомъ своимъ: «недолго, да хорошо», т. е. жаждетъ въ короткій срокъ вкусить всего до дна — а дно какъ тутъ, и въ тридцать лѣтъ веселая, шаловливая жизнь достигаетъ своихъ конечныхъ результатовъ... блѣдные, впалыя щеки, тусклый, болѣзненный взглядъ, разстроенное здоровье и состояніе, долги, скука.

Ну, я рѣшительно становлюсь самъ безвременнымъ старикомъ, брюзгомъ! Эта ворчливость, моралистика, педантическія сентенціи — явные признаки ранняго одряхленія и строгаго взгляда на жизнь, на новое поколѣніе, которое, по мнѣнію другихъ, менѣе взыскательному, платитъ неизбежный долгъ молодости, отнюдь не въ болѣшей мѣрѣ сравнительно съ отцами и дѣдами — родъ человѣческій всегда и вездѣ былъ слабъ и падокъ на искушенія, люди искони охотно пили сладкую отраву изъ позлащенной чаши, поставленной среди цвѣтовъ!

При взглядѣнисходительномъ можно развѣ замѣтить только, что новое поколѣніе, въ значительномъ большинствѣ, какъ-будто предпочитаетъ семейной или домашней жизни — общественную. Публичныя балы, маскарады, кофейни, рестораны, гульбища, зрѣлища привлекаютъ нѣтълишнюю молодежь преимущественнѣе, нежели тихій кругъ знакомства, не шумные вечера въ домахъ небогатыхъ, но пріятныхъ. И ова права въ нѣкоторомъ смыслѣ. «Среди общественныхъ увеселеній», говорятъ молодые франты въ свое оправданіе: «мы ни чѣмъ не связаны, ни къ чему не обязываемся; пользуемся болѣею независимостью; каждый самъ себѣ хозяинъ и гость у самого себя, за свои собственныя деньги... Надоѣло намъ — сидимъ дома, а знакомства частныя надобно поддерживать — дорого стоитъ и не ведетъ къ положительнымъ итогам!» Прошу тутъ возражать и отыскивать парадоксъ въ полустинѣ, въ одностороннемъ сужденіи. Правда, и въ наши времена не перевелись любители чужихъ обѣдовъ — позови только! Но послѣ обѣда

ной франтъ немедленно даетъ тягу... переодѣвается, и нараспашку проводитъ съ товарищами вечеръ въ какомъ-нибудь кафе-ресторанѣ... «Надобно-де газеты прочитатъ!»

И, въ самомъ дѣлѣ, кафе-рестораны, кондитерскія, трактиры, гостиницы изобилуютъ всевозможными періодическими листками, изданіями: русскими, французскими, англійскими, нѣмецкими: берите любой нумеръ газеты или журнала и отправляйтесь наслаждаться на просторѣ въ особый нумеръ или кабинетедѣ, если присутствіе многихъ развлекаетъ васъ, мѣшаетъ вамъ въ общихъ комнатахъ. Встарину предпочитали читать дома, на кушеткѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, иногда читали вслухъ дамамъ, любили общество прекрасныхъ, умныхъ, образованныхъ женщинъ. Э, что я говорю! Кто-жъ, какой вандалъ и нынче ихъ не любить? А если въ новѣйшее время меньше стало селадоновъ, пустыхъ вздыхателей и сантиментальныхъ поклонниковъ прелестнаго пола, то это вѣняють въ заслугу, въ преусиѣніе нашего разсудительнаго времени. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что въ обществѣ дамъ мужскіе нравы пріобрѣтаютъ какую-то нѣжность, разборчивость, деликатность, которыя отнюдь не вредятъ «мужественности» или твердости характера, когда, напротивъ, въ отчужденіи отъ общества женщинъ, душа мужчины постепенно, незамѣтно грубѣетъ, чувство и обожженіе его мало-по-малу теряютъ теплоту, мягкость, тонъ....

Совершая мои вечернія прогулки, я самъ иногда захожу въ эти кафе-рестораны, на нѣсколько минутъ, на полчаса.... перелистываю заграничныя иллюстраціи, Journal pour rire.... заглядываю въ бильярдную.... Здѣсь долго не пробудете: дымъ отъ папировъ, сигаръ и трубокъ скоро васъ отуманитъ, а неумолчный стукъ шаровъ оглушитъ, вѣсть съ громкими растабарами дѣйствующихъ лицъ и внимательныхъ зрителей; неусыпно слѣдящихъ за ходомъ интересной партіи и борьбою искусниковъ, нерѣдко извлекающихъ изъ этой забавы нѣчто существенное, потому что нельзя же цѣлый вечеръ играть даромъ, тратить время и потѣть бесполезно. Ловкій, меткій, оборотливый ударъ снижаетъ общее одобреніе, независимо отъ выгоды карманной. Одни игроки свѣняютъ другихъ, и бильярдъ почти никогда не остается празднымъ. Разговоры, замѣчанія, шутки сыплются со всѣхъ сторонъ. Вотъ съѣдой господинъ рассказываетъ веселыя анекдоты и первый свѣтается собственному остроумію; вотъ господинъ блѣдный, съ хитрымъ лицомъ, просто душно шепчетъ что-то на ухо щеголеватому юношѣ, и потомъ оба улыбаются или хохочутъ. Вотъ еще два синьора безмолвно играютъ въ домино на бутылку пива, а нѣкто въ парикѣ, закутавшись въ шинель,

преспокойно спитъ себѣ при газовомъ освѣщеніи, при говорѣ толпы и стукотнѣ шаровъ....

Бѣтъ одиннадцать—и комнаты кафе-ресторана наполняются болѣе и болѣе джентльменами, которые прѣзжаютъ сюда ужинать, на возвратномъ пути изъ театра. Прежде всего они подходятъ къ буфету, установленному предварительными закусками, да графинами съ разноцвѣтными жидкостями, болѣе или менѣе крѣпкаго свойства, и тутъ—то начинаются гомеопатическіе приемы изъ рюмочекъ. Приемы аллопатическіе, въ стаканахъ, изъ цѣлыхъ, особо потребованныхъ бутылокъ, предстоятъ уже въ столовой, за самымъ ужиномъ, изысканно, прихотливо заказаннымъ....

Недавно, зачитавшись газетъ, я долѣе обыкновеннаго засидѣлся въ одномъ изъ этихъ дымныхъ, но довольно комфортабельныхъ приютовъ, почувствовалъ аппетитъ не хуже театраловъ, и случайно былъ нѣмымъ свидѣтелемъ очень интереснаго ужина, чрезвычайно живой и занимательной бесѣды. Нѣсколько молодыхъ людей, одинъ другаго красивѣе, щеголеватѣе, образованнѣе, вели между собою преостроумный и прейбойкій разговоръ. Предметомъ его были театръ, литература, современное петербургское общество. Имя Рашели перебѣгало съ устъ на уста. Критиковали Расина, Корнеля, мнимыхъ французскихъ классиковъ, и восхищались, но не безотчетно, счастливою ихъ истолковательницей. Доставалось, какъ водится, и отсутствующимъ друзьямъ—пріятелямъ. Неистощимый запасъ эниграммъ подслащалъ вкусъ каждаго блюда и горечь англійскаго портера. Умною саркастическою рѣчью особенно отличался старѣйшій изъ собесѣдниковъ.

Впрочемъ, возрастъ его трудно было опредѣлить безошибочно. На видъ ему казалось около тридцати, но, взглянувъ пристальнѣе въ его черты, въ его полузащитныя морщины на широкомъ лбу, можно было, пожалуй, подумать, что ему и подъ сорокъ. И все въ немъ такъ—же ускользало отъ опредѣленія, не поддавалось рѣшительному приговору... толстъ онъ или тонокъ, средняго или малаго роста, смугль или блѣль, румянь или блѣдень... а что касается цвѣта глазъ, то, сколько я ихъ ни разсматривалъ, не могъ окончательно высмотрѣть: темно-голубые они, черные, сѣрые или каріе... въ нихъ смѣшивались всѣ цвѣта и не было никакого опредѣленнаго цвѣта; но они ярко свѣтились изъ своихъ глубокихъ впадинъ, то смѣющіеся, то задумчивые и унылые; выразительный ихъ взоръ, въ одну минуту ироническій, насмѣшливый, въ другую нѣжный, симпатическій, металъ искры душевнаго огня—и вдругъ они потухали, и этотъ самый взглядъ становился тусклымъ, бессмысленнымъ... Когда онъ сидѣлъ, нѣсколько сгорбившись, сутуловатый — «какой приземистый толстячекъ!» сказали—бы вы про

себя. Но вот онъ встаетъ, выпрямляется, и стройность, пропорциональность фигуры скрываетъ, скрадываетъ его ростъ, во всякомъ случаѣ не изъ высокихъ; средняя полнота маскируетъ измѣреніе, а гибкость стана уничтожаетъ и эту полноту; на щекахъ его то не видно ни кровинки, то вдругъ выступаетъ живая, юношеская краска; лицо его кажется то круглымъ, то продолговатымъ, то спокойнымъ и холоднымъ, какъ льдина, то взволнованнымъ и страстнымъ, какъ у влюбленного, порою прекраснымъ и привлекательнымъ, порою безобразнымъ, какъ у Квазимодо... Съ роду не видывалъ я такой подвижной, измѣнчивой физиономіи, и видѣлъ ее словно не въ действительности, а во снѣ, или какъ олицетвореніе капризной фантазіи, изобрѣтательный идеалъ вымышленнаго героя изысканной повѣсти. Даже объ одеждѣ его нельзя было сказать ничего вѣрнаго: модная она или устарѣлая, щеголеватая, или небрежно-простая. Въ голосъ его также безразлично соединялись полугрубый баритонъ, мягкій теноръ и сладостный дѣвическій контральтъ. Мягкіе, густые волосы его, не то черные, не то русые, вились курчавыми—но то, статья можетъ, былъ превосходный парикъ, какъ весь онъ былъ воплощенная двусмысленность, загадка...

— Престранный вы человекъ! — обращаясь къ нему, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, лѣтъ двадцати семи или осьми, высокій блондинъ, съ умнымъ, нѣсколько мечтательнымъ лицомъ.—Давно васъ знаю, но не могу постигнуть, растолковать себѣ... добры вы или злы, учены или только начитаны... мудрецъ вы, или, извините, просто шарлатанъ... существо теплое или величайшій изъ эгоистовъ... богаты или бѣдны .. Нѣтъ, повидимому у васъ есть состояніе, потому что вы ни въ чемъ себѣ не отказываете, не предаваясь однакожъ никакимъ излишествамъ... живѣте какъ всѣ мы, съ несомнѣннымъ годовымъ доходомъ!.. Говорать, что у васъ есть деревня, но ее никто не видалъ; говорить, что у васъ есть деньги, но ихъ никто не считалъ... Наконецъ я не въ силахъ понять, счастливы вы, или судьба тагуетъ надъ вами, любите вы жизнь, или совершенно къ ней равнодушны, страшно пресыщены или все жаждете безконечно... есть у васъ характеръ, или нѣтъ никакого, словно васъ кормили двадцать кормилицъ...

Покажѣтъ блондинъ говорилъ это, по лицу страннаго господина пробѣгали всевозможныя тѣни и выраженія; то онъ весело улыбался, будто слѣдя сладостныя воспоминанія, то облако печали и неизъяснимаго томленія мрачно налегало на его подвижное чело, и тогда на немъ выступалъ цѣлый рядъ широкихъ морщинъ, и все лицо его становилось вдругъ десятью годами старѣе... Чего-бы я не далъ, чтобъ знать,

безъ-сомнѣнія, любовитную, многосложную исторію его жизни, когда быть можетъ, не было никакой исторіи...

Ужинъ этихъ джентльменовъ приходилъ къ концу; принесли шампанское. Беседа ихъ становилась живѣе, разнообразнѣе. Они перескакивали съ предмета на предметъ, — и казавшіяся страннымъ, неразгаданнымъ господиномъ, послѣ долгаго молчанія, медленно и тихо заговорилъ стихами:

Вина, вина!.. давай бокалы!
Надейте влаги золотой...
Ахъ! что за люди: рюмки малы —
Давай бокалы заповѣдой!

Несутъ... вотъ онъ: каковъ бокальчикъ!
Въ немъ, право, цѣлая бутылъ...
Скорѣй откупоривай, мальчикъ...
Ага! летитъ съдаа пыль!

Смотрите: какъ клубится влага,
Пивить—и льется изъ жерла...
Бокалъ наполненъ: въ немъ отвага,
Въ немъ смѣхъ—давай его сюда!

Окончанія не припомню, хотя собесѣдники повторяли куплетъ за куплетомъ, такъ-что нѣкоторые стихи затвердились у меня въ памяти.

— Такъ вотъ что... вы и вирши плетёте? сказалъ младшій изъ джентльменовъ, хорошенькій смуглячекъ съ немного-длинноватымъ носомъ...

— Вы думаете? возразилъ чудакъ.—Сегодня утромъ, когда я выходилъ со двора, одинъ знакомый принесъ ко мнѣ цѣлую тетрадочку. «Просмотрите», говоритъ: «вы хоть и не литераторъ, а кое-что въ поэзіи маракуете»... «Хорошо, отвѣчалъ я, не отираясь, не устраивая лестнаго для меня мнѣнія:—хорошо. просмотрю на досугъ и отошлю къ какому-нибудь журналисту, если окажутся несовѣстны плохи» — такъ и сунулъ ихъ въ карманъ. Въ два часа, завтракая у Доминика, развернулъ наудачу... попалось это самое... Не знаю, можетъ быть, перевралъ, пропустилъ что-нибудь.... Хотите послушать другіе?

Онъ всталъ, пробрался въ уголъ къ своему пальто, чтобъ достать изъ кармана тетрадку...

Газъ, къ исходу, горѣлъ какъ-то темновато, плотные клубы табачнаго дыма ходили по комнатамъ и всѣ лица показывались какъ будто въ туманѣ...

Прошла минута, другая; мѣсто чудака оставалось пустымъ, и онъ не возвращался съ обещанными стихами. Собесѣдники кивнули его по имени. Отъѣзда не последовало. Посмотрѣвъ туда, сюда—и слѣтъ простылъ. Брошенное на стулѣ, въ углу, у самыхъ дверей, пальто его, мѣстѣ съ нимъ, дѣлалось не вѣсть куда, незамѣтно...

— Исчезъ! сказалъ блондинъ:—дезертировалъ! Всегда такъ скрывается, оригиналъ, не протставшись!..

Долго смотрѣлъ я на кресла, въ которыхъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сидѣлъ странный этотъ посѣтитель... явился и разсѣлся, какъ настоящая греза или видѣнiе! И теперь, когда пишу эти строки, мнѣ чудится, что онъ было существо не дѣйствительное, а призракъ, рожденный воображенiемъ. Будь я романистъ, непремѣнно воспользовался-бы этимъ живымъ мiражемъ...

Между-тѣмъ въ столовую вошла новая лица, далеко непривычныя. Ихъ встрѣчаешь на каждомъ шагѣ, въ каждомъ большомъ городѣ. Хотя на дворѣ порядкомъ морозило, они одѣты были очень легко, чуть не по лѣтнему: полуоткрытыя ихъ шеи едва повязывались какими-то модными, шелковыми обрывками; воротнички рубашекъ на вершокъ отдѣлялись отъ тѣла; узкіе полосатые брюки, пестрые жилеты, массивныя цѣпочки при часахъ, перстеньки на пальцахъ, коротенькіе сигаретчи, только-что прикрывавшіе перетянутую талию, лакированные салоги съ полустрыми носками, затѣйливыя трости, уродливо вставленные въ глазъ стѣклышка—все являло въ нихъ дюжинныхъ франтовъ средней руки. Особенно одинъ изъ этихъ господчиковъ отличался чересчуръ развязными, такъ сказать, ухарскими приѣмами. Одѣтъ онъ былъ всѣмъ пестрымъ, наряднымъ, и неслуханно молодымъ, хотя ему явно было за сорокъ, и длинныя его волосы, съ проборомъ назади, по всей вѣроятности, были произведенiемъ не природы, а парикмахерскаго искусства. Онъ безпрестанно смотрѣлся въ зеркало, страшно рисуясь и кобенясь, въ увѣренности, конечно, что онъ писанный красавецъ; самодовольно потиралъ себѣ руки или закручивалъ свои рыжеватые усы, поглаживалъ свою подчерненную эспаньольку...

Немедленно онъ потребовалъ кофьяку, хотя, кажется, у него и безъ того было уже изрядно въ головѣ, какъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало

заклѣчить по его безсвязнымъ словамъ. «Я, господа (говорялъ онъ своей подборной компаніи),—я, господа, сочинитель, отличный сочинитель... всѣхъ этихъ писателей, натуралистовъ, ретористовъ, за поясъ заткну... въ-пухъ раскритикую, уничтожу, осмѣю... У нихъ совсѣмъ нѣтъ тону, шикю... свѣта они не знаютъ, и свѣтъ, модный свѣтъ, ихъ не вѣдаетъ. Одѣться порядочно не умѣютъ... ни перчатокъ, ни бѣлья сноснаго!..

— Ну, стоить-ли о нихъ распространяться! прервалъ его какой-то толстый франтъ изъ этой компаніи, съ полузаспавными глазами и всѣми признаками безъисходной праздности.—Разумѣется, они и мизинца нашего не стоятъ...

Продолженія я не дослушалъ: мнѣ стало противно и тошно, потому-что я не терплю хватовъ и трактирнаго остроумія мнимыхъ сочинителей, пускающихъ пыль въ глаза маркерамъ и «половымъ», которые, какъ сообщаетъ корреспондентъ одной газеты, занимаются поэзіей только въ Москвѣ, декламируя гостямъ стихи Пушкина и Лермонтова.

Возвратясь домой, я нашелъ у себя, на письменномъ столѣ, присланную ко мнѣ пріателемъ ноябрьскую книжку «Современника», въ которой, между прочимъ, «Новый-Поэтъ» рассказываетъ что-то о какихъ-то *Хлыщахъ*, увѣряя, что молодчики съ этимъ нарицательнымъ соотвѣствуютъ англійскимъ «снобсамъ». Я рылся въ словаряхъ, и ни въ одномъ не нашелъ ни хлыща, ни хлыщей. Только въ «Опытѣ Област. Великорусскаго словаря» отыскалъ слѣдующія изъясненія:

«*Хлыстѣть*, гл. ср. Шататься по дворамъ, ходить изъ дома въ домъ безъ дѣла. Ниж. Новгород. Тихв.

«*Хлыстка*, и. с., ж. Волочага. Псков. Опочк.

«*Хлыстунъ*, а, с. м. Шатающийся по дворамъ, ходящій изъ дома въ домъ безъ дѣла. Нижегород. Новгород. Тихв. (стран. 248, столб. 1-й.)

Вѣроятно, отъ этого существительнаго «хлыстунъ» произошло или произведено «Новымъ-Поэтомъ» благозвучное слово «хлыщъ». Не знаю, въ какомъ собственно свойствѣ состоятъ «хлыщи» съ англійскими «снобсами», но, судя по напечатаннымъ въ *Современникѣ* же стихамъ:

- Парикъ, завитый изощренно
- И бархатъ чернаго плаща
- Изобличали несомнѣнно
- Въ немъ нестерпимаго *хлыща*!—

должно полагать, что последнее слово совершенно характеризуетъ твердыхъ хватовъ, въ родѣ тѣхъ, которые заставили меня поспѣшно удалиться изъ кафе-ресторана, куда зашелъ я просмотрѣть газеты. Впрочемъ, значеніе этого слова редакторъ «Современника», г-нъ Иванъ Панаевъ, обѣщаетъ подробно объяснить въ особомъ сочиненіи, подъ названіемъ *Опытъ о хлыщахъ*.

15 ноября.—Канавы мерзнуть, на Невѣ показался тонкій ледъ, и утромъ 14-го Исакиевскій мостъ развели. Но съ тѣхъ поръ, какъ у насъ есть постоянный Благовѣщенскій, намъ мало заботы, идетъ или не идетъ ледъ: кому нужно, всѣ идутъ и ѣдутъ на Васильевскій-островъ и на Петербургскую сторону, хотя-бы выль страшный вѣтеръ и весь по Невѣ тяжелья, огромныя льдины, или сплошь покрыльши рѣку вдоль и отъ берега до берега. А бывало, сколько хлопотъ, опасеній, тревогъ, ожиданій съ этой переправой, которую останавливала вечерняя темнота или вовсе прекращалъ напоръ льда! Память каждаго петербургскаго жителя, конечно, сохраняетъ не одинъ интересный случай или романтическое приключеніе по поводу весеннихъ и осеннихъ перевозовъ, когда, во дни оны, барахтались съ невскими льдинами грузныя барки и легкіе ялки, которые ни вѣсть куда заносило изворотами проталинь. Сколько бывало запоздалыхъ странниковъ, сѣтующихъ и забнувшихъ странницъ, непопавшихъ домой, искавшихъ пріюта у знакомыхъ!

Сегодня, въ воскресенье, было прекрасное полузимнее утро. Блѣдныхъ барышень петербургскихъ разрумянилъ морозъ и вмѣстѣ съ тѣмъ согрѣвало яркое солнце. Невскій-проспектъ кипѣлъ народомъ; въ Пассажѣ пыль отъ толпы поднималась до стеклянной крыши, и полупрозрачнымъ слоемъ налегала на узкія зеркала простѣянковъ. До сумерекъ гуляющая публика не оставляла улицъ, а зѣваки, которые обыкновенно обѣдаютъ рано, или гдѣ-нибудь на пути, чтобъ не стѣснять себя временнымъ возвращеніемъ домой для этой потребности, терпѣливо ждали вечерняго газоваго освѣщенія. Подумаешь, что иной изъ нихъ вчера только впервые пріѣхалъ въ столицу изъ степной глуши—съ такою послѣдовательностью останавливается онъ у каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго магазина, съ такою внимательностью разсматриваетъ разложенные или ратвѣшанные въ окнахъ его красивые товары. Въ Пассажѣ онъ не налюбуется галантерейностями Дарзааса, которыми, впрочемъ, всѣ болѣею-частью только любуются, и въ сотый разъ апатически созерцаетъ одиѣ и тѣ же литографированныя головки Бюргера, который, кажется, хочетъ сосредоточить здѣсь идеалы красоты; на Невскомъ онъ, зѣвака, по десяти минутъ дежуритъ у каждаго газоваго рожка, озаряющаго какую-нибудь заманчивую или

замысловатую «дизаюстрию»; сторожить живыя головки въ зеркальцѣхъ окнахъ извѣстной великолѣпной кондитерской, и даже не прочь поглядѣть на сапоги и башмаки братьевъ Королевыхъ, красующіеся тамъ, гдѣ недавно еще продвзались папирасы Спидгазова, картыны Бегрова, да гипсовыя статуэтки г. Степацова, перенесенныя теперь въ книжную лавку Баунова, гдѣ и приличіе похвѣщаться нелѣстивымъ изображеніемъ знаменитостей литературныхъ или артистическихъ. Дресытася Невскимъ, зѣвака метолически направляетъ стопы къ Гостинному двору, медленно обходитъ его кругомъ, не утомляясь наблюденіями, и напоследокъ, когда ноги рѣшительно уже отказываются служить ему, глаза перестаютъ вращаться, не пѣвдася нимоелькающею розовою или голубою шляпкою, беретъ извозчика и спѣшитъ во свояси, ко сну, исполненному, вѣроятно, цестрѣйшихъ видѣній...

17 числа. — Всѣ въ шубахъ, а змы, настоящей змы нѣтъ, какъ нѣтъ! Одного холода недостаточно. Морозъ безъ снѣга, какъ веселая земля и деревья безъ зелени — недооконченный очеркъ, пейзажъ блѣдный и обнаженный! Экипажи на колесахъ неприятно стучать по замерзшей мостовой, и я, съ нетерпѣніемъ деревенскаго вацьки, жду санной «первопутки». Я люблю Петербургъ зимою, когда онъ, сѣверный красавецъ, одѣнется бѣлымъ покровомъ, Нева раскинется гладкою равниной, закрутитъ ингерманландская вьюга между исподлинскими громадами, завоетъ на широкихъ улицахъ леденящій вѣтеръ, затрещитъ декабрьскій морозъ подъ ногами, и въ палевыхъ отблескахъ луны алмазнымъ свѣтомъ засеребрятся свѣтлыя искры снѣга... какое тогда раздолье у каміа, съ умною книгою, съ стаканомъ добраго вина или просто чаю, настоеннаго въ чистой, свѣжей водѣ, въ которую ледъ не допустилъ, какъ въ вино, никакой сторонней подмѣси!

А цѣльное, добросовѣстно приготовленное вино, которое въ древности, безъ вреда здоровью, пили кубками и чашами — цѣльное вино, хочу сказать я, и чистая вода, въ цовѣйшія времена, голъ отъ голу болѣе и болѣе стали обращать на себя вниманіе. Болѣзнь виноградная или малый его урожай, умноженіе потребителей и стремленіе торговцевъ скорѣе обогатиться, повсюду, во всѣхъ странахъ, имѣли неблагоприятное вліяніе на достоинство крѣпкихъ напитковъ и неукоризненность ихъ состава. Что-же касается воды, большіе города, и особенно столицы, всегда и вездѣ нуждались или въ самомъ ея количествѣ (какъ, наприм., прежде Москва), или въ улучшеніи ея качества, играющаго немаловажную роль въ условіяхъ общественнаго здоровья. Петербургъ, конечно, не можетъ пожаловаться на недостатокъ воды: Нева съ своими рукавами, Фонтанка, Мойка, Екатерининскій, Обводный

и другіе каналы обильно напоить огромнѣйшее народонаселеніе; но дѣло въ томъ, что подлѣ рѣки живутъ немногіе, а большинство, то-есть жители внутреннихъ частей города принуждены довольствоваться водою изъ каналовъ, которая въ свѣжести, чистотѣ и вкусѣ далеко уступаетъ невской; но скоро и это неудобство устранился. Учредители «Общества снабженія Петербурга Невскою водою» недавно сообщили въ газетахъ подробности этого общепользнаго предпріятія. На берегу Невы, близъ Александровской-Лавры, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, не засоряемая потоками съ улицъ, сохраняетъ свою естественную чистоту, устроится водоподъемное зданіе. Вода въ немъ будетъ подниматься паровыми машинами на высоту до 120-ти футовъ отъ уровня рѣки, и такимъ образомъ достигать верхнихъ этажей самыхъ отдаленныхъ кварталовъ, и дѣйствовать изъ пожарныхъ крановъ по зданіямъ всякой высоты. Для очищенія воды отъ пловучаго сора и водяныхъ растений, она будетъ проходить предварительно чрезъ фильтры, которые весной и осенью должны быть усиливаемы особыми водоочистительными слоями, соотвѣтственно состоянію воды, всегда болѣе или менѣе мутной во время оттепелей и ледохода. Проходя на глубинѣ почти семи футовъ подъ землею, вода сохранитъ въ себѣ постоянную температуру—около восьми градусовъ, столь пріятную въ знойную лѣтнюю пору. Сила машинъ и размѣры водопроводныхъ трубъ рассчитываются такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было въ теченіе сутокъ доставлять жителямъ до 4.700,000 ведеръ воды, т. е. самое большое количество, въ какомъ можетъ предвидѣться дѣйствительная нужда...

Воду по улицамъ отъ водоподъемнаго зданія полагается проводить посредствомъ чугунныхъ трубъ. Главная или магистральная ихъ линія пойдетъ по Невскому-проспекту; отъ нея будутъ отдѣляться въ обѣ стороны по улицамъ, пересѣкающимъ Невскій-проспектъ или прилегающимъ къ нему, второстепенныя линіи, отъ которыхъ пойдутъ побочныя вѣтви съ дальнѣйшими подраздѣленіями. По линіи трубъ будетъ построено достаточное число водоемовъ, или теплыхъ сторожевыхъ будокъ, для отпуска изъ нихъ воды ведрами, по четверти коп. за ведро, и бочками, по пяти коп. за каждую, на наличныя деньги или по особымъ контриаркамъ. Кромѣ водоемовъ, располагаемыхъ на удобныхъ мѣстахъ, и въ такомъ одинъ отъ другаго разстояніи, чтобъ доставка воды въ дома не превышала ста саженъ, предполагается устроить, для украшенія города, три фонтана на площадяхъ: предъ станціею С.-Петербургско-московской желѣзной дороги, у Казанскаго-собора и у Сняго-моста; сверхъ того, на линіи водопроводныхъ трубъ будутъ поставлены пожарныя краны, на такомъ взаимномъ разстояніи, чтобъ дѣ-

ствіе каждаго изъ нихъ простиралось на пространство, занимающее до пяти сотъ квадратныхъ сажень. «Можете себѣ представить», прибавляютъ въ статьѣ, изъ которой извлекаю эти любопытныя свѣдѣнія; «какое содѣйствіе для тушенія пожаровъ окажетъ непрерывная струя воды, выбрасываемая помощью этихъ крановъ, нѣсколькими руками, и направляемая по произволу въ наиболее опасныя мѣста!» Тѣ же краны могутъ служить домовладельцамъ и для поливанія въ сухое время улицы предъ ихъ домами... Короче; это одно изъ тѣхъ, наиболее заслуживающихъ общественной благодарности, предпріятій, которыми нельзя не пожелать полного и блистательнаго успѣха.

Всѣ части этой довольно-многосложной работы предполагаются къ совершенію, какъ сказано въ § 19-мъ устава, въ теченіе двухъ лѣтъ, если весь капиталъ Общества будетъ собранъ предварительно. Но какъ водоснабженіе, при устройствѣ главной магистральной линіи, можетъ быть введено въ однихъ улицахъ независимо отъ другихъ, то, не стѣсняясь ожиданіемъ окончательнаго сбора всего капитала, Общество, согласно § 18-му, не замедлитъ приступить къ дѣлу по составленіи $\frac{1}{4}$ доли этой суммы. Части: Рождественская, Каретная, Литейная и Московская, преимущественно нуждающіяся въ чистой водѣ, получатъ ее прежде другихъ, и такимъ образомъ, съ перваго же года водоснабженіе удовлетворитъ требованіямъ 150,000 жителей столицы. Отъ бѣльшей или мѣньшей степени ихъ участія въ дѣлѣ, то-есть отъ числа акціонеровъ или количества акцій, зависѣть будетъ счастливое довершеніе всего предпріятія. Должно, впрочемъ, предполагать, что ихъ окажется не мало: на основаніи составленныхъ Обществомъ соображеній и расчетовъ, предпріятіе это обѣщаетъ значительныя для участниковъ выгоды, такъ-что ежегодная прибыль, по приведеніи къ окончанію всего устройства, простираться будетъ на акцію до 15 процентовъ и даже болѣе... Соблазнительно! Не взять ли десятокъ, другой акцій? *

А пока благое дѣло достигнетъ желаемыхъ результатовъ, тѣ, которые, по отдаленности, не могутъ пользоваться невскою водою, должны по-прежнему прибѣгать къ пособію домашнихъ фильтровъ или водоочистительныхъ сосудовъ. Мастеровъ, приготавливающихъ эти полезныя машины, въ настоящее время достаточно развелось въ Петербургѣ, съ

* Авторъ дневника къ измеченію своему забылъ прибавить, что цѣна каждой акціи назначена по 50 руб. сер. Учредители Общества приглашаютъ желающихъ участвовать въ этомъ дѣлѣ обращаться съ требованіемъ акцій въ Правленіе Общества, у Краснаго моста, въ домѣ Таля (ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ десяти часовъ утра до двухъ пополудни), гдѣ предъявляются уставъ Общества и Высочайше утвержденныя планы проекта и расчеты, на которыхъ основана предполагаемая съ акцій прибыль. *Ред.*

легкой руки известнаго Дмитрія Ансеновскаго. Между прочимъ, онъ ведалъ когда-то цѣлую книжечку собственныхъ стихотвореній и, пропуская воду сквозь уголь и камень, не перестаетъ слагать досужія пѣнопѣнія. Онъ обыкновенно и говоритъ большею-частью созвучіями, стихами, которые, конечно, не всегда бываютъ въ такой степени чисты, какъ струя воды изъ егo машинки: но для простолюдина, который самъ выучился грамотѣ и простою сметливостью смышленнаго русскаго ума добрался до разныхъ «художествъ», довольно и того, что онъ отличаетъ ямбъ отъ хорей. Вѣдь, говорятъ, и всѣ такъ-называемые «сельскіе» стихотворцы наши, отъ Слѣпушкина до знаменитаго поэта-прасола Кольцова, писали не безъ поправки, не безъ нѣкотораго участія со стороны коренныхъ грамотѣевъ, литераторовъ...

Далѣе авторъ дневника впадаетъ въ отвлеченности о поэзіи искусственной и простонародной, и потому мы прекращаемъ выписку, тѣмъ болѣе, что должны дать мѣсто другой статьѣ.

Случай иногда странно распоряжается человѣческими замыслами. Часто онъ сближаетъ, соединяетъ двѣ противоположныя крайности, придаетъ умно и глубоко-задуманному предположенію совершенно нежданное направленіе и выводитъ изъ дѣла результатъ, противурѣчащій тому, котораго ожидали. Такъ нѣмецкіе ученые, народъ глубокомысленный, лѣтъ десять тому, пустились придумывать, для пользы человечества, средство, обладающее силою, еще разрушительнѣе той, которою одаренъ порохъ. Господа эти завидовали заслуженной славѣ Бартольда Шварца и стремились свергнуть его съ вѣковаго пьедестала. Старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ: Шенбейнъ изобрѣлъ взрывную хлопчатую бумагу и пустилъ этотъ молніеносный снарядъ по свѣту. Не наша обязанность разбирать, удачно или неудачно было это изобрѣтеніе, дѣло въ томъ, что оно явилось и всѣ науки жадно схватились за него. Химія, принявшись за эту хлопчатую бумагу, подвергла ее разнымъ опытамъ и нашла, что новаго рода порохъ, промытый и очищенный отъ находящихся въ немъ кислотъ, растворяется въ эфирѣ и образуетъ съ нимъ особаго рода лакъ, прозванный колодіонъ. Этотъ-то колодіонъ теперь вѣрнѣйшее и лучшее пособіе свѣтописи!

Отъ этого открытія произошла новая отрасль свѣтописи, сродная ніенситипіи и витротипіи, по образу своего употребленія, но различная отъ нихъ, по представляемымъ ею результатамъ. Дагеротипныя изображенія, оттиски, дѣлаемые посредствомъ колодіона на стеклѣ, отличаются уди-

взвѣснѣею освѣщенностью и рѣзкимъ обозначеніемъ контуровъ, и кроѣ того представляютъ поразительную мягкость въ тонахъ и отбѣнкахъ; мелутины отражаются въ нихъ нѣжно, свѣтотѣни мало измѣняются и являются въ правильныхъ соотношеніяхъ. Тщательно приготовленное изображение посредствомъ колодіона почти уже не нуждается въ пособіи кисти художника; вѣрнее, точное во всѣхъ своихъ частяхъ, оно является самостоятельнымъ дѣломъ и даетъ право этой отрасли свѣтописи носить особое, свойственное ей названіе—*колодіонтини*.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ Петербургѣ художника, болѣе впрочемъ занимающагося этой новой отраслью фотографіи и дошедшаго уже до замѣчательныхъ результатовъ. Это И. О. Александровскій. * Хорошій живописецъ, и очень свѣдующій химикъ, Александровскій посвятилъ себя свѣтописи и сталъ опытнымъ дагеротипистомъ и фотографомъ. Привлекая къ тому малому числу художниковъ, которые занимаются дѣломъ своимъ съ любовью и не обращаютъ художества въ ремесло, Александровскій тщательно слѣдитъ за всѣми улучшеніями, производимыми въ области его искусства, подвергаетъ каждое новое открытіе совѣстливымъ опытамъ, изучаетъ каждую бездѣлицу и старается приравнять ее къ дѣлу. Онъ, не щадя издержекъ и трудовъ, неоднократно ѣздилъ въ Парижъ и Лондонъ, наблюдалъ за успѣхами фотографіи на Всемирной-Выставкѣ и изучалъ природу и ея таинства въ своихъ многоразныхъ путешествіяхъ по Россіи, которую извѣдывалъ по всѣмъ почти направленіямъ, взбирался на заоблачныя высоты Арарата и спускался въ дикія ущелія Баку. Александровскій видѣлъ и вѣчный ледъ, и вѣчный огонь, и вездѣ въ товариществѣ съ даггеровой камерой, съ своими химическими и оптическими снарядами. Не мудрено, что, послѣ столькихъ опытовъ и испытаній, онъ достигъ довольно значительной степени совершенства въ своемъ искусствѣ. Особенно замѣчательны его колодіонтинны на стеклѣ и на бумагѣ, приготовляемые по новому, имъ самимъ улучшенному, способу. Въ нихъ онъ, такъ сказать, не копируетъ, а рисуетъ, не подражаетъ, а преобразуетъ, не переводитъ, а творитъ. Лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ послужитъ фотолитографическій снимокъ съ колодіонтинна одного изъ извѣстныхъ, заслуженныхъ артистовъ нашихъ, который мы дадимъ при одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Пантеона»: въ этомъ портретѣ нѣтъ и тѣни той мертвенности, которую ставятъ въ упрекъ свѣтописи. Лицо здѣсь оживлено мыслью, пріятностью, нѣжностью, оно выражаетъ характеръ и удивляетъ сходствомъ и оконченностью. Вотъ главная за-

* На углу Невскаго-проспекта и Большой-садовой, въ домѣ Паскова-Шарапова.

слуга коллодиціи, заслуга, основанная на восприимчивости матеріала и на краткости времени, потребнаго для сеанса: съ него возможна вѣрная и хорошая копія. Десять, двадцать секундъ—и изображеніе готово! Конечно, здѣсь, какъ во всемъ, необходимъ талантъ; но Александровскій, какъ истинный артистъ, обладаетъ рѣдкимъ художественнымъ тактомъ, который способствуетъ ему почти къ постоянной удачѣ.

Коллодиція однакожъ не составляетъ единственной заслуги Александровскаго. Неутомимый въ своихъ стараніяхъ, онъ не ограничился одной этою отраслюю свѣтописи. Вниманіе его устремилось и на дивное изобрѣтеніе Уитсона, стереоскопію. Принимаясь къ мысли знаменитаго Леонардо да-Винчи, который первый замѣтилъ, что предметы представляются лѣвому и правому глазу не съ одинакой точки зрѣнія, и предугадывалъ, что на этомъ-то соединеніи двухъ изображеній одного и того-же предмета подъ разными углами, основывается проявленіе его нашему зрѣнію не плоскимъ, а выпуклымъ, со всѣми его рельефами, Уитсонъ придумалъ снарядъ, гдѣ посредствомъ оптики, перевода эту способность нашего зрѣнія на предметы совершенно плоскіе, т.-е. на картины, представляетъ ихъ выпуклыми, какъ они существуютъ въ природѣ. Дагеротипія пришла на помощь этому изобрѣтенію. Но какъ для воспроизведенія этого эффекта нужны два изображенія одного и того-же предмета, подъ разными углами, то надо было наводить на предметъ дагеротипный снарядъ два раза, съ разныхъ сторонъ. Александровскій замѣтилъ, что передвиженіе машины при снятіи стереоскопическихъ изображеній только затрудняетъ исполненіе и увеличиваетъ время сеанса, тогда-какъ два требуемыхъ для стереоскоповъ изображенія весьма удобно могутъ сниматься вмѣстѣ, въ одно и тоже время. Убѣдась въ этомъ, Александровскій устроилъ особенную машину съ двумя объективными стрѣлами, находящимися въ вѣстномъ между собою отношеніи, посредствомъ которой снимаетъ стереоскопы въ самое короткое время и совершенно устраняетъ недостатки, какіе могли-бы произойти въ-слѣдствіе немного большаго или меньшаго передвиженія машины, условія важнаго въ искусствѣ, требующемъ математической точности. Теперь недостатки исчезли, и оптикамъ и фотографамъ предлежитъ другое поле для важнаго открытія, неисчислимаго въ своихъ результатахъ,—надо придумать такой снарядъ, изобрѣсти такой матеріалъ, помощію которыхъ изображенія представлялись-бы простому, невооруженному глазу въ такомъ видѣ, въ какомъ они являются чрезъ стереоскопическій лорнетъ. Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго; знаніе оптики и химіи, и законовъ отраженія и преломленія лучей свѣта, тщательное изученіе и наблюденіе феномена стереоскопіи, могутъ весьма легко направить чей-нибудь свѣтлый умъ на счастливую мысль

и приѣзженіе, и тогда цѣль стереоскопіи вполне достигнута. Мы будемъ обладать уже не сознаніями ваятелей и живописцевъ, не картинами, не кусками холоднаго мрамора, а живыми изображеніями прекрасныхъ или почему-либо драгоценныхъ для насъ лицъ и рельефными снимками живописныхъ мѣстностей и величественныхъ произведеній зодчества и скульптуры. Дошла-же гравюра до подобнаго совершенства, что представляетъ намъ оттиски съ медалей выпуклыми: и не уступить ей свѣтопись, въ области которой неутомимо трудятся художники и ученые; каковы: Ньепсы, Легре, Уитсоны, Мартены, Левицкіе, Даутенден, Александровскіе. Въ заботахъ и стараніяхъ ихъ нельзя не видѣть вѣрнаго рачительства въ дальнѣйшихъ успѣхахъ чуднаго открытія Даггера, которое, въ самое короткое время, нашло уже себѣ приложенія ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ.

Заключая нашъ Вѣстникъ, встречаемъ въ газетахъ извѣстіе объ открытіи выставки лотереи серебряныхъ вещей, въ пользу неимущихъ, приращиваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ. Лотерея эта состоитъ изъ тысячи выигрышей, на сумму до 30 тысячъ рублей серебромъ. Всѣ, безъ исключенія, выигрыши, изъ чистаго серебра 84-й пробы, работы Сазикова. Тутъ, между прочимъ, очень заманчивымъ и привлекательнымъ, найдете суповую чашу и вазы для шампанскаго, бульонныя чашки и подносы, чайныя сервизы и столовыя приборы. Выставка находится въ Большой-Морской, на углу Гороховой, въ д. Тулубьева, надъ магазиномъ Вилліама Кене (magasin Etranger). Входъ на выставку бесплатный, ежедневно отъ часа до девяти часовъ вечера. Выставка освѣщена солдями и бенгальскими лампами новаго изобрѣтенія Штаанге. Цѣна билета одинъ рубль серебромъ.

Съ первыми морозами установилась и постоянная мода въ Петербургскомъ фешенебельномъ мірѣ. Хотя балы еще не начались, но блистательная публика, которая собирается въ Итальянскую оперу и на модные спектакли г-жи Рашель, въ особенности отличается туалетами дамъ, которыя состязаются другъ съ другомъ во вкусѣ, въ богатствѣ и въ пышности своихъ нарядовъ. Пять, шесть прекрасныхъ, солнечныхъ дней, выманивъ нашихъ щеголяхъ на широкіе тротуары Невскаго проспекта, показали намъ во всемъ блескѣ нѣсколько утреннихъ костю-

новъ самой утонченной изобрѣтательности. Наступившее время свадебъ также много способствуетъ у насъ къ установленію моды. По части нарядовъ мы беремъ у Парижа все лучшее: и наши подвѣчные и свадебныя платья по истинѣ—загляденья. Подите полюбоваться выставленнымъ приданнымъ любой не-бѣдной невѣсты и вы изумитесь обилію, разнообразію, утонченности современной моды, которая все обращаетъ въ роскошь, и творя изъ лоскутьевъ диковняки, совершенно наоборотъ съ бумажными фабрикантами, не изъ тряпокъ дѣлаетъ бумагу, а бумажки обращаетъ въ тряпье. Но оставя въ сторонѣ вопросы, болѣе или менѣе щекотливыя, перейдемъ прямо къ описанію тѣхъ нарядовъ, которые обратили на себя всеобщее вниманіе. Вотъ они:

1-й нарядъ. (Подвѣчный.) Тонкое газовое платье съ пятью воланами, на чухлѣ изъ гро-гранъ моаръ. Сквозь складки волановъ пропущена широкая атласная лента. Кофточка гладкая, до шеи (montente), впереди застегнута бантами изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ. Рукава греческіе, съ разрѣзомъ—напереди—сверху до низу, а назадъ—только въ раструбѣ. Разрѣзы эти также схвачены бантиками изъ бѣлыхъ лентъ. Прическа греческая; голова убрана оранжевыми цвѣтками, безъ зелени; назадъ спускается самое простенькое тюлевое покрывало. Подрукавники простенькіе, круглые, прикрывающіе руки до самой кисти. Вообще въ этомъ нарядѣ обнажены только лицо и часть шеи. Золотыхъ украшеній, жемчуговъ и каменьева—подъ вѣнецъ отнюдь не надѣваютъ.

2-й нарядъ. Шляпка крошечная, бархатная, отдѣланная черными кружевами и лентами, въ видѣ чепца. Цвѣты на ней подъ цвѣтъ лентамъ. Платье шелковое, съ тремя широкими тюниками, обшитыми бархатной полоскою. Корсажъ открытый, съ отворотами, также обшитыми, какъ и тюники. Богатая шемизетка изъ шитья и кружева. Маленькая черная мантилья, также вся обшита въ вѣсколько рядовъ бархатцемъ, и схваченная напереди бархатнымъ бантомъ. Браслетки бархатныя съ металлическими пряжками.

3-й нарядъ. (Визитный.) Платье пуде-соа, съ четырьмя воланами, съ выѣчкою. Высокій лифъ; рукава съ разрѣзомъ напереди, обшитыя двумя воланами. Шляпка изъ неразрѣзнаго бархата, убранная кружевами и цвѣтами. Мантилья—Тальяма изъ чернаго кружева, около шеи собранная на ленту, а надъ рукавами приподнятая бантами.

4-й нарядъ. (Для выѣздовъ.) Шляпка атласная, съ чѣть замѣтными полями, убранная блондами и цвѣтами. Платье баржевое, съ пятью воланами, которые обшиты лентою моаръ. Корсажъ съ открытой грудью и полу-длинными рукавами, также отдѣланными, какъ и воланы.

Платонъ препонъ, вышитый шелками и золотомъ, и обшитый золотомъ бахрамою.

5-й нарядъ. (Для прогулокъ.) Шляпка атласная, отдѣланная чернымъ бархатомъ и кружевами. Платье бархатное, вмѣсто волановъ, въ три ряда вышитое шелковыми гирляндами; корсажъ закрытый, съ басиннами и съ полудлинными рукавами, приподнятыми на сгибѣ—бантами. Грудь корсажа, басинны и низъ рукавовъ также вышиты гирляндами, какъ и платье. Богатые, широкіе кружевные подрукавники. Золотые браслеты.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- NYR.** Feuilles printanières. Trois morceaux caractéristiques, № 1, La Sérénité. № 2. Le Chant. № 3. L'Agitation. (Chaque. 70 к.) Petite fantaisie sur l'opéra: Don Juan (70 к.)
- RIEHNOLLER.** Fête des Gondoliers. Schottisch brillant. (75 к.) Rondo sur l'opéra: Elisire d'amore. (75 к.)
- SLANER.** Les Inséparables. Deux mazurkas. (Chaque (60 к.) Collection de Morceaux élégants sur des danses favorites. Op. 104. № 1. Solianka Polka. № 2. Träume auf dem Ocean, Valse de Gang'l. № 3. Sturm-Marsch-Galop. № 4. Amalien-Galop. № 5. Fleurs de fantaisie—Valse. № 6. Wiener Polka (Chaque 75 к.)
- REYSCHOCK.** Hommage à Vienne. Op. 95. (85 к.)
- RIEDEL.** Sophie — Polka — Nouvelle. (60 к.) Grande Valse, dédiée à Sa Majesté L'Impératrice de toutes les Russies. (1 p. 70 к.)
- PAHL.** Rigoletto. Fantaisie. (85 к.)
- KORTSKI.** Fantaisie sur l'opéra: Stradella. (1 p. 30 к.) Murmure de la source. (60 к.) Fantaisie sur la Sonnambula. (1 p. 40 к.) Mazurka favorite. (70 к.) Souvenir d'Espagne. Fantaisie. (2 p. 30 к.)
- LITOLFF.** Elegie. Op. 64. (85 к.) La Harpe d'Eole. Morceau de Salon. (1 p. 30 к.) Perles harmoniques. Pensée musicale. (1 p. 15 к.)
- MAYER. CH.** Mazurka — Gracieuse. Op. 167. (85 к.) Romaneske. Op. 187. (85 к.)
- SCHULHOFF.** Trois Idylles. Op. 36. № 1. Doux reproche. № 2. Etoile du soir. № 3. Le Ruisseau. (1 p. 50 к.)
- TRALBERG. S.** L'Art du Chant appliqué au piano. Op. 70. № 1. Quatuor de l'opéra Puritani. № 2. Tre giorni, air de Pergolèse. № 3. Adelaide de Beethoven. № 4. Air d'Eglise du célèbre chanteur, Stradella. № 5. Lacrymosa tiré du Requiem de Mozart et Duo de l'opéra: Noces de Figaro de Mozart. № 6. Perche mi guardi e piangi. Duo de l'opéra Zelmira de Rossini. (Nouvelle édition revue). (Chaque 1 p. 15 к.)
- VOSS.** Mathilda. Polka-Mazurka. (1 p. 15 к.) Marie. Polka-Mazurka. (1 p. 15 к.) Muette de Portici. Fantaisie. Op. 152. (1 p. 72 к.) Grande-Fantaisie brillante sur opéra: Luisa Miller de Verdi. (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Puritani. (2 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Indra. (1 p. 72 к.)
- WILLMERS.** Le Rossignol. Piece de Concert. (1 p. 15 к.) Gondelfahrt. Barcarole. Op. 79. (1 p. 15 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Гдѣ вы дни мои, дни весенніе (40 к.) Грусть дѣвушки. (40 к.)
Не скажу ни кому отчего. (40 к.) Съ радости веселья хмѣ-
лемъ кудри вьются. (40 к.)

ВИЛЬВОД. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) Ахъ зачѣмъ меня силой выда-
ли? (70 к.) Моряки. Дуэтъ. (1 р. 15 к.) Взошелъ на небо мѣ-
сяцъ ясный. (75 к.) Волшебный мракъ отрадной ночи. Дуэтъ.
(1 р. 15 к.)

ГУРНИЦЪ. Однозвучно гремятъ колокольчикъ и дорога пылится слегка. (80 к.)
Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати: полная школа
для скрипки, съ примѣрами и упражненіями на русскомъ французскомъ и
нѣмецкомъ языкахъ, сочиненіе извѣстнаго *Д. Алара*. Эта школа приня-
та для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи. Цѣна (6 р.)
Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕДЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауберта.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ
и кѣмъ были бы они ни изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ,
на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб.
сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ
на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ
ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер.,
пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точ-
нымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музы-
кальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ.
Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удо-
влетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою
отходящею почтою. Каталоги какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инстру-
ментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются
при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя стру-
ны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и
Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОБИТЬ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Н. КРЕСТОВСКАГО.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОСЛОВИЦЫ: Quand on veut tuer son chien.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ РОЖКОВЪ.

г-нъ Мартыновъ.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА РОЖКОВА, жена его.

г-жа Орлова.

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ КУВЯНСКІЙ, университетскій товарищъ
Рожкова, франтъ, объѣздившій Европу.

г-нъ Максимовъ.

ЛИЗА, горничная Александры Михайловны, дочь кормилицы Рожкова.

г-жа Шубертъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, на дачѣ Рожкова.

Театръ представляет комнату, изъ которой по срединѣ выходъ въ садъ. Налѣво дверь въ комнату Рожкова, направо дверь въ половину его жены. Столъ, диванъ, фортепьяно, пальцы и прочее.

I.

ЛИЗА одна, готовя чай у стола и передразнивая голосъ и походку Рожкова, кричать:

Лиза! гдѣ мой галстухъ?.. Лизка! куда ты забросила мои перчатки?.. Елизавета! куда ты засунула мои подтяжки?.. (*своимъ голосомъ*). Вотъ точно такъ начинается утро у барина: по моему онъ просто растеряха... Ну, и съ другой стороны, не лучше муженька... (*дразня голосъ Рожковой*). Лиза! гдѣ мой корсетъ? Елизавета! подай туфли! Лиза! куда дѣвались духи, помада?.. (*своимъ голосомъ*). Ахъ! какъ похоже я передразнила барыню! У нея тоже каждое утро одна пѣсня! (*начиная убирать работу Рожковой и прочее, все больше приводить въ безпорядокъ, то сомнетъ, то уронитъ, юворя*). Ни мужъ, ни жена, никакого порядка не знаютъ, а виновата во всемъ я! (*снова передразнивая обомъ*). Ты вѣтренница! ты дура! Я тебя выгоню! Попробуйте-ка... Да вы безъ меня оба пропадете!

РОЖКОВЪ (*нальво за кулисами*). Лизанька!

ЛИЗА (*складывая руки*). Вотъ, вотъ начинается!

РОЖКОВЪ. Куда ты дѣвала мой жилетъ?

ЛИЗА. А! сегодня ищеть жилетку.

РОЖКОВЪ. И лакированныхъ сапожковъ не найду!

ЛИЗА. И сапоги разбросалъ. Вѣдь вотъ всегда какъ (*какъ будто скиная жилетъ и бросая, потомъ садясь въ кресла и сбрасывая съ ногъ башмаки*). Разъ, два, три! Право, право такъ, особливо какъ поздно воротится изъ гостей, только успевай подбирать!..

РОЖКОВЪ. Слышишь ли ты, Елизавета?

ЛИЗА. Не глуха, слушаю—съ (*щипетъ*). Куда дѣвались его саво-
жонки? (*вынимая изъ-подъ кресель жилетъ*). А! вотъ жилетка...
Эта ужъ всегда навѣрное подъ креслами... А вотъ и сапоги у ками-
на... (*взявъ одинъ сапогъ у камина*). Нѣтъ! Тутъ только одинъ,
а гдѣ же другой? Посмотрите пожалуйста: а лѣвый вонъ куда, на
фортепьяно попалъ! Ха, ха, ха! Вотъ каковъ у насъ порядокъ!

РОЖКОВЪ. Лиза! смотри! я у дверей, я близко!..

ЛИЗА (*крича*). Несу, несу! Вотъ извольте взять! (*отдаетъ жи-
летъ и сапоги въ полуотворенную дверь*).

РОЖКОВЪ. Разниа!

ЛИЗА. Это вмѣсто спасибо.

РОЖКОВА (*направо за кулисами*). Елизавета!

ЛИЗА. А вотъ теперъ и съ другой стороны.

РОЖКОВА. Лиза! Гдѣ мои щеточки?

ЛИЗА. Тамъ—съ, на полу: онѣ вчера вечеромъ упали съ туалета.

РОЖКОВА. Хорошо. А гдѣ мой утренній капотъ?

ЛИЗА. Если вы не подняли его, то онѣ долженъ быть все еще
тамъ, въ проходѣ за кроватью...

РОЖКОВА. Да поди же сюда! Что ты тамъ дѣлаешь?

ЛИЗА. Да помилюйте, я все утро ухаживаю за баринномъ, и чай
готовлю!

РОЖКОВА. У тебя ни въ чемъ нѣтъ порядка! О, я прогоню тебя!

ЛИЗА. Вотъ благодарность! Нѣтъ—съ, извините—съ: если бы не я,
такъ у васъ бы весь домъ пошелъ вверхъ дномъ (*ставя небрежно
стулъ къ чайному столу, роняетъ его*). Гм! Да я смѣюсь надъ
этимъ! (*беретъ съ фортепьяно ноты и кладетъ ихъ небрежно
на горку, съ которой онѣ падаютъ на полъ*). Вотъ если бы вы
сами были аккуратны, такъ у васъ и въ домѣ былъ бы порядокъ;
а то...

II.

РОЖКОВЪ, РОЖКОВА, выходятъ съ разныхъ сторонъ, и ЛИЗА.

РОЖКОВЪ (*безъ фрака*). А гдѣ это? (*показываетъ Лизѣ, что
онѣ въ одномъ жилетѣ*).

ЛИЗА. Что—съ?

РОЖКОВЪ (*подходя къ женѣ*). Что! (*цѣлуя руку у жены*).
Здравствуй, мамочка.

РОЖКОВА (*садится разлизать чай*). Bon jour. Ты вчера поздно воротился?

РОЖКОВЪ. Да; и вѣтъ, по милости этой дуры, не знаю когда выйду изъ дому! Гдѣ мое платье?

ЛИЗА. Какое платье?

РОЖКОВЪ. Она не знаетъ, какое платье! А это... что сверху то надевается... не знаешь? Изволь, я тебѣ растолкую: съ двумя рукавами, здѣсь пуговицы, и воротникъ, съ фалдами — понятно?

ЛИЗА. Вы видно, баринъ, все еще принимаете меня за деревенскую дуру? Я знаю, что вамъ нуженъ фракъ...

РОЖКОВЪ. Да гдѣ жъ онъ?

ЛИЗА. А куда вы его вчера дѣвали?

РОЖКОВЪ. Вотъ глупа! Я вчера изъ гостей вѣрнулся въ сюртукъ... Гдѣ же фракъ?

ЛИЗА. Вспомнила! Онъ долженъ быть въ саду.

РОЖКОВЪ. Въ саду, фракъ?

ЛИЗА. Да-съ; я вчера вынесла его туда, чтобъ выколотить шиль, да и забыла.

РОЖКОВЪ. Да вчера всю ночь шелъ дождикъ...

ЛИЗА (*спокойно*). Что жъ, сударь, дождикъ! Это полезно въ нынѣшнее время... у насъ, въ деревнѣ, чай какая радость!

РОЖКОВЪ. Эта дѣвчонка полюбшая каная-то!

РОЖКОВА (*хохочетъ при послѣднихъ словахъ*). Да полно, оставь ее; я тебѣ налила чаю.

РОЖКОВЪ (*подходя къ столу, говоритъ Лизѣ*). Пошла, принеси скорѣй! (*хочетъ сѣсть и видитъ опрокинутый стулъ*). Постой! Какъ я сяду? Научи меня, какъ сѣсть?..

ЛИЗА (*не видя упавшаго стула*). Что это, сударь, будто вы не знаете, какъ люди садятся? Это и маленькіе сами умѣютъ!

РОЖКОВА. Пошла вонъ! Ты ужасно глупа...

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, мамочка, я хочу ей втолковать, вбить ей въ башку... Ну, смотри, какъ же я сяду, когда стулъ вверхъ ногами лежить?..

ЛИЗА (*поднимая стулъ*). Такъ бы вы и сказали! Кто это его уронилъ? Я приготовила чай, поставила стулья на мѣсто...

РОЖКОВЪ (*садясь*). Пошла же за фракомъ!

ЛИЗА (*идя къ средней двери*). Ахъ, да... я было и забыла...

РОЖКОВА. Постой! а гдѣ мой шарлю?

ЛИЗА (*подходя*). Какой шарлю-съ?

РОЖКОВЪ. Она и этого не понимаетъ! Барышня собака! Минюшка?

ЛИЗА. Собака?

РОЖКОВЪ. Поди сюда! Знаешь ли ты, наконецъ, что значитъ собака? (*крича*). Собака, маленькое животное, сверху и снизу и со всѣхъ сторонъ покрытое шерстью... съ длинными ушами и съ маленькимъ хвостикомъ...

ЛИЗА (*смѣясь*). Ха, ха, ха! Еще бы этого не знать! У насъ и пѣсня есть: «она ростомъ невеличка, хвостикъ закорючкой...»

РОЖКОВА (*мужу*). Перестаньте вы съ ней болтать глупости. (*Лиза*) Я тебя спрашиваю, гдѣ она? я все утро ее не видала...

РОЖКОВЪ. И я тоже...

ЛИЗА. Да и я тоже... ахъ, нѣтъ, позвольте, я видѣла, какъ она утромъ ваялась по травѣ, а потомъ ползла къ садовой кадкѣ; но какъ у нея голова больше остальной части тѣла, то она съ головой и бултыхъ...

РОЖКОВА (*вскочивъ въ ужасъ*). Упала въ воду! утонула...

РОЖКОВЪ (*также вскочивъ*). То есть, потонула?

ЛИЗА (*спокойно*). Ничего-съ, вѣдь очень жарко... нынче всѣ купаются ..

РОЖКОВЪ (*бѣжитъ къ Лизѣ*). Я утоплю эту дѣвку...

ЛИЗА (*бѣжитъ отъ него и, остановясь въ среднѣхъ дверяхъ, говоритъ*). Да не беспокойтеся, не сердитесь и не бойтесь, глядите, вонъ она въ саду сушится на солнышкѣ... (*щелкает губами и машет рукой*). Мимишка! Мимешечка! Посмотрите, какъ она развалилась на вашемъ платьѣ... (*снова приманиваетъ*).

РОЖКОВЪ. На моемъ фракѣ? (*дразня ее*) а ты губами глоскаешь, и такъ спокойно смотришь на это! Пошла, турни ее хорошенько!..

ЛИЗА. Да какъ я смѣю турнуть барынину любимую собачку?

РОЖКОВА (*идя и садясь за столъ*). Ужъ вы и турнуть? что за важность такая вашъ фракъ? Вы бы порадовались, что Мимишка не утонула... а то турнуть... невнятное созданіе...

РОЖКОВЪ. Да нѣтъ, я не Мимишку, а я вотъ кого хочу турнуть.

ЛИЗА (*обидясь*). За что же, баринъ!

РОЖКОВА. Принеси Мими.

РОЖКОВЪ. Да кстати и фракъ захвати (*крича ей вслѣдъ*). Турну, турну!.. (*Лиза уходитъ*).

РОЖКОВА. Давно бы пора! Что вы привазились къ этой дѣвчонкѣ?

РОЖКОВЪ. Да какъ же ты, маточка, не понимаешь, что я ее держу для матери ея, моей кормилицы и нянюшки.

РОЖКОВА. Все это очень хорошо; ну, и пусть она живетъ такъ у насъ, а я бы взяла другую горничную...

РОЖКОВЪ. Нѣтъ, мамочка, оставь, потерпишь еще; я хочу для моей старушки-нянюшки образовать, приучить эту деревенскую дурочку... она ужь теперь стала гораздо развязнѣе прежняго.

РОЖКОВА. Да для чего же вы человекъ, камердинера отослали въ переднюю? Ну, можетъ ли она за вами ухаживать?

РОЖКОВЪ. Ничего, я терпѣливъ; а притомъ я, по совѣту Лубянского, хочу жить на иностранный манеръ... онъ все жилъ за границей, и говорить, что тамъ даже въ гостинницахъ женщины служатъ...

РОЖКОВА. Мнѣ кажется, этотъ Лубянский все вздоръ вамъ болтаетъ: эти господа вояжеры вообще большіе лгуны...

РОЖКОВЪ. Автоновъ Автоновичъ не таковский! Нѣтъ, ты его еще мало знаешь... онъ славный малый, весельчакъ... Я, признаюсь, люблю съ нимъ поболтать: вѣдь мы старинные товарищи по университету, даже однокашники: въ одномъ пансіонѣ были.

РОЖКОВА. Все это очень хорошо; но теперь, мнѣ кажется, онъ вамъ вовсе не пара,...

РОЖКОВЪ. Ты его не жалуешь, это замѣтно.

РОЖКОВА. Напротивъ, мнѣ все равно; я даже сама люблю слушать его болтовню.

РОЖКОВЪ. Ну, а почему, почему онъ мнѣ не пара?

РОЖКОВА.

Вы заняты: вся ваша цѣль—служить;
Безъ цѣли онъ по свѣту развѣзжаетъ;
Вы отъ трудовъ заботитесь нажить,
Онъ безъ заботъ, какъ мотъ, все проживаетъ;
Вы добрый мужъ, онъ вѣтреникъ пустой,
А добрый мужъ—не пара холостому;
Притомъ онъ франтъ, повѣса, фатъ...

РОЖКОВЪ.

Цостой

Ты сердисься повѣрь мнѣ попустому.

РОЖКОВА.

Я не сержусь.

РОЖКОВЪ.

Нѣтъ сердисься...

РОШКОВА.

Притомъ,

Безъ васъ зачѣмъ онъ ѣдитъ?

РОШКОВЪ.

Что жъ такое?

Иль выставить изъ воротамъ мнѣ: *сей домъ,*
Жена и я — свободны отъ постоя.

РОШКОВА. Я такъ сказала, но мнѣ не нравятся манеры вашего друга.

РОШКОВЪ. А что-жъ его манеры? Самыя парижскія... (*кладетъ пальцы за жилетъ*). Знать никого не хочу! (*ломаясь и закидывая голову назадъ*). Вотъ какъ мы—зай нашихъ!..

РОШКОВА. Ха, ха, ха! Ты меня смѣшишь!

РОШКОВЪ (*такъ же продолжая*). Жаль, что мнѣ не удалось побывать за границей, я бы еще не такъ заломилъ!

РОШКОВА (*смѣясь*). Полноте, будьте тѣмъ, что вы есть: я васъ такъ гораздо больше люблю... а эта дерзкая манера, самонадѣянность, вотъ какъ у вашего Антоны Антоныча, противна мнѣ.

РОШКОВЪ. Да это только французская замашка, привычка, а онъ въ душѣ простой, добрый малый; притомъ онъ мнѣ другъ... Вотъ твоего дружка несуть!

III.

ТЪ ДѢ И ЛИЗА. съ фразою и съ собакой.

РОШКОВА (*хватая собаку и лаская*). Минутка! минутка! тебя чуть не утопили!..

РОШКОВЪ (*глядя въ окно*). А! вотъ и мой другъ верхомъ летитъ... легокъ на помнѣ! Посмотри, какимъ молодцомъ!

РОШКОВА. Я увижу, я не хочу мѣшать вашей интересной бесѣдѣ. (*идетъ*).

РОШКОВЪ. Да ты скорѣ приходи: мнѣ надо по дѣлу вѣзть; нельзя же гостя одного оставить.

РОШКОВА. Хорошо, хорошо, тамъ увидимъ (*въ сторону*). Я боюсь этого челоуѣка! (*уходитъ*).

РОШКОВЪ. Лиза! дай-ко фразъ; да скажи Антону Антонычу, что барыня за туалетомъ, а я сейчасъ только соберу бумаги... (*уходитъ*).

ЛИЗА И ЛУБИНСКИЙ.

ЛИЗА (*убирая со стола*). Баринъ со двора, а гость на дворъ. Только сегодня что-то рано этотъ гость пожаловалъ: вѣрно не даромъ. Гм! барыня прескритная: не замѣтишь за ней ужъ ничего. Впрочемъ, нѣтъ какое дѣло? Тутъ пускай баринъ за порядкомъ смотритъ... а этотъ гость порядочный плутъ!..

ЛУБИНСКИЙ (*за кулисами*). Да, да, поводи ее немного по двору: она вся въ пѣнь! (*входя*). А! ты, крошка, здравствуй.

ЛИЗА. Здравствуйте, баринъ; только я не крошка... хоть и маленькаго роста.

ЛУБИНСКИЙ. Что, Иванъ Ивановичъ, ушелъ?

ЛИЗА. Да, ушелъ... въ свою комнату... да не беспокойтесь, за бумагами: сейчасъ ѣдетъ куда-то.

ЛУБИНСКИЙ. Ты маленькая ростомъ, а большая плутовка... (*взявъ ее за подборокъ*), ате вродоромешная! (*садясь на диванъ*). А я думалъ, онъ давно уѣхалъ въ свою контору... нѣтъ даже показалось, что я съ нимъ встрѣтился... отчего же онъ такъ опоздалъ? что дѣлалъ дома?

ЛИЗА. А я почему знаю! Видѣла, что искалъ чего-то; онъ у насъ все теряетъ, ужъ такой уродился!

ЛУБИНСКИЙ. Что-бы ему потерять свою жену?

ЛИЗА (*смѣясь*). А вы бы постарались ее найти?

ЛУБИНСКИЙ. Послушай, плутовка, а что, Александра Михайловна говорить что нибудь съ тобою обо мнѣ? а? Да ну же, говори правду.

ЛИЗА.

А нѣтъ какого интереса?

ЛУБИНСКИЙ,

Но все узнать ждалъ бы я?

ЛИЗА.

Она твердитъ, что вы повѣса...

ЛУБИНСКИЙ.

Ужъ начала хвалить меня?

ЛИЗА.

Она васъ труситъ и робѣеть...

ЛУБЯНСКІЙ.

Боятся? Ахъ! какъ ты мала!

ЛИЗА.

Лишь вы на дворъ—она блѣднѣетъ...
Разъ сорванцомъ васъ назвала!

ЛУБЯНСКІЙ (*весело*).

Какъ сорванцомъ? Она прелестна!

ЛИЗА.

Къ вамъ ненависть у ней въ крови!

ЛУБЯНСКІЙ.

Прекрасно! шагъ одинъ, извѣстно,
Отъ ненависти до любви?..

ЛИЗА.

Что въ васъ за смѣлость, хладнокровье?..

ЛУБЯНСКІЙ.

Привычка—больше ничего.

ЛИЗА.

А мужъ узнаетъ...

ЛУБЯНСКІЙ.

На здоровье:

Я самъ увѣдомлю его.

ЛИЗА (*съ учтивостью, но смѣясь*).

Ахъ, сударь! вы меня простите,
Но я какъ барыня скажу:
Что сорванецъ вы... извините... (*Блоситъ*).

ЛУБЯНСКІЙ.

Куда?

ЛИЗА (*съ дurezza*).

Отъ страха ужоу:

ЛУБЯНСКІЙ и РОЖКОВЪ съ портфелемъ.

РОЖКОВЪ. Извини, извини, душа моя, что заставилъ тебя ждать. Ну, какъ поживаешь? Спасибо, что пріѣхалъ... а я по дѣламъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Я думалъ, что ты давно уѣхалъ?...

РОЖКОВЪ. Да, да, ужь пора! Столько накопилось дѣлъ—все проклятыя тяжбы!

ЛУБЯНСКІЙ. Охота тебѣ мѣшаться въ чужія дѣла!

РОЖКОВЪ. Слышите, какъ поговариваютъ? А вотъ у меня тутъ, (показывая на портфель) одно дѣльцо, касающееся до вашего брата, волокиты...

ЛУБЯНСКІЙ. А именно? •

РОЖКОВЪ. Дѣло мужа и жены. Охъ, эти мнѣ Донч-Жуаны! Жаль, что не отдають мнѣ въ передѣль этихъ волокитишекъ... ужь ты бы не увернулся у меня, разбойникъ!

ЛУБЯНСКІЙ (хохоча). А что ты думаешь! Пожалуй я скоро тебѣ попадусь.

РОЖКОВЪ (весело, толкая его слегка). Пошелъ, головорѣзь! Ты не видалъ Александрину?

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ еще; я жду ее.

РОЖКОВЪ. Да неужели она до сихъ поръ наряжается?

ЛУБЯНСКІЙ (идя къ двери) Можно взглянуть?...

РОЖКОВЪ (спохватясь). Постой! И я дуракъ, спрашиваю объ этомъ у него! Я ужь видѣлъ ее; а только хочу проститься съ ней.

ЛУБЯНСКІЙ. А я хочу поздороваться,

РОЖКОВЪ (оглядывая его и лубуясь). Ахъ ты, повѣса, шалуунъ, счастливичикъ! Тѣфу ты пропасть, какъ за границей вы формируетесь: ну, либо дорого посмотрѣть! Не то, что нашъ братъ—сидѣнь... да, да, слово и дѣло! Ну, кайся: есть-таки зазнобушка?

ЛУБЯНСКІЙ. Чудесная женщина!

РОЖКОВЪ. Замужняя?

ЛУБЯНСКІЙ. Да, замужняя!

РОЖКОВЪ. Въ кого-же ты влюбленъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Да въ твою жену.

РОЖКОВЪ. Нѣтъ? право?

ЛУБЯНСКІЙ. Кромѣ шутокъ.

РОЖКОВЪ (съ громкимъ смѣхомъ). Да ты преуморительный!

ЛУБЯНСКІЙ. Ужь такой отъ природы.

РОЖКОВЪ. Ха, ха, ха! Вотъ настоящая французская шутка! Это

забавно! это уморительно! Ха, ха, ха! Точно видишь, или самъ этотъ представляешь какой нибудь веселенькій водевилъ — чудесно! Такъ ты теперь начнешь куры строить моей женѣ?..

ЛУБЯНСКІЙ. Я ужъ началъ.

РОЖКОВЪ (*въ томъ же тонѣ*). Давно ли? Ха, ха, ха!

ЛУБЯНСКІЙ. Да ужъ недѣль шесть будетъ...

РОЖКОВЪ (*также*). О! не больше ли?

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ, честное слово: ровно шесть недѣль...

РОЖКОВЪ. Ну, посмотрите, пожалуйста, какъ умѣеть смѣшнить, самъ не улыбнется... точно какой нибудь комическій актеръ: ха, ха, ха! Мартыновъ, Мартыновъ!

ЛУБЯНСКІЙ. Вотъ, кстати, я давно хотѣлъ тебя спросить: скажи пожалуйста, что надо дѣлать, чтобъ понравиться твоей женѣ?

РОЖКОВЪ. Да, это главное! Во-первыхъ, должно стараться нравиться Минишкѣ; а во-вторыхъ, надо всегда имѣть при себѣ фисташки...

ЛУБЯНСКІЙ. Для кого?

РОЖКОВЪ. Для обѣихъ. Но я съ тобой заврался, а мнѣ пера (*беретъ портфель*). Не забудь о фисташкахъ!

ЛУБЯНСКІЙ. Все это глупости! У меня есть получше средство: надо просто похитить...

РОЖКОВЪ. Кого? Минишку или Александрина?

ЛУБЯНСКІЙ. Да пожалуй обѣихъ... или нѣтъ: я оставлю собачонку тебѣ... а мы въ одинъ прекрасный день, когда ты будешь въ отъѣздѣ по должности, уѣдемъ въ Парижъ, въ Италию, пожалуй хоть въ Америку: я же тамъ никогда не бывалъ.

РОЖКОВЪ (*заливаясь смѣхомъ*). Ха, ха, ха! Да полно, перестань: ты уморишь меня со смѣху! Я и то забылъ съ тобой о дѣлахъ... а теперь и тамъ, вмѣсто серьезнаго занятія дѣлами, я все буду хототать! А вотъ и жена съ своей Мимой! Есть у тебя фисташки? Ха, ха, ха!..

VI.

•   **ТЪ ЖЕ** и **РОЖКОВА** съ собачкой.

РОЖКОВА (*въ сторону, входя*). Не ужели онъ останется безъ мужа? (*громко*). Здравствуйте, Антонъ Антониычъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Съ добрымъ утромъ Александра Михайловна.

РОЖКОВА. Чему вы такъ смѣялись, Иванъ Ивановичъ?

РОЖКОВЪ. Да вотъ онъ съ часъ смѣшнить меня такими штуками, изъ которыхъ право можно сдѣлать десять водевилей.

РОЖКОВА. А, вотъ что!

РОЖКОВЪ. Мастеръ смѣшить. Вообрази, онъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Послушай, однакожь.

РОЖКОВЪ. Онъ мнѣ сейчасъ признался, что...

ЛУБЯНСКІЙ (*старался его удержать*). Я тебя прому... ты понимаешь, что это должно остаться между нами?..

РОЖКОВЪ. И такъ, Александрина, это между нами...

ЛУБЯНСКІЙ. Да помилуй! То, что я тебѣ говорилъ, не шутка, а серьёзное дѣло! И потому...

РОЖКОВЪ (*хохоча*). А, прекрасно! Ты все еще продолжаешь? Въ такомъ случаѣ, я молчу... потому что ты въ самомъ дѣлѣ, не шутя, серьёзно влюбился въ жену... меня же ждетъ подобное дѣло въ судѣ... я уложу и совѣтую тебѣ со мной отправиться.... (*беретъ шляпу и надвываетъ перчатки*).

ЛУБЯНСКІЙ. Нѣтъ, я останусь здѣсь.

РОЖКОВА (*съ стороны*). Какъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Я снакаль во весь галопъ съ Черной Рѣчки, и вѣрю Александра Михайловна позволить мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ?..

РОЖКОВА (*съ стороны*). Какая дерзость! (*громко*). Невзиная, мнѣ очень больно, но я не могу вамъ сдѣлать компанію: мнѣ надо ѣхать въ церковь...

ЛУБЯНСКІЙ. Ничинаю, вероятно, вы бонтесь остаться со мною сядити...

РОЖКОВЪ (*хохочетъ*). Ха, ха, ха! Нѣтъ, какова увѣренность!

РОЖКОВА. Это ужъ черезчуръ! Позвольте вамъ сказать, что вы ошиблись, и въ доказательство—я остаюсь.

РОЖКОВЪ (*Лубянскому*). Что, попался, попался?..

ЛУБЯНСКІЙ (*Рожкову*). Я тебѣ отвѣчу на это послѣ... Но только не тѣмъ мнѣ...

РОЖКОВЪ. Что мѣшать, когда ты и безъ меня пошѣшался... Ну, прощай, Донъ-Жуанъ, до свиданья, до скорого свиданья! (*Подходя къ жемъ*). Ты не сердись на него, мамочка... знаешь, это французская манера, шутка, вздоръ, шалость! (*Уходитъ. Лубянский провожаетъ его до двери*).

РОЖКОВА (*на авансценѣ*). А, г. парижанинъ! посмотримъ, долго ли вы сохраните въ себѣ эту увѣренность! (*Лубянский открываетъ окно и глядитъ въ него*).

РОЖКОВЪ (*за сценой*). Что ты смотришь въ окно?

ЛУБЯНСКІЙ. Хочу увѣриться, точно ли ты уѣхалъ.

РОЖКОВЪ (*шалуя же*). Ха, ха, ха! Очень, очень хороше! Заба-

вникъ ты просто! (слышеть стукъ экипажа; Лубянской затворяетъ окно).

ЛУБЯНСКІЙ. Не стоитъ благодарности. (Подходя впередъ): Наконецъ уѣхалъ! На этотъ разъ онъ былъ бы лишній...

РОЖКОВА. Послушайте, на этотъ разъ я согласна съ мужемъ: вы точно помѣшались, вы съ ума сошли.

ЛУБЯНСКІЙ. Я и не спорю: это очень натурально.

РОЖКОВА (садясь на диванъ и лаская собачку). Не правда ли, Мими, что Антонъ Антонычъ сумасшедшій?

ЛУБЯНСКІЙ (нѣжно облокотясь на спинку дивана). Александрина!

РОЖКОВА (послѣ движенія негодования, говоритъ шутя собачкѣ). Мими, знаешь ли для чего Антонъ Антонычъ позволяетъ себѣ называть меня просто Александриною?..

ЛУБЯНСКІЙ. Простите... но неужели вы до сихъ поръ не вѣрили моей любви?..

РОЖКОВА (та же игра). Мими, вѣришь ли ты любви Антона Антоныча?

ЛУБЯНСКІЙ (про себя). А! такъ такъ—то! (нагибаясь и лаская собачку). Мими! Знаешь ли ты, что твоя барыня хороша какъ геній?

РОЖКОВА (съ достоинствомъ). Послушайте г. Лубянской...

ЛУБЯНСКІЙ. Я вѣдь это не вамъ говорю, Александра Михайловна. (продолжая ласкать собачку). Знаешь ли ты, что во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ бѣлѣ ручекъ, какъ у твоей барыни, (цѣлуетъ руку Рожковой).

РОЖКОВА. Г. Лубянской...

ЛУБЯНСКІЙ. Это нечаянно: я хотѣлъ поцѣловать Миминьку, виновать...

РОЖКОВА (вставая, переходитъ къ столу и садится). Послушайте: до сихъ поръ я не обращала вниманія на болтовню и на всѣ глупости ваши, думая, что это такъ, шутки, заграничная вольность...

ЛУБЯНСКІЙ (переходя и подходя къ ней, садится также). Все таки это ваша вина...

РОЖКОВА (перебивая). Положимъ; но теперь я васъ покорнѣе прошу все кончить: это сердать, оскорбляетъ меня.

ЛУБЯНСКІЙ. Отчего же?

РОЖКОВА. Отчего! Мнѣ кажется, что вы просто дурачите меня, смѣтаетесь надо мною...

ЛУБЯНСКІЙ. Я? Позвольте узнать, почему вамъ такъ кажется?

РОЖКОВА. Позвольте васъ спросить, какъ назвать эти намеки, эти

полуслова, всю эту любовную болтовню, которой вы надобдаете мнѣ въ продолженіе шести недѣль?

ЛУБЯНСКІЙ. Такъ позвольте и васъ спросить: какъ называютъ всѣ эти разговоры, всѣ эти страстные слова, которыя твердятъ влюбленные въ продолженіе всѣхъ вѣковъ? Они говорятъ, но сами не знаютъ, что говорятъ; они слѣдуютъ только влеченію своего сердца. И вотъ доказательство: я самъ не знаю, не помню, даже не обращалъ вниманія на то, что говорилъ вамъ въ продолженіе шести недѣль. Это потому, что я васъ люблю.

РОЖКОВА. Можетъ быть; но вы забыли, что вамъ пора вѣхать!

ЛУБЯНСКІЙ. Я не такъ глупъ!

РОЖКОВА. Что-съ?

ЛУБЯНСКІЙ. Согласитесь сами: это я былъ бы очень неловокъ, еслибъ уѣхалъ въ такую минуту...

РОЖКОВА. Какая минута? Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

ЛУБЯНСКІЙ (*съ увлеченіемъ*). Минута, когда...

РОЖКОВА (*холодно*). Когда начинаютъ завираться?

ЛУБЯНСКІЙ (*также*). Именно.

РОЖКОВА (*съ умысленной холодностью*). Посмотрите-ка, какой часъ?

ЛУБЯНСКІЙ (*также*). Безъ пяти минутъ 20-е іюня.

РОЖКОВА. Ну, а какой же сегодня день?

ЛУБЯНСКІЙ. (*смотритъ на часы*). 1846-й... сегодня ровно 1000 лѣтъ существованію Москвы...

РОЖКОВА (*лаская собачку*). А!

ЛУБЯНСКІЙ. Скажите по правдѣ, Александрина, вѣдь вы меня любите... ну такъ, хоть немножко?..

РОЖКОВА. Да съ чего вы это берете?

ЛУБЯНСКІЙ. Ну, хоть думаете обо мнѣ...

РОЖКОВА. Я думаю объ васъ?

ЛУБЯНСКІЙ. То есть, о моей любви. Согласитесь, вѣдь правда?

РОЖКОВА (*смущаясь*). Сдѣлайте одолженіе, я васъ прошу, поговорите о другомъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Что? Боитесь? не смѣете отпираться? Все равно: съ меня и этого довольно...

РОЖКОВА (*съ большомъ смущеніи*). Еще разъ—уѣзжайте!.. Вы не должны быть здѣсь. Я виновна ужъ въ томъ, что слушаю васъ... и если мой мужъ...

ЛУБЯНСКІЙ. Онъ тамъ, въ конторѣ, скрипитъ перомъ.

РОЖКОВА (*съ чувством*). Да, онъ работаетъ, трудится для меня...

ЛУБЯНСКІЙ. То есть, для своего кармана....

РОЖКОВА (*съ ужасомъ*). О! вы человекъ безъ сердца!

ЛУБЯНСКІЙ. А какъ же этотъ обманщикъ, мой докторъ, лечитъ меня отъ бленія сердца?

РОЖКОВА. Теперь я могу удивляться только добротѣ моего мужа: онъ, бѣдный, вѣрилъ вашей дружбѣ и любви къ нему....

ЛУБЯНСКІЙ. Да я вовсе не люблю вашего мужа, не хочу, чтобы онъ вѣрилъ мнѣ, я его даже терпѣть не могу!

РОЖКОВА (*смѣясь*). Это наконецъ изъ рукъ вонъ! Можно ли такъ прямо говорить женѣ о своей ненависти къ ея мужу?...

ЛУБЯНСКІЙ. Можно, потому что правда: я также прямо говорилъ мужу о любви къ его женѣ.

РОЖКОВА. За что же вы ненавидите моего Ивана Ивановича?

ЛУБЯНСКІЙ. За что? за что? Помилуйте! Еще въ пансіонѣ, съ самаго нѣжнаго возраста

Случалось, вашъ Иванъ Ивановичъ
Уроки за меня писалъ,
И чтожъ? За это вѣчно на ночь
Мои гостиницы пожиралъ.

РОЖКОВА (*говоритъ, смѣясь*).

Это ужасно!

ЛУБЯНСКІЙ (*продолжаетъ пѣть*).

Онъ былъ сильнѣй всѣхъ между нами;
У всѣхъ насъ булки умаслялъ!
Заплачу—въ голову щелчками;
Разъ чуть меня не укусилъ.

РОЖКОВА (*также*).

Возможно ли?

ЛУБЯНСКІЙ.

Его мы прозвали обжорой:
При немъ ужъ плохо не едали;
Толстякъ былъ, но проворный, скорый.
Въ фѣѣ и въ классикѣ впереди.

РОЖКОВА.

Ну, и все тутъ?

ЛУБЯНСКІЙ

Нѣтъ. Чтобъ награды брать, учился
На зло мнѣ, лучше моего:
Какъ лошадь онъ весь день трудился,
А я не дѣлалъ ничего!

РОЖКОВА. (съ насмѣшкою.)

Да, это вѣско съ его стороны!

ЛУБЯНСКІЙ.

Мнѣ очень нравились актрисы.
Гляжу—давно ужъ онъ попалъ
Водовилостомъ за кулисы,
И фельетонщикомъ въ журналъ!
Я за границу; онъ женился
И взялъ красавицу одну...
Прѣхавъ, надо чтобъ влюбился
Я именно въ его жену!..

И вы хотите, чтобъ я любилъ этого человѣка? Никогда! Нѣтъ! Я
стишу ему! И если вы вѣрите моимъ жалобамъ на него и захотите
помочь моему мщенію....

РОЖКОВА (*шутя*). Вы меня смѣшите Ну положимъ, что ваши жа-
лобы на бѣднаго Ивана Ивановича и важны и справедливы; но у ме-
ня нѣтъ ничего, за что бы я могла жаловаться на мужа....

ЛУБЯНСКІЙ. О, полвоте! Если поискать хорошенько...

РОЖКОВА. Нѣтъ, не для чего и трудиться.

ЛУБЯНСКІЙ (*не слушая ее и продолжая*). Вы нашли-бы 36 при-
чинъ любить меня и столько же причинъ не любить его.

РОЖКОВА. Почему же именно 36?...

ЛУБЯНСКІЙ. Ни больше, ни меньше: это вѣрный счетъ. Во-первыхъ...

РОЖКОВА (*перебивая*). Нѣтъ, долго надо считать, а мнѣ пора ѣхать.

ЛУБЯНСКІЙ (*удерживая*). А во вторыхъ, это не-возможно: ужас-
ный дождикъ... Посмотрите, льетъ какъ изъ ведра. Ну-съ, а втреть-
ихъ.... вы не знаете, что я самъ для васъ отказался отъ блестящей
партіи!

РОЖКОВА. Кажется, я васъ объ этомъ не просила?

ЛУБЯНСКІЙ. Конечно нѣтъ; но все таки это стѣбитъ чегонибудь:
человѣкъ, который хочетъ утонуть, не проситъ спасать его.... но если
его вытаскивать изъ воды, все таки за это ему благодарны!

РОЖКОВА. Вы сумасшедший!

ЛУБЯНСКИЙ. Быль, есть и буду, потому что, любя васъ, не только отказался отъ невѣсты и отъ хорошаго мѣста, но даже готовъ отказаться отъ самой жизни!... Вы помните неприятность, которую хотѣлъ нанести вамъ извѣстный шалунъ въ Павловскѣ? Мужъ вашъ побѣждалъ съ вами въ толпу, а я вызвалъ обидчика на дуэль.

РОЖКОВА. Да, да, мнѣ мужъ сожалѣвалъ, что этотъ господинъ при всѣхъ извинялся передъ нимъ...

ЛУБЯНСКИЙ. Да; когда онъ не принялъ вызова, я заставлялъ его извиниться.

РОЖКОВА. Но если бы дуэль состоялась? Вы также могли быть убиты.

ЛУБЯНСКИЙ. Такъ что жъ? Тогда бы я не могъ вамъ помѣшать ѣхать со двора.

РОЖКОВА. И вы можете такъ легко говорить...

ЛУБЯНСКИЙ (*перебивая*). О моей жизни? О, Боже мой! Вы конечно не повѣрите, но я охотно бы отдалъ эту жизнь за одинъ день вашего вниманія... нѣтъ! Это ужъ чересчуръ мало! но за мѣсяць... быть любимымъ вами мѣсяць... Это такое блаженство... нѣтъ, нѣтъ! Буду говорить откровенно: вѣдь я себя знаю, при такомъ блаженствѣ я ни за что бы не рѣшился умереть такъ смѣлостливо! Лучше и уйду, чтобъ вы не смѣялись надо мною... да, лучше теперь и убѣгу отъ васъ!... (*идя въ сторону*). Кажется, наконецъ подвѣствовало! (*обсракается*) Но честное слово: я васъ любилъ такъ, какъ никогда и никого любить не буду... и какъ никто и никогда васъ любить не будетъ!... (*въ сторону*) Пока будетъ (*идеть*).

ЛУБЯНСКИЙ (*возвратясь снова и наплевая ей на ухо*).

Вашъ мужъ, во-первыхъ, васъ не любитъ,
Когда всю жизнь на дѣло губить;
Его вся цѣль—не съ вами жить,
А какъ бы капиталъ нажить;
Хоть онъ не ходитъ за кулисы,
Но съ нами знакомы всѣ актрисы;
Просительница молода,
Онъ дѣло тотчасъ-же—сюда:
И здѣсь кривить душой за глазки,
Ему скажи лишь слово ласки —
Ниль просто нѣжное словцо...

(*Въ эту сцену входятъ изъ сцены Лиза; она, называя тихо на нее,*)

Да вотъ улица налицо!

(*Уходитъ, Лиза*).

Прощай, крошка! Ты пришла кстати.

VII.

РОЖКОВА и ЛИЗА (ищут что-то).

ЛИЗА (смотря ему в слѣдъ). Опять краешка! Самъ бившій и говорить, что я пришла кстати — странно!

РОЖКОВА (въ сторону, смотря на Лизу). Неужели все это правда? Нѣтъ, нѣтъ! быть не можетъ! (Лиза) Поди; мнѣ ничего не надо! (ходить и говоритъ про себя) А этотъ невѣса.... Неужели онъ такъ способомъ надѣется заручь меня?

ЛИЗА (идя за нею). Барыня, гдѣ ваши ботинки, которые вы позволяли надѣвать вчера?

РОЖКОВА (не замѣчая ее, продолжаетъ также). А не прелезъ сказать, хотя многіе ухаживали за мною до свадьбы, но они не такіе были ловки....

ЛИЗА (также). А можетъ быть, онъ и теперь на ногахъ?... (во время ея рѣчи) Что-съ?

РОЖКОВА (также). Но все равно; какъ вы имъ ловки, мой мужъ не будетъ стѣбаться за меня, это также вѣрно.

ЛИЗА (нагибаясь и останавливая ее). Такъ онъ точно на васъ?

РОЖКОВА (съ удивленіемъ). А! Что? Что вамъ надобно?

ЛИЗА. Я спрашиваю васъ про ботинки.

РОЖКОВА (сложивъ руки). Ну, что же вамъ угодно знать?

ЛИЗА. Куда вы ихъ положили?

РОЖКОВА (съ досадою). Нѣтъ! это ужъ чересчуръ! Да разве это мое дѣло?

ЛИЗА. Здѣсь все пропадаетъ!

РОЖКОВА. А кто виноватъ? (садится за свою работу. Лиза) гдѣ шерсть?

ЛИЗА. Шерсть? (ищетъ вокругъ нея) Позвольте. Ахъ, да! я знаю гдѣ она (поднимаетъ шерсть изъ-подъ стола и подаетъ).

РОЖКОВА. Вѣдь ты же туда ее забросила?

ЛИЗА. А почему жъ она сама не могла завалиться?

РОЖКОВА (въ сторону). О терпѣніе! (громко) Сдѣлайте одолженіе, нельзя ли мнѣ дать мои ножницы?

ЛИЗА. Очень можно, если я только ихъ найду. (ищетъ),

РОЖКОВА. Каково!

ЛИЗА. Не сердитесь.... теперь я вспомнила, гдѣ они. (Идетъ къ окну и открываетъ его).

РОЖКОВА (*про себя*). Но, признаюсь, если бы я этого человека видела часто, его шалости....

ЛИЗА (*примосая ножницы*). Так и есть: вотъ они, а вы сердитесь.

РОЖКОВА. Гдѣ же онѣ были?

ЛИЗА. За окномъ.

РОЖКОВА. Какъ за окномъ?

ЛИЗА. Да такъ, просто за окномъ.

РОЖКОВА. Стало-быть, ты ихъ нарочно туда положила?

ЛИЗА. Зачѣмъ же мнѣ нарочно ихъ туда класть?

РОЖКОВА. Затѣмъ, что ты вѣтренница!... я вижу, что тебя баринъ багуеть ... и потому у насъ здѣсь все въ безпорядкѣ, не на мѣстѣ, не убрано, не прибрано!...

ЛИЗА. Да-съ, я знаю, я у васъ всегда виновата! (*она схватываетъ отъ нея пальцы и быстро несетъ ихъ къ окну, говоря*) Вотъ послѣ этого хлопочи, трудись!

РОЖКОВА. Да помилуй, что ты это еще дѣлаешь!

ЛИЗА. Вы видите, ставлю на мѣсто вашу работу; вѣдь вы сами приказывали пальцы къ окну ставить? (*беретъ съ пальцъ шерсть и суетъ ее въ столикъ*).

РОЖКОВА. Да что ты дѣлаешь съ шерстью, ты изомнешь ее!..

ЛИЗА. Помилуйте! я убираю ее!

РОЖКОВА (*вставая*). Нѣтъ! кажется и ты хочешь рассердить меня!...

ЛИЗА. Сейчасъ вы сами говорили, что у насъ все не убрано и не прибрано: все въ безпорядкѣ и не на мѣстѣ.... а теперь сами же не хотите; чтобъ я заводила порядокъ и убирала все на мѣсто! Извольте-съ, я ничего не буду прибирать. (*уходитъ*).

РОЖКОВЪ. А! Вотъ и мой!

VIII.

РОЖКОВА и **РОЖКОВЪ** (*съ-кучей бумагъ*).

РОЖКОВЪ. Вотъ и я! Усталъ, но зато отличное дѣльцо повончил! Теперь только остается приложить печать. (*Она сидитъ; онъ цѣлуетъ ее въ плечо*).

РОЖКОВА. Охъ, какъ вы чмокаете!...

РОЖКОВЪ. Это моя печать.

РОЖКОВА. Что за выраженье!

РОЖКОВЪ. Подъяческое? А Лубянской ухаль?

РОЖКОВА. Видите, что его нѣтъ.

РОЖКОВЪ. Вижу; но это всегда такъ говорится... (*залладываетъ ей въ лицо*) Что съ тобой, мамочка?

РОЖКОВА. Отвыкайте, пожалуйста, отъ этихъ мужицкихъ словъ! Вы не съ горничной обходитесь.

РОЖКОВЪ. Съ горничной? Это что за сравненье?

РОЖКОВА. Ничего: съ ней вы можете такъ любезничать!

РОЖКОВЪ. Да помилуй, ты сама говорила, что любишь, когда я тебя зову мамочка...

РОЖКОВА. Что вы, что вы на меня сочиняете!

РОЖКОВЪ. Какъ сочиняю? (*юля передъ ней*). А помнишь третьего дня, послѣ завтрака!

РОЖКОВА. Терпѣть не могу, когда вы изъ себя начнете строить дурака!

РОЖКОВЪ (*сдѣлавъ вдругъ серьезную гримасу*). Вотъ тебѣ разъ! Ну, теперь поневолѣ запоѣшь: «чѣмъ тебя я огорчила»?...

РОЖКОВА. Какъ это остроумно!

РОЖКОВЪ (*ходя по сценѣ*). Да что съ ней сдѣвалось?

РОЖКОВА. Что это у васъ сапоги—то, не съ музыкой ли?

РОЖКОВЪ (*играя брелоками*). Да, они со скрипомъ немножко...

РОЖКОВА (*вставая*). А къ часамъ точно колокола привѣшены! какая пріятная гармонія — сапожный скрипъ съ колокольнымъ звономъ!... Да впрочемъ, вы и похожи на деревенскаго звонаря!

РОЖКОВЪ. Это ни на что не похоже! Ужь мнѣ нельзя и брелоками поиграть! Вѣдь ты же сама мнѣ такія выбрала: Ну, изволь, я не буду (*перестаетъ играть брелоками*).

РОЖКОВА. Вы, пожалуй, скажете, что я надѣла вамъ и эти огромные воротнички, въ которыхъ вы похожи на букетъ въ бумагѣ.

РОЖКОВЪ (*отворачивая воротнички*). Я могу ихъ отворотить.

РОЖКОВА. А теперь вы точно котлета въ папильѣткѣ!

РОЖКОВЪ. Тѣфу ты пропасть! Нельзя же мнѣ посвятить на то жизнь, чтобъ учиться повязывать галстуки; это простительно тому, кто ничего не дѣлаетъ, вонъ какъ Лубянской, напиримѣръ.

РОЖКОВА (*начинаетъ терять терпѣніе*). Лучше бы вы учились повязывать галстуки, чѣмъ ухаживать за своими просительницами....

РОЖКОВЪ. Что, что такое?

РОЖКОВА. А для чего на прошедшей недѣлѣ эта хорошенькая мамочка просидѣла у васъ два часа въ кабинетѣ?

РОЖКОВЪ. По случаю ссоры съ мужемъ: у нихъ тяжба.... Бѣдная

женщина! она все это время плакала; мнѣ было скучно; но ты понимаешь, не могъ же я ее выгнать.

РОЖКОВА. Ну да, конечно, вы утѣшали ее?

РОЖКОВЪ. Да, а... то есть нѣтъ... а я только взялъ бумага отъ нея и просматривалъ ихъ...

РОЖКОВА. Еще вопросъ: по какой причинѣ эта дама поссорилась съ мужемъ?..

РОЖКОВЪ. Ея мужъ ведетъ себя дурно, дѣлаетъ разныя глупости...

РОЖКОВА. О! если всѣхъ мужей, которые дѣлаютъ глупости и ведутъ себя дурно, приводить въ судъ, то васъ...

РОЖКОВЪ. Что ты хочешь этимъ сказать?

РОЖКОВА. А то, что вы еще прошедшей зимой, въ собраніи, вели себя очень неприлично... Я все знаю...

РОЖКОВЪ. Да что ты знаешь?

РОЖКОВА. То, что вы тамъ до того затанцовались съ какой-то актрисой, что не поклонились моей тетускѣ.

РОЖКОВЪ. Ахъ, да! точно я былъ виноватъ передъ старушкой и извинился; но я танцовалъ вовсе не съ актрисой... да и тетуска меня простила...

РОЖКОВА (съ обидой). И что за бѣда, помилуйте, это ничего не значить: тетуска не важная женщина, да и всѣ мои родные не стоятъ того, чтобъ обращать на нихъ вниманіе.

РОЖКОВЪ. Что ты такое говоришь?

РОЖКОВА (также). Отецъ мой художникъ: ужъ для него и то большая честь, что вы вступили въ родство съ нимъ.

РОЖКОВЪ. Александрина!

РОЖКОВА (улыкаясь болѣе). Но если вы стыдитесь моего отца и моей матушки, за то дечь ихъ не краснѣть при нихъ; и она возвратится къ тѣмъ, которые истинно любятъ, которые всегда будутъ любить...

РОЖКОВЪ (остро бѣясь). Александра Михайловна! что съ вами? я не понимаю...

РОЖКОВА (нервничая и говоря все очень скоро). Не понимаете? Очень вѣрно, потому что въ васъ нѣтъ довольно деликатности чувствовать, чтобъ понять, какъ больно для женщины, когда ее упрекаютъ бѣдностью...

РОЖКОВЪ. Я? я тебя упрекаю?..

РОЖКОВА (также). Простымъ происхожденіемъ...

РОЖКОВЪ (хочетъ остановиться). Но... я...

РОЖКОВА. Когда сватались, вы знали, что я не графиня, не княгиня какая нибудь...

РОЖКОВЪ (разгорячась). О! Да что-жь это, въ самомъ дѣлѣ! а...

РОЖКОВА (*перевивая, поетъ*)

Я была—вы это знали —
Не графиней, не княждой...

РОЖКОВЪ (*желая перевидать ее*)

Я!..

РОЖКОВА.

Если денегъ вы искали,
Объясчались бы съ другой.

РОЖКОВЪ (*также*).

Ты!..

РОЖКОВА.

Да и мнѣ бѣ найти другаго,
Лучше васъ — неумудрецо:

РОЖКОВЪ.

Ты!..

РОЖКОВА,

Что я? Госпожа Рожкова!
Ну, ужъ има! Мнѣ слышно!

РОЖКОВЪ.

Вы!..

РОЖКОВА.

Я не ѣмъ, не сплю, лью слезы,
И терплю отъ васъ все зло...

РОЖКОВЪ (*потерявъ терпѣніе кричитъ и топаетъ ногой*).

Но!

РОЖКОВА.

Это что еще? Угрозы!
А! когда на то пошло...
Плакать васъ заставляю:
Навсегда оставлю,
Я изъ родныхъ уйду...
Я на все пойду!..

Злитесь, стерегите,
Все кругомъ заприте,
Это рѣшено:
Я прыгну въ окно!
Если здѣсь остаться,
Мучиться, терзаться...
Я съ ума сойду!
Нѣтъ! уйду, уйду!..

(Уходя, повторяетъ скороговоркою.)

Уйду, уйду, уйду!..

(Она, въ ужасномъ испугѣ, уходитъ налево и захлопываетъ за собою дверь, подъ-носъ Рожкову, который хотѣлъ слѣдовать за нею).

IX.

РОЖКОВЪ И ЛУБЯНСКІЙ, который, войдя при концѣ пьесы, стоитъ въ отъезженіи до тѣхъ поръ, какъ Рожкова уходитъ.

ЛУБЯНСКІЙ. Bravo! Да у васъ, кажется, вышла отличная ссора?

РОЖКОВЪ *(ходя скоро, въ недоумѣніи)* А, это ты? *(самъ съ собою)* Что такое? Отчего? Почему? За что? Понять не могу!

ЛУБЯНСКІЙ. Я нарочно забылъ здѣсь хлыстикъ, чтобъ была причина воротиться.

РОЖКОВЪ *(безъ вниманія)*. Что?

ЛУБЯНСКІЙ. И слышалъ послѣднія слова вашей сцены...

РОЖКОВЪ *(пожимая ему руку)*. Ахъ, мой другъ! Какая страшная сцена!..

ЛУБЯНСКІЙ. Славно! Значить, я явился кстати?

РОЖКОВЪ. Какъ кстати? Ахъ да, въ самомъ дѣлѣ: ты съумѣешь ее урезонить...

ЛУБЯНСКІЙ. Съ чего ты это взялъ? Напротивъ, я настрою ее...

РОЖКОВЪ. Какъ?

ЛУБЯНСКІЙ. Да такъ; если твоя жена разлюбила тебя, то меня любить, потому что, понимаешь, вѣдь надо же ей когонибудь любить.

РОЖКОВЪ. Э! ты опять за давешнее! Охота тебѣ врать пустяки, когда я такъ разстроены?..

ЛУБЯНСКІЙ. Безтолковый! Я тебѣ говорю серьезно... ну, вы не сошлись въ правахъ, не можете жить вмѣстѣ, теперь она хочетъ ѣхать въ Германію, къ матушкѣ—ну, и пусть ѣдетъ... У насъ за границей это такъ обыкновенно: она уѣдетъ, я провожу ее, а ты успокоишься, начнешь жить по холостому...

РОЖКОВЪ. Убирайся къ чорту съ своими глупостями! Мнѣ теперь не по смѣху...

ЛУБЯНСКІЙ. Я поищу жену твою въ саду... вѣдь я объѣдаю съ вами.

РОЖКОВЪ (съ досадою бразна его). Съ вами, съ вами! Она теперь и къ объѣду не выйдетъ!

ЛУБЯНСКІЙ. Ты только успокойся, а это ужь мое дѣло.

РОЖКОВЪ. Такъ сдѣлай одолженіе, устрой это какъ нибудь. Я просто голову теряю!..

ЛУБЯНСКІЙ (*уходя, въ сторону*). Мнѣ непременно надо еще съ ней поговорить (*уходитъ*).

РОЖКОВЪ (*снова начинаетъ ходить*). Не понимаю, не понимаю! Я, который распутывалъ самыя казусныя дѣла... я, кому все крючки, все увертки, все противозаконныя штуки знакомы, какъ свои пять пальцевъ—я становлюсь въ тупикъ, не знаю, не понимаю, не могу отгадать, что сдѣлалось съ женой!.. Все ее сердить, все беспокоить... и эти проклятыя брелоки! — (*срываетъ съ цепочки и бросаетъ*). И эти скрипячіе башмаки—чтобъ имъ провалиться! (*сбрасываетъ съ ноги одинъ башмакъ и, ходя въ чулкъ, говоритъ*). Однако быть не можетъ, чтобъ тутъ чего не было. Нѣтъ дѣйствія безъ причины. А что, какъ она сдержитъ слово и уѣдетъ? Бѣда, бѣда! Да вѣтъ, я самъ глушь, какой я мужъ? я просто—баба!

X.

РОЖКОВЪ и **ЛИЗА** входятъ, ищетъ чего то.

ЛИЗА. Смѣшно право, куда я дѣвала мою косынку?

РОЖКОВЪ (*ходя*). Надо еще разъ объясниться съ нею! А, вотъ Лиза! Гдѣ жена моя?

ЛИЗА (*сама съ собой*). Ни тамъ, ни здѣсь ее нѣтъ!

РОЖКОВЪ. Неужели? Посмотри хорошенько...

ЛИЗА. Ужь я и то вездѣ искала.

РОЖКОВЪ. А въ саду? Лубянской пошелъ туда...

ЛИЗА. Что ей дѣлать въ саду? Ужь я и въ кухнѣ была, и въ буфетѣ искала...

РОЖКОВЪ. Въ буфетѣ! Жену мою въ буфетѣ?..

ЛИЗА (*въ сторону*). Что онъ это городить?

РОЖКОВЪ (*крича*). Я тебя спрашиваю: гдѣ барыня?

ЛИЗА (*также*). А я почему знаю?..

РОМКОВЪ. Да нѣтъ! Я тѣсно слабъ, я не шумъ, я не хвостикъ въ домѣ, я баба, дрянъ... не только жена, даже эта дрянъ-дѣвочка кричитъ на меня! Вонъ, вонъ изъ дому! Я давно до тебя добираюсь!..

ЛИЗА. Я знаю, у васъ вѣрно есть другая горничная на примѣтъ... Это всегда такъ дѣлается: какъ захотятъ обидѣть и прогнать бѣдную дѣвушку, то и начнутъ придирааться и къ тому и къ сему...

РОМКОВЪ. Ты еще разсуждаешь!

ЛИЗА (продолжая). Это всегда такъ бываетъ! Вонъ и жены нѣкоторыя: какъ прогнѣваются и начнутъ бѣдному муженьку помывать и туда и сюда...

РОМКОВЪ (примедя къ себѣ, и обращая особенное вниманіе на ея слово). Что, что ты говоришь?

ЛИЗА. Я вѣдь подслушывала, какъ васъ барыня те честила... по эта на нее дѣло...

РОМКОВЪ. Отвѣчай мнѣ, или я убью тебя!

ЛИЗА (мочетъ бѣжать). Ай! Я убѣгу!

РОМКОВЪ. Постой! Куда?

ЛИЗА. Вы меня выгоняете...

РОМКОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Лизанька, душенька, не сердись, подожди! Ты подслушала, какъ меня жена бранила? Стало быть, ты все подслушиваешь... умница, пай, вѣдь ты мнѣ не чужая: твоя мать выдѣлила меня... Ты растеряха... но я тебя держу для матери твоей... (сквозь слезы) Ты должна мнѣ все сказать: ты видишь, какъ я разстроены...

ЛИЗА (плача). Вижу, сударь. Мнѣ васъ очень жаль... вы тоже большой растеряха... вонъ и теперь вы безъ башмака ходите...

РОМКОВЪ (грустно). Надѣнь, надѣнь и говори... Я человекъ потерянный!

ЛИЗА (взметъ башмакъ и надѣвая). А жена на башмакъ: ее не скинешь! Вотъ вамъ и надо смотрѣть въ оба...

РОМКОВЪ. Правда, правда. Ну, кто же здѣсь на примѣтъ?

ЛИЗА. На какой примѣтъ? Да этотъ франтъ чуть не живетъ у насъ...

РОМКОВЪ (пораженный мыслью). Лубянской?..

ЛИЗА. Я подслушала, что онъ сегодня напѣвалъ барынь...

РОМКОВЪ (стуча себя въ голову). Ахъ, а слѣпецъ, глупецъ! Что же ты подслушала?

ЛИЗА. Онъ все хвалилъ ее и ругалъ васъ; да что-то говорилъ ей и про меня...

РОМКОВЪ. И она любитъ его?

ЛИЗА. Ну, этого я не замѣтила; она больше, кажется, боится его...

РОЖКОВЪ. Однако слушаетъ его?

ЛЕЗА. Да какъ же не слушать, когда онъ не отходитъ и все болтаетъ.

РОЖКОВЪ. Да, да, я кругомъ виновать!

ЛЕЗА (плача). А каково мнѣ было смотрѣть на все это! Видь я васъ люблю, я за вами ухаживаю... Я все прибираю за вами...

РОЖКОВЪ (плача). Спасибо, спасибо; я все это чувствую и награжу тебя... Не видала ли ты, гдѣ жена моя?

ЛЕЗА. Нѣтъ-съ. А вы не видали, гдѣ моя косынка? А! да вотъ и барыня! Я уйду.

ХП.

РОЖКОВЪ и РОЖКОВА.

РОЖКОВА (сходя, говоритъ въ сторону). Онъ долженъ быть очень огорченъ (громко). Я пришла просить васъ, чтобъ вы не ударили меня и отправили скорѣе къ роднымъ...

РОЖКОВЪ (стараясь скрыть слезы). Васъ никто и не удариваетъ, сударыня: вы можете ѣхать, куда угодно.

РОЖКОВА. Вы, кажется, плакали.

РОЖКОВЪ (потирая глаза). Нѣтъ, это я такъ... мнѣ муха попала въ глазъ... и зачѣмъ мнѣ плакать? на кого жаловаться? Если бы не любите меня, хотите бросить, оставить, уѣхать—я васъ не обманю: я самъ во всемъ виновать!

РОЖКОВА. А! такъ вы признаетесь, наконецъ, что вы и вѣтренникъ, и извѣтничекъ, и злой мужъ и что не любили меня...

РОЖКОВЪ. Позвольте: я и люблю васъ, и никогда не извѣтничалъ, и не вѣтренничалъ и даже не злился на васъ, какъ и теперь не обржусь; а я виновать въ томъ, что больше занимался дѣлами, нежели хорошей женой; я виновать еще въ томъ, что, по простотѣ сердечной, вѣрилъ людямъ; самъ никогда не обманывая, думалъ, что и меня не обманутъ; вмѣсто того, чтобы угодить женѣ, предупреждать ея желанія, я ввелъ въ свой домъ людей пустыхъ, бездушныхъ франтовъ... а она, милая, добрая, скромная, любившая меня, невольно могла заслушаться какого нибудь повѣсы, парижскаго фата... Я увѣренъ, что она, какъ дочь честныхъ родителей, не забудетъ своего долга, не захочетъ помрачить добраго имени... но все таки она можетъ разлюбить мужа, оставить его, забыть, обидѣть, огорчить, заставить проливать вѣчныя слезы — и (плача) по дѣломъ! Вотъ, вотъ, въ чемъ моя вина! Вотъ за что я прошу у васъ прощенія...

РОЖКОВА (*опускаясь тихо на колъна*). Нѣтъ! теперь это мой долгъ...

РОЖКОВЪ (*не допуская ее стать на колъна*). Что ты дѣлаешь!

РОЖКОВА. Такая доброта, такое великодушіе... Теперь только я умѣю оценить моего мужа! Другъ мой! позволь мнѣ обнять тебя!

РОЖКОВЪ (*съ восторгомъ*). Сюда! ура! еще не все потеряно!.. А этотъ разбойникъ... вѣдь какая наглость! Знаешь ли, какъ онъ поддѣлъ меня: онъ мнѣ самому признавался въ любви къ тебѣ!.. Видно, это новая манера за границей?..

РОЖКОВА (*улыбаясь*). Да и я предупреждала тебя...

РОЖКОВЪ. Помню, помню... а я! о, слѣпой дуракъ!.. Но постой пріятель-предатель! я раздѣляюсь съ тобой по-нашенски!..

РОЖКОВА (*испуговшись*). Дуэль? О, ради Бога!..

РОЖКОВЪ. Ужъ ты не боишься ли за него?

РОЖКОВА (*съ достоинствомъ*). О, какъ тебѣ стыдно! Но ты...

РОЖКОВЪ. Обо мнѣ не беспокойся: я за границей не бываю, и изъ границы не выйду... дуэли у насъ не будетъ; онъ только стоитъ того, чтобы его побить!

РОЖКОВА. Ахъ! что ты это!

РОЖКОВЪ. Ничего. Онъ здѣсь только войди... а! легокъ на поминѣ...

РОЖКОВА. Нѣтъ, ради Бога; я тебя прошу.. безъ шуму, безъ ссоры! позволь мнѣ дѣйствовать...

РОЖКОВЪ. Да какъ онъ смѣлъ дурачить порядочнаго!.. Онъ, пожалуй, еще осмѣлится...

РОЖКОВА. Я тебѣ ручаюсь, что онъ со стыдомъ оставитъ насъ и навсегда!

РОЖКОВЪ. Но какъ же...

РОЖКОВА. Такъ же! извольте повиноваться мнѣ (*сажаетъ его къ столу, даетъ ему въ руки бумаги*). Садитесь тутъ, пишете и ни слова, ни полслова! (*Идя на другую сторону и взявъ работу, садится*). И я ни словечка!

РОЖКОВЪ. Понимаю. Вотъ онъ, мошенникъ!

XII.

ТЬ ИИ = ЛУБИНСКІЙ.

ЛУБИНСКІЙ (*не видя мужа*). А, вы здѣсь! А я напрасно проискалъ васъ въ саду? Какъ кончилась ваша ссора? а? Вы прекрасно сѣ-

дали, что вошли наконецъ въ свои права... что-съ? (видя, что Рожкова работаетъ съ усердіемъ, оглядывается). А, и онъ тутъ! Я его и не замѣтилъ... впрочемъ, я съ нимъ не церемонюсь... (Рожковъ при этихъ словахъ грозитъ кулакомъ). Такъ вы рѣшились его оставить — чудесно! Я слышалъ конецъ вашей ссоры... (она занимается еще усерднѣй работою). Что вы говорите? Вы, кажется, что-то сказали?.. (молчаніе). Ахъ! pardon... (переходя къ Рожкову). Скажи, пожалуйста, поуспокоился ли ты наконецъ? (Рожковъ внимательно перелистываетъ бумаги). Да что ты это теперь приваяся за бумаги? (молчаніе). А? (съ безпокойствомъ начинаетъ откашливаться). Гм! гм! (переходя къ Рожковой). Послушайте... если вы поѣдете къ роднымъ, я охотно буду вашимъ провожатымъ, хоть на край свѣта... вы позволите? да? (она еще усильнѣе занимается шитьемъ). А если бы вы вздумали прокатиться по Европѣ, свѣло могу сказать, вы не нашли бы лучше кавалера. Я обѣдаю сегодня у васъ. (Та же игра Рожковой. Въ сторону). Да что они, оцѣмили?.. (переходитъ къ Рожкову). Александра Михайловна приглашаетъ меня отобѣдать съ вами... да брось этотъ вздоръ! (вынимая часы). Смотри, ужь время! (Мертвое молчаніе). Да что же ты надулся? Сердишься, что ли на меня? (Та же игра Рожкова). Тутъ что нибудь да не такъ... (переходя къ Рожковой). Вамъ вѣрно угодно, чтобъ я уѣхалъ?.. (молчаніе). Я забылъ мой хлыстикъ... и воротился... я не зналъ... (въ сторону). Да это просто инстификація... я долженъ быть очень смѣшонъ! Но... надо же какъ нибудь поддержать себя. (сѣдится, развалился). Антонъ Антонычъ вели подать закуску! (напывая несмыло что нибудь: тра, ла, ла... вдругъ останавливается). Я, признаться, ужасно проголодался... не мудрено: проскакать верхомъ такую даль! (оборачиваясь къ Рожкову). А? (къ ней). Что-съ? (Общее молчаніе. Лубянской встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, беретъ свой хлыстъ, роняетъ его, поднимаетъ, снова кладетъ на прежнее мѣсто и беретъ свою шляпу, все поглядывая то на мужа, то на жену, которые, не обращая никакого вниманія на его дѣйствія и совершенно погружены въ свои занятія. Топая ногами). Чортъ возьми! Я не знаю, какъ теперь и уйдти отсюда... а надо бы дать тягу... преглупое положеніе! (снова разваливается на диванъ). Гм! Въстаю этого дивана, я бы желалъ провалиться сквозь землю!..

XIII.

ГЪ ЖЕ ВЪ ДИЗА, выходи изъ боковой комнаты.

ДИЗА. Пожалуйте кушать! (все поднимаются съ своей миссы).

ЛУБЯНСКІЙ (съ радостью). Обдавай! Наковецъ! (быстро подходит къ Рожковой, ласно расшаркивается и предлагаетъ руку, она, усердизишись, подходит къ мужу и, взявъ его подъ руку; идетъ черезъ всю сцену, мимо Лубянского, въ ту дверь, откуда вышла Диза).

ЛУБЯНСКІЙ (стоя, какъ озабоченный, послѣ ихъ ухода, Диза). Скажи отъ меня этому негоднику и своей барынь... (Диза, глядя на все съ заносчивостью и не давая ему кончить фразы, поворачивается быстро къ нему спиной и убѣгаетъ).

ЛУБЯНСКІЙ (надѣвъ шляпу). И эта туда же! (подходя къ асансмену). Каково положеніе? Бывалъ ли кто нибудь, господа, въ такомъ положеніи? А? что-съ? Вы что-то сказали. (молчаніе). И здѣсь нечисть! О, теперь мнѣ становится страшно!

Чѣмъ больше здѣсь мужей — бѣда!
Всѣ моему несчастью рады...
Отъ васъ, влюбленныхъ, господа,
Счастливицниковъ — не жду пощадъ.
Но вы, кому, чтобъ честь сберечь,
Мужья подчасъ отмицали больно!
Теперь къ вамъ обращаю рѣчь:
Здѣсь и такихъ, какъ я, довольно.
Вы въ положеніи моемъ
Теперь участіе возьмите;
И хоть за ихъ дурной приѣмъ
Меня получше вы прините...
Боюсь остаться въ тишинѣ:
Вы — въ этомъ положеніи дикохъ —
Хоть шикайте погромче мнѣ,
Чтобъ я ушелъ отсюда съ шикомъ!

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ

ЖУРНАЛА

ПАНТЕОНЪ,

на Невскомъ проспектъ, въ домъ Казанскаго собора,
(заходъ съ площади), поступили въ продажу слѣдующія
книги:

1) МИССЪ АННА. Романъ, въ 2-хъ частяхъ, Фенимора Купера, перев. съ англійскаго А. С. Горкавенко. Спб. 1853. Ц. 2 р., вѣс. за 2 фунта.

2) КНИГА ДЛЯ ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ, съ 12-ю раскрашенными картинками и заглавною виньеткою, содержащая въ себѣ слѣдующія статьи: Зависть и братолюбіе, семейныя сцены. — Скупость и бережливость, рассказъ. — Неумѣренность и воздержаніе, рассказъ учителя. — Сребролюбіе и безкорыстіе, апологъ — Гнѣвъ и терпѣніе, рассказъ. Соч. А. Н. Климовича. Спб. 1853. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. с.

3) БЕСѢДЫ СЪ МАЛЕНЬКИМИ ДѢТЬМИ о первыхъ началахъ Ариметики. Состав. Ѳ. Ожаровскій. Спб. 1853. Ц. 50 к.; вѣс. за 1 фунтъ.

4) ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ, Н. Д. Хвошнской. Спб. 1853. Ц. 75 к., съ перес. 1 р. с.

5) ГНѢЗДО АИСТОВЪ. Романъ въ 4 частяхъ. Соч. Эли Берте. Спб. 1852. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

6) ЖЕЗЛЪ, сочиненіе и труды В. Анаевскаго. Спб. 1852. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.

7) ИСТОРІЯ ПЕНДЕННИСА, его приключеній и бѣдствій, его друзей и величайшаго врага. Романъ Вильяма Теккерея. Переводъ съ англійскаго. 2 части. Спб. 1852. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. с.

8) СЪВРІЙ АРМЯКЪ, ИЛИ ИСПОЛНЕННОЕ ОБЪЩАНІЕ, повѣсть для дѣтей. Съ литографир. виньеткою. Изданіе 3-е. Москва, 1852. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. с.

9) МИНИАТЮРНЫЕ ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА, на одноѣ листѣ, съ бронзирова-
ными украшеніями. Ц. 50 к., съ перес. 75 к. с.

10) НЕБЫВАЛЫЙ ЛИТОГРАФИЧЕСКІЙ ЭСТАМПЪ : хри-
стосъ на голгоевѣ, съ текстомъ: «*Отче отпусти имъ, не судятъ бо, что творятъ*»... (Еванг. Луки, глава XXIII, стихъ 34),
посвященный Его Императорскому Величеству.

Эстампъ этотъ исполненъ съ картины Штейбена художникомъ Ще-
ровскимъ, извѣстнымъ уже русской публикѣ своимъ прекраснымъ альбо-
момъ: «*Вотъ наши съ натуры*» и отпечатанъ въ лучшей литографіи, Пель-
Пети. Государь Императоръ удостоилъ наградить художника за его
трудъ драгоценнымъ бриллиантовымъ перстнемъ. Цѣна экземпляру, на ки-
тайской бумагѣ 10 р.; за пересылку 1 р. с. Гг. иногородные получаютъ
эстампъ въ крѣпкомъ, особо сдѣланномъ для сего ящикѣ, оббитомъ
клеенкою.

Гг. Иногородные благоволятъ обращаться, какъ за книжками, такъ и
всѣми публикуемыми отъ прочихъ книгопродавцевъ книжками, въ главную
Контору Журнала «ПАНТЕОНЪ», по вышеозначенному адресу.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ:

- Этюды изъ женской жизни». Соч. *А. П. С-на*.
- Крымскіе цыгане». *А. Котляревскаго*.
- Миссъ Анна». Романъ *Фелимора Купера*. Переводъ съ англійскаго *А. В. Горковскаго*.

II. ТЕАТРЪ:

Рашель въ Петербургѣ.

(Статья *первая*).

Прійать Рашель. — Последняя знаменитость. — Ожиданія и надежды Петербурга. — Федра-Рашель. — *Импозитъ Эврипида*. — *Импозитъ Сенеки*. — Разборъ Федры. — Завистники Расина. — *Федра* Падона. — Мнѣніе о ней Лагарпа и Вольтера. — *Федра* Расина. — Прекрасные стихи и неестественные характеры. — Любовь Ипполита и Арсиа. — Сцена признанія и ревности. — Труппа Рашель. — *Готье, Рафаэль, Шери, Кроль, Дина*. — Сестры Рашель. — Вліяніе ея на свою труппу. — Историческая вѣрность и пластика. — *Марія Стюартъ* Лобрина и Шмлера. — Классицизмъ и нѣмецкая драма. — Рашель въ роли *Марія Стюартъ*.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Еще выдернаны изъ дневника одного мѣстнаго джентльмена. — Наружность Петербурга лѣтомъ и зимою. — Какъ проводить у насъ день съ осени до весны. — Театры, клубы, собранія, кадетскія, кафе-рестораны, гостиницы съ ихъ публичкою. — Хлѣбцы. — Уличныя звѣзды съ своими наблюденіями. — Живопись и скульптура, замѣненныя обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной повѣи изъ камня. — Запѣвательный по части свѣтосиис художникъ. — Серебряная лотерея. — Моды.

IV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 11.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОКНИТЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Н. Крестовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ знаменитой трагической актрисы **РАШЕЛЬ ФЛИНСЪ**.
2. Музыка: I. «КОЛИ ВСТРѢЧУСЬ СЪ ТОВОЙ» романсъ, слова *А. Коллцова*. Музыка *В. С олодова*.
- II. **АННИ-РОККА**, новѣйшее сочиненіе *Юанна Страуса*.

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «**РИЕРТУАЛЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ**». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новѣйшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ вѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТВЕРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому справедливому его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ текущаго года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **всѣми** слѣдующими къ нимъ приложениями.

Ищущіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ редактору **СЕДОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чарышева моста, въ домѣ Лыткина.»

1853

МУЗЫКА

ЛИТЕРАТУРА

КНЕПОИСЬ

ТЕАТРЪ

501890

ПАНТЕОНЪ

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ **ВТОРОЯ ЖЕЛА** Повесть. *Г. Корженевскаго.*

✓ **РУБИНОВА ГОЛОВКА** Разсказъ *В. В. Толбина.*

СТЕХОТВОРЕНІЯ *И. И. Грекова.*

1. Ты поминишь: пады яснои рѣкою?
2. Души перазгалашии чада —
3. Довольно, о другъ мой, довольно!

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

✓ **ОЦЕРКЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ.**

1. Опера до Мейербера.
2. Мейерберъ и его вліаніе.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Говорить о томъ, что всегда одно и тоже?—Общее содержаніе комедій, пословицъ и вошедшей Александринскаго театра.—Замѣчательнѣйшія явленія на русской сценѣ.—Максимовъ 1 въ «Гамлетѣ» Шекспира.—Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, а кажется имъ такимъ легкимъ.—Ошибочное мнѣніе Байрона о Книгъ и Кемблѣ—Первое появленіе Гамлета въ европейскихъ переводахъ—Первый русскій переводъ.—Прежніе и современные намъ актеры въ роли Гамлета.—Мочаловъ и Каратыгинъ.—Датская легенда объ Амлетѣ, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ.—Гамлетъ не сумасшедшій, не слабодушный и не рѣшительный, словомъ не водевильный герой.—Мнѣніе Гете о Гамлетѣ.—Г. Максимовъ 1—Новый шагъ въ русскомъ искусствѣ на сценѣ.—Плохой натурализмъ въ трагедіи.—Плохой переводъ Гамлета г. Поповаго и его плохія послѣдствія.

2. РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(Статья вторая).

✓ *Андромача.*—Распнѣ и требованія ея вѣка.—Мнѣніе Корнелия.—Мысль пьесы.—Андромача Эврипида—Цѣль ея.—Герміона въ *Андромачѣ* и *Орестѣ* Эврипида.—Герміона Расина.—Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера.—Значеніе пьесы и критика Лагарпа.—Разборъ трагедіи—Пирръ.—Любовь à la française—Неумѣстная иронія Герміоны.—Положеніе Андромачи.—Орестъ.—Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедіи.—Враги Андромачи.—Эпиграмы Расина.—*Адриенка Лекувереръ.*—Ея исторія.—Драма Скриба.—Разборъ ея.—Герцогиня Бульонъ.—Шазель.—Появленіе Рашели.—Два голубя.—Двѣ стороны таланта Рашели.—Энергія и вѣжностъ.—Любовь Адриенны.—Сцена соперницъ.—Монологъ изъ *Федры.*—Пятый актъ.—Смерть Адриенны.—Какъ умирать отъ аду.—Рашель въ современной драмѣ и въ трагедіяхъ.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВЛЕМЫЙ

Осдоромъ Коши.

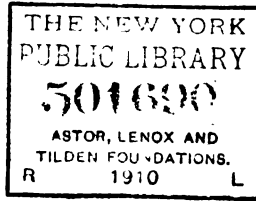
ТОМЪ XII.

ДЕКАБРЬ — КНИЖКА ДВНАДЦАТАЯ.

1853.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 26-го 1853.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВТОРАЯ ЖЕНА.

ПОВѢСТЬ

Г. КОРЖЕНЕВСКАГО.

I.

Между Бѣлой и Люблиномъ, окруженная лѣсами, лежитъ большая и богатая деревня Домбровецъ. Вѣроятно, названье это получила она отъ огромнаго дубоваго лѣса, нѣкогда тамъ зеленѣвшаго, отъ котораго теперь остались одни гигантскіе дубы, украшающіе дворъ и садъ, и во мнѣжествѣ разбросанные по плодоноснымъ и хорошо воздѣланнымъ полямъ. На ровномъ и устланномъ зеленымъ дерномъ дворѣ стоялъ обширный старосвѣтскій домъ, съ широкимъ, на четырехъ дубовыхъ колоннахъ, крыльцомъ; отъ большой дороги отдѣлялся онъ деревяннымъ заборомъ; направо былъ флигель, гдѣ помѣщались кухня и службы, а нагѣво стояло длинное небѣленое строеніе, заключавшее въ себѣ экипажные сараи и конюшни примѣрной чистоты и порядка. За домомъ тянулся огромный садъ съ фруктовыми деревьями, старосвѣтскими шпалерами и группами дубовъ, о которыхъ сказано вначалѣ. Садъ этотъ примыкалъ

къ небольшой, но полной рѣчкѣ, за которой тутъ же начинался дремучій лѣсъ, состоящій изъ разныхъ породъ деревьевъ, соединяясь съ садомъ нѣсколькими хорошенькими мостиками. Большая деревня, съ деревяннымъ костеломъ по срединѣ, также окруженнымъ высокими дубами, тянулась вдоль рѣки, а на другомъ ея концѣ помещалась мыза со всѣми хозяйственными принадлежностями.

На всей деревнѣ видѣлись слѣды необыкновеннаго порядка и въ каждомъ углу замѣтно было, что хозяйство шло самымъ точнымъ и аккуратнымъ образомъ.

Хозяинъ этого имѣнія, Антонъ Клецкій, нѣкогда служилъ въ русскомъ кавалерійскомъ полку. При полковникѣ дворецкимъ состоялъ отставной вахмистръ того же полка, лихой отчаянный рубака, управлявшій всѣмъ въ эскадронѣ. Въ сраженіи съ турками онъ спасъ жизнь полковнику, вытащивъ его изъ-подъ убитой лошади и отдавъ ему свою, да и теперь былъ готовъ за него на смерть—такъ любилъ онъ своего прежняго начальника! И ветеранъ, усердно присматривая за добромъ полковника, ежедневно повторялъ, что при немъ только хочется жить и умереть.

Однако не все въ этотъ домъ шло какъ по маслу и не все дѣлалось по волѣ полковника, какъ его обыкновенно называли. Въ хозяйствѣ, въ распоряженіяхъ, однимъ словомъ, внѣ границъ дома—каждое слово и приказаніе его имѣли вѣсъ и были чтимы, словно команда во фронтъ; но въ границахъ дома было иное, болѣе могущественное слово, противъ котораго и полковникъ не смѣлъ возвысить своего мужественнаго голоса, и передъ которымъ склонялся извѣстный уже вахмистръ—лихачъ, небоявшійся ни штыка, ни сабли.

Въ этотъ-то домъ хочу ввести читателей моей повѣсти, основаніе которой взято съ натуры.

Въ іюль 1840 года, между пятымъ и шестымъ часомъ вечера, на крыльцѣ дома въ Домбровцѣ стоялъ мужчина, видъ и осанка котораго изобличали стараго кавалериста. Онъ былъ хорошо сложенъ, средняго роста, лицо имѣлъ свѣжее и веселое, глаза свѣтлые, улыбающіеся, а изъ-подъ развѣсистыхъ усовъ видѣлись бѣлые и здоровые зубы. Сѣрый казакинъ его съ стоячимъ воротникомъ, старательно застегнутый, отличался чистотой и сидѣлъ на немъ словно вылитый, не мѣшая ловкости и свободѣ движеній. Въ рукѣ онъ держалъ чистыя перчатки, играя ими; а бѣлая фуражка была ловко надвинута на его сѣдоватой и плотно-остриженной головѣ, которую онъ четверть часа приглаживалъ передъ зеркаломъ. Таковъ былъ панъ Вицентій Пуслицкій, нѣкогда лихой вахмистръ и хозяинъ эскадрона. Въ то же время, когда, стоя на крыльцѣ, панъ Пу-

слипкій посматривалъ на ворота, во двоѣ влетѣла дорожная коляска, запряженная лихимъ пятеркомъ въ краковскихъ хомутахъ. Въ минуту добрые и измученные, какъ видно, шибкой ѣздой, кони остановились передъ крыльцомъ, звеня кольцами упряжи и взбрасывая отбѣнные морды.

Въ коляскѣ сидѣлъ осанистый старикъ, въ пепельнаго цвѣта лѣтней фуражкѣ, большое довышко которой, опускаясь, защищало глаза его отъ солнца. Онъ былъ въ сюртукѣ, застегнутомъ на все пуговицы, въ петлицѣ виднѣлась орденская ленточка. Лицо его было довольно свѣжо, глаза смотрѣли смѣло и спокойно, рука опиралась на трость съ большимъ набалдашиникомъ изъ слоновой кости. По всему видно было, что это также старый служака, привыкшій командовать и быстрымъ взглядомъ окладывать молчаливый фронтъ, готовый на каждое его мановеніе.

Пріѣзжій былъ русскій генералъ, нѣкогда командовавшій полкомъ, а теперь жившій въ помѣстьи своей въ отставкѣ.

Узнавъ пріѣзжаго, вахмистръ снялъ фуражку, вытянулся и ожидалъ приказаній.

— Каково поживаешь, Пуслицкій? сказалъ старикъ чистымъ звучнымъ голосомъ.

— Слава Богу, ваше превосходительство, — отвѣчалъ вахмистръ, нежнѣшая положенія; только въ глазахъ его блеснула радость при видѣ стараго командира, котораго привыкъ онъ уважать еще въ бывалые годы.

— Повидному поживаешь хорошо и, какъ замѣчаю, еще не сдѣлался бабой, — прибавилъ генералъ, улыбаясь, въ то время, когда слуга отворялъ дверцу.

— Подойди-же ко мнѣ, Пуслицкій; и помоги мнѣ взойти по лѣстницѣ, потому-что я пересидѣлъ ноги.

Словно святой съ часовъ этими словами, сбѣжалъ вахмистръ съ лѣстницы, въ минуту былъ уже возлѣ коляски и помогъ выйти старикку, который, едва ступивъ на землю, положилъ руку на голову ветерану, наклонилъ ее къ себѣ и поцаловалъ въ лобъ. Выпрямясь послѣ этого привѣтствія и отворотясь немного въ сторону, Пуслицкій отеръ рукавомъ слезу, неволью скатившуюся съ его рѣсницы.

— Ну, ну... — сказалъ генералъ, замѣтивъ это движеніе: — не сты, дядь, что любишь меня и радъ моему пріѣзду.

— Видитъ Богъ, какъ радъ, ваше превосходительство! — сказалъ Пуслицкій и, подставивъ дюжее плечо, на котореѣ генералъ облокотился, помогъ ему взойти на ступеньки крыльца.

— Позаботься-же о моихъ лошадяхъ, Пуслицкій, — сказалъ генералъ

остановясь на крыльцѣ и оглядываясь по двору:—они уходились порядкомъ. Такъ спѣшивалъ къ вамъ, что сдѣлалъ пять миль въ одну упряжку.

— Сейчасъ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ вахмистръ и исчезъ.

II.

Генералъ вошелъ въ залу, осмотрѣлся вокругъ, нахмурилъ брови и сказалъ съ неудовольствіемъ, кладя на столъ фуражку:

— Что-то у васъ здѣсь не по прежнему. Правда, что я не былъ два года въ этой комнатѣ, но въ это время мебель, которую такъ любила моя покойная племянница, не могла-же испортиться до такой степени, чтобъ ее надо было выбросить. Загородили комнату какими-то штуками, поставиввали окна и двери такъ, что все это похоже на лавку. Здѣсь ничего нѣтъ военнаго, Пуслицкій! нѣтъ ни строю, ни ладу, ни даже стулъ не знаетъ своего мѣста, а креслы и диваны блуждаютъ словно невзученные рекруты. Что-же это значить? Говори-же!

Выслушавшись, Пуслицкій слушалъ генерала и, чувствуя справедливость его замѣчаній, мигалъ только глазами и шевелялъ усами, какъ-бы собираясь заплакать: но, не желая скомпрометировать своего полковника и стыдился нѣсколько за его слабость, не отвѣчалъ ни слова.

— Что-же ты молчишь? Все это переименовано по желанію полковника?

— Это полковница приказала, — отвѣчалъ Пуслицкій, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Приказала! приказала! повторилъ генералъ. И полковникъ послушался?

— Точно такъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ дрожащимъ голосомъ.

— Только еще девять мѣсяцевъ, какъ женился во второй разъ, и уже такъ оплошалъ! сказалъ генералъ, садясь въ кресло. Скоро-же онъ позабылъ, чѣмъ была для него моя Машенька, которую воспиталъ я въ страхѣ Божіемъ и которой внушилъ послушаніе и уваженіе къ мужу.

— Покойная полковница—царство ей небесное—была совсемъ не такая, какъ нынѣшняя... отвѣчалъ вахмистръ, оглядываясь.

— Не смѣла ни одного слова сказать противъ мужа...

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Полковникъ ни разу не видѣлъ на ея прекрасномъ лицѣ ни одной недовольной мины, ни одной гримасы...

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Она принесла ему приданого пятьсотъ тысячъ золотыхъ, а была довольна тѣмъ, что давалъ онъ ей иногда даже съ неудовольствіемъ. Что, не правда?

— Правда, правда, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Пуслицкій съ чувствомъ.

— Здоровьемъ и жизнью заплатила она за привязанность къ нему. Узнавъ, что онъ боленъ, она спѣшила день и ночь среди жестокихъ морозовъ. Правда или нѣтъ?

— Правда, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, отирая слезы рукою, которую опустилъ поспѣшно по шву, чтобъ не испортить выправки.

— И теперь, чрезъ четыре года послѣ ея смерти, чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ того, какъ другая, заступивъ ея мѣсто, вошла въ домъ, я не вижу ни одного воспоминанія о прекрасной женщинѣ, которую, впрочемъ любилъ полковникъ.

— Что любилъ, то правда, ваше превосходительство! — сказалъ Пуслицкій громче и смѣлѣе, бывъ доволенъ, что хоть стнѣвъ въ состояніи возвысить своего полковника въ мѣѣнн генерала.—Не разъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ полковникъ любилъ покойницу жену, какъ потомъ всегда вспоминалъ о ней... то-есть, показывалъ ее жонд-ля на теперешней госпожѣ полковницѣ.

Генералъ примѣтилъ замѣшательство служиваго. Оправясь немного отъ грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него гостинной новой хозяйки, онъ спросилъ, незамѣтно улыбувшись:

— А теперь уже не вспоминаеть?

— Теперь, ваше превосходительство!—отвѣчалъ вахмистръ, подаваясь на шагъ впередъ: — теперь такъ... кажется, никогда.

— Значить, не смѣеть? что?.. спросилъ старикъ, вставая.

— Что-то въ родѣ этого, ваше превосходительство!

— Онъ, такой лихой солдатъ, боится бабы? Однакожъ я не разъ видѣлъ, какъ онъ, съ саблей въ рукѣ, летѣлъ на турецкія батареи.

— Это не штука, ваше превосходительство!—отвѣчалъ Пуслицкій съ видомъ, что и ему это обстоятельство обыкновенно.—Здѣсь-же,—прибавилъ онъ, выпрямаясь и оглядываясь незамѣтно:—здѣсь дѣло другое...

— Э, любезный, значить и ты сдѣлался трусомъ и склонилъ флюгеръ передъ чепчикомъ. Фш! стыдъ! бабство! продолжалъ генералъ, ходя

по комнатам и отталкивая стулья и кресла, которые стояли въ разныхъ направленіяхъ и мѣшали ему ходить, встрѣчаясь вездѣ на дорогѣ.

Въ это время Пуслицкій тяжело вздыхалъ, кусая усы со стыда и опустивъ голову.

— Но, что же за дьявольщина, — сказалъ наконецъ генералъ оставившаяся: — ко мнѣ никто не выходитъ! Развѣ никого нѣтъ дома, или больны? Гдѣ же Ядвига?

— Барышня уѣхала съ госпожей полковницей къ сосѣдямъ. Вѣроятно возвратятся, къ вечеру.

— Жаль, хотѣлось-бы увидѣть ее поскорѣе. Должно быть, выросла, похорошѣла, сформировалась.

— Выросла и похорошѣла, ваше превосходительство, точь-въ-точь портретъ маменьки, отвѣчалъ вахмистръ съ улыбкой удовольствія.

— Милое дитя! А вспоминаетъ-ли она иногда дѣдушку? спросилъ генералъ, подходя къ Пуслицкому и взявъ его за пуговицу.

— Со мной ни о чемъ другомъ барышня и не говоритъ, ваше превосходительство.

— Доброе дитя! сказалъ старикъ; потомъ прибавилъ какъ-бы до-вѣрчиво: — А не хочеть-ли она замужъ? Что?

— Конечно, ваше превосходительство, барышня, хотя и не говоритъ объ этомъ, — сказалъ смѣшавшійся Пуслицкій: — однако-же, какъ мнѣ кажется, то и не прочь-бы, — прибавилъ онъ серьезно.

— Милое, милое дитя! Пусть и не прочь отъ того; я къ 500,000 материнскихъ... придамъ еще столько-же своихъ, чтобъ вышелъ круглый миллиончикъ — а?

— Хорошее дѣло, ваше превосходительство, сказалъ вахмистръ, подумавъ: — все же лучше, чѣмъ ничего.

— Надѣюсь, что лучше, сказалъ генералъ, а потомъ, оглянувшись, спросилъ: — А что, и полковникъ уѣхалъ съ женой?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пуслицкій, шевеля съ безпокойствомъ руками, но удерживая ихъ по швамъ и какъ-бы глотая слово, которое остановилось у него костью въ горлѣ.

Наконецъ тихимъ, едва слышимымъ голосомъ онъ прибавилъ:

— Полковникъ, ваше превосходительство, изволилъ повестъ на прогулку собачекъ госпожа полковницы.

Генералъ отскочилъ отъ испуганнаго вахмистра и сказалъ громко:

— Смирно!

Пуслицкій вытянулся въ струнку и смотрѣлъ въ глаза генералу, который продолжалъ:

— Впередъ! марш!

Пуслицкій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и когда уже подошелъ на поларшина къ генералу, послѣдній скомандовалъ:

— Стой!

Вахмистръ остановился, какъ вкопанный.

— Послушай, Пуслицкій, знаю, что ты любилъ полковника и съ опасностью жизни выручалъ его изъ бѣды; знаю, что и онъ любитъ тебя, помня эту услугу, а теперь ты на него клеветишь! Знаешь-ли, съ кѣмъ ты говоришь?

Съ уваженіемъ слушалъ Пуслицкій стараго генерала, потомъ отвѣчалъ, покачавъ головой:

— Что правда, то правда, ваше превосходительство; а что касается особы вашего превосходительства, то также знаю, съ кѣмъ говорю и не смѣлъ-бы лгать и чернить своего полковника...

— Такъ онъ повелъ собачекъ на прогулку? сказалъ генералъ съ улыбкою:—онъ, который терпѣть не могъ собакъ и чуть не вышелъ на дуэль съ товарищемъ за то, что ударилъ собаку! А! значить свѣтъ перевернулся вверхъ ногами!

— Перевернулся, отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденіемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у васъ происходятъ любопытныя дѣла сказалъ генералъ, садясь. Прикажи-ко, братъ Пуслицкій, подать мнѣ сюда трубку и расскажи, какимъ образомъ вы позволили осѣдлатъ себя?

— У насъ здѣсь трубки нѣтъ и въ поминѣ, ваше превосходительство, отвѣчалъ пристыженный вахмистръ:—запрещено подъ строжайшею отвѣтственностью...

— Какъ, и полковникъ уже не курить?

— Не курить, ваше превосходительство.

— Да вѣдь онъ-не могъ обойтись безъ этого, даже выписывалъ табакъ изъ Одессы?

— Съ тѣхъ поръ, какъ госпожа полковница вошла въ домъ, трубка вышла изъ дому, ваше превосходительство.

— О, какіе же вы олухи! воскликнулъ старикъ. — Ступай къ моему человѣку и прикажи принесть сюда трубку. Что же стоишь? Развѣ не слышалъ?

— Ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ въ сильномъ смущеніи:—кажется, госпожа полковница сейчасъ возвратится... Можетъ быть, было бы безопаснѣе...

— Чтѣ? Ужъ не полагаешь-ли, что я ея испугаюсь? Развѣ ваша полковница двадцати фунтовая пушка?

— Знаю, что двадцати фунтовая пушка водоръ для великого превосходительства, да и для меня, слава Богу, пустяки, какъ мнѣ известно... а госпожа полковница, ваше превосходительство ..

— Страшите, чай, орудія?

— Что-то въ родѣ этого, ваше превосходительство.

— Какія же это у дьявола чары, которыми онъ насъ опуталъ? сказалъ старикъ вставая. — Тотая графиня, немолодая, можетъ быть, себѣ и умная по французски; но что же здѣсь необыкновеннаго? Развѣ очень хороша собой? Я ее не видѣлъ. Лучше моей племянницы?

— Гдѣ-же ей до покойницы, ваше превосходительство! — отвѣчалъ ветеранъ; всматриваясь издали, не подслушиваютъ-ли, но потомъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, прибавилъ тише:

— Суха, какъ щепка, выскла и прѣла, какъ пшкя, ваше превосходительство; мало говорить, шипога не усмѣнетса, а что захочеть сдѣлать, то поставитъ на-своёмъ. Иногда полковникъ и вздумаетъ что-нибудь приказать, да взглянетъ на жену — умокнетъ, словно рыба, и ни гу-гу! Она ему скажетъ что-то по французски — и счастливо оставаться! сейчасъ уже другое направленіе. Что должно быть бѣлымъ, дѣлается чернымъ, — и баста.

— Гмъ! гмъ! ворчалъ старикъ и ходилъ, встревоженный не на шутку. — Значитъ я въ пору сюда прѣзжалъ. Твой обабившійся полковникъ пожалуй готовъ, безъ моего вѣдома и воли, вытолкать изъ дому мою Ядвигу, еслибы жена приказала. Правда ли, что возлѣ внучки увивается какой-то голышъ — графчикъ, кажется, родственникъ вашей комендантши?

— Что-то на это похоже, ваше превосходительство.

— Чорта лысаго съѣсть! воскликнулъ старикъ, ударивъ рукой по столу: — не хочу — и баста! пускай полковница держитъ мужа подъ туфлей, если ему это нравится; но брысь! отъ моей внучки и моего имѣнія. Здѣсь должны рѣшать только сердце Ядвиги и я, а не имѣніе и корысть какого-то диктатора въ юбкѣ. Однако мнѣ надо немного ближе познакомиться съ этими маневрами. Снеси мои вещи въ тѣ комнаты, который занималъ я въ послѣдній прѣздѣ. Мнѣ было тамъ хорошо.

— Ваше превосходительство, — отвѣчалъ, сѣвшійся Пусляндскій: — именно въ этихъ комнатахъ сложены вещи графа Альфреда, который завтра долженъ прѣзжать.

— И что за имя, Боже праведный! — воскликнулъ старикъ съ досадою. — Альфредъ! точь-въ-точь взято на прокатъ изъ какой-нибудь французской книжки. И я отдаю-бы эту дѣвушку-золотъ, единственную дочь бездѣнной моей Машеньки? Нѣтъ, [машенька] [машенька]

бойсь! Хотя бы я долженъ былъ ссориться и даже стрѣляться. Выбросить его вещи, а мои перенести!

— Ваше превосходительство, госпожа полковница...

— Что мнѣ твоя полковница! не о ней идетъ дѣло, а о Ядвигѣ,— говорилъ генералъ и началъ быстро ходить по комнатѣ.

Однако Пуслицкій не спѣшилъ исполнить приказанія, а генералъ, пройдясь нѣсколько разъ и успокоясь немного, прибавилъ:

— Ну, Богъ съ вами! не хочу васъ подвергать неприятностямъ, когда вы такъ боитесь. Оставьте! Наконецъ и не слѣдуетъ бунить въ чужомъ домѣ. Вѣроятно, полковникъ скоро возвратится; онъ самъ найдетъ, гдѣ помѣститъ меня. Постарайся только, чтобъ была другая особенная комната, потому-что завтра пріѣдетъ сюда одинъ молодой членъ—понимаешь? Да я желалъ бы, чтобъ онъ былъ хорошо принятъ. Понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ Пуслицкій съ улыбкой, какъ-бы догадываясь въ чемъ дѣло.

Догадливость въдъ принадлежность военной дисциплины и служить пробнымъ камнемъ хорошаго солдата.

III.

Въ это время на дворѣ раздался лай собаченокъ. Пожавъ плечами, генералъ началъ быстрѣе прохаживаться, а Пуслицкій, почти не краснѣвъ при этомъ явномъ доказательствѣ слабости полковника, стоялъ словно на иголкахъ, и когда генералъ оборачивался къ нему спиною, все еще пожимая плечами, вахмистръ вздыхалъ и даже почесалъ затылокъ, тамъ однакожь, чтобъ старый начальникъ не замѣтилъ, что онъ держитъ руки не по швамъ.

Наконецъ дверь отворилась и вошелъ полковникъ. Не замѣтилъ онъ сразу присутствовавшихъ, потому-что вошелъ бокомъ, держа на рукахъ одну собачку, и, шелкая пальцами, звалъ другую, вѣроятно, за нимъ слѣдовавшую.

Замѣтивъ, что генералъ усѣлся и посматривалъ насмѣшливо, Пуслицкій готовъ былъ провалиться сквозь землю при видѣ этой униженной сцены; онъ не могъ выдержать долѣе, подошелъ къ полковнику и, показывая знаками, что угрожаетъ опасность, сказалъ:

— Г-нъ полковникъ!...

— А, что ты, Пуслицкій! подай мнѣ Пафчика! Бѣдная собаченка устала и не можетъ поспѣть, а между тѣмъ будетъ завидовать Долоткѣ за то, что держу ее на рукахъ.

— Но, г. полковникъ!—говорилъ въ отчаяніи вахмистръ:—г. генералъ..

— Какой генералъ?

— Его превосходительство, генералъ Дарскій!—сказалъ Пуслицкій, указывая головою направо.

— Что-же? Писалъ? Прислалъ нарочнаго?..

— Здѣсь въ этой комнатѣ и смотреть на васъ, сказала наконецъ Пуслицкій, оставя всё маневры предосторожности.

Поворотивъ голову направо, полковникъ увидѣлъ серьезное лицо генерала и его быстрые голубые глаза, смотрѣвшіе на него съ насильственнымъ выраженіемъ. Сначала онъ смутился; но скоро, придя въ себя и желая выдти изъ непріятнаго положенія, сказалъ, отдавая Пуслицкому собачку:

— Возьми собачекъ и отнеси въ дѣвичью; пусть за ними присмотрятъ, пока пріѣдетъ барыня.

Потомъ, выпрямься, съ веселымъ, привѣтливымъ лицомъ, пошелъ онъ къ своему гостю, который, не вставая съ мѣста и качая ногой, положенной на ногу, пристально смотрѣлъ на приближавшагося полковника.

Это былъ высокій, красивый мужчина, съ лицомъ, исполненнымъ выраженія и мужества. Онъ носилъ длинные волосы, между которыми пробивались уже сѣдины. Одѣтъ онъ былъ старательно и совершенно не по домашнему; на немъ были: франтовское пальто, лакированные сапоги, свѣтлыя перчатки; галстухъ былъ повязанъ щегольски, жилетъ шелковый послѣдней моды; а борода была такъ тщательно выбрита, что даже въ микроскопъ не замѣтили бы на ней ни одного волосочка. Исчезли безъ слѣда и тѣ знаменитые усы, которыми нѣкогда онъ славился, придававшіе ему такой грозный видъ, когда голосъ его гремѣлъ передъ фронтомъ или призывалъ къ отвагѣ въ минуты опасности.

— Какая неожиданная радость!—сказалъ онъ, генералъ у меня въ домѣ.

— Пріѣхалъ—дѣло обыкновенное, только не знаю, въ самомъ ли дѣлѣ это доставитъ вамъ большую радость,—отвѣчалъ старикъ, довольно хладнокровно и не трогаясь съ мѣста.

— А отчего же?—сказалъ полковникъ, немного смутившись.—Жена моя будетъ очень рада...

— Значитъ, если жена ваша будетъ мнѣ рада, то и вы будете рады; а если полковница сдѣлаетъ гримасу, то и вы послѣдуете ея примѣру,—сказалъ генералъ, вставая.

— Это почему? — вскрикнулъ полковникъ, смѣясь. — Во-первыхъ,

жена моя не сдѣлаетъ гримасы; а еслибы и сдѣлала, развѣ не я господинъ въ этомъ домѣ, гдѣ вы имѣете полное право на всевозможное уваженіе и привязанность.

— Вижу, вижу, что ты здѣсь господинъ,—отвѣчалъ старикъ, поглаживая сѣдые усы:—потому что и собачекъ нянчишь съ такимъ терпѣніемъ и лицо твое голо, какъ колѣна. Кажется, прежде, панъ полковникъ, ты любилъ и нѣжалъ усы, а собакъ большихъ и малыхъ выталкивалъ за дверь. Должно быть, все чертовски измѣнилось въ этомъ домѣ, котораго ты господинъ.

— Только одно: я женился.

— Развѣ этого мало? да и пословица говоритъ: женишься—перемѣнишься; тѣмъ болѣе, если въ другой разъ.

— Конечно, надо исполнять инныя прихоти жены, которую любишь. Моя жена...

— Твоя жена,—прервалъ генералъ съ удареніемъ:—любить собачекъ, и не любить усовъ; и вотъ панъ полковникъ, какъ хозяинъ въ домѣ и лихой кавалеристъ, беретъ собачекъ на руки и нянчится, а усы отсылаетъ въ цирюльню. Но это бы еще ничего, еслибы только кончилось на этомъ. Въ прихотяхъ, любезный, а особенно въ женскихъ, нѣтъ предѣловъ. Боюсь, чтобъ не кончилось на мнѣ, а въ особенности на Ядвига.

— О, что это вы говорите, генералъ?—воскликнулъ, немного пристыженный, полковникъ.—Если я снисходительный мужъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ я былъ дурнымъ отцомъ. Должно быть, здѣсь Пуслицкій наболталъ вздору. Однако, генералъ, вы начали съ упрековъ, и я позабылъ спросить: расположились ли вы у меня со всѣмъ привычнымъ комфортомъ. Вы у меня такой дорогой гость. Покорно прошу садиться,—прибавилъ онъ пріятливо, пожимая руку старику,—а мнѣ позвольте немного похозяйничать.

Генералъ усѣлся, а полковникъ, отворивъ дверь, кликнулъ Пуслицкаго. Когда вахмистръ вошелъ, полковникъ сначала погрозилъ ему незамѣтно, а потомъ спросилъ:

— Приготовилъ ты комнаты для генерала?

— Ихъ превосходительству угодно было занять прежнюю свою квартиру. Но тамъ барыня... изволили... прибавилъ встревоженный дворецкій тише и дрожащимъ голосомъ.

— А, — правда! отвѣчалъ господинъ: — тамъ вещи графа Альфреда,—а онъ завтра долженъ пріѣхать.

— Да и ключи у барыни,—прибавилъ Пуслицкій.

— Да, да,—говорилъ полковникъ, поглядывая на генерала, который улыбался.—Ну, такъ въ угловой зеленой комнатѣ. Тамъ есть переносныя, и окна выходятъ въ садъ.

— Тамъ должна остановиться барыниина родственница, что на дняхъ ожидаютъ.

— Правда и тамъ мельза. Она прїѣдетъ не сегодня, такъ завтра.

— И ключъ тоже у барыни; — прибавилъ Пуслицкій, пожимая плечами.

— Такъ снеси вещи въ мою комнату,—сказалъ наконецъ полковникъ мягкимъ голосомъ: — жена скоро прїѣдетъ, и это все уладится.

Пуслицкій подошелъ ужъ къ двери, но полковникъ еще обратился къ нему и сказалъ громко, повелительнымъ голосомъ:

— Гей, Пуслицкій? Присмотришь, чтобъ лошадямъ была двойная дача и накормить людей. Экипажъ пусть обмоютъ и поставятъ въ сарай.

Обращаясь къ гостю, онъ прибавилъ:

— Не прикажете-ли чего-нибудь—съ дороги?

— Почему-же и нѣтъ! Пять миль проскакалъ въ одну упряжку.

— Можеть-быть, стакавъ чаю? говорилъ радушный хозяинъ.

— Хорошо, отвѣчалъ генералъ:—только не зеленого и не слишкомъ барскаго.

— Пуслицкій! чаю! живо!

Вахмистръ стоялъ, вытянувшись, шевелилъ усами и покашливалъ.

Полковникъ подошелъ къ нему.

— Что-же ты стоишь? чаю!

— Ключи у барыни, — отвѣчалъ тихонько вахмистръ.— Да она же приказала подождать себя.

— Правда, еще не время чай пить, сказалъ полковникъ, дѣлая гримасу и поглядывая на часы.—Жена моя завела такой порядокъ, что на все у насъ свое время. Чай будемъ пить попозже; а теперь, дорогой гость не угодно-ли стаканъ вина съ бисквитомъ, это подкрѣпитъ съ дороги.

— Хорошо,—отвѣчалъ старикъ, улыбаясь.—Вѣдь это нашъ старинный напитокъ, только еслибъ венгерскаго. и хоть немного подходящаго къ моему возрасту.

— Пуслицкій, прикажи подать намъ бутылку добраго венгерскаго и два стакана, только живо! да не забудь и бисквитовъ!

Но Пуслицкій стоялъ, не двигаясь съ мѣста, шевелилъ усами и по-

давать знак. Видя это, полковник подошелъ къ нему и оклевалъ съ нетерпѣніемъ :

— Ну, что-же? не женилась?

— Понялъ бы, г. полковникъ, еслибъ были ключи, или хоть-бы дверь въ погребъ была не желѣзная... Но барыня...

— Вотъ штука!—сказалъ полковникъ, подходя къ генералу и смѣясь притворнымъ смѣхомъ:—придется показаться передъ вами недокруратнымъ хозяиномъ.—Сегодня жена приказала при себѣ привести въ порядокъ погребъ, и какъ-то, по разсѣянiю, захватила ключи съ собою.

— Значитъ жена твоя разсѣянна,—сказалъ генералъ, смѣясь въ душѣ надъ замѣшательствомъ и увертками полковника.—Искренно жалѣю о тебѣ. Кто привыкъ быть господиномъ въ домѣ, тому очень непріятно имѣть разсѣянную жену, которая все отъ него запрашаетъ. Такъ-ли, Пуслицкій?

— Точно такъ, ваше превосходительство!—отвѣчалъ вахмистръ, вытягиваясь.

— И часто съ полковницей случается такая разсѣянность, Пуслицкій?

— Какъ-бы сказать, ваше превосходительство, почти... постоянно.

Нахмуривъ брови, полковникъ далъ знакъ вахмистру выйти.

— Не уходи еще, Пуслицкій!—сказалъ генералъ съ такой веселой и насмѣшливой миной, какъ бы хотѣлъ нарочно выставить наружу постыдную покорность полковника женѣ и ея капризамъ.—Не смущайся, панъ полковникъ, что, по стеченiю обстоятельствъ, не можешь принять меня, какъ-бы тебѣ хотѣлось.

— Мнѣ это, право, такъ непріятно...

— Вѣрю, вѣрю; но развѣ это крайняя необходимость? Вѣдь мы съ тобой старые солдаты, а солдатъ легко переносить голодъ и холодъ. Бывало, нечего пить—мы закуриваемъ трубку, нечего ѣсть—мы опять закуриваемъ трубку. И добрая трубка, бывало, замѣнила намъ и венгерское и баранину—такъ-ли, Пуслицкій?

— Истинно такъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденiемъ и выпрямляясь.

— Мы и теперь едѣаемъ то же самое, — продолжалъ старикъ, незамѣтно поглаживая на хозяйна, вертѣвшася въ безпокойствѣ.—Закуримъ себѣ по трубочкѣ, садимъ и побесѣдуемъ, пока не придетъ часъ пить чай и не найдутся ключи отъ погреба.

— Я ужъ не курю—отвѣчалъ полковникъ.—Это бесполезная привычка, а между тѣмъ, я замѣтилъ, что отъ трубки начала болѣть грудь... Ну, и бросилъ.

Генералъ улыбнулся и взглянулъ на Пуслицкаго, который моргалъ усами и покашливалъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Поздравляю, полковникъ! У меня не хватаетъ столько силы воли, и я не измѣняю старымъ привычкамъ. Пуслицкій! прикажи моему Семену подать мнѣ трубку. Надѣюсь, позволишь?

— Можно ли спрашивать объ этомъ,—отвѣчалъ хозяинъ и далъ знакъ Пуслицкому исполнить приказаніе.

Вставъ, однакожь, и незамѣтно отворивъ окно, онъ прибавилъ:

— Не находите-ли вы, генералъ, что здѣсь довольно жарко?

— Жарко бѣдняку!—подумалъ старикъ и громко прибавилъ:—нисколько. Я даже просилъ бы затворить окно, потому—что боюсь сквознаго вѣтра; проклятый ревматизмъ начинаетъ меня сильно беспокоить.

Съ видимымъ замѣшательствомъ полковникъ прислушался, не ѣдетъ ли кто, и усѣлся, покоряясь тяжелой необходимости.

Принесли трубку. Генералъ пускалъ огромные клубы дыма, на которые полковникъ смотрѣлъ съ безпокойствомъ.

— Однако, любезный другъ, заключая изъ всего, что здѣсь вижу, жена твоя должна быть высокаго полета.

— Прекрасно образована, сами увидите; а что за мягкость характера!

— Да, видно, что мягкій характеръ, но при этой мягкости должна быть и крѣпость, какъ въ хорошемъ англійскомъ пивѣ.

— Конечно,—отвѣчалъ, какъ-бышута, полковникъ:—безъ крѣпости, которой есть немного, эта мягкость была бы неприятна.

— Конечно и крѣпость нужна женщинѣ, если женщина убѣждена, что мужъ голова въ домѣ, а она только рука, послушная его волѣ.

— Безъ сомнѣнія, мужъ долженъ быть головой въ домѣ,—отвѣчалъ полковникъ и два раза махнулъ платкомъ, чтобъ разогнать дымъ, сильно пускаемый генераломъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ старикъ съ улыбкой:—если мужъ въ пустыхъ обстоятельствахъ подчиняется женѣ и исполняетъ маленькіе ея капризы, онъ показываетъ только деликатность. Обязанность мужа—награждать любовь жены и покорность ея въ важныхъ случаяхъ—исполненіемъ небольшихъ прихотей въ мелочахъ жизни.

— Я всегда былъ этой вѣры,—отвѣчалъ полковникъ, снова махая платкомъ:—именно это обязанность мужа, которому судьба послала въ женѣ сокровище.

— И потому, какъ глава дома,—продолжалъ старикъ, быстро смотря

на полковника:—изъ деликатной снисходительности къ прихотямъ второй жены своей, онъ долженъ переродиться и полюбить то, что прежде ненавидѣлъ, а возненавидѣть, что прежде нравилось; обязавъ сдать женѣ управленіе домою и не смѣть перемѣнить ни одной іоты въ ея распоряженіяхъ; долженъ удалить изъ комнатъ все, что напомнило бы первую жену, и даже портретъ ея забросить куда-нибудь въ уголъ, чтобъ дочь, позабывъ черты матери, привыкала къ лицу мачихи.

— Вотъ куда вы мѣтили, генералъ!—сказалъ полковникъ, вставая.— Позвольте-же сказать, что упреки ваши незаслужены и несправедливы. Вы обо всемъ судите по наружности. Однако-жь давно и очень хорошо знаете, имѣлъ ли я силу исполнить то, что мнѣ хотѣлось, или не исполнить того, чего не хотѣлось. Даже теперь упрекаю себя, что, можетъ быть, иногда круто поступалъ съ покойной Мери, которую любилъ истинно и память которой чту болѣе, чѣмъ вы думаете. Портретъ ея виситъ въ комнатѣ дочери, чтобъ, вмѣстѣ съ чертами матери, напечатлѣвались въ сердцѣ Ядвиги и ея прекрасныя качества. А что теперь ввелъ я нѣкоторыя перемѣны въ домѣ, то, смотря на знатность рода моей жены...

— Прошу покорно!—прервалъ генералъ: жена—офицера, которымъ гордилась бы каждая армія, изволить помнить о знатности своего рода и желаетъ, чтобъ мужъ у себя въ домѣ сообразовался съ этимъ!

— Не она, но я самъ забочусь объ этомъ, отвѣчалъ полковникъ, снова махнувъ платкомъ.—Деликатность эта предупреждаетъ непріятности. Такую систему принялъ я во всемъ и не раскаиваюсь. Женѣ отдалъ я внутреннее управленіе домою — и спокоенъ. Во вздорахъ соображаюсь даже съ ея капризами...

— Съ капризами!...—прервалъ генералъ, пуская огровные клубы дыма.

— У кого же ихъ нѣтъ!—отвѣчалъ полковникъ, старательно разговаривая дымъ.—Но эта мнимая покорность мнѣ очень полезна, потому что доставляетъ мнѣ спокойствіе.

— А иначе его не было-бы... послѣ девяти мѣсяцевъ супружества!—воскликнулъ генералъ съ улыбкой.—Поздравляю. Но оставимъ это. Тебѣ вѣдь хорошо: покорность обезпечиваетъ домашнее спокойствіе, такъ и покоряйся.

— Но я не во всемъ покоряюсь, — прервалъ полковникъ, смѣясь и стараясь снова обратить все въ шутку.—Вѣрьте, генералъ, что далеко отъ этого! Человѣкъ съ моимъ характеромъ...

Здѣсь полковникъ остановился и выглянулъ въ окно не вѣдетъ-ли кто.

— Да, да!—воскликнул тогда генералъ, вставая и громко расклатившись.—Если кто, изъ угожденія жёнъ, заставляетъ себя дѣлать все наперекоръ своей натурѣ, если тотъ, кто некогда смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти, теперь съ трепетомъ смотритъ въ окно, не влѣтъ-ли жена, которая поморщится и вымоетъ голову мужу—съ характеромъ, за то, что застанетъ трубочный дымъ въ гостиной—это, безъ сомнѣнія, очень сильное доказательство твердости характера.

И, проговоривъ это, генералъ, какъ-бы нарочно, выпустилъ огромное облако дыму.

— Неужели въ-самомъ-дѣлѣ, генералъ, вы думаете, что я боюсь моей жены?—сказалъ полковникъ, отходя отъ окна.—Неужели?... но позвольте...—прибавилъ онъ тише и прислушиваясь:—въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, слышенъ стукъ экипажа. Вѣроятно, она.

Вошелъ Пуслицкій и доложилъ, что влѣтъ полковница.

— Слава—Богу! сказалъ старикъ.—Слушай—же теперь, дружище.

— Что прикажете? отвѣчалъ полковникъ, разгоняя дымъ платкомъ.

— Соглашайся на всѣ твои угожденія, это до меня не касается; но говорю тебѣ серьёзно, что исключаю изъ нихъ вичуку, и заботы о дѣлѣтѣйшей судьбѣ ея.

— Конечно; да развѣ я согласился-бы на это?—отвѣчалъ полковникъ.

Потомъ, отдавая Пуслицкому платокъ и показывая жестомъ, чтобъ вахмистръ разгонялъ дымъ, стоящій въ комнатѣ, онъ обратился къ старику и прибавилъ:

— Право здѣсь жарко, генералъ! позвольте открыть окно, потому что моя жена...

— Открывай, открывай поскорѣе!—говорилъ старикъ, улыбаясь:—я помогу тебѣ открыть еще другое.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ полковникъ, сжимая ему руку и бросаясь отворять окно.

Улыбаясь, генералъ отворилъ другое, а Пуслицкій между-тѣмъ старательно разгонялъ дымъ.

— Лихо же она его прибрала къ рукамъ!—говорилъ самъ себѣ старикъ, садясь въ кресла:—въ-самомъ-дѣлѣ любопытно взглянуть на эту женщину. Должно-быть, что-нибудь необыкновенное, когда такъ его переработала!

IV.

Между-тѣмъ послышался стукъ экипажа и къ крыльцу подѣзжала

коляска. Пуслицкий остановился у дверей, а полковникъ пошелъ на встрѣчу къ женѣ.

Госпожа Клецкая, урожденная графиня Подбрижская очень походила на портретъ, сдѣланный Пуслицкимъ. Это была женщина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, чопорная, высохшая внутри и снаружи. Глаза у ней были хороши и довольно пронзительны, носъ довольно красивъ; но узкія, сжатія губы и острая выдающаяся борода свидѣтельствовали о ея напыщенности, холодномъ прозаическомъ сердцѣ и ариметическомъ головѣ, которая рассчитывала каждое слово и каждую улыбку. Клецкая происходила изъ древняго, но обѣднѣвшаго рода, который, по мѣрѣ упадка и уменьшенія доходовъ, а вмѣстѣ пропорціональнаго увеличенія долга, облекался воспоминаніями прежняго блеска и значенія, тщеславился графскимъ титуломъ, неизвѣстно откуда взявшимся, и выставлялъ кредиторамъ поливалыя галуны слугъ, а обогатившейся трудами шляхтѣ — неизмѣримое чванство и презрѣніе. Графиня Клементина Подбрижская была воспитана въ этомъ духѣ и даже не имѣла женской доброты, проливающей отраду на пороки, принадлежащіе извѣстнымъ семействамъ. Она была убѣждена, что, отрекаясь отъ своего будто-бы историческаго имени, она приносила жертву для блага своего семейства; что, принимая обыкновенное имя богатаго дворянина, прославленное только мужествомъ, правотою и отличными заслугами, она дѣлала мужу честь и имѣла право на всевозможную благодарность и угожденія. Она не любила мужа, потому-что выходила за него собственно для того, чтобъ избавиться отъ пужды, возвратиться къ кружевамъ, атласамъ и соболямъ, которые въ семействѣ ея извѣстны были только по преданіямъ и полусгнившимъ реестрамъ. Старая дѣва съ сильною, непреклонной волей, ничѣмъ необлажимою, съ твердымъ намѣреніемъ дуться за малѣйшіе пустяки, цѣдя сивозъ сжатія губы острыя и обидныя выраженія, на другой же день свадьбы начала роль воюющей жены и ни на минуту не выходила изъ этой роли.

Полковникъ, женившись, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего, на первыхъ порахъ началъ уступать изъ вѣжливости; черезъ два же мѣсяца онъ уступалъ уже для сохраненія домашняго спокойствія и чтобъ не упрекать себя, что самъ сдѣлалъ непростительную глупость.

Наконецъ постоянство, хладнокровіе и различныя шипы, которыми подобныя жены, словно разсерженный ѣжъ, колятъ поминутно и съ каждой стороны, до такой степени ослабили энергію стараго солдата, что онъ уже въ совершенной покорности и послушаніи сталъ искать облегченія отъ великихъ, но постоянныхъ несправностей. Стыдился полков-

никъ своего беземлія; скорбѣлъ объ этомъ любящій его Пуслицкій. Но первый скрывалъ свое состояніе даже отъ самого себя, придавая женѣ достоинства, которыхъ она не имѣла, и хвалясь своимъ небывалымъ счастьемъ; а вахмистръ подчинялся ей, какъ барынѣ. Онъ боялся ея, какъ огня, и скрывалъ отъ всѣхъ положеніе полковника, изъ страха потерять мѣсто при любимомъ начальникѣ чрезъ какое-нибудь сопротивленіе, или увеличить и безъ того грустное состояніе полковника. Если же вахмистръ и проговорился генералу, то, во-первыхъ, онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ отчаянія, а во-вторыхъ, въ надеждѣ, что старикъ пособитъ ихъ горю и, какъ бывшій ихъ общій начальникъ, и какъ дѣдъ дочери полковника.

Клецкая вошла въ прекрасной зеленой бархатной мантильѣ, обшитой черными кружевами, съ богатой шалью на рукѣ. Локоны, выбивавшіеся изъ-подъ бѣлой шляпки съ перомъ и остигавшіе худощавое лицо ея, придавали ей видъ чопорной и сиѣсивой англичанки. Гордо, съ поднятой головой вошла она въ гостиную, ледовитымъ взоромъ взглянула на присутствовавшихъ и, сжавъ губы, сказала недовольнымъ тономъ:

— *Fi, quelle détestable odeur!* Monsieur Клецкій, кто это осмѣлился превратить мою гостиную въ казарму?

Пуслицкій, стоя у двери, качалъ головой и шевелилъ усами, генералъ улыбаясь, а полковникъ, не зная, что начать, украдкой взглянулъ на генерала, но замѣтивъ на лицѣ послѣдняго насмѣшливое выраженіе, словно ободрился и, подойдя къ женѣ, смѣло сказалъ, какъ-бы желая ее обезоружить:

— Развѣ не видишь, душа моя, что къ намъ пожаловалъ дорогой гость, генералъ Дарскій.

— А, генералъ!—отвѣчала будто-бы съ удивленіемъ полковница и, поклонясь старику, прибавила:—очень пріятно познакомиться.

Потомъ снова сжала губы, закрывая носъ платкомъ.

— Извините великодушно, что я такъ плохо отрекомендовался на первыхъ порахъ,—сказалъ старикъ съ поклономъ.—Это я, старый солдатъ и неисправимый курильщикъ, закоптилъ вашу гостиную.

— О, ничего, ничего!—отвѣчала полковница, улыбаясь генералу и смотря на мужа съ особеннымъ выраженіемъ.

Замѣтивъ это, старикъ продолжалъ добродушно:

— Во всякомъ случаѣ, могу васъ увѣрить, что полковникъ нисколько не причастенъ моему проступку. У него, бѣдняжка, грудь болитъ отъ трубки. Вся его вина въ томъ, что не запретилъ мнѣ ку-

реть здѣсь. Но будьте такъ добры, не сердитесь на него за это; я наставлялъ, а онъ какъ-то не рѣшился мнѣ противорѣчить, изъ уваженія ли къ моимъ лѣтамъ, или къ прежнимъ нашимъ отношеніямъ.

Полковница поняла иронию, но, не давая этого замѣтить и платя притворной добротой за притворное простодушіе, отвѣчала:

— Мужъ мой господинъ въ домѣ и имѣлъ полное право позволить вамъ наслаженіе, котораго я хотя и совершенно не понимаю, однако знаю, что оно сдѣлалось необходимою принадлежностью мужичья. Если бы онъ и самъ захотѣлъ курить, это нисколько не было бы мнѣ не-пріятно, напротивъ, обязанность моя любить то, что онъ любитъ. Но я надѣюсь, генераль, вы позволите мнѣ оставить васъ на время: надо исполнить нѣкоторыя обязанности по хозяйству.

Все это было проговорено тѣмъ холодно-вѣжливымъ тономъ, которыми даютъ замѣтить несоблюденіе нѣкоторыхъ свѣтскихъ условій.

— Ну, что, генераль?..—спросилъ полковникъ, по уходѣ жены и съ безпокойствомъ ожидая отвѣта старика.

— Ничего. Собственными ушами слышалъ, что ты господинъ въ домѣ. Еслибы трубка не вредила твоей груди, ты могъ бы курить въ этой гостиной. Но оставимъ это. Я желалъ бы поскорѣй обнять Ядвигу. Или ей сюда нельзя входить?

— Что за мысль!—отвѣчалъ съ живостью полковникъ.—Пуслицкіи! попроси сюда панну Ядвигу.

Не успѣвъ вахмистръ отворить дверь, какъ въ гостиную уже вѣжала стройная, хорошенькая дѣвушка, съ лицомъ, выразившимъ рѣшимость и твердую волю, въ бѣломъ платьѣ, съ гладко-причесанными темными волосами, блестящими точно атласъ.

— Видите, генераль, что нѣтъ запрещенія!—сказалъ полковникъ, торжествуя и какъ-бы съ упрекомъ.

— Дѣдушка!—вскрикнула Ядвига, увидя старика, и однимъ прыжкомъ очутилась у него въ объятіяхъ.

— Милое дитя мое!—отвѣчалъ генераль, обнимая и цалуя дѣвужку.—Какъ ты выросла, похорошѣла, какъ похожа на мать!

— Добрый дѣдушка! Вотъ неожиданное счастье! А какъ мнѣ было необходимо васъ видѣть!

Но замѣтивъ отца и почувствовавъ, что проговорилась, Ядвига подошла къ нему и сказала, цалуя руку:

— Добрый вечеръ, папа! Нѣсколько часовъ мы не видѣлись.

— Каково вы ѣздили? Застали дома сосѣдокъ? спросилъ полковникъ.

— Застали. Но вы удивились бы, еслибъ узнали, кого еще мы тамъ встрѣтили.

— Любопытно знать.

Но въ эту минуту изъ покоевъ полковницы отворилась дверь и послышался громкій повелительный голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Сию минуту, душа моя!

И не слушая Ядвигу и позабывъ о томъ, что желалъ узнать, полковникъ бросился изъ комнаты и прибавилъ, проходя мимо Пуслицкаго:

— Ступай въ дѣвичью, тамъ услышишь остальные приказанія.

— Чортъ возьми! Кавалерія получаетъ приказанія въ дѣвичьей! Бѣдный мой полковникъ! ворчалъ вахмистръ и, повернувшись нагъво кругомъ, вышелъ.

— Бѣдный папа не имѣлъ даже времени выслушать, что я хотѣла рассказать ему, — молвила Ядвига, смотря вслѣдъ отцу.

— По всему видно, что взяли его въ ежовыя рукавицы, — говорилъ старикъ, привлекая къ себѣ дѣвушку. — Въ хорошей ты школѣ; можемъ присматриваться и слѣдовать примѣру.

— Нѣтъ, дѣдушка, мой примѣръ у меня въ комнатѣ, виситъ надъ моею кроватью, — отвѣчала Ядвига серьезно.

— Твоя мать!

— Да, дѣдушка, моя мать — о которой я молюсь ежедневно и которая, безъ сомнѣнія, прислала васъ, чтобъ помочь мнѣ въ бѣдѣ.

— Очень радъ, что попалъ во-время. Но что-же случилось? Не сердечное ли какое горе? а?

— Кажется сердечное, милый дѣдушка.

— Правда, тебѣ семнадцать лѣтъ, — говорилъ старикъ, лаская румяное личико внучки.

— Извините, семнадцать лѣтъ и три недѣли.

— Конечно, пора испытать сердечное горе.

— Конечно пора, — отвѣчала дѣвушка, краснѣя.

— Значитъ, для этого мое присутствие было тебѣ такъ необходимо? — сказалъ старикъ, садясь и взявъ за обѣ руки дѣвушку. — Нѣтъ ли еще какой-нибудь тайны? а?

— Конечно есть; и недавно еще положеніе мое казалось до того критическимъ, что я хотѣла подговорить Пуслицкаго къ побѣгу и съ нимъ отправиться къ вамъ, дѣдушка.

— Я принялъ бы тебя не слишкомъ пріятливо, — отвѣчалъ старикъ, немного встревожившись.

— Что-жь дѣлать? Все-таки это не значило-бы изъ огня въ полыни, — сказала дѣвушка съ рѣшимостью. — Можетъ-быть, вы и посердились-бы немного, но, выслушавъ все доводы, обняли-бы меня и сказали: «сто тысячъ бомбъ! Ты прекрасно сдѣлала».

— Ты однакожь что-то слишкомъ въ себя увѣрена —, сказалъ старикъ, смотря съ удовольствіемъ на хорошенькую и рѣшительную ввучку.

— Какъ! развѣ и вы, дѣдушка, хотите выдать меня за графа Альфреда? — спросила она шутливо.

— Прежде онъ съѣстъ пулю! воскликнулъ старикъ.

— Видите, дѣдушка, что я могла быть въ себя увѣрена.

— Значить, они рѣшительно думаютъ выдать тебя за этого шаркуна?

— Не они, но она, — отвѣчала Ядвига, указывая на комнаты мачихи. — Бѣдный отецъ уже не имѣетъ ни собственныхъ мыслей, ни желаній.

— Пентюхъ!

— Не говорите этого! — сказала Ядвига, цалуя руку старика: — это и мучитъ меня. Изъ любви къ отцу, я охотно-бы пожертвовала собою: пошла-бы даже за нелюбимаго человѣка, еслибъ папа приказалъ и приказалъ съ выраженіемъ мужественной воли и характера, которыми обладалъ прежде и обладаетъ теперь вездѣ, куда только не заглядываетъ мачиха. Но для исполненія воли и корыстолюбивыхъ видовъ женщины, которая мучитъ моего отца, выходить за этого истощеннаго франтика, при томъ отвращеніи, какое къ нему чувствую — о, никогда!

— Позволь обнять тебя! — сказалъ весело старый солдатъ, протягивая руки къ дѣвушкѣ.

Ядвига припала къ нему на грудь, и взволнованный старикъ спросилъ, отирая слезу радости:

— И онъ уже объяснялся съ тобою?

— Какъ-бы онъ смѣлъ, видя мое обхожденіе? — отвѣчала дѣвушка съ достоинствомъ. — Ни онъ не смѣлъ объясняться, ни она еще не объявляла мнѣ своей рѣшительной воли: боится меня, дѣдушка.

— Ого! сказалъ старикъ, улыбаясь.

— Да, да, милый дѣдушка. Хотя она и настойчива, однако и я не какой-нибудь камень. Не все это ни къ чему-бы не привело, еслибы не вы, дѣдушка, на васъ полагаю всю мою надежду? Увы! я очень хорошо вижу, что это ея планъ; что она уже начала, или начнетъ скорѣ мучить папаму этимъ супружествомъ, и онъ, волей, неволей долженъ будетъ согласиться. О! она такъ ловко достигаетъ цѣли своихъ намѣреній, такъ непреклонна въ своей волѣ, что пра-

во я уважала бы ее, еслибы эти стремленія направлены были къ добру. Вотъ почему, дѣдушка, надо сразу уничтожить ея намѣренія и разрубить этотъ узелъ такъ, чтобъ послѣ нельзя было завязать его.

— Разрубить, напримѣръ, другимъ супружествомъ! сказалъ старикъ, улыбаясь.

— По моему мнѣнiю, это самое лучшее средство.

— Ты думаешь?

— Видите ли, милый дѣдушка: это отняло бы у нея всякую надежду, и избавило бы отца отъ непрерывныхъ нападенiй, которыхъ иначе онъ не избѣгнетъ.

— Да, это недурно и планъ защиты хорошо придуманъ.

— Неправда ли, стратегически?

— Что я говорю! — отвѣчалъ старикъ, покручивая усы. — Жаль только, что нѣтъ жениха, который избавилъ бы и тебя отъ бѣды и отца выручилъ бы изъ хлопотъ.

— Э, милый дѣдушка, стоитъ поискать хорошенько, можетъ быть, и найдется, — отвѣчала Ядвига наивно.

— Не этотъ ли? сказалъ генералъ, вынимая письмо и показывая ей надписъ на конвертѣ.

— Дорогой дѣдушка! вскрикнула Ядвига, бросаясь на шею старику: право дальше и искать не надо. Это будетъ превосходный маневръ. Нотите! кажется, мамиха что-то громко разговариваетъ. Пойдемте въ мою комнату! Вы мнѣ тамъ покажете письмо Станислава, я хорошенько подумаю и, призвавъ на помощь покровительство мамаша, которая тамъ смотритъ на меня постоянно, скажу: да или нѣтъ.

— Хорошо, пойдемъ! сказалъ старикъ, вставая и обнимая дѣвушку: — ты рѣшишь, я благословлю.

— Благословите прежде именемъ мамаша, которая на небѣ, а потомъ именемъ отца.

— Который подъ туфлой.

— Наконецъ, поблагословите отъ себя; вы превосходнѣйшiй въ мiрѣ дѣдушка и искуснѣйшiй генералъ, потому-что поспѣваете съ курсомъ въ самую критическую минуту.

— Благодарю за комплиментъ, шалуныя! ну, пойдемъ же на военный совѣтъ.

Разговоръ этотъ помолодилъ стараго солдата, а энергическому сердцу дѣвушки подаль сладкую надежду. Они вышли рука объ руку, смотря въ глаза другъ другу.

V.

Какъ умная и сметливая женщина, полковница сразу догадалась съ кѣмъ имѣла дѣло. Рѣшась привлечь на свою сторону генерала, записывавшаго все имѣніе свое Ядвига, которую, въ свою очередь, полковница предназначала своему родственнику, имѣвшему одно громкое имя и множество долговъ, она начала съ того, что приказала, какъ можно скорѣе убрать вещи графа Альфреда изъ комнатъ, занимаемыхъ обыкновенно генераломъ, и велѣла помѣстить въ нихъ старика. Этимъ не кончилось: узнавъ обстоятельно отъ Пуслицкаго обо всѣхъ привычкахъ генерала, о любимыхъ его кушаньяхъ, о времени, когда онъ любить вставать, ложиться, завтракать, обѣдать, она не упустила изъ виду ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыми старики обыкновенно придаютъ такую цѣну.

Въ тотъ-же самый день, послѣ чая, который пили въ гостиной, открылась дверь на балконъ; генералу подали трубку и полковница убѣдительно упрасивала старика, чтобы онъ не стѣснялся и не садился у окна, потому-что легко могъ простудиться на сквозномъ вѣтрѣ.

Благодаря за вѣжливость, генералъ усмѣхнулся, догадываясь къ чему все это клонится. Полковникъ торжествовалъ и становился веселѣе, по мѣрѣ, какъ жена старалась задобрить дорогаго и милаго ему гостя. Между-тѣмъ, несмотря на всѣ продѣлки пани Клецкой, старикъ не переставалъ допекать полковника, то предлагая ему трубку превосходнаго табаку, недавно полученнаго изъ Одессы, то спрашивая о здоровьи Пафчика и Долотки, и выхваляя его передъ женою за необыкновенное искусство держать на рукахъ двухъ собачекъ вмѣстѣ; то припоминая разные случаи, когда онъ отказывалъ покойницѣ-жептѣ въ томъ или другомъ, чего она хотѣла, а послѣ давалъ ей вещи вдвое цѣннѣе, лишь-бы только не тѣ, которыя она желала, и не тогда, когда ей хотѣлось.

Во время этихъ разговоровъ и измѣническихъ похвалъ, полковница сочиняла себѣ неподвижную фізіономію, изъ которой нельзя было догадаться, какъ на нее дѣйствовали всѣ эти разговоры. Полковникъ отдѣлялся, по возможности, шутками, а Ядвига, разливая чай, смотрѣла на старика умоляющимъ взглядомъ, чтобы не мучилъ отца, а если это не помогало, подкрадывалась сзади и шептала, наклоняясь къ нему:

— Безжалостный дѣдушка! оставьте! а если не послушаетесь, то я такъ холодно приму вашего Станислава, что онъ уѣдетъ за тридевять земель.

Станиславъ Горичкій былъ сосѣдъ генерала по губерніи и сынъ лучшаго его пріятеля. У него была хорошая деревня вблизи Вислы, на плодородной землѣ и прекраеню содержанная. Станиславу было 27 лѣтъ, съ дѣтства провелъ онъ время въ полезныхъ занятіяхъ. Нѣсколько времени пробылъ онъ за границей, и хотя былъ молодъ, однако воспользовался случаемъ и занимался науками и искусствами. Писалъ онъ по призванію, но исключительно — предавался живописи. Пейзажи его были полны жизни и натуры; но тѣ изъ нихъ на которыхъ представляемы были военныя группы имѣли болѣе достоинства. Если онъ изображалъ гаубтвахту, схватку или какую-нибудь военную сцену, каждый конь кинѣлъ жизнь, каждое лицо имѣло мысль и выраженіе. Во время долгаго пребыванія въ Дрезденѣ, онъ скопировалъ большую часть картинъ Вувормана и этимъ навыкомъ усвоилъ себѣ мягкость и натуру колорита, естественность въ облакахъ и воздухѣ, окружающемъ сцену, искусство въ группировкѣ разнообразныхъ положеній людей и лошадей, что характеризуетъ произведенія кисти этого знаменитаго живописца. Какъ любитель лошадей и старый солдатъ, проведеній много лѣтъ въ рядахъ войскъ, генералъ былъ почитателемъ таланта артиста-номѣщика, имѣлъ нѣсколько его работъ, а лучшія возилъ съ собою, показывая ихъ сосѣдямъ и пріятелямъ. Видя, что, при занятіи искусствомъ, молодой человѣкъ не терялъ времени; что, сложивъ кисти, принимался за перо и книги, а хозяйство велъ аккуратно своимъ порядкомъ; что молодой номѣщикъ, при своемъ высокомъ образованіи, не фанфаронъ и не педантъ; что, при скромной жизни и при строгости правилъ, онъ не утребляетъ во зло молодости: не пьетъ, не играетъ въ карты, не гуляетъ за невѣстами съ богатыми придаными, старикъ полюбилъ его и рѣшился, во что бы то ни стало, отдать за него Ядвигу, чтобы она такимъ образомъ одѣлалась его сосѣдкой и утѣхой на старости. Стремясь къ этой цѣли и никому ее не объявляя, онъ склонилъ Станислава ѣхать на зиму въ Варшаву и провести тамъ нѣсколько времени. Ядвига писала старику, что и они ѣдутъ на масляницу въ Варшаву.

Приказавъ напечатать на визитныхъ билетахъ пѣе comtesse Podbryska и такимъ образомъ размѣстить буквы, чтобы фамилія мужа была налитографирована самымъ мелкимъ почеркомъ, а ея собственное огрѣнными буквами, бросающимися въ глаза, полковница захотѣла показать столичному обществу свои бархаты, кружева и соболи, до которыхъ достигла цѣною неровнаго брака.

Генералъ послалъ полковнику письмо, рекомендовалъ Станислава и просилъ принять его поласковѣе; а въ особомъ письмѣ къ Ядвигѣ рекомендовалъ молодого человѣка какъ отличнаго танцора, съ просьбой, на именинѣ

блгъ не отказывать ему хоть въ одной мазуркѣ. Станиславъ рѣдко бывалъ у полковника, потому—что полковница приняла его довольно холодно и рѣшительно ему не понравилась. Но въ другихъ домахъ онъ охотно подходилъ къ полковнику и уважалъ его, какъ заслуженнаго офицера и знатока искусства, которому молодой человекъ посвятилъ себя. Полковникъ, въ свою очередь, полюбилъ Горницкаго и за умную бесѣду, и за нѣсколько видѣнныхъ эскизовъ, и не только не отдалялся отъ него, а напротивъ, искалъ съ нимъ сближенія. Наружность Ядвиги тотчасъ—же понравилась Станиславу, потомъ начали занимать его ея движенія и энергія; потомъ увлекли ея голосъ и выраженіе глазъ, сопровождавшее каждое слово; потомъ казалось ему, что ни одні губки такъ мило не растворялись для произнесенія слова и для улыбки и ни одни глаза, въ мирѣ не договаривали того, чего не успѣвали кончить уста и улыбка. Сначала, изъ угожденія дѣдушкѣ, Ядвига, на первыхъ двухъ балахъ, танцевала по одной мазуркѣ съ Станиславомъ; на третьемъ она танцевала съ нимъ мазурку и кадрили, на четвертомъ мазурку, кадрили и вальсъ; потомъ она убѣдилась, что никто не вальсируетъ лучше Станислава, жившаго долго въ Германіи, и что никто лучше его не танцуетъ мазурки. И потому, не по желанію дѣдушки, но ужъ по собственному убѣжденію, Ядвига танцевала съ Станиславомъ всѣ мазурки, сколько ихъ ни было на послѣднихъ балахъ; сколько ни было вальсовъ — всегда ручка ея лежала на плечѣ Станислава; а пролетая съ нимъ по залѣ въ вихрѣ танца, не разъ взоромъ и улыбкой давала она замѣтить своему кавалеру, что ей пріятно вальсировать съ человекомъ, который не напрасно жилъ подъ небомъ Канта и Клопштока.

Такимъ образомъ между молодыми людьми завязалось знакомство, и, съ помощью дѣдушкина покровительства и уваженія, оказываемаго молодому человѣку полковникомъ, въ сердце Ядвиги вкралась истинная и безусловная привязанность, а въ душѣ Станислава возникла любовь, которая придавала новыя силы — его вдохновенію, и необыкновенную яркость колориту.

Наконецъ Клецкіе возвратились въ деревню. Весной пріѣхалъ къ нимъ изъ—за границы графъ Альфредъ, истощенный, обремененный долгами и добившій здоровье и остатокъ состоянія. Не имѣя пристанища, потому что послѣдняя деревня была заложена, поселился онъ у родственницы, которая въ то время держала уже въ рукахъ и полковника и весь домъ. Только изрѣдка и то на счетъ мужа своей кузны отправлялся графъ, отсюда въ Варшаву, къ ясновѣроятнымъ родственникамъ, чтобы потрубить въ уши о заграничныхъ своихъ похожденияхъ и наговориться по французски обо всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ имъ,

то въ Тюльери, то въ Нельи, то у маркграфини Р***, съ которой онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, то у виконта Х. или У., съ которыми жилъ, какъ съ родными братьями.

Сейчасъ же по прибытіи своемъ въ Домбровецъ, графъ Альфредъ, отъ скуки и по привычкѣ, обратилъ вниманіе на Марысю, горничную Ядвиги, хорошенькую, румяную шляхтяночку, съ черными глазами, стройной фигуркой и добрымъ сердцемъ. Всѣ въ домѣ любили эту дѣвушку, а въ особенности Пуслицкій, который посматривалъ на нее со вздохомъ и, покручивая съдѣющій усъ, говорилъ самъ себѣ: «Позднешко, чортъ возьми! Оставь лучше, братъ Винцентій, чтобы не отрѣзать себѣ отступленія!»

При первомъ разговорѣ графа о любви, Марыся ту же минуту удалилась отъ него. Но парижскій франтъ, узнавъ о приданомъ Ядвиги и о дальнѣйшихъ надеждахъ кузины на этотъ счетъ, перенесъ атаку на Ядвигу конечно, имѣя намѣреніе вступить въ супружество, долженствовавшее поправить его обстоятельства. Средствомъ къ достиженію этого онъ выбралъ скромную и робкую любовь, которую и началъ выражать на самомъ лучшемъ французскомъ языкѣ, довольно деликатными намеками. Все это происходило безъ вѣдома полковника, который смотрѣлъ на все глазами жены; но вслѣдствіе долгихъ и рѣшительныхъ бесѣдъ съ полковницей, которая первая возымѣла мысль передать состояніе падчерицы своему роду, изъ опасенія, чтобы, съ упадкомъ его, не рушился порядокъ въ Европѣ.

Но графъ замѣтилъ вскорѣ, что, несмотря на молодость и веселый нравъ Ядвиги, эта дѣвушка—оса съ ядовитымъ жалою, которую трудно заманить въ улей. Видѣла это и полковница; и хотя обладала твердостью воли, постоянствомъ и употребляла средство паука, разставляющаго свои сѣти издали, однако-жъ, убѣдилась, что не такъ скоро справиться съ дочкой, какъ справилась съ отцомъ ея. Припомнивъ нѣкоторыя обстоятельства изъ баловъ варшавскихъ, на которые она тогда не обращала особеннаго вниманія, потому что занималась болѣе собой, нежели падчерицей, она догадывалась, что и сердце Ядвиги не должно быть совершенно свободно. И вотъ они съ кузеномъ положили представить все времени, но во всякомъ случаѣ, никакъ не отказываться отъ своего намѣренія. Въ этой-то комедіи, имѣвшей главнѣйшую цѣлью миллионъ приданого, полковница приняла на себя роль нѣжной и почти безпримѣрной мачихи, а графъ прикинулся робкимъ любовникомъ, страдавшимъ молча и выражавшимъ страсть свою одними печальными взорами.

Принципальная Ядвига постигла эти продѣлки и затворяла сердце, какъ для вѣжностей мачихи, такъ и для сладенькихъ любезностей заграничнаго франта. По этому случаю Ядвига, въ письмахъ къ дѣдушкѣ, старалась дать замѣтить старику, какъ пламенно желаетъ его присутствія; а описывая свой образъ жизни, нарочно упоминала о графѣ Альфредѣ, искусно выставляя такія обстоятельства, которыя не компрометировали бы ее въ случаѣ, еслибъ письма попались въ руки мачихи, но изъ которыхъ генералъ могъ догадаться въ чемъ дѣло и серьезно подумать объ этомъ. А графъ Альфредъ, съ своей стороны, хотя и прикидывался робкииъ и безнадежныиъ рыдзхателеиъ передъ Ядвигой, однако слишкомъ вѣрилъ въ могущество родственницы, слишкомъ хорошо зналъ слабость и ослѣпленіе ея мужа и потому не сомнѣвался, что не сегодня, такъ завтра будетъ миллионеромъ. Между-тѣмъ, у него не достало ни разсудка, ни скромности, чтобъ въ молчаніи ожидать достиженія цѣли и не позвастать передъ родными. И вотъ онъ началъ, какъ говорится, ловить рыбу впереди невода, и вѣсть о предполагаемомъ супружествѣ разошлась по окрестности. Въ сосѣдствѣ обстоятельство это подтверждалось извѣстными владычествомъ жены надъ мужемъ и постояннымъ пребываніемъ графа въ Домбровцѣ; а дальше вѣсть эту разносили усердные родственники, разумѣется, съ разнообразными комментаріями, увеличивъ, какъ водится, для чести фамиліи Подбръскихъ, придаюе невѣсты и ускоривъ срокъ свадьбы, чтобъ ужъ, знаете, не было никакого сомнѣнія.

Встревоженный этимъ, Станиславъ написалъ письмо къ генералу, которое старикъ показалъ Ядвигѣ и въ которомъ молодой человекъ откровенно выразилъ свои чувства и надежды, вспыхнувшія въ его сердцѣ на бѣлахъ варшавскихъ. Станиславъ высказалъ также и свои небезосновательныя опасенія по случаю разныхъ вѣстей, доходившихъ къ нему со всѣхъ сторонъ и, вслѣдствіе которыхъ, онъ рѣшился искать покровительства генерала, прося сдѣлать отъ имени его формальное предложеніе Ядвигѣ и отцу ея, и подкрѣпить эту просьбу силой своего вліянія. Въ противномъ случаѣ, писалъ Станиславъ, дни его пройдутъ въ грусти и отчаяніи, что отниметъ у него охоту къ занятіямъ и возможность быть чѣмъ-нибудь полезнымъ себѣ и ближнимъ.

Серьезно встревожился старикъ, зная ужъ нѣкоторыя домашнія обстоятельства въ Домбровцѣ. Хотя онъ и не допускалъ, чтобъ дѣло было на той точкѣ на какой находилось въ-самомъ-дѣлѣ, однакожь, тотчасъ самъ повезъ письмо къ Ядвигѣ, а Станиславу написалъ, чтобы онъ на другой день также явился туда, подъ предлогомъ,

что, прощаясь къ роднымъ на Полѣсье и узнавъ, что генералъ у зятя, онъ рѣшился въ одно время навѣстить и полковника, и стараго сосѣда.

Въ этомъ положеніи находились интересы лицъ, дѣйствующихъ въ этой комедіи, которую постараемся развить передъ читателями.

VI.

На другой день, часовъ въ десять утра, генералъ сидѣлъ въ той самой гостиной, на которую гнѣвался вчера, и курилъ трубку ужъ у раствореннаго окна, не желая дѣлать непріятностей полковницѣ. Утро было свѣжее и прекрасное. Ночью шелъ дождь, отчего дернъ на дворѣ былъ ярче. Казалось, старикъ съ удовольствіемъ дышалъ чистымъ воздухомъ, который тѣмъ свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ плодороднѣе почва, насыщающая его своими испареніями. Притомъ-же воздухъ этотъ былъ ему родной, потому-что въ этой окрестности жили его родители, и самъ онъ здѣсь провелъ первую молодость. Старикъ былъ веселъ и почти счастливъ. Въ это время вошелъ Пуслицкій.

— Здорово, Пуслицкій! скалалъ онъ вахмистру, одѣтому какъ на смотръ и выткнувшемуся по обычаю. Пришелъ на ординарцы?

— Пришелъ узнать, не прикажете-ли чего, ваше превосходительство.

— Нечего приказывать, любезнѣйшій! У васъ здѣсь идетъ все, какъ по маслу. Полковница ваша отличный комендантъ. Если-бы я командовалъ арміей, назначилъ-бы ее генералъ-квартирмейстромъ.

Шевельнувъ усами, Пуслицкій едва замѣтно улыбулся, а старикъ продолжалъ:

— Кто ей сказалъ, что я люблю поужинать кусокъ добраго кашлуна и облить его рюмкой стараго бургонскаго? Кто сказалъ ей, что я пью не иначе кофе, какъ изъ стакана, и люблю сливки, сваренныя въ маленькихъ глиняныхъ горшечкахъ? И какъ-же я удивился, когда лакей ея принесъ мнѣ вчера кашлуна и вино — не въ бутылкѣ, чего я терпѣть не могу, потому-что я не няница, но въ стаканѣ и еще моею мѣрой; когда сегодня ровно въ пять часовъ, едва я взглянулъ на часы, дверь открылась и вошелъ тотъ-же самый лакей съ подносомъ, на которомъ стояли стаканъ, кофейникъ и два маленькіе гор-

мечка сливокъ, съ желтыми пѣнками! Удивительно ловкая женщина, ваша полковница, Пуслицкій!

Вахмистръ былъ словно не въ своей тарелкѣ, не зная, шутить генералъ, или говорить серьезно.

— Точно такъ, если только захочетъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ.

— То-есть, говорилъ старикъ, улыбаясь:—если захочетъ быть доброй, то добра, а если захочетъ быть злой, то и это ни по-чѣмъ.

— Ни по-чѣмъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ Пуслицкій съ увѣренностью.

— Значить, умѣетъ прикинуться и козломъ и бараномъ... а?—

— Чаше, ваше превосходительство... какъ будто... козломъ, отвѣчалъ вахмистръ, незамѣтно щелкнувъ пальцами, словно изъ боязни, не проговорился ли преждевременно.

Видя замѣшательство честнаго служака, генералъ улыбнулся и прибавилъ:

— Должно быть, она вамъ крѣпко насолила, что ты не можешь ей простить! Но вы сами тому причиной: позволяли осѣдлать себя—вотъ она теперь и ѣздитъ на васъ.

— Точно такъ; что ѣздитъ, то ѣздитъ, ваше превосходительство.

— Я могу только похвалиться ея привѣтливостью и услужливостью, продолжалъ старикъ, подходя къ вахмистру.—Вчера она сама приказала за чаемъ подать мнѣ трубку, велѣла вынести изъ моей комнаты наряды своего кузена и такъ поиѣстила меня, что мнѣ даже удобнѣе, чѣмъ дома; на ужинъ у меня были кашлунъ и вино; мнѣ подавали кофе въ стаканѣ и сливки въ маленькихъ горшечкахъ и притомъ только-что сбитое масло и самыя свѣжія булки. Чего же больше надо? Но вѣдь она сейчасъ поняла, что со мной не шутя. Очень вѣжливо, намеками, я далъ понять, что чего мнѣ не дадутъ, то я самъ возьму—и дѣло съ концемъ! Поступай съ нею полковникъ по-моему, и ему бы точно также было хорошо; а мнѣ превосходно. Еслибы гдѣ встрѣтилась другая подобная женщина, я самъ—женился бы.

Пуслицкій началъ громко покашливать, шебелять усами, и хотя генералъ смотрѣлъ на него, однакожь вахмистръ почтесался. Генералъ улыбнулся, а Пуслицкій сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ, выгнувшись въ струнку:

— Все это шутки, ваше превосходительство, то-есть, такъ какъ-бы напущено волшебство на глаза, ваше превосходительство, то-есть,

словно развернута нарочно слабая линия, чтоб заманить неприятеля, а главный корпус поставить гдѣ-нибудь въ сторонѣ и ударить нечаянно.

— Значитъ, ты полагаешь, продолжалъ генералъ, едва удерживаясь отъ смѣха:—что радушіе и всѣ эти угожденія—одна хитрость?

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ съ увѣренностью.

— Гдѣ же бы научиться ей этому — у дьявола?

— Эхъ, ваше превосходительство! воскликнулъ съ живостью Пуслицкій: — женщина иногда, не учась, знаетъ все, что относится къ нашей бѣдѣ.

— Значитъ, ты не совѣтуешь мнѣ жениться, еслибъ я встрѣтилъ гдѣ-нибудь другую... этакую полковницу?

— Да сохранить васъ Богъ отъ такого несчастья, ваше превосходительство!

— Выходитъ, ты и самъ не женишься, Пуслицкій! А мнѣ вчера казалось, что ты засматривался на черноглазую Марысю.

— То-есть, первый разъ еще можно, а ужъ въ другой ни за что! отвѣчалъ Пуслицкій, улыбаясь и сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Не зарекайся! Изъ твоихъ глазъ вижу, продолжалъ генералъ:—что, еслибъ ты былъ вдовцомъ, а Марыся захотѣла тебя опутать, ты въ другой разъ попробовалъ бы женитьбы. Не потеряй полковникъ прежней твердости, у него жена была бы шелковая. Не правда ли?

— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ вахмистръ, уже поспѣлѣе. Съ женщиной надо обходиться, какъ съ лошадью, которая сбиваетъ. Не бить ее, не колотъ шпорами, но вестъ въ шенкеляхъ и поводьяхъ, и она, послушная словно ребенокъ, пойдетъ и шагомъ, и рысью, и какъ только захочетъ ѣздохъ, если онъ лихой кавалеристъ.

— Да, да, ты правъ, Пуслицкій!—сказалъ старикъ, трепля вахмистра по плечу. — Походи-ко около Марыси, а я помогу тебѣ.

— Много благодарны, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ съ радостью во взорахъ:—можетъ-быть, я и подумаю объ этомъ.

— Смѣло, братъ; принимайся, особенно съ такими правилами, какія говорилъ на счетъ трензеля. Но гдѣ же твой полковникъ? Не думаю, чтобъ теперь была пора водить собачекъ на прогулку.

— Собачекъ водятъ гулять между пятымъ и шестымъ часомъ, отвѣчалъ серьезно Пуслицкій.—Теперь полковникъ поѣхалъ верхомъ по хозяйству.

— Значитъ, это ему не запрещено и жена не мѣшается въ хозяйство? спросилъ генералъ насмѣшливо.

— За домомъ, ваше превосходительство, полковникъ тотъ же, что и былъ передъ фронтомъ: прикажетъ—и все повинуется.

— Хорошо еще, что хоть на столько осталось связи у полковника. Зато уже въ домъ — баста!

— Ни гу-гу, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, оглядываясь на дверь полковницы.—Здѣсь ужъ не наша команда.

— А между тѣмъ, хотя ты и говоришь, Пуслицкій, что здѣсь не ваша команда, однако пора бы приготовить комнату для гостя, о которомъ я говорилъ вчера, сказалъ генералъ, подходя къ окну и посматривая на часы.—Можетъ быть, онъ здѣсь переночуетъ. Если же это вамъ трудно и вы сами не смѣете, то сходи къ полковницѣ и попроси отъ меня.

— Вчера вечеромъ я уже намекалъ, что это желаніе вашего превосходительства и комната готова.

— Видишь-ли, что значить умѣть взяться за женщину. Помни же объ этомъ, когда женишься, Пуслицкій, и держись крѣпче, чтобъ не упасть.

— Этого быть не можетъ, ваше превосходительство! Не даромъ человекъ двадцать лѣтъ служилъ во фронтѣ и не на одной капризной лошади сидѣлъ, а все же усидѣлъ, ваше превосходительство.

— А теперь... Но вотъ слышенъ стукъ экипажа, кто-то ѣдетъ. Не мой-ли гость? Ступай на крыльцо, Пуслицкій; и если это молодой красивый мужчина, съ черными усиками, попроси его сюда, прямо ко мнѣ, а вещи его прикажи перенести въ приготовленную комнату; лошадей же вели взять на конюшню.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство! О лошадяхъ не извольте беспокоиться: тамъ ужъ наша команда.

Генералъ съ улыбкой взглянулъ въ окно и издали привѣтствовалъ привѣзжаго.

— Ступай Пуслицкій, проси скорѣе: это онъ. Потомъ, слушай, сходи въ мою комнату: тамъ есть въ связкѣ двѣ картины; разверни ихъ, только осторожниже, и принеси сюда — понимаешь?

— Понимаю, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ, поворачиваясь нагѣво-кругомъ, и вышелъ.

— Молодецъ! сказалъ самъ себѣ генералъ.—Можетъ быть, я не къ

добру ему посоветовалъ: не упрекать бы себя въ этомъ дѣлѣ.... потому что легче говорить о томъ трензэлѣ, чѣмъ удержать его въ рукахъ. Пришѣлъ передъ глазами. Но и то правда, что это вѣдь вторая жена.

VII.

Старикъ обнялъ Станислава по-отцовски.

— Какъ поживаешь, милый Станиславъ? Ты до того встревожилъ меня своимъ письмомъ, что я, едва успѣвъ дать тебѣ инструкцію, полетѣлъ сюда, чтобъ не спроворили невѣсту изъ-подъ носа. Вотъ почему не ожидалъ я тебя дома: я былъ увѣренъ, прибавилъ онъ съ улыбкой:—что приказъ мой будетъ понятъ и исполненъ.

— Легко понять и исполнить такое милое приказаніе, генералъ. Каждое его выраженіе проникло прямо въ сердце.

— Ну ужъ, братъ, навалялъ по-военному. Каллиграфъ я не знаменитый; къ тому-же еще дрожала рука отъ боязни за внучку и отъ злости за то, что тутъ раскинули сѣти безъ моего вѣдома.

— Однакожъ, я прочелъ еразу и надобно знать, что еще при лунномъ свѣтѣ, сказалъ Станиславъ съ улыбкою.—Письмо ваше я получилъ вечеромъ и мнѣ до того хотѣлось поскорѣе узнать его содержаніе, что пока подали свѣчу—мнѣ услужилъ мѣсяцъ.

— Правда, что почтенный мѣсяцъ—повѣренный всѣхъ влюбленныхъ. Однакожъ, не рассказывай объ этомъ Ядвигѣ, не то посмѣется надъ тобою. Она не романтическая дѣвушка; съ нею надо, братъ, осторожнѣе съ нѣжностями.

— Знаю, знаю, говорилъ Станиславъ, осматриваясь и какъ-бы желая спросить: гдѣ-же она? — Съ перваго раза я понялъ, что вся поэзія этой энергической души заключается въ истинѣ—ясной, какъ выраженіе лица панны Ядвиги, свѣтлой, какъ прекрасные глаза ея. Поэтому-то я основалъ все мое будущее на этомъ сердцѣ, въ которомъ нѣтъ ни искры неправды и притворства.

— Надѣюсь, что будущее твое будетъ ясно и свѣтло, сказалъ генералъ, взявъ за руку растроганнаго молодого человѣка.

— О, генералъ, я написалъ то, чего на словахъ не смѣлъ открытъ вамъ.

— Она ужъ это читала, дорогой мой Вуверманъ.

— Уже? И что-же?—воскликнулъ Станиславъ, складывая руки.

— Что? отвѣчалъ старикъ, улыбаясь, — качала головкой, произносила: «гмъ! гмъ! прошу покорно! вотъ какъ!» иной разъ смѣялась... Но не блѣднѣй-же, мой милый художникъ! Кончилось вѣдь тѣмъ, что на подпись твою упала чудная слезинка, словно жемчугъ, а письмо отправилось за корсетъ, къ бьющемуся сердечку.

Станиславъ схватилъ руку генерала и, несмотря на сопротивленіе старика, поцаловалъ ее. Успокоясь немного, онъ сказалъ:

— Я не въ состояніи выразить своего счастья. Но вы здѣсь одни, генералъ?

— Видишь что. Намъ-бы хотѣлось, чтобъ и она была здѣсь, чтобы сейчасъ поблагодарить и поцаловать хорошенькую ручку, спрятавшую письмо, и заглянуть въ глазки, изъ которыхъ канула слеза. Позвольте, господинъ женихъ, совѣтую быть по терпѣливѣе, притвориться холоднымъ, даже равнодушнымъ, говорить тише, въ особенности избѣгать *оховъ* и *вздоховъ*, потому-что тамъ, — прибавилъ генералъ шутливо, указывая на боковую дверь:—тамъ... тамъ, милый мой, госпожа полковница.

— Значить, все, что говорятъ съ насмѣшкой о слабости полковника и что я самъ замѣтилъ въ Варшавѣ — правда?—спросилъ Станиславъ.

— Больше, нежели правда,—отвѣчалъ старикъ, махнувъ рукою.

— Жаль человѣка достойнаго,—сказалъ Станиславъ.

— Долго уже, милый, до того, что онъ нанячитъ женныхъ собачекъ.

— Увы! у меня въ карманѣ есть доказательства, какъ обширны планы полковницы и какъ она въ себя увѣрена.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?—спросилъ генералъ, смотря въ глаза молодому человѣку.—Но позволь! прибавилъ старикъ, улыбаясь.

На цѣпчкахъ подошелъ онъ къ двери полковницы, послушать, что тамъ дѣлается; но тотчасъ возвратился и сѣлъ. На лицѣ его выражалась насмѣшка.

— Непріятель, должно быть, силенъ, когда ужъ и генералъ встревоженъ и поступаетъ съ такой осторожностью, — сказалъ Станиславъ, съ усмѣшкой.

— Въ военное время, любезный; первое условіе — осторожность,

чтобъ непріятель не напалъ въ располхъ, отвѣчалъ старикъ серьезно. А я объявилъ ужъ войну этой юбкѣ и хитро веду ее, показывая бабѣ притворное довѣріе, какъ она, въ отношеніи ко мнѣ, показываетъ такую же услужливость. Вотъ я сижу съ утра въ ея гостинной, не давая ей повода подумать, что я замышляю какія-нибудь хитрости: А признаюсь, не хотѣлось-бы мнѣ проиграть: во-первыхъ, проиграть съ женщиной стыдно; во-вторыхъ, здѣсь дѣло идетъ о Ядвигѣ, да и о тебѣ, мой любезный. Дѣвушка-бы увяла.

— А я былъ-бы очень несчастливъ! отвѣчалъ Станиславъ со вздохомъ.

— Садись-же и расскажи, какія у тебя доказательства замысловъ полковницы и ея увѣренности, сказалъ старикъ, указывая вездѣ себя кресло молодому человѣку.—Времени у насъ довольно. Она еще не возвратилась изъ саду, гдѣ, по словамъ Ядвиги, каждый день ботанизируютъ. Это тоже черта ея характера, прибавилъ старикъ съ неудовольствіемъ.—Полковница не любитъ цвѣтовъ, но мучить ихъ и засушиваетъ. Такимъ-образомъ, наконецъ, въ послѣдній листь гербарія положить она засушеннаго мужа. Но что до этого! Говори скорѣе, гдѣ и какія достала ты доказательства? Можетъ-быть, это намъ пригодится.

— Да я полагаю, генералъ. Вотъ какъ дѣло было Вчера заѣхалъ я на ночлегъ въ Островъ. Въ мѣстечкѣ одна только порядочная корчма: скоро завернулъ туда какой-то молодой человѣкъ, по манерамъ котораго сейчасъ было видно, что это какой-нибудь офранцузившійся мотъ, надутый и рѣшительно ничѣмъ невольный. Онъ былъ блѣденъ, тощъ и съ презрѣніемъ посматривалъ на все окружающее: Онъ остановился черезъ стѣну. Оба мы вышли на крыльцо—я съ трубкой, онъ съ сигарой, и говорили о разныхъ разностяхъ. Франтикъ почти постоянно говорилъ по французски, по-ничутно называлъ разныя мѣста за границей и, сравнивая ихъ съ нашимъ прекраснымъ краемъ, отзывался съ презрѣніемъ объ отечествѣ. Я закусилъ губы и хотѣлъ-было дать ему маленькій урокъ...

— И прекрасно-бы сдѣлалъ, потому-что по-большой части эти господчики того заслуживаютъ,—сказалъ генералъ.

— Случай однакожъ самъ мнѣ представился, и очень скоро.

— Говори, говори! любопытно,—сказалъ генералъ, придвигаясь и смотря съ удовольствіемъ на молодаго человѣка.

— Прошло съ полчаса. Онъ не захотѣлъ знать кто я, и я не спросилъ о его имени. Вдругъ-передъ корчмой остановился конный

говецъ. Онъ подѣхалъ очень близко къ намъ, замѣтилъ моего собесѣдника, соскочилъ съ лошади и подоидя, снялъ фуражку. «А! это ты, Михайло?» сказалъ франтикъ. — Я, ваше сіятельство, отвѣчалъ посланный. — «Изъ Домбровца?» — Барыня послала меня къ вамъ на встрѣчу.

— А, видишь, какая стратегія! почти вскрикнулъ генералъ, но, быстро оборотясь къ двери полковницы, положилъ палецъ на губы, придвинулся къ Станиславу и прибавилъ тише:—однако продолжай! Дѣло становится очень занимательно.

— Что-же у васъ новаго? спросилъ графъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ. — Есть гость, ваше сіятельство, отвѣчалъ слуга: пріѣхалъ генералъ Дарскій, дядя покойной барыни.—«Diab!e!» вскрикнулъ графъ и спросилъ, нѣтъ-ли письма.—Есть, отвѣчалъ слуга и подалъ конвертъ. Господинъ быстро распечаталъ, началъ читать и, читая, безпрестанно повторялъ: «Diab!e! Diab!e!» Между-тѣмъ я спросилъ у посланнаго нарочно громко: «Когда-же генералъ пріѣхалъ въ Домбровецъ?»—Сегодня въ пять часовъ послѣ обѣда, отвѣчалъ посланный. — «Слава Богу!» сказалъ я и, взглянувъ на собесѣдника, замѣтилъ, что онъ пересталъ читать, и что его удивили и мой вопросъ и мое восклицаніе. Безъсомнѣнія, что въ пріѣздѣ вашего превосходительства къ полковнику, мы имѣли разные интересы.

— Весьма натурально, сказалъ старикъ, придвигаясь.

— Это заставило насъ присмотрѣться другъ къ другу, продолжалъ Станиславъ.—Прочтя письмо, графъ, видимо смущенный, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Вы ѣдете въ Домбровецъ?»—«А вы?» спросилъ я. «Я почти живу въ Домбровцѣ.»—«А я теперь ѣду».

— Лихо, лихо! такъ и слѣдовало, сказалъ генералъ, покручивая усы.

— Нечего и говорить, что дорожный товарищъ мой былъ графъ Альфредъ Подбрискій. Услышавъ мою фамилію, онъ сказалъ: «А! я что-то слышалъ. Кажется, вы имѣете виды на панну Ядвигу. Не спорю, это прекрасная партія. Жаль только, что ваши хлопоты напрасны, вамъ даже не поможетъ покровительство генерала».

— Сто тысячъ бомбъ! воскликнулъ старикъ, приподымаясь съ кресла, но вскорѣ, одумавшись и взглянувъ на дверь полковницы, усѣлся и продолжалъ тише:—Оканчивай, пожалуйста; а поможетъ или нѣтъ мое покровительство—увидимъ послѣ.

— Почему же не поможетъ? спросилъ я. «Потому, отвѣчалъ графъ: что рука этой дѣвicy обѣщана мнѣ родителями; а родители, полагаю, имѣютъ больше права, чѣмъ дальніе родственники».

— Дальніе родственники! Я дальній родной—дочери моей племянницы, моей ближайшей наслѣдницѣ, женщинѣ, драгоценной моему сердцу! воскликнулъ старикъ, гнѣваясь серьезно. Но оставимъ это. Положимъ, я дальній родственникъ. Что-же дальше?

— Не знаю, отвѣчалъ я, чѣмъ вы докажете, что вамъ обижаетъ рука Ядвиги и что на это есть воля родителей; а одному вашему слову я не повѣрю». Приказавъ слугѣ удалиться, графъ сказалъ:

«Можно бы обоидтись и безъ доказательствъ, если я говорю; но такъ какъ вы меня не знаете, то я и не обижаюсь. Желая, однакожъ, избавить васъ отъ напрасныхъ поѣздокъ и отъ визита не во время, который былъ-бы неприятенъ и вамъ, и генералу, протезирующему васъ некетати, и родителямъ дѣвочки, которые не отиѣнятъ своего рѣшенія, советую вамъ прочесть это письмо и, волею запречь лошадей, возвратиться спокойно къ живнамъ и посѣву, потому-что, кажется, ужъ пришло время для этого».

Генералъ кряжтѣлъ и съ безпокойствомъ вертѣлся въ креслѣ, а Станиславъ продолжалъ:

— Словно не понимая его, я перенесъ эту шутку, взявъ письмо и прочелъ.

— Что-же тамъ было написано? спросилъ генералъ съ нетерпѣніемъ.

— Письмо было, конечно, по французски и заключало въ себѣ сначала увѣдомленіе о неожиданномъ пріѣздѣ вашего превосходительства; потомъ причины, по которымъ полковница, догадываясь зачѣмъ вы пріѣхали, и боясь, чтобъ кузенъ ея не получилъ какой-нибудь дерзости отъ стараго служаки, qui ne connaît pas le monde—извините, что я повторяю это выраженіе...

— Дитя! развѣ это можетъ разсердить меня?

— Полковница проситъ графа повременить пріѣздомъ, а отправиться на нѣсколько дней въ Люблинъ и тамъ ждать отъ нея извѣщенія.

— Умна, чортъ побори! сказалъ генералъ: — вѣдь не ошиблась, что графчику было-бы плохо со мною.

— Дальше пишеть, что намѣреніе ея неизмѣнно и какъ-бы ужъ исполнено; что графъ можетъ полагаться на ея волю и вліаніе; что хотя Ядвига имѣетъ уже порядочное приданое, но можетъ еще наслѣдовать хорошее состояніе отъ вашего превосходительства; что она старается услужливостью и любезностью заставить васъ плясать по ея дужкѣ, такъ, что и ваше согласіе подкрѣпитъ ея волю.

— Ну, это ужь слишком! воскликнул старикъ, смѣясь: — здѣсь осыдлась, голубушка. Излишество ума превращаетъ его въ глупость—давно известная истина. Прошу покорно! достояніе мое должно поддержать ея брата! Въ-самомъ-дѣлѣ я полагалъ, что она умнѣе.

— Бываетъ, что и не глухие люди сбиваются на этомъ пунктѣ, и отъ этой болѣзни трудно ихъ вылечить.

— Кто знаетъ! отвѣчалъ старикъ. Но продолжай.

— Слѣдуетъ обстоятельство самое любопытное. «Не безпокойся, пишетъ полковница: если бы, по вліянію генерала, Ядвига осмѣлилась упорствовать, въ такомъ случаѣ недѣли черезъ двѣ мы уѣдемъ за границу, куда и ты отправишься; а тамъ, вдали отъ всякаго вліянія и посторонней помощи, она должна будетъ покориться моей волѣ. Считаю лишнимъ прибавлять, что мой мужъ долженъ будетъ сдѣлать все, чего захочу я.

— Превосходно! превосходно! воскликнул старикъ, прошелся раза два по комнатѣ, толкнулъ пару стульевъ, попавшихся ему на дорогѣ, потомъ утѣлся и просилъ Станислава кончить.

— Прочтя письмо спокойно, я возвратилъ его графу, который смѣялся надмѣнно, смотря мнѣ въ глаза:

— Видите, что дѣло кончено.

— А мнѣ кажется, что оно еще и не начиналось, отвѣчалъ я. Я не вижу ни желанія дѣвицы, ни воли родителей, какъ вы говорите; вижу только корыстолюбивый планъ мачихи, и за нѣвѣстіе о немъ чрезвычайно вамъ благодаренъ.

— Къ чему же это вамъ послужить? спросилъ графъ, измѣнившись въ лицѣ и догадываясь, что сдѣлалъ глупость.

— Кто знаетъ, можетъ быть, къ чему-нибудь и пригодится; если вамъ угодно побезпокоиться зайти ко мнѣ, я объяснюсь подробнѣе. Пора уже намъ уйти отсюда, потому—что поздно, и дворникъ собирается запереть ворота.

Но видя, что графъ колеблется, я прибавилъ:

— А если вамъ почему-нибудь не угодно посѣтить меня, я могу пойти къ вамъ.

Графъ смѣшался и вошелъ ко мнѣ.

— Теперь я предлагаю вамъ вопросъ, сказалъ я, когда мы утѣлись: Что вамъ угодно будетъ сдѣлать? Послѣдуете ли вы совѣту кузины, или...

— А какая вамъ надобность до того, что я сдѣлаю? отвѣчалъ онъ высокомерно. Поступлю такъ, какъ мнѣ угодно.

— Напротивъ, отвѣчалъ я: вотъ мое мнѣніе. Генералъ предупреденъ не въ вашу пользу; онъ васъ не любитъ и ни за что не согласится на извѣстные предложенія. Онъ человѣкъ прямой и притомъ горячій. Свиданіе съ вами могло бы привести его въ дурное расположеніе духа; открытіе намѣреній вашихъ могло-бы его разсердить; а гнѣвъ его опасенъ, какъ для тѣхъ, на кого онъ гнѣвается, такъ и для него самого, потому-что онъ человѣкъ пожилой и хладнокровный. Уважая и любя генерала, я хочу избавить его отъ всякой непріятности, а потому прошу, чтобъ вы не поступали такъ, какъ вамъ угодно, но чтобъ завтра утромъ ѣхали прямо отсюда въ Люблинъ.

— Лихо! сказалъ обрадованный старикъ, сжимая руку молодому человѣку.—Что-же онъ, согласился?

— Сначала распѣтушился и сказалъ: Не сдѣлаю такъ собственно потому, что это ваше желаніе!

— Жалѣю, что принужденъ повторить мою просьбу, отвѣчалъ я, взявъ со стола пистолеть и взводя курокъ.

— Что-же это? Вы хотите убить меня! воскликнулъ графъ, вставая и собираясь выйти.

— А! вы хотите уйти? отвѣчалъ я хладнокровно.

Это его удержало; онъ возвратился и сѣлъ.

— Вотъ другой пистолеть, продолжалъ я, онъ заряженъ и ручаюсь за вѣрность. Можете его взять и мы поговоримъ.

— Нѣтъ надобности, отвѣчалъ онъ: для этого найдемъ другое время и мѣсто.

— Согласенъ, сказалъ я; но все-таки съ однимъ условіемъ: чтобъ завтра утромъ вы уѣхали въ Люблинъ.

— Хорошо, поѣду.

— Vous êtes charmant, *mr. le comte!*—сказалъ я по французски и положилъ пистолеть. Теперь еще одно обстоятельство...

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Вамъ ни къ чему не послужитъ письмо полковницы, а мнѣ будетъ оно очень нужно. Я буду васъ просить о немъ.

— Mais c'est une indignité, *monsieur!*—воскликнулъ онъ.—Это по секрету.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдовало его мнѣ показывать. Притомъ же тайна эта неблагородна, потому-что угрожаетъ совѣсти добраго отца, но слабого мужа, и счастью особы, которую я люблю — понимаете?

— Но вы не покажете письма полковнику? сказалъ графъ, колеблясь и поглядывая на спокойно лежащія pistols. Этимъ-бы поколебалось вліяніе моей кузины и нарушилось домашнее спокойствіе.

— Что касается до вліянія вашей кузины, я не слишкомъ жалю о немъ; домашнее же спокойствіе уважаю вездѣ, и по этому даю вамъ слово, что не покажу письма полковнику.

— Значить, я имѣю ваше слово, за исполненіе котораго вы отвѣчаете, сказалъ онъ, поспѣшно положивъ письмо на столъ.

— Можете быть увѣрены, сказалъ я, улыбаясь.

— *Bon soir, monsieur!* сказалъ онъ, уходя, довольный тѣмъ, что дешево отъ меня отдѣлался, между тѣмъ, какъ pistols, показанные франту, были не заряжены; съ моей стороны это была только шутка, для испытанія моего соперника.

— И письмо у тебя? воскликнулъ генералъ. Показывай! Это важный документъ.

— Но я вѣдь далъ слово, ваше превосходительство, сказалъ Станиславъ, подавая письмо.

— Не покажу же я его полковнику, развѣ въ чрезвычайно-важномъ случаѣ.

Въ это время Пуслицкій принесъ картины.

— Смотри, братъ Станиславъ: я привезъ съ собою двѣ твои лучшія работы. Полковникъ любитель лошадей и живыхъ, и нарисованныхъ: безъ сомнѣнія, подарокъ этотъ будетъ ему очень приятенъ.

— Чѣмъ же я заслужилъ такое расположеніе? сказалъ растроганный молодой человекъ.

Вмѣсто отвѣта, генералъ обнялъ Станислава.

— Поставь же самъ картины, какъ знаешь, потому что полковникъ пріѣхалъ, а я желалъ бы, чтобъ онъ ему понравился. Вѣдь онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ — тебѣ извѣстно.

— О, онъ вѣрно ихъ цѣнитъ! отвѣчалъ Станиславъ, устанавливая картины. Не разъ съ удовольствіемъ разговаривалъ я съ нимъ о живописи.

VIII.

Въ это время вошелъ полковникъ. Замѣтивъ Станислава, онъ удивился немного; но скорѣе, вызвавъ на лицо пріятливую улыбку, подаль ему руку и сказалъ:

— Чрезвычайно обрадовали вы меня своимъ посѣщеніемъ. Безъ сомнѣнія, неожиданностью этой обязанъ я генералу. А что неожиданность эта доставляетъ мнѣ удовольствіе, въ томъ можете быть увѣрены.

— Благодарю васъ, полковникъ, я и не ожидалъ иначе. Утренность эта придала мнѣ смѣлость свернуть немного съ дороги, чтобы доставить себѣ двойное удовольствіе: побывать у васъ и увидѣться съ генераломъ. Я зналъ, что его превосходительство въ Домбровцѣ.

— Надѣюсь, что вы подарите мнѣ сегодняшний день, сказалъ пріятливо полковникъ. Пуслицкій! вещи и лошадей этого барина...

— Мы ужъ распорядились, и радушная хозяйюшка, по моей просьбѣ, всему указала мѣсто,—отозвался генералъ.

— Превосходно! сказалъ полковникъ, видимо обрадованный: словно тяжелый камень свалился съ его сердца.—Значить, вы уже видѣли мою жену?

— Нѣтъ, еще не имѣлъ этого счастья, отвѣчалъ Станиславъ.

— Ты, братъ, хозяйничалъ? спросилъ старикъ полковника, наводя разговоръ на другой предметъ.

— Обязанности хозяина важны и обширны, отвѣчалъ полковникъ.— Но могу похвалиться, у меня все идетъ хорошо, приказанія коротки и ясны, а исполненіе быстро и отчетливо. Терпѣть не могу многословія, надъ чѣмъ иные господа тратятъ много времени. Я приказываю коротко и вразумительно, и увѣренъ, что все, мною приказанное, будетъ исполнено. Это доставляетъ мнѣ спокойствіе и сберегаетъ время, которое могу посвятить другимъ занятіямъ, болѣе пріятнымъ для ума и сердца.

— Поздравляю, полковникъ, что твои такъ слушаютъ тебя и понимаютъ, сказалъ генералъ съ улыбкою.

— Они знаютъ, что если я что приказываю, то такъ быть должно; знаютъ, что если чего потребую сегодня, то потребую завтра и послѣзавтра, и знаютъ въ этомъ случаѣ мой характеръ, сбивающійся немного на женское упрямство.

— Чудное качество въ мужчинѣ, да еще и въ солдатѣ! сказалъ генералъ насмѣшливо.

— Притомъ-же я подобралъ себѣ отставныхъ солдатъ, говорилъ полковникъ съ какой-то гордостью и самодовольствіемъ:—ничего нѣтъ лучше военной службы, по-моему. Вамъ очень хорошо извѣстно, го-

нераль, что это превосходная школа для изученія каждой обязанности, потому-что тамъ все зависитъ отъ быстроты исполненія.

— Отраднo мнѣ слушать отъ тебя эти рѣчи! воскликнулъ генераль.

Полковникъ, однакожъ, разсудилъ, что бесѣда принимаетъ оборотъ, могущій довести его до печальной истины: что не всегда онъ поступаетъ такъ, какъ говорить, и, быстро оборотясь къ Станиславу, спросилъ:

— Каково идетъ ваша поэзія? А главное, не отдыхаютъ ли ваши кисти? Читалъ я ваши «Бесѣды у камина». Мило, исполнено истины и жизни. Я любилъ васъ за это прекрасное созданіе.

Въ сердцѣ молодого человѣка отозвалась надежда на эти ободрительныя слова, сказанныя отцомъ его возлюбленной. Генераль, улыбаясь, молчалъ и въ глазахъ его блистала радость.

— Не случилось мнѣ видѣть вашихъ картинъ масляными красками, продолжалъ полковникъ:—и потому не могу судить о колоритѣ; но рисунки ваши, дѣланные карандашемъ и тушью, чрезвычайно мнѣ нравятся. Рука у васъ вѣрная, а группировка превосходна, въ особенности, гдѣ на сценѣ кавалерія. У меня даже есть двѣ ваши работы въ портфель.

— Право, я не знаю, какъ выразить мою благодарность за такія лестныя похвалы.

— Самымъ простымъ образомъ: не оставлять пріятнаго и полезнаго занятія,—отвѣчалъ полковникъ, взявъ за руку молодого человѣка.

— А вѣдь знатокъ! сказалъ генераль, обращаясь къ Станиславу.

— Я давно знаю полковника въ этомъ отношеніи и признаю въ немъ превосходство надъ многими любителями.

— Ну, а какъ понравятся тебѣ эти картины, которыя я привезъ тебѣ, какъ знатоку, для оцѣнки?—спросилъ генераль.

Подходя къ картинамъ, полковникъ присматривался издали, потомъ вблизи, потомъ, отойдя, снова смотрѣлъ и наконецъ сказалъ:

— Прекрасныя, дорогія картины! такъ, что я охотно-бы повѣсилъ ихъ у себя въ кабинетъ. Что за облака! Какой туманъ окружаетъ эту отдаленную мельницу! Что за вражда въ лицахъ этихъ людей, дѣлящихъ другъ въ друга! Что за злость въ глазахъ этихъ во-

шадей, которые, кажется, раздвигают ненависть своих всадников! Въ этой картинѣ больше эффекта, хотя въ другой больше отчетливости. Эти деревья я отодвинулъ—бы подальше. Слишкомъ ужъ выразительно опредѣляютъ они разстояніе предметовъ. Эта рука немного слабо держитъ саблю. Но это все мелочи. Зато, какъ хорошъ прыжокъ этой лошади! Какъ она осматривается на другую! По лошадямъ вижу, что это ваша работа, г. Горицкій! Поздравляю! вы мастерски владѣете кистью. Поздравляю и васъ, генералъ, съ приобретеніемъ подобной картины; но мнѣ хотѣлось—бы показать ее жентѣ. Пуслицкій!

— Полковница не возвратилась еще изъ саду, отвѣчалъ вахмистръ.

— Пока радушная наша хозяйюшка разложитъ сегодняшнюю свою ботаническую добычу (видишь, полковникъ, что мнѣ и это извѣстно), Станиславъ успѣетъ переодѣться послѣ дороги, чтобъ представиться дамамъ въ приличномъ костюмѣ и въ желтыхъ перчаткахъ, какъ это теперь водится, говорилъ генералъ, подавая знакъ Станиславу.

Потомъ прибавилъ, обращаясь къ вахмистру:

— Пуслицкій! проводи г. Горицкаго въ его комнату и позаботься, чтобъ ни въ чемъ не было недостатка.

Понявъ знакъ генерала, незамѣченный полковникомъ, разсматривавшимъ картины, Станиславъ вышелъ въ сопровожденіи вахмистра. Тогда старикъ подошелъ къ полковнику и, взявъ его дружески за руку, сказалъ ему съ чувствомъ:

— Благодарю за ласковый приемъ, оказанный моему молодому сосѣду. Это человекъ съ душою, подающій большія надежды.

— Что-же тутъ удивительнаго? отвѣчалъ полковникъ:—такой человекъ имѣетъ полное право на уваженіе благомыслящихъ людей. Я имѣлъ случай узнать его образованность въ Варшавѣ. Я не играю въ карты, а потому не разъ мнѣ случалось бесѣдовать съ нимъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Талантъ его я цѣню высоко.

— А я, какъ ближайшій сосѣдъ, знаю его образъ жизни и характеръ. Молодой человекъ этотъ вполне достоинъ уваженія; я цѣню его еще за то, что онъ дѣятельно занимается чтеніемъ, стоющимъ тысячъ двѣсти злотыхъ, и страсть къ литературѣ и живописи умѣетъ соединить съ любовью къ хозяйству. Притомъ—же онъ сынъ моего лучшаго друга и я люблю его также, какъ любилъ покойника. Послушай! оба мы солдаты, знаемъ мы другъ друга давно: зачѣмъ намъ прибѣгать къ уверткамъ? Онъ любитъ Ядвигу — выдай ее за него.

— Но... генералъ, отвѣчалъ полковникъ, застигнутый върасплохъ: моя жена...

— Что-же твоя жена можетъ сказать въ этомъ случаѣ? Развѣ ты не въ правѣ располагать судьбою своей дочери согласно съ своимъ убѣжденіемъ и ея счастьемъ?—прервалъ старикъ, не бывъ въ состояніи преодолѣть нетерпѣніе.

— Слова вѣтъ, я отдаю полную справедливость достоинствамъ этого молодаго человѣка; можетъ-быть, это по душѣ и Ядвига, особенно, если она видитъ мое согласіе и ваше желаніе; но моя жена... моя жена любить ее не меньше моего и, подобно мнѣ, только желаетъ ея счастья.

— Очень можетъ-быть, отвѣчалъ генералъ, явно преодолевая себя:—что жена твоя не похожа на другихъ мамъ, потому—что вѣтъ прѣвиза безъ исключенія; тѣмъ болѣе я не вижу причины отказа съ ея стороны, если она въ-самомъ-дѣлѣ желаетъ счастья твоей дочери. А я тебѣ говорю, что Ядвига будетъ счастлива, потому—что и она любить Станислава.

— Замѣтилъ я еще въ Варшавѣ, что она охотно съ нимъ танцевала и разговаривала; наконецъ не удивляюсь, если онъ ей и понравился; но моя жена...

— Хочетъ выдать ее за кого-нибудь другаго? Что? спросилъ генералъ довольно быстро.

— Я этого не говорю, отвѣчалъ смутившійся полковникъ. Еслибы у нея были какіе-нибудь планы на этотъ счетъ, то мнѣ было-бы извѣстно; но, видите ли, ужъ одна деликатность заставляетъ меня поговорить съ ней объ этомъ и ближе познакомить ее съ человѣкомъ, котораго она знаетъ очень мало. Вотъ почему я прошу васъ не принимать этого такъ горячо къ сердцу. Ядвига еще очень молода, можетъ и подождать немного; а между-тѣмъ пусть Горлицкій бываетъ у насъ почаще, и увидите, что все устроится по вашему, то-есть, по нашему желанію. Жена моя очень умная женщина. она скоро оцѣнитъ его душу и сердце. А если еще она узнаетъ, что въ любви молодыхъ людей принимаетъ участие вы, то, безъ всякаго сомнѣнія, и не подумаетъ противиться, потому—что вы сразу овладѣли ею: я замѣтилъ, что она даже кокетничаетъ, чтобъ только вамъ понравиться.

— Благодарю, что ты хоть этакъ принимаешь мое ходатайство.

— Надѣюсь, генералъ, вы вѣрите, что ваше ходатайство важнѣе для меня всякаго другаго. Вы вѣрно не обидите меня сомнѣніемъ, что я позабылъ, чѣмъ были вы для меня, что вы теперь и чѣмъ можете быть для моей дочери.

— Дуню,—отвѣчалъ генераль, дергая усь, какъ-бы хотѣлъ вырвать его съ корнемъ:—что по-крайней-мѣрѣ помнишь о послѣдней. Но предоставимъ все это времени.

— Самое лучшее, генераль. Моя жена...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ старикъ:—ужь я съ ней не стану говорить объ этомъ.

— Безъ сомнѣнія, это моя обязанность, и скоро я выберу самую удобную минуту.

Пожавъ плечами, генераль взглянулъ на полковника съ сожалѣніемъ, а въ это время отворилась дверь и вошла полковница.

IX.

Полковница одѣта была какъ одѣваются для прогулки, и вошла со шляпкой, вистѣвшей на рукѣ и наполненной различными растеніями. Лице ея выражало пріятливость и какъ-будто улыбалось, по всему видно было, что она хотѣла быть любезной.

— Здравствуйте, генераль,—сказала она почти кокетливо.—Каково провели ночь? Я безпokoилась, все ли исполнено по вашему желанію.

— Очень, очень благодаренъ, отвѣчалъ старикъ:—я имѣлъ всевозможныя удобства, мнѣ было лучше, чѣмъ дома. Я даже удивлялся: откуда вы узнали мелкія привычки и прихоти старика, придающаго имъ особенную важность.

— Развѣ это не обязанность хозяйки, особенно въ отношеніи къ талому гостю, какъ вы? отвѣчала полковница, откусывая листокъ какого-то цвѣтка, скрывшій ея насмѣшливую улыбку.

Полковникъ чрезвычайно обрадовался этимъ обоюднымъ любезностямъ.

— Только женщина, сказалъ онъ:—и притомъ такая женщина можетъ обладать подобной предупредительностью, она видитъ то, что ни одному изъ насъ не пришло-бы въ голову. Благодарю тебя, жизнь моя, сказалъ онъ далая руку жены:—что ты позаботилась за себя и за меня.

— О чемъ это вы, господа, бесѣдовали?—проговорила, садясь, полковница.

— Къ намъ, душа моя, пріѣхалъ гость, сосѣдъ генерала г. Ста-

нславъ Горичкій, который, проѣзжая близко, сдѣлалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ.

— А! такъ это Горичкій? сказала полковница тономъ, не выражавшимъ ни неприятели, ни удовольствія, ни удивленія, и только чрезъ минуту прибавила:—вчера Пуслицкій говорилъ мнѣ, что ожидаютъ гостя.

— И я очень благодаренъ, что вы позаботились о его помѣщеніи, сказалъ старикъ:—это мой сосѣдъ и сынъ моего лучшаго друга.

— Припоминаю теперь:—я видѣла его раза два въ Варшавѣ и у себя въ домѣ... Прекрасно танцуетъ.

— Это одно изъ послѣднихъ его достоинствъ, отвѣчалъ генералъ, крутя усы и нахмуривъ брови.

— Онъ очень уменъ и съ большими талантами, отзывался полковникъ: — литераторъ и художникъ въ полномъ смыслѣ слова. Посмотри, душа моя! прибавилъ онъ, опираясь одною рукою о кресло жены, а другою указывая на картины: — эти два оригинальные эскиза привезъ мнѣ генералъ, чтобъ показать манеру и колоритъ художника. Я зналъ его карандашъ еще прежде; но не могу налюбоваться искусствомъ, съ какимъ онъ владѣетъ красками, набрасываетъ свѣтъ и тѣни и достигаетъ дивныхъ эффектовъ. Зная любовь мою къ живописи, въ особенности къ этому роду, припоминающему мнѣ военную жизнь, генералъ сдѣлалъ мнѣ большое удовольствіе, показавъ эти картины.

— А чтобъ доставить еще большее удовольствіе, сказалъ старикъ:—я привезъ тебѣ ихъ въ подарокъ.

— О, я уже не знаю, какъ благодарить васъ, генералъ! Подошли, душа моя, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ:—присмотрись, что за мастерство! Это стоитъ того, чтобъ посмотреть ближе.

— Вижу и отсюда, отвѣчала полковница, закрывая губы; и взглянувъ небрежно въ лорнетъ, отворотилась отъ картинъ съ тѣмъ нарочнымъ выраженіемъ лица, въ которомъ никто ничего прочесть не въ состояніи.

Замѣтивъ это, генералъ началъ крутить и дергать усы, полковникъ видимо смѣшался, а полковница встала и, не смотра больше на картины и не спросивъ о ихъ авторѣ, прибавила:

— Мнѣ еще надобно уложить свою сегодняшнюю жатву. Черезъ часъ ожидаю васъ, господа, въ столовой. Чрезвычайно мнѣ будетъ пріятно, если завтракъ прійдется генералу по вкусу.

И полковница ушла въ свои комнаты.

Генералъ молчалъ, крутя сѣдые усы; полковникъ отеръ лобъ и, взглянувъ на картины Станислава, быстро отъ нихъ отворотился и посмотрѣлъ на дверь женинныхъ комнатъ.

Тягостное это молчаніе продолжалось съ полминуты.

— Какъ я вижу, твоей женѣ не слишкомъ понравились картины, сказалъ генералъ.

Не отвѣчая ни слова, полковникъ еще разъ отеръ лобъ платкомъ.

— Видно, что жена твоя небольшая любительница живописи, а предпочитаетъ натуру, которую засушиваетъ, продолжалъ старикъ, ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Напротивъ, отвѣчалъ полковникъ, незамѣтно посматривая на дверь женинныхъ комнатъ:—жена моя очень любитъ живопись, но любитъ только мастерскія произведенія кисти.

— А это мазилки, что-ли? вскрикнулъ старикъ, едва удерживая гнѣвъ и нетерпѣніе.

— Этого я не говорю, отвѣчалъ полковникъ, снова отирая лобъ.—Но картины—такъ себѣ, недурны для начинающаго таланта, который можетъ уйти далеко, если его не уничтожить лѣнь, или не собьетъ съ толку излишнее самолюбіе, потому-что у насъ не рѣдкость и то, и другое.

Быстро приподнялся генералъ съ своего мѣста.

— Мужчина ты, или нѣтъ?.. воскликнулъ онъ, смотря пристально въ глаза полковнику, который не могъ выдержать этого взгляда.

— Что за вопросъ, генералъ! отвѣчалъ полковникъ съ принужденнымъ смѣхомъ и желая обратить все это въ шутку.

— Ты же недавно не находилъ словъ для похвалы этихъ картинъ, ты видѣлъ въ нихъ оконченность, жизнь, талантъ, гениальность... И потому только, что жена твоя холодно посмотрѣла на нихъ, не похвалила, вѣроятно, нѣтъ надобности не похвалять ихъ: ты въ одинъ мигъ перемѣнилъ мнѣніе, отрекся отъ познанія въ искусствѣ, и то, что называлъ мастерскимъ произведеніемъ, называешь теперь недурной работой рождающагося таланта! Вѣрь мнѣ... Но лучше прикусить языкъ, потому что боюсь наговорить глупостей.

Полковникъ продолжалъ смѣяться, хотя и видно было, что смѣхъ этотъ принужденный.

— Ахъ, генералъ, развѣ можно упрекать меня въ подобной слабости и непостоянствѣ сужденій! Если я расхваливалъ эти картины при художникѣ, то, конечно, для того, что не хотѣлъ сковфузить его; теперь же, присмотрѣвшись, говорю по убѣжденію. Что-же касается до жены моей...

Въ это время отворилась дверь изъ комнатъ полковницы и оттуда послышался суровый голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя! отвѣчалъ полковникъ и вышелъ, не кончивъ начатой фразы.

Генералъ усялся въ ближнемъ креслѣ, положилъ обѣ руки на колѣна, и въ такомъ положеніи сидѣлъ молча, словно прикованный къ своему мѣсту.

Вошелъ Пуслицкій и остановился, вытянувшись по обычаю; но, видя, что генералъ не измѣняетъ положенія, кашлянулъ и подвинулся впередъ шага на два. Это, однакожъ, не вывело старика изъ задумчивости и вахмистръ приблизился еще, вытянулся и сказалъ:

— Ваше превосходительство! осмѣливаюсь...

Генералъ быстро приподнялся, грозно взглянулъ на вахмистра, подавшася назадъ отъ этого взора, и словно довольный тѣмъ, что есть надъ кѣмъ излить досаду, сказалъ громкимъ голосомъ:

— Сволочь! бабы! тряпки! позволили себя осѣдлать, словно клячи водовозны, которыя никогда пороку не нюхали! Хорошо, что не носите уже ни сабли, ни кивера; чепцы, веретено, юбки—вотъ ваша аммуниція!..

Проговоривъ это, старикъ началъ быстро ходить по комнатѣ, переставляя съ силой стулья и кресла и ворча:

— Это неслыхано! это безстыдно!

Все это время удивленный Пуслицкій стоялъ словно вкопанный, безъ движенія, нѣрѣдка только мигая или сжимая вѣки. Наконецъ онъ не могъ удержаться и слезы покатались по лицу его.

Старикъ это замѣтилъ, подошелъ къ нему и сказалъ, положивъ ему руку на плечо:

— Что это? ты плачешь, бѣдняга? Знаю, знаю, что ты чувствуешь его униженіе. Все, что я говорилъ, относится, конечно, не къ тебѣ. Извини, братъ, Пуслицкій! но меня это очень огорчило.

Схвативъ руку генерала, Пуслицкій поцаловалъ ее, потомъ смѣясь уже отеръ слезы и на лицо его снова возвратилось выраженіе спокойнаго ожиданія приказа.

Въ это время дверь отворилась и изъ за нея показалось веселое, лукавое и блестящее счастьемъ личико Ядвиги.

— Можно войти, дѣдушка? послышался ея голосокъ.

— Просимъ покорно,—отвѣчалъ старикъ, прохаживаясь.

— Что же это, дѣдушка: вы въ дурномъ расположеніи духа? спро-

сидя Ядвига, облокотясь на руку генерала и прохаживаясь съ нимъ вмѣстѣ по комнатѣ.

— Въ самомъ дурномъ.

— Не смотря на то, что Станиславъ прїѣхалъ ..

— Не спорю, что прїѣздъ его можетъ привести въ прїятное расположенію духа тебя; но со мною случилось напротивъ.

— Если сказать правду, милый дѣдушка, — проговорила Ядвига, какъ бы съ неудовольствіемъ: — то и я не слишкомъ радуюсь его прїѣзду, когда онъ изволить одѣваться цѣлые три часа.

— Смѣю доложить, сударыня, — отозвался Пуслицкій, — что гость давно ужъ одѣтъ и спрашиваетъ позволенія, можно-ли войти.

— Онъ? сюда? зачѣмъ? не для того-ли чтобъ и ему полковница сдѣлала такую-же гримасу, какъ его картинамъ? Не надо! — сказалъ старикъ. — Ступай, прикажи скорѣй запрягать лошадей гостю, а его попроси, чтобъ сейчасъ пришелъ въ мою комнату.

— Что-же это значитъ, дѣдушка? — спрашивала Ядвига, блѣднѣя. — Какъ, онъ сейчасъ ѣдетъ?

— Сію минуту: нечего ему здѣсь оставаться. И мнѣ лошади чтобъ сейчасъ были готовы! Я тоже ѣду.

— Но, дѣдушка! скажите, Бога-ради, что здѣсь случилось?

— То, что я здѣсь лишній! Возьми и это, Пуслицкій! прибавилъ старикъ, указывая на картины: отнеси ко мнѣ и уложи, какъ было.

Когда Пуслицкій вынесъ картины, Ядвига достала письмо Станислава и, показывая его генералу, спросила серьезно и рѣшительно:

— А это все развѣ шутка?

— Нѣтъ, милая, я умру, а составлю ваше счастье.

— О, теперь понимаю! сказала обрадованная Ядвига, цалуя руку старика. — Надѣюсь, дѣдушка, что вы позволите мнѣ придти къ вамъ, когда у васъ будетъ Станиславъ? Но я приду какъ-будто ненарочно.

— Хорошо, хорошо, я ему скажу, что ты придешь какъ-будто ненарочно.

— Дѣдушка! зачѣмъ-же говорить? онъ и самъ догадается, зачѣмъ я пришла.

— Хорошо, до свиданья! сказалъ старикъ, идя къ двери.

— Такъ черезъ четверть часа?

— Хорошо.

— А можетъ быть, лучше черезъ десять минутъ? сказала Ядвига, подбѣжавъ къ старику и обнимая его.

— Ну, приходи и через десять минут.

— А гдѣ папаша?

— Эхъ, твой папаша, милая, мокрая курица, настоящая баба! сказалъ старикъ, освобождаясь изъ объятий внучки, и вышелъ.

— Бѣдный папа! проговорила дѣвушка, останавливаясь и смотря на дверь полковницы.—О, еслибъ я была мужчиной! прибавила она, топнувъ ножкой.—Вотъ, однакожъ, желаніе! Что жъ бы я выиграла отъ этого? Легко могло бы случиться, что и сама попала бы въ руки подобной госпожи... Благодарю! нѣтъ ужъ лучше оставаться при своемъ. Однакожъ, продолжала она: Станиславъ пошелъ ужъ къ дѣдушкѣ. Черезъ десять минутъ какъ-будто случайно являюсь туда и вскрикну: — Ахъ, извините, дѣдушка, можетъ быть, я помѣшала! — Ни сколько! войди! говоритъ неопѣненный покровитель!—Ахъ! воскликнетъ Станиславъ... — Ахъ! отвѣчу я, опуская глаза, и такъ далѣе. А между тѣмъ, вѣроятно, уже прошло десять минутъ. Надо идти. Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ, однакожъ, не хочется! прибавила она съ лукавой улыбкой и, поцеловавъ украдкой письмо Станислава, побѣжала въ комнату дѣдушки.

Х.

Черезъ часъ Станиславъ выѣхалъ. Его немного беспокоило то, что за него генералъ получилъ непріятность, но пріемъ Ядвиги обрадовалъ его.—Уѣзжая, онъ оставилъ полковнику письмо, въ которомъ поблагодарилъ его за пріятливость и за лестный отзывъ о его произведеніи.

Со слезами на глазахъ стояла Ядвига у окна знакомой намъ гостиной, и смотрѣла на дворъ, по которому прокатился экипажъ, увозившій ея милаго. Въ гостиную вошелъ отецъ съ письмомъ Станислава въ рукѣ. Лицо полковника выражало заботу и неудовольствіе. Бросивъ письмо на столъ, онъ, молча, усѣлся въ креслѣ и, смотря на дочь, которая его не примѣтила и нѣрѣдка отирала платкомъ глаза, сказалъ съ досадою:

— Это что за новости! ты плачешь?

Ядвига быстро оборотилась и съ спокойнымъ лицомъ, но безъ обычной улыбки, отвѣчала:

— Нѣтъ, папа, не плачу, хотя, можетъ быть, и имѣла бы на это причину.

— Не потому ли, что этот г. Станиславъ, Богъ знаетъ, зачѣмъ прїѣхалъ, и Богъ знаетъ зачѣмъ убрался?

— Не скрою, папá, это меня очень огорчаетъ, — отвѣчала она рѣшительно и съ выраженіемъ сильной воли: — потому-что этотъ молодой человѣкъ заслуживаетъ уваженіе. Но я не такъ малодушна, чтобы оплакивать то, что можно еще возратить терпѣньемъ и постоянствомъ. Я плакала бы о томъ, чего ужъ нельзя поправить, — прибавила она, цалуя съ чувствомъ руку отца.

Съ живостью полковникъ отнялъ руку и, пройдясь раза два по комнатѣ, сказалъ:

— Не набивай себѣ голову пустяками! Ты слишкомъ еще молода; чтобы располагать собою и хлопотать о другихъ. Есть кому заботиться о тебѣ, и другіе лучше тебя знаютъ, что необходимо для твоего счастья, не спрашивая ни чьего совѣта.

Послѣднія слова были произнесены съ особеннымъ выраженіемъ, какъ-бы давая знать, что слова Ядвига были понаты.

— Ахъ, папá! дѣвушка все же должна думать о себѣ и о своемъ будущемъ, когда у нея нѣтъ матери.

— Ядвига! ты оскорбляешь особу, которая тебя любитъ и заботится о твоёмъ счастьи, сказалъ полковникъ съ упрекомъ.

— Я убѣждена, папа, что она меня не любитъ; а если ласкаетъ, и даже льститъ иногда, такъ для того только, чтобы вы это видели, и для извѣстнаго плана...

— Ничего не знаю и мать твоя не говорила мнѣ ни о какихъ планахъ, сказалъ полковникъ.

— Мать моя на небѣ, — отвѣчала Ядвига. — А если другая мать ничего еще не говорила вамъ о своихъ намѣреніяхъ на мой счетъ, то это уже доказываетъ, что вы бы на нихъ не согласились. За существованіе этихъ намѣреній ручаюсь; но также увѣрена и въ томъ, что вы ихъ отвергнете, и потому прошу васъ, папа, скажите ей, чтобы она напрасно не безпокоилась, потому-что изъ всѣхъ ея заботъ о моемъ счастьи рѣшительно ничего не выйдетъ. Есть у меня вы, милый папа, и безцѣнный дѣдушка. Вы обязаны заботиться о моемъ счастьи, и только изъ вашихъ рукъ приму я свое будущее, больше ни изъ чьихъ... кланюсь вамъ.

Во взглядѣ, которымъ полковникъ посмотрѣлъ на дочь, блеснула радость, при видѣ зрѣнія и откровенности, съ какими промолвлены были послѣднія слова. По лицу его видно было, что онъ одобряетъ

все, что говорила Ядвига, и что сердце его гордилось отголоскомъ собственнаго его характера и энергій, которые онъ передалъ молодой душѣ ея; но въ ту же минуту онъ словно вздрогнулъ и оборотился къ дверямъ жениныхъ комнатъ. Дверь эта была притворена, но ее только-что затворила полковница, которая, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы, стояла за ней съ половины сцены и, невидимая силою-занятыми актерами, все слышала многое. Стукъ двери и догадка, что жена хотѣла войти, но раздумала, не желая прервать рѣшительнаго разговора, измѣнили мысли полковника и нахмурили его брови. Онъ строго взглянулъ на Ядвигу.

— Прекрасно, дитя мое, что ты полагаешься на меня и на заботливость генерала; но не менѣе того, ты обязана уважать и любить жену мою, которая имѣетъ право на твою привязанность. А между тѣмъ, хоть и невольно, ты огорчила ее.

— Я, папа? чѣмъ-же это? спросила удивленная Ядвига. Никогда. Я слишкомъ люблю васъ, чтобъ рѣшиться на это.

— Не ты, — отвѣчалъ полковникъ, стараясь придать мягкость своему голосу: — но изъ-за тебя и изъ-за любви къ тебѣ Станиславъ.

— Станиславъ? Какимъ-же образомъ, если онъ съ ней не видѣлся?

— Тѣмъ, что надѣлалъ буйства, къ которому я не считалъ его способнымъ.

— Какъ Станиславъ бунтъ? Ахъ, папа! простите, но быть не можетъ, чтобъ вы это серьезно думали. Что-же онъ сдѣлалъ? Расскажите, папа, потому-что меня огорчила-бы и тѣнь правды въ томъ, что вамъ говорили.

— Подробности не знаю, — отвѣчалъ полковникъ, немного смѣшавшись: — потому-что жена не хочетъ сказать о нихъ, изъ деликатности по нѣ и изъ уваженія къ генералу, который любитъ Станислава. Довольно того, что, съѣхавшись вчера на ночлегъ съ графомъ Альфредомъ, который спѣшилъ къ намъ, г. Горичкій обошелся съ нимъ очень грубо.

— Очень грубо! Какимъ образомъ? — спросила Ядвига, недозвѣрчиво качая головкой.

— Развѣ я знаю, какимъ образомъ? — отвѣчалъ полковникъ: — между прочимъ, извѣстно то, что онъ принудилъ графа Альфреда не вѣхать къ намъ и возвратиться.

— И графъ Альфредъ послушался его? — спросила весело дѣвушка.

— Должно быть, потому-что его нѣтъ до-сихъ-порѣ, — отвѣчалъ полковникъ, пожмая плечами.

— И вы, папа, сказала дѣвушка съ блистающимъ взоромъ, и вы допустили-бы свою дочь быть женой челоуѣка, который позволилъ принудить себя не ѣхать туда, куда хотѣлъ и рѣшился?

— Ядвига! дочь моя! воскликнулъ со слезами полковникъ и протянулъ руки.

Дѣвушка бросилась въ его объятія, а онъ говорилъ, цалуя ее:

— Никогда, никогда не соглашусь на это!

— Благодарю васъ, папа, сказала она, ласкаясь, — только этого мнѣ и надобно, а объ остальномъ я не беспокоюсь.

— Только тише! прибавилъ полковникъ, полусмутья, полусерьезно, лаская Ядвигу.

Въ это время послышался стукъ экипажа.

— Кто это еще пріѣхалъ? спросилъ полковникъ и глаза его невольно обратились къ дверямъ жены, что привыкъ онъ дѣлать въ каждомъ важномъ обстоятельстве, потому-что онъ входилъ въ комнату жены за совѣтомъ и рѣшеніемъ.

— Это экипажъ дѣдушки, — отвѣчала Ядвига, отирая слезы, выступившія при видѣ доказательства отцовской любви.

— Какъ! и генераль увѣжаетъ? сказалъ полковникъ и видимо смѣшался.

— Увѣжаетъ, папа, и сію минуту.

— О, я этого не позволю! — сказалъ полковникъ и быстро пошелъ къ двери, вѣроятно, намѣреваясь отправиться къ генералу.

Но вдругъ онъ остановился въ нерѣшимости, опустилъ голову и отправился къ женѣ.

Въ это время вошелъ генераль, одѣтый по-дорожному. На немъ былъ сюртукъ, въ которомъ онъ пріѣхалъ, застегнутый на всѣ пуговицы, съ ленточкой въ петлицѣ; въ одной рукѣ была у него фуражка, въ другой палка съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, на которую онъ опирался. Замѣтивъ, что дѣвушка смотрѣла на него съ гордостью и съ удовольствіемъ, онъ словно выросъ и выпрямился, чувствуя себя подъ влияніемъ взгляда молодого существа, котораго благородную душу онъ зналъ и къ которому привязался, какъ къ послѣдней звѣздочкѣ, [долженствовавшей озарить заходящую жизнь его.

— Значитъ вы уже увѣжаете? сказала Ядвига, когда старикъ молча приблизился къ ней и поцаловалъ ее въ голову.

— Буду, потому-что мнѣ здѣсь худо, отвѣчалъ генераль.—Все здѣсь не попржнему, все вверхъ дномъ; каждая вещь огорчаетъ и сердитъ меня; каждая минута напоминаетъ, что нѣтъ твоей матери. И мнѣ все представляется, что я слышу вздохъ покойницы съ неба, откуда она видѣть, что здѣсь дѣлается. Но не плачь, дитя мое! прибавилъ старикъ, судорожно сжимая дѣвushку въ своихъ объятіяхъ.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! зачѣмъ вы говорите все это? сказала наконецъ Ядвига, успокоившись немного. — А меня вамъ не жаль?

— Жаль, жаль, ненаглядная моя! отвѣчалъ старикъ, отирая слезу, невольно намернувшуюся ему на глаза.—Для того-то я и пріѣзжалъ, чтобъ убѣдиться во всемъ собственными глазами.

— А теперь, убѣдившись, вы оставляете меня! сказала Ядвига, складывая на груди руки.

— Оставляю? о, напротивъ! У меня даже была мысль теперь... сейчасъ-же... Но тише! послѣ объ этомъ, прибавилъ старикъ, замѣтивъ, что дверь отворилась и полковница съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ исчезло всякое выраженіе, вошла въ гостиную.

XI.

Молча, опираясь на трость, какъ нѣкогда на саблю, стоялъ генераль, смотрѣлъ на приближавшуюся хозяйку и выжидалъ, что она скажетъ.

— Что слышу, генераль, вы увѣжаете такъ неожиданно? сказала она.

— Увѣжаю и пришелъ проститься, сказалъ старикъ, слегка поклонившись. Извините стараго солдата, что является въ дорожномъ костюмѣ.

— Полагаю, отвѣчала полковница съ достоинствомъ:—что я не заслужила подобнаго упрека отъ человѣка, которому извѣстно, что съ моимъ образованіемъ, я знаю чего и отъ кого должно требовать.

— Извините,—сказалъ генераль, немного затронутый и чувствовавшій нѣкоторую справедливость послѣднихъ словъ:—можетъ-быть я и ошибся, но увѣряю, что на этотъ разъ я не хотѣлъ оскорбить васъ.

— На этотъ разъ! повторила полковница съ странной и быстро мелькнувшей улыбкой.

Лицо ея снова приняло серьёзное выраженіе, она сжала губы; потомъ, взглянувъ на Ядвигу, слушающую разговоръ этотъ со вниманіемъ, сказала:

— Оставь насъ на минуту!

Генераль кашлянулъ и улыбнулся... Ядвига подошла къ нему, поставила головку, которую старикъ поцаловалъ, и спокойно вышла.

— Неудовно-ли присѣсть, генераль.

Старикъ усѣлся. Полковница приняла самую ласковую фізіономію.

— Не думаю, генераль,—сказала она,—чтобъ пріемъ нашъ былъ причиною такого неожиданнаго отъѣзда. Кажется все, что касается до меня, какъ до хозяйки дома...

— О, въ этомъ случаѣ, отдавая вамъ полную справедливость, приношу мою чувствительнѣйшую благодарность! прервалъ старикъ.—Вы сдѣлали даже больше, чѣмъ я ожидалъ. Но меня нисколько не удивляетъ это предупредительное радушіе. И хотя воспитанъ на бивакахъ, и не знаю свѣта,—прибавилъ онъ, ударяя на эти слова и покручивая усы: однако—зналъ, что если образованіе научило васъ, чего и отъ кого должно требовать, то научило и воздавать всѣмъ, что и кому слѣдуетъ.

Видя, что трудно воевать съ старымъ солдатомъ, который поражалъ ее собственнымъ-же ея оружіемъ, полковница закусила губы. Она измѣнила планъ нападенія и, не утруждая себя ролью притворной ласковости, несродной ея натурѣ, но съ которою она была освоена въ хорошей школѣ, сказала уже съ аристократическимъ выраженіемъ:

— Не удивляйтесь, что молодой человекъ, пріѣхавшій сюда такъ неожиданно, еще неожиданнѣе уѣхалъ. Сколько я слышала, онъ не такъ простъ, чтобъ не понимать, что онъ былъ здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

— Такой человекъ, какъ Горицкій, на своемъ мѣстѣ вездѣ, гдѣ только умѣютъ цѣнить умъ, талантъ и образованіе. Здѣсь-же онъ былъ на своемъ мѣстѣ уже потому, что онъ сынъ лучшаго моего друга, и, не смотря на молодость, умѣлъ снискать мою пріязнь и уваженіе.

— О, зачѣмъ-же, генераль, вы принимаете слова моя такъ близко къ сердцу! Могу и я увѣрить, что на этотъ разъ я не хотѣла огорчить васъ, а сказала это по другой причинѣ.

Здѣсь генераль, въ свою очередь, закусилъ губы и подумалъ: «нанца кося на камень!»

— Въ такомъ случаѣ прошу извиненія за мою всмысленность, — сказала она, поправляясь въ креслѣ, на которомъ сидѣла, какъ на иглокакахъ. — Но я привыкъ защищать герцога и открыто своихъ друзей, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ. Мнѣ же казалось, что слова ваши были несправедливы.

— Не я, генераль, оскорбила словами мощи г. Горницкаго, но онъ самъ поступкомъ своимъ, въ отношеніи моего кузена, оскорбилъ меня и мою фамилію. Вотъ почему я выразилась, что онъ здѣсь былъ не на своемъ мѣстѣ.

— А, это другое дѣло! — отвѣчалъ генераль, притворяясь, что ничего не знаетъ о случившемся. Придвинувшись ближе, онъ спросилъ полковницу:

— Позвольте узнать, какъ-же онъ поступилъ въ отношеніи вашего кузена, что могъ оскорбить и васъ.

— Удивляюсь, генераль, что вы меня объ этомъ спрашиваете! отвѣчала полковница тономъ оскорбленнаго самолюбія. — Неужели вы считаете меня на столько простоватой, чтобъ я могла допустить, что вамъ это не извѣстно?

Отодвинувъ кресло на прежнее мѣсто и, смотря на серьезное, холодное лицо женщины, въ чертахъ которой отражался ужъ, а въ прекрасныхъ глазахъ острая провинительность, генераль подумалъ: «Бѣдный полковникъ! неудивительно, что она его прибрала къ рукамъ.»

— Конечно, я знаю въ подробности встрѣчу Горницкаго съ вашимъ кузеномъ и, говоря откровенно, все одобряю, — сказалъ онъ тономъ искренности, безъ малѣйшаго гнѣва и ироніи.

— Одобряете? спросила съ удивленіемъ полковница.

— Каждый шагъ, каждое слово, отвѣчалъ старикъ рѣшительно. — Кузень вашъ, недоучившійся или переучившійся франтъ, насмѣхается надъ всѣмъ отечественнымъ и увѣренъ, что ему только стоитъ надѣть фракъ, сшитый въ Парижѣ, такъ онъ ужъ и возьметъ верхъ надъ каждымъ порядочнымъ человѣкомъ. Ему дали урокъ, котораго онъ заслуживалъ.

— Не ожидала я, генераль, отъ человѣка, подобнаго вамъ и подъ этой кровлей услышать такое мнѣніе, — сказала, вставая, полковница.

— Потрудитесь присѣсть! Я еще не кончилъ и на этотъ разъ не васъ хотѣлъ оскорбить, — сказалъ генераль съ достоинствомъ: — я вамъ скажу то, чего вы, конечно, не знаете.

Полковница сѣла, улыбаясь насмѣшливо.

— Кузень вашъ поступилъ неосмотрительно въ двухъ отношеніяхъ, продолжалъ старикъ. — Во-первыхъ, не зная человѣка, онъ началъ съ

презрѣніемъ отзываться о своемъ отечествѣ; во-вторыхъ, узнавъ, кто его собесѣдникъ, началъ хвастать, что увѣренъ въ обладаніи моею внучкой и тѣмъ оскорбилъ его другую, равно глубокую любовь, на которую послѣдній имѣетъ право, основанное на взаимности Ядвига, на уваженіи ея отца и на моей пріязни.

Старикъ замолчалъ. Полковница сидѣла неподвижно, но лицо ея еще больше поблѣднѣло и губы сжались такъ сильно, что едва замѣтна была одна только искривленная линія. Генералъ примѣтилъ, что начинаетъ брать верхъ. Честь однако-же не позволяла ему идти впередъ и пользоваться своимъ превосходствомъ, потому-что противникомъ его была женщина. И хотя ему не было жаль полковницу, однако, желая залечить нанесенную ей рану, онъ рѣшился отдать ей столько справедливости, сколько она ея заслуживала, по его убѣжденію.

— Видите ли, — продолжалъ онъ, — что ни чуть не странно мое одобрѣніе поступка молодого человѣка, котораго люблю, въ отношеніи къ неосмотрительному юношѣ, возмечтавшему о какихъ-то правахъ на руку дѣвушки, которая о немъ не думаетъ и которой онъ не получитъ, пока я буду живъ. Скажу еще болѣе, что, еслибъ кузенъ вашъ описалъ случившееся такъ, какъ оно было, я увѣренъ, что и вы были-бы лучшаго мнѣнія о Горицкомъ. Видите-ли, хотя я и не одобряю васъ во всемъ, какъ супругу; хотя — простите за солдатскую откровенность — хотя я бросилъ-бы васъ, если-бы по какому-нибудь случаю вы были моей женою, и хотѣли быть моей повелительницей! однако, сколько знаю васъ, цѣню высоко вашъ умъ и силу вашего характера. Если-бы вы были мужчина, я первый подаль-бы вамъ дружески руку, хотя я гораздо васъ старѣе.

— Позолотили вы пилюлю, какъ могли, — отвѣчала полковница, скоро придя въ себя по обыкновенію. — Если въ-самомъ-дѣлѣ такъ случилось, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Не одобряю слабости и высокоумія моего кузена, хотя и не во всемъ согласна съ г-номъ Горицкимъ. Во всякомъ случаѣ, генералъ, чрезвычайно вамъ благодарна за извѣстіе о происшествіи, о которомъ я была совершенно другаго мнѣнія.

Лицо генерала прояснилось. Онъ былъ доволенъ, что попалъ на удобное средство и высказалъ, что хотѣлъ, не употребивъ во зло правъ старика и мужчины въ отношеніи умной и образованной женщины.

Замѣтила это полковница и въ глазахъ ея блеснула мысль, что на этомъ пути вѣжливости и уступчивости, она, можетъ быть, приберетъ

и старика, точно такъ же, какъ прибрала и опутала мужа на другомъ, и, съ улыбкой, въ которой видѣлись упрекъ и прощеніе, сказала, придвигая кресло:

— Въ-самомъ-дѣлѣ! Въ первый разъ въ жизни жалѣю, что не родилась мужчиной. Надѣюсь, однакожъ, что достигну своей цѣли и безъ этого невозможнаго чуда. Но для этого, генераль, мнѣ необходимо время, необходимо, чтобъ вы узнали меня, какъ женщину, которой—увы! мнѣ надо оставаться; а въ особенности какъ супругу, о которой, какъ кажется вы имѣете какія-то странныя понятія. Неужели, генераль, мнѣ не удастся упросить васъ остаться съ нами?

Замѣчая выраженіе кокетства на лицѣ полковницы, генераль припомнилъ, какъ говорилъ Пуслицкій, что это блески и какъ-бы наущеніе волшебства, отодвинулся незамѣтно и отвѣчалъ серьезно:

— Благодарю за ласковое приглашеніе. Но я уже рѣшилъ, а у меня—что сказано, то и сдѣлано. Вы лучше другихъ должны уважать это достоинство и не вводить меня въ искушеніе: согрѣшить противъ характера и достоинства мужчины.

Поняла намекъ полковница; стало досадно и ей, что она унизилась до ласкъ и предупредительности съ челоуѣкомъ, который отдѣлался отъ нея коротко и ясно и уничтожилъ покушенія, дорога ей стоившія. Подумавъ съ минуту, она встала съ достоинствомъ и сказала довольно гордо:

— Жалѣю, что просьба моя осталась безъ успѣха, хотя и легко ее выполнить. Тѣмъ болѣе грустно, что, кажется, мы надолго будемъ лишены удовольствія видѣть васъ снова. Здоровье мое требуетъ леченія, мужу тоже надо отдохнуть и разсѣяться, а Ядвига уже въ такомъ возрастѣ, что ей необходимо взглянуть на свѣтъ Божій. Все это заставляетъ насъ вскорѣ ѣхать за границу, гдѣ мы пробудемъ до поздней осени, а можетъ-быть, останемся и на зиму. По этому случаю, генераль, рѣшаюсь повторить мою просьбу, оставайтесь, погостите у насъ, прибавила она, примѣтивъ, что слова ея подѣйствовали на старика.

— Обстоятельство это такого рода, что именно требуетъ моего посрѣдствѣннаго отъѣзда.

— Если такъ, то не смѣю удерживать и желаю вамъ всевозможнаго счастья,—отвѣчала полковница, не бывъ въ состояніи удержать нертерпѣнія.

Она поклонилась старику и ушла въ свою комнату.

— Прощайте! говорилъ генераль вслѣдъ уходящей.

Но подковница вряд ли слышала это, потому—что дверь за ней быстро захлопнулась.

Снова довольный тѣмъ, что выдержалъ такую сильную атаку, генералъ улыбнулся, посмотрѣлъ на дверь съ минуту, какъ-бы говоря: «а что? напала на своего?» и, приподнявъ голову, началъ расхаживать, пошвыстывая. Но вдругъ, припомнивъ послѣдній пунктъ разговора, остановился, нахмурилъ брови, одной рукой началъ теревить усь, а другой такъ сильно стукнулъ тростью по полу, что она чуть не разлетѣлась въ дребезги.

«За границу, сто миллионовъ бомбъ!—закричалъ онъ громко:—и до поздней осени, а можетъ—быть и на цѣлую зиму и еще съ Ядвигой, которой нужно посмотреть на бѣлый свѣтъ! Нѣтъ, напрасно беспокоитесь, сударыня! Поѣзжайте сами, хоть на всѣ четыре стороны, можете взять, мужа хоть надѣвайте на него ченчикъ—это въ вашей волѣ; но внучки прошу не трогать, миллионъ зарядовъ! иначе я могу позабыть учтивость. Не нужно ей разсматривать чужаго свѣта; довольно и своего. Пускай узнаетъ и полюбитъ родину: это будетъ необходимо и для нея, и для дѣтей. Но что-же это! обо мнѣ всѣ позабыли, а я хотѣлъ—бы ужъ, какъ можно по скорѣе, вырваться отсюда! Здѣсь у меня бушуетъ кровь и бьетъ въ голову.

Занятый этимъ монологомъ, проговореннымъ почти вслухъ, онъ шелъ уже къ двери, какъ встрѣтился съ полковникомъ. На лицѣ послѣдняго отражалась чувство, отчего оно слѣдалось красивѣе и серьезѣе. Онъ шелъ прямо къ генералу, который остановился, и, подавая руку старику, сказалъ:

— Вы такъ неожиданно уѣзжаете отъ меня, генералъ, словно изъ чужаго дома. Грустно мнѣ, что вы къ намъ такъ несправедливы. Неужели жена моя не умѣла удержать и упросить васъ?

— Развѣ тебѣ не извѣстно, что я отказалъ ей, хотя и очень благодаренъ за радушіе. Я полагалъ, что ты сей-часъ отъ жены, которая сообщила тебѣ предметъ нашего разговора.

— Нѣтъ, я былъ у Ядвиги и утѣшалъ ее въ двойномъ горѣ: о вашемъ отъѣздѣ и объ отъѣздѣ избраннаго ея сердцемъ. Возвращаюсь отъ нея съ гордостью и удовольствіемъ. Каждый отецъ позавидовалъ бы такой дочери. Наружностью она совершенно походитъ на покойницу-мать; а душой и энергіей похожа, какъ двѣ капли воды, на меня.

— На тебя? воскликнулъ генералъ, отступая шага на два, потомъ, одумавшись прибавилъ: — Да, на тебя, какими ты былъ прежде. И

я очень радъ, что ты понялъ и оцѣнилъ дочь въ этомъ отношеніи. Теперь тѣмъ съ большей заботливостью будешь бодрствовать надъ нею и не допустишь, чтобъ огорчали ея душу. Видишь ли, братъ: слабое сердце—слабо во всемъ, и при счастья, и во-время страданій. Никогда не возвысится оно подъ вліяніемъ перваго и работливо сгибается подъ тяжестью втораго. Но сердце такое, какъ у Ядвиги—сталь. Сильно напряжется оно въ счастья, но можетъ лопнуть въ горѣ. Помни объ этомъ и прощай, прощай надолго,—прибавилъ старикъ съ улыбкой и смотря въ глаза полковнику: — на долго, потому-что ты ѣдешь съ женой за границу, значить, мы не скоро увидимся.

— Я ѣду за границу? спросилъ удивленный полковникъ:—Съ чего вы это взяли? По-крайней-мѣрѣ, я и не думалъ объ этомъ.

— Поѣдешь, братъ, поѣдешь и останешься тамъ до глубокой осени, а можетъ-быть и на зиму, говорилъ генералъ, смотря лукаво на полковника, который взглянулъ на дверь жены.

— Нѣтъ, генералъ, это невозможно по многимъ причинамъ, отвѣчалъ онъ.—Во первыхъ, мы не имѣемъ никакой надобности: я, слава Богу здоровъ и посмотрѣлся на чужіе края, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ бы хотѣлось; жена моя также здорова и бывала за границей; а главное, что это рѣшительно не кстаети Ядвигѣ. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что надо беречь отъ заграничнаго воздуха наши молодые головы, въ особенности головы молодыхъ женщинъ, какъ берегутъ лица ихъ отъ оспы, которая портитъ ихъ и уродуетъ. Лучшая жена и мать выходитъ изъ той дѣвушки, которая воспитывалась подъ родной кровлей и у которой грудь окрѣпнетъ подъ отечественнымъ воздухомъ.

— Вотъ, что дѣло, то дѣло, братъ, сказалъ генералъ, смотря на него съ удовольствіемъ и удивленіемъ: — право, мнѣ очень пріятно тебя слушать.

— Развѣ вамъ не извѣстно, что это давнишнее мое убѣжденіе?

Въ это время дверь полковницы отворилась и оттуда послышался голосъ, громче обыкновеннаго:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя, отвѣчалъ полковникъ, на лицѣ котораго являлось уже другое выраженіе, и, обращаясь къ генералу, прибавилъ: оставляю васъ на одну минуту.

— Ступай, ступай, бѣдняга! — сказалъ генералъ тише и улыбась.

Но полковникъ не ожидалъ позволенія гостя и быстро вошелъ къ женѣ, затворивъ за собою дверь.

XII.

Почти въ то же самое время, въ противоположной двери показалась блистающая отъ радости Ядвига. Замѣтивъ, что генераль одинъ въ комнатѣ и, стоя въ воинственной позѣ, смотритъ насмѣшливо въ ту сторону, куда скрылся полковникъ, она вбѣжала въ гостиную.

— Вы одни, дѣдушка?

— Одинъ, душа моя.

— И прекрасно, потому-что я хочу сообщить вамъ тайну, сказала Ядвига, опуская глаза.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Говори скорѣе.

— Тайна моя очень интересна. Видите-ли: сегодня я много разговаривала съ папашей и здѣсь, и тамъ, въ присутствіи мамѣ. Милый, добрый папѣ! какъ онъ обнималъ меня, какая прекрасная слеза блеснула въ глазахъ его, когда, цалуя меня, онъ смотрѣлъ на портретъ маменьки. Никогда я не была такъ счастлива, потому-что въ эту минуту я видѣла его такимъ, какимъ всегда хотѣла-бы видѣть. А потомъ... Здѣсь Ядвига остановилась и опустила глаза.

— Теперь слѣдуетъ тайна,—сказалъ старикъ, смотря съ любовью на внучку.

— Да, милый дѣдушка, потому-что я увѣрена въ согласіи папѣ.

— На что-же онъ согласенъ? спросилъ старикъ простодушно.

— Скажите только Станиславу что онъ согласенъ а онъ какъ-нибудь догадается.

— Ты увѣрена?

— Увѣрена, отвѣчала дѣвушка, обнимая генерала:—развѣ вы не согласитесь.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ старикъ, лаская внучку.

Въ это время вошелъ Пуслицкий и остановился у двери, вытянувшись. Улыбнулся ветеранъ, при видѣ цвѣтущаго молодостью личика, пріотившагося подъ сѣдые усы старика, исполненнаго силы и мужества.

— Что, Пуслицкий, все готово? спросилъ ласково генераль.

— Все, ваше превосходительство.

Но, шевеля усами и жмуря глаза, что дѣлалъ обыкновенно вах-

мистръ, когда хотѣлъ побѣдить внутреннее волненіе, мѣшающее стоять смиренно, онъ прибавилъ:

— Смію только доложить, что ваше превосходительство изволите выѣзжать такъ неожиданно.

— Что-же дѣлать, Пуслицкій! такъ выходитъ,—сказалъ старикъ.

— Послушай, душенька!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ядвигъ:—хорошая дѣвушка, твоя Марыся? Мнѣ хотѣлось-бы сосватать ее для этого служаки. Такъ ли, Пуслицкій?

— Истинно такъ, ваше превосходительство! сказалъ вахмистръ, и на лицѣ его отразилось радостное чувство.

— Можете смѣло хлопотать, дѣдушка,—сказала Ядвига и прибавила, смотря съ улыбкой на Пуслицкаго:—ручаюсь, что она будетъ хорошей женой, если захочетъ за него выдти.

— Это уже его дѣло, сказалъ генералъ.

— Это уже мое дѣло, сударыня, сказалъ вахмистръ, вытягиваясь.

— Что-же касается до обезпеченія ихъ въ будущемъ, мы подумаемъ объ этомъ вмѣстѣ съ полковникомъ.

— И я тоже позабочусь, дѣдушка!—сказала Ядвига, улыбаясь ветерану и кивнувъ ему головкой.

— Благодаримъ покорно, ваше превосходительство, и васъ, прекрасная барышня! сказалъ растроганный Пуслицкій, и двѣ слезы покатались по лицу его.

На эту сцену вышелъ полковникъ изъ комнаты жены и, отирая лобъ платкомъ, тихо приближался къ генералу и Ядвигъ, стоявшимъ у окна.

— Ну, пора мнѣ въ путь!—сказалъ старикъ.—Прощайте!

— Прощайте, генералъ, вѣроятно мы долѣе не увидимся, чѣмъ я предполагалъ,—говорилъ полковникъ, протягивая ему руку.

— Какимъ образомъ?—спросилъ старикъ, отступая.

— Хотѣлось-бы немного разсвѣяться и отдохнуть отъ хлопотъ по хозяйству, которыя меня измучили.

— И конечно поѣдешь за границу? А? спросилъ генералъ сурово. Услышавъ это, Ядвига поблѣднѣла.

— Жена моя страдаетъ нервными припадками и такъ жестоко, что невозможно смотрѣть на это равнодушно. Не могу-же я отказать ей въ этой поѣздкѣ, необходимой для ея здоровья.

— Но ты недавно говорилъ,—сказалъ старикъ, отступая снова:—что ты насмотрѣлся ужъ на чужіе края, и что жена твоя здорова.

— Но сію минуту она ужасно страдала,—такъ, что почти измѣнилась,—говорилъ полковникъ мягкимъ голосомъ.—Главная-же моя цѣль, а въ особенности цѣль жены — доставить Ядвигѣ возможность увидѣть свѣтъ...

— Что? жена твоя хочетъ взять и Ядвигу?—воскликнулъ генералъ, ударяя тростью о землю.—А позабылъ ты, что говорилъ полчаса тому назадъ съ такимъ благороднымъ убѣжденіемъ? Ядвиги не поѣдетъ, сто тысячъ мильоновъ бомбъ? потому что я не хочу; да и тебя не допущу сдѣлаться дурнымъ отцомъ и взять на свою совѣсть несчастье дочери.

— Но, генералъ!.. сказалъ полковникъ, подымая голову.

— Что тамъ генералъ, генералъ! воскликнулъ старикъ въ запальчивости.—Говорю тебѣ, что ты не знаешь, зачѣмъ жена твоя хочетъ ѣхать за границу и брать съ собою Ядвигу. Но пока я живъ, этого не будетъ.

Проговоривъ это, старикъ схватилъ внучку за руку и прибавилъ:

— Садись со мной, въ чемъ стоишь, милая, и ѣдемъ! Я не позволю никому тебя обидѣть.

— О, съ охотой, дѣдушка!—сказала обрадованная Ядвиги и, обвиняя отца, говорила:—папа, помните-ли, что сказали вы, когда смотрѣли на портретъ мамы? Я помню и потому уѣзжаю. Прощайте, папа, и не беспокойтесь обо мнѣ.

— Но остановитесь-же, ради Бога!—говорилъ въ замѣшательствѣ полковникъ.

А въ это время отворилась извѣстная дверь и изъ нея послышался суровый голосъ:

— Monsieur Клецкій!

— Иду, жизнь моя! отвѣчалъ полковникъ, отирая лобъ и не зная, что дѣлать.

— Ступай, ступай! сказалъ генералъ.—Хотя я и далъ слово добродушному молодому человѣку не показывать тебѣ этого, однако нужда измѣняетъ законъ. Возьми, прибавилъ онъ, вынимая изъ фуражки и подавая письмо полковницы:—прочти и убѣдишься, что ты не мужчина, не солдатъ, а настоящій филинь!

Проговоривъ это, генералъ взялъ за руку Ядвигу и они вышли. Полковникъ слѣдовалъ за ними, восклицая:—но, генералъ!.. Ядвиги!..

Между тѣмъ изъ дверей жены послышался голосъ суровѣе обыкновеннаго.

— Monsieur Клецкій!..

— Иду, жена моя! отвечалъ полковникъ, обращаясь къ двери жены, а самъ, услышавъ стукъ экипажа, бѣжалъ къ окну и говорилъ, ломая руки:

— Это не шутка! Они въ самомъ дѣлѣ уѣхали! Смотри, Пуслицкій!..

Подоселъ Пуслицкій, посмотрѣлъ въ окно и воскликнулъ:

— И Марыся съ ними—просто бѣда!

— Что это значитъ? Развѣ уже дошло до того, что когда я больна и прошу тебя, такъ ты и не слышишь!

— Видишь ли, душа моя, я былъ въ сильномъ беспокойствѣ: уѣзжалъ генералъ; а что хуже, и Ядвига съѣла съ ними вѣсть.

— Какъ! и поѣхала?—спросила полковница, выпрямляясь и закусывая губы.

— И поѣхала.

— И ты допустилъ?

— Не позволялъ и не могъ запретить; все это сдѣлалось такъ неожиданно;—продолжалъ полковникъ, махнувъ рукою:—Полагаюсь на свои лѣта и званіе; генералъ поступилъ, какъ горячка. Ядвига отъ него за нимъ послѣдовала; ты меня звала, и прежде, чѣмъ я опомнился, они были уже въ экипажѣ и выѣзжали со двора.

— Прекрасно! сказала полковница, качая головой и смотря на мужа съ презрительной улыбкой. — Стыдно, стыдно, сударь, мужчине не умѣть поддержать правъ отца, правъ хозяина дома! Какую же ты играешь роль, когда позволяешь у себя самоуправствовать чуждому человеку?—Накажъ-бы ни были ваши прежнія отношенія, но какъ позволить ему взять у тебя изъ-подъ носу твою—же дочь и расплегать ея судьбу; безъ твоего согласія? Фиг! чтобъ допустить такую непростительную слабость, надо быть настоящимъ филиномъ!

Бросивъ этотъ упрекъ въ глаза мужу, полковница со злобнымъ и презрительнымъ отворотилась и захлопнула дверь за собою:

Полковникъ поднялъ голову, отеръ лобъ и сказалъ Пуслицкому, который бѣднѣлъ, грызъ усы и жмурилъ глаза:

— Поди сюда, Пуслицкій!

Вахмистръ подоселъ.

— Ты слышалъ?

— Слышалъ, ваше высокоблагородіе!

— И это уже въ другой разъ сегодня такъ меня называютъ.

— Въ другой разъ, господинъ полковникъ! Прежде слово это позволяли сказать ить превосходительствѣ; а теперь господа полковники! Но,—прибавилъ вахмистръ тономъ увѣренности:—если генералъ это сказалъ; то было какъ-то свое дѣло—знаете, онъ и старше и чинѣе резонъ. Пол-

ковницъ—же не слѣдовало говорить такъ, потому—что, если, даже Боже сохрани, это правда; такъ госпожа полковница сама же виновата.

— Покойница жена этого-бы мнѣ не сказала, говорилъ полковникъ, выслушавъ первое доказательство Пуслицкаго.

— Никогда, никогда, отвѣчалъ вахмистръ съ убѣжденіемъ. — Та любила и уважала васъ, потому—что, правду сказать, вы и заслуживали этого: вы, хоть и любили ее, однакожь, держали какъ-то въ рукахъ, что и Богъ велѣлъ мужу, который не олухъ. А теперь...

— Довольно! прервалъ полковникъ, видя, что Пуслицкій слишкомъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и, утѣшая его, глѣзнулъ ему въ глаза непріятныя истины.

Онъ взглянулъ на письмо, которое держалъ въ рукѣ, и сказалъ самъ себѣ:—Жаль, а надо будетъ поговорить инымъ тономъ. Я замелъ далеко. Чтѣ-же это генералъ всунулъ мнѣ въ руку? А! это письмо жены къ графу Альфреду. Къ чему-же все это?

И онъ развернулъ письмо. Но едва прочелъ нѣсколько строкъ, какъ уже брови его нахмурились и лицо приняло мужественное и грозное выраженіе. Окончивъ чтеніе, онъ бросилъ письмо на столъ, ударилъ по нему рукой и, обращаясь къ Пуслицкому, сказалъ громко:

— Пуслицкій! ступай, попроси ко мнѣ жену.

— Слушаю, ваше в-діе!—отвѣчалъ вахмистръ, оживленный этимъ голосомъ.

— И проси, чтобъ пришла сію минуту.

— А, такъ вотъ какіе были планы! Очень, очень радъ, что Ядвига уѣхала! сказалъ онъ самъ себѣ.

Черезъ нѣсколько времени вошла полковница поспѣшно, чопорно, но съ лицомъ нахмуреннымъ, на которомъ выражалось неожиданное удивленіе.

— Что это значитъ? Кажется, уже вы присылаете мнѣ приказанія?—спросила она мужа, смотря на него пронзительно и съ презрѣніемъ.— Не думаете-ли вы поставить и меня на военную ногу?

— Не ошибаешься,—отвѣчалъ полковникъ серьезно и безъ гнѣва.— Точно хочу привести весь домъ въ естественный порядокъ, чтобъ каждый зналъ, кто долженъ приказывать, и кто повиноваться. Чтѣ же принуждаетъ меня къ такому перевороту, узнаешь изъ этого письма. У тебя будетъ довольно времени прочесть его со вниманіемъ, потому—что я уѣзжаю изъ дома на двѣ недѣли.

Отдавъ письмо женѣ, смѣшавшейся отъ неожиданной перемѣны, полковникъ сказалъ вахмистру:

— Пойдемъ, Пуслицкій! перенесемъ ко мнѣ въ кабинетъ портретъ

покойной жены изъ комнаты барышни. Потомъ вели заложить мнѣ коляску четверкою лошадей. Черезъ часъ хотѣлось-бы выѣхать; можетъ-быть, догонимъ генерала.

— Ура, полковникъ!— сказалъ потихоньку вахмистръ.

И они вышли.

Нѣсколько минутъ простояла полковница, задумавшись; потомъ, взглянувъ на письмо, сняла его въ рукѣ.

— Этотъ дуракъ, позволивъ даже отнять у себя письмо, испортилъ все, надъ чѣмъ я такъ долго хлопотала,—сказала она самой себѣ. — Конечно, я тутъ сама виновата: дѣйствовала слишкомъ круто. Но дѣлать нечего. Впрочемъ, время не ушло... что можно исправить — исправимъ, было-бы только терпѣнье. А терпѣнье — альфа и омега въ азбукѣ женщины.

XIII.

Черезъ три недѣли въ залѣ генерала собирались приглашенные гости, а на дворѣ ежеминутно слышался стукъ вновь подъѣзжавшихъ экипажей. Генералъ принималъ всѣхъ съ обычной прिवѣтливостью. На лицѣ его выражалась радость, а въ свѣтлыхъ глазахъ, изрѣдка отуманенныхъ слезою, блистала лучъ надежды, что онъ долго еще будетъ наслаждаться счастьемъ любимой внучки, которую сегодня выдавалъ за ея избраннаго.

И полковникъ встрѣчалъ гостей прिवѣтливо, представлялся незнакомымъ, а дочь свою поручалъ расположенію новыхъ ея сосѣдокъ. И онъ былъ счастливъ, а лицо его выражало свободу, съ души его спала угнетавшая ее тяжесть. Изрѣдка только онъ хмурился и то на минуту, если кто изъ дамъ спрашивалъ его о женѣ:

— Она больна и не можетъ быть по свадьбѣ дочери, отвѣчалъ, онъ тогда, принуждая себя къ маленькой, невинной лжи.

Вскорѣ показался Станиславъ, одѣтый къ вѣнцу и счастливый а за нимъ вошелъ Пуслицкій въ новомъ темно-зеленомъ казакнѣ, съ расчесанными усами и лицомъ, на которомъ сіяла необыкновенная радость. Марыся почти приняла его предложеніе, и генералъ съ полковникомъ рѣшилъ въ одинъ день съ Ядвигой обвѣнчать и стараго товарища по оружію.

Все уже было готово, гости и экипажи, и священникъ ожидалъ въ

жестокѣ. Недоставало только невѣсть. Онѣ одѣвались обѣ вивотѣ; а молодыя барыни, присутствуя при туалетѣ, мѣшались въ распоряженіи и, своими бесполезными совѣтами, замедляли только выходъ дѣвушекъ.

Вдругъ послышался стувъ экипажа. Полковникъ поблѣднѣлъ, взглянувъ въ окошко. Замѣтивъ это, Пуслицкій выглянулъ въ свою очередь и, закусивъ усъ, щелкнулъ пальцами, какъ-бы желая сказать: — вотъ тебѣ и разъ! Это была экипажъ полковницы, которая, въ бѣломъ шелковомъ платьи, въ красивой шляпкѣ, съ веселымъ лицомъ и съ приветливою улыбкой вошла въ залу.

Въ продолженіе долговременной службы, привыкнувъ къ неожиданному появленію неприятеля, генералъ не потерялъ присутствія духа; улыбаясь, взглянулъ только онъ на полковника и, подойдя поспѣшно къ вошедшей полковницѣ, съ любезностью взялъ протянутую руку.

— Вотъ сюрпризъ! — сказалъ онъ съ улыбкой, понятной полковницѣ: — только васъ не доставало къ совершенному счастью и радости! Благодарю, искренно благодарю, что вы побѣдили свои нервы и исполнили убѣдительныя просьбы мужа, Ядвиги и мои.

— Не могла выдержать, чтобы не присутствовать при счастьи Ядвиги и не радоваться радости мужа.

Говоря это, она подала руку мужу, и когда тотъ наклонился и прижалъ ее къ губамъ своимъ, она поцаловала его въ голову.

— Выбѣжавъ изъ дома, я чувствовала себя очень нехорошо, продолжала она: но свѣжій воздухъ и сила воли превозмогли слабость тѣла; а теперь, видя эти приготовления, я чувствую себя совершенно здоровой.

— Очень приятно, — отвѣчалъ генералъ и, приблизясь къ полковницѣ, прибавилъ: — въ особенности радуется меня то, что воля ваша беретъ такое направленіе.

Легкій румянецъ выступилъ на лицѣ полковницы, но скоро исчезъ и разговоръ принялъ другой оборотъ.

Полковникъ представилъ жену нѣкоторымъ дамамъ, нѣкоторыя знакомыя самѣ подходили къ ней, и все пошло обычнымъ порядкомъ.

При видѣ Ядвиги, блиставшей красотой, молодостью и сиромышнымъ нарядомъ, взоры всѣхъ обратились на нее, а также и на ея смутливу, также очень хорошенькую которую героиня наша держала за руку. Прежде всего Ядвига взглянула на Станислава: и въ этомъ взглядѣ заключался искренній обѣтъ, что она приготовилась уже ирѣдти съ нимъ, рука обѣ руку, цѣлуя жизни, черезъ всѣ ея цѣты и тернія. Потомъ,

кивнувъ головкой, улыбулась она генералу, но вдругъ поблѣднѣла и опечалилась, взглянувъ на отца и увидѣвъ неожиданно возлѣ него мачиху. Замѣтивъ это, генераль хотѣлъ согнать и эту небольшую тучку съ горизонта такого давно-желаемаго дня. Онъ подошелъ къ Ядвигѣ, поцаловалъ ее и шепнулъ:

— Не показывай удивленія и будь съ ней ласкова, если только любишь меня. Все идетъ хорошо. Она одумалась и мы ее исправимъ.

Сжавъ руку дѣда, въ знакъ послушанія, Ядвига подошла къ отцу, поцаловала его руку, и когда полковница съ превосходно-сыгранной нѣжностью протянула къ ней и свою, когда полковникъ смотрѣлъ на дочь со страхомъ и безпокойствомъ, Ядвига, не думая ни мало, прижала къ губамъ руку мачихи и сказала громко:

— Благодарю васъ, милая мамѣ, что пріѣхали. Я знала, что хотя вы и нездоровы, однако обрадуете насъ своимъ присутствіемъ.

Довольный полковникъ съ чувствомъ обнялъ находчивую дѣвушку, которая избавила его отъ хлопотъ и лишнихъ объясненій.

Послѣ обычныхъ церемоній, всѣ отправились въ костелъ, гдѣ обѣ пары были обвѣнчаны. Всѣ возвратились домой и сѣдѣли за столъ; а потомъ торжество это отпраздновали трехдневнымъ пиромъ по обычаю.

Наконецъ гости разъѣхались. Генераль и родители проводили молодыхъ. Отецъ радовался, найдя въ зятѣ благороднаго, умнаго человѣка, любящаго Ядвигу и оказывающаго ему уваженіе; генераль утѣшался, что сбылось все по его желанію, какъ онъ просилъ у Бога. Полковница тоже показывала необыкновенную радость — была любезна, покорна мужу, и такъ искусно обходилась съ Ядвигой, что молодая женщина благодарила въ душѣ Бога за эту перемѣну и за будущее счастье отца. Генераль-же говорилъ себѣ:—одумалась, поправится; это уже не блестяки, не напущенье на глаза волшебства.

Наконецъ, погостивъ у молодыхъ, и генераль и полковникъ съ женою разъѣхались по домамъ. Пуслицкій не хотѣлъ оставить своего командира; и хотя Марыся желала остаться при прежней своей госпожѣ, однако Ядвига сама уговорила ее не противиться волѣ мужа. Такимъ образомъ, Пуслицкій попрежнему остался quasi дворецкимъ, а жена его получила чистенькую комнату во флигелѣ, куда сама полковница приказала перенести кое-какія украшенія.

Какъ, уже и конецъ разсказанной комедіи?

Кажется, что слѣдовало-бы здѣсь кончить. Однакожь, чтобъ быть вѣрными натурѣ, законы которой непреложны, мы должны еще прибавить вѣскольکو словъ.

На другой годъ, въ концѣ мая, часу въ шестомъ вечера, прѣхалъ въ Домбровецъ генералъ, Станиславъ и Ядвига, которую мужъ съ дѣдушкой весьма осторожно высаживали изъ экипажа. День былъ прекрасный, и Пуслицкій, какъ при началѣ этой комедіи, стоялъ на крыльцѣ и вытянулся, завидя генерала.

Когда всѣ взошли на крыльцо, старикъ подозвалъ вахмистра къ себѣ и спросилъ, потрепавъ по плечу:

— Ну, что у васъ новаго, Пуслицкій?

— Все по-старому, ваше превосходительство.

— Какъ по-старому? спросилъ генералъ, смотря въ лицо ветерану: значить полковница...

— Барыня уѣхала къ сосѣдямъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ вахмистръ.

— А полковникъ?—спросилъ генералъ съ беспокойствомъ.

— Полковникъ, отвѣчалъ Пуслицкій, махнувъ рукой:—повелѣть прогуляться—женнннхъ собачекъ.

РУБЕНСОВА ГОЛОВКА.

(Достоверное сказаніе, какимъ случаемъ была она найдена и по какому утрачена для потомства.)

I.

О ТОМЪ, КАКЪ ГУЛЯЛИ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И МАКАРЪ МАКАРОВИЧЪ И ДО ЧЕГО ДОГУЛЯЛИСЬ ; КУДА НАМЪРЕВАЛИСЬ ВЪХАТЬ И КУДА, МЕЖДУ-ТЪМЪ, ПОПАЛИ.

Наступала полночь перваго мая—котораго года, все равно для читателя. Отъ Нарвской заставы, по набережнымъ и проспектамъ, исключая всѣхъ сортовъ Подъяческихъ, тянулись разнообразныя экипажи и двигалась густая толпа пѣшеходовъ, наглотавшаяся до-сыта праздничной енатерингофской пыли. Каждый спѣшилъ во-своихъ не потому, что постигъ, наконецъ, суету—суеть всѣхъ возможныхъ гуляній, но болѣе потому, что всѣмъ, и измучившимъ покорныхъ животныхъ и измучившимъ самихъ себя, угрожала петербургская весна. Погода, бывшая до той поры благосклонною и щедро расточавшая самыя жаркіе солнечныя лучи, вдругъ раскапризничалась, какъ хорошенькая женщина, забалованная общими восторгомъ, и посыпала, совсѣмъ неожиданно, такую осеннюю изморозью, что самыя отчаянныя гуляки, ёжась въ лѣтнихъ пальто, восклицали съ самымъ сильнымъ негодованіемъ:

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!..

Къ такимъ восклицаньямъ привышались и иностранцы въ роѣ: Corbleu!.. Donner Wetter!.. но только не такъ громко, вѣроятно, потому, что финскій май, обдавъ произносившихъ ихъ вдругъ холодомъ, какъ варомъ, притупилъ все ихъ гортанныя способности. Но отчего бы то ни происходило, извѣстiе о такомъ вешнемъ происшествiи справедливо и никакимъ хронометрическимъ сомнѣнiямъ не подлежитъ. Всякій, кому только извѣстна наша старинная климатическая пословица, рекомендующая до половины лѣта не снимать шубы, согласится, что въ этомъ ни клеветы, ни какого-нибудь для краснаго словца поэтического вымысла даже на волосъ быть не можетъ.

И такъ погода, сильнѣе всехъ прочихъ побудительныхъ шѣръ, напоминала гуляющимъ, что всеиъ имъ пора, по добру да по здорову, развѣзжаться и расходиться по домамъ.

Между торопившимися укрыться, кто куда могъ и кто куда зналъ, находились Иванъ Ивановичъ Ивановъ и Макаръ Макаровичъ Макаровъ, молодые люди, преисполненные самыхъ блестящихъ надеждъ, оба нарядные «какъ бабочки лѣтомъ» и оба способные приходить въ восторгъ даже отъ екатерингофской природы и пятаго и десятаго, безъ чего-бы, вѣроятно, не выгнала ихъ изъ квартиры никакая нелегкая сила.

Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ были художники, жили въ одной квартирѣ и питали къ дарованiю одинъ другаго взаимное удивленiе. Чтobъ сколько-нибудь вознаградить себя за свои слишкомъ календарныя фамилiи и дважды, одно и то же повторенное имя, Макаръ Макаровичъ именовалъ Ивана Ивановича въ домашнемъ кругу, ласкательно, Тицианомъ, а Иванъ Ивановичъ Макара Макаровича, свисходительно—Вернетомъ, и оба они оставались вполне довольны такими названiями, въ полной увѣренности, что современемъ упрочатъ ихъ за собою, хотя до настоящей минуты ничего для этого не сдѣлали, кромѣ нѣсколькихъ живописныхъ произведенiй, отличавшихся уже черзчуръ бойкою кистью и артистическою небрежностью. Но дѣло совершенно не въ этомъ, а въ томъ, что и Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ пришли, въ тотъ достовѣрный вечеръ, въ совершенное отчаянiе и шѣли на то самую основательную, никакими утѣшенiями неизгладимую причину: оба они были разукрашены для екатерингофскаго праздника за цѣлу своего пота и своихъ способностей. Иванъ Ивановичъ принарядился, благодаря портрету, свисанному имъ съ одной дамы Эсмемальды Карловны, а Макара Макаровича убрала, какъ куколку, картина, которую онъ, за небытiемъ въ то время художественной выставки, выставилъ престо

Толкучій рынокъ, предоставивъ купцу право пользоваться его провозомъ, какъ онъ заблагоразсудитъ.

Ночное небо нахмуривалось все болѣе и болѣе; дождь, смѣшанный съ мелкою изморозью, началъ падать большими снѣжными хлопьями, образовавшимися тотчасъ-же въ крупныя водяныя капли, а до квартиры обонихъ художниковъ, отъ Обводнаго канала, который только они перешли, было еще такъ далеко, что, случись это неприятное происшествіе подъ итальянскимъ небомъ, они-бы успѣли очень удовлетворительно высохнуть при благоприятной перемѣнѣ обстоятельствъ. Лица всѣхъ, подверженныхъ атмосферическому гнѣву, приняли самое неприятное выраженіе, всѣ ускорили шаги и только одни шарманщики, наигрывая, какъ-будто ничего не ощущали и не видали, самыя веселыя польки, да ихъ обезьяны, беззаботно кувыркавшіяся на крышкахъ инструментовъ, оставались равнодушными среди общаго безпокойства

— Плохо... не поздоровится нашимъ платьямъ!—проговорилъ глухо, сквозь зубы Макарь Макаровичъ, дѣлая изъ фуляра надежный чахолъ на свою глянцевитую шляпу, на днѣ которой онъ не преминулъ съ сожалѣніемъ осмотрѣть два, напечатанныя золотомъ, пѣтушныя крыла съ надписью подъ ними смѣшанными русскими и французскими письменами: «Fabrik Kuckichoff».

— Да, таки-очень неприятный случай,—подтвердилъ Иванъ Ивановичъ, приподнимая воротникъ своего пальто такъ, что носъ его началъ выглядывать между двухъ половинокъ, какъ маленькій единорогъ изъ крѣпостной амбразуры.—И изъ-за чего должно все это терпѣть? просто изъ одной деликатности... ни Теленковой, ни Мелкопещниковыхъ, ни Прядырахиной—рѣшительно никого не было. Поди... угождай послѣ этого дамамъ!..

Пустынность мѣста и отсутствіе, какъ-будто на зло, въ ту минуту звончиковъ еще болѣе усилили неудовольствіе Макара Макаровича. Онъ быстро обвелъ кругомъ взгляды, чтобъ посмотрѣть нельзя ли будетъ пріютиться хоть гдѣ-нибудь подъ воротами, но тотчасъ-же проговорилъ съ самымъ сокрушительнымъ вздохомъ:

— И объ этомъ, кажется; нужно будетъ отложить всякое помышленіе! Посмотри, Ванюша, сколько вездѣ противнаго прекраснаго поля набилось. Такъ сгруппировались, что, кажется, иглы ни гдѣ нельзя просунуть. Эхъ вы! Зачѣмъ вы-то, пѣшкомъ, въ Екатериногфъ тащились? Провалился-бы, что ля, онъ безъ васъ!.. Мухи вы этикі! вездѣ готовы лизнуть, гдѣ и не спрашиваютъ.

Иванъ Ивановичъ осмотрѣлся въ свою очередь и долженъ былъ согласиться въ душѣ, что въ такомъ критическомъ положеніи, въ какомъ

находился Макаръ Макаровичъ, человѣку позволительно имѣть нѣкоторую основательную причину сдѣлаться немного жолчнымъ, чтобъ отыгаться такъ неблагоклонно о лучшей половинѣ человѣческаго рода. Всѣ углубленія домовъ, всѣ крыльца, съ навѣсами и безъ навѣсовъ, всѣ подвороты и входы мелочныхъ лавокъ были набиты биткомъ дамами, путешествовавшими, по выраженію Макара Макаровича, нѣшкомъ. Позабывъ неумѣстныя, по обстоятельствамъ, условія моды, прекрасный полъ отбросилъ въ сторону всякое кокетство и, накрывъ нижними оконечностями своихъ праздничныхъ салоновъ воздушныя шляпки, выглядывалъ изъ полныхъ складокъ своихъ верхнихъ одеждъ, какъ моллюски изъ раковинъ.

Иванъ Ивановичъ поднесъ къ глазу висѣвшее у него на пальто стеклышко и началъ водить головою то вправо, то влево, какъ тѣ гипсовыя кошки, которыхъ разносятъ уличные скульпторы-итальянцы.

— Да ужъ волю тебѣ франтить! время ли теперь къ такому занятію? Пойдемъ лучше поскорѣе, сказалъ Макаръ Макаровичъ, видя, что Иванъ Ивановичъ пріостановился и совершенно перенесъ свой носъ изъ амбразуры на парашетъ воротника.

— Постой, дай высмотрѣть мѣстечко, — стозвался Иванъ Ивановичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Чтѣ высматривать, ничего не вымотришь! Паша пропало! вроздыхалъ Макаръ Макаровичъ.

— Отчего же вдругъ и пропало? А не попробовать-ли намъ потѣсниться вотъ у тѣхъ воротъ, гдѣ желѣзный крендель качается? — подаль совѣтъ Иванъ Ивановичъ. — Посмотри какой тамъ разноколерный цвѣтникъ образовался. Можетъ быть, удастся подмѣтить въ среднѣ его какой-нибудь античный носикъ, или Тиціановскій бюстикъ. Да вотъ, смотри, какъ нарочно! какой у этой бабы теплый и яркій колоритъ. А у другой, которая преобразовала салопъ свой въ зонтикъ, торсъ — то какой Гожерическій! Эй, Макаръ, пріостановимся на минуту; согласись, вѣдь мы не сахарные, совершенно не размокнемъ! добавилъ Иванъ Ивановичъ.

Но не смотря на такія, интересныя во всякое другое время, открытія и логическое замѣчаніе Ивана Ивановича о непромокаемомъ свойствѣ ихъ натуры, Макаръ Макаровичъ рѣшительно объявлялъ, что, въ настоящую минуту, его новое пальто и шляпа не только дороже ему сѣхъ возможныхъ носовъ, торсовъ и колоритовъ въ мірѣ, но даже и самой громкой художественной славы, и сталъ еще приложить искать пугливымъ взоромъ какого-нибудь не такъ наполеонаго временнаго пристанища. Всѣ надежды и ожиданія были напрасны. Кромѣ сторожевой будки, много удобнаго пристанища вблизи не оказывалось. Будка точно

была убѣжище вѣрное и никакихъ расходовъ не требующее, но и въ ту, разсудокъ очень громко говорилъ Макару Макаровичу, что въ такое веселое время попасть было трудно, мало того, невозможно. Находясь, какъ говорится, на самомъ юру, сторожка обратилась въ тотъ вечеръ въ пріютъ самый недоступный и открывала свои гостепріимныя объятія только тѣмъ, которые не могли ужь различать ни вѣдра, ни ненастья.

Собравивъ все это обстоятельно, Макаръ Макаровичъ удвоилъ шаги и началъ кликать извозчика, но такимъ голосомъ, что Иванъ Ивановичъ, уже забывшій объ общемъ злоключеніи и грезившій бессознательно о помѣченныхъ имъ бюстѣ, терѣ и колоритѣ, вдругъ вздрогнулъ, приподнял голову и поспѣшилъ догнать Макара Макаровича, потому что кликъ его сильно сбивался на отчаянный вопль одинокаго въ лѣсу путешественника: батюшки грабать!

На всѣ представленія Ивана Ивановича о неумѣстности подобныхъ завываній въ благоустроенномъ городѣ и о невыгодномъ мнѣніи, которое они могутъ возбуждать у прохожихъ объ умѣренности и здравомыслиемъ состояніи, Макаръ Макаровичъ отвѣчалъ:

— Пусть чтѣ хотятъ, те и думаютъ! Хорошо тебѣ говорить: «полно» ты не я: тебѣ хоть трава кругомъ не расти. Ты, тапъ да ляпъ, глядишь — и готово! и за другимъ портретомъ сидишь; а я—другое дѣло. Мнѣ, прежде чѣмъ написать что-нибудь, нужно разъ десять всю голову, отъ фундамента до кровли, переломать; при такихъ условіяхъ я ни какого «полно» слушать не намѣренъ; ты лучше ужь и не распространяйся и не ораторствуй!..

И Макаръ Макаровичъ началъ снова голосить еще громче и отчаяннѣе, но ужь совершенно напрасно: вокругъ него собралось вдругъ столько извозчиковъ: и на бурыхъ, и на чазыхъ, и на саврасыхъ, что онъ нѣкоторымъ образомъ уподобился въ ту минуту, въ микроскопическомъ видѣ, театральному разъяренному крыльцу.

Вслѣдъ за этимъ напывомъ дрожекъ разныхъ видовъ и формъ, уши Макара Макаровича огласились разнородными восклицаніями.

— Куда прикажете, ваше сіятельство?

— Сюда, сюда, хозяинъ, пожалуйте!

— Со мной, со мной, молодецъ!

— Землякъ, а землякъ, садись, по дорогѣ подешевле свезу. Право дешевле меня никто не возьметъ.

На всѣ эти предложенія Макаръ Макаровичъ отозвался густымъ басомъ:

— Въ двадцатую линію, на Малый проспектъ.

— Полтора пѣльковыхъ!.. Пять четвертаковъ!.. Угодно будетъ рубльжкѣ пожаловать? раздались отвѣты.

— Не надобно!—заглушилъ весь этотъ нестройный гулъ Макарь Макаровичъ, взвѣсивъ умственно все неблагородство такой корыстолюбивой черты. Къ этому онъ прибавилъ еще такое неудобноисполнимое предложеніе, а именно:—тысячи рублей не хотите ли еще, что большая часть извозчиковъ, понявъ изъ этихъ словъ, что онъ человекъ—крешень и ничего болѣе къ первоначально сказанному не прибавить, отвѣхали къ другимъ нуждающимся пѣлеходамъ и только немногіе, съ характеромъ болѣе настойчивымъ, не переставали торговаться и, переговя другъ друга:

— Да ужъ положите, такъ и быть, трехрублевый, господинъ честной!.. Уже ли семи гривенъ для такого дня не пожалуете... не пожалѣйте шести гривенъ, графчикъ, повѣрьте, что обижаться не будете.

Но Макарь Макаровичъ оставался безответенъ, какъ статуя, и, принявъ рѣшительныя мѣры, засучивъ брюки, принимался уже за самыя исполнскіе шаги, когда подошелъ къ нему Иванъ Ивановичъ, испуганный за свои силы, при видѣ такой спартанской рѣшимости. Желая избѣгнуть необходимости слѣдовать крупною рысью за торопливымъ своимъ товарищемъ, Иванъ Ивановичъ пожертвовалъ для Макара Макаровича шестью гривнами. Макарь Макаровичъ подымалъ-было уже ногу на лрочечную подножку, какъ вдругъ взглядъ его устремился печально на противоположный уголъ улицы. Макарь Макаровичъ пріостановился; лицо его просвѣтлѣло и онъ поспѣшно спросилъ у Ивана Ивановича:

— Послушай, Ванюша, такъ ты рѣшительно положилъ пожертвовать шестью гривнами?

— Ты, кажется, видишь... что сто разъ толковать! Садись!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ужъ въ такомъ случаѣ не садись, а слѣзай-ка лучше и ты. Мы истратимъ деньги поблагоразумнѣе, прервалъ Макарь Макаровичъ. — Слѣзай, Ванюша!

— Зачѣмъ? спросилъ удивленный Иванъ Ивановичъ, стараясь освободить обшлагъ своего пальто изъ могучей руки Макара Макаровича.

— Сперва слѣзъ, тогда скажу, а то, вѣдь, ты изъ горяченькихъ: сейчасъ стрѣлка в одинъ дашъ—только тебя и видѣли, отвѣчалъ Макарь Макаровичъ и очень ловко сдвинулъ Ивана Ивановича на троттуаръ, предложивъ извозчику отвѣзжать, откуда онъ прибылъ.

— Ну что? ну что? какая еще блажь пришла тебѣ въ голову?—довольно сердито спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— А вотъ какая,—отвѣчалъ Макарь Макаровичъ:—чувствуешь ли

ты, что дождь еще сильнее пошелъ, и потому, вмѣсто того, чтобы вѣхать подь нимъ такую даль, пойдемъ лучше отогрѣмся и переждемъ погоду.

— Гдѣ-же, гдѣ?—вскричалъ Иванъ Ивановичъ.—Ты, мнѣ кажется, немного помѣшался съ отчаянія за свою дрянную шляпу.

— Нисколько,—прервалъ серьезнымъ тономъ Макаръ Макаровичъ.— Я знаю, что говорю. Посмотри—вотъ заведеніе... ты только посмотри и увидишь, что я правъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, аршина два надъ троттуаромъ, красовалась въ темнотѣ какая-то вывѣска, а подь нею мелькала тонкая полоска свѣта изъ неплотно притворенной двери.

— Это, кажется, какая-то харчевня, — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ:—я не привыкъ посѣщать подобныя мѣста.—Слуга покорный!

И Иванъ Ивановичъ началъ было снова звать извозчика.

— Полно тебѣ горланить-то, удержалъ его Макаръ Макаровичъ.—Какъ тебѣ не стыдно разбирать въ подобную погоду, что харчевня и что не харчевня; главное теперь въ томъ, чтобы былъ надъ нами какой-нибудь потолокъ. Не упрямься, будь благоразуменъ и разсудителенъ, Ванюша. Что за охота тебѣ вѣчно разыгрывать какого-то фонъ-фона?

— Не пойду; пощемъ лучше кондитерской,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ такъ рѣшительно, что хотъ кого привелъ-бы въ отчаяніе.

— Хорошо тебѣ отыскивать кондитерскія въ своемъ ваточномъ пальто, жалобно проговорилъ Макаръ Макаровичъ:—а я весь отъ холода лавровый сталъ. Ты хотъ меня пожалѣй; немного нужно, чтобы человеку умереть.

— Не пойду,—повторилъ опять, но уже не съ такимъ упрямствомъ, Иванъ Ивановичъ, пеная, что въ послѣднихъ словахъ Макара Макаровича есть много логическаго.—Собственно для меня, конечно, несильнокомъ неблагогородно, по необходимости, войти куда-бы то ни было; но меня могутъ увидеть кто-нибудь изъ знакомыхъ мнѣ дамъ и подумать очень невыгодно о моихъ привычкахъ.

— Если твои дамы—кошки, такъ только въ такомъ случаѣ могутъ увидеть тебя въ такую темень,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ.

И съ этою истиною Макаръ Макаровичъ приватужился и началъ подталкивать удирающагося Ивана Ивановича, все ближе и ближе къ желанной цѣли.

— Право, Макаръ, у тебя нѣтъ никакой амбиціи,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, сжался наконецъ надъ плачевнымъ и точно промокшимъ состояніемъ своего товарища, и не-хотя входя въ трактиръ. При этомъ Иванъ Ивановичъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, будто рѣшаясь на что-нибудь слишкомъ его недостойное.

II.

ЛЕГКІЙ АБРИСЪ ЛИЧНОСТЕЙ—КАКЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА, ТАКЪ
И МАКАРА МАКАРОВИЧА.

Чтобъ не показалось кому-нибудь слишкомъ страннымъ такое сильное презрѣніе къ одному изъ самыхъ необходимыхъ общественныхъ мѣстъ, въ одномъ изъ молодыхъ художниковъ, людяхъ вообще очень неприхотливыхъ и ничѣмъ не пренебрегающихъ, даже подъ-часъ простой тряпкой, если она оказывается имъ нужною для полноты исполненія ихъ произведеній, посѣпшимъ объяснить, что такая разборчивость была развита въ Иванѣ Ивановичѣ нѣкоторыми неожиданными обстоятельствами, нисколько не принадлежащими къ привычкамъ чистой художнической натуры. Мы уже сказали, что Иванъ Ивановичъ былъ живописецъ портретный; прибавимъ теперь къ этому еще то, что онъ по преимуществу былъ дамскій живописецъ, слѣдовательно міръ, въ которомъ приходилось ему всегда вращаться, былъ міръ всегда для него умытый, причесанный, разукрашенный и даже самъ себя иногда предварительно, очень тщательно расписывавшій надиво художнику, принимавшемуся за работу съ сугубой любовью, ради удивительнаго колорита оригинала. Постоянныя сношенія съ этимъ душистымъ, деликатнымъ міромъ, отвлекали Ивана Ивановича отъ многихъ обыкновенныхъ привычекъ художнической жизни. Счастье еще болѣе способствовало развитію его требовательнаго вкуса. Арабы вѣрятъ, что счастье есть ничто иное, какъ слѣпая богиня, потерявшая еще отъ начала временъ своего роднаго сына, и потому хватающая за вихорь всякаго перваго, случайно повашагося ей на дорогѣ. Желая удостовѣриться въ своей находкѣ, она возноситъ пойманнаго, прилежно ощупывая его, высоко, высоко, пока не убѣдится, что ошиблась въ надеждѣ. Тогда она, безъ всякаго состраданія, бросаетъ возвеличеннаго снова внизъ. Это преданіе сбылось, кажется, надъ Иваномъ Ивановичемъ. Миновавъ людей болѣе достойныхъ и болѣе талантливыхъ, счастье толкнуло его съ самой первой поры, съ его палитрой и кистями, въ достаточный кругъ. Нѣкоторыя коломенискія и песковскія дамы пришли тотчасъ-же въ восторгъ отъ Ивана Ивановича, потому-что онъ никогда не позабывалъ прибавлять къ ихъ самобытнымъ, неподдѣльнымъ прелестямъ всегда еще и отъ себя кое-чего классическаго, римскаго или греческаго, для эффекта. Благоклонная его кисть облекала всѣхъ не иначе, какъ въ шолкъ да въ бархатъ, или въ ткань прозрачную, какъ весенній туманъ, отдѣляющійся отъ

свѣжей нивы, и не шадла вокругъ изображаемыхъ имъ милыхъ созданій, какихъ бы онѣ ни были лѣтъ, ни розъ, ни лилій, ни золота, ни мрамора. Замѣчая въ Иванѣ Ивановичѣ такую снисходительную склонность воспроизводить все въ видѣ совершеннѣйшемъ и быть не только вѣрнымъ природѣ, но даже всегда и благосклоннѣе ея, дамы старались помогать его благому намѣренію всеми зависящими отъ нихъ средствами. Онѣ принимали предъ нимъ такія сладостныя позы, придавали губамъ своимъ такія многозначительныя улыбки, насилывали глаза взирать такъ тожно во что-то неопредѣленное, что Иванъ Ивановичъ, нисколько не подозрѣвая въ такомъ измѣненіи ихъ будничной фізіономіи, кокетливаго умысла обмануть на-время преобразованными силою воли и искусства чертами, если не современниковъ, такъ, во всякомъ случаѣ, будущее потомство, приписывалъ все своимъ личнымъ достоинствамъ. Такому самолюбивому заблужденію еще болѣе способствовала тонкая расчетливость нѣкоторыхъ коломенскихъ и песковскихъ дамъ.

Желая выпросить, за какую-нибудь чашку чаю, поданную ему вмѣстѣ съ прочими гостями на вечерѣ, гдѣ все вниманіе больше всего обращалось на восемь въ червахъ и четыре онѣра, кромѣ портрета, еще что-нибудь художественное, или рисунокъ узора, дамы напереывъ приглашали къ себѣ Ивана Ивановача и громко называли его милымъ и интереснымъ молодымъ человѣкомъ; у иныхъ вырывалось даже въ экстазѣ слово гений, при которомъ Иванъ Ивановичъ, изъ скромности, молчалъ, улыбаясь самодовольно. Подобные отзывы такъ часто раздавались въ ушахъ Ивана Ивановича, что онъ наконецъ началъ полагать, что быть, собственно говоря, художникомъ — не прямое его назначеніе, но что онъ рожденъ быть лишь интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Мало-по-малу, все болѣе и болѣе предаваясь такому личному убѣжденію, Иванъ Ивановичъ занесся мечтами чуть не за самыя облака и старался всеми зависящими отъ него способами достойно поддержать это назначеніе. Скромный, неприхотливый быть прочихъ добивающихся лишь славы молодыхъ художниковъ, ихъ обыкновенныя привычки, жаркія бесѣды объ искусствѣ, прохлаждаемая чаемъ, среди аромата дешевыхъ, туземныхъ *trabucos* и *regalia*, чуть-ли не въ махорки, и ихъ вечернія прогулки по разнымъ линіямъ съ артистическою цѣлью подмѣтить что-нибудь изящное въ живой или бездушной природѣ, начали казаться мелкими и безцвѣтными Ивану Ивановичу. Онъ избѣгалъ общества товарищей, смотрѣлъ на нихъ свысока и жаловалъ только одного Макара Макаровича, и то потому, что простодушный Макаровъ, озадаченный громкими словами Ивана Ивановича и громкими коломенскими и песковскими именами: Арины Марковны Мелкопищиковой,

Раисы Терентьевны Теленковой, Харитины Авдѣевны Прядипряжиной и многими другими, грекѣвшими въ тѣхъ округахъ, отдалъ себя Ивану Ивановичу въ какую-то кабалу. Макаровъ былъ для Ивана Ивановича какъ-бы счастливымъ исполненіемъ собственнаго его несовершеннаго существа; онъ ему подмалевывалъ, чистилъ ему палитру и кисти и даже иногда оканчивалъ портреты, нисколько и не подозревая, что онъ исполняетъ ни болѣе, ни менѣе какъ должность слуги; полагалъ, что это была одна должная дань таланту Ивана Ивановича, всегда одобрявшаго среди этихъ трудовъ утѣшительными словами, произносимыми тономъ какого-то покровительства:

— Трудись, трудись, Макаръ: изъ тебя-современемъ, можетъ быть, кое-что и будетъ!

— Дѣ,—подтверждалъ тогда Макаръ Макаровичъ, принимаясь иногда изъ лишней услужливости, даже за простую щотку, чтобъ вычистить, въ отсутствіе кухарки, фракъ или сюртукъ лѣнивому Ивану Ивановичу: я надѣюсь—мы, лѣтъ черезъ десять, все-таки хоть кое-какъ, а таки покажемъ себя—то-то тогда заживемъ мы, Ваня!

— Тогда заживемъ, заживемъ,—подтверждалъ Иванъ Ивановичъ:—а пока я буду стараться у Мелкопещниковой, у Прядипряжиной, Теленковой и у прочихъ, чтобы ты получалъ кой-какіе заказы, знаешь, чтобъ ты могъ скопить лишнюю копѣйку на черный день. И Макаръ Макаровичъ продолжалъ такъ трудиться и за себя и за своего товарища въ потѣ лица, оставаясь въ убѣжденіи, что если Иванъ Ивановичъ и несовесть, даже далеко несовесть Тицианъ, какъ онъ иногда величалъ его, то ужъ во всякомъ случаѣ человѣкъ случайный и, что называется, счастливецъ, родившійся въ сорочкѣ. Иногда въ душу Макара Макаровича закрадывалась даже зависть къ успѣхамъ и средствамъ Ивана Ивановича, но онъ всегда спѣшилъ тотчасъ-же подавить въ себѣ это неблагородное чувство, и чтобъ не испытывать его снова, прележно отдувался на всѣ стороны и оплевывался.

Прочіе товарищи называли Ивана Ивановича магнатомъ; извозчики двадцатой линіи всѣ знали Ивана Ивановича и почтительно ему кланялись, особенно когда приходили за полученіемъ кое-какого долга; у портныхъ, сапожниковъ онъ также пользовался кредитомъ, а между-тѣмъ, не смотря на такую наружную удовлетворительную обстановку, Ивановъ рѣдко былъ доволенъ своей настоящей судьбой: какъ ни бросалъ онъ щедро и ловко карминъ, лазурь и кремширвейсъ, ему многого иногда не доставало, чтобъ выказать себя, какъ ему желалось, на раутахъ у Мелкопещниковой, гдѣ очень умно и очень остро болѣе всего разсуждали о преимуществѣ виста-преферанса надъ простыми и тотчасъ-же

потомъ садилсь это доказывать, заплатавъ хозяйкѣ за карты самыя ляхвенныя проценты. Онъ также бывалъ иногда не на первомъ планѣ на пикникахъ Придипрахиной, обыкновенно происходившихъ въ воксалѣ Екатерингофа во время общаго тамъ веселья, всѣ расходы которыхъ падали на однихъ участвовавшихъ въ нихъ кавалеровъ и притомъ нерѣдко сопровождалсь самыми очаровательными гримасами явнаго дамскаго неудовольствія за разныя увеселительныя неаккуратности и несовершенство наружной обстановки какъ поѣзда, такъ и угощенія. Чаше прочихъ слышать разныя замѣчанія, и отъ кузинъ Арины Марковны и отъ кузинъ Раисы Терентьевны и Харитины Авдѣевны доставалось Ивану Ивановичу. Въ этомъ отношеніи, все, что какъ-то счастливо и незамѣчено сходило съ рукъ другимъ, падало всею своею тягостью на Ивана Ивановича, какъ на бѣднаго, извѣстнаго въ старинной пословицѣ, Макара еловыя шишки.

— Что это, Иванъ Ивановичъ, восклицала чаще и громче другихъ дамъ, одна изъ кузинъ Раисы Терентьевны:—какихъ вы, право, себѣ клячъ наняли! Съ вами, просто, и подумать срамъ ѣхать! Пусть плетется съ вами, какъ знаетъ и вѣдаетъ, Глаша Шишова, а я помчусь съ мусье Цыленковымъ. Посмотрите, каковъ у него *ателажъ*!

И Иванъ Ивановичъ долженъ былъ мгновенно краснѣть и провожать Глашу Шишову, дѣвицу непригожую, и никакого свѣтскаго образованія, кромѣ знанія *бонъ журъ, кеске-се, же ву ремерси*, неумѣющую, хотя, впрочемъ, и удивительно танцовавшую польку и даже русскія національныя пляски. Такія замѣчанія были тѣмъ не пріятнѣе Ивану Ивановичу, что онъ нашелъ себѣ на Пескахъ идеаль, образъ котораго помянуто носился въ его воображеніи. Идеаль этотъ была именно самая эта (одна изъ кузинъ Раисы Терентьевны) дѣвица блѣдная, какъ водная лилія, называвшаяся всѣми знакомыми дамами и подругами, какъ старыми, такъ и молодыми не иначе, какъ Ундиночкой, хотя настоящее ея имя было не болѣе какъ Матрѣша. Ослѣпленный И ванъ Ивановичъ находилъ ее писаннымъ совершенствомъ съ головы до ногъ, и особенно плѣнялся ея выговоромъ, главная прелесть котораго заключалась въ томъ, что она такъ кокетливо и очаровательно произносила букву *р*, какъ-будто наполнивъ свой алый ротикъ маленькими камешками, полоскала ими себѣ гортань, или выбивала внутри ея по бархату сигналъ тревоги. Матрена Петровна не могла не замѣтить вліянія, произведеннаго надъ Иваномъ Ивановичемъ ея томными чертами, шелковистыми, съ золотымъ отливомъ, кудрями, всегда сильно благоухающимъ ароматомъ апельсиновыхъ гвоздикъ и въ особенноти голосомъ дребезжащимъ, какъ голосъ канарейки, когда она оглашала

пространство маленькой залы пѣсней: «Въ селѣ маломъ Ванька жалъ», въ которой чудное, трелями барабана подражающее, устройство горла Матрены Петровны придавало особенно невыразимый эффектъ припѣву—*бррр!* Повторяемъ: она не могла не замѣтить этого и, желая пользоваться своею, какъ слѣдуетъ, властью, мучила и томила бѣднаго Иванова, какъ мучить и томить кошка пойманнаго ею въ распахъ мышонка. Напрасно старался намекать ей Иванъ Ивановичъ о счастіи семейной жизни; напрасно, въ одушевленіи страсти, краснорѣчиво излагалъ онъ предъ кокетливой Ундиночкой блаженство двухъ любящихся душъ въ отдаленіи отъ свѣта и его шума и причудливыхъ, чаще всего ни къ чему неслужащихъ требованій; напрасно желалъ онъ ей объяснить всю суету богатства безъ любви, этого совершенно безкорыстнаго чувства, забывающаго про относительную важность благородныхъ металловъ въ общественной сферѣ, выразительно распѣвая романсъ:

Что мнѣ, что твои палаты!
Съ милымъ люблю въ шалашѣ...

Матрена Петровна какъ-будто вдругъ глухла въ такіа минуты и замѣчала Ивану Ивановичу:

— Ахъ, охота-же вамъ пѣть такой нелѣпый романсъ! Съ перваго слова въ немъ никакого смысла нѣтъ. Ну какъ можетъ быть, кому-бы то ни было, люблю въ шалашѣ? По всему видно, что это старыи!..

Приведенный въ отчаяніе мраморною безчувственностью Матрены Петровны, Иванъ Ивановичъ рѣшался иногда, не намекая, а довольно такъ ясно признаваться ей въ сокрушающемъ его чувствѣ, но Матрена Петровна, вмѣсто того, чтобъ успокоить его трепещущее сердце какою-нибудь, хоть шаткою, надеждой, снѣшила закрыть лицо платкомъ, заткнуть уши и замѣтить Ивану Ивановичу:

— Ахъ, мусье Ивановъ, какъ вамъ не совѣстно говорить такіа низости! *Се тре жове!*

— Какія низости? Восклицавъ озадаченный и удивленный Иванъ Ивановичъ.

— Вы сами должны знать какія; у меня языкъ не повернется повторить то, что вы сію минуту напѣвали мнѣ въ уши... Нѣтъ, нѣтъ, вы не *жантиль!*

— Я говорилъ про любовь—это слово печатно вездѣ позволено безъ всякаго затрудненія произносить, не только-что изустно,—снѣшила оправдаться Иванъ Ивановичъ:—что же въ немъ дурнаго? Что находите вы въ немъ *жове...*

— По вашему ничего, по-моему очень много. Барышни не должны понимать любовь. *Компрене?*

— Но выкиньте только въ настоящее значеніе этого чистаго чувства; прошу васъ только постичь всю чистоту думъ моихъ—и вы узнаете, что все сказанное мною только *бонъ, тре бонъ*, упрасивалъ Иванъ Ивановичъ свою Удину.

Но Матрена Петровна ни во что не хотѣла выкинуть, принималась шлѣнительно мычать, какъ—будто вдругъ изъ какой-нибудь Удины обратилась въ какую-нибудь миеологическую телку Кіаю, снова затыкала уши и, потрясая золотистой головкой, повелѣтельно провозносила:

— Пожалуйста, перестанемъ разыгрывать водевилъ; поговоримъ лучше о другомъ. Скажите, какъ вамъ нравится, наиримѣрь, Крендельковъ? Не правда-ли, что этому человѣку можетъ позавидовать не одинъ мужчина?

— Въ чемъ?—восклидалъ удивленный Иванъ Ивановичъ:—въ томъ, что онъ старъ, некрасивъ, не уменъ? Не знаю въ чемъ ему можно завидовать!..

— Зато у него денегъ много, возражала чистосердечно Матрена Петровна.

— И даже вамъ, дѣвицѣ, съ такимъ возвышеннымъ вкусомъ онъ нравится?—спрашивалъ Ивановъ.

— Почему-же не нравится? чѣмъ-же онъ не человѣкъ, какъ другіе? отвѣчала Матрена Петровна.

— Но сердце, чувство!—восклидалъ восторженно Иванъ Ивановичъ, растопыривъ пальцы и потрясая ими.

Матрена Петровна опять спѣшила охладить одушевленіе молодаго художника.

— Иванъ Ивановичъ,—произносила она строго:—вы, кажется, опять налаживаете на прежній тонъ. Я уже вамъ разъ и навсегда замѣтила, что подобный разговоръ неприличенъ. Я не пастушка, и вы не пастушокъ аркадскій какой-нибудь, чтобъ у насъ на языкѣ вертѣлось все ваше глупое чувство да сердце; я вовсе про нихъ знать не хочу; съ ними одними на свѣтѣ не наживешь. Отчего Крендельковъ не заставляетъ меня никогда краснѣть такъ, какъ вы заставляете? По всему видно, что онъ человѣкъ солидный—вотъ мужъ, такъ мужъ!

— И неужели, еслибъ онъ повергъ къ ногамъ вашимъ свое сердце, вы рѣшились-бы раздѣлить съ нимъ время жизни и, какъ юный пламъ, обвивать своею зеленью эту погребальную сосну, покрытую мохомъ древности?—спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, желая хоть всею силою возможнаго ему краснорѣчія и риторическими красотами, почерпнутыми въ сочиненіяхъ классическихъ писателей, поколебать такую убійственную

для него мысль о Крендельковѣ въ головѣ Матрены Петровны. Слушъ его, вмѣсто отраднaго отвѣта, поражаеся рѣчами самыми положительными.

— Еще-бы! что я за дура, чтобъ отказать! Крендельковъ можетъ хоть кому доставить счастье. У меня довольно еще ума, чтобъ понять, что мнѣ, можетъ-быть, и не одинъ только день придется жить на свѣтѣ, отвѣчала Матрена Петровна.

Иванъ Ивановичъ опускалъ, съ отчаяннымъ видомъ, на грудь голову и, стараясь придать своему голосу, сколько можно болѣе, страдальческаго выраженія, восклицалъ, судорожно ломая руки, подставивъ ихъ чуть-ли не подъ самый носъ Матрены Петровны:

— Нѣтъ это не возможно! Это говорятъ только лишь одни ваши уста, а не сердце! Вы только желаете бѣсить меня, мадемуазель!

— Б-ѣ-сить?—протягивала Матрена Петровна.—Кто-же вамъ далъ право почитать меня такую неделикатною и невоспитанною? да я и свою Амичку никогда, изъ одного удовольствія, никогда не дразню...

— Но если я... я буду въ состояніи когда-нибудь доставить вамъ такое-же счастье, какъ Крендельковъ?—продолжалъ неотвязчивый Иванъ Ивановичъ:—если прихотливая судьба вздумаетъ взглянуть на меня нечаянно съ благосклонностью...

— Ну, тогда, можетъ-быть, и разговоръ другой пойдетъ; а то, право, Иванъ Ивановичъ, у васъ ужъ слишкомъ много поэзіи, —доканчивала Матрена Петровна, подсовывая подъ руку Иванова альбомъ, чтобы прекратить дальнѣйшія объясненія, и прося нарисовать ей или черкесское око, на память видѣннаго ею въ маскарадѣ красиваго лезгина, или какой-нибудь узоръ, или, наконецъ, ея маленькаго котенка; котораго она очень любила и, нѣжно цѣлуя, называла фамильярно «Жано», поглядывая въ то-же самое время изподлобья, какъ-то особенно на Ивана Ивановича, что доставляло ему удовольствіе неописанное и вмѣстѣ тягостную зависть, почему онъ, полный Иванъ Ивановичъ, не можетъ занять мѣсто четвероногаго Жано.

Иванъ Ивановичъ бралъ, вздыхая, карандашъ вмѣсто требуемаго. рука его обыкновенно начинала чертить какую-нибудь стрѣлу Амура. но онъ тотчасъ-же и останавливался, потому-что Матрена Петровна вскрикивала:

— Пожалуйста, что-нибудь безъ стрѣлъ, не такъ чувствительное. Къ чему поведутъ всѣ эти ваши вздохи, слова и рисунки? ровно ни къ чему. Къ несчастію, ни мнѣ вами, ни вамъ мною не суждено очаровываться для этого: у обоихъ насъ не достаеетъ многого... Я говорю вамъ это по дружбѣ, Иванъ Ивановичъ!..

Какъ ни былъ ослѣвленъ Иванъ Ивановичъ, какъ крѣпко не заявлялъ Амуръ ему глаза, однако онъ наконецъ догадался, что въ его идеалѣ эгегическнхъ началъ очень мало, и рѣшился, не заботясь слишкомъ о славѣ, хлопотать лишь о пріобрѣтеніи средствъ, которыя—бы дали ему право заказать визитные билетки съ надписью: «Иванъ Ивановичъ и Матрена Петровна Ивановы»... Но счастье, въ этомъ случаѣ, было къ нему совершенно невнимательно. Онъ пробовалъ удачи въ лотереяхъ—и ничего не выигрывалъ. Онъ бросился наконецъ въ игру, забирая иногда, по предразсудку, у Макара Макаровича послѣднія его деньги на счастье, и между-тѣмъ возвращался всегда угрюмымъ, нерадостнымъ, и на искренній, полный участія вопросъ Макарова:—«Ну что, Ванюша, удалось-ли что тебѣ клюнуть?» отвѣчалъ постоянно техническими словами игорнаго языка:

— Прокюрдюнился! профершпилился! Не удалось отгасоваться! По-прежнему заколодило!..

Иногда западала ему въ голову безумная мысль плыть за матеріальнымъ счастьемъ въ Калифорнію, но ея значительная отдаленность отъ Песковъ, гдѣ такъ глубоко бросило якорь его сердце, разсѣивала такую рѣшимость; а между-тѣмъ время все шло да шло; капиталъ Ивана Ивановича еще далеко не доходилъ до той цифры, которую-бы можно было ему отстранить Кренделькова отъ суужескихъ на него помысловъ Матрены Петровны. Въ день перваго мая Иванъ Ивановичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Наканунѣ Крендельковъ рѣшительно восторжествовалъ надъ нимъ и говорилъ о коляскахъ и каретахъ для екатерингофскаго гулянья такъ легко, свободно и соблазнительно для дамъ, съ тономъ челоуѣка, которому стоять только мигнуть, чтобъ все это тотчасъ явилось къ полнымъ его услугамъ, что Ивана Ивановича бросало въ жаръ и въхолодъ отъ зависти; не смотря на всю свою готовность, онъ видѣлъ, что ему нужно по неволѣ воздерживаться отъ подобныхъ рѣчей; за немѣннѣемъ денегъ, въ умѣ его въ этотъ день вертѣлась упорно одна мысль: о средствахъ добыть ихъ, какими-бы то ни было пожертвованіями. Но довольно объ Ивановѣ, обратимся къ Макарову.

Макаръ Макаровичъ былъ совершеннымъ контрастомъ Ивана Ивановича какъ по роду живописи, такъ по наклонностямъ и характеру. Какъ Ивану Ивановичу нуженъ былъ для успѣха и извѣстности бархатъ, мраморъ, розы и золото и кругъ его коломенскихъ и песковскихъ знакомыхъ, такъ Макару Макаровичу сермяга, мѣдъ, желѣзо, бурьянъ. Онъ не нуждался ни въ тонкости чертъ, ни въ иѣжности письма; ему, напротивъ, необходимо было все рѣзкое: грубо обозначенные желваки мускуловъ, лица суровыя, мужественныя, знакомыя съ зносомъ и вью-

тами. Онъ былъ живописецъ сценъ народныхъ, и потому искалъ своихъ идеаловъ въ шѣстахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ порхалъ мотылькомъ Иванъ Ивановичъ. Тѣнь, бросаема свѣчей, отолескъ пламени горящаго среди поля, подъ чугунинымъ котломъ— были для него занимательнѣе всякаго и бальнаго газоваго освѣщенія. Макаръ Макаровичъ былъ пелюдимъ и рѣдко покидалъ свою комнату. Онъ занимался въ ней, съ утра до вечера, изученіемъ избраннаго имъ художества и болѣе всего натуры. Для этого Макаръ Макаровичъ ничѣмъ не пренебрегалъ. Онъ дорожилъ дружбою дворника, который иногда, за приличную порцію водки и чай, распитый въ харчевнѣ, простиралъ до того свое снисхожденіе, что, почесавъ предварительно затылокъ и поохавъ немного, съ словами:

— Охъ! такъ ужъ и быть, развѣ только—что баринъ—то вы хорошій, соглашался сдѣлаться на нѣкоторое время или Александромъ Македонскимъ, или Ромуломъ, Макаръ Макаровичъ сильно заискивалъ также расположеніе кухарки, съ которой, успѣвъ побѣдить разными посылными дарами ея стыдливость, списывалъ амазонокъ, закаленныхъ въ долговременныхъ битвахъ, весталокъ хранительницъ вѣчнаго огня, и даже подѣ—часъ, замѣнивъ силою воображенія, дряхлыя черты натурщицы чертами юными Клеопатру, посягающую на самоубійство (причемъ кухарка, за немѣнимъ натурального аспида, обязана была уязвлять себя обыкновенно отрывкомъ веревки или шейнымъ платкомъ Макара Макаровича, довольно искусно свитымъ подъ форму эхидны) и прочихъ лицъ женскаго пола.

Макаръ Макаровичъ, даже на улицѣ, не упускалъ случая изучать натуру, и принѣтивъ какую-нибудь часть тѣла, поразившую его любознательный взглядъ, тотчасъ-же начиналъ слѣдить за идущей незнакомой ему *натурою* (такъ почти всегда любилъ онъ называть всякую человѣческую индивидуальность), стараясь запомнить ея особенность прилежнымъ и долговременнымъ наблюденіемъ. Если натура проходящаго того заслуживала, Макару Макаровичу было ни почемъ никакое пространство. Скосивъ неловко на бокъ голову, онъ часто, самъ того не замѣчая, выйдя только гулять по Малому Проспекту Васильевскаго острова, останавливался и выходилъ изъ самозабвенія чуть-ли иной разъ не подъ самымъ Невскимъ монастыремъ. Самая его врожденная робость и застѣнчивость пропадали, когда дѣло касалось искусства и его изученія. Нерѣдко, видя, что наблюдаемыя имъ анатомическія совершенства и особенности принадлежать людямъ простаго класса, Макаръ Макаровичъ, прослѣдивъ за ними нѣкоторое время въ нѣкомъ созерцаніи, поощривъ свою рѣшимость многократнымъ покашливаніемъ,

и приступать къ разговору очень вѣжливо и вмѣстѣ замѣчательною тонкою дипломатіей.

— А что, голубчикъ, — спрашивалъ онъ, — ты куда-нибудь по дѣлу? или, можетъ-быть, такъ только гуляешь?

— По дѣлу.

— Если не поспѣшному, такъ не хочешь-ли со мной *кассать* зайти на минуту? Славный ты мнѣ человекъ кажешься; видишь-ли ты, дорогой мой, я маленькия этакими рисуночками занимаюсь, такъ мнѣ-бы хотѣлось у тебя кое-что, около головки поосмотрѣть, да позаимствоваться этимъ. Сдѣлай одолженъе не обижайся, я изучу только у тебя вотъ этотъ мускульчикъ да загарецъ твой позапомню, и очень буду тебѣ благодаренъ. Можетъ-быть, ты пропустять что-нибудь въ горышко захочешь, — что-жъ и это можно, если только тебѣ невредно будетъ.

Иногда, когда и такихъ натурщиковъ не случалось и не было никакихъ средствъ достать натурщиковъ привилегированныхъ, Макаръ Макаровичъ и въ такомъ затруднительномъ случаѣ не упускалъ духомъ. Онъ самъ дѣлался для себя натурщикомъ. Одрапировавшись полными складками простыни, смотря на требованіямъ задуманнаго имъ сюжета, онъ самъ принималъ различныя положенія, вытягивался въ струну или нагибался предъ зеркаломъ впередъ и назадъ, и придавалъ своему лицу самыя разнообразныя выраженія, трудясь такъ по цѣлымъ часамъ, пока все удавалось ему исполнить, какъ слѣдуетъ. Чтобъ быть даже можно вѣрять природѣ, Макаровъ, въ случаѣ крайней необходимости, самъ съ самоотверженіемъ бѣлъ; колотъ, щипалъ себя, и находя результаты изстязанія благоприятными, тотчасъ-же начиналъ шептать, хваля самогъ себя:

— Вотъ теперь такъ! Вотъ теперь, кажется, прекрасно! Молодецъ, Макарушка!

Потомъ, продолжая смотрѣться въ зеркало и съ переди и съ боковъ и съ ззади, Макаръ Макаровичъ принимался чертить, перечерчивать, размахивать неустово кистью и свѣщилъ подмалевать поскорѣ какой-нибудь счастливый поворотъ тѣла, доставшійся ему такими трудами. Поработавъ до крупнаго цота, Макаръ Макаровичъ отодвигался отъ своего проваденія, превращалъ ротъ въ форму буквы *O*, что всегда означало самое сосредоточенное вниманіе, и принимался осматривать и просто, и выпучивъ глаза и наконецъ прищуривъ ихъ и приставивъ къ нимъ куда-къ, въ видѣ зрительной трубки. Зрѣніе сопровождалось у него движеніемъ; онъ то присѣдалъ къ полу, чтобъ полюбоваться написаннымъ имъ — снизу, то подымался на цыпочки, чтобъ подивиться эффекту,

производимому сверху. Оставшись довольнымъ какою-нибудь хорошо выполненною частью, Макаръ Макаровичъ впадалъ въ какое-то нѣжное расположеніе, принимался слегка будто ржать, что-то нашепывать и посылать своей картинѣ, по воздуху, подѣлу.

Самый восторгъ Макара Макаровича былъ оригинальнымъ восторгомъ, непохожимъ на восторгъ прочихъ. Всегда нѣжный въ выраженіяхъ, говорящій всегда словами уменьшительными и умѣренный въ движеніяхъ, Макаръ Макаровичъ, совершенно перемѣнялся. Онъ принималъ самое суровое выраженіе, сильно хмурилъ брови, судорожно кривилъ ротъ и начиналъ выдѣлывать такія эволюціи кулакомъ, какъ-будто напѣревался хватить имъ кого-нибудь самымъ добрымъ порядкомъ. Изъ губъ его, въ подобныя минуты, вырывались одни лаконическія восклицанія въ родѣ:

«Шельмовская поза! Злодѣй ракурсъ! Отчаянный колоритъ! Барварское освѣщеніе!

И при этомъ онъ сильно постукивалъ кулакомъ по столу, по стулу, по чѣмъ попало и, въ добавокъ, прытошывалъ еще ногою и трясъ головой.

Иванъ Ивановичъ былъ франтъ; Макаръ Макаровичъ, напротивъ, рѣшительно не занимался собою. Волосы у Ивана Ивановича были всегда умаслены самою сильной душистой помадой, тщательно приглажены и завиты; у Макара Макаровича, напротивъ, каждый волосъ торчалъ на головѣ врознь, то прямо, то въ бокъ, то какъ-то совершенно навыворотъ, какъ-будто находился съ прочими въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ. Иванъ Ивановичъ употреблялъ всегда при умываньи разныя благовонныя мыла; Макаръ Макаровичъ иной день и вовсе не умывался. Лицо и руки его были часто раскрашены самыми разноцвѣтными колерами, и онъ иногда, по разсѣянности, забывъ стереть или смыть ихъ, не только пускался въ тотъ же домъ къ товарищамъ, но даже нерѣдко выходилъ на улицу, нисколько не догадываясь, что преслѣдующая толпа мальчишекъ дивуется единственно его собственной разукрашенной персонѣ. Будничное его платье никогда не ощущало пріятнаго прикосновенія щетины и вѣника, и только одно праздничное, по какой-то странной противоположности, хранилось съ такимъ уваженіемъ и такъ лелѣлось, какъ-будто было соткано изъ однихъ алмазовъ; но и то Макаръ Макаровичъ не заказывалъ, какъ Иванъ Ивановичъ, (разъ десять предварительно примѣривавшій каждую вещь своего туалета) портному, а покупалъ или у кого-нибудь, по случаю колотворностей судьбы, прямо съ плеча, или прибрѣталъ себѣ необходимый костюмъ въ тѣхъ открытыхъ солнцу, и дождю, и вѣтру мѣстахъ Апрак-

сина двора, гдѣ торговцы, въ полномъ смыслѣ этого слова, продають покупателямъ свой товаръ лицомъ, подсовывая его нуждающимся фронтамъ чуть-ли не подъ самый носъ. Шляпъ также Макарь Макаровичъ не покупалъ (чтобъ точнѣе выразиться) «нарочно», а всегда мѣнялъ или картузъ на шляпу, или шляпу на картузъ, съ маленькою придачей, причеиъ ему было все равно, оказывался-ли его головной уборъ немного великъ, или немного малъ. Если онъ видѣлъ, при новой покупке, какую-нибудь маленькую матеріальную выгоду, онъ какъ-то ухитрялся красоваться въ неиъ очень пристойно. Такой туалетный обычай Макара Макаровича имѣлъ и свою пользу и свои неприяности, и очень часто случалось, что сюртукъ или пальто, купленные имъ какого-нибудь завѣдомо положительнаго цвѣта—темно-коричневаго, темно-зеленаго, темно-синяго или чернаго, вдругъ дѣлались, чрезъ нѣсколько времени, настоящими хамелеонами, начинали, отъ разныхъ температурныхъ причинъ, линять и обращались въ цвѣта самыя неожиданныя и различныя на разныхъ частяхъ. На одномъ рукавѣ, напримѣръ, преобразовывались въ дымчатый, а на другомъ въ золотисто-сѣроватый, такъ-что хоть снова все перекрашивай. При видѣ такой негармонической пестроты, Макарь Макаровичъ начиналъ сперва сердиться, произносилъ на модныхъ торговцевъ угрозы, собирався тотчасъ-же отправиться и уличить ихъ въ недобросовѣстности, рѣшительно даже иногда одѣвался и надѣвалъ шляпу и калоши, но потомъ скоро опять успоковался, и утѣшая себя тѣмъ, что этихъ особенностей его костюма не замѣтитъ и половина Петербурга, продолжалъ щеголять въ разноколерномъ одѣяніи до износа, какъ-будто ничего не бывало.

Такое презрѣніе и равнодушіе къ внѣшности и затворничество Макара Макаровича, можетъ-быть, также покажется нѣсколько страннымъ и неестественнымъ, и потому носительнымъ объяснить ихъ. Макарь Макаровичъ, какъ и Иванъ Ивановичъ, имѣлъ также свою слабую сторону. Иванъ Ивановичъ жертвовалъ своими деньгами и временемъ знакомству съ Мелкопшицковой, Прядипряжиной и другими коломенскими и псковскими дамами; Макарь Макаровичъ томилъ себя и голодомъ, и жаждою, и холодомъ, и жадно прислушивался къ звукамъ надавшихъ, одинъ за другимъ пятачковъ, гривенниковъ, рублей и даже иногда депозитокъ въ жестяную кружку, служившую ему сберегательной кассой, изъ-за мечты, давно зацавшей въ грудь его, которую онъ лелѣялъ, какъ мать своего первенца. Мечта эта, заставлявшая его жадно прибавлять копѣйку къ копѣйкѣ, работать до истощенія силъ и во всемъ себѣ отказывать—была надежда и намѣреніе побывать въ Италіи. Сидя передъ маленькимъ окномъ своей комнаты, откуда онъ могъ видѣть только маленькій вѣнокъ свраго

неба, и переидывая между челюстями черный хлѣбъ, Макарь Макаровичъ сладостно мечтаетъ объ иномъ, сивемъ, прозрачномъ небѣ, о стройныхъ лаврахъ и топожахъ, подъ могущественнымъ вліяніемъ, грезъ, его убаюкивавшихъ; ему чудилось, что на него вѣяло ихъ ароматомъ; голору его уже жгло южное солнце и онъ, казалось ему, бродилъ уже по улицамъ Рима и прислушивался, въ Неаполѣ, къ всплеску адриатическихкихъ водъ. Явственно вставали и рисовались тогда передъ нимъ, благодаря вычитанному въ книгахъ и разсказамъ бывшихъ въ томъ краю художниковъ, къ которымъ онъ жадно всегда прислушивался, высокія колокольни и церкви изъ разноцвѣтнаго мрамора; вились узенькія, мощенныя плитами, улицы, окаймленныя до того огромными домами, что небо казалось надъ ними на противоположномъ концѣ, какъ-будто какою-то растянutoю надъ ихъ крышами неширокою голубою лентой. Террасы, съ разными статуями, древніе памятники пережившіе вѣка и своихъ строителей, палатцы, площади, Piazza del Popolo, Ponte Molle, Monte Pincio, Corso, наполненныя толпою говорливыхъ мужчинъ и красивыхъ женщинъ, прикрытыхъ кружевными покрывалами; граненый куполъ святаго Петра, Пантеонъ, Капитолій и всѣ лучшія архитектурныя созданія Буонаротти, Сангалло, Виньолы, Борромини, Деллапорта и другія — все, все это несло, одно за другимъ, въ воображеніи Макара Макаровича. Всѣмъ готовъ былъ жертвовать Макарь Макаровичъ для осуществленія своего намѣренія, и никакія честныя средства не казались ему неприличными. Онъ старался болѣе и болѣе увеличивать свой капиталецъ, который съ каждымъ днемъ, хоть только большею частью и мысленно, все ближе и ближе на нѣсколько верстъ подвигалъ его къ Риму. Трудолюбія у Макара Макаровича было много, на способности онъ также не могъ слишкомъ жаловаться; ему недоставало только немного того, въ чемъ уже нисколько не былъ виноватъ ни онъ самъ, ни его родители, а лишь одно не всѣмъ равно покровительствующее счастье. Макарь Макаровичъ, какъ говорится, долженъ былъ, прошибая лбомъ стѣну, добывать себѣ каждый рубль, и потому онъ былъ очень разсчетливъ, жилъ съ Иваномъ Ивановичемъ во всемъ на половинныхъ издержкахъ, платилъ свою часть съ аккуратностью замѣчательною и всегда, въ концѣ мѣсяца, долженъ былъ съ глубокимъ вздохомъ писать еще нѣмолъ на стѣнкѣ задолженныя ему Иваномъ Ивановичемъ суммы, несмотря на большія его средства, что заставляло его сильно негодовать въ душѣ и копилось все болѣе и болѣе до перваго непріязненнаго случая. Таковы были Иванъ Ивановичъ и Макарь Макаровичъ, за которыми, по праву повѣствователя, необходимо послѣдовать въ харчевню, неизмѣнную еще, по своему ни-

чтожеству, никакого названія, придуманнаго находчивымъ прославленнымъ воображеніемъ.

III.

О томъ, какъ Иванъ Ивановичъ и Макаръ Макаровичъ вошли въ харчевню и что въ ней видѣли и слышали и что, наконецъ, къ удивленію своему, въ ней нашли.

Харчевня, въ которую такъ неохотно подавался Иванъ Ивановичъ, была тѣсна и наполнена такимъ густымъ табачнымъ дымомъ, что лица ея многолюдныхъ гостей, освѣщенные нагорѣлыми свѣчами, мелькали неясно, будто сквозь туманъ. Со всѣхъ слышалось постукиваніе чашекъ о блюдечки, сопровождаемое скромнымъ требованіемъ сахару или кипятку; раздавалась вдругъ изъ угла пѣсня и, не оканчиваясь, смѣнялась другою.

Переступивъ порогъ, Иванъ Ивановичъ приостановился и отозвался объ заведеніи такъ презрительно, такъ громко что одинъ изъ наслаждавшихся, поблизости дверей, употребленіемъ кипятка, утвердивъ блюдечко очень прочно на пяти палочныхъ подставкахъ, любопытствуя повернуть поскорѣй голову, поперхнулся и до того былъ пораженъ важной наружностью Ивана Ивановича, что тотчасъ-же поспѣшилъ произнести: «просимъ прощенья!» какъ-будто въ самомъ дѣлѣ оказался въ чемъ-нибудь предъ нимъ виновать.

Половой въ ту минуту проходилъ мимо, колыхая на рукѣ поднось, какъ волны лодку,⁹ съ такимъ акробатическимъ искусствомъ, что изъ полнаго не сочилось ни одной капли.

— Просимъ покорно, есть благородная половина, пожалуйста хоть полюбоществовать, ни копѣйки за это съ вашей милости не возьмемъ! — поспѣшилъ произнести половой, понявъ, что отъ малѣйшаго недоумѣнія можетъ произойти разница въ двухъ лишнихъ устахъ.

— Слышишь-ли, есть благородная, что ворочаться, подкрѣпилъ Макаръ Макаровичъ и при этомъ, чтобы еще чѣмъ-нибудь расположить Ивана Ивановича къ этому пріюту, употребилъ даже маленькую хитрость: ухвативъ Ивана Ивановича за обшлагъ пальто, Макаръ Макаровичъ произнесъ радостно, въ свою очередь:

— Посмотри-ка, Ванюша, какъ, тамъ въ углу, эффектно освѣщенъ старикъ, какая на него свѣто-тѣнь падаетъ... отчаянная свѣто-тѣнь;

нескоро такую другую можно подыскать... хоть въ нее, по-крайней-мѣрѣ, хорошенько всмотримся для общей пользы!

Но Иванъ Ивановичъ вѣроятно, оставилъ бы безъ всякаго вниманія открытiе Макара Макаровича, какъ оставилъ, за нѣсколько минутъ, и онъ его находку, еслибъ не былъ приостановленъ звукомъ, возбудившимъ его собственный интересъ.

Изъ отдаленныхъ комнатъ послышался едва внятный, нѣжный возгласъ, совершенно отличный отъ общей массы раздававшихся голосовъ.

Иванъ Ивановичъ опустилъ руку, уже сжавшую скобку стеклянной двери.

— Что это? никакъ что-то женское? обратился онъ съ вопросомъ къ половому.

— Точно такъ-съ; есть отчасти немного дамскаго, подтвердилъ съ нѣкоторою гордостью половой.

— Что же это такое?—продолжалъ съ видомъ пренебреженiя Иванъ Ивановичъ.

— Какiе-то хозяйка съ супругами в свою компанiю, по случаю погоды, изъ-за костюмовъ завернули: одежда хорошая, а непогода не свой братъ, иной бы разъ и въ кануру отъ ней спрятался.

— Какой-нибудь лабаазъ, или мелочная? замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Должно полагать, что нужно будетъ повыше забирать! отозвался половой: — свои экипажи, дрожки, какъ можетъ быть изволили замѣтить у влода.

— Замѣтилъ, замѣтилъ! поспѣшилъ вмѣшаться Макаръ Макаровичъ, здоровенная лошадинница! и тутъ же, чтобы еще болѣе подстрекнуть любопытство Ивана Ивановича, прибавилъ:

— А что, чай раскокетились для гулянья, какъ навъ; все, чай, ба-вифасъ да бурничкiя зерна?..

— Можно будетъ какъ-нибудь полюбопытствовать, если угодно, сдѣлалъ предложенiе половой и также прибавилъ:

— Сдобныя такiя-съ! хлѣба, ядно, не жалели съ.

— А что,—шепнулъ Макаръ Макаровичъ Ивану Ивановичу.— можетъ-быть, тебѣ удастся что-нибудь подыскать для сюжета какой-нибудь головки. Рѣшайся, Ванюша, вѣдь на улицѣ еще хуже.

— Гм!—презрительно улыбнулся Иванъ Ивановичъ, а между-тѣмъ, разслушавъ вторичный женскiй говоръ, произнесъ довольно благосклонно:

— Такъ и быть, посмотримъ твою благородную половину!..

Благородная половина не очень многимъ отличалась отъ престопа-

родной. Стѣны ея были такъ—же мѣстами вылакированы спиною алкающей и жаждущей публики до самаго яркаго глянца, такъ—что казались полированными самымъ лучшимъ лакомъ. Изъ прочихъ предметовъ, показывавшихъ неотъемлемое превосходство этого отдѣленія передъ чернымъ, можно было замѣтить только одинъ органъ; но и тотъ служилъ болѣе какъ украшеніе, чѣмъ какъ музыкальное орудіе, потому—что, при усиленномъ поворотѣ ручки, сперва начиналъ шипѣть, какъ змѣй, потомъ сапѣть и далѣе уже никакихъ гармоническихъ звуковъ не производилъ, какія бы надъ нимъ ни производили истязанія. Правда, на серединѣ потолка висѣла еще люстра съ остатками кое—какихъ длинныхъ хрустальныхъ леденцовъ, но они особеннаго эффекта благородной половниѣ уже никакъ сообщить не могли.

— Пфуй! произнесъ Иванъ Ивановичъ, не снимая шляпы и окладывая взоромъ окружающее его общество, занятое, смотря по своимъ гастрономическимъ наклонностямъ, разными произведеніями харчевеннаго повара.

— Есть особенныя помѣщенія,—поспѣшилъ объяснить половой, указывая на тонкія перегородки, немного, развѣ, превосходящія пространствомъ обыкновенныя домашніе чуланчики.

— Такъ давай—же особенную, что это такое?—произнесъ запальчиво Иванъ Ивановичъ.

— Сейчасъ—съ! Неудбно—ли будетъ немного потѣсниться въ общій; нужно будетъ маненько распорядиться,—отвѣчалъ половой и съ этимъ словомъ шмыгнулъ за перегородку, и между нимъ и бывшими въ каморкѣ посѣтителями произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Господа! позвольте попросить васъ побезпокоиться...

— Was sagt er? послышался вопросъ.

— Перемѣтитесь неудобно—ли? Въ комнатѣ необходимость приключилась: гостямъ нужно.

— А ми не гость?.. Ми кто есть? послѣдовалъ вторичный вопросъ, относившійся прямо къ половому, шаркавшему, какъ можно было слышать, очень вѣжливо.

— Оно конечно—съ... оно точно всеконечно! отвѣчалъ половой: — противъ этого спорить никто не посмѣетъ; вы точно, тоже особы...

— Ну и такъ! такъ и коди впередъ назадъ!

— Это, тоже, вы разсуждаете, по всей справедливости, только, ужъ сдѣлайте ваше такое одолженіе, будьте великодушны: гости ждутся...

— Ми тоже гость, самъ сказалъ, ходи прочь!..

— Помилуйте, наши гости тѣ, которые, кромѣ своей политики, на-

шимъ чѣмъ-нибудь занимаются, — возразилъ настоячиво половой. — Если изволите знать, наша торговля не на однихъ разсужденіяхъ основана. Если угодно будетъ къ буфету пожаловать тамъ, насчетъ разной бесѣды, очень свободно.

За этимъ послышалось новое шарканье, потомъ легкій переговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ котораго, пропустивъ съ почтительнымъ поклономъ, троихъ бесѣдовавшихъ, половой отворилъ Ивану Ивановичу настежь дверь въ особенное помѣщеніе и спросилъ, размахнувъ салфеткой:

— Чѣмъ прикажете подчивать?

Иванъ Ивановичъ не успѣлъ еще ничего облудать и отвѣчать на сдѣланное предложеніе, занявшись съ Макаромъ Макаровичемъ отряпываньемъ мокрыхъ шляпъ, какъ черезъ комнату раздался запахъ вылетѣвшей пробки и вслѣдъ затѣмъ, въ сосѣдней комнатѣ довольно-внятное замѣчаніе...

— Это Ширококовъ Екатерингофъ чувствуетъ... палитъ изъ едво-рога-съ!..

— Малый, а малый нельзя-ли сюда на пару словъ?..

— Сію секунду! отозвался половой, отвѣчая на спросъ Ивана Ивановича: — куда же ты летишь, рыжій скворецъ? тоже «сію секунду-съ», перебѣгая на голосъ называвшій его «малымъ», что нисколько не должно было относиться къ нему, потому-что онъ былъ и довольно немолодъ и довольно обьемистъ для такого названія.

— Чтѣ тамъ, въ лаковомъ раду? послѣдовалъ вопросъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Сейчасъ узнаю-съ!

— Живо!.. на почтовыхъ-съ!..

Перешптавшись съ другимъ прислужникомъ, половой возвратился съ отвѣтомъ:

— Изволили бутылку донскаго потребовать?

— Только-то! Двѣ намъ-съ!

— Ахъ, Киръ Ивановичъ! что это вы, на кого такъ много?—вышелся въ это приказаніе женскій голосъ.

— Олѣна Миоровна! — прервалъ Киръ Ивановичъ: — вамъ не безызвѣстно, что это мое дѣло..

— Двѣ, какъ сказано!—повторилъ онъ половому.

И Киръ Ивановичъ произвелъ съ своей компаніей, тотчасъ-же послѣ этого требованія, два самые удовлетворительные запаха.

— Молодецъ! — раздалось изъ третьей комнаты.

— Сію секунду! отозвался половой и побѣжалъ въ третью комнату.

— Малый! — крикнулъ Киръ Ивановичъ, когда головой, выходя изъ Широкова, бѣжалъ обратно мимо его двери: — малый! заглянь сюда на словечко: какъ тамъ дѣла?..

— Четыре приказано!

— Вотъ какъ-съ! четверней щеголяютъ!.. Такъ что-жь? а мы пугожь... Подлюжины сюда! платить чистыя...

— Киръ Ивановичъ... начала было опять Елена Мироновна и тутъ же приумолкла, потому что Киръ Ивановичъ перебилъ ее.

— Олѣна Мироновна, — замѣтилъ онъ: — прочтено уже вашъ было: предоставьте намъ хозяйничать; у васъ еще борода не отросла.

— Да кто же пить-то будетъ? — спросила Елена Мироновна.

— Вы себя ручки вымоете-съ, а себя не уронимъ. Поля подотру, а ужъ верку держать не позволю, — отвѣчалъ Киръ Ивановичъ и, обратясь къ половому, прибавилъ подтвердительно:

— Присусѣдять, какъ сказано!..

Иванъ Ивановичъ понялъ, что между его сосѣями рѣшается вопросъ о превосходствѣ и первенствѣ, и потому, въ настоящую минуту, удивить ихъ ни чѣмъ нельзя, а между-тѣмъ, все-таки желая дать замѣтить, что и онъ тоже человекъ, привыкшій довольствоваться не одними напани-ивбуль крохами, докликавшись наконецъ полового, сказалъ громко и съ большимъ достоинствомъ:

— Подай маіонезу!

— Какъ извоили назвать? перееспросилъ половой, оглушенный неизвестнымъ ему словомъ.

— Маіонезу!

— Маіонезу-съ? опять повторилъ вопросительно половой.

— Ну да, развѣ у васъ даже и по слуху о немъ не знаютъ? — спросилъ Иванъ Ивановичъ: — есть онъ у васъ?

— Маіонезъ? — повторилъ половой, склонивъ на секунду, въ недоумѣніи, голову и потомъ тотчасъ же отвѣтилъ утвердительно: — какъ не быть, есть-съ, самый лучший сортъ!..

— Малый! что господа у тебя спрашивали? — не преминулъ полюбопытствовать Киръ Ивановичъ.

— Маіонезъ-съ! .

— Это что-жь такое? горячее, соусы или тамъ что другое? — спросилъ Киръ Ивановичъ.

— Всяко можно приготовить, отозвался половой, надѣясь въ этомъ случаѣ ужъ вполнѣ на вдохновеніе повара.

— Такъ и этого намъ пожаловать!

— Полноте, что это вы? Кажется, теперь дѣлаго свѣту вдругъ

захотѣли; можетъ—быть, вы этого блюда и кушать еще не умѣете,—возвысила слова голосъ Елена Мионовна.

— Возьмите платочекъ, Олёна Мионовна, и закройте имъ свою мудрость для ребятишекъ; будете прекословить, под—Петербурга куплю... Пусть Широковъ—то съ нами потягается... Постигли теперь уложение? — заключилъ Киръ Ивановичъ.

— О—го!—подумалъ Макаръ Макаровичъ,—вотъ оно что значить самолюбіе!

Размышленія Макара Макаровича прерваны были явившимся съ извиненіями половымъ.

Маюнезу по справкамъ не оказалось, и вмѣсто него предложенъ былъ винегретъ, который Киръ Ивановичъ принялъ съ словами: тащи его сюда, этотъ будетъ намъ попонятнѣе; а Иванъ Ивановичъ, пожелавъ половому подавиться имъ самому, ограничился наконецъ выборомъ простой телятины, которую онъ приказалъ себѣ подать ужъ обыкновеннымъ голосомъ. Что-же касается до Макара Макаровича, то, приведенный такимъ перекрестнымъ огнемъ истинно для него Лукулловскихъ требованій, въ непонятную робость и замѣшательство, сдѣлавъ изъ своей ладони предъ ухомъ полового ширму, онъ спросилъ своего любимаго поросенка и чего-нибудь, рябиноваго или березоваго, такъ тихо и такъ таинственно, какъ-будто требовалъ чего-нибудь, совершенно недостойнаго никакого человѣческаго желудка.

Послѣ этого только они могли порядочно осмотрѣть свое погѣщеніе.

Иванъ Ивановичъ тотчасъ-же обратилъ вниманіе на тонкую перегородку, отдѣлявшую отъ него сосѣдей, стараясь отыскать въ ней щель, чтобъ подлюбоваться на фигуры Кира Ивановича и Елены Мионовны, а Макаръ Макаровичъ занялся обзорніемъ собственно комнаты, сноровавъ предварительно пальцемъ стѣны, чтобъ узнать, достаточно ли недостаточно положено въ окну клею, для охраненія надлежащаго вида его свинны, если ему пожелается прислониться. Когда пропорція оказалась вполне удовлетворительною, Макаръ Макаровичъ поднялъ глаза на потолокъ и, подивившись немного изображеннымъ на немъ невиданнымъ птицамъ, взялъ со стола свѣчу и началъ круговой обходъ.

На стѣнахъ каморки были развѣшены кое—какія картинки: какой—то французскій маршалъ, дѣлающій подъ ногами вставшей на дыбы лошади осаду крѣпости, причѣмъ на гравюрѣ происходила такая жестокая пушечная пальба, что отъ изображенныхъ на ней крошечныхъ воиновъ, видѣлись только кончики ихъ головъ и ногъ, потомъ изображеніе греческой героини Бобелины, нарисованной въ самыхъ широчайшихъ шаль-

варахъ на всемъ Востокѣ и, нѣсколько другихъ эстамповъ. Всѣ эти эстампы заставили Макара Макаровича только презрительно выпятить губы. Онъ ужъ хотѣлъ поставить обратно свѣчку на столъ и послѣдовать примѣру Ивана Ивановича, когда взглядъ его упалъ въ самый задній уголъ, ослѣпленный густымъ полумракомъ отъ выдвѣвшейся треугольникомъ печки. Близъ самой печки что-то чернѣлось. Макарь Макаровичъ подошелъ и увидѣлъ картину, писанную масляными красками, въ рамѣ, съ которой давно сошла позолота и виднѣлся только слой мѣлу, совершенно коричневаго отъ времени.

Полотно картины было покороблено сыростью, углы задней рамки разошлись и образовали выпуклости, на которыхъ грунтъ фона отсталъ. Вся она была такъ покрыта копотью и пылью, что съ перваго взгляда трудно было порядочно рассмотреть, что она изображала?

Макарь Макаровичъ отеръ ее платкомъ, приподнялся на цыпочки и, заслонивъ предъ собою свѣчу рукой такъ, чтобы вся масса свѣта падала на нее, началъ внимательно ее разсматривать, превративъ ротъ въ букву О, что, какъ мы уже объяснили, всегда означало у него самое сосредоточенное вниманіе. По мѣрѣ, какъ взглядъ его переходилъ отъ одной части картины на другую, добродушныя черты его начали измѣняться, брови сильно наморщились, кулакъ заходилъ съ живостью, какъ-будто онъ приготовлялся ратовать съ кѣмъ-нибудь невидимымъ, ставшимъ вдругъ между нимъ и осматриваемымъ имъ предметомъ, и вдругъ онъ не вскрикнулъ, а просто какъ-то заржалъ тѣкъ громко и такъ неистово, что Иванъ Ивановичъ, отыскавшій наконецъ отверстіе для своихъ наблюдений и плотно къ нему прильнувшій, быстро обернулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Макарова.

— Что ты? что съ тобой?—спросилъ онъ Макара Макаровича, который, не жалея лучшаго своего фуляра, съ необыкновенною живостью началъ стирать пыль и коготь съ темнаго полотна.

— Ваня, Ванюша, Ванчикка... твердилъ Макарь Макаровичъ, прерывистымъ голосомъ, продолжая все быстрѣе и быстрѣе свою работу.

— Ну, что Ванчикка?—передразнилъ Макара Макаровича Иванъ Ивановичъ.

— Посмотри-ка братъ, здѣсь, кажется, просто чудеса совершаются: кажется, оригиналъ, братецъ.

— Только-то!—произнесъ презрительно Иванъ Ивановичъ! — Такъ ты изъ этого-то объяснешься. Поздравляю тебя!

— Самъ ты заобъяснешься, подойди да посмотри только.

— Каканъ-нибудь малѣвина, повгорилъ прежнимъ тономъ Иванъ Ивановичъ и хотѣлъ снова прильнуть къ перегородкѣ, но Макарь

Макаровичъ кочилъ ужъ свое реставрированіе платкомъ и, прѣвно схвативъ Иванова за руку, началъ пренеетово потрясать кулакомъ, повторяя съ упрекомъ:

— Малёвина, малёвина! Самъ ты, послѣ этого, малёвина! На-ка смотри, много-ли ты видѣлъ такихъ малёвиныхъ! Прошу тебя, посмотри только.

Съ этими словами Макаровъ насильно втеръ свѣчу въ руку Ивана Ивановича и, отступивъ на нѣсколько шаговъ, сложилъ на груди руки съ видомъ челоѣка, приготовляющагося быть свидѣтелемъ самаго неожиданнаго удивленія. Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами и разсыбно поднесъ свѣчу. Вдругъ ояъ тоже слегка вздрогнулъ и тоже, прищуривъ глаза, началъ внимательно всматриваться, прикрывъ, какъ навѣсомъ, рукою глаза: предъ нимъ точно висѣла картина великаго художника — какъ, какимъ путемъ заброшенная въ такое захоlustье, могъ, развѣ, объяснить только случай, бросающій иногда самыя драгоценныя сокровища въ кануку-нибудь неизвѣстную глушь. На всей картинѣ отпечатлевалась гениальная кисть. Въ самыхъ малѣйшихъ ея мелочахъ видна была совершенная оконченность; каждая черта проникнута была жизнью, выражала глубокое изученіе челоѣческой природы. То была женская, бѣлокурая головка, задумчиво склонившаяся, глядѣвшая немного изподлобья, какъ-будто къ чему-то прислушивающаяся, приложивъ палецъ къ щеку. Окружающій ее воздухъ сквозилъ и алѣлъ роскошнымъ фосфорическимъ отблескомъ пробуждающейся южной зари. Несмотря на копоть, наложенную на нее временемъ, табачнымъ и печнымъ дымомъ и на темноту угла, въ который бросила ее невѣжественная рука, глаза ея будто сверкали и двигались; полуоткрытыя губки, казалось, подергивались легкой улыбкой и такъ рельефно выдавались изъ полотна, что можно было усомниться и подумать издали, не помѣстилась-ли въ прорѣзанной въ стѣнѣ четвероугольничкѣ, завѣщенный пыльнымъ флеромъ, какая-нибудь причудливая красавица-плутовка, желавшая, изъ женскаго любопытства, тайкомъ посмотрѣть на сцены, происходившія во внутренности харчевни. Картина эта была-бы совершенствомъ искусства, если-бы подобіе какого-то довольно-большаго лишая, произведеннаго годами и сыростью, не безобразила одну изъ пухленькихъ щечекъ головки.

— Да, — протянулъ Иванъ Ивановичъ, неумѣвшій скрыть въ первую минуту овладѣвшаго имъ чувства восторга и удивленія, и, нагнувшись немного впередъ, размахнулъ руками въ видѣ распростертыхъ крыльевъ.

— Да, — передразнилъ Ивана Ивановича Макаръ Макаровичъ, и тоже принагнувшись впередъ и размахнувъ также руками, въ знакъ глу-

бокой насмѣшки, прибавилъ:—вотъ теиерь стой такъ, да и давай! Ну что? малѣвина?.. а?..

Въ такомъ странно-картинномъ положеніи засталъ ихъ половой, принесшій Ивану Ивановичу телятину, а Макару Макаровичу перосенка, обоженаго застывшимъ своимъ сокомъ, какъ кусками необдѣланнаго прозрачнаго янтара, по краямъ которыхъ возвышались маленькими домиками хрѣнныя стружки.

— Изволите забавляться скуки ради?—произнесъ половой, чтобъ сказать что-нибудь приличное, при видѣ такой непонятной для него позы, и принимая ее не иначе, какъ за оригинальное препровожденіе времени, или какую-нибудь неизвѣстную ему игру.

— Чья это картина?—быстро спросилъ Иванъ Ивановичъ, пропустивъ мимо ушей эту ярославскую остроту, на которую, во всякое другое время, не преминулъ-бы надѣлать много колкихъ замѣчаній о ея неумѣстности.

— Которая-съ?

— Да вотъ, вотъ что въ углу!

— А!.. карявая-то! Да до-сихъ-поръ была хозяйская, покуда не достанется въ полную собственность мышамъ и мухамъ, отвѣчалъ, самоловольно улыбнувшись своему отвѣту, половой.

— Откуда она ему досталась?—поспѣшилъ спросить, въ свою очередь Макаръ Макаровичъ.

— Да, должно быть, отъ родителя перешла съ разною дрянью. Хозяйскій тятенька, въ старые годы, разнымъ завалившимъ мусоромъ на Апраксиномъ торговалъ.

— А что, дорого цѣнить хозяйнъ эту картину, не извѣстно-ли тебѣ? сдѣлалъ вдругъ вопросъ Иванъ Ивановичъ.

— Незавѣстно-съ, дѣло торговое, должно полагать, что немножко поменѣ аятына цѣнить,—отвѣчалъ половой, продолжая отличаться ярославскимъ остроуміемъ.

— Гм!—значительно крикнулъ Иванъ Ивановичъ и замолкъ.

— А что... хозяйнъ здѣсь живетъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? спросилъ Макаръ Макаровичъ.

— Зачѣмъ-же ему въ другомъ мѣстѣ жить, не безъ глазъ же коммерцію оставлять, когда только лишь ее началъ, отвѣчалъ половой.

— А... началъ было продолжать Макаръ Макаровичъ и остановился, потому что почувствовалъ нѣсколько послѣдовательныхъ сильныхъ толчковъ Ивана Ивановича, всегда означавшихъ, что онъ дѣлаетъ какую-нибудь огромную глупость.

— Чего-съ?.. произнесъ половой.

— Ничего, ступай, любезный, досказалъ вмѣсто Макара Макаровича Иванъ Ивановичъ.

— Ну, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, Ванюша? спросилъ Иванова Макарь Макаровичъ.

— А то, что ты и въ харчевнѣ не умѣешь порядочно себя вести,— произнесъ Иванъ Ивановичъ:—ну, что тебѣ за охота со всякимъ въ разговоры вступать—какая надобность?

— Какъ, какая надобность?—возразилъ Макарь Макаровичъ:—почему знать, можетъ-быть, хозяинъ нисколько не подозреваетъ, что у него такая драгоценность.

— Какая?—спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Иванъ Ивановичъ, уже составившій въ головѣ своей кое-какіе планы.

— А картина! Вѣдь это, долженъ быть, Тиціанъ, Веронезъ, или крайней-мѣрѣ тому подобное.

— Да,—подтвердилъ Иванъ Ивановичъ:—только какой-нибудь Тиціанъ Сядорычъ—и больше никто! Ты готовъ, кажется, Тиціанами да Рубенсами какъ соромъ сорить.

— Какъ-же это такъ?—вскричалъ тоже съ удивленіемъ Макарь Макаровичъ:—вѣдь самъ-же ты смотрѣлъ и невольно вскричалъ: да!

— Мало-ли чего нельзя сдѣлать тебѣ на-смѣхъ,—пресерьёзно замѣтилъ Иванъ Ивановичъ:—пошутить надъ тобою захотѣлось—вотъ и все. Подумай самъ: уцѣлѣло-ли бы что-нибудь порядочное въ этой трущобѣ, еслибъ точно шло какую-нибудь цѣну? Вспомни, вѣдь это Петербургъ. Ты бываешь иногда куда какимъ дуракомъ, Макарь, съ своимъ восторгомъ.

Макарь Макаровичъ сомнительно покачалъ головой и, приподнявшись со стула, протянулъ руку къ свѣчѣ.

— Зачѣмъ тебѣ свѣча понадобилась? спросилъ Иванъ Ивановичъ, повелительно наложивъ руку на подсвѣчникъ.

— Да хотѣлъ было опять осмотрѣть повнимательнѣе головку, отвѣчалъ Макарь Макаровичъ.

— Послушай, Макарь Макарычъ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ:—мнѣ здѣсь взъ-за тебя не ночевать; смотри, сколько хочешь, твою прелесть одинъ, завтра, послѣзавтра, когда угодно, но если ты не будешь кончать закуски и заниматься разными мозаиками, я сейчасъ удаляюсь домой, бросая и оставляя тебя. Извольте раздѣлываться сами, какъ знаете. Если вамъ угодно сумасшествствовать и всякую подмалѣвку почитать за великое произведение, вы можете, повторяю вамъ, и завтра это сдѣлать. Ваше золото отъ васъ никогда не уйдетъ. Когда уже столько лѣтъ на вашего Тиціана никто и взглянуть не хотѣлъ, такъ въ какой-

нибудь одинъ день его у васъ не похитятъ — вотъ мое рѣшительное слово!

— Ну, хорошо, хорошо! согласился Макарь Макаровичъ, зная всегда рѣшительный, въ отношеніи къ нему характеръ, ничѣмъ неутомимаго Ивана Ивановича.

— А право, Ванюша, началъ-было снова Макарь Макаровичъ:— право ты ошибаешься, или не хотѣлъ рассмотреть, или въ чемъ-нибудь хитришь и опять былъ остановленъ словами:

— Ну, ошибаюсь такъ ошибаюсь, хитрю такъ хитрю — тебѣ-же лучше. Берите вашу шляпу, Макарь Макаровичъ, и не угодно-ли вамъ будетъ проститься съ этой вашей Тиціановской галереей.

IV.

ВЪ КОТОРОЙ КРАТКО ОПИСЫВАЕТСЯ НЕОЖИДАННАЯ РАЗМОВКА МАКАРА МАКАРОВИЧА СЪ ИВАНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ, ОСТАТОКЪ ПРОВЕДЕННОЙ НИМИ НОЧИ И КАКЪ РАСПОРЯДИЛИСЬ ОНИ СЛѢДУЮЩИМЪ ДНЕМЪ.

Когда Макарь Макаровичъ и Иванъ Ивановичъ оставили свое минутное пристѣище, небо, благодаря сильному морскому вѣтру, очистилось мѣстами отъ тучъ и луна, свѣтливая въ новомъ мѣсяцѣ, еще по старому, переходя полнымъ дискомъ изъ лужъ въ лужи, обращала ихъ, по своей прихоти, въ настоящія зеркала, такъ-что все, лежащее предъ ними пространство было будто устлано огромными серебрястыми ихъ осколками.

Бѣлыя и желтоватыя стѣны домовъ, отцвѣченныя нѣжнымъ луннымъ сіяніемъ, утратили свои грубыя дневныя формы и казались обтянутыми атласомъ. Съ распускавшихся древесныхъ листьевъ, сверкая, на лету, блестящими каплями, падали тающіе охлопки снѣга. Все было торжественно, тихо, и ночное безмолвіе нарушалось только протяжнымъ окликомъ часовыхъ, да гуломъ экипажей, уносившихъ изъ Екатерингофа послѣднюю, запоздавшую партію гулякъ; словомъ: тогдашняя майская ночь была такъ величественна и прекрасна, какъ только позволяли ей мѣстные средства, но ни Макарь Макаровичъ, ни Иванъ Ивановичъ не замѣчали ничего происходившаго ни надъ ними, ни подъ ними, ни кругомъ ихъ. Оба товарища шли молча, погруженные въ глубокое размышленіе.

Руки Макара Макаровича, обратясь въ какіе-то два огромные маят-

ища, ходили назад и впередъ такъ быстро и такъ отчетливо, какъ-будто онъ отсчитывалъ ими секунды; а Иванъ Ивановичъ, углубившись совершенно въ доротный палецъ, тоже быстро двинувъ годовомъ и разсѣкая указательнымъ пальцемъ воздухъ, что всегда означало, что унѣ его занять чѣмъ-нибудь очень важнымъ.

Мечтаніе художниковъ было прервано только предложеніемъ стоящаго на одномъ изъ перекрестковъ извозчика. Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ ему разсѣянно: «подавай!» и сѣлъ, не торгуясь. Объ этомъ ничтожномъ обстоятельстве не стоило-бы даже и говорить, еслибъ не сѣлъ на него, также не торгуясь, и Макаръ Макаровичъ; но онъ также, кажется, позабылъ въ ту минуту обо всемъ дѣйствіемъ, окружающемъ его міръ: его также занимала какая-то глубокая мысль.

Безмолвные разсужденія продолжались всю дорогу. Подъѣхавъ къ воротамъ дома, гдѣ находилась ихъ квартира, Иванъ Ивановичъ, безъ всякаго возраженія, отдалъ потребованный полтинникъ и изъ устъ Макара Макаровича не вырвалось при этомъ никакого восклицанія; онъ какъ-будто или оглехъ и ослѣпъ, или такая монета, какъ полтинникъ, казалась ему въ то время не болѣе какъ ничтожнымъ прахомъ и тѣнью.

Раздвѣаясь, Макаръ Макаровичъ, позабылъ даже тщательно осмотрѣть свою новую шляпу и привести ее въ надлежащій видъ; онъ не пожелалъ даже, по обыкновенію, покойной ночи Ивану Ивановичу, и легъ, глубоко-вдыхая, на свой блещущій диванчикъ, свернувшись подъ шерстянымъ одеяломъ такимъ плотнымъ клубкомъ, что какому-нибудь вошедшему постороннему человѣку очень трудно было рѣшить, что лежатъ на этомъ диванчикѣ: человѣкъ-ли, обладающій такою гибкостью членовъ, или какое-нибудь бѣлье, стаявшее въ огромный узелъ?

Иванъ Ивановичъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая кивать головой и дѣлать пальцемъ какіе-то странные знаки, и потомъ ударялъ пальцемъ о палецъ, какъ-будто что-то считалъ. Наконецъ и онъ улегся и только одинъ сильный скрипъ кровати и диванчика, долгое время показывали, что оба художника не спали и сильно повертывались.

Макаръ Макаровичъ первый прервалъ окружающую ихъ ночную тишину, тревожную только ходомъ стѣнныхъ часовъ.

— Ваня, — началъ онъ, высунувъ изъ-подъ своего шерстянаго чама голову: — Ваня, спишь ты, или нѣтъ?

— Нѣтъ, а что?

— Да такъ спросилъ. Представь себѣ, вѣдь и я тоже не сплю. — не правда ли, что это странно?

Проговоривъ это, Макаръ Макаровичъ снова замолкъ и потомъ опять всевыскалъ чрезъ нѣсколько минутъ голосъ:

— Ваня, а Ваня! а знаешь-ли ты отчего мнѣ не снится?

— Ахъ, отстань пожалуйста, не нѣмай! почему я знаю? отозвался съ сердцемъ Иванъ Ивановичъ.

— Ужъ развѣ признаться тебѣ,—продолжалъ Макаръ Макаровичъ:— такъ ужъ и быть, признаюсь; вотъ отчего: вѣдь головку—то можно будетъ купить за безцѣнокъ, потому-что ей настоящей цѣны ужъ, навѣрное, не знаютъ, за какіе-нибудь десять рублей, ну хоть-бы даже и за пятнадцать. А? умное дѣло?

— Гм! гм! откашлялся только Иванъ Ивановичъ.

— Такъ вотъ, видишь-ли, я и думаю встать пораньше завтра, отправиться и обдѣлать все похитрѣе. Важная будетъ афера!

— Только врядъ эта афера тебѣ удастся,—возразилъ Иванъ Ивановичъ, сильно повернувшись на кровати и прищелкнувъ языкомъ, для большаго удостовѣренія въ истинѣ сказаннаго.

— А почему-же и не удастся по-твоему?

— Потому-что я самъ намѣренъ ее купить.

— Какъ такъ?—вскричалъ Макаръ Макаровичъ, вскочивъ на колына на своемъ диванчикѣ.

— Да такъ, очень обыкновенно: поѣду тоже завтра въ харчевню да и куплю—вотъ и вся недолга!..

— Нѣтъ, извини, это ужъ будетъ: атанде! возразилъ Макаръ Макаровичъ.

— А на какомъ основаніи: атанде по-твоему?

— А на томъ,—отвѣчалъ Макаръ Макаровичъ, совершенно покидая свое ложе и зажигая свѣчку:—что я первый ее увидалъ; ты бы ее, вѣрно, не замѣтилъ и не обратилъ на нее никакого вниманія.

— Вотъ какое важное право! Что я, глаза-то развѣ дома забылъ?

— Дома не дома, но я ее первый увидалъ, слѣдовательно и имѣю на нее полное право, слѣдовательно она и не твоя. Отопрись-ка, что не я тебѣ ее показалъ?

— Впередъ не показывай!

— Удержаться не могъ, а то бы, вѣрно, не показалъ.

— Будь впередъ умнѣе—удерживайся; самъ на себя послѣ этого долженъ будешь принять, отозвался съ холоднымъ себелюбіемъ Иванъ Ивановичъ.

— Однакожъ,—прервалъ Макаръ Макаровичъ:—не знаю, какъ называется подобный поступокъ по-твоему, а по-моему, такъ онъ...

Иванъ Ивановичъ не далъ ему кончить.

— Что толковать! — прервалъ онъ: — какъ такой поступокъ по-прежнему называется и какъ по-твоему! Я знаю только одно, что всякому сам сорочка должна быть къ тѣлу ближе. До завтрага, Макарь: утро вечера мудренѣе; у кого окажется возможность купить, такъ тотъ и купить.

— Ну, тогда головка будетъ моя, — произнесъ съ самоуверенностью Макарь Макаровичъ.

— Полно, полно, Макарь, — прервалъ насмѣшливо Иванъ Ивановичъ: — что хвастать? Ну, можно-ли тебѣ будетъ тягаться, когда я выложу какую-нибудь двадцати-пяти-рублевую.

— Такъ чтожь, возразилъ Макарь Макаровичъ: — вотъ чѣмъ думалъ испугать! Выдали мы эти виды!

— Только выдали! Недалеко, пріятель, на такомъ спектаклѣ уйдешь, — продолжалъ насмѣшливо Иванъ Ивановичъ. — Да и зачѣмъ тебѣ эта картина? что ты, эрмитажъ, что-ли въ своемъ углу хочешь заводить?

— Нѣтъ, я съумѣю лучше распорядиться, — отвѣчалъ Макарь Макаровичъ: — я на эту картину могу въ Италію съвздать.

Иванъ Ивановичъ громко захохоталъ.

— Не твоему носу рябину клевать — она игода нѣжная, добавилъ онъ.

— Почему же не моему? Что-жь тутъ можетъ быть удивительнаго?

— То, что еслибъ всякая мазилка задумывала ѣздить въ Италію, въ ней-бы не достало мѣста, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ. — Вспомни пословицу: «знай сверчокъ свой шестокъ».

— Это меня ты такъ величаешь? — спросилъ обидчиво Макарь Макаровичъ, услыхавъ это обидное для художника названіе, которому-бы онъ охотно предпочелъ всякое другое, самое обиднѣйшее.

— Разумѣется, не Карпа и не Сидора.

— Такъ я, по-твоему, мазилка?.. Ахъ ты маляршва!

— Ого, вотъ какъ! — произнесъ, улыбаясь, Иванъ Ивановичъ, несколько не сомнѣваясь въ своемъ достоинствѣ.

— Нечего говорить: ого! разумѣется, маляръ; ты только самъ о себѣ много думаешь да чужими руками жаръ любишь загребать, — продолжалъ Макарь Макаровичъ.

— Твоими что-ли? — отозвался презрительно Иванъ Ивановичъ: — Оек-лу, что-ли какую, или Фетинью просилъ помочь написать? Ахъ ты, мазилка!

Это окончательно вывело изъ себя уже разгоряченнаго Макара Макаровича.

— Мазилка! — повторилъ Макарь Макаровичъ: — пусть такъ, а ты

воръ, поблрушна. Ты, братъ, у меня не важничай: я тебя выведу на свѣжую воду; я тебя раскритикую передъ всѣми. Руки у первого твоего портрета кто писалъ — не бошь ты? Экспрессию въ харѣ твоей Кларисы, Ларисы, Уданны—кто ее знаетъ — не бошь ваша милость придавала? а?..

Иванъ Ивановичъ, удивленный такою неожиданнымъ выходкою Макара Макаровича, также приподнялся, обѣлъ, сложивъ по-турецки ноги, на своей кровати, и тоже, задѣтый за живое такими упреками, важно произнесъ, приподнявъ гордо голову:

— Что-о? Что т-а-кое?

— Ничего, тельга прѣехала, вотъ что!—отвѣтилъ Макаръ Макаровичъ. Что не бошь, теперь глухъ сталъ, когда правду въ уши проѣбли?

— Еще что, господинъ Макаровъ?

— Все-о!

— И больше ничего?

— Да, къ вашимъ услугамъ!

— Грошь за мной!..

Не скажи Иванъ Ивановичъ этого послѣдняго выраженія, быть-можетъ, Макаръ Макаровичъ и позабылъ-бы всю причину размолвки и уступилъ-бы всѣ предполагаемыя отъ покупки картины выгоды Ивану Ивановичу; но это слово, показавшееся ему упрямымъ, самымъ сильнымъ намекомъ на какое-то его ничтожество, уничтожило всякій возможный благородный порывъ.

— Г-ро-ошь?—протянулъ Макаръ Макаровичъ.—Да какое имѣете вы право мнѣ гроши суить? Вы давно мнѣ вашими невидимыми грошани уши прожужжали, милліонами такъ языкомъ и ворочаете, а между тѣмъ, на дѣлѣ, такъ и въ бездѣлицѣ не можете расплатиться; цѣлый мѣсяцъ почти на мой счетъ живете; и за сахаръ за вами, и за чай за вами, и за мѣсяцъ квартиры за вами...

— Марса!—закричалъ Иванъ Ивановичъ прислуживавшей мнѣ старухѣ, не отвѣчая ни слова Макару Макаровичу:—чей нынче идетъ чай?

— Вашъ, Иванъ Ивановичъ,—отвѣчала изъ кухни Марса.

— А вчера чей?

— Не знаю чей изъ васъ; только вы мнѣ деньги вчера давали.

— А свѣча нынче чья, Филатьевна?

— Ваша, батюшка, ваша.

— Хорошо! Такъ плюнь на Макара Макарыча и скажи ему, что овъ лгушъ и хвастунишка, однимъ словомъ: такое неблагодарное животное, которому-бы не съ порядочными людьми жить, а въ какой-нибудь закутъ. Господинъ Макаровъ:—добавилъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ

Макару Макаровичу:—квартира на мое имя. Завтра ваши гроши, которыми вы так важничаете, что они за мной, я вам отдам и прошу вас убираться с ними, куда вам угодно. Такого неотесанного мужика, как вы, я терпеть больше не намерен. А картины вам не видать, как своих ушей—слышали?

И съ этииъ словомъ разгоряченный Иванъ Ивановичъ, взглянувъ нечаянно на стоявшее близъ его кровати кресло, увидѣлъ на немъ лежащее пальто Макара Макаровича. Онъ взялъ его очень небрежно и быстро сбросилъ на полъ, замѣтивъ:

— Прошу васъ своими лохмотьями моего сафьяннаго кресла не марать; можете ихъ себѣ на носъ вѣшать, а не на мою мебель.

При видѣ такого явнаго къ нему презрѣнія, изъ губъ Макара Макаровича вырвался какой-то шипъ.

— А! если такъ,—проговорилъ онъ:—такъ теперь совѣмъ другое дѣло пойдетъ. Я уже рѣшался уступить тебѣ все—Богъ-бы съ тобой, пусть-бы ты пользовался чужою находкой, но теперь, теперь я отдамъ все, что имѣю, и ужъ тебѣ, а не мнѣ, не видать картины, какъ своихъ ушей!

— Фью! просвисталъ Иванъ Ивановичъ.

— Свисти, свисти, карастель,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ:—а ужъ что я сказалъ, то и сдѣлаю—куплю!

— Ха, ха!—засмѣялся Иванъ Ивановичъ. На свою поднижную одежду, что-ли, надѣтесь приобрести?

— Не важничайте, и побольше хламиды кое-что найдется; это у васъ только, не смотря на самохвалство, карманы-то вѣтеркомъ всегда бываютъ подбиты,—перебилъ съ какою-то самоувѣренностью Макаръ Макаровичъ:—а у насъ есть-таки кое-что. Вотъ они: не думайте, что лжемъ...

И съ этииъ словомъ Макаръ Макаровичъ открылъ огромный сундукъ, въ которомъ хранилось принадлежавшее ему имущество, и досталъ изъ него свою заветную жестяную кружку.

— Слышите! слышите,—повторялъ онъ, потрясая ее надъ своимъ ухомъ:—тутъ есть на что расходиться!

— Алтынъ съ четвертью,—презрительно отозвался Иванъ Ивановичъ. Я-бы совѣтовалъ вамъ, для пополненія вашего капитала, еще немного по улицамъ походить, авось еще-бы кое-что набрали.

— Алтынъ съ четвертью!—возразилъ Макаръ Макаровичъ.—Окъ ужъ куда не шло! вотъ я покажу вамъ какіе у меня алтыны.

И Макаръ Макаровичъ распечаталъ свое казнохранилище и съ услаіемъ отперъ ржавый замокъ.

— Что, это по-вашему алтынъ съ четвертью, что-ли?—спросилъ онъ, потрясая за уголокъ пятирублевую депозитку:—а это тоже, не боюсь, алтынъ?—продолжалъ онъ, расправляя десятирублевую:—и это тоже алтынъ... и это тоже... и это?

Такъ перетреть онъ весь свой капиталъ, оказавшійся довольно значительнымъ и котораго Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ предполагать въ его распоряженіи.

— Не только какую-нибудь картину, весь куплю, протянулъ насмѣшливо Макаръ Макаровичъ; а потомъ, какъ-бы обезсиленный такимъ продолжительнымъ разгоряченнымъ состояніемъ и устыдясь своего увлеченія, онъ продолжалъ тише и спокойнѣе:

— И изъ чего, послѣ этого было тебѣ такъ заирать кверху носъ, Валя—изъ какой-нибудь ничтожности, въ которой можно-бы было условиться по пріятельски: я не прочь былъ-бы подѣлиться выгодами—я не торгашъ...

Этотъ оборотъ рѣчи видимо показывалъ, что Макаръ Макаровичъ ужъ простылъ и готовъ былъ рѣшительно все забыть и остаться прежнимъ Макаромъ Макаровичемъ съ одною своею мечтою и утѣшительною надеждою въ будущемъ на чудесное *авось*, когда новая выходка Ивана Ивановича уничтожила всякую возможность примиренія.

— Господниъ Ротшильдъ,—произнесъ Иванъ Ивановичъ:—если вы не дадите мнѣ покоя, я велю позвать дворника,—и съ этимъ словомъ онъ задулъ свѣчу, оставя Макара Макаровича въ потьмахъ собирать свое серебро и ассигнаціи.

Макаръ Макаровичъ только крикнулъ и, не возражая ни слова, улегся на свой диванчикъ. Досада душила его и отгоняла отъ него сонъ; наконецъ онъ началъ забываться; ему стало ужъ что-то грезится: предъ нимъ потянулась какая-то миртовая роща, заструилась рѣка, забѣлѣлся рядъ мраморныхъ статуй. Видъ этотъ смѣнился какимъ-то чуднымъ, необозримымъ городомъ, какъ вдругъ сильный стукъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Шумъ этотъ произвелъ Иванъ Ивановичъ, открывая комодъ. Высунувъ немного голову изъ-подъ своего одеяла, Макаръ Макаровичъ началъ вглядываться и замѣчать, что онъ дѣлаетъ, и вдругъ волосы его стали дыбомъ. Иванъ Ивановичъ вынулъ изъ ящика портфель, открылъ его и началъ пересчитывать деньги. Радужныя сторублевыя ассигнаціи такъ и мелькали между его пальцами.

«Ого,—подумалъ Макаръ Макаровичъ, каковъ человекъ?—Мнѣ какихъ-нибудь десяти рублей не можеть отдать, а у самого чуть-ли не тысячи. Надо будетъ торопиться и предупредить его, а то въ-самомъ-дѣлѣ мнѣ тояно не видать картины, какъ своихъ ушей».

Иванъ Ивановичъ пересчиталъ деньги, положилъ ихъ опять въ кофодъ и, замѣтивъ на днѣ переброшенное пальто Макара Макаровича, бережно сложилъ его, завернулъ въ свой самый лучший сюртукъ и припряталъ въ уголъ за стоявшія въ немъ рамы, патанутыя полотномъ, такъ-что Макаръ Макаровичъ, не будучи тайнымъ эритоломъ, никакъ-бы не могъ догадаться, куда дѣвалась эта его одежда, безъ которой ему нельзя было никакъ выйти, потому-что на дворѣ слышались сильныя порывы вѣтра и шумъ крупно падающаго дождя.

Макаръ Макаровичъ хотѣлъ было ужъ вскочить и какъ слѣдуетъ обойтись съ Иваномъ Ивановичемъ за подобный поступокъ, какъ вдругъ лучезарная мысль освѣтила его.

— Зачѣмъ было Ивану Ивановичу такъ бережно свертывать и заворачивать мое пальто въ свой новый сюртукъ, еслибъ онъ намѣревался сдѣлать мнѣ новую непріятность?—подумалъ онъ.—Нѣтъ, тутъ, должно быть другой умыселъ: онъ, вѣрно, хотеть выйти прежде меня и заставить меня промѣшкать за пойсками. Нѣтъ, голубчикъ, этого тебѣ не удастся, я самъ не промахъ. Посмотримъ, кто кого перелитритъ и что будетъ дальше?

И Макаръ Макаровичъ продолжалъ выглядывать изъ-подъ своего одѣяла, провозводя, чтобъ обмануть Ивана Ивановича, самое сильное храпѣнье.

Спрятавъ пальто, Иванъ Ивановичъ постоялъ немного въ раздумьи и, подойдя къ дивану, тихонько потрясъ Макара Макаровича за плечо. Макаръ Макаровичъ не двигался и продолжалъ храпѣть.

— Сидитъ,—проговорилъ Иванъ Ивановичъ,—теперь можно! И съ этимъ словомъ онъ снова подошелъ къ кофоду, вынулъ опять портфель, положилъ его въ карманъ сюртука и началъ одѣваться. Часы пробили пять.

— Ого, съ какихъ позаранковъ!—подумалъ Макаръ Макаровичъ.— Нѣтъ, братъ, шалишь, посмотримъ, уйдешь-ли ты безъ меня; положишь, что при тѣхъ деньгахъ, которыя у тебя, картины мнѣ не купить, но за то она не достанется тебѣ за какую-нибудь ничтожную цѣну: я ее набыю. Картина эта тебѣ сокомъ придется.

И съ этимъ намѣреніемъ Макаръ Макаровичъ хотѣлъ приподняться и не могъ: ни руки, ни ноги его не двигались, какъ-будто его разбилъ мгновенный параличъ. Макаръ Макаровичъ хотѣлъ вскрикнуть, губы его не открывались: страшныя судороги свели и ихъ, а между-тѣмъ Иванъ Ивановичъ совершенно одѣлся и взялся ужъ за шляпу, но, взглянувъ на часы, опять положилъ ее на столъ, прошепталъ въ полголоса.

— Что я за глупец? ну могут-ли почестъ меня за пѣрядочнаго человѣка, когда я явлюсь въ такой часъ? да и трактиръ теперь запертъ.

— Да! для тебя запертъ только, можетъ-быть,—подумалъ Макаръ Макаровичъ;—много-же ты знаешь, когда трактиры отпираются; ахъ ты фертникъ!

Иванъ Ивановичъ снялъ сюртукъ и погасивъ свѣчу, снова прилегъ на кровать.

— Что еслибъ онъ заснулъ,—подумалъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что члены его начинаютъ получать движеніе,—а-бы не сталъ дожидаться; а-бы такого стречка далъ, что только держи.

Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Ивановичъ точно уснулъ.

— Ну, теперь наша очередь,—прошенталъ Макаръ Макаровичъ, одѣваясь поспѣшно. Онъ досталъ свое пальто и уже подходилъ къ двери, когда Иванъ Ивановичъ перевернулся и кашлянулъ. Макаръ Макаровичъ прирость къ мѣсту.

— Кто тамъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

Макаръ Макаровичъ притаялъ дыханіе и слыша, что Иванъ Ивановичъ старается сыскать спичку, легче тѣни возвратился на свое ложе и опять прилегъ. Долго лежалъ онъ; дремота опять начала смыкать глаза его, но онъ встряхнулъ головой и всталъ. Въ комнатѣ было темно, хотъ выколи глазъ. Не обращая болѣе никакого вниманія на своего товарища, онъ вышелъ вонъ и почти бѣгомъ дошелъ до той харчевни, въ которой они были вчера. Харчевня была ярко освѣщена.

— Долго изволили замѣшкаться,—сказалъ ему половой,—а васъ здѣсь ждали, ждали, очевь пѣняли, что вы не акуратны.

— Кто ждалъ меня? вскричалъ удивленный Макаръ.

— Да вашъ товарищ!

— Не можетъ быть,—возразилъ Макаръ Макаровичъ:—какъ, Иванъ Ивановичъ былъ здѣсь? это невозможно!

— Были и ужъ ушли?

— Давно?

— Съ часъ будетъ,—отвѣчалъ половой.

— Странно, прошенталъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что сердце его сильно забилось,—Неужели, едва сомкнувъ глаза, я проспалъ вторично такъ долго и проспалъ одѣтый? Комнатка свободна?—добавилъ онъ.

— Свободна. Въ ней приказано приготовить вамъ завтракъ...

Все болѣе и болѣе удивленный, Макаръ Макаровичъ поспѣшилъ въ каморку и первый взглядъ его упалъ на то самое мѣсто, гдѣ стояла

картина. Ее не было за печкой. У бѣднаго Маисара Макаровича подкосились ноги! Столько усилій, столько торопливости — и быть такъ обманутому въ своихъ ожиданіяхъ!

— Гдѣ-же ваша головка?—спросилъ прерывистымъ голосомъ Макарь Макаровичъ у полового.

— Перепесена въ другое мѣсто. Товарищъ вашъ приказалъ перенести ее въ кухню, они кушили ее, кушили за десять рублей и...

— И?... повторилъ безсознательно Макаровъ.

— И всю нѣрзали, такъ-таки всю, въ мелкіе клочки.

— Не можетъ-быть!—вскричалъ Макарь Макаровичъ, не понимая самъ, какъ кажется, не сдѣлавъ даже шагу, онъ, вмѣсто каморки, стоитъ въ харчевенной кулѣ передъ картиной, которая, въ-самомъ-дѣлѣ находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Иванъ Ивановичъ точно нѣрзалъ ее. Какъ-будто освобожденные каменъ-шибудъ волшебствомъ отъ сажн и коפותи всѣ части картины отличались своею первою ачальною свѣжестью. Тоны такъ какъ-то чудно сливались между собою, что можно было подумать, не живые-ли куски человеческого тѣла, разрѣзанные безжалостнымъ хпургическимъ ножомъ, трепетали предъ нимъ послѣдними успіями жизни? Изъ груди Маисара Макаровича вырвался какой-то дикій, отчаянный крикъ. Онъ рванулся впередъ, приводилъ рамку пальъ своей головою, желая разсмотрѣть, нельзя-ли будетъ какъ-нибудь исправить подобное разрушеніе, но руки его такъ дрожали, такъ судорожно хватались за бока рамки, что она распалась на части и сильно ударила его по головѣ. Макарь Макаровичъ вскрикнулъ, закрылъ глаза и снова открылъ ихъ. Онъ лежалъ на своемъ диванчикѣ, совершенно раздѣтый; въ окно ярко пробивались солнечные лучи; часовая стрѣлка показывала девять часовъ. Иванъ Ивановичъ лежалъ на постели и спалъ глубокимъ сномъ!

— Такъ это только мнѣ грезилось! прошепталъ, отдуваясь, Макарь Макаровичъ, такъ тяжело, какъ человекъ, выпырнувшій изъ воды. «Однакожь, сонъ этотъ долженъ быть не даромъ; онъ можетъ осуществиться. Отъ Ивана Ивановича теперь все можетъ статься. Если картина въ-самомъ-дѣлѣ можетъ достаться ему рублей за десять, онъ въ состояніи досягнуть на такое злодѣаніе, чтобъ только она не доставалась ни ему, ни мнѣ: нужно поторопиться!»

Когда Макарь Макаровичъ немного прошелся, чувство негодованія къ Ивану Ивановичу нѣсколько охладѣло и онъ былъ ужъ способенъ разсуждать здраво, на что онъ рѣшался.

— Что если,—думалъ онъ:—я вчера какъ-нибудь увлекся и мнѣ въ темнотѣ показалось то хорошимъ, чего, можетъ-быть, нѣтъ въ сущности

и картина эта окажется неоригинальною, а копіею? Положимъ, что ее, можетъ-быть, и удастся купить дешевой цѣной, но на что она мнѣ пригодится? Копія, и притомъ такъ попорченная, кому нужна? Нужно будетъ зайти къ *дяду*, вытащить его съ собою и показать ему головку: дядь не обманется, дядь знатокъ!

И Макарь Макаровичъ вернулся обратно и, ускоривъ шагъ дошелъ до Малаго проспекта семнадцатою линіи, отворилъ калитку у одного деревяннаго ветхаго домика; по скрипучей узкой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ и позвонилъ у клеенчатой оборванной двери, на которой красовалась большая жѣдная дощечка съ надписью: «Дмитрій Александровичъ Ларскій». Его-то называли между собою художники дядомъ, не потому, чтобъ онъ по лѣтамъ заслуживалъ это названіе, но потому, что Ларскій много видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Художественное поприще Ларскаго начиналось блистательно. Никто безкорыстнѣе его не былъ преданъ искусству, никто лучше не постигалъ его чудныхъ тайнъ и неувидимыхъ условий. Поѣздка въ Италію не была для Ларскаго мечтою, какъ для Макара Макаровича; онъ ужъ готовился оставить Петербургъ и ѣхать изучать высокія произведенія старой римской школы, нецзуродованной корыстолюбивыми копитами въ Италію.

Въ огромномъ домѣ, въ которомъ помѣщался въ скромной комнаткѣ Дмитрій Александровичъ, нашла въ одномъ съ нимъ этажѣ и на одной лѣстницѣ квартиру одна вдова, больная и хилая. У бѣдной женщины, кромѣ шестнадцати-лѣтней дочери и двухъ малолѣтнихъ мальчиковъ, не было никакаго существеннаго достоянія, на которое бы можно было ей рассчитывать, чтобъ оградить себя отъ нуждъ, которыя постоянно просились въ ея окна и двери.

У Ларскаго разрывалось на части сердце, когда къ хозяйкѣ его приходила, время отъ времени, сама больная, признаться нѣсколько полѣтъ дровъ, чтобъ вытопить остывшую комнату, или когда онъ замѣчалъ истомленное, бессонными трудовыми почками, личико ея дочери. Личико это не было ни прекрасно, ни правильно, но печать безмолвной покорности своей участи придавала ему въ глазахъ Ларскаго тишь какой-то необъяснимой красоты. Они часто встрѣчались на лѣстницѣ и оба проходили мимо, не рѣшаясь поднять другъ на друга глазъ. Ларскій жилъ болѣе полугода, не рѣшаясь познакомиться съ своими соседками и не находя къ нему ни малѣйшаго предлога. Правда, онъ былъ хорошо знакомъ съ маленькими братьями молодой цвѣточницы, которые за булки и гостинцы называли его дядею, правда, что иногда онъ, на послѣднія свои деньги, чтобъ доставить мальчикамъ средство къ дневному существованію, покупалъ у нихъ какой-нибудь ненужный ему ка-

ленкорный розанъ; но тѣмъ и ограничивались всё его отношенія къ семейству вдовы. Наступало время выставки, на которой въ послѣдній разъ должно было явиться произведеніе Дмитрія Александровича; онъ долженъ былъ написать Измаила въ пустынѣ; искудалые, блѣдные налютки, хорошенькіе соборы, не могли быть лучшими моделями для Ларскаго. Вооружась всею своею рѣшимостью, онъ отправился къ своей сосѣдкѣ и, занявшись, объявилъ свою просьбу.

— Ахъ, батюшка!—вскричала мать:—очень вамъ благодарна; но только признаться сказать: не въ чѣмъ ни съиссываться—то порядочно; рубашонку приличныхъ сдѣлать еще не собьюсь. Чтò хорошаго, когда вы представите передъ публикой моего Ванюшу, или Петрушу, какинъ нибудь нищимъ?

— И нищій очень хорошо можно представить,—отвѣчалъ простолюдуно Дмитрій Александровичъ. Вотъ, наиримѣрь, нищій Мурмало—зглядѣнье! чтò за нищій!

— Нѣтъ, батюшка, отозвалась рѣшительно вдова:—благодарю васъ. Какъ мы ни недостаточны, а я не хочу выставять на позоръ наши нужды; мы, слава Богу, ни къ кому еще руки не протягивали.

Ларскій насилу могъ втолковать гордой матери, въ чемъ заключается все дѣло. Насилу она согласилась, и привыкла понимать слово *натурщикъ* не въ такомъ недостойномъ ея званія значеніи, какъ она его понимала. Общее знакомство скоро завязалось и недостаточная вдова сильно полюбила Ларскаго за его добрый, скромный и степенный характеръ. Часто, долго глядя на него и на дочь, она глубоко вздыхала.

— О чемъ это вы изволите такъ вздыхать, Марья Петровна? спрашивалъ Дмитрій Александровичъ.

— Ни о чемъ; одна несбыточная мысль въ голову пришла—вотъ и грустно стало, отвѣчала вдова.

— Какая же? можно будетъ полюбопытствовать?

— Нѣтъ ужъ лучше не любопытствуйте: дурой и сумасшедшей, можетъ быть, меня назовете.

— Появляйте! какъ я смѣю даже подумать это? возражалъ Ларскій: почему знать? горе горю рознь, можетъ-быть, и помочь ему можно будетъ.

— Нѣтъ, не поможете! да впрочемъ, въ этой мысли я о васъ только съ самой хорошей стороны думала. Я думала: Господи! отчего мы не богаты; я бы тогда, зажмурясь, выдала дочь съ большимъ вридаанымъ: ужъ лучшаго и добрѣйшаго мужа не было бы для нея на свѣтѣ.

— Что-жь, отвѣчалъ, заминаясь, Дмитрій Александровичъ:—равнѣ безъ этого обстоятельства нельзя привести въ исполненіе этой мысли, если вы полагаете меня достойнымъ?

— Нельзя,—отвѣчала съ новымъ вздохомъ сосѣдка:—это значило бы нужду на нужду множить.

— Не полагайте, Марья Петровна, я песовѣтъ бѣднякъ: у меня много есть кое-что для существованія и для того, чтобъ поддержать себя и семейство,—возразилъ Дмитрій Александровичъ.

— Ахъ, голубчикъ, что-же? извините меня и не обидьтесь.

— Все-съ! Десять ручныхъ пальцевъ, два глаза и, что еще больше, сметливый нюхъ,—пресерьёзно отвѣчалъ Ларскій.

— Нюхъ? это что-же такое, батюшка? извините, не понимаю.

— Нось-съ!

— Нось-то какъ же можетъ въ чемъ-нибудь, въ семейномъ благополучіи, помощь принести? право въ толкъ не могу взять,—вспричала съ удивленіемъ вдова, всматриваясь пристально въ Дмитрія Александровича и стараясь замѣтить, не смѣется ли онъ надъ нею; но выраженіе лица Ларскаго было серьёзно, тонъ его отвѣта отзывался самоувѣренностью.

— Нось-съ, Марья Петровна,—отвѣчалъ онъ:—я принимаю въ этомъ отношеніи не настоящій носъ-съ — это художническое-съ выраженіе. Это значить, что я всегда могу найтись, всегда окончить задуманное такъ, какъ слѣдуетъ: ни одной сильной тѣни, лишней не положить-съ, ни одного неирричнаго блика-съ, для какого-нибудь вычурнаго эффекта не сдѣлать-съ. Вотъ что значить, носъ-съ слѣдовательно, съ такимъ качествомъ и деньги всегда можно будетъ имѣть.

— Такъ! можетъ-быть, это и такъ; но все это только одно авось, а на немъ не далеко уѣдешь,—возражала сосѣдка.

И разговоры объ этомъ предметѣ замолкали, и Дмитрій Александровичъ самъ чувствовалъ, что однихъ надеждъ и твердаго намѣренія трудиться, какъ слѣдуетъ, и какъ только онъ въ состояніи, недостаточно для существенности. Разсудокъ началъ скоро заглушать говоръ сердца; образъ молодой дѣвушки сталъ блѣднѣть въ его воображеніи; онъ началъ собираться въ Италію и съ восторгомъ говорилъ о томъ, какія чудеса искусства будутъ служить ему моделями. Глаза молодой сосѣдки стали какъ-то въ это послѣднее время краснѣе, каленкоровые цвѣты, которые выходили такли свѣжими и натуральными, изъ-подъ руки ея, показались Ларскому какъ-будто хуже.

Оставалось не болѣе двухъ недѣль до конечнаго срока отъѣзда, когда въ семействѣ сосѣдей началась разыгрываться печальная драма.

Мать троихъ сиротъ лежала при смерти, безъ всякой надежды. Стоя у изголовья умирающей, Ларскій понималъ, что все ужъ кончено и что, черезъ день, черезъ два, и дѣвушка и мальчики останутся безъ всякаго покровителя; напрасно искалъ онъ какого-нибудь слова утѣшенія, и не находилъ.

— Кто-то будетъ теперь беречь, заботиться о васъ? стонала больная, прижимая плачущихъ дѣтей къ своей исхудалой груди: — ни родныхъ, ни близкихъ у васъ нѣтъ, кромѣ Бога.

— Успокойтесь, Марья Петровна, есть, — сказалъ вдругъ Дмитрій Александровичъ.

— Кто-же, голубчикъ?

— Я-съ!

— Вы, изъ-за тридцать земель — какъ это можетъ быть?

— Я не поѣду! Будьте покойны, говорю вамъ.

— А ваша будущность?

— Ну ее, будущность!

— А выгоды-то, а содержаніе-то, голубчикъ мой — зачѣмъ такъ безумствовать? Благодарю васъ, хоть за доброе слово. Кто могъ напечатать вамъ такое намѣреніе, если только оно искренно?

— Чувство, Марья Петровна, и Богъ! Я самъ сирота и знаю, какъ это состояніе жутко и круто, проговорилъ рѣшительно Ларскій.

И Ларскій остался! Что ни говорили ему товарищи, онъ отвѣчалъ упорно только одно:

— Что разъ сказано, то сдѣлаю!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дмитрій Александровичъ сдѣлался отцомъ и покровителемъ чужаго семейства. Новыя нужды, новыя потребности насыщались ему, какъ снѣгъ, на голову. И, какъ нарочно, идеи самыя величественныя, самыя смѣлыя, композиціи самыя граціозныя и полныя изящества, которыя бы могли составить его славу, вертѣлись въ головѣ Дмитрія Александровича. Онъ покупалъ огромный холстъ на послѣднія свои деньги, принимался чертить и писать фигуры; группы начинали появляться и оживать подъ его кистью, полныя чудной естественности; колоритъ обманывалъ зрѣніе. Для полноты совершенства не доставало только одного: кончить этотъ трудъ, чтобы стать на ряду съ великими художниками нашей школы — и что-же? Ларскій долженъ былъ бросать недокопченннмъ свое произведеніе! Голодъ, холодъ поселялись въ его квартирѣ въ то время, когда восторженное воображеніе находило новыя силы, отыскивало новыя розмахи кисти, чтобы придать написанному большую жизнь, большее правдоподобіе. Дмитрій Александровичъ долженъ былъ все бросать и дѣлаться

ничтожнымъ поденщикомъ; долженъ былъ писать наскоро, чтобъ заработать импровизированной семьѣ своей средства къ дневному пропитанію, не зная и не вѣдая, чѣмъ будетъ существовать оно на другое утро. Самую выгодною работой казались ему копія съ древнихъ художниковъ: онъ постигъ всѣ особенности ихъ манеры, работалъ неутомимо и быстро, и тотчасъ же сбывалъ съ рукъ одному смышленому торговцу, который какъ-то искусно копировалъ произведенія Дмитрія Александровича и потомъ путешествовалъ съ ними по ярмаркамъ, украшая самодѣльными Сальваторами-Роза, Тицианами, Рембрандтами картинныя провинціальныя галереи.

Когда Макарь Макаровичъ вошелъ къ Ларскому, тотъ, завернувшись въ женинъ салонъ, прилежно трудился надъ окончаніемъ изображенія чьей-то болонки. Много недоконченныхъ и едва начатыхъ картинъ, свидѣтельствовавшихъ, что онъ можетъ сдѣлать многое для искусства, висѣли по стѣнамъ.

— Славная вещь!—началъ Макарь Макаровичъ, послѣ обычнаго привѣтствія, чтобъ начать разговоръ:—копія съ чего-нибудь, дѣдушка?

— Оригиналъ-портретъ, законически отвѣчалъ Ларскій.

— Выгодная работа?

— Десять рублей; четвертую ужъ пеку. Хорошо бы можно было отдѣлать; пройти немного, поокруглить кое-что, перчику кое-гдѣ задать, да некогда, кончить надо.

— А я, къ тебѣ съ просьбой, дѣдъ: хочу тебя стащить кое-куда.

— Гм! Куда же?

— Картиночку одну удалось подмѣтить, такъ хотѣлось-бы знать какого она мастера; долженъ-быть, оригиналецъ. Пойдемъ виѣсть, посмотримъ, дѣдъ—очень одолжишь.

— Гм! у тебя обѣдъ нынче есть?—спросилъ, виѣето отвѣта, Ларскій.

— Есть, а что?

То-то и хорошо тебѣ разгуливать, а мы ужъ другой день все только картофелюпчаемъ. Видишь лапка-то совершенно дрянъ вышла, да такъ и остается: желудокъ говоритъ, что кончать надо.

— Подѣлнися, дѣдъ, обѣдомъ, пойдемъ только.

— Гм! вотъ это другое дѣло, тогда, пожалуй, пойдемъ, а сколько можешь подѣлаться?

— Да рублика три, дѣдъ, могу тебѣ одолжить.

— Вотъ что воп, то воп! проговорилъ Дмитрій Александровичъ и потомъ закричалъ женѣ:

— Катенька Александрыч!

Быть может, читателю покажется странным такое соединеніе женскаго имени съ мужскимъ окончаніемъ, и потому неспѣшимъ объяснить и эту особенность. Такое оригинальное названіе было придумано Ларскимъ въ знакъ того, что жена его, за неимѣніемъ прислуги, исполняла въ домѣ всѣ возможныя обязанности и была въ этомъ отношеніи очень похожа на патагонскую женщину. Она ходила на рынокъ, готовила кушанье, чистила платье Дмитрію Александровичу, ходила, по его порученіямъ, съ письмами, случалось даже, что чинила искусно шелкомъ лопнувшіе сапоги и мужа и братьевъ и отыскивала работу и себѣ и Ларскому; самъ же онъ только лѣниво принимался за заказныя ему картины,—ничтожныя, нетребовавшія ни вкуса, ни опытности, ни дарованія произведенія—и, получивъ какую-нибудь плату, производилъ совершенно восточный кейфъ, не забываясь нисколько объ окружающемъ его действительномъ мірѣ. Забота о будущемъ днѣ ни мало не беспокоивала его; онъ жилъ только настоящимъ, повторяя пословицу: «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и деньги». Дмитрій Александровичъ любилъ жену и глубоко сознавалъ ея безропотную къ нему преданность, и потому, при первыхъ возможныхъ средствахъ, всегда старался, чтобы она, хоть на минуту, видя вокругъ себя вдругъ дѣстатокъ, позабыла о неблагоприятной для нея сущности — о недостаткахъ, которые она испытывала, о будущихъ долгахъ лишеніяхъ, которыми ясно представлялись ей,—ей, думавшей не о себѣ собственно, но болѣе о мужѣ и мальчикахъ—братьяхъ. Твердо и положительно зная, когда сама она можетъ получить деньги за многія бесцонныя мочи, проведенныя за неблагодарною работою, Катерина Александрычъ, которую привыкли такъ называть и всѣ пріатели Ларскаго, всегда узнавала, не сирочивая его даже, надеется-ли онъ получить какую-нибудь работу или деньги, потому что онъ вставалъ уже съ ранняго утра. Онъ начиналъ все прилежно осматривать, замѣчалъ, что не глядя въ крашенный полъ, снималъ со стола ветхую скатерть и приказывалъ ее припрятать куда-нибудь въ кухню, и, обращаясь къ женѣ, говорилъ:

— Что это ты, Катенька, въ такомъ засаленномъ платьѣ ходишь? пора бы тебѣ его сжечь; надѣнь шовое, смотришь неприлично! да у тебя, кажется, и помады нѣтъ? какъ же это не позаботиться? нужно было мнѣ сказать. Нѣтъ, я вижу, ты не хозяйка, мнѣ самому надо будетъ распорядиться. Погоди, погоди, впередъ всѣмъ буду распорядиться я самъ.

И съ этимъ словомъ, Дмитрій Александровичъ, начиналъ одѣваться, скидалъ съ плечъ свой халатъ-салоуъ, перетягивалъ, за неимѣніемъ по-

мочей, женнымъ шнуркомъ стань свой и отпралялся къ двери съ видомъ очень озабоченнымъ и мрачнымъ.

— Нѣтъ-ли у тебя, Митя, сколько-нибудь мелочи на провизию? останавливала его жена.

— Нѣтъ; а что? спрашивалъ Ларскій.

— Какъ, что? придется цѣлый день безъ куска хлѣба голодать; вчера еще послѣдніе остатки вышли.

— Гм!—отвѣчалъ равнодушно Дмитрій Александровичъ:—что жъ, развѣ первый разъ случается? вѣдь до-сихъ-поръ не умерли же.—Если суждено голодать, такъ и поголодаемъ, а можетъ-быть, и не то будетъ; утро вечера мудреѣе.

И безъ дальнихъ распоряженій Дмитрій Александровичъ удалялся и пропадалъ иногда до вечеренъ. Громкій оглушительный звонъ колокольчика, при которомъ очень часто рвалась веревка, возвѣщала о его возвращеніи и онъ появлялся, нагруженный, какъ мулъ, всякой всячиной. Съ нимъ были и разные фрукты и разные сыры и разные горчицы, помады, духи, чепчики, шляпки, игрушки для дѣтей и какой-нибудь новый дорогой платокъ на шеѣ у него самого. Платокъ бывалъ всегда самыхъ нестрыхъ радужныхъ цвѣтовъ и завязанъ самымъ огромнымъ, причудливымъ бантомъ, который нисколько не гармонировалъ съ нестертымъ сюртукомъ и выношеннымъ бархатнымъ жилетомъ, купленнымъ когда-то тоже очень дорого, но въ настоящее время замасляннымъ и неживымъ многихъ пуговицъ, хотя заботливая рука Катерины Александровны и старалась, по мѣрѣ силъ и возможности, исправлять ущербъ, произведенный безпачностью Дмитрія Александровича.

— Катенька,—говорилъ онъ жепѣ:—принимай: вотъ тебѣ шляпка, во-первыхъ; посмотри, какая хорошая!

— Да куда мнѣ ходить въ этой шляпкѣ, развѣ на рынокъ? отвѣчала Катерина Александровна.

— Ну такъ что-жъ? и ходи на него, на-здоровье. На вотъ, кстати, помаду и духи; понюхай, каковы духи?

— Когда-жъ я буду имѣть нужду ими душиться?

— Нынче! я ложу въ театръ взялъ. А посмотри, каковъ я себѣ платокъ приобрѣлъ, пять рублей заплатилъ...

— Какъ у тебя въ-подъ жилета грязная тесемка болтается... А помочи-то какой-нибудь цолтинникъ стоять... Вотъ ты бы, вмѣсто дорогаго платка, лучше помочи себѣ купилъ...

— Помочи?—повторялъ Дмитрій Александровичъ, припрятывая болтающуюся тесемку:—ну объ этомъ, признаться, не догадался; да впрочемъ, и на что-жъ? помоча ходилъ безъ помочей, такъ какую-нибудь не-

дѣлю можно и въ этой сбруѣ пощеголять. А теперь, Александрыч, вотъ тебѣ пять рублей и готовъ объѣдъ, хорошій объѣдъ, чтобы можно и сыръ, и горчицу, и фрукты при немъ употребить, однимъ словомъ: чтобы все было деликатно.

— Сперва еще дровъ нужно будетъ купить, замѣчала Катерина Александровна.

— Ну, такъ и купи!

— Да въ лавку нужно заплатить: въ долгъ ужъ не вѣрять; каждый день нѣсколько разъ приходять— просто стыдно!

— И заплати; кто тебѣ что противъ этого говоритъ?

— Такъ денегъ этихъ и не хватить; нужно еще будетъ добавитъ. Митя, дай мнѣ еще сколько-нибудь.

— А гдѣ мнѣ ихъ больше взять, у турецкаго султана, что-ли занять? отзывался Ларскій.

— Такъ на что-жь ты, послѣ этого, деньги то на такія причуды тратилъ, Дмитрій Александрычъ?

— Что-жь мнѣ, въ прокъ, что-ли, нужно было ихъ солить? оправдывался Ларскій.—Вотъ тебѣ и спасибо! желалъ угодить, а вмѣсто того упрекъ заслужилъ. Ну, за что ты, Катенька Александрычъ, головой на меня киваешь? за что? Ахъ ты капризница этакая! Мужъ съ утра бѣется, бѣгаетъ повсюду, все закупаетъ, крошки во рту не видалъ, а его за это чуть-ли за волосы не деруть! Эхъ Катенька, не хорошо, право нехорошо!

— Да какъ же тебя не упрекнуть, Митя,—прерывала его жалобы Катерина Александровна:—ты бы хоть о послѣзавтра подумалъ: что мы послѣзавтра будемъ дѣлать—сообразилъ ты это?

— Ну, послѣзавтра опять на картофель съѣдемъ,—отвѣчалъ равнодушно Дмитрій Александровичъ: да того не будетъ: за шляпку я двѣнадцать цѣлковыхъ заплатилъ, можно будетъ за половинную цѣну заложить; глядишь шесть рублей неожиданныхъ и есть...

— Чтобы потомъ все пропало, какъ и всегда случалось по нашей безпечности,—замѣчала Катерина Александровна.

— Экая бѣда! будутъ деньги, новую куплю. И чтобы прекратить неприятыя для него замѣчанія, Дмитрій Александровичъ добавлялъ:—не сердись, голубчикъ, Александрычъ, вѣдь ты у меня вѣрный слуга, только не сердись, впередъ, никогда этого не сдѣлаю. Ну что, перестала сердиться? Нѣтъ, кажется, все еще губы надуты. Докажи, что ты не сердилась: надѣнь свою новую шляпку и поѣзжай съ дѣтскими прокатиться на пролеткахъ; посмотри, какія у меня славныя пролетки; барыней на нихъ по улицамъ полетѣшь!

— Такъ ты еще и пролетки взялъ! Къ чему жъ пролетки-то ты принималъ?

— Эхъ, Катя!—возражалъ съ сердцемъ Дмитрій Александровичъ—какой ты дѣлаешь глупый вопросъ! какъ не промѣнить, если есть возможность, дурное на хорошее? На пролеткахъ не такъ трясетъ да и видѣть гораздо лучше. Вѣдь ны съ тобою художники, неужели намъ не должно нравиться все, что только красиво и серьезно? Надѣвай, надѣвай шляпку и ступай: ты знаешь, какъ мнѣ пріятно видѣть, когда ты весела и довольна.

— Мнѣ бы было пріятнѣй, когда ты не дѣлалъ-бы глупостей Митя; вспомни, что уже тебѣ скоро тридцать пять лѣтъ,—замѣчала Катерина Александровна.—Ну, что мнѣ твои пролетки? не хочу я ѣхать, отнестись ихъ, пусть лучше какой-нибудь полтинникъ у тебя въ карманѣ останется...

— Не хочу ничего слушать. Не трогаютъ тебя просьбы, то приказываю тебѣ кататься, возражалъ упрямо Дмитрій Александровичъ. И Катерина Александровна съ глубокимъ вздохомъ исполнила желаніе Ларскаго, одѣвалась и выѣзжала. Дмитрій Александровичъ долго любовался шляпкой и повертывался въ разные стороны; самъ даже красовался въ ней передъ зеркаломъ, драпирясь въ салонѣ, и потомъ выходилъ даже на улицу и долго, съ великимъ удовольствіемъ, смотрѣлъ какъ легкой извозчикъ мчалъ его Катерину Александровича и ея маленькихъ братьевъ.

Въ такой день, счастливый для его сердца и желудка, Ларскаго не могли соблазнить никакіе мелкіе, хотя и выгодные заказы. Среди избытка онъ гордо сознавалъ, все болѣе и болѣе блѣднѣющее, пламя своего прежняго таланта и въ головѣ его, одна за другою, толпились идеи о планахъ огромныхъ картинъ, которыя бы могли навсегда обезпечить его существованіе.

Проходилъ день, другой, и Ларскій прилежно чертилъ эскизы, очищалъ старое полотно, чтобы начать глубокообдуманнѣй предметъ, но продолженія не слѣдовало, исчезала сперва шляпка, появлялся снова на сцену спасительный картофель; потомъ и отъ него оставались только одни обрѣзки и Дмитрій Александровичъ снова принимался или за какой-нибудь ландшафтъ, или за какую-нибудь кошку, москву и тому подобное, и писалъ съ плеча, чтобы поскорѣе доставить своей Катеринѣ Александровичу новую обнову. Она только молча задыхалась.

Таковы были Дмитрій Александровичъ и Катерина Александровна. Не возвратимся въ прерванному разсказу и къ Макару Макаровичу, котораго мы оставили въ такомъ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Катерина Александрычъ,—повторилъ опять Ларскій,—подавай поскорѣ одѣваться, тащи сапоги, сюртукъ и прочее, да живѣе; нешноворотливый ты этакій камердинеръ!

— Куда это ты?—сдѣлала вопросъ Катерина Александровна:—вѣдь ты, кажется, собачку нынче намѣревался дописать...

— Ну ее, противную! она мнѣ душу всю поворачиваетъ: чрезъ нее я такой чудный сюжетъ долженъ былъ бросить, что другой разъ подобный никогда и въ голову не придетъ.

— А вѣдь денегъ—то у насъ опять ни копѣйки нѣтъ!

— То-то и есть что имѣются. Вотъ тебѣ три цѣлковыхъ: возьми и распорядись, какъ слѣдуетъ; телятинки хорошей купи, да арбузецъ я видѣлъ, прекрасный арбузецъ, приторгуйся и къ нему... Да что это у тебя за тряпка такая на шеѣ, Катя, висить... Купи ты себѣ новый платокъ—нынче-жъ купи, чтобъ я, вернувшись и не видавъ у тебя этой тряпки, а то, право, разсержусь и никогда не кончу этого завятаго пса. Ну, что стоишь? маршируй! пошпруемъ!..

— Ты, кажется, опять за прежнее, Митя,—замѣтила Катерина Александровна:—а твое слово?

— Ну, ну, дѣлай что просятъ, дѣлай въ послѣдній разъ только, и впередъ ужъ, какъ знаешь, такъ и поступай,—докончилъ Дмитрій Александровичъ, опоясывая свой станъ уже извѣстной читателю тесемкой, съ которою ему будто тяжело было разстаться. Одѣвшись, Ларскій снова закричалъ женѣ:

— Катинька Александрычъ, подай-ка мнѣ духи.

— На что тебѣ? вѣдь не на балъ ты идешь,—возразила на это требованіе Катерина Александровна.

— Что не на балъ, то не на балъ, разумную рѣчь пріятно и слушать,—согласился Дмитрій Александровичъ,—а все-таки почему не надушиться, когда они есть...

— А когда истинная необходимость придетъ, тогда ихъ, можетъ-быть и не будетъ. Что напрасно тратить?

— Ну, тогда обойдемся и безъ духовъ, а теперь подавай да не разговаривай, не ты покупала. И Дмитрій Александровичъ надушился и провзнесъ съ самодовольствіемъ:

— Ну вотъ, какая разница: совсѣмъ другой человекъ! Ароматъ-то какой!

— Ну, нанимай, братъ, извозчика!—сказалъ Дмитрій Александровичъ Макару Макаровичу, когда они вышли на улицу.

— Полно, въ такую прекрасную погоду!.. отозвался расчетливый Макаръ Макаровичъ:—посмотри какое солнце-то.

— Для меня прекрасной погоды и непрекрасной также, при средствах, не существует, прервалъ Ларскій:—я тогда только помню о своихъ ногахъ... Въдь денегъ-то у тебя сколько-нибудь осталось? Ты, я знаю, себѣ на уиѣ: всѣхъ не отдашь!

— Есть маленько,—отвѣчалъ уклончиво Макаръ Макаровичъ, инстинктивно прикрывъ боковой карманъ.

— Ну такъ и нанмай! Я, изъ-за тебя, ни нынче, ни завтра, можетъ-быть, тридцати рублей не получу, такъ скареедничать не слѣдуетъ. Распожайся, побарствуемъ!

Макаръ Макаровичъ нанялъ извозчика и они поѣхали. По дорогѣ мелькнула предъ ними выѣзка кондитерской.

— Зайдемъ, Макарычъ, пирожковъ перехватить,—сдѣлалъ предложеніе Дмитрій Александровичъ.

— Некогда, право некогда, дѣло спѣшное, отозвался съ умоляющимъ вломъ Макаръ Макаровичъ. Ты выслушай только въ чемъ вся сущность, и ты согласишься, что нужно намъ поспѣшать, а не то, все дѣло дрянъ будетъ.

— Тебѣ нужно спѣшить, а не мнѣ, я не могу; я нынче ничего не вѣл; я припряталъ себѣ въ карманъ тридцать копѣекъ и хочу купить на нихъ пирожковъ.

— Да я угошу тебя всѣмъ, чѣмъ ты хочешь въ рестораціи, упраживалъ Макаръ Макаровичъ.

— Изъ трактира я какого-нибудь твоего поросенка въ карманѣ увести не могу, а я хочу одинъ пирожокъ съѣсть, а остальные женѣ въ гостинецъ принесу; она на меня теперь сердится, сильно сердится, а это знаю—я подѣломъ: я точно самый безалаберный человекъ. Съчъ-бы меня да съчъ. Просто, трачу деньги на дымъ... Нѣтъ, нынче было въ послѣдній разъ...

И Макаръ Макаровичъ, кусая съ досады губы, долженъ былъ исполнить желаніе Дмитрія Александровича. Ларскій съѣлъ одинъ пирожокъ, приказалъ остальные завернуть въ бумагу, и вмѣсто того, чтобъ подойти къ двери, какъ Макаръ Макаровичъ, началъ внимательно разсматривать всѣ полки и ящики.

— Ну, пойдемъ-же, кажется теперь все,—произнесъ Макаръ Макаровичъ, притянувъ къ себѣ руку своего спутника.

— Нѣтъ еще не все, посмотри сколько тутъ хорошихъ вещей! Это что у васъ за бархатная коробка, стоитъ на полкѣ? спросилъ Дмитрій Александровичъ у трактирщика.

— Бомбоньеръ!

— Покажите-ка ее?

— Что попустому смотреть, вѣдь ты ее теиерь не купишь! за-
мѣтилъ Макарь Макаровичъ, прижавъ довольно сильно руку Дмитрію
Александровичу и потомъ довольно ловко обхвативъ другою рукой его
талію.

— Отчего не посмотрѣть хорошую вещь, если есть возможность?
возразилъ Дмитрій Александровичъ.

— А что стоитъ? спросилъ онъ потомъ у прикащика, повертывая
въ разныхъ направленіяхъ бонбоньерку.

— Шесть рубль!

— Какая дорогая цѣна! и за что? Бархату тутъ четверть аршина,
еще и меньше, ну положимъ рубль, картону на десять копѣекъ, бор-
дюръ на четвертакъ, да за работу, положимъ, хоть тоже рубль, следо-
вательно всего-на-всего эта ваша пирамида стоитъ два рубля тридцать
пять копѣекъ;—разсчиталъ очень аккуратно и очень дѣльно Дмитрій Алек-
сандровичъ.

— За фасонъ,—произнесъ значительно прикащикъ:—и за хорошій
конфектъ, добавилъ онъ, сдувувъ съ бонбоньерки невидимую пылъ и
тоже внимательно осматрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ.

— А! вотъ оно что! Въ такомъ случаѣ оно, можетъ-быть, ве-
дорого. Отложите-ка мнѣ ее.

— Да гдѣ же у тебя деньги? проговорилъ въ полголоса Макарь
Макаровичъ, размахнувъ руками.

— Молчи, не твое дѣло! возразилъ Дмитрій Александровичъ... А
это что у васъ за букетъ такой? добавилъ онъ, показывая на кален-
коровые цвѣты въ картонной вазѣ.

— Для свадьбы!

— А! хорошая вещь; покажите-ка ее. А что цѣна?

— Три рубль! Нѣмецка работъ.

— Дорого, очень дорого, недобросовѣстно дорого!.. безъ цвѣтовъ,
цвѣтовъ мнѣ не нужно, что будетъ стоить одна ваза? Мнѣ она только
потому нужна, что можно будетъ куда-нибудь на столъ поставить—одно
украшеніе и больше ничего!..

— Два рубль, тоже нѣмецка работъ.

— Нѣтъ, это ужъ изъ рукъ вонъ! вскричалъ Дмитрій Александровичъ;
точно хорошая, но только дорогá; да что-же, что нѣмецкая работа? что она,
по-вашему? у нѣмцевъ двадцать пальцевъ, что-ли на рукахъ, что они
лучше могутъ сдѣлать? не самъ же хозяинъ, нѣмецъ, надъ работой
торчалъ; все, вѣдь, нашъ братъ, русскій дѣлаеть, а вашъ братъ только
чужими руками жаръ загребаетъ, пиво пьетъ да въ коляскахъ, за роз-
данные гроши, за которые онъ рублями гребетъ, разъѣзжаетъ... Это не

моделъ, согласитесь, мейнъ либеръ, что это истинно не модель! Ну что въ ней драгоценнаго, въ этой вазѣ? вся-то она алтынъ стоитъ, алтынъ, откуда ни посмотри: картона на гривну, мраморной бумаги на двѣ, да развѣ только, что вы красное вино, вмѣсто кваса, употребляете, можно, изъ совѣсти, какую-нибудь полтину лишнюю накинуть. (Дмитрій Александровичъ бывалъ всегда логиченъ въ своихъ сужденіяхъ). Хотите рубль? самая красная цѣна.

Нѣмецъ скривилъ презрительно губы, потрясъ головой и произнесъ:

— Не можно...

— Ну, полтора?

— Да на что тебѣ ея? вмѣшался снова Макаръ Макаровичъ и тотчасъ же былъ остановленъ тѣмъ же отвѣтомъ: «молчи, не твое дѣло!»

Дмитрій Александровичъ пересмотрѣлъ еще нѣсколько вещей, обсудивъ предварительно очень здраво ихъ настоящую цѣнность и потому, набравъ довольно-много, сказалъ:

«Отложите мнѣ, пожалуйста, все это въ сторону, чтобъ кто не купилъ у васъ ихъ. Хоть все это дорого, но я возьму. Я завтра долженъ получить тридцать рублей серебромъ—понимаете? дрейцигъ рубль зильберъ, ферштейенъ-зи? Ихъ махе хундъ—ферштейен-зи? и какъ получу за нихъ деньги, то тотчасъ-же и возьму... Жену хочется—ферштейен-зи? утѣшить: она у меня такая добрая, безотвѣтная; такъ отложите, завтра непременно возьму; а за такое одолженіе я съ васъ фигуру срисую, даромъ, я, надо вамъ знать, художникъ—ферштейен-зи?»

— А что ты недавно, то-есть даже за минуту, дѣлушка, говорилъ? напомнилъ Макаръ Макаровичъ.

— Что я говорилъ? Мало-ли что я говорю; какъ мнѣ помнить? отвѣтилъ Дмитрій Александровичъ.

— А то, за что ты желалъ, чтобъ тебя высѣкли—вотъ что! Теперь понимаешь?

— Правда, правда! согласился Дмитрій Александровичъ:—но ужъ это, даю честное слово, въ послѣдній разъ.

Дорогой еще Дмитрій Александровичъ старался было убѣдить Макара Макаровича остановиться и посмотреть развѣшенный на окнѣ какого-то магазина дамскій платокъ, но Макаръ Макаровичъ оказался неумолимымъ, какъ смерть. Онъ съ такимъ плачевнымъ видомъ представилъ Ларскому всю необходимость поспѣшить, объяснилъ ему все такъ откровенно, что Дмитрій Александровичъ убѣдился и отвѣчалъ:

— Да, это, разумѣется, другое дѣло, и благодарю, что ты во мнѣ не сомнѣвался: я точно готовъ скорѣе съ шарманкой идти, чѣмъ перебить дорогу къ выгодамъ. Посмотришь, посмотришь твою картину. Я

тебѣ про нея откровенно все выскажу; я лукавить и подкапываться ни подъ кого не намѣренъ...

Макаръ Макаровичъ ничего не отвѣчалъ и только попукалъ извощика, хоть конь его и скакалъ самымъ правильнымъ курцъ-галопомъ. Наконецъ они подѣхали къ харчевнѣ. Макаръ Макаровичъ спрыгнулъ легко еще на ѣздѣ, какъ сальфида, и торопливо вошелъ въ заведеніе, таща за собою Дмитрія Александровича, и такъ торопилъ его перейти въ благородную половину, какъ-будто до нея оставалось нѣсколько верстъ, и отъ каждой лишней минуты зависить все его земное благополучіе. Сердце его сильно забилось какимъ-то безотчетнымъ трепетомъ, когда онъ, увидя драгоценную для него каморку, долженъ былъ спросить у половаго: есть-ли въ ней кто; ему такъ и казалось, что онъ увидитъ въ ней Ивана Ивановича, торжествующаго, обладающаго уже картиной. Макаръ Макаровичъ радостно отдулся, когда половой отвѣтилъ ему съ низкимъ поклономъ.

— Пожалуйте, можете распорядиться.

Макаръ Макаровичъ жадно устремилъ глаза въ уголь печки—и кулакъ его быстро заходилъ предъ лицомъ Дмитрія Александровича.

— Жива, жива, канашка! проговорилъ онъ въ полномъ восторгѣ и подвелъ Ларскаго къ почервѣлому полотну.

Между-тѣмъ, по уходѣ Макара Макаровича, вскорѣ проснулся и Иванъ Ивановичъ первымъ порывомъ его было взглянуть на клѣтчатый диванчикъ; на немъ лежало лишь шерстяное одѣяло. Иванъ Ивановичъ перенесъ взглядъ на то мѣсто, гдѣ находилось пальто и шляпа Макара Макаровича—ихъ также не оказывалось. Противъ своего обыкновенія, не потягиваясь, Иванъ Ивановичъ быстро вскочилъ и закричалъ сердито кухаркѣ; позабывъ обычное присвоенное ей названіе Филатьевны:

— Марѣушка, Марѣушка! гдѣ Макаръ?

— Ушелъ-съ!

— А отчего ты не разбудила, когда онъ ушелъ? Что мнѣ, будильникъ, что-ли, нужно было ставить? самому цѣлую ночь не спать да караулить...

— Вы ничего не приказывали, отвѣчала оробѣвшая старуха, видя, что Иванъ Ивановичъ совершенно выходитъ изъ себя, забывъ все всегда имъ строго соблюдаемыя приличія.

— Молчи, продажная душа! Сама должна была догадаться: чай, разговоръ-то ты вчерашній слышала... Врешь, все врешь!.. За гривну какую-нибудь его, какъ вора, безъ всякаго шума, на цыпочкахъ, выпустила. Подавай сапоги, подавай все платье—скорѣй, аатынница!..

И Иванъ Ивановичъ одѣлся очень живо, не подумавъ даже о при-

стойномъ видѣ своихъ кудрей, даже, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни не умылся и уже торопливо отворялъ дверь, чтобъ взять въ кредить извозчика, когда вопросъ, сдѣланный Филатьевной немного замедлилъ уходить его.

— А галстухъ, развѣ вы нынче, Иванъ Ивановичъ, не надѣнете? спросила Филатьевна.

— Какой галстухъ?

— Да какой-нибудь: вѣдь шея-то у васъ голая.

Иванъ Ивановичъ схватился за шею, ощупалъ и увидѣлъ, что онъ точно былъ безъ галстуха, позабывъ, въ-торопяхъ, надѣть его. Онъ отпнулся, повязалъ кое-какъ поскорѣ платокъ и опять уже повернулся къ двери, какъ былъ приостановленъ вторичнымъ замѣчаніемъ:

— Да вѣдь я полагаю, что и безъ шляпы, также, какъ и безъ галстуха, вы не пойдете съ квартиры; вѣдь нынче не святки, чтобъ вамъ туркомъ на улицу выходить.

Иванъ Ивановичъ снова отпнулся, увидавъ, что на головѣ его надѣта въ-самомъ-дѣлѣ красная суконная феска — постоянный его ночной калпакъ, для сбереженія правильного извива длинныхъ волосъ, которую онъ долженъ былъ замѣтить, еслибъ не былъ такъ озабоченъ и взволнованъ, потому-что длинная шелковая ея кисть довольно сильно била его уши, падая чуть-ли не на самое плечо.

— Ну, осмотри меня, еще нѣтъ-ли чего? сказалъ онъ глухо кухаркѣ, не довѣряя уже ни самому себѣ, ни своему зрѣнію.

— Все теперь, кажется, на мѣстѣ и какъ слѣдуетъ, отвѣчала Филатьевна:—только лицо-то у васъ, батюшка...

— Ну, что лицо?

— Какъ будто-бы не свое, а чужое...

— Не твое дѣло замѣчать, какое у меня лицо,—докончилъ грозно Иванъ Ивановичъ, хлопнувъ дверью, чувствуя самъ, что, въ настоящемъ его положеніи, въ той досадѣ, непонятной ненависти въ ту минуту къ Макару Макаровичу и оскорбленномъ самолюбіи его, довольно пріятныя черты точно должны были утратить нѣсколько свой видъ.

Не смотря на скорость ѣзды, Иванъ Ивановичъ значительно опоздалъ передъ Макаромъ Макаровичемъ: тотъ уже успѣлъ увѣриться, что онъ не ошибся и сердце его готово было выскочить отъ радости изъ груди, когда Дмитрій Александровичъ, послѣ долгаго внимательнаго осмотра, въ продолженіе котораго ни одна черта холоднаго лица его не измѣнилась, произнесъ продолжительно:

— Это Рубенсъ!

— Шутить?—проговорилъ Макарь Макаровичъ чувствуя, что голосъ его дрожить.

— Чистѣйшій Рубенсъ, что шутить!—подтвердилъ снова Дмитрій Александровичъ.

— Такъ ты, дѣдушка, точно не шутишь? вторично спросилъ Макарь Макаровичъ, какъ-будто полагая, что онъ ослышался.

Вмѣсто отвѣта Дмитрій Александровичъ только съ досадою отвѣчалъ:

— Послѣ этого ты, Макарь Макарычъ, дуракъ!

— Спасибо, спасибо, дѣдъ, проговорилъ Макарь Макаровичъ, стразясь облобызать Ларскаго, и вдругъ внезапно остановился на полупути отъ щеки отраднанаго вѣстника. Этому изліянію признательности помѣшало появленіе половаго.

Восторгъ, сіяющая радость и самодовольствіе мгновенно исчезли съ лица Макара Макаровича; оно стало вдругъ холодно, какъ мраморъ и даже какъ-будто немного бессмысленно и тупоумно. Макарь Макаровичъ тоже бывалъ подчасъ лукавъ и себѣ на умѣ. Причиной такого видоизмѣненія было появленіе половаго, предъ которымъ Макарь Макаровичъ не хотѣлъ показать, какимъ хозяинъ его обладаетъ, сокровищемъ; онъ прехладнокровно приказалъ подать себѣ чаю и, какъ-бы, между прочимъ, указывая на картину, шутя спросилъ:

— А что, братецъ, это украшеніе завитное, что-ли у васъ, что такъ за печкой коптится?

— Да что-жъ, пусть ее коптится, вѣдъ хлѣба не просить, отвѣчалъ половой.

— Не хочеть-ли твой хозяинъ сбыть ее?—продолжалъ Макарь Макаровичъ, стараясь насмѣшливо улыбнуться.

— Кому этакое добро можетъ понадобиться?

— Да хоть-бы мнѣ: ребятинки у меня знакомые есть, могу имъ подарить: пусть ею тѣшатся...

И тутъ, Макарь Макаровичъ очень тонко и очень ловко освѣдомился о мѣстѣ жительства хозяина заведенія, которое оказалось въ томъ-же домѣ, но только совершенно въ противоположномъ полюсѣ. Чтобы добраться до хозяина, Макару Макаровичу нужно было подняться въподъ земля больше, чѣмъ на семьдесятъ ступеней къ небу.

— Чай и сахаръ,—произнесъ Макарь Макаровичъ, знавшій этикетъ, видя, что хозяинъ упражнялся въ уничтоженіи чая:—я къ вамъ съ маленькою просьбою: не продадите-ли вы мнѣ одну картинку?... Позвольте спросить васъ объ имени?

— Былъ Трифономъ!

— А батюшка-съ?

— Михайлой именовали.

— Итакъ, Трифонъ Михайлычъ, не хотите-ли вы мнѣ картинку продать?

Освѣдомившись, какую Макаръ Макаровичъ желалъ купить картину, Трифонъ Михайловичъ внимательно оглядѣлъ художника съ ногъ до головы, чтобъ разсмотрѣть, не хмѣленъ ли онъ, и потомъ произнесъ:

— Отчего-жъ не продать, дѣло торговое; иной разъ какая вещь не потребуется, всяко случается. А что вы, примѣрно, пожалуете?

— Картинка-то совсѣмъ старая,—замѣтилъ Макаръ Макаровичъ, жезая купить головку, какъ можно дешевле.

— Битая посуда два вѣка живеть,—проговорилъ глубокомысленно Трифонъ Михайловичъ:—ужь что съ этимъ *ланшафтомъ* не приключалось, а все живеть-себѣ да живеть. Рамку-то изволили замѣтить? вѣмедкой работы!

— За рамку-то почти одну и можно дать,—подтвердилъ Макаръ Макаровичъ, и потому хотите десять рубликовъ?

— Маловато,—произнесъ Трифонъ Михайловичъ, который отдадалъ бы свое достояніе даже и за пять, но, по коммерческому правилу, хотѣлъ все-таки поторговаться, чтобъ попытать, не можно-ли приобрѣсти какъ-нибудь еще нѣсколько неожиданныхъ рублей.

— Еслибъ не было у ней на щекѣ изъяну,—сказалъ Макаръ Макаровичъ, лишившійся на мгновеніе принятой имъ осторожности, можно бъ было и гораздо больше дать, а теперь желаете получить пятнадцать?

— Маловато...—произнесъ опять Трифонъ Михайловичъ, и ужь отдѣлалъ отъ бороды свою руку и приподнялъ надъ головой, вѣроятно, чтобъ ударить его по ладони Макара Макаровича и произнести отрадное: «извольте», какъ вдругъ въ другой комнатѣ раздался вопросъ: «Здѣсь живеть хозяинъ?» и вслѣдъ за этимъ, въ комнату вошелъ Иванъ Ивановичъ, запыхавшійся, немного растрепанный, но все-таки между-тѣмъ сохранившій, сравнительно съ Макаромъ Макаровичемъ, видъ франта. Макаръ Макаровичъ окаменѣлъ и только страшно заморгалъ глазами.

— У васъ внизу есть старая картина, — произнесъ Иванъ Ивановичъ, приступавъ прямо къ дѣлу:—хотите получить за нее пятьдесятъ рублей—сейчасъ и деньги на-лицо?

— Даю шестьдесятъ,—возвысилъ цѣну Макаръ Макаровичъ, полагавшій, что, можетъ-быть, Ивану Ивановичу въ-самомъ-дѣлѣ удалось перехватить гдѣ-нибудь денегъ.

— Семьдесятъ пять, если ужь на то пошло!—перебилъ Иванъ Ивановичъ.

— Восемьдесят! проговорилъ дрожащимъ голосомъ Макаръ Макаровичъ, чувствуя, что ужъ дальше этой цѣны ему нельзя идти, по неимѣнью наличнаго капитала, и при этомъ взглянулъ на Ивана Ивановича съ какимъ-то торжествующимъ видомъ.

— Даю двѣсти! вскричалъ Иванъ Ивановичъ, не разсуждая, что въ настоящую минуту у него не было даже и двадцатой доли этой суммы, и въ то же время значительно всунулъ руку въ пустой боковой карманъ.

— Да и двѣсти можно-бъ было дать, еслибъ она не была попорчена, серьезно, съ видомъ самаго искреннаго убѣжденія подтвердилъ Дмитрій Александровичъ.

Трифонъ Михайловичъ смотрѣлъ на художниковъ въ какомъ-то удивленіи, и потомъ лицо его приняло выраженіе глубокой озабоченности.

— И такъ желаете двѣсти? повторилъ Иванъ Ивановичъ.

— Зачѣмъ же торопиться, возразилъ Трифонъ Михайловичъ, — отческое наслѣдіе! нужно-бъ съ хозяйкой посоветоваться. Картина вѣмецкой работы: пообмытъ ее, такъ она такихъ-ли денегъ стоитъ; некогда было только ею заняться...

И Трифонъ Михайловичъ упорно стоялъ на своемъ словѣ и только обнадежилъ покущиковъ при прощаніи слѣдующимъ отвѣтомъ...

— Милости просимъ черезъ денекъ, или черезъ два: тамъ увидимъ и потолкуемъ.

V.

разсказъ какъ начинаютъ дѣйствовать Трифонъ Михайловичъ и Терентьичъ, и какую Терентьичъ оказалъ услугу Трифону Михайловичу, и какъ тотъ остался этимъ доволенъ.

По уходѣ Ивана Ивановича и Макара Макаровича, Трифонъ Михайловичъ глубоко задумался. Наперерывъ, одинъ передъ другимъ, возвышаемая художниками цѣна заставила его сильно почесывать затылокъ и даже жалѣть, что онъ отпустилъ такихъ горячихъ охотниковъ. Неужели въ-самомъ-дѣлѣ картина стоила сто рублей и даже могла стоить больше, еслибъ время и сырость пощадилъ ее щеку? Это казалось Трифону Михайловичу невѣроятнымъ. Онъ приказалъ снять головку со стѣны, перенести въ свою квартиру и начиналъ внимательно осма-

тривать со всѣхъ сторонъ. Картина, какъ мы уже сказали выше, была черна и грязна; чтобъ лучше судить, что въ ней особенно замѣчательнаго находили наши художники, Трифонъ Михайловичъ потребовалъ мыло и кувалку, и кухарка его сдѣлала ей мочалкой приличное обмываніе, при которомъ онъ самъ присутствовалъ, отдавъ слѣдующее приказаніе:

— Да ты песочку, песочку мелкаго немного, дура, въ мыло подпусти, только, смотри, дѣйствуй повѣжливѣе, чтобъ шкуру не содрать.

Трифонъ Михайловичъ опять внимательно оглядѣлъ головку, перенесъ съ нея взоръ на свое собственное изображеніе, написанное цвѣтно, ярко и отчетливо, въ самомъ сильномъ свѣтѣ и окончательно пожалъ плечами отъ удивленія и недоумѣнія.

— Бываютъ же дураки на свѣтѣ: пробормоталъ онъ, позарится же вѣдь на такую дрянь! Впрочемъ, въ-самомъ-дѣлѣ въ ней есть что-нибудь особенное; у всякаго свой вкусъ, отчего же, примѣрно и не задѣлать пятна? Изъянъ, какой бы онъ ни былъ, всякому товару цѣну сбавляетъ, тѣмъ болѣе въ картинѣ и на такомъ мѣстѣ; да и стѣнѣ, можетъ, самая лучшая поправка, очень недорого, гривна какая-нибудь—и больше ничего, и онъ возвысилъ голосъ:

— Капитолина! а Капитолина! закричалъ онъ; — подь-ка ты ко мнѣ, молодница; добѣги-ка до Терентьича да скажи ему, чтобъ онъ пришелъ сюда: работа, молъ, есть маленькая.

Терентьичъ былъ лицо замѣчательное въ своемъ родѣ. Съ молодости артистическое его поприще началось трениемъ на камнѣ бѣлѣ, охры, сажки и мѣдянки, замазываньемъ стеколъ и распискою оконъ, заборовъ, стѣнъ и крышъ. Съ лѣтами, когда природныя его дарованія начали замѣтно развиваться, онъ перешелъ отъ этихъ грубыхъ занятій къ болѣе изысканнымъ и началъ расписывать фресками потолки тѣхъ квартиръ, которыхъ жильцы до того неприятзательны, что имъ все равно, какія у нихъ изображенія надъ головами, только бы что-нибудь да пестрѣло. Набавивъ достаточно руку надъ трафаретами, райскими птицами и плодами самыми невиданными, Терентьичъ пошелъ еще выше и нарисовалъ на своемъ вѣку столько арбузовъ, кренделей, салоговъ, чайниковъ, курящихъ турокъ, разряженныхъ франтовъ, полунамыленныхъ и полузавитыхъ и дамскихъ румяныхъ лицъ, которыхъ колоритъ несильны были смѣть ни снѣгъ, ни дождь—что еслибъ пришлось ему пересчитывать поодиночно всѣ свои произведенія, онъ бы рѣшительно сталъ въ тупикъ; а потому Терентьичъ, желая похвалиться своимъ трудолюбиемъ, искусствомъ и извѣстностью, вмѣсто своихъ твореній, всегда именовалъ лишь тѣ лица, которыя имѣли удовольствіе имѣть ихъ своею собственностью. Такъ, наприимѣръ, Терентьичъ говорилъ:

— Ивана Миронича я убоготорилъ: Шумлу я возобновилъ; на Парижъ моя рука побывала; въ Пекниѣ кто не бось—я заглядывалъ... Кому Европа должна спасибо сказать? — нѣтъ!

Вмѣстѣ съ искусствомъ и опытностью Терентичъ соединялъ еще въ себѣ и то отличительное достоинство, что могъ въ своихъ произведеніяхъ измѣняться какъ хамелеонъ и проявлять различныя степени совершенства своего таланта, смотря по величинѣ вознагражденія и большаго или меньшаго интереса. Заказывалъ-ли ему кто работу, сильно прежде поторговавшись, за два рубля—талантъ Терентича, самый пристрастный и снисходительный оцѣнщикъ, не оцѣнилъ бы даже выше грошекъ; подражался ли онъ что-нибудь воспроизвести за пять или за десять рублей—геній Терентича сіялъ всѣмъ своимъ пятирублевымъ или десятирублевымъ величіемъ.

— Да ужъ вы не торгуйтесь, вы ужъ пожалуйста не торгуйтесь изъ-за какого-нибудь лишняго рубля,—говорилъ Терентичъ желавшимъ нѣтъ какое-нибудь произведеніе его работы:—рубль лишній въ живописи—важное дѣло; и листочекъ, глядишь, можно будетъ лишній поставить и крючечекъ какой-нибудь курьезный завернуть, финтифлюшку какою-нибудь—знаете, воспроизвести по всѣмъ правиламъ и резонамъ. А то что? пожалуй, вамъ кто-нибудь другой и скинетъ рубль, да проку-то мало въ этомъ будетъ: форсу никакого не произведетъ; а ужъ я такую, те-есть, лазурь наведу, что мое, почтеніе: однимъ словомъ, фронтисписъ—и больше ничего!..

Терентичъ рисовалъ также и портреты, которыми всѣ оставались довольны, потому-что лица самыхъ генеральскихъ и лихорадочныхъ оригиналовъ, одарялись Терентичемъ самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и имѣли все еще то художественное достоинство, что, поставленные вмѣстѣ, рядомъ, являли какъ-бы рядъ какой-нибудь фамильной галереи, по сходству чертъ и выраженія физиономій.

Вотъ къ какому лицу обратился Трифонъ Михайловичъ въ надеждѣ отъ услугъ его пріобрѣсти себѣ еще большій барышъ.

Наконецъ Капитолина возвратилась.

— Ну что,—спросилъ Трифонъ Михайловичъ:—застала Терентича? дома онъ?

— Гдѣ-жъ ему, окаянному, быть больше какъ не дома.?

— Звала его?

— Дозовется теперь его кто! намирволялся и рыломъ не ведетъ; «знать, говорить, никого не хочу; въ золотыя палаты, говорить, теперь работать не пойду, поработалъ, говорить, на своемъ вѣку — пора и честь знать!»

— Ишь его когда нелёгкая угораздила! проговорилъ съ досадою Трифонъ Михайловичъ и тутъ же значительно прищелкнулъ пальцемъ, добавивъ :

— А все-таки нѣтъ худа безъ добра! Подай-ка мнѣ, лебедка, шапку: схожу я за нимъ самъ, авось порастреусу.

Для полнаго очертанія личности Терентьича, необходимо добавить къ ней еще нѣсколько штриховъ. Служа усердно, но нѣрѣ силъ и способностей, Аполлону, Терентьичъ служилъ съ неменьшимъ рвеніемъ и Бахусу и почиталъ, какъ-бы даже обязанностью всегда дѣлать продолжительные отдыхи послѣ трудовъ своихъ, покуда полученная имъ за работу плата не переходила, до послѣдней копѣйки, въ другія руки. Тогда только Терентьичъ ужѣрялъ свои порывы къ развлеченію, дѣлался необыкновенно угрюмъ, запрашивалъ вдвое и рѣдко когда сбавлялъ опредѣленную имъ цѣну, принимая при ней въ расчетъ прогуленное имъ и желая его наверстать. Съ Терентьичемъ, въ здоровомъ его состояніи, трудно было сладить, между-тѣмъ, какъ въ веселомъ расположеніи духа онъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Правда, что въ такія минуты онъ хотъ и заламывалъ цѣны еще огромнѣе, почти неслыханныя, но зато тотчасъ же и спускалъ ихъ чуть-ли не до самой ничтожной суммы. Въ такія минуты Терентьичъ брался за все и за какую угодно цѣну, исполнялъ заказанное очень скоро и, по какому-то странному закону опытности, или по привычкѣ, исполнялъ нисколько не хуже и не лучше всего имъ когда-либо произведеннаго. Съ Терентьичемъ въ подобныя минуты было еще тѣмъ пріятнѣе имѣть дѣло, что онъ бывалъ очень вѣжливъ и нѣженъ, лѣтъ каждый мигъ со всѣми дѣловаться, увѣрялъ въ своей преданности и даже, въ порывѣ какого-то великодушія, подновлялъ, поправлялъ и замазывалъ даже то, о чемъ не торговались и за что онъ въ другое время потребовалъ бы особенной платы.

Когда Трифонъ Михайловичъ пришелъ къ Терентьичу, Терентьичъ лежалъ на постели и, держа въ рукахъ пойманнаго имъ таракана, по случаю своего одиночества, велъ съ нимъ разговоръ, доказывавшій, что онъ былъ въ самомъ хорошемъ и добромъ расположеніи.

— Ты у меня, пріятель, зачѣмъ по столу бѣгаешь да хлѣбъ мой кусаешь? говорилъ Терентьичъ:—нахлѣбникъ что-ли ты мой, работникъ, что-ли? что я кормить тебя долженъ—а?

И при этомъ Терентьичъ сильно грозилъ пальцемъ. Приходъ Трифона Михайловича прервалъ этотъ монологъ.

— А, благодѣтель! воскликнулъ Терентьичъ, подымаясь съ своего лежа и выпустивъ таракана, которому онъ прибавилъ:

— Ступай, бестія, такъ ужъ и быть, ступай; благодари Трифона Михайлыча, а не то бы я тебѣ свернулъ шею...

— Бѣжить, вѣдь бѣжить, — докончилъ онъ, — стадо-быть, и у этихъ звѣрей въ головѣ есть мозгъ, началъ онъ, переходя съ рѣчью къ Трифону Михайловичу, который, желая обойтись съ Терентьичемъ по всѣмъ правиламъ вѣжливости, отвѣчалъ:

— Оно всеконечно, должно полагать, что есть: коли у насъ съ тобою, Терентьичъ, мозгъ въ головѣ есть, такъ почему же его и у другихъ не быть — дѣло вѣдомое!

— А вотъ, право какъ книга, вы говорите, Трифонъ Михайлычъ, вскричалъ Терентьичъ. — Позвольте за это поцѣловать васъ.

И Терентьичъ, утеревъ себѣ предварительно губы, запечатлѣлъ нѣсколько медленныхъ поцѣлуевъ на полныхъ щекахъ Трифона Михайловича.

— Довольны, много довольны, Терентьичъ, за пріятельство, произнесъ наконецъ Трифонъ Михайловичъ, видя, что рядъ поцѣлуевъ еще продолжается.

— Ань вотъ и не то слово сказали, — возразилъ Терентьичъ: — чтобы мнѣ васъ не цѣловать; да кого-же послѣ этого? Нѣтъ это вы совѣтъ не то произносите. Ручку пожалуйста, пожалуйста мнѣ, скотинѣ, вашу ручку; скотина я предъ вами, предъ всѣми скотина: веду себя не такъ, какъ слѣдуетъ...

И Терентьичъ, несмотря на все сопротивленіе Трифона Михайловича, началъ кружиться вокругъ его туловища и ловить руку, которую тотъ отдергивалъ, повторяя:

— Да полно, Терентьичъ, зачѣмъ такіа церемоніи соблюдать? мы не дамскаго происхожденія...

— Да ужъ поймаю, поймаю, — твердилъ Терентьичъ.

— Довольно, Терентьичъ, произнесъ Трифонъ Михайловичъ, когда, наконецъ, Терентьичъ добился до своего желанія и вскричалъ самодовольно:

— Чтó, чья взяла?

Тутъ Терентьичъ усѣлся снова на кровать, покачалъ сильно головою и проговорилъ:

— Да! нехорошо, совѣтъ нехорошо!

— Чтó нехорошо, Терентьичъ? спросилъ Трифонъ Михайловичъ.

— А то, что я закувыркался, матинька моя. Охъ, еслибъ кто меня прикомотилъ, ужъ вотъ, кажется, какое-бы спасибо сказалъ! «Бей, сказалъ-бы, дурака, бей: зачѣмъ работу оставилъ, зачѣмъ гуляешь».

— Поправимся, поправимся, Терентьичъ, перебилъ Трифонъ Ми-

хайловичъ: кто Богу не грѣшенъ? Вотъ и я къ тебѣ съ заказомъ пришелъ; правда дѣлцо совершенно дрянное, но все-таки ребятишкамъ на молочишко можешь выработать.

— Что-жь, готовъ, убогаторю, право убогаторю! отозвался Терентьичъ.—Рококо какое-нибудь?.. Можно, все можно; для кого другаго нельзя, а для васъ все, Трифонъ Михайлычъ. Позвольте васъ поцѣловать.

И Терентьичъ снова утеръ себѣ губы и снова облобызался.

— У меня есть одна мордочка, продолжалъ Трифонъ Михайловичъ (называя такъ унизительно свою картину, чтобъ сторговаться съ Терентьичемъ какъ можно походиѣ) совершенно старье да давно въ дошѣ, такъ и хотѣлось-бы немножко ее того...

— Можно того, все можно! подтвердилъ Терентьичъ.

— На щекѣ маленько краска поотпала, такъ зачинить, зашпаковать требуется.

— Можно.

— Ну, а что этакое обстоятельство, примѣрно по-твоему стѣить можетъ, Терентьичъ; только-бы, знаешь, было, что называется, чистота въ отдѣлкѣ?..

— Какое обстоятельство и какая чистота, произнесъ Терентьичъ:— разные выходятъ случаи; можетъ быть, кармину потребуется... Нужно посмотреть, смекнуть... за глаза нельзя.

— Такъ пойдѣмъ!

— Гм! ухмыльнулся Терентьичъ. Вотъ у васъ сейчасъ ужъ и закипѣло, будто-бы такъ больно къ спѣху! время мнѣ теперь нѣтъ: дѣла много; что изъ-за маленькой работы попустому изъ дому бѣгать? Время дорого; имъ какъ пескомъ бросать не слѣдуетъ.

— Полно, полно кобениться, Терентьичъ,—прервалъ Трифонъ Михайловичъ:—пойдемъ, посмотримъ, сторгуемся, а потомъ позакусимъ. Хочется пріятелю подарить къ одному экстренному случаю, такъ надо поспѣшить. Скупиться не буду, право нѣтъ.

— Чтожь, пожалуй, подти можно; да вѣдь я дешево взять не могу,—заключилъ Терентьичъ, слѣдуя за Трифономъ Михайловичемъ:—хлопотъ половъ ротъ; дешево не возьму, не тѣ часы.

Возвратясь домой, Трифонъ Михайловичъ приказалъ предварительно немногo угостить Терентьича и потомъ поставилъ передъ нимъ картину.

— Ну вотъ,—сказалъ онъ, указывая на пятно, находившееся на щекѣ:—только и всего; единственно изъ одного каприза желательно по-

править, а те-бы и такъ обошлось. Хороша-ли картина, какъ не-твоему, Терентьичъ?

Терентьичъ посмотрѣлъ картину прямо, потомъ перевернулъ ее, постукалъ рукою по полотну и произнесъ:

— Живеть-себѣ! Бываетъ, что и хуже поправляютъ...

— Чт-о? протянулъ Трифонъ Михайловичъ:—ахъ ты чистая душа въ потемкахъ! да знаешь ли ты, что эта картина-то заграничная и да же не простая, нѣмецкая, а подымай выше.

— Рафаила, небось? важно произнесъ Терентьичъ.

— Какого Рафаила?

— Какого? Извѣстно какого, одинъ только Рафаилъ и былъ, отвѣчалъ Терентьичъ:—набольшаго, головы, однимъ словомъ: заграничнаго цеза, того, который выдумалъ зеленую и голубую краску—вотъ какого!

Дальнѣйшихъ и болѣе точныхъ свѣдѣній о Рафаэлѣ Терентьичъ сообщить Трифону Михайловичу не могъ...

— Нѣтъ, не его, а какого-то другаго—отвѣчалъ трактирщикъ, а только тоже видно такого, который не лѣвой ногой себѣ носъ утираетъ... Люди такіе, братецъ, говорили, которые всѣ степени провозили...

— Да кромѣ Рафаила, кто-же по ихъ словамъ, не лѣвой-то ногой еще утираетъ,—произнесъ съ увѣренностью Терентьичъ;—не Рафаила, такъ и значить, что немногаго стоитъ. Вѣдь вотъ смотрите, точно ее всю кто сажой оцекатурилъ... Только одни черви, чай, еще не пробовали... А поправить можно, поотбѣлить, форсу кое-гдѣ задать... однимъ словомъ: лагузь, гдѣ слѣдуетъ, навести...

— И аккуратно можешь ты это сдѣлать, Терентьичъ?

— Еще-бы! Вѣдь я тоже, кажется, давно всѣ степени самъ прохожу, отвѣчалъ съ самоувѣренностью Терентьичъ.—Карпа Петровича не извоили знать? Вотъ ужъ былъ мастеръ, такъ мастеръ!.. Куда противъ него кому написать! да, и съ тѣмъ я вѣстѣ работалъ. Бывало, ножки да складочки, да вѣнички-то дописываетъ кто—Терентьичъ! Кто бордюрики у него обводитъ—Терентьичъ! Да, мастеръ былъ!.. а это не Рафаилова работа... ее всю почти переписывать нужно: стара больно... дѣло совсѣмъ вонъ изъ рукъ выходить.

— Ну, а что будетъ стоять, устроить все, какъ слѣдуетъ?—спросилъ Трифонъ Михайловичъ Терентьича, который снова началъ постукивать рукою по полотну и держалъ картину противъ свѣта.

— Трудно съ перваго раза сказать. Можно и за три рубля исправить, можно и до пятнадцати натянуть: какія употребятся краски. Ба-

для обыкновенных тут не годятся, нужно будет крышки шарфовидные употребить; а баканги не годятся, нужно будет карманку подпустить.

— Да, да, чтобъ было все въ акурать,—подтвердилъ трактирщикъ.

— Рубликовъ десять, замнурася, можно потребовать!

— Эва!

— Меньше нельзя, много работы,—рѣшительно произнесъ Терентьичъ.

— Да какая-же? Лишай только замзатъ? Какая тутъ работа? Рубляна полтора—по истинѣ будетъ безъ обиды...

— Нельзя! Нужно всю сажу, все чернила шеста поотблать снова,—рѣшительно отозвался Терентьичъ.—Вотъ смотрите сами: что это, подь носомъ за табакъ такой? словно кто чернилами мазнулъ... ради стараго знакомства, рубля два могу уступить, а ужъ больше невозможно, самому въ убытокъ будетъ.

— Ну, два рубля, Богъ ужъ съ тобой! малый—то ты серебряный!

— Семь—последнее слово! Нынче все дорого. Охра-то, не бось теперь поди сунься ее купить, такъ и отъѣдешь съ чѣмъ прѣхалъ... а къ берлинской лазури лучше и рукъ не протягивай—такъ и обожеть... Семь рублей настоящая цѣна...

— Ну такъ и быть, три—и больше ни слова, произнесъ Трифонъ Михайловичъ, схвативъ руку Терентьича и ударяя слегка своею по его ладони.

— Чего нельзя того нельзя, повторилъ Терентьичъ:—сказалъ шесть съ полтиной, такъ ужъ и цѣлый вѣкъ буду твердить...

— Эй, три рублика, самая барская цѣна; полно все твердить одно и то же, какъ сорока про Якова...

— Нѣтъ, Трифонъ Михайловичъ, я человекъ прямой!..

— Послушай, да ты только послушай—экая ты голова неразумная, твердилъ Трифонъ Михайловичъ:—вѣдь три рубля не голышь какой; ихъ ты на улицѣ не обрѣтешь; въ руку ихъ тебѣ никто, въ знакъ почтения, не положитъ... Хуже будетъ, когда плюну на тебя, да на картину...

— Зачѣмъ плевать: она вещь, такъ-такъ себѣ, всегда своихъ денегъ стоять будетъ, прервалъ Терентьичъ... Вотъ мое последнее слово: четыре... и меньше ни на волосокъ не могу...

— Развѣ ужъ у вывѣски кое-что поправимъ...

— Можно, все можно, отвечалъ Терентьичъ.

Торгъ былъ оконченъ. Терентьичъ въ тотъ-же день взялъ картину

и принялся за ее реставрирование. На прощанья, Трифонъ Михайловичъ несовсѣмъ увѣренный въ его художествѣ, не преминулъ, впрочемъ, зайти ему:

— Ты только смотри, братецъ, восторги—то своим поокорачивай; не слишкомъ своимъ рукамъ волю давай!

— Знаемъ это, знаемъ, отвѣчалъ на это Терентьичъ:—ужь убоготорю; а вотъ за десять—то бы рублей еще больше убоготорилъ...

Черезъ три дня Терентьичъ, сдѣлавшійся совершеннымъ безсребренникомъ и потому прилежнымъ до крайности, возвратилъ картину по принадлежности. Онъ поставилъ ее передъ свѣтомъ и началъ объяснять то, что было имъ исправлено.

— Дурными красками была написана,—замѣтилъ Терентьичъ, оттого и почертила; а я поправилъ теперь по чистой совѣсти, пензой сперва все неровности счистилъ, да простыхъ бѣлилъ не клалъ, а все *крымъ шифервейсъ*—это такой голубчикъ, что никогда не пожелтѣетъ. Вотъ теперь картина и вышла хоть куда!

Трифонъ Михайловичъ оглядѣлъ ее и, стараясь скрыть радостную улыбку, произнесъ:

— Да, кажется, теперь живетъ—таки себя кое-какъ!

— Какой кое-какъ! совсѣмъ—таки живетъ,—возразилъ Терентьичъ:—красокъ—то на сколько окаинная съѣла; все однимъ карминомъ щеки ей пичкалъ, бакану хоть-бы на волосъ было. Фронтисписъ — хоть кому хочешь покажи.

— Важнительно, важнительно! согласился Трифонъ Михайловичъ:—а все-таки слово—то свое не позабуди: вывѣску все-таки поправь...

И Трифонъ Михайловичъ тщательно завернулъ картину, въ ожиданіи случая сбыть ее за самую удовлетворительную цѣну.

Вечеромъ Трифонъ Михайловичъ снова открылъ картину и долго любовался ею при свѣчахъ. Густо покрытая лакомъ, она блестѣла точно зеркальная. Трифонъ Михайловичъ потеръ руки и проговорилъ:

— Да, теперь—таки можно будетъ завести другую рѣчь.

Между-тѣмъ ни Макаръ Макаровичъ, ни Иванъ Ивановичъ не дремали и дѣйствовали со всею энергіею, какую могло только внушить имъ желаніе восторжествовать надъ усиліями одинъ другаго.

Надавъ такую значительную цѣну, Иванъ Ивановичъ рассчитывалъ, на одного человѣка, котораго онъ часто видывалъ у нѣкоторыхъ знакомыхъ ему дамъ. То былъ нѣкто Иванъ Тимоеевичъ Бобриковъ, холостякъ, лѣтъ пятидесяти, неизвѣстнѣй во всю свою жизнь, кажется, ни

одной слабости, кроме маленькой страсти къ любостыжанію. Когда Иванъ Ивановичъ явился къ Бобрикову, тотъ сѣдѣлъ за чтеніемъ одной нравственной книги, и толстыя досыщающія черты его выражали какое-то умиленіе; на одномъ изъ его оловянныхъ глазъ сверкало даже нѣчто въ родѣ слезинки.

— Ахъ, маменька вы моя,—вскричалъ Иванъ Тимофеевичъ, касаясь толстыми своими губами щеки Ивана Ивановича:—сколько лѣтъ, сколько зимъ! По какому счастливому случаю?

— Да дѣло есть до васъ, да очень порядочное дѣло!

— Вотъ какъ! Что-жъ, мы отъ дѣла не бѣгаемъ; просимъ милости.

— Помощь ваша будетъ нужна, голубушка моя!

— Радъ помочь добрымъ людямъ! отвѣчалъ Иванъ Тимофеевичъ:—тѣмъ болѣе, что я вамъ скажу, кто прочтетъ эту книгу, тотъ ужъ, съ позволенія сказать, готовъ сдѣлаться рабомъ всему человѣчеству.

Тутъ Бобриковъ значительно похлопалъ по открытой предъ нимъ страницѣ.

— Душеспасительная эссенція, располагающая къ добру!—добавилъ онъ:—представьте себѣ: въ этомъ интересномъ предметѣ изображенъ здѣсь одинъ старецъ:—ну такъ бы его и расцѣловалъ! всѣмъ жертвуетъ для ближнихъ, рубашку свою послѣднюю отдаетъ немущему безъ всякаго возмездія.

И Иванъ Тимофеевичъ съ чувствомъ потрясъ воротникъ своего халата и изъ его сѣрыхъ глазъ выкатилось нѣсколько слезъ. Успокоившись отъ минутнаго волненія, Бобриковъ спросилъ у Ивана Ивановича:

— А какого рода помощь: финансовая, что ли?

— Финансовая!

— Что-жъ, можно; не прочь служить ближнему; послѣ такого назидательнаго примѣра нужно быть каменнымъ, чтобы, такъ сказать, не вникать какому-нибудь этакому воню.

— Иванъ Тимофеевичъ, произнесъ Иванъ Ивановичъ:—хотите вы нажать на рубль три?

Бобриковъ посмотрѣлъ внимательно на Ивана Ивановича.

— Хе, хе! засмѣялся онъ потомъ:—какой вы дѣлаете странный

впередъ! Ну что жъ этого не хочеть? разумитесь, давайте, давайте сюда атеть случай...

— Только съ условіемъ.

— Магарычи, что ли? отчего же не такъ, если дѣло точно окажется выгодное: вѣдь я, согласитесь, человекъ.

— Нѣтъ, не магарычи, а все пополамъ, отвѣчалъ съ рѣшительнымъ видомъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ какъ вы нынче высоко летаете, Иванъ Ивановичъ! пожалуй, говорите въ чемъ же и штука?

— Извольте, скажу, только сперва сдѣлайте письменное условіе, что весь барышъ пополамъ.

— Къ чему жъ условіе-то между благородными людьми? возразилъ съ достоинствомъ Бобриковъ.

— Да такъ, все лучше-бъ!

— Гм! Почему же вы настаиваете, что лучше, а можетъ-быть и не лучше, продолжалъ Бобриковъ:—неудобно ли вамъ прочесть кое-что въ этой книжечкѣ, такъ вы и узнаете, что бумагу попросту марать не слѣдуетъ. Честность, довѣренность, безкорыстіе душевное, преданность къ ближнему — вотъ въ чемъ все главное. Такъ въ чемъ же состоитъ ваше предложеніе?

— Картину виѣсть купить — вотъ какое...

Бобриковъ съ изумленіемъ отступилъ отъ Ивана Ивановича и снова засмѣялся:

— Да нельзя здоровы ли вы, позвольте вашъ пульсъ пощупать, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ онъ.—Такъ на подобную-то дрянъ и дѣвность вы хотите рубль на рубль и болѣе нажать? Нѣтъ-слуга покорный, мнѣ и даромъ такихъ предметовъ не нужно. Вотъ если бы серебро и золото, камешки какіе-нибудь, да неблагопріятнымъ обстоятельствамъ приобрести—я не прочь, а всѣ эти искусства, науки и художества ничего для меня не стоятъ. А что, картина большая?

— Нѣтъ, маленькая.

— Въ какой нибудь драгоценной рамѣ?

— Въ самой старой, обыкновенной.

— Еще лучше! Нѣтъ, родной, не съ руки!

Что ни говорилъ Иванъ Ивановичъ Бобрикову, какъ ни объяснялъ ему рѣдкость и цѣнность картины, Иванъ Гимосевичъ творилъ упорно только одно:

— Я въ вашемъ предметѣ ни аза не смыслю. Вы люди молодые, вамъ и ворона за сокола иногда покажется, а мы старые воробьи; что и деньги даромъ проѣзжать! Съ серебромъ, съ золотомъ, съ камешками, милости просить.

Иванъ Ивановичъ удался отъ Бобрикова, пылая на него самымъ сильнымъ гнѣвомъ. Иванъ Ивановичъ рѣшился даже обратиться съ займомъ къ ненавистному Кренделькову. Крендельковъ принялъ его ласково, наговорилъ ему очень много лестнаго о его талантѣ, о будущности, которая ждетъ его, но въ деньгахъ рѣшительно отказалъ словами самыми вѣжливыми и полными участія. Собравъ всю свою движимость, Иванъ Ивановичъ опять явился къ Бобрикову. Онъ разложилъ предъ нимъ свою шинель съ бобровымъ воротникомъ, свое зеркало въ черепаховой оправѣ, свои сигарочницы прекрасной французской бронзы, однимъ словомъ: все, что только могло имѣть цѣнность. Изъ благородныхъ металловъ оказался только одинъ складной гребешокъ, да чайная и столовая ложки. Иванъ Тимофеевичъ, нечитавшій въ то время никакой назидательной книги, осмотрѣлъ все разложенное предъ нимъ съ величайшимъ вниманіемъ и произнесъ:

— Прекрасныя вещи, превосходѣйшія! Я полагаю, что вы не одну сотню на нихъ убили, Иванъ Ивановичъ.

— Одинъ боберъ полтора ста рублей стоитъ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вспомнивъ пословицу, что языкъ безъ костей, и не стѣсняясь въ количествѣ цѣны.

— Вѣрю, вѣрю, — подтвердилъ Бобриковъ: — какъ не стоитъ въ настоящее время и больше стоитъ; нынче мѣха куда какъ вздорожали!

— А суконце-то какво? замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, подставляя къ лицу Бобрикова кашюшонъ.

— Деликатесь сукно! подтвердилъ Бобриковъ. — Что же вы съ этимъ всѣмъ ждете дѣлать?

— Да хотѣлъ бы у васъ подѣ это позанимствовать.

— Пожалуй; а сколько угодно?

— Двѣсти рублей.

— Иванъ Ивановичъ, голубушка моя! возразилъ Иванъ Тимофеевичъ: — что вы!..

— Да вы сами же сказали, что одинъ боберъ болѣе полутора ста рублей стоитъ, возразилъ Ивановъ.

— Ну что жъ, не отпираться, сказалъ, — отвѣчалъ Иванъ Тимофее-

вечь. — Да вы сообразите, что такое боберъ, хоть бы онъ и тысячу стоилъ—памятникъ, что ли, какой гранитный, пирамида египетская? Прахъ, тлѣніе. Случись пожаръ, или наводненіе — вотъ и адѣ мовъ плезиръ?

Насмлу Иванъ Ивановичъ выманилъ у него двадцать пять рублей, но не совѣтъ еще отчаялся:—въ головѣ его мелькнула надежда, хотя и шаткая.

— Отправляюсь нынче въ клубъ,—подумалъ Иванъ Ивановичъ:—и рискну поиграть въ карты: авось вывезетъ», и съ этой утѣшительной мыслью онъ началъ нетерпѣливо дожидаться вечера. Усталый отъ хлопотъ, Иванъ Ивановичъ прилежъ немного отдохнуть послѣ обѣда, приказавъ старухѣ разбудить себя въ назначенный часъ.

Было уже совершенно темно, когда проснулся онъ самъ, отъ волненія ли, отъ другаго ли чего; всѣ предметы представлялись ему неясно и принимали громадные размѣры. Онъ наскоро одѣлся, поѣхалъ и игралъ и выигралъ; кипа депозитокъ шелестилась въ его боковомъ карманѣ. Полный самаго радостнаго чувства, онъ не могъ спать и, дожидаясь другаго утра, бродилъ безъ цѣли по какимъ-то неизвѣстнымъ ему улицамъ.

Едва пробило только девять часовъ, сгарая отъ нетерпѣнія, позабывъ о приличіяхъ, Иванъ Ивановичъ, былъ уже въ квартирѣ Матрены Петровны.

— Куда вы? остановила его горничная:—барышня еще почиваетъ; вчера очень поздно сидѣла съ Крендельковымъ.

— Надѣюсь, что сидѣла въ послѣдній разъ, пробормоталъ Иванъ Ивановичъ и потомъ добавилъ громко:

— Нужды нѣтъ, разбуди! Есть очень важное дѣло; ты только скажи барышнѣ, что, молъ, Иванъ Ивановичъ пришелъ?

Сказавъ это, не помня совершенно, что онъ дѣлаетъ, Иванъ Ивановичъ подошелъ къ спальнѣ Матрены Петровны.

— Что вамъ угодно?—спросила Матрена Петровна.

— Пришелъ вамъ сказать, что мы теперь можемъ быть счастливы, произнесъ восторженно Иванъ Ивановичъ—Я богатъ! скажите: любите вы теперь Кренделькова?

— Ненавижу!

— А меня?

— Люблю безъ памяти!

— Такъ пожалуйста, просуньте мнѣ вашу ручку, — сказала Иванъ Ивановичъ, позвольте поцѣловать ее.

И Иванъ Ивановичъ готовился уже исполнить свое желаніе, когда чья-то тяжелая рука упала ему на плечо и вслѣдъ за этимъ раздался голосъ:

— Куда, куда? далеко кулику до Петрова дня!

Иванъ Ивановичъ обернулся; предъ нимъ стоялъ ненавистный Макаръ Макаровичъ. Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и проснулся. На плечѣ его точно лежала рука, но только кухарки. Богатство и благополучіе ему только грезились.

Иванъ Ивановичъ поѣхалъ въ клубъ, чтобы доѣхать скорѣе, на прекрасномъ извозчикѣ; онъ игралъ; клубъ кончился; съ неба опять падалъ снѣгъ и дождь, но онъ возвратился домой уже пѣшкомъ.

Макаръ Макаровичъ дѣйствовалъ успѣшнѣе. Онъ объѣздилъ и объѣдалъ всѣхъ своихъ знакомыхъ художниковъ и нехудожниковъ и, забывъ всю свою застѣнчивость и совѣстливость, съ такимъ отчаяннымъ видомъ просилъ у всѣхъ въ займы денегъ, какъ-будто ему пришлось хоть въ петлю лѣзть. Покрытый потомъ, съ всклокоченными волосами, едва переводя дыханіе отъ усталости, переходилъ онъ изъ дома въ домъ, подымаясь иногда до самыхъ крышъ, иногда спускался чуть-ли не въ самые подвалы, и наконецъ успѣлъ увеличить основной свой капиталъ тридцатью рублями. До цѣны, предложенной Иваномъ Ивановичемъ, было еще очень далеко, но Макаръ Макаровичъ не унывалъ, въ умѣ его вертѣлась мысль переписать картины для всего Гостиннаго ряда, во всѣхъ возможныхъ родахъ; онъ готовъ былъ даже красить крыши и стѣны, чтобъ только заработать остальную сумму; онъ чувствовалъ въ себѣ для этого, въ ту минуту, необыкновенныя силы и дѣятельность.

Макару Макаровичу было извѣстно, что Иванъ Ивановичъ не могъ еще купить картины, потому-что хоть они тотчасъ же и разстались и между ними посѣлилась открытая вражда, однакожъ, тайное наблюденіе за поступками другъ друга продолжалось очень дѣятельно. Макаръ Макаровичъ находилъ всегда случай столкнуться нѣсколько разъ въ день съ кухаркой Ивана Ивановича и спрашивалъ ее:

— Ну, что твой маляршкка?

— Въ пальцы свистить.

— Право? — радостно переспрашивалъ Макаръ Макаровичъ и потомъ, невполнѣ еще увѣренный въ справедливости сказаннаго, не лѣнился

пройти и мимо знакомыхъ Ивану Ивановичу извозчиковъ, чтобъ спросить также и у нихъ: въ какія улицы зашелъ Иванъ Ивановичъ и платилъ-ли имъ наличными или оставался должнымъ. Справки оказались самыми благопріятными, тѣмъ-болѣе, что пѣшеходное возвращеніе Ивана Ивановича изъ клуба домой было передано кухаркою Макару Макаровичу съ выраженіемъ непритворнаго участія ея къ новому платю, и въ особенности къ новымъ саногамъ бывшаго его пріятеля, а между-тѣмъ Макаровъ не былъ еще покоенъ виолнѣ. Иванъ Ивановичъ имѣлъ многочисленное знакомство и очень легко могъ кого-нибудь подбить, изъ зависти, на покупку головки. Сердце Макара Макаровича сильно билось, когда онъ, снабженный почти-что полною суммою, радостно выходилъ изъ дома, чтобъ сдѣлаться окончательно обладателемъ картины. Мысль эта, смѣшиваясь съ возможностью побывать въ Италіи, такъ занимала его и такъ онъ былъ ею весь проникнутъ, что нѣсколько разъ, замѣчая проезжающаго мимо извозника, онъ вскрикивалъ, въ разсѣянности:

— Извозникъ! въ Римъ.

— Въ Неаполь, развѣ, баринъ, на такую-то улицу, поправлялъ Макара Макаровича иной извозникъ, имѣвшій тоже кой-какія свѣдѣнія въ замѣчательныхъ географическихъ мѣстностяхъ.

Макаръ Макаровичъ приходилъ въ себя и еще быстрѣе продолжалъ идти впередъ, чтобъ завернуть въ разныя стороны, къ нѣкоторымъ товарищамъ, пригласить ихъ на свое торжество и даже угостить, какъ слѣдуетъ, на радости. Онъ зашелъ сперва къ одному своему хорошему пріятелю, котораго нѣжно звалъ Подмалѣвочкой и, не объясняя ему прямо въ чемъ дѣло, съ таинственнымъ видомъ звалъ на пиръ. Человѣкъ пять набралъ такъ Макаръ Макаровичъ и, въ сопровожденіи всей толпы, слышавшей отъ некоего цѣлую дорогу только одинъ отвѣтъ: «увидите, увидите, и тогда вамъ небо съ овчинку покажется» дошелъ до скромнаго ресторана Трифона Михайловича.

— Что, хозяинъ дома? спросилъ онъ у половаго.

— Вышедши!

Самъ не зная почему, Макаръ Макаровичъ почувствовалъ, что сердце его вздрогнуло отъ этого очень обыкновеннаго и ничего важнаго въ себѣ незаключающаго вопроса.

— Мнѣ бы желалось поговорить на счетъ картины, началъ онъ опять нетвердымъ голосомъ.

— Можно-съ, — отвѣчалъ половой: — теперь она у насъ въ настоящемъ видѣ, умыта-съ, причесана-съ, извольте только любоваться...

— Право?—проговорилъ Макаръ Макаровичъ и тутъ-же прибавилъ:
—а что, господишь, который се мной былъ, не приходилъ къ вамъ?

— Не приходилъ.

Пугливое сердце Макара Макаровича совершенно успокоилось; ему чудилось уже, что картина въ его рукахъ, онъ ужъ любовался ею заранѣе, и приказавъ, тотчасъ-же его увѣдомить, когда вернется хозяинъ, распорядился на славу.

Потирая съ самодовольствіемъ руки, Макаръ Макаровичъ показалъ въ тотъ день щедрость необыкновенную, и поминутно кричалъ половому, чтобы онъ сбѣгалъ и справился: не пришелъ-ли хозяинъ? Наконецъ утѣшительный отвѣтъ произнесенъ! Макаръ Макаровичъ всталъ и, съ новымъ біеніемъ сердца, отправился къ Трифону Михайловичу.

— А я къ вамъ, все за тѣмъ же, произнесъ онъ.—Ну что, пообдумали-ли? желаете-ли продать картину?

— Продать, отъ чегожъ не продать!—отвѣчалъ Трифонъ Михайловичъ:—только теперъ опять долженъ другой толкъ идти.

— Какой же другой?—спросилъ Макаръ Макаровичъ; больше двухъ сотъ рублей вамъ никто за нее не дастъ; спросите у кого хотите. Картина попорчена.

— То-то что не испорчена,—самодовольно возразилъ Трифонъ Михайловичъ; не угодно-ли полюбоваться, какъ мы ее приумыли.

И, съ этимъ словомъ, Трифонъ Михайловичъ бережно снялъ полотно, которымъ была покрыта картина, реставрированная Терентьичемъ.

— Какова механика! произнесъ онъ: теперъ за двѣсти-то рублей мы и ухомъ не поведемъ.

Макаръ Макаровичъ принагнулся и изъ губъ его вылетѣлъ такой звукъ, который заставилъ вздрогнуть не только Трифона Михайловича, но и всѣхъ присутствующихъ!

— Злодѣи! вскричалъ онъ; душегубецъ!

— За что же это-съ? — проговорилъ удивленный Трифонъ Михайловичъ.

— Такъ это-то твой хваленый оригиналъ!—спросили съ громкимъ смѣхомъ товарищи, приведенные несчастнымъ Макаромъ Макаровичемъ.

Не отвѣчая ни слова на этотъ насмѣшливый возгласъ, Макаръ Макаровичъ потупилъ голову и судорожно сжалъ руки. Какое тѣлостное чувство волновало его въ ту минуту; скорбь ли объ утраченномъ, для искус-

ства, прекрасномъ промавленіи, досада ли что онъ, такъ напрасно, не предвидя послѣдствій, поссорился съ Иваномъ Ивановичемъ, жалость ли что изтратилъ столько денегъ и сдѣлался посмѣшищемъ товарищей? Неизвѣстно, только лицо его приняло такое страдальческое выраженіе что, кажется самому Трифону Михайловичу стало совѣстно за запрещенную слишкомъ уже высокую цѣну. У самого его изобразился на лицѣ какой-то страхъ.

— Извольте ужъ такъ и быть, выкладывайте на чемъ ворѣшии, согласился, помолчавъ немного, Трифонъ Михайловичъ, предчувствуя, что Терентьичъ, въ самомъ-дѣлѣ, могъ сдѣлать какую-нибудь маленькую ошибку.

— Съ тебя самого за нее ста цѣлковыхъ теперь не возьму, — отвѣчалъ на это радосадованный Макаръ Макаровичъ.

— Такъ что-же, не вашему, стоитъ вещь? Ну, такъ и быть, угодно полтора ста?

— Грѣш! презиенсь презрительно Макаръ Макаровичъ, захопывая за собою дверь.

— Господишъ, получайте за это! — прокричалъ вслѣдъ Трифонъ Михайловичъ, не Макаръ Макаровичъ не отвѣчалъ ни слова и бѣжалъ, сопровождаемый смѣхомъ пировавшихъ съ нимъ пріятелей.

Трифонъ Михайловичъ справился въ магазинахъ, въ Гостиномъ ряду, ему вездѣ отвѣчали:

— Картина не стоитъ теперь ничего!

— А прежде, когда она была старенькой? спрашивалъ Трифонъ Михайловичъ.

— Можно было-бъ и тысячу дать, на охотника.

— А! такъ стало быть, во всемъ, виноватъ Терентьичъ. проговорилъ Трифонъ Михайловичъ; примемся же за Терентьича! Докажу же я ему дружбу, голубчику! Будетъ онъ у меня помнить какъ неумытыми руками хлѣбъ соль брать!

И между Трифономъ Михайловичемъ и Терентьичемъ, какъ и между Иваномъ Ивановичемъ и Макаромъ Макаровичемъ, началась непримиримая вражда, хотя картина и была поставлена опять, не только на прежнее мѣсто, но, даже, въ залу, и даже возбуждала удивленіе, въ-которыхъ посѣтителей, руминостію своихъ щекъ и бѣлизною лица.

Приширятся ли, когда нибудь, враждующія партіи — неизвѣстно, только Терентьичъ утверждаетъ что онъ совершенно правъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И. П. ГРИКОВА.

I.

Ты помнишь: надъ ясной рѣкою
Стояли мы долго съ тобою?
Тѣснилась мнѣ въ душу печаль.
Ты взоромъ и грустной мечтою
Слѣдила за каждой волною,
А волны катилися въ даль.
Надъ берегомъ чайка носилась.
Ужъ солнце давно закатилось,

Заря погасала вдали...
 Ты, молча, цветочки обрывала
 И листики въ волны бросала,
 И волны ихъ быстро несли.
 И долго мы плакали оба.
 Увы! разлучила насъ злоба
 На много, на много годовъ,
 За-то, что мы свято любили,
 И правомъ страданья купили,
 Здѣсь нѣсколько свидѣть часамъ.

II.

Души неразгаданной чада —
 Волшебные звуки изъ сада
 Несутся съ дыханіемъ розъ.
 Но что-же вы значите, звуки?
 Вы вѣстники-ль пламенной муки?
 Вы вѣстники-ль сладостныхъ грѣсъ?
 Иль рветесь вы роємъ созвучій —
 Глашатые жизни кипучей —
 Изъ моря глубокаго слезъ?
 Какъ жизнь, вы все полны загадкой:
 Отъ васъ и заплакать такъ сладко,
 И въ радости вашей такъ много тоски!
 Въ васъ все, что душа здѣсь любила,

Въ васъ слиты и жизнь и потла;
Вы всё, какъ душа, глубоко.
Но вотъ ужъ подъ стѣнами сада,
Души неразгаданной чада,
Вы, звуки, замолкли вдали!
Не долго вы здѣсь прозвучали,
Но много про жизнь и насъ сказали
И въ душу глубоко легли.

III.

Довольно, о другъ мой, довольно!
Ни слова о прежнемъ, ни слова!
Я знаю: и грустно, и больно —
Но намъ не вернуть его снова.
Что счастье? пролетная птичка:
Мелькнетъ, обольститъ и промчится.
Утѣшься! есть въ жизни привычка!
А съ нею душа усмирится.
Зачѣмъ-же такъ бѣлая ручка
Трепещетъ въ рукѣ моей жаркой?
Смотри: вонъ, несется тамъ тучка,
Лучами облитая ярко...
Но мигъ — и сіянье исчезнетъ,
Оставя ей сумракъ ненастья!
Такъ въ жизни: не разъ въ ней воскреснетъ
И горе, и свѣтлое счастье.

Немцкая словесность.

Мы сами всё создали муки,
Приблизили день разставанья:
Простится-жь! За грустью разлуки,
Быть может, таится свиданье.
А если... ну, что-же? Невольно
Мы жизни закону послушны:
Къ тому, что теперь намъ такъ больно,
Мы будемъ, повѣрь, равнодушны.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ.

I.

ОПЕРА ДО МЕЙЕРБЕРА.

Прежде чѣмъ мы рассмотримъ произведенія великихъ композиторовъ, прославившихъ французскую сцену, взглянемъ на перемены, которымъ подвергалась французская опера прежде, чѣмъ дошла до нынѣшней степени совершенства. Сколько было написано объ этомъ предметѣ! Можно съ достовѣрностью заключить, что музыка составляетъ такой предметъ споровъ, въ которомъ всего труднѣе согласиться.

Кто теперь помнитъ имена Перрена, вводителя посланниковъ при дворѣ Людовика XIII, и Камбера, директора музыки Анны австрійской, и однакожь, они были истинными основателями французской оперы, потому-что нельзя называть операми уродливыя попытки *Balet comique de la Roine* въ 1582 году, данной въ царствованіе Генриха III при бракѣ герцога Жойёза съ дѣвицею Водемонъ. Въ этомъ представленіи участвовали Оливьѣ, Главкѣ, Цирцея, сатиры, тритоны, до-

бродѣтели, Меркурій, одѣтый въ свѣтлозлое атласное платье съ золотымъ позументомъ и съ парчевою мантиею фіолетоваго цвѣта. Сцены не имѣютъ никакой связи между собою, а музыка представляетъ сборъ чудовищныхъ мелодій.

Перренъ и Камберъ составили, кажется, компанію въ 1647 году для сочиненія французскихъ лирическихъ драмъ, по примѣру римскаго и венеціанскаго театра*. Первою ихъ пьесою была: *La Pastorale, première comédie en musique*, игранная въ Исси въ 1647 году. *Ариана* и *Адонисъ* не были представлены. Наконецъ въ 1669 родилась опера въ домѣ частнаго челоуѣка въ Исси; это была пастораль *Помона*, сочиненія Перрена и Камбера. Изъ этого видно, что дебюты оперы были скромны; но вскорѣ Людовикъ XIV поднялъ ее, создавъ *Королевскую музыкальную Академію*.

Изъ партитуръ Камбера остались только *Помона* и *Reines et plaisirs de l'Amour*, но, къ сожалѣнію, не цѣлыя. По отрывкамъ видно, однако, что это былъ не гениальный челоуѣкъ, а подражатель итальянцевъ. Пoesія же Перрена не богата ни ризмами, ни смысломъ, слѣдственно труды ихъ незначущи для исторіи искусства; но они доказали, что и французскій языкъ можетъ покоряться требованіямъ музыкальной драмы.

Сочиненія Камбера удостоились одобренія Людовика XIV и, вѣроятно, поприще его ознаменовалось бы успѣхомъ, еслибъ нѣкто Люлли, флорентинскій дворянинъ (какъ онъ самъ себя называлъ), поварѣнокъ, композиторъ, скрипачъ, акробатъ, въ случаѣ нужды, не похитилъ у бѣднаго Камбера все: идеи, протекторовъ, скрипачей и привилегію. Послѣ этого Камберъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ умеръ съ отчаянія.

Люлли обязанъ былъ большею частью своихъ успѣховъ естествоу Квио. Конечно, Квио не заслуживаетъ преувеличенныхъ похвалъ Вольтера, но стихи у него гармоническіе, хотя и слабые; сюжеты всѣхъ его хорошо придуманы; часто у него проявляется истинная поевія, такъ—что можно его и теперь читать, тогда—какъ *Армида* и *Атисъ*, вѣрно, насмѣшать при представленіи. Коротенькія арии Люлли, длинныя речитативы, вѣчный звукъ басовъ съ менскускою инструменткою флейтѣ, скрипокъ, трубъ и литавръ теперь очень бы не понравились самому снисходительному судѣ. Только музыка нѣкоторыхъ минузтовъ, бурре, шажоннъ, съ меланхолическихъ отгѣнкомъ, одна сохранила свѣжесть и пріятность. Иногда, между этими неправильностями,

* Первая итальянская опера, данная во Франціи, была: *La festa teatrale della finta pazza* въ 1645 году, выписанная кардиналомъ Мазаринкомъ.

однобразными кадансами, утомительными повторениями, являются проблески истиннаго гения, но это только на минуту. Прекрасный монолог Арминды: *enfin il est en ma puissance*, aria Харона: *il faut passer dans la barque сь отвѣтомъ блуждающихъ тѣней: Caron, passe moi*, и пѣснь Прозерпины составляютъ высокія внушенія, въ которыхъ Люлли сбросилъ съ себя избитыя традиціи старинной итальянской школы.

Какъ ни слаба музыка Люлли, но современники восхищались ею. Дворъ Людовика XIV, столь утонченный и просвѣщенный, плакалъ при влохомъ пѣніи г-жъ Лерошуа и Демастенъ, гг. Дюна и Дюменля, какъ теперь плачутъ надъ мелодіями Россини и Мейсера. Г-жа Севинье превозноситъ въ своихъ письмахъ Люлли: «Была минута, когда всѣ плакали, говорить она. Не думаю, чтобъ можно было написать что-нибудь выше и прелестнѣе».

Потомство не подтвердило этой похвалы; оно отдало справедливость поэту, но не одобрило композитера. Современники восхищались, потому-что опера только-что начиналась и, какъ новость, была привлекательна. Наше время счастливѣе въ этомъ отношеніи: теперь основныя правила музыкальнаго искусства опредѣлены; и еслибъ успѣхи композиторовъ равнялись понятливости слушателей, искусство это достигло бы своего апогея.

Люлли написалъ болѣе двадцати оперъ, изъ которыхъ главныя: Арминда (лучшее его сочиненіе), Альцеста, Изида, Амандисъ, Фазтонъ, Тезей. Онъ также писалъ музыку для пьесъ Мольера: «Пурсеньякъ», «Мъщанинъ въ дворянствѣ», «Амурь-врачь», «Минный больной», также для многихъ балетовъ. Балетъ «Торжество любви» былъ прекраснымъ нововведеніемъ. При дворѣ танцовали его придворныя дамы и кавалеры. Это смѣшеніе обонхъ половъ было такъ привлекательно, что когда дали этотъ балетъ въ Парижѣ на Оперномъ театрѣ, то ввели въ него и танцовщицу, чего до тѣхъ поръ не было. Съ того времени танцовщицы составляютъ блистательнѣйшую часть балета.

Пройдя всѣ степени своего искусства, даже танцуя комическія роли, Люлли умеръ пятидесяти двухъ лѣтъ, достигнувъ вышей точки славы и счастья. Преемниками его школы остались два бѣдняка: Ламратъ и Колазъ, которые писали только партіи трубъ и литавръ.

По смерти Люлли, множество посредственныхъ поэтовъ: Данше, Руа, Каюзакъ, Фюзелье, соединились съ такими же посредственными композиторами: Детушемъ, Муре, Сенклеромъ, Мондонвилемъ, которые рабски продолжали подражать Люлли. Въ продолженіе четверти вѣка успѣхи музыки остановились, и однако же, въ это время было написано множество оперъ и оперъ-балетовъ. «L'Europe Galante» можетъ назваться ти-

номъ этого рода зрѣлищъ, который такъ нравился тогда. Балетъ этотъ раздѣленъ на *выходы*, немнѣющіе между собою связи. Сперва является на сцену Франція, потомъ приходятъ Испанія, Италия, Турція. Вмѣстѣ съ танцами поютъ онѣ небольшія аріи. Французы, испанцы, итальянцы поютъ по-французски, одни турки имѣютъ право пѣть по-итальянски. Балетъ *Les Eléments* состоитъ изъ четырехъ сценъ: воздуха, земли, огня, воды. *Les sens* основаны на подобномъ же подраздѣленіи. Сюжеты были всегда мифологическіе. Боги Олимпа всегда напудрены и въ мушкахъ, въ робронахъ и фижакахъ. Вестриксъ танцовалъ Аполлона въ рыжемъ парикѣ, причесанномъ въ видѣ солнца, и съ мѣдными позолоченнымъ солнцемъ на груди.

Рамо былъ первымъ французскимъ композиторомъ, который дѣйствительно заслуживалъ это названіе. Онъ сперва написалъ оперу *Самсонъ*, на слова Вольтера, которую не приняли на театрѣ. Послѣ многихъ просьбъ, далъ ему аббатъ Пеллегренъ либретто: *Ипполитъ и Арисія* за 500 ливровъ, рассчитывая на паденіе оперы. Она была сыграна въ 1732 году, и всѣ поняли, что это сочиненіе выше Люлли.

Второю оперою Рамо была: *Касторъ и Поллуксъ*, игранная въ 1737 году. Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить въ ней зародышъ всѣхъ новѣйшихъ нововведеній. Были цѣлые нумера, гдѣ правила искусства уже угаданы, особливо въ аріяхъ. Дуэтъ былъ тогда высшимъ предѣломъ музыки. Квартетовъ, квинтетовъ и финаловъ не было. При сочиненіи хоровъ, партіи постоянно слѣдуютъ своей формулѣ. Фуга еще не была извѣстна. Рамо написалъ нѣсколько прекрасныхъ хоровъ въ *Касторѣ* и *Поллуксѣ* и въ *Дарданѣ*; но это то же, что танцевальные мотивы, только съ словами.

Рамо началъ писать уже пятидесяти лѣтъ, проведя всю молодость въ изученіи теоріи музыки. Онъ написалъ много оперъ, но всѣ онѣ какъ-то усыпительны, и ноты партитуръ похожи на таблицы логарифмовъ. Одинъ писатель, разсердясь на всѣ эти ученые теоріи, сказалъ однажды: «Рамо не тронется ни смертью жены, ни дѣтей, лишь бы струны вѣрно отзывались *двѣнадцатою* и *семнадцатою* нотою».

Рамо умеръ восьмидесяти лѣтъ, въ 1764 году, за десять лѣтъ до перваго предствленія *Ифигеніи* Глюкка, съ которой началась новая музыкальная эпоха.

Когда Рамо началъ писать оперы, пріѣхала въ Парижъ итальянская

* По законамъ звучащаго тѣла, струна на фортепьяно издаетъ ясный отголосокъ двѣнадцатой, потомъ семнадцатой ноты, а для тонкаго уха даже двадцать первой въ минорномъ тонѣ.

труппа, и король позволялъ ей чередоваться въ представленіяхъ съ французскою оперою. Два года давали маленькія оперы, или комическія интермедіи тогдашнихъ итальянскихъ композиторовъ: I Viaggiatori Лео, Il Giocatore Орландини, La Zingara Ринальдо да Капуа, Il maestro di musica, Перголезе, La scaltra Governatrice, Трасколдо и прочее. Труппа была довольно посредственная; но новостъ, пріятность языка, прелесть нѣкоторыхъ мелодій, хорошая метода пѣнія увлекала всѣхъ парижанъ. Возобновились всѣ музыкальныя и литературныя ссоры. Гриммъ и Руссо были предводителями партій французской музыки и итальянской. Литература была наводнена брошюрами, и объ партіи, отыскивая въ противникахъ всѣ недостатки, не видѣла, что каждая труппа имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства.

Въ 1754 году королевскій эдиктъ прекратилъ эти ссоры распущеніемъ итальянской труппы. Французская отъ этого не выиграла, потому что приверженцы итальянской музыки перестали ходить въ оперу. Чтобъ заманить ихъ и подѣлаться подъ ихъ вкусъ, нѣкоторые композиторы вздумали написать комическія оперы въ подражаніе итальянскимъ. Такимъ образомъ Довериль написалъ *Les troqueurs* и *la coquette trompée* а Филидоръ *Le sorcier* и *Le maréchal*.

Вотъ начало комической оперы. Вдохновеніе ея было удачнѣе для французскихъ композиторовъ. Они всегда отличались болѣе вѣрностью сюжета, нежели музыкальными мыслями. Гретри, естественностью своихъ мелодій и изображеніемъ характеровъ заслужившій ния музыкальнаго Мольтера, былъ вовсе неученый композиторъ. Хотя онъ нѣсколько лѣтъ и изучалъ теорію музыки въ Италіи, но въ немъ не было генія музыкальныхъ комбинацій, который дается природою, а не пріобрѣтается ученіемъ; оркестровка его неправильна, несвязна, дурна, и однакожь, въ *Люсиліи*, *Сильвентіи*, *Говорящей Картинѣ*, *Ричардѣ* какая свѣжесть мелодій, какая истина въ пѣніи! И теперь еще слушаешь ихъ съ удовольствіемъ, а тогда, послѣ блѣдныхъ композицій Дюни и Доверна, они имѣли самый блистательный успѣхъ.

Гретри былъ противникъ французской музыки. Въ трехактной своей оперѣ *Судъ Мидаса* Аполлонъ поетъ на манеръ итальянцевъ, Марсіасъ и Мидасъ на французскій; а чтобъ актеры вѣрнѣе исполнили его намѣреніе, онъ написалъ имъ инструкцію, какъ выразить послѣдній родъ пѣнія: первый долженъ пѣть арію медленнымъ темпомъ; второй, дѣлать длинныя кадансы, гдѣ только можно; третій, шевротировать рулады; четвертый, продолжительно отколачивать (*marteller*) ноты; сверхъ этого, имѣть всегда улыбающуюся фізіономію, даже въ печальныхъ аріяхъ, выразить чув-

ство нижней челюстью, выдвинувъ ее впередъ — вотъ настоящее старинное французское пѣніе времени Ребеля и Франкера.

Впрочемъ, эта метода относилась болѣе къ временамъ Люлли. При Рамо уже не пѣли такимъ смѣшнымъ образомъ.

Моцисини и Далейранъ оставили въ комической оперѣ образцы наивной прелести и тихой чувствительности. Какъ инстинктивные музыканты, они всегда имѣли успѣхъ, какъ скоро природа внушала имъ идеи, но претерпѣвали неудачу, когда искали успѣха въ комбинаціяхъ искусства. *Дезертеръ*, *Камилла* занимаютъ равное мѣсто съ *Земирою* и *Ричардомъ*. Эти трѣ композитора, вмѣстѣ съ Филандоромъ, поддерживали комическую оперу до конца XVIII вѣка. Можетъ быть, это была блистательнѣйшая ея эпоха.

Въ то время, какъ комическая опера развивалась въ простотѣ, приличной скромному ея началу, большая опера развивалась великолѣпно. Великій композиторъ, уже престарѣлый, гений котораго возрасталъ въ тѣ годы, когда у обыкновенныхъ людей онъ потухаетъ, перенесъ на французскую сцену музыкальное направленіе Германіи. Самъ Глюкъ сперва не понималъ своего назначенія; онъ написалъ множество оперъ въ чисто-итальянскомъ вкусѣ. *Artaserse*, *Ipermnestre*, *Demetrio*, *Agis-teo*, *Telemaco* представляютъ самыя посредственныя сочиненія, потому-что у Глюкка не было легкой итальянской мелодіи, обворажающей слухъ, за неимѣніемъ драматическаго интереса. Ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ постигъ всю силу драматической музыки, внушившей ему столько превосходныхъ твореній.

Альцеста была первымъ его произведеніемъ на этомъ поприщѣ въ 1764 году. Она была дана въ первый разъ въ Вѣнѣ вмѣстѣ съ *Орфеємъ* (съ итальянскимъ либретто). Это уже было не одна простая мелодія, равно примѣняемая ко всѣмъ словамъ, это была драма со всѣми ея чувствами и колоссальными размѣрами.

Глюкку очень хотѣлось написать оперу на французскія слова. Нѣкто Ролле, жившій въ Вѣнѣ, выбралъ ему сюжетъ *Ифигеніи Расеяна*. Исказивъ стихи, Ролле приуменьшилъ, однакожь, очень удачно сцены для музыки. Оперу сыграли въ Парижѣ въ 1774; потомъ даны *Альцеста* и *Орфей* (въ переводѣ); потомъ *Ифигенія въ Тавридѣ*, самое драматическое произведеніе Глюкка.

Не будемъ входить въ разборъ этихъ образцовыхъ произведеній, въ которыхъ Глюккъ болѣе поэтъ, нежели музыкантъ. Гайднъ и Моцартъ, конечно, выше его въ художественной отдѣлкѣ, въ богатствѣ мелодій, въ ритмическихъ комбинаціяхъ, но онъ превосходитъ ихъ всѣхъ, когда надобно выразить сильную страсть.

Въ талантѣ Глюкка инструментовка кажется самою слабою стороною; даже знаменитая его увертюра *Ифигеніи* далеко уступаетъ гармоническому генію Гайдна и Моцарта; но оркестровка Глюкка всегда подкрѣпляется выразительнымъ пѣніемъ. Ноты одного гобоя достаточны ему для выраженія чувства Альцесты, возвращающейся къ жизни, но грозное *тремоло* скрипокъ сопровождаетъ слова оракула; ужасный отвѣтъ фурій въ Орфеѣ усиливается тромбонами *unisono*, а рѣзкіе звуки терць-флейты съ глухимъ громомъ лютавръ сопровождаютъ хоръ Ифигеніи въ Тазридѣ. Эти вдохновенія инструментовки принадлежатъ внушенію генія; теоретики никогда не найдутъ ихъ.

И теперь можно было бы возобновить Глюкка; но, во первыхъ, надобно, чтобъ вкусъ публики измѣнился и чтобъ въ оркестровкѣ его введены были усовершенствованія новѣйшаго механизма.

Въ это же время усовершенствовалась и итальянская музыка. Оперетты Лео и Аулетты успѣшно боролись съ сочиненіями Рамо, но уступали первенство Глюкку. Пиччини, Саккини, а за ними Сальери старались возвысить итальянскую школу. *Дидона* Пиччини и *Эдиль* въ *Колоннѣ* Саккини могутъ быть названы образцовыми твореніями. Пиччини удачно вывелъ въ *Дидонѣ* драматическія ситуации, невзвѣстныя дотогѣ итальянцамъ. Въ *Эдиль* драматическій элементъ еще сильнѣе. Роли Эдипа и Антигоны могутъ похвастаться изъ лучшихъ на сценѣ. Хоры этой оперы также величественны.

Достоинство этихъ двухъ твореній именно состоитъ въ томъ, что они писаны по системѣ Глюкка; но тогдашніе слушатели не поняли этого и начали опять знаменитую борьбу Глюкистовъ и Пиччинистовъ, въ которой приверженцы Люлли и Рамо соединились съ первымъ противу итальянской музыки. Статьи, куплеты, брошюры сыпались отовсюду. Еслибъ пристрастіе и въ наше время не ослѣпляло часто критиковъ, можно было бы даже удивиться злости и несправедливости приговоровъ. Напримѣръ, Лагарпъ говоритъ объ *Альцестѣ*: «что въ Ифигеніи, то и въ Альцестѣ: скучно и шумно, то есть пѣніе скучно, а оркестровка шумна; лучше бы они не пѣли и не играли».

Вотъ куплетъ объ *Армидѣ*:

Pauvre Armide, ton sort m'étonne,
J'ai beau te voir est écouter,
Ton partage fut d'enchantér
Et tu n'enchantes personne.

(Бѣдная Армида! участь твоя удивляетъ меня. Напрасно я стараюсь видѣть тебя и слышать. Ты предназначена была всѣхъ обворовать, а никого не восхищаешь).

А вотъ и объ Орфѣѣ:

... Mais Gluck au chantre de la Thrace
 Donne un arme plus efficace,
 Car pour tirer de chez les morts
 Plus surement son Euridice,
 Il lui prête ses froids accords
 Afin d'endormir leur milice.

(Но Глюккъ придаетъ еракійскому пѣвцу сильнѣйшее оружіе; чтобъ вѣрнѣе похитить Эвридику изъ царства мертвыхъ, онъ ему внушаетъ свои холодные аккорды, чтобъ усыпить всѣхъ стражей).

И это сказано о прекрасной сценѣ Орфея въ аду!

Нѣкто Флоке, сочинившій въ это же время оперу *Union de l'amour et des arts*, имѣлъ величайшій успѣхъ. При первомъ представленіи вызвали композитора и всѣхъ актеровъ. Это былъ еще первый примѣръ такой почести.

Ни въ чемъ успѣхъ и слава не распредѣляются такъ неравномѣрно, какъ въ музыкѣ. Потомство съ трудомъ можетъ иногда догадаться: почему такое-то сочиненіе упало, а другое имѣло большой успѣхъ. Въ нынѣшнихъ библиотекъ лежатъ образцовыя произведенія, которымъ обстоятельства не благоприятствовали. И чтобъ открыть ихъ и возстановить, надобно имѣть гениальнаго, трудолюбиваго и безпристрастнаго человѣка. Нашъ вѣкъ виновнѣе всѣхъ: онъ съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ судитъ о всей старинѣ.

Настали грозныя времена 1789 года и музыка Глюкка и Пиччини исчезла; явились Катель, Госсекъ, Мегюль и Лесюеръ. И по странному случаю, когда всѣ искусства неизбежно падали, одна французская музыка удержалась, и даже сдѣлала нѣкоторые успѣхи.

Зато итальянская совершенно исчезла. Въ 1791 году пріѣхала—было въ Парижъ итальянская труппа, но 10 августа ее прогнали.

Въ томъ же году явилась на театрѣ комической оперы *Павель и Виргинія* Крейцера, прелестная музыкальная идиллія, столь же замѣчательная въ своемъ родѣ, какъ и романъ Бернардена де-Сен-Пьера.

При возстановленіи порядка, во времена имперіи, развилась и музыка.

Къ Мегюлю, Кателю и Лесюеру присоединились Бертошь, Керубини, Гретри, Далебранъ, Монсиньи.

Мегюль, можетъ быть, величайшій французскій композиторъ: одинъ, равнъ, Лесюерь можетъ стать съ нимъ наравнъ. *Иосифъ*—превосходное твореніе. *Эфрозина* и *Кародень* тоже наполнены первоклассными красотами.

Крейцеръ замѣчательнъ смѣлостью хоромъ. Не имѣя нѣжности Мегюля, онъ блистательнѣе его. *Павель и Виргинія* и *Смерть Авеля*, дали ему случай обнаружить совершенно новую сторону музыкальнаго дарованія. Въ партитурѣ его *Франциска I*, замѣтно уже гораздо болѣе теоретическихъ познаній, которыми онъ мало занимался въ молодости.

Бертошь отличался познаніемъ сцены, вѣрнымъ выраженіемъ и характеристическимъ колоритомъ ситуаций. *Монтано* и *Стефаніо*, *Изступленный*, *Алина* останутся всегда образцовыми произведеніями. Къ сожалѣнію, во многихъ его операхъ видна небрежность.

Со времени Палестрины существовала въ Италіи большая духовная школа, строгая хранительница древнихъ преданій. Послѣднимъ представителемъ ея былъ въ то время Сарти, и у него-то учился Керубини. На шестнадцатомъ году онъ зналъ уже всѣ тайны контрапункта и фуги; для него было игрушкою провести мелодію сквозь композицію въ восемь партій. Эта глубокая наука доставляетъ печать безсмертія музыкальнымъ произведеніямъ. Чувства и страсти могутъ иначе выражаться въ разныя историческія эпохи, но искусство и законы, управляющіе имъ, остаются неизмѣнными. Величайшій геній въ этомъ родѣ Себастьянъ Бахъ, котораго творенія съ каждымъ годомъ дѣлаются свѣжѣе и моложе.

Партитуры *Водовоза*, *Фаниски*, *Элизы* составляютъ прекрасную инструментовкою и комбинаціями вокальныхъ массъ продолженіе Моцарта. Бетховенъ почиталъ Керубини величайшимъ драматическимъ композиторомъ своего времени; но въ Керубини не было жару, увлекательности; Керубини можетъ быть названъ музыкантомъ ума, а Мегюль—сердца.

Лесюерь, писалъ большія комическія оперы. *Разбойничья пещера* и *Барды* имѣли большой успѣхъ. Наполеонъ любилъ музыку Лесюера: энергія ея сходствовала съ его натурою.

Въ 1807 году дана была *Весталка* и прославляла Спонтини; но сколько затрудненій долженъ онъ былъ преодолѣть, чтобъ добиться до этого представленія! Будучи итальянцемъ, онъ въ *Весталкѣ* и *Фермандѣ Кортесѣ* болѣе былъ германцемъ, нежели Моцартъ въ *Донъ*

Жуанъ; истинна и драматическое величіе, царствующія въ *Весталкь* и *Фернандь Кортесь* извиняють Спонтини въ нѣкоторыхъ ошибкахъ противъ правилъ. Но эти слова не должны служить оправданіемъ посредственности. Передъ гениемъ молчать анализъ; но гдѣ нѣтъ гениа, правила сохраняютъ свои права.

Третьею его оперою была *Олимпія*, которую только два раза дали въ Парижѣ безъ особеннаго успѣха, и однакоже, въ партитурѣ ея много достоинства какъ въ оркестровкѣ, такъ и въ хорахъ; никогда еще не возвышались до такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи Спонтини былъ предшественникомъ *Роберта* Мейербера.

Буальдѣ и Герольдъ до-сихъ-поръ еще живутъ на сценѣ. У обоихъ мелодіи прелестны, но гармонія слаба. Они правы были, что посвятили свои дарованія Комической оперѣ. Первые ихъ сочиненія принадлежатъ къ французской школѣ съ тою разницею, что Боальдѣ слѣдовалъ по стопамъ Гретри, а Герольдъ—Бертон и Мегюля; но вліяніе Россіи послужило къ появленію *Prè aux Clercs* и *La dame Blanche*; ихъ можно было упрекнуть, что они теряли свою оригинальность; но чтобы бороться со вкусомъ публики и спасти школу, клонившуюся къ паденію, надобно быть гениемъ.

Въ первые годы реставраціи, Французская опера продовольствовалась старымъ репертуаромъ. Вдругъ явился Россіи и, сведя съ ума всю Италію, пришелъ требовать во Францію той же дани удивленія.

II.

МЕЙЕРБЕРГЪ И ЕГО ВЛІЯНІИ.

Біографіи великихъ артистовъ, въ особенности композиторовъ, состоятъ всё въ ихъ сочиненіяхъ. Безпрестанно занимаясь своимъ искусствомъ, имъ некогда участвовать въ другихъ событіяхъ. Себастьянъ Бахъ написалъ цѣлые томы партитуръ, и во всей его жизни не случилось съ нимъ ничего замѣчательнаго. Она протекла за органами и за нотною бумагой. У Бетховена были одни домашніе эпизоды съ непокорнымъ племянникомъ; Веберъ провелъ также самую прозаическую жизнь, и только смерть его въ отдаленной странѣ, безъ друзей и родныхъ, набрасываетъ поэтически-печальный колоритъ на жизнь его.

Поприще Мейербергера было нѣсколько богаче происшествіями, но музыкальное искусство было всегда первою пружиною его жизни. Главныя ея происшествія были: Робертъ, Гвельфы, Осада Гента.

Мейербергъ родился въ Берлинѣ, 5 сентября 1794 года. Отецъ его былъ одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ Пруссіи. У людей ограниченнаго ума перспектива богатства служить къ лѣности и бездѣйствію. Людей съ возвышенными характерами богатство заставляетъ стремиться къ благороднѣйшимъ цѣлямъ. Обезпеченное существованіе артиста дозволяетъ ему идти къ предположенной цѣли, не принуждая его къ уступкамъ, часто возлагаемымъ своенравіемъ публики, отъ которой зависитъ матеріальное его благосостояніе.

Любовь къ искусствамъ и художествамъ преобладала въ семействѣ Мейера-Бера. Два брата его Вильгельмъ Беръ и Михаилъ Беръ составили себѣ извѣстность: первый въ наукахъ, второй въ литературѣ.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Мейербергъ страстно любилъ музыку, и отецъ развивалъ въ немъ это расположеніе. У нѣмецвъ музыкальное воспитаніе начинается очень рано. Фортепьяно составляетъ первую игрушку ребенка. Азбука и солфеджи начинаются въ одно время. Сперва молодой Мейербергъ учился у Лауски, потомъ у Клементи. Шести лѣтъ отъ роду онъ уже игралъ въ концертахъ. Въ Лейпцигской газетѣ 1805 г. расхвадываютъ его чистую и блистательную игру при исполненіи концерта Моцарта и тріо Гуммеля.

Аббатъ Фоглеръ содержалъ тогда въ Дармштадтѣ музыкальное училище, изъ котораго вышли величайшіе музыкальные таланты Германіи. Онъ услышалъ игру Мейербергера, угадалъ въ немъ будущаго генія и принялъ его въ свою школу.

Тутъ Мейербергъ мужественно принялся за трудное изученіе музыки

и привыкъ къ этой строгой жизни, единственно посвященной искусству. Профессоръ ежедневно задавалъ ученикамъ своимъ музыкальныя темы, и въ пять вечеровъ всѣ они были исполняемы и критически обсуждены. Контрапунктъ и fuga, столь скучныя для вѣкоторой части публики, но необходимыя для музыканта, составляли единственное занятіе Мейербергера. Въ воскресенье часто между учителемъ, играющимъ на одномъ органѣ и ученикомъ, вгравшемъ на другомъ, завязывалось академическое соперничество. Профессоръ импровизировалъ тему, ученикъ подхватывалъ ее, разработывалъ; учитель снова принималъ ее и довершалъ. Когда эти бурныя импровизаціи развивались съ пылкостью воображенія, перекрещиваясь въ ритмахъ, въ своеобразныхъ модуляціяхъ, Фоглеръ останавливался съ удивленіемъ, не узнавая своихъ учениковъ. Онъ не бранилъ ихъ, а сознавался, что они пойдутъ дальше его и развѣдутъ область искусства.

Въ этихъ борьбахъ состязались часто и ученики, и главнѣйшимъ соперникомъ Мейербергера былъ въ нихъ Веберъ. Соперничество это подружило обоихъ на всю жизнь. Между бумагами Вебера найдена кантата съ надписью: Кантата на день рожденія Фоглера, сочиненія Вебера, положенная на музыку Мейербергомъ и Гансбахеромъ, 10 іюня 1810 года. Стихи прекрасны и доказываютъ, что Веберъ былъ столь же хорошимъ поэтомъ, какъ композиторомъ. Мейерберъ написалъ къ этой кантатѣ хоры и тріо, а Гансбахеръ всѣ соло.

Музыкальный языкъ таинственъ, сложенъ и наполненъ гіероглифами, требующими многолѣтняго ученія для чтенія ихъ. Сколько труда стоитъ композитору освободить свои идеи изъ тысячи грамматическихъ правилъ и столькихъ же исключеній, соблюдая однакоже до возможности эти правила, потому что безъ нихъ музыка превратится въ хаосъ безпорядка. Сколько трудолюбія нужно, чтобъ изучить всѣ инструменты, одѣнныя музыкальными качествами и эффектъ каждаго, отгадать его дѣйствіе внутреннимъ слухомъ въ тишинѣ и размышленіяхъ! Всѣ эти познанія Мейерберъ приобрѣлъ уже въ двадцать лѣтъ. Исторія музыки свидѣтельствуетъ, что Себастьянъ Бахъ, Гендель, Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ, Мендельсонъ достигли тоже въ эти лѣта полнаго изученія своего искусства—это доказываетъ, что у всѣхъ этихъ людей не было молодости. Посвятить себя музыкѣ, значитъ отказаться отъ всякихъ легкомысленныхъ занятій жизни.

Во время пребыванія своего у Фоглера, Мейерберъ написалъ много сочиненій для фортепьянъ, не отказавшись еще отъ званія фортепьяниста.

Въ 1811 году написалъ онъ первую ораторію: *Богъ и природа*

(Gott und die Natur), но это была слишкомъ трудная задача, особенно для семнадцати-лѣтняго юноши. Однакоже въ Дармштадтѣ принята она съ большимъ успѣхомъ и заслужила автору званіе придворнаго композитора.

Въ слѣдующемъ году дано было въ Мюнхенѣ первое его драматическое произведеніе: *Обѣтъ Іевфалъ*. Вскорѣ потомъ въ Вѣнѣ данъ былъ *Абимелехъ или два Калифа*, (въ 1818 году). Но какъ въ обоихъ этихъ городахъ была тогда въ модѣ итальянская музыка, то сочиненія Мейербергера не имѣли большого успѣха. Сальери, бывшій тогда придворнымъ капельмейстеромъ, утѣшалъ его и убѣждалъ отправиться въ Римъ и Венецію. Для всѣхъ молодыхъ умовъ, слишкомъ награжденныхъ фугами и контрапунктомъ, вояжъ въ Италію лучшее лекарство.

Италія блистала тогда яркимъ блескомъ художествъ. Молодой двадцати-лѣтній композиторъ наследовалъ Паззіелло и Чимарозѣ, и обворожалъ непостоянную публику. Отъ Рима до Неаполя, отъ Милана до Венеціи славилась тогда первѣйшіе музыкальные таланты: Волути Кривелли, Давиль, Паста, Басси, Марколинни, Монбелли, Колобрингъ и другіе восхищали всѣхъ дилеттантовъ; слава Россіи перешла за Альпы, и Мейербергъ рѣшился ѣхать въ Италію, чтобъ почерпнуть тамъ новыя вдохновенія.

Въ Венеціи услышалъ онъ въ первый разъ Танкреда, и былъ въ восторгѣ. Мудрено ли, что въ тогдашнихъ его сочиненіяхъ отразилось вліяніе этого впечатлѣнія?

Romilda e Constanzia, Emma di Resburgo, Esule di Granato, Margareta d'Angiu, Crociate обнаруживали всѣ временную жертву Мейербергера, приносимую итальянской школѣ. Въ Германіи, когда товарищи его узнали объ этомъ изступленіи, то сильно взволновались. Веберъ болѣе всѣхъ огорчился этою переменною.

«Въ прошедшую пятницу (писалъ Веберъ), былъ цѣлый день у меня нашъ Мейербергъ. Какъ мы всѣ обрадовались! Это было повтореніе нашихъ веселыхъ мангейскихъ сходокъ. Онъ ѣдетъ теперь въ Триестъ, чтобъ ставить вамъ своихъ Crociate. Въ концѣ года воротится въ Берлинъ и напишетъ нѣмецкую оперу. Дай-то Богъ! я долго усовѣщевалъ его, но онъ сдѣлался чистымъ итальянцемъ. Куда дѣвались наши прекрасныя мечты!»

Въ Дрезденѣ была тогда одна итальянская и одна нѣмецкая опера: Морлакки дирижировалъ первую, Веберъ вторую; Морлакки выбралъ для открытія своего театра оперу Emma di Resburgo, а Веберъ *Абимелеха*. Первая имѣла блистательный успѣхъ, вторая почти упала. Король Саксонскій и весь дворъ всегда бывали въ итальянской оперѣ.

И въ Италіи Мейерберъ имѣлъ побѣдные успѣхи. Въ 1822 году дана была въ Миланѣ *Маргарита Анжуйская*, и была обставлена лучшими артистами. Шестнадцать представлений сряду прославили имя автора.

Въ 1825 далъ онъ въ Венеціи, на театрѣ Фениче, своихъ *Crosiate*, въ которыхъ пѣли Лаблашъ, Велути и Мерикъ-Лаландъ. Опера имѣла огромный успѣхъ, и обошла всѣ театры Италіи. Въ этомъ же году эта опера дана была въ Лондонѣ, и представленіе было тѣмъ замѣчательно, что въ немъ дебютировала семнадцати-лѣтняя пѣвица, едва осмѣлившаяся появиться вмѣстѣ съ Велути и другими знаменитыми артистами — это была Гарсія-Молибрантъ.

Съ этой минуты дѣятельность Мейербера перенеслась въ Парижъ. Что тогда дѣлалось въ Парижѣ? Послѣ Весталки и Фернанда Кортеса французская большая опера прозябала. Россини увлекъ послѣднихъ слушателей въ итальянскій театръ. Чтобъ удержать публику, нашлись люди, которые осмѣлились *передѣлывать* оперы не итальянскихъ композиторовъ. Уже Морель написалъ *Волшебную флейту* Моцарта, подъ названіемъ *Mystères d'Jsis* (ихъ прозвали *misères d'Jsis*). Другіе послѣдовали варварскому примѣру, передѣлали и Маргариту Анжуйскую, прибавивъ къ ней нѣсколько нумеровъ изъ *Эммы Рендсбургъ*. Она имѣла значительный успѣхъ.

Забавнѣе всѣхъ была парижская передѣлка *Фрейшюца*, въ которомъ оставили только три нумера музыки: увертюру, вальсъ и хоръ охотниковъ; все остальное выброшено, и сохранена проза и либретто. Разумѣется, пьеса упала, и имя Вебера сдѣлалось въ Парижѣ посмѣшищемъ. Впрочемъ тамъ и о Россини судили самымъ страшнымъ образомъ. Напримѣръ, *Семирамида* почиталась у парижанъ почти нѣмецкою оперою. Газеты рѣшили тогда, что «Россини то же нѣмецкій композиторъ, только не такой скучный.»

Впрочемъ подобныя сужденія встрѣчались и у итальянцевъ, когда данъ былъ Карлъ Смѣлый Россини; они вообразили себѣ, что это сочиненіе какого-то нѣмецкаго капельмейстера, а не Россини, и когда молва донесла до того, кому приписывали эту оперу, тотъ съ гнѣвомъ, опровергъ эту клевету.

Crosiate даны были въ Парижѣ въ 1826 году, и Паста, игравшая Арманду, вполне была достойна своей славы; опера выдержала въ тотъ годъ множество представлений. Черезъ три года потомъ возобновили ее, и она упала отъ одного забавнаго эпизода. Въ прекрасномъ квартетѣ втораго акта участвуетъ ребенокъ (нѣмая роль), сынъ Пальмиды, котораго мать представляетъ султану, чтобъ смягчить его жестокость. По несчастію ребенокъ этотъ не любилъ музыки и не занимался сценою.

Было уже поздно, и ребенку хотѣлось спать. Онъ зѣвнулъ, и публика улыбнулась. Пѣвица продолжала: *grata e lagrime*, ребенокъ снялъ раскрывъ ротъ и потянулся. Наконецъ пѣвица запѣла: *consolati caro*, и ребенокъ зѣвнулъ къ третій разъ. Тутъ вся зала разразилась хохотомъ... Принуждены были опустить завѣсу, и съ тѣхъ поръ нельзя уже было давать пьесы.

Мейербергъ задумывалъ въ это время создать новую оперу, которая бы отличалась большею вѣрностью и занимательностью, нежели итальянскія. Онъ видѣлъ, что для итальянскаго пѣвца и для тамошней публики все равно въ турбанѣ ли дѣйствующее лицо, или въ шлемѣ въ среднихъ ли вѣкахъ поэма, или въ новѣйшихъ—главное дѣло въ музыкѣ, а сюжетъ самая второстепенная вещь. Это сценическое равнодушіе приводило его въ негодованіе. Онъ хотѣлъ, чтобъ музыка оперъ выражала мысли и чувства дѣйствующихъ лицъ, а не одно самовольное внушеніе композитора. Онъ обратился къ Скрибу и просилъ у него сюжета. Тому попалъ подъ руку *Исторія объ ужасномъ Робертѣ, который потомъ обратился къ добру*, легендѣ XVI вѣка. Скрибъ принялся за нее, и написалъ оперу.

Мейербергъ принялся съ такимъ же жаромъ за сочиненіе музыки, и въ концѣ 1828 года была она готова. Но цѣлые два года тянулись приготовленія къ постановкѣ. Вражды то явныя, то скрытыя останавливали ее. Послѣ 1830 года, антрепренеръ Большой оперы боялся монтировки Роберта. Расходы были чрезвычайныя; музыканты находили нѣкоторыя красоты въ музыкѣ, но сомнѣвались въ успѣхѣ. Одинъ Фетисъ, тогдашній ученый теоретикъ, успокаивалъ антрепренера и обѣщалъ ему полный успѣхъ, говоря, что Робертъ обойдетъ всю Европу. Предсказаніе это сбылось.

Насталъ день перваго представленія. Все казалось вооружилось противъ оперы. Упадшія облака едва не раздавили Левасера Нури, г-жу Даморо и Дорю. Люки преждевременно открывались подъ ногами испуганныхъ актеровъ, и пр. Но не смотря на все это, опера имѣла самый блестятельный успѣхъ, который возрасталъ потомъ при каждомъ представленіи.

Партитура этой превосходной оперы всѣмъ извѣстна, и разобрана въ подробности многими критиками. Но мы обязаны рассказать о первоначальномъ составѣ пьесы. Напримѣръ, финалъ втораго акта былъ сдѣланъ слѣдующимъ образомъ. Гренадскій принцъ вызвалъ Роберта на бой въ турниръ. Всѣ удаляются на турниръ, остается одинъ Робертъ.

* 6 іюня 1853 года давали въ Парижѣ 343-е представленіе Роберта; 20 іюня того же года было 232-е Гельгольцъ, а 24-го числа 114-е представленіе Осада Генга.

Волшебный сонъ одолеваетъ его. Бертрамъ издали велитъ ему спать, и онъ засыпаетъ. Декорація переменяется. Театръ горизонтально разделенъ на двѣ половины. Внизу остался спящій Робертъ вверху видитъ онъ себя во снѣ въ фантастическомъ бою, въ концѣ котораго побѣждаетъ своего противника, приставляетъ къ горлу его кинжалъ... Въ эту минуту онъ просыпается... о, ужасъ! время турнира прошло, а онъ спалъ!.. При пробужденіи верхняя декорація исчезаетъ. Является гренадскій принцъ и ведетъ Изабеллу, которой руку получилъ на турнирѣ. Проходя мимо Роберта, говоритъ онъ ему нѣсколько презрительныхъ словъ. Онъ бѣжалъ отъ вызова, онъ потерялъ руку Изабеллы, и какъ громомъ пораженный падаетъ безъ чувствъ.

Неизвѣстно какой бы эффектъ произвела музыка этого финала. Въ партитурѣ нѣтъ теперь его, но участвовавшіе при репетиціяхъ помнятъ эту музыку. Основою ея была энергическая музыкальная фраза, оставшаяся въ нынѣшней партитурѣ и выраженная четырьмя лантаврами. Около этой гениальной фразы группировались выраженія фантастическаго боя. Отъ всего этого огромнаго финала остались небольшія обрывки, и въ созданномъ имъ турнирѣ Мейерберъ былъ побѣжденъ машинистомъ, затруднившимся въ исполненіи его.

Въ четвертомъ актѣ тоже была переиѣна. Хористы не удались по заказу спать въ кулисахъ, а покораясь волшебной вѣтви Роберта, оставались тутъ же на сценѣ въ разныхъ группахъ. При пробужденіи былъ хоръ, выразившій этотъ полусонъ, но французскими судьямъ показался этотъ номеръ слишкомъ шекспировскимъ.

Не разъ уже случалось, что композиторъ, написавши превосходную оперу, истощалъ въ ней весь свой гений, и минута торжества его была минутою ослабленія. Это всегда почти бываетъ съ дарованіями, которыя слишкомъ скоро развились, не подкрѣпя себя основательно наукою. Но Мейерберъ былъ не таковъ: наука и постоянство составляли главную основу его дарованія. Онъ не могъ остановиться на Робертѣ.

Партитура *Гвельфовъ* черезъ шесть лѣтъ потомъ торжественно доказала, что источникъ музыкальныхъ эффектовъ вовсе не истощился. Успѣхъ Роберта былъ, можетъ быть, болѣе популярный, нежели Гвельфовъ, но самая эта популярность заслужена отчасти ошибками, которыхъ уже нѣтъ въ Гвельфахъ.

Поэма Гвельфовъ не такъ занимательна, какъ Роберта. Народныя междуособія не пріятны на сценѣ. За то сценическій элементъ любви, почти второстепенный въ Робертѣ, рельефно выставленъ въ Гвельфахъ. Страсть Рауля и Валентины составляетъ самую драматическую завязку.

Теперь нигдѣ почти не играется увертюра Гвельфовъ; это очень жаль. Она составлена превосходно, раздѣляясь на три части. Изъ первой части сдѣлана теперь интродукція. Это тема Лютерова хорала. Вторая часть составляет *allegro furioso*, выражающее дикія страсти фанатиковъ и стоны жертвы. Въ началѣ третьей части является опять хораль, но уже истерзанный убійствомъ, и очищаясь мало по малу, восходитъ и разражается свѣтлою, торжественною молитвою.

Не будемъ повторять разбора Гвельфовъ: эта партитура тоже всегда разобрана. Но и въ ней были первоначально измѣненія. Въ третьемъ актѣ передъ дуэтомъ Марселя съ Валентиною, Марсель ждетъ ночью Рауля въ Пре-о-Клеркъ и поетъ большую арію, которой начало взято изъ известнаго хорала въ Германіи: *weg nun den lieben Gott lässt walten*; потомъ упрекаетъ его за привязанность къ Далилаи и дружбу къ врагамъ. Наконецъ безпокойство возрастаетъ. Онъ проливаетъ слезы по любимомъ своемъ питомцѣ Раулѣ. Однимъ словомъ, Мейербергъ изобразилъ тутъ всего Марселя.

Въ четвертомъ актѣ совѣтъ католиковъ былъ тоже первоначально подъ предсѣдательствомъ Екатерины Медичи (которую прекрасно играла г-жа Мери). И кто бы повѣрялъ: знаменитый дуэтъ, оканчивающій нынѣ этотъ актъ такимъ драматическимъ и патетическимъ образомъ, не существовалъ первоначально, а вмѣсто его все кончалось сильною *stretta*. Мысль была эффектная. Но великій пѣвецъ Нурри всякій разъ при репетиціи покачивалъ головою.»

«Все это прекрасно говорилъ онъ, но не то, что надобно. Тутъ нуженъ дуэтъ страстный, патетическій, который бы приготовилъ къ смертному браку пятаго акта.»

Онъ представилъ свои замѣчанія Мейерберу, и тотъ понялъ всю справедливость ихъ; это дѣлаетъ честь обоимъ.

Извѣстно, что Гвельфы имѣли огромнѣйшій успѣхъ въ Парижѣ, но въ чужихъ краяхъ не столь блестятельный, какъ Робертъ.

Между Гвельфами и Осадою Гента прошло много времени; но Мейербергъ написалъ въ это время *сорокъ* мелодій, съ аккомпанементомъ одного фортепьяно. Какъ ни мала рама подобныхъ сочиненій, но и въ нихъ видна рука мастера. Въ нихъ, конечно, нѣтъ нѣжности Шуберта, ни кроткой наивности Мендельсона; но это счастливое соединеніе итальянской мелодіи съ нѣмецкою. *Воспоминаніе, Мина, Сицилійская Серенада*, кажется написаны подъ вліяніемъ свѣтлаго утра на берегахъ Сорренто. Задумчивая же муза Германіи является въ *Воскресномъ пѣніи, пѣснь Траписта въ фантазіи, въ гробницѣ Бетховена*. Даже французская муза видна въ *la mère-grand, ma barque*

légère le chant des moissonneurs. Всѣ мелодіи Мейербера — носятъ отпечатокъ эклектизма. Они болѣе созданы для головы, а не для сердца; итъ надобно анализировать. На театрѣ композиторъ выигрываетъ эклектизмомъ, но въ домашнемъ кругу теряетъ. Есть однакоже и у него нѣсколько задумевныхъ нумеровъ: *Умирающій поэтъ*, слова Мильвуа; *пльнь Фло*; *Она и я*; *Рахиль и Нефталм* и *Майская пльнь*, составляющая лучшей нумерь всего собранія.

Послѣ тринадцатилѣтняго молчанія явилась *Осада Гента*, въ апрѣлѣ 1849 года. Изъ всѣхъ сюжетовъ Мейерберовскихъ оперъ это былъ самый трудный. Характеръ Іоанна почти невозможенъ на сценѣ. Онъ самъ себя, конечно, невѣрить — и потому вдохновеніе его фальшиво, а характеръ музыки сходенъ съ словами поэмы, не съ положеніемъ главнаго лица. Впрочемъ, кромѣ одной аріи и финала, авторъ вездѣ старался выставить его въ частныхъ чувствахъ сына и любовника.

Партитура этой оперы слышкомъ нова, чтобъ не подвергнуть ее анализу.

Увертюра основана на четырехъ главныхъ темахъ, на хорѣ о *Roi des siècles c'est ta victoire*; на воззваніи: *Roi du ciel*; на мелодіи изъ марша коронаціи; на отрывкѣ хора: *que Judas succombe!* Композиторъ прибавилъ къ этому нѣсколько второстепенныхъ фразъ, которыя потомъ чрезвычайно важны для развитія. (Изученіе этой партитуры будетъ драгоценно для специальныхъ людей, доказавъ какъ важны эти второстепенныя фразы и какъ онѣ поддерживаютъ все изложеніе). Къ сожалѣнію, въ Парижѣ не играютъ этой увертюры, которая страннымъ своимъ колоритомъ составляетъ прекрасный контрастъ съ хоромъ интродукціи.

Романсъ въ видѣ дуэта Берты и Фидесъ лучшей нумерь перваго акта. Но и тутъ требованія пѣвицы, игравшихъ эти роли, преодолѣли строгія правила композитора. Когда Берта на колѣняхъ униженно проситъ у господина своего позволенія жениться, то тутъ не время рудалиться, и однако же это снисхожденіе пало на отвѣтственность Мейербера.

Во второмъ актѣ уже гораздо болѣе мелодическихъ богатствъ. Фраза Берты: *ah! d'effroi je tremble encore*, самая развитая и проникнутая вдохновеніемъ, какія встрѣчалъ гений композитора. Тріо старшихъ и Іоанна сохранило всю историческую характеристику этихъ вожадныхъ лицъ. Но два перла свѣтятся посреди этого мрачнаго колорита. Романсъ Іоанна: *roug Berthe, ma fiancée*, съ прелестнымъ аккомпаниментомъ арфъ и волторнь и *Allegro* Фидесъ, гдѣ прекраснѣйшій эффектъ гармоніи выражаетъ ея материнское благословеніе. — Сонъ Іоанна — одна изъ лучшихъ страницъ Мейербера: въ немъ весь гений цистру-

интонация его. Послушайте эти скрипки, эти литавры, эти флейты, составляющія настоящую мелодію привидѣній. Прислушайтесь къ этимъ печальнымъ аккордамъ валторнъ съ тромбонами: они приближаются, усиливаются; оркестръ готовъ разорвать свои оковы. Вдругъ рѣзкій звукъ идущихъ инструментовъ падаетъ какъ ударъ топора, развивается прелестная модуляція, какъ мистическій цвѣтокъ на стихѣ:

Une voix s'élevait, qui géraitait clémence.

И съ какою истинною голосъ постепенно понижается при словахъ: *d'épouvante et d'horreur*. Невольно чувствуешь этотъ неопредѣленный ужасъ, преслѣдующій человека послѣ страшнаго сна.

Третій актъ начинается сильнымъ хоромъ: *du sang! du sang!* Звучность тона *si mineur* увеличиваетъ еще силу хора. Композиторы всегда нигъ пользуются для выраженія самыхъ изступленныхъ и безжалостныхъ чувствъ. Послѣ хора арія Захарин (которую уже не поютъ), недостойная славы Мейерберга. Музыка танцевъ блистательна и оригинальна: вальсъ редова отличается новизною ритма и мелодіи; начало галопса образцовое произведение; кадрили на конькахъ, гдѣ терць-флейты подражаютъ быстрому катанью по льду—весьма замѣчательный номеръ. Три большіе номера оканчиваютъ этотъ актъ: комическое тріо Обертонна и двухъ старшинъ и гимнъ при восходящемъ солнцѣ.

При послѣднихъ репетиціяхъ въ Парижѣ, первая часть четвертаго акта была уничтожена. Другіе номера также были уничтожены по причинѣ чрезвычайной долготы оперы. Мейербергъ не можетъ удержать своего пера. Онъ охотно потомъ убавляетъ—и въ картинахъ его вѣрно найдете еще цѣлая партитура для новыхъ Роберта, Гвельфовъ и Осады Гента.

Отъ всего прежняго огромнаго четвертаго акта остались теперь хоръ гражданъ, трогательный романсъ Фидесъ: *donnez, donnez pour une pauvre âme*, дуэтъ Фидесъ и Берты и наконецъ большая сцена коронаціи съ знаменитымъ маршемъ и финаломъ, где композиторъ умѣлъ превосходно заставить каждую группу дѣйствующихъ лицъ сохранить характеръ своей ситуаціи. Въ этомъ отношеніи финалъ удивителенъ.

Въ пятомъ актѣ арія Фидесъ кажется принесена на жертву требованіямъ руладъ для пѣвиць. Дуэтъ Фидесъ и Іоанна, слѣдующее затѣмъ тріо изобилуютъ драматическими эффектами. Проклятіе Берты предъ смертью полно мрачными, неумолимыми красотоми. Но какимъ образомъ посреди этихъ ужасныхъ сценъ попала маленькая наатурна *l'amaieur* вовсе несоотвѣтствующая ситуаціи?

Вторая часть пятаго акта въ сценѣ оргіи представляетъ поразительные контрасты. Композиторъ удивительно придавъ голосамъ отголосокъ мрачный и злобный. Вахлическая пѣснь: *versez, versez!* того же свой-

ства: оркестръ гремитъ и блестятъ, но голосъ пѣвца уже полуразбитъ близкою казнію.

Послѣ колоссальнаго успѣха этой оперы, Мейерберъ написалъ тринадцать нумеровъ музыки для трагедіи брата своего, Миханла Беера—*Струэнзе*, а именно: увертюру, маршъ и хоръ, балъ, деревенская харчевня, сонъ, погребальный маршъ, и для нѣсколькихъ сценъ инструментальный аккомпаниментъ. Пьеса дана была въ Берлинѣ въ 1846 году. Партитура эта мало извѣстна.

Разсматривая вообще сочиненія Мейербера, можно удостовѣриться, что чѣмъ онъ независимѣе отъ сюжета и публики, тѣмъ мысли его возвышеннѣе. Въ Робертѣ, Гвельфахъ и Осадѣ Гента сценическія требованія Парижской Большой Оперы, своенравіе пѣвцовъ и даже, можетъ быть, желаніе приобрѣсть аплодисменты массы, заставили его употребить эффекты, которыхъ изящный музыкальный вкусъ не допустилъ бы. Въ сочиненіяхъ же, писанныхъ для Германіи, гдѣ онъ знаетъ классицизмъ публики, пестрота эта исчезаетъ.

Силезскій лагерь былъ написанъ для открытія Берлинскаго новаго театра въ 1844 году. Опера эта претерпѣла столько перемѣнъ, что до сихъ поръ неизвѣстно, какую партитуру композиторъ признаетъ за окончательную. Увертюра въ ней считается выше всѣхъ по эффекту.

Кромѣ театральныхъ пьесъ, Мейерберъ написалъ для Германіи нѣсколько болѣе или менѣе важныхъ сочиненій *Празднество при Феррарскомъ дворѣ* сочинена для праздника, данная королею Прусскимъ. *Шляски при факеллахъ*, симфонія для мѣдныхъ инструментовъ, написана по случаю бракосочетанія Баварскаго короля съ принцессою Вильгельминою. *Большая кантата* на четыре голоса съ хоромъ, которой стихи сочинены королею Баварскимъ. *Ода скульптору Рауху* для одного голоса, хора и оркестра, написана для открытія памятника Фридриху Великому. *Праздничный гимнь*, въ четыре голоса съ хоромъ—на двадцати-пяти-лѣтіе брака Прусскаго короля. *Эмениды*, трагедія Эсхила съ хорами и интермедіями для оркестра.—Семь духовныхъ гимновъ на слова Клопштока; *Stabat Mater*, *Misereere*, *Te Deum* и двѣнадцать псалмовъ съ двойнымъ хоромъ.

Замѣчательнѣе всего: *Десяносто первый псаломъ Давида*, на восемь голосовъ и соло.

Извѣстно, что Палестрина основалъ въ Италіи школу духовнаго пѣнія. Аллегро, Томази-Бани и Лео достойно поддерживали его въ этомъ высокомъ дѣлѣ. Школа эта считала, что для духовной музыки приличны одни человѣческіе голоса, и что никакой мѣдный или деревянный инструментъ не долженъ быть посредникомъ въ молитвѣ. Она уничто-

жила даже органы — и старалась достигнуть музыкальных эффектов разнообразіемъ человѣческихъ голосовъ. Періоды музыкальные широки, модуляціи просты и не выходятъ изъ главной гаммы, и не смотря на это, композиторы этой школы умѣли глубоко трогать сердце, въ особенности Палестрина. Въ этомъ-то родѣ хотѣлъ написать Мейербергъ свой 91-й псаломъ. Онъ принялъ въ основаніе хоральныя массы и простыя, но широкія мелодіи. Успѣлъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ? Сомнѣваемся. Перо его иногда видимо сбивается. Начавъ фразу, которой контуры напоминаютъ времена отдаленныя, онъ оканчиваетъ совершенно въ новѣйшемъ стилѣ. Отъ этого происходятъ столкновенія въ стилѣ, которыя изящный вкусъ отвергаетъ. И однако же, въ этомъ номерѣ виднѣтъ высокій талантъ композитора, и всякій слушатель невольно желаетъ, чтобъ онъ посвятилъ свой геній на возстановленіе школы Палестрины.

Разбирая подробнѣе этотъ номеръ, мы найдемъ, что мелодіи его повсюду прекрасны, хотя съ легкими оттѣнками архаизма, особливо въ партіи тенора. Не смотря на чрезвычайную трудность этого рода сочиненій, фундаментальныя темы безъ усилія слышатся въ этихъ восьми партіяхъ, переходя отъ одного хора къ другому, модуляціи помогаютъ эффекту. Арабески, обвивающіяся около главныхъ фразъ, начертаны съ самымъ изящнымъ вкусомъ. Что же касается до финальной фуги (*alla breve*), одинъ хоръ сохраняетъ классическую форму, тогда какъ другой написанъ, кажется, по требованіямъ новѣйшей музыки. Эта новая и оригинальная комбинація въ первый разъ приведена въ исполненіе. Это можетъ быть своевольство, но своевольство генія. Композиторы, не слышавшіе увлекательнаго хора придворныхъ пѣвчихъ въ С. Петербургѣ и нѣсколько слабѣйшаго въ Берлинѣ, удивятся басовымъ партіямъ этой партитуры. Въ нихъ есть *mi*, *re* и даже *contre-ut*. Эти ноты придаютъ прекраснѣйшій эффектъ произведенію.

До сихъ поръ говорили мы объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Мейерберга. Теперь возьмемъ совокупность ихъ. Никакого артиста не должно судить по одному произведенію, хотя бы образцовому. Музыкальное искусство управляется четырьмя главными предметами: мелодіею, гармоніею, ритмомъ, звучностью. Каждая изъ этихъ частей имѣла свое время. У волюобразованныхъ народовъ все основывалось на звучности, потомъ перешло въ ритму. Около 1450 года начался періодъ гармоніи. Слава композиторовъ состояла въ томъ, чтобы составить себѣ множество партій, переплетать ихъ, добровольно создавать себѣ затрудненія, чтобъ утомляться разрѣшеніемъ ихъ; задавать другъ другу ребусы и загадки. Мелодіи тогда не было, но не смотря на весь этотъ неблагодарный трудъ, тогдашніе композиторы оказали много услугъ искусству, доказавъ

что посредствомъ гармоническихъ комбинацій можно производить большіе эффекты.

Нынешняя мелодія произошла изъ Аравіи, гдѣ въ XII вѣкѣ было отечество художествъ, Veni Creator и Te Deum, привезенныя ко двору Карла Великаго изъ Италіи, были только образчиками амвросіанской музыки, переданной греками. Но настоящая мелодія привезена крестовосцами и сохранилась сперва у трубадуровъ. Будучи поэтами и музыкантами вмѣстѣ, они воспѣвали свои мелодіи, вывезенныя изъ Палестины. Вскорѣ распространились они по Франціи, Англіи и Шотландіи. Вѣроятно, что шотландскія національныя пѣсни не что иное, какъ арабскія мелодіи, измѣненныя нравами и климатами. Съ другой стороны гармонія царствовала въ бельгійскихъ, французскихъ и италіянскихъ школахъ, нисколько не соединяясь съ мелодіею.

Въ началѣ XVIII вѣка Италія утомила отъ этого безобразнаго отягла, въ которомъ подъ видомъ науки — не было идей. Музыкальная драма или опера, рожденная въ Римѣ около 1595 года, сперва нисколько не разнилась отъ духовной музыки. Мелодическій истинникъ овладѣлъ Италіею; аккомпаниментъ сдѣлался проще, и въ продолженіе столѣтій превратился въ ничто. Дошло до того, что иногда весь оркестръ игралъ одну партію. Композиторы сочиняли общее пѣніе, предоставляли ученикамъ распределять его по голосамъ и инструментамъ. Иногда партіи даже не писались, а импровизировались. Въ ритмахъ не было уже идей, были три-четыре формулы, которыми облакали всякаго рода мелодіи.

Характеръ нынѣшней музыки состоитъ въ томъ, чтобъ возвратитъ всѣмъ четыремъ элементамъ свои права. Послѣ Гайдна, Моцарта Бетговена и Россини, Мейерберъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ изобрѣтателей новыхъ музыкальныхъ идей и эффектовъ. Въ этомъ отношеніи онъ оказалъ важнѣйшія услуги искусству.

Нѣкоторые критики отказываютъ Мейерберу въ дарѣ мелодіи. Она бы могла быть обильнѣе, пѣжнѣе, бархатнѣе, однимъ словомъ болѣе италіянскаго колорита. Но во-первыхъ надобно знать соответствовали ли его сюжеты этой музыкѣ, а потомъ должно рѣшить: составляетъ ли мелодія чистое вдохновеніе, или она тоже подвергается правиламъ и численіямъ? и не рождается ли эффектъ мелодіи отъ комбинацій, заранѣе обдуманыхъ. Гамма вмѣстѣ въ себя интервалы, пріятныя уху, и композиторъ, умѣющій употреблять ихъ, произведетъ всегда на слушателя пріятное ощущеніе. Для проницательнаго музыканта подобная мелодія будетъ расчетомъ, а иная гармонія, напротивъ того, будетъ вдохновеніемъ. Не будемъ же предоставлять право вдохновенія одной мелодіи. Оно преобладаетъ въ ней, это правда, но одушевляетъ и гармонію.

Для итальянской музыки всякая поэма равна. Она какъ по канвѣ широко вышиваеъ всякіе, самыя пестрые узоры, какъ на китайскихъ и японскихъ издѣліяхъ. Мейерберу нужна была мелодія сильнѣе, вырази- тельнѣе. Въ его системѣ исчезаютъ руды и фіоритуръ. Мелодія Мейербера сливается съ словами и одушевляется ими. Тутъ нѣтъ гор- ловыхъ экзерцицій и концертныхъ каскадовъ, которые очень пріятны въ концертѣ, но которые мы, по здравому смыслу, должны отвергать на сценѣ. Между сценической и концертною музыкою большая разница: первая должна говорить уму и сердцу, вторая одному слуху. Посред- ствомъ хорошей методы, чистоты голоса и стѣня, пѣвица восхититъ насъ въ концертѣ. Перенесите ея арію на сцену посреди интересной ситуа- ціи, и мы съ досадою спросимъ: «да скоро ли это кончится?» Напри- мѣръ, арію Изабеллы во 2 актѣ Роберта, Принцесы Наварской во 2 актѣ Гвельфовъ мило и прелестно. Дуэтъ же Валентины и Марсея въ 3 актѣ — *тяжелъ*, какъ говорятъ итальянцы. Но выбросьте первые два изъ партитуры, и слава автора ни на волосъ неупадетъ. Такія аріи напишетъ вамъ любой композиторъ; но для глубокаго созданія дуэта ну- женъ композиторъ равный Мейерберу.

Музыка—самое младшее изъ искусствъ. Когда теорія ея окончательно будетъ опредѣлена, ей должно будетъ дѣйствовать осторожно при созданіи новыхъ эффектовъ. Мейерберъ много изобрѣлъ для нея новыхъ путей. Въ гармоніи онъ познакомилъ насъ съ глубокими аккордами, составленными иногда изъ противорѣчащихъ тоновъ. Эти ангармоническія модуляціи дове- дены иногда до излишества, но онѣ чрезвычайно способствуютъ выраже- нію страстей. Ангармоническая нота составляетъ узелъ модуляціи. Чѣмъ болѣе гамма устѣна бемолями; тѣмъ она болѣе передаетъ мрачныхъ идей. Съ діазами возвращаются блистательныя выраженія. *Фа-дизъ*, превра- щенный въ *соль-бемоль*, тотчасъ покажетъ вамъ напѣніе въ чув- ствахъ. Но музыкантъ долженъ быть скупъ на эти переходы, какъ живописецъ на всѣтлыя краски.

Ритмъ въ среднихъ вѣкахъ никогда не служилъ для выраженія музы- кальной мысли. Комбинація ритма составлялась случайно, какъ по- томъ сочиняли музыку изъ отрывковъ аккордовъ, соединенныхъ въ партіи. Ритмъ не что иное какъ маятникъ мелодіи. Въ старину онъ былъ слиш- комъ строгъ и останавливалъ порывы идей. Мейерберъ часто дѣлаетъ неправильные ритмы, но эта неправильность скорѣе существуетъ въ членахъ музыкальнаго періода, а не въ порядкѣ самихъ періодовъ. Толь- ко великіе музыканты имѣютъ право вводить подобныя новости. Не на- добно забывать, что ритмъ и звучность составляютъ матеріальные аген- ты искусствъ, которымъ не надобно придавать слишкомъ большой важности.

У насъ теперь часто для самыхъ мелкихъ произведеній употребляютъ большой барабанъ, литавры, и пр. Мейерберъ тоже до преувеличенія пользовался силами оркестра. Органы въ Робертѣ, басовые кларнеты въ Гвельфахъ, саксофоны въ Осадѣ Генты чрезвычайно усилили эффектъ оркестра.

Въ расположеніи хоральныхъ и инструментальныхъ массъ, Мейерберъ часто нарушаетъ древніе обычаи. У композиторовъ прошлаго столѣтія разные разряды инструментовъ дѣйствовали отдѣльными массами, каждый въ своемъ кругу. Мейерберъ разстраиваетъ ипогда эту симетрію. У него инструменты перекрещиваются какъ бы на-удачу, но такъ искусно распределены, что производятъ требуемый эффектъ.

Послѣдователь Баха, Гайдна, Моцарта Бетховена и Вебера, Мейерберъ выше ихъ проникъ въ источникъ чистѣйшихъ красотъ музыки, отъ которыхъ чаще ихъ и удалялся. Поприще его еще не кончено, и потомство будетъ о немъ судить еще по послѣднимъ его твореніямъ.

Вотъ подробный списокъ всѣхъ сочиненій его въ хронологическомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ городовъ и годовъ, гдѣ и когда были исполнены.

1811 года. Берлинъ.—Богъ и природа, араторія, дѣвцкія слова Алокса Шрейбера.

1812. — Мюнхенъ. — Обѣтъ Іевфая, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, дѣвцкія слова Шрейбера.

1813.—*Вѣна*.—На придворномъ театрѣ: Абимелехъ, или два кляфа, опера въ двухъ дѣйствіяхъ (тотъ же сюжетъ, что Wirth und Gast соч. Вольбрюка).

1818 (19 июня).—*Падуа*.—На новомъ театрѣ: Romilda ae Constanza, опера семи-серія, слова итальянскія. Пѣли: Риччи, пѣвицы: Пизарони, Липпарини.

1819. — *Туринъ*. (Къ карнавалу). На королевскомъ театрѣ. Semiramide riconosciuta, опера-серія, слова Метастазія. Пѣвецъ Бенольди. Пѣвицы: Басси, Минна, Дальманъ-Наран.

1819.—*Вѣна*.—Emma di Resburgo, опера-серія, слова итальянскія. Пѣвцы Геліодоръ и Луціанъ Біанки. Пѣвицы: Морани, Кортези, Каралани. (Въ Германіи опера эта извѣстна подъ названіемъ: Эмма Лейчестеръ).

1820 (14 ноября). — *Миланъ*. — На театрѣ Ла Скала, Esule di Grinade, опера-серія, слова Романи, Пѣвцы: Лаблашъ, Винтеръ, Сиберъ. Пѣвицы: Аделаида Този, Тезарони.

1822. — Альмансоръ, опера-серія, слова Росси. Пѣвица Басси,

Манна. (Эта опера не была представлена по случаю болѣзни Мейерберга).

1823.—Бранденбургскія ворота, въ одномъ актѣ. Нѣмецкія слова. (Не была представлена).

1824.—*Венеція*.—(Для карнавала). На театрѣ Фениче. *Il sociato in Egitto*, опера-серія, слова Росси. Пѣвцы: Венутти, Кривелли, Луцианъ Біанки. Пѣвицы: Мерикъ-Даландъ, Ларенцони.

1831 (21 ноября).—*Парижъ*.— Въ королевской академіи. Робертъ, слова Скриба и Делавиня. Пѣвцы: Нурри, Левассеръ, Прево, Алексисъ Дюпонъ, Миссольт. Пѣвицы: Даморо-Чинти, Дорю-Гра.

1836 (29 февраля).—*Парижъ*.— Королевская Академія. Гвельфы, слова Скриба. Пѣвцы: Нурри, Левассеръ, Дериви, Дюпонъ, Вартель, Миссольт, Прево. Пѣвицы: Фальконъ, Дорю-Гра, Флеше.

1844 (7 декабря).—*Берлинъ*.— Королевскій театр: Силезскій лагерь, опера въ трехъ дѣйствіяхъ, нѣмецкія слова Релльштаба. Пѣвцы: Манциусъ Беттихеръ, Цице. Пѣвица Женни-Линдъ.

1846 (29 сентября).—*Берлинъ*.— Струэнзе; интермедіи; пѣніе и оркестръ къ трагедіи брата его Михаила Беера.

1849 (16 апрѣля).—Осада Гента, слова Скриба. Пѣвцы: Роже, Левассеръ, Эзе, Гемаръ. Пѣвицы: Виардо-Гарсія, Кастелланъ.

КАНТАТЫ, ИНТЕРМЕДИИ и пр.

1813.—*Мюнхенъ*.— Любовь Теодолиты, мелодрама для сопрано, хора, и кларнетъ *obligato* въ кулисахъ. Пѣвцы: Гарласъ, кларнетистъ Берманъ.

— Семь духовныхъ пѣсень Клопштока въ четыре голоса безъ аккомпанимента.

Богъ—гимнъ Губица на четыре голоса.

Геній музыки надъ громомъ Бетговена, соло съ хоромъ.

Кантата въ четыре голоса съ хоромъ, для открытія статуи Гуттенберга въ Майцѣ.

Антрактъ (въ *ge-taieur*) для двухъ скрипокъ, альты, флейты, гобоевъ, кларнета, фаготовъ, валторнъ и контрбаса. Это тѣма на три ноты.

1843. — *Берлинъ*. — Празднество при ферраскомъ дворѣ, большая кантата съ живыми картинами, сочинена для праздника, даннаго королемъ прусскимъ.

1844. — *Берлинъ*. — Пляска при факелахъ (*Fackeltanz*) сочинена для бракосочетанія прусской принцессы Шарлоты.

1850. — *Берлинъ*. — Другая пляска при факелахъ. для мѣдныхъ

инструментовъ, сочинена для бракосочетанія короля баварскаго съ прусскою принцессою Вильгельминою.

1853 (27 мая), — Третій танецъ при факелахъ для бракосочетанія принцессы Анны прусской.

Берлинъ. — Маршъ баварскихъ стрѣлковъ, большая кавтана на четыре голоса и хоръ съ аккомпаниментомъ мѣдныхъ инструментовъ, слова короля баварскаго.

1854. — *Берлинъ.* — Ода скульптору Рауху, соло, хоръ и оркестръ, для открытiя памятника Фридриху Великому.

Праздничный гимнъ на четыре голоса и хоръ (a capella) на двадцатипятилѣтiе короля прусскаго.

ДУХОВНАЯ МУЗЫКА (ненпечатанная).

Stabat Mater. — Miserere. — Te Deum. — Двѣнадцать псалмовъ съ двойнымъ хоромъ и съ аккомпаниментомъ.

РАЗНЫЕ СОЧИНЕНIЯ КОМНАТНОЙ МУЗЫКИ.

Фантазія. — Майская пѣснь. — Умирающій поэтъ. — Песня Мейстера Фло. — Воскресная кавтата. — *Ranz des vaches* на два голоса. — Кавтата траписта для баса. — Кающійся. — Дѣтская молитва, для трехъ женскихъ голосовъ. — Дочь воздуха. — Воспоминанія. — Зюлейка — Сирокко. — Первая любовь. — Она и я Сициліянка. — Молодой матери. — Нелла. — Скрытая весна. — Легкая лодка. — Бабушка, на два голоса. — Баллада королевы Маргариты де Валуа. — Обѣтъ во время бури — Листокъ розы. — Безумная — Развалъ и Нефталіа. — Цвѣтокъ поэта. — Серенада. — На балконѣ. — Незванка, на два голоса. — Пѣснь вандейскихъ жнецовъ. — Иступленіе. — Одинъ. — Это она. — Держи къ берегу свою лодку. — Садъ сердца. — Мина. — Марія. — Кавтата на три голоса съ хоромъ и съ аккомпаниментомъ піано — *Liederbothe*.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ.

Эвмениды, трагедія Эсхила, съ хорами и интермедіями оркестра. *Африканка*, опера. — *Люби меня*. — Скрытая весна. — Восемнадцать канцонеттъ *Метастазія*. — Двадцать мелодій для романа: *Schwarzwalden dorff Geschichten*. Разныя сочиненія вокальной музыки.

Множество вумеровъ въ альбомахъ.

Нѣсколько сочиненій для фортепьяно, когда Мейерберу было еще 14 лѣтъ, во время перваго его путешествія въ Вѣну.

Дѣтская пѣснь на три голоса.

(Печатается.)

94-й псаломъ; на два хора и соло, сочиненъ для хора берлинскаго собора.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

РУССКИЙ ТЕАТРЪ.

Говорить о томъ, что всегда одно и то же?—Общее содержаніе комедій, послесловія и водевилей Александринскаго театра.—Объясненіе имени на русскомъ сценѣ.—Почему Гамлетъ 1 въ «Гамлетѣ» Мюллера.— Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, а комедія такъ танитъ легкимъ.—Ошибочное мнѣніе Байрона о Ки въ и Кемблѣ.—Первое появленіе Гамлета въ европейскія переводы.—Первый русскій перевод.—Прѣжніе и современныя роли актеры въ роли Гамлета.—Мочиловъ и Каратыгинъ.—Дилекція легенды объ Ахиллѣ, изъ которой Шенкель почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ.—Гамлетъ не сумасшедшій, не слабушникъ и не рѣшительный, словомъ не водеvilный герой.—Мнѣніе Гёте о Гамлетѣ.—Г. Максимовъ I.—Новый шагъ на русскомъ искусствѣ на сценѣ.—Шаги натурализма въ трагедіи.—Плоховъ переводъ Гамлета I. Положеніе въ это время въ театральномъ дѣлѣ.

Съ открытіемъ театровъ, послѣ лѣтняго поста, начинается рядъ бенефи-совъ, ведущіихъ за собою цѣлую вереницу новыхъ пьесъ; новыя же названія и въсѣмъ старыя—но содержанію, вымыслу, формѣ и исполненію. Все тѣ же послесловія, гдѣ нужно спорится съ женою и за ну-стаконъ тѣ же водевилы, гдѣ вдовинку дѣвушку хотѣтъ выдать за мужа за какого-нибудь урода, тогда-какъ она любитъ помолоченскаго Адониса, и гдѣ урода или издѣваетъ глухостею, или называется пиналь подъ конецъ пьесы, къ общему благополучію влюбленныхъ; тѣ же комедіи—безъ интриги и характеровъ; тѣ же драмы, безъ основной мысли и цѣли! Поборовъ о такихъ произведеніяхъ разсуждая, правъ, не стѣнеть распространяться о ихъ стореотипномъ основаніи, когда они оныя не-

яются еженедельно и ежемѣсячно въ новыхъ изданіяхъ, значительно умноженныхъ или убавленныхъ, съ новыми прибавками, или съ старыми погудками на новый ладъ, и, по-большей-части, со смысломъ въ отпуску. Все, что въ эти шесть-семь бенефисовъ появилось мало-мальски порядочнаго «Репертуаръ Русской сцены» поднесъ читателямъ на своихъ страницахъ; а потому не станемъ останавливаться на мелочахъ, а перейдемъ прямо къ значительнымъ явленіямъ нашей русской сцены, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія и вызываютъ на размышленіе.

Къ такимъ замѣчательнымъ явленіямъ относится, безъ всякаго сомнѣнія:

1. Появленіе г. Максимова 1 въ роли «Гамлета».
2. «Любовь и предрасудокъ», комедія Мельвила.
3. «Подвигъ Марина», современная быль г. Григорьева 2.
4. «Бѣдная невѣста», комедія г. Островскаго.
5. «Женихъ изъ Ножевой линіи», комедія г. Красовскаго, и нѣсколько мелочей, болѣе или менѣе, заслуживающихъ упоминовенія.

Начнемъ же съ важнѣйшаго:

МАКСИМОВЪ ВЪ ГАМЛЕТѢ.

«Гамлетъ», по моему мнѣнію, самая совершеннѣйшая изъ драмъ Шекспира въ сценическомъ отношеніи, и въ то же время самая глубокая, по основной идее и по множеству философскихъ мыслей, въ ней заключающихся. По этому, характеры ея сценическимъ артистамъ гораздо труднѣе усвоить и передать, чѣмъ въ каждой другой драмѣ Шекспира. Байронъ, говоря объ игрѣ Кина и Кембля, ставитъ перваго чрезвычайно высоко за исполненіе роли Ричарда III, сознавая, въ то же время, что Кембль *превосходенъ* въ Гамлетѣ. «Но Гамлетъ—не природа», присовокупляетъ онъ; «Ричардъ—человѣкъ, и Кинъ—Ричардъ». Правда, Гамлетъ дѣйствительно идея, облеченная въ человѣческую форму, но въ такую простую, общепонятную, вѣрную дѣйствительности форму, что сочетаніе ея съ идеальной основой характера должно всегда составлять трудную задачу для актера. Поэтому актеръ, который *превосходенъ* въ Гамлетѣ, всегда будетъ и долженъ быть выше артиста, отвлеченно выполняющаго Ричарда, и именно потому, что Ричардъ только человѣкъ—одна осязательная натура, безъ затаенной философской идеи.

Несмотря на трудность роли Гамлета, по двойственному ея значенію—идеальному и человѣческому, большая часть актеровъ, играющихъ драматическія роли, преимущественно за нее хватаются, какъ за пробный камень для дебютовъ, полагая, что ничего не можетъ быть эффек-

нѣе и легче, какъ изобразить несчастнаго датскаго принца. Къ этому способствуютъ и разныя другія причины: «Гамлетъ» и «Ромео и Юлія» первыя трагедіи Шекспира, съ которыми познакомился материкъ Европы. Онѣ были перекроены и перешиты на французскій фасонъ господиномъ Дюен, который изъ чужихъ лоскутьевъ составилъ себѣ во Франціи славу еще въ то время, когда классическая французская трагедія занимала весь міръ, когда стихи изъ нея учили въ школахъ наизусть, какъ образцы высокой поэзіи, когда Тальма и Дюшенуа приводили въ ней въ восторгъ парижанъ, считавшихся представителями вкуса и тонкаго артистическаго такта. Въ Германіи, которая меньше подчинялась обаянію французской драматической школы, хотя величайшій поэтъ ея, Шиллеръ, и переводилъ Расина, Гамлетъ явился въ болѣе близкомъ къ подлиннику переводѣ, но понятый только со стороны наиболѣе доступной нѣмцамъ, именно, со стороны идеальной, подалъ драматическимъ представителямъ поводъ къ излишней экзальтаціи и выпренности. У насъ, въ Россіи, Гамлетъ былъ переведенъ въ эпоху полного владычества французскихъ классическихъ ходуль на сценѣ, и былъ переведенъ чело-вѣкомъ, который, можетъ-быть, въ ту эпоху понималъ Шекспира лучше всѣхъ европейскихъ писателей, именно, П. А. Сумароковымъ; но переводъ Сумарокова появился на сценѣ въ героическомъ, декламационномъ видѣ тогдашней французской трагедіи. Онъ удержался на репертуарѣ, благодаря обилію прекрасныхъ мыслей и занимательности своего содержанія. Съ перваго своего представленія, въ 1750 году, Гамлетъ не сходилъ съ нашей сцены донынѣ, кромя маленькаго промежутка, между смертью трагика Яковлева и появленіемъ новаго перевода Н. А. Полеваго. Изображеніе характера Гамлета переходило, по преданію, отъ одного актёра къ другому, и началомъ этого преданія былъ умѣншіи актёръ своего времени — Дмитревскій, который однакожь, несмотря на свой умъ, не могъ съ себя сбросить веригъ декламациі, криковъ, изысканныхъ позъ, размахиваемыхъ жестовъ и героической походки, составлявшихъ въ классическую эпоху вершину сценическаго искусства. Отъ этихъ преданій отступили нѣсколько въ изображеніи Гамлета два актёра — Каратыгинъ, который составлялъ переходное звѣно отъ классической школы на сценѣ къ романтической, и П. С. Мочаловъ, который былъ примымъ представителемъ романтической школы. У перваго преобладали внѣшняя отдѣлка роли, у втораго — чувство; первый былъ эффектенъ въ сильныхъ мѣстахъ, второй — трогателенъ; но оба понимали характеръ Гамлета ложно: они выдвигали его изъ рамы; они дѣлали изъ

• Что видно изъ его предисловія къ переводу Гамлета.

него, героя, выставляли его пылким безумцемъ, болѣе или менѣе дѣйствующимъ безсознательно, или по-крайней-мѣрѣ на послѣдствительно. Большая часть актеровъ принимали Гамлета за сумасшедшаго, а сумасшедшаго, какъ ни сыграй, только было-бы эффектно—и артисты удовлетворялись. Но Шекспиръ, создавая своего Гамлета, олицетворяя въ немъ душу человека въ роковую минуту жизни, въ минуту, когда долженъ рѣшиться вопросъ, «быть или не быть», хотѣлъ въ то же время остаться вѣрнымъ исторіи и сохранить подлинныя черты характера настоящаго Амлета, каковъ онъ былъ, или какимъ его создала сага. Сага о Гамлетѣ, или *Амлетъ*, отыскана знаменитымъ датскимъ поэтомъ Адамомъ Эдлендгеромъ въ 1840 году, и въ апрѣлѣ 1842 года была мною напечатана въ переводѣ. Чтобы лучше понимать характеръ Шекспирова Гамлета и видѣть, какъ онъ воспользовался историческими данными, попавшими ему въ руки, не мѣшаетъ и читателю и артисту ознакомиться съ подлиннымъ сказаніемъ о Гамлетѣ.

«Въ царствованіе лейрокаго короля Рёрника, умеръ Гевендаль, подвластный ему конунгъ въ Юландѣ. Два сына его, Гардвендаль и Фенге, вслужили въ управленіе королевствомъ на мѣсто своего отца. Гардвендаль предпринялъ походъ противъ Викинговъ, привезъ королю Рёрнику огромную добычу и посагадся на его доверіе, Гиритъ. Опека выдала ее за него и она родила ему сына Амлета. Но Фенге, въ ненаявности, тайно убилъ своего брата и женился на его вдовѣ.

Амлетъ, возмущавъ, боялся убійцы отца своего и, чтобы спасти собственную жизнь, началъ говорить и дѣйствовать, какъ помѣшанный. Всѣ видороки и отговоры его были смѣшны и бессмысленны; всѣ дѣйствія ребячески-глупы. Онъ болѣе походилъ на пугало, чѣмъ на человека. Иногда онъ садился у огня въ золу и расщипывалъ уголья вешей-сперанцы; иногда дѣлалъ деревянные прытки, обжигалъ ихъ на огнѣ и сгибалъ ихъ, какъ уочки, чтобы они крѣпче зацѣплялись за то, на чѣмъ были бросаемы. Когда его спрашивали, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «Я острою концы носій, чтобы отпугнуть за смерть отца!» Некоторыя придворныя, глубже вникая въ его поступки, подозрѣвали, что онъ не такъ безумецъ, какъ кажется, и ведъ хитрую личную сдѣлку. уша зоркій и обширный. Наконецъ рѣшилось испытать его посредствомъ хороменской женщины (хороменскія женщины были вѣчными цыганками и несли мушкетъ, даже и въ древности!). Она должна была приобрести

* Лейръ былъ столицею датчанъ во времена язычества, какъ Рёскилле въ повзур, и Копенгагенъ во вторую половину христіанскаго періода. Говорятъ, что эти города были такъ-же велики, какъ нынѣшній Копенгагенъ. Теперь городокъ Рёскилле имѣетъ только 4,000 жителей, а Лейръ — деревня, вѣдухъ, идущъ отъ царе. Црчк. и др. др.

его любовь и доверенность. Амлетъ хотѣлъ идти прогуляться съ немъ по лѣсу; но одинъ изъ друзей, слѣдующій за нимъ, подавъ ему знакъ, чтобъ онъ остерегался. Амлетъ замѣтилъ знакъ; и когда подошли нѣсколько лошадей, сѣлъ на лошадь лицомъ къ хвосту, прирѣшивъ къ нему уздъ. Странно было видѣть, какъ шла лошадь и какъ сѣдлецъ управлялъ ею, держа ее за хвостъ. Подѣхавъ къ лѣсу, они завязали везаи. Амлетъ спросилъ: что это за звѣрь? Ему сказали: «жеребенекъ». Онъ отвѣчалъ: «Такихъ жеребятъ много при дворѣ Фенге». Этой шуткою онъ уже обозначилъ наказаніе своего отца, какъ-будто волки и проводящныя звѣри отомстятъ за смерть отца. Но онъ хитре умѣлъ расположить слова свои, такъ, что, говоря иронически правду, не могъ быть замѣченъ въ дурную замысль. Потомъ они подѣхали къ нерекому берегу, на которомъ лежалъ руль отъ корабля, разбитаго бурейю. «Посмотри» сказали придворные: «какой тутъ лежитъ широкій ножъ». — Этотъ ножъ долженъ прорѣзывать широкій окорекъ! отвѣчалъ Амлетъ. Они показали на прибрежный песокъ и сказали: «какая прекрасная бѣлая мука!» Онъ отвѣчалъ: «Она смолота вѣтранными мельницами, да пѣнистыми волнами моря». Въ лѣсу придворные отѣхали въ сторону, чтобъ оставить его наединѣ съ красавицею. Другъ опять подавъ ему знакъ, поймавъ осу и пригнувъ соломкою. Увидя это, Амлетъ догадался, что ему угрожаетъ нѣтъна; но онъ не показавъ подозрѣнія и, оставшись одинъ, попросилъ, чтобъ дѣвушка его поцѣловала. Она знала его съ дѣтства, любила и потому охотно согласилась. Позже, его спрашивали, цѣловалъ ли онъ эту дѣвушку. — «Да» отвѣчалъ онъ: «ни соломеннѣ съ крыши, ни консконѣ лошади и вѣтушемъ гребешкѣ». Все эти вещи и у него были въ карманѣ и онъ положилъ ихъ подъ ноги прежде, чѣмъ поцѣловалъ ее. Эта рѣчь ничего не объяснила лезутчикамъ, а дѣвушка, разумѣется, не выдала его. Одинъ изъ приверженцевъ Фенге совѣтовалъ королю спрятать кого-нибудь въ комнату, чтобъ подслушать Амлетъ, когда онъ будетъ говорить наединѣ съ матерью. Совѣтникъ даже самъ вызвался быть лезутчикомъ. Амлетъ вскорѣ послѣ того пришелъ къ Герти; онъ замѣтилъ, что его подслушиваютъ, вдругъ забѣгалъ по комнатѣ, захопавъ въ ладоши, замахавъ руками, какъ крыльями и заплѣлъ пѣтухомъ. Потомъ вскочилъ на свазку соломы, подъ которой скрывался подслушивавшій и, ощутивъ что-то твердое, прокололъ его мечемъ, вытащилъ изъ него соломы, разсѣкъ на куски и бросилъ свиньямъ. Кончивъ это, онъ возвратился къ матери и сказалъ: «Преступница! ты обвиняешь убійцу своего мужа и любишь того, кто сдѣлалъ сырою твоего единственнаго сына! Говорю тебѣ, я не безъ причины надѣлъ личину безумія: кто убилъ роднаго брата, не пощадитъ и племянника. Смерть отца моего

не дастъ ни въ вѣсѣхъ ни днемъ, ни ночью. Дай только придетъ времени и случаю, я отомщу за него! Но чтобъ познать сильнаго злодѣя, надо много хитрости и лукавства. Не плачь о посягъ безумиъ, а лучше оплакивай свой позоръ и посямленіе нашего дома!» Такими строгими словами онъ обратилъ легкомыслие матери къ раскаянію и исправленію.

У Амлета спросили, куда дѣвался подслушывавшій. Онъ, смѣясь, отвѣчалъ: «Свиньи его съѣли!» Онъ не хотѣлъ солгать. Фенге охотно убилъ-бы Амлета, но боялся его дѣда и Гириты, поэтому онъ отпразднелъ его къ королю бретландскому (британскому, англійскому). Отвѣщая, Амлетъ просилъ мать свою объявить черезъ годъ со днемъ, что ее извѣстили о его смерти, и потомъ обить залу коврами, какъ-бы для похороннаго торжества. Въ самое это время онъ хотѣлъ возвратиться. Съ нимъ поѣхали въ Бретландію два проводника, съ руническими тростями, на которыхъ была изображена просьба, чтобъ бретландскій король повелѣлъ убить Амлета. Однажды, ночью, на пути, Амлетъ нашелъ эти трости и переѣмнилъ на нихъ руны такъ, что вышло, будто Фенге просить бретландскаго короля повѣсить провожатыхъ пасынка, а за послѣдняго выдать дочь свою.

Король ласково принялъ Амлета; но онъ не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить того, что ему предлагали. Король приказалъ развѣдать причину этого; Амлетъ сказалъ свитѣ: хлѣбъ вашъ имѣетъ вкусъ крови, пиво — желѣза, а окорокъ — трупа. Услышавъ это, король сказалъ: «Этотъ человекъ или большой мудрецъ «или очень глупъ». Онъ тотчасъ приказалъ позвать своего управляющаго, который разсказалъ, что колосья расли на полѣ битвы. Король спросилъ насчетъ окорока. Онъ былъ взятъ отъ свиньи, которая нечаянно поѣла отъ трупа казеннаго разбойника. Колодець, изъ котораго была почерпнута вода для пива, былъ изслѣдованъ и на днѣ его нашли заржавые мечи.

Король, увидя, что Амлетъ правъ, похвалилъ великій разумъ Амлета и выдалъ за него дочь свою. Провожатыхъ, согласно просьбѣ Фенге, приказалъ онъ повѣсить. Амлетъ показалъ видъ, будто разгнѣвался за это, и король далъ ему большую сумму денегъ въ выкупъ за убійство. Амлетъ растопилъ это золото и наполнилъ имъ двѣ выдолбленныя палки, которыя взялъ съ собою, когда, годъ спустя, отправился въ Данію. Прибывъ въ Ютландъ, онъ снялъ хорошее платье и надѣлъ лохмотья. При дворѣ Фенге всѣ были веселы и радостны. Онъ вошелъ въ залу, гдѣ въ это самое время праздновали по немъ тризну. Его спросили о провожатыхъ. Онъ вытащилъ двѣ палки и сказалъ: «вотъ они оба!» Потомъ Амлетъ принялъ на себя должность мундшенка и вызвался разносить гостямъ медъ. Какъ-будто не желая, чтобъ разодранный плащъ

и́шалъ ему ходить свободно, онъ опоясая мечемъ; но гости не хотѣли, чтобъ онъ такъ часто вынималъ мечъ и пробовалъ остроту его объ ногти пальцевъ, и потому пробили мечъ и ножны гвоздемъ. Амлетъ не переставалъ подбивать гостей, пока все они свалились безъ памяти со скамеекъ. Тогда Амлетъ накрылъ ихъ всеми коврами, которыми была увѣшана зала, и скрѣпилъ ковры крючками, которые наделалъ въ дѣтствѣ, такъ, что ни одинъ изъ придворныхъ не могъ выпутаться и уйти; потомъ онъ зажегъ домъ и вскорѣ весь дворецъ былъ объятъ пламенемъ. Амлетъ побѣжалъ въ комнату, куда слуги отнесли соннаго Фенге, снялъ со стѣны его мечъ и на мѣсто его повѣсилъ свой собственный, разбудилъ короля и сказалъ: «Фенге! твои храбрые товарищи сгорѣли, а передъ тобою стоитъ Амлетъ съ своими крючками, чтобъ мстить за смерть отца!» Фенге вскочилъ; но пока онъ протягивалъ руку къ загвожденному мечу, Амлетъ закололъ его.

Амлетъ позже изобразилъ все свои дѣянiя на своемъ щитѣ.—Шотландская королева прельстила его и онъ общался жениться на ней; на это разгнѣвался его тестъ, король бретландскiй. Дѣло дошло до войны. Первый день былъ неудаченъ для Амлета и онъ потерялъ-бы сраженiе, если-бъ его не спасла хитрость. Онъ приказалъ привязать стоймя тѣла убитыхъ датчанъ на полѣ сраженiя къ палкамъ и камнямъ. Тогда ужасъ овладѣлъ бритами: они подумали, что къ неприятелю подошло свѣжее войско, побѣжали, а Амлетъ съ большою добычею возвратился въ Данию.

Но король Рѣрикъ умеръ въ это время и на мѣсто его взошелъ на престолъ Виглетъ, который укорялъ Амлета, что онъ обманомъ приобрѣлъ королевство, и началъ съ нимъ войну. Амлетъ былъ убитъ въ сраженiи, а Виглетъ женился на его вдовѣ, шотландской королевѣ Герметрудѣ. Поле, на которомъ онъ погребенъ, до-сихъ-поръ именуется Амлетовымъ *.

Вотъ откуда Шекспиръ почерпнулъ свою великую трагедiю.

Изъ этого разсказа всякiй усмотритъ, что Шекспиръ, въ изображенiи характера своего героя, остался вѣрнымъ главной его исторической чертѣ, хитрости, и что сумасшествiе его Гамлета вовсе не душевная болѣзнь, а искусное притворство. Это притворство проведено во всей роли; но есть и мѣста свѣтлыя, сознательныя, которыя актеръ непремѣнно долженъ нестигать, отгнѣять и передавать совершенно другимъ тономъ, чтобы зритель тотчасъ понималъ, что все его сумасшествiе—одно притворство. Шекспиръ далъ своему герою другую душевную бо-

* Село Амелгеде, въ милѣ съ небольшимъ къ востоку отъ Рандерса. *Прим. перев.*

дѣль — борьбу съ самимъ собою, съ своею человѣческой натурою. Поэтъ поставилъ рядомъ съ нимъ привидѣніе отца, повуждающее его къ дѣйствию — и сомнѣніе въ возможности преступленія матери, останавливающее дѣйствіе; духъ варварскаго обычая, который напештываетъ о кровомщеніи, и духъ христіанской любви, который требуетъ примиренія. Гамлетъ образованъ, онъ учился въ университетѣ, поэтому, слѣдуя правамъ страны, еще неотставшей отъ обычаевъ, завѣщанныхъ ей азычествомъ, онъ съ твердой волей покориться завѣту предковъ, не имѣеть достаточно силы свершить наказаніе въ самыя рѣшительныя минуты, потому-что убѣжденъ, что наказаніе это лежитъ внѣ правъ человѣческихъ. Напрасно многіе критики находятъ Гамлета слабодушнымъ, безхарактернымъ; напротивъ, въ душѣ его совершается борьба великая, борьба глубокаго христіанскаго убѣжденія съ глубокой печалью и невыносимымъ оскорбленіемъ. Въ этомъ именно и заключается вся тайна, почему эта великая драма — драма чисто-философская, такъ обяательно дѣйствуетъ на всѣхъ зрителей: и на мыслителя, и на простаго натуры, которымъ, можетъ быть, непонятна идеальная сторона драмы, но которымъ доступно чувство, ее согрѣвающее. Надо быть слишкомъ невнимательнымъ, чтобъ не замѣтить, что весь характеръ Гамлета проникнутъ глубокимъ религиознымъ чувствомъ. Оно проявляется въ сценѣ съ тѣнью, и въ сценѣ, когда онъ застаётъ короля молящимся, и въ главной сценѣ съ Офеліей, и въ сценѣ съ матерью, наконецъ, въ самомъ основномъ монологѣ драмы: *to be, or not to be*. У Полеваго этотъ монологъ переведенъ невѣрно и не довольно-ясно выраженъ; но возьмемъ его изъ перевода Вронченки, и вы увидите, справедливо-ли наше заключеніе:

Кто въ ярѣхъ ходитъ — бы,
 Стеналъ подь игомъ жизни и томился,
 Когда-бы страхъ грядущаю по смерти —
 Невѣдомой страны, изъ коей нѣтъ
 Сюда мизерата — не тревожилъ соли,
 Не заставляла скорѣи смесить зло жизни,
 Чѣмъ убѣгать отъ ней?
 Такъ робкими творитъ всегда насъ совѣсть;
 Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
 Подъ тѣнью тусклости размысленъ,
 И замысловъ отважные порывы,
 Отъ сей делимы уклоняя бѣгъ свой,
 Ищадъ дѣянія не стажаютъ.

И такъ, по моему мнѣнію, Гамлетъ не слабодушный, еще менѣе сумасшедшій и ужъ ни въ какомъ случаѣ не герой трагическій. Онъ

человѣкъ мыслящій и религіозно чувствующій, поставленный между необходимостью мстить за смерть отца и позоромъ, который мстить эта должна нанести матери, между долгомъ истиннаго яра и долгомъ истиннаго христіанства, между обычаемъ страны, обратившимся въ законъ, и убѣжденіемъ сердца, обратившимся въ натуру. Вотъ внутренняя драма Гамлета: ее-то всего труднѣе постичь и передать на сценѣ. Внѣшняя драма вытекаетъ уже сама собою изъ внутренней и состоитъ въ столкновеніи Гамлета съ Клавдіемъ, котораго онъ ненавидитъ и предъ которымъ долженъ покоряться; въ разрушеніи первой, чистой, юношеской любви его къ Офеліи; въ разрывѣ узъ дружбы съ товарищами, въ честь которыхъ онъ вѣровалъ и въ которыхъ встрѣтилъ предательство; въ невинномъ убійствѣ глухаго старика Полонія; въ горькихъ упрекахъ вдовы матери, которой вину хотѣлъ-бы искупить цѣною всего своего сердца; въ вызовѣ ненависти благороднаго Лазарта; наконецъ, въ самомъ своемъ прятворствѣ. Во всемъ этомъ столько эффектныхъ сценическихъ сторонъ, что актеръ, даже безъ особенно-замѣчательнаго дарованія, привлечетъ изъ нихъ для себя сотню выгодныхъ положеній. Но соединить въ актѣ внутреннюю и внѣшнюю драму—вотъ въ чемъ важная задача, вотъ гдѣ камень преткновенія бѣльшей части актеровъ, бравшихся за исполненіе Гамлета. Гёте въ этомъ отношеніи прекрасно опредѣляетъ Гамлета въ своемъ «Вильгельмъ-мейстеръ.» — «Гамлетъ Шекспира», говоритъ онъ», цѣлое дерево, со всѣми его вѣтвями, листьями, суцями, распуколками, цвѣтами и плодами.» Но онъ-же далѣе говоритъ, что цѣлаго дерева нельзя подать на столъ, и что актеръ долженъ поднести гостямъ своимъ «золотые плоды его на серебряномъ блюде».

Не обращаясь въ сценической старинѣ, которую мы не можемъ провѣрить иначе, какъ вѣрою на слово людямъ прошлыхъ поколѣній, смотрѣвшихъ на искусство совершенно съ другой точки, чѣмъ на него теперь смотрятъ, мы можемъ указать только на двухъ современныхъ дѣлѣ представителей Гамлета на сценѣ, на П. С. Мочалова и В. А. Каратыгина. Оба они смотрѣли на характеръ Гамлета одностороннимъ взглядомъ: одинъ хотѣлъ выразить только внутреннюю драму, другой гнался за одною внѣшнюю; одинъ подавалъ золотой плодъ—безъ блюда, другой подавалъ блюдо—безъ плода. Лучшія сцены Мочалова были тѣ, гдѣ прорывалось чувство наружу: сцена съ Офеліей, сцена съ матерью; лучшія сцены Каратыгина были сцены съ припадкомъ, сцена театра, сцена надъ гробомъ Офеліи, сцена дуэли. Въ какой степени эти сцены были вѣрны—это другой вопросъ; мы говоримъ только, что сцены эти были эффектны и производили впечатлѣніе. Но оба актера дѣлали изъ Гамлета трагическаго героя, который у Мочалова безпре-

ставно выходилъ изъ себя, у Каратыгина то и дѣло становился на ходу. Отъ односторонности воспріятія (концепціи) характера Гамлета и тѣмъ и другіе артистомъ, оба передавали его ложно и во многихъ мѣстахъ даже совершенно противно намѣреніямъ Шекспира: у Каратыгина Гамлетъ являлся часто сумасшедшимъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать трезво; у Мачалова онъ былъ трезвъ тамъ, гдѣ надо было казаться сумасшедшимъ. Ироническій тонъ, приданный Шекспиромъ большей части рѣчей Гамлета, и глубоко-философскій смыслъ другихъ тирадъ, сбивали съ толку актеровъ и производили эту перетасовку; несмотря на то, оба актера — великіе артисты, добросовѣстные художники, хотя одаренные совершенно противоположными талантами—знали цѣлу созданія Шекспира и дѣло свое исполняли сознательно, каждый по мѣрѣ своего разумія. Кромя Мочалова и Каратыгина, мы видѣли на нашей нѣмецкой сценѣ въ роли Гамлета двѣ знаменитости Германіи: гг. Кунста и Эмилла Девриена. О Кунстѣ распространяться нечего: это актеръ *подражательный*, то-есть, человекъ несознательный, который самъ не воспринимаетъ и не создаетъ характеровъ, а подражаетъ другимъ актерамъ въ лучшихъ, эффектныхъ мѣстахъ, словомъ: qui prend son bien ou il le trouve, у одного одну сцену, у другаго—другую, у третьяго—третью. Можно себя вообразить, что за арлекинада должна выдти изъ подобнаго подбора лопутьевъ! Этотъ Кунстъ, играя роль Карла Морла (Шиллера), во второмъ актѣ выхлѣвъ на сцену верхомъ на лошади и упалъ вмѣстѣ съ нею. Это подало тогда поводъ сказать о немъ, что онъ на сценѣ Кунстрейторъ (Kunstreiter, наездникъ). И такъ Кунста мимо. Эмилъ Девриенъ знаменитѣйшій изъ современныхъ трагическихъ актеровъ Германіи, артистъ съ глубокимъ постиженіемъ и творческимъ талантомъ. Никто еще не создавалъ такъ сознательно роли Гамлета, никто не изучалъ такъ строго Шекспира на сценѣ, какъ онъ; и рѣдко случается встрѣтить актера, въ которомъ сторона внутренняя искусства была бы такъ тѣсно и гармонически слита съ внѣшней, въ которомъ чувство, энергія, пластика, обаятельный органъ являлись-бы въ такомъ строгомъ сочетаніи, какъ у Девриена. Но... Это несчастное все портить! Но онъ сохранилъ въ себѣ еще довольно-яркіе признаки нѣмецкой сценической школы; ея музыкально-монотонной декламациі, внѣсто простаго разговора, ея жествуляціи, подчасъ слышномъ разнанистой и всегда рѣзкой, ея *красованій* на сценѣ, посредствомъ самыхъ изысканныхъ, картинныхъ, но вовсе неестественныхъ позъ Странно, какъ нѣщцы, которые такъ глубоко проникаютъ въ натуру каждой вещи, могли создать такое дикое искусство, подъ видомъ своихъ

безчеловечных эстетиков, и еще страннее, что Эмиль Дюрик, артист современный, образованный и чрезвычайно умный, мог поддаться обаянию такого ложного искусства! Но дело в томъ, что и онъ принесъ ему дань, хотя слабую, сравнительно съ своими предшественниками—но все-таки принесъ, и въ этомъ состоитъ единственный; но довольно-важный упрекъ, который можно ему сдѣлать въ выполненіи роли Гамлета. Изъ этой методы игры происходила у него какая-то приторная сентиментальность, нѣмецкая Schwärmelei, которая ужъ никакъ нейдетъ къ характеру, сосредоточенному въ самомъ себѣ в болѣе мрачному, Гамлета.

По смерти Мочалова и Каратыгина роль Гамлета на русской сценѣ можно было считать упраздненной. Правда, являлись разные герои, которые брались отхватить датскаго принца на славу; но подобными попытками никакъ нельзя было назвать *выполненіемъ* Гамлета и еще менѣе эстетическимъ явленіемъ на сценѣ. Наконецъ, нынѣшней осенью афиша объявила, что роль Гамлета исполнить г. Максимовъ 4-й. Подобное объявленіе было принято одними съ проніею, другими—за шутку, и всѣми—съ сомнѣніемъ. Признаемся откровенно, мы принадлежали къ числу послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, не страшно-ли: изъ *Страшной ночи* г. Жемчужникова понасть въ страшную ночь характера Гамлета, изъ *«Ложь 4-го яруса»* г. Каратыгина въ самое глубокое седалище поэзіи Шекспира!

Съ перваго же представленія театръ переполнился любезнотинными, которые раздѣлились на нѣсколько партій: на недовольныхъ, которые обвиняли г. Максимова въ главной роли покойнаго Каратыгина казавшемся преступленіемъ;—на строгихъ судей, которые этотъ подвигъ называли болѣе, чѣмъ смѣлостью;—на недоброжелателей и завистниковъ, которые заранѣе радовались паденію артиста. Но завился занавѣсъ, Максимовъ явился, сыгралъ первый актъ—и всѣ мнѣнія слились въ одну общій, одобрительный гулъ рукоплесканій! Таковъ сила истиннаго восторга, природы и правды на сценѣ! Она покоряетъ всѣ предубѣжденія и пробуждаетъ въ массѣ тотъ скрытый истинный истинный и красоты, который иногда заглушается ложнымъ направленіемъ вкуса и привычкою къ принятымъ преданіямъ искусства.

Г. Максимовъ взялъ роль Гамлета не съ идеальной, а съ человеческой ея стороны; онъ вдвинулъ его въ общую рану картины и не допускалъ криливо выскакать впередъ, а между-тѣмъ все-таки умѣлъ ему придать значеніе главнаго лица пьесы. Это первая и важнѣйшая его заслуга. Всего труднѣе въ творческихъ искусствахъ быть простымъ и естественнымъ; но это еще болѣе труд-

же въ искусствѣ спонтанность, особенно, когда материалъ, изъ котораго долженъ твердить актеръ, довольно упрямъ для простыхъ формъ, то есть, когда роль его написана языкомъ нѣсколько фигуральнымъ и напыщеннымъ. Г. Максимовъ языку и воену бытію Гамлета придалъ такую паразитальную простоту, столько общечеловѣческихъ чертъ, столько убѣдительною истинны, что такого рода олицетвореніе трагическаго характера можно почти назвать новымъ шагомъ въ искусствѣ, и шагомъ весьма важнымъ, вполнѣ соответствующимъ взглядамъ современной эстетики. Новое поколѣніе отъ театрального зрѣлища прежде всего требуетъ *правды* и *натуры*—и оно справедливо: безъ правды и натуры не можетъ существовать на сценѣ иллюзія, то есть, обязательнаго облика чувствъ; а безъ этого обмана, безъ улощенія воображенія зрителя изъ мира существующаго въ тотъ міръ, который раскрываетъ передъ нимъ посты, невозможно и сочувствіе къ дѣйствію и лицамъ, передъ нимъ происходящимъ. Представьте мнѣ на сценѣ *героя*: онъ будетъ слыше меня и возбудитъ только удивленіе; представьте обмановаго человѣка, но съ высшимъ осознаніемъ своего человѣческаго достоинства—и онъ расшевелитъ во мнѣ все, что только въ душѣ моей есть съ нимъ общечеловѣческаго, пробудитъ тѣ чувства, которыя въ ней спали въ герой, или которыя она смутно предсуждала, и искренно овладѣетъ волею моихъ сочувствій.

«*Être naturel dans les arts c'est être sincère* (быть естественнымъ въ искусствѣ значитъ быть искреннымъ) сказалъ Свистъ-Бѣвъ—и это великая истина. Г. Максимовъ понялъ, что можно быть героемъ, не переставая быть обмановаемымъ человекомъ, не храбрѣсь, не бѣснуясь, не размахивая руками. Наполеонъ и Суворовъ были самые простые люди въ рѣчь и обращеніи, но когда первый, сирота на груди руки и махнувъ языку, при Маренгѣ и передъ пирамидами, а второй при переходѣ черезъ Альпы, говорили своимъ солдатамъ языкомъ простымъ, но непреклоннымъ; они воспламеняли массы—и были героями. Артистъ понялъ, что по слѣдамъ В. А. Каратыгина ему идти нельзя, да и не слѣдовало: нельзя—потому-что всѣ преимущества внѣшней представительности и внѣшняго искусства на сторонѣ нашего знаменатаго трагика; не слѣдовало—потому-что Каратыгинъ самъ составлялъ переходную ступень отъ школы классической къ школѣ романтической на сценѣ. Надлежало сдѣлать новый шагъ впередъ—и Максимовъ его сдѣлалъ: шагъ смѣлый и важный, шагъ, къ натурализму шагъ къ тому, что составляетъ задачу современнаго искусства, — къ тому, что такъ хорошо выразилъ Риверди въ своемъ четверостишіи:

Der Künstler sei ein Bildner, kein Traumbilderer,
Rein Sinnverwirrer, Phantasieverwilderer;

Kin Zähler des Affekts, Gefühlsmilderer,
Selbst in sich 'klar, und aller Klarheit Schilderer.

То—есть: «Художникъ долженъ быть творцомъ, а не фантазёромъ, не мутителемъ разума; онъ не долженъ заглушать воображеніе, а, напротивъ, обязанъ укрощать аффектацію, умилять чувство и, ясный самъ себѣ, быть представителемъ всякой ясности.»

Но гдѣ-же г. Максимовъ почерпалъ уроки этой ясности постиженія и передачи, этой простоты и искренности? Въ самомъ Шекспирѣ. Тотъ-же самый Гамлетъ, котораго онъ передаетъ такъ просто, такъ человѣчно, выучивъ его всему, что нужно для такого исполненія. И въ-самомъ-дѣлѣ, не странно-ли, что до Максимова, всѣ эти господа, которые ставили Гамлета на ходуляхъ паюсовъ и декламациі, не обратили вниманія на чудный урокъ искусства, который этотъ Гамлетъ даетъ актеру во второмъ явленіи третьяго дѣйствія. Полевой весьма напрасно вышустилъ изъ него добрую молодину, для краткости. Вотъ это образцовое представленіе, которое каждый истинный артистъ долженъ вытвердить наизусть.

«Произноси стихи, какъ я тебѣ читалъ ихъ: просто и безъ натужекъ. Если же ты станешь ихъ распѣвать на всѣ голоса, подобно многотимъ актерамъ, то, по-мнѣ, лучше слышать ихъ изъ устъ ночнаго сторожа. Не рѣжь изо всей силы руками воздуха, но соблюдай во всемъ приличіе и умѣренность: она возвышаетъ каждую страсть въ самомъ ея разгарѣ, въ самомъ вихрѣ, въ самой бурѣ. О! какъ мнѣ досадно слушать, когда иной дюжій парень (a robustious periwig-pated fellow), запрягавъ голову подъ парикъ, начинаетъ крошить страсть на части, раздирать на клочки, чтобъ утѣшить уши черни, способной столько восхищаться неестественнымъ кривляньемъ и крикомъ...

«Не будь также самкомъ робота: врать собственное благоразуміе будешь твоимъ наставникомъ. Соглашай движенія (то-есть, внѣшнія) съ словами и слова съ движеніями (то-есть, внутренними). Особенно старайся не преступать границъ натуральной простоты: все, что превышаетъ — несообразно съ цѣлю представленія, коверкаетъ, перемѣняетъ, какъ въ тенорѣ, балла и сопъ — представлять вѣрно: возрванъ природы, придать добру и злу точныя ихъ черты, явить каждому ея словію и возрасту вѣрный ихъ отпечатокъ и подобіе. Картина слишкомъ рѣзкая или черезчуръ слабая, способна разсѣять невѣждъ, но она оскорбитъ вкусъ людей умныхъ; а голосъ одного изъ нихъ долженъ быть для васъ дороже криковъ цѣлой толпы бессмысленныхъ. О! есть актеры — я видѣлъ ихъ, ихъ я слышалъ, и въ даже громкія

«похвалы—актеры, которые, стыдно сказать, не владея ни языкомъ, ни «видомъ тѣхъ, кого представляли, и даже просто языкомъ и видомъ чело- «вѣческими, коверкались и ревели, и безчеловѣчно подражали они че- «ловѣку.

«Сверхъ того, внуши всѣмъ, играющимъ у васъ потѣшниковъ, «чтобъ они отъ себя не прибавляли ни одного слова, котораго нѣтъ въ «песнь: многіе изъ нихъ хохочутъ сами, чтобъ разсмѣшить самыхъ «шлюсолобыхъ изъ зрителей, между-тѣмъ, какъ въ эту минуту совер- «шается на сценѣ дѣйствіе, необходимое для поясненія цѣлой пьесы. «Такия выходы низки; онѣ показываютъ только, какъ жалко честолю- «біе тѣхъ, кто къ нимъ прибѣгаетъ».

Вотъ наставленіе Шекспира, которое прямо указываетъ, какъ надо играть его Гамлета. Забавнѣе всего то, что всѣ трагики во второй сценѣ втораго дѣйствія, гдѣ самъ Гамлетъ читаетъ актеру «Рассказъ Энея Дидонѣ», страшно его *декламировали*, тогда-какъ, по окончаніи монолога, Полоній говоритъ довольно-ясно Гамлету: «По чести, принцъ, вы читаете прекрасно: *просто и выразительно*». Впрочемъ, тутъ отчасти виноватъ и переводчикъ, который заставилъ Полонія чуть-чуть не повторить стихъ изъ «Горе отъ ума» съ *чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой*. У него Полоній говоритъ: «Превосходно, принцъ! Прочитано мастерски: съ *удареніемъ, съ чувствомъ!*» (Fore God, my lord, well spoken; with good accent, and good discretion). Но послѣ приведеннаго выше наставленія, этотъ промахъ перевода не можетъ служить оправданіемъ актеру сознательному. Ошибки такого рода показываютъ только, какъ мало тѣ, которые брались за Гамлета, проникались духомъ Шекспира, и какъ поверхностно изучали самый характеръ представляемаго лица.

И такъ, простота и естественность игры—вторая заслуга г. Максимова. Третья заслуга состоитъ въ томъ, что онъ вынулъ много здраваго смысла въ тѣ сцены, которыя прежде него или совсѣмъ пропадали, или оставались темными загадками для зрителей, некоротко знакомыхъ съ подлинникомъ Шекспира. Такъ, напримѣръ, въ сценѣ съ тѣмъ-же отцомъ онъ показывалъ много благоговѣнія къ загробному явленію и много глубокаго чувства. Стихи:

Помнить о тебѣ! отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помнить о тебѣ... да я изглажу
Изъ памяти моеи все, что я помнить,

Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья, и ничто во-вѣки
Не соединится съ ними!..

были произнесены имъ съ умоляющимъ вдохновеньемъ. Слова: «Прощай, прощай, прощай и помни обо мнѣ!» отзывались внутренними слезами. Сцена клятвы надъ мечемъ ведена г. Максимовымъ чрезвычайно разумно: видно, что онъ для этого руководствовался не одною своею ролью, но просматрѣлъ и другіе переводы Гамлета. У Полеваго онъ говоритъ:

А! онъ здѣсь; пріятель, здѣсь—что-жъ, смелоды!
Вы слышали его: клянитесь!

а при повтореніи голоса подъ землею:

Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто!

въ третій же разъ—онъ говоритъ:

Хорошо, подземный кротъ! ты роешь славно
И подъ землею такъ и бѣгаешь, сюда,
Подальше отъ него, друзья.

У Шекспира совсѣмъ не то. Въ первый разъ онъ говоритъ:

А! чистый духъ! * И ты велишь! Ты здѣсь надежный другъ **.
Подойдите: вы слышите пріятеля тамъ въ скалѣхъ.
Клянитесь-же.

Во второй разъ онъ говоритъ:

Nic et vidique! Здѣсь и повсюду! Перейдите дальше!

а въ третій:

Прекрасно, старый кротъ! Ужель такъ скоро
Ты можешь землю рыть? Безцѣнный рудокопъ! ***
Сюда, друзья! На мечъ кладите руки.

* Воу—младенецъ, ребенокъ, здѣсь употреблено постоу въ смыслѣ чистоты безплетной.

** True-panny — вѣрная копѣйка; по-англійски употребляется въ смыслѣ надежнаго друга.

*** Worthy pioneer.

Гамлетъ у Шекспира явно уважаетъ тѣхъ отца, и на голосъ ея призываетъ своихъ друзей, какъ на голосъ покровительствующій клятвѣ, которую онъ отъ нихъ требуетъ. У Полеваго выходитъ напротивъ: «*подальше отъ него, друзья!*» Притомъ полунюточныя выраженія, вовсе нееродныя съ этой торжественной сценою, въ родѣ: «*приятель здѣсь!*» «*Что жь—выходи!*» «*Подземный кровъ, ты подь землю тамъ и блыасишь,*» и проч. всегда дѣлали это явленіе не только непонятнымъ, но даже незлымъ на сценѣ. Это показываетъ, что Шекспира *поправлять* нельзя безнаказанно. Г. Максимовъ, какъ я ужь сказалъ, осмыслилъ это мѣсто и велъ его прекрасно.

Трудно было-бы прослѣдить всю роль въ игрѣ нашего артиста въ журнальной статѣ; но мы укажемъ только на важнѣйшія сцены, которыя особенно хорошо вылились у г. Максимова. Превосходна у него сцена съ Офеліей въ III дѣйствіи. Онъ даже расположилъ ее иначе, и расположилъ очень умно и эффектно. Офелія сидитъ за работою, на балконѣ, въ глубинѣ сцены. Это даетъ ему полную свободу высказать свой монологъ: «*Быть или не быть*» наединѣ. Въ концѣ монолога онъ ее замѣчаетъ и обращается къ ней со всею нѣжностью истинной любви. Но въ минуту, когда онъ начинаетъ подозревать, что и она подсажена тутъ въ видѣ шпіона, онъ вдругъ быстро отъ нея отскакиваетъ; лицо, движенія, голосъ—все принимаетъ другое выраженіе: это левъ, уязвленный въ самое сердце. Всѣ остальные рѣчи высказываетъ онъ ей съ упрекомъ, болѣе отзывавшимся душевною грустью, чѣмъ бѣдой вроніею. Просто и вѣрно! Эта сцена—минута вѣчнаго разрыва любви Офеліи и Гамлета, не можетъ быть иначе помята и сыграна. Сцена эта одна изъ важнѣйшихъ въ цѣлой драмѣ: здѣсь порывается послѣдняя струна, связывавшая еще Гамлета съ людьми: его вѣра въ невинность и любовь Офеліи; здѣсь наносится этой бѣдной жертвѣ интригъ первый смертоносный ударъ, отъ котораго происходятъ всѣ ея послѣдующія страданія.

Слѣдуетъ превосходная сцена представленія. Пьеса приходитъ къ развязкѣ: Король встревоженъ; онъ успѣшно оставляетъ задѣ; за нимъ въ беспорядкѣ толпится весь дворъ. Гамлетъ достигъ цѣли: онъ узналъ истину; привидѣніе не обмануло его. Это явленіе было всегда любимымъ мѣстомъ всѣхъ сценическихъ Гамлетовъ: тутъ было гдѣ развернуться, неустово покричать, похотать адскимъ смѣхомъ, побушевать руками. У Мочалова она была страшна, онъ хототалъ и трасса; у Каратыгина — въ высшей степени эффектна, онъ кричалъ и ползъ по сценѣ. Правда, трудно актеру по роли понять, что ему именно надо дѣлать въ эту минуту, потому—что переводчикъ вложилъ ему въ уста стихи, рѣшительно безъ всякаго смысла:

Олея ранили стрѣлой; —
 Тотъ охаетъ, другой смѣется;
 Одинъ хохочетъ, плачь—другой,
 И такъ на свѣтѣ все ведется.

У Вронченко эти стихи переданы вѣрно съ подлинникомъ:

Пусть страждетъ лань, произвенная стрѣлой,
 Олень нераненый играетъ;
 Когда одинъ хлопочетъ, спитъ другой:
 Такъ все на свѣтѣ здѣсь бываетъ.

Но какъ-бы ни были нелѣпы фразы, данныя въ роли актеру, онъ изъ психическаго анализа положенія лица въ эту минуту можетъ и долженъ почерпать краски для вѣрнаго изображенія его душевнаго состоянія. У г. Максимова въ этой сценѣ нѣтъ криковъ и бѣснованій: его радостный смѣхъ надъ удачею придуманной хитрости заглушается стономъ изъ глубины души надъ подтвержденіемъ страшной истины. Онъ не ужасенъ, онъ не величественъ; онъ жалокъ въ эту минуту— в это вѣрно. Сынъ, узнавшій о преступленіи матери, не можетъ ни торжествовать, ни прыгать: его должна убить эта новость въ первую минуту, и только, когда онъ опомнится, ярость противъ Клавдія придаетъ ему силы для послѣдующей сцены, гдѣ мщеніе заставляетъ его забыть на время свое горе. Слѣдующая за тѣмъ сцена флейты съ Гильденстернонъ ведена г. Максимовымъ прекрасно, именно такъ, какъ слѣдуетъ ее вести. Всѣ актеры обыкновенно провозносили просьбу Гамлета сыграть на флейтѣ и монологъ его саркастически, съ ироніей, возбуждавшей смѣхъ. Г. Максимовъ провозноситъ его съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ. Гильденстернъ былъ другъ его сердца и теперь является предателемъ: это новое разочарованіе, которое не можетъ вылиться иначе, какъ со скорбью. «Теперь суди самъ: за кого-же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже на этой дудкѣ? Считаю меня чѣмъ тебѣ угодно, ты можешь мучить меня, но не играть мною». Воля ваша, только въ этомъ монологе нѣтъ ни капли смѣха, а есть жгучія слезы. Наконецъ главная сцена — съ матерью, также довольно-удовлетворительна: много жара, много чувства и ничѣмъ не пожертвовано эффекту.

Нѣкоторые стихи провознесены прекрасно; такъ, напримѣръ:

Когда и старость падаетъ такъ страшно,
 Что-жь юности осталось? Страшно!

или:

И для чего ты поддавалась пороку,
Любови искала—въ безднѣ преступленья?

или обращеніе къ тѣни.

Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально,
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить—слезами!

Сцена прощанія съ матерью ведена превосходно, тепла и истинна.

Наконецъ, въ послѣднемъ актѣ превосходно высказаны двѣ фразы надъ могилою Офеліи:

Онъ хочеть удивить меня печалью!
Но я любилъ ее, какъ соросъ тысячи братьевъ
Любить не могутъ!

и

Да, я на все готовъ, на все, на все!
Получше брата я ее любилъ.

Г. Максимовъ, исполнивъ такъ Гамлета, сдѣлалъ подвигъ, за который достойнъ названія истиннаго художника и котораго русское искусство не забудетъ на страницахъ своей летописи, потому—что онъ служитъ началомъ новой артистической школы на нашей сценѣ. Я не скажу, чтобъ г. Максимовъ былъ непогрѣшимъ во всей роли Гамлета; напротивъ, есть и у него мѣста слабыя, есть погрѣшности, на которыя указать можно, напримѣръ, хотъ на монологъ «Быть или не быть», который читается имъ слишкомъ скоро; на монологъ съ черепомъ, въ которомъ чувствителенъ недостатокъ мрачной думы о ничтожествѣ человѣческомъ, которая его внушаетъ. Полнаго совершенства нѣтъ на землѣ, но въ цѣломъ г. Максимовъ оставляетъ далеко за собою своихъ предшественниковъ и даже современниковъ—и этого ужъ очень много. Я люблю актера, когда о немъ можно сказать то же, что Гвидо-Рени сказалъ о Рубенсѣ: «онъ подѣшвиваетъ кровь къ своимъ краскамъ:» г. Максимовъ въ Гамлетѣ именно таковъ; онъ даетъ своему олицетворенію кровь и плоть; его Гамлетъ становится живымъ человекомъ и актеръ исчезаетъ, а это главная задача сценическаго искусства. Многие возстаютъ противъ личности г. Максимова въ этой роли: «Онъ такой тощій, поджарый—что онъ загерой!» Но эти г. судьи забываютъ, что Гамлетъ, во-первыхъ, не герой, во-вторыхъ, что онъ сильный ду-

новыиъ страданій человекъ въ тѣло не входитъ, и наконецъ, въ третью, что самъ Гамлетъ говоритъ о себѣ въ первомъ дѣйствіи:

.... Она супруга дяди,
Который такъ походитъ на отца,
Великаго Гамлета короля, какъ—я на Геркулеса.

И фizioномія, принятая г. Максимовичъ, и костюмъ его—какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ идеалу Гамлета. Самъ Шекспиръ не велитъ ему быть ни Голасомъ, ни Стенторомъ. Тутъ кетати припомнить старинное четверостишіе Писарева:

Кто дѣлать лишь добро старается цѣлый вѣкъ,
Въ несчастіи былъ твердъ, а въ счастьи не гордился,
Тотъ истинно великій человекъ,
Хотя бы и въ наборъ рекрутскій не годился.

На сценѣ дѣло не въ ростѣ и дородствѣ: величайшіе актеры были и незрелыи и неплачсты — доказательство: Тальма, Князь, Деврионъ старшій, Мочаловъ, Фредерикъ Леметръ, Буффе. Главное дѣло въ умѣнн владѣть и расплагать своими душевными силами. Въ этомъ отношеніи, по-мнѣ, великій актеръ не тотъ, кто свою душу ставитъ вмѣсто чужой, а тотъ, кто чужою душою умѣеть замѣнить свою.

Объ остальныхъ новостяхъ побесѣдуемъ въ слѣдующій разъ.

О. КОНН.

И.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(статья вторая)

Андромаша. — Расинъ и требованія его вѣд. — Мнѣніе Корнел. — Мысль пьесы. — Андруша Эврипида. — Цѣль ея. — Герціона въ *Андромашу* и *Оресту* Эврипида. — Герціона Расина. — Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера. — Значеніе пьесы и критика Лагарпа. — Разборъ трагедіи. — Пирръ. — Любовь à la française. — Неумѣстная иронія Герціоны. — Положеніе Андромашы. — Орестъ. — Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедіи. — Враги Андромашы. — Эпиграмы Расина. — *Адриенна Лекувереръ*. — Ея исторія. — Драма Сарраба. — Разборъ ея. — Гардогья Булонъ. — Шазель. — Поваженіе Рашели. — Два голубя. — Двѣ стороны таланта Рашели. — Энергія и нѣжность — Любовь Адриенны. — Сцена соперницъ. — Молодого изъ *Федры*. — Пятый актъ. — Смерть Адриенны. — Какъ устроить актъ итд. — Рашель въ современной драмѣ и въ трагедіяхъ.

Десятаго ноября 1667-го года была играна въ Парижѣ въ первый разъ *Андромаша* Расина. Равно черезъ сто-восемьдесятъ-шесть лѣтъ,

того-же числа, увидѣли мы эту трагедію въ Петербургѣ. Современники Расина были въ восторгѣ отъ Андромахи. Съ этой минуты началась извѣстность молодого поэта (ему было 28 лѣтъ въ это время). До тѣхъ-поръ онъ написалъ только *Эванду* и *Александра*, двѣ очень плохія пьесы. *Александръ* былъ игранъ годомъ раньше *Андромахи* и упалъ на театрѣ Пале-Рояля. Корнель, которому Расинъ читалъ свою пьесу, сказалъ ему: «Въ васъ большой талантъ для поэзіи, но не для трагедіи». Расина упрекали въ томъ, что онъ представилъ *Александра* страстнымъ, влюбленнымъ юношей, что несогласно съ исторіей. Поэтъ соглашался съ этимъ, но оправдывалъ себя тѣмъ, что зрители любятъ видѣть, чтобъ на сценѣ герои любили какъ французы, а не какъ Македоняне (*notre public tient aux amours à la française*). Слѣдуя этой-же системѣ—выставлять на сценѣ любовь *à la française*, Расинъ написалъ и *Андромаху*. Онъ угадалъ вкусъ современниковъ, и *Андромаха* доставила ему громкую извѣстность, вопреки мѣтнію старика Корнеля, который съ тѣхъ-поръ уступилъ мѣсто на театрѣ своему счастливому сопернику. Авторъ *Горациевъ* въ этомъ-же году поставилъ *Аттилу*, неимѣвшего никакого успѣха и упавшаго при громкомъ смѣхѣ, которымъ сопровождалась острота Шапелля: «Въ трагедіи Аттилы уже слишкомъ много натуры: всѣ стихи гунскіе или визиготскіе».

Въ предисловіи ко второму изданію *Андромахи* Расинъ говоритъ, что идею его пьесы подали ему шестнадцать стиховъ изъ третьей пьесы Энеиды.

Solemnes tum forte dapnes et tristia dona
 Libabat cineri Andromache, Manesque vocabat
 Nectorem ad tumultum и проч.

Въ этихъ стихахъ *Виргилій* заставляетъ *Андромаху*, приносящую жертву тѣни *Гектора*, сожалѣть объ участи *Поликсены* и говорить, что она должна была отдаться *Пирру*, который бросилъ ее потомъ, чтобы соединиться съ *Герміоною*. Но *Орестъ*, которому *Герміона* была назначена въ супруги, въ бѣшенствѣ, убилъ у алтара своего соперника, заставъ его въ храмѣ.

Далѣе, въ этомъ-же предисловіи, Расинъ, упоминая объ *Андромашѣ*, трагедіи *Эврипида*, говоритъ, что онъ заимствовалъ изъ нея только одну ревность *Герміоны*. Посмотримъ ближе на пьесу греческаго трагика, чтобъ видѣть всю разницу между нимъ и Расиномъ.

Дѣйствіе пьесы *Эврипида* происходитъ во *Фтіи*, эпирскомъ городѣ. *Пирръ* въ отсутствіи и, пользуясь этимъ, жена его, *Герміона*, поддерживаетъ своимъ отцомъ, *Менелаемъ*, осуждаетъ на смерть *Андромаху*,

свою соперницу, и ея сына Молосса, прижитаго ею съ Пирромъ. Мать и сынъ ищутъ убѣжища у алтарей Фетиды (точно такое-же положеніе Эврипидъ уже вывелъ на сцену въ своей трагедіи *Геркулесъ въ ярости*). Герміона, не имѣя дѣтей отъ Пирра, мучится злобой и ревностью; она не хочетъ допустить, чтобъ сынъ рабыни наследовалъ, нѣкогда сыну Ахиллеса. Ея споръ съ Андромахой, защищающейя благородно и умно, очень эффектенъ и составляетъ прекрасную сцену. Потомъ начинаютъ спорить Менелай съ Пелеемъ: одинъ вступается за свою дочь, другой—за свою внуку. Пелей, вмѣсто того, чтобъ упрашивать Менелая, оскорбляетъ ее самою нецеремонною бранью. Всѣ эти споры наполняютъ три акта трагедіи. Въ четвертомъ, Герміона, вмѣсто злобной и мстительной, является вдругъ въ отчаяніи, испуганной, трепещущей. Она боится, чтобъ Пирръ, вернувшись, не наказалъ ее за все зло, какое она хотѣла сдѣлать Андромахѣ. Не смотря на то, что о возвращеніи Пирра нѣтъ никакого слуха, Герміона хочетъ убить себя и успокоивается только при видѣ Ореста, являющагося неизвѣстно откуда. Орестъ любитъ Герміону и, пользуясь отсутствіемъ Пирра, хочетъ ее похитить; Герміона бросается къ ногамъ его и проситъ, чтобъ онъ защитилъ ее отъ гнѣва мужа, обѣщая повсюду слѣдовать за Орестомъ. Онъ прямо объявляетъ ей, что отправляется въ Дельфы и убьетъ тамъ Пирра. Герміона не возражаетъ на это ни слова. Въ пятомъ актѣ посланный изъ Дельфъ возвѣщаетъ Пелею объ убійствѣ Пирра, потомъ приносятъ на сцену трупъ его. Пьеса оканчивается появленіемъ Фетиды, пришедшей утѣшить Пелея и общающей ему, что потомки Молосса, послѣдняя отрасль Эакидовъ, будетъ царствовать въ Фессалии. Объ Андромахѣ нѣтъ больше и помину въ трагедіи.

Считаемъ излишнемъ указывать на всѣ несообразности подобной пьесы. Цѣль ея была политическая. Эврипидъ хотѣлъ склонить къ союзу съ афинянами народъ, находившійся подъ управленіемъ царей изъ рода Эакидовъ, и возбудить ихъ противъ Спарты, царь которой преслѣдовалъ нѣкогда главу этой династіи; это не мѣшаетъ, однакожъ, пьесѣ быть нелѣпой. Эврипидъ былъ, конечно, писатель съ дарованіемъ; но у него есть и такія трагедіи, восхищаться которыми могутъ, развѣ, одни присяжные эллинофилы. Чтò за лицо у него, изпримѣръ, эта Герміона? Есть-ли въ ней хоть одно истинное чувство? Съ чего, послѣ трехъ актовъ гоненій на Андромаху, ей вздумалось вдругъ вспомнить о мужѣ и испугаться его? И потомъ, можно-ли чему нибудь извинить ея поведеніе въ отношеніи къ Оресту? Замѣчательно, что въ одной изъ первыхъ пьесъ Эврипида въ *Орестѣ*, онъ выводитъ тоже на сцену Герміону, только совершенно въ другомъ видѣ. Въ той трагедіи она пріѣзжаетъ въ Аргось вмѣстѣ

со своимъ отцомъ и матерью, чтобы овладѣть этою страню, потому-что Аргосцы осудили на смерть Ореста и Электру за убійство Клитемнестры. Но Оресту помогаетъ Пиладъ, совѣтующій ему убить Елену и захвативъ въ плѣнъ ея дочь, Герміону, и остановить этия враждебные замыслы Менелая. Незавѣстно, какимъ образомъ Орестъ, Электра и Пиладъ являются во дворцѣ, зажигаютъ его и Орестъ является сквозь пламя съ мечомъ, поднятымъ надъ Герміоною, готовый пронзить ее, если Менелай не отытнитъ смертнаго приговора противъ дѣтей Агамемнона. Это чрезвычайно эффектная, хотя и ничѣмъ неоправданная сцена, оканчивается явленіемъ Аполлона, который, въ свою очередь, объявляетъ, что онъ спасъ Елену въ то время, когда ее хотѣли убить, и перенесъ на небо. Показавъ Менелая эту новую богиню во всемъ ея блескѣ, Аполлонъ приказываетъ Пиладу жениться на Электрѣ, а Оресту — на Герміонѣ. Этия странныя свадьбы оканчиваются тоже порядочно-страшная пьеса, въ которой Герміона играетъ если и второстепенную, то по-крайней-мѣрѣ естественную роль.

Герміона Расина не похожа, по счастью, на Герміонъ Эврипида; она настоящая героиня пьесы, которую слѣдовало-бы назвать ея именемъ. Въ этой роли много огня, жара и чувства. Вольтеръ, проходившій однажды эту роль съ молодой актрисой, старался внушить ей, съ какии увлеченіемъ надобно играть Герміону. «Но если я буду играть ее такимъ образомъ, подумаютъ, что я бѣсуюсь (on me croirait le diable au corps), сказала актриса». «Именно-то этого я и требую отъ васъ», отвѣчалъ Вольтеръ. «Чтобъ играть и писать трагедіи, надо бѣсноватся! (pour jouer la tragédie et pour la faire il faut avoir le diable au corps)». И Рашель дѣйствительно почти такимъ образомъ играетъ Герміону.

Но, кромѣ этой роли, хорошо задуманной, весьма эффектной, имѣетъ ли какое-нибудь достоинство вся пьеса Расина? Отвѣчаемъ рѣшительно: ровно никакого! Французскіе критики раздѣляютъ объ этой пьесѣ мнѣніе ея современниковъ, съ которымъ мы никакъ не можемъ согласиться. Лагарпъ, напримѣръ, говоритъ, что одной Андромахи довольно для полноты славы Расина и что въ этой пьесѣ онъ сталъ выше своего вѣка, еще не вполнѣ оцѣниваемаго и понявшаго писателя. Въ особенности Лагарпъ хвалитъ его за то, что онъ понялъ требованія зрителей: видѣть въ герояхъ трагедіи свои чувства, желанія, чтобъ ихъ лучше трогали, чѣмъ удивляли; что удивленіе скоро притупляется и не можетъ поддержать интереса цѣлой пьесы; слезы скоро высыхаютъ, но что состраданіе сильнѣе дѣйствуетъ на сердце. Стало-быть, Андромаха имѣла успѣхъ, потому-что трогала зрителей, находившихъ въ ней сходства съ своими собственными чувствами, возбуждала въ нихъ состраданіе.

Таковы были требованія современниковъ Расина. Наши требованія въ этомъ случаѣ совершенно другія. Мы хотимъ, чтобъ историческое лицо, выводимое на сцену, было прежде всего вѣрно преданіямъ и характеру его эпохи, а не нашимъ современнымъ чувствамъ; чтобъ прежде всего мы были убѣждены въ возможности поступковъ, въ истиннѣйшій чувствъ героя, потомъ уже мы будемъ трогаться, или восхищаться; и эти послѣднія чувства никакъ не поднимутся въ нашемъ сердцѣ, если умъ нашъ будетъ пораженъ неестественностью сюжета трагедіи и характеровъ дѣйствующихъ лицъ. И это послѣднее чувство мы помысливаемъ, вида Андромаху.

Прослѣдимъ за ходомъ пьесы, чтобъ видѣть, до какой степени она слаба и неестественна.

Первый актъ начинается разговоромъ Ореста съ Пилладомъ. Орестъ говоритъ стихи, вошедшіе въ поговорку:

Oni, puisque je retrouve un ami si fidèle,
Ma fortune va prendre une face nouvelle.

Онъ объявляетъ Пилладу, что отправленъ посланцемъ къ Пирру, отъ имени всей Греціи, требовать выдачи Астіанакса, сына Гектора, котораго Пирръ не умертвилъ еще, по просьбѣ его матери, Андромахи, доставшейся ему вмѣстѣ съ Астіанаксомъ при раздѣлѣ пѣлнннхъ, послѣ взятія Трои. Вмѣстѣ съ тѣмъ Орестъ сообщаетъ, что онъ влюбленъ въ Герміону, невѣсту Пирра, которая живетъ во дворцѣ его, въ ожиданіи, пока, онъ на ней женится, и смотритъ какъ онъ, не торопясь сочетаться бракомъ, ухаживаетъ за своей рабыней Андромахой.

J'aime, je viens chercher Hermione en ces lieux,
La flechir, l'enlever ou mourir à ses yeux!

Приблизитъ Орестъ. Пилладъ замѣчаетъ ему очень многозначными стихами:

Quoi! Votre âme à l'amour en esclave asservie
Se repose sur lui du soin de votre vie?...
... Hermione elle même a vu plus de cent fois
Cet amant irrité (Pyrrhus) revenir sous ses lois,
Et, de ses vœux troublés lui rapportant l'hommage,
Soupirer à ses pieds moins d'amour que de rage.

Какъ все это похоже на Пирра, спокойно зарѣзавшаго у алтара старика Приама, — на Андромаху, у которой было три сына отъ Пирра: Малосъ, Велъ и Пергамъ, — на Герміону, жену Пирра, — на грековъ троянской войны, ихъ нравы и обычаи!.. Расинъ находитъ все это очень правдоподобнымъ, и въ предисловіи, о которомъ мы уже говори-

ли, обвиняется только, что онъ заставилъ жить при дворѣ Пирра Астіанакса, котораго въ глазахъ Андромахи сбросили съ башни при осадѣ Трои. По его словамъ, это единственная licentia poetica его пьесы. Вольно же нашему времени видѣть эти поэтическія вольности въ каждомъ характерѣ, каждомъ стихѣ трагедіи!..

Является Пирръ. Орестъ налагаетъ ему предметъ своего посольства. Пирръ отказывается исполнить желаніе грековъ, и посылаетъ его къ Гермионѣ. По уходѣ Ореста, Фениксъ, *гувернеръ* Ахилла и потомъ Пирра (*gouverneur d'Achille et ensuite de Pyrrhus*), справедливо замѣчаетъ своему воспитаннику:

Ainsi vous l'envoyez aux pieds de sa maitresse?

На что Пирръ отвѣчаетъ:

On dit qu'il a longtems brulé pour la princesse.

Входитъ Андромаха. Пирръ сообщаетъ ей о требованіяхъ и опасеніяхъ грековъ. Андромаха отвѣчаетъ хорошими стихами:

... Digne objet de leur crainte!
Un enfant malheureux, qui ne sait pas encor.
Que Pyrrhus est son maitre et qu'il est fils d'Hector!

Несмотря на это, Пирръ продолжаетъ приставать къ ней съ своей любовью:

Mais, parmi ces périls où je cours pour vous plaire,
Me refuserez-vous un regard moins sévère?
Haï de tous les Grecs, pressé de tous cotés,
Me faudrait-il combattre encore vos cruautés?..
.. En combattant pour vous me sera-t-il permis
De ne vous point compter parmi mes ennemis?..
... Mais que vos yeux sur moi se sont bien exercés!
Qu'il m'ont vendu bien cher les pleurs qu'ils ont versés!
De combien de remords m'ont ils rendu la proie!
Je souffre tous les maux que j'ai fait devant Troie.
Vaincu, chargé de fers, de regrets consumé
Brulé de plus de feux, que je n'en allumai.

И подобные стихи выдавали намъ за образецъ совершенства! И это говоритъ Пирръ своей рабынь, которая считалась у грековъ вещь! И это гомерическая Греція! Вотъ, когда было кстати сказать виѣсть съ поэтомъ: о tempoга! о mozes! Андромаха отвѣчаетъ на эти приторныя любезности, что она хочетъ остаться вѣрною тѣни Гектора. Пирръ уходитъ, угрожая выдать Астіанакса.

Второй актъ начинается выходомъ Гермионы. Она бесѣдуетъ съ

своей наперсницей Клеоной и соглашается видѣть Ореста. Онъ является, сильно качаясь и размахивая руками, говорить à la Пирръ:

... Je viens à vous et je me vois réduit
 A chercher dans vos yeux une mort qui me fuit.
 Voilà depuis un an le seul soin qui m'anime.
Madame, c'est à vous de prendre une victime
 Que les Scythes avaient dérobés à vos coups,
 Si j'en avais trouvé d'aussi cruels que vous.

Герміона отвѣчаетъ ему также весьма плохими стихами въ родѣ:

Seigneur, je le vois bien, votre âme prevenue
 Répond sur mes discours le venin qui la tue.

и уходитъ, поручая Оресту еще разъ требовать, чтобъ Пирръ выбралъ между нею и троянкою. Тотъ является самъ и говоритъ Оресту, что передумалъ и выдаетъ Астіанакса. Орестъ уходитъ, въ отчаяніи, еще болѣе качаясь и еще болѣе размахивая руками. Пирръ, оставшись съ своимъ губернаторомъ—Фениксомъ, или со своимъ Фениксомъ—губернаторомъ, осыпаетъ Андромуху упреками за ея жестокость и хочетъ все-таки видѣть ее, чтобъ высказать ей все, что онъ такъ хорошо говоритъ самому себѣ. Фениксъ изъ губернаторовъ замѣчаетъ, что пора, наконецъ, перестать колебаться и что, наконецъ, стыдно быть до такой степени. Пирръ соглашается съ этимъ и уходитъ къ Герміонѣ.

Третій актъ начинается вторичнымъ разговоромъ Ореста съ Пилладомъ. Первый сердится, второй успокаиваетъ его.

Mon innocence enfin commence à me peser

говоритъ Орестъ:

... Allons, seigneur, envelopons Hermione!

отвѣчаетъ Пилладъ. Является Герміона. Она очень рада, что разнесся слухъ о приготовленіяхъ къ ея браку съ Пирромъ, но адресуетъ къ Оресту нѣсколько нѣжностей, въ родѣ:

.... Je veux croire
 Que mes yeux sur votre âme étaient plus absolus...
 .... Vous avez pu voir
 Combien je relâchais pour vous de mon devoir.

Орестъ, хотя въ сильномъ негодованіи, но смиряетъ свой гнѣвъ и размахиванія руками и уходитъ. Андромуха, въ слезахъ, бросается къ ногамъ своей соперницы и умоляетъ выпросить у Пирра пощадить ея сыну. Она напоминаетъ ей, что нѣкогда трояне, извуревные десятилѣтними страданіями, угрожали ея матери и Гекторъ защитилъ ее. На эту

просьбу Гермiona отвѣчаетъ словами, полными прося, неблагородности и неестественности:

S'il faut fléchir Pyrrhus—qui le peut mieux que vous?

Этотъ отвѣтъ неестествененъ потому, что Гермionъ не слѣдуетъ еще разъ допускать свою соперницу къ Пирру, и гораздо благороднѣе и благоразумнѣе было-бы ей самой попросить Пирра о пощаду Астіанакса. По уходѣ Гермiona является Пирръ. Андронаха обращается къ нему съ просьбою, выраженною очень хорошими стихами. Приведетъ ихъ тѣмъ-богѣ, что до-сихъ-поръ намъ приходилось цитировать только дурные.

*Seigneur, voyez l'état où vous me réduisez.
J'ai vu mon père mort et nos murs embrasés;
J'ai vu trancher les jours de ma famille entière
Et mon époux sanglant traîné dans la poussière,
Son fils seul avec moi réservé pour les fers.
Mais que ne peut un fils! je respire, je sers;
J'ai fait plus; je me suis quelquefois consolée,
Qu'ici plutôt qu'ailleurs le sort m'eut exilée;
Qu'heureux dans ses malheurs le fils de tant de rois,
Puisqu'il devait servir, fut tombé sous vos lois;
J'ai cru que son prison deviendrait son asile.
Jadis Priam soumis fut respecté d'Achille:
J'attendais de son fils encore plus de bonté,—
Pardonne, cher Hector! à ma crédulité!..*

Замѣчательно, что вообще во всей пьесѣ роль Андронахи выдержана лучше прочихъ и написана очень хорошими стихами. Пирръ уходитъ, въ послѣдній разъ предложивъ ей на выборъ, или выйти за него замужъ, или потерять сына; а наперсница ея, Цефиза, уговариваетъ ее выйти за Пирра.

Андронаха отправляется на гробницу Гектора, спрашивать его, что ей надо дѣлать (гробница Гектора въ Бутротѣ, въ эпирскомъ городѣ!!) и возвращается въ четвертомъ актѣ, говоря, что соглашается выйти за Пирра, чтобъ спасти сына, но тотчасъ же убьетъ себя по совершеніи обряда. Цефиза, конечно, по заведенному порядку, восклицаетъ:

Ah! ne prétendez pas que je puisse survivre!

Андронаха приказываетъ ей жить, чтобъ смотреть за ее сыномъ, и уходитъ, видя Гермionу. Та является, взбѣшенная извѣстною Пирра. Проходитъ Орестъ, за которымъ она несмала, и Гермiona съ первыми словъ предлагаетъ ему зарѣзать Пирра, отвѣчая на всѣ отговорки Ореста:

Ne vous suffit il pas que je l'ai condamné!..
... Que je le hais, enfin, seigneur, que je l'aimai!..
... Tant qu'il vivra craignez que je ne lui pardonne,
Doutez jusqu'à sa mort d'un courroux incertain.
S'il ne meurt aujourd'hui je puis l'aimer demain.

Рашель читаетъ эти стихи превосходно. Не произвела большого впечатлѣнія во второмъ актѣ и въ третьемъ, здѣсь она вырываетъ у зрителей невольные аплодисменты. Орестъ съ самыми сильными качаньями и размахиваньями отправляется убить Пирра. Является самъ Пирръ, и въ этой сценѣ Рашель неподражаема. Пирръ говоритъ ей приторные стихи. Гермона отвѣчаетъ ему холодно, спокойно и первые стихи ея монолога производятъ неописанное впечатлѣніе на зрителей:

Seigneur, dans cet aveu depouillé d'artifice
J'aime à voir que du moins vous vous rendez justice
Et que voulant bien rompre un noeud si sollenel,
Vous vous abandonnez au crime en crimenel.

Въ послѣднемъ стихѣ, сдѣлавъ паузу на словѣ au crime, Рашель произноситъ его съ такою ужасающею проніею, что невольно чувствуешь холодъ въ жилахъ. Мы не понимаемъ только, съ какой стати въ концѣ этого монолога Рашель заставилъ Гермону упрекать Пирра въ томъ, что онъ убилъ Пріама и Поликсену. Эти слова были бы понятны въ устахъ Андромахи, но Гермона, дочь Елены. Послѣдніе стихи этой сцены, превосходно выраженные великой артисткой, заставляютъ, однакожь забыть обо всемъ. Невозможно передать, съ какимъ глубокимъ чувствомъ говорила она:

Je ne t'ai point aimé, cruel! qu'ai-je donc fait?
J'ai dédaigné pour toi les vœux de tous nos princes:
Je t'ai cherché moi-même au fond de tes provinces:
... Je t'aimais inconstant qu'aurais-je fois fidèle? *
Et même en ce moment où ta bouche cruelle
Vient si tranquillement annoncer le trépas, —
Ingrat je doute encore, si je ne t'aime pas.

И наконецъ эти два стиха, оканчивающіе сцену:

Porte aux pieds des autels ce coeur qui m'abandonne:
Va, cours, mais crains encore у trouver Hermoine!..

* Слишкомъ сильное и весьма дурнаго вкуса сокращеніе, которое напрасно расхваливаютъ французы.

Надо слышать ихъ, чтобъ понять, сколько мести, угрозы, отчаянія можно вложить въ одинъ стихъ очень простой, очень обыкновенный. Вотъ въ какихъ случаяхъ актеры становятся выше автора, созданіе выше своего создателя.

Пятый актъ начинается выходомъ Герміоны. Опять первые четыре стиха Рашели верхъ совершенства:

Où suis-je, qu'ai-je fait? que dois-je faire encore?
 Quel transport me saisit? quel chagrin me dévore?
 Errante et sans dessein je cours dans ce palais...
 Ah! ne puis-je savoir si j'aime ou si je hais?

Клеона приходитъ и рассказываетъ, что въ храмѣ совершается бракъ Пирра съ Андромахой и Орестъ не рѣшается поразить Пирра. Съ какими глубокими презрѣніемъ Герміона произноситъ:

Le lâche craint la mort et ce tout ce qu'il craint.

Она хочетъ сама идти наказать вѣнника, но является Орестъ и рассказываетъ, что, въ минуту признанія Астіанакса троянскимъ царемъ, Греки окружили Пирра и убили его, такъ-что Орестъ самъ не нашелъ мѣста гдѣ поразить его. При этомъ извѣстїи Герміона приходитъ въ отчаяніе и осыпаетъ Ореста упреками: Она говоритъ:

Barbare, qu'as tu fait? avec quelle furie
 As-tu tranché le cours d'une si belle vie?..
 ... Mais parle, de son sort qui t'a rendu l'arbitre?
 Pourquoi l'assassiner? qu'a-t-il fait? à qule titre?
 Qui te l'a dit?

Последнее полустіише возбуждаетъ всегда громкіе аплодисменты; но намъ кажется, что здѣсь Рашель напрасно прибѣгаетъ къ эффекту пониженія голоса, дѣйствительно поразительному, но ни чѣмъ не оправдываемому. Высказавъ еще нѣсколько упрековъ Оресту, Герміона убѣгаетъ, а съ нею вѣсть поднимается вся публика, и оканчивается трагедія, хотя за этимъ еще слѣдуетъ рассказъ Пиллада о томъ, какъ Герміона заколола себя на трупѣ Пирра, и бѣшенство Ореста, выдающаго Эвменидъ, которые стремятся наказать его. Последний монологъ Ореста могъ быть дѣйствительно вѣнцомъ всей пьесы, когда его читалъ Тальма, приво- дившій, по преданіямъ, въ ужасъ всѣхъ зрителей однимъ стихомъ:

Pour qui sont ses serpens qui sifflent sur vos têtes?..

Но монологъ этотъ сдѣлался очень неинтереснымъ, когда его читалъ г-нъ Шерр старшій, не смотря на взмахиванья руками и раскати-

ванья всѣмъ тѣломъ, доведенныя до послѣдней степени гимнастическихъ упражненій. Г. Шери, какъ мы уже замѣчали, артистъ добросовѣстный, но роль Ореста вовсе не по его средствамъ, и онъ очень хорошо дѣлалъ, что въ послѣдующихъ представленіяхъ не читалъ своего монолога. Пьеса оканчивалась съ уходомъ Рашели; правду сказать она и была интересна только, пока Рашель была на сценѣ.

Мы разобрали подробно Андромаху, какъ разбирали и будемъ разбирать всѣ классическія пьесы. Онъ стоить этого разбора, потому-что играли еще неочень давно важную роль въ литературѣ и будутъ всегда играть очень важную въ ея исторіи. Если бы мы стали рассказывать переводной прозою содержаніе этихъ трагедій, монологовъ и діалоговъ ея героевъ, читателю, можетъ-быть, не разъ пришлось бы улыбаться тамъ, гдѣ теперь, благодаря гармоніи стиховъ, онъ съ терпѣніемъ читаетъ цитаты. Они, притомъ, говорятъ сами за себя. Приводя ихъ, рассказывая трагедіи, сцена за сценою, мы думаемъ даже, что они будутъ новы для читателей. Они такъ давно знали эти пьесы, что легко могли забыть ихъ, а перечитывать теперь ихъ вполне—рѣшится не всякій. Мы уже замѣчали, что и на сценѣ ихъ слушаютъ только когда Рашель читаетъ ихъ.

Говорить о недостаткахъ пьесы, послѣ нашего разбора — было бы излишнимъ. Не думаемъ, чтобъ кто-нибудь, кромѣ закоснѣлыхъ классиковъ, могъ восхищаться этой плохой пьесой, въ которой три лица играютъ два часа сряду въ любви-не-любви. И когда эти три лица называются Пирромъ, Андромахою, Герміоной — невольно повторяешь съ пошлостью:

Все это было-бы смѣшно,
Когда-бы не было такъ глупо.

Сужденіе наше можетъ показаться слишкомъ строгимъ; но вспомнимъ, что даже во времена Лагарпа, восторгавшагося Андромахою, благоразумные критики излагали о ней вотъ какое мнѣніе: «Эта трагедія была бы удивительна, еслибы верѣшность Пирра, отчаяніе Ореста, ярость Герміоны не помрачали ея красоты». Другими словами: пьеса была бы хороша, еслибы въ ней не было того, что составляетъ самую пьесу. И это мнѣніе было высказано въ книгѣ серьезной, въ «Историческомъ Словарѣ»; даже многіе изъ современниковъ Расина не признавали достоинства его пьесы. Сюблиньи, адвокатъ парижскаго Парламента, написалъ противъ Андромахи комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, подъ названіемъ *Нелльный споръ* (La folle querelle). Пьеса имѣла большой успѣхъ на театрѣ Пале-Рояля, напечатана въ 1668 съ ум-

ными и длинными предисловіемъ и посвящена маршалу Д'Олоннъ, противнику Андромахи. Великій-Конде былъ недоволенъ характеромъ Пирра. Маршалъ де-Креки находилъ, что Орестъ плохой дипломатъ, а Пирръ очень пылокъ. Графъ Д'Олоннъ обвинялъ Андромаху въ томъ, что она уже слишкомъ вѣрна тѣни своего мужа. На двухъ послѣднихъ Расинъ написалъ эпиграмму, намекая на то, что де-Креки не любилъ женщинъ, а жена д'Олоннъ была уже очень любезна. Первые, четыре стиха этой эпиграмы не дурны.

Le vraisemblable est peu dans cette pièce,
Si l'on en crois et d'Olonne et de Créqui:
Celui dit que Pyrrhus aime trop sa maîtresse,
D'Olonne qu'Andromaque aime trop son mari.

Вообще Расинъ былъ очень раздражителенъ и писалъ много эпиграммъ, хотя онъ и не очень удавались ему. Онъ написалъ даже эпиграмму на Шапелена, своего наставника и перваго руководителя на литературномъ поприщѣ, за то только, что тотъ упрекнулъ Расина въ томъ, что онъ дурно читаетъ стихи. Лучшая эпиграма его на трагедію своего врага Прадона—*Германикъ*.

Que je plains le destin du grand Germanicus!
Quel fut le prix de ses rares vertus!
Persécuté par le cruel Tibère,
Empoisonné par le traître Pison,
Il ne lui restait plus pour dernière misère,
Que d'être chanté par Pradon.

Отъ Расина и его Андромахи мы должны перейти къ Скрибу и одной изъ самыхъ послѣднихъ пьесъ его *Адриенна Лекувреръ*. Рашель дѣлаетъ очень хорошо, что, послѣ классическихъ произведеній, даетъ зрителямъ возможность отдохнуть на пьесахъ современнаго репертуара. Успѣхъ подобныхъ пьесъ лучше всего объясняетъ, какой родъ зрѣлищъ лучше, естественнѣе, ближе къ намъ и, наконецъ, даже въ какихъ пьесахъ Рашель больше нравится.

Адриенна Лекувреръ лице историческое. Она была знаменитою актрисою своего времени, но умерла очень рано для сцены, на которой играла первую роль. Неожиданную и внезапную смерть ея приписали отравленію. Въ самомъ дѣлѣ, умереть тридцати семи лѣтъ, въ полномъ блескѣ славы и таланта, казалось невозможнымъ ея современникамъ. Она родилась въ Шампаніи, въ маленькомъ местечкѣ Физъ (Fismes) въ 1693 и умерла въ Парижѣ въ 1730. Она известна своею привязанностью къ Морицу саксонскому, казавшемуся странною ея вѣтренному вѣку. Въ-самомъ-дѣлѣ, немногія дамы того времени рѣшились бы

пожертвовать всёю своимъ состояніемъ, продать всё свои брильянты для того, чтобы заплатить долги своего поклонника. У нея была дочь отъ Морица, сынъ которой, Доде де Жоселанъ, игралъ такую важную роль въ известномъ процессѣ Корнмана и Бергаса противъ Бонапартя. Современники Локуврёръ удивлялись больше всего въ ея игрѣ—энергіи, страсти и восхищались ея голосомъ, нѣскольکو глухимъ и печальнымъ, но полнымъ чувства. Лыбепытно, что эти же качества составляютъ отличительныя достоинства Рашель.

Вотъ все, что мы знаемъ о Локуврёръ. Скрибъ, какъ искусный драматургъ, воспользовался этими немногими данными о ея жизни, и составилъ прекрасную пьесу, названную имъ комедію-драмою и представленною въ первый разъ въ Парижѣ 14-го апрѣля 1849 года. Пьеса имѣла огромный успѣхъ, не смотра на то, что идея ея не нова, что въ сотнѣ другихъ пьесъ выводили антресъ въ борьбѣ съ условіями свѣта и дамами высшаго круга. Въ пьесѣ Гюго *Анджело*, играемой и у насъ, почти то же положеніе двухъ сестрицъ; точно такъ же страдает антреса и умираетъ жертвою своей любви. При разборѣ пьесы Гюго, въ которой также играла Рашель, мы увидимъ ближе это сходство двухъ драмъ, а теперь расскажемъ ходъ пьесы Скриба, имѣвшей огромный успѣхъ на нашей сценѣ.

Герцогиня Бульонъ оканчиваетъ свой туалетъ. Шазель присутствуетъ при этомъ важномъ занятіи дамы времени регентства. Онъ говоритъ прямо, что его должность состоитъ въ собраніи новостей и разглашеніи ихъ.

По своей обязанности, Шазель рассказываетъ о новостяхъ, о борьбѣ двухъ антресъ французской комедіи: Локуврёръ и Дюкло, изъ которыхъ первая играетъ роли въ трагедіяхъ просто и естественно, а вторая разпѣваетъ ихъ по классическимъ традиціямъ. Въ числѣ другихъ новостей, Шазель сообщаетъ, что Дюкло покровительствуетъ въ osobности герцога Бульонъ; но герцогиня давно уже знаетъ это также, какъ и то, что Дюкло подаренъ маленькій домикъ въ предѣлахъ Парижа. Изъ разговора герцогини мы узнаемъ также, что герцогъ занимается химіею для того, чтобъ походить на регента, но что она не жалуется на: тому, что жена, у которой мужъ постоянно занятъ, имѣетъ сама болѣе свободнаго времени. Входитъ герцогъ Бульонъ съ Атанасомъ, герцогиню д'Омонъ. Онъ рассказываетъ, что кардиналъ-министръ поручилъ ему, какъ химіку, разложить и изслѣдовать сильный ядъ, прозванный порошкомъ наслѣдства и привезенный во Францію при Людовикѣ XIV. Известныя отравительницы Бреннильеръ и Лавуазенъ, съ ихъ сообщниками, Сент-Круа и шевалье д'Эффа, употребили этотъ порошокъ, и

теперь въ этомъ же обвиняютъ племянницу д'Эффиа. Одна щепотка этого порошка, по словамъ герцога, насыпанная въ перчатки, или на цѣпчокъ, производитъ сначала легкое головокруженіе, потомъ раздраженіе въ мозгу и наконецъ странный бредъ, за которымъ слѣдуетъ смерть. Послѣ этой химической диссертациа (совершенно несогласной, однакожъ, съ законами химической токсикологін, какъ мы увидимъ впоследствии), герцогъ даритъ своей женѣ богатый браслетъ, осмыанный брилльянтами, а герцогиня говоритъ Атенансъ, что завтра у нея въ домѣ знаменитая Лекувреръ будетъ читать стихи. При этомъ показываютъ письмо актрисы съ извѣстною фразою о различіи актрисъ отъ свѣтскихъ дамъ (первыя играютъ комедію только вечеромъ—а вторыя, дѣлый день), и анекдотомъ о коальжюрѣ, привезшемъ Лекувреръ въ своей каретѣ. И сравненіе и анекдоты историческіе, но не относятся къ Лекувреръ и напрасно приписаны ей Скрибомъ. Атенанса рассказываетъ потомъ, что въ Парижъ вернулся извѣстный герой и авантюристъ Морицъ саксонскій, сынъ Августа, курфирста саксонскаго, коколя польскаго и графини Авроры Кенигсмаркъ. Рассказываютъ нѣсколько истинныхъ и сомнительныхъ подвиговъ молодого героя, между прочимъ, что онъ долженъ одному шведу, графу Калькрейцу, семьдесятъ тысячъ ливровъ. Является самъ Морицъ и съ первыхъ словъ рассказываетъ анекдотъ, неподтвержденный исторіею, о томъ, какъ онъ съ шестидесятью сражающимися выдержалъ осаду непріятели, у котораго было тысяча восемьсотъ солдатъ. Морицъ пріѣхалъ въ Парижъ просить два полка гусаръ, чтобъ завоевать свое герцогство. Атенанса ухаживаетъ; герцогъ отправляется читать Шазелью трактатъ о химіи. Морицъ и герцогиня остаются одни. Зритель узнаетъ, что въ прежнее время Морицъ любилъ герцогиню, и она также любитъ его. Теперь она общается ему хлопотать о его дѣлѣ и сообщить о ходѣ его въ маленькомъ домикѣ, принадлежащемъ Дюкло. Ее все также занимаетъ Морицъ, и она спрашиваетъ: гдѣ онъ былъ утромъ. «У министра»,—отвѣчаетъ тотъ разсѣянно.—«Вѣрно не министръ подарилъ вамъ этотъ букетъ?» спрашиваетъ она, видя цвѣты въ его петлицѣ. Морицъ говоритъ, что купилъ ихъ у цвѣточницы... «Чтобы предложить мнѣ?» спрашиваетъ герцогиня, и Морицъ, въ смущеніи, отдаетъ ей букетъ. Такъ сказано въ пьесѣ, и мы не видимъ причины, почему г-жа Вольнисъ сама выдергиваетъ цвѣты изъ петлицы Морица. Это не совсѣмъ идетъ къ герцогинѣ. Возвращеніе заставляетъ Морица удалиться. Герцогиня требуетъ, чтобъ Шазель узналъ, кого любить теперь Морицъ; Шазель не можетъ отказать ей и, по уходѣ герцогини начинаетъ думать, какія причины заставляютъ ее открыть тайну Морица. Его выводитъ изъ затрудненія герцогъ, открывающій ему, что

недавно слышалъ, какъ Дюкло говорила о томъ, что знаетъ одну даму, которая любитъ Морица. Они отправляются въ театръ узнать объ этомъ.

Второй актъ переноситъ зрителя въ фойе французской комедіи. Играютъ Баязета. Актеры и актрисы расхаживаютъ, отдыхаютъ, сплетничаютъ въ ожиданіи ихъ выхода. Режиссеръ Мишонне хлопочетъ около нихъ. Актрисы толкуютъ о томъ, что на Адриеннѣ, въ костюмѣ Роксаны, надѣты удивительные брильянты — королевскій подарокъ. Приходятъ Шазель и герцогъ Бульонъ, потомъ Лекуврёръ въ костюмѣ Роксаны того времени: на фижмахъ, со шлейфомъ, въ пудренномъ парикѣ; она учитъ роль. Герцогъ хвалитъ ея талантъ, ея костюмъ и говоритъ, что за ея брильянты онъ готовъ всегда дать шестьдесятъ тысячъ ливровъ. «Вы вѣчно изучаете! (говоритъ онъ Адриеннѣ).—Чего вы ищете?»

— «Истины!» отвѣчаетъ она и благодаритъ Мишонне за совѣты, которыя онъ ей давалъ не разъ во многихъ случаяхъ. Бѣдный режиссеръ; давно ужъ влюбленный въ Адриенну, въ восторгѣ отъ этого. Одна изъ актрисъ говоритъ герцогу, что Дюкло писала какую-то записку, которую поручила своей горничной передать тайнѣ по адресу. Герцогъ отправляется узнать, къ кому эта записка; актеры расходятся; Мишонне собирается сдѣлать признаніе Адриеннѣ и проситъ ея руки, но та объявляетъ, что любитъ одного молодого офицера, спасшаго ее однажды отъ преслѣдованій пьяной молодежи. Офицеръ этотъ, въ свитѣ Морица саксонскаго, только сегодня вернулся въ Парижъ и будетъ въ театрѣ. Мишонне, при этомъ извѣстіи, принужденъ скрыть свою любовь и свое признаніе. Онъ уходитъ въ отчаяніи. Является Морицъ. Влюбленные говорятъ о своей страсти. Морицъ, хоть и не хорошо еще знаетъ французскій языкъ, училъ наизусть въ лагерѣ сцены Корнеля. Когда онъ увзжалъ, Адриенна подарила ему на память басни Лафонтена, но онъ не читалъ ихъ, потому-что это *басни*. Тогда Адриенна открываетъ книгу и читаетъ ему отрывокъ изъ басни *Два Голубя*. Морицъ въ восторгѣ отъ этой басни, и публика совершенно съ нимъ согласна, потому-что Рашель читаетъ эту басню удивительно-хорошо. Очевидно, что басня вовсе не нужна для хода пьесы и даже несовсѣмъ кстати было заставить Лекуврёръ читать Лафонтена—и еще въ какую минуту! но публика извиняетъ эту сценическую несообразность за артистическое чтеніе басни.

Но Адриеннѣ пора выходить на сцену и она откладываетъ бесѣду съ Морицомъ до окончанія спектакля. Они расходятся; является герцогъ Бульонъ: у него въ рукахъ записка Дюкло къ Морицу, въ кото-

рой его приглашаютъ, сегодня же, послѣ театра, на свиданіе съ однимъ извѣстнымъ ему лицомъ, для переговоровъ по политическому дѣлу. Отославъ записку по адресу, герцогъ встрѣчается съ Шазелемъ и тотъ совѣтуетъ ему нарушить эти политическіе переговоры, пригласивъ на ужинъ къ Дюкло всѣхъ актеровъ и актрисъ французской комедіи. Герцогъ согласенъ и уходитъ съ Шазелемъ аплодировать Лекувреръ. Въ-бѣгаетъ Мишонне, отыскивающій письмо, которое въ Баязетѣ Фатима должна подать Роксанѣ; вслѣдъ за нимъ входитъ Морицъ, получившій записку Дюкло, и повявшій, что это герцогиня Бульонъ приглашаетъ его для переговоровъ о его дѣлѣ по найму двухъ полковъ. Но въ то же время онъ не знаетъ какъ дать знать объ этомъ Адриеннѣ, съ которою онъ также обѣщалъ видѣться послѣ театра. Найдя письмо, оставленное режиссеромъ, онъ приписываетъ къ нему нѣсколько словъ карандашомъ и уходитъ. Вскорѣ является Адриенна, печальная отъ извѣстія, что Морицъ не придетъ на свиданіе. Герцогъ Бульонъ приглашаетъ ее вмѣстѣ со всею группою на ужинъ. Она сначала отказывается, но, узнавъ, что на ужинѣ будетъ и Морицъ саксонскій, соглашается, думая попросить у него покровительства офицеру, котораго она любитъ. Герцогъ даетъ ей ключъ отъ дешика Дюкло.

Въ третьемъ актѣ зритель переносится въ этотъ дешикъ. Герцогиня Бульонъ идетъ Морица. Онъ запоздалъ потому, что за нимъ слѣдили, вѣроятно, его кредиторы. Герцогиня объясняетъ ему, что кардиналъ-министръ позволилъ ему набрать два полка волонтеровъ, и хотъ у Морица нѣтъ денегъ, но онъ надѣется, что французскіе солдаты согласятся, чтобъ нимъ заплести послѣ побѣды. Кроме того, герцогиня сообщаетъ Морицу, что враги его отыскиваютъ всадъ графа Калькрейда, чтобъ перекупить у него заемное письмо Морица и посадить его въ тюрьму. Онъ благодаритъ ее за старанія о немъ и рассказываетъ, что думаетъ уѣхать изъ Парижа, гдѣ болѣе, что любитъ одну особу. Разговоръ ихъ прерываетъ стукъ кареты — это герцогъ. Герцогиня скрывается въ ближайшую комнату. Герцогъ, видѣвшій блое платье, подозрѣваетъ Дюкло и поздравляетъ Морица съ побѣдой, говоря, что нѣсколько на него не сердится. Шазель вводитъ Адриенну, которая съ изумленіемъ узнаетъ въ героѣ своего пленника. Оставшись одна, она высказываетъ все свое удивленіе къ нему, всю свою любовь; она въ восторгѣ отъ него; она даже жеметничаетъ съ нимъ, говоря, что пришла на ужинъ съ тѣмъ, чтобы плѣнить Морица саксонскаго и не отказывается отъ своего намѣренія, и что Морицъ единственный человѣкъ въ мірѣ, для котораго она могла-бы позабыть бѣднаго офицера, котораго полюбила. Эта сцена удивительно хороша по страсти и граціи,

разлитой въ каждомъ словѣ Адриенны; но мы сознаемся, что въ эти минуты Рашель невольно удовлетворила насъ своею игрою.

Мы уже говорили, что съ самыхъ первыхъ дебютовъ знаменитой артистки критика, удивляясь ея таланту, восхищаясь въ ней выраженіемъ ревности, шпенія, гордости, презрѣнія—всѣхъ сильныхъ страстей, находила въ то же время, что она слабѣе выражаетъ нѣжныя чувства: тихую, стыдливую любовь, женственную грацію, наивность, кокетство. *Адриенна Лекуреръ* была написана съ цѣлю—дать Рашели возможность выказать и эту сторону таланта, въ соединеніи съ тою, которая составила ея славу. Но, по общему мнѣнію, эта вторая сторона все-таки осталась слабѣе въ артисткѣ. Привыкнувъ выражать строгіе, величавые, рѣзкіе типы классическихъ трагедій, Рашель остается все тою-же героиней и въ тѣ минуты, когда надобно быть женщиной. Мы не упрекаемъ ее въ этомъ несколько. И въ жизни встрѣчаются подобныя женщины, въ которыхъ преобладаетъ одно господствующее направленіе характера, которыя дарятъ любовью какъ милостью, говорятъ: «люблю!» съ энергіей, съ гордостью, съ величіемъ. Можетъ быть, даже мужчина несправедливо требуетъ отъ выраженія этого слова нѣжности, покорности, увлеченія. Подобное соединеніе совершенно противоположныхъ качествъ даже невозможно въ женщинѣ. Мы требуемъ его отъ актрисы только потому, что она играетъ различныя роли, въ которыхъ преобладаетъ попеременно тотъ или другой характеръ. Мы можемъ желать, чтобы оба эти характера были выражены въ одинаковомъ совершенствѣ; но осуждать актрису за то, что она не само совершенство во всѣхъ роляхъ и характерахъ—было-бы несправедливо. Легко можетъ быть, что Рашель, продолжая такъ же неутомимо трудиться на своемъ поприщѣ, какъ это она дѣлала до сихъ-поръ, вскорѣ дойдетъ до того, что будетъ всегда и во всемъ удовлетворять самыхъ придирчивыхъ критиковъ, къ разряду которыхъ мы относимъ и самихъ себя, оправдывая наши замѣчанія любовью къ искусству вообще и уваженіемъ къ дарованію Рашель. Мы все думаемъ, что оно можетъ быть еще выше и разнообразнѣе.

Обратимся опять къ разбору пьесы. Приходъ Шазеля и Мишонне прерываютъ бесѣду влюбленныхъ. Мишонне въ безпокойствѣ. По болѣзни одной актрисы, онъ долженъ перемѣнить завтрашній спектакль и отыскиваетъ вездѣ Дюкло. Шазель указываетъ на сосѣднюю комнату, говоря, что онъ найдетъ тамъ актрису, которая, нѣсколько минутъ тому назадъ, была здѣсь съ Морисомъ. Эти слова поражаютъ Адриенну, и пока Мишонне незамѣтно уходитъ въ сосѣднюю комнату, Морисъ въ нѣсколькихъ словахъ объясняетъ Адриеннѣ, что особа, спрятанная въ домѣ, приходила къ нему по политическимъ причинамъ; что онъ не лю-

бить ее и что въ то время, какъ онъ пойдетъ отыскивать средства, чтобъ выпустать ее изъ дому, Адриенна должна стараться, чтобъ никто не видѣлъ эту женщину. Адриенна вѣрять ему, успокоиваетъ его и, по уходѣ его, не выпускаетъ туда Шазеля, который всѣми силами хочетъ узнать, кто эта незнакомка, особенно когда Мишонне, выйдя изъ той комнаты, объявляетъ, что это не Дюкло. Адриеннѣ удается выпроводить Шазеля. Она отсылаетъ Мишонне, съ намѣреніемъ выпустить эту женщину, гаситъ всѣ свѣчи (помня просьбу Морица: чтобъ никто не видѣлъ этой женщины), вызываетъ герцога и отдаетъ ей ключъ, полученный отъ герцога и посредствомъ котораго она можетъ незамѣтно выйти изъ дома. Эта сцена одна изъ лучшихъ въ пьесѣ. Соперницы встрѣчаются въ потьмахъ. Обѣ хотѣли-бы видѣть другъ друга, въ особенноти герцогиня, занятая одною мыслью о мщеніи; но она должна уйти, потому-что слышенъ шумъ приближенія всѣхъ приглашенныхъ. Мишонне рассказываетъ тихо Адриеннѣ, что эта женщина встрѣтилась въ саду съ Морицомъ и онъ пошелъ провожать ее, но уронила браслетъ, который онъ нашелъ. Адриенна беретъ браслетъ, не зная вѣрять ли ей любви Морица. Зававѣсь падаетъ

Четвертый актъ происходитъ у герцогини. Адриенна, узнавъ о томъ, что Морица посадили въ тюрьму за долги, посылаетъ Мишонне къ герцогу Бульону продать свои брильянты и сама идетъ вслѣдъ за нимъ, чтобъ узнать объ успѣхѣ порученія. Встрѣтась съ нимъ въ комнатахъ; герцогиня (что, замѣтнимъ мимоходомъ, весьма неестественно), она узнаетъ, что герцогъ купилъ брильянты и что Мишонне приложилъ къ суммѣ недостававшія еще десять тысячъ ливровъ—все свое состояніе. Адриенна тронута такимъ доказательствомъ привязанности режиссера. Приходъ болтуна—Шазеля прерываетъ разговоръ. Онъ говоритъ о заключеніи Морица въ тюрьму какою-то знатной дамою. По уходѣ его, Адриенна, увѣренная, что Морицъ не любитъ ее, все-таки рѣшается всѣмъ пожертвовать для его спасенія.

— Ты не понимаешь, говоритъ она режиссеру, что можно любить, не желая этого, и даже противъ своей воли, стараясь скрыть это отъ всѣхъ и отъ самой себя, краснѣя отъ стыда, который тоже любовь... Я узнаю, кто моя соперница, для того, чтобы сказать ей: «Вы заключили его въ тюрьму, а я дала ему свободу, свободу видѣть васъ и любить васъ и измѣнить мнѣ».

Потомъ, сказавъ, какъ необходима Морицу свобода для дальнѣйшихъ его подвиговъ и завоеваній, она прибавляетъ:

— Какъ-бы то ни было, онъ не можетъ забыть меня. Если не

любовь, то слава и могущество его будутъ ему говорить обо мнѣ. Теперь ты понимаешь, въ чемъ будетъ состоять мое мнѣніе?

И она приводитъ стихъ Корнеля, немножко изысканный.

Comblé de mes bienfaits je veux l'en accabler!

— О мой старый Корнель, приди ко мнѣ на помощь! Приди подкрѣпить мою твердость, наполнить сердце мое этими великодушными порывами, этими высокими чувствами, которыя ты столько разъ влагалъ въ мои уста. Докажи мнѣ всемію, что мы, передающія твои благородныя мысли, можемъ не только хорошо выражать ихъ, но сочувствовать имъ, примѣнять ихъ къ случаямъ жизни. Все, что ты говорилъ, я сдѣлаю.

Этотъ монологъ былъ превосходно высказанъ Рашелью.

По уходѣ Адриенны и Мишонне, является герцогиня. Она все думаетъ о своей неприятельницѣ, голосъ которой кажется ей знакомъ. Аббатъ наводитъ ее на мысль, что это была Атенанса. Она пріѣзжаетъ въ то же время, и слова ея наводятъ на нее нѣкоторое подозрѣніе. Собираются гости. Герцогъ сообщаетъ извѣстіе, что Морицъ свободенъ. Является Адриенна; голосъ ея поражаетъ герцогиню; она хочетъ окончательно убѣдиться и рассказываетъ, что Морицъ дрался на дуэли и раненъ опасно. Адриеннѣ дѣлается дурно. Въ это время докладываютъ о немъ, и она и герцогиня взглядываютъ другъ на друга; изъ груди обѣихъ вырывается удивительное восклицаніе. Въ этомъ взглядѣ, въ этомъ восклицаніи цѣлая драма страсти, цѣлая поэма чувствъ. Морицъ, думая, что одоленъ освобожденіемъ своимъ герцогиню, съ жаромъ благодаритъ ее. Адриенна все видитъ. Герцогиня, чтобъ еще болѣе поразить ее, и видя, что Морицъ ушелъ съ герцогомъ въ другія комнаты, вдругъ начинаетъ говорить окружающимъ ее дамамъ, что, по герцогининымъ слухамъ, Морицъ страстно влюбленъ, и госпожа Лекуверрь, вѣроятно, знаетъ даже въ кого именно.

— Я? спрашиваетъ Адриенна, пораженная этими словами.

ГЕРЦОГИНЯ. Конечно, въ свѣтъ говорятъ, что предметъ этой страсти—театральная геронья.

АДРИЕННА. Странно, а въ театрѣ, напротивъ, говорили, что она свѣтская дама.

ШАЗЕЛЬ. Это вѣрнѣе.

ГЕРЦОГИНЯ. Моя хроника говоритъ о какой-то встрѣчѣ ночью...

АДРИЕННА. А моя—о свиданіи въ маленькомъ домикѣ.

ГЕРЦОГИНЯ. Утверждаютъ, что актрису застала тамъ ревнивая соперница.

АДРИЕННА. Говорятъ, что дама принуждена была скрыться оттуда во время прихода мужа.

— Какъ вы оба хорошо знаете эту исторію! говоритъ Атенанса.

Въ доказательство справедливости своихъ словъ, герцогиня говоритъ о букетѣ, а Адриенна—узнавъ по описанію снурка, которыми были завязаны цвѣты, что это ея букетъ—показываетъ найденный ею браслетъ. Сцена эта ведется чрезвычайно ловко и превосходно разыгрывается. Подшедшій герцогъ узнаетъ браслетъ, и Адриенна не сомнѣвается ужь болѣе въ томъ, кто ея соперница. Герцогиня проситъ ее прочесть какую-нибудь сцену изъ трагедіи, хоть монологъ, поканутой Ариэмы. Атенанса проситъ *Федру*. Оскорбленная Адриенна читаетъ знаменитый монологъ *Федры*, начинающійся стихами:

Juste ciel!.. qu'ai-je fait aujourd'hui?

Последніе стихи произноситъ она, сначала обращаясь къ Морицу, потомъ къ герцогинѣ:

Pourra-t-il contenir l'horreur qu'il a pour moi?
Il se tairait en vain!.. Je sais ses perfidies,
Oéhone, et ne suis pas de ses femmes hardies,
Qui gouttant dans le crime une honteuse paix
Ont eu se faire un front qui ne rougit jamais.

Браво! удивительно! кричитъ герцогиня, и весь театръ повторяетъ эти слова. Сцена эта, лучшая въ пьесѣ — вершъ торжества Рашели. Въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ ея голоса видны все страсти, волнующія ея сердце: отчаяніе обманутой любви, оскорбленная гордость, мщенье... Отъѣздъ Адриенны, тотчасъ послѣ чтенія стиховъ, оканчивается актъ.

Пятый актъ происходитъ у Адриенны. Она больна; Мишонне приходитъ навѣстить ее и выговариваетъ ей за сцену изъ *Федры*, предостерегая ее отъ ящениа. Вшедшая женщина приноситъ ящичекъ, говоря, что онъ присланъ отъ графа Морица саксонскаго. Адриенна отираетъ ящичекъ, чувствуя при этомъ какое-то болтаменное ощущеніе. Въ ящичкѣ ея букетъ, который она сама наканунѣ дала Морицу. Бѣдная женщина считаетъ присылку этого букета знакомъ того, что между нею и Морицомъ все кончено, что онъ не любитъ ее. Мишонне утверждаетъ, что ящичекъ не отъ Морица; что его заставила прислать букетъ эта дама.

— Развѣ онъ долженъ былъ ее послушаться? говоритъ Адриенна, развѣ онъ долженъ былъ оскорблять ту, которую любилъ? И бѣдная женщина обливаетъ этотъ букетъ своими слезами, осыпаетъ жаркими пощухами, прижимаетъ къ губамъ... Ей дѣлается дурно. Является Морицъ. Онъ утѣряетъ ее въ своей любви. Мишонне открываетъ ему, что она продала свои брильянты, чтобъ освободить его изъ тюрьмы, и самъ остав-

лать влюбленныхъ. Морицъ предлагаетъ Адриенѣ свою руку и имя, которое она помогаетъ ему прославить.

— Кто развилъ мой умъ?—ты! говоритъ онъ. Кто возвысилъ мои чувства, сдѣлалъ ихъ чище, благороднѣе? — ты. Кто влилъ мнѣ въ грудь, гений великихъ людей, который ты передавала съ такими искусствомъ?—ты—все ты, одна ты!..

Адриенна вѣдъ себя отъ восторга; но она дрожитъ, слабѣетъ... Она вспоминаетъ о букетѣ... Морицъ и не думалъ присылать его; букетъ оставался у герцогини... Адриенной овладѣваетъ странный бредъ. Она не узнаетъ Морица, не видитъ его передъ собою. Ей предстаетъ театръ, зрители; она на сценѣ; она читаетъ послѣдніе стихи Гамиды къ Пирру. Она страшно страдаетъ. Прибѣгаетъ Мишонне. Она угадываетъ истину и говоритъ, что Адриенна отравлена...

— Я не хочу умирать! Я еще такъ молода! кричитъ Адриенна. Жить! жить!.. Напрасныя мольбы—смерть близка! Слышъ меня оставляютъ... Морицъ, не покидай меня... Скоро я перестану видѣть тебя. Рука моя перестанетъ сжимать твою руку... О, сценическія торжества! сердце мое не будетъ больше биться отъ вашихъ пламенныхъ ощущеній!.. А вы, долгия изученія искусства, которое я такъ любила, ничего не останется отъ васъ послѣ меня... Ничего не остается отъ насъ на землѣ, ничего кромѣ воспоминанія... вашего—не правда ли?.. Прощай. Морицъ, прощайте, друзья мои!»

Адриенна умираетъ съ этими словами. Пьеса оканчивается словами Морица, обещающаго, что въ потомствѣ имя его будетъ неразлучно съ именемъ Адриенны Лекувреръ. Но имя маршала Морица саксонскаго извѣстно въ исторіи; а кто помнилъ о Лекувреръ до пьесы Скриба?..

Весь этотъ актъ—трудная задача для исполненія роли Лекувреръ, Рашель исполнила ее добросовѣстно, съ честью. Умирать на сценѣ въ продолженіе полчаса, умирать отъ ада и вѣстѣ съ тѣмъ не продавить на зрителей невольнаго отвращенія—было очень трудно. Гажелое чувство, конечно, остается въ зрителяхъ, но оно возбуждается пьесой, а не актрисой. Публика находила, напротивъ, что Рашель умерла очень эффектно, почти граціозно. Некоторые лица утверждали даже, что Рашель научала въ натурѣ, какъ умираютъ, чтобы умереть на сценѣ какъ можно правдоподобнѣе. Мы рѣшительно не вѣримъ этому, уже и потому, что смерть Адриенны все-таки ненатуральна. Конечно, не было никакой возможности заставить умереть на сценѣ Адриенну такъ, какъ дѣйствительно умираютъ въ жизни отравленные, но Скрибъ могъ бы хоть нѣсколько приблизиться къ истинѣ, еслибъ ему для эффекта не былъ нуженъ бредъ героини. Дѣйствія порошка наслѣдства (poudre

de succession) намъ очень хорошо извѣстны по судебнымъ изслѣдованіямъ особой комиссіи, учрежденной Людовикомъ XIV (Chambre argente). Ни этотъ ядъ, ни другой какой-либо, подобный ему, не производитъ бреда и не дѣйствуетъ на голову; всѣ, напротивъ, дѣйствуютъ на желудокъ, на кровь, если не убиваютъ мгновенно, или не повергаютъ въ состояніе безчувственного оупѣнія, изъ котораго человекъ уже не выходитъ. Химія и токсикологія подтверждаютъ намъ это; и надо быть очень плохимъ естественнымъ испытателемъ, чтобъ заставить умереть *Лекуверреръ* такъ, какъ это сдѣлалъ *Скрибъ*.

Вина автора не падаетъ однако-же на артистку и не мѣшаетъ ей превосходно сыграть послѣдній актъ, какъ и вообще всю пьесу, вообще обставленную прекрасно. Всего пріятнѣе было нашей публикѣ видѣть въ роли герцогини Бульонъ ея любимицу и лучшую актрису нашу—госпожу Вольнисъ. Это была достойная соперница *Рашели*. Истинное дарованіе никогда не завидуетъ другому, если оно и выше его, а напротивъ, старается стать съ нимъ рядомъ, чтобъ самому блеснуть въ его свѣтѣ и заимствовать отъ него, что можно. Только мелочное самолюбіе и односторонность артистическаго исполненія ролей почитаютъ себя выше всего на свѣтѣ, считаютъ униженіемъ явиться на второмъ планѣ, хотя бы даже и занимали первый, только за немѣнѣемъ лучшихъ актрисъ. Мы чрезвычайно благодарны госпожѣ Вольнисъ за исполненіе роли герцогини, которую она сыграла превосходно, кромѣ нѣкоторыхъ, немного рѣзкихъ движеній и поворотовъ головы, несовмѣстныхъ съ этою ролью. Гг. *Тиронъ*, *Шери* (старшій) *Рафаэль* и *Латушъ* были также очень недурны въ своихъ роляхъ. Г-жа *Миля*, взявъ на себя роль совершенно незначительную, умѣла и въ ней понравиться публикѣ и заслужить ея благодарность.

Повторяемъ еще разъ: успѣхъ *Рашели* въ *Адриеннѣ Лекуверреръ* былъ огромный, вполне заслуженный, хотя ни проза *Скриба*, ни французскій костюмъ XVIII вѣка не шли къ ней такъ, какъ классическіе стихи и древній пеплумъ, или тога. Въ Парижѣ *Рашель* даже не рѣшилась одѣть пудренного парика и играла *Адриенну* въ локонахъ. Сознаемся, что и намъ она больше нравится въ ея античной прическѣ, въ широкомъ костюмѣ древней Греціи, облегающемъ такими правильными складками ея станъ и плечи. И теперь сѣвозъ черты *Адриенны*, все видѣлась намъ *Федра*, *Герміона*, и бѣглая, умная проза *Скриба*, казалось, такъ и порывалась улечься въ нѣжный, шестистопный ямбъ *Расиновскихъ* трагедій...

СМѢСЬ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТАНЦОРКИ ВРЕМЕНЬ ЛЮДОВИГА XV.

Разсказъ А. Барте. *

I.

Оливье облокотился на изголовье и мечталъ въ полуснѣ, какъ мечтаютъ всегда въ двадцать—три года. Свѣтлый лучъ солнца пробивался въ комнату сквозь желтыя занавѣски окна; старикъ Бенуа два раза подходилъ къ своему барину и говорилъ ему:

— Вставайте, скоро восемь часовъ. Вотъ вашъ халатъ и туфли; шеюладъ вашъ простынетъ.

Наконецъ Оливье, вздохнувъ, рѣшился опустить одну ногу на кюверъ, но въ эту минуту мечты его представляли ему такую пѣгнителъную картину, что онъ спряталъ опять ногу подъ одѣяло, закрылъ глаза и опустилъ голову на подушку.

Бенуа пришелъ въ третій разъ.

— Девять часовъ било: вы не успѣете одѣться и позавтракать... и опоздаете къ вашему адвокату.

* Revue de Paris 1852.

— Что за бѣда, мой добрый Бенуа?

— Хорошо, что васъ не слышатъ вашъ батюшка, г. президентъ, который приказалъ вамъ прилежно заниматься дѣломъ, а мнѣ—смотреть за вами.

Въ эту минуту пронеслась въ воздухѣ серебряная гамма свѣжаго, молодого голоса и совершенно разбудила Оливье. Онъ вскочилъ съ постели, проворно одѣлся и подбѣжалъ къ окошку. Старикъ не понималъ, что сдѣлалось съ его госпожиной и хотѣлъ полюбопытствовать, на что онъ смотритъ въ окно; но молодой человѣкъ опустилъ занавѣску и сказалъ:

— Разогрѣй мой шоколадъ, Бенуа, и послѣ приди меня причесать... только когда я тебя позову.

Старый дядька не успѣлъ затворить за собой дверей, какъ Оливье опять прильнулъ къ окошку. Напротивъ его квартиры, въ улицѣ Сень-Жанъ-Латранъ, хорошенькая молодая дѣвушка играла у открытаго окна съ красивой кошкой; гладила ее и пѣла ей пѣсни. Скоро, однако, она сказала своей подругѣ:

— Перестань играть, Минета: вѣдь ты знаешь, что мнѣ некогда: г. маркизъ ждетъ свой камзолъ, г-жа баронесса—свой носовой платокъ, а г. аббатъ—свои маншеты; и смѣю ли я, бѣдная швея, заставлять дожидаться такихъ важныхъ особъ!

Говоря это, молодая дѣвушка положила Минету на табуретъ, придвинула стулъ къ пальцамъ и сѣла за работу, напѣвая какой-то мотивъ. Въ этомъ положеніи, освѣщенная лучомъ майскаго солнца, молоденькая швея была прелестна. Ненапудренные волосы ея, приподнятые на вискахъ, свернуты были на затылкѣ и прикрѣплены стальной гребенкой; черныя брови и такіе же глаза, свѣжій цвѣтъ лица и коралловые губки, которыя поминутно улыбались и показывали рядъ жемчужныхъ зубковъ—все это составляло чудную картину, съ которой Оливье не сводилъ глазъ, забывъ и про шоколадъ, и про адвоката, и про старика Бенуа; но вдругъ шумъ у дверей заставилъ его оглянуться и онъ увидалъ своего друга, Гектора Верфонтена, который былъ почти одиухлѣтъ съ Оливье; только это былъ вѣтренный и богатый новѣса, старавшійся подражать во всемъ шалунамъ врененъ регентства.

— Что съ тобой Оливье? спросилъ Гекторъ своего друга, немного растерявшагося.—Что ты дѣлаешь у окошка?

— Я?... ничего!

— И ты еще въ халатѣ и туфляхъ въ десять часовъ—ты, котораго считаютъ образцомъ, фениксомъ молодыхъ людей! Не болятъ ли ты?

- Нѣтъ, здоровъ. .
- Что ты смотришь все на свою желтую знавъску? сказалъ Гекторъ.
- Тебѣ показалось ..
- Совсѣмъ не показалось; вотъ ты и теперь со вздохомъ оторвалъ глаза отъ окошка.
- Перестань шутить, Гекторъ...
- Это еще что за новости! Расскажи мнѣ все, или я самъ все узнаю.
- Гекторъ, прошу тебя...
- Слушай, Оливье: я приказываю тебѣ именемъ г. барона Прелакомбъ, твоего отца, президента анжуйскаго суда, суроваго какъ трапистъ и твердаго какъ дубъ, рассказать мнѣ твою тайну, или я надѣлаю шума и разобью окошко...
- Пожалуйста не шуми!
- Понимаю... ты влюбленъ?
- Кажется.
- Поздравляю. Оливье влюбленъ! Благоразумный мой другъ влюбленъ въ мѣщанку улицы Сень-Жанъ-Латранъ. Послѣ этого не будутъ ставить тебя въ примѣръ... Я поразкажу о твоихъ похожденияхъ... или, нѣтъ; общаю тебѣ молчать, только возьми меня въ повѣренныя и опиши мнѣ красоту твоей мѣщанской Венеры.
- Она не мѣщанка.
- Неужели какая-нибудь знатная дама рѣшилась, изъ любви къ тебѣ, поселиться въ этой улицѣ, чтобъ вздыхать между горшками резеды?
- Она не знатная дама.
- Несчастный! Неужели ты влюбленъ въ кухарку?
- О, нѣтъ.
- Такъ въ гризетку?
- Можетъ быть.
- Прекрасно! И вы гуляете вмѣстѣ, бываете на маленькихъ балахъ, въ маленькихъ театрахъ?..
- Я еще не говорилъ съ нею ни слова...
- Что?
- Я не смѣлъ еще объясниться съ нею.
- Да это что-то похоже на золотой вѣкъ и сказочныя времена.
- Какъ она хороша, Гекторъ!..
- Воображаю.
- Какъ мила, невинна, наивна...
- Дафнисъ и Хлоя! Какая идиллія! А гдѣ у васъ барашки?

— Какіе барашки?

— Барашки Хлоя; безъ этого не бываютъ пастушескія идилліи...
Необходимы еще ленты, посошокъ, стихи и прочее.

— Ты смѣешься, какъ всѣ люди, безъ сердца; ты не понимаешь истинной любви.

— А ты пускаешься въ философскія тирады. Это въ модѣ, но очень скучно. Я отплачу тебѣ за откровенность откровенностью. Я самъ влюбленъ, влюбленъ до безумія въ одну богиню...

— То-есть въ женщину...

— Я тебѣ говорю безъ иперболъ. Я люблю богиню!

— Не луну ли?

— Ты правъ: она играетъ Діану и другихъ богинь... Никогда еще миеологическія богини не были такъ хороши. Еслибъ ты видѣлъ ее, Оливье!

— Я не собираюсь на Олимпъ.

— Я сведу тебя туда. Сегодня же дадутъ *Похищеніе Прозерпины*, она играетъ нимфу и восхищаетъ всѣхъ.

— Бѣдный Гекторъ! ты влюбленъ въ танцовщицу. Я жалѣю тебя.

— По какому случаю?

— Потому-что черезъ годъ ты разоришься.

— Стѣбитъ объ этомъ говорить! Ты увидишь, что она смотритъ только на меня, улыбается мнѣ. О, какъ я счастливъ!

— Спустись съ твоего Олимпа на землю, любезный Гекторъ. Мнѣ поручили сдѣлать тебѣ строгій выговоръ. Отчего ты давно не былъ у г-жи Дюбель?

— Оттого, что я не люблю ни бостона, ни старухъ. Эта г-жа Дюбель воображаетъ, что въ ея лѣта позволено обращаться съ молодыми людьми, какъ съ мальчиками. Я уважаю ее, но не буду ходить къ ней.

Бенуа вошелъ въ эту минуту и спросилъ Оливье: будетъ ли онъ завтракать.

— Ты еще не завтракалъ, вскричалъ Гекторъ: бѣдняжка! Вотъ что значить любовь.

— Молчи! сказалъ ему тихо Оливье, показывая на испуганную физиономію старика.

— Шевалье не будетъ сегодня завтракать дома, сказалъ повѣса дядкѣ и потомъ, обращаясь къ своему другу, продолжалъ:—одѣвайся поскорѣе и какъ можно лучше; не забудь пудры и красныхъ каблуконъ: мы пойдемъ въ хорошее общество.

— Куда ты меня хочешь вести?

— Въ трактиръ. Это теперь въ модѣ; потому въ аллею Тюльери и наконецъ, какъ мы сговорились, въ оперу.

Бенуа оиѣмлялъ отъ удивленія. Ужь годъ, какъ онъ жилъ съ молодымъ баринномъ въ Парижѣ и въ первый разъ услышалъ про страшныя мѣста, гдѣ губятъ себя молодые люди, и еще въ тотъ самый день, когда Оливье всталъ поздно и не завтракалъ. Причесывая молодого человека, онъ попробовалъ сдѣлать ему нѣсколько замѣчаній; но Гекторъ отвѣчалъ на нихъ эпиграммами; наконецъ старикъ напомнилъ, что г-жа Дюбельё будетъ его ждать цѣлый день, но видя, что и это не производитъ на него никакого дѣйствія, долженъ былъ прибѣгнуть къ имени президента.

Тутъ только Оливье немного смутился и съ нерѣшительностью посмотрѣлъ на друга. Г. Прелакомбъ воспитывалъ сына въ строгихъ правилахъ, какъ самъ былъ воспитанъ своимъ отцомъ, и былъ въ своемъ семействѣ такъ же суровъ, холоденъ и непреклоненъ, какъ въ Парламентѣ. Въ день отъѣзда Оливье въ Парижъ, онъ сказалъ ему, подавая книгу:

— Вотъ *Corsus juris*, по которому я учился. На каждой страницѣ ты найдешь мои замѣчанія и наставленія. Слѣдуй имъ и ты: современемъ будешь порядочнымъ человѣкомъ и честнымъ судьей. Но такъ-какъ въ твои годы необходимы развлеченія, то вотъ письмо къ г-жѣ Дюбельё, которую ты зналъ въ дѣтствѣ. Она въ Парижѣ принимаетъ отборное общество, и ты можешь ходить къ ней два раза въ недѣлю, что будетъ для тебя пріятно и полезно.

Объ оперѣ и трактирахъ президентъ даже не упомянулъ, а сыну и въ голову не приходило искать подобныхъ развлеченій.

Бенуа былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ слугъ, которые рождаются въ домѣ господъ и тамъ же умираютъ, которые гордятся своею ливреею, которые привязаны къ своимъ господамъ до того, что рѣшаются дѣлать съ ними послѣднее и кормить ихъ своими трудами, только бы не оставить ихъ въ несчастіи. Для Бенуа президентъ былъ священною особою и ослушаться его считалъ онъ преступленіемъ.

Гекторъ тоже почувствовалъ смущеніе, но тотчасъ же взялся успокоить всѣхъ.

— Что за бѣда, сказалъ онъ, что мы немного повеселимся въ Парижѣ? И что мы будемъ дѣлать въ провинціи, если не накопимъ здѣсь воспоминаній. Да притомъ же опера не разбойничья пещера, в тѣ, которые туда ходятъ, всегда возвращаются домой. Да и кто расскажетъ объ этомъ г. президенту?

— У стѣны есть уши... отвѣчалъ печально Бенуа.

— И у людей тоже. Вотъ почему я хочу, чтобъ Оливье послушалъ превосходную музыку.

— Хорошо, если бы вы слушали только музыку...

— Да чтожь намъ еще дѣлать? сказалъ Оливье. Успокойся, мой добрый Бенуа: въ цѣлый годъ я никуда не ходилъ, кромѣ г-жи Дюбелё, и сегодня поутру не думалъ идти въ оперу; но если мой другъ, Виконтъ Верфонтеяъ, приглашаетъ меня, то я не хочу отказаться, чтобъ не оскорбить его, и притомъ же хочу посмотреть на парижское общество. Я рѣшился, не отговаривай меня и давай поскорѣ одѣваться.

Старикъ повиновался со вздохомъ, и Оливье скоро былъ готовъ. Онъ хотѣлъ бы еще разъ взглянуть на хорошенькую сосѣдку, но боялся, что Гекторъ будетъ смѣяться, и потому, не оглядываясь, сбѣжалъ съ лѣстницы и пошелъ подъ-руку съ другомъ по улицѣ Сенъ-Жанъ-Латранъ.

II.

Гекторъ привелъ Оливье въ улицу Генего, въ трактиръ, подъ вывѣскою Генриха IV, который тогда вошелъ въ моду. Обѣдъ прошелъ очень весело и Гекторъ, послѣ нѣсколькихъ лишннихъ рюмокъ вина, началъ рассказывать о своихъ побѣдахъ и давалъ Оливье наставленіе, какъ вести себя съ женщинами и какъ объясняться въ любви.

— Я, мой другъ, старше тебя годомъ, говорилъ онъ, стало-быть, опытнѣе тебя; притомъ же я, какъ совершеннолѣтній, пользуюсь наслѣдствомъ послѣ моей матери и бываю въ лучшемъ обществѣ, то есть, въ самомъ модномъ. Я бываю у герцога Бретеля, у Лонгвиля и могу быть твоимъ менторомъ. Во мнѣ военная кровь, и рано или поздно, а я буду офицеромъ.

— Какая счастливая будущность! Только нужны покровители и большое состояніе.

— У меня теперь четырнадцать тысячъ ливровъ дохода и будетъ еще втрое больше. Рѣшено: я покупаю чинъ поручика... Я офицеръ... Слава, война—вотъ моя будущность! Можетъ быть, случай сдѣлаетъ изъ меня героя, но это не необходимо... А главное-то, Оливье, мундиръ, эполеты, шпага... шпага съ бантомъ отъ любимой женщины—вотъ отчего всѣ женщины безъ ума отъ военныхъ. Прошлую зиму въ Версали я познакомился со всѣми офицерами Лонгвильскаго полка, и они не знали, что дѣлать съ своими многочисленными побѣдами. Отчего ты не вслѣдуешь моему примѣру?

— Ты богатъ, а я бѣденъ.

— Что за бѣда! Я сдѣлаю тебя прапорщикомъ.

— А мой отецъ?

— Я и забылъ о немъ... Поговоримъ о твоей гризеткѣ, въ которую ты влюбленъ. Кто она? лавочница?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ хуже. Случай былъ бы прекрасный объясниться, принося перчатки, или духи, и спрыскивая вышитый платокъ.

— Вышитый платокъ! Она вышиваетъ...

— Какое счастье! Поскорѣ купи батисту и снеси ей вышивать... Рассказывай ей объ узорѣ какъ можно дольше и приходи чаще узнавать, готовы ли платки.

Говори ясно, вѣдь ты любишь ее?

— Люблю...

— Въ такомъ случаѣ женись на пей. Что-то скажетъ только на это нашъ президентъ, баронъ Прелакомбъ, гордый, суровый и непреклонный? Посмотрю я, какою рукою онъ подпишетъ твой свадебный контрактъ съ швеею.

И Гекторъ хохоталъ отъ всей души; но на Оливье шампанское подействовало совсѣмъ иначе; онъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ. Безнадежная любовь приводила его въ отчаяніе, и онъ хотѣлъ ужъ оставить своего друга за десертомъ и идти къ старой г-жѣ Дюбелль, но подумалъ, что тамъ замѣтятъ его небоздержность, и потому послѣдовалъ за Гекторомъ въ Тюльери, гдѣ они важно гуляли, лорнируя всѣхъ женщинъ и разсуждая громко. Потомъ они пошли къ Палероялю, и у дверей Оперы Гекторъ купилъ огромный букетъ, чтобъ бросить его къ ногамъ прекрасной Зефирины. Зефирина была танцовка корифей, замѣчательная не по таланту, а по хорошенькому лицу, прекраснымъ плечамъ и особенно по развязности и остроумію въ обществахъ, и г. виконтъ Верфонтенъ сдѣлалъ ей честь своимъ выборомъ.

При входѣ въ залу, Оливье былъ пораженъ блескомъ позолоты и освѣщенія. Въ ложахъ, на сценѣ, въ галереяхъ—вездѣ бархаты, блонды, брильянты, вездѣ прекрасныя женщины и красивые мужчины. Бѣдный затворникъ думалъ, что передъ нимъ открывается сказка изъ *Тысячи и одной ночи*.

Въ то время Опера была, съ небольшими перемѣнами, та же, что и въ наше время, то есть тамъ пѣли, танцовали и перемѣняли декорации. Только костюмы, которые теперь подходятъ болѣе къ историческимъ, были въ то время такіе же, какъ носили при дворѣ, то есть

Юпитеръ и Роданаъ были покрыты бантами и кружевами, а Флора и Ифигенія напудрены и носили фижмы.

При первомъ выходѣ, Зефирина пробѣжала глазами всю залу и становилась противъ Гектора, посылая ему нѣжныя улыбки.

— Она меня ищетъ... она смотритъ на меня, шепталъ повѣса своему другу:—она улыбается мнѣ.

— Кто это?

— Зефирина, о которой я тебѣ говорилъ... Вотъ она, вторая съ лѣвой стороны, та, у которой въ волосахъ золотая звѣзда; она опять смотритъ на меня... Bravo, Зефирина, bravo! закричалъ онъ громко и заплодировалъ, несмотря на то, что это было совсѣмъ неумѣстно.

Танцовщица не спускала глазъ съ того мѣста, гдѣ сидѣли наши друзья; Гекторъ, въ восторгѣ, написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько строчекъ, спряталъ въ букетъ и при первомъ выходѣ бросилъ его, какъ бомбу, къ ногамъ Зефирины, что было очень некстати, и даже смѣшно, но Гекторъ не занимался такими глупостями. Сердце его билось, голова горѣла и онъ ожидалъ, какой успѣхъ будетъ имѣть его посланіе. Какъ описать его восторгъ, когда Зефирина скоро вышла съ его букетомъ, припиленнымъ къ корсажу!

Гекторъ отъ радости обнялъ своего друга и сказалъ ему:

— Прощай, Оливье, дивертисментъ скоро кончится и она будетъ меня ждать. Слѣдуй моему примѣру и будь смѣлѣе... бери приступомъ и булешь счастливыѣ.

Онъ убѣждалъ какъ сумасшедшій за кулисы, и въ то время какъ Оливье входилъ въ улицу Сенъ-Жанъ-Латранъ, Гекторъ, съ помощью кошелька, отыскалъ уборную Зефирины. Увы! это была не великолѣпная уборная первой танцовщицы, похожая на модный будуаръ, въ которомъ помѣщались многочисленные почитатели таланта. Танцорки, въ родѣ Зефирины, помѣщались въ какихъ-то уголкахъ, и когда нашъ виконтъ отворилъ дверь, уборная была уже полна, хотя въ ней было только три посѣтителя. Зеленыя ширмы перерѣзывали эту маленькую комнату и за ними одѣвалась нимфа.

Гекторъ остановился у ширмъ.

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ.

— Виконтъ Гекторъ Верфонтеъ, отвѣчалъ весело молодой человекъ.

Зефирина посмотрѣла на него въ скважину ширмъ и громко засмѣялась. Ея горничная послѣдовала ея примѣру, трое молодыхъ людей не могли также удержаться и составили веселый хоръ.

Этотъ неожиданный приемъ удивилъ Гектора. Онъ покраснѣлъ, смѣ-

шался и хотѣлъ что-то сказать, но, не находя словъ, загнулся, что еще болѣе возбудило веселость присутствующихъ.

Виконтъ замолчалъ, ожидая конца оскорбительнаго смѣха, но рука его неволью сжимала рукоятку шпаги.

— Ха, ха, ха! продолжала Зефирина. Бѣдный молодой человекъ! онъ вѣрно пришелъ за букетомъ... Мартонъ, отдай ему его прекрасные цвѣты... Извините Виконтъ де..?

— Верфонтенъ, сказалъ Гекторъ оправаясь отъ смущенія.

— Виконтъ де Верфонтенъ, я не замѣтила вашего письма, и только сейчасъ нашла его въ цвѣтахъ... Я смѣюсь надъ моей ошибкой и прошу извинить мою вѣтренность.

Горничная подала Гектору его букетъ и письмо. Онъ поблѣднѣлъ отъ досады, бросилъ цвѣты на полъ и сказалъ тихимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я во всемъ этомъ понимаю только то, что надо мною смѣялись; а я не намѣренъ сносить насмѣшекъ. Письмо мое подписано именемъ дворянина; и если кто изъ васъ недоволенъ моимъ поведеніемъ, то можетъ объясниться благородно.

Одинъ изъ трехъ посѣтителей Зефирины всталъ и подошелъ къ Гектору.

— Поступокъ Зефирины необдуманъ и она уже извинилась въ немъ, стало-быть, нѣтъ причины требовать этого глупаго удовлетворенія.

— Нѣтъ причины! закричалъ Гекторъ. Посмотрѣлъ бы я, что-бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ.

Эта наивность опять всѣхъ разсмѣшила.

— Я жду вашего отвѣта, господа, сказалъ Гекторъ съ нетерпѣніемъ.

— Я готовъ удовлетворить васъ, отвѣчалъ тотъ же молодой человекъ. Меня зовутъ графъ де ла-Френе.

— Угодно ли графу де ла-Френе назначить мнѣ свиданіе?

— Извините, виконтъ Верфонтенъ, что я не могу быть къ вашимъ услугамъ завтра раньше двухъ часовъ. Я васъ буду ждать въ Версали у фонтана, если вы этого желаете.

— Завтра въ два часа я буду въ Версали у фонтана.

Гекторъ и молодые люди раскланялись вѣжливо и нашъ герой скрылся за дверью.

— Онъ еще очень молодъ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Послушай ла-Френе, побереги этого новѣйсу... Онъ очень ценурень собою, не правда ли Зефирина?

Танцовщица окончила свой туалетъ и вышла изъ-за ширмъ, направляя кружева и ленты.

— Я не успѣла рассмотреть его отъ сѣмъ. Вотъ смѣшное приключеніе!

Друзья графа хотѣли уйти.

— Пойдите! сказалъ онъ:—мнѣ нуженъ секундантъ. Монлюсакъ, ты мнѣ не откажешь?

— Съ удовольствіемъ, любезный графъ. Прощайте же, шеваляе, сказалъ онъ третьему гостю Зефирины. Завтра вечеромъ я вамъ расскажу все происшествіе.

— Я васъ буду ждать. До свиданья, прелестная нимфа.

Монлюсакъ сѣлъ съ графомъ въ карету и поѣхали ужинать въ Версаль.

Теперь надо рассказать причину всего недоразумѣнія. Когда Гекторъ приходилъ въ оперу, онъ садился всегда на одно мѣсто и туда же привелъ друга своего, Оливье. Случилось же, что это мѣсто было передъ самою лежкой графа ла-Френе, а графъ былъ любителемъ сценическаго таланта хорошенькой танцовщицы, которая была отъ него безъ ума, что очень вѣроятно, потому-что ла-Френе былъ прекрасный молодой человѣкъ, богатый и, сверхъ того, поручикъ въ Красномъ королевскомъ полку, стало-быть, между лежей графа и сценой происходили безпрестанные знаки, улыбки, нѣжности; и Гекторъ, находясь на дорогѣ, принималъ на свой счетъ всѣ любезности нимфы и отвѣчалъ ей тѣмъ же. Въ этотъ вечеръ графъ и его друзья замѣтили восторгъ молодого человѣка и нашли восторженное письмо въ его букетѣ—вотъ почему его встрѣтилъ смѣхъ и оскорбленіе, когда онъ думалъ найти легкую побѣду.

Между тѣмъ Оливье тихо шелъ домой по улицѣ Сень-Жанъ-Латранъ, думая немного объ оперѣ, но больше о Генриеттѣ и о послѣднихъ словахъ Гектора. «Въ любви надобно быть смѣлымъ». Подходя къ своему дому, онъ поднялъ глаза вверхъ и увидѣлъ огонь въ окошкѣ Генриеты. Собравшись съ духомъ, Оливье поднялся на лѣстницу и воображая, что въ эту минуту его другъ находится у ногъ хорошенькой танцовки, рѣшился быть такъ же смѣлымъ и счастливымъ. Однако въ темнотѣ ему трудно было найти дверь молодой сосѣдки и онъ хотѣлъ уже отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ сквозь замочную скважину и, наклонясь, началъ смотрѣть въ комнату хорошенькой швем.

III.

Генриета стояла передъ маленькимъ зеркаломъ и собирала свои густые волосы, чтобъ покрыть ихъ маленькимъ вышитымъ чепчикомъ; потомъ она подошла къ окошку, приподняла немного занавѣску и прошептала печально: «Его еще нѣтъ... онъ не приходилъ съ утра!» И она долго смотрѣла на другую сторону улицы.

Въ это время Оливье слѣдовалъ глазами за всѣми движеніями молодой дѣвушки и слышалъ даже ея слова: «Неужели и она меня любить?» подумалъ онъ, и эта мысль произвела въ немъ такое волненіе, что голова его закружилась; онъ хотѣлъ бѣжать, но прислонился къ двери, чтобъ оправиться отъ волненія... дверь тихо скрипнула и открылась. Генриетта испугалась и вскрикнула; Оливье испугался еще больше и очутился, самъ не зная какъ, въ комнатѣ сосѣдки.

— Кто вы? что вамъ надобно? закричала дѣвушка.

— Я Оливье... вашъ сосѣдъ... черезъ улицу... Не пугайтесь, я вамъ ничего не сдѣлаю, напротивъ, я готовъ все сдѣлать для вашего счастья...

— А, это вы, г. Оливье! сказала Генриетта:—а я такъ испугалась... Я не ожидала... Но какъ вы сюда попали?

— Самъ не знаю. Я увидѣлъ свѣтъ въ вашемъ окошкѣ и вошелъ на лѣстницу. Отъ волненія я почувствовалъ слабость и прислонился къ вашей двери; она открылась, я хотѣлъ бѣжать домой, но очутился у васъ. Чего же я хочу, я тоже не знаю... Только я провожу всѣ дни, любуясь вами, а ночи—мечтая о васъ. Это значитъ, что я васъ люблю и хочу, чтобъ вы меня любили.

— Вы меня любите? проговорила Генриетта съ смущеніемъ.

— Я виноватъ, сказалъ робко молодой человѣкъ, не смѣя поднять глазъ на сосѣдку:—я раскаиваюсь въ моей смѣлости и прошу прощенія.

Генриетта не отвѣчала отъ волненія и отъ радости.

— Прогоните меня, продолжалъ Оливье:—я испугалъ васъ, я оскорбилъ васъ, но увѣряю, что все это безъ намѣренія. Развѣ можно приказывать сердцу?.. Развѣ я виноватъ, что вы такъ прекрасны и что я полюбилъ васъ?..

Двѣ слезы выкатились изъ глазъ Оливье.

Генриетта увидѣла эти слезы и сама заплакала.

— Я тоже люблю васъ, сказала она, закрывъ лицо руками:—но къ чему это поведетъ? вы богаты, знатны, а я бѣдная сирота, безъ имени, безъ надеждъ... Я живу только моею работою...

— Вы любите меня! Возможно ли? закричалъ Оливье, падая на колѣна передъ плачущей дѣвушкою и цѣлуя ея руки.

Въ любви двухъ молодыхъ и невинныхъ сердець столько энтузіазма и довѣренности, столько наивности и радости, что безъ словъ, безъ глятьевъ и кокетства они понимаютъ другъ друга; они ничего не требуютъ и не защищаются; они счастливы любовью, молодостью, красотою, не предвидя, что кто-нибудь можетъ помѣшать ихъ любви и невиннымъ ласкамъ.

Когда Оливье вернулся домой, его встрѣтилъ Бенуа, который провелъ большую часть ночи на креслѣ, ожидая барина, и спросилъ его со вздохомъ:

— Откуда вы, г. Оливье?

Молодой человѣкъ не предвидѣлъ этого вопроса и отвѣчалъ не подумавъ:

— Не знаю.

— Не знаете! проговорилъ старикъ, съ удивленіемъ смотря на него.

— Не сердись, Бенуа. Ты побранишь меня въ другой разъ. Дай мнѣ поскорѣе ужинать.

— Сейчасъ, сударь. Только если объ этомъ узнаетъ вашъ батюшка г. президентъ...

— Не узнаетъ онъ ничего. Ступай!

Оливье поужиналъ съ аппетитомъ, потому-что въ двадцать два года любовь не отнимаетъ аппетита.

Когда Бенуа вошелъ поутру въ комнату Оливье, то нашелъ его въ креслѣ въ томъ же самомъ костюмѣ, въ которомъ оставилъ вчера.

— О чемъ онъ сегодня думаетъ? ворчалъ Бенуа, подавая ему другое платье... И все этотъ повѣса, виконтъ Верфонтенъ. Куда онъ вошелъ г. Оливье, что онъ вернулся какимъ-то потераннымъ?

— Благодарю, Бенуа, сказалъ молодой человѣкъ, взявъ у него шляпу и пошелъ къ дверямъ.

— Вы забыли взять ваши бумаги, сударь.

— Въ самомъ дѣлѣ я сегодня очень разсѣянъ. Прощай, старикъ.

Бенуа печально покачалъ головою и пошелъ отворить барину дверь, но она съ шумомъ растворилась и въ комнату вошелъ виконтъ Верфонтенъ въ блистательнѣйшемъ нарядѣ, съ длинною шпагою.

— Это еще что значитъ? сказалъ Бенуа съ отчаяніемъ, предвидя что-то недоброе.

— Ты собираешься куда-то идти, сказалъ Гекторъ.—Какъ я радъ, что засталъ тебя! Скорѣй, любезный другъ, брось темное платье;

одѣться получше и поѣдемъ въ Версаль. У меня тамъ важное дѣло и я рассчитывалъ, что ты не откажешься проводить меня.

Гекторъ сдѣлалъ особенное удареніе на словахъ *важное дѣло*, Бенуа тотчасъ же понялъ его и сказалъ съ ужасомъ:

— Заклинаю васъ именемъ вашего батюшки: не смѣйте идти драться на дуэли.

— Кто тебѣ говоритъ, что онъ будетъ драться? замѣтилъ Гекторъ съ досадою.

— Я понимаю все, продолжалъ старикъ. Боже мой!.. Боже мой! Что съ вами будетъ! Вы не дѣлаете визитовъ г-нѣ Дюбельѣ, ходите въ Оперу, споритесь, деретесь и...

Во время этой тирады, Гекторъ въ двухъ словахъ объяснилъ Оливье въ чемъ дѣло, и тотъ прервалъ жалобы старика приказаніемъ давать одѣваться.

— Виконтъ Верфонтедь—мой другъ, прибавилъ онъ: и я обязанъ быть его секундантомъ въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ его честь.

Бенуа понялъ, что его не послушаютъ болѣе, и потому по неволѣ повиновался.

Друзья вышли вмѣстѣ, а старикъ, съ отчаянія, вырвалъ себѣ влокъ сѣдыхъ волосъ и сказалъ:

«Пойду къ баронессѣ и расскажу ей все. По-крайней-мѣрѣ не я буду отвѣчать. Она рѣшитъ, что дѣлать.»

IV.

Бенуа вышелъ вслѣдъ за друзьями, которые сѣли въ карету и поѣхали въ Версаль, а онъ пошелъ къ г-жѣ Дюбельѣ, жившей на Королевской площади... Эту почтенную даму посѣщали только старые друзья и сослуживцы г-на Дюбельѣ, ея покойнаго брата, бывшаго совѣтникомъ въ парижскомъ Парламентѣ.

Стало-быть, этотъ домъ былъ довольно скученъ, но, несмотря на это, Оливье посѣщалъ его два раза въ недѣлю; его молодость, наивность и красота разогрѣвали суровыхъ стариковъ, напоминали имъ прошедшее, молодили ихъ. Вотъ почему отсутствіе молодого человека было замѣчено и г-жа Дюбельѣ, любившая Оливье какъ сына, хотя обходилась съ нимъ всегда холодно, начала беспокоиться. Оливье же, съ своей стороны, чувствовалъ къ ней одно почтеніе, боялся ее такъ же какъ своего отца, котораго не смѣлъ ослушаться, и ходилъ по его приказанію скучать въ большую темную залу, увѣшенную такими же старыми и строгими портретами, какъ и живые ея посѣтители.

Когда доложили о Бенуа, баронесса была одна въ своей молельнѣ и приказала тотчасъ же впустить его, чтобъ узнать поскорѣе причину отсутствія Оливье.

— Что случилось съ твоимъ молодымъ бариниомъ? спросила она старика, расклавившагося съ ней почтительно:— Не боленъ ли онъ?

— Шевалье никогда не былъ такъ здоровъ.

— Отчего же онъ не былъ вчера у меня?

— Я не знаю, какъ вамъ сказать, сударыня. У насъ со вчерашняго дня происходятъ странныя вещи.

— Что такое? Ты меня пугаешь...

— Я не говорю, что случилось несчастіе; но до-сихъ-поръ я, по приказанію г. президента, наблюдаю за его сыномъ, и онъ велъ себя какъ молоденькая дѣвушка. Вчера былъ у него его любезный другъ виконтъ Верфонтеъ...

— Гекторъ Верфонтеъ... Я запретила Оливье дружить съ этимъ повѣсой.

— Онъ повелъ моего барина завтракать въ трактиръ, а потомъ они пошли въ Оперу.

— Въ Оперу? Возможно ли!

— Это еще не все... шевалье поздно пришелъ домой...

— Гдѣ же онъ былъ?

— Не знаю; да и самъ онъ сказалъ мнѣ поутру, что не знаетъ гдѣ былъ. Я думалъ, что этимъ все кончится и собирався сдѣлать барину приличное наставленіе, какъ вдругъ, часъ тому назадъ, влетѣлъ этотъ бѣшеный виконтъ и безъ церемоніи позвалъ г. Оливье, чтобъ быть его секундантомъ на дуэли.

— И Оливье, безъ сомнѣнія, отказался...

— Напротивъ, онъ согласился, и вотъ что заставило меня прибѣгать къ вамъ, просить у васъ совѣта.

— И ты хорошо сдѣлалъ Бенуа, потому-что нашъ Оливье въ большой опасности. Я подумаю обо всемъ. Я не хочу, чтобъ сынъ моего стариннаго друга сдѣлался повѣсой, когда ему назначаютъ мѣсто судьи. Президентъ очень строгъ и я не буду беспокоить его неприятными новостями, но надѣюсь, что зло еще не такъ велико и не успѣло пустить корней. Ступай же домой, любезный Бенуа, и когда твой баринъ вернется, скажи ему, что я его жду у себя. Я увѣрена, что мои убѣжденія подѣйствуютъ на него сильнѣе всего, и онъ опять сдѣлается кропкимъ, скромнымъ и почтительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Благодарю васъ, сударыня. Вы успокоили меня. Вѣдь до-сихъ-поръ шевалье былъ такъ добръ, скромнѣе... О! васъ онъ послушаетъ...

А я испугался, не спалъ всю ночь. Вѣдь это въ первый разъ съ нимъ случилось...

— И въ послѣдній, надѣюсь. Ступай же, старикъ, и пошли мнѣ поскорѣе Оливье.

— Бѣгу, сударыня, бѣгу.

И Бенуа, довольный тѣмъ, что сложилъ съ себя ответственность, весело шелъ опять въ улицу Сень-Жанъ-Латранъ. Разумѣется, его немного беспокоило то, что Оливье будетъ сердиться за его доносъ; но онъ зналъ доброе сердце своего барина и былъ увѣренъ, что онъ самъ будетъ благодарить его за то, что онъ спасъ его отъ *помибали*.

Въ то время, какъ заботились о его спасеніи, Оливье и Гекторъ завтракали въ Версали и потомъ побѣжали въ садъ, ожидая часа свиданія у большого фонтана.

Оливье занятъ былъ своими мечтами и пламенными воспоминаніями; онъ незамѣтно отсталъ отъ своего друга и бродилъ между цвѣтовъ, любуясь голубымъ небомъ, свѣтлыми облаками, свѣжею зеленью и твердя имя Генриетты.

Генриетта! Какъ онъ любилъ ее! Любилъ въ первый разъ чистою, любовью и былъ любимъ такъ же.

Его мечтанія были прерваны голосомъ Гектора, который звалъ его изъ всѣхъ силъ, потому-что приближался часъ его глухости, т. е. дуэли. Когда Оливье подошелъ къ нему, тотъ шелъ подъ-руку съ знакомымъ поручикомъ Дофинава полка, котораго встрѣтилъ печально въ Версали и котораго просилъ быть вторымъ секундантомъ въ своемъ первомъ поединкѣ. Гекторъ готовъ былъ пригласить въ свидѣтели весь полкъ.

— Рекомендую тебѣ моего друга д'Ормеля, сказалъ онъ Оливье. — Пойдемте же скорѣе къ фонтану, я не хочу опоздать ни одной минутой.

Однако, несмотря на всю поспѣшность молодыхъ людей, графъ де ла-Френе и Монлюсакъ были уже у фонтана и ждали противниковъ. Гекторъ началъ извиняться, но графъ сказалъ ему, смотря на часы.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, виконтъ: это мы слишкомъ поторопились. Но что я вижу? мой другъ д'Ормель будетъ вашимъ секундантомъ.

— Точно такъ, графъ, отвѣчалъ поручикъ. — Признаюсь я не ожидалъ, что встрѣчу тебя здѣсь. За что вы поссорились?

— За бездѣлицу.

— Такъ помиритесь. Мнѣ очень прискорбно, что мой молодой другъ виконтъ Верфонтенъ будетъ драться съ моимъ старымъ товарищемъ, съ которымъ мы воевали во Фландріи.

Графъ улыбнулся, но Гекторъ съ досадою сдвинулъ брови; д'Ормель понималъ неудовольствіе молодого человѣка.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ:—мой пріятель дерется въ первый разъ и не откажется отъ поединка даже за чинъ полковника, Только жаль, что вы не въ военной службѣ.

— Я хочу быть военнымъ и поступаю въ полкъ, какъ только буду свободенъ располагать собою.

— И прекрасно! Мой полкъ отправляется въ Германію, и если вы хотите, я представлю васъ товарищамъ.

Гекторъ пожалъ руку офицеру и всѣ они пошли дальше, въ паркъ, чтобъ отыскать удобное мѣсто. Наконецъ дошли до маленькаго луга, окруженнаго яблонями, и д'Ормель сказалъ:

— Зачѣмъ идти дальше? вотъ прекрасная фехтовальная зала. Какъ ты думаешь, графъ?

— Я думаю какъ ты. Распоряжайся же и кончимъ поскорѣе.

д'Ормель зналъ, что графъ фехтовалъ превосходно, а Гекторъ былъ неочень искусенъ и потому, подойдя къ первому, сказалъ:

— Если между вами не было ничего важнаго, то можно окончить все царапиной. Мнѣ нравится этотъ молодой человѣкъ и я не хочу, чтобъ ты его убилъ или изуродовалъ.

— Будь покоенъ. Я дерусь только для смѣшнаго удовольствія этого ребенка.

— Приготовьтесь же, господа, сказалъ поручикъ, громко осматривая мѣсто и утапывая траву.

Секунданты сѣрлили шпаги и подали ихъ противникамъ. Графъ де ла-Френе сталъ въ позицію съ улыбкой и какъ-бы играя. Гекторъ былъ въ большомъ волненіи; сердце его билось, глаза блистали какъ молнія.

— Начинайте! сказалъ д'Ормель, хлопая въ ладони.

Бой былъ отчаянный. Гекторъ горячился и графъ де ла-Френе долженъ былъ удерживаться, чтобъ не отвѣчать на дерзкія его нападенія. Наконецъ графъ задѣлъ своего противника по рукѣ и на рубашкѣ показалась кровь.

— Довольно, перестаньте! сказалъ д'Ормель.

— Нѣтъ это царапина! отвѣчалъ Гекторъ:—и она не мѣшаетъ держать шпагу.

— Успѣете еще послѣ, мой молодой другъ, а теперь протяните графу руку, обнимитесь и займите у первой встрѣчной крестьянки ло-скутокъ, чтобъ обвязать вашу рану. Я приглашаю васъ обѣдать со мною. Пойдите графъ, Монлюсакъ и...

Оливье извинился и отказался. Присутствіе поручика сдѣлало его роль маловажною и онъ торопился въ Парижъ, куда его влекло уже давно и гдѣ онъ уже былъ въ воображеніи. Вотъ почему онъ простился съ молодыми людьми и пошелъ къ большой дорогѣ, тогда-какъ они спѣшили къ маленькому домику съ красною крышею, который видѣнь былъ изъ-за деревьевъ.

Было уже темно, когда Оливье входилъ въ свою улицу. Генриетта смотрѣла въ окно и ждала его съ утра. Ихъ взгляды встрѣтились, и молодая дѣвушка поняла, что онъ будетъ скоро у нея, а то, бѣдняжка, думала, что она уже забыта.

Бенуа тоже стоялъ у окна почти цѣлый день и смотрѣлъ на оба конца улицы. Старикъ былъ въ волненіи: ему представлялись печальныя картины. Онъ уже видѣлъ въ воображеніи, что Оливье раненъ, можетъ быть, убитъ, что его несутъ на кровавыхъ носилкахъ. Вдругъ онъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, когда увидѣлъ, что Оливье весело идетъ домой; но, вспомявъ свою роль ментора, Бенуа приготовлялъ уже рѣчь, наставленіе и совѣты, а главное, приглашеніе къ немедленному визиту къ г-жѣ Дюбельѣ. Онъ отворилъ дверь, чтобъ встрѣтить барина и принялъ серьезный, строгій видъ.

И чтожь, прошло пять минутъ, десять, четверть часа... Оливье не было. Бенуа поглядѣлъ въ окно — на улицѣ никого; онъ сошелъ съ лѣстницы и опять взошелъ — все-таки нѣтъ никого.

«Кажется, я хорошо видѣлъ, говорилъ онъ запыхавшись: — я самъ видѣлъ его, я не могу ошибиться... куда же онъ дѣвался?»

И Бенуа подошелъ опять къ окошку и сталъ смотрѣть машинально на противоположную сторону улицы. Вдругъ онъ поднялъ руки вверхъ, разинулъ ротъ, вытаращилъ глаза и представлялъ изъ себя карикатурную статую удивленія. И было изъ чего. Прямо передъ нимъ, почти въ пяти шагахъ, онъ увидѣлъ Оливье у ногъ молодой дѣвушки, которая улыбалась ему, позволяла брать свои ручки, цѣловать ихъ и даже сама наклонила свою хорошенькую головку къ плечу шевалье.

Бѣдный Бенуа почти безъ чувствъ упалъ на стулъ.

V.

«Какой ужасъ! закричалъ Бенуа, пришедъ въ себя. — Кто бы могъ подумать! Она казалась такою скромною!... А Оливье! Онъ никогда не смѣлъ прямо смотрѣть на женщину, не зналъ ничего, кромѣ дѣлъ у адвоката, отцовскаго дома и гостиной г-жи Дюбельѣ; а

теперь... въ двое сутоки онъ былъ въ Оперѣ, въ трактирахъ, на дуэли... а теперь онъ у ногъ гризетки!... Боже мой! Что, если объ этомъ узнаетъ г. президентъ?

Воспоминаніе о президентѣ, который спросить отчетъ въ поведеніи сына, совершенно разстроило бѣднаго старика. Онъ слышалъ уже увѣрки строгаго судьи и приказаніе оставить навсегда домъ его.

Вдругъ нѣжное и молодое пѣніе развлекло грустныя мысли Бенуа. Это пѣла хорошенькая сосѣдка простые и мавныя куплеты, въ которыхъ любовь сравнивалась съ ласточкой, которая прилетаетъ ненадолго, а потомъ улетаетъ навсегда.

Генриетта окончила пѣсню грустнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Неправда! сказалъ Оливье:—надобно перемѣнить слова твоей пѣснн. Я не хочу, чтобы она оканчивалась такъ грустно.

— Развѣ ты будешь любить меня долго? спросила дѣвушка.

— До конца моей жизни. Моя любовь не ласточка: она не улетитъ отъ тебя; она будетъ вѣчно съ тобою.

И Бенуа слышалъ все это, видѣлъ каждый жестъ, каждую ласку молодыхъ людей, и все еще не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Петру онъ побѣждалъ опять на Королевскую площадь и явился къ г-жѣ Дюбелль съ такимъ разстроеннымъ видомъ, что та испугалась.

— Что такое случилось съ Оливье? спросила она.—Говори поскорѣе.

— Ахъ, сударыня, сказалъ старикъ мрачнымъ голосомъ:—шевалье погибъ совершенно.

— Неужели онъ тяжело раненъ на этой дуэли?.. Не убить ли онъ?

— О нѣтъ, сударыня, онъ живъ и здоровъ; вчера вечеромъ я видѣлъ его... то есть издали... онъ опять не надолго приходилъ домой.

— Возможно ли! Но увѣренъ ли ты, что Оливье не дрался на дуэли и что онъ не раненъ?

— Я ничего не знаю о дуэли, но увѣренъ, что онъ живъ и здоровъ... Лучше бы онъ захворалъ, неочень опасно: мы бы полечили его и онъ по-крайней-мѣрѣ оставался бы дома, а то... Кто бы могъ подумать, что шевалье...

— Понимаю, мой добрый Бенуа: Оливье вѣрно влюбился.

— Какъ вы говорите объ этомъ хладнокровно, сударыня! Если узнаетъ г. президентъ...

— Зачѣмъ ему говорить объ этомъ? Онъ ничего не узнаетъ, а любовь Оливье не можетъ быть продолжительна, и я ручаюсь что уговорю его.

— Да вѣдь она очень хороша собою.

— Неужели? Стало-быть, это будетъ труднѣе, нежели я думала.

— Ей всего восемнадцать лѣтъ, и она всегда была скромна и невнятна, такъ-что удивляла своимъ поведеніемъ весь кварталъ.

— Развѣ ты знаешь ее?

— Она живетъ противъ насъ.

— Одна?

— Она швеса.

— Я тебя спрашиваю: есть ли у ней родные?

— Нѣтъ никого. А какой у ней голосъ! Вчера она пѣла стихъ такъ пріятно и нѣжно, что даже я расчувствовался, въ мои лѣта. Чтожь послѣ этого г. Оливье...

— Мнѣ любопытно видѣть это чудо. Ты сказалъ, что она живетъ напротивъ вашей квартиры?

— Да-съ. Отъ этого-то и произошли всѣ несчастія. А я еще самъ занималъ квартиру и не подумалъ объ этомъ.

— Полно печалиться, старикъ: несчастіе совсѣмъ не такъ велико; можно еще все уладить. Вели подать мою карету и ступай домой. Если Оливье воротился, то не говори ему, что я сдѣлаю ему визитъ.

— Какъ, сударыня, вы сами хотите быть такъ добры и привести опять шевалье на путь истины? Благодарю васъ. О! я увѣренъ, что онъ васъ послушается. Онъ вѣдь очень добръ, тихъ и скромнень; и если бы не проклятый виконтъ Верфонтенъ...

— Такъ ты думаешь, что виконтъ всему причиною.

— Я увѣренъ, что это онъ испортилъ нашего образцоваго молодого человѣка.

— Надѣюсь, что онъ больше его не увидитъ. Прощай, Бенуа.

Старикъ пришелъ домой и увѣрился, что Оливье былъ опять у сосѣдки. Скоро въ улицу Сень-Жанъ-Латранъ въѣхала богатая карета и всѣ жильцы бросились къ окошкамъ, несмотря кто пріѣхалъ. Генриетта тоже любопытствовала и сказала:

— Оливье, карета остановилась у вашего подъезда.

— Вѣрно, это повѣса Генторъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, выходитъ пожилая дама. Кто это, Оливье?

Оливье тоже посмотрѣлъ, но только-что узналъ ливрею г-жи Дюбелье, какъ бросился съ лѣстницы, не простившись даже съ Генриеттой.

Молодая дѣвушка не понимала, что сдѣлалось съ ея другомъ, и чтобъ узнать что-нибудь подошла къ окошку и начала смотрѣть въ комнату Оливье.

Первый взглядъ баронессы Дюбелье былъ на окна сосѣдки, которая

въ это время отворила окно и высунулась, чтобъ проводить глазъ Оливье.

— Недурна, очень недурна! проговорила покровителница шевалье, осматривая молодую швею.

— Онъ опять ушелъ къ ней, сказалъ со вздохомъ Бенуа, дѣлая трагическій жестъ. — Что за времена! что за нравы!

Въ эту минуту дверь отворилась и Оливье вошелъ, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Здравствуйте, шевалье, сказала г-жа Дюбельё ласково: — я думала, что вы больны и навѣстила васъ. Вы перестали посѣщать меня...

— Извините, сударыня, отвѣчалъ Оливье, смущаясь еще болѣе: — я собирался... я только-что хотѣлъ идти къ вамъ...

— Полноте извиняться, мой молодой другъ, перебила баронесса, ждалась надъ нимъ: — вы здоровы, а это главное. Я хотѣла поговорить съ вами и прошу васъ выслушать меня со вниманіемъ.

Она сдѣлала знакъ Бенуа, который подвинулъ ей кресло и ушелъ, потомъ показала мѣсто Оливье и молча нѣсколько разъ взглянула черезъ окно на Генриетту, потомъ на Оливье, который смѣшался и покраснѣлъ.

— Я получила письмо изъ Анжу, сказала она наконецъ. Вашъ батюшка зоветъ васъ къ себѣ.

Оливье былъ такъ пораженъ, что не зналъ что сказать.

— Вы не ожидали этой радости? продолжала г-жа Дюбельё.

— Признаюсь, я былъ далекъ отъ этой мысли; притомъ же мнѣ надобно быть въ Парижѣ.

— Давно ли вы здѣсь?

— Скоро годъ.

— Вамъ этого очень довольно. Собирайтесь же.

— Когда же?

— Бенуа черезъ часъ приготовить ваши чемоданы.

— Какъ это можно такъ скоро! У меня есть приятели, съ которыми я долженъ проститься... есть дѣла...

— Сколько вамъ надобно времени, чтобъ окончить ваши дѣла?

— Мнѣ кажется, что черезъ мѣсяцъ я могу собраться.

— Я вамъ даю одинъ часъ.

— Къ чему такая поспѣшность? Боже мой! спросилъ Оливье съ испугомъ: не случилось ли чего съ батюшкой?

— Г. президентъ здоровъ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, напишите ему и постарайтесь, чтобъ онъ отменилъ свое приказаніе. Я тоже напишу ему, что не окончилъ моихъ дѣлъ. Я еще молодъ, я еще успѣю заняться службой.

— Приказанія вашего батюшки не отменяются. Я тоже ѣду въ Анжу и беру васъ съ собою.

Возраженія были бесполезны, и Оливье не зналъ, гдѣ искать защиты и силы; вдругъ онъ встрѣтилъ глаза Генриетты, полныя слезъ и ожиданія, и сказалъ рѣшительно:

— Я не могу съ вами ѣхать, я не поѣду.

Г-жа Дюбельё не отвѣчала ни слова, но она тоже посмотрѣла на молодую сосѣдку и молча показала на нее Оливье.

— Да, сударыня, отвѣчалъ онъ на ея безмолвный вопросъ:— я не знаю, какъ вы объ этомъ узнали, но не буду оправдываться... Я люблю ее, люблю страстно и буду любить всегда...

— Послушайте меня, Оливье: я хотѣла только испытать васъ. Я не получала писемъ отъ вашего батюшки, но не радуйтесь. Вы все-таки должны уѣхать отсюда; чтобъ прекратить эту невозможную интригу, только не въ Анжу, а въ мой загородный домъ, въ Рюэль. Во время вашего отсутствія мы постараемся устроить вашу сосѣдку, и тогда вамъ можно будетъ вернуться въ Парижъ, не подвергаясь опасности...

— Что вы хотите дѣлать? вскричалъ Оливье — Бѣдная Генриетта!..

— А! ее зовутъ Генриетта?

— Вы хотите наказать ее за мою любовь, какъ за преступленіе. Вы будете преслѣдовать ее... О! я ни за что не соглашусь разстаться съ нею...

— Кто вамъ говоритъ о преслѣдованіяхъ? Только ваше упорство можетъ надѣлать ей непріятности. Полноте ребячиться, Оливье, будьте покойнѣе и отвѣчайте мнѣ правду: эта молодая дѣвушка — швея?

— Швея.

— Я не спрашиваю васъ о вашихъ взаимныхъ чувствахъ, но эта связь можетъ повредить вашей репутаціи, вашей будущности, и потому надобно прекратить ее какъ можно скорѣе. Я предлагаю вамъ ѣхать со мною въ Рюэль на недѣлю: въ это время ваша Генриетта будетъ переведена въ другой кварталъ и забудетъ о васъ. Если вы откажетесь отъ моего предложенія, я дамъ знать о вашемъ поведеніи вашему батюшкѣ. Надѣюсь, что вы не посмѣете противиться г. президенту, когда онъ самъ пріѣдетъ за вами, а миззель Генриетта будетъ печтать о васъ въ другомъ мѣстѣ. Послушайтесь меня, Оливье. Меня трогаютъ ваши страданія и я даю вамъ время до завтра, чтобъ вы хорошенько подумали о своемъ положеніи. Я вѣрю, что вы любите другъ друга и что Генриетта стоить вашей любви. Я позволяю вамъ написать ей письмо: это васъ утѣшитъ немного и ее также. Только вы

не увидите. Если вы истинно любите ее, то будете повиноваться мнѣ во всемъ. Не забывайте, что мнѣ извѣстенъ будетъ каждый шагъ вашъ и что ваше непослушаніе сдѣлаетъ Генриетту несчастною. До свиданія.

Г-жа Дюбельё, вышла изъ комнаты, сошла съ лестницы и уѣхала, а Оливье оставался безъ движенія, пораженный страшными словами старой своей покровительницы, которая хорошо знала человѣческую натуру и дала молодому чловѣку время одуматься и размыслить. Заставя его тотчасъ же рѣшиться на разлуку съ Генриеттой, она должна была ожидать благороднаго отказа; но давъ ему нѣсколько часовъ на размышленіе, она уничтожила всѣ его планы и сопротивленія, потому что страсть всегда должна уступить разсудку.

Бенуа предчувствовалъ бурю и вошелъ, потупя голову и приготовляясь выслушать строгій выговоръ.

Оливье подавъ ему руку и сказалъ:

— Я тебя прощаю, старикъ, хотя ты мнѣ сдѣлалъ много зла.

Тронутый до слезъ, Бенуа бросился къ ногамъ своего молодого господина.

— Простите, простите-меня! Я въ отчаяніи, что причинилъ вамъ горе; но вы знаете, какъ строго приказывалъ мнѣ вашъ батюшка наблюдать за вами. И еслибъ онъ послѣ узналъ отъ другихъ, онъ бы прогналъ меня, а я бы не пережилъ такого несчастья.

— Встань, Бенуа, и оставь меня одного.

Бенуа тихо пошелъ къ двери, но, проходя мимо окна, затворилъ его, будто-бы неварочно; стукъ задвижки поразилъ сердце Оливье какъ кинжаломъ. Это запертое окно было непреодолимою преградю между нимъ и Генриеттой.

Бѣдная Генриетта! бѣдный Оливье!

Потомъ онъ вспоминалъ, что ему позволено было написать ей письмо, и бѣдный молодой чловѣкъ взялъ бумагу, перо и чернила, но долго еще слезы туманили его глаза и онъ не могъ писать.

VI.

ПИСЬМО ОЛИВЬЕ КЪ ГЕНРИЕТТѢ.

«Я люблю васъ всѣмъ сердцемъ, Генриетта — вы это знаете и вы такъ же любите меня. Эта любовь составляла наше счастье и оно запрещено намъ какъ преступленіе. Я не долженъ больше видѣться съ вами, не смѣю идти къ вамъ.

«Не видѣть васъ — ужасно сказать, но еще ужаснѣе повиноваться. Вы будете плакать, но ваши слезы упадутъ на то мѣсто, гдѣ упали мои и встрѣтятся на этой бумагѣ.

«Боже мой! Любить женщину въ первый разъ, открыть ей сердце, быть счастливымъ два дня — и вдругъ потерять все блаженство...

«Я хотѣлъ противиться, но мнѣ сказали, что вы однѣ пострадаете за мое сопротивленіе и что вѣчное несчастье будетъ вашею наградою за любовь ко мнѣ. Передъ этою угрозою я долженъ былъ согласиться на все.

«Жертва принесена. Я далъ слово... мы больше не увидимся.

«А между-тѣмъ я чувствую, что сердце мое разрывается и я не могу располагать собою. Счастье такъ близко — и я долженъ отказаться отъ него! Но пусть насъ разлучаютъ, Генриетта, я буду все-таки любить тебя, любить одну тебя. Они сдѣлаютъ меня несчастнымъ, заставятъ тебя плакать и страдать, но не могутъ запретить мнѣ любить тебя.

«Бѣдная моя комнатка, гдѣ я думалъ о тебѣ и любовался тобою!.. кто теперь будетъ смотрѣть на тебя? кому ты будешь пѣть твою пѣсню о ласточкѣ.

«Прощай, Генриетта. Слезы мѣшаютъ мнѣ писать и стираютъ то, что я написалъ. Прощай. Люби меня.

«Меня зовутъ Оливье Прелакомбъ. Можетъ быть, настанетъ время, когда я буду свободенъ располагать собою. Вспомни тогда о женщинѣ улицы Сень-Жанъ-Латранъ, какъ я вспомню о швейцаркѣ Генриеттѣ — и мы опять будемъ счастливы. Посылаю тебѣ мой кошелекъ, въ которомъ нѣсколько луддоровъ; не отказывайся отъ этого ничтожнаго подарка и сохрани кошелекъ на память обо мнѣ.

«Тебя заставятъ перейти въ другую квартиру; не сопротивляйся имъ: они сильны и могутъ тебя заставить; но мы молоды, мы можемъ ждать; можетъ быть, мы дождемся своего счастья.

«Прощай еще разъ, Генриетта. Я страдаю, но меня утѣшаетъ одна мысль, что ты меня любишь и что я буду любить тебя всегда,

«Оливье».

Окончивъ письмо, Оливье зарыдалъ какъ ребенокъ и только черезъ полчаса сложилъ письмо и рѣшился идти на Королевскую площадь.

Но его шляпа лежала на окошкѣ и онъ не могъ удержаться, чтобы не посмотрѣть наизупротивъ. Генриетта стояла у окна блѣдная и встревоженная и часто вытирала слезы, катившіяся по щекамъ ея. Глаза ихъ

встрѣтились, Оливье прочелъ въ глазахъ Генриетты столько горя и отчаянія, что вскрикнулъ, въ одну минуту перебѣжалъ улицу и былъ въ объятіяхъ молодой швей.

Въ любви ненадобно много словъ. Оливье ничего еще не сказалъ, но Генриетта поняла все.

— Насъ хотятъ разлучить, сказала она со слезами.

— Да, Генриетта, мнѣ запретили видѣть тебя; я хотѣлъ сопротивляться, но не могъ. Вотъ, прочти мое прощаніе, сказалъ онъ, подавая ей письмо и кошелекъ:—я не въ силахъ объяснить тебѣ...

Генриетта протянула руку, взяла письмо и прочла его скоро, хотя оно было довольно длинно. Окончивъ письмо, она посмотрѣла на Оливье, но, увидя, что онъ еще блѣднѣе и разстроениѣе ея, она, казалось, забывла о себѣ и старалась утѣшить только своего несчастнаго друга.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ наконецъ съ рѣшимостью:—я не разстанусь съ тобою! Убѣжимъ изъ Парижа, будемъ жить гдѣ-нибудь въ глуши, но только вмѣстѣ.

Генриетта была моложе Оливье, но она лучше его понимала жизнь, потому-что давно уже работала и переносила лишения, тогда-какъ Оливье жилъ всегда въ довольствѣ.

— Бѣжать вмѣстѣ! сказала она: зачѣмъ? это невозможно!

— Кто намъ можетъ помѣшать?

— Бѣдность. У васъ еще нѣтъ ничего, а я, можетъ быть, не найду работы тамъ, гдѣ мы скроемся. Но еслибы даже Богъ помогъ намъ не умереть съ голоду, все-таки этотъ поступокъ можетъ погубить васъ; я же не хочу купить нѣсколько минутъ блаженства несчастіемъ всей вашей жизни.

— Ты права: у насъ нѣтъ главнаго — денегъ. Но... какая мысль! Я займу у Гектора: онъ богатъ и не откажетъ мнѣ. Пойдемъ же вмѣстѣ, Генриетта, я не хочу оставить тебя здѣсь, потому-что могутъ воспользоваться моимъ отсутствіемъ, чтобъ оскорбить тебя. Сбѣрайся поскорѣе, минуты дороги.

— И ты для меня отказываешься отъ твоихъ надеждъ, отъ блестящей будущности, ты жертвуешь мнѣ всѣмъ!..

— Я не могу отказаться только отъ твоей любви.

— Такъ ты любишь меня... О! чего же намъ не достаетъ? Я хотѣла отказаться отъ побѣга, но теперь это невозможно. Мы не можемъ жить другъ безъ друга, мы уничтожимъ все препятствія и будемъ счастливы. Не такъ ли, мой другъ?

Радостная улыбка освѣтила лица молодыхъ мечтателей и они взялись за руки, чтобъ идти труднымъ путемъ, но вмѣстѣ; въ эту ми-

нугу дверь комнаты тихо растворилась и на порогѣ показалась печальная фигура честнаго Бенуа.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? закричалъ Оливье. Тебѣ мало, что черезъ твои доносы ты выгоняешь меня изъ Парижа... ты хочешь со-всѣмъ довести меня до отчаянія?

— Вы хотите бѣжать изъ Парижа г. Оливье! Боже мой, что вы дѣлаете! Подумайте хорошенько ..

— Повторяю тебѣ, что ты доведешь меня до несчастія, до погибели. .

— О, еслибы я зналъ это! Проклятый мой языкъ! Лучше бы я промолчалъ о вашихъ интригахъ, и вы бы не уѣхали Богъ знаетъ куда и на сколько времени... Но вы не уѣдете изъ Парижа, шевадье, это невозможно... Г-жа Дюбелье...

— Если она вздумаетъ помѣшать намъ, закричалъ Оливье съ гнѣвомъ: — то клянусь честью, я рѣшусь поднять на себя руки.

Старикъ упалъ на колѣни.

— Убейте лучше меня, г. Оливье, я ужь старъ; да и какъ я безъ васъ приду къ вашему батюшкѣ и что скажу ему, когда онъ спроситъ меня о сынѣ, котораго поручилъ моему надзору!

При видѣ этой неподдѣльной горести и вспомявъ объ отцѣ, рѣшеніе Оливье поколебалось и Генриетта, вся въ слезахъ, бросилась въ его объятія.

— Прощай, мой Оливье! говорила она рыдая.—Слушайся тѣхъ, которые приказываютъ тебѣ именемъ отца. Я не хочу быть причиною несчастія всего семейства... Прощай. Не требуй, чтобы я бѣжала съ тобою... ты видишь, что я не въ силахъ...

И бѣдная дѣвушка упала на стулъ, стараясь удержать свои слезы.

— Вы добры и умны, мамзель Генриетта, сказалъ Бенуа съ чувствомъ. — Зачѣмъ только вы бѣдны и безъ имени? Зачѣмъ вы такъ прекрасны и такъ сильно полюбили шевадье? Успокойтесь же: г-жа Дюбелье добрая женщина и наградитъ васъ за то, что вы спасете нашего Оливье.

— Генриетта, не слушай его, говорилъ ей молодой человекъ: не оставляй меня, не забывай нашу любовь.

— Нѣтъ, Оливье, надобно разстаться, отвѣчала она Я страдаю больше тебя. Я не перенесу преслѣдованій и упрековъ. Прощай... думай иногда обо мнѣ и знай, что покуда будетъ биться сердце мое, я буду любить одного тебя и молиться за тебя.

Оливье не могъ отвѣчать, онъ крѣпко сжалъ руку Генриетты и, удерживая рыданіе, выбѣжалъ изъ комнаты.

— Г. Оливье, шевадьё! кричалъ ему вслѣдъ Бенуа:—остановитесь, прошу васъ... Но старые его ноги не могли догнать молодого человека, который скоро скрылся изъ виду.

Старикъ, вида, что Оливье побѣжалъ къ набережной, боялся, чтобъ онъ, съ отчаянья, не бросился въ Сену и проклянулъ свою болтливость. Между тѣмъ Оливье бѣжалъ по улицамъ Парижа безъ шляпы, и блѣдный и отчаянный бросился въ комнату г-жи Дюбельё.

— Все кончено! сказалъ онъ. Я написалъ письмо... видѣлся съ Генриеттою и хотѣлъ бѣжать съ ней, но благородная дѣвушка отказалась, чтобъ не навлечь на меня проклятія отца... Дѣлайте изъ меня что хотите, только ради Бога не говорите мнѣ ничего... Я уже довольно страдалъ сегодня и больше не могу выдержать...

Г-жа Дюбельё поняла положеніе бѣднаго Оливье, не говоря ему ни слова, вышла изъ комнаты и послала за Бенуа, чтобъ приготовить все къ отъѣзду.

Въ это время Генриетта слѣдила въ томъ же положеніи, какъ оставилъ ее Оливье, и не думая ни о чемъ, забывъ свое горе и разлуку, машинально смотрѣла на слезу, которую Оливье уронилъ на ея руку, мысли ея были далеко... Бѣдная дѣвушка не могла еще повѣрить своему несчастію.

VII.

Въ началѣ улицы Бакъ, недалеко отъ моста, былъ небольшой, скромный магазинъ, который привлекалъ много покупателей. Тамъ продавались перчатки, кружева, ленты и другія мелочи, и хотя надъ крошечнымъ магазиномъ не было вывѣски, но весь околотокъ называлъ его магазиномъ *Прекрасной швеи* и всѣ молодые люди бѣжали къ ней, чтобъ купить маншеты и галстуки и посмотреть на хорошенькую хозяйку, нашу знакомую Генриетту.

Послѣ отъѣзда Оливье, управитель г-жи Дюбельё пришелъ къ молодой швеѣ и засталъ ее на колѣнахъ и въ слезахъ.

Старикъ поклонился ей вѣжливо, но Генриетта будто бы не замѣтила его прихода и продолжала смотрѣть въ ту сторону, гдѣ скрылся Оливье.

— Сударыня, сказалъ управитель, я присланъ отъ имени г-жи Дюбельё.

Генриетта молчала.

— Отъ имени г-на Оливье...

Генриетта посмотрѣла на старика такъ печально, что тотъ смутился и продолжалъ:

— Г-на Оливье Прелакомба. Для его спокойствія вы должны перемѣнить квартиру.

— Оставить эту комнату! сказала молодая дѣвушка, совершенно очнувшись: здѣсь я увидѣла Оливье, полюбила его... можетъ быть, онъ опять придетъ, а меня не будетъ... нѣтъ, я не хочу уходить отсюда, не пойду!

— Однако это необходимо, потому-что я получилъ строгое приказаніе. Впрочемъ, вамъ не изъ чего плакать; вамъ будетъ гораздо лучше: вмѣсто вашей тѣсной, бѣдной комнатки, вамъ дадутъ маленькій магазинъ въ нижнемъ этажѣ, вы не будете портить ваши хорошенькіе глазки надъ вышиваньемъ, и ваша красота привлечетъ къ вамъ множество покупателей.

Напрасно старикъ расточалъ свое краснорѣчіе: Генриетта опять впадала въ безчувственность и не отвѣчала ничего. Тогда управитель позвалъ двухъ своихъ служителей, которые стояли передъ домомъ съ телегою, и приказалъ имъ укладывать маленькое имѣніе молодой швей, что было исполнено въ десять минутъ.

Когда же Генриетта опять очнулась и увидѣла себя въ пустой комнатѣ, слезы полились по щекамъ ея; но она поняла, что сопротивленіе невозможно и потому удерживала рыданія. Она подошла къ окошку, долго смотрѣла на пустую комнату Оливье, потомъ оборвала всѣ свои цвѣты и связала изъ нихъ букетъ.

Сколько мыслей и воспоминаній было соединено съ этими простыми цвѣтами! Каждое утро, поливая ихъ, молодая дѣвушка искала глазами своего сосѣда. Вчера еще Оливье любовался ими, смотрѣлъ какъ они цвѣтутъ, и теперь цвѣты еще не завяли, а онъ ужъ далеко и она не смѣетъ думать о любви его....

Ее свели въ улицу Бакъ, въ хорошенькую комнатку и положили на постель, чтобъ она успокоилась и забылась послѣ столькихъ страданій.

На другой день Генриетта проснулась, по обыкновенію, рано, и съ удивленіемъ посмотрѣла вокругъ себя. У окна стояли пяльцы ея; маленькое зеркало висѣло надъ ея старымъ комодомъ, и даже на низенькомъ табуретѣ спала, свернувшись, ея бѣленькая кошечка, Минета. Генриетта подумала, что все случившееся вчера было сонъ и, вско-

чивъ съ постели, подбѣжала къ окну, но напротивъ ея не было знакомаго дома, не было окошка, въ которое смотрѣлъ на нее Оливье.

Она тяжело вздохнула и прошла въ магазинъ, котораго еще не видѣла. Тамъ все было убрано такъ мило, товары были свѣжи и добраны со вкусомъ, и бѣдная дѣвушка, никогда невидавшая такого богатства, начала разсматривать все съ любопытствомъ и осушила свои слезы.

На каминѣ своей комнаты она нашла мѣшечекъ съ нѣсколькими сотнями эку и вспомнила о кошелькѣ и письмѣ Оливье. Она отыскала это письмо, поцѣловала его нѣсколько разъ, прочла прощаніе своего друга, сосчитала деньги, подаренныя Оливье, опять спрятала ихъ, радуясь, что не будетъ имѣть надобности тратить ихъ, а будетъ беречь какъ сокровище.

Г-жа Дюбельё поступила великодушно; но Генриетта съ радостью отдала бы все богатство за свою прежнюю комнатку, гдѣ любила и была счастлива.

Прошелъ годъ, но чувства молодой дѣвушки не измѣнились; она обѣщала своимъ покровителямъ не стараться видѣться съ Оливье, но не могла удержаться и пошла разъ въ улицу Сень-Жанъ-Лагранъ, но билеты на дверяхъ и окнахъ Оливье доказывали, что и его заставилъ переимѣнить квартиру, а можетъ быть, увезли изъ Парижа.

И Генриетту съ-тѣхъ-поръ заняла одна постоянная мысль: увидѣть Оливье, узнать, помнитъ ли онъ о ней. Она не смѣла освѣдомляться о немъ, но надѣялась, что если онъ въ Парижѣ, такъ можетъ случайно пройти по улицѣ Бакъ, и потому стояла по цѣлымъ днямъ у дверей своего магазина; но Оливье не проходилъ мимо.

Съ ея красотою и молодостью она не долго ждала обожателей. Письма и мадригалы сыпались на нее со всѣхъ сторонъ, но она не трогалась ни стихами, ни прозою, и всѣ удивлялись такой необыкновенной гордости и отыскивали причины ея отказовъ. Пѣкоторые, однако, догадались и, послѣ предложеній одной любви, начали предлагать ей руку и имя. Между претендентами были выгодныя, и даже почетныя партіи для бѣдной швеи, но она хладнокровно отказывала всѣмъ и не обращала вниманія на толки и сплетни жителей улицы Бакъ, которые распускали про нее самые нелѣпыя и неосновательныя слухи.

Но, несмотря на все это, магазинъ всегда былъ полонъ. Генриетта была такъ хороша, и никогда еще молодежь квартала не помянулась и не душилась такъ отчаяно, и не бросала столько денегъ на туалетныя украшавшія прилавокъ хорошенькой магазинницы, заслужившей названіе *неприступной*.

Случалось также, что, кромѣ прикащиковъ и негоціантовъ, заходилъ къ пей иногда и знатный дворянинъ, чтобъ переменить разорванную манжетку или запачканную перчатку. И кто въ первый разъ заходилъ нечаянно, тотъ продолжалъ приходить съ намѣреніемъ, такъ—что часто скромная дверь магазина была застановлена золочеными носилками или огромной каретой съ ливрейными лакеями.

Однажды вошелъ въ ея магазинъ блистательный маркизь и не спускалъ съ нея глазъ, покуда она примѣривала ему перчатки и прыскала платокъ духами. Уходя, онъ проговорилъ въ полголоса:

«Какой фуроръ произвело бы это личико на театрѣ!»

Генриетта задумалась при этѣмъ словѣ. Она все еще любила Оливье и, занимаясь своею торговлею, слушая объясненія и предложенія своихъ поклонниковъ, думала только о немъ, шептала только его имя.

«Я люблю его, говорила она, и увѣрена, что онъ такъ же любить меня. Насъ разлучили и запретили намъ видѣться, но вѣдь можетъ же быть, что я случайно встрѣчусь съ нимъ, особенно если онъ въ Парижѣ. Напримѣръ, онъ пойдетъ гулять въ Тюльери... я тоже... на поворотѣ аллеи мы встрѣтимся... и я надолго буду счастлива, если только увижу его издали...»

И посреди этихъ мечтаній она услышала слово *театръ*, сказанное вельможею. Она продумала цѣлую ночь. «Всѣ ходятъ въ театръ, говорила она сама себѣ: и если Оливье въ Парижѣ, то и онъ пойдетъ туда, чтобъ разсѣяться. Еслибы я была актриса, онъ бы увидѣлъ меня на сценѣ и узналъ, и я бы узнала, любить ли онъ меня...»

На другой день молодая магазинщица отыскала учителей танцевъ и пѣнія, и просила ихъ давать ей уроки. Она хотѣла попробовать къ чему она болѣе способна, и черезъ мѣсяцъ бросила музыку, потому-что несмотря на свой хорошенькій голосъ, увидѣла, что надобно очень много времени, чтобъ сдѣлаться пѣвицею. Въ танцахъ же она сдѣлала большіе успѣхи и проводила цѣлые дни въ своей комнатѣ, дѣлая батманы и пируэты. Черезъ шесть мѣсяцевъ учитель объявилъ ей, что она можетъ соперничать съ первыми театральными танцовками.

Въ это время маркизь опять пришелъ за бантомъ къ шпагѣ, и въ то время, какъ маленькія ручки Генриетты складывали ленты, онъ опять не спускалъ съ нея глазъ и бормоталъ сквозь зубы:

— Какая свѣжесть! какіе глаза, какое личико!...

— Такое, которое можетъ имѣть успѣхъ на театрѣ, не такъ-ли г. маркизь? отвѣчала Генриетта, рѣшаясь на важное дѣло.

— Чтѣ вы говорите, моя красавица? спросилъ вельможа съ удивленіемъ.

— Что я желала бы поступить на сцену.

— Неужели дѣтя мое? Но что же вы умѣете дѣлать?... Есть ли у васъ голосъ?

— Я не знаю музыки.

— Современемъ можно научиться, если у васъ есть охота.

— Я бы хотѣла быть танцовкой. Я люблю танцовать.

— Вы танцуете на загородныхъ балахъ, куда васъ водить вашъ любезный, по этого мало....

— У меня нѣтъ любезнаго и я танцую какъ на сценѣ.

— Можетъ ли быть то и другое?

— И никогда не будетъ возлюбленнаго, хотя я и буду танцовать въ оперѣ.

— Посмотримъ, посмотримъ, моя нимфа. Продолжайте учиться и вы скоро опять увидите вашего покорнаго слугу, маркиза де-Ланже.

И незнакомецъ вышелъ изъ магазина.

Черезъ нѣсколько дней маркизъ вернулся и привелъ съ собою незнакомца въ черномъ платьѣ, который шелъ, выворачивая ноги и держалъ подъ-мышкой маленькую скрипку.

Генриетта покраснѣла и смѣшалась; она поняла, что дѣло идетъ объ аккаментъ, который можетъ перемѣнить ея жизнь; но она уже твердо рѣшилась вступить на сцену, несмотря ни на какія препятствія, и старалась скрыть свое смущеніе.

Она пригласила своихъ гостей въ компану, и маркизъ все еще былъ увѣренъ, что увидитъ меловку прыгунью, которой надобно будетъ много учиться; но такъ-какъ она хороша собою, то всегда будетъ имѣть успѣхъ, потому-что красота всегда составляла и будетъ составлять половину таланта танцовщицы.

Каково же было его удивленіе, когда она приняла граціозную позу и начала выдѣлывать трудныя па, пируэты и всѣ тонкости хореографическаго искусства съ такою легкостью, чистотою и увѣренностью, что даже черныи незнакомецъ остановился въ изумленіи. Маркизъ невольно закричалъ браво, и черезъ недѣлю Генриетта получила приказаніе дебютировать въ новомъ мимологическомъ балетѣ.

VIII.

Мы видѣли, что Гекторъ не былъ расположенъ къ наследственному званію фамиліи Верфонтенъ. Когда смерть отца сдѣлала его совершенно свободнымъ, онъ написалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ: графъ

вмѣсто *выкопть*, вступилъ поручикомъ въ драгунскій полкъ и отпра-
вился воевать въ Германію.

Какъ счастливъ былъ молодой человекъ, когда бросилъ свой судей-
скій костюмъ и надѣлъ блестящій мундиръ! какъ билось его сердце подъ
оранжевыми отворотами! какъ горѣла голова въ свѣтлой каскѣ!

Въ Германіи онъ началъ тѣмъ, что въ то время, какъ онъ прини-
малъ приказанія отъ маршала де Броли, прусское ядро убило подъ нимъ
лошадь, на другой же день, въ бергенскомъ сраженіи пуля задѣла ему
горло и осталась въ складкахъ его галстука.

Гекторъ былъ въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ происшествій, потому-
что они возвышали его въ глазахъ товарищей. Скоро наконецъ его полкъ
напалъ на улановъ герцога брауншвейгскаго и дѣйствовалъ такъ храбро,
что остановилъ непріятеля, хотя оставилъ на мѣстѣ своего начальника.
Гекторъ былъ произведенъ капитаномъ и считался однимъ изъ храбрыхъ
офицеровъ французской арміи.

Когда войско отправилось на зимнія квартиры, всѣ офицеры веко-
чили на коней съ крикомъ: «Парижъ, Версаль!» Гекторъ изъ первыхъ
вернулся во Францію и первый визитъ его былъ въ Оперу, къ которой
онъ сохранилъ прежнее расположеніе. Ему успѣли ужъ рассказать
какую-то невѣроятную исторію о хорошенькой дебютанткѣ Жуанѣ, ко-
торая танцевала отлично, но была самаго страннаго характера для тан-
цорки. Онъ увидѣлъ Жуану и былъ ею очарованъ.

Возможно-ли, чтобъ маркизъ де-Ланже, который представилъ ее на
сцену и покровительствовалъ ей, получилъ въ благодарность только низ-
кій реверансъ? Она отказалась отъ чести быть его женою. Вѣроятно-ли,
чтобъ блестящіе маркизы, графы и даже герцоги не могли покормить ея
сердца? Это просто чудо!

Какое счастье побѣдить тамъ, гдѣ всѣ должны были отступить! Са-
молюбіе подстрекало Гектора; притомъ же онъ смѣло могъ надѣяться
на успѣхъ: онъ былъ капитаномъ въ двадцать пять лѣтъ; храбрость
его пугала соперниковъ, а карманы его были полны золотомъ; притомъ-
же онъ былъ хорошъ, ловокъ и предприимчивъ—чего же неоставало
ему, чтобъ внушить сильную страсть всякой женщинѣ?

Однако, несмотря на все это, Гекторъ былъ несовершенно увѣренъ
въ успѣхѣхъ, и сердце его билось сильно, когда онъ собирался въ театръ.
Прежде всего надобно было обратить на себя вниманіе Жуаны, и онъ
авлодировалъ и кричалъ браво при каждомъ появленіи ея на сцену. Но
всѣ дѣлали то же и его крики терялись во множествѣ. Онъ купилъ ни-
рандиду бубетовъ и бросалъ ихъ поминутно къ ногамъ танцовщицы; но

цвѣты сыпались на нее со всѣхъ сторонъ и она не могла даже замѣтить кто ихъ бросалъ.

Гекторъ вышелъ изъ театра, нисколько не подвинувъ впередъ свои дѣла, но самъ онъ чувствовалъ, что Жуана сдѣлала на него сильнѣе впечатлѣніе. Онъ всю ночь продумалъ только о ней и составлялъ планы, какъ бы заставить полюбить его.

«О какая слава, говорилъ онъ, если я буду побѣдителемъ прекрасной Жуаны! Всѣ будутъ говорить объ этомъ.»

На другой же день Гекторъ началъ развѣдывать о Жуанѣ и узналъ, что она живетъ въ улицѣ Булэ, близъ Палеройяля. Онъ пошелъ въ домъ, гдѣ жила танцовка, и встрѣтился съ какой-то старухой.

— Вы живете здѣсь? спросилъ вѣжливо молодой человекъ.

— Точно такъ.

— Стало-быть, вы знаете Жуану?

— Комедіантку?

— Нѣтъ, танцовку.

— Это все равно. Какъ не знать тѣхъ, которые живутъ въ одномъ домѣ. Впрочемъ, вы не первый спрашиваетесь о мамзель Жуанѣ.

Гекторъ сдѣлалъ невольное движеніе.

— И не вы первый, продолжала старуха: — постойте только у ея двери. Господи Боже мой, сколько ужъ я провожала штыхъ кафтановъ, бѣлыхъ плюмажей и золотыхъ эпюлетъ!

— Такъ она не принимаетъ никого, эта комедіантка?

— Рѣшительно никого.

— Какая добродѣтель!

— Вы думаете? Правда, что она отвергаетъ любовь знатныхъ и богатыхъ вельможъ но...

— Но что же?

— Но тутъ что-нибудь да не такъ. Она молода, живетъ одна; у ней блестящія глазки и она танцуетъ на сценѣ — можно ли тутъ быть добродѣтельной? Впрочемъ, какое мнѣ дѣло...

Гекторъ хотѣлъ уже уйти, потому-что старуха начала говорить вздоръ, но потомъ, подумавъ, что можетъ нечаянно узнать что-нибудь замѣчательное, далъ ей золотую монету и продолжалъ разспрашивать.

— Вы говорите... то есть вы думаете, что Жуана не добродѣтельная дѣвушка?

— Добродѣтельныя дѣвушки не танцуютъ въ коротенькихъ платьяхъ передъ мужчинами.

— Это не доказательство, отвѣчалъ Гекторъ съ досадою.

— Если это не доказательство, такъ что вы скажете о той дѣвушкѣ, которая не всегда почуветь дома.

— Что вы говорите!

— Сущую правду. Только это не такъ часто. Девять разъ изъ десяти она приходитъ домой всегда одна и запирается. Она даже не говорить ни съ кѣмъ и не замѣчаетъ никого. Я сама не слыхала даже ея голоса... А все-таки она не всегда почуветь дома. Что она дѣлаетъ и гдѣ бываетъ—я не могу вамъ сказать, потому-что сама не знаю, но...

— До свиданія, сказалъ Гекторъ, благодарю васъ. И онъ хотѣлъ выйти на улицу, но вдругъ послышался шелестъ платья и онъ увидѣлъ Жуану, которая, вѣроятно, поняла о чемъ молодой человѣкъ разговариваетъ съ старухой, и улыбнулась такъ мило, что Гекторъ смѣшался, покраснѣлъ и едва могъ поклониться хорошенькой танцовщицѣ.

— Какая непростительная глупость! говорилъ онъ, уходя домой. Она застала меня съ старой болтуней и отгадала, что я разспрашивалъ о ней... Впрочемъ, мое любопытство доказываетъ любовь... Эта неприступная Лукреція сѣдется надъ маркизомъ Ланже и всеми придворными... Однако она любитъ какого-то счастливца. О! я узнаю, кого она предпочитаетъ всѣмъ намъ, и гордая красавица должна будетъ сдаться.

Чтобъ узнать что-нибудь о ночныхъ путешествіяхъ Жуаны, Гекторъ началъ слѣдить за ней; но въ первый день, провожая ее изъ театра и боясь выпустить изъ виду, онъ упалъ въ канавку и вышелъ изъ нея весь мокрый; на другой день онъ поссорился съ прохождимъ, котораго нечаянно толкнулъ; на третій день былъ проливной дождь, на четвертый воры ограбили его, на пятый онъ добѣжалъ до улицы Булэ и увидѣлъ только, какъ Жуана заперла свою дверь на замокъ.

Притомъ же она танцевала не всякій день, и Гекторъ потерялъ двѣ недѣли и не узналъ ничего новаго; отпуску же его оставался только мѣсяць, потому онъ долженъ былъ явиться въ полкъ.

Стало-быть, нельзя было терять времени, и Гекторъ, боясь пропустить что-нибудь, нанялъ людей, чтобъ слѣдить за танцовкой, и черезъ два дни ему донесли, что Жуана наканунѣ пошла въ улицу Сень-Жанъ-Латранъ и ночевала въ одномъ домѣ.

— Наконецъ-то, сказалъ молодой человѣкъ:—я узнаю тайну и воспользуюсь ею!

Склонность Гектора къ Жуанѣ превратилась въ страсть, потому-что препятствія раздражали его, самолюбіе его страдало и онъ рѣшился пожертвовать остаткомъ отпуска; онъ жертвовалъ бы здоровьемъ и всѣмъ состояніемъ, только бы заставить дебютантку полюбить его.

Онъ разставлялъ своихъ шпионовъ, чтобъ они слѣдили за каждымъ шагомъ молодой артистки, а самъ пошелъ разсѣяться къ своимъ друзьямъ: графу Лафрене, Монлюсаку д'Ормёлю и другимъ офицерамъ рейнской арміи.

Какую веселую и счастливую жизнь вели офицеры во время отпуска! Большую часть дня они проводили за столомъ, потомъ дѣлали визиты, торопились въ театръ, потомъ играли въ карты. Гекторъ былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ страсть къ Жуанѣ не мучила его.

Къ несчастію, имя танцовки встрѣчалось вездѣ и не было возможности забыть ее. Необыкновенное поведеніе Жуаны было предметомъ всѣхъ разговоровъ и, не зная настоящей ея жизни, всѣ выдумывали про нея самыя странныя и невѣроятныя исторіи. То говорили, что она цыганка, которая, прежде появленія на сценѣ, показывала фокусы на ярмаркахъ; другой увѣрялъ, что она поетъ какъ соловей, но одинъ богатый старикъ платитъ ей груды золота, чтобъ она пѣла только для него; увѣряли еще, что видѣли ее въ маленькомъ домикѣ маршала саксонскаго, и что если она ходитъ пѣшкомъ и живетъ скромно, то это оттого что она скупа, какъ Гарпагонъ.

— Вы ничего не знаете про неа, сказалъ Гекторъ своимъ друзьямъ. Всѣ эти недѣлности только глупы; и хоть многіе изъ васъ видѣли дебюты Жуаны и не выѣзжали изъ Парижа, но я знаю больше васъ всѣхъ, хоть недавно пріѣхалъ изъ Силезіи.

— Bravo Верфонтепъ! Ты пьянъ и начинаешь бредить.

— Нѣтъ, онъ не пьянъ, а влюбленъ въ Жуану и вздыхаетъ по ночамъ подъ ея окошками.

— Если я пьянъ или влюбленъ, то до этого никому нѣтъ дѣла. Я дѣлаю чтó хочу. Все-таки повторяю вамъ, что вы ничего не знаете настоящаго о Жуанѣ; а я черезъ недѣлю узнаю кто она, откуда явилась и кого любить. Даю вамъ въ этомъ честное слово.

— Полно хвастать, любезный, это невозможно.

— Хочешь держать пари, Монлюссакъ?

— Хочу.

— И я.

— И я тоже.

Всѣ хотѣли держать пари противъ Гектора.

— Держу двѣсти лундоровъ, сказалъ онъ.

— Пожалуй; но насъ десять человекъ, замѣтилъ Монлюссакъ: — и не стоитъ того дѣлать выигрышъ; хочешь пятьсотъ лундоровъ?

— Держу тысячу.

— Идетъ!

Послѣ этого друзья разстались и Гекторъ увидѣлъ, что ему уже не было никакой возможности отказаться отъ побѣды надъ Жуаномъ.

На другое утро одинъ изъ шпионовъ донесъ ему, что прекрасная танцовщица отправилась въ улицу Сень-Жанъ-Латранъ.

— Какое счастье! вскричала молодой человѣкъ. — теперь-то я узнаю все и, можетъ быть, выиграю пари.

Черезъ четверть часа онъ былъ уже въ улицѣ Сень-Жанъ-Латранъ.

IX.

«Что это мнѣ кажется эта улица знакомою?» говорилъ себѣ Гекторъ, подходя къ дому, въ которомъ, по донесенію, скрывалась Жуана. «Ахъ да, тутъ жилъ мой добрый Оливье, только въ противоположномъ домѣ. Что же мнѣ дѣлать? Надобно разспросить кого-нибудь о мамзель Жуанъ и о ея возлюбленномъ. Теперь я увѣренъ, что ея возлюбленный какой-нибудь бѣдный молодой человѣкъ. Какія странныя прихоти у женщины! Но впередъ! я хочу посмотрѣть на этого счастливида».

Гекторъ вошелъ и спросилъ у привратницы:

— Въ какомъ этажѣ живетъ Жуана?

— Какая Жуана?

— Танцорка, которая приходитъ сюда иногда. Не живетъ ли у васъ молодой человѣкъ...

— Здѣсь всѣ мужчины въ нашемъ домѣ женаты и люди пожилые.

— Но Жуана здѣсь?

— Вы ошибаетесь. Спросите напротивъ, или у сосѣдей.

— Я увѣренъ, что, часъ тому назадъ пришла въ этотъ домъ молодая женщина, что она приходитъ сюда часто и ночуетъ здѣсь.

— Танцорка Жуана?

— Ну да, комедіантка, если хотите.

— Повторяю вамъ, что вы ошибаетесь.

Гекторъ вышелъ и позвалъ своего шпиона.

— Ты, кажется, намѣренъ дурачить меня, бездѣльникъ, сказалъ онъ ему. — Какъ ты смѣлъ обмануть меня?

— Я не понимаю васъ, ваше сіятельство.

— Въ этомъ домѣ нѣтъ Жуаны.

— Васъ обманули, потому-что я сейчасъ самъ видѣлъ ее.

— Гдѣ?

— У окна четвертаго этажа... Вонъ, гдѣ видна рѣшетка и сухіе цвѣты.

Гекторъ опять вошелъ въ домъ и обратился къ той же старухѣ.

— Позвольте спросить ния жильца четвертаго этажа?

— Въ четвертомъ этажѣ много жильцовъ.

— Кто живетъ въ комнатѣ, гдѣ окно съ рѣшеткою?

— А! понимаю, вы говорите о мамзель Генриеттѣ.

Гекторъ удивился; но, рѣшась узнать еще болѣе, онъ всунулъ въ руку старухи нѣсколько лундоровъ и сказалъ ей:

— Расскажите мнѣ все, что дѣлаетъ и кого принимаетъ мамзель Генриетта и я буду вамъ благодаренъ.

— Мамзель Генриетта здѣсь въ своей квартирѣ и она не принимаетъ рѣшительно никого.

— Возможно ли!

— Зачѣмъ мнѣ обманывать васъ?

— Такъ она живетъ въ четвертомъ этажѣ?

— Вторая дверь направо.

— Благодарю васъ.

И Гекторъ вѣзжалъ по лѣстницѣ и постучалъ въ маленькую дверь.

— Кто тамъ? спросилъ голосъ изъ комнаты.

— Человѣкъ, которому необходимо поговорить съ мамзель Генриеттой.

Молодая дѣвушка отворила дверь, но отступила съ удивленіемъ, увида на порогѣ блистательнаго офицера, который поклонился ей почти тѣльно.

Комната Генриетты была все та же, какъ и въ началѣ нашего разсказа. Маленькая кровать, палцы и комодъ составляли всю мебель. На окнѣ цвѣты; но такъ-какъ это было въ началѣ зимы, то по рѣшеткѣ видны были только поблеклыя листья.

Съ тѣхъ поръ, какъ Генриетта промѣнила свой магазинъ на театръ, она принуждена была выѣхать съ именемъ перемѣнить и квартиру; но, вѣрная воспоминанію первой любви, она наняла свою прежнюю комнатку; она приходила въ нее въ свободные часы и, какъ прежде, садилась у окна и поглядывала на противоположную сторону. Она даже старалась запѣть пѣсню о ласточкѣ, но глаза ея наполнились слезами и она зарыдала... Она не перемѣнилась нисколько; но въ другомъ окнѣ нѣтъ уже широкихъ желтыхъ занавѣсокъ, изъ-за которыхъ являлся прекрасный молодой человѣкъ, или старый Бенуа, котораго Генриетта боялась, но все-таки любила за его честность и приверженность къ Оливье.

— Я не должна... не буду больше никогда пѣть, сказала молодая дѣвушка, отирая слезы. Прошло мое лѣто... улетѣла ласточка—любовь... Оливье, Оливье! еслибъ зналъ ты, какъ я люблю тебя! Гдѣ ты теперь? Когда я тебя увижу? Миѣ надобно тебя ждать и я пошла на сцену, чтобъ только встрѣтиться съ тобою—но все напрасно! Два года ожиданій и страданій за два дни блаженства! Боже мой, Боже мой! Неужели этого мало? неужели ты не сжалишься надо мною?..

Когда Гекторъ вошелъ, Генриета такъ удивилась и смѣшалась, что не нашла что сказать.

— Мое почтеніе, прекрасная Терпсихора, сказалъ капитанъ:—если только можно назвать васъ этимъ именемъ въ убѣжищѣ, гдѣ не знаютъ вашего званія, таланта...

— Что вамъ надобно, милостивый государь? спросила молодая дѣвушка съ досадою:—что значить ваше посѣщеніе?

— Выслушайте меня. Я только три недѣли въ Парижѣ, стало-быть, знаю васъ еще недавно, но успѣлъ полюбить васъ такъ сильно, что потерялъ разумъ, сонъ и аппетитъ. Не пугайтесь, сударыня, прибавилъ онъ, видя испугъ Генриетты:—я дворянинъ, графъ Верфонтенъ, и если осмѣлился слѣдовать за вами въ ваше тайное жилище, то мнѣ можетъ служить извиненіемъ моя страстная любовь и желаніе узнать моего соперника, чтобъ увидѣть, хорошъ ли вашъ вкусъ и для кого вы отвергаете всѣхъ вашихъ поклонниковъ.

— Позвольте вамъ сказать, графъ, что я не привыкла даже за кулисами къ такому обращенію. Я свободна и никто не имѣетъ права оскорблять меня. Вы же, какъ дворянинъ, должны бы стыдиться преслѣдовать молодую дѣвушку, которая васъ не знаетъ. Знайте, что вы первый мужчина вошли въ эту комнату. Прошу васъ оставить меня.

— Извините, сударыня, но вы танцовщица и публика аплодируетъ вамъ отчаянно... Вы прекрасны; но зачѣмъ же вы дичитесь всѣхъ, пренебрегаете самыми блестящими предложеніями и работаете на чердакѣ улицы Сентъ-Жанъ-Латранъ? Повторяю вамъ, это смѣшно.

И Гекторъ захохоталъ; но Генриетта посмотрѣла на него съ такимъ достоинствомъ, что онъ остановился.

— Я не знаю, графъ, сказала она:—позволяютъ ли мои подруги обращаться съ ними такъ дерзко; я же никому не позволю забыться предо мною; и чтобъ избѣжать впродолженіе подобныхъ дерзостей, я лучше оставлю сцену и сдѣлаюсь опять швейей.

И молодая дѣвушка поклонилась холодно, но Гекторъ не хотѣлъ уйти ни съ чѣмъ и продолжалъ почтительно:

— Простите мою ошибку, сударыня. Мы не привыкли встрѣчать строгости въ актрисахъ, и потому мое поведеніе извинительно. Но оставимъ театръ. Вы были швеей... Теперь я живо помню то время, когда я бывалъ вмѣстѣ съ другомъ моимъ Оливье, который жилъ въ этой же улицѣ, и даже напротивъ вашего дома...

При этихъ словахъ Генриетта покраснѣла и готова была повторить имя Оливье, но, по счастью, удержалась и проговорила тихо:

— У васъ былъ другъ?

— Да, прекрасный и добрый молодой человекъ, Оливье Прелакомбъ. Я думалъ, что онъ послѣдуетъ моему примѣру и пойдетъ въ военную службу, но отецъ его, президентъ Парламента въ Анжу, до того строгъ и неумолимъ, что бѣдный мой другъ не смѣлъ даже противорѣчить ему.

— Гдѣ же... теперь... вашъ другъ? спросила Генриетта, стараясь скрыть свое смущеніе.

— Онъ скучаетъ въ Анжу, гдѣ скоро будетъ совѣтникомъ, а потомъ президентомъ, какъ его отецъ, его дѣдъ, прадѣдъ и всѣ Прелакомбы, съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ есть Парламенты.

— Но онъ... бываетъ въ Парижѣ?

— Иногда. Парижъ, это Вавилонъ, который ведетъ прямо въ адъ— это мнѣніе президента. Оливье женится, будетъ въ свою очередь президентомъ и у него будетъ сынъ, такой же послушный и умный, какъ онъ, который впоследствии тоже будетъ президентомъ Парламента. Это такъ заведено съ незапамятныхъ временъ; и когда землетрясеніе или громъ разрушитъ анжуйскій Парламентъ, то подъ развалинами его найдутъ непременно президента Прелакомбъ. Однако, какъ я глупъ, что рассказываю вамъ то, что до насъ не касается. Я пришелъ затѣмъ, чтобъ положить къ вашимъ ногамъ мое сердце.

— Графъ Верфонтенъ, если вы начнете вашъ первый разговоръ, я попрошу васъ выйти.

— Стало-быть, вы рѣшительно не хотите слышать ни о любви, ни о богатствѣ...

— Рѣшительно.

— Вы хотите уморить всѣхъ бабочекъ, которыя сожгли свои крылья на огнѣ вашихъ прекрасныхъ глазъ.

— Можетъ быть, изъ состраданія къ нимъ, я оставляю сцену.

— Неужели вы хотите покинуть Оперу?

— Да; эта мысль пришла мнѣ недавно въ голову и я подумаю...

— Остановитесь, я рѣшительно не позволяю вамъ оставить сцену.

Посудите сами: у меня всегда была страсть къ актрисамъ и тавчор-

камъ. Теперь я встрѣтилъ первую, которая достойна любви—и она хочетъ удалиться со сцены!.. Еще остался мѣсяць до конца моего отпуска, и я прошу васъ, танцуйте хоть это время.

— Но этого можетъ требовать только тотъ, кто давно меня знаетъ, а васъ, графъ, я вижу въ первый разъ.

— Прошу васъ еще: позвольте мнѣ посѣщать васъ здѣсь.

— Согласна, только съ условіемъ...

— Принимаю всѣ условія.

— Вы не будете говорить мнѣ о вашей любви.

— Это очень трудно.

— Вы можете говорить мнѣ о томъ времени, когда были въ этой улицѣ и навѣщали вашего друга... г. Оливье...

— Оливье Прелакомбъ...

— Теперь же прощайте, г. Верфонтенъ, до свиданья.

— До вечера, прелестная Жуана. Я буду аплодировать вамъ какъ сумасшедшій.

X.

Послѣ этого перваго труднаго шага къ знакомству, Гекторъ надѣялся, что дѣла его пойдутъ отлично; но онъ жестоко ошибался. Напрасно онъ цѣлую недѣлю хлопоталъ о новомъ свиданіи: онъ видѣлъ Генриетту только на сценѣ, какъ и всѣ зрители.

Наконецъ, на восьмой день она пошла въ улицу Сентъ-Жанъ-Латранъ, и Гекторъ вошелъ вслѣдъ за нею. Во время разговора, молодой капитанъ старался заговаривать о своей любви, но Генриетта перебивала его и напоминала объ условіи.

— Вы такъ прекрасны, говорилъ Гекторъ, я васъ люблю...

— Не забывайте вашего обѣщанья, графъ. Скажите лучше... не сбывается ли жениться вашъ другъ... Вы что-то упоминали объ этомъ въ первое наше свиданье.

— Если Оливье соберется жениться, то увѣдомить меня.

— Скажите же мнѣ, какую жизнь вели вы съ вашимъ другомъ въ Парижѣ? Я хочу знать всѣ подробности.

— Я былъ рожденъ для жизни военной, полной шума, приключеній и нечаянностей.

— А Оливье?

— О! онъ былъ до того скромнъ и благоразумнъ, что проводилъ

всѣ дни у себя дома, не подозревая даже, что можно проводить время гораздо пріятнѣе.

— Возможно ли?

— Однако, не заключайте изъ этого, что Оливье некрасивъ, или глупъ, напротивъ, онъ очень хорошъ собою и любезенъ; но за нимъ наблюдалъ лядька, старый Бенуа, который не вынускалъ его изъ виду, такъ-что я произвелъ почти суматоху, когда, однажды, увелъ его въ Оперу. Вообразите, что онъ не могъ не краснѣя взглянуть ни на одну женщину.

— Стало-быть, онъ никогда не любилъ?

— Не могу поручиться, однако, потому-что въ этотъ самый день мы покутили въ трактирѣ и онъ за шампанскимъ объявилъ мнѣ за тайну, что влюбленъ.

— Въ кого же?

— Кажется, въ какую-то гризетку; но я держу пари, какое угодно, что онъ не смѣлъ объясниться съ нею и что бѣдная дѣвушка слышала отъ него одинъ вздохъ.

— Какой необыкновенный характеръ!

— Оливье, какъ и я, понималъ только любовь въ супружествѣ; и если онъ рѣшился сдѣлать объясненіе своей возлюбленной, то, вѣрно, сказалъ ей: «сударыня, я васъ люблю и прошу вашей руки».

— И вы думаете, что онъ женился бы на... гризеткѣ.

— Что вы! это невозможно, потому-что при первомъ извѣстіи о неровномъ бракѣ, президентъ послалъ бы своему сыну проклятіе. Впрочемъ, Оливье не смѣлъ и подумать объ этомъ.

— А я думаю, графъ, что молодыя дѣвушки глупо дѣлаютъ, вѣра льстивымъ обѣщаньямъ и не требуя болѣе прочнаго за пожертвованіе своей красоты и молодости. Вы берете насъ, какъ модную игрушку и потомъ бросаете, когда она вамъ надобѣтъ.

— Развѣ можно требовать, чтобъ бракъ всегда былъ заключаемъ по любви? Повѣрьте, что намъ бывають благодарны, когда мы беремъ назадъ свое сердце, и что продолжительная связь гораздо тяжелѣе для васъ, нежели для насъ.

— Я по крайней мѣрѣ не того мнѣнія; и хотя до сихъ поръ говорила на всѣ предложенія любви «нѣтъ», теперь перемѣню мой отвѣтъ и буду говорить: женитесь на мнѣ.

— Какъ? вы скажете это первому встрѣчному?

— Нѣтъ, я хочу, чтобъ мужъ мой мнѣ нравился.

— Вѣрно, вы выберете какого-нибудь маркиза.

— Можетъ-быть.

— Богача, который покроетъ васъ брильянтами.

— Богатство не лишнее.

— Молодаго, красиваго...

— Разумѣтся.

— Словомъ: феникса, которому подобнаго нѣтъ на свѣтѣ.

— Нѣтъ, я не такъ взыскательна. Я хочу, чтобъ мужъ мой былъ честный человекъ, который бы составилъ мое счастье и котораго я могла бы уважать.

— Я право не понимаю васъ.

— То есть, вы не хотите понять г. Верфонтенъ. Прежде я не хотѣла слышать о любви, теперь я согласна позволить любить меня только тому, кто будетъ моимъ мужемъ это мое послѣднее рѣшеніе.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ... те есть одно предположеніе...

— Что же это такое?

— Если я осмѣлюсь сдѣлать вамъ предложеніе, что вы мнѣ отвѣтите?

— Я соглашусь быть вашею женою.

— Но я говорю серьезно...

— Просите серьезно моей руки и я буду отвѣчать вамъ такъ же.

И Гекторъ, простился съ Генриеттой и пошелъ домой, размышляя о своемъ положеніи. Однако мысли его скоро должны были разсѣяться. Войдя въ свою квартиру, онъ услышалъ оглушительный шумъ голосовъ, звонъ сабель и шпоръ и понялъ, что безъ него друзья его распоряжаются по-своему.

— Вотъ онъ самъ! Вотъ онъ наконецъ! закричали всѣ при входѣ Гектора. Приготовилъ ли ты тысячу лундоровъ, Верфонтенъ? Кто выигралъ пари? Кто проигралъ?

Гекторъ не вдругъ понялъ, чего отъ него хотятъ крикуны, и только услышавъ слово пари, вспомнилъ, что онъ далъ слово разузнать все о Жуанѣ.

— Друзья мои, сказалъ онъ, когда волненіе немного пріутихло:—я не отказываюсь отъ пари, но требую вашего вниманія и терпѣнія.

— Онъ проигралъ, бѣдняжка! Онъ хочетъ выиграть время, говорили между собою молодые офицеры:—посмотримъ, чего ты отъ насъ требуешь, графъ?

— Я прошу отложить рѣшеніе пари до окончанія спектакля. Потомъ мы поужинаемъ вмѣстѣ. За десертомъ, послѣ тоста въ честь

прекрасной Жуаны, вы допросите меня и выигравшій пари платить за ужинъ. Согласны ли вы?

— Согласны, согласны! Только ты, кажется, хочешь выиграть хоть ужинъ.

— Вечеромъ увидимъ, чѣмъ все это кончится. Во всякомъ случаѣ, я не жалѣю тысячи луддоровъ. До свиданья, друзья.

Когда Гекторъ остался одинъ, онъ началъ раздумывать и спрашивать себя: въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ сильно любитъ Жуану?

— Нѣтъ, это одинъ капризъ. Что за глупость жениться на танцовщицѣ! Лучше заплатить тысячу луддоровъ и перенести насмѣшки товарищей.

Въ этотъ вечеръ Жуана была лучше обыкновеннаго и танцевала подъ дождемъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Всѣ были въ восторгѣ. Гекторъ, видя себя, побѣждалъ поздравить ее, но его не допустили въ уборную. Тогда онъ вынулъ свою записную книжку и написалъ два слова: «вашу руку». Онъ хотѣлъ уже послать этотъ листочекъ Жуанѣ, но подумалъ, что это будетъ непростительная глупость, и пошелъ къ своимъ друзьямъ, которые ждали его ужинать.

Ужинъ прошелъ, разумеется, весело, потому-что молодые люди пили, не считая бутылокъ. За десертомъ очистили большое блюдо и высыпали туда тысячу луддоровъ Гектора и тысячу его противниковъ, все самую новую золотую монетою. Это было ослѣпительное блюдо.

— Теперь послушайте, друзья мои, сказалъ графъ Лафрене:—пора подумать и о дѣлѣ, пока вы еще въ состояніи понимать. Гекторъ, кому принадлежатъ эти деньги?

— Мнѣ... если я хочу.

— Если хочешь — это что-то неясно. Объяснись, мы слушаемъ тебя.

— Я обѣщалъ вамъ открыть тайну Жуаны и узнать кто она, откуда явилась и кого любить...

— Это правда. Теперь отвѣчай, кто Жуана?

— Теперь она танцовка, какъ вы всѣ знаете; прежде она была швеей и называлась Генриеттой.

— Второй вопросъ: откуда она?

— Она прыгнула на сцену Оперы съ чердака улицы Сентъ-Жанъ-Латранъ, побывъ немного времени въ маленькомъ магазинѣ улицы Бакъ.

— Ты отвѣчаешь прекрасно, замѣтилъ поручикъ д'Ормель:—и я начинаю бояться за наши деньги .. Но послѣдній вопросъ довольно труденъ, а ты долженъ отвѣчать на него. Кого любитъ Жуана?

— Никого.

— Никого! Вотъ новости! Вотъ небылца! Признайся лучше, любезный, что ты проигралъ.

— Разумѣется, проигралъ, сказалъ Монлюссакъ, смѣясь. Что Жуана была гризетка—это вѣроятно; но чтобъ у ней не было обожателя—это сказка, да еще фантастическая. Но чтобъ выиграть наши деньги, бѣдный Гекторъ! надобно было отыскать ей обожателя, представить его ей, заставить ихъ полюбить другъ друга, или самому взять эту роль, а ты хочешь просто отговориться. Помилуй, да всякій полицейскій сержантъ могъ бы намъ сказать то же самое за два экю, а ты хочешь взять за свои свѣдѣнія двѣ тысячи лундоровъ, то есть сорокъ восемь тысячъ ливровъ. Бѣдный Верфонтенъ! Я жалю тебя.

Эти насмѣшки оживили всѣхъ повѣсь. Всѣ подняли стаканы и закричали:

— За здоровье графа Гектора Верфонтена и его тысячи лундоровъ!

— Если вы думаете, что я проигралъ, отвѣчалъ Гекторъ:—я и не спорю...

— Онъ признается—браво! Признавайся заодно, Гекторъ, что ты былъ пьянъ, когда держалъ такое огромное пари.

— Любопытнѣе же всего, говоритъ одинъ офицеръ:—что нашъ бѣдный другъ влюбленъ безъ памяти въ восхитительную Жуану.

— А еще смѣшнѣе то, замѣтилъ другой:— что онъ старается понапрасну.

— Было для чего Гектору прѣзжать изъ Германіи и за пустое слово проиграть полугодовые доходы!

— Къ чему послужили его храбрость и раны, когда онъ не могъ побѣдить прыгунью?

— Ты не смѣешь больше хвастать твоими побѣдами.

— Всякій въ отвѣтъ скажетъ тебѣ: Жуана.

Гекторъ побѣждалъ отъ досады и униженія.

— Позвольте, господа, сказалъ онъ, требуя молчанія:—вы очень рано обрадовались:—я выигралъ пари и докажу вамъ это. Завтра я увезу Жуану.

— Завтра!

— Увозишь Жуану!

— О! о! о!

Всѣ были поражены этою неожиданностью.

— Браво Гекторъ, закричалъ Лафрене.—Ты хорошо отыгрываешься. Что же это за тайна? Зачѣмъ ты сейчасъ признавался, что проигралъ пари?

— Вы вывели меня изъ терѣнія.

— Онъ увезетъ Жуану! говорили съ удивленіемъ повѣсы.— Вотъ новость!

— Да какъ ты дошелъ до этого, любезный? спросилъ Моньяссакъ.

— Это мнѣ ничего не стоило, я только сейчасъ вдумалъ похитить ее.

— Надобы, однако, знать, согласится ли Жуана слѣдовать за тобою.

— Вѣроятно не согласится, потому-что она даже не предувѣдомлена.

Послѣ минутнаго удивленія, всѣ молодые люди захохотали.

— Ты хотѣлъ испугать насъ.

— Полно отговариваться, любезный. Ужь рѣшено, что ты проигралъ.

— Нѣтъ, я выигралъ, закричалъ Гекторъ:— потому-что завтра же урезу Жуану.

— А если она не захочетъ?..

— Тогда...

— Тогда ты проигрываешь вдвое—согласенъ?

— Я женюсь на ней.

— Онъ опять смѣется надъ нами!

— А мы такъ глупы, что слушаемъ его сказки.

— За здоровье будущей графини Верфонтеи, сказалъ Гекторъ, подымая бокаль.— Клянусь честью, я говорю правду.

— То есть ты хочешь выиграть пари во что бы ни стало. Ты готовъ на непростительную глупость—на женитбу съ танцовкой только для того, чтобъ не признаться, что проигралъ.

— Бѣдный Гекторъ, если ты и выиграешь за эту цѣну, то я не завидую тебѣ.

— Ты женишься на танцовкѣ и жена твоя хороша—это мы всѣ знаемъ; но знаешь ли ты, что она принесетъ тебѣ въ приданое?

— Паруцаты.

— Розовое трюко.

— Бумажныя крылья.

— Завянувшіе вѣнки.

— Нѣтъ, господа, перебилъ Гекторъ:— у Жуаны есть приданое въ сорокъ восемь тысячъ ливровъ.

— Сорокъ восемь тысячъ ливровъ у гризетки, которая только шесть мѣсяцевъ на сценѣ! Кажется, это воображаемое приданое никогда не попадетъ въ твои руки.

— Приданое это такъ вѣрно, отвѣчалъ Гекторъ, что я беру его тотчасъ же и кладу въ карманъ.

И онъ подвинулъ къ себѣ блюдо съ лундорами и началъ пересыпать ихъ въ карманы своего лакея.

— Однако надобно бы узнать, согласится ли Жуана сдѣлаться графиней, замѣтилъ кто-то?

— Не сомнѣвайтесь въ этомъ, друзья мои. Я приглашаю васъ всѣхъ подписать свадебный контрактъ.

— Поздравляемъ, поздравляемъ любезный, и общаемъ еще болѣе аплодировать графинѣ Верфонтевъ въ костюмѣ Данаи. Этотъ титулъ еще болѣе возвыситъ ея славу.

— Вы ошиблись въ вашихъ расчетахъ, господа, сказалъ Гекторъ. — Сегодня вечеромъ вы въ послѣдній разъ увидите Жуану на сценѣ.

— Она оставитъ оперу?

— Разумѣется... Я не оставлю ее на театрѣ.

XI.

Гекторъ спалъ дурно эту ночь. Увлеченный самолюбіемъ и разгоряченный виномъ и насмѣшками, онъ сдѣлалъ совершенно противное тому, что долженъ былъ сдѣлать; и теперь, когда остался одинъ и вспомнилъ всѣ колкости и замѣчанія друзей, выигранное пари показалось ему очень тяжело и онъ съ радостью готовъ былъ отъ него отказаться.

И чѣмъ еще все это кончится? Надобно какъ можно скорѣе увидѣться съ Генриеттою и рѣшить это дѣло, которое его такъ мучило. Не было еще десяти часовъ, когда Гекторъ постучался въ дверь танцорки въ улицѣ Буле.

Никто не отвѣчалъ.

«Не пошла ли она въ улицу Сень-Жанъ-Латранъ», подумалъ молодой человѣкъ и хотѣлъ уже сбѣжать съ лѣстницы, какъ услышалъ шумъ за дверью.

— Отворите ради Бога, сказалъ онъ, это я, графъ Верфонтевъ.

— Что вамъ угодно графъ, такъ рано? спросила Генриетта за дверью.

— Мнѣ необходимо видѣть васъ сію минуту. Не отказывайте мнѣ. Если вы не одѣты, я подожду.

Но Генриетта, по старой привычкѣ, вставала рано, и потому комната ея была давно убрана; сама она была одѣта въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ кружевною сѣткою на головѣ, и читала, сидя у каминна, когда Гекторъ постучался. Голосъ молодого человѣка выражалъ столько чувства и волненія, что она рѣшилась отворить.

— Войдите графъ, сказала она:—и объясните причину вашего ранняго визита.

Гекторъ никогда не былъ въ ея комнаткѣ улицы Буле, и потому осмотрѣлся съ удивленіемъ и подозрѣніемъ.

Генриетта улыбнулась и сказала:

— Здѣсь никого нѣтъ, графъ, увѣрю васъ и вы можете открывать мнѣ самыя важныя тайны не опасаясь, что кто-нибудь можетъ васъ услышать.

И она сѣла, показавъ своему гостю другой стулъ.

— Генриетта, началъ Гекторъ:—мой визитъ удивилъ васъ, мои слова могутъ васъ обидѣть, но я все-таки прошу васъ выслушать меня до конца.

— Я васъ слушаю, графъ.

— Согласитесь ли вы оставить на время сцену?

— Я вамъ сказала, что готова оставить театръ навсегда безъ всякаго сожалѣнія.

— Вы знаете, что я давно люблю васъ...

— Извините г. Верфонтенъ, я позволила вамъ видѣться со мною только съ условіемъ, что вы не будете мнѣ говорить о любви—не бывайте же этого, или...

— Выслушайте меня. Я васъ люблю, я богатъ и хочу увезти васъ.

— Что вы говорите! закричала Генриетта, блѣднѣя и отодвигаясь отъ него.

— Да, продолжалъ Гекторъ съ рѣшимостью:—вы молоды, прекрасны и должны жить въ роскоши и удовольствіяхъ. Я кладу къ вашимъ ногамъ все мое состояніе.

И онъ положилъ на каминъ мѣшокъ съ золотомъ и бумажникъ.

— Графъ, сказала Генриетта съ достоинствомъ:—я не думала, что вы такъ скоро заставите меня раскаяться въ томъ, что для васъ я отступила отъ моихъ правилъ. Вы одни изъ всѣхъ молодыхъ людей бывали у меня и знаете кто я. Я не должна была бы дѣлать исключеній, но вы застали меня въ такую минуту, когда я страдала, когда одиночество дѣлалось для меня тяжелымъ и я думала, что найду въ васъ честь и дружбу. Я ошиблась, графъ. Я не нуждаюсь въ богатствѣ, потому что прежде васъ отвергла уже много блистательныхъ предложеній. Ваши слова и намѣренія оскорбили меня и я надѣюсь, что вы избавите меня впредь отъ такихъ низкихъ предложеній.

— Не выгоняйте меня, Генриетта. Я виноватъ, что смѣлъ судить о васъ какъ о другихъ женщинахъ; но любовь развѣ преступленіе? Те-

перь я чувствую, что люблю васъ больше прежняго и не могу забыть васъ.

— Послушайте меня, графъ, и привыкла выслушивать хладнокровно всевозможныя изъясненія въ любви, и потому обѣщаю забыть вашу обиду. Предупреждаю васъ только, что всѣ ваши клятвы и жертвы не могутъ увѣрить меня, что вы любите истинно. Вы хорошо описываете вашу страсть, но дурно чувствуете.

— Генриетта, вы меня пугаете; ваши слова доказываютъ горькую опытность или жестокость. Въ ваши лѣта невозможно, чтобъ вы много перечувствовали и еще больше страдали отъ любви.

— Вы напрасно находите вездѣ тайны, какихъ нѣтъ. Я только говорю, что выучилась понимать мужчинъ и не вѣрю имъ.

Гекторъ задумался на минуту и потомъ сказалъ:

— Я прошу руки вашей.

— Вы, графъ?

— Да, Генриетта, будьте моею женою.

— Вы смѣетесь!

— Нисколько.

— Въ такомъ случаѣ... я вамъ отказываю.

— Отказываете!.. Но не дальше, какъ вчера вы сами сказали...

— Это было вчера. Послушайте же, графъ, что я вамъ скажу сегодня. Вы хотите жениться на мнѣ, потому-что я иначе не хочу слышать о любви. Вы хотите похитить меня потому, что держали пари въ тысячу лувдоровъ, чтобъ побѣдить танцовку, которая устояла противъ самыхъ выгодныхъ предложеній — вы видите, я все знаю... и послѣ этого вы говорите, что любите меня! Вы думаете, что меня прельститъ ваше богатство, вашъ титулъ? Но вы сами, въ минуту горячности, упрекнете меня, что я согласилась исполнить ваше желаніе. Нѣтъ, я не хочу быть графиней за такую дорогую цѣну; я лучше останусь танцовкой, и вмѣсто того, чтобъ быть обязанной вамъ и унижаться передъ вами, буду имѣть удовольствіе видѣть васъ у моихъ ногъ вмѣстѣ съ вашими друзьями. Еще разъ повторяю вамъ, что я не продаю себя ни за деньги, ни за имя. Теперь прощайте, графъ. Я сказала все. Надѣюсь, и вы тоже.

Гекторъ машинально вышелъ, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось, что онъ чувствовалъ.

Онъ любилъ Генриетту страстно и искренно. Съ друзьями за ужиномъ онъ казался повѣсою, но въ ея комнаткѣ—это былъ другой человекъ. Его вѣтреность, легкомысліе исчезали передъ однимъ свѣтлымъ взглядомъ прекрасной дѣвушки.

Через четверть часа онъ опять взшелъ на лѣстницу и открылъ дверь Генриетты.

— Вы, вѣрно, пришли за вашими деньгами? сказала она холодно.

— Я даже забылъ о нихъ.

— Зачѣмъ же вы вернулись?

— Чтобъ опять умолять васъ. Послушайте: у меня нѣтъ родныхъ и никто не имѣетъ права осуждать мои поступки. Всѣ мои желанія исполнялись потому, что я молодъ, богатъ и смѣлъ; но эта жизнь приключеній мнѣ надоѣла. Я хочу быть счастливымъ. Я васъ люблю, Генриетта. Вчера, даже сегодня утромъ вы могли не вѣрить мнѣ, въ эту же минуту я говорю то, что чувствую, и отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть счастье моей жизни. Хотите ли бы быть моею женою?

Генриеттѣ пришла въ голову свѣтлая мысль.

— Я тоже въ это время передумала о многомъ, г. Верфонтеъ. Я рѣшительно оставляю театръ, который мнѣ не нравится, и ѣду въ провинцію къ старушкѣ, которая меня воспитала, потому—что и у меня тоже нѣтъ родныхъ. Тамъ я буду работать и забуду о Парижѣ, какъ онъ меня забудетъ. Васъ же, графъ, я прошу проводить меня, это недалеко...

— И потомъ вы согласитесь быть моею женою?

— Соглашаюсь, потому—что теперь вѣрю вамъ. Вы не были обязаны связывать вашу блестящую судьбу съ моею.

— Вы одни можете составить мое счастье, Генриетта.

— Въ такомъ случаѣ, располагайте мною, графъ. Мы поѣдемъ, когда вамъ будетъ угодно, и я буду вашею женою, когда прикажете.

— Мы поѣдемъ сегодня вечеромъ, и вы уже будете моею женою.

Генриетта подала Гектору руку, онъ поцѣловалъ ее и ушелъ, довольный и счастливый.

Она осталась одна въ сильномъ волненіи. Она думала объ Оливье, котораго любила такъ сильно. Когда же узнала, что невозможно встрѣтиться съ нимъ въ Парижѣ, она хотѣла ѣхать въ Анжу, чтобъ еще разъ увидѣться съ нимъ; она была увѣрена, что и онъ не забылъ ее и что, при первой встрѣчѣ, упадетъ въ ея объятія... Но зачѣмъ возобновлять связь, которую разорвали съ такимъ трудомъ? Зачѣмъ ссорить отца съ сыномъ? Нѣтъ, надобно отказаться отъ всѣхъ сладкихъ надеждъ, надобно поставить вѣчную преграду между нею и Оливье, чтобъ не возмущать его семейнаго спокойствія и будущности, словомъ: надобно, чтобъ у ней былъ защитникъ и мужъ.

При томъ же, Гекторъ Верфонтеъ такъ добръ, нѣженъ и благороденъ. Онъ стоитъ любви ея; и хотя это будетъ не та любовь, какую

она чувствовала къ Оливье, но все-таки она можетъ составить счастье мужа и предохранить ее отъ искушенія.

Если же она встрѣтится съ Оливье, если прочтѣтъ въ его глазахъ ту же любовь — тогда она съумѣетъ скрыть свои чувства и не забудетъ, что обязана уважать имя, которое Гекторъ далъ ей такъ необдуманно.

И въ то время, какъ эти мысли проходили въ ея головѣ, крупныя слезы лились по ея щекамъ, грудь подымалась отъ рыданій, потому-что она прощалась навсегда со своими надеждами и начинала новую жизнь.

Когда Гекторъ вошелъ къ ней, то посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ:

— Вы плачете, Генриетта, когда я такъ счастливъ.

— Простите меня, Гекторъ, отвѣчала она. Но я прощаюсь съ моею одинокой бѣдной жизнью, и хотя буду теперь богата, уважаема и любима, но не могу безъ слезъ разстаться съ моею комнаткой, которую никогда больше не увижу.

ХІІ.

Прошли еще двѣ недѣли въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ, потому-что, несмотря на нетерпѣніе Гектора, надобно было исполнить всѣ формальности. Вѣнчанье происходило тихо, въ монастырской капеллѣ, только съ необходимыми свидѣтелями. Гекторъ выхлопоталъ себѣ продолженіе отпуска и увезъ жену въ Анжу, чтобъ показать ей великолѣпное владѣніе Верфонтевоу.

Генриетта любила мужа изъ благодарности и по долгу. Гекторъ обожалъ жену и не оставлялъ ее ни на минуту.

Но счастье непродолжительно на землѣ. Черезъ мѣсяцъ вся провинція узнала, что графъ женился на танцоркѣ, и всѣ окружныя молодые люди собрались навѣстить своего прежняго пріятеля и посмотрѣть на хорошенькую графиню. Разумѣется, что старики и пожилыя дамы вслухъ осуждали поведеніе графа, удивляясь, что начальство Гектора позволило такой непримичный бракъ.

Сначала Гектору не понравились эти визиты, но скоро прежнія привычки взяли верхъ. Притомъ же всѣ восхищались его женою, осы-

цали ее комплиментами—и самолюбіе его торжествовало. Къ этому присоединилась еще зимняя скука и друзья сдѣлались Гектору необходимы.

Генриетта съ своимъ тихимъ и робкимъ характеромъ не могла полюбить эту шумную жизнь замка Верфонтенъ; но послѣ нѣсколькихъ замѣчаній мужу, она увидѣла, что онъ не можетъ обойтись безъ друзей, и потому перестала его уговаривать, а старалась сама принудить себя къ этимъ развлечениямъ. Всякій день были новые гости и безпрестанные праздники; и если случалось, что проходилъ день безъ визитовъ, то Гекторъ, хоть и былъ влюбленъ въ жену, но начиналъ скучать.

Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ дней Гекторъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ въ окно, не занимаясь женою. Ему предстояло обѣдать съ ней одному, чего давно не случалось, и онъ ждалъ, что придетъ кто-нибудь изъ пріятелей распить бутылку вина и поговорить о новостяхъ.

Но время проходило и дорога къ замку оставалась пустою.

— Что это сегодня никто не ѣдетъ? сказалъ онъ наконецъ.

— Неужели, мой другъ, тебѣ такъ необходимъ шумъ и друзья, что ты не можешь одного дня обойтись безъ нихъ? Кажется, ты общалъ мнѣ бросить прежнюю жизнь и жить покойно и уединенно, сказала молодая женщина.

— Начинаются жалобы, Генриетта...

— Нѣтъ, мой другъ, но я надѣялась...

— Послушай, Генриетта, ты знаешь, что я люблю тебя все такъ же сильно и что я счастливъ, когда всѣ тебя хвалятъ и восхищаются тобою.

— Если ты любишь меня, Гекторъ, то я ничего больше не желаю. Ты самъ обманывался, когда думалъ, что можешь жить счастливо въ уединеніи. Трудно пересоздать себя. Ты любишь общество, и я постараюсь полюбить его; только прошу тебя, когда мы переѣдемъ въ Парижъ, позволь мнѣ чаще оставаться дома, чтобъ ждать тебя послѣ шировъ и праздниковъ.

— Ты добра, Генриетта такъ же, какъ хороша, и я люблю тебя каждый день больше.

Въ эту минуту послышался звонъ колокольчика.

— Это звонятъ у калитки парва, сказалъ Гекторъ. — Кто бы могъ это быть?

— Мой другъ, ступай встречать гостей.

Гекторъ побѣжалъ въ паркъ и упалъ въ объятія лучшаго своего друга—Оливье Прелакомба.

— Оливье! другъ мой, тебя ли я вижу!..

— Да, твой Оливье будетъ съ тобой браниться. Какой ты другъ... женился тихонько, пріѣхалъ домой и не увѣдомилъ никого. Мы ужъ чужіе сказали, что ты здѣсь, и я тайно утѣкалъ изъ Анжера, повидаться съ тобою.

— Зачѣмъ же тайно?

— Да про твою женитьбу рассказываютъ такія страшныя вещи, что батюшка вѣрно бы не пустилъ меня.

— Я узнаю г. президента. Пойдемъ же, я представлю тебя графинѣ и ты увидишь, извинителенъ ли мой поступокъ.

— Я слышалъ, что жена твоя красавица и поздравляю тебя отъ души.

Друзья подошли къ крыльцу; въ эту же самую минуту пріѣхали еще двое гостей и сошлись въ дверяхъ. Генриетта тоже сошла, чтобъ встрѣтить гостей, но увидѣвъ Оливье, поблѣднѣла и упала бы, еслибы мужъ не подержалъ ее.

— Что съ тобою? что это значитъ? спрашивалъ графъ съ беспокойствомъ.

— Ничего, мой другъ... отвѣчала она тихо:—я оступилась... я очень скоро сбѣжала съ лѣстницы.

— Ты тоже Оливье страшно блѣдень! не боленъ ли ты?

— Нѣтъ... меня испугалъ обморокъ графини... я думалъ, что она сильно ушиблась.

— Ты не ушиблась, Генриетта?

— Нѣтъ, мой другъ, я только испугалась и ты вб-ремя подержалъ меня. Сведи меня въ мою комнату... Извините, господа, что я оставляю васъ, сказала она гостямъ.

— Мы въ отчаяніи, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей:—что вамъ испугъ, графиня, лишаетъ насъ удовольствія вашего присутствія, но мы надѣемся, что вы скоро поправитесь.

Гекторъ увелъ жену, уложилъ ее на постель, позвалъ горничныхъ и самъ побѣжалъ къ друзьямъ

Тѣ ждали его у парка.

— Что ушибъ графини? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Черезъ часъ она будетъ совершенно здорова. Благодурию, друзья

мон, я еще не успѣлъ и поглядѣть на васъ. Здравствуй Лагранжъ, Люизанъ! какъ я радъ, что вы меня не забыли!

— Какъ чудно хороша твоя жена! сказалъ Люизанъ. — Я согласился бы самъ переломить себѣ ногу, только бы имѣть право поддержать ее, когда ей сдѣлалось дурно. Счастливецъ Гекторъ!

— Да, прибавилъ Лагранжъ:—это самая хорошенькая графиня, какую я знаю. Еслибы судьба послала мнѣ такую же хорошенькую женщину; еслибы даже она была цыганкой, я и тогда бы сдѣлалъ ее баронессою Лагранжъ. Да нѣтъ ли въ твоёмъ паркѣ дичи, Гекторъ, прибавилъ онъ:—не худо бы заняться охотой, прежде чѣмъ ты представишь насъ графинѣ.

— Здѣсь пропасть зайцевъ, отвѣчалъ хозяинъ. Мой отецъ былъ старъ, чтобъ охотиться, а я не былъ здѣсь ужъ нѣсколько лѣтъ.

— И прекрасно!.. Мы настрѣляемъ дичи къ ужину. Вели подать намъ ружья.

Гекторъ исполнилъ желаніе ихъ, а самъ взялъ Оливье подъ руку и повелъ въ другую сторону парка.

— Поговоримъ, Оливье, сказалъ онъ:—мы такъ давно съ тобой не видались. Хочешь, я расскажу тебѣ мою женитьбу?

— Со всеми подробностями, прошу тебя.

И Гекторъ началъ. Когда онъ дошелъ до эпизода улицы Сень-Жанъ Латранъ, Оливье немного отсталъ отъ него, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Можетъ быть, ты видѣлъ ее тогда, сказалъ Гекторъ. Генриетта жила противъ твоихъ окошекъ.

— Не знаю... не замѣтилъ...

— Ты тоже былъ тогда влюбленъ въ гризетку.

— Да... кажется...

— Ручаюсь, что она не была лучше Генриетты. Знаешь что, воспоминаніе о тебѣ познакомило меня съ этой чудной дѣвушкой, которая мечти выгнала меня, когда я началъ говорить ей о любви.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, что это была самая необыкновенная танцовка, неприступная и добродѣтельная. Маркизь Ланже и герцогъ *** потеряли чрезъ нея свою репутацію; всѣ придворные сходили съ ума, весь Парижъ былъ въ удивленіи.

— Для чего жь она пошла на сцену?

— Вотъ этого-то никто не могъ отгадать.

— Можетъ-быть, для того, чтобъ сдѣлаться графиней.

— Нисколько, мой другъ. Ты не повѣришь мнѣ, но она сначала отказала мнѣ и только моя истинная любовь и отчаяніе тронули ея неприступное сердце.

Гекторъ и Оливье, разговаривая, повернули опять къ дому и сошлись съ охотниками, настрѣлавшими множество дичи.

— Гдѣ жь ваши трофеи? спросалъ Люизанъ.

— Я зналъ, что вы набьете и на нашу долю, отвѣчалъ Гекторъ. — Пойдемте теперь узнать о здоровьи графини. Поправьте только вашу туалетъ.

Генриетта сидѣла на диванѣ, когда вошелъ къ ней мужъ съ гостями.

— Какъ ты чувствуешь себя, мой другъ? спросалъ Гекторъ.

— Мнѣ теперь гораздо лучше, благодарю.

— Позволь представить тебѣ моихъ друзей: г. Люизана, барона Лагранжа и шеваля Прелакомба. Надѣюсь, что ты придеши къ столу, посмотрѣть сколько мы настрѣляли дичи.

— Ваши друзья, графъ, всегда будутъ и моими, отвѣчала Генриетта. Только извините, если я сегодня не выйду къ вамъ: мнѣ еще надобно отдохнуть, а завтра я буду раздѣлять всѣ ваши удовольствія.

Безъ хозяйки ужинъ былъ до того веселъ, что сосѣди Гектора начали вдругъ рассказывать всѣ вмѣстѣ разныя исторіи, а хозяйинъ слушалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто понималъ, что они говорили. Одинъ Оливье не могъ пить, потому-что его занимала одна ужасная мысль. Когда онъ увидѣлъ, что никто изъ собесѣдниковъ не можетъ уже встать съ мѣста, онъ тихо вышелъ изъ комнаты и отыскалъ графиню.

Она сидѣла у камина, поддерживая рукою свою блѣдную головку, и когда увидѣла передъ собою Оливье, кровь бросилась ей въ голову, она покраснѣла отъ волненія, а черезъ минуту поблѣднѣла какъ мертвая.

— Не бойтесь ничего, графиня, сказалъ молодой человѣкъ:—мы один и я пришелъ васъ успокоить. Гекторъ рассказалъ мнѣ все и спросилъ, знаю ли я васъ, потому-что жилъ съ вами въ одной улицѣ. Я отвѣчалъ, что не видалъ васъ никогда.

— Оливье... проговорила неволью Генриетта, протягивая ему руку.

— Генриетта!... отвѣчалъ онъ, покрывая ея руку слезами.

Послѣ вечера, когда они видѣлись въ первый разъ и признали

въ любви, прошло два года и не проходило дня, чтобъ не вспомнилъ Оливье о Генриеттѣ.

XIII.

Долго они молчали, потому—что не находили словъ высказать, что происходило въ нихъ сердцахъ. Прошло два года съ послѣдняго свиданія, и имъ такъ много надобно было пересказать другъ другу!

— Такъ ли мы должны были встрѣтиться, сказать наженонку Оливье.

— Да, лучше бы намъ совсѣмъ не встрѣчаться, отвѣчала со вздохомъ Генриетта.

— Развѣ вы несчастны, графиня?

— Развѣ вы все забыли, Оливье?

— О нѣтъ, я не могъ забыть нашей прежней любви.

— Прежней... проговорила неволью Генриетта и рассказала въ своей неосторожности, потому—что Оливье всталъ передъ ней на коленяхъ и сказалъ съ волненіемъ:

— Одно слово, Генриетта: мы увидѣлись на минуту и разстались опять надолго, можетъ быть, навсегда. Будьте откровенны, скажите... Вы любите меня?...

— Зачѣмъ скрываться, Оливье? Если намъ суждено не видѣться болѣе, зачѣмъ терять этотъ часъ? Да, Оливье, я принадлежу другому—и должна позабыть о тебѣ.

— Я уѣхалъ изъ Парижа въ самый день разставанья: я хотѣлъ нести тебя, но меня такъ напугали, что тебя сдѣлають несчастною, что я лучше рѣшился потерять надежду...

— Помнишь нашу комнатку въ улицѣ Сентъ-Жанъ Дотранъ?

— Да; изъ которой насъ выгнали. Мы оставили въ нашей комнаткѣ нашу молодость и любовь. О, Генриетта! зачѣмъ ты замужешь!

— Не забывай этого, мой другъ.

— Боже! я встрѣтилъ дѣвушку прекрасную и невинную, я полюбилъ ее и былъ счастливъ—и отдалъ ее другому!

— Но что было бы, Оливье, еслибъ ты не послушался? Мы были бы счастливы еще нѣсколько дней, можетъ-быть, годъ, а потомъ все—таки должны были разстаться.

— Тогда мы умарди бы видѣть.

— Прекрасная, но невозможная мечта.

— Не ты любишь меня, а это развѣ не счастье? Забудь все и смотри на меня, какъ на прежняго друга.

— Но я не могу быть, какъ прежде, швею. Зачѣмъ ты не пріѣхалъ въ Парижъ, когда я была тонцоркой?

— Мнѣ больно было бы видѣть тебя на сценѣ.

— Какой ты ребенокъ! Вообрази, что ты, ничего не зная, сидишь въ партерѣ. Вдругъ является любимая танцорка. Публика встрѣчаетъ ее аплодисментами и криками, но танцорка увидѣла тебя, она забыла все на свѣтѣ и ждетъ только окончанія спектакля...

— Я бы узналъ тебя, Генриетта, по біенію моего сердца.

— Слушай же дальше. Ты бы отыскалъ мою уборную, ты увидѣлъ бы меня, въ моемъ блестящемъ костюмѣ, прекрасную и взволнованную, и я бы съ восторгомъ упала къ тебѣ на грудь. Вотъ романъ, который я составила, когда пошла на сцену... но ты не пріѣхалъ въ Парижъ... Прощай же, Оливье.. Скоро ночь. Не забывай, что между нами вѣчная преграда.

— До свиданія, сказалъ грустно Оливье.

И онъ подошелъ къ молодой женщинѣ, поцѣловалъ у ней почтительно руку и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ безумный.

Всѣ спали въ заикѣ. Генриетта промечтала всю ночь. Ея любовь, прежде свободная, теперь сдѣлалась преступною. Она не должна обнаруживать ее, чтобъ не погубить себя и мужа, чтобъ не подвергнуть себя нареканіямъ людей, которые и то судятъ ее строго.

Оливье провелъ ночь тоже неочень покойно. Честный и благородный, онъ предвидѣлъ, что любовь его сдѣлается измѣною передъ другомъ дѣтства и не хотѣлъ нарушить его счастья.

Когда начало разсвѣтать, онъ написалъ Гектору письмо, въ которомъ извинялся, что непредвидѣнные обстоятельства заставляютъ его уѣхать, не простясь съ нимъ, но что онъ скоро навѣститъ его опять.

Сложивъ письмо, онъ оставилъ его на столѣ, а самъ пошелъ въ конюшню, отыскалъ свою лошадь и выѣхалъ на дорогу, незамѣченный ни кѣмъ, кромѣ конюха, который осѣдлалъ ему лошадь и отворилъ ворота.

Во всю дорогу въ сердцѣ молодаго человѣка происходила страшная борьба. Онъ то радовался своей побѣдѣ надъ чувствами, то раскаявался, что самъ отказался отъ своего счастья. Наконецъ онъ рѣшился не оставаться въ Анжерѣ и уѣхать какъ можно дальше отъ Генриетты.

Онъ былъ дома въ десять часовъ пошелъ прямо къ отцу, въ библіотеку, гдѣ тотъ обыкновенно занимался. Президентъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дорожный костюмъ сына.

— Ты, кажется, съ прогулки, Оливье? сказалъ онъ. Что съ тобой случилось, что ты пришелъ ко мнѣ въ необыкновенное время?

— Мнѣ надобно сказать вамъ. . . что я долженъ сейчасъ ѣхать въ Парижъ.

— Для чего это путешествіе?

— Я вамъ расскажу все, батюшка... Вы слышали, что графъ Верфонтенъ женился.

— И я совѣтовалъ тебѣ не ѣздить къ нему.

— Я былъ у него вчера.

— Прекрасно. Такъ—то нынче дѣти уважаютъ совѣты отца?..

— И знаете ли, кто графиня Верфонтенъ? Женщина, которую я любилъ страстно.

— Вы любилъ танцовку?

— Нѣтъ, тогда она была швейей и насъ разлучила г-жа Дюбелье. Вамъ ничего объ этомъ не сказали, батюшка, но это было причиною, что меня прежде времени заставили уѣхать изъ Парижа. Вчера я узналъ Генриетту въ графиню и хочу уѣхать подалеже отъ нея.

— Оставайся со мною и забудь эту женщину.

— Невозможно, батюшка: я люблю ее и она любитъ меня.

— Ты ошибаешься. Время излечиваетъ всѣ страсти, а ты ужъ давно не былъ въ Парижѣ и, вѣрно, забыть.

— Нѣтъ, батюшка, мы увидѣлись, говорили и узнали, что чувства наши не перемѣнились. Я такъ боялся за себя, что уѣзжалъ изъ замка, какъ преступникъ. Но моя рѣшимость и твердость могутъ не устоять противъ любви. Я могу опять вернуться въ Верфонтенъ и погубить Генриетту, себя и друга моего, Гектора.

— Богъ сохранить тебя отъ такого несчастія, сынъ мой! Благодарю тебя, что ты довѣрился мнѣ. Поѣзжай въ Парижъ, если это необходимо; только постарайся вылечиться отъ этой страсти и не забывай, что ты одинъ у твоего стараго отца.

Растроганный президентъ обнялъ своего сына, далъ ему свертокъ съ деньгами, благославилъ его и сказалъ:

— Прощай, Оливье. Надѣюсь, что не надолго.

— Постараюсь, батюшка.

Оливье побѣжалъ въ свою комнату, наскоро собралъ чемоданъ

пошелъ привязать его на свою лошадь, но на дворѣ встрѣтился съ своимъ старымъ слугою Бенуа.

— Вы ѣдете въ Парижъ, шевадьё? спросилъ онъ.

— Да, ты видишь, что я тороплюсь.

— И вы не берете меня съ вами?

— Нѣтъ. Въ твои лѣта вредно путешествовать.

Черезъ полчаса Оливье ѣхалъ по дорогѣ въ Парижъ, а въ замкѣ Верфонтенъ сошлись всѣ къ завтраку.

— Гдѣ же жена? спросилъ Гекторъ.

— Графиня не спала всю ночь, отвѣчала горничная: у ней была лихорадка.

— Лихорадка отъ испуга! что за странность! Я не думалъ, что Генриетта такъ слабовервна. А гдѣ шевадьё Прелакомбъ?

— Онъ уѣхалъ и оставилъ вамъ письмо, сказалъ лакей.

— Вотъ еще одинъ дезертёръ! Онъ бѣжитъ, какъ-будто и онъ захворалъ, какъ моя жена. Но дѣлать нечего, друзья мои, мы будемъ завтракать втроемъ, а выпьемъ за четверыхъ. Погодите меня, Лагранжъ и Люизанъ, я только найду къ графинѣ и тотчасъ же вернусь выпить за ея здоровье.

XIV.

Черезъ пять дней Оливье пріѣхалъ въ Парижъ и, увлеченный воспоминаніями, побѣжалъ въ улицу Сенъ-Жанъ Латранъ; съ радостью узналъ, что квартира, которую онъ занималъ, два года тому назадъ, пуста и нанялъ ее.

Разумѣется, мудро было забыть ему свою любовь, когда все напоминало о ней, да и хотѣлъ ли Оливье забыть? Нѣтъ. Влюбленные любятъ свои страданія и стараются оживлять ихъ и увеличивать. Вотъ почему и Оливье проводилъ цѣлые дни у окошка, глядя на противоположную сторону, или ходилъ по улицамъ безъ цѣли. Желая разсѣяться, онъ принялся за книги, но буквы плясали въ его глазахъ какой-то дикій танецъ и составляли все одно имя—Генриетта.

Бѣдный молодой человекъ! Эта жизнь безъ надеждъ и ожиданій убивала его. Онъ въ три недѣли постарѣлъ нѣсколькими годами; свѣжесть и живость исчезли и прозрачная блѣдность лица еще болѣе выказывала блескъ его черныхъ глазъ.

Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его прибытія въ Парижъ,

въ одно свѣтлое апрѣльское утро солнце такъ весело заглянуло въ его комнату, что Оливье всталъ съ какою-то тихою радостью въ сердцѣ. Онъ видѣлъ во снѣ Генриетту швею и, желая продолжить свой сонъ, закрылъ опять глаза и сказалъ:

«Теперь она отворить окошко и запоетъ пѣсню про ласточку».

И вдругъ посреди тишины раздался свѣжій прекрасный голосъ, который зашѣлъ знакомую пѣсню.

При первыхъ звукахъ Оливье хотѣлъ вскочить и подбѣжать къ окошку; но, зная, что окно Генриетты пусто и боясь потерять свой сонъ, лежалъ безъ движенія и продолжалъ слушать.

Голосъ продолжалъ пѣть, что любовь похожа на ласточку и улетѣтъ послѣ весны.

«О мой сонъ, мой прекрасный сонъ! шепталъ Оливье: продолжайся еще долго, долго... вѣчно».

Пѣсня умолкла.

Оливье, какъ безумный, бросился къ окошну, отворилъ его съ шумомъ и вскрикнувъ, увидѣвъ женщину въ комнатѣ Генриетты. Она тоже обернулась, услыша шумъ и, поблѣднѣвъ, упала на стулъ.

Это была Генриетта.

Оливье все думалъ, что продолжается его сонъ.

— Не сошелъ-ли я съ ума, подумалъ онъ.—Еще этого не доставало!.. Нѣтъ, лучше умереть или удостовѣриться въ истинѣ.

И такъ-какъ у сосѣдки закрылось окошко, онъ сошелъ внизъ и спросилъ у первой попавшейся женщины въ противоположномъ домѣ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, кто живетъ въ маленькой комнаткѣ, въ четвертомъ этажѣ?

— Самая покойная жилища изъ всего дома; она платитъ за квартиру и не живетъ въ ней. Вотъ три мѣсяца какъ она пришла въ первый разъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Мамзель Генриетта; она была швеей.

— У ней. . теперь никого нѣтъ.

— Нѣтъ; она всегда одна, бѣдненькая!

Оливье былъ такъ увѣренъ, что Генриетта въ замкѣ Верфонтевъ, что даже отвѣты женщины почиталъ игрою своего разстроеннаго воображенія, и чтобъ вполне убѣдиться въ своемъ сумасшествіи, вошелъ на лѣстницу, отворилъ знакомую дверь и остановился на порогѣ.

Въ углу комнаты сидѣла молодая женщина почти безъ чувствъ и едва могла поднять глаза на вошедшаго Оливье.

Онъ, не говоря ни слова, сѣлъ возлѣ нея, все еще боясь, что призракъ разсѣется и онъ останется одинъ.

Генриетта взяла его за руку. Онъ вздрогнулъ.

— Такъ это ты, мой другъ, ты сама... стало-быть, я еще не сумасшедшій...

— Вы меня пугаете, Оливье. Что съ вами?

— Замокъ Верфонтенъ далеко отсюда.

— Когда ты уѣхалъ отъ насъ и мужъ принесъ мнѣ твое письмо, я въ душѣ благодарила тебя, что ты сжалился надъ бѣдною женщиною. Я хотѣла послѣдовать твоему благородному примѣру, и, боясь встрѣтиться съ тобою, просила графа ѣхать въ Парижъ.

— Это тоже моя исторія, Генриетта.

— Да, мы много страдали, и мученія наши еще не кончились. Зачѣмъ мы узнали другъ друга.

— Что ты говоришь, Генриетта! Развѣ ты раскаиваешься, что любила!

— Вспомни Гектора Верфонтена, продолжала она... онъ мой мужъ... твой другъ, Оливье. Я принадлежу ему. Намъ должно разстаться опять и навсегда, Оливье: этого требуютъ долгъ, законъ, совѣсть—и мы свято исполнимъ завѣтъ ихъ.

— Посмотрите на меня: похожъ ли я на счастливаго человѣка? Я потерялъ здоровье, молодость, силы и съ каждымъ днемъ слабѣю еще болѣе. Любовь убиваетъ меня. Вы напоминаете мнѣ о долгѣ, объ обязанностяхъ; вы правы: мы свято сохранимъ наши обязанности. Я выпрошу позволеніе у отца уѣхать изъ Франціи, но вы позвольте мнѣ проститься съ вами.

XV.

Прошло два дня. Оливье, сѣлъ въ почтовую карету и велѣлъ ѣхать къ графу Верфонтеню.

Гекторъ вышелъ на крыльцо, услышавъ стукъ подъѣзжавшаго экипажа.

— Это ты, мой милый Оливье! закричалъ онъ, обнимая его.— Хорошо, что ты хоть въ Парижѣ исполнилъ обѣщаніе, которое далъ въ Верфонтенѣ. Какъ это ты собрался сюда?

— Важныя дѣла заставили меня ѣхать въ Парижъ и я... прямо къ тебѣ, Гекторъ... Какъ здоровье графини?

— Она все такъ же прекрасна, но здоровье ея испортилось. Вотъ два дня, какъ она не встаетъ съ постели.

— Боже мой! Что же съ ней?

— Слабость... разстройство нервовъ. Пойдемъ, я сведу тебя къ ней, а самъ прощусь съ вами: мнѣ надобно ѣхать въ Версаль къ министру.

— Я бы поѣхалъ съ тобою, Гекторъ... но мнѣ надобно отдохнуть послѣ дороги, а я не смѣю тебя удерживать.

— Разумѣется, министръ не будетъ меня ждать.

Гекторъ послалъ спросить жену, можетъ ли она принять ихъ, и послѣ удовлетворительнаго отвѣта, друзья вошли въ спальню графини.

— Я пришелъ проститься съ тобою, моя милая Генриетта, потому что долженъ ѣхать въ Версаль; а чтобъ тебѣ было не очень скучно, я привелъ моего друга, шевалье Прелакомба, котораго ты видѣла въ Верфонтевѣ.

Генриетта сидѣла въ креслахъ блѣднѣе кружевъ, окружавшихъ ея головку.

— Надѣюсь, что въ этотъ разъ мой другъ не убѣжитъ отъ насъ ночью, продолжалъ графъ, смѣясь:—мы удержимъ его насильно. Постарайся только скорѣе поправиться, моя милая. Какъ ты теперь чувствуешь себя?

— Лучше, мой другъ. Надѣюсь, что г. Прелакомбъ извинитъ наше печальное гостепрѣимство. Больные всегда скучны.

— Я долженъ просить извиненія, графиня, что беспокою васъ въ такую минуту, отвѣчалъ Оливье.

— Полно, мой другъ, сказалъ Гекторъ:—завтра жена моя будетъ здорова, я вернусь изъ Версали, и ты останешься у меня. До свиданія же. Я прикажу, чтобъ тебѣ приготовили комнату.

Оставшись одни, молодые люди молчали нѣсколько минутъ, потомъ Генриетта сказала съ упрекомъ:

— Зачѣмъ вы здѣсь, Оливье?

— Я пріѣхалъ проститься съ вами, графиня: я навсегда оставляю Францію. Но вы больны...

— Я благодарю Небо за эту болѣзнь. И если бы судьба исполнила мое послѣднее желаніе, я была бы совершенно счастлива.

Оливье понялъ, чего желала Генриетта, и не смѣлъ уговаривать ее. Оба они были благородныхъ и честныхъ правилъ и могли увлечься на минуту; но могли ли они быть счастливы, пренебрегая всѣми обязанностями и святыми чувствами?

Вошелъ докторъ, началъ разспрашивать больную, сказавъ, что лихорадка у ней увеличилась, что надобно употребить сильныя средства, въ точности исполнять его предписанія и не забывать принимать лекарство.

Когда докторъ вышелъ, Оливье просилъ, чтобъ Генриетта исполнила всѣ приказанія его, потому что ему нельзя долше оставаться въ ея комнатѣ.

— Небо! пошли мнѣ смерть, шептала она:—Ты видишь мое сердце, Ты знаешь, что лучше умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я хотѣла жить, съ угрызеніями совѣсти, съ вѣчнымъ упрекомъ, что погубила двухъ людей, которые любили меня искренно

На другой день Оливье вошелъ къ ней такъ рано, какъ только это было возможно. Видно было, что онъ не ложился и не спалъ ни минуты.

— Лучше ли тебѣ, Генриетта? Принимала ли ты лекарство, назначенное докторомъ?

Она показала на пустую стлянку.

Когда докторъ пришелъ, онъ удивился, что болѣзнь усилилась и спросилъ: исполняли ли въ точности всѣ его предписанія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ покачалъ головой и сказалъ:

— Это странно! Значить, болѣзнь сильнѣе, чѣмъ я думалъ. Какъ жаль, что не скоро еще лѣто: теплый воздухъ и солнце вымечли бы васъ скорѣе всѣхъ докторовъ. Впрочемъ, продолжайте принимать то же самое, и вы, вѣроятно, почувствуете облегченіе.

Оливье проводилъ его до передней; докторъ спросилъ его:

— Вы другъ графа Верфонтева?

— Мы друзья съ дѣтства.

— Въ такомъ случаѣ, совѣтую вамъ предупредить графа: положеніе графини опасно, а мужа ея нѣтъ здѣсь.

— Онъ хотѣлъ сегодня вернуться изъ Версаля.

— Напишите же ему сейчасъ, чтобъ онъ бросилъ всѣ дѣла и ѣхалъ въ Парижъ. Разумѣется, я надѣюсь на молодость, на силы больной; но, признаюсь, я не отвѣчаю, проживетъ ли она три дня.

Трудно вообразить, какое впечатлѣніе произвели на Оливье слова доктора. Онъ собралъ послѣднія силы и написалъ Гектору, чтобъ онъ вернулся, потому долженъ былъ принять спокойную физіономію, чтобы войти къ Генриеттѣ; но это было выше силъ его. Лицо его выражало сильное страданіе, слезы дрожали на глазахъ, и больная, посмотрѣвъ на него, тотчасъ поняла приговоръ доктора.

— Что съ тобой, Оливье? сказала она тихо.— Ты, кажется, разстроены.

— Нисколько... мой другъ... я, напротивъ, радъ, что докторъ обѣщаетъ скорое выздоровленіе, если только ты будешь слушаться его.

— Я и то слушаюсь... Поговоримъ же, Оливье.

Онъ сѣлъ возлѣ нея молча.

— Послушай, мой другъ, начала она:— не печалься и не плачь оттого, что я тебѣ скажу. Я, какъ больная, хочу фантазировать и предполагать то, чего, можетъ-быть, не случится... я даже вѣрю доктору, что выздоровлю и буду жить, окруженная зеленью, теплотою... буду бѣгать по густой травѣ, отдыхать подлѣ тѣнью стараго дерева и потомъ усну подлѣ нихъ сномъ вѣчнымъ.

Оливье задрожалъ и прижалъ къ губамъ руки Генриетты, чтобъ не зарыдать.

— Развѣ смерть такъ страшна? продолжала она, стараясь улыбнуться.— Грустно только тѣмъ, которые остаются послѣ насъ... Богъ милостивъ, что Онъ призываетъ меня.

Оливье не могъ удержать слезъ и рыдалъ какъ ребенокъ.

— Не плачь, говорила она: мнѣ больно видѣть твои слезы. Лучше слушай меня со вниманіемъ. Я тебѣ сказала, что желала бы... спать... подлѣ тѣнью деревьевъ, гдѣ поютъ птички. Ты знаешь, что я люблю цвѣты. Помнишь мою комнатку въ улицѣ Сентъ-Жанъ-Латранъ и окошко, уставленное цвѣтами. Когда я буду... отдыхать отъ страданій, то хочу, чтобъ меня покрыли зеленью и цвѣтами... не позволяй ставить надо мною чернаго камня: онъ будетъ пугать птичекъ, а я хочу, чтобъ онѣ пѣли надо мной. Вотъ мои послѣднія желанія, Оливье. Общай мнѣ исполнить ихъ—и я счастлива.

— Молчи Генриетта... умоляю тебя... я не могу привыкнуть къ этой ужасной мысли.

— Такъ я угадала, что тебѣ сказалъ докторъ.

— Онъ... не говорилъ... ничего.

— Зачѣмъ обманывать меня, Оливье, когда я сама чувствую, что мнѣ недолго остается жить?... Успокойся только ты и подумай, что это наше... спасеніе.

И утомленная тѣмъ, что говорила такъ много, умирающая упала на подушку.

Оливье хотѣлъ позвонить, чтобъ позвать горничныхъ, но Генриетта удержала его.

— Не зови никого... прошептала она: — еще рано. Привеси мнѣ прежде ящичекъ, который стоитъ на туалетѣ. Надобно распорядиться...

Оливье исполнилъ ея желаніе.

— Ты никогда не отгадаешь, что у меня тутъ хранится, продолжала она, стараясь отвортъ ящичекъ. Посмотри... это твое письмо... которое ты написалъ мнѣ въ день нашей разлуки... вотъ и кошелекъ, который ты мнѣ подарилъ... Я не хочу, чтобъ послѣ меня онъ достался кому-нибудь.. сожги его съ письмомъ и дай мнѣ деньги. Ты отдашь ихъ въ церковь... Помнишь ли ты, Оливье, одиннадцатое мая?

— Можно ли забыть этотъ счастливый день нашего первого свиданья!

— А теперь какой мѣсяць... да... апрѣль, и я не увижу весны... Прощай же Оливье... прощай... Теперь позвони... и оставь меня...

Оливье позвалъ женщинъ и заперся въ своей комнатѣ.

— Позовите священника сказала Генриетта.

Между-тѣмъ Гекторъ окончилъ дѣла въ Версали и завтракалъ съ своими друзьями, которыхъ находилъ вездѣ. Десертъ былъ роскошный, вина дорогія, веселье блистало на глазахъ, когда посланный подалъ Гектору печальное письмо.

— Что случилось? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Кажется, что графиня очень захворала, отвѣчалъ лакей.

Не дожидаясь кареты, Гекторъ вскочилъ на первую лошадь и поскакалъ въ Парижъ.

Въ дверяхъ онъ встрѣтился съ выходящимъ священникомъ и, какъ безумный, бросился въ комнату жены.

Она лежала безъ движенія, съ сложенными руками; прислуга ея стояла на колѣнахъ и молилась, Оливье плакалъ у изголовья; одинъ докторъ былъ хладнокровенъ.

— Неужели это правда? закричалъ Гекторъ.

— Это ты... мой другъ... проговорила она слабымъ голосомъ. Какъ я рада, что могу проститься съ тобою... Я знаю, Гекторъ, что неожиданный ударъ поражаетъ сильнѣе... но ты еще молодъ; въ твои лѣта можно забыть и я не жалуясь на это... напротивъ, я довольна... счастлива. Ты и то много сдѣлалъ для меня... благодарю, мой другъ... не ропщи же на волю Божию...

— Милая Генриетта!.. сказалъ Гекторъ, рыдая: — ты еще сама утѣшаешь насъ!

И онъ опустился на колѣна и цѣловалъ руку умирающей.

— Я забыла сказать тебѣ... Гекторъ, прошептала она чуть слышно: — я поручила... Оливье, твоему другу, мои послѣднія желанія... исполни ихъ....

— Исполню все... Генриетта...

— Благодарю... друзья мои... Гекторъ...

Ея губы еще шевелились, но она не могла произнести послѣдняго имени; рука, которую держалъ ей мужъ, охолодѣла... Гекторъ вскочилъ въ отчаяніи и посмотрѣлъ вопросительно на доктора.

Тотъ приложилъ руку къ сердцу молодой женщины, потомъ приподнял покрывало и закрылъ ей лицо.

— Умерла! закричалъ Гекторъ. Боже мой!..

Докторъ увелъ графа изъ комнаты. Прислуга графини со слезами простилась съ доброй госпожей и вышла хлопотать о печальныхъ приготовленияхъ. Оливье остался одинъ съ покойницей.

— Генриетта, Генриетта! сказалъ онъ тихо, открывая ей лицо:— моя любовь убила тебя...

ВОСПОМИНАНІЯ РУССКАГО ТУРИСТА.

ВЪ ПУТШЕСТВІИ

А. Г. РОТЧЕВА.

—
I.

ГАВАНА И МАТАНЗАОЪ.

Островъ Куба.—Фантастическій очеркъ разныхъ земель, средой ихъ свойствамъ.—Судьбы Кубы.—Гаванна.—Центража города.—Улицы и здания.—Вечеръ въ Гаваннѣ.—Волянты.—Кресла.—Печка и заселеніе Гаванны.—Произведенія.—Кофе.—Табакъ.—Изготовленіе сигаръ.—Торгъ неграми.—Театръ.—Маскерады и гулянья.—Національныя пляски.—Могла Христофора Колумба.—Ивантеевъ и его сироты.

Между огромнымъ разсадникомъ промышленности, который мы привыкли называть Соединенными Штатами, и вѣчно волнующимися, бурными владѣніями Южной Америки, есть островъ, расцвѣтающій непрерывною весною, на голубой равнинѣ моря, подъ раскаленнымъ небомъ тропиковъ,—островъ, садъ Аршиды, сказалъ бы поэтъ. Это — Куба, первый цвѣтокъ земли, первый перлъ океана; самый большой и че-

тѣйшій алмазь въ драгоцѣнномъ уборѣ атлантическомъ, который отъ береговъ Ореико до Флориды съ блескомъ раскинулся при входѣ въ заливъ Мексиканскій. Островъ Куба, по образованію своему похожъ... но здѣсь да позволено мнѣ будетъ держать другую рѣчь на короткое время. По моему мнѣнію, бѣльшая часть областей и мѣстностей на земномъ шарѣ имѣютъ свою фizioномію, свой очеркъ, который, будто фizioномія челоуѣка, обрисовываетъ ихъ характеръ и даже будущность ихъ. Посмотрите, на-примѣръ, на картѣ Европы на Скандинавію: головою она вдалась въ Сѣверное море и будто когтями впиалась въ Балтійское, а горы образуютъ огромный спинной хребетъ: не узнаете ли вы, взглянувъ на этотъ очеркъ, одного изъ сказочныхъ драконовъ? И въ самомъ дѣлѣ, этотъ драконъ въ древніе годы не метался ли съ своими толпами на земли Европы? А наша Русь, съ необъятными долинами, съ безграничными степями, не похожа ли на океанъ, который могучими волнами своими бьетъ въ берега Пруссіи, Австріи, Азии, дробитъ утесы Кавказа и хребетъ Алтайскій? А эта Англія, развѣ не похожа на корабль, стоящій на якорѣ и до всему міру разсылающій свои гребныя суда? Взгляните на Италію—это сапогъ, котораго каблукъ уперся въ Адриатическое море—и сколько народовъ, сколько вождей иноплеменныхъ бьются изъ того, какъ бы привикнуть рыцарскую шпору къ этому сапогу!

Меня могутъ спросить, куда ведетъ эта рѣчь? На островъ Кубу им. г. И такъ, островъ Куба похожъ на рогъ изобилія, увѣнчанный душистыми цвѣтами, полный сладостныхъ плодовъ и жатвъ богатыхъ. Бѣловласая Церера никогда не разливала подобныхъ даровъ подъ небомъ своей любимой Аттики.

Климатъ Кубы, волшебное небо, смягчающіе нравы пролетарія и богатаго плантатора, располагающіе къ мечтательности, спасли этотъ островъ отъ страсти къ цифрѣ, отъ припадковъ золотой горячки, которые сушатъ сердце сѣверо-американца. Но и на Кубѣ есть пароходы, желѣзныя дороги въ достаточныхъ количествахъ и размѣрахъ, для перемѣщенія счастливыхъ жителей отъ пристаней Гаванны до порта Матанзаса; отъ Paseo de Tacon до роскошныхъ долинъ *Гуинеса*. Въ сахарныхъ плантаціяхъ есть много паровыхъ машинъ, которыя доставляютъ большія выгоды владѣльцамъ и облегчаютъ работу негровъ.

Посреди возмущеній, порожденныхъ войною за независимость Соединенныхъ Штатовъ и французскою революціею 1789 года, переброшенною въ заатлантическія страны, Куба осталась неизмѣнно вѣрна знаменн, впервые развитому надъ нею Колумбомъ. Она расла въ доволь-

ствѣ и покоѣ, а вокругъ нея, у сосѣдей, и торговля и земледѣліе замирали отъ неустройствъ и возмущеній. Куба пользовалась паденіемъ прилегающихъ странъ. Многіе нашли спасеніе подъ ея державнымъ знаменемъ и самъ Санта-Анна пришелъ искать успокоенія вблизи Гаванны отъ своего бурнаго владычества. Куба и теперь, какъ въ древніе годы, управляется властью губернатора и не внимаетъ возгласамъ Лопецовъ, принимающихъ въ ея судьбѣ участіе совершенно некстати: этого участія она отъ нихъ не проситъ.

Говорятъ: ничто не ново подъ луною; но здѣсь это сказаніе какъ-то не подходитъ: не новое ли зрѣлище въ хаотическомъ мірѣ Южной и Центральной Америки представляетъ роскошный край, въ которомъ столица гордится титломъ: *la siempre fidelissima ciudad de San Cristoval de la Navana*. Край, въ которомъ уважаются и власть, и званіе, и наследственность имени, удивительный край, гдѣ вы можете быть счастливы по-своему, можете спокойно просыпаться въ благоуханное утро, кататься въ неопрокидывающейся *volanté* съ огромными колесами, или скользить въ шлюпкѣ по зеркальному рейду, наконецъ, такой край, въ которомъ гармоническій хоръ часовъ доводитъ васъ отъ утра до вечера, возвращая постоянно бальзамическій воздухъ и волшебный колоритъ тропическихъ сумерекъ.

Гаванна произвела на меня живое впечатлѣніе: я любовался мягкостью неба, одѣтаго въ пурпуръ восходящаго солнца; меня восхищала тропическая растительность; мнѣ казалось, я ужъ ѣлъ ананасы, манго и другіе новые для меня плоды; я даже думалъ не полакомиться ли мнѣ лучшею сигарою въ мірѣ, хотя я отъ-роду не сжегъ ни одной сигары. Благодаря воображенію моему, мнѣ все казалось и живо и ново.

А между-тѣмъ, еслибы я холодно посмотрѣлъ на развивающуюся, при быстромъ ходѣ нашего парохода, панораму, я бы непременно долженъ былъ усмирить нѣсколько мои восторги. Вы входите въ узкой каналъ, на берегахъ котораго стоятъ два укрѣпленія, Моро и Пунталъ, зданія тяжелыя и невесеоряція глаза; потомъ обширная гавань съ множествомъ различныхъ судовъ. Городъ съ разноцвѣтными, красными, голубыми, желтыми домами—живописенъ; но онъ стоитъ на ровной низменности, и потому не весь раскрывается взору, и по первому взгляду нельзя повѣрить, чтобъ въ немъ было 200 тыс. жителей. За городомъ рисуются пальмовые оазисы. Но, какъ я сказалъ, все ровная низменность на горизонтѣ; нѣтъ великолѣпныхъ очерковъ, нѣтъ картинъ, создаваемыхъ возвышенностями, горами.

Внутренній видъ Гаванны, какъ и всѣхъ испанскихъ городовъ, ко-

торые и постигаль въ Америкѣ, не привлекателенъ. Улицы узки, грязны, и часто имѣютъ свой *особенный* запахъ; дома, съ рѣшетками въ окнахъ, похожи нѣсколько на тюрьмы; магазины не отличаются вкусомъ и роскошью, нѣтъ этой живописной раскладки (*étalage*) Парижа, Лондона; мало замѣчательныхъ зданій; театръ Такона замѣчательнѣйшій—вотъ едва ли не безпристрастный очеркъ столицы Кубы. Какъ на женщину, которая не можетъ похвалиться неукоризненною красотою, а любитъ смотрѣть на Гаванну вечеромъ, въ волшебномъ газовомъ освѣщеніи. При блескѣ газа—подробности, недостатки исчезаютъ, а передъ вами красуется площадь и кофейные дома Гаванны. Прохладный вѣтерокъ, постоянно поднимающійся на закатѣ солнца, вызываетъ васъ на прогулку.

Вечеромъ царица антильская—восхитительная Гаванна, представляется какъ Титанія, окруженная сальфами. Бѣлое и черное народонаселеніе, народъ и гонопада—все зашевелится. Купецъ принимаетъ посѣтителей и пріятелей. Работникъ, въ бѣлой курткѣ, въ бѣлыхъ брюкахъ, нависнувъ на бровь панамскую *sombrero*, жметъ гаванскую сигару и спѣшитъ на свиданіе къ своей (можа) красавицѣ. Пѣсня и гитара раздаются повсюду; а знайте, что на этомъ островѣ ничто не рассказывается, ничто не поется безъ гитары:

Sabed, que los de esto isla,
No podemos duir cosa,
Sin la guitarra!

По улицамъ быстро катятся воланты, а на мягкихъ подушкахъ ихъ живописно качаются (*pignas*) красавицы, одѣтыя въ волны газа и блондѣ, и будто птички выглядываютъ онѣ изъ нунистыхъ гнѣздъ своихъ.

Для тропическаго климата нѣтъ экипажа удобнѣе воланты: вы качаетесь въ ней, словно въ койкѣ, и можете совершенно протянуться; снабженная огромными колесами, въ діаметрѣ въ сажень, одно отъ другаго на значительномъ разстояніи, этотъ кабріолетъ опрокинуться никакъ не можетъ. Обыкновенно онъ запрягается въ одиночку, и на спинѣ лошади сидитъ вожатый негръ (*calesero*). Какъ легкій челнокъ, она разсѣкаетъ воздухъ. Для выѣзда за городъ запрягаютъ другую лошадь. Воланта въ Гаваннѣ то же, что гондола въ Венеціи, какъ въ Константинополѣ. Замянись этотъ оригинальный и спокойный экипажъ какимъ-нибудь европейскимъ нововведеніемъ и Гаванна лишится мѣстнаго колорита. И гдѣ же удобнѣе можно предаться итальянскому *fat niente* или

турецкому кайфу, какъ не въ волантъ? И что же удивительнаго, что, при такомъ удобномъ способѣ передвиженія, гаванскія сеньориты почти никогда не опускаютъ своихъ маленькихъ ножекъ на мостовыя Гаванны.

Взгляните на эту креолку—что за маленькая, стройная ножка! На негрятянку, изъ какого-нибудь богатаго дома: она одѣта великолепно,—на мулатку: она знаетъ, что не страшенъ черныи цвѣтъ ея кожи и припѣваетъ:

Aunque soy morena

No soy de olvidar!

Хоть черна — да не забудешь!

Въ этомъ живомъ, увлекательномъ движеніи города, куда отправится любознательный путешественникъ? На афишкахъ объявленъ великолѣпный маскарадъ въ театрѣ Такона: мы пойдемъ туда. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о положеніи острова Кубы, его климатѣ и производительности.

Куба лежитъ въ $25^{\circ} 12'$ с. ш. и въ $19^{\circ} 48'$ з. д. Длина острова 770 англ. миль, а ширина измѣняется отъ 25 до 90 миль. Съ моря онъ виденъ почти за 42 мили. Двѣ трети острова имѣютъ отъ 60 до 80 миль ширины, а его плоскость измѣняется почти 4,000 англійскихъ миль квадратныхъ. Восточная сторона Кубы очень гориста и нѣкоторыя горы достигаютъ отъ 7 до 8,000 фут. вышины. Долины чрезвычайно плодосны и живописны. Куба открыта въ 1492 г. Колумбомъ. Гаванна основана въ 1519 г. Обработка сахарныхъ плантацій началась въ 1590 г., а чрезъ четыре года послѣ сего открылся ввозъ негровъ. При открытіи Кубы считалось на островѣ 200,000 жителей туземныхъ. Они, большею частью, погибли отъ жестокости европейцевъ. Въ настоящее время въ весьма незначительномъ количествѣ они остались еще въ восточной части острова.

Куба неоднократно подвергалась набѣгамъ и опустошеніямъ французскихъ пиратовъ, а въ 1762 году она была взята англичанами, которые въ 1768 году снова уступили ее Испаніи за другія владѣнія и приобрѣтенія. Во время осады Кубы англичане потеряли значительное число людей отъ vomito; многіе также были предательски умерщвлены и отравлены жителями Кубы.

Отъ атлантическихъ гаваней, принадлежащихъ Соединеннымъ Штатамъ, переходъ на островъ Кубу не болѣе пяти дней, а отъ Нового Орлеана два съ половиною дня. Въ настоящее время Гаванна сдѣлалась

первою станцією между Нью-Йоркомъ и С. Франциско. Здѣсь учреждены складочныя магазины для каменнаго угля, которыми снабжаются пароходы, идущіе въ Чаграсъ и San Juan del Norte. На пути въ Калифорнію, Гаванна представляется гостинницею, выстроенною на столбовой дорогѣ океана, какъ-будто нарочно для сѣверо-американцевъ. Вотъ почему, въ ихъ головахъ, мысль о присоединеніи Кубы къ Соединеннымъ Штатамъ все болѣе и болѣе развивается и, быть можетъ, въ непродолжительномъ времени эта мысль получитъ исполненіе.

Говоря языкомъ болѣе поэтическимъ, Гавана представляетъ дворъ золотого храма, а Панамскій перешеекъ и Никарагуа—два входа въ этотъ храмъ.

Почва вообще очень плодородна и производитъ превосходный сахарный тростникъ. Всѣ плоды и произведенія тропическихъ земель растутъ отлично; здѣсь эта отрасль промышленности можетъ быть развита, по крайней-мѣрѣ, вдесятеро противъ того положенія, въ которомъ она теперь находится, потому-что изъ 24-хъ милліоновъдесяти земель, составляющихъ поверхность Кубы, только два милліона обрабатываются, три съ половиною милліона находятся подъ лугами для паствы скота, 14 мил. въ лѣсныхъ дачахъ, и только 4½ мил. земли неудобной. Важнѣйшія произведенія острова: сахарный тростникъ, кофе, патока, медъ, ромъ, табакъ, воскъ, рисъ, какао и хлопчатая бумага.

Въ 1851 году число сахарныхъ плантацій простиралось на Кубѣ до 1238; на нихъ занимались работою до 138,701 чел. среднимъ числомъ до 112 чел. на каждой плантаціи; вывозъ сахарнаго песку простирается до 850,000 ящиковъ, что составляетъ по 650 ящиковъ на каждую плантацію, или 6 ящиковъ на каждого работника. Каждый ящикъ оплачивается однимъ піастромъ вывозной пошлины. Я признаю въ соображеніе собственное потребленіе, должно допустить на каждого работника по 8 ящиковъ.

На Кубѣ каждая десятина хорошей земли даетъ 6,000 фунт. сухаго сахарнаго песку, между-тѣмъ, какъ въ Луизианѣ только 3,000 фунт.

Кофе производится также въ большомъ количествѣ: однакожъ нынѣ эта статья не даетъ такихъ значительныхъ результатовъ, какъ за 15—20 лѣтъ, когда вывозилось кофе до 50 милліоновъ фунтовъ изъ разныхъ провинцій острова. Нынѣ, при урожайномъ годѣ, вывозится до 35 милліоновъ фунтовъ. Этотъ упадокъ произошелъ отъ пониженія цѣны на бразильскій кофе, который на рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ вытѣснилъ кофе, добываемый на Кубѣ.

Самая почва острова удобна для сахарнаго тростника, табаку и другихъ статей, нежели для развода кофе. Знаменитый Мока, свойственный Аравіи и частямъ Африки по берегамъ Краснаго моря, родится и здѣсь на скалистыхъ возвышенностяхъ безъ большаго ухода.

Послѣ кофе важнѣйшая статья табакъ. Роды его различны, смотря по свойству и качествамъ почвы, на которой онъ обрабатывается.

На Антильскихъ островахъ табакъ родится вездѣ; въ огромныхъ размѣрахъ онъ производится въ Мерилендѣ и Виргиніи; въ Эквадорѣ, провинція Эсмеральда снабжаетъ всю Южную Америку сигарами; не смотря на то, всѣ эти мѣстности и самый островъ Куба не могутъ дать такого табаку, какой производить маленькій клочокъ земли на сѣверо-западъ около тридцати миль отъ Гаванны: Мѣсто это называется *Vuelta de Абајо* и на курильщика оно производитъ то же дѣйствіе, какъ шато-ла-фитъ, клодевужо, юганнисбергеръ на знатоковъ въ винѣ.

Я не видѣлъ табачныхъ плантацій, но наблюдалъ за превращеніемъ табачнаго листа въ сигару. Наканунѣ дня, въ который табачный листъ принимаетъ эту окончательную форму, онъ погружается въ воду, разведенную каталонскимъ виномъ; другое вино не годится; остальная часть производства та-же, что и вездѣ, съ тою только разницею, что въ Гаваннѣ вертятъ сигары мужчины, а не женщины, какъ это я видалъ въ Европѣ и въ Бразиліи.

Распределеніе сигаръ на разряды, *primera, secunda, tercera*, не дѣлается вслѣдствіе качествъ табаку, какъ полагаютъ обыкновенно, а только по наружному изяществу листа.

Кабаньясъ, вдова Карбахаль, Партагасъ и другіе торговые дома, пользующіеся извѣстностью, заранѣе скупаютъ жатву полей *Vuelta de Абајо*. Другимъ достаются остатки, а въ случаѣ надобности, эти господа примѣшиваютъ табакъ марилендскій, виргинскій, и продаютъ за гаванскій. Очень часто приходятъ сюда партіи табаку изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, который превращается потомъ въ гаванскія сигары такъ, что и лучшій знатокъ часто сбивается съ толку. Оттого на чужихъ рынкахъ мы видимъ столько полу-гаванскихъ, четверть-гаванскихъ и даже совсѣмъ негаванскихъ сигаръ. Бельгійскіе, германскіе и сѣверо-американскіе фабриканты ставятъ имя и марку знаменитой фабрики гаванской на своихъ сигарахъ, и даже изъ нихъ есть такіе, которые разными кислотами стараются поддѣлать пятна, иногда встрѣчающіяся на гаванскихъ сигарахъ, а того не знаютъ, что эти пятна есть болѣзнь табачнаго листа, и въ Гаваннѣ такіа сигары идутъ въ третій

разрядъ. Ототанин усмотрѣть нѣтъ преисп-курива * нѣтъ сигаръ, рас-сортированныхъ, какъ я сказала, на первый, второй и третій разряды, по бѣлье или мѣтѣ изъясноу виду сигаръ, но нѣтъ различіе і не по качеству. Такимъ образомъ, если вы купите imperiales за 85 пиастровъ ** вмѣсто 60, вы можете быть удивлены, что бросите 25 пиастровъ. По вкусу первый сортъ отъ второго или третьего отличить не возможно, затѣмъ, что табакъ одинъ.

У Портагасъ и у нѣкоторыхъ другихъ найдете сигары въ 160—170 и 200 пиастровъ за тысячу. Эти высокія цѣны взимаются за выборъ листовъ, а также за позолоту сигаръ и отбѣлку ящиковъ.

Куба, какъ я сказала, производитъ всѣ тропическіе плоды, пататы, ямсъ, арарутъ, мансъ, касторовое масло (ol. ricini) и проч.

Число регатаго скота считается до 1 мил., лошадей 200 т. и муловъ 50 т. Ежегодный доходъ отъ царства растительнаго и животнаго простирается до 75 миллионновъ пиастровъ.

Куба богата минералами; 115 мѣдныхъ рудниковъ открыты на островѣ. Англійская компанія на одномъ изъ нихъ добываетъ отъ 27 до 48 тысячъ тоннъ мѣди въ годъ; также сдѣланы открытія каменнаго угля, желѣза и серебра.

Народонаселеніе Кубы простирается до 1 1/2 миллиона.

Не желая распространяться о томъ, какія выгоды и невыгоды послѣдуютъ для Соединенныхъ Штатовъ и Кубы, если этотъ перлъ Англійскаго моря перейдетъ въ руки Англо-Саксонцевъ, и доказывать возможность подобнаго явленія, я прошу удовольствоваться краткимъ обзорѣніемъ Кубы, мною начерченнымъ и послѣдовать за мною въ га-

* Tablica de Portagos y Comp. Calle de la Industria № 146.

За тысячу,	1 сортъ.	2 сортъ.	3 сортъ.
Imperiales	Piast. 85	60	•
Cazadores	60	50	•
Regalia Bretania.	56	40	30
Regalia comun.	40	30	20
Dito Londres	34	26	20
Galanes	22	18	14
Millar de Londres	20	16	13
Millar comun	17	15	10
Brevas.	20	17	
Cazadores de calidad	28		
Celindradus de Londres.	18		
Celindradolve miller	10		
Pnetelas	21	18	14

** Писать нѣтъ р. 48 в. сор.

вазскій театръ. Этотъ театръ, безъ всякаго сомнѣнія, лучшій въ Америкѣ. Архитектура его легка, красива и чрезвычайно приспособлена къ условіямъ тропическаго края. Воздуха много. Внутренность залы блестяще бѣлзною. Въмѣсто тяжелыхъ украшеній, легкая позолота удивительно гармонируетъ съ изяществомъ и простотою.

Въ маскарадѣ было до 5,000 человекъ. Здѣсь я видѣлъ все общество Гаванны. Представительницы аристократіи, безъ масокъ, красовались въ ложахъ и оставались только зрительницами. Между ними я тщетно искалъ красивыхъ лицъ, стройныхъ талій. Молоденькія дѣвцы казались очень слабы; въ глазахъ ихъ нѣтъ огня, а въ улыбкѣ нѣтъ прелести. Нежизны же барыни отличались зородствомъ, которое, конечно, оцѣнилъ бы турокъ, а не я. Должно ли изъ этого заключить, что природа скудно надѣлила красотой женщинъ Гаванны? На этотъ щекотливый вопросъ утвердительно отвѣчать не хочу, а скажу съ откровенностью наблюдателя, что во все время пребыванія моего въ Гаваннѣ, я не встрѣтилъ ни одной бѣлой женщины, замѣчательной по чертамъ лица или по стройности таліи.

Въ маскахъ и костюмахъ красовался простой народъ (*Gente de bronce*). Здѣсь не штригуютъ въ маскарадахъ; нѣтъ той живости, шутокъ, шумнаго говора, разлившающихся въ залахъ театровъ парижскихъ, зашествовавшихъ у Венеціи. Танцы не разнообразны. Нѣтъ вальсовъ, редовъ, адскихъ галоповъ. Оркестръ непрерывно и вѣчно играетъ одну сивайу, похожую на контрдансъ. Креольской дѣли подручны эти мѣрныя выступки, родъ менузта, утомительныя для европейца.

Какъ французская кадрилъ изъ области искусства обращается въ панканъ, такъ кубана превращается въ соппицу. Въ полночь мулатки, отличающіяся отъ бѣлыхъ гибкостью и развязностью тѣла, пляшутъ *soripr'u*. Чета охватывается будто въ вальсѣ и исполняетъ разныя увлекательнѣйшія движенія. Посмотрѣть на этотъ танецъ — онъ не труденъ; но не такъ на дѣлѣ: не всякій можетъ выполнить хорошо соппицу. Иныя пляшутъ ее такъ скромно, что она теряетъ прелесть; другія же, наоборотъ, выходятъ изъ границъ. Искуснѣйшія придерживаются средины, увлекаютъ воображеніе, не производя отвращенія, и славятся искусствомъ своимъ въ Гаваннѣ. *Soripr'o*, хотя и любимая народная пляска, однако перешла въ аристократическій кругъ. За городомъ, на праздникахъ я видѣлъ не разъ, какъ сеньориты, въ объятіяхъ гаванскихъ щеголей, пляшутъ *soripr'u* и въ то время какъ тревожно на нихъ смотрятъ ревнивые мужья и заботливыя матушки.

Въ промежуткахъ маскарада говорили стихи и исполнялись схарак-

терные танцы на возвышеніи, устроенномъ среди залы. Эти представленія отзываются младенчествомъ, по-крайней-мѣрѣ суда по тому, что я видѣлъ. Публика громко хохочетъ и забавляется такимъ спектаклемъ.

Эти маскарады начинаются въ 8 часовъ вечера и оканчиваются въ 4 часа утра. За входъ платятъ ніастръ исп.

Въ Гаваннѣ, въ соборной церкви, погребенъ Христофоръ Колумбъ. Возлѣ алтара простой бюстъ указываетъ его могилу. Этотъ бюстъ сдѣланъ не искусно. Великій человекъ, открывшій новый міръ, достоинъ лучшаго памятника. Колумбъ сперва былъ погребенъ въ монастырѣ Сан-Франциско въ Вальядолидѣ; въ 1515 году онъ былъ перенесенъ въ Севиллу; въ 1536 году прахъ его переплылъ океанъ и пошелъ до 1795 г. въ соборъ Сан-Доминго; а въ это время, когда Испанія, уступивъ права свои на древнюю Испанюлу Французской республикѣ, драгоценныя останки Колумба были перенесены въ Гаванну.

Другой монументъ въ память Колумба возвышается на площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была первая обѣдня на островѣ Кубѣ.

Гулянье (Paseo de Tacon) послѣ обѣда есть сборное мѣсто для волаить Гаванны. Учредитель его не жалѣлъ ніастровъ, чтобъ это мѣсто соперничествовало съ Прадо въ Мадридѣ. Недалеко отсюда есть двѣ прелестныя загородныя виллы (casa de campo) съ очаровательными садами. Одна принадлежитъ графу Фернандино, другая—знаменитому фабриканту гаванскихъ сигаръ, Кабаньясъ.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ окрестностями Гаванны. По желѣзной дорогѣ я поѣхалъ въ Матанзасъ; двѣнадцать испанскихъ миль (сто верстъ) мы ѣхали 8½ часовъ! Меньше 12 верстъ въ часъ—вы видите, что по гаванской желѣзной дорогѣ спѣшить нельзя. Но послѣ-виду: «Time is money», я слышалъ только въ Калифорніи. Вагоны перваго класса похожи на англійскіе; во вторыхъ и въ третьихъ скамейки безъ спинокъ. Женщины молодыя и старухи, барыни и служанки жгутъ безпрестанно сигары.

По торговлѣ, Матанзасъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Гаванны. Жителей въ немъ 25 тысячъ. Его окрестности очень болотисты, а потому въ городѣ почти всегда живетъ лихорадка. На городской площади каждый вечеръ играетъ военная музыка. По берегу моря великолѣпное расе (гулянье) кипитъ народомъ; но городъ не оживленъ: онъ слишкомъ широко раскинулся.

День былъ воскресный; я пошелъ посмотрѣть на пѣтушій бой.

• Время—чистыя деньги.

Не боишь, а зрители были очень интересны: пари, смѣхъ и брань, торжество побѣдителей и уныніе проигравшихъ — все это оживляло картину, точно за игорнымъ столомъ: и въ самомъ дѣлѣ, это азартная игра: въ ней вмѣсто картъ или костей, бьются пѣтухи.

Эта страсть, общая всѣмъ, уравниваетъ зрителей: здѣсь и плантаторы и негры—все вмѣстѣ. Огромная сумма ставится на конъ. Знаменитый диктаторъ мексиканскій, Санта-Анна, оставилъ здѣсь громкое имя между любителями пѣтушьихъ схватокъ. Онъ иногда ставилъ до 40 тысячъ исп. піастровъ и почти всегда выигрывалъ. Женщины этихъ зрѣлищъ не любятъ, но жадно смотрятъ на бой быковъ. Въ театрѣ ходятъ мало, кромѣ итальянской оперы, которую посѣщаютъ прилежно. Небрежная креолка любитъ сидѣть дома; по вечерамъ вы ее видите у окошка, или въ блузѣ или въ бальномъ платьѣ. Ея комната почти всегда въ потьмахъ—это отъ мошекъ и для прохлады. Окна выходятъ на улицу: пріатели и обожатели останавливаются и ведутъ долгія рѣчи—о чемъ? Да какъ не угадать о чемъ эти рѣчи, подъ чуднымъ тропическимъ небомъ?

Здѣсь мнѣ удалось быть на балу, который давали негры и мулаты. Мужчины почти все были въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ брюкахъ. Женщины въ кисейныхъ платьяхъ; на нихъ красовались гирлянды изъ цвѣтовъ и дорогіе уборы. Между ними я видѣлъ много хорошихъ и стройныхъ.

Балъ продолжался до часа за полночь; кубана, вальсъ и полька занимали весь вечеръ публику. Но соимпу я здѣсь не видѣлъ и на вопросъ мой, три хорошихъ мулатки отвѣчали мнѣ: «вѣдь здѣсь не театрѣ Такоа».

За три или четыре версты отъ Матаизаса, есть мѣстечко *Кумбре*. Я отправился и туда; солнце жгло меня нещадно; предо мною разстлалась бѣлая, каменная почва и бѣдно обработанная, кой-гдѣ стояла хижина, кой-гдѣ росли деревья, небогатая тѣпью, а только въ сторону Матаизасъ съ гаванью оживлялъ безжизненность этой панорамы. Скоро городъ скрылся за холмами; поднявшись на возвышенность, я увидѣлъ плодородную долину, усѣянную садами и живописными сельскими домиками: это *Симьбе*, куда плантаторы собираются отдохнуть и провести время — вкусить *villegiatura*, какъ говорятъ итальянцы *in's grüne sein*, какъ говорятъ нѣмцы.

Растительность въ этой долинѣ восхитительна, и тѣмъ болѣе она пріятна глазу, что между городомъ и долиною лежитъ мною очерченная маленькая пустыня.

Время летѣло быстро; надо было проститься съ очаровательными домикомъ, освѣненнымъ пальмами, утопающимъ въ благоуханіи воздуха, съ эгиптскими гвѣздами жаворонка среди плодоноснаго поля, тихаго, безмятежнаго! Словно рой добрыхъ гениевъ сторожить это мѣсто!

Несмотря на то, что мнѣ здѣсь было такъ хорошо, такъ радостно, я перенесся мыслью на Сѣверъ, оставшіяся далеко за мною! Я думалъ: «куда бы ты ни пошелъ, гдѣ бы ты ни былъ, ты не забудешь родной земли: тамъ и розы намъ кажутся живѣе и духъ нѣживѣе, гдѣ мы провели нашу молодость!» А право, славное житье въ Гаваннѣ, сельцо не желтая лимонка... но о ней здѣсь говорить не стану, забывъ, что страшный разговоръ я видѣлъ и въ Таграсѣ, переходя Панамскій перешеекъ.

ТРЕХТЪСЯЧНЫЙ ПЛЪНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ.

Статья вторая и последняя.

IV.

Наконецъ племя патагонцевъ, у котораго я былъ въ плъну, рѣшилось двинуться съ мѣста, быстро перешло довольно большое разстояніе и остановилось около мили отъ Corcu-Inlet. На другое утро нашего новаго ночевья, съ котораго видѣлся Атлантическій океанъ, я ясно рассмотрѣлъ мачты какого-то корабля, желавшаго войти въ маленькій рукавъ Corcu-Inlet, о которомъ я уже упомянулъ. Вообразившись на холмъ, съ котораго можно было видѣть еще лучше и дальше, я узналъ, что это былъ американскій бригъ. По вѣтмъ вѣроятіямъ, онъ принялъ этотъ мысъ за находящійся у входа въ Магелланскій проливъ. Я указалъ патагонцамъ на корабль и просилъ, чтобъ они свели меня къ берегу, дабы я могъ, если то будетъ возможно, дать какъ-нибудь о себѣ знать экипажу. Патагонцы долго не рѣшались, но наконецъ согласились исполнить мою просьбу. Мы были ужъ близко берега, когда бригъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и пошелъ далѣе въ открытое море: вѣроятно, онъ замѣтилъ свою ошибку. Мы поспѣшили добѣжать до берега и вообразились на высокій утесъ, съ котораго я могъ очень ясно рассмотретьъ матросовъ, находившихся на палубѣ корабля.

Вставъ на хребетъ лошади одного изъ патагонцевъ, я началъ махать курткой и употребилъ всѣ зависящія отъ меня средства, чтобъ привлечь на нашу сторону вниманіе людей американскаго корабля, но всѣ мои усилія были тщетны: маленькое судно развернуло всѣ свои паруса и, казалось, желало посмѣяться надъ всѣми моими надеждами. Съ стѣсненнымъ сердцемъ, обливавшимся кровью, я слѣдилъ за его ходомъ, покуда оно совершенно не скрылось изъ виду, едва червѣя, какъ маленькая точка въ голубомъ слитомъ пространствѣ неба и моря. Воспоминанія о родитѣ, семейномъ кругѣ, о столькихъ радостяхъ и кроткихъ удовольствіяхъ, утраченныхъ надолго, а можетъ-быть, и навсегда, долгое время тревожили мое сновидѣніе и наполняли горечью даже тѣ грезы, которыя самъ создаетъ для себя человѣкъ бодрствующій. Грезы эти, чаровавшія мое воображеніе, на яву заставляли меня испытывать всегда муки танталя, когда случалось мнѣ замѣчать какой-нибудь парусъ, блѣвшійся на отдаленномъ горизонтѣ.

Впрочемъ, не смотря на всѣ до-тѣхъ-поръ обманутыя надежды и ожиданія, я далъ себѣ слово быть спокойнымъ и безропотно покориться своей участи. Я рѣшился смѣло и хладнокровно смотрѣть на мое несчастье, не испытывая никакого болѣзненнаго ощущенія, какъ смотритъ хирургъ на члены своего пациента, трепещущіе подъ острымъ его ножомъ. Нѣкоторые люди доходятъ до такой степени стоицизма надъ собою, но они рѣдки и я долженъ гордиться этимъ малымъ исключеніемъ.

Когда я чувствовалъ, что мною начинали овладѣвать слишкомъ мрачныя и грустныя мысли, я тотчасъ-же спѣшилъ ихъ разсѣять всѣми предстоящими мнѣ развлеченіями. Я выходилъ изъ-подъ кожанаго нагаша, не смотря даже на самый поздній часъ ночи, всѣми лёгкими вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ, смотрѣлъ на звѣзды, если небо не было покрыто тучами и, благодаря Бога, чувствовалъ себя въ состояніи поддерживать твердостью воли то нравственное равновѣсіе, котораго продолжительное отсутствіе незаметно доводитъ человѣка до состоянія безумія.

Впродолженіе трехъ или четырехъ дней, по нашемъ прибытіи на новое мѣсто и новую временную стоянку, мнѣ начало такъ сильно наскучать наше однообразное существованіе и отвратительная праздность, отвергавшая всякія занятія и прерываемая только игрой въ туземныя патагонскія карты, что я рѣшился участвовать въ первой условленной охотѣ, хоть для того только, чтобъ чѣмъ-нибудь да убить скучное время. Скоро случай къ этому представился. Я выпросилъ у Парозильвера себѣ лошадь, упрягалъ ноги въ его большіе патагонскіе сапоги, которые были, разумѣется, гораздо теплѣе башмаковъ и потому удобнѣе

для подобной экспедиціи, и весело послѣдовалъ за многочисленною толпою патагонскихъ охотниковъ.

Мы проѣхали не болѣе пяти или шести миль, какъ я на минуту остановился и сошелъ съ лошади, не обращая повидимому никакого вниманія остальнаго общества, которое продолжало скакать впередъ, не заботясь обернуться и посмотрѣть, что со мной стало.

Помѣстившись опять на сѣдло, я сильно пришпорилъ лошадь и пустилъ ее въ полный галопъ, чтобъ поскорѣе присоединиться къ исчезающей толпѣ, когда, по несчастію, лошадь моя споткнулась на всемъ скаку, упала и опрокинула своего злополучнаго всадника черезъ голову шаговъ на двадцать отъ себя на покрытую льдомъ землю. Я сильно повредилъ себѣ оконечность ноги и изранилъ болѣе или менѣе все тѣло. До-сихъ-поръ еще, время отъ времени, ушибъ этотъ отзывается и причиняетъ мнѣ хоть и непродолжительную, но тѣмъ не менѣе мучительную боль, живо приводящую на память, послѣ столькихъ лѣтъ, минуту моего паденія. Мнѣ стоило немовѣрнаго труда и самыхъ сильныхъ страданій сѣсть опять на сѣдло. Скоро нога моя такъ распухла, что польза и пріятность заемныхъ сапоговъ сдѣлалась очень неудобною, и я-бы Богъ знаетъ чѣмъ не готовъ былъ еще пожертвовать, чтобъ имѣть возможность тотчасъ-же возвратиться въ шалашъ Парозильвера, но, къ несчастію, никакъ не могъ осуществить этой готовности: не смотря на всѣ страданія, мнѣ нужно было слѣдовать за патагонцами на охоту и любоваться какъ подвигами, такъ и полнымъ удовольствіемъ моихъ товарищей. Никогда я не буду въ состояніи позабыть мукъ, перенесенныхъ мною въ тотъ злополучный день. Мы возвратились на мѣсто нашей новой стоянки уже очень поздно вечеромъ; и такъ-какъ охота не посчастливилась, то и легли всѣ спать безъ всякаго ужина. Я кое-какъ вползъ въ шалашъ, освободилъ съ усиліемъ большую ногу отъ огромнаго сапога и увидалъ ее въ самомъ ужасающемъ состояніи, безъ всякой надежды на какую-бы то ни было врачебную помощь.

Едва успѣлъ я разлечься на своей гуанаковой кожѣ, еще дышавшей отъ горячаго лошадинаго пота, потому-что она была моимъ единственнымъ сѣдломъ въ продолженіе дѣлаго дня, какъ одна изъ огромныхъ собакъ, принадлежавшихъ моему хозяину, не сыскавъ себѣ, кажется, лучшаго мѣста для ночлега, упала всею своею тяжестью, какъ-будто нарочно, на расшибенную ногу и вырвала у меня изъ груди самый громкій, самый отчаянный крикъ. Ловкимъ и сильнымъ ударомъ другой ноги, совершенно здоровой, я такъ толкнулъ ее, что она, перелетѣвъ чрезъ огонь очутилась на другомъ концѣ шалаша. Только перелѣ

утраць слабый сонъ прекратилъ на нѣсколько времени испытываемая мною мученія.

Едва только начало заниматься утро, какъ Парозильверъ отдалъ приказаніе сниматься съ мѣста. Патагонцы посѣщали лопать свои подвижныя жилища; сквавы (женщины) завернули въ нихъ все движимое имущество и патагонцы пустились ловить своими *ласо* бродившихъ на свободѣ лошадей. Можно-ли было оставаться мнѣ въ спячій положеніи среди всеобщаго безпримѣрнаго шума и движенія? Боль моя еще болѣе усилилась. Шалапъ Парозильвера былъ снятъ и свернутъ, какъ и прочіе, и мнѣ, чтобъ не остаться совершенно голоднымъ и въ этотъ день, оставалось слѣдовать за новою экспедиціею на охоту. Патагонцы уносятъ съ собою въ своихъ переселеніяхъ не только кожаныя покрывки своихъ вигамовъ, но даже жерди и колья, которые служатъ для нихъ построенія. Что-же касается до движимаго имущества патагонцевъ, то ничто не можетъ быть удобнѣе его при переносѣ, потому-что рѣдко когда оно состоитъ изъ чего-нибудь иного, кромѣ кожъ гуанако, на которыхъ они спятъ, огнива, помѣщаемого обыкновенно въ бычачьемъ рогѣ, маленькихъ деревянныхъ заостренныхъ по обоимъ концамъ палокъ, на которыхъ жарится мясо убитыхъ животныхъ, для нѣкотораго рода ведра, спитаго тоже изъ кожи, для воды и для другихъ домашнихъ потребностей.

Палатки и движимость, о которой я сейчасъ упоминалъ, навьючиваются на лошадей.

Во время странствованій, «папузовъ» или малолѣтнихъ дѣтей, неумѣющихъ еще ходить, привязываютъ также къ спинѣ лошадей въ маленькихъ деревянныхъ коробкахъ, округленныхъ по обѣимъ сторонамъ и похожихъ немного съ виду на савки. Санки эти привязываются очень крѣпко узкими ремнями и маленькіе патагонята помѣщаются въ ихъ тѣсномъ пространствѣ такимъ образомъ, что голова ихъ и ноги находятся гораздо ниже середины туловища, по причинѣ выпуклой формы для этихъ новаго рода люлекъ; всякій согласится, что такое положеніе не можетъ быть слишкомъ удобно для патагонскихъ младенцевъ, если они сколько-нибудь могутъ быть чувствительны къ физическимъ страданіямъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, потому-что патагонцы приучаютъ своихъ дѣтей съ самаго перваго дня рожденія къ разнымъ лишеніямъ, быдствіямъ и переѣнамъ температуры. Салазки эти, съ ихъ живымъ грузомъ, помѣщаются наверху прочей поклажи на которой обыкновенно сидитъ мать ребенка, вротанувъ ноги къ головѣ лошади и склывая ими, сколько есть силы, шею бѣднаго животнаго; вмѣсто хлыста у патагонскихъ наездницъ бываетъ какой-нибудь заостренный кусокъ дерева, во-

торымъ оубъ помянуто колятъ лошади бока, что ускораеть бѣгъ ея.

Паузы, неочень, повидимому, расположенны къ подобному, удобству и роду перевоза, кричатъ во все горло. Матушки, тетушки и сестрицы вторять имъ дѣлкимъ хоромъ въ свою очередь, повторяя слѣдующій папѣвъ:

— Хори! мютти, мютти! Хори! мютти, мютти! Хорп!

И это безъ малѣйшихъ варіацій до тысячнаго повторенія, пока у самихъ ихъ не пересохнетъ отъ усталости горло.

Всѣ распоряженія, при перемѣнѣ мѣстожительства, производятъ съ замѣчательною скоростью. Въ какіе-нибудь полчаса, на прежнемъ мѣстѣ не оставалось уже ни одной палатки; все племя, съ его жилищами, съ мебелью, уже иной описанною, женами, молодымъ патагонскимъ пеколѣниемъ сидѣло на лошадяхъ и востройная кавалькада, походилъ на цыганскій таборъ, пускалась въ дорогу.

На этотъ разъ произошло, впрочемъ, маленькое замедленіе, потому-что необходимо было подкрѣпить, для дальняго пути, силы какою-нибудь пищею. Что было только найдено, то и было тотчасъ уничтожено безъ всякой разборчивости; но, не смотря на все это, закуска была до того скудна, что только раздражила мой аппетитъ и возбудила непреодолимое желаніе также какъ-нибудь и пообѣдать. Въ тотъ день, по крайней-мѣрѣ, передъ вечеромъ, общее требованіе увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ: патагонцы добыли много дичи, которою можно было удовлетворить голоду цѣлаго племени. Эта добыча распространила повсюду веселье и общее довольство.

Нужно при этомъ замѣтить, что патагонцы никогда не бываютъ въ затрудненіи для отысканія удобной мѣстности своему новому кочевью. Общее однообразіе страны, хотя и покрытой нѣсколько несходными между-собою возвышенностями и холмами, и прежнія, даже самыя давнія мѣста ихъ кочевья были имъ, кажется, такъ памяты и до того извѣстны, что въ то время, когда я не могъ различить, по какой-либо особенной приметѣ, гдѣ мы находились, патагонцы возвращались къ прежнему своему обиталищу, въ какомъ-бы дальнемъ разстояніи ни находилось оно отъ новаго, всегда самымъ кратчайшимъ путемъ, по прямой линіи, какъ будто-бъ они были птицами и могли сверху обозрѣвать все пространство, для избѣжанія лишнимъ круговъ. По возвращеніи въ тотъ вечеръ съ охоты, я былъ удивленъ тѣмъ, что не замѣчалъ ни малѣйшаго признака, который-бы показывалъ существованіе близости воды, что удивительно противорѣчило обычаю патагонцевъ; но вскорѣ я замѣтилъ, что женщины взяли свои кожаныя ведра и выходили, одна за другою, изъ хижины. Любопытство подстрекнуло меня слѣдять за ними и,

пройдя небольшое разстояніе, я увидалъ источникъ, изъ котораго они черпали въ эти кожаныя ведра воду, наполнивъ ею предварительно пустые бычачьи рога.

Въ теченіе этого времени я имѣлъ случай изучить многіе еще неизвѣстные мнѣ нравы и обычаи патагонцевъ. Однажды, предъ закатомъ солнца, смотря черезъ откинутый пологъ нашей хижины на долину, я увидалъ въ разстояніи двухъ-сотъ, не болѣе, шаговъ отъ жилища Парозильвера, необычайное стеченіе туземцевъ. Сборище состояло, по-крайней-мѣрѣ, изъ пятидесяти человекъ и предводительствовалось однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ изъ дѣлаго патагонскаго племени. Вся эта толпа шла прямо къ нашей хижинѣ. Изумленный и испуганный этимъ зрѣлищемъ, я поспѣшилъ узнать о происходившемъ отъ стараго Парозильвера. Не отвѣтивъ мнѣ ни слова, онъ пошелъ въ задній конецъ шалаша и сѣлъ на маленькой своей постели, состоявшей, по особенному исключенію изъ общаго правила, изъ лошадиной шкуры. Неподалеку отъ него висѣлъ ножъ его на сучкѣ одной изъ жердей, которыя поддерживали это шаткое строеніе. Онъ снялъ этотъ ножъ, положилъ его къ себѣ на колѣна и, сложивъ на груди руки, продолжалъ безмолвствовать. Изъ этого воинственнаго положенія его я заключилъ, что что-нибудь происходило не такъ, какъ слѣдуетъ, и дѣла приняли дурной оборотъ. Постоянно томимый предчувствіемъ чего-нибудь недобраго и въ предостереженіе опасностей, которымъ я могъ неожиданно и случайно когда-нибудь подвернуться, я, незадолго до того дня, отыскалъ въ маленькомъ арсеналѣ патагонскаго старшины рукоятку отъ какого-то ножа, и старое заржавленное лезвіе, которое утвердилъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Старый Парозильверъ позволялъ мнѣ носить это оружіе, припрятаннымъ подъ курткой на груди, для охраненія моей личной безопасности, въ случаѣ какаго-нибудь одиночнаго нападенія на мою важную особу: всякое другое оружіе мнѣ было воспрещено. Я помѣстился противъ него, опустившись на колѣна болѣе для того, чтобъ удобнѣе говорить съ нимъ и сообщить ему свои мысли, чѣмъ для того, чтобъ виѣшніе враги, которымъ я рѣшился дорого продать жизнь мою, могли меня видѣть въ такомъ унизительномъ положеніи. Развязка, казалось, была близка и ужасна, потому что старый старшина принялъ оборонительное положеніе и былъ, такъ сказать, осажденъ въ стѣнахъ собственнаго жилища.

Между-тѣмъ, толпа все болѣе и болѣе стѣснялась вокругъ хижины и увеличивалась новыми пришельцами; нѣкоторые изъ возмущившихся патагонцевъ присѣли на корточкахъ на землю, другіе смотрѣли во внутренность нашей хижины сквозь отверстіе кожь; наконецъ, одинъ изъ патагонцевъ началъ говорить съ Парозильверомъ, и они разговаривали

довольно долгое время шопотомъ такъ, что нельзя было ни понять, ни уловить ни одного слова, только одни сильные и выразительныя тѣлѣдвиженія показывали, что предметъ разговора былъ очень жарокъ. Толпа, находившаяся передъ входомъ, судя по глухому ропоту и оживленности отдѣльныхъ переговоровъ, была, кажется, также не менѣе воодушевлена и нетерпѣлива. Я приглядывался и прислушивался ко всему, съ понятнымъ для каждаго любопытствомъ и ужасомъ въ то время, какъ старый Парозильверъ повторялъ упорно и съ холоднымъ величіемъ, соединеннымъ съ выраженіемъ гнѣва, одни и тѣ же слова. Ужасъ мой дошелъ до крайняго предѣла; вся надежда моя основывалась на старомъ Парозильверѣ и потому я старался, какъ могъ и какъ зналъ, поощрять его дѣйствовать въ мою пользу; я дружески ударилъ его слегка, раза три или четыре по широкой груди и сказалъ ему, что знаю, какъ онъ добръ и потому твердо увѣренъ, что онъ не допуститъ патагонцевъ сдѣлать мнѣ какое-нибудь зло.

— Иди спать,—отвѣчалъ мнѣ старый Парозильверъ:—ни одинъ изъ патагонцевъ не переступитъ нынѣшнею ночью порога моей хижины.

— Чего-же они желаютъ?—спросилъ я снова Парозильвера:—Что требуютъ отъ тебя твои подчиненные?

Не удостоивъ меня отвѣтомъ, старшина продолжалъ свой таинственный разговоръ съ толпою, находившеюся за дверями нашего жилища. Парозильверъ повторилъ мнѣ приказаніе ложиться; но, разумѣется, что въ подобныхъ обстоятельствахъ о снѣ нечего было и думать. Никогда еще я не чувствовалъ такого желанія бодрствовать, какъ въ ту минуту; я былъ на сторожкѣ и весь обратился въ зрѣніе и слухъ, сжимая, сколько во мнѣ было силы, мое единственное оборонительное оружіе—ржавый ножъ, припрятанный за рубашку.

Вдругъ старый Парозильверъ обратился, и глаза его встрѣтились съ моими; онъ въ третій разъ, самымъ повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ ложиться. Это приказаніе показалось мнѣ мучительнѣе, чѣмъ еслибъ онъ поставилъ меня на горячіе угли: я видѣлъ, что мнѣ необходимо было прабѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ средствамъ. Я бросился къ нему, обнявъ руками его шею, снова началъ тихонько бить его по груди и, уставивъ глаза свои съ умоляющимъ выраженіемъ въ его глаза, просилъ дрожащимъ голосомъ сказать мнѣ, въ чемъ было дѣло.

— Что, развѣ они хотятъ убить меня, что-ли?—проговорилъ я старому Парозильверу.

— Не—бойся,—удостоилъ лишь онъ тогда меня отвѣтомъ:—они не желаютъ тебѣ никакого зла; дѣло идетъ совсѣмъ не о твоей жизни, весь шумъ произошелъ оттого, что одинъ патаговецъ требуетъ себѣ

жену—бѣдный, очень бѣдный патаговецъ, у котораго нѣтъ ни лошадей, ничего, однимъ словомъ: я не далъ ему жены.

Признаюсь, что въ первую минуту я никакъ не могъ повѣрить этому прозаическому объясненію патетической сцены, которая такъ сильно напугала меня. Когда я замѣтилъ, что Парозильверъ немного успокоился и сдѣлался общительнѣе, я сдѣлалъ ему другой вопросъ:

— А что говорить на это бѣдный патаговецъ?

— Онъ говоритъ: при первомъ удобномъ случаѣ, онъ наворуетъ столько лошадей, сколько угодно, и что онъ никогда не заставитъ жену свою терпѣть нужду въ жирѣ; онъ утверждаетъ, что онъ хорошій охотникъ и превосходный воръ, — отвѣчалъ мнѣ Парозильверъ.

Эти одни достоинства имѣли въ глазахъ патагонскаго старшины неотъемлемыя права на женитбу; но онъ добавилъ, что, по его убѣжденію, проситель былъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы быть отличными воромъ, и никогда не добудетъ себѣ лошади. Это мнѣніе высказано было Парозильверомъ и противной сторонѣ.

— Ты очень бѣденъ; ты ни на что не способенъ—вотъ мое послѣднее слово,—отвѣчалъ старшина сватавшемуся патагонцу.

Послѣ многихъ другихъ переговоровъ, требованій, просьбъ и напраснаго волненія, толпа, стоявшая у нашего порога, мало по-малу начала разсѣиваться и наконецъ окончательно разошлась. Какъ-будто освобождаясь отъ какого-то тяжелаго камня, лежавшаго на моемъ сердцѣ, я немного успокоился и заснулъ.

Препятствія, которыя встрѣтилъ бѣдный патаговецъ въ любви своей, сильно подстрекали мое любопытство; мнѣ хотѣлось узнать поподробнѣе объ условіяхъ патагонскаго брака, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ случая собрать о нихъ должныя свѣдѣнія отъ моего хозяина. Въ отвѣтъ на всѣ предложенныя мною вопросы, Парозильверъ объяснилъ мнѣ, на другой день, что ни одинъ бракъ не совершался въ патагонскомъ племени, безъ разрѣшенія и согласія старшины; а по понятіямъ Парозильвера, только одинъ искусный охотникъ и опытный лошадиный воръ имѣлъ право требовать себѣ жену.

— Но это послѣднее достоинство,—прибавилъ старшина:—зависитъ часто отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, требуетъ иногда долгаго времени, и случается, что бракъ отсрочивается на неопредѣленный срокъ.

Главная обязанность предлагающаго свою руку патагонской красавицѣ состоитъ въ томъ, чтобы снабжать ее мясомъ и жиромъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не окажется-вполнѣ ея достойнымъ и сдѣлается до того достаточенъ, что будетъ въ состояніи содержать ее. Тогда только женихъ

ведеть невѣсту въ свой виггамъ. Если патаговецъ дорожитъ своею му-
ри, какъ всякій изъ нихъ готовъ то высказывать на словахъ, то онъ
можетъ скоро соединиться съ нею брачными узами. Обладаніе двумя ло-
шадьми, изъ которыхъ одна должна носить мужа, а другая принадлежать
женѣ, почитается, кажется, первымъ и необходимымъ условіемъ для со-
вершенія брака. Безъ этого нельзя отваживаться на сватовство.

Патагонскія женщины имѣютъ въ своемъ характерѣ несчастную на-
клонность ссориться между собою, и чуть только ихъ бранчивое распо-
ложеніе переходитъ въ дѣйствіе, онѣ дерутся, какъ тигрицы. Ревность
бываетъ самымъ обыкновеннымъ и всечаснымъ поводомъ къ подобнымъ
битвамъ. Когда какая-нибудь патагонская женщина подозреваетъ, что ея
супругъ и повелитель обратилъ нѣжное свое вниманіе на другую жен-
щину, она старается всѣми хитростями открыть соперницу и бросается
на очаровательницу съ яростью дикаго звѣря. Та начинаетъ, съ своей
стороны, защищаться съ равною дикостью; удары съ той и съ другой
стороны сыпятся какъ градъ; противницы терзаютъ ногтями, рвутъ во-
лосы, кусаютъ и уродуютъ одна другую. Вѣтренный супругъ, если онъ
пойманъ въ нилу нѣжныхъ переговоровъ, преспокойно удаляется и въ
нѣкоторомъ отдаленіи слѣдитъ за ходомъ побоища, которое почти всегда,
вмѣсто того, чтобъ огорчать его и тревожить, напротивъ, льститъ его
самолюбію и приводитъ въ самое веселое расположеніе духа. Вмѣсто
того, чтобъ разнять ссорящихся, прибѣгающіе на шумъ сосѣди еще
подстрекаютъ враждующія стороны и весь виггамъ трещитъ и дрожитъ,
какъ корабль среди порывовъ урагана.

Какъ значительно позволеніе старшины на совершеніе брака, такъ
ничтоженъ самый обрядъ его. Только-что согласіе старшины изъяснено,
женухъ уводитъ невѣсту въ свой виггамъ безъ всякихъ церемоній и уве-
селеній, въ какомъ-бы *высшемъ кругѣ* патагонскаго общества ни про-
изошло супружеское соединеніе.

Однажды вечеромъ, когда мы, то-есть старшій Парозильверъ, че-
тыре жены его, дочери, его внучата и я, сидѣли, по обыкновенію, по
разнымъ угламъ хижины и были покрыты еще невиданнымъ мною въ
такой степени густымъ дымомъ, я былъ зрителемъ и свидѣтелемъ од-
ного брачнаго случая, который не могу удержаться, чтобъ не разсказать.

Въ то время, когда цѣлое семейство Парозильвера, наподобіе вет-
чины, коптелось въ удушливой атмосферѣ, а я лежалъ ничкомъ на
землѣ, укутавъ голову кускомъ гуанаковой кожи (единственное по-
ложеніе, которое, какъ ужъ было сказано, кое-какъ позволило мнѣ еще
дышать), послышался шумъ многихъ шаговъ и неясный шопотъ, и вслѣдъ
за этимъ, за дверьми хижины, раздался хриплый гогосъ, видимо пред-

назначенный оглушить кого-нибудь изъ находящихся въ нашей жемчужинѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ, старый Парозильверъ не преминулъ отвѣчать. Я расслушалъ хотя въ первую пору немного но все-таки довольно для того, чтобъ быть спокойнымъ; разговоръ нисколько не касался меня; поведомствъ къ нему служила женщина. По мѣрѣ того, какъ разговоръ все болѣе и болѣе завязывался и оживлялся, спокойное расположеніе старшины, казалось, немного начало возмущаться. Приподнявъ немного голову, а обвелъ, сквозь дымъ, кругомъ наблюдательный взоръ, чтобъ угадать по лицамъ женскаго состава нашей толпы, которая изъ нихъ должна быть болѣе заинтересована? Одного взгляда было достаточно, чтобъ убѣдиться, что одна изъ дочерей Парозильвера, повидному вдова, потому-что одно печалье, преклощенное самыхъ блестящихъ ожиданій, покоилось на землѣ у ногъ ея, слушала разговоръ съ самымъ пугливымъ вниманіемъ. Близъ вдовы сидѣла мать ея, подперши рукою подбородокъ, съ лицомъ тоже очень озабоченнымъ. Невидимый ораторъ былъ, казалось, нѣжнымъ вздыхателемъ прелестей дочери Парозильвера; его исканія вероятно до-тѣх-поръ отвергались, и онъ рѣшился на новую попытку, подкрѣпляемый предстательствомъ и присутствіемъ пріятелей и друзей.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ ему Парозильверъ, какъ отвѣчалъ онъ, недавно предъ этимъ, немущему натагонцу:—ты очень бѣденъ; ты ни къ чему неспособенъ; у тебя нѣтъ лошадей, и потому ты не достоинъ быть не только моимъ зятемъ, но даже чьимъ бы то ни было зятемъ—вотъ мое послѣднее слово. Удались!

Проситель, которому ясный отвѣтъ этотъ, очень понятно, показался ни лестнымъ, ни удовлетворительнымъ, повторялъ свою просьбу съ возрастающею энергіей.

— Если онъ не нѣтъ лошадей,—возразилъ онъ на отказъ Парозильвера,—то виною этому было только то, что не представалось благоприятнаго случая для кражи, а нисколько не недостатокъ желанія и охотности, съ которыми онъ можетъ пріобрѣсти не одну, а множество лошадей, чуть только онъ подвернется ему подъ-руку и въ счастливый часъ. По его словамъ, никто искусиле его не могъ нагнуть *lasso* на бѣгущую во весь галопъ лошадь, и никто не былъ такимъ опытнымъ и неутомимымъ охотникомъ.

— Жена моя, — продолжалъ неотступный проситель, — никогда не будетъ нуждаться ни въ мясѣ, ни въ жирѣ.

Не смотря на все эти громкія похвалы самому себѣ и утѣшительныя обещанія, старый Парозильверъ оставался непреклоннымъ и, наконецъ, вторично и рѣшительно объявлялъ, что онъ даже и слушать не хочетъ о подобныхъ предложеніяхъ.

Истощивъ весь запасъ своего краснорѣчія, нѣжный дыхатель обратился тогда къ своей красавицѣ, прося, чтобы хоть она оказалась благосклонной къ его страсти. Онъ повторилъ ей тѣ же самыя обѣщанія, въ которыхъ, разумѣется, жиръ занималъ первое мѣсто. Не будучи въ состояніи противиться такой пылкой страсти и такимъ доказательствамъ, молодая патагонка начала просить отца согласиться на ихъ соединеніе; но старый Парозильверъ былъ неумолимъ. Напрасно пробовала также и мать говорить въ пользу молодыхъ людей. Суженый, по словамъ ея, былъ гораздо лучше и достойнѣе молвы, которая ходила о немъ, только старшина не отдавалъ ему полной и должной справедливости. Старуха заключила свое внимательство предсказаніемъ, что современемъ молодой патаговецъ самъ будетъ великимъ начальникомъ, искуснымъ лошадинымъ воровъ, однимъ словомъ: партією самую выгодною и блестящею для нихъ дочеря.

До этихъ поръ патагонскій старшина еще старался кое-какъ воздерживаться отъ неумѣренныхъ порывовъ, но тутъ, ни мало не удовольствовавшись всѣми возможными «быть-можетъ», вмѣшиваемыми въ убѣжденія, онъ вышелъ изъ себя и раздражительность его не имѣла уже болѣе предѣловъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ колыбель панузы и просто выбросилъ вонъ изъ хижины; за колыбелью, безъ всякаго промежутка, вылетѣли туда-же, послѣдовательно, вся движимость и всѣ прочія вещицы, принадлежавшія его дочери. Послѣ этого оригинальнаго перемѣщенія, съ мѣста на мѣсто движимой собственности, старый Парозильверъ приказалъ и дочери послѣдовать туда-же.

Въ эту рѣшительную минуту мнѣ показалось, что на губахъ молодой патагонки мелькнула радостная улыбка; и въ-самомъ-дѣлѣ лицо ея выражало какое-то самодовольствіе, быть можетъ, отрадная мечта объ обѣщанныхъ наслажденіяхъ, мечта о достаточномъ количествѣ жира и мяса, подерживала въ эту минуту ея мужество среди такой сильной домашней грозы. Не возражая ни слова и не стараясь нисколько упрямивать стараго Парозильвера, она оставила палатку вмѣстѣ съ своею матерью, которая помогла ей собрать всѣ вещи, и подняла колыбель панузы, отброшенную сильной рукой старшины на довольно далекое разстояніе.

Между-тѣмъ старый Парозильверъ опять усьлся на свою лошадиную шкуру, поджавъ подъ себя ноги, и принявъ такой страшно-смѣшной видъ, что мнѣ одну минуту почудилось, не сидятъ-ли предо мной раздраженная старая обезьяна—такія гримасы подергивали всѣ его черты.

Черезъ нѣсколько времени и дочь и мать снова возвратились въ хижину и внутри ея тотчасъ-же началась разыгрываться новая семей-

ная сцена. Едва только Парозильверъ замѣтилъ ихъ, какъ звукъ, похожій на смѣшанное хрюканье съ рыканьемъ, и даже болѣе подходящий къ послѣднему, чѣмъ къ первому, вырвавшійся изъ его огромной гортани, возвѣстилъ о повѣсть изверженія патагонскаго волкана. Въ этотъ разъ весь громъ обрушился на одну только жену. Доказательство супружескихъ преимуществъ было совершенно, и старая патагонка не проронила ни одного слова въ цѣлую ночь. Мнѣ кажется, что совѣсть цемного мучила Парозильвера, потому что онъ спалъ очень дурно и пробуждался нѣсколько разъ. Чуть только разсвѣло, онъ пошелъ въ шалаши новообращенныхъ и имѣлъ съ ними продолжительный разговоръ. Первоначально онъ старался выказаться строгимъ и неумолимымъ въ отношеніи къ молодымъ супругамъ, но потомъ, благодаря ихъ патагонской, тонкой дипломатіи, дѣла приняли болѣе благопріятный оборотъ и въ тотъ-же самый день, къ вечеру, влюбленная чета окончательно переселилась, со всѣмъ своимъ имуществомъ, подъ общій кровъ съ тестемъ.

Вскорѣ патагонцы снова снялись съ мѣста и пошли по направленію къ западу; въ продолженіе пути мы добыли себѣ значительный запасъ дичи.

Я никогда не могъ узнать, обожаютъ-ли патагонцы, какъ прочія дикія американскія племена, Верховное Существо, или имѣютъ-ли крайней-мѣрѣ, какое-нибудь понятіе о Немъ. Въ единственной изъ ихъ торжественныхъ церемоній, имѣвшей религіозный характеръ, табачная трубка составляла главный предметъ; но я не могу полагать, чтобъ она была для нихъ предметомъ поклоненія. Я передалъ моимъ читателямъ все мною видѣнное и попрошу ихъ, чтобъ они сами судили. Вотъ какъ происходитъ эта церемонія, которую я подмѣтилъ, сколько могъ и сколько позволяла мнѣ осторожность, препятствовавшая предаваться слишкомъ большому любопытству, чтобъ не навлечь на себя мщенія недоброчивыхъ и подозрительныхъ дикарей. Церемонія эта еще и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, очень живо сохранилась въ моей памяти.

Человѣкъ двѣнадцать, всегда почти не болѣе, патагонцевъ собираются обыкновенно въ вигамъ, и очень рѣдко на открытомъ воздухѣ, и располагаются тѣснымъ кружкомъ. Посрединѣ этого кружка ставится на землѣ чаша, сдѣланная изъ куска гуанаковой кожи, которой, когда еще кожа сыра, стараются придать, для этой церемоніи, овальную форму и потомъ тщательно высушиваютъ, чтобъ сохранить данный видъ; иногда, вмѣсто чаши, ставятъ на землю бычачій рогъ; эту чашу, или рогъ, наполняютъ водой, потомъ берутъ трубку, сдѣланную изъ какого-нибудь камня, и набиваютъ ее стружками дерева, похожаго на черное

дерево; стружки эти смѣшиваютъ съ рубленымъ табакомъ туземнаго произрастенія. По исполненіи этого первоначальнаго обряда, общество ложится правильнымъ кругомъ ничкомъ на землю, прикрывъ себя кожаными плащами головы, какъ капюшономъ. Пролежавъ такъ нѣкоторое время неподвижно, трубку закуриваютъ. Одинъ изъ патагонцевъ беретъ ее въ ротъ (потому-что порядочныхъ, правильныхъ чубуковъ они еще изобрѣсти не догадались) и втягиваетъ въ себя столько дыму, сколько лёгкія способны поглотить его. Трубка передается потомъ сосѣду и такъ обходитъ цѣлый кругъ съ тою-же самою церемоніей. Чуть только трубка перейдетъ въ руки втораго патагонца, первый затягиваетъ возгласъ, состоящій изъ соединеннаго воля и какого-то хрюканья, сопровождаемый легкимъ покачиваньемъ головы, и продолжаетъ этотъ рядъ арій до-тѣхъ-поръ, пока послѣдняя струя дыма, медленно выходящаго изъ гортани, окончательно не разсѣется въ воздухѣ. Такого рода концертъ дѣлается вскорѣ общимъ и наконецъ обращается въ такой вой, что, кажется, отъ него въ состояніи убѣжать не только люди, но и самыя испугливыя дикія животныя. Шумъ и гулъ этотъ, смотря по тому, какъ выходитъ послѣдняя струя табаку изъ патагонскихъ горлъ, начинаетъ постепенно ослабѣвать и наконецъ стихаетъ окончательно. Послѣ минутнаго глубокаго молчанія, каждый патаговецъ опиваетъ нѣсколько глотковъ воды. За этимъ удовлетвореніемъ жажды слѣдуетъ новое торжественное молчаніе, среди котораго каждый изъ присутствующихъ погружается въ минутное сосредоточенное размышленіе и наконецъ все медленно расходится съ самымъ торжественнымъ и озабоченнымъ видомъ.

Какъ должно судить о подобномъ зрѣлищѣ? Если оно наружный религіозный обрядъ особеннаго какого-нибудь служенія, или престо обычное какое-нибудь простое препровожденіе времени, свой родъ развлеченія, въ родѣ нашихъ раутовъ и нашихъ условенныхъ гуляній по бульварамъ и по улицамъ, на которыхъ все собираются, а между-тѣмъ никто не знаетъ другъ друга? Я не могу сказать утвердительно на разныя явленія, сопровождающія это таинственное собраніе; почти определенное число людей, въ немъ участвующихъ, серьезный видъ ихъ, не смотря на все странныя гримасы, которыми подергиваются черты патагонцевъ въ то время, ихъ простиранія на землю, покачиванье головы и наконецъ самый вой, неизбѣжій повидному смысла—все это и многія другія обстоятельства, которыя мнѣ легче упомянуть, чѣмъ описать, заставляютъ меня предполагать, что подобныя собранія заключаютъ въ себѣ какое-нибудь мистическое значеніе. Не смотря на то, что нѣкоторыя странныя явленія, происходящія въ этихъ собраніяхъ, о кото-

рыхъ я сейчасъ упоминалъ, можно объяснить физическимъ одуряющимъ свойствомъ табаку и, можетъ-быть, также какии-нибудь особенныя свойства дравянныхъ стружекъ, которыя патагонцы съ нимъ сѣмьиваютъ, — все остальное было для меня неразрѣшимую загадкой.

Никогда не старался я просить Парозильвера, даже въ самыя благоприятныя минуты, когда онъ бывалъ очень веселъ и ласковъ со мною, чтобъ онъ объяснилъ мнѣ цѣль и сокровенное значеніе подобныхъ курительныхъ и музыкальныхъ сборищъ. Постигнувъ, хоть и немного, характеръ патагонцевъ, я былъ слишкомъ остороженъ, чтобъ выказывать подобнаго рода любопытство и вступать въ разговоръ о такомъ нескотланномъ предметѣ. Съ моей стороны было бы очень неосторожно проникать подъ завѣсу тѣхъ тайнъ, которыми дикія племена окружаютъ свои религіозныя вѣрованія и, быть-можетъ, наклепать тѣмъ себѣ на голову необходимое мнѣніе. Я предчувствую, что нѣкоторые изъ читателей осудятъ меня въ этомъ отношеніи и даже нѣкоторые изъ нихъ, быть-можетъ, удивятся, что я, вида патагонцевъ, погруженныхъ во мракъ патанства, чтобъ не сказать въ совершенный моральный хаосъ атеизма, не вытался извлечь ихъ изъ заблужденія и вложить въ ихъ душу понятія о существованіи Бога истиннаго, о Его величіи, могуществѣ, щедротѣхъ и милостяхъ; я могу оправдаться, развѣ, только тѣмъ при этомъ справедливымъ упрекѣ, что я не понималъ достаточно ни испанскаго, ни туземнаго языка, чтобъ, какъ слѣдуетъ, передавать патагонцамъ понятія о такихъ предметахъ, которые выше ихъ разума и требуютъ глубокаго изученія и сильнѣйшаго краснорѣчія, чѣмъ то, которыми я могъ и могу похвалиться. Да, ни одно племя изъ всѣхъ мною видѣнныхъ и слышанныхъ, не нуждается такъ въ истинахъ Евангелія, какъ эти черныя великаны. Миссіонерамъ предстоитъ великое, славное поприще ввести благотворный свѣтъ христіанскаго ученія въ дикую, печальную страну эту, почти лишениую сообщенія съ остальнымъ существующимъ міромъ; они найдутъ въ ней племя, которому не нужно будетъ бороться съ своими прежними, закоренѣлыми азычскими убѣжденіями, чтобъ принять, подобно младенцамъ, на свою, еще пустынную, религіозную почву плодотворное сѣмя Нового Завѣта и вѣчнаго спасенія. Наконецъ я долженъ привести въ мое оправданіе, относительно этого, и то обстоятельство, что патагонцы слишкомъ глубоко ненавидѣли и подозрѣвали меня, и потому, вѣроятно, слова мои и мои убѣжденія не произвели бы надъ ними никакого вліянія; они бы оставались и глухи и слѣпы.

Патагонскія трубы дѣлаются изъ какого-то красноватаго твердаго камня и выдалбливаются желѣзными, или жѣдными обломками, заостренными на концѣ. Къ верхней оконечности трубы приделывается нѣчто въ

родъ жѣднаго короткаго чубука, котораго отверстіе равняется ширинѣ горлышка трубки; округливъ этотъ металлическій обручъ на палкѣ, патагонцы прикрѣпляютъ его и заливаютъ какою-то смолистою жидкостью, которая тотчасъ же твердеетъ и дѣлается похожою на коричневатый камень. Кузнечное мастерство находится у патагонцевъ въ самомъ жалкомъ и младенческомъ состояніи. Два твердые и плоскіе камня служатъ имъ и молотомъ и наковальней. Патагонцамъ совершенно неизвѣстно вліаніе огня на металлы, а также и закалка желѣза. Чтобы сдѣлать себѣ ножъ, они обыкновенно берутъ кусокъ желѣза, подходящій подъ форму желаснаго ножа, и принимаютъ потемъ пластить его между двумя камнями съ изумительною терпѣливостію, потому-что удары каменнаго нѣ молота очень слабы для того, чтобы желѣзо привало въ непродолжительное время тотъ видъ, который нужно ему придать. Выковавъ себѣ, послѣ медленной работы, ножъ, патагонцы заостряютъ его на довольно мягкомъ песчаникѣ и вдѣлываютъ въ деревянную рукоятку. Иногда они вливаютъ въ эту рукоятку свинецъ, чтобы лучше утвердить лезвіе; но, кажется, что этотъ металлъ у нихъ очень рѣдокъ. Прочія механическія искусства, если только можно назвать этииъ именемъ туземныя произведенія, также не болѣе подвинуты, потому-что во всемъ касающемся до изобрѣтенія и соображенія, всякій шестилѣтній американскій ребенокъ покажется гениемъ противъ этихъ великановъ, и можетъ прослыть у нихъ чудомъ и волшебникомъ. Я никогда не добивался этой чести и всеми силами старался показать имъ совершенную свою неспособность во всѣхъ ручныхъ производствахъ, изъ опасенія сдѣлаться работникомъ дѣлаго племени, и при всякомъ требованіи очень ловко отказывался отъ всякой услуги. Патагонцы наконецъ оставили меня въ совершенномъ покоѣ, почитая за человѣка сажого безсмысленнаго, удивляясь, какъ бѣлые могли выбрать себѣ такого начальника.

Одежды мужчинъ и женщинъ такъ мало отличаются одна отъ другой, что усовершенствованіе ихъ никакъ бы не могло имѣть двухъ различныиъ отраслей промышленности и искусства, какъ въ образованныхъ государствахъ. Женщины бываютъ въѣты и пертыми и портихами дѣлаго племени. Платье, или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ покрывала, служитъ единственною одеждою патагонцевъ и патагонокъ, и съ плечъ спускается до коленъ. Женскіе плащи прикрѣпляются, подъ подбородкомъ, маленькою заостренною палочкой, захватывающей булавку; мужчины придерживаютъ свои плащи рукою, и только во время охоты прикрѣпляютъ ихъ, крѣпко обвязавъ себѣ талию веревкой.

Для плащей этииъ выбираютъ кожи молодыхъ гуанако, но причиняютъ ихъ тожкости и пѣжвости шерсти. Для одного патагонскаго плаща та-

кихъ кожъ нужно по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать, потому-что онѣ употребляются при покрѣйкѣ не всею, а частями. Выдѣлка кожъ производится слѣдующимъ образомъ: сырыя кожи растагиваютъ предварительно на землѣ, прикрѣпивъ концы деревянными кольями, чтобъ дать имъ, какъ слѣдуетъ, высохнуть. Когда сырость уничтожится, кожи эти начинаютъ чистить острыми камнями, похожими на ружейные кремни, поливая время отъ времени водою, чтобъ облегчить работу. Когда внутренняя поверхность кожъ достаточно сгладится и приведется въ надлежащую толщину, ее начинаютъ натирать ровнымъ камнемъ до-тѣхъ-поръ, пока она не сдѣлается похожею какъ-бы на покрытую самымъ блестящимъ лакомъ, и потомъ снова просушиваютъ на солнцѣ, или на жердахъ внутри хижины, если погода неблагопріятна. Послѣ этой вторичной просушки, кожу гуанако мнутъ въ рукахъ и топчутъ ногами, чтобъ придать ей необходимую мягкость. Что же касается до нитокъ, то я ужъ сказалъ, что патагонцы не знаютъ другихъ нитокъ; кромѣ жилъ и нервовъ своихъ страусовъ. Жилы эти вытягиваютъ на палкахъ, заостряютъ на концахъ между двумя камнями и потомъ сушатъ. Выкронивъ двѣ кожи такъ, чтобъ обѣ половинки могли ровно сходиться между собою, патагонскія женщины прикрѣпляютъ одинъ конецъ ихъ острымъ гвоздемъ, или кускомъ дерева, и потомъ, взявъ другой гвоздь между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки, начинаютъ дѣлать скважины, пропуская въ нихъ тотчасъ-же страусовую жилу, которая находится у нихъ между безымяннымъ пальцемъ и мизинцемъ той-же руки. Работа эта очень похожа на сапожную, и нужно признаться, что швы выходятъ довольно ровно и красиво, что дѣлаетъ не малую честь патагонскимъ мастерамъ. Къ этимъ двумъ козамъ пришиваютъ такимъ-же способомъ другую, третью и такъ далѣе, пока не окажется ихъ достаточно для образованія полнаго плаща, и потомъ, намочивъ по швамъ водою, бьютъ ее страусовымъ жиламъ камнемъ, чтобъ ихъ сплющить, и наконецъ гладятъ костью. Но такъ-какъ, шерсть оборачивается внутрь, то, разумѣется необходимо бываетъ украсить и наружную сторону плаща. Смѣшавъ для этого достаточное количество глины, животной крови, жиру и древеснаго угля, артистъ, то-есть та же самая патагонская портниха, вооружается маленькою палочкой, расщепленной на концѣ въ видѣ щетки, и начинаетъ производить различныя фигуры, которыя бываютъ почти всегда черныя на красномъ фонѣ. Если художница воспроизвела фигуры человѣческія, то необходимо имѣть самое сильное воображеніе, чтобъ понять рисунокъ и вполне оцѣнить его. Фигуры эти, или, лучше сказать, патагонскіе іероглифы, можно скорѣе принять за привидѣнія какаго-нибудь неизвѣстнаго міра, если совершенство рисунка возведено

художницею до совершенства идеала, а въ противномъ случаѣ, за какіе-то уродливые древесные пни съ кудрявою верхушкой и четырьмя сукнами. Иногда подобныя изображенія очень походятъ на стулъ, поставленный бокомъ или на цифру 4.

Когда украшенія бывають окончены, края плаща обрѣзываются ножомъ и патаговецъ, или патагонка, одѣваются въ эту новую одежду съ такимъ самодовольствіемъ и гордостью, какъ какая-нибудь европейская барышня въ лучшей своей балный нарядъ.

V.

Покинувъ послѣднюю стоянку, патагонцы остановились на новое кочевье въ глубокой и болотистой долинѣ. Погода стояла холодная и бурная; дождь, снѣгъ, градъ, изморозь падали попеременно, безъ всякаго промежутка въ теченіе многихъ дней. Сильные порывы вѣтра потрясали патагонскіе шалаши, и, кажется, каждую минуту готовы были сорвать ихъ. Нашъ старый виггамъ противился довольно стойко этому непріязненному напору, но за то, по многимъ неисправностямъ своей постройки, и по изъясамъ, причиненнымъ ей временемъ, не могъ противостоятъ небеснымъ стихіямъ. Къ ночи въ разныхъ мѣстахъ въ хижины нашей оказалась течь и вода была сквозъ разныя отверстія ключами. Почти каждую минуту я пробуждался отъ новой, холодной струи, бѣжавшей подъ мою кожаную постель. Ударивъ нѣсколько разъ по крышкѣ хижины, чтобъ отдѣлится отъ нея напавшій на нее снѣгъ, такъ немилосердо таявшій, и встряхнувъ гуанаковую кожу, я снова бросался на землю, въ надеждѣ не быть уже болѣе тревожимымъ въ моемъ успокоеніи, и принужденъ былъ опять почти тотчасъ-же вскакивать отъ новаго наводненія и опять приниматься за очистку кожаной своей крыши. Я провелъ самую мучительную ночь, продрогъ, промокъ и ни на минуту не сомкнулъ глазъ. Едва только показался день, какъ я успѣшилъ выйти изъ хижины и началъ бѣгать по разнымъ направленіямъ, чтобъ отогрѣть оочевѣвшіе свои члены. Когда я возвратился, семейство моего хозяина и самъ онъ еще спали посреди лужъ такъ спокойно, какъ-будто среди самой теплой и сухой комнаты. Наконецъ проснулись и они, разложили огонь и вся природа приняла для меня какой-то новый, улыбающійся видъ.

Холодъ, довольно ощутительный уже и тогда, когда я сдѣлалъ первый шагъ на эту несчастную землю, сталъ еще сильнѣе, а у меня не было никакихъ средствъ снести суровость патагонской зимы. Мое испод-

нее платье, жилетъ, панталоны и куртка находились въ самомъ жакетѣ состояши, и висѣли клочками; одна часть моего платья износилась сама отъ времени, другую я самъ изорвалъ, какъ было уже мною сказано, чтобъ дѣлать напрасные сигналы кораблямъ, заштычаемымъ на проливѣ. Шейный мой платокъ, равно какъ и носовой, служили украшеніемъ женамъ стараго Парозильвера и сильно возбуждали зависть остальнаго прекраснаго патагонскаго пола. Единственная моя рубашка вся разлѣзлась и приняла такой неопредѣленный цвѣтъ, что все общество прачекъ цѣлой Европы не могло-бы утвердительно опредѣлить, какого цвѣта была она первоначально. Слой грязи и жиру, которыми были покрыты моя куртка и мои панталоны, обратили ихъ изъ суконныхъ въ настоящіе лаковые, или, точнѣе сказать, въ какіе-то какъ-бы стеклянные бутылочнаго цвѣта; башмаки мои тоже были не въ лучшемъ состояніи, и пальцы свободно могли изъ-подъ ихъ покрывки любоваться прелестью патагонскихъ окрестностей. Все, что находилось, при моемъ прибытіи, въ карманахъ моего платья, какъ-то: кошелекъ, ключи, складной ножикъ и другія мелкія вещицы — все это было конфисковано патагонцами, находилось въ различныхъ рукахъ переходило въ игръ отъ одного патагонца къ другому, до безконечности. Пара пистолетовъ, которыхъ употребленіе патагонцы не знали, была сломана, чтобъ снять всю находившуюся на нихъ мѣдь и сталь, которую жены Парозильвера навѣсили себѣ на шею и красовались, какъ-будто приобрѣли себѣ драгоценные камни, или жемчугъ. Однимъ словомъ: первоначальная моя и обыкновенная наружность измѣнилась, и я напрасно придумывалъ, что предпринять мнѣ и какъ оградить себя отъ наступающаго суроваго времени года? Моему воображенію не представлялось ничего, и я видѣлъ, что, волею и неволею, мнѣ нисколько нельзя было заботиться о будущемъ днѣ, ни о чемъ нельзя было думать (разумѣется кромѣ свободы), и потому я рассудилъ лучше не отягощать головы напрасными помыслами. Меня подкрѣпляла еще при этомъ утѣшительная пословица: утро вечера мудренѣе.

Въ началѣ моего плѣна, старшина и многіе другіе патагонцы устремляли на мою одежду жадные взоры, пытались уговорить меня разными хитростями, не прибѣгая, впрочемъ, никогда къ насмѣю (что не перестаетъ удивлять меня и по сію минуту), чтобъ я сбросилъ съ себя одежду и надѣлъ ихъ спокойный и несвязывающій движеніи первобытный костюмъ. Они не понимали, почему бѣлый имѣлъ такую нужду въ подобной искусственной оболочкѣ, тогда-какъ они обходятся безъ нея такъ легко; кожаный плащъ былъ, по ихъ мнѣнію, единственное одѣяніе, которое было необходимо порабочному человеку. Убѣжде-

ни подобнаго рода продолжалась довольно долго, дѣтъхъ—поръ, пока я не объяснилъ имъ, что въ этой одеждѣ я привыкъ съ дѣтства, что она предохраняла мое здоровье отъ всѣхъ неблагоприятныхъ переиънъ температуры и что я не могу снять ее, не подвергая опасности мою жизнь и, слѣдовательно, опасности и ихъ самихъ потерять чрезъ это обшанный табакъ, ромъ, пшеницу, лѣбъ, ножи, мѣдъ и прочее, имъ такъ щедро обшанное, за мою свободу. Это послѣднее обстоятельство, кажется, очень сильно подѣйствовало на патагонцевъ и они съ той поры ужъ никогда не заботились объ улучшеніи и преобразованіи моего гарда.

Ураганъ продолжался два дня и двѣ ночи; небо начало проясняться только на третій день. Около полудня этого дня я замѣтилъ большую толпу патагонцевъ обоого пола, собравшихся въ тѣсный кружокъ и разсуждавшихъ о чемъ-то съ большими одушевленіемъ. Всякій говорилъ и кричалъ, какъ только могъ больше и громче. Я поспѣшилъ освѣдниться о причинѣ этого страннаго волненія и узналъ, что будутъ колоть лошадей. Этотъ случай почитается обстоятельствомъ торжественнымъ у патагонцевъ. Мѣсто, избранное для закланія жертвы, назначено было невдалекѣ отъ нашей хижины, и я, отъ нечего дѣлать, пошелъ туда за туземцами. Бѣдная старая кляча, худая, надорванная, едва державшаяся на ногахъ, съ петлею на шеѣ, была окружена женщинами, которыя кричали оглушающимъ голосомъ какую то погребальную симфонію, которой все содержаніе заключалось въ словахъ: *Иэ! из! юнъ! юнъ! ларъ, ланулли, уанулли!*

Этотъ безконечно повторяемый гимнъ такъ раздражалъ мой слухъ, что я поспѣшилъ отойти подальше на благородное разстояніе.

Переднія ноги лошади были крѣпко связаны и потому нѣсколькими толчками ее опрокинули на землю и однимъ ударомъ пожа прекратили ее существованіе. Патагонцы такъ дорожатъ этими животными, что берегутъ ихъ до самой глубокой старости, и не прежде убиваютъ, какъ удостовѣрятся, что чрезъ нѣсколько дней лошадь должна сама издохнуть. По возвращеніи нашемъ въ вигамъ, намъ тотчасъ же принесли огромную часть лошадиного мяса, предназначеннаго для торжественнаго обѣда. Нѣсколько не медля, женщины принялись, по обыкновенію очищать его отъ костей, рѣзать на куски, втыкать на заостренныя палки и познать конину немногo съ огнемъ, бросали каждую собѣднику дымящіяся кровавые клочья своими грязными руками. Нужно было выбирать одно изъ двухъ: или умирать съ голода, или сдѣлать честь этому лакомому блюду. Охота была очень неудачна, стада гуанако вблизи не показывалось, страусовъ также, а патагонцы не

были изъ числа тѣхъ охотниковъ, которые бы рѣшились пуститься на удачу за добычей и напрасно томить себя и безпокоить, когда у нихъ подъ рукою находилось все, что годно для нихъ желѣзныхъ челюстей. Я увѣренъ, что читатель извинитъ меня, послѣ этого поясненія въ томъ, что я пересилилъ свое отвращеніе и ѣлъ жесткое мясо съ такимъ аппетитомъ, съ которымъ онъ, конечно, въ иной разъ, не вкушалъ самый сочный и нѣжный ростбифъ.

На другое утро, съ разсвѣтомъ, мы снова сняли свои кожанья жилища и пустились въ дорогу. Пространствовавъ цѣлыя сутки, патагонцы остановились и поставили свои жилища на мѣстѣ, очень мало отличавшемся своею почвою отъ покинутого нами утрамъ. Вѣрные принятому обыкновенію, тотчасъ же, по устройствѣ жилищъ, патагонцы принялись за игру и за уборку своихъ волосъ, которые, каждый поочередно, чесалъ другъ у друга щеткой, слѣланной изъ высушенныхъ кореньевъ.

Однажды вечеромъ семейство моего хозяина уѣлось кругомъ огня, распространявшаго самые густые клубы дыма, которые, кажется, очень радовали ихъ, потому что цѣлое общество производило самое сладостное похрюкиванье, между-тѣмъ, какъ я, злополучный европеецъ, долженъ былъ обнимать крѣпко-прекрѣпко грудь общей нашей матери земли. Одна изъ женъ старшины забавлялась, осыпая меня ругательствами; ей вторила время отъ времени другая жена; третья разбивала кости гуанако, вынимала изъ нихъ мозгъ и кормила имъ маленькаго своего сына Коханакъ, препоявенькаго, черномазаго уродца, похожаго больше на орангъ-утанга, чѣмъ на разумное существо, одаренное даромъ слава; четвертая и послѣдняя *скау*, надсматривала за кускомъ мяса, жарившимся предъ камелемъ и предназначеннымъ на ужинъ.

Двое другихъ сыновей Парозильвера играли въ углу и прерывали свою драку только для того лишь, чтобъ попросить и на свою долю мозгу. Успокоивъ немного этимъ свой аппетитъ, черномордые амуры опять принимались за игру, бить и колотить другъ друга, причемъ часть ударовъ падала и на меня. Вдругъ старый Парозильверъ, безмолвно присутствовавшій при этихъ живыхъ картинахъ, началъ ворчать своимъ глухимъ, гортаннымъ голосомъ, что-то на ухо женѣ, наблюдавшей за приготовленіемъ ужина. Повинуясь словамъ своего младаго супруга и повелителя, *скау* тотчасъ-же оставила свое кухонное занятіе и поспѣшно вынула изъ мѣшка, въ которомъ сохранялись разные инструменты и оружіе старшины, острый гвоздь, вставленный въ деревянную рукоятку. Въ ту-же минуту старый Парозильверъ распростерся ничкомъ на землѣ и снялъ свой плащъ; я догадался, что должи:

будетъ произойти какая-нибудь хирургическая операція, и не ошибся, и какого рода должна была быть эта операція и отъ какого тѣлеснаго недуга, лопнула-ли, какъ зрѣлый персикъ, кожа стараго Парозильвера отъ изумительной толщины, невиданной мною между папагонцами? Представлялась-ли необходимость перекроить и перешить великана, судя по гвоздю, который употребляли его жены при шитьѣ гуанакowych плащей? Миѣ было очень любопытно удостовѣриться, и потому, не смотря на сильный дымъ, выѣдавшій миѣ глаза и заставлявшій невольно плакать, я приподнялся на колѣна и началъ внимательно всматриваться. Жена Парозильвера, принявшая на себя должность хирурга, начала тогда втыкать гвоздь въ спину пациента и продолжала колоть до-тѣхъ-поръ, пока вся спина не покрылась сплошь густою черною кровью. Парозильверъ сносилъ эти проколы такъ терпѣливо и такъ гладнокровно, какъ-будто ему приставили только сотню пивокъ.

По окончаніи операціи, я спросилъ у Парозильвера: что заставило его рѣшиться на то, чтобы такъ рѣшили его кожу?

— У меня заболѣла поясница, — отвѣчалъ онъ миѣ:—а это самое лучшее средство противъ всѣхъ болей и лометь.

Я успѣшилъ замѣтить ему тогда, что въ моемъ отечествѣ имѣютъ, въ этихъ случаяхъ, большее уваженіе къ человѣческой кожѣ, и при подобныхъ недугахъ употребляютъ обыкновенно только одно наружное лекарство, жидкость, именуемую *оподельдокъ*, лекарство самое дѣйствительное, котораго я непремѣнно дамъ ему одну стьянку, какъ только онъ доставитъ меня, на вымѣнъ, въ его «Голландію».

Парозильверъ былъ повидимому очень радъ этому общианію, потому-что всегда, когда я напоминалъ ему внослѣдствіи о его словѣ представить меня въ Голландію и торошилъ отъѣздомъ, повторялъ миѣ:

— Хорошо, хорошо! Но только, смотри, прибавь къ рому, табаку, ножамъ, муки, рису, украшеніямъ для моихъ женъ и твоей воды отъ спинной боли.

Нисколько не заботясь объ унятіи крови, старый Парозильверъ всталъ на ноги и оперся объ одинъ изъ деревянныхъ отрубковъ, служившихъ основаніемъ его шалаша. Одна изъ трехъ остальныхъ его женъ сняла съ деревяннаго вертѣла мясо, бросила его полусырое на землю, на которой за минуту предъ этимъ лежалъ больной старшина, и отнявъ у дѣтей ножикъ, которымъ они играли и очищали свои ноги отъ нароста грязи и сажки, раздѣлила кусокъ жаркаго на большіе куски и начала бросать ихъ каждому изъ членовъ семейства, ловившему ихъ на-лету. Я былъ также удостоенъ этого лакомства! Аппетитъ Парозильвера нисколько повидимому не убавился отъ его нездоровья и отъ

того оригинальнаго врачебнаго пособія, которое онъ испытывалъ. Въ одну итговемію ека, часть, предназначенная ему—самая львиная доля — вичеала въ его широкой гортани за рядомъ крѣпкихъ, бѣлыхъ и подоб- ныхъ лошадинымъ, зубамъ.

Ревматическіи боли очень обыкновенны между патагонцами. Одна изъ женъ Парозильвера страдала также ревматизмомъ и получила пособіе посредствомъ той-же самой операціи, которую я описывалъ. Ей покололи всю руку отъ плеча до кисти. Это врачеваніе повторя- лось потомъ, и неоднократно, и надъ прочими членами достойнаго се- мейства моего хозяина.

Мы недолго оставались на этомъ новомъ мѣстѣ и скоро двинулись опять въ путь, если только не ошибаюсь по направленію къ западе-востоку-западу и, уничтожая дорогою множество гуанако и страусовъ, за- паслись на продолжительное время съѣтными припасами. Такой тяже- лый образъ жизни, чисто животная пища, постоянно все полусырая го- вадина, безъ иной перемѣны, кромѣ принужденной діеты въ продолженіе двухъ, а иногда даже трехъ и четырехъ дней, сильно подѣйствовали на- конецъ на мое здоровье: у меня сильно разстроилось пищеваженіе; я, впрочемъ, долженъ былъ ожидать этого и напрасно приписывалъ меди- цинскія средства, чтобы возстановить обыкновенныя дѣйствія желудка. Гдѣ можно было найти мнѣ какое-бы то ни было лекарство, кромѣ, какъ, развѣ, позволить также рѣшиться себѣ животъ, какъ Парозиль- веръ—опику?

Послѣ двухсутчнаго странствованія, патагонцы остановились близъ рѣки Галлѣгоса. Между возвышенными берегами этой рѣки струилась чистая, прозрачная вода, теряясь въ болотистой почвѣ. Болѣзнь моя до того усилилась, что я наконецъ началъ думать о приближающемся часѣ преждевременной смерти. Для излеченія недуга мнѣ оставалось только одно средство: перемѣнить образъ жизни и пищу; но какъ мож- но было мнѣ это сдѣлать и какъ уничтожить губительное зло въ са- момъ его началѣ, пока оно не развилось еще болѣе? Къ уладу фи- зическій силъ присоединился еще унадокъ моральной—потеря духа и воли. Ни одно существо человѣческое въ этой пустынной землѣ не заботилось о моихъ страданіяхъ; никто даже, кажется, не замѣ- чалъ ихъ, будто я былъ не болѣе, какъ мелудивая собака. Мысль о смерти тѣмъ болѣе устрашала меня, что къ ней постоянно начало при- мѣшиваться воспомнаніе о женѣ и о дѣтахъ, которыхъ я оставилъ на родинѣ, о судьбѣ, которая ожидала ихъ, когда останутся, безъ некрест- тала и защитника, одинокими сиротами. Посреди этихъ безотраднѣхъ обетавомѣхъ, средн этихъ мыслей, уничтожавшихъ послѣднее мое твор-

дость, у меня оставался единственный, могучій другъ и утѣшитель — несомнѣнная надежда на Провидѣніе.

Не проходило дня, чтобы я не нѣсколько разъ не вылезалъ изъ хижины, чтобы полюбозвѣться солнцемъ и подышать свѣжимъ воздухомъ. Мнѣ пришло однажды на мысль, что мнѣ могутъ быть полезны какія-нибудь растенія и нѣкоторые корни, потому-что, для восстановления здоровья, мнѣ прежде всего нужно было отстать отъ употребленія полусыраго мяса. Осматривая окрестности, я замѣтилъ одно растеніе изъ породы папоротниковъ, общее всѣмъ американскимъ племенамъ, очень невидное и очень слабое, но почему было — вопросъ — не попробовать его свойства? Въ моемъ положеніи нельзя было быть ни разборчивымъ, ни прехотливымъ, и потому я рѣшился не откладывать далѣе поисковъ къ измѣненію моего обыкновеннаго стола. Собралъ послѣднія оставшіяся силы, я принялся прилежно выкапывать корни этого папоротника и собирать ихъ. Возвратясь въ хижину, я тотчасъ же ископъ ихъ въ горячихъ угляхъ патагонскаго костра. Вкусъ корней оказался довольно сносивымъ; лекарство было найдено! Каждый день наполняя я этии корнями карманы и только ихъ и ѣлъ. Такая церемія цѣли очень много способствовала къ поправленію моего здоровья: съ каждымъ днемъ я чувствовалъ себя бодрѣе и крѣпче; притомъ, на мое счастье, погода стояла до того дурная, патагонцы пять дней не снимали своихъ палатокъ и проводили время въ пріятномъ *lag niente*. Не многимъ мнѣ это обстоятельство, а бы пропалъ: верхомъ на лошади я сидѣть не могъ; что же касается до того, чтобы слѣдовать за патагонцами нѣшкомъ, то я очень хорошо постигъ ихъ характеръ: они скорѣй рѣшились бы разбить мнѣ голову, чѣмъ согласились бы отсрочить изъ-за меня свои обѣды даже на одинъ день; они бы также и не согласились вѣти медленнѣе.

Черезъ нѣсколько дней другая лошадь, также старая и никуда не годная, какъ и первая, была убита съ обыкновенною церемоніей. Я не участвовалъ въ уничтоженіи ея остатковъ, потому-что карманы мои наполовину были болѣе здоровою и болѣе привлекательною провизіей; но я очень легко могъ предвидѣть ожидающую меня участь по участи бѣдной лошади, если-бы мнѣ, какъ и ей, суждено было умереть въ этой пустынѣ отъ истощенія силъ.

Скоро мы снова двинулись въ путь. Въ этотъ разъ направленіе было переимѣнено и мы начали спускаться внизъ по теченію рѣки.

На первомъ раздѣлѣ служба моя и обязанности измѣнились и я былъ удостоенъ отъ моего хозяина новаго назначенія. Было около двухъ часовъ пополудни, когда я, пообѣдавъ своими спасительными корнями, по-

шелъ бродить между патагонскими хижинами, чтобы какъ-нибудь убить скучное время и разсѣять мрачныя мысли, которыя, противъ моего желанія, лѣзли мнѣ въ голову и представляли картины самыя безотрадныя. Возвращаясь на свою квартиру, на логовище въ углу, я услышалъ голосъ стараго Парозильвера, который, приподнявъ кожаный пологъ входа, кричалъ мнѣ торопливо:

— Арке, Боней! Арке, Боней!

Поспѣшивъ явиться на призывъ, я увидалъ старшину разговаривающаго съ дочерью, съ той самой, которой бракъ былъ описанъ мною выше; голосъ Парозильвера былъ еще глуше и гортанище, чѣмъ когда-либо. Молодая патагонка шершавила рукой густые волосы своего малаго сына. Казалось, что она находила какую-то некрасивость въ хохлѣ его прически, и надвѣялась на мою помощь для приведенія кудрей въ надлежащій порядокъ. Старый Парозильверъ не далъ мнѣ времени углубляться въ разныя предположенія и тотчасъ приказалъ обстричь нѣкоторую часть вышеупомянутаго хохла. Напрасно отговаривался я, по принятому мною правилу, отъ исполненія этого приказанія неимѣниемъ приличнаго орудія. Топнувъ сердито ногой, мать приказала мнѣ умолкнуть и отрыла гдѣ-то ржавыя ножницы, которыя, казалось мнѣ, не могъ бы никого выстричь самый опытный и искусный парикмахеръ. Чтобы сколько-нибудь выиграть время и отдалить отъ себя противную минуту, я потребовалъ подпылка, чтобы снять по крайней-мѣрѣ ржавчину; къ моему несчастью, нашелся и кое-какой опилокъ; потомъ я взялъ камень и медленно началъ оттачивать концы. Дикари ожидали окончанія моей работы съ большимъ терпѣниемъ; наконецъ я все сдѣлалъ; отговариваться болѣе причинъ въ виду не имѣлось, и, я скрѣпя сердце, приступилъ къ дѣлу. Какіе волосы и какую невообразимо насаленную голову суждено было мнѣ стричь! Какіихъ ароматовъ были вмѣстѣлищемъ тѣ щетинообразныя пряди! Я невольно закрылъ въ первую минуту глаза и сомкнулъ рукой ноздри. Что же потомъ? спроситъ меня читатель? Потомъ—увы! я исполнилъ съ большимъ вниманіемъ и съ самою веселою улыбкою отвратительное ремесло, къ которому меня принудили, отрѣзавъ, какъ слѣдуетъ, хохолъ со всѣми его обитателями, и поспѣшно вышелъ изъ хижины, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

«Вотъ,—думалъ я про-себя:—вотъ я теперь сдѣлаюсь и парикмахеромъ, противъ моего желанія! Что, если, найдя мою стрижку удовлетворительною, придетъ вдругъ желаніе цѣлому патагонскому племени подставлять мнѣ, для уборки, свои шершавыя головы—что тогда будетъ со мною?»

Благодаря Бога, опасенія мои не сбылись; черные великаны слишкомъ много дорожатъ своими густыми и длинными гривами, такъ точнее всего можно назвать патагонское руно. Горькая чаша минула меня!

Въ новомъ переходѣ мы переправились черезъ рѣку Галлегосъ въ бродъ; вода доставала нашимъ лошадямъ только до коленъ, но теченіе ея было очень быстро и покрыто осколками льда. На самой серединѣ рѣки, лошадь, на которой я ѣхалъ, чего-то испугалась, поднялась на дыбы и, желая сдѣлать слишкомъ крутой поворотъ, опрокинулась въ воду и придавила меня своею тяжестью. Неохотный нырокъ и ушибъ, какъ неизбежное его слѣдствіе, были, конечно, неприятны и мучительны сами по себѣ; но, что еще хуже, къ довершенію моего злополучія во время этого паденія, я разбилъ стекло моихъ карманныхъ часовъ. Сколько ловкости и хитрости должно было мнѣ употребить, чтобъ скрыть часы эти отъ повсковъ черныхъ грабителей! Часы эти оставались для меня послѣднимъ средствомъ забавлять ихъ и сохранять ихъ расположеніе, когда истощатся все прочіе способы развлеченія: когда истощенная память и воображеніе не будутъ болѣе снабжать меня удивительными сказками; когда мои обѣщанія, повторяемые мною патагонцамъ, каждый день потеряютъ для нихъ свою прелесть, по долгому неисполненію и, наконецъ, когда-то мнимое величіе, которыя я пользовался въ Америкѣ, какъ мнѣ удалось ихъ увѣрить, начнетъ мало-по-малу лишаться своей обаятельной силы отъ постоянныхъ и все болѣе и болѣе униженій, которыя заставляли меня терпѣть патагонцы.

Побарахтавшись въ некоторое время въ водѣ, совершенно оледенившей меня, мнѣ удалось наконецъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія вмѣстѣ съ старою клячей. Она вскочила на ноги, я поспѣшилъ сдѣлать то же самое, и оба мы, конь и всадникъ, источая воду, достигли, одинъ за другимъ, противоположнаго берега среди громкаго смѣха и презрительнаго чуканья цѣлаго племени. Я снова взобрался кое-какъ на сѣдло, но такъ окоченѣлъ отъ этой неожиданной ванны, что почти тотчасъ-же долженъ былъ прыгнуть на землю и вести лошадь за поводъ, чтобъ быстрымъ бѣгомъ разогрѣть кровь и возратить членамъ необходимую имъ животную теплоту. Мы ѣхали внизъ по теченію рѣки по направленію къ Атлантическому океану.

Охота во время этого близкаго перехода была очень неудачна и мы снова раскинули наши палатки безъ всякой надежды имѣть на другой день какую-нибудь пищу, для подкрѣпленія силъ утомленныхъ продолжительною дорогой. Жены Парозильвера развели огонь и я поспѣшилъ приблизиться къ нему, какъ можно ближе, чтобъ просушить по-

крытое ледяной корою платье; но надежда и тутъ обманула меня; я успѣлъ высохнуть только вполовину и, дрожа отъ холода, усталый, проголодавшійся, бросился на мою кожаную гуанакую постель.

Погода на другой день стояла очень бурная, но къ полудню небо немного очистилось, вѣтеръ утихъ, дождь и снѣгъ также уменьшились и патагонцы рѣшились отправиться на охоту, чтобъ запаслись кое-какою провизіей.

Единственнымъ моимъ кушаньемъ, для утоленія голода, въ ожиданіи будущихъ благъ отъ удачной охоты, было немного жира, который остался мнѣ послѣ одной изъ женъ Парозильвера. Читатель не можетъ себя представить, съ какою жадностью глоталъ я это вещество, которымъ-бы, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, не рѣшился вымазать старыхъ башмаковъ. Охотники возвратились, хотя не скоро, но зато привозили страусовъ и *зунковъ*. * Парозильверъ получалъ на свою долю одного изъ этихъ четвероногихъ, котораго мясо не могло слишкомъ располагать аппетитъ въ его пользу; но въ этотъ разъ я совершенно позабылъ объ условіяхъ изысканаго вкуса, и обратился въ настоящаго патагонца самой чистой крови.

Въ теченіе трехъ сутокъ, которыя мы провели на нашемъ новомъ притонѣ, карманные часы мои, скрываемые до той поры съ такимъ тщательнымъ искусствомъ и хитростью, были наконецъ открыты, по неожиданному случаю, и появились на патагонскій свѣтъ. Невообразимая неоприятность туземцевъ какъ самихъ, такъ, болѣе, и жилищъ ихъ, расползаются наскочныхъ. Какія я ни предпринималъ предосторожности, чтобъ спастись отъ нашествія ихъ, все было тщетно! Враги наконецъ овладѣли мной совершенно; меня осыпали пѣлые шірады, и я терпѣлъ неслыханныя мученія отъ этихъ провоційцъ. Въ первый разъ, во все продолженіе моего плѣна, старшій Парозильверъ выказалъ ко мнѣ большое участіе. Видя мои страданія, онъ пожелалъ, чтобъ мое трудное состояніе было обвинительствовано, и приказалъ одному изъ патагонскихъ практиковъ избавить меня отъ безпокойныхъ гостей по всѣмъ правиламъ его высокаго искусства.

Когда я сталъ снимать съ себя для этого осмотра свои лохмотья, старшина замѣтилъ на груди моей сокрытое сокровище. Видя, что мнѣ не сохранить часы въ своей собственности, я, безъ всякаго колебанія, передалъ ихъ Парозильверу. Наружность часовъ привела его видимо въ восторгъ, потому-что онъ радостно похрюкивалъ и почмокивалъ; но те-ли еще было

* Капитанъ Борнъ называетъ, кажется, этимъ именемъ животное, принадлежащее къ породѣ грызуновъ, двуутробекъ, издающихъ неприятный запахъ.

от него, когда я, взявъ ключикъ, завелъ механизмъ и приложилъ часы къ его узу. Никогда дѣтя, видя какую-нибудь мудреную и блестящую игрушку, не было-бы въ состояніи дойти до того безумнаго восторга, который выказалъ старый патаговецъ! Я началъ объяснять ему значеніе стрѣлокъ, внутреннее устройство, употребленіе ключика, но онъ выказалъ такое презрѣніе ко всему и былъ только занятъ ступенъ колесъ: часовой ходъ казался ему чудомъ, неслыханнымъ и даже во сѣхъ невиданнымъ нѣтъ изъ смертныхъ, существующихъ на нашей круглой планетѣ. Рассказавъ потомъ Парозильверу случай, въ которомъ разбилось стекло у часовъ, я общалъ ему вставить новое тотчасъ-же, послѣ прибытія нашего въ «Голландію».

— Хорошо, очень хорошо!—отвѣчалъ благосклонно старшина:—оставь мнѣ рому, табуку, ножей, рису, украшеній для моихъ жонъ, жидкости отъ спинной боли и стекло, о которомъ говоришь ты, и я тотчасъ-же свезу тебя въ Голландію и передамъ съ рукъ на руки бѣлыниъ.

Послѣ осмотра, произведеннаго, по приказанію Парозильвера и въ его присутствіи, оказалось что тѣло мое поражено было кожною болѣзнію. Патагонскій старшина съ хладнокровіемъ и рѣшительнымъ видомъ опытнаго человѣка разбѣнялся нѣсколькими словами съ моимъ операторомъ, который, тотчасъ-же, послѣ этого немонатнаго мнѣ разговора, сталъ противъ меня, уставиъ на меня неподвижно свои круглые, черные глаза, расбѣня руками нѣсколько разъ воздухъ и принялся рычать такъ, какъ не рычатъ мой самый дикій и лютый звѣрь. Сравненіе это было очень удачно прибрано мною и не было нѣсколько преувеличено, какъ оказалось впоследствии, потому-что инспекторъ мой, порывавъ нѣсколько минутъ, вдругъ неожиданно прыгнувъ, впился мнѣ въ шею своими острыми зубами и началъ сосать кровь, сопровождая это дѣйствіе тѣмъ-же тигровымъ рычаньемъ.

Въ первую минуту я подумалъ, что послѣдній часъ земнаго существованія наступилъ для меня и что я буду съѣденъ живымъ; но лицо Парозильвера успокоило меня. На чертахъ его отражалось то же самое благосклонное участіе, которое я замѣтилъ уже передъ началомъ индивидунаго осмотра. Я наслу услыялъ высвободиться изъ объятій моего чудовищнаго врача, который могъ получить привычку къ вкусу моей европейской крови, и наконецъ гдѣ-нибудь въ-самомъ-дѣлѣ разорвать меня на части для своего канibalьскаго завтрака; я убѣдился впоследствии, что подобное высасываніе крови почитается патагонскою ученостью самымъ вѣрнымъ и правильнымъ леченіемъ противъ всѣхъ кожныхъ болѣзней.

Старый Парозильверъ не могъ расстаться съ часами и, не отнимая

изъ ни на секунду отъ уха, все еще жажно прислушивался къ ходу часовъ. Я тщательно завернулъ волшебное сокровище въ холщевую тряпку оторванную отъ моей рубашки, сверхъ которой наметалъ еще шкуру, снятую съ молодого жеребенка и, по требованію дѣйствительнаго владыка часовъ, повѣсилъ ихъ, между подобными же рѣдкими вещами, на одномъ изъ суковъ той жерди, близъ которой онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать отъ трудныхъ дѣлъ управленія. Впрочемъ, бѣднымъ монимъ часамъ не суждено было оставаться въ покоѣ на предназначенномъ имъ мѣстѣ, потому-что я чрезъ нѣсколько минутъ получилъ новое приказаніе: снять ихъ опять, развернуть двойную обертку и держать ночь ухомъ каждаго новаго посѣтителя, любопытствующаго посмотрѣть на такую невиданную диковину. Почти пятьдесятъ разъ въ день мнѣ нужно было снимать часы и освобождать ихъ изъ футлара. Новая обязанность эта до того мнѣ наскучила и до того утомила, что я отъ всей души желалъ злополучнымъ часамъ ненарушимаго покоя въ глубинахъ океана.

Слушая таинственное бѣшеніе часовъ, патагонцы принимали самыя разнообразныя положенія, вытаращивали глаза и лица ихъ выражали радость и удивленіе, никакимъ перемъ неизобразимыя. Нѣмое удивленіе ихъ смѣнялось потомъ самымъ дикимъ и звѣрскимъ смѣхомъ и воемъ, которые рѣзко отличались отъ ихъ дѣтскаго поведенія и младенческой простоты, выказываемой смѣшными и бессмысленными гримасами. Въ этомъ смѣхѣ отражалась вся врожденная дикость и звѣрство этихъ черныхъ великановъ. Повторяю опять, что новая должность дѣлалась для меня несноснѣе съ каждымъ днемъ, но между-тѣмъ я видалъ также очень явно, что въ этомъ маленькомъ часовомъ механизмѣ скрывалось для меня новое, безграничное вліяніе надъ дикарями. Вся моя будущность зависѣла, быть-можетъ, отъ хода часовъ. Я очаровалъ имъ Парозильвера и поразилъ удивленіемъ и почтительнымъ страхомъ цѣлое оставшее патагонское племя. Магическая палка волшебника не могла-бы произвести большаго эффекта. Оставалось только угадать, не обратится-ли это временное огромное вліяніе, которое я успѣлъ поселить въ умахъ патагонцевъ, впоследствии времени въ какое-нибудь неминуемое для меня несчастіе. Я предоставилъ все мое будущее въ руки благаго Провидѣнія и думалъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ!

Мы опять вскорѣ снялись съ мѣста и направили нашъ походъ по направленію западо-сѣверо-запада. Въ продолженіе этого пути патагонцы не только убили множество гуанаковъ, страусовъ и другихъ животныхъ, но намъ еще, въ добавокъ, представился случай поохотиться за однимъ молодымъ туземнымъ львомъ, котораго патагонцы, какъ я уже сказалъ,

называютъ *кугуаромъ*, то-есть то-же львомъ, хотя онъ имѣетъ съ этими животными только то сходство, что принадлежитъ къ одной и той-же кошачьей породѣ. Дикій звѣрь этотъ былъ первымъ живымъ образцомъ, который мнѣ удалось видѣть въ продолженіе всего моего плѣна, хоть многіе изъ патагонцевъ и имѣли у себя въ виггумахъ кожи кугуара и очень часто рассказывали эпизоды изъ охоты за этимъ свирѣпнымъ четвероногимъ.

Я вѣшалъ бокъ-о бокъ съ Парозильверомъ по ложбинѣ, покрытой густымъ, но малорослымъ кустарникомъ, когда собаки, спокойно бѣгавшія до-тѣхъ-поръ по разнымъ направленіямъ, громко залаяли, завывли и показали тѣмъ, что попали на слѣдъ необыкновеннаго звѣря, за которыми привыкли постоянно охотиться патагонцы. Мы тотчасъ же остановились и патагонскій старшина закричалъ собакамъ:

— Шевъ! шевъ! шевъ!

Но и безъ этого крика собаки бросились въ кустарникъ съ самымъ усиленнымъ лаемъ и воемъ и въ самое короткое время принудили звѣря покинуть свое временное логовище. Остальная группа патагонцевъ, оставшаяся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, смекнувъ въ чемъ предстоитъ надобность, присоединилась къ намъ съ новыми стаями собакъ. Охота началась въ одну минуту съ самымъ сильнымъ разгаромъ. Лошади, всадники, собаки, стекаясь со всѣхъ сторонъ, сталкивались между-собою на избранномъ мѣстѣ еще неизвѣстнаго боя съ такими громкими криками, завываньями и лаемъ, которые могли-бъ устрашить, на нѣкоторое время, не только молодого, но и стараго льва. Одни изъ патагонцевъ принялись скакать во весь галопъ по прямой линіи, чтобъ пересѣчь дорогу кугуару, между-тѣмъ, какъ другіе охотники, съ обнаженными головами, какъ и первые, наклонившись къ сѣдламъ и шпора лошадей, потрясали своими грозными *бола* и бросали ремни во всю ихъ длину со всею силою, для того лишь, чтобъ приостановить на минуту разсвирѣпѣвшаго звѣря и заставить его вернуться къ собакамъ, которыя отскакивали отъ него и убѣгали съ визгомъ. Прочія, самыя отважныя изъ стаи, прыгали на спину кугуара и, заустивъ свои острые зубы въ его кожу, висѣли на немъ какъ пивки; но кугуаръ однимъ ударомъ своей лапы отбрасывалъ ихъ отъ себя на далекое разстояніе и принимался прыгать по полю, останавливаясь по временамъ только для того, чтобъ отразить новое нападеніе и поглядѣть снова лапой бока неотвѣзчивыхъ собакъ.

Между-тѣмъ *бола* продолжали свистать вокругъ убѣгавшаго льва, но его проворныя и гибкія ноги всегда вышутывались изъ обвинявшихъ ихъ нутъ; наконецъ патагонцамъ удалось окружить кугуара и опутать своими

Бола: Тогда бой сдѣлался еще жесточе. Шеръ! Шеръ! кричали патагонцы, подстрѣвая своихъ собакъ, которыя бросались на кугуара съ новымъ яростію. После продолжительнаго сопротивленія, кугуаръ упалъ и былъ добытъ охотниками.

Во все продолженіе охоты я стоялъ въ почтительномъ разстояніи, и только тогда подошелъ посмотреть на патагонскаго льва, когда радостныя клики охотниковъ и вой израненныхъ собакъ, ползавшихъ по землѣ, указали мнѣ, что опасности никакой нѣтъ. Убитый кугуаръ былъ еще молодъ и ростомъ равнялся росту шестинедельнаго теленка; шерсть его была мягка и гладка грязно-серебрянаго цвѣта, испещренная черными пятнами. Голова его очень походила на кошечью; формы кугуара были красивы и пропорціональны.

Полюбовавшись нѣсколько минутъ своею жертвою и поговоривъ о томъ, кому принадлежить слава называться истиннымъ побѣдителемъ льва, патагонцы перешли его черезъ спину лошади и продолжали обмывавшую охоту.

Черезъ нѣсколько времени собаки подняли стаю страусовъ и старшій Парозильверъ тотчасъ-же прищорилъ свою лошадь и пошелъ, какъ стрѣла, потрясая ремнями бола. Плащъ его, перевязанный у пояса, надалъ на спину лошади; его длинныя и жесткіе волосы развѣвались во вѣтру и каждый изъ нихъ какъ-будто подымался отдѣльно; отвратительныя лиліи, которыми было выписано тѣло его, довершали картину.

Едва только ремень обвивалъ на бѣгу страуса, старшій Парозильверъ, вскакивалъ на сѣдлѣ на ноги, издавалъ радостный ревъ и ветошь, спрыгнувъ на землю, свертывалъ птицъ шю, перекидывалъ потомъ страуса мнѣ и продолжалъ преслѣдовать прочихъ, съ которыми поступалъ точно такъ же; я долженъ былъ связывать птицъ попарно и укладывать ихъ за собою и предъ собою на лошадь; въ этотъ разъ я принялъ на себя обязанность эконома. Прочіе патагонцы принялись преслѣдовать стадо гуанаковъ съ равнымъ успѣхомъ и съ подобною же ловкостью. Охота въ тотъ день была самая обильная, какую только мнѣ удавалось видѣть во все время моего пребыванія въ Патагоніи. Передъ вечеромъ мы достигли до высокихъ, густыхъ кустарниковъ и остановились для отдыха; тотчасъ-же разложили костры, чтобъ изжарить на нихъ нѣсколько убитой дичи; осталшая часть, равно какъ и остатки отъ нашего ужина, мы привезли въ нашъ таборъ, гдѣ всѣ женщины и дѣти привѣтствовали охотниковъ самыми оглушительными воплями, радуясь необыкновенному успѣху. Я успѣлъ въ первый разъ утащить себѣ частицу страуса и, изжаривъ ее совершенно по-европейски, поужиналъ какъ Лукуллъ. Не смотря на обильную охоту, благодаря прожорливости патагонцевъ, за-

пѣсы наши держались недолго и, время отъ времени, старшій Парозильверъ, ставъ предъ полотномъ своей хижины, произносилъ къ патагонскимъ охотникамъ разные краснорѣчивыя воззванія и представлялъ имъ необходимость снова собраться на охоту, чтобъ жены, дочери и дѣти имѣли возможность полакомиться мясомъ и жиромъ. По какому-то странному случаю, при этихъ рѣчахъ Парозильвера, никогда не приходилось имъ видѣть слушателей; они были невидимками; и если во время завываній старшины, случилось проходить кому-нибудь изъ патагонцевъ нечаянно, по своей надобности, то онъ тотчасъ же входилъ въ первую ближайшую хижину и оставался въ ней во все время, пока Парозильверъ ораторствовалъ. Но, впрочемъ, этимъ не всегда еще можно было избѣжать рѣчей Парозильвера, потому что онъ обладалъ такими сильными лѣгкими, что слова его должны были отзываться не въ одномъ какомъ-нибудь ближнемъ вигамѣ. Что касается до величины этихъ рѣчей, то онъ никогда не продолжался менѣе часа и, по своимъ вскрикивающимъ и неровному повышенію и пониженію голоса, очень походилъ на крики нашихъ разношниковъ или публичныхъ германскихъ ночныхъ сторожей.

Принимая какой-нибудь одинъ періодъ, ораторъ на нѣсколько минутъ приостанавливался и какъ-бы вызывалъ своихъ невидимыхъ слушателей на благородное преніе, или краснорѣчивое состязаніе, повторяя много разъ:

— Комоль! комоль! комоль!

Послѣ этихъ словъ Парозильверъ умолкалъ на минуту, какъ-бы прислушиваясь къ отвѣту или возраженію, о которыхъ никто нисколько не заботился, и потомъ снова продолжалъ свой пѣвучій монологъ.

Однажды послѣ обѣда, когда я, не знаю о чемъ-то сильно размышлявшій, вдругъ началъ скучать отъ долгаго нашего кочевья на одномъ и томъ-же мѣстѣ, какъ-будто догадавшись о чемъ я сожалѣлъ, старшій Парозильверъ, вошедшій въ ту минуту въ хижину, объявилъ мнѣ, что мы въ тотъ же день вечеромъ двинемся въ путь на новую стоянку. Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ нѣсколько часовъ женщины начали ужъ приготовляться къ отъѣзду, когда одна изъ дочерей Парозильвера, вбѣжала къ намъ въ палатку, держа на рукахъ ребенка, который кричалъ во все горло. Причины, изложенныя матерью, приостановили дорожные сборы и Парозильверъ тотчасъ-же поспѣшилъ отправить посла къ одному патагонцу, почитавшемуся за великаго знахаря въ дѣлѣ врачеванія, съ приказаніемъ, чтобъ тотъ явился въ ту-же минуту. Докторъ не заставлялъ долго ждать себя; онъ явился съ двумя маленькими мѣшечками, въ четверть длиною и вершка три-четыре въ діаметръ; мѣшечки эти тщательно завернуты были въ гуанаковую кожу, какъ какое-нибудь самое хрупкое и подверженное портѣ сокровище. Пройдѣвъ

нѣсколько минутъ взадъ и впередъ съ самыми торжественными и таинственными видомъ, врачъ бережно положилъ свою нону на землю и сѣлъ рядомъ съ матерью больного патагоненка, котораго она не вынуждала изъ рукъ и сжимала его съ заботливостью самою ужасающею за крѣпость его маленькихъ членовъ. Я не зналъ, какого рода недугъ угнеталъ внучка Парозильвера, но только былъ увѣренъ въ одномъ, что лёгкини страдать онъ ужъ никакъ не могъ, потому-что мычалъ такъ сильно, какъ молодой буйволъ. Нѣсколько минутъ прошли въ самомъ глубокомъ молчаніи, въ продолженіе котораго докторъ не переставалъ спускать глазъ своихъ съ глазъ маленькаго пациента, какъ-бы желая намагнитизировать его своими взглядомъ. Отъ оглушающихъ криковъ Парозильверова отродья, у меня звенѣло въ ушахъ; но вдругъ водворилась совершенная тишина, или потому, что больной въ-самомъ-дѣлѣ почувствовалъ кой-какое облегченіе, или потому, что ужъ усталъ кричать; послѣднее казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Тогда туземный эскулапъ возвысилъ голосъ и важнымъ тономъ приказалъ обложить патагоненка глиной, которую тотчасъ-же принесли и которую мать больного принялась мѣсить руками и смачивать своей слюной, чтобъ придать замерзлой глинѣ необходимую мягкость и жидкость. Когда этотъ спасительный врачебный пластырь приведенъ былъ въ надлежащій видъ родительскою заботливостью, патагонка вымазала этимъ наружнымъ средствомъ своего сына съ ногъ до головы, такъ густо, что формы маленькаго уродца измѣнились и эта глиняная масса получила самую смѣшную и оригинальную наружность. Штукатурка эта была повидимому несоветна по вкусу больному, потому-что онъ снова началъ рычать самымъ сильнымъ голосомъ и, казалось, готовъ былъ каждую минуту надорваться отъ крика.

Между-тѣмъ, туземный докторъ развязалъ свои мѣшечки, въ которыхъ, я полагалъ, заключалась у него походная аптека: какія-нибудь травы и инструменты; но онъ, вмѣсто всего этого, вынулъ мотокъ страусовыхъ жилъ и деревянную вертушку, похожую на тѣ вѣтряныя мельницы, которыя дѣлаютъ себѣ дѣти, утверждая нѣсколько палочекъ крестообразно на горизонтальной палкѣ. Развернувъ страусовыя жилы, докторъ началъ перешитывать ихъ между пальцами и бормотать какія-то слова. Это продолжалось пять или шесть минутъ, по истеченіи которыхъ патагонецъ взялъ вертушку и минуты три-четыре вертелъ ее съ удивительною скоростью надъ своей головой. По окончаніи этого таинственнаго для меня упражненія, докторъ опять уселся рядомъ съ больнымъ, посмотрѣлъ ему снова нѣкоторое время въ глаза и обернувшись съ важнымъ видомъ къ старому Парозильверу, который сидѣлъ на

своей лошадиной кожѣ, поджавъ подъ себя ноги, наклонивъ тѣло впередъ и, сложивъ на груди руки, съ озабоченнымъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами врачеванія.

Благодѣтельный мудрецъ патагонскій первый прервалъ общее молчаніе:

— Мнѣ кажется, что ребенку лучше, — произнесъ онъ: — какъ ты полагаешь, въ свою очередь?

Старый Парозильверъ кивнулъ головой и проворчалъ благосклонно въ знакъ того, что и онъ подобнаго же мнѣнія. Докторъ обратился потомъ съ тѣмъ-же самымъ вопросомъ къ матери и получилъ тотъ-же удовлетворительный отвѣтъ. Послѣ этого, эскулапъ предпріялъ сдѣлать новую глиняную форму на маленькаго патагоненка; штукатурка сопро-вождалась тою-же самою оглушительною мелодію, какъ и первая. Въ продолженіе того времени, какъ мальчишка заключался въ своемъ глиняномъ футлярѣ, докторъ опять наматывалъ себѣ на пальцы страусовыя жилы и вертѣлъ надъ головою вертушку. Задыхаясь отъ крика, ребенокъ наконецъ опять умолкъ и тогда докторъ произнесъ вторично, обращаясь и къ Парозильверу и къ матери:

— Я думаю, что ребенку теперь совершенно хорошо. Какъ вы полагаете?

Оказалось, что старшина и дочь его полагали то же самое, что и докторъ. Парозильверъ досталъ послѣ этого свертокъ табачныхъ листьевъ, отрѣзалъ отъ нихъ кусокъ, достаточный для того, чтобъ набить имъ двѣ трубки, и съ важностью подалъ ихъ доктору, который, казалось, пришелъ въ восхищеніе отъ такого щедраго вознагражденія. Страусовыя жилы были уложены обратно въ мѣшки и вертушка завертѣлась съ изумительною скоростью, въ видѣ финальнаго представленія; какъ изъ-явленіе благодарности, или какъ торжествованіе побѣды, одержанной надъ болѣзнію, — я не могъ того понять.

Между-тѣмъ, едва только счастливый врачъ успѣлъ переступить черезъ порогъ хижины, какъ мальчишка снова принялся за свое буй-воловое мычанье. Я полагалъ, что такіе неблагоприятныя симитомы поубавятъ увѣренность дѣдушки и маменьки въ дѣйствительности врачевныхъ средствъ, испытанныхъ надъ больнымъ, но ничуть не бывало: увѣренность ихъ въ искусство доктора была непоколебима! Лечение его явно употреблялось имъ болѣе для того, чтобъ подѣйствовать на воображеніе зрителей, чѣмъ для физическаго успокоенія больнаго, но тѣмъ не менѣе одобреніе было общее. Сколько больныхъ, между образованными людьми, переносятъ на себѣ еще не такія истязанія, какъ

глиняная обманка, чтобъ только доктора могли поддержать съ честию свое званіе, думалъ я, почему-жъ дикому патагонцу не пользоваться легковѣріемъ своихъ согражданъ? Ужасный ребенокъ, благодаря Бога, наконецъ успокоился и чрезъ нѣсколько дней былъ совершенно здоровъ.

На другое утро цѣлое племя весело двинулось въ нуть очень весѣшно, чтобъ вознаградить время, потерянное отъ неожиданной остановки. После суточного странствованія, мы приостановились на одномъ мѣстѣ, которое не отличалось ничѣмъ необыкновеннымъ, чтобъ описать его физическую обстановку, и провели тамъ ночь. Въ продолженіе этой новой стоянки, я былъ обычнымъ свидѣтелемъ тѣхъ-же самыхъ сценъ кочующей жизни. То мы объѣдались отъ избытка дичи, то дергались по нѣсколькимъ днямъ; за игрою слѣдовали ссоры и даже часто рукопашныя раздѣлки.

Однажды старому Парозильверу какъ-то не поздоровилось и я началъ ему рассказывать, какія средства употребляютъ доктора, чтобъ открыть настоящую причину болѣзни и при этомъ упомянулъ, что первымъ медицинскимъ приемомъ было осудываніе у больного пульса. Онъ слушалъ рассказъ мой съ видимымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и интересомъ и, казалось, старался понять эту великую медицинскую тайну. Соединивъ этотъ послѣдній рассказъ мой съ моими прежними рассказомъ о наружномъ средствѣ противъ ревматизмовъ, которое я называю оподельдокомъ и которое я долженъ былъ ему подарить тотчасъ по прибытіи въ «Голландію» вмѣстѣ съ прочими вещами, старый Парозильверъ вдругъ вообразилъ, что и самъ я долженъ обладать самыми обширными и глубокими медицинскими знаніями. Напрасно старался я разуверить его, нѣсколько не желая принять на свою отвѣтственность такое опасное званіе, чтобъ не подвергнуться, въ неблагопріятномъ результатѣ леченія, строгой отвѣтственности; онъ ничего не хотѣлъ слушать, упрекалъ меня во лжи и въ скрытности и вотъ я явился, противъ воли, врачомъ цѣлаго патагонскаго племени.

Среди этихъ критическихъ оборотовъ, которые приняли мои дѣла, случилось занемочь одной вдовѣ, которой лѣта еще болѣе способствовали къ развитію внезапной ея болѣзни; я не видаю еще другой такой дряхлой женщины между патагонками. Мужъ этой вдовы былъ убитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ дракѣ другимъ патагонцемъ. Вдова эта имѣла нѣсколько лошадей и, вслѣдствіе такого замѣчательнаго богатства, пользовалась большимъ уваженіемъ между своими соотечественниками. Тотчасъ послѣ перваго припадка, къ старшинѣ присланъ былъ вѣстникъ съ печальнымъ извѣстіемъ о несчастіи, постигшемъ вдову. Старый Парозиль-

верь приказалъ мнѣ взять съ собою часы и слѣдовать за нимъ. Напрасно сталъ я вторично увѣрять его, что я ничего не смыслю въ медицину: онъ круто прервалъ мои увѣренія, замѣтивъ, что онъ знаетъ что думать о подобныхъ отговоркахъ, и рѣшительно приказалъ мнѣ замолчать и болѣе не отговариваться. Что мнѣ оставалось дѣлать доведъ подобнаго убѣжденія Парозильвера? Скрѣпя сердце и вяло опасаюсь за свою безопасность, въ случаѣ неудачнаго леченія, я взялъ часы и послѣдовалъ за старшиной. Приближаясь къ хижинѣ вдовы, уши наши поражены были громкими восклицаніями, которыя сдѣлались для меня невыносимы, когда разстояніе между восклицаніями и нами начало уменьшаться. Толпа патагонцевъ обоюго пола тѣсно окружала вигамъ, она-то и производила этотъ дамскій концертъ, подобнаго которому я не слышалъ вторично даже между патагонцами. Толпа, какъ я ужъ сказалъ, была огромная какъ внутри хижины, такъ и около нея снаружи, но ряды разступились, чтобы дать возможность пройти старшинѣ и опытному европейскому доктору. Царынь медицинскимъ моимъ распоряженіемъ было грозное приказаніе прекратить всю вокальную музыку—и что-жь? Едва только успѣлъ я выговорить это слово, какъ наступило такое могильное молчаніе, что едвѣдь въ хижинѣ былъ высланъ полъ, то можно-бъ было, кажется, услышать паденіе булавки.

Я приближился къ больной со всею подобающею важностью, которую былъ только способенъ принять на себя, чтобы хоть наружно поддерживать званіе, мною принятое. Вдова лежала на лошадиной дощѣ, мнѣ морщиниватой, мнѣ сухой и скоробленной, чѣмъ живое существо, закрывавшее ея пространство своимъ тѣломъ. Я всталъ предъ больною на колѣна, вынулъ изъ кармана часы, взялъ ее за руку и принялся ощущивать пульсъ; но, къ моему удивленію, не чувствовалъ ни малѣйшаго бѣшенія.

Ощупывая у больной руку довольно долгое время, я приведенъ былъ къ самому печальному заключенію: я былъ такимъ невѣждой въ врачебной наукѣ, что не могъ отыскать нужной артеріи. Такой новый необыкновенный медицинскій пріемъ, разумѣется, произвелъ пагубное впечатлѣніе надъ больною и сильно испугалъ ее; но я кое-какъ успѣлъ успокоить ее опасенія, а между-тѣмъ, все-таки не могъ отыскать злослучнаго пульса. Побившись еще нѣсколько минутъ въ напрасныхъ попыткахъ, я разоудилъ, что мнѣ даже и не нужно совсѣмъ было добиваться до благопріятнаго результата и что, отыскавъ пульсъ или не отыскавъ его, я все-таки не буду нисколько счастливѣе въ удачѣ врачеванія. Присавъ на себя самый серьезный и озабоченный видъ, безъ

котораго нельзя, кажется, обойтись ни одному врачу въ свѣтъ, я продолжалъ пристально смотрѣть на часы и держать руку больной въ своей рукѣ.

Когда ясно показалось, что впечатлѣніе, произведенное мною надъ зрителями, было удовлетворительно и я удостовѣрился въ томъ совершенно, судя по глубокому молчанію, наблюдаемому посѣтителями, то приступилъ къ прописанію приличнаго медицинскаго пособія. Я не назначилъ глиняной обмазки: это значило бы слѣдовать по протоптанной тропинкѣ и подражать патагонскимъ медикамъ, и притомъ же больная была и безъ этой примазки очень грязна; я не могъ также пользоваться ея капики-набуду травами, потому что со мной не было никакихъ, и притомъ я не смѣлъ и не рѣшался наполнять желудокъ моей пациентки, корнями и травами, которыхъ дѣйствіе было мнѣ неизвѣстно, а потому, послѣ минутнаго размышленія, рѣшился на самое невинное средство. Я приказалъ нагрѣть воды до степени жара крови, вымыть больную съ головы до ногъ и потомъ тереть ее крѣпко шерстью гуанаковой кожи. Я полагаю, что самый ученый врачъ одобрилъ-бы предписанное мною средство, какъ самое полезное, если не прогнѣвъ внутренняго недуга, такъ ужъ во всякомъ случаѣ спасительное для наружности вдовы. Не нужно даже и говорить, что при этомъ предписана была мною также и діета—самое строгое воздержаніе отъ употребленія жира и всѣхъ возможныхъ патагонскихъ лакомыхъ яствъ. Исполнивъ мою докторскую обязанность, я вышелъ изъ хижины медленными шагами, сохраняя тотъ же важный видъ, среди того же почтительнаго безмолвія.

Торжественный видъ, принятый мною, и та самая увѣренность, которую я старался придать себѣ наружно, нисколько не успокоивали меня внутренно. Сердце мое не переставало сильно биться отъ страха и тревожиться предчувствіемъ. Возведенный изъ должности парикмахера въ званіе перваго патагонскаго доктора, я не переставалъ сознавать всю опасность моего новаго величія и власти надъ патагонцами, которое насильно на меня навязали; а между тѣмъ во сколькихъ образованныхъ государствахъ званіе цирюльника сѣмивается съ званіемъ лекаря и хирурга!

Цѣлую ночь я не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ отъ омысненія и творилъ самыя пламенные молитвы о здравіи патагонской вдовы. Я былъ твердо увѣренъ, что, въ случаѣ ея смерти, буду подверженъ самой строгой отвѣтственности. Къ утру я заснулъ, но и сновидѣнія не могли успокоить меня: мнѣ все грезилась зонды, нивалы, катаплазмы, хирургическіе ножи и вся эта медицинская принадлеж-

Ночь была направлена на мое бѣдное тѣло разъяренными патагонцами, которыми предводительствовала моя допотопная пациентка!

На другое утро сердце мое встрепенулось отъ радости: по какому-то чулу, въ которомъ я нисколько не могъ быть участникомъ, больной сдѣлалось гораздо лучше. Мой редеить, противъ моего ожиданія, оказался спасительнымъ! Я торжествовала, а между-тѣмъ моя больная все-таки не забывала того, что было ей написано на роду, и ея дни были сосчитаны!

Однажды ночью, часа въ два съ половиною, или, можетъ быть, въ три, когда всѣ обитатели хижины Парозильвера, растянѹвшись на своихъ тонкихъ кожаныхъ перинахъ, вкушали сладость пріятнаго сна на мерзлой землѣ, какой-то великанъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такой страшной наружности, которая испугала бы даже въ иной часъ и природнаго патагонца, ворвался въ наши *амартаменты* и прошепталъ что-то на ухо Парозильверу. Сердце мое невольно ёкнуло, потому-что старый старшина тотчасъ-же поднялся съ своей лошадиной лотки и приготовился идти за пришедшимъ патагонцемъ вонъ изъ хижины. Впрочемъ, Парозильверъ не вышелъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ, они разстались очень, повидимому, довольные другъ другомъ. Принявъ за правило быть постоянно на сторожѣ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя могли касаться, можетъ-быть, меня, я ловко старался вынюхивать у Парозильвера о чемъ шла у нихъ этотъ таинственный разговоръ, который, какъ мнѣ казалось, очень интересовалъ его. Преспокойно и не угадывая ничего, какъ-будто дѣло шло о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ и незаслуживающихъ ни малѣйшаго вниманія, старшина отвѣчалъ мнѣ, что патагонцы рѣшились убить старую вдову, чтобы воспользоваться ея лошадью и съѣсть ихъ, за немнѣніемъ въ настоящее время дичихъ жизненныхъ припасовъ. Я не сталъ вдаваться въ большія подробности послѣ подобнаго отвѣта, замѣтивъ, по выраженію его лица и тому самодовольному ударенію, которымъ онъ сопровождалъ каждое свое слово, что онъ далъ полное свое согласіе на этотъ рѣшительный поступокъ, который въ самомъ-дѣлѣ былъ приведенъ въ исполненіе безъ всякаго замедленія со стороны патагонцевъ, подавшихъ прочимъ великанамъ такую счастливую мысль. Я содрогнулся отъ подобнаго навѣстія, я дрожала, негодовала, готовъ былъ даже дѣтвѣ, кажется, на помощь къ беззащитной больной и старой женщинѣ. Но что могъ я сдѣлать?

Мы не долго оставались на мѣстѣ нашей стоянки и скоро снова двинулись въ путь опять по направлению съверо-запада. Это направле-

ніе сильно беспокоило меня за скорость моего освобожденія, потому что, судя по словамъ Парозильвера, его «Голландія» находилась совершенно въ противоположной сторонѣ. Сдѣлавъ, въ продолженіе недолгаго странствованія, огромный запасъ дичи, гуанако и страусовъ, патагонцы оставались въ мѣстѣ до того болотистомъ, низменномъ и лишенномъ всякой растительности, что ни одно наше кочевье, ни прошедшее, ни предстоящее намъ на будущее время, не могло съ ними сравниться удобствами и отвратительностью мѣстоположенія.

Сильные порывы сѣвернаго вѣтра потрясали непрочныя основанія патагонскіхъ палатокъ, и каждую ночь я долженъ былъ пользоваться непрошеною ванной изъ снѣга, смѣшаннаго съ холоднымъ дождемъ, который пробивался сквозь сѣважны старыхъ гуанаковыхъ кожъ, составлявшихъ кровлю нашей подвижной хижины.

Впрочемъ, на второй день нашего новаго кочевья, случай, столько же ужасный, сколько и неожиданный, далъ мнѣ вполне понять всю важность и всю цѣну того отреченія, которое я постоянно произносилъ, уклоняясь отъ высокнхъ почестей оставаться и медикомъ Парозильвера и главнымъ врачомъ всего патагонскаго племени. Полагая, часовъ въ одиннадцать ночи, когда я досталъ себѣ, съ горемъ пополамъ, мѣсто близъ потухавшихъ угольевъ костра, единственно освѣщавшаго нашу и общую залу, и приемную, и столовую, и спальную, *пожиралъ* (не могу сказать чтобы ѣлъ—это будетъ очень слабо), томимый голодомъ, кусокъ самаго жесткаго, составленнаго изъ однихъ жилъ и хряща, едва обжареннаго мяса, стараясь всѣми силами разорвать его зубами, нежданннй отчаянный крикъ, крикъ предсмертннй и полный отчаянія, послѣдуемнй обычнымъ дикимъ патагонскимъ воплемъ, который всегда раздавался въ томъ случаѣ, когда производилось неожиданное убійство, потрясъ тонкія стѣны нашего жилья. Самъ старшій Парозильверъ вздрогнулъ при этомъ свѣрѣномъ крикѣ, забился въ самый задній уголъ и обнажилъ свой жѣдннй ножъ. Нахмуривъ густыя брови, онъ грозно приказалъ мнѣ потомъ отстраниться отъ потухавшаго костра, который тотчасъ-же былъ погашенъ его двумя женами, при общнхъ усиліяхъ, между-тѣмъ, какъ остальные двѣ, подбѣжавъ къ выходу хижины и взглянувъ на то, что происходило извнѣ, принялись выть и голосить такъ, что у меня подымались на головѣ волосы отъ ужаса и отъ неизвѣстности, что бы могъ значить подобный неслыханный мною вой и плѣчь? Вой этихъ двухъ женъ Парозильвера нельзя было сравнить ни съ однимъ отчаяннымъ воемъ не только людей, но даже и животныхъ во

всемъ существующемъ существомъ міръ. За пологомъ нашей хижины раздавались подобные же воямъ и всѣ патяговскія женщины соединились въ одинъ общій хоръ; производить этотъ полувочный крикъ, между-тѣмъ, какъ ни одинъ изъ мужчинъ патягонскаго племени не рѣшился къ нимъ присоединиться въ продолженіе по-крайней-мѣрѣ дѣлаго битаго часа, чтобъ дополнить басомъ гармонию сопрано и дисканта; причѣмъ я долженъ замѣтить, что послѣдній очень рѣдокъ между женскими патягонскими голосами, исключая развѣ только голоса малолѣтнихъ патягонскихъ дѣвъ. Испугъ, который я чувствовалъ въ тѣ минуты, мнѣ трудно описать: я весь дрожалъ за жизнь свою и ожидалъ каждое мгновение, что моя участь будетъ рѣшена. Что происходило въ нашего жилища, что было причиной такого общаго воя—рѣшительно, сколько я ни думалъ, ничего не могъ придумать. Наконецъ мы узнали въ чемъ было дѣло. Въ хижину Парозильвера вошелъ какой-то великанъ и объявилъ что одинъ изъ патягонцевъ убилъ туземнаго врача. Убійца былъ мужемъ женщины, страдавшей продолжительной болѣзью и надъ которою врачъ напрасно употреблялъ всѣ свои заклинанія и искусство. Огорченный потерю милой супруги, раздраженный вдовецъ ворвался въ хижину доктора и, въ порывѣ неумолимаго мщенія, забилъ до смерти моего несчастнаго собрата по части врачеванія. Я зналъ жертву и удивлялся, какъ такой человекъ, какимъ былъ убитый, не могъ справиться съ своимъ противникомъ? Онъ былъ до того огроменъ и тученъ, что долженъ былъ, судя по его наружности, вѣсить по-крайней-мѣрѣ до четырехъ-сотъ фунтовъ вѣсу. Убійство осталось безъ всякаго наказанія и чрезъ день о немъ никто даже и не напоминалъ.

Около полудня этого-же самаго дня, патягонцы сняли свои хижины и двинулись на новое пристанище. Къ ночи, не встрѣчая на пути никакой дичи, мы пріѣхали въ одну огромную долину и остановились у ключа чистой и превосходной по вкусу воды.

Чтобъ чѣмъ-нибудь развлекать однообразіе моего быта, я очень часто забавлялся дѣтскими патягонскими играми. Самую любимую и общую игрою бываетъ игра страусовыми лапами, привязанными къ страусовой жилѣ, длиною аршина въ три. Лапы эти связываются попарно и бросаются на воздухъ, между-тѣмъ, какъ другія дѣти стараются перехватить ихъ на-лету, такими-же точно лапами. Едва только патягонята начинаютъ твердо держаться на ногахъ, они уже не расстаются съ этими своими арканами и упражняются въ метаніи своихъ *бола* съ утра до вечера. Въ этой игрѣ они приобретаютъ необычно-

военную ловкость, необходимую имъ въслѣдствіи, когда имъ нужно будетъ дѣйствовать на охотѣ настоящими бола.

Маленькій Кохауако, меньшій сынъ Парозильвера, превосходилъ въ этой игрѣ всѣхъ сверстниковъ своихъ искусствомъ. Не смотря на то, что ему было не болѣе семи или восьми лѣтъ, ребенокъ этотъ былъ очень лукавъ, живъ и задирчивъ; все патагонское племя осмызло его самыми нѣжными ласками. Какъ и всѣ прочія дѣти, Кохауако щеголялъ рѣшительно безъ всякой одежды и игралъ до послѣдняго истощенія силъ. Тогда онъ бросался, какъ маленькій тигренокъ, на грудь какой-нибудь изъ многихъ своихъ кормилицъ, подкрѣплялся и принимался снова за игру.

Будучи однажды съ Парозильверомъ на охотѣ, мнѣ удалось быть свидѣтелемъ образца ветеринарнаго искусства у патагонцевъ. Старая лошадь, которую старшина давалъ мнѣ для охоты, вдругъ захромала и сильно беспокоила меня своимъ неправильнымъ ходомъ. Я слѣлъ, осмотрѣлъ внимательно ногу и не нашелъ никакихъ наружныхъ признаковъ поврежденія, кромѣ того, что копыто было очень истерто. Вскочивъ опять на несчастную клячу, я долженъ былъ нещадно бить ее палкой, чтобы догнать стараго Парозильвера, который не соблаговолилъ дожидаться гена, и посоветоваться съ нимъ, какъ человѣкомъ, можетъ-быть, опытнымъ, что мнѣ дѣлать съ моимъ конемъ? Освѣдомившись о причинѣ моего замедленія, старшина пришиорилъ свою лошадь и приказалъ мнѣ за нимъ слѣдовать, проговоривъ только:

— Bueno caballo, se campro, campro! (славная лошадь, скажи, скажи!)

Я снѣшилъ исполнить его приказаніе, но моя лошадь, ковыляя все болѣе и болѣе, едва двигалась и была вся покрыта дымящеюся пѣной. Видя, что я далеко отсталъ отъ него, Парозильверъ рѣшился наконецъ пріостановиться и подождать меня. Не безъ труда добрался я до него, видя его призывные знаки, выражавшіе сильное нетерпѣніе. Когда я, наконецъ, присоединился къ нему, Парозильверъ слѣлъ съ лошади, осмотрѣлъ ногу моей лошади и, приказавъ мнѣ дожидаться его, поскокалъ въ наше ночевье; скоро онъ возвратился съ кускомъ гуанамоуи кожи, которымъ тщательно обернулъ больное копыто. Я выразилъ ему свое удивленіе и замѣтилъ, что врядъ-ли лошади будетъ легче отъ подобной ковки.

— Buenos zapatos, славный башмакъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, и въ-самомъ-дѣлѣ послѣдствія оправдали его замѣчанія: лошадь моя еще прохромала нѣсколько времени и потомъ перестала. Всю оставшуюся дорогу

я могу существовать отъ Парсонса, кетн, признаться сказать, что палека очень много шепотала быстротѣ моего древняго скакуна.

Мы опять скоро двинулись въ дорогу. Женщины, по обыкновенію, принялись снимать съ мѣста хижины и укладывать движимость на лошадиныя спины, вмѣстѣ съ разною домашнею утварью, въ числѣ которой находились и колыбели патагонскихъ дѣтей, между-тѣмъ, какъ мужчины поскакали впередъ, чтобъ зацѣпиться какою-нибудь дичью для путевого продовольствія. Дичь въ послѣднее это время показывалась какъ-то очень рѣдко, однакъ патагонцамъ все-таки удалось сдѣлать маленькій запасъ. Они убили, кажется, двухъ или трехъ страусовъ, и одного или двухъ зунковъ—хорошенько не помню. Часть этой дичи была тотчасъ-же изжарена охотниками на мѣстѣ, а съ остальною мы вернулись къ новому мѣсту, гдѣ должны были стоять наши хижины. Женщины едва успѣли окончить свои архитектурныя занятія, потому-что, для утвержденія фундамента, имъ нужно было пробывать въ оледенѣлой землѣ дыры, обломкомъ какого-то желѣзнаго толстаго шкворня, вѣроятно, доставшагося имъ съ какого-нибудь разбитаго у ихъ береговъ корабля. Новое мѣсто жительства нашего находилось на склонѣ одного пригорка, къ которому примыкало глубокое грязное болото, единственно продовольствовавшее насъ такою-же грязною, какъ и оно, водою.

Едва только расположились мы на новыхъ квартирахъ, и я ожидалъ тѣхъ-же самыхъ удовольствій, то-есть: игры, ссоръ и охоты, послѣ суточного и двухсуточного голоданья, какъ эти ожиданія мои были обмануты случаемъ, совершенно мною неожиданнымъ и поразившимъ меня самымъ сильнымъ ужасомъ. Около вигамовъ начали собираться огромныя толпы патагонцевъ. Туземцы разговаривали шопотомъ; я не могъ разслушать содержанія ихъ разговоровъ, но ихъ свирѣпыя взгляды, ихъ рѣзкія тѣлодвиженія выказывали довольно ясно, что ихъ дикія страсти снова были возбуждены какимъ-нибудь значительнымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго должно было зависѣть отъ согласія цѣлаго племени. Взгляды эти очень часто переносились на меня и производили новыя шумныя толки. Я понималъ, что мое присутствіе сильно беспокоитъ ихъ; я сталъ для нихъ предметомъ и обманутыхъ ожиданій и въ то же время предметомъ, возбуждавшимъ въ нихъ самихъ какое-то опасеніе. Ромъ и табакъ не являлись, а между-тѣмъ бѣлые, которыми я угрожалъ имъ, въ случаѣ если они убьютъ меня, очень легко могли явиться съ своими ружьями, пушками, пистолетами, и освободить своего начальника вооруженною силой. Ни обещанія, ни лести, ни даже стукъ

часовъ, таинственный ступъ, который возманилъ такъ мое достоинство въ ихъ мнѣніи, ни, наконецъ, мое врачебное званіе не могли предохранить меня отъ ихъ злыхъ покушеній. Приливъ патагонскихъ страстей подымался все выше и выше надъ моею беззащитною головою. Предъ вечеромъ третьяго дня старый Парозильверъ, возвратившійся съ мірской сходки, вызвалъ меня изъ палатки и приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Вопросъ: куда онъ ведетъ меня? замеръ на губахъ моихъ и я шелъ за нимъ молча, терзаемый самыми мрачными предчувствіями. Въ этотъ разъ, какъ и въ первый, старшина отвелъ меня на далекое разстояніе отъ хижины и толкнулъ въ кружокъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати патагонцевъ, самыхъ свирѣпыхъ и самыхъ безпощадныхъ изъ дѣлаго племени. Они сидѣли на землѣ и что-то глухо бормотали. Предчувствіе не обмануло меня: роковой кружокъ этотъ снова предрекалъ мнѣ печальную участь. Первый разъ мнѣ посчастливилось избѣжать ее; удастся-ли мнѣ избѣгнуть вторично отъ смерти? спрашивалъ я, содрогаясь, самого себя, и все будто отвѣчало мнѣ: нѣтъ! отбрось всякую напрасную надежду. Впрочемъ, вступивъ въ гибельное собраніе это, я почувствовалъ въ себѣ какую-то энергію, какое-то мужество сверхчеловѣческое, внушаемое только отчаяніемъ; къ нимъ примѣшивалась еще нѣкоторая надежда на заступничество Парозильвера.

Я сѣлъ рядомъ съ старшиною, и совѣщаніе началось. Со всѣхъ сторонъ посыпались на меня самыя сильныя угрозы и выраженія глубокой ненависти. Туземцы еще настоятельнѣе, чѣмъ въ первый разъ, требовали моей смерти; но старый Парозильверъ и въ этотъ разъ объявилъ, что слѣдовало подождать, пока я исполню свои обѣщанія. Это мнѣніе могло бы быть утѣшительно для меня, еслибъ я не былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ, что власть его и приказанія не всегда исполняются безусловно. Могъ-ли одинъ онъ противиться страстямъ дикарей? Могъ-ли одинъ онъ своею грудью, защитить меня противъ патагонскихъ десятковъ и сотенъ?

Вручивъ судьбу свою въ руки Божіи, я началъ говорить въ свою очередь и привелъ почтенному собранію прежнія доказательства тѣхъ выгодъ, которыя они могутъ получить, представивъ меня въ Голландію, или куда, будетъ имъ угодно, и потомъ снова тѣ опасности, которыя они непременно подвергнутся, когда поступятъ со мною жестоко. Въ этомъ засѣданіи я еще болѣе увеличилъ и число пушекъ и число кораблей, вооруженныхъ арміей. Изобразивъ всю дурную сторону, я еще полнѣе и подробнѣе представилъ хорошую, и мнѣ кажется, что къ рому,

табачку, коньякъ, я прибавилъ еще столяко брилльянтовъ, описать вездѣ прелесть, что самъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ не могъ бы представить за себя такого цѣннаго выкупа. Я увѣренъ, что самый краснорѣчивый адвокатъ въ цѣлой Америкѣ не могъ бы такъ краснорѣчиво и такъ убѣдительно защищать мое дѣло, какъ защищалъ я его самъ. А между-тѣмъ, роковое собраніе оставалось въ нерѣшимости и, кажется, сомнѣвалось въ истинѣ моихъ словъ и въ возможности получить такіе подарки; со всѣхъ сторонъ сынались вопросы, въ которыхъ довольно ясно проглядывало недобѣріе къ тому мнимому высокому званію, которымъ я самовольно надѣлилъ себя.

Парозильверъ рѣшилъ наконецъ, чтобъ приговоръ о моей участи зависѣлъ отъ большинства голосовъ. Результатъ былъ счастливѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Послѣ продолжительныхъ споровъ и возраженій, было почти единогласно рѣшено, чтобъ подождать еще немного и сперва получить за меня обѣщанный выкупъ и потомъ ужъ исполнить дацію задуманную казнь. Расчетливые дикари желали выжать изъ меня, какъ изъ лимона, весь сокъ и потомъ ужъ распорядиться никуда негодною кожей по своему произволу. Я и за то, впрочемъ, былъ имъ благодаренъ въ настоящую минуту. Опасность, грозившая мнѣ, миновалась во второй разъ, и я отбѣгался однимъ страхомъ, который хотя и не лишилъ меня жизни, но стоялъ, какъ я полагаю, нѣсколькихъ дѣтъ моего земнаго существованія.

Потерявъ всякую надежду научиться когда-либо говорить по-патагонски, я, между-тѣмъ, все-таки старался прислушиваться къ разговорамъ дикарей, чтобъ запомнить хоть нѣкоторыя слова и быть въ состояніи понимать ихъ и даже разговаривать кое-какъ самому, вѣтшивая въ патагонскія изрѣченія множество нескверканныхъ испанскихъ словъ, которыми сами патагонцы пестрятъ свои бесѣды и совѣщанія. Съ моей стороны было приложено самое сильное стараніе научить дикарей, особенно молодыхъ, говорить и понимать по-англійски, какъ только позволяла имъ ихъ память и умственное развитіе ихъ мозга; особенно я старался научить ихъ исчисленію и вразумить о значеніи количества и величины. Къ моему несчастію, всѣ патагонцы, какъ малые, такъ и большіе, были очень лѣнны для какого бы то ни было ученья. Впрочемъ, попытки эти были не бесполезны для меня. Стараясь объ образованіи патагонцевъ, я имѣлъ возможность короче съ ними сблизиться и изучить ихъ характеръ, склонности и обыкновенный образъ ихъ мыслей. Всѣмъ этимъ я умѣлъ пользоваться для своей безопасности и, предчув-

отвѣта или видѣ явной побѣды испрѣтительнѣй случай, всегда убѣлъ уничтожить его разбитіе въ самомъ зародкѣ. Нужно признаться передъ читателемъ, что я трусливъ отъ природы, и всякая самая малая видѣнная опасность можетъ напугать меня, а между-тѣмъ я всегда убѣлъ вѣлѣть собой и прикрывать недостатокъ храбрости личною самою хладнокровной неустрашимости, которая очень часто помогала мнѣ выпутываться изъ самаго затруднительнаго положенія. Не одинъ разъ, когда кто-нибудь изъ дѣлкихъ великановъ обнажалъ свой ножъ и грозилъ прорѣзать меня, я неустранимо смотрѣлъ врагу въ глаза и обезоруживалъ самымъ презрительнымъ смѣхомъ, хоть сердце въ ту минуту всегда билось у меня очень, очень сильно.

Что же касается до Парозильвера, то онъ болѣе всѣхъ прочихъ былъ убѣренъ въ моей храбрости и хладнокровномъ презрѣніи къ жизни, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я началъ самъ точить ножъ, пробовать лѣзвіе пальцемъ и хвалить доброту стали того самаго оружія, которымъ онъ хотѣлъ утратить меня. Читатель, вѣроятно, не забылъ этого обстоятельства, о которомъ я имѣлъ уже честь повѣствовать ему въ свое время и въ приличномъ мѣстѣ моего разсказа.

Мнѣ удалось выучить Парозильвера кое-какъ англійскому языку, такъ-что онъ могъ кое-что понимать съ горемъ пополамъ. Одно изъ англійскихъ названій, которое болѣе прочихъ пріятно шекотило его слухъ, было названіе Old-Boo (старый-малый), которое я далъ ему почти чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ удостоился высокой чести пощипать, гнить и коченѣть въ одномъ изъ угловъ его переноснаго шалаша. Старый Парозильверъ былъ въ восторгѣ отъ этого названія и такъ имъ гордился, что, вѣроятно, не предпочелъ бы ему другаго названія. Но обратимся къ прѣжнему разсказу о результатѣ патагонскаго совѣта, собравшагося для рѣшенія моей участи. Свергъ моего ожиданія, рековой кружокъ патагонскихъ политиковъ разсѣялся, дикари начали, одинъ за другимъ, подыматься съ мерзлой земли и уходили, не говоря ни слова съ другими. Мы скоро возвратились съ Парозильверомъ въ нашу хижину, поужинали (впрочемъ, я не могу произнести этого глагола во множественномъ числѣ, потому-что, отъ страха, аццетить мой исчезъ) и старшина очень благосклонно предложилъ мнѣ быть въ его жилищѣ безъ дареноніи, какъ у себя дома; короче: онъ въ двухъ словахъ повелѣлъ мнѣ броситься на мой влочки гуанаковой кожи и спать. Какою пламенною молитвою благодарилъ я Господа, что благодать Его вторично избавила меня отъ опасности лишиться жизни и, можетъ-быть, не въ одно мгновеніе, и мо-

себѣ продолжительныхъ и невыносимыхъ страданій! Я былъ уверенъ, что патагонцы прибѣгли бы ко всей своей изобрѣтательности, чтобы провѣдѣть меня, какъ слѣдуетъ по-своему, изъ этого земнаго временнаго міра.

Не стану говорить о томъ, какъ я провелъ остатки ночи послѣ подобнаго засѣданія; сонъ нисколько не могъ подкрѣпить меня, потому-что я не переставалъ дрожать и думать грустно о будущемъ и о настоящемъ, сравнивая съ ними все мое прошедшее. Ни одна утѣшительная надежда, не смотря на всю благосклонность воображенія, не мелькала предо мною! Я не могъ послѣ этого дня ручаться не только за будущій день, но даже и за будущую минуту Парозильверъ два раза спасалъ меня изъ своихъ личныхъ расчетовъ; удастся-ли ему защитить меня еще разъ, если патагонцы утомятся ожидать табаку, рому и прочихъ вещей—вотъ вопросъ, который я напрасно старался разрѣшить до самаго появленія новой зари, быть-можетъ, послѣданей, которую суждено было мнѣ видѣть. Блѣдный, ослабѣвшій отъ испытанныхъ опасностей въ прошедшій вечеръ, я всталъ на другое утро въ какомъ-то помѣшательствѣ и тихонько вышелъ посмотрѣть, не собираются ли опять гдѣ-нибудь патагонскія толпы? Но все было, слава Богу, спокойно. Около нашихъ хижинъ бродили только собаки; ихъ я, правда, также боялся, но не такъ, какъ моихъ говорящихъ звѣрей-патагонцевъ.

VII.

Мы опять скоро оставили наше послѣднее кочевье и двинулись въ направленію сѣверо-запада. Дичь стала попадаться гораздо чаще и въ достаточномъ количествѣ для продовольствія цѣлаго племени. Въ числѣ прочихъ, обыкновенныхъ животныхъ, патагонцамъ удалось затравить одно животное, похожее съ виду на лиса, первое, которое я въ тотъ разъ и въ послѣдній видѣлъ въ продолженіе всего плѣна. Мѣсто, избранное патагонцами для временнаго жилья, было самое печальное и неудобное изъ всѣхъ мѣстностей Патагоніи. То было болото, окруженное несчаными холмами, лишенными всякаго слѣда какой бы то ни было растительности. Патагонцы пустыни лошадей отыскивать себѣ корму, гдѣ онѣ знаютъ, ни сколько не заботясь будутъ-ли ихъ траводные товарищи сколько-нибудь счастливы, чтобы найти въ окрестности хоть подобіе травы въ такомъ мѣстѣ, гдѣ, кажется, съ самаго сотворенія

мира земля ничѣмъ болѣе не украшалась, кромѣ ила и крупнато сѣрвататаго песку. Разбивъ хижины, женщины приготовили намъ къ ужину одного дунка и ногу страуса. Послѣ минувшаго дня, проведеннаго нами безъ всякой пищи, этотъ скудный ужинъ, раздѣленный на многочисленное семейство, показалось мнѣ чуть-ли не изыщнымъ столомъ, приготовленнымъ самымъ лучшимъ европейскимъ поваромъ.

Въ этомъ новомъ нашемъ мѣстопробываніи ожидали меня новыя мученія и новыя непріятности. Я зналъ, что ненависть, которую питало ко мнѣ цѣлое патагонское племя, нисколько не уменьшалась; и отсрочивъ на нѣкоторое время, свои замыслы на мою личность, патагонцы ни на минуту не переставали враждовать противъ меня словами и разными непріязненными предположеніями. Не смотря на то, что эти предположенія и не приводились пока еще въ дѣйствіе, все-таки они очень пугали меня. До-сихъ-поръ разговоры, въ которыхъ разсуждалось обо мнѣ, происходили за глазами; въ этотъ разъ, вѣроятно, полагая, что я не понимаю нисколько ихъ дикое нарѣчіе, кровавые замыслы на мою жизнь начали строиться въ моемъ присутствіи, и, что еще хуже, самими членами семейства Парозильвера. Однажды вечеромъ послѣ ужина когда я былъ уже готовъ ложиться спать, жены старшины начали осыпать меня ругательствами и совѣтоваться, что лучше со мною сдѣлать? Эти враждебные толки меня мало пугали, потому что я убѣдился, какъ мало имѣло женское мнѣніе вліянія на общественныя патагонскія дѣла, и только прислушиваясь, къ чему присуждаетъ меня этотъ дамскій аропагъ. Двѣ изъ четырехъ женъ старшины осуждали меня, безъ всякаго состраданія, на мучительную смерть. Не знаю, почему эти патагонки такъ ненавидѣли меня? потому-ли, что я пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ ихъ малаго супруга? потому-ли, что я лишалъ ихъ счастья раздѣлять единственно досугъ его, постоянно бывая съ нимъ вмѣстѣ и занимая его своими разсказами?—мнѣ было трудно опредѣлить; но только онѣ не стали уже, какъ прежде, домогаться собственнымъ своимъ приговоромъ, а начали приглашать въ свои засѣданія постороннихъ сѣвтинковъ, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, что они, не приступая къ исполненію женскаго приговора на дѣлѣ, ободряли на словахъ всѣ роды мученія, которые изобрѣтало воображеніе женъ Парозильвера. Я понималъ, почти слово до слова, весь смыслъ этихъ разговоровъ, а между-тѣмъ принималъ самый бессмысленный видъ, оставался наружно очень спокойнымъ, какъ-будто дѣло шло о чловѣкѣ, для меня совершенно постороннемъ, и только удивлялъ въ эти минуты мое уваженіе и мои нѣжныя ласки къ старшинѣ. Я начиналъ посту-

Ловить его свѣтла рукою по широкой груди, говорилъ ему, что у него подъ прозрачно разрисованною кожею бьется добродѣтельное и благородное сердце великаго вѣжды; называлъ его попеременно то *Old-Boy*, то воинъ *compadre* (сотоварищемъ), а себя признавалъ его *peçonino*, его *michaco* (служой, мальчишкой). Конечно, такое препровожденіе времени было очень унижительно и ровняло мое достоинство; но что оставалось мнѣ дѣлать лучшаго въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ? Женскія совѣщанія продолжались въ тотъ вечеръ очень долго, и я провелъ самую безпокойную ночь, которая казалась мнѣ нескончаемою; я наконецъ могъ дожидаться дневнаго разсвѣта и привѣтствовалъ первый лучъ его, какъ божеское благословеніе.

Я всталъ и вышелъ въ долину, чтобы согрѣть себя быстрымъ бѣгомъ до той поры, когда проснутся мои хозяева и разведутъ огонь, который-бы могъ оживить меня. День провелъ я очень грустно, а вечеръ былъ для меня еще скучнѣе и несчастнѣе минувшаго вчера. Послѣ ужина начались между женами Парозильвера обыкновенныя ихъ разсужденія на мой счетъ. Самыя старшія изъ женъ моего хозяина не переставали выражать пришедшимъ къ нимъ въ гости патагонцамъ пламенное желаніе видѣть меня растерзаннымъ на мелкіе куски. Не зная, чѣмъ могъ я заслужить такую непримиримую ненависть этихъ двухъ патагонскихъ фурій, я наконецъ потерялъ всякое терпѣніе и вышелъ изъ себя. Всѣ страсти, которыя я до-сихъ-поръ затаивалъ въ груди, вся злоба, отъ которой удерживало меня благоразуміе, вырвались у меня наружу. Я вскочилъ съ своей кожи, сбросилъ съ громкимъ возгласомъ съ головы фуражку, такъ-что она покатилаcь подъ ноги къ старымъ мегерамъ, затопалъ ногою, заскрежеталъ зубами, а изъ губъ моихъ посыпались неумолкаемыя проклятія на патагонскій женскій полъ вообще и на двухъ женъ Парозильвера въ особенности. Позабывъ объ опасности, которой я могъ подвергнуться, и ножаъ, которыми были вооружены патагонцы, я не въ силахъ былъ удержать себя и, сжавъ кулаки, началъ угрожать ими моимъ двумъ врагамъ, которыя своими безпрестанными словами и нашенываньями, безъ всякаго сомнѣнія, могли наконецъ вооружить противъ меня даже и самого Парозильвера.

Крайне удивленный такимъ неожиданнымъ порывомъ, старшина устремилъ на меня неподвижный взглядъ; брови его начали все болѣе и болѣе нахмуриваться и на лицѣ показалось выраженіе самаго сильнаго гнѣва, отъ котораго издали было и до удара мѣднымъ ножомъ. Къ счастью моему еще, что моя безумная злоба до того увлекла меня, что я

незабыть о томъ, что ни старшина, ни жены его, ни прочіе посетители не понимаютъ по-англійски, а произносилъ угрозы на самомъ чистомъ швейцарскомъ шуртцѣ и только развѣ одно выраженіе лица могло бытъ смѣло преносимыхъ мною рѣчей. И скоро, впрочемъ, образумился и вопросъ: что я сдѣлалъ? куда дѣвался мой разумокъ? тотчасъ мелькнулъ въ умѣ моемъ. Нужно было какъ-нибудь выпутаться изъ затруднительнаго положенія, въ которое я самъ себя поставилъ, в потѣмъ, не дожидаясь вопроса Парозильвера, я самъ поспѣшно подошелъ къ нему съ самымъ страждущимъ видомъ и, покачивая на голову, сказалъ, что разумокъ мой потерялся и я не знаю самъ, что со мной дѣлается. Чтобы больше убѣдить старшину въ истинѣ моихъ словъ, я крѣпко стиснулъ лобъ одной рукою, между-тѣмъ, какъ другой колотилъ себя по затылку. *Old-Boy*, видя такую перемѣну, спросилъ меня, неужели я до того страдалъ помѣшательствомъ, что осмѣлился угрожать его женамъ?

— Можешь-ли ты это думать, возразилъ я:—чтобы я сдѣлалъ какой-нибудь невѣжливый поступокъ противъ такихъ достойныхъ дамъ? Я угрожалъ самому себѣ, и вѣною всему моя глухая голова, моя безумная «кабеза».

— *Old-Boy* вполне удовольствовался этимъ объясненіемъ и благосклонно передалъ изумленнымъ посетителямъ новость о моемъ помѣшательствѣ. Не знаю, повѣрили-ли патагонскія мегеры этой вѣсти?

На слѣдующее утро мы опять двинулись въ путь по направленію къ северу и патагонцы расположились на кочевье миль за полторы отъ береговъ рѣки Санта-Круцъ, которая въ томъ мѣстѣ описываетъ своимъ изгибомъ крутое полукружіе. Рѣка была не широка, но очень быстра и глубока. Патагонцы полагали, что, слѣдуя по ея теченію, можно прямо достигнуть нѣкъ Голландіи, но мнѣ уже перестало вѣрится въ существованіи этой Батавской области на почвѣ Южной Америки. Впрочемъ, я снова началъ просить ихъ посѣтить и моихъ развѣномъ въ этой благословенной колоніи; но они, неизвѣстно почему, нисколько не думали торопиться, хотя мое присутствіе между ними не приносило имъ никакой пользы. Нѣсколько разъ они упрекали меня въ созершенной неспособности ни къ какому подвигу, и только однажды удостоили чести предложить воровать вѣбствъ съ ними лошадей. Патагонцы впередъ уже рассчитывали на нѣсколько сотенъ; на мою долю приходилось только всего двѣ лошади. Я увѣрилъ ихъ, что я сдѣлаюсь, для нихъ удовольствіемъ, съжечь отчаяннымъ воровъ. Парозильверъ остался этимъ очень доволенъ

и повторять, что скоро мы прибудемъ къ рѣкѣ Рио-Негро, гдѣ я буду имѣть случай показать свою ловкость. Послѣ трехдневнаго роздыха, мы двинулись внизъ по теченію рѣки и въ полдень начали переправляться на другой берегъ, на плотяхъ патагонскаго изобрѣтенія. Плоты эти состояли изъ тростниковъ, связанныхъ страусовыми жилами и покрытыхъ кожей. Я получилъ приказаніе находиться при подвижности, и потому помѣстился съ женами Парозильвера на одномъ изъ такихъ плотовъ. Одинъ конецъ этого плавательнаго снаряда былъ привязанъ ремнемъ къ хвосту лошади, на которой помѣщался старшина. Жены его, во время переправы, затянули арію, которая не умолкала. Она состояла изъ словъ: Іахъ, уахъ, юри мити! за которыми слѣдовала притѣва: Іахъ, іахъ, уахъ! повторяемый цѣлымъ хоромъ. Едва только успѣли мы переправиться на другой берегъ, какъ нѣкоторая часть патагонцевъ пришла въ какое-то непонятное для меня движеніе. Одни вскакивали стремительно на лошадей, другіе, напротивъ, соскакивали и бѣжали обратно къ берегу. Я побѣжалъ вслѣдъ за патагонцами, чтобъ узнать, что случилось. Одинъ изъ плотовъ, отвязавшись отъ лошадиного хвоста и быстро скользилъ внизъ по теченію; на плоту этомъ, кромѣ разнаго имущества, находился еще ребенокъ. Жены Парозильвера начали отчаянно кричать и обвиняли, кажется, меня въ такомъ неожиданномъ несчастіи. Къ голосамъ ихъ присоединились скоро вопли многихъ другихъ женщинъ. Чувствуя, что мое положеніе очень затруднительно, я сказалъ Джону (такъ перекрестилъ я одного изъ патагонцевъ), чтобъ онъ не отходилъ отъ меня и защищалъ, если хочеть получить табакъ и рому. Въ надеждѣ напиться на мой счетъ, Джонъ предложилъ мнѣ войти въ его хижину, которая была уже поставлена, а самъ сталъ у входа, обнаживъ свой ножъ. Между-тѣмъ вопли все усиливались и скоро въ хижину Джона ворвалось столько патагонцевъ, что я долженъ былъ прижаться въ самый задній уголъ, имѣя оградой отъ свирѣпой толпы только громадное туловище Джона. Онъ не спрашивалъ товарищей своихъ, что имъ нужно, потому-что нельзя было не угадать ихъ намеренія, но только стыдилъ тѣмъ, что они напрасно обвиняютъ меня въ потерѣ плота и ребенка, который можетъ быть еще и не утонулъ. Джонъ совѣтовалъ мнѣ немного подождать и сперва увѣриться произошло-ли какое-нибудь несчастіе. Патагонцы удалились, обѣщаясь вернуться. Къ моему счастью, потонулъ только одинъ плотъ, ребенокъ же былъ спасенъ. Къ вечеру переправа черезъ рѣку была приостановлена и самъ Парозильверъ переплылъ на другую сторону, чтобъ наблюдать за оставшимся имуществомъ и лошадьми. Я опять долженъ былъ съ ними разлучиться, что очень безпокойно меня за мой

безопасность, хотя онъ и отдалъ приказаніе не принимать противъ меня никакихъ насильственныхъ мѣръ.

Мысль о побѣгѣ снова начала бродить въ головѣ моей и я намеревался воспользоваться ночью однимъ изъ плотовъ и пуститься на мѣнь внизъ по теченію. Но точно-ли рѣка эта была Санта-Круцъ? Въ какомъ разстояніи находится она отъ моря?—представился мнѣ потомъ вопросъ. Я никогда не слыхалъ существуютъ-ли поблизости этой рѣки какія-нибудь европейскія поселенія. Я очень легко могъ быть унесенъ на моемъ кожаномъ кораблѣ въ открытое море, и притомъ никакъ не могъ управлять весломъ, потому что патагонцы очень чутки. Все мнѣ не благоприятствовало; но я уже рѣшился.

Я тихонько выползъ изъ хижины и скоро достигъ до берега, но—увидѣвъ въ моемъ послѣднемъ составленномъ планѣ я позабылъ о своихъ четвероногихъ стражахъ. На меня кинулась цѣлая стая собакъ и огласила ночное молчаніе самымъ пронзительнымъ лаемъ. Я снова долженъ былъ возвратиться въ хижину.

На другой день переправа возобновилась и въ этотъ разъ, по милости Божіей, безъ всякихъ приключеній путь нашъ пошелъ къ западу, и это направленіе привело меня снова въ отчаяніе, потому что мы, стало-быть, опять начали удаляться отъ той Голландіи, о которой говорилъ Парозильверъ. Дня черезъ два патагонцы остановились около двухъ маленькихъ озеръ. Одно изъ нихъ было до того мелко, что въ немъ разгуливали страусы. Патагонцы бросились за ними и всѣхъ ихъ перебили.

Однажды, осматривая внимательно колоссальныя формы Парозильвера, я замѣтилъ на ногѣ его широкій шрамъ; рана, повидимому, была старая. Принявъ видъ самаго искренняго участія, я спросилъ у старшины, гдѣ онъ получилъ ее? Парозильверъ отвѣчалъ, что рану эту получилъ въ сраженіи противъ алаагросовъ, племени, жившаго на сѣверѣ Патагоніи. Судя по словамъ его, племя это во многихъ отношеніяхъ выше патагонцевъ. Алаагросы вооружаются длинными ножами и очень богаты лошадьми и табакомъ. Вѣроятно, алаагросы эти происходятъ отъ первоначальныхъ испанцевъ, смѣшавшихся съ туземцами. Сраженіе, въ которомъ Old-Воу былъ раненъ, происходило по случаю лошадиной кражи. Парозильверъ рассказывалъ объ успѣхахъ этой экспедиціи съ большимъ одушевленіемъ.

Во время нашего роздыха близъ этихъ озеръ ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что желудокъ мой оцѣлъ разстроился отъ страусоваго жира. Въ этотъ разъ самъ Парозильверъ сдѣлался моимъ док-

торомъ и прописалъ мнѣ рвотное, въ главный составъ котораго входилъ обрывокъ отъ лошадиной узды.

VIII.

Путь, который постоянно держали патагонцы, все шелъ по направлению къ западу, и время отъ времени попадались намъ новыя породы птицъ и, между прочимъ, одна огромная черная птица, безпопашно падавшая на подбѣкъ. Около прудовъ и береговъ рѣкъ я замѣтилъ также множество водяныхъ птицъ, похожихъ на дикихъ гусятъ; но Парозильверъ замѣтилъ мнѣ, что мясо ихъ очень нехорошо. Провѣявъ мимо одного кустарника, мы замѣтили стаю птицъ, кружившихся все на одномъ мѣстѣ. Старшина вѣхалъ въ кустарникъ и мы увидѣли островъ гуанако котораго, послѣднее мясо дорывали хищныя птицы.

Надежда моя снова возобновилась: мы перемѣнили направление къ югу. Въѣхавъ на одинъ высокій холмъ, Парозильверъ протянулъ руку и объявлялъ мнѣ, указывая на юго-востокъ, что тамъ находится его Голландія; но я напрасно напрягалъ зрѣніе и смотрѣлъ во все стороны: на концахъ горизонта не было замѣтно никакихъ признаковъ жилищъ.

Вечеромъ караванъ нашъ остановился у одного замерзшаго болота и я, чтобъ чѣмъ-нибудь подвинуть патагонцевъ къ ихъ Голландіи, началъ имъ описывать и словами и тѣлодвиженіями всю прелесть опьяненія. Патагонцы слушали меня очень внимательно и ихъ громкій смѣхъ показалъ мнѣ, что они очень остались довольны моимъ представленіемъ. Въ этотъ самый вечеръ я былъ потребованъ въ большой патагонскій совѣтъ, котораго результатовъ я не могъ опасаться. Все члены собранія были безъ ножей и исполнены самыхъ миролюбивыхъ намереній. Я долженъ былъ подтвердить свои обѣщанія о ромѣ, табакѣ и о прочемъ и Парозильверъ рѣшилъ везти меня въ Голландію безъ отлагательства.

Въ продолженіе того времени, которое мы провели у этого болота, я замѣтилъ нѣсколько устричныхъ раковинъ—то были первыя, которыя я встрѣтилъ въ Патагоніи. Я спросилъ у Парозильвера: есть ли устрицы въ окрестности? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что вѣтъ, и уклонился отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, говоря, что ни одно индійское племя не употребляетъ ихъ въ пищу. По разговорамъ Парозильвера, я увѣрился, что, кромѣ нашего племени, существовали въ этой странѣ и другія племена;

и однажды, проѣзжая мимо одной долины, замѣтилъ я признаки только-что потухшихъ костровъ. Не одинъ Парозильверъ носилъ на своемъ тѣлѣ слѣды ранъ: у многихъ патагонцевъ были изуродованы груди и лица. По справкамъ оказалось, что раны эти нанесены племенемъ амазонеровъ, вооруженныхъ стрѣлами. По описаніямъ наружности этого племени, я принималъ его за одно изъ племенъ, живущихъ въ Огненной-Землѣ; но впоследствии узналъ, что дикіе этой страны такъ сильно напиваются стрѣлы свои ядомъ, что люди, пораженные ими, уже не имѣютъ возможности рассказывать о своихъ подвигахъ.

Однажды я поѣхалъ съ Парозильверомъ на охоту. Возвѣхавъ на одну лошадь, хозяинъ мой приставилъ лошади и, казалось, что-то замѣтилъ особенное. Я спросилъ его, что онъ видитъ, но Парозильверъ обидѣлъ мнѣ только званіемъ слѣдить за направленіемъ его глазъ: чрезъ минуту показавшаяся лошадь безъ слѣдка.

— Это дикая лошадь, — проговорилъ старшина и пустился скакать, приказавъ мнѣ за нимъ слѣдовать; на пути присоединились къ намъ еще двое патагонцевъ. Испуганная лошадь бросилась въ кусты вмѣстѣ съ двумя жеребятми, которыми могло быть года по два. Парозильверъ распустилъ свой *lasso*, ремень свиснулъ въ воздухъ и животное, опутанное имъ кругомъ шеи, задыхаясь, упало на землю. Жеребятъ не-стигла та же участь.

По окончаніи свѣта, о которомъ я говорилъ, Парозильверъ протолкавалъ со мною большую часть ночи. Онъ мнѣ признался, что его очень много удерживаетъ мысль: не будутъ-ли европейцы мстить за смерть капитана Этона? Я поспѣшилъ уничтожить его опасеніе увѣривъ, что пока я буду съ патагонцами, имъ нечего опасаться, и что никто не осмѣлится поднять даже мизинца на моихъ добрыхъ друзей. Потомъ Парозильверъ нѣсколько разъ заставлялъ меня повторять, что я буду говорить бѣлымъ въ его пользу, и наконецъ заснулъ.

На другой день Парозильверъ всталъ очень рано и какъ-то особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ. Поглодавъ наскоро кое-какія кости и уничтоживъ остатки жира, чтобъ не имѣть пустаго желудка, старшина сталъ предъ своею хижиной и произнесъ рѣчь къ цѣлому племени, въ которой описывалъ все выгоды моего отвоза въ Голландію. По его мнѣнію, сопровождать меня въ нее слѣдовало очень немногимъ патагонцамъ. Эту мысль внушилъ ему я, увѣряя, что многочисленность его свиты и богатырскій ростъ патагонцевъ испугаютъ бѣ-

лыхъ и затруднять развѣтъ. Противъ обыкновенія, рѣчь эта имѣла многихъ видимыхъ слушателей и произвела сильное впечатлѣніе. Было единогласно рѣшено, что Парозильверъ и еще четыре патагонца, съ ихъ женами, будутъ составлять весь передовой отрядъ; остальное племя должно слѣдовать въ нѣкоторомъ отдаленіи. Къ нашему отряду присоединилась еще одна старуха. Лошадь моя совершенно охромѣла; мнѣ дали новую. Путевыя приготовленія были непродолжительны.

Въ минуту моего отъѣзда, патагонскія женщины окружили мою лошадь и, одна за другою, подносили своихъ грязныхъ дѣтенышей, прося не забыть и ихъ при распределеніи подарковъ. Мнѣ оставалось разыграть послѣдній актъ комедіи, которую я игралъ столько времени, и я общалъ все съ самымъ положительнымъ видомъ. Взглянувъ нечаянно въ сторону, я примѣтилъ бѣлую собаку, которая крала мою обѣденную порцію и которой-бы я съ удовольствіемъ раздробилъ голову, а и той общалъ прислать какую-нибудь подачку.

Наконецъ мы двинулись. Прощай Патагонія! думалъ я про-себя, шпоря изъ всѣхъ силъ свою лошадь; но не успѣли мы отъѣхать миль семь или восемь, какъ Парозильверъ поворотилъ своего коня и приказалъ ѣхать обратно въ таборъ. Всѣ мои просьбы, всѣ увѣщанія были напрасны и я опять очутился на своей гуанаковой кожѣ, въ своемъ грязномъ углу. Не объясняя по какимъ причинамъ путешествіе было отложено, патагонцы пустили лошадей въ поле и принялись за игру: Я упрасивалъ Парозильвера объяснить мнѣ такую немилость; онъ утѣшилъ меня только тѣмъ, что общалъ доставить въ скоромъ времени и потомъ, видя, что я предался самому сильному отчаянію, вывелъ меня изъ палатки и, показывая на другую сторону, лежавшую за отдаленною рѣкой проговаривалъ:

— Тамъ теперь нехорошо, ночью будетъ лучше, нехорошо рѣка.

Почему опасался Парозильверъ узкаго и неглубокаго рукава Санта-Круць—я не могъ никакъ понять. Парозильверъ упоминалъ о ночи; но ночей предстояло много въ будущемъ, и потому, въ которую именно ночь угодно будетъ ему исполнить свое обѣщаніе, этого Парозильверъ мнѣ не объявилъ. День самый мучительный наконецъ прешелъ и, къ моему удивленію, маленькій мой конвой въ-самомъ-дѣлѣ собрался въ дорогу и переправился въ бродъ чрезъ Санта-Круць. Единственною защитой отъ холоднаго вѣтра былъ намъ мелкій кустарникъ, среди котораго лежалъ намъ путь.

Провѣдавъ мили двѣ, мы остановились; сердце мое сильно сжалось при мысли: не опять ли задумалось патагонцамъ вернуться? но, къ сча-

стію, опасеніе было напрасно: отрядъ остановился для почлега на открытой снѣгомъ землѣ. На другой день, проѣхавъ миля три, мы снова остановились отдыхать; въ продолженіе завтрака я опять долженъ былъ повторять мои обѣщанія и повторять нѣсколько разъ предъ патагонцами ту рѣчь, которую долженъ былъ произнести, въ похвалу ихъ, обѣлишь. Мы вѣхали все по берегу Санта-Круцъ и наконецъ, поднявшись на одинъ пригорокъ, патагонцы, показывая на одинъ отдаленный рукавъ этой рѣки, начали кричать:

— Вонъ Голландія, тамъ, тамъ! Esta Holland, sarvey! muchas casas, muho, muho hombres, tepe muho aquidcente, muho travae, yeguci, agenar, aguse! Болтовня эта означала, что въ этой Голландіи много людей, табаку, рому, чаю и хлѣба.

Я началъ всматриваться и увидалъ маленькій островокъ, на которомъ чернѣлись едва примѣтныя хижины. Эти норы могли-ли быть жилищами образованныхъ людей—я сильно сомнѣвался. Проѣхавъ еще миля двѣ, Парозильверъ остановился, чтобъ подождать остальную толпу патагонцевъ и собрать окончательный совѣтъ, какъ распорядиться, чтобъ вести переговоры о моемъ выкупѣ. Было рѣшено, что я подойду къ берегу и буду ходить по немъ, чтобъ привлечь вниманіе островитянъ; но едва отдалится отъ острова какая-нибудь лодка, я долженъ буду тотчасъ удалиться. Я понялъ изъ этого, что патагонцы несовсѣмъ вѣрили моимъ обѣщаніямъ остаться съ ними, какъ я увѣрялъ ихъ во все время нашего послѣдняго пути.

Парозильверъ привелъ меня на берегъ, далъ мнѣ въ руки флагъ, сорванный ими съ несчастнаго брига Авона, чтобъ я могъ дѣлать имъ знаки, и я началъ свое прохаживаніе. Ни одна лодка не отдѣлилась отъ острова; цѣлый почти день провелъ я въ напрасномъ ожиданіи и сердце мое начало сильно трепетать, когда патагонцы начали поговаривать о возвращеніи въ свое кочевье. Островитяне не могли не замѣтить моего присутствія, потому-что островъ находился отъ берега миля на полторы, не болѣе, еслибъ не мѣшала снѣжная мѣтель. Бросивъ флагъ, я взялъ горячую головню и началъ махать ею. Парозильверъ, спрятавшись въ кустъ, внимательно глядѣлъ въ даль и наконецъ, чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ мнѣ, что видятъ плывущую лодку. Я едва могъ вѣрить глазамъ моимъ, увидавъ самъ въ-самомъ-дѣлѣ лодку съ четырьмя людьми. Подѣхавъ сажень на триста къ нашему берегу, гребцы опустили весла и лодка остановилась. Патагонцы приказали мнѣ тогда присоединиться къ нимъ, но, не слушая словъ ихъ, я бросился со всѣмъ ногъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла лодка. Патагонцы пустились за мною въ погоню, но остатни моихъ башмаковъ давали мнѣ преимуще-

предъ нами. На мѣстѣ, усѣянномъ острыми предметами, Парозильверъ рычалъ какъ звѣрь; но увѣряя его, что я хотѣлъ только переговорить поближе, съ бѣлыми, я продолжалъ бѣжать какъ только позволяли мнѣ мои тощія ноги. Человѣкъ, правившій рулемъ, окликнулъ меня и спросилъ къ какому племени принадлежали преслѣдовавшіе меня дикари, сколько ихъ и какъ я попалъ въ ихъ среду? Я отвѣчалъ какъ можно короче, что нѣсколько патагонцевъ желаютъ переправиться на островъ, чтобъ получить за меня выкупъ. Спрашивавшій меня отрицательно покачалъ головою и замѣтилъ, что онъ не можетъ довѣрять такимъ людямъ, какъ патагонцы, и ни одного не пуститъ на бортъ.

— А меня, одного меня, закричалъ, я отчаяннымъ голосомъ, видя, что патагонцы, которые почему-то приостановились, скоро достигнутъ меня.

— Хорошо! последовалъ лаконическій отвѣтъ.

Я обернулся; патагонцы были отъ меня въ нѣсколькихъ сажняхъ. Чтобъ чѣмъ-нибудь приостановить ихъ, я вынулъ изъ кармана часы, которые везъ съ собою по приказанію Парозильвера, чтобъ вставить стекло, и бросилъ ихъ въ кустарникъ и потомъ кинулся головою въ рѣку; платье и башмаки затрудняли мое плаваніе, сильный вѣтеръ вздымалъ огромныя волны, но надежда на свободу придавала мнѣ силы. Подплывъ къ челноку, прежде всего увидалъ я ружейные стволы, которые были направлены на патагонцевъ, въ случаѣ, еслибъ они отважились преслѣдовать меня вплавъ; тутъ только почувствовалъ я, что руки мои опускаются и я не могу ими дѣйствовать! Замѣтивъ, что я иду ко дну, человѣкъ, стоявшій у руля протанулъ мнѣ ружье, за которое я судорожно схватился. Двое другихъ людей приподняли меня за воротникъ и я почти безъ чувствъ упалъ на дно лодки. Мнѣ предложили переѣннить платье, но я просилъ только объ одномъ, чтобъ гребцы удалились поспѣшнѣе прочь отъ берега. Меня не стали томить никакими разспросами и тотчасъ-же подали рому, который былъ взятъ для моего выкупа; я не заставлялъ просить себя и жадно глоталъ напитокъ, распространявшій теплоту въ моихъ околѣвшихъ членахъ, прислушиваясь къ дикому вою великановъ. Нашли-ли они часы? Напоминаютъ-ли они про меня Парозильверу и его жену — благодаря Бога, вопросъ этотъ остался для меня неразрѣшеннымъ.

Я съ чувствомъ пожалъ руку г. Галлу (такъ назывался англичанинъ, правившій рулемъ) и, со слезами на глазахъ, благодарилъ Бога за мое чудесное освобожденіе. Мнѣ тотчасъ-же отвели особенную хижину и развели огонь.

— Теперь, господа, — сказал г. Галль, — поздравим нашего гостя торжественнымъ залвомъ: — паян!

Раздался дружный залвъ карбиновъ, на который отозвались патажонцы едва слышнымъ вошемъ.

Меня схватили первого мая, на островъ прибылъ я седьмого августа, следовательно я пробылъ у патажонцевъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

КУБЕГУЛЯ.

РАСКАЗЪ ВЪ АБХАЗСКИХЪ ПРАВОВЪ,

В. И. САВИНОВА.

Посвящается Е. П. Павлу Михайловичу Новосильскому.

I.

Богата и роскошна природа Абхазіи въ своихъ картинныхъ видахъ, въ ея то голыхъ, обрывистыхъ холмахъ, то въ мрачныхъ скалахъ, поросшихъ самшитомъ и сосною. Не оторвешься жаднымъ взглядомъ отъ ея великановъ-лѣсовъ, отъ ея темныхъ и полныхъ ужаса ущелий! Кому судьба и обстоятельства, такъ какъ мнѣ, дали возможность приглядѣться къ этой природѣ, не для всѣхъ доступной, тотъ долженъ сотню разъ обмирать отъ наслажденія. Видѣлъ я горы Абхазіи и ея роскошныя долины; не разъ томился зноемъ подъ ея небомъ, не разъ подъ вой шакала, самъ, какъ звѣрь, прятался въ лѣсныхъ трущобахъ и, дрожа отъ холода ночи, все-таки не могъ оторваться отъ картинъ пустыни, облитыхъ блѣднымъ свѣтомъ луны, при которой по крепню

скала, какъ змѣи, ползуть и серебрятся едва замѣтныя тропинки, вы-бѣгающія на отвѣсный утѣсъ, или прячущіяся за камень. А кругомъ молчаніе ужасающее; кругомъ сонъ исполнновъ: боишься шелкнуть одеждой, боишься вдохнуть свободно, какъ-будто бы ждешь, что отъ твоего движенія проснется вся эта величественная тишина. Хороши горы и долины Кавказа, очень хороши, когда надъ ними сіяетъ день, когда надъ ними плыветъ луна въ прохладную ночь; но ничто не заключало въ себѣ столько поэзіи, какъ долины Дзыбни, тамъ, гдѣ Бзыбъ, дойдя до аула, отъ котораго получила свое названіе, круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ и съ ужающею быстротою бѣжитъ на западъ. На прибрежныхъ скалахъ, какъ орливыя гнѣзда, раскинулись бѣдныя сакли горцевъ; у подошвы горъ, нетронутыхъ рукою цивилизаціи, смѣло, въ прихотливыхъ кудряхъ вьется и ползетъ виноградникъ; малкій яворъ опушилъ склоны этихъ горъ, и между нимъ всталъ густой самшитъ. По обширному ковру полевыхъ цвѣтовъ весело бѣгутъ ручьи; за тремя серебристыми полосами ихъ встала роща, изумительно странная по своему виду. Въ первое мгновеніе, когда только вырисуется она на горизонтѣ, усталый путникъ пораженъ ея видомъ: въ этой дикой пустынѣ, въ едва проходимыхъ скалахъ и тущобахъ, онъ видитъ городъ съ его восточною обстановкою, съ его куполами мечетей, съ его кипарисами, минаретами и плоскими кровлями домовъ—до того обманчивъ рисунокъ этой рощи! Но и несовсѣмъ разочарованъ въ своихъ надеждахъ бѣдный странникъ, когда достигнетъ этого *lata morgana* абхазской пустыни... Густая зелень въ знойный полдень даетъ ему прохладную тѣнь, свѣжая вода тутъ же, дикіе плоды къ его услугамъ.

Былъ полдень. Юнское солнце жгло невыносимо; казалось, отъ его лучей густой смрадный паръ гари цѣлыми клубами виселъ надъ тропинками и надъ рѣкою, когда, измученный усталостью и голодомъ, я, во время моего бѣгства изъ плѣна, завидѣлъ берега Бзыба. Никакой звукъ не нарушалъ тягостнаго молчанія раскаленной солнцемъ пустыни. Въ другой странѣ страдалецъ, избѣгающій встрѣчи съ своими преслѣдователями, или врагами, только въ минуту общаго усыпленія, пользуясь темнотою ночи, находитъ возможность безопасно и безъ страха сдвинуть нѣсколько шаговъ впередъ; въ горахъ обратно: вечеръ и ночь часъ дѣятельности, день же—время общаго бездѣйствія; и можно смѣло быть увѣреннымъ, что никакой голодный збрень не оставитъ своей норы для того, чтобъ встрѣтить добычу въ полдневный жаръ. Въ рубчикѣ, вооруженный винтовкою, съ запасомъ двухъ, микроскопической шпры, патронавъ, которые мнѣ удалось отнять у моего сторожа Юсе-

фа, въ ауль «Дозари», я проходилъ дзыбскою пустынею, жажда встрѣчи съ фазаномъ или горною козкою... Тотъ и другой не ушли бы теперь съ моего прищѣла... Но прошелъ часъ, наконецъ и другой, ожиданія мои не сбывались... Я спустился по крутому берегу къ Дзыби и, утоливъ жажду, готовъ былъ, въ изнеможеніи, упасть при первомъ шагѣ на поляну, какъ видъ цвѣтущаго города, опущеннаго стройнымъ рядомъ тополей, поразилъ меня своимъ появленіемъ. До него я не могъ считать болѣе двухъ верстъ по прямой дорогѣ. Силы мои возрали въ одно мгновеніе. «Городъ! въ горахъ? думалъ я... Ужъ вѣрно не Ахнедъ-Аминъ выстроилъ его!» Отъ этой мысли, я перешелъ къ другой, которую старался разрѣшить невольное заданный себѣ вопросъ: «Гдѣ я и куда пришелъ?» Я зналъ, что въ горахъ, по разназамъ бывалыхъ, и сколько самому случалось встрѣчать среди тущобъ Абхазіи, нерѣдко попадаются развалины большихъ селеній—но развалины! Теперь же передо мною открывался видъ города, повидимому оживленнаго... Вотъ кажется, передъ нимъ бродить стадо барановъ; надъ нимъ вьются стаи птицъ. Я удвоилъ шаги. Чѣмъ ближе подвигался я къ моему обѣтованному оазису, тѣмъ болѣе расло мое недоумѣніе... Невысокая, зигзагомъ раскинутая городская стѣна какъ-будто бы превращалась въ зеленъ ерѣшника; за нею, передовые минареты и дома мало-по-малу теряли свою створатую ровность стѣнъ, дѣлая, съ съ каждымъ моимъ шагомъ впередъ, шероховатѣе; наконецъ я разглядѣлъ ясно куны яблонь, авора, самшита и чинары, такъ оригинально и прихотливо подстриженныя, выровненныя и разбросанныя природою. Чтобы достигъ этого фантастическаго города, который обѣщалъ мнѣ вкусный обѣдъ послѣ двухдневнаго поста, я долженъ былъ перебраться за ручей довольно быстрый и глубокой. Не рискуя броситься вплавь, потому-что силы мои были истощены дальнимъ переходомъ, голодомъ и зноемъ, я набрелъ на днище давно брошенной арбы, сложилъ на него мои лохмотья, винтовку и пару патроновъ, тщательно завязанныхъ въ лоскутъ, который замѣнялъ мнѣ сорочку, и пустился въ походъ. У берега теченіе было не очень быстро, что дало мнѣ возможность сообразить, какъ далеко снесетъ меня, и какъ я долженъ буду дѣйствовать. Переправа кончилась, можно сказать, благополучно, если не считать встрѣчи рогагого корня нвы, около котораго мнѣвуть нять меня повертѣю порядочно. Въ этой дрянной встрѣчѣ не столько боялся я запутаться въ рогахъ нвы, сколько долженъ былъ истощать всю свою силу, смѣлость и сноровку, чтобъ не перевернулся

* Достоверные рассказы объ Абхазіи (Записки офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ) «Пантеонъ» 1850 г. № 2. и «Современникъ»— Три мѣсяца въ плѣну у горцевъ 1848 г. № 8. Сибель. В. С.

мой плоть, на которомъ находились мой рыцарскіе доспѣхи. Однѣмъ теченіе вынесло меня къ берегу... Блаженная минута моего кейфа была близка; но прежде слѣдовало изготавить винтовку и осмотрѣться, на случай какой-нибудь неприятельской встрѣчи... За рѣдкою градою тополей открывался небольшой аулъ, раскинутый по предгорью; сакли были затворены и ни одной бороды, ни одного башлыка не мелькало на ихъ порогахъ. Во всякомъ случаѣ, осторожный, какъ лисаца, я, можно сказать, нырнулъ въ густой орѣшникъ и, добравшись до яблони, принялся опустошать ее. Въ эту минуту мнѣ послышалось какъ-будто бы въ оврагѣ, шаговъ за десять отъ меня, раздался шорохъ. При этомъ недоуменный плодъ едва не всталъ у меня въ горлѣ; я бросилъ на землю десятокъ яблоковъ и приложился изъ винтовки, прямо по направленію къ закраинѣ оврага; въ ту же минуту, при лучахъ солнца, пробивавшагося сквозь тополь, сверкнулъ стволъ турецкаго ружья и его дуло какъ тутъ сыскало мое перовосье... Я быстро прилегъ въ можжевельникъ; незнакомецъ повторилъ тотъ же маневръ. Въ немъ, въ этомъ встрѣчномъ, я легко могъ разглядѣть громаднаго, тощаго великана, котораго природа наградила невесьма привлекательною наружностью... Огромные черные глаза, ввалившись въ желтыя орбиты, по сторонамъ носа, передъ которымъ даже и носъ почтеннаго Хаджи-Юсуфа могъ бы назваться бородавкой, смотрѣли на меня такъ страшно, какъ-будто завидовали моимъ лохмотьямъ; баранья шапка, прикрывая порядочную капну черныхъ курчавыхъ волосъ, была надѣта на затылокъ; за плечами сянга бешмета моталась огромная котомка и чахолъ винтовки. Пристально смотря другъ другу въ глаза, мы не рѣшались на выстрѣлъ: вѣрному удару пули мѣшала неровность мѣста и два, три куста орѣшника, раздѣлявшихъ насъ. Нельзя же было цѣлый вѣкъ оставаться въ такомъ сомнительномъ положеніи. Я снялъ съ курка палецъ и поползъ впередъ. Страшный врагъ мой сдѣлалъ то же, но только такъ, какъ дѣлаютъ это раки.

— Если этотъ разбойникъ не запрашиваетъ меня въ засаду, подумалъ я, такъ онъ врагъ не опасный. «Кто ты?» спросилъ я, позабывши, стараясь голову спрятать за дерево, а винтовку положить на голый сукъ яблони, и на прицѣлъ. Отвѣта не было и только глаза незнакомца, еще болѣе увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, остановились на мнѣ съ выраженіемъ недоумѣнія. Я повторилъ свой вопросъ.

— Брось винтовку, скажу... я не врагъ твой... я тебя знаю, отвѣчалъ онъ, довольно чисто порусски.

— Знаешь! повторилъ я съ невольнымъ страхомъ и также невольно исполняя его желаніе.

— Знаю, кунаитъ, знаю! Ты бѣжалъ изъ аула Дозари, тому пройдетъ дней шесть.

— Но кто же ты?

— Армянинъ, коробочникъ.

Весьма немногіе знаютъ, что такое коробочникъ. Это особенный, самобытный типъ людей, часто встрѣчающихся въ горахъ Кавказа; это мелочные торговцы, которые, съ котомкою за плечами, надѣясь на гостеприимство горцевъ, бродятъ въ скалахъ и тущобахъ Кавказа, подвергая жизнь свою, изъ-за ничтожнаго барыша, опасности на каждомъ шагѣ. Такихъ туристовъ-торговцовъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ чисто-русскіе крестьяне, народъ бойкій, смѣлый и смысленный, бродятъ въ окрестностяхъ Тифлиса, на границѣ Персіи, въ Мингрелии, Имеретіи и Кахетіи, рѣдко вдаваясь въ горы; другіе, болѣе—знакомые съ дикарями, евреи и армяне, смѣло проходятъ тущобы Черныхъ горъ, Сванетію, Горную Кабарду, Чечню, Абхазію, Абазію и даже иногда являются въ аулахъ шапсуговъ, убыховъ и натухайцевъ. Это люди, которые съ грузомъ поумента, снурковъ, пуговиць, петель и петелекъ всѣхъ родовъ, съ грузомъ пестрыхъ матерій, ситцевъ и небольшого количества платья, за лишній абазъ готовы на встрѣчу съ хищниками и горскими абреками. Въ теченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ такой коробочникъ, вынося бездну лишеній, каждую минуту опасаясь за цѣлость своего богатства и своей головы, обойдетъ верстъ тысячу, навѣститъ своихъ старыхъ кунаковъ и побываетъ, нерѣдко, тамъ, куда трудно добраться и цѣлой экспедиціи... Воспоминаніе путевыхъ впечатлѣній и приключеній каждаго изъ нихъ могли бы составить весьма интересный романъ, который иной фельетонистъ школы Теккерера и Диккенса непременно назоветъ сказкою. Мой встрѣчный незнакомецъ принадлежалъ къ послѣднему роду коробочниковъ.

Послѣ перваго нашего объясненія мы не имѣли нужды ни въ подозрѣніяхъ, ни даже въ винтовкахъ. Въ армянинѣ я точно узналъ странствующаго коробочника, котораго, за день до моего бѣгства изъ Дозари, мелькомъ видѣлъ у княжеской сабли. Въ свою очередь, онъ не солгалъ, что знаетъ меня. Весьма нерѣдко коробочники, обходя аулы, горы и ущелья, кромѣ торга, занимаются еще и другимъ ремесломъ, довольно для нихъ прибыльнымъ. Плѣтничкъ, ясырь, перепроданный въ десятыя руки, часто находятъ въ нихъ своего забавителя. Возвращаясь на слѣдующій годъ въ горы, коробочникъ приноситъ ему радостную вѣсть о родныхъ, друзьяхъ, а иногда и выкупъ. Въ этомъ случаѣ обѣ стороны, какъ плѣтничкъ, такъ и его владѣлецъ, разумѣется, остаются благодарны странствующему торговцу. Для моего новаго знакомаго, Юсана, рас-

продажа скарба, заключавшагося въ его котомкѣ, служила только виновнымъ предлогомъ къ свободному посѣщенію горскихъ ауловъ, и все, что носилъ онъ за плечами, не давало ему такого богатаго барыша, какъ розыски о мѣстѣ заключенія плѣнныхъ и ихъ выкупъ.

Обрадованный такою встрѣчей, я вышелъ изъ моей засады и расположился въ оврагѣ рядомъ съ почтеннымъ Іосаномъ. По разбросаннымъ на травѣ объѣдамъ шаманъ, недоварѣнной кукурузы и сухарякъ, я легко могъ догадаться, что армянинъ былъ встревоженъ моимъ нежданнымъ появленіемъ въ ту же самую минуту, какъ и я, т. е. въ минуту отчаяннѣйшую для голоднаго странника. Онъ наслаждался своимъ обѣдомъ. Не отвѣчая на сотни сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ, я прежде всего съ смѣсточеіемъ началъ на сѣдимое богатство армянина и уничтожилъ его кукурузу дочиста. Іосанъ глубокомысленно покачалъ головой, улыбнулся и вынулъ мнѣ изъ котомки пару шамаскъ.

— Вѣрно, давно не ѣлъ? спросилъ онъ.

— Два дня.

— Ничего?

— Ни кореннаго, ни проши.

— А прежде?

— Подстрѣлилъ какую-то пеструю птичку, половину съѣлъ, половину оставилъ про запасъ...

— Гм... Гдѣ же она?

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю, гдѣ она... Должно быть, нашла укрѣла ночью.

— Куда же пробираешься теперь?

— До перваго мирнаго аула, на береговую линію...

Іосанъ нагнувъ напрахъ на брови, снова стануль его на затылокъ и проворчалъ что-то на своемъ родномъ нарѣчій.

— Не скоро же ты доберешься до своихъ, сказалъ онъ. — Уходя изъ Дазари, ты вѣрно бросился въ лѣсъ?

— Да...

— Потому въ бродъ перешелъ рѣчку.

— Да.

— Такъ; отъ того-то ты и очутился тамъ, гдѣ тебѣ ни слѣдъ, ни дорога. Послушай, кунакъ, продолжалъ онъ: есть у тебя родные?..

— Есть.

— Съ деньгами?

— Ну, такихъ нѣтъ. А что?

— Если бы мнѣ заплатили, такъ и быть, я бы тебя вывелъ изъ этого омута. Самому жѣ тебѣ здѣсь небродить, походить, да и остаться.

Такая откровенность со стороны коробочника заморозила кровь въ моихъ жилахъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и новымъ моментомъ впередъ я мечталъ о скоромъ своемъ избавленіи отъ всѣхъ лишеній и страданій; а теперь изъ словъ армянина хорошо понималъ, что мнѣ придется или умереть отъ голода и лишеній на распутии, или снова отдаться въ руки моихъ враговъ.

— Послушай, сказалъ я: если ты сдѣлаешь доброе дѣло и поможешь мнѣ добраться до своихъ, то не будешь въ накладѣ.

— А какъ это случится?

— У меня есть друзья, которые...

— Друзья? Хе! Какъ-будто бы они у тебя могутъ быть? съ усмѣшкою замѣтилъ Юсанъ, разглядывая мои печальныя лохмотья... Жалкая надежда на некормленнаго коня! Друзья твои вѣрно ужъ давно не видали у тебя даже вытертаго абаза...

— Правда, правда! прошепталъ я, грустно задумываясь надъ истинною словъ коробочника.

— Но однако, назови кого-нибудь, сказалъ онъ, быть можетъ, я и знаю...

Я назвалъ поручика Б., моего товарища по службѣ и по воспитанію, человека, съ которымъ насъ связывало многое: общность характера, понятій и обстоятельствъ жизни при искренней другъ къ другу привязанности.

— Знаю, знаю! быстро подхватилъ армянинъ:—хорошій человекъ, съ деньгами человекъ, добрый баринъ; знаю: онъ теперь въ Пейзоопѣ. Пойдемъ! Теперь пойдемъ!

Съ этими словами Юсанъ отстегнулъ врючки, смыкавшіе крышку его кожаной котомки, вынулъ черкеску верблюжьей шерсти, папахъ и пару сафьянныхъ чариковъ.

— Надѣвай, сказалъ онъ: послѣ заплатишь.

Семь мѣсяцевъ не вида на себя порядочнаго лоскута, я съ восторгомъ ребенка бросился къ подарку моего добраго армянина. Тщательно осмотрѣвъ меня въ новомъ костюмѣ, Юсанъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ долженъ былъ я вести себя въ предстоящемъ пути и въ его обществѣ. Онъ мнѣ-открылъ, что на берегахъ Бзыби самъ является только первый разъ; что странствованіе наше продолжится, быть можетъ мѣсяць, а легко случится, что и два. Юсанъ отыскивалъ въ горахъ, плѣннаго мингрела Джгали, богатаго человека, захваченнаго абазехами въ минувшую осень. Слѣдъ Джгали былъ уже открытъ: перепроданный въ четвертыя руки, онъ, по рассказамъ кунака Юсанова, Арсланая, мелкаго цебельдинскаго князька, находился теперь въ Бзыби.

II.

Смеркалось, когда на предгорьях и у порога саклей, вдоль неправильной тропинки, замѣнявшей для аула площадь, мы замѣтили особенное движеніе.

Дѣти и женщины съ глиняными кувшинами толпою сходились у общаго водоема; старые горцы тщательно разметаили грязь и пыль передъ порогомъ своихъ мазанокъ въ то время, какъ молодежь, въ праздничныхъ чухахъ, съ почтеніемъ подходила къ старымъ наѣздникамъ и молча, съ какимъ-то благоговѣніемъ, окружала ихъ саклю.

— Смотри, случалось ли тебѣ видѣть, спросилъ Іосанъ: какъ ловко и безстрашно умѣютъ цѣпляться горцы по скаламъ, на которыхъ не удержится и муха? Съ этими словами онъ указалъ на четырехъ абазеховъ, взбиравшихся на крутизны скалъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ страха и изумленія видѣть этихъ акробатовъ, описанныхъ въ нѣсколько рядовъ веревкою и вооруженныхъ желѣзнымъ крюкомъ, имѣвшимъ форму кочерги. Съ изумительною ловкостью горцы, произительно перекликаясь, прыгали надъ обвалами и, сдержавшись на вѣсу за какой-нибудь ненадежный кустъ можжевельника, быстро закидывали крюкъ въ трещины скалы и снова, то выползая на груди, то перебѣгая едва замѣтныя для глаза стежки, подымались все выше и выше. Наконецъ они остановились, звонко откликнулись другъ другу и сбросили къ нижнимъ площадкамъ свои веревки. Въ ту же минуту привязанныя къ этимъ веревкамъ четыре намоленные коренны были подняты на скалы и вздѣты на палки. Въ теченіе получаса полсотни такихъ корзинокъ были разставлены по дугѣ скалъ, окружающихъ аулъ.

— Чтѣ это значить? спросилъ я Іосана.

— А то, что мы пришли къ Дзыбцамъ въ благопріятное для насъ время. Сегодня они празднуютъ ночь Созереша * и считаютъ для себя счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ это время нечаянно появится въ аулъ странникъ. Пойдемъ, сказалъ армянинъ: опасаться нечего. Отправляясь въ путь, мы условились, что, въ случаѣ любопытства горцевъ, мнѣ должно назваться мингреломъ, также странствующимъ коробочникомъ и помощникомъ Іосана. Оставивъ рюху, мы направились къ аулу, держась обрывомъ и стараясь незамѣченными добраться до первой сакли. Товарищъ мой владѣлъ необыкновеннымъ умѣньемъ карабкаться по неровной крутизнѣ и находить часто тамъ удобныя тропинки для пѣшехода, гдѣ, казалось, не проберется и дикая коза. При помощи

* Богъ обилія и домашняго благоденствія.

его находчивости, мы благополучно и скоро добрались до аула, который раскидывался на площадкѣ въ два ряда правильно расположенныхъ саклей. Вмѣсто того, чтобъ идти въ *асасайру*, передовую или глиняную мазанку, Юсанъ попалъ вмѣстѣ со мною въ семейную саклю, называемую *амхарю*. Визгъ и крикъ женщинъ, которыхъ мы застали въ минуту ихъ туалета, остановилъ насъ при первомъ шагѣ за порогъ мазанки. Испуганный армянинъ совершенно растерялся и не двигался съ мѣста; раздѣляя его неудачу, я только старался спрятаться за котомкою Юсана въ то время, какъ чадры, чирики (башмаки) и шапочки вмѣстѣ съ шальварами летѣли намъ въ голову.

— Ахъ! аскей-асханы! (отцы отцовъ моихъ!) Да это гауры! Безсовѣстные бродяги-абреки! Вонъ ихъ! Вонъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Юсанъ успѣлъ прийти въ себя отъ неожиданной встрѣчи и невыгоднаго пріема... Онъ уже почтительно приподнялъ свой папахъ, готовый высказать длинную рѣчь въ похвалу добродѣтелей, красоты, снисхожденія прекрасныхъ горянокъ, и, разумѣется, въ свое оправданіе, какъ изъ толпы отдѣлились двѣ красивыя дѣвушки, быстро бросились къ моему вожатому, обернули ему голову какой-то трапкой и вытолкали насъ за порогъ сакли. Громкій и рѣзвый смѣхъ слышался за дверью мазанки, когда я бросился на помощь къ бѣдному коробочнику, желая распутать доску чадры, обвивавшей его голову, но въ ту же минуту сильная рука схватила меня за воротъ и оттолкнула шаговъ на пять отъ почтеннаго Юсана, такъ, что я едва не разстался съ нимъ и съ жизнью, съ трудомъ удержавшись на закрайнѣ обрыва. Дѣло очевидно принимало для насъ весьма дурной оборотъ. Однакожъ нашъ промахъ, благодаря высокому понятію горцевъ о гостепримствѣ, кончился для насъ благополучно. Старый горецъ Албей, старшина семейства, къ которому мы явились незванными гостями, подоспѣвшій на крикъ женщинъ, послѣ короткаго объясненія съ Юсаномъ, разразился громкимъ смѣхомъ, когда узналъ, что мы были встрѣчены цѣлымъ залпомъ башмаковъ и шальваровъ. Иавняя отъ души нашу ошибку и весьма довольный, что въ ночь Созереша странники пришли именно къ его саклѣ, онъ прежде всего протянулъ мнѣ руку, прося не помнить обиды и неосторожнаго толчка.

— Если ты хочешь плясать сегодня на нашемъ праздникѣ, странникъ, сказалъ онъ: то моя дочь, красавица Кубегуля, до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ послѣдняя корзина на нашихъ скалахъ, будетъ твоею подругою... Прости меня! Домъ мой—твой домъ, и дѣти мои да будутъ твоими братьями, кто бы ты ни былъ!..

Между тѣмъ, какъ совершалась эта патриархальная сцена, толпа молодыхъ и сѣдыхъ наѣздниковъ сдвинула около насъ тѣсный кружокъ.

—«Га! кунаки! гости Созерена! братья! раздавалось со всѣхъ сторонъ... Ко мнѣ, ко мнѣ! Моя сакля просторна и богата; мои бурки мягки, какъ пѣна Бзыби! Ни у кого нѣтъ такихъ жирныхъ барановъ, какъ у меня!» кричали гостеприимные абазехи и сотня рукъ тащили насъ въ разныя стороны. Въ избыткѣ похвального радушія наѣздники вѣрно растащили бы насъ, какъ говорится, на щепотъ по ключьямъ, еслибъ Албей, возвысивъ голосъ, не объявилъ, что мы уже его гости и просили пріюта въ его саклѣ. Когда споръ былъ рѣшенъ предъявленными на насъ правами стараго Албея, вниманіе наѣздниковъ обратилось къ котомкѣ Іосана. Нельзя передать ихъ восторга, съ которымъ они бросились на мелочь: колечки, пуговицы, тесемки и мишурные шурки армянина. Въ одну минуту было раскуплено до нѣскольکو сотенъ мелочныхъ предметовъ. Вещи, особенно пригодныя для подарка дѣвушкамъ и женщинамъ, ишли огромный и выгодный сбытъ. Іосанъ торжествовалъ и радовался въ душѣ за пріемъ, намъ оказанный.

Между тѣмъ ночь раскидывалась надъ скалами. Въ стравотѣхъ идуевѣтъ вечера—картина бзыбскихъ ландшафтовъ измѣнилась совершенно. Прозрачный, струйчатый туманъ легкими дымчатыми коврами опоясалъ предгорья и раскинулся въ ущельяхъ; въ немъ исчезла далекая окрестность и самая Бзыбъ, и только подъ скалою рѣзовался во всѣхъ своихъ фантастическихъ формахъ далекій лѣсъ. Кругомъ гянулись непроницаемыя для взгляда пустыни, молчаливыя и безмолвыя. Ни вскрытѣ птицы, ни визгъ ея размахиваемаго крыла, ни даже шумъ и шорохъ пролетнаго вѣтра не нарушали молчанія воздуха... Казалось, все замерло, все уснуло непробуднымъ сномъ въ эту минуту и на одномъ только уступѣ скалы, въ сумракѣ вечера, рисовались толпы статныхъ горцевъ, да ихъ размахистыя тѣлодвиженія при бойкомъ и громкомъ словѣ наѣздниковъ... Но вотъ на площадкѣ показались группы стройныхъ торянокъ, и затѣмъ въ концѣ аула, по восточную его сторону, раздалась три выстрѣла; въ ту же минуту на скалахъ, съ трескомъ зажглись и запылали корзины, бросивъ въ небо яркое зарево... Картина была чудная! Первая въ отвѣтъ огня блеснула передъ нашими глазами Бзыбъ, за нею—фантастическая роща. Мрачная въ своихъ образахъ и переходахъ, она облялась по вершинамъ деревьевъ такимъ дивнымъ фіалетовымъ огнемъ, котораго не перенесла бы на полетно никакая животворная кисть; сакли аула казались тлѣющимъ углемъ въ то время, какъ безпрерывное дыханіе воздуха и вѣтра поддерживаетъ его яркій пылъ... За выстрѣлами, мужчины и женщины радѣлились носомъ, и въ вѣ-

момъ, благоговѣйномъ молчаніи, каждая семья равнялась къ саклѣ своего старшины. Я и Юсанъ послѣдовали за Албеємъ и, какъ гости, пользовались почетнымъ правомъ идти впереди всѣхъ сейчасъ же за старшиною. Все это торжественное шествіе, нѣмое молчаніе горцевъ и особенно горянокъ, которыя, сказать кстати, всегда и во всякое время заговариваютъ первую провинціальную кумушку, мѣрная походка наѣздниковъ, ихъ скромность и безмолвіе заставили меня нѣсколько оглянуться. Зная подвижной, энергическій характеръ горныхъ абазековъ, я удивлялся ихъ тишинѣ, ихъ, можно сказать, несмѣлой поступи: какъ-будто бы эта семья вся шла на костеръ—такъ были мрачны и угрюмы лица меня окружавшихъ. Мы перешли площадку аула и поднялись на скалу, надъ обрывомъ которой раскидывался амбаръ Албея.

— «Созеренъ, прости насъ, если мы неумѣренно поѣдали плоды съ деревъ нашихъ; прости намъ за лишне съѣденнаго барана!.. Созеренъ, дай намъ увидѣть тебя!» благоговѣйно и простодушно шептаемъ горцы и горянки.

Албей торжественно оглянулся на толпу, за нимъ слѣдовавшую, далъ знакъ остановиться и приблизился къ дверямъ амбара.

Въ эту минуту, какъ изъ земли выросъ маленький, толстый и, сказать по правдѣ, чрезвычайно отвратительной наружности турокъ. Нигдѣ и никогда еще зеленый цвѣтъ съ цунцовымъ, не гармонировалъ такъ невыгодно, какъ зеленая чалма солиднаго правовѣрнаго, съ его кофреватюю, покрытою прыщами и арко-фіолетовою физиономіею. Съ перваго взгляда легко можно было заключить, что почтенная отрасль Могамета, несоветнъ слѣдовала его завету и не прочь была отъ кадетническаго.

— Вотъ нашъ врагъ! Надо его сжить съ рукъ! шепнулъ мнѣ Юсанъ... Поддерживай меня... не то мы пропали: у этого звѣря зоркій глазъ и, повѣрь, для него тебѣ не быть мингреломъ.

— Дай дорогу! Прочь! крикнулъ армянинъ.

Сотня голосовъ повторила то же самое.

Въ первое мгновеніе зеленая чалма сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ; но, вѣроятно, не желая потерять власти, какою пользуются его собратья-выходцы надъ умами жалкихъ дикарей, онъ сталъ въ позу драматическаго героя и, раскинувъ руки, остановился передъ Албеємъ.

— Что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ.

— Не жалѣй языка! шепнулъ мнѣ Юсанъ.

— Съ дороги его, съ дороги! подхватилъ я, совершенно не понимая, чѣмъ бы могъ повредить мнѣ этотъ невзрачный карликъ, котораго толщина пропорціонально равнялась его росту.

— Съ дороги, съ дороги! подхватилъ горцы.

— Правовѣрные! Такъ-то вы помните слова Корана? началъ было зеленый турокъ.

— Съ дороги! съ дороги! повторяли горцы.

— Мудрый и благородный Албей, швырни его со скалы, онъ свѣтсея надъ обрядами и завѣтами отцовъ твоихъ! подсказалъ Юсанъ.

— Со скалы его! со скалы въ джехенемъ! крикнула молодежь, положивъ руку на кинжалы и выступая впередъ.

— «Да будетъ! Во имя Созереша!» громко сказалъ Албей, ухвативъ за воротъ турка.

— Во имя Созереша, во имя Созереша погибаетъ тотъ, кто свѣтсея надъ завѣтами отцовъ нашихъ! отозвались мужчины и женщины.

— Во имя Созереша! сказалъ Албей—и зеленая чалма закрутилась внизъ по косогору.

Признаюсь, отъ этой короткой и скорой расправы у меня потемнѣло въ глазахъ: бѣдный турокъ, кубаремъ прокатившись саженъ шесть внизъ по косогору, со стономъ приподнялся на ноги, снова упалъ и поползъ въ кусты явора. Изъ этого я легко заключилъ, что турки, постоянные враги русскихъ, проповѣдая вѣчную въ горахъ вражду къ намъ, небольшими почетомъ пользуются и у абазеховъ.

Изъ толпы горцевъ никто даже не удостоивалъ оглянуться на сброшеннаго. Все вниманіе горцевъ было сосредоточено на растворенныхъ дверяхъ амбара, въ который, нашептывая какую-то молитву, медленно вступилъ старшина. При яркомъ свѣтѣ огней, пылавшихъ на скалахъ, мы видѣли, какъ Албей принялся разрывать уголь амбара, заваленный хламомъ. Пыльные веточки, старья попоны и войлоки вѣстѣ съ обломками арбанныхъ колесъ летѣли по сторонамъ, выбрасываемые нетерпѣливою рукою старшины. Наконецъ онъ дорылся до чего-то, и походка его была встрѣчена крикомъ: «Созерешъ! Созерешъ!» Дѣйствительно Созерешъ былъ вытасченъ изъ своего годичнаго заключенія и поставленъ на срединѣ амбара. Въ богъ обмія и домашняго благодѣствія мы увидѣли огромный уродливый и грязный чурбанъ съ семью сучьями, къ которымъ тотчасъ же одна изъ дѣвушекъ пригнѣла по свѣчкѣ и зажгла ихъ. Горцы вступили въ амбаръ безъ шапокъ и окружили рогатое изображеніе Созереша. Церемонія продолжалась недолго. Общество усердныхъ читателей чурбана, взявшись за руки, составило около него кругъ, и старшина прочелъ воззваніе, въ родѣ

* Подобный обрядъ праздника «Созереша» разсказалъ въ соч. «Подражаніе Кавказу». Часть 2, стр. 258.

следующаго: «Созерашъ! благодаримъ тебя за урожай минувшаго лѣта; просимъ тебя даровать намъ и въ будущемъ обильную жатву; просимъ тебя, Созерашъ, охранять наши хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара!» «Просимъ тебя, Созерашъ, просимъ!» повторяли горцы и обрубокъ былъ вынесенъ на порогъ амбара. Тотчасъ разостлались ковры, бурки, попоны, цыновки, млетеныя изъ камыша и началась попойка во славу Созераша.

Абазехи любятъ пожить весело; для нихъ праздникъ — пиръ горой, впрочемъ, не потому, чтобы цѣль этого праздника ограничивалась попойкой и пляской. Праздничная попойка для нихъ часто результатъ предпріятій цѣлаго аула... Умы разгорачены виномъ, энергія — бойкимъ рассказомъ о минувшей удачѣ; сердце на раслащукѣ; нравія откровенны, и вотъ почему для нихъ каждый пиръ тотъ же директивированный *хастъ* (*совѣтъ*). Тутъ иногда рѣшаются свадьбы, дѣчается умная пѣсня и интересный рассказъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ вѣселя я долженъ былъ отказаться отъ равнодушно права плясать цѣлымъ вечеромъ съ хорошенькою Кубегулемъ, дочерью Аблея. Рѣшиться на такой подвѣгъ, значило обречь себя на весь аулъ; я былъ уверенъ, что даже и старый конь моего хозяина далеко лучше меня плясалъ дедянку. Во всякомъ случаѣ, надо же было чѣмъ нибудь вознаграждать себя за такую грустную потерю... Не желая оставаться равнодушнымъ и безмолвнымъ гостемъ, я подошелъ къ обществу стариковъ. Последніе на ятотъ разѣ, яриву своего общиноренія, забыли споры о достоинствахъ своихъ шашекъ и снова обратились къ котомкѣ Иссада. Между множествомъ дешевыхъ колочей, Аблей въ сокровищницѣ армянскаго нашелъ колоду картъ.

— Картички! картички! крикнуло нѣсколько голосовъ, и десятки рукъ потянулись къ картамъ. Слово «картички» въ минуту сообщилось отъ одной толпы къ другой, и скоро все население аула, забывъ и бурдюки съ кахетянскимъ и шаску, мужчины и женщины, старики и молодые стали съ интересомъ глядѣть на ликовданку. Назначеніе наделки Аблея немногимъ было извѣстно; но нѣкоторые изъ стариковъ, а въ томъ числѣ и нашъ хозяинъ, знали употребленіе картъ, при помощи которыхъ въ трефовато джиггата умѣли проиграть не одну чуху съ плечъ и не одинъ абазъ во время своихъ странствованій въ Нижней Абазіи и Кабардѣ. Горцы большіе хвастуны, и потому тотчасъ же между стариками нашлось человѣка три, которые съ особенною важною и съ большимъ педантизмомъ принялись наперерывъ объяснять новичкамъ процессъ игры. Въ этомъ случаѣ донатія молодежи да были тѣны, и двадцать охотниковъ вызвались на состязаніе. Но Аблей перебилъ и дерекричалъ

всѣхъ. Завладѣвъ колодою, онъ предложилъ Іосану сыграть съ нимъ въ трюфоваго Джигита, * на мотокъ позумента, и отвѣчая съ своей стороны баранами. Игра началась. Мотокъ позументовъ былъ оцѣненъ обществомъ съдыхъ бородъ въ десять абазовъ (2 р. сер.), баранъ—въ четыре абаза. Армянинъ былъ знатокъ своего дѣла и работалъ хладнокровно, рассчитано, даже несовсѣмъ чисто; горець, можно сказать, не умѣлъ играть и былъ запальчивъ, какъ горцы. Мнѣ стало жаль бѣднаго Албея, когда онъ, проигравъ своихъ почти единственныхъ трехъ барановъ, на два абаза поставилъ коверъ, на которомъ мы сидѣли—и коверъ перешелъ въ руки счастливаго Іосана.

— Ну, такъ отыграюсь же я! вскричалъ побагровѣвшій отъ досады старикъ, готовый свернуть голову трюфовому джигиту.

— А что поставишь? равнодушно спросилъ Іосанъ, играя картами.

— Дочь! Кубегулю!

Я взглянулъ на дѣвушку. Блѣдная, но безъ всякаго тревожнаго выраженія въ прекрасныхъ глазахъ, молодая горянка взянула на отда, потомъ на его противника и, перекинувъ на грудь прядь своихъ черныхъ косичекъ, принялась играть ими съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто отецъ проигрывалъ свои старые чиррики.

— А сколько? съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ Іосанъ въ то время, какъ въ его рукахъ каждая карта уже знала свое мѣсто.—Четыре раза *курушки—обезе*, отвѣчалъ Албей. ** Хорошо, продолжалъ армянинъ, чтобъ покончить дѣло разомъ, не пытая души, я ставлю всю мою котомку.

— Ставь!.. кидай карту! мрачно отозвался Албей.

Мнѣ стало грустно за будущее бѣдной дѣвушки. Спасти ее не предвидѣлось средствъ: для Іосана выигрышъ былъ вѣренъ. Помѣшать ему значило потерять свою свободу... Но Кубегуля была такъ хороша, въ ея блѣдномъ лицѣ просвѣчивалось теперь столько сильной грусти, что, казалось, дочь Албея не выдержитъ своей пытки и зарыдаетъ... Картина вообще была поразительна. Албей посиѣлъ отъ роковаго ожиданія. Кругомъ стоявшія женщины въ молчаніи наклонили свои красивые головки, какъ—бы сознавая свое безсиліе и ничтожество; старые и молодые горцы, сдвинувъ шапки на густыя брови, сверкающимъ взглядомъ слѣдили каждую выпавшую карту. Еще два, три движенія ловкой руки игрока—и Кубегулю выигралъ—бы армянинъ. Не знаю, вслѣдствіе какого

* Игра, стоящая европейскихъ штосовъ; въ ней первенствуетъ трюфовый валетъ. Смет. «Достоиные разсказы объ Абазіи, записки пѣвнаго ошцера.» «Пантеонъ» 1850 г.

** *Курушки*—сорокъ.

увлеченія и порыва, но я рѣшился лучше извинить Юсану, чѣмъ хорошенькими глазами горячки, которыя въ эту минуту выразили сильное отчаяніе...

Быстрымъ движеніемъ, придавая, впрочемъ, этому движенію видъ неловкости, я такъ мѣтко швырнулъ отъ себя пустой азерпешъ, что остатокъ картъ вмѣстѣ съ трефовымъ джигитомъ далеко вылетѣлъ за коверъ изъ рукъ Юсана.

Въ одно мгновеніе началась общая суматоха. Одни бросились подбирать карты, другіе вступили въ жаркій споръ, о томъ на чью сторону палъ бы трефовый джигитъ. Однимъ словомъ главный виновникъ этой исторіи остался никѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ Кубегули... Зардѣвшись яркимъ румянцемъ, она взглянула на меня такъ ласково, съ такою теплою благодарностью, что я рѣшительно готовъ былъ сейчасъ же и армянина и его предательскую котомку спустить въ Дзыбъ.

Взглядъ Кубегули влилъ въ меня бездну отваги и храбрости. Я рѣшился довершить мой славный подвигъ.

— Снова! снова перекинуть карты! кричали одни.

— Вадоръ! подхватили другіе... Я, и я, и я видѣлъ какъ трефовый джигитъ шелъ къ джигиту Албею.

— Не правда, не правда! повторяли немногіе, которыхъ не всегда Кубегуля удостоивала ласковымъ взглядомъ.

— Пойдите! пойдите храбрые и славные наѣзники! перебилъ я, крѣпко опасаясь, что, для развязки спора, рано или поздно, доберутся и до меня, а хорошенькая Кубегуля все-таки достанется костлявому Юсану.

— Слушайте! слушайте, что онъ скажетъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Между тѣмъ я успѣлъ завладѣть колодою и спустить трефоваго джигита за рукавъ черкески.

— Кто говоритъ, спросилъ я, что трефовый джигитъ падалъ на сторону Албея?

— Я говорилъ, я и я! отозвались старики.

— Ну, а кто увѣряетъ, что онъ падалъ къ Юсану?

— Мы, мы! крикнули нѣкоторые изъ молодежи, неприязненно взглянувъ на Кубегулю, какъ бы говоря этимъ: «Ага! и на нашей улицѣ праздникъ!»

— Храбрые и благородные джигиты, отвѣчалъ я: всѣ вы говорите неправду: трефоваго джигита уже давно вѣтъ въ игръ...

— Какъ! Покажи-ка... покажи!

Богѣ всѣхъ изумленъ былъ Юсанъ. И въ то время, какъ сетна

рукъ принялась разбирать карты, влетѣвъ перепрыгнувъ въ карманъ къ моему сосѣду Кубей-сыну, самому рѣшному спорщику изъ всей почтенной толпы.

Пользуясь общимъ изумленіемъ и первыми впечатлѣніемъ ко всему воспринимчивыхъ горцевъ, я далъ себѣ слово искусно и съ торжественнымъ доиграть роль пѣлвана. Для этого мнѣ стоило припомнить все классическіе карточные фокусы, которые я приобрѣлъ еще на школьной скамьѣ цѣною пяти сахарныхъ булокъ и, кажется, двубѣ коврижамъ, и которые незнакомы рѣзвѣ только двухлѣтнему ребѣнку.

— Такъ нѣтъ трефового джигита? спросилъ я.

— Нѣтъ!.. нигдѣ нѣтъ! отвѣчали озадаченныя горы.

— Видите, стало-быть, игра ни чья... Да постойте, кунаки, такъ ли еще карты шутать! Вотъ, глядите, *балянъ*? спросилъ я, показывая всему обществу бубнового туза.

— *Валаянъ*, *балянъ*! отозвались все.

— А ну-ка, продолжалъ я: дунѣ Іосифъ. — Армянскій дунугъ и предъ глазами зрителей явилася *тшашахитъ* (старшина, бубновый король); ага! тѣту! Гдѣ же онъ?

— Въ толпѣ послышались восклицанія въ рожѣ неизбѣжныя: «*шѣ!* *геи!* *гаи!* *уѣ!*» на всѣхъ лицахъ выразилось крайнее изумленіе. По желанію стариковъ и молодыхъ, карты исчезали и являлись въ моихъ рукахъ; наконецъ я пошелъ дальше и, по извѣстному порядку, предложилъ угадывать задуманныя карты... Это ужъ было вершиною моего искусства и торжества. Горцы обступили меня, разглядывали, перерачивали, казалось, даже готовы были выворотить — такъ изъ озадачилъ мое рукодѣлье.

— Въ немъ сидитъ шайтанъ... непременно самъ шайтанъ! *шѣ!* *геи!* старши.

Вдругъ, къ общему удовольствію, а къ моему въ особенности; тому изъ горцевъ, къ которому въ карманъ и опустили влетѣвъ, издавалось спросить:

— Отгадай же теперь, кунакъ; куда запропастился трефовый джигитъ? Ну-ка! добавилъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: теперь посмотришь, какъ тутъ умудришься!

— Да, да, отгадай! укажи! найди! подхватили пречіе зрители.

— Извольте... хоть это и трудно, но ужъ для васъ, для вашего гостеприимства; кунаки, я готовъ....

— Грязью корнить! порошить глаза пылью жи и обмана! скандало нѣсколько невѣрующихъ.

— Ну, ну! мы идемъ, мы смотримъ! забубули другіе.

Съ комическою важною, нахмуривъ брови, и выступилъ вперёдъ и, окинувъ внимательный взглядомъ молчаливую толпу, торжественно положилъ мою руку на плечо Кубей-сына. Я слышалъ, какъ изумленный горецъ дрогнулъ отъ моего прикосновения, будто на его плечѣ лопнула граната.

— Храбрый и честный Кубей-сынъ, по моей волѣ, трефовый джигитъ перешелъ въ твой карманъ! вѣрно и важно сказалъ я.

Горецъ выворотилъ карманы своихъ шальваръ и, при цѣломъ взрывѣ восклицаній и топанья ногъ (горькое средство выражать восторгъ), трефовый джигитъ упалъ на коверъ.

Тутъ только Юсанъ подарилъ меня взглядомъ, какимъ не подаритъ и отецъ роднаго сына послѣ долгой съ нимъ разлуки.

Я понималъ этотъ взглядъ, или, лучше сказать, понималъ и армянина, что съ такимъ товарищемъ онъ будетъ кушать некупленный шамлыкъ въ горахъ.

— Да гдѣ же ты наглотаешься такой мудрости? вскричалъ Алабей.

— Это! отвѣчалъ за меня Юсанъ, онъ, кунаки, довольно погостилъ у русскихъ.

— У русскихъ! Тамъ... за нашими горами! повторилъ въ одинъ голосъ толпа, и мнѣ намѣтелъ не одинъ цыганъ-барышникъ не въ состояніи обрешаювати некупленнаго коня такъ, какъ любопытные двари и хохолы горляки принялись снова разсматривать меня. Если бы я свалился къ нимъ на голову прямо съ луны, то и тогда не былъ бы предметомъ такого вниманія и удивленія.

— У руссыновъ! ай, ай! повторяли мужчины и женщины.

— Сердята руссыны? Холодно у нихъ? Что они ѣдятъ? Какъ ихъ зовутъ—Иванъ? да?... Марушка-да?! Тысяча вопросовъ сыпалась со всѣхъ сторонъ; я едва успѣвалъ отвѣчать.

— Те! стойте! стойте! вскричалъ Алабей:—разсирснитъ его по порядку, все разсирснитъ до омонечности ногтей руссыныхъ. Садись, кунакъ! Сидитесь, кунаки!.. Кубегуля малей ему аверсентъ вина, развали ему языкъ.

Аверсентъ былъ осушенъ.

— А еще? съ особенною важностью спросила дѣвушка.

— Благодарю, прекрасная Кубегуля, отвѣчалъ я: больше не могу...

— Те! слушайте! слушайте! сказали мужчины.

— Те! слушайте! онъ будетъ говорить. Слушайте! повторили женщины,

— Ну!

— Ну!

— Говори! говори!

— Позвольте кунаки, съ чего же я начну...

— Да ты скажи намъ прежде, началъ Алебей:—куда они тебя сирятаи — въ ледники, въ снѣгъ закопали?

— Какъ въ снѣгъ? спросилъ я.

— Да; съ особенною увѣренностью сказалъ одинъ изъ старшинъ.—

Нашъ турокъ рассказывалъ, что они всѣхъ нашихъ въ *сибурь* закрѣпляютъ, гдѣ, говорить, ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ нѣтъ, а всегда темно такъ, какъ въ моемъ карманѣ.

— Солгалъ разбойникъ! солгалъ, отозвался я... Да знаете ли вы, почтенные джигиты, что нѣтъ краше земли русской: тепло, сыто, привольно, весело...

— Гай! эге!

— Да.

— Ну, ну! А, что на медвѣдяхъ, кунакъ, спокойно ѣздить? а? рысиоты русскіе медвѣди...

— Ужь не это ли вамъ сказывалъ турокъ, что русскіе на мѣдвѣдяхъ ѣздить?

— Онъ! онъ!

— Самъ онъ медвѣдъ—трансезидскій. Потѣшается, кунаки, надъ вашею простотою. Ну, умные вы люди, посудите, какъ можно осѣдлать медвѣда? Да и зачѣмъ русскимъ медвѣди для верховой ѣзды, когда у нихъ такіе вихри, что всякаго вашего карабаха на скаку затопчуть...

— Вотъ неправда! Нѣтъ, пылью бросилъ въ глаза! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Именно такъ!... Турокъ сказывалъ, что у нихъ если и есть лошади, то это наши, да и тѣ съ изъясномъ; у всѣхъ жили туркани подрѣзаны...

— Какъ подрѣзаны?... для чего же?

— А для того, говорить турокъ, когда мы во имя его Магомета, въ котераго скоро увѣруемъ, бросимся пощипать русскаго мяса, да если на уходъ пойдемъ, ужъ русскія только стой... не догонять.

Вооружась всемімъ краснорѣчіемъ, какое дозволяло мнѣ плохое знаніе мѣстнаго языка, я уже готовъ былъ разъяснить всѣ злыя басни и сказки, какія разсѣваются въ горахъ на счетъ русскихъ ихъ вѣчными и тайными здѣсь врагами, какъ нетерпѣливое любопытство женщинъ лишнее мнѣ слушателей одного, быть можетъ, изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ моего разсказа.

— А жены красивы у русскихъ? спросила Кубегуля.

— Есть такія же хорошенкія, какъ ты, есть и неврасивыя.

— А, какъ онѣ говорятъ съ мужьями?

— Здравствуй, я тебя люблю: дай денегъ... прощай!

— Что это значитъ?

Я перевелъ, и по желанію дѣвушекъ всю фразу долженъ былъ повторить разъ десять; казалось, всё онѣ усердно, какъ попуган, заучивали эту фразу.

— Какъ же одѣваются русскія женщины? спросилъ Албей.

— Шальваръ не носятъ, началъ я... какъ вдругъ общій взрывъ самаго задушевнаго смѣха оглушилъ меня.

— Какъ! безъ шальваръ! Кубей-сынъ, слышишь, безъ шальваръ!... Да какъ же это? Ну, ну!

— Такъ, совсѣмъ безъ нихъ? серьезно и тараща глаза, спросилъ одинъ изъ горцевъ.

— Совсѣмъ.

— Да... постой! возразилъ онъ, однакожь:—вѣдь онѣ показываются между мужчинами?

— Да.

— Ну... и безъ шальваръ?... Да что ты, кунакъ...

Тутъ ужъ я долженъ былъ нарисовать полный нарядъ русскихъ женщинъ, щадя возмущенное цѣломудріе не всегда цѣломудренныхъ горцевъ.

— И все это странно! Какъ это?... Неловко! покачавъ головой, глубокомысленно замѣтилъ Албей. Исправны жены русскихъ? спросилъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Исправны.

— А! И хорошо чистятъ лошадей мужьямъ?

— Это не въ обычаѣ русскихъ, отвѣчалъ я; у нихъ всё трудныя, всё тяжелыя и черныя работы взяли на себя мужчины.

— Какъ! и кукурузы съ полей не возятъ? и саклей въ день Тлепса или Шибли (*) не обмазываютъ глиной! вскричали горцы.

— И за водой не ходятъ къ колодезю? подхватила женщины.

— Нѣтъ.

Но, несмотря на всё мое убѣжденіе и доводы, въ послѣднемъ случаѣ мнѣ не повѣрили абазехи; это было совершенно внѣ ихъ понятій.

Затѣмъ мнѣ пришлось сѣсть нѣсколько русскихъ пѣсенъ, которыя чрезвычайно понравились горцамъ.

А между тѣмъ корзины, раскиданныя по скаламъ, догорали сверкая, и вспыхивая углами, и не смотря на то, что намъ разговоръ былъ

(*) Тлепса — богъ огня; Шибли — гроза.

интересенъ для всѣхъ, многіе изъ славныхъ джигитовъ такъ насосали своего чихира и кахетинскаго, что уже давно сидятъ...

Праздникъ кончился; горцы стали расходиться по домамъ. Я, Юсанъ и Кубегуля, отправились въ кунакскую саклю Албея.

По обычаю абазеховъ, жена, или дочь, должна прислуживать гостей, странникамъ; и дѣйствительно, едва мы переступили порогъ, какъ Кубегуля съ граціозною улыбкою отобрала наше вооруженіе и развѣсила его до стѣнъ сакли. Затѣмъ ея вѣжныя руки раскинули намъ на полу пару войлоковъ и пару бурокъ.

— *Здравствуй*, сказала она по-русски, окончивъ свою работу и обращаясь ко мнѣ... *Я люблю тебя... прощай! дай денегъ...* И эта шалунья, дзыбская коза, звонко сѣясь, выпорхнула за двери.

Албея уже давно не было. Мы остались съ Юсаномъ.

— Ну, братъ, товарищъ! началъ Юсанъ:—ты такъ набѣсилъ меня сегодня, что если бы не твое мастерство, я бы на вѣсь аулъ (добавилъ онъ шопотомъ) равкнулъ: возмите, черти, этого дьявола... онъ русский, сейчасъ бѣжалъ изъ Дазари!

— Помилуй, Юсанъ, за что же?

— Эге! какъ-будто я не замѣтилъ, что Кубегуля своими глазами сѣдалъ у тебя полсердца. Знаю, все-знаю!... Тебѣ жаль стало дѣлать, ты и цапнулъ мнѣ въ руку своимъ проклятымъ ковшомъ, пусть чердастъ онъ слезы и кровь!

— Виноватъ, Юсанъ, покорно отвѣчаю я... Просто, что было сдѣлано съ умысломъ.

— То-то, прости! И у меня былъ свой умыселъ. Скажи, голубчикъ: на кой мнѣ прахъ бараны, глина, всѣ дочки Албея?.. Ну, что я съ ними буду дѣлать, шляясь въ горахъ за добычей, которая подароже какой-нибудь жидконогой Кубегули?

— Такъ чего же ты добивался?

— Мнѣ нуженъ былъ самъ Албей... Самъ, понимаешь: проигравъ все, онъ и себя бы поставилъ на треноваго джигита—повѣрь что такъ. Я знаю горцевъ...

— Ну, а потомъ что, когда бы ты его выигралъ?

— А потомъ онъ былъ бы мой. Разувется, выиграть его и сесть на него, да одинакомъ быть бы хозяиномъ его головы и шитовки дня на три — съ меня и довольно.

— Все-таки не понимаю зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ.

— Затѣмъ, чтобъ указать того, кого я ищу, и проводить до мѣста. На этомъ условіи я ему возвратилъ бы все назадъ... Ну, теперь раскусилъ орѣхъ, вотъ ножу-ка задно.

Я молчалъ, не находя приличнаго отвѣта на слова моего разсчитливаго друга.

— То-то, продолжалъ Юсанъ:—вотъ что ты накутилъ! теперь придется къ выигрышнымъ барадамъ приплатить еще десятокъ абазовъ.

— Но завтра день великъ, возраилъ я:—и если ты хочешь обграть старика только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ послужилъ тебѣ дня три, такъ, мнѣ кажется, пріятеля недолго вызвать на бой.

— И то правда... Еще безъ свидѣтелей дѣло и вѣрнѣе и скорѣе.

Съ этими словами Юсанъ завернулся въ бурку, вытянулся, какъ зашнуванная минога, и захрапѣлъ.

Мнѣ не спалось. Перемѣна положенія моихъ обстоятельствъ на лучшее, надежда на близкое свиданіе съ родными и друзьями, хорошенькія глазки Кубегули, сданы минувшаго вечера—все это исчезало и снова рисовалось въ моемъ воображеніи... Особенно Кубегуля... мнѣ вотъ такъ и казалося, при слабомъ свѣтѣ плашки, въ которой тлѣлъ рыбій жиръ, что бѣлое, полное личико дѣвушки смотрится въ рѣшетчатое окно сакли; по временамъ ея ручка медькала въ дверяхъ и мнѣ слышалось: «Здравствуй, я люблю тебя... Прощай! Дай, деньги!» и потомъ звонкій, рѣзкій смѣхъ и дрожаніе ветхаго потолка отъ удара быстро затворенной двери. Какъ бы въ самомъ дѣлѣ ожидая ея появленія, я нѣсколько разъ бессознательно останавливался взгляды свой на окнѣ сакли... Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то въ самомъ дѣлѣ глядитъ въ окно. Я протеръ глаза, приподнялся и... не хочу тавтъ грѣха, струсилъ... Между рѣшеткою сверкала пара глазъ и бѣлѣлась пара усовъ. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣрно, кто-нибудь изъ честныхъ джигитовъ, прельщенный котомкою Юсана, рѣшился перерѣзать насъ и завладѣть добромъ армянина.

— Чтѣ бы это значило? подумалъ я... Неужели хищникъ? Но я еще не кончилъ послѣдней фразы, какъ дверь тихо отворилась и предо мною предсталъ нашъ хозяинъ, Албей. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься къ Юсану. Горецъ схватилъ меня за руку и, съ видомъ укора, покачалъ головою.

— Что ты дѣлаешь? ласково сказалъ онъ. Неужели кунакъ могъ подумать, чтобъ старый Албей взялъ вѣчный позоръ на свою голову, что онъ готовъ обидѣть гостя? Развѣ ты не знаешь обычая нашихъ горъ? Гость—наша святыня, и за его жизнь, спокойствіе, за обиду, нанесенную ему, хозяинъ отвѣчаетъ головою, и весь родъ его ни честию, ни подвигомъ, никакимъ добрымъ дѣломъ не загладитъ этого грѣха.

— Что же тебѣ надо, честный джигитъ? спросилъ я, успокоенный нѣсколько словами горца.

— Ничего. Я пришелъ съ тобою побесѣдовать, и онъ опустился рядомъ со мною на бурку.

Я молчалъ; горецъ видимо затруднялся начать разговоръ; онъ поведилъ глазами по саклѣ, растагивалъ по своимъ впалымъ щекамъ усы и, наконецъ, пыхнувъ раза два, сказалъ:

— Кунакъ, хороша ли моя Кубегуля?

— Очень, очень хороша, Албей! простодушно отвѣчалъ я.

— О! ну и хорошо... А ты любишь хорошихъ женщинъ?

— Да кто же ихъ не любить?..

— И то правда. Знаешь что... Купи у меня Кубегулю... Право дешево отдамъ и еще барана дамъ... и еще... черкеску дамъ, вотъ и бурку дамъ...

— Помилуй, Албей, куда же мнѣ столько сокровищъ? Да сказать тебѣ по правдѣ: у меня и денегъ нѣтъ...

— Ненадо мнѣ денегъ; самъ тебѣ дамъ три абаза.

— Вотъ тебѣ разъ! почти съ хохотомъ отвѣчалъ я... Да сдѣлай милость скажи: какое ты подглядѣлъ у меня сокровище?

— Ухъ, кунакъ! купи Кубегулю...

— И радъ бы, другъ мой, да куда же я съ нею двнусь?.. У меня вѣдь есть жена...

— Теперь будетъ двѣ... А Кубегуля вѣдь хорошенькая... ну купи Джингази, другую дочь; та помоложе...

— Однако, позволь, почтенный Албей, перебилъ я, не предвидя конца этой загадочной торговли:—скажи мнѣ, за какую же баснословную цѣну ты предлагаешь мнѣ все это?

— Сказать?

— Да ужъ надо сказать, если началъ.

— Изволь... А купишь?

— Право не знаю, чего ты отъ меня потребуешь.

— Да купишь ли?

— Ну, куплю! рѣшительно отвѣчалъ я.

Горецъ отъ удовольствія почти подпрыгнулъ на буркѣ.

— Научи меня, кунакъ, чтобъ и у меня такъ же пропадали карты, какъ у тебя!.. Прошу тебя ради праха твоихъ отцовъ... Ухъ, какъ бы замялъ тогда Албей!.. Научи, кунакъ, научи! проговорилъ онъ, оставивъ на мнѣ умоляющій взглядъ.

— Только-то! вскричалъ я.

— А что же? вытаращивъ глаза, спросилъ старикъ, и, казалось, затаивъ дыханіе, ждалъ моего отвѣта:

— Ну, добрый мой Албей, это ты можешь купить дешево.

— Говори! говори! все слышу.

Я разбудилъ Юсана и мы вдвоемъ объяснили горцу наши требования.

Албей отъ восторга замахалъ руками и тутъ же поклялся провалиться сквозь землю, если не обдѣлаетъ всего дѣла.

— Вы говорите, вскричалъ онъ: на три дня быть вашимъ проводникомъ!.. Клянусь не сходить для васъ съ коня сто дней... Ну, учи меня!

И курсъ начался. Ученикъ былъ внимателенъ, понятливъ, сметливъ; мы не разъ удивлялись хитрости его; онъ безпрестанно вѣшался ко мнѣ на шею, если что удавалось ему изъ этихъ невинныхъ и дѣтскихъ фокусовъ. Черезъ часъ, обладая фокусами и картами, Албей оставилъ насъ, обѣщая намъ даже коней для дальняго странствованія.

— Такъ не купишь Кубегули? спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— И радъ бы, да не могу! отвѣчалъ я, удивляясь настойчивости купца.

— Жаль! сказалъ онъ; а Джингази съ Кубегулею чуть-чуть не подрался изъ за тебя сегодня.

— Спасибо за ласку! Нашли красавца!

Солнце высоко стояло надъ горами, когда я и Юсанъ оставилъ саклю. Первая встрѣча съдѣлана была намъ Кубегулею. Дѣвушка осѣдлала нашихъ коней.

— *Прощай, здравствуй. Я тебя люблю; дай денегъ!* пролепеталъ мой хорошенькій попугай.

— Здравствуй, Кубегуля.. И я тебя люблю, только за это не спрошу денегъ... Послушай Кубегуля, продолжалъ я, жедая пошутить съ горянкою: хочешь я пришлю за тебя калымъ?

Она подняла свою головку, пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и, ударяя мѣдною уздечкою о скребницу, сказала:

— Пришли... Скоро пришьешь?

— Скоро.

— А если не пришьешь?

— Ну такъ пришьетъ ктонибудь-другой.

— Прощай! Я тебя не люблю! добавила она по-абазински... И Кубегуля, бросивъ съ видимою досадою скребницу, пустилась по косогору къ толпѣ женщинъ, собравшихся у колодца.

Между тѣмъ другая толпа горцевъ, окружавшая кого-то съ частыми и энергически восклицаніями, привлекла наше вниманіе. Но я еще прежде догадался о причинѣ сходбища горцевъ; догадка эта оправдалась на самомъ

длѣт. Мой умница-ученикъ практиковался въ своемъ искусствѣ предъ почтенными зрителями. Большаго труда стоило намъ упробить Албея, чтобъ онъ разстался на-время со своею славою. Накормленные шашлыкомъ и сыжидомъ, мы уже готовы были отправиться въ путь. Напрасно я, прыгнувъ на сѣдло, искалъ взглядомъ по окрестностямъ, скаламъ и тропинкамъ рѣзвой Кубегули: ея не было. Мнѣ даже стало скучно.

— Ну, помогай Мезитга (богъ путниковъ) въ дорогу! сказала Албей, и мы тронулись. Въ эту же самую минуту звучный и серебряный голосокъ крикнулъ изъ сакли: *Прощай! Я тебя люблю! Прощай!*..

На третьи сутки, ночью, мы остановились въ аулѣ Джама, у кунака Албеена, славнаго старика, говоруна и питуха, какого врядъ повстрѣчаешь и между груаннами. Едва только мы улеглись, едва только пердй сонъ слетѣлъ къ намъ, какъ, въ аулѣ раздалась тревога. Выстрѣлы, удары шашекъ, стоны, вопли и крики ясно доказывали, что въ аулѣ рѣзня, и въ этомъ хаосѣ безпрестанно слышались: «цевкейцы! цевкейцы! * Руби ихъ!»

— А, голодные шакалы! вопичалъ нашъ хозяинъ, наскоро вооружаясь: это цевкейцы отплавиваютъ нашъ навадъ... вотъ мы ихъ! Кунаки! пойдемъ вѣсть вражеское мясо! и героцъ оставилъ саклю; за нимъ бросился и Албей.

— Пойдите, пойдите! повторилъ послѣдній.

— Спасибо! отозвался Юсанъ; а какъ меня пришлѣпнуть, — кому останется котомка?

— И то правда, подхватилъ я; въ чужомъ пиру похмѣлье — не весело!

— Уберемся-ка по добру, по здорову, да отсидимся гдѣ-нибудь.

Мы, выйдя подъ выстрѣлами сражающихся, однако, не натыкаясь ни на одного изъ ночныхъ рыцарей, добрались задами саклей на исходъ аула... Тутъ царствовалъ совершенный мракъ, который и былъ причиною моей вѣчной разлуки съ Юсаномъ: котомка перетянула бѣдняка и Богъ вѣдаетъ куда укатился Юсанъ съ его благими предпріятіями.

Нѣсколько разъ окликнувъ его, я не получилъ отвѣта, и, избѣгая той же участи, поверотилъ въ противоположную сторону... Въ эту минуту запылалъ аулъ и вся ватага горцевъ, изъ которыхъ одна толпа гнала другую книжалами, двинулась прямо на меня. Надо было уходить, что я благополучно и сдѣлалъ. Утро другаго дня застадо меня верстѣ

за двѣнадцать отъ Джама, который, при первыхъ лучахъ солнца, еще дышится, какъ камчатская сонка.

Спустя три мѣсяца, если не болѣе, послѣ долгихъ лишений и страданій, я достигъ благополучно Вельяминовскаго форта...

III.

ШАДАНЪ ПИСАРША.

Спустя годъ послѣ разсказанныхъ обстоятельствъ, случай привелъ меня въ Г*** укрѣпленіе, Приятно послѣ долгой разлуки встрѣтиться съ друзьями; весело и отраднo тогда скоротать съ ними часъ, другой. Небольшое наше общество помѣщалось у окна, обращеннаго къ крѣпостному валу, мѣсту гудьбища всего населенія этого крошечнаго муравейника. Вечеръ былъ чудный. Солнце давно утонуло въ морѣ, какъ говорятъ романисты, и прохладный вѣтерокъ, дувшій съ моря, тихо качалъ стройный тополь. Валъ нестрѣлъ гуляющими. Меня особенно изумило множество женщинъ, такой классической, очаровательной красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ прозаическихъ нарядахъ, что я невольно попросилъ объяснить мнѣ это явленіе, небывалое въ укрѣпленіяхъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря.

— А это, давайте видѣть, отозвался старый артиллеристъ: это, съ вашего позволенія, все привозныя.

— Какъ, съ моего позволенія? откуда же? Семень Федотычъ, я не разрѣшалъ подобнаго привоза ..

— Ну, такъ извините, мы безъ васъ слѣдали.

— Однако, безъ шутокъ?

— Эхъ, братецъ! вскричалъ прапорщикъ: неужели ты не знаешь, куда везли изъ Абазіи въ Батумъ, кажется, а впрочемъ, портъ ихъ знаетъ, куда! — двѣ дюжкы; ну, а намъ предсертъ и цалъ-дарагъ турку, да и запризовалъ товаръ, а начальство приказало раздать ихъ въ услугу по укрѣпленіямъ женатымъ офицерамъ... Ну, и къ намъ привели игуку пятнадцать... Кажется такъ? Вѣдь ты считалъ Семень Федотычъ...

— Да, да! отвѣчалъ артиллеристъ: пятнадцать, шестнадцатая хромаетъ...

— Эва! у него кто немножко ковыльнуль—и за челоуѣка не считаетъ... Смотри пожалуй! Ну вотъ, продолжалъ острякъ: наши фельдфебеля, писаря, да фельдшера—все почитатели горской красоты... люди, со вкусомъ... и переженились на нихъ... Да, вѣдь какой народъ, ес-

либъ ты зналъ!.. Представь, вчера одна бестія говоритъ мнѣ: «Я, говоритъ, капуданшей буду.»—«Это какъ, сударыня?» спрашиваю я. «Да, говоритъ, наши мужья такъ часто и счастливо бьютъ нашихъ братьевъ, что выслужиться недолго...» Вотъ ты и поиди съ ними!.. Пойдешь, хочешь, покажу, хоть въ шеренгу выстроить можно... Народъ отборный, послушный.

— Только одному не могу научить—ходить въ ногу.

Мы отправились на вагъ.

Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть прекрасныхъ, невольно залюбوا-лись мы русскимъ транспортомъ, который подъ всеми парусами, какъ статный лебедь, купался въ морѣ.

Вдругъ кто-то меня дернулъ за рукавъ сюртука и въ то же время мнѣ послышалось давно знакомое и давно забытое:

— Здравствуй... Я тебя люблю!

Я оглянулся. Милосердый Боже! Моя Кубегула стояла передо мною въ рогатомъ чепцѣ съ яркими лентами, въ красномъ платкѣ и—просто за просто въ смиренномъ коленкоровомъ платьицѣ.

— Кубегула!.. Какъ ты сюда попала? вскричалъ я.

— Отецъ продалъ какому-то жиду, жидъ—туркамъ, а русскіе турокъ перебили: не увозилъ дѣвушекъ!

— Ахъ, Кубегула, Кубегула! думалъ ли я тебя здѣсь встрѣтить...

— Я ужъ не Кубегула, граціозно присѣдая, отвѣчала горанка...

Я Марушка...

— А! Вѣрно Марья Ивановна?..

— Да...

— Марья Ивановна! раздалось за нами... Куда стрелка дала!.. Ну! маршъ, рысью! Все это проговорилъ скороговоркою и басомъ какой-то писарь...

— Это мой мужъ! съ удовольствіемъ сказала Кубегула.

— Марья Ивановна! повторилъ ревнивецъ.

— *Прощай!* съ неизвѣннымъ своимъ акцентомъ сказала горанка, и побѣжала на встрѣчу мужу.

Прощай Кубегула, прощай! думалъ я, слѣдя удаляющуюся отъ меня юную чету!..

СОВРЕМЕННОЙ.*

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузїи.—Литовскія легенды (1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса. 2. Сливочная княжна).—«Ленора» Бюргера на португальскомъ языкѣ.—Основаніе Бухареста (*легенда*) — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Очерки зоологической географіи. — Могутъ-ли кометы столкнуться съ землею? — ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА: Томасъ Стотгерль.—**КРАТКИЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Нарядъ супруги — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы. — Вечеръ въ Дамаскъ. — Вашингтонъ—Ирвингъ.—Музыка и библіотека въ среднихъ вѣкахъ. — Турецкая сабля (*съ североамериканскій разсказъ*).—Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*).—Картина Боссеора.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Народныя пѣсни въ Андалузїи. Хотя въ Испанїи и не такъ любятъ пѣніе, какъ вообще полагаютъ, но въ южныхъ провинціяхъ, и именно въ Андалузїи, еще много поютъ и играютъ на гитарѣ. Если вы вечеркомъ ѣдете на пароходѣ вдоль морскаго берега, то на кормѣ всегда соберется труппа слушателей около веселаго *махо*, который нво всей силы парашаетъ по гитарѣ и импровизируетъ пѣсни изъ народнаго быта. Содержаніе ихъ не всегда безукоризненно, но зрители хохочутъ, а этого только и нужно. Если вы ѣдете въ дилижансѣ или въ кабриолетѣ подлѣ *маюрала*, то можете быть увѣрены, что у него есть гитара и что онъ будетъ пѣть всю дорогу. Цырюльникъ, ожидающій у своей лавочки посѣтителя, бряничитъ на гитарѣ. Погонщикъ муловъ беретъ съ со-

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des Deux Mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheaterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Literary-Gazette, Illustration, Gazette des Théâtres и др.

бою гитару и распѣваетъ во время своего путешествія по пустыннымъ горамъ. Гуляя пѣшкомъ по полямъ, засѣяннымъ пшеномъ, вы навѣрное встрѣтите у колодца бесѣду молодыхъ людей и дѣвушекъ, собравшихся тутъ для фанданго, съ кастаньетами и гитарою. Андалузскія пѣсни—наслѣдство древнихъ Мавровъ, и вы еще теперь услышите тѣ же напѣвы въ Африкѣ между бедуинами. Впрочемъ, испанцы импровизируютъ и новыя пѣсни, приправляя ихъ плохими островами.

Вечеру, возвращаясь съ Аламеда, встрѣтите вы влюбленнаго, дающаго своей любезной серенаду. Онъ поетъ одинъ, или съ цѣлымъ хоромъ молодыхъ людей. Этотъ обычай болѣе всего сохранился въ провинціальныя города. Наконецъ и ночные стражи распѣваютъ во время своей прогулки то же самое, что распѣвали при Карлѣ V.

Вотъ образчики народной андалузской поэзіи. Изъ нихъ видно, что народъ этотъ сохранилъ еще много поэтическаго чувства.

1.

Любовь—злой червякъ.
Онъ прокрадывается сперва намъ въ глаза,
А потомъ заползаетъ и въ сердце,
Гдѣ производитъ мучительную боль.

2.

Прядижи меня однимъ волосомъ
Къ креслу моей возлюбленной.
Если тонкій волосъ и порвется,
То я все-таки не отойду отъ нея.

3.

Эти кудрявые, бѣлокурые волосы,
Вьющіеся по плечамъ твоимъ,
Чрезвычайно похожи на колокольчики,
Заманивающіе всѣхъ, чтобъ любоваться тобою.

4.

Матушка украшаетъ меня розами,
Говоря, что это возвышаетъ мою красоту.
Увы! роза на другой же день
Увядаетъ, и лепестки ея облетаютъ.

5.

Прелестныя ямки твоихъ щекъ
Желалъ бы я превратить въ могилы:
Тогда бы смерть была для меня сладостна.
И я бы спокойно лежалъ въ этой могилѣ.

6.

Неблагодарная, вѣроломная!
 Чтобъ мнѣ привелось тебя видѣть мертвою,
 Окруженную погребальными свѣчами.
 Но нѣтъ! Ты моя живая,
 Я дышу твоимъ взглядомъ,
 И одинажъ другіе
 Тебѣ правятся больше меня.
 Пусть я страдаю,
 Если ты этого хочешь;
 Пусть любовь моя
 Никогда не вмигивается.

7.

Я бы отдалъ Мавру одну руку,
 Чтобъ навѣрное узнать:
 Точно-ли любовь твоя ко мнѣ
 Чистосердечна и искренна.
 Другую руку отдалъ бы англичанину,
 Чтобъ вывѣдать,
 Какія мысли кружатся
 Въ молодой твоей головкѣ.

8.

Твоя постель изъ жасминовъ,
 Твое одеяло изъ фиалокъ,
 Твоя подушка изъ розмарина,
 А ты сама—роза, когда попишешься на ней.

9.

Все, что я ни въ, и самого себя
 Съ радостью я бы отдалъ,
 Еслибъ могъ съ тобою наговориться
 Вечеркомъ у садовой рѣшетки.
 Я такъ люблю тебя, моя красавица!
 Еслибъ я узналъ, что солнце тебѣ не нравится.
 Я и съ тѣмъ бы вступилъ въ единоборство,
 Хотя и зналъ бы навѣрно, что потерю жизньъ.

10.

Истинная любовь бываетъ только первая любовь;
 Всякая другая любовь—мнимая
 Потому-что первая страсть, выходя изъ сердца,
 Разрываетъ его навсегда.

Литовскія легенды. 1. Чудный цвѣтъ Ромбиноска. Между Тильготомъ и Рагнитомъ, на крутомъ берегу Нѣмана, возвышается Ромбиноская гора, на вершинѣ которой древніе литовцы приносили жертвы своимъ идоламъ. Тогда эта гора была еще покрыта лѣсомъ и на вершинѣ была луговина, гдѣ росли цѣлебныя травы и цвѣты, за что жители и прозвали ее *цѣлебнымъ цвѣтникомъ*. Здѣсь, по словамъ древняго преданія, цвѣлъ каждый пятьдесятъ лѣтъ цвѣтокъ, котораго никто еще не находилъ въ другомъ мѣстѣ, и который только въ продолженіе одного часа цвѣлъ, распространяя удивительное благоуханіе. Многіе видѣли его, но никто не срывалъ.

Одинъ собиратель травъ, нечаянно увидѣвъ этотъ цвѣтокъ и хотѣвъ поближе рассмотреть его, но вдругъ молнія ударила передъ нимъ въ землю—и цвѣтокъ исчезъ; вмѣсто него лежалъ пергаментный свитокъ, на которомъ красными литовскими буквами было написано:

Смертный, съ чистою душою,
Приходи, когда цвѣту;
Награжденъ ты будешь мною,
За невпнность, чистоту.

Съ-тѣхъ-поръ, многіе смѣльчаки рѣшались наканунѣ иванова дня пробираться въ Ромбиносскій цвѣтникъ и искали чуднаго цвѣтка; но всѣ труды ихъ были напрасны.

Въ то давноминуемое время жилъ въ Рагнитѣ богатый купецъ, у котораго единственная дочь, Маргарита, блистала красотою, но вмѣстѣ съ тѣмъ была чрезвычайно горда. Она слышала преданіе объ этомъ цвѣткѣ—и въ сердцѣ ея зажглась страсть овладѣть имъ. Когда наступилъ канунъ иванова дня, она отправилась въ Ромбиносскій цвѣтникъ. Одинадцать часовъ ночи пробило ужь, когда она пришла туда; на вершинѣ горы встрѣтило ее удивительное благоуханіе. Еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ вдали заблесталъ чудный, удивительный цвѣтокъ. Смѣло и радостно подошла къ нему Маргарита и уже протянула свою руку, уже пальцы ея обвили стройный стебелекъ цвѣтка... вдругъ яркая молнія разсѣкла воздухъ, ударилъ громъ и Маргарита безъ чувствъ упала на землю.

Только поутру пришла она въ себя, но въ какомъ положеніи! Вся половина тѣла ея, бывшая ближе къ цвѣтку, почернѣла; она не могла пошевелинуться ни однимъ членомъ; молодость и красота исчезли. Такъ пролежала она до вечера. Посланные отца нашли ее тутъ и сняли домой; черезъ нѣсколько дней она умерла.

Прошло послѣ этого еще пятьдесятъ лѣтъ. Одинъ добрякъ, литовскій башмачникъ, нанявалъ въ городѣ каморку на чердачкѣ и питался работою съ женою и единст венною дочерью, Иною. Эта добрая и милая дѣвушка всѣми силами помогала родителямъ въ трудной ихъ работѣ. Часто, когда они, утомленные, покоились ночью, Ина сидѣла у ночника ишила.

Однажды—это было наканунѣ иванова дня—Ина пошла навѣстить въ ближайшую деревню пріятельницу. Путь ея шелъ мимо Ромбиносской горы. Ей вздумалось нарвать красивыхъ цвѣтовъ и полезныхъ травъ для этой пріятельницы. Ина взошла на вершину горы; тутъ, собравъ и связавъ себѣ превосходный букетъ, сѣла она отдохнуть подъ тѣнь, чтобъ собраться съ силами, и уснула.

Бой городскихъ часовъ пробудилъ ее. Съ изумленіемъ открыла она глаза и увидѣла надъ-собою какую-то радугу, а вокругъ чудное благоуханіе наполняло воздухъ. Передъ нею росъ удивительной красоты цвѣтокъ, сіявшій пурпуромъ и золотомъ.

Долго смотрѣла на него Ина неподвижно, не понимая, что съ нею дѣлается и не зная, что ей начать. Вдругъ цвѣтокъ заколыхался и невидимый, едва слышимый голосъ прѣшпталъ ей:

Счастлива твоя судьба,
Ина, ты сорви меня,
Я разцвѣлъ здѣсь для тебя.

Смѣло встала Ина, схватила стебель цвѣтка, потянула его и вырвала съ корнемъ. Отъ корня посыпались золотыя монеты и драгоценныя камни. Ина спрятала цвѣтокъ за корсетъ, а золото и драгоценныя камни въ свою корзинку и въ передникъ. Быстро пошла дѣвушка домой. Темная ночь не останавливала ее, потому-что цвѣтокъ сіялъ, какъ звѣзда, на груди ея.

Когда она добѣжала до дому, ударила полночь. Она сѣшшла разбудить родителей, но съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцати часовъ цвѣтокъ исчезъ. Осталось золото и драгоценныя камни, составившіе огромное богатство, съ которымъ все семейство счастливо провело свой вѣкъ.

2. *Сливочная княжна.* Литовское преданіе говоритъ, что въ древности жилъ на горѣ Вильмантина исполинъ, у котораго дочь тоже звали Вильмантиною. Она еще была молода и, изъ шалости, таскала съ полей лошадей и коровъ, которыхъ цѣлыми стадами прятала въ свои карманы и приносила домой, какъ игрушки. Но отецъ растолковалъ ей, что она дѣлаетъ большой вредъ людемъ, которымъ эти животныя полезны. Съ этой минуты она сама стала заниматься скотоводствомъ, а особливо разведеніемъ лошадей, которыхъ и прославились въ Литвѣ.

Придумала также Вильмантина приготовить сливочныя сыры, какихъ никто не умѣлъ составлять. Эти сыры раздавала она въ праздникъ окрестнымъ жителямъ, которыхъ любила, но никому не открывала секрета своего приготовленія; другіе завидовали этому дарованію Вильмантины и прозвали ее *Сливочною княжною*.

Прозвище это дошло до ушей великанши: она обидѣлась этимъ и рѣшилась отплатить за это оскорбленіе. Когда наступилъ праздникъ, она пригласила къ себѣ на гору всѣхъ жителей и приказала спрашивать у всѣхъ являющихся гостей: «къ кому они идутъ въ гости?» Тѣхъ, которые будутъ отвѣчать: къ княжнѣ Вильмантинѣ, она всегда отво-

дуть во дворецъ и тамъ угощать ихъ; гѣхъ же, которые скажутъ: «гь славной княжѣ» приглашать въ садъ».

Послѣднихъ оказалось довольно. Она пришла къ нимъ въ садъ и принесла въ передникѣ нѣсколько сотъ круговъ сыру, а подъ-мышкою огромную бочку съ виномъ. Посадивъ ихъ за столъ, раздала она имъ сыры, велѣла ѣсть сколько душѣ угодно, и потомъ ушла, сказавъ, что скоро воротится.

Гости, аппетитно покушавъ сыру, захотѣли выпить и окружили бочку. Но какъ достать изъ нея вина? Одинъ за другимъ пробовали они влѣзть по обручамъ до крана, но самые смѣлые и искусные не доходили далѣе перваго обруча.

Наконецъ они вздумали собрать свои круги сыра и составить изъ нихъ лѣстницу. Дѣйствительно, выдумка эта удалась.

Всѣ полѣзли на бочку, но вдругъ сыры обрушились—и гости полѣзли внизъ и больно ушиблись.

Въ эту минуту явилась княжна, расхохоталась и, повернувшись, платкою сбѣжала углубленіе въ землѣ, въ которое усадила всѣхъ гостей, и пустила на нихъ вино изъ бочки, открывъ кранъ. Сперва—было они съ удовольствіемъ принялись хлебать пріятный напитокъ, но вскорѣ начали захлебываться и жалобно просили помилованія.

Вильмагина провела пальцемъ по горѣ, и въ этотъ жолобъ вылилось вино изъ сбѣланнаго углубленія, изъ котораго гости, выбравшись, бросились бѣгомъ домой, забывъ взять съ собою подаренные имъ сыры.

Вильмагина рассердилась и стала бросать имъ вслѣдъ сыры, и горе тому, въ кого она попадала.

Съ-тѣхъ-поръ сыры эти окаменѣли, и около Вильмантиновой горы до-сихъ-поръ разбросано чрезвычайно много круглыхъ камней, походящихъ на сыръ.

Ленора Бюргера на португальскомъ языкѣ. Въ Лиссабонѣ издааны недавно стихотворенія Геркулано, такого же дѣятельнаго естествоиспытателя, какъ отличнаго поэта. Въ числѣ переводныхъ стихотвореній есть сочиненія Мильвуа, Деламина и Ленора Бюргера. Послѣдній переводъ очень замѣчателенъ. Для филологовъ представляетъ отрывки буквальнаго перевода португальскихъ стиховъ сравнительно съ Бюргеромъ, и самые португальскіе стихи.

ЛЕНОРА.

Бюргера.

Lenore fuhr um's Morgenroth
Empor aus schweren Träumen:
«Bist untreu, Wilhelm, oder todt?
Wie lange willst du säumen?..

Геркулано.

Измученная дурными сновидѣніями, проснулась Ленора.
Восточное небо было озарено блѣдыми мерцаніемъ утра.

Er war mit König Friedrichs Macht
Gezogen in die Prager Schlacht
Und hatte nicht geschrieben
Ob er gesund geblieben.

Und aussen, hart gings trap, trap,
trap!

Als wie von Rosses Hufen;
Und klirrend stieg ein Reiter ab
In des Geländers Stufen:
Und horch, und horch! den Pforten-
ring

Ganz leise, leise klingklingkling!
Dann kamen durch die Pforte
Vernehmlich diese Worte:

Hollah! hollah! thu' auf, mein Kind!
Schläfst, Liebchen, oder wachst du?
Wie bist non gegen mich gesinnt
Und weinst, oder lachst du?..
Ach, Wilhelm! du? Sospät bei Nacht?
Geweinet hab ich und gewacht...
Ach! grosses Leid erlitten.
Wo kömmt du hergeritten?

Schön Liebchen schürzte, sprang
und schwang

Sich auf das Ross behende;
Wohl um den trauten Reiter schlang

Sie ihre Lilien hände,
Und hurre, hurre! hop, hop, hop!

Gings fort in sausendem Galop,
Dass Ross und Reiter schnoben,

Und Kies und Funken stoben.
Wie flogen rechts, wie flogen links

Gebirge, Bäum und Hecken!
Wie flogen links und rechts und links

Die Dörfer, Städt' und Flecken.
Graut Liebchen auch? Der Mond-
scheint hell!

Hurrah! Die Todten reiten schnell?
Grant, Liebchen, auch vor Todten?

Ach! Lass sie ruhn, die Todten.

Умеръ ли ты, Вилъгельмъ, воспри-
чала она, или выѣхалъ живъ, бѣд-
ной?

Если живъ, то зачѣмъ ты медлишь?
Зачѣмъ не возвращаешься ко мнѣ?

Съ войсками Фридриха давно ужь
онъ выступилъ

На прагскую битву

И съ тѣхъ поръ не было отъ него
писемъ.

Но что вдругъ слышно!

Тамъ слышатся звуки скачущихъ
копытъ.

И на ступеняхъ лѣстницы
Раздается звукъ шага и шпоръ.

Послушай! стучать въ кольцо;

Стукъ этотъ звучитъ рѣзко,

И сквозь двери слышны

Явственно эти слова:

Oh lá, querida, abre a porta!

Dormes? Estas acordada?

Folgas em riso? Pranteas?

De mim es inda lembrada?

Guil hehme, tu, Na alta noite?

Tenho velado e gemido;

Quanto padeci! Mas, donde

Ate qui tens tu corrido?

Набросивъ на себя платье, краса-
вица вскочила на коня,

И около своего вѣрнаго рыцаря
обвила бѣлыя руки.

Смотрите, какъ они понеслись въ
галопъ;

Смотрите, какъ летятъ, какъ сильно
дышутъ и конь и всадникъ,

Какъ летятъ искры и каменья.

Como a dextra eesquerda fogem

Montes, bosques, matagaes!

Como a dextra e esq^{da} ^{3. fogem}
Cidades, villas, ^{3. fogem} ^{3. fogem}
— Tremes, ^{3. fogem} ^{3. fogem} ^{3. fogem}
кой-то рѣки, окру-

Depressao ^{3. fogem} ^{3. fogem} ^{3. fogem}
и долинь.

Depressao ^{3. fogem} ^{3. fogem} ^{3. fogem}
и рыбака.

— Ai, deixa ^{3. fogem} ^{3. fogem} ^{3. fogem}
челъ рыбаку остано-

Основаніе Букареста (Легенда).— Это было уже очень давно, въ незапамятные времена, жилъ въ одной болгарской гавани богатый купецъ Букаръ, извѣстный своими огромными помѣстьями, домами, драгоценными камнями, а всего болѣе чудною красавицею, дочерью своею Гуслою. Гусла была звѣзда между дѣвушками, и изъ всѣхъ странъ прѣбывали женщины свататься на ней. Преданіе говоритъ, что одинъ турецкій принцъ соглашался принять христіанство, лишь-бы получить руку Гуслы; но какъ въ то время исламизмъ еще не существовалъ, то послѣднее обстоятельство довольно сомнительно.

Отецъ Гуслы часто говорилъ ей о женихахъ знатныхъ и богатыхъ, но Гусла отказывала всѣмъ. Женихи начали даже было подозрѣвать, что отецъ не хочетъ разстаться со своими богатствами и потому не выдаетъ дочь замужъ.

Настоящая причина состояла въ томъ, что Гусла хотѣла сама себя выбрать супруга, и однажды, въ темную ночь, когда завыванія бури нельзя было отличить отъ лая сторожевыхъ собакъ, Гусла уѣхала съ молодымъ товарищемъ своего дѣтства, Севериномъ.

Понутру, узнавъ о своемъ несчастіи, Букаръ впалъ въ глубокую печаль, упрекая себя въ томъ, что онъ раньше не видѣлъ, не узналъ склонности дочери. Первою его мыслью было преслѣдовать бѣжавшихъ, и въ крови похитителя омыть свой стыдъ.

Но куда они поѣхали? Куда за ними гнаться? этого никакъ не могъ онъ развѣдать. Оставалось пуститься на-удачу.

Сидя у окна въ прискорбін, задумчиво смотрѣлъ онъ въ окно... вдругъ послышалось ему ржаніе молодого жеребенка. Какъ быстрая молнія мелькнула въ головѣ его мысль, и онъ вскричалъ: «они найдены!»

Молодой жеребенокъ Кебиръ, знаменитой арабской породы, былъ рожденъ кобылицею Зарю, неизмѣшею себя равной по быстротѣ во всемъ Востокѣ. Гусла ежедневно ѣдила верхомъ на Зарѣ, и на ней же уѣхала съ Севериномъ.

«Я спокоенъ, вскричалъ Букаръ: оставленный сынъ поможетъ мнѣ сыскать бѣжавшую дочь.»

Букаръ позвалъ вѣрнаго своего домоправителя, вѣрилъ ему управленіе своими торговыми дѣлами, захватилъ туго набитый кошелекъ и вскочилъ на коня, который въ быстротѣ почти не уступалъ Зарѣ.

Видѣвъ съ тѣмъ велѣлъ онъ вывести изъ конюшни осиротѣвшаго Кебира. Очувтившись на свободѣ, онъ весело запрыгалъ, потомъ, побѣгавъ около конюшени и обнюхавъ всѣ лошадиныя слѣды, вдругъ встретившись, брыкнулъ и стрѣлою полетѣлъ по дорогѣ къ сѣверу.

Букаръ послѣдовалъ за нимъ вслѣдъ. Сперва онъ отсталъ отъ него далеко, но, не теряя его изъ виду, догналъ и потомъ слѣдовалъ за нимъ.

Пять дней средъ продолжалась эта погоня, и Кебиръ останавливался только, чтобъ отдохнуть на нѣсколько часовъ подлѣ деревьевъ и напиться въ источникѣ. Но, къ удивленію, Букаръ ни разу не застѣ-

тмъ, чтобъ Кебиръ съѣлъ хоть горсть травы. Питавшись до-тѣхъ-поръ молокомъ матери, онъ гнушался всякою другою пищею.

Наковецъ силы жеребенка истощились. Онъ сталъ отставать и печально поглядывать въ глаза Букара, который его ласкалъ. На шестой день Кебиръ не могъ уже встать и со вздохомъ легъ на траву, чтобъ умереть. Напрасно Букаръ подносилъ ему травы, хлѣба, вина, Кебиръ печально смотрѣлъ на все и ничего не хотѣлъ ѣсть. Букаръ пошелъ за водою къ ближайшему источнику, чтобъ почерпнуть тамъ воды для жеребенка. вдругъ любопытное зрѣлище поразило глаза его.

Стадо дикихъ лошадей несло по пустынѣ и, увидѣвъ Кебира, внезапно остановилось. Одна кобылица подошла къ жеребенку, и обнюхала его и тотчасъ дала ему сосать свое молоко. Кебиръ съ удовольствіемъ принялъ эту пищу и съ жадностью насосался. Послѣ чего кобылица и все стадо быстро полетѣли опять по степи.

Подкѣрвленннй пищею и освѣженный водою, которую Букаръ принесъ ему, Кебиръ всталъ и весело поскакалъ опять впередъ.

Наковецъ прибыли они къ берегамъ Дуная. Здѣсь Кебиръ легъ на берегу и протянулъ шею, глядя на отдаленный противоположный берегъ; а какъ наступилъ вечеръ, то Букаръ и пошелъ по берегу отыскивать пещеру, или дупло, чтобъ переночевать.

Поутру, проснувшись, съ изумленіемъ увидѣлъ онъ, что Кебиръ исчезъ.

Это былъ послѣдній ударъ для огорченнаго отца. Послѣдній вожатый его скрылся и путь къ дочери былъ закрытъ. Тщательно осмотрѣлъ онъ берега: нигдѣ не было и слѣда жеребенка. Всего вѣроятнѣе показалось ему, что, увлеченный неопытностью, Кебиръ пустился вплавъ черезъ рѣку и, разумѣется, погибъ, потому-что Дунай былъ тутъ такъ широкъ, что противоположный берегъ едва былъ видѣнъ.

Но нельзя же было Букару отказать отъ отысканія своей Гуслы. Покуда Кебиръ былъ его путеводителемъ, отецъ питалъ надежды мщенія; теперь же, когда онъ лишился послѣдней возможности найти ее, онъ-бы радъ былъ все простить, лишь-бы обнять дочь.

Съ грустью сидѣлъ онъ на берегу Дуная и смотрѣлъ на волны, катившіяся мимо него; вдругъ подѣхалъ къ нему рыбакъ и спросилъ его о причинѣ печали. Букаръ рассказавъ ему свою исторію, которую тотъ со вниманіемъ и видимымъ участіемъ выслушалъ. Послѣ чего предложилъ ему перевезти его на ту сторону рѣки, чтобъ тамъ продолжать свои поиски.

Когда они переѣхали на ту сторону Дуная, Букаръ убѣдилъ рыбака быть его провожатымъ, и тотъ согласился.

Страна была удивительно плодородна и прекрасна, но жителей нигдѣ не было видно. Букару казалось, что онъ открылъ новый свѣтъ. Особливо былъ онъ въ восхищеніи, достигнувъ какой-то рѣки, окруженной прелестнѣйшею панорамою горъ, лѣсовъ и долинъ.

— Какъ называется эта рѣка? спросилъ онъ у рыбака.

— Думбровца, отвѣчалъ вожатый.

Вдругъ Букаръ увидѣлъ хижину и предложилъ рыбаку остано-

ахъся въ ней для отдохновенія. Оба пошли къ ней; но близъ нея зашумѣли сучья одного кустарника и оттуда выскочили Зара и Кебиръ..

Букаръ вскрикнулъ отъ радости и удивленія: онъ былъ у цѣли своихъ поисковъ. Гусла и Северинъ должны были тоже находиться поблизости. А какъ Зара и Кебиръ приближались не со стороны хижины, то и надобно было искать бѣглецовъ въ той сторонѣ лѣса, откуда явились лошади.

Букаръ попросилъ рыбака подождать его въ хижинѣ, а самъ пошелъ въ лѣсъ по тропинкѣ. Но бесполезно прояскавъ въ лѣсу, онъ наконецъ заблудился и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Бросясь на траву, горько заплакалъ онъ. Вдругъ вблизи послышались шаги, а вскорѣ и голоса.

— Отдохнемъ здѣсь, моя шила, сказала мужской голосъ.—Рыбакъ сказалъ, что нутника ѣдетъ съ юга и ищетъ дочери. Если это онъ—мы погибли...

— О! если это онъ, отвѣчалъ женскій голосъ...

— Онъ убьетъ насъ.

— А можетъ-быть и простить.

— Онъ вспыльчивъ и раздражителенъ.

— Но онъ любитъ меня.

— Такъ вернемся въ хижину...

— Нѣтъ, боюсь!.. можетъ-быть, онъ и не проститъ.

— Такъ убѣжимъ...

При этихъ словахъ Букаръ вскочилъ и бросился къ разговаривавшимъ. Тѣ остолбенѣли, вскрикнули... но увлекаемая чувствомъ, дочь съ воплемъ бросилась въ объятія отца.

Сладко встрѣтить прощеніе, но еще пріятнѣе прощать. Все было забыто—и радостный отецъ благословилъ дѣтей своихъ.

Нѣсколько дней прожилъ онъ съ ними въ этой хижинѣ и прекрасная страна эта такъ ему понравилась, что онъ рѣшился употребить всѣ свои богатства, чтобъ основать тутъ городъ.

По имени его городъ и названъ былъ *Букаръ-Аске* (городъ Букара). Это имя впоследствии измѣнилось въ произношеніи — на *Букарестъ*.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Очерки зоологической географіи. Сколько ни бранять XIX-й вѣкъ за его эгоизмъ и холодную расчетливость, онъ однакожъ будетъ ярко сіять въ лѣтописяхъ просвѣщенія. Промшло только полстолѣтія, а сколько важныхъ открытій сдѣлано въ это время человѣчество! Какъ быстро оно шагнуло на поприщѣ наукъ! Какъ велика фаланга знаменитыхъ именъ, сдѣлавшихся достояніемъ исторіи и прославившихъ собою эту

замѣчательную эпоху! Гершелль, Араго, Гиндъ, Гессе, Лавуазье, Галлей, Струве, Медлеръ раздвинули область человѣческихъ познаній до столь отдаленныхъ звѣздныхъ предѣловъ, что воображеніе наше ужасается огромныхъ цѣфр пространства и времени. Физика и химія открыли человѣку тысячи тайнъ природы, которыя до-тѣхъ-поръ были для него скрыты. Геологія стала на степень положительной науки. Однимъ словомъ: человѣчество идетъ теперь быстрыми и сильными шагами по пути усовершенствованія и образованности. Улучшенія придутъ сами собою. Ничѣмъ нельзя потушить огня познаній — этого божественнаго пламени, одушевляющаго человѣчество. Но почему не всё ученые очищаютъ поприще наукъ? Отчего не всё стараются общими силами пересоздать старинную форму передачи познаній? Какая скука соединена еще во многихъ мѣстахъ съ словами: *географія, исторія!* Всякая наука, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ умомъ, пріятна, потому что развиваетъ психическія способности; но гдѣ все дѣло основано на одномъ механизмѣ памяти, къ тому нельзя пристраститься. А давно ли въ наукѣ большая часть предметовъ основывалась на памяти? Что могло быть суше и скучнѣе преподаванія хоть, напримѣръ, этихъ двухъ предметовъ: *исторія и географія?* А въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть занимательнѣе ихъ? Подъ словомъ географія привыкли въ старыя годы понимать одно исчисленіе государствъ, городовъ, рѣкъ, горъ — и ученикъ твердилъ эту науку самымъ машинальнымъ образомъ, то смотря на карту, то затверживая наизусть названія.

И между-тѣмъ нѣтъ ни одной науки ни сухой, ни скучной; всякая занимательна, всякая расширяетъ образъ человѣческихъ познаній. Возьмемъ, напримѣръ, эту самую географію. Какъ она обширна въ своихъ подраздѣленіяхъ, какъ занимательна въ важнѣйшихъ частяхъ! Начните съ *астрономической* географіи: что можетъ быть возвышеннѣе этой науки, открывающей намъ положеніе той планеты, на которой мы обитамъ. Самолюбіе наше очень удивилось, узнавъ ничтожность не только нашей земли, но и всей солнечной системы съ ея тысячами кометъ. Зато человѣкъ чувствуетъ все свое величіе, проникая въ эти отдаленные предѣлы небесъ, гдѣ земныя понятія о пространствѣ и времени такъ непостижимо-малы; зато онъ мыслью и душою постигаетъ всю мудрость, благость и всемогущество того Существа, Которое однимъ словомъ создало всю эту громаду міровъ. Уже это одно чувство составляетъ самое высое торжество науки. Только невѣжество и недоучки могутъ породить невѣріе и атеизмъ. Чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ онъ высшее, совершеннѣйшее имѣетъ понятіе о Творцѣ міровъ. Ньютонъ, совадшій науку астрономіи, всякій разъ при словѣ Богъ — снималъ шляпу и преклонялъ голову.

Математическая географія, придуманная, для раздѣленія земнаго шара и для терминологіи этой науки, мысленные круги, линіи, точки — тоже весьма занимательная часть географіи, благодаря открытіямъ XIX-го вѣка. Кромѣ прежнихъ линій и круговъ, есть у насъ теперь магнитные полюсы и меридіаны, періодическое передвиженіе ихъ, ось линій вѣчныхъ свѣтовъ, есть изомерическія и изотермическія ли-

ніи, обозначающія среднюю температуру каждаго мѣста, и множество другихъ любопытныхъ отдѣловъ. И то, что прежде было сухою нomenclатурою геометрическихъ фигуръ, сдѣлалось теперь занимательно, поучительно, пріятно.

Физическая географія еще болѣе разнообразна и любопытна. Оболочка нашей планеты, состоя изъ твердой коры и влажной массы, представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій и изученій; а верхняя оболочка нашего шара, эта огромная масса атмосферы—какой глубокой предметъ для науки! Эти законы давленія воздуха, это распредѣленіе теплоты и влажности, эта громада таинственной матеріи, которую мы называемъ *электричествомъ*—всѣ эти явленія, воздушныя и подземныя, составляютъ одну изъ самыхъ высокихъ и занимательныхъ наукъ, до которой человѣческій умъ могъ дойти, такъ—что изученіе *географіи*, во всѣхъ ея частяхъ, дѣлается уже не учебнымъ предметомъ, преподаваемымъ десятилѣтнимъ мальчикамъ, для изощренія ихъ памяти, а обширною наукою, которой изученіе должно продолжаться во всю жизнь, потому-что всякій новый фактъ есть уже новый параграфъ науки.

Чтобы дать понятіе о важности и занимательности географіи, возьмемъ одинъ отдѣлъ ея — *зоологическую географію*, которая еще въ самое недавнее время получила право гражданства между науками.

Теперь, когда планета наша успокоилась, когда большіе перевороты повидимому кончились, и только мѣстные вспышки и прорывы подземнаго огня пугаютъ по временамъ жителей, земля остановилась на одной точкѣ средней температуры, которая со временъ историческихъ не измѣнялась. На обоихъ концахъ шара царствуетъ вѣчный холодъ, въ средней полость—всегдашній жаръ, и по этой-то разности въ температурѣ жизненныя формы земли чрезвычайно разнообразны. Высочайшее развитіе жизненныхъ силъ находится между тропиками, и, по мѣрѣ удаленія къ полюсамъ, эти силы ослабѣваютъ. Въ жаркихъ климатахъ животныя выше ростомъ и сильнѣе. Слоны, носорогъ, верблюды, гиппопотамъ, левъ, тигръ, жирафъ, страусъ, казуаръ, удавъ, черепокожыя, насѣкомыя и моллюски — всѣ огромнѣе и разнообразнѣе своихъ однородныхъ созданій, живущихъ въ другихъ климатахъ. Въ умѣренномъ поясѣ гигантами творенія медвѣди, волки, гуси, лебеди, индѣйки и другіе. Даже насѣкомыя наши меньше тропическихъ. Этотъ законъ уменьшенія жизненныхъ формъ очень ясенъ. Свѣтъ и теплота составляютъ главные агенты жизни. Одни и тѣ же растенія и животныя совершенно перерождаются, если ихъ переселить изъ одного климата въ другой; другіе же и совсѣмъ не могутъ существовать иначе, какъ въ своемъ климатѣ. Лапландскіе олени погибнуть въ жаркомъ поясѣ. Сахарный тростникъ и бананъ не будутъ расти на Сѣверѣ. Только чело вѣкъ нарушаетъ эти законы природы; но, заставляя въ теплицахъ своихъ расти экзотическія деревья, онъ не можетъ ихъ принудить выростать какъ въ ихъ климатѣ.

Разсмотримъ, какъ распредѣлены теперь животныя на земномъ шарѣ,

по пяти главнымъ центрамъ этого распредѣленія: то-есть, по Азіи, Африкѣ, Океаніи, Америкѣ и Австраліи.

Каждый изъ этихъ центровъ представляетъ разительное отличіе въ числѣ, характерѣ и ростѣ животныхъ породъ. Бюффонъ первый замѣтилъ, что обширность мѣстности развиваетъ и ростъ. Обширныя площади Азіи и Африки питаютъ животныхъ самыхъ высокихъ изъ своихъ породъ. Слоны, носорогъ, гиппопотамъ, верблюдъ, левъ, тигръ, страусъ, казуаръ, удавъ, крокодилъ, составляютъ принадлежность этихъ обширныхъ пустынь. Въ Америкѣ ростъ ихъ уже второстепенный. Не имѣя первыхъ трехъ породъ, она вмѣсто верблюда представляетъ ламу, вмѣсто льва—пуму, вмѣсто тигра—ягуара. Въ Новой Голландіи нѣтъ млекопитающихъ выше кангуру. На Мадагаскарѣ формы еще менѣе. Тотъ же законъ распространяется и на водныхъ животныхъ: рыбы морскія гораздо огромнѣе рѣчныхъ, а послѣднія больше тѣхъ, которыя живутъ въ ручьяхъ. Примѣромъ этого закона могутъ служить корсиканскія и оркадскія лошади. Бараны острововъ Ферроо гораздо меньше нежели на обширныхъ материкахъ. Даже возьмите для опыта зародышъ лягушки, положите его въ стаканъ: онъ разовьется не далѣе перваго своего превращенія, то-есть, съ одними задними ногами. Пустите-же его въ обширный прудъ, онъ разовьется совершенной лягушкой.

Азія должна имѣть первые типы всѣхъ животныхъ. Разнообразіе климатовъ ея рѣзко, такъ же, какъ и породы созданія. Европа должна считаться вѣтвью азіатскаго материка. Она изъ Азіи получила всѣхъ своихъ животныхъ, которыя по климату могли туда перейти, и тамъ уже переродились съ вѣками. Африка безплоднѣе Азіи; и если въ первой ростъ животныхъ выше, то число породъ и многоплодность гораздо бѣднѣе. Южная часть Африки очень схожа съ Остѣ-Индіею, и вездѣ, гдѣ есть большія рѣки, тамъ и животныхъ больше. Впрочемъ, птицы и насѣкомыя Африки красивы и многочисленны.

Мадагаскаръ кажется отдѣльнымъ центромъ животныхъ формъ, потому-что онъ похожъ на Остѣ-Индскія, хотя этотъ островъ и далеко отстоитъ отъ нея; его формы мало имѣютъ сходства съ формами Африки, хотя онъ близокъ отъ этого материка и имѣетъ, сверхъ того, типы животныхъ, какихъ нѣтъ въ другихъ земляхъ.

Океанія составляетъ архипелагъ, оторванный отъ Азіи; на немъ животныя формы имѣютъ отдѣльные типы, особливо на Новой Гвинее, гдѣ зоологическія породы напоминаютъ Новую Голландію, такъ-что эта полоса составляетъ какъ-бы переходъ отъ Азіи къ Австраліи. Тамошнія двуутробки и вообще вся геологическая система связываютъ эту гряду острововъ съ древнимъ материкомъ, да и растительность ихъ составляетъ переходъ отъ тропической Азіи къ Австраліи. Это какъ-бы мостъ, переброшенный съ новѣйшихъ материковъ на прежде осушившіяся.

Америка раздѣлена на двѣ рѣзко отличныя части. Геологическія системы ихъ совершенно различны. Южная часть имѣетъ свой специальный характеръ. Животныя, хотя большихъ размѣровъ противу азіатскихъ, но напоминаютъ одни общіе типы. И тамъ, гдѣ обширныя рѣки озадали по берегамъ своимъ роскошную растительность, население жи-

вотныхъ многочисленно. Въ особенности порода четверорукнхъ (обезьянъ) преобладаетъ тамъ, изъ числа которыхъ всего больше длиннохвостыхъ. Изъ птицъ же попугаи составляютъ самое многочисленное население; прочія же, какъ то: колибри, туканы, аракарисы свойственны одной этой части Свѣта и великолѣпнѣе своихъ перьевъ служатъ новымъ доказательствомъ, какое вліяніе имѣетъ солнце и теплота на развитіе животныхъ силъ. Сѣверная Америка имѣетъ много хозяйства съ нашими умѣренными поясами: типы тѣ же, но породы различны.

Новая Голландія составляетъ самое послѣднее произведеніе земныхъ переворотовъ. Она до-сихъ-поръ еще подвержена частымъ внутреннимъ наводненіямъ. По всему видно, что она недавно еще вышла изъ воды. Флора ея совершенно мѣстная, печальная, сѣрватая; фауна ея тоже принадлежитъ ей одной. Изъ животныхъ, двутробки составляютъ главное население. Одно изъ нихъ, орниторинксъ, представляетъ млекопитающее съ птичьимъ клювомъ. Ехидна и кангуру дѣлаютъ зоологію этой части свѣта совершенно отдѣльною отъ прочихъ. И птицы имѣютъ здѣсь много отличныхъ породъ, какихъ нигдѣ больше нѣтъ. Откуда взялись всѣ эти животныя при позднемъ образованіи этого материка? Не приплыли-же они сами съ острововъ Океаніи, чтобъ населить его? Да и тамъ нѣтъ нигдѣ многихъ породъ ново-голландскихъ животныхъ.

Различные центры животныхъ формъ измѣнились отъ разности температуры, происшедшей на нашей планетѣ. Жгучій климатъ экватора способствуетъ жизни животныхъ сильныхъ, быстрыхъ, малосочныхъ. Самая порода людская приняла тамъ цвѣтъ чернокожій съ раздражительными нервами и пламеннымъ темпераментомъ. Если раскаленная эта почва орошена рѣками, то-есть, если съ теплотою соединяется влажность, то жизненная дѣятельность обнаруживается во всей силѣ. Слоны, носороги, большіе плотоядные звѣри, огромныя птицы, чудовищныя змѣи, избрали себѣ этотъ климатъ отечествомъ, и не могутъ жить въ другомъ. По мѣрѣ измѣненія климата, измѣняются и формы животныхъ. Природа уменьшается въ своихъ размѣрахъ и становится какъ бы правильнѣе, спокойнѣе, цвѣта блѣднѣютъ, дѣятельность убавляется.

Холодные климаты, лишеныя свѣта и теплоты, не имѣютъ уже ни роскошной флоры, ни богатой фауны. Деревья умѣренныхъ поясовъ превращаются тамъ въ кустарники, зерновыя растенія исчезаютъ, трава дѣлается мохомъ. Породы животныхъ блѣднѣютъ и чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ ихъ меньше; наконецъ въ царствѣ вѣчнаго льда одно море, котораго температура равнѣе и теплѣе, питаетъ морскихъ млекопитающихъ и зоофитовъ. Слѣдственно, начиная съ экватора, жизненная дѣятельность уменьшается къ обоимъ полюсамъ; число животныхъ мало-по-малу убавляется и наконецъ исчезаетъ. Вліяніе температуры явно измѣняетъ породы животныхъ и растеній. Даже въ жаркихъ климатахъ, имѣющихъ цѣпи высокихъ горъ, произведенія царства природы слѣдуютъ постепенно возвышенію горъ. И подъ экваторомъ, на высотѣ вѣчныхъ горныхъ снѣговъ, путешественники видятъ себя въ такой же пустынѣ, какъ и у полюсовъ.

Всякая порода животныхъ живетъ въ мѣстахъ, сообразныхъ съ ея организмомъ. Птица проводитъ большую часть жизни въ воздухѣ, рыба въ водѣ, четвероногіе на сушѣ. Одинъ человекъ умомъ своимъ покрѣпилъ и воду и воздухъ, чтобъ быть по волѣ своей обитателемъ обѣихъ этихъ жидкостей, хоть организмъ природы и осудилъ его оставаться постоянно на сушѣ. Въ высшемъ состояніи наукъ, онъ только дошелъ до опытовъ; но кто знаетъ къ чему приведутъ они?

Море, покрывая большую часть земнаго шара, представляетъ и главное мѣстопребываніе животныхъ. Человекъ, живя на сушѣ, воображаетъ, что на ней сосредоточена вся живая дѣятельность природы. Это ошибка. Земныя животныя не составляютъ десятой части всего творенія. Жители моря самые многочисленныя. Начиная съ инфузорій и проходя все породы нижнихъ созданій, надобно наумляться безчисленному множеству водяныхъ животныхъ. Совершеннѣйшій организмъ принадлежитъ, конечно, сушѣ, но разнообразіе и количество—мору. Даже въ птицахъ, млекопитающихъ, есть множество породъ, принадлежащихъ къ водянымъ.

Такимъ образомъ природа каждому созданію назначила постоянное жилище, которое оно не можетъ перемѣнить. Человекъ, дѣлая многихъ звѣрей и птицъ ручными, измѣняетъ первобытный видъ ихъ; но это водоизмѣненіе всегда носитъ на себѣ признаки первоначальнаго типа. Курица, индѣйка не дѣлаются водяными, а утки и гуси не живутъ безъ воды. Обиталища животныхъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1. *Море*, самое обширное изъ всѣхъ жилищъ. Оно раститъ и питаетъ всѣ породы рыбъ, моллюсковъ, полиповъ, улитокъ, морскихъ наездниковъ и тысячи другихъ породъ, которыхъ мы еще и не знаемъ.
2. *Берега моря* служатъ обиталищемъ всѣхъ земноводныхъ животныхъ.
3. *Прѣсныя воды* имѣютъ свои особенныя породы животныхъ.
4. *Стоячія и болотистыя воды* болѣе обитаемы амфибиями, улитками, лягушками и инфузоріями.
5. *Берега прѣсныхъ водъ*. Здѣсь вьютъ гнѣзда птицы, питающіяся насѣкомыми и червями, обитающими въ этихъ водахъ. И насѣкомыя, обитающія на сушѣ, привлекаются сюда растеніями, произрастающими у береговъ, для складки яицъ и образованія личинокъ.
6. Наконецъ, самая *суша*, и преимущественно *лѣса*, которые всегда служили любимымъ обиталищемъ всѣхъ породъ четвероногихъ, птицъ и насѣкомыхъ.

Разсмотримъ теперь породы животныхъ, существующихъ на землѣ. Въ гѣсной рамѣ журнала, мы можемъ представить только классификацію и число видовъ въ каждой породѣ. Начавъ съ низшаго организма, мы дойдемъ до высшаго, то-есть до человека, этого вѣнца творенія.

Губчатая животныя. Тамъ, гдѣ органы растительнаго царства начинаютъ колебаться и приближаться къ организму живыхъ созданій, имѣющихъ движеніе и волю, находятся губчатыя животныя. Изученіе ихъ чрезвычайно любопытно и застываетъ натуралиста часто со-

миваться, къ которому царству они принадлежатъ. Ихъ знаютъ до 300 породъ, изъ которыхъ 900 уже описаны и изслѣдованы. Въ Европѣ 35 породъ, въ Африкѣ до 10, на Мадагаскарѣ одна, въ Америкѣ 26, въ Австраліи 50.

Ифиузоріи. Еслибъ можно было исчислить эти созданія, то цифра исчисленія превзошла бы, вѣроятно, всякую человѣческую терминологию. Впрочемъ, породы ихъ довольно хорошо распределены. Ихъ всего считаютъ до 500 породъ. Сочиненія Эренберга и Дюжардена болѣе всего пролили свѣтъ на этотъ классъ созданій.

Полипы. Ихъ знаютъ до 500 породъ; но морское дно, вѣроятно, скрываетъ отъ насъ еще многихъ. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этихъ животныхъ представляются огромные острова, составленные изъ нихъ. Если развитіе ихъ будетъ продолжаться въ такой-же степени, какъ теперь, то черезъ вѣсколько тысячелѣтій они покроютъ все пространство Океана.

Акалефы (безголовыя, жгучія животныя). Эти морскія животныя еще мало изучены натуралистами. Въ азіатскихъ и американскихъ моряхъ мы знаемъ еще только 27 породъ, а въ европейскихъ 163. Но иногда скопляется ихъ такое огромное количество на одномъ пространствѣ, что исчисленіе ихъ представляетъ изумительныя цифры. Скорезби нашелъ ихъ въ одномъ мѣстѣ Зеленаго моря по 64 на одномъ квадратномъ дюймѣ; а какъ пространство, которое они покрывали, составляло вѣскольکو морскихъ миль, то каждая квадратная миля должна была заключать въ себѣ 23,880 билліоновъ.

Эхинодермы (колючія лучистыя животныя). Эти маленькія животныя живутъ на днѣ моря и имѣютъ самыя слабыя двигательныя органы. Ихъ знаютъ теперь только до 250 породъ.

Аскидіи (плащеносныя животныя), тоже морскія животныя, то приросшія къ другимъ, то плавающія по волѣ волнъ и вѣтровъ. Они еще мало изучены, и не болѣе 23 породъ описано. Они представляютъ единственную аномалію въ природѣ тѣмъ, что въ сѣверныхъ моряхъ растутъ ихъ больше, нежели въ тропическихъ.

Моллюски. Этимъ животнымъ мудрено назвать географическія обиталища, потому-что, не имѣя собственнаго произвольнаго движенія, они теченіями волнъ переносятся часто въ мѣста, гдѣ развитіе ихъ сомнительно. Такимъ образомъ въ Европѣ найдено учеными болѣе породъ моллюсковъ, а вѣроятно, они принесены туда волнами изъ другихъ морей.

Цефалоподы (головоногіе моллюски). Большая часть этихъ животныхъ находится въ числѣ ископаемыхъ допотопныхъ. Теперь извѣстны только три главныя породы, подраздѣляющіяся на вѣскольکو видовъ. Они болѣе принадлежатъ американскимъ и африканскимъ морямъ.

Гельминты (глистоподобныя). Эти животныя принадлежатъ внутренности другихъ животныхъ и тѣсно связаны съ ихъ существованіемъ. Болѣе 800 породъ извѣстны и описаны. Каждая порода животныхъ имѣетъ свои типы и изъ 18 породъ, живущихъ въ человѣкѣ, восемь

свойственны обезьянамъ; только самое малое число породъ живетъ на водѣ, въ водѣ, въ дождевыхъ лужахъ, во мхахъ и образуется въ разныхъ настояхъ жидкостей.

Аннелиды (кольчатые черви). Изъ нихъ пиявки самая примѣчательная порода; ихъ знаютъ до 282 породъ, разумеется, болѣе всего тѣхъ, которыя обитаютъ въ Европѣ.

Циррипеды (волосоногія животныя). Породы ихъ немногочисленны; они вездѣ водятся въ моряхъ, прицѣпляясь ко всѣмъ плывущимъ тѣламъ.

Черепокожныя—до 1200 породъ, морскихъ, рѣчныхъ и земныхъ, и чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ размѣры ихъ больше, а цвѣта череповъ ярче и красивѣе.

Арахииды (пауковидныя) до 1500 породъ. Нѣкоторыя изъ нихъ микроскопическія и живутъ на тѣлахъ млекопитающихъ, птицъ и даже насекомыхъ; другія—же огромны ростомъ, особливо въ тропическихъ странахъ.

Міриаподы (тысяченожки). Эти животныя имѣютъ пять типическихъ породъ и болѣе принадлежатъ Европѣ.

Насѣкомыя. Это самый многочисленный классъ обитателей земнаго шара. Они вездѣ живутъ; но въ тропическихъ климатахъ они больше ростомъ и количествомъ. Ихъ до 300,000 породъ.

Рыбы. Ихтиологія не сдѣлалась еще полною наукою. Мы даже не знаемъ долговѣчности рыбъ, а географическое распредѣленіе ихъ едва ли возможно, потому—что, снабженныя сильнымъ плавательнымъ органомъ, онѣ переплываютъ огромныя пространства изъ одного климата въ другой; притомъ же температура воды не претерпѣваетъ такихъ измѣненій, какъ воздухъ, оттого—то полярныя рыбы заходятъ къ тропикамъ, а рыбы океана—въ рѣки. Извѣстно, что многія рыбы переходятъ съ мѣста на мѣсто огромными обществами, другія ведутъ жизнь отдѣльную. Главныя породы ихъ: а) *Хондротеригии* (хрящеватожаберныя) какъ-то: миноги, скать, осетръ и др.; б) *Раздѣльножаберныя* (*Lophobranchii*), маленькія рыбы очень странной формы. Морской конекъ (*Hippocampe*) принадлежитъ европейскимъ морямъ, а трубчатки (*Solenostome*) и пегассы—Индійскому океану; в) *Милкоперыя* (*Malacopterygii*), напримеръ: шуки, плосконы ошибни и др.; д) *Колочоперыя* (*Acanthopterygii*), самая многочисленная порода рыбъ, принадлежащая наиболѣе индійскимъ морямъ.

Пресмыкающіяся. Этотъ классъ животныхъ раздѣляется на четыре разныя группы: лягушки, змѣи, ящеры и черепахи.

Птицы. Пѣвочныя животныя съ теплою кровью, составляющія множество разнообразныхъ породъ, которыя разнятся какъ образомъ, такъ и мѣстомъ жизни, хотя общее устройство этихъ твореній и означаетъ кругомъ ихъ дѣйствія воздухъ; ихъ можно раздѣлить на три постепенныя разряда. Къ 1-му принадлежатъ всѣ породы утокъ, гусей и прочихъ водныхъ птицъ; ко 2-му всѣ вообще птицы, бы-

стрелетающія въ воздухѣ, а къ 3-му страусы и всѣ тяжелокрылыя, могущія только бѣгать. Одно изъ странныхъ свойствъ птицъ состоитъ въ ежегодной эмиграціи весной къ сѣверу, а осенью—къ югу, такъ-что долго спорили о томъ: гдѣ-же ихъ настоящее отечество? Птицъ вообще считаютъ до 6000 породъ, подраздѣляющихся на слѣдующіе классы: а) *Воробьиная порода* (Passeres), которой виды самые многочисленныя и всюду разсѣяныя; ихъ считаютъ до 3000 видовъ; б) *Ланчатая* (palmipedes), составляющая водныхъ птицъ, живущихъ рыбами, моллюсками и водными насекомыми; в) *Голенастая*, прибрежныя птицы, наиболѣе свойственныя умѣренному поясу, какъ-то: аисты, журавли, бекасы и др.; д) *Куриная порода* (gallinaseae) довольно известна по домашнему употребленію; е) *Голубиная*, разсѣянная по всему земному шару; ф) *Соединенно-пальма* (syndactyles), болѣе свойственныя жаркому климату, какъ-то: попугаи, сойки, кукушки и проч.; г) *Хищныя птицы*—орлы, соколы, ястребы и т. п.

Млекопитающія. До водворенія человѣка на землѣ, это были совершеннѣйшія животныя земнаго шара по своему организму. Классъ этотъ самый сложный и изящный. Физическія качества всѣ есть въ животныхъ; моральныхъ очень мало и тѣ пріобрѣтены въ сообществѣ съ человѣкомъ. Будучи одарены движеніемъ, они не могутъ, однакожъ, переходить изъ своего отечества въ другое; рѣки, горы и разность климата не допускаютъ ихъ до переселеній. Между ними остались теперь гиганты всего творенія. Человѣкъ великъ и силенъ только умомъ. Формы организма этихъ животныхъ соответствуютъ мѣстамъ, въ которыхъ они обитаютъ. Вотъ породы ихъ: а) *Китовая порода*. б) *Жвачко-жующія*. Центръ происхожденія ихъ—средняя Азія; Африка и Океанія. Олени и быки принадлежатъ Азіи; антилопы—Африкѣ. Козы, бараны и быки есть вездѣ, кромѣ Австраліи, гдѣ нѣтъ ни одной жвачко-жущей породы. в) *Толстокожія* (rasydermates). Это самыя огромныя четвероногія земнаго шара, и главные породы ихъ принадлежатъ теплымъ странамъ: слонъ, носорогъ—Азіи и Африкѣ, тапиръ—Южной Америкѣ, верь—Европѣ; д) *Беззубыя*, наиболѣе принадлежатъ Америкѣ, какъ лѣнницы, тридонты и проч. е) *Грызуны*—самая малевкая порода млекопитающихъ. Она разсѣяна по всѣмъ странамъ земнаго шара. Векша, крыса и заяцъ составляютъ самыя многочисленныя виды этой породы. ф) *Двуутробка*, наиболѣе принадлежитъ Новой Голландіи. г) *Плотоядныя*. Жаркій климатъ болѣе всего изобилуетъ этими звѣрьми кошачей породы. На сѣверѣ медвѣдь и волкъ представители плотоядныхъ. б) *Насѣкомоядныя*. Эта порода немногочисленна. Землеройки, кроты, составляютъ главные ихъ виды. и) *Ноюкрылыя* (cheiropterygii), какъ-то: летучія мыши, вампиры и т. п. к) *Четверорукія*. Эта порода, наиболѣе сходствующая съ человѣкомъ, принадлежитъ жаркимъ климатамъ. Ихъ три главные вида. Первый принадлежитъ Азіи, Океаніи и Африкѣ, второй Южной Америкѣ, третій Малагаскару. На Суматрѣ, Борнео и Явѣ обитаютъ самыя великоросліе орангутанги.

Человѣкъ. Онъ стоитъ въ главѣ всѣхъ созданий; но, не смотря на видимое единство первороднаго типа, подраздѣляется на многія породы, которыя разнятся между собою во многомъ. Отличительною чертою человѣка—космополитизмъ. Онъ не связанъ ни климатомъ, ни горами, ни морями. Вся земля принадлежитъ ему. Параллель между нимъ и животными очень незатруднительна. Послѣднія имѣютъ врожденный инстинктъ для сохраненія себя и питанія. Вседневныя ихъ занятія одни и тѣ же. Муравьи, пчелы, бобры, какъ умнѣйшія изъ животныхъ, дѣлаютъ то же самое теперь, что дѣлали тысячу лѣтъ назадъ. Законы, по которымъ они живутъ, не измѣняются. Человѣкъ же все стремится къ лучшему. Животныя останутся все тѣ же. Если общественныя условія человѣка не вездѣ еще одинаковы, то въ будущемъ, вѣроятно, достигнетъ онъ лучшаго, потому что теперь дошелъ уже до большаго усовершенствованія во всемъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было за двѣ тысячи лѣтъ, и даже гораздо ближе. Человѣкъ созданъ для общества; одинокимъ онъ жить не можетъ. Связь семейства, столь ничтожная у прочихъ животныхъ, у человѣка чрезвычайно важна. Она первая породила законы патріархальной власти. Брачныя союзы соединили людей въ нѣсколько семействъ и произвели первое гражданское общество. Чтобъ управлять имъ, явились начальники и законы. Составились народы, языки, правленіе. Займемся разсмотрѣніемъ разныхъ человѣческихъ породъ, разсѣянныхъ по землѣ; ихъ три: *черная, желтая и бѣлая.*

Это три видоизмѣненія первобытнаго типа. Исслѣдованія анатомиковъ доказали, что есть въ этихъ трехъ людскихъ породахъ различіе. Въ черной породѣ, напримѣръ, мозговая масса меньше, нервы толще при своемъ началѣ, цвѣтъ крови темнѣе; даже въ плодотворительной жидкости есть черноцвѣтное начало. Паразиты чернокожаго тѣла тоже другаго свойства, отчего происходитъ особый запахъ отъ негровъ. Что касается до *желтой* породы, то хотя различіе ея съ бѣлою и не такъ рѣзко, но въ частяхъ таза, или брюшной полости, какъ равно и въ гармоніи прочихъ членовъ, есть видимая разность.

Нижшую породу составляетъ черная. Волосы ея курчавы, шерстообразны голова мада и сжата; понятливость тупа; физическія побужденія сильны; общественный порядокъ этого племени основанъ на силѣ; промышленность ихъ ничтожна, и вездѣ, гдѣ они смѣшаны съ бѣлыми, послѣдніе владычествуютъ надъ ними. Женщина у нихъ не подруга, а самка; многоженство дозволено. Религія—грубый фетишизмъ, порожденный страхомъ; жрецы—каста колдуновъ и обманщиковъ. Нѣкоторые лица этого племени сдѣлались знамениты, но изъ подражанія бѣлымъ. Собственной изобрѣтательности у нихъ нѣтъ. Изъ негра можно сдѣлать хорошаго воина, дипломата, художника, ремесленника, но ученаго—никогда. Языки ихъ также бѣдны, какъ идеи. Письменныхъ памятниковъ у нихъ нѣтъ. Исторія ихъ неизвѣстна. Типъ этой породы занимается западный берегъ Африки; самые жалкіе по берегамъ Сенегала, Гамбин, въ об-

лестяхъ Конго, Жоанго, Бенгуалы. Негры Восточной Африки уже не такъ черны и съ плоскими волосами, вѣроятно, отъ смѣшенія съ индійскимъ племенемъ. На югѣ Кафры и Готтентоты представляютъ двѣ различныя породы: первые—облагороженные негры; послѣдніе на высшей степени челоѳчества. Далѣе, черная порода перешла на острова Молуккскіе и далѣе, но ужъ смѣшанная съ туземцами. Папуасы населяютъ Ново-Гебридскіе острова, Новую Коледонію, Новую Голландію, и т. д. Въ Новой Гвинее находятъ еще негровъ, но ужъ смѣшанныхъ съ малайскимъ племенемъ. Итакъ полоса между тропиками заключаетъ въ себѣ типъ черной породы, которой развитіе дѣлеко простирается.

Желтая порода имѣетъ главнымъ обиталищемъ Восточную Азію до Ганга. Къ ней принадлежатъ китайцы, японцы, корейцы, монголы, бирманцы, сіамцы и другіе, до сѣверныхъ предѣловъ этого материка, то есть отъ 152 до 75 градуса сѣверной широты. Цвѣтъ кожи этой породы желтый со всѣми оттѣнками и измѣненіями отъ мѣстностей и смѣшенія между собою. Лицо плоское, скулы выдавшіяся, носъ широкій, глаза узки, волосы черные, борода рѣдкая. Понятливость этихъ народовъ доказываетъ только древность ихъ существованія. На какой точкѣ она была тысячу лѣтъ тому назадъ, на той и теперь.

Это племя бросило свои вѣтви въ Европу и въ Америку. Въ первой оно обитаетъ на сѣверовостокѣ, а во второй составило породу эскимосовъ.

Краснокожее племя Америки должно происходить отъ желтой азиатской породы. Такъ по-крайней-мѣрѣ заключаютъ ученые по теперешнему состоянію науки. Письменной исторіи нѣтъ у американцевъ, а сохраняются только преданія и даже есть памятники о существованіи когда-то между ними народа образованнаго и многочисленнаго.

Бѣлое племя принадлежитъ Европѣ и Западной Азіи, начиная съ береговъ Аральскаго моря. Это совершеннѣйшій типъ людской породы. Гармонія формъ и организма соединена съ развитіемъ понятливости. Цвѣтъ кожи бѣлый, глаза большіе, открытые, волосы длинные, мягкіе, лобъ высокъ. Этотъ типъ подраздѣляется на два племени: одно съ голубыми глазами и свѣлорусыми волосами, другое съ черными глазами и темными волосами. Понятливость первыхъ выше и быстрѣе развивается; но чѣмъ болѣе они мѣшаются съ другими, тѣмъ болѣе качества ихъ упадаютъ. Бѣлое племя мало-по-малу вторгается въ другія и, вѣроятно, заставитъ переродиться всѣ прочія. Европейское общество еще молодо, но сдѣлало уже такіе быстрые успѣхи во всемъ, касающемся того племени до общезитія, что, вѣроятно, будущее усовершенствованіе рода челоѳческаго произойдетъ отъ усилій. Языки его ясны и чисты. Во всѣхъ есть письменные памятники, которые перейдутъ въ потомство. Женщина у него—подруга и имѣетъ весьма важное вліяніе на нравственное образованіе челоѳчества. Дѣти принадлежатъ уже не одному свосму семейству, но и государству. Каждое лицо, каждая собственность ограждены законами, и по мѣрѣ, какъ просвѣщеніе распространяется на низшіе классы общества, улучшаются и кодексы, соотвѣтственно потребностямъ каждаго.

Подраздѣлительные виды кавказскаго племени состоятъ изъ индійскаго, арабійскаго и малайскаго. Но индійское племя, хотя имѣющее тысячелѣтнѣя древности, далеко отстало во всѣхъ отношеніяхъ отъ чисто-бѣлаго. Раадъ на касты остановилъ въ самомъ началѣ всякое стремленіе, всякую возможность къ успѣхамъ. Бѣлое европейское племя, далеко оставя за собою всѣ прочія породы, готовится себѣ владычество ума и просвѣщенія надъ ними.

Могутъ ли кометы столкнуться съ Землею? — Гиндъ въ Лондонѣ и Медлеръ въ Дерптѣ издали недавно популярныя сочиненія о кометахъ. О возможности столкновения этихъ блуждающихъ тѣлъ съ Землею они пишутъ слѣдующее:

Кометы, обтекающія пространство мірованія по всѣмъ направленіямъ, могутъ, конечно, сойтись съ Землею; но, по исчисленіямъ Араго, возможность подобнаго столкновения представляетъ пропорцію 1,250 милліоновъ; слѣдственно, считая восемь кометъ въ годъ, окажется *одинъ* возможный случай въ тридцать одинъ милліонъ лѣтъ.

Съ двумя кометами въ послѣднихъ столѣтіяхъ, а именно: съ кометою 1680 года и съ кометою Бѣлы, Земля сходилась близко, потому что орбиты ихъ пресѣкаютъ эклиптику. Но въ оба раза Земля отстояла въ минуту пресеченія отъ эклиптики на нѣсколько милліоновъ миль отъ угрожаемаго пункта.

Комета 1770 года ближе всѣхъ подходила къ Землѣ. Перваго іюля того года подходила она къ ней на разстояніи 363 земныхъ радіусовъ, то-есть на 311,940 миль, въ шесть разъ дальше луны.

Большія кометы 837 года, 1402 и 1472 должны были тоже близко подходить къ Землѣ, а маленькая комета, которую въ 1826 году наблюдалъ Флогергъ, угрожала тоже близкимъ сосѣдствомъ.

Но Лиднеръ пишетъ, что при самомъ столкновеніи подобныхъ тѣлъ, все зависитъ отъ вещества, составляющаго ихъ. Землю нашу мы знаемъ. Еслибъ съ ней столкнулось тѣло равной величины и плотности, то послѣдствія были бы, разумѣется, самыя ужасныя. Но составъ кометъ самый незначительный, почти газообразный и потому самыя послѣдствія столкновения совершенно безопасны.

Гораздо вѣроятнѣе столкновение съ хвостами кометъ, простирающимися иногда на огромное разстояніе отъ ядра ихъ. Напримѣръ 26 іюня 1819 года Земля прошла сквозь оконечность хвоста кометы, находившейся между нею и солнцемъ, пробывъ нѣсколько часовъ въ этомъ хвостѣ; но въ это время, во весь годъ не было на землѣ никакой ощутительной перемены въ атмосферическомъ и другихъ отношеніяхъ, такъ-что, кромѣ астрономовъ, никто и не зналъ объ этомъ обстоятельстве.

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Томасъ Стотгердъ. — Имя живописца Стотгерда едва извѣстно за предѣлами Англіи; даже въ своемъ отечествѣ толпа его не знаетъ, а помнятъ только истинные художники. И, однакожь, онъ замѣчательный артистъ, одаренный поэтическимъ дарованіемъ въ высокой степени. Всѣ прелестнѣйшіе рисунки въ книжкахъ, альманахахъ, принадлежатъ Стотгерду. Послѣдователи его и подражатели Карбольдъ, Вестелль, Человъ, Рейтъ, Стиркъ, были гораздо популярнѣе его, имѣя менѣе дарованія.

Эта историческая несправедливость объясняется числомъ и годами: Стотгердъ родился въ 1755 г., умеръ въ 1834; то-есть скончался тогда, какъ начиналъ развиваться всеобщій вкусъ къ подобнымъ произведеніямъ, пробужденный его же успѣхами и талантомъ. Еслибъ слава его началась двадцатью годами ранѣе, онъ бы въ двадцать разъ побрѣлъ болѣе извѣстности.

Отецъ его былъ трактирщикомъ въ Юркшейрѣ, въ Лондонѣ. При рожденіи единственнаго сына, положилъ онъ въ государственные фонды 1200 фунтовъ стерлинговъ на имя ребенка, и матери для полученія пожизненнаго дохода.

Когда ребенку минуло пять лѣтъ, его отдали на воспитаніе къ старой теткѣ, гдѣ онъ со скуки принялся срисовывать картины, висѣвшія на стѣнѣ. Отецъ его, узнавъ объ этомъ, послалъ ему ящикъ съ красками, но ребенокъ не зналъ что съ нимъ дѣлать.

Когда отецъ его умеръ, Стотгердъ былъ уже четырнадцати лѣтъ. За годъ передъ тѣмъ помѣстили его отецъ въ школу, откуда мать взяла его и отдала въ ученіе къ одному рисовальщику набойныхъ матерій. Тогда (въ 1770 году) была въ модѣ парча, и для нея истощали рисовщики все свое искусство. Но, по счастью, Стотгердъ отданъ былъ на семь лѣтъ въ ученіе, а черезъ пять перестали носить парчу.

Со скуки, молодой живописецъ сталъ тогда заниматься эскизами изъ Гомера, и *Королевы фей* Спенсера, и вдова учителя его вставляла ихъ въ рамки и вѣшала въ своемъ магазинѣ. Этотъ незначущій случай рѣшилъ судьбу Стотгерда.

Однажды два посѣтителя пришли въ магазинъ что-то заказывать, и покуда одинъ объяснялъ въ чемъ дѣло, другой разглядывалъ, отъ чего дѣлать, рисунки по стѣнамъ. Эскизы Стотгерда поразили его. Онъ подозвалъ товарища: тотъ тоже одобрилъ ихъ. Позвали Стотгерда и заказали ему одинъ рисунокъ, давъ напередъ полгинеи. Это былъ издатель *Novelist-Magazin* Гаррисонъ.

Съ этой минуты началось художническое поприще Стотгерда. По гиней рисунокъ, сдѣлалъ онъ сто-сорокъ-восемь виньетокъ для этого журнала. По семи шиллинговъ платили ему за виньетки театральныя пьесы (обыкновенно портретъ главнаго дѣйствующаго лица), и по шести за раскрашенныя буквы и разные орнаменты.

Эта легкая работа не оставляла, однакожь, дальнѣйшаго развитія его таланта. Въ Society of Artists выставилъ онъ масляными красками *Святое Семейство*, и за это допущенъ былъ въ Королевское общество живописи ученикомъ; ему отвели тамъ и квартиру.

Тутъ онъ пользовался совѣтами пейзажнаго живописца Вильсона и пристрастился къ произведеніямъ Альберта Дюрера. Дѣтомъ, когда академія закрывалась, онъ отправился одинъ писать съ натуры ландшафты, и этими путешествіямъ обязаны мы появленіемъ *Сельскаго яраздника*, *Декамерона* и иллюстраціи *Робинсона Крузоа*.

Однажды, возвратясь домой, увидѣлъ онъ, что няня, бывшая у него въ услуженіи, употребила на растопки уже половину рисунковъ его изъ картона. Сперва это его поразило, но потомъ, видя, что этого воротить нельзя, онъ спокойно сказалъ ей:

«Женщина! знаешь ли, что ты сожгла десять замковъ, пять деревень и два города?»

Во время одной изъ прогулокъ съ двумя товарищами-артистами взяли ихъ всѣхъ подъ стражу, подозревая, что они французскіе шпионы. Дѣло вскорѣ потомъ объяснилось; но Стотгердъ написалъ на этотъ случай очень нилую картину.

Вскорѣ онъ женился, и по любви. Бракъ былъ счастливъ во всю жизнь художника. У него было одиннадцать дѣтей, но въ живыхъ осталось четыре.

Въ 1791 году извѣстность его возрасла до того, что онъ былъ сдѣланъ членомъ академіи. Въ это время онъ пристрастился къ Рафаэлю, и всѣ его тогдашнія работы отзываются этою склонностью. *Сонъ Іакова*, *св. Иоаннъ, проповѣдующій въ пустынь*, *Руевъ и Воозъ*, и рисунки *потерянный рай* обнаруживаютъ вліяніе великаго итальянскаго мастера.

Съ 1799 по 1803 расписывалъ онъ лѣстницу въ великолѣпномъ замкѣ маркиза Эксетера и получилъ за это 1300 фунтовъ стер. (7800 руб. сер.); онъ производилъ эту работу дѣтомъ, а зимою весь принадлежалъ издателямъ-книгопродавцамъ.

Въ 1794 году избрала его Королевская Академія членомъ, и картина, которую онъ представилъ при приѣмѣ, изображала *Милосердіе*. Послѣ того написалъ онъ *Шобду*.

Въ 1815 году отправился онъ во Францію, посмотреть въ Луврѣ на всѣ чудеса искусства, собранныхъ Наполеономъ. Онъ былъ въ совершенномъ упоеніи, и итальянская школа опять отразилась въ его произведеніяхъ. Однако-же, образуя въ это время одного изъ своихъ сыновей и уча его живописи, онъ заставлялъ его изучать готическіе памятники въ Еврѣцѣ, и молодой этотъ человекъ издалъ замѣчательное въ своемъ родѣ сочиненіе о древнихъ памятникахъ Англіи. (*Monumental Effigies of Great Britain*).

Отличительною чертою таланта Стотгерда было то, что онъ во всемъ искалъ истины и природы. Портреты, пейзажи и проч. нравились ему только тогда, когда онъ находилъ въ нихъ натуру.

Въ это время слава Стотгерда достигла до апогея—двумя извѣстными картинами: *Боадйцея, британская королева* и *Кантерберійскіе пилигримы*. Въ первой Боадйцея изображена на колесницѣ, одушевляющая свое войско на предстоящую битву съ римлянами. Около нея надежнѣйшіе ея герои. Вдали видны длинныя линні римскихъ войскъ. Картина достойна эпопей: величіе, созданіе, колоритъ—все превосходно.

Еще болѣе шибла успѣха другая картина, обогатившая Кромекя, который у него купилъ ее за 60 фунт. стер.

Въ 1814 году, когда союзные монархи съѣхались въ Англію, Стотгердъ писалъ для нихъ разныя декорационныя картины.

Вскорѣ потомъ лондонское купечество рѣшило поднести герцогу Веллингтону серебряный щитъ—и Стотгердъ побѣдилъ на конкурсѣ всѣхъ своихъ соперниковъ. Щитъ былъ сдѣланъ по его рисункамъ и даже по его моделямъ.

Въ 1817 году былъ онъ сдѣланъ библіотекаремъ академіи. Въ 1821 расписалъ потолокъ адинабургской библіотеки, и въ томъ же году выставилъ въ Сомерсетъ-Гаузѣ картину: *собираніе винограда*, въ которой весьма удачно соединилъ прелесть Тиціана съ богатствомъ колорита Рубенса.

Въ 1825 (Стотгерду было уже семьдесятъ лѣтъ) составилъ онъ иллюстраціи къ сочиненіямъ Самуила Роджерса и къ новому изданію Шекспира.

Послѣднія его работы были въ букингамскомъ дворцѣ. Сюжеты этихъ картинъ взяты изъ исторіи междоусобій Двухъ Розъ—и вотъ собственноручный счетъ его суммамъ, которыя онъ получилъ за эту работу:

За четырехъ амуровъ	63	ф. стер.
— четыре времени года	63	—
— четыре картины въ главной залѣ	147	—
— Аполлона и Музъ въ южной залѣ	31	—
— Аполлона и поэтовъ	31	—
— — и дѣтей	15	—
— дѣтей и зеленъ	63	—

Всего 436 —

Что теперь сказать объ общемъ характерѣ его таланта? Во всѣхъ его картинахъ видна нѣкоторая аффектація, хотя вездѣ видно то же высшее искусство, прелесть и естественность. Только на двухъ картинахъ коснулся онъ чисто-драматическихъ предметовъ, а именно: Сонъ Ричарда III наканунѣ Босвортской битвы, гдѣ, у изголовья, изображены всѣ его жертвы. Другая картина: *Юноши ночи*, гдѣ онъ изобразилъ *Разгульную бесѣду*. Тутъ одинъ гость опрокидываетъ столъ и пьяныхъ своихъ товарищей, одною рукою поднимаетъ чашу съ пылающими

пунишемъ, а другою душитъ послѣдняго собутыльщика. Кто-же этотъ ужасный гость? Вглядитесь хорошенько—и вы узнаете *Смерть въ одеждѣ невоодержимости*. Если сравнить Стотгерда съ Гогартомъ, то послѣдній побѣждаетъ своею смѣлостью, а первый—тонкостью насмѣшки. Въ семейной жизни своей Стотгердъ на старости лѣтъ испыталъ много несчастій: три сына его умерли раньше его, а въ 1825 потерялъ онъ и жену. Печаленъ разскажъ о смерти одного изъ сыновей, который былъ нечаянно убитъ другимъ маленькимъ, игравшимъ съ нимъ и спустившимъ курокъ ружья, о которомъ не зналъ, что оно заряжено.

Въ этотъ день отпросился этотъ ребенокъ у отца поиграть съ товарищемъ, и Стотгердъ, отпустивъ его, пошелъ къ женѣ своей, которая одѣвалась идти гулять съ мужемъ. Она стояла передъ зеркаломъ, повернувшись спиною къ мужу и разговаривала съ нимъ о платьѣ, котораго ей не принесли. Вдругъ она вскричала:

— Что ты тутъ дѣлаешь, Томъ?.. Сбѣгай лучше внизъ, да посмотри, не принесли-ли мое платье?

Съ удивленіемъ посмотрѣлъ Стотгердъ вокругъ себя и сказалъ жентѣ, что Томъ отпущенъ въ гости.

— Но я его сейчасъ видѣла тутъ, въ зеркалѣ... у кровати... онъ какъ-будто хотѣлъ ко мнѣ броситься...

Оба супруга съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга и замолчали. Въ эту минуту у вѣшнихъ дверей раздался стукъ. Вошли два человѣка и требовали позволенія поговорить съ г. Стотгердомъ наединѣ.

— Это о Томѣ! вскричала мать.—Съ нимъ вѣрно что-нибудь случилось.

Дѣйствительно, эти люди объявили, что ребенокъ убитъ.

Послѣ смерти своихъ сыновей, Стотгердъ началъ самъ видимо склоняться къ мигнѣ безъ всякой болѣзни, кромѣ глухоты.

Осенью 1833 года наѣхала на него разъ на улицѣ карета, и хотя онъ поправился отъ полученнаго удара, но вскорѣ почувствовалъ, что силы его уже истощились.

Въ это время сынъ его, Альфредъ, бывшій граверомъ, дѣлалъ рисунокъ для палаты Вестминстерской Центральной Національной школы. Отецъ хотѣлъ поправить положеніе фигуры на рисункѣ, карандашъ уже не слушался его.

Жизнь его протянулась однакожь до весны 1834 года. Онъ не страдалъ, но угасалъ помаленьку; наконецъ слегъ въ постель и чрезъ двѣ недѣли умеръ на рукахъ сына своего, Альфреда.

Британскій музей собралъ *четыре тысячи* гравюръ, по рисункамъ Стотгерда: это самая многочисленная коллекція, какая существуетъ, и она еще неполная.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬ- НЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Нарядъ супруги дельйскаго султана. — Мистрисъ Макензи имѣла случай, во время пребыванія своего въ Остѣ-Индіи, въ 1850 году, видѣть *іенану* (гаремъ) дельйскаго владѣтеля и ей дозволено было списать портретъ супруга его. Мистрисъ Макензи была приведена во дворецъ, въ комнаты султана. Онъ былъ старъ, худошавъ и слабъ, но съ пріятнымъ и добродушнымъ лицомъ. Совсе не заботясь о приходѣ англичанки, онъ сидѣлъ у кровати съ серебряными ножками, курилъ гуку, и около него суетилась толпа женщинъ для прислугъ; одна старуха терла ему ноги.

Когда ему напомнили о присутствіи англичанки, онъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ, что желаетъ имѣть портретъ султанши *Цинать-Месуль-Бегумъ* (украшеніе дворца). Мистрисъ Макензи тотчасъ-же изъявила готовность исполнить волю султана, но султанша очень долго не выходила по причинѣ продолжительнаго туалета. И что за туалетъ! Въ ухахъ ея висѣло пять паръ серегъ, на шеѣ множество цѣпочекъ, въ носу блистало кольцо, привязанное къ ушамъ посредствомъ жемчужныхъ нитокъ, голова была закрыта множествомъ украшеній, пальцы едва были видны отъ множества перстней. Платье все было изъ красной кисеи съ золотымъ шитьемъ. Въ рукѣ держала она гуку (трубку); позади креселъ ея стояли двѣ прислужницы съ большими опахалами. Она была очень дородна съ полусонными, безжизненными глазами, но ротъ ея былъ красивъ; волосы, какъ у всѣхъ дамъ ея свиты, зачесаны кверху, по-китайски.

Смертьъ встрѣнныхъ поѣздокъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Общество пенсильванской желѣзной дороги имѣетъ сорокъ два локомотива, дѣлающіе по 80 англійскихъ миль (120 верстъ) въ часъ, съ пассажирами или товаромъ. У общества бальтиморской и огіоской дорогъ сто сорокъ двѣ машины, и, въ числѣ ихъ, нѣкоторыя извѣстны по особенному устройству и чрезвычайной скорости, а именно: по $1\frac{1}{3}$ англійской мили въ минуту (тоже 80 миль въ часъ).

Страшная игра природы. — Въ Брестѣ, въ большомъ кофейномъ домѣ есть столъ черного мрамора, котораго жилы составляютъ въ среднѣмъ изображеніе человѣческой головы, имѣющей разительное сходство съ Людовикомъ XVI, а глядя съ противоположной стороны, голова похожа на женскую. Хотя, вѣроятно, какой-нибудь живописецъ слегка и дополнилъ направленіе мраморныхъ жилъ, но не менѣе того игра природы удивительная.

Въ Швейцаріи есть также гора, которой очерки представляютъ колоссальную фигуру Наполеона. По-крайней-мѣрѣ все путешественники ходятъ смотреть на эту игру природы и увѣрены въ сходствѣ.

Вечеръ въ Дамаскѣ. — Нѣкто Габибъ Рискъ-Дилахъ Эффенди родился въ Ливанскихъ горахъ и былъ секретаремъ владѣтеля этой области; потомъ онъ вступилъ въ турецкую службу; но здѣсь, по подозрѣнію Ибрагима-пашы, назначившаго цѣну за его голову, принужденъ былъ бѣжать къ англичанамъ, которымъ оказалъ нѣкоторыя услуги и которые взяли его въ свое покровительство. Теперь онъ въ Лондонѣ занимаетъ второстепенную дипломатическую должность. Онъ написалъ книгу, въ которой изображаетъ нравы дамасскихъ жителей.

Тамъ не зовутъ въ гости; но если ввечеру въ которомъ-нибудь домѣ слышны звуки музыки, все сосѣди и знакомые идутъ туда и принимаются съ величайшимъ радушіемъ. Мужчины являются въ длинной шелковой одеждѣ, а женщины въ бѣлыхъ *изарахъ* (покрывалахъ). По приглашенію хозяйки, покрывала снимаются, и все общество начинаетъ заниматься вокальною и инструментальною музыкою.

По окончаніи концерта, встаютъ нѣсколько мужчинъ и начинаютъ сирійскіе танцы. Другіе производятъ бедуинскій танецъ съ саблями. Женщины долго не рѣшаются принимать участіе въ танцахъ, но наконецъ выступаютъ и онѣ. Музыка болѣе и болѣе одушевляетъ ихъ, и онѣ употребляютъ все свое искусство, чтобъ обратить на себя вниманіе общества. Танцы женщинъ болѣе состоятъ изъ позъ, въ которыхъ онѣ обнаруживаютъ всю свою прелесть. Въмѣсто аплодисментовъ, зрители опрыскиваютъ танцовщицъ розовою водою и осыпаютъ апельсинными цвѣтами.

Когда танцы утомятъ всѣхъ, начинаются игры въ фанты и всеобщая веселость еще болѣе увеличивается. Особенно занимательна игра: *тутунъ, тутунъ, нинъ тутунъ*. Каждый гость получаетъ имя птицы, дерева, или цвѣтка. Потомъ одинъ избранный гость обходитъ всѣхъ

и отбираетъ у каждаго какую-нибудь вещь. Собравъ ихъ въ платокъ, беретъ онъ оттуда одну и, приступивъ къ кому-нибудь, спрашиваетъ: *что это?* Тотъ долженъ отвѣчать: птица, дерево или цвѣтокъ. Если онъ не угадаетъ, то получаетъ по рукѣ три удара жгутомъ.

Послѣ этихъ игръ начинаются рассказы, или чтенія поэзіи. Въ описанный авторомъ вечеръ читали элегію. Вотъ буквальный переводъ ея :

«Ахъ! возможно-ли, чтобъ моя возлюбленная, съ розовыми щеками, подруга души моей, лежала обернутая въ саванъ? Этотъ языкъ, знавшій столько языковъ, теперь онѣмѣлъ! Напрасно я жду и смотрю, мнѣ страшно ея молчаніе.

«Она увяла какъ листокъ цвѣтка! Прелестное лицо ея подернулось блѣдностью смерти. Цвѣтокъ этотъ похищенъ могилою! Она навсегда для меня потеряна, и я горячо плачу объ этой потерѣ.

Разумѣется, всѣ гости, мужчины и женщины, курятъ все это время. Только молодыя дѣвушки не курятъ въ обществахъ; но онѣ закуриваютъ *маргели* для знатнѣйшихъ гостей и при этомъ сами затягиваются табачнымъ дымомъ.

Вашингтонъ Ирвингъ.—Г-жа Фредерика Бремеръ, имѣвшая случай познакомиться съ Вашингтонъ-Ирвингомъ, описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Въ трактирѣ, за общимъ столомъ, сидѣлъ старикъ шестидесяти лѣтъ съ прекрасными глазами, пріятнымъ лицомъ, привлекательною улыбкою и со всегдашнимъ веселымъ расположеніемъ духа—это былъ Вашингтонъ Ирвингъ; онъ, должно быть, одаренъ чрезвычайно-счастливымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Около него была толпа молодыхъ племянницъ, которыхъ онъ воспитываетъ и которыя его душевно любятъ. Онъ говоритъ, что природа наградила его самымъ счастливымъ качествомъ—любить все окружающее. Домъ его, или дача, стоитъ на берегахъ Гудсона и напоминаетъ идиллію. Густой плющъ покрываетъ бѣлыя стѣны дома до самой крыши, гдѣ извивается гирляндами; передъ окнами, на лугу, пасутся жирныя коровы. Вездѣ видно счастье и спокойствіе.

Хотя Вашингтонъ Ирвингъ вполне свѣтскій человекъ, но въ немъ есть какая-то нервическая робость. Его поэтическое расположеніе духа

часто сталкивается съ прозаическими подробностями жизни и возбуждаетъ въ душѣ его какую-то горечь.

Въ комнатѣ у него виситъ портретъ его, снятый въ молодости. Онъ нарисованъ самымъ красивымъ мужчиною; можетъ-быть, онъ и былъ таковъ. Однажды былъ онъ обрученъ съ прекрасною молодою дѣвушкою, которую страстно любилъ. Она умерла до брака, и съ тѣхъ-поръ Вашингтонъ Ирвингъ не искалъ ужъ ни любви, ни невѣсты; онъ ограничился любовью къ литературѣ и природѣ. Теперь онъ можетъ назваться мудрецомъ, хотя на лицѣ его нѣтъ морщинъ, а на головѣ сѣдинъ.

Музыка и библіотека въ среднихъ вѣкахъ.— Филиппъ Добрый, Карлъ Смѣлый и Маргарита австрійская были въ свое время большими покровителями музыки. Въ продолженіе XV и XVI столѣтій сдѣлала она большіе успѣхи въ Бельгій, и не только первые музыканты Франціи были бельгійцы, но и въ Италіи музыка была усовершенствована бельгійскими учителями; имена этихъ артистовъ дошли и до насъ. Жакенъ де Пре, Оберъ, Окергонъ, Жанъ Ле-Тентюрье (основавшій въ Неаполѣ музыкальную школу), Симонъ фанъ деръ Эйкенъ (капельмейстеръ Миланскаго собора); Киприанъ Роръ, Орландъ де-Летръ, котораго почитали первымъ современнымъ музыкантомъ—все были бельгійцы.

Замѣчательно также состояніе библіотекъ до изобрѣтенія книгопечатанія.

Библіотека Филиппа Добраго была богатѣйшею; и тогдашній летописецъ говоритъ, что «хоть онъ и имѣлъ лучшую въ Европѣ библіотеку, но употреблялъ, однакожь, все старанія для увеличенія ея и содержалъ во всѣхъ земляхъ ученыхъ, переводчиковъ и переписчиковъ, которые безпрестанно были этимъ заняты. Тогда многіе владѣтели почитали себя богатыми, если имѣли *восемь* книгъ. У Іоанна III, графа намюрскаго, продавалась съ публичнаго торгоу библіотека, въ которой были слѣдующія книги:

Карманный молитвенникъ (продано за 12 кронъ); романъ Розы на пергаментѣ (за 3 кроны); часть французской хроники (за 1 крону); институтъ (за 1 крону); власть князей (за 3 кроны); о судебномъ

порядкѣ (за 2 кроны); о религіи (за 4 кроны). — Это составляло всю княжескую библіотеку.

Турецкая сабля. (Сѣверо-американскій рассказ). — Въ Американскихъ газетахъ безпрестанно являются такъ называемыя *утки*. Янкамъ ничего не стоить воскресить давно умершаго человѣка и заставить его издавать свою біографію. У нихъ поминутно являются претенденты на всѣ великія имена Европы и рассказываютъ о себѣ самыя удивительныя вещи. Вотъ одна изъ самыхъ странныхъ и новыхъ *утокъ*.

Нѣкто французъ, маіоръ Графинья, бывшій во всѣхъ Наполеоновскихъ походахъ, получилъ отставку и пенсію, и какъ во Франціи всѣ его предпріятія не удавались, онъ отправился въ Америку, искать счастья.

Здѣсь увидѣлъ онъ, что лихорадочная дѣятельность жителей представляетъ непреодолимое соперничество новопріѣзжему во всѣхъ занятіяхъ. Онъ рѣшился удалиться къ крайнимъ предѣламъ цивилизаціи, и, послѣ величайшихъ трудностей и опасностей достигъ береговъ Миссури. Тамъ, въ Сальто-риверской долинѣ (которая тогда еще составляла крайнюю точку границъ Соединенныхъ Штатовъ), гдѣ онъ хотѣлъ поселиться, встрѣтили его ружейными выстрѣлами, потому-что онъ вздумалъ отдохнуть на нѣ, сваленномъ недавно другимъ переселенцемъ.

Наконецъ узналъ онъ, что недалеко оттуда живетъ одинъ старый французъ, устроившій себѣ домъ въ родѣ блокгауза и охотно принимающій къ себѣ всѣхъ соотечественниковъ. Маіоръ Графинья отправился къ нему.

Тотъ лежалъ больной въ постели. Во всемъ домѣ никого не было: очевидно, что несчастный долженъ былъ умереть, не имѣя никакой помощи и попеченій. Онъ чрезвычайно обрадовался, услышавъ шаги живаго существа, приближавшагося къ нему:

— Возможно-ли! — вскричалъ больной старикъ. — это солдатскіе шаги. Кто идетъ?

— Соотечественникъ и другъ! отвѣчалъ Графинья и, подойдя къ кровати, съ чувствомъ состраданія посмотрѣлъ на черты старика, борющагося со смертію.

— Какое счастье! — сказалъ онъ: — еще разъ въ жизни слышу я звуки роднаго языка. Вы были солдатомъ?

— Во времена Имперіи...

— Въ какихъ сраженіяхъ были вы?

— Во всѣхъ: въ Италіи, Египтѣ, Германіи, Россіи.

— И я тоже!—сказалъ старикъ.—Въ какомъ корпусѣ, въ какомъ полку служили вы?

— Въ старой гвардіи?.. Последнимъ нашимъ дѣломъ было Ватерлоо.

— Дайте мнѣ вашу руку. И я былъ вездѣ, кромѣ последней битвы... О! еслибъ я тамъ былъ, кто знаетъ, не иначе ли кончилось бы это сраженіе... А были ли вы при пирамидахъ?

— Какже! я тамъ былъ раненъ и служилъ въ дивизіи Дезе.

— А! помню. Вы были окружены со всѣхъ сторонъ кавалеріею. Я видѣлъ, что вамъ приходилось худо...

— Да! мы обязаны были своимъ спасеніемъ храброму Мюрату. Никогда не забуду атаки, которою онъ опрокинулъ непріятеля въ Нилѣ. Со времени рыцаря Баарда не было такого храбреца.

— О! сколько событій приводите вы мнѣ на память... Какое сладостное чувство согрѣваетъ мое сердце... Сегодня поутру думалъ я, что не переживу этого дня. Теперь чувствую, что приходъ вашъ, а еще болѣе военныя воспоминанія разогрѣли меня, оживили...

Дѣйствительно, съ этой минуты старикъ, Пьеръ Лаверди, поправился, благодаря пошеченіямъ маіора Графиньи, всталъ съ постели и могъ выходить. Но это была послѣдняя вспышка жизни, воскресшей при воспоминаніяхъ прошедшаго. Вскорѣ онъ опять слегъ, и на этотъ разъ понималъ, что ему ужъ не встать. Онъ послалъ за ближайшимъ мирнымъ судьей, составилъ завѣщаніе, оставилъ все свое имущество маіору Графиньи; и когда они остались одни, то подозвалъ его къ постели и сказалъ ему слѣдующее:

— Вы еще не знаете, любезный маіоръ, кто я. Пьеръ Лаверди не настоящее мое имя. Истиннаго я не могу вамъ открыть, потому что далъ клятву не открывать его. По завѣщанію моему, должны вы будете съѣздить въ Европу и вручить одному лицу вещь, которую вы у меня найдете. Тогда откроется кто я. Всякое преждевременное открытіе стоило-бы жизни тому, кто меня спасъ. Знайте, что весь свѣтъ почитаетъ меня ужъ двадцать лѣтъ умершимъ. По стеченію самыхъ печальныхъ обстоятельствъ, былъ я въ 1815 году приговоренъ судомъ къ казни. Она должна была совершиться ночью. По прочтеніи мнѣ приговора, отвели меня въ тюрьму, гдѣ я долженъ былъ пробыть до той минуты, какъ меня вызовутъ на смерть... Вдругъ

услышалъ я, что дверь моей темницы отворяется; кто-то, въ военномъ плащѣ, вошелъ ко мнѣ. Не давъ времени сказать мнѣ слова, онъ сталъ передо мною на колѣни, поцаловалъ мою руку и сказалъ:

— Я служилъ и сражался подъ вашимъ начальствомъ. Подъ Смоленскомъ спасли вы мнѣ жизнь. Я хочу теперь спасти васъ, или умереть вмѣстѣ съ вами. Я караульный сержантъ; моему взводу назначено разстрѣлять васъ. Какъ скоро послѣдуютъ выстрѣлы, упадите пичкомъ и лежите безъ малѣйшаго движенія. Прочее предоставьте мнѣ.

Сказавъ это, онъ ушелъ. Вскорѣ раздался глухой звонъ колокола. За мною пришли и повели меня на площадку, гдѣ, у шеста, повѣшенъ былъ фонарь. Глубокая темнота препятствовала мнѣ разсмотрѣть окружающія меня лица; меня привели къ шесту и поставили. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ взводъ солдатъ. Имъ командовали; раздались выстрѣлы—и я упалъ. Кто-то приказалъ принести приготовленный для меня гробъ и похоронить мое тѣло.

Площадка опустѣла. Ко мнѣ быстро подошелъ кто-то, и знакомый голосъ шепнулъ:

— Поскорѣ вставайте. Ружья были заряжены холостыми зарядами. Сейчас принесутъ гробъ и похоронятъ въ немъ кирасира, котораго вчера разстрѣляли. Мы его отрыли и положимъ на ваше мѣсто. Бѣгите. Вотъ узелокъ съ платьемъ и деньгами. Бѣгите въ Америку, но и тамъ—дайте мнѣ честное слово, что до кончины своей не откроете никому своего имени.

Я далъ ему руку и скрылся. Счастливо пробрался я къ морскому берегу и, въ одеждѣ простаго матроса, успѣлъ попасть на американское судно, которое привезло меня сюда. Здѣсь я помѣстился въ самомъ отдаленномъ краю и провелъ въ неизвѣстности двадцать лѣтъ. Судьба послала мнѣ васъ, любезный Графинья: вы уследили послѣдніе дни моей жизни; вамъ отдаю я все, что у меня есть... но вотъ мое условіе и приказаніе умирающаго: когда вы меня похороните, то въ комодѣ моемъ, въ нижнемъ ящикѣ, найдете свертокъ, который передайте... тому кто... когда-нибудь будетъ играть политическую роль въ нашемъ семействѣ... скажите ему...

Тутъ голосъ старика прервался. Майоръ думалъ, что больной усталъ и хочетъ отдохнуть... онъ былъ уже мертвъ.

Похоронивъ тѣло его, Графинья собралъ все его имущество и отправился въ Европу съ порученнымъ ему сверткомъ.

Въ 1848 году явился Графиня къ президенту Французской республики и поднесъ ему этотъ свертокъ.

Въ немъ была турецкая сабля съ надписью:

«Наполеонъ, своему Юахиму Мюрату;

Аустерлицъ, 20 декабря 1805 года.

Вѣсти парижской жизни. (Письмо изъ Париза). Скажемъ нѣсколько словъ объ Итальянскомъ театрѣ, который открылся въ самомъ великолѣпномъ видѣ. Туалеты были самыя роскошныя, какія только могла придумать мода. Итальянскіе пѣвцы дебютировали *Ченерентолою* съ г-жею Альбони Тамбурини, Гардони и tutti quelli ama il publico. Зала была полна; мѣста всѣ раскуплены за нѣсколько дней до представленія, такъ-что въ этотъ день невозможно было за тысячу франковъ достать никакого билета. Голосъ г-жи Альбони, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, но сохранилъ всю свою прелесть и вѣжность; онъ выходитъ прямо изъ души, и потому его слушаютъ не одними ушами, но и сердцемъ, и чувствуютъ волненіе, которое пѣвица хочетъ передать публикѣ. Корти, бывшій директоръ Оперы не хотѣлъ управлять ею еще годъ, безъ сильной поддержки со стороны правительства, и отказался отъ дирекціи, что должно было предвидѣть. Кто же занялъ теперь его мѣсто? Старый полковникъ Рагана, живущій всего состоянія только шестьдесятъ тысячъ франковъ. Одна Альбони будетъ получать двѣ тысячи франковъ за спектакль; и если другіе артисты цѣнятъ себя такъ же дорого, то расходы легко могутъ превышать доходы, несмотря на полный театръ и двойныя цѣны. Все-таки, отчего же не надѣяться на успѣхъ... можетъ-быть. Итальянскій театръ опять подымется... Нѣтъ ничего невозможнаго!

Про музыку Ченерентолы уже сказано все, что можно было сказать, Это одна изъ тѣхъ оперъ, которыя поддерживаютъ всѣ театры съ незапамятныхъ временъ и которыя все еще нравятся. Это алмазь, непортящійся отъ времени. Въ нынѣшнемъ году Ченерентола явилась въ новомъ, блестящемъ видѣ и, вѣроятно, долго останется на репертуарѣ.

Г-жа Крувель, потерявшая свой германизмъ на итальянской сценѣ и называвшаяся Крувелла, вступаетъ въ большую Французскую Оперу съ

незатѣшныя жалованья—по сто тысячъ франковъ, не считая бенефицивъ и четырехъ мѣсяцевъ отпуска. Это значитъ, что она будетъ получать двѣсти тысячъ франковъ дохода съ капитала въ четыре милльона—не дурно! Гдѣ вы, прежнія знаменитости, получавшія такъ мало вознагражденія? Одинъ мѣсяць жалованья вашихъ вучекъ превышаетъ вашъ годовою доходъ; а за сумму, которую нынѣшніе артисты получаютъ въ годъ, прежніе работали цѣлую жизнь. И еще жалуются на нашъ вѣкъ, когда онъ такъ великодушно платилъ за фокусы голосомъ и ногами! Гдѣ такой капиталистъ, который можетъ дать за свою дочью приданое, какое наживаютъ артистки? Прекрасный голосъ, правильная дикція—вотъ лучшій доходъ въ наше время; спросите Рашель, Дюпре и другихъ богатыхъ владѣльцевъ улицы Тронше, вынѣсившихъ свои таланты на банковые билеты.

Талія и Эстерпа, не одніе изъ мюзъ наживаютъ большія богатства; Терпезора тоже не отстаетъ отъ своихъ сестеръ и г-жа Розати, новая танцовщица, взялась доказать это. Она вышла на сцену въ хорошенькомъ балетѣ *Жювита*, написанномъ для нея г. Лабаремъ, который одаренъ большимъ талантомъ, но лѣнивъ, какъ лапарони, и послѣ каждаго произведенія отдымаетъ очень долго. Г. Лабаръ составилъ балетъ *Возстаніе въ Серали*, имѣвшій большой успѣхъ, и теперь Жювита тоже поправилась, благодаря постановкѣ г. Мазилье и танцамъ г-жи Розати. Жювита, молодая дѣвушка, веселая и умная, окружена толпою обожателей; она выбираетъ поручика Альтаминнаро и обѣщаетъ ему свою руку. Дѣйствіе происходитъ въ Мехикѣ, и вице-король этой жаркой страны обѣщаетъ двѣсти унцій золота тому, кто избавитъ его отъ Цубильяга, начальника бунаньеровъ, который разбойничаетъ съ своею шайкою по окрестностямъ. Альтаминнаро обѣщаетъ поймать бандита и принести назначенную награду въ иголки шевьсты; но Цубильяга захватываетъ молодого поручика и беретъ его самого въ плѣнъ. Тогда Жювита берется спасти жениха и Мехику, и силе идетъ къ бунаньерамъ. Разбойники радуются такой добычѣ и начинаютъ спориться, кому обладать молоденькою мексиканкою; но та замѣтила боченокъ съ порохомъ и въ то время, какъ бандиты начали драться и забыли о своихъ плѣнникахъ, Жювита освободила поручика и выбѣжала съ нимъ, бросивъ горящій фитиль въ порохъ. Картина взрыва, разбойники погибаютъ и на развалинахъ ихъ, убѣждаетъ Альтаминнаро получаетъ окончательную руку Жювиту, золото вице-короля и все кончается пируэтми, антраша, академическими позами и проч., и проч.

Балетъ имѣлъ большой успѣхъ, чему способствовали костюмы, де

кореаціи и музыка. Замѣчательнѣе всего была сама г-жа Розати. Парижскіе никогда не обидѣтъ талантами: одинъ исчезаетъ, другой возвышается и заставляетъ забыть первыхъ. Не надобно быть, однакоже, неблагодарнымъ, и прежде всего нужно каждому отдать справедливость. Г-жа Розати не только граціозная танцовщица, но умная актриса, и жесты ея объясняютъ дѣйствіе въ балетѣ ни сколько не хуже словъ. Зато букеты сыпались на нее со всѣхъ сторонъ и доказывали восторгъ публики.

Что касается г. Лабара, всѣ надѣются, что успѣхъ заставитъ его скорѣе приняться за работу. Прочіе артисты и артистки тоже были недурны; г-жи Бессонъ, Эмери и Каролина заслужили рукоплесканія; гг. Боше и Пети были очень недурны; особенно послѣдній, не смотря на свое маленькое имя, игралъ такъ хорошо, что, можетъ-быть, и про него впоследствии будутъ говорить: *великій талантъ Пети*.

Императоръ и императрица присутствовали при первомъ представленіи Жовиты и оставались до конца, что говорить тоже въ пользу балета. Что касается до меня, хотя я не люблю балетовъ, но этотъ просмотрѣлъ съ удовольствіемъ, потому-что онъ составленъ и исполненъ превосходно. Музыка въ немъ также хороша.

Кстати о музыкѣ. Я чуть-было не забылъ сказать нѣсколько словъ о драматическомъ концертѣ г. Шелара, написавшаго превосходную симфонію подъ названіемъ: *Орлы*. Жаль только, что для этой симфоніи зала Герца была мала. Въ залѣ Оперы она бы произвела больше эффекта.

Имя Планара еще недавно сдѣлалось извѣстнѣе по многимъ лирическимъ произведеніямъ, и онъ ужъ умеръ, оплаканный всѣми своими друзьями. Я провожалъ до послѣдняго жилища этого человѣка, отличающагося высокимъ талантомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми рѣдкими качествами: простотою, добродушіемъ, благородствомъ. Всѣ его произведенія доказываютъ тихую жизнь и чистоту нравовъ. Онъ не гонялся за эффектами, за запутанностью сюжетовъ; у него все просто, натурально, безъ натянутости и преувеличенія: *Le Pré aux clercs*, *Marie*, *La double échelle* и нѣкоторыя другія оперы, въ томъ же родѣ, подтверждаютъ наше мнѣніе. Планаръ не любилъ убивать своихъ героевъ, потому-что не хотѣлъ внушать зрителямъ ужаса: онъ и кромѣ этого средства умѣлъ производить впечатлѣніе.

Французскій театръ что-то очень несчастливъ въ послѣднее время. Онъ отвергаетъ хорошія пьесы и принимаетъ дурныя. Не говорю, чтобъ

драма г. Фусье *День Агриппы д'Обиньи* была совершенно дурная пьеса—нѣтъ; въ ней есть эффектные сцены и хорошіе стихи; но изъ однихъ рюмъ нельзя составить драмы; надобны еще интрига, дѣйствіе, вѣроятность и немного исторіи, если въ ней участвуютъ историческія лица. Пора бы Французской Комедіи поставить нередочную пьесу и доказать, что она не отвыпла отъ успѣховъ.

Театръ Разнообразія далъ *Родственниковъ*—водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ соч. гг. Лорансена и Ламарта. Этотъ родственникъ родъ Фигаро, который живетъ, брѣя подбородки, и вдругъ неожиданно находитъ важныхъ родственниковъ, которые обогащаютъ его. Фигаро дѣлается знатнымъ баринномъ, и скучая отъ бездѣйствія, брѣщетъ людей отъ нечего дѣлать. Вельможи не признаютъ новаго товарища и онъ, не найдя въ своемъ новомъ положеніи никакого удовольствія, и, возвратясь въ прежнюю жизнь, женится на молоденькой гризеткѣ, которую прежде любилъ.

Дезе дебютировалъ въ этой пьесѣ и обнаружилъ рѣдкій комическій талантъ.

Приготавливается много другихъ драматическихъ новостей. Программы концертовъ тоже готовы, и балы будутъ великолѣпные. Сколько удовольствія, сколько счастья! Кто же будетъ несчастливъ въ эту зиму? Одни бѣдные, у которыхъ нѣтъ ни хлѣба, ни дровъ. Напрасно богатые жители и артисты жертвуютъ въ пользу бѣдныхъ огромныя суммы, напрасно даютъ въ ихъ пользу балы, концерты, благотворительныя лотереи: бѣдность все-таки не уменьшается въ Парижѣ; кромѣ этого, тысячи рукъ раздадутъ милостыню у церквей, на улицахъ, на дому, и, не смотря на всѣ усилія филантропіи, нищихъ все еще много; не доказываетъ-ли это, что мы не умѣемъ благотворить какъ должно? Мы обязаны не минутно облекать несчастныхъ, но давать имъ средства къ жизни; не позволять доходить до крайности. Но легко ли это сдѣлать? возможно-ли? Это важные вопросы, о которыхъ мы не беремся судить. Четырехфунтовой хлѣбъ стѣитъ теперь въ Парижѣ 80 сантимовъ, а за чертою города—одинъ франкъ пятнадцать сантимовъ, потомучто правительство платитъ булочникамъ, чтобъ они не возвышали цѣны.

Кареты къ коронаціи уже приготовлены. На нихъ не пожалѣли золота, хотя форма осталась прежняя. Вѣдь нельзя-же придумать новую форму для экипажа.

Журналы много толкуютъ о новой системѣ судовъ для навигаціи,

изобрѣтенной Планавергомъ, подъ названіемъ *гидро-локомотивъ*. Главное преимущество его: — чрезвычайная скорость и безопасность ѣзды; а это самое главное въ нашъ вѣкъ. Всѣ мы торопимся—неизвѣстно только куда....

Картина Босфора. — (*Изъ записокъ путешественника*). Названіе Босфора происходитъ отъ греческаго *βουξ* (быкъ или корова) и *προς* (проходъ). Древніе называли Фракійскій Босфоромъ проливъ, который теперь называется Константинопольскимъ; самое-же названіе Босфора одни приписываютъ въ мифологій бѣгству нимфы Іо, превращенной въ корову, а другіе вообще думаютъ, что этимъ именемъ назывались всѣ узкіе проливы, черезъ которые могъ переплыть быкъ.

Босфоръ соединяетъ Черное море съ Мраморнымъ, которое, посредствомъ Дарданельскаго пролива, соединяется съ Греческимъ архипелагомъ или Эгейскимъ моремъ.

Разсматривая возвышенные берега Босфора, семь изгибовъ этого пролива, направленіе и быстроту теченія, мы узнаемъ, какимъ образомъ произошло онъ въ до-историческія времена. Азія и Европа явно соприкасались въ этомъ пунктѣ. Между Эвксинскимъ понтомъ и Эгейскимъ моремъ возвышались крутыя горы. Черное море составляло тогда большое озеро, въ которое изливалось множество многоводныхъ рѣкъ. Наконецъ воды эти до такой степени наполнили бассейнъ, что подъ давленіемъ теченія съ сѣвера къ югу, прорвали перешеекъ и составили новый бассейнъ Пропонтиду, или Мраморное море. Когда же и оно переполнилось, воды прорвались въ Геллеспонтъ, или Дарданеллы и соединились съ Архипелагомъ.

Протяженіе Босфора составляетъ около двадцати восьми верстъ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между двумя генуэзскими замками, менѣе версты ширины. Онъ величественно извивается между крутыми берегами, окаймленными зелѣнющими горами, бѣлыми домами, красивыми деревнями и прелестными садами. Все это образуетъ удивительныя ландшафты.

Много здѣсь воспоминаній глубокой древности. Вотъ на азіатскомъ

берегу Амурейскій мысъ съ маяками. Вотъ Кіазевскія скалы при вхо-
дѣ въ Черное море. Теперь они неподвижны; но, по преданіямъ дре-
вности, дладалъ съ мѣста на мѣста. Вотъ эрійскій замокъ, гдѣ былъ
храмъ Зевса. Это мѣсто и нынѣшними греками называется *крѣ*.
Вотъ Исполниская гора, самая возвышенная точка на обоихъ бе-
регахъ; вотъ, наконецъ, Скутари древній *Золотоградъ* (Хрисо-
полисъ) съ прекрасными садами, наполненными надгробными памятни-
ками. Здѣсь безпрестанно переѣзжаютъ лодки изъ шумной столицы въ
эти молчаливыя предмѣстья. Здѣсь обыкновенно хоронятъ турукъ. Пер-
вый пунктъ завѣщаній ихъ состоитъ въ томъ, чтобы прахъ ихъ зары-
ли именно въ этомъ мѣстѣ. Они хотятъ, чтобы гробъ ихъ былъ въ
Азіа—это ихъ отчина: они знаютъ, что въ Европѣ только временной
станъ ихъ.

На европейскомъ берегу Босфора видѣнъ маякъ *воротъ*, на дре-
немъ мысъ Паніумъ. Вотъ развалины древней генуэзской крѣпости близъ
рѣки, въ древности называемой Хризоррасомъ; вотъ прелестная долина
Калось-Арюсь; вотъ Румели-Гиссанъ, построенный на Гермейскомъ
мысъ. Отсюда Дарій смотрѣлъ на переправу своей арміи. Здѣсь, позже,
переправлялись и крестоносцы, шедшіе освобождать Іерусалимъ. Вотъ
мысъ *Теферъ-даръ-Бурумъ* (древній Кладіонъ — *ключъ*) и деревня
Бонн-Крашъ, откуда Назонъ отправился на завоеваніе золотого руна.
Напомощъ въ самомъ концѣ пролива выдвигается Золотой Рогъ — и
Константинополь.

Посреди всей этой массы морской воды путешественникъ съ наум-
леніемъ спрашиваетъ себя: *что же пьютъ жители Константинополя?*
Но вотъ въ глубинѣ гавани изливаются двѣ рѣки, извѣстныя въ древности
подъ названіемъ: *Киданисъ* и *Барбизесъ*, а теперь прозванныя турками
Киджидъ-хане-Сууу и *Али-Бей-Кейу-Сууу* (*Киджидъ-хане* знач-
итъ бумажная фабрика; теперь ее уже нѣтъ). Между обѣими рѣками
простирается равнина, называемая *Равниною Европейскихъ Иррыскихъ*
водъ. Вдоль Барбизеса на двѣ версты берега обдѣланы камнемъ, обса-
жены дикими смоковницами, кипарисами, тополями, вязами. Тутъ въ
1724 году построилъ султаномъ Ахметомъ III великолѣпный дворецъ.
Русло рѣки заграждено здѣсь шлюзами изъ бѣлаго мрамора, и вода
падаетъ каскадами на ракуверы. Другой бассейнъ украшенъ древними
вазами и тремя переплетшимися бронзовыми змѣями. Онъ омываетъ
гаремъ султана. На самомъ шлюзѣ устроены три кіоска бѣлаго же
мрамора съ издѣно-позолоченною крышею. Въ эту рѣку впадаютъ Кидан-

рѣсь въ двухъ верстахъ ниже дворца; они изливаются оба въ море у Золотого Рога.

На эту равнину выпускають лѣтомъ султанскихъ лошадей на подножный кормъ, и на это зрѣлище всегда собирается много народа.

Когда султанъ прѣзжаетъ въ этотъ дворець, публика уже не впускается за ограду. Но онъ никогда долѣе трехъ недѣль въ маѣ мѣсяцѣ не проводитъ въ этомъ мѣстѣ. Во время его пребыванія, кадымъ его гуляютъ часто по этой равнинѣ, но тогда Бостанджи строго надзирають за любопытными.

Азіатскія прѣсные воды, или Геюкъ-су, не такъ часто посѣщаются путешественниками, хотя прогулка тамъ пріятнѣе европейскихъ. Онѣ находятся близъ азіатскаго замка *Анадолу-Гисари* на берегахъ Босфора, гдѣ Ксерксъ навелъ мостъ для переправы своей арміи во Фракію.

На азіатскомъ же берегу противъ лѣтнаго *Бетикъ-Татскаго дворца* построенъ новый дворець султаномъ Махмудомъ, въ древнегреческомъ стилѣ. Шестъ колоннъ коринтскаго ордена поддерживаютъ великолѣпный фронтонъ средняго входа; лѣвый флигель назначенъ для гарема; первый—для должностныхъ лицъ. Противъ дворца устроена гранитная набережная, и окружающіе его древніе турецкіе дворцы, кажется, удивляются новому своему сопернику въ европейскомъ вкусѣ.

Чѣмъ ближе путешественникъ подъѣзжаетъ къ Черному морю, тѣмъ рѣже виднѣются дома на берегу; холмы болѣе и болѣе возвышаются и вдругъ какъ-бы обрываются въ Черное море. Протѣхавъ деревню Буюк-дере, цвѣтъ босфорскихъ водъ становится темнѣе, а русло пролива глубже.

Противъ этой деревни, на азіатскомъ берегу возвышается холмъ, называемый мусульманами *Юта-Даго* (Исполннская гора). Съ вершины ея (въ 90 сажень) открывается прекрасный ландшафтъ: съ одной стороны виднѣнъ весь Константинополь, съ другой—Черное море. Турки думаютъ, что подъ этимъ холмомъ погребенъ огромный великанъ, который, когда садился на горѣ, то ноги его касались моря. Древніе называли этотъ холмъ *Спиною Геркулеса*. Теперь на вершинѣ живутъ два дервиша съ своими женами; они служатъ вмѣсто *чичероне* для путешественниковъ.

Турки приписываютъ деревьямъ этого холма силу излеченія отъ бо-

главой. Страдающіе лихорадкою приходятъ туда, привязываютъ узломъ къ дереву какое нибудь бѣлье, которое они носили, и увѣрены, что лихорадка перейдетъ отъ нихъ къ дереву.

Въ одной изъ красивыхъ бухтъ Босфора, близъ *Румили-Гиссарійскаго* замка, на европейскомъ берегу стоитъ красивая деревня *Бибекъ*. Здѣсь построенъ уединенный кіоскъ, куда султанъ удаляется иногда, чтобъ заниматься важными дѣлами.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Сочиненіе полковника *Милютина*. С.—Петербургъ, 1853. Въ типографіи штаба военно-учебныхъ заведеній. Тома IV и V-й, заключающіе въ себѣ части VI, VII и VIII-ю. Въ 8-ю д. л. 460 и 512 стран., съ рисункомъ, картами и планами *.

Важное, высоко-замѣчательное и обширное твореніе это, чрезвычайно любопытное и назидательное, какъ въ собственно-военномъ, такъ и вообще-историческомъ значеніи, по всей справедливости, возбудило живѣйшій интересъ просвѣщенной публики и усерднѣйшее вниманіе критики. Журналы наши привѣтствовали книгу эту старательными и объемистыми статьями, при появленіи сперва первыхъ трехъ томовъ ея и при выходѣ потомъ остальныхъ. Такъ, напримѣръ, началу сочиненія «Москвитининъ» посвятилъ 54 страницы, а послѣднимъ томомъ — «Отечественныя Записки» 19, «Современникъ» 47 стран. мелкой печати. Рецензенты наши, казалось, соревновали превзойти другъ друга въ отчетливомъ изложеніи содержанія разсматриваемой исторіи достопамятной войны, въ систематическомъ извлеченіи главнѣйшаго, въ искусной, ловкой, терпѣливой выборкѣ изъ книги наиболѣе существеннаго, или, по-

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова. За всѣ пять томовъ 10 руб., съ пересылкою 13 руб.; за первые три отдѣльно 6, съ перес. 8 р.; за послѣдніе два тома, отдѣльно же — 4 р., съ пересылкою 5 руб. сер.

крайней-мѣрѣ, рельефнѣйшаго... Но, при всемъ желаніи и способности ихъ, цѣль не была и не могла быть вполне достигнута, именно по причинѣ обширности и многосложности повѣствованія. Оно неизбежно дробилось между описаніемъ военныхъ происшествій, почти одновременно происходившихъ на морѣ и на сушѣ, въ Италіи, Швейцаріи, Голландіи, и необходимымъ изображеніемъ политическихъ или дипломатическихъ отношеній, съ которыми тѣсно связывался самый ходъ войны, ея обороты и результаты. Все, что могли сдѣлать критики—это лишь намекнуть на интересъ, богатство, разнообразіе сочпненія, обнимающаго собою почти всю исторію Европы въ одинъ изъ самыхъ грозныхъ, драматическихъ моментовъ пехода XVIII столѣтія, и заключающаго въ себѣ около трехъ тысячъ страницъ; могли только, болѣе или менѣе, коснуться нѣкоторыхъ сторонъ книги, невольно опускаая въ ней многое, хотя и второстепенное, но все-таки весьма замѣчательное. «Пантеонъ», разумѣется, не былъ счастливѣе другихъ журналовъ, ограничивъ начальную статью свою какими-нибудь тринадцатыю страницами, въ которыхъ надлежало представить характеръ событій, изложенныхъ въ первыхъ трехъ томахъ (см. февральскую книжку журнала нашего), и, конечно, не будетъ счастливѣе, обращаясь теперь къ послѣднимъ двумъ томамъ...

Читатель помнитъ, что первая половина сочиненія г. Милютина изображаетъ главнѣйше борьбу русскихъ и австрійцевъ съ французами въ *Италіи*, тяжелую борьбу Суворова съ барономъ Тугутомъ и гофкригератомъ, интригами и происками кабинетными, и рядъ блистательныхъ побѣдъ, въ короткій срокъ одержанныхъ гениальнымъ вождемъ. Какъ сказано уже въ первой статьѣ нашей, «выступленіемъ Суворова изъ *Италіи* къ сѣвернымъ горамъ и бездоннымъ пропастямъ *Гельвеціи*», оканчивается третій томъ; а въ двухъ остальныхъ мы преимущественно должны видѣть лавроноснаго старца, взнемогающаго подъ бременемъ горчайшихъ испытаній, сужденныхъ ему въ концѣ военнаго и жизненнаго его поприща...

Послѣ громкихъ торжествъ своихъ надъ республиканскими арміями въ *Италіи*, Суворовъ основательно начиналъ мечтать о водруженіи союзныхъ знаменъ въ стѣнахъ *Ліона* и *Парижа*; но то были обманчивыя, хотя и правдоподобныя мечты—все плоды побѣдъ его долженствовали погибнуть, въ-слѣдствіе странной, двусмысленной тогда политики вѣскаго и лондонскаго дворовъ. Опасались-ли дальнѣйшихъ усѣховъ оружія русскаго, ошибались-ли въ планѣ и расчетахъ кампаніи—но рѣшено было Тугутомъ и гофкригератомъ, чтобъ Суворовъ, почти одинъ, съ слабыми силами, дѣйствовалъ въ *Швейцаріи*, между-тѣмъ, какъ эрцгер-

погь Карль двинется оттуда на Рейнъ, Меласъ будетъ охранять отянутую у французовъ Италию, а Римскій-Корсаковъ, безпомощно оставленный на берегахъ Диммата до прихода Суворова, съ 18,000 русскихъ, выдерживать натискъ осьмидесяти-четырехъ-тысячной арміи, правдивой Массеной, которому Директорія предписала не допускать соединенія страшнаго для нея героя нашего съ Корсаковымъ и Готце.

Суворовъ, въ свою очередь, не медля, быстро шелъ къ Швейцаріи, избравъ самый трудный, опасный, но кратчайшій путь—черезъ Сенъ-Готардъ. Къ сожалѣнію, фельдмаршалъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о силахъ непріятельскихъ, ни о мѣстности новаго театра войны, принужденный въ томъ и въ другомъ положиться на австрійцевъ, не воображая ужасныхъ преградъ, предстоящихъ ему на избранномъ имъ пути. Одинъ изъ офицеровъ австрійскаго Генеральнаго Штаба, знакомыхъ съ топографіей страны, «полковникъ Вейротеръ, получившій въ послѣдствіи такую извѣстность своими неудачными стратегическими планами, пользовался довѣренностью фельдмаршала: онъ составлялъ, въ продолженіе швейцарскаго похода, всѣ диспозиціи и проекты; онъ велъ военную переписку; онъ же, сколько извѣстно, присовѣтовалъ и выборъ пути черезъ Сенъ-Готардъ». Совѣтъ одобрили и сиротенные Суворовымъ австрійскіе генералы. «Никто, однакожъ, не обратилъ вниманія фельдмаршала на то, что дорога, по которой предполагалъ онъ наступать вдоль Верхней Рейссы, не могла никуда вести его далѣе озера Лудерскаго. Ужели (остроумно прибавляетъ авторъ) австрійцы могли добродушно надѣяться, что на этомъ озерѣ заготовлены будутъ французамъ суда для русскихъ воиновъ?» (Стран. 17 четвертаго тома.)

Многіе военные критики находятъ, что удивительный, безпримѣрный переходъ Суворова черезъ Сенъ-Готардъ, оказавшійся безполезнымъ, не должно было предпочитать другимъ путямъ, хотя и отдаленнѣйшимъ, но менѣе затруднительнымъ, и г. Милютинъ говоритъ: «съ перваго взгляда видно, что войскамъ русскимъ, наступавшимъ со стороны Италиі, предстояла задача чрезвычайно трудная», и «самый планъ похода не предвѣщала ужъ счастливой развязки» (стран. 20, 22).

«10-го сентября, въ пасмурное, ненастное утро, двинулись русскія войска къ полошнамъ С.-Готарда... Въ то время не была еще проложена черезъ С.-Готардъ та великолѣпная дорога, которая нынѣ открываетъ удобное сообщеніе изъ Италиі въ Швейцарію. Повозки не могли тогда идти далѣе Таверны; отсюда поднималась на хребетъ Монте-Ченере узкая, извилистая тропинка, доступная тольکو для вьюковъ. Спустившись къ Беллинзонъ, дорога ведетъ ровною и открытою мѣстностью въ долину рѣки Тичино; тутъ она пролегаетъ сначала между садами и

виноградниками; скаты горъ съ обѣихъ сторонъ одѣты густою зеленью; отдаленныя снѣговыя вершины прячутся за живописными предгорьями. Далѣе постепенно долина суживается, зелень рѣдѣетъ, высовываются мѣстата обнаженные, темныя ребра горъ; дорога безпрерывно вьется около рѣки, то по одному берегу, то по другому; наконецъ, близъ Ай-роло, ужъ прямо надъ дорогою высится самая вершина С.—Готарда.

«Корпусъ Дерфельдена, выступивъ изъ Таверны рано утромъ 10 числа, прошелъ въ тотъ день только 13 верстъ до Белинцоны. Въ головѣ слѣдовалъ авангардъ князя Багратіона; за нимъ дивизіи Швейковскаго и Фѣрстера, въ хвостѣ тянулся вьючный обозъ, подъ прикрытіемъ спѣшенныхъ казачьихъ полковъ. На второй день похода, колонна эта продолжала движеніе вверхъ по долинѣ Тичино и дошла до Джорвино, въ 26 верстахъ отъ Белинцоны. Въ то же время австрійская бригада Штрауха подвинулась къ Фандо, составляя авангардъ лѣвой колонны.

«Во все дни дождь лилъ ливня; рѣзкій вѣтеръ съ горъ прохватывалъ насквозь; особенно въ холодныя и сырыя ночи, войска дрогли отъ стужи на бивакахъ. По обыкновенію Суворова, колонны выступали всегда до разсвѣта, часу въ четвертомъ. При авангардѣ князя Багратіона постоянно находился Великій Князь Константинъ Павловичъ, переносившій терпѣливо все непріятности и лишенія утомительнаго похода въ ненастную осеннюю погоду. Самъ фельдмаршалъ ѣхалъ бодро, на казачьей лошади, въ обыкновенной легкой одеждѣ своей: на немъ былъ мундиръ, надѣтый на бѣлый камзолъ; нижнее платье также бѣлое; на ногахъ нитяные носки и полуботфорты; сверхъ всего накинуть тонкій ветхій плащъ, ничѣмъ не подбитый и слившій подъ именемъ «родительскаго». Перчатокъ Суворовъ никогда не носилъ. Возлѣ фельдмаршала тащился на казачьей лошади старичекъ, котораго Суворовъ взялъ съ собою изъ Таверны: это былъ Антонио Гамма, хозяинъ того дома, гдѣ останавливался Суворовъ. Старикъ понравился фельдмаршалу и самъ пришелъ въ такое восхищеніе отъ Суворова, что, позабывъ и лѣта свои, и семейство, далъ обѣщаніе слѣдовать неотлучно за нашимъ полководцемъ въ Альпы. Несмотря на слезы и увѣщанія семьи, Антонио сдержалъ свое слово: въ продолженіе всего похода швейцарскаго ѣхалъ онъ возлѣ фельдмаршала, служилъ войскамъ проводникомъ и не разъ былъ полезенъ нашей арміи» (стр. 30—32).

Предоставляемъ читателю въ подлинномъ описаніи г. Милютина постепенно прослѣдить все подробности труднаго шествія русскихъ войскъ къ С.—Готарду, все преодоленныя ими преграды и опасности, особенно правую колонною, генерала Розенберга, постояннаго сподвижника Суво-

рова въ италійскомъ и швейцарскомъ походахъ. Среди проливнаго дожда, медленно двигалась она, затрудняемая на каждомъ шагѣ скользкою дорогою вдоль тѣснаго ущелья Бленьо, которая то поднимается по косягору, то спускается къ рѣкѣ и непрерывно перебѣгаетъ съ одного берега на другой... Главная колонна, Ребиндера, съ 11-го на 12-е число расположилась на ночлегъ у деревеньки Казакчіа, близъ самаго перевала чрезъ снѣговой хребетъ. «Въ этой странѣ, суровой и пустынной, на высотѣ 8000 футовъ надъ поверхностью океана, въ холодную и бурную ночь, войска не имѣли даже хворосту, чтобъ обогрѣться у бивачныхъ костровъ. Вьюки отстали и тянулись длинною нитью по узкой дорогѣ. Съ разсвѣтомъ 12 числа колонна начала взбираться по крутому подъему на снѣговой гребень» (33)... Затруднительною горною дорогою въ три дня войска Розенберга прошло около 75 верстъ.— «Несмотря на то, отсталыхъ почти не было. Если кто изъ молодыхъ солдатъ начиналъ выбиваться изъ силъ, товарищи подхватывали его ношу, чтобъ дать ему оправиться. Многіе изъ офицеровъ вовсе не имѣли вьюковъ, ни верховыхъ лошадей: скатавъ шинель чрезъ плечо, они несли сами въ узелкѣ насущное пропитаніе и все походное свое имущество» (34). Достигнувшимъ безъ отдыха Товечи, войскамъ Розенберга 13 числа предстояло идти далѣе, къ деревнѣ Уззернъ, и на пути атаковать непріятеля, чтобъ тѣмъ главной колоннѣ, при которой находился Суворовъ, открыть дорогу чрезъ С.-Готардъ, охраняемый французами. Силы ихъ здѣсь были незначительны, но онѣ удвоивались оборонительными удобствами мѣстности.

«Со стороны Италіи, позиція на С.-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересекая горные потоки Соречіа и Тремола, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины, и снова взбиралась въ гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури, или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ (Hospice, Ospizio), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамерзшихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь... Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ въ Швейцарію свою малочисленную армію» (35—36).

Атака С.-Готарда назначена была на 13-е число. Рано утромъ

войска двинулись отъ Дачіо къ Айроло... князь Багратионъ перешелъ на лѣвый берегъ рѣчки.—«Послѣ бурной и ненастной ночи, дождь прекратился, но погода была сырая и пасмурная; густыя, темныя облака носились по долинамъ и лѣпились къ вершинамъ горъ. Около двухъ часовъ пополудни передовыя войска князя Багратиона встрѣтили въ полуверстѣ отъ Айроло посты непріятельскіе, которые, послѣ слабого сопротивленія, начали отступать по большой дорогѣ». Отправивъ за ними храбраго поручика Лутовикова, Багратионъ свернулъ вправо на Мадрино, Валье, и началъ взбираться на крутыя горы, возвышающіяся позади Айроло. Здѣсь, за каменьями и скалами, засѣло до тысячи французовъ. Горячо преслѣдуя отступавшіе посты ихъ, Лутовиновъ съ горстью стрѣлковъ пошелъ прямо въ атаку на сильную позицію непріятельскую; но одна изъ первыхъ пуль сразила его. Полковникъ графъ Шуваловъ, только-что прибывшій къ передовому отряду и сѣтлившій Лутовикова, также немедленно былъ раненъ и сдалъ начальство полковнику графу Цукато. Уморный бой завязался у самой подошвы горъ. Подаръживъ нѣсколькими ротами передовой отрядъ, Багратионъ продолжалъ движеніе по горамъ къ Боско, въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, а генераль-маіоръ Барановскій, съ двумя полками, еще правѣе, взбирался на самыя недоступныя скалы. Два австрійскіе батальона и русскій полкъ Велецкаго, перейдя на лѣвую сторону Тичино, также подошва къ мѣсту, гдѣ егеря наши начали лихое дѣло. Французы отступили за рѣчку Соречіа...

«Между-тѣмъ остальные войска Швейковскаго, назначенныя по распоряженію въ правую колонну, остались на главной дорогѣ. Вѣроятно, Суворовъ, увидѣвъ собственными глазами страшныя крутизны С.-Готтарда, счелъ излишнимъ посылать въ обходъ столь значительныя силы. Дивизіи Швейковскаго и Фёрстера, слѣдуя вѣстѣ по большой дорогѣ чрезъ Айроло, атаквали съ фронта вторую позицію непріятельскую», занатую у того мѣста, гдѣ дорога, спустившись въ тѣсную долину Валь-Тремола, два раза переходитъ съ одного берега рѣчки на другой... «Французы оборонялись упорно; скрытые за скалами и оврагами, они мѣткимъ огнемъ наносили сильный вредъ нашимъ колоннамъ. Обходное движеніе князя Багратиона и Барановскаго къ верховьямъ рѣчки Соречіа заставляло республиканцевъ начать отступленіе. Однакожъ они держались еще шагъ за шагомъ, останавливаясь на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы.

«Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе и самыя ужасныя преграды мѣстности. Бригада Гюбна, уже подаръживенная ближайшими войсками Ауазона, завала сильную по-

позицію впереди Госписса. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однакожь войска Фёрстера и Швейковского отважно пошли на приступъ. Французы встрѣтили ихъ убойственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и камнями, республиканцы цѣпили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерей; но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и Великаго Кнзя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облиты кровью—и снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго: уже до 1200 человекъ выбыло изъ строя.

«Однакожь, упорный Суворовъ оставался непреклоннымъ и рѣшился, во чтобы то ни стало, выбить непріателя изъ сильной позиціи. Видя упорное сопротивленіе французовъ на С.-Готардѣ, фельдмаршалъ опасался за колонну Розенберга, о которой не имѣлъ еще никакихъ извѣстій. Время было дорого; день уже приближался къ вечеру; а князь Багратионъ все еще взбирался на крутыя ребра С.-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ немовѣрными усиліями карабкались со скалы на склду, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками; даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосыгаемая выси. Войска были уже утовлены до крайности; гора казалась имъ безкопечною; вершина ея какъ-будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду» (стр. 38—41).

Извѣстенъ анекдотъ, рассказываемой обыкновенно при этомъ случаѣ, будто-бы русскія войска, утрашенные громадными горами, остановились, начали роптать, не хотѣли идти далѣе, и будто-бы Суворовъ, приказывая рыть для него яму, сказалъ солдатамъ: «вы болѣе не дѣти мои; я не отецъ вамъ; ничего не остается мнѣ, какъ только умереть; здѣсь похорошите меня!» Услышавъ такія слова и зная рѣшительность полководца, солдаты, будто-бы, прослезившись, бросились къ Суворову, цѣловали ему ноги и кричали съ раскаяніемъ: «Веди, веди, отецъ нашъ!»

Помѣстивъ анекдотъ въ примѣчаніи, г. Милютинъ прибавляетъ: «рассказъ этотъ не только подверженъ сомнѣнію, но даже опровергается многими, волицъ уважительными свидѣтельствами. Надобно отнести его къ числу многихъ другихъ вымышленныхъ анекдотовъ, распушенных о Суворовѣ. Смѣло можно сказать, что во весь походъ швейцарскій русскія войска ни разу не взмѣняли, даже на одно мгновеніе, заслуженной своей славы» (стр. 40).

«Было уже 4 часа пополудни (продолжаетъ авторъ), когда Суво-

ровъ въ третій разъ повелъ атаку на С.-Готардъ. Въ то-же время и князь Багратионъ появился наконецъ на сѣвѣнной вершинѣ, противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С.-Готардъ.

«Утомленные до изнеможенія, войска стѣгивались мало-по-малу на вершину горы. Между-тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель (пріоръ), семидесятилѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. — «Нѣтъ, святой отецъ», сказалъ ему Суворовъ, «какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а за тѣмъ и въ трапезу» .. Усердно молился русскій полководецъ на вершинѣ Св.-Готарда. Послѣ молебствія вошелъ онъ въ домъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ; капуцины угощали русскихъ картофелемъ и горохомъ. Суворовъ былъ веселъ, разговаривалъ съ настоятелемъ на разныхъ языкахъ; хвалилъ христіанскіе подвиги отшельниковъ и благодарилъ ихъ за гостеприимство. Образованный монахъ дивился разнообразнымъ знаніямъ и начитанности русскаго генерала. Они разстались, весьма довольные другъ другомъ. Суворовъ, напутствуемый благословеніями капуциновъ, отправился къ войскамъ (стран. 41—42).

Перевернувъ двадцать страницъ, заключающихъ въ себѣ дальнѣйшія подробности первыхъ дней швейцарскаго похода, читаете: «16 числа, въ 5 часовъ утра, авангардъ князя Багратиона тронулся отъ деревни Бюргленъ и началъ подниматься на гору. Постепенно тропинка дѣлалась все круче и уже, а мѣстами и вовсе исчезала на скалахъ. Войска должны были взбираться поодиночкѣ то по голымъ камнямъ, то по скользкой глинѣ; въ нѣкихъ мѣстахъ приходилось карабкаться какъ-бы по ступенямъ, на которыхъ не умѣщалась и подошва ноги, въ другихъ некіе шиферные камешки осыпались отъ каждаго шага; далѣе приходилось вязнуть въ рыхломъ снѣгѣ, которымъ одѣта вершина хребта. Тяжело было и пѣшимъ взбираться на такую гору; но чего же стоило провести лошадей и муловъ, навьюченныхъ орудіями, зарядами и патронами! Бѣдныя животныя едва передвигали ноги; нерѣдко обрывались съ узкой тропинки, летѣли стремглавъ съ кручи и разбивались о камни. Случалось, что лошади увлекали съ собою и людей; каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни. Часто темныя облака, проносясь по скатамъ горы, охватывали колонну густымъ туманомъ, обдавали холодною влагой до того, что войска были измочены, какъ проливнымъ дождемъ.

Погруженные въ сырую иглу, они продожаютъ гдѣтъ ощупью, не видя ничего ни сверху, ни снизу. Выбившись изъ силъ, на время приостановятся, отдохнуть, — и снова начинаютъ карабкаться. У большей части солдатъ и офицеровъ избилась и послѣдняя обувь. Сухарные мѣшки ужъ совсѣмъ опустѣли, такъ-что нечѣмъ было и подкрѣпить истощенныя силы. Несмотря на крайнее утомленіе, полубосыя, голодные, войска русскія все еще не теряютъ духа; въ тяжкія минуты ободряетъ ихъ присутствіе царскаго сына, который дѣлалъ съ ними всѣ труды и опасности. На всемъ этомъ переходѣ Великій Князь Константинъ Павловичъ шелъ пѣшкомъ съ авангардомъ князя Багратіона... Было уже далеко за полночь, когда голова колонны добралась до вершины хребта. Спускъ съ него былъ неменѣе труденъ, чѣмъ подъемъ: отъ бывшихъ предъ тѣмъ дождей, грунтъ сдѣлался до того вязкимъ и скользкимъ, что во многихъ мѣстахъ приходилось сползать по крутымъ скаламъ. Кому случалось неосторожно поскользнуться или оступиться, тотъ летѣлъ стремглавъ съ кручи» (63—64). Такія трудности должно было преодолѣвать отряду Багратіона, пока онъ достигъ спуска въ узкое ущелье, открывающее свободный входъ въ долину Муттенскую.

Но въ этихъ двадцати страницахъ, которыя вы такъ неосторожно пропустили, найдете, между прочимъ, описаніе перехода русскихъ черезъ Урнерское подземелье и знаменитый Чортовъ мостъ, изображенный на рисункѣ, приложенномъ къ четвертому тому. Съ разсвѣтомъ 14 сентября ни одного француза не было уже въ Урзернской долинѣ. Суворовъ не медлялъ, и въ 6 часовъ утра выступивъ изъ Госпиталя, спокойно соединился съ Розенбергомъ у деревни Урзернъ. — «Въ тотъ день (говоритъ авторъ) предстояло всей колоннѣ пройти черезъ такую тѣснину, гдѣ, казалось, сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно ли нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ войскъ». Громадные, по правому берегу Рейссы, утесы отвѣсно врѣзываются въ самое русло рѣки. Сквозь эту натуральную стѣну пробито узкое, низкое отверстіе, такъ называемая *Урнерская дыра* (Urner-Loch), имѣвшее около 80 шаговъ въ длину и едва достаточное для свободного прохода челоуѣка съ вьюкомъ. Выходя изъ темнаго подземелья, дорога карнизомъ обгибаетъ гору и крутизною спускается къ страшному Чортову мосту. — «Отъ входа въ Урнерскую пещеру до моста разстояніе не болѣе 400 шаговъ: на этомъ пространствѣ рѣка Рейсса прорывается какъ-бы черезъ трещину, между высокими, нависшими горами; низвергаясь нѣсколькими водопадами съ высоты 200 футовъ, неистовый потокъ, весь въ пѣнѣ, мечется съ утеса на утесъ; гулъ его слышенъ на дальнее разстояніе. Отвѣсные утесы, сирающіе съ обѣихъ сторонъ величественный водопадъ, до то-

го обняются между собою, что одна снѣлая арка перекинута черезъ потолокъ, на высотѣ 75 футовъ надъ бездною (нынѣшній мостъ построенъ еще 25-ю футами выше прежняго; но старая арка существуетъ и теперь надъ новымъ мостомъ). Не смотря на эту вышину, брызги вода-нада летятъ еще выше. Прямо съ моста дорога упирается въ отвѣсную скалу лѣваго берега и, поворотивъ круто направо, спускается, по искусственной каменной аппарели, къ другому мостику, по которому снова переходитъ на правый берегъ Рейессы. Обойдя въ этомъ мѣстѣ крутую скалу противоположнаго берега, дорога сейчасъ-же пере-бѣгаетъ на лѣвую сторону и наконецъ, передъ самою деревнею Геше-ненъ, достигаетъ выхода изъ этого мрачнаго ущелья. Все разстояніе отъ входа въ Уриерскій проходъ до деревни Гешененъ около двухъ верстъ съ половиною. Въ подобномъ мѣстоположеніи, казалось, доста-точно было горсти стрѣльныхъ непріятельскихъ, чтобъ остановить цѣлую армію. Французы легко могли-бы взорвать арку Чортова моста; но они надѣялись и безъ того остановить Суворова въ Уриерскомъ проходѣ. Небольшой передовой отрядъ защищалъ это подземелье; противъ выхода изъ него поставлена была пушка, а два баталіона (38-й полубригады) расположились позади Чортова моста, подъ начальствомъ полковника Дамъ (Damas)» (стр. 51—52). — Читая эти строки, рассмотримъ внимательно помннутый рисунокъ, изображающій переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ, и припомните изъ оды Державина слѣдующую строфу:

А тамъ, невидимой рукою,
Простертое съ холма на холмъ,
Чудовище, какъ мостъ длиною,
Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
Бездонну челюсть разверзаетъ,
Въ единый мигъ полки глотаетъ;
А тамъ — пещера чорна синтъ
И смертнымъ мракомъ взоры кроетъ;
Какъ бурю, гортанью востъ:
Предъ ней Отчаянье сидитъ.*

* Ода эта, подъ заглавіемъ: «На переходъ Альпійскихъ горъ», состоящая изъ 32 хъ строкъ, напечатана Державинымъ въ Гатчинѣ, гдѣ, въ день празднованія бракосочетанія великихъ князей Александра и Елены Павловны, получено было извѣстіе о подвигахъ русскихъ въ Швейцаріи, и гдѣ Державинъ, будучи тогда сенаторомъ, находился вмѣстѣ съ прочими. Стихи были въ то-же время напечатаны на особыхъ листкахъ съ эпиграфомъ изъ Ломоносова:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступать тамъ волки оравни.

Лишь только голова русской колонны успѣла войти въ подземелье, ее встрѣтили ядра и пули республиканцевъ. Подъ градомъ этихъ выстрѣловъ невозможно было пробиться сквозь ужасное отверстие: не малозначительная потеря ознаменовала первую попытку неустрашимыхъ храбрцевъ. Послали въ обходъ два отряда. Они мужественно обратились на отвѣсныя, неприступныя, повидному, утесы, и неожиданнымъ появленіемъ своимъ на этихъ громадахъ ошеломили французовъ, авангардъ которыхъ немедленно оставилъ позицію у выхода изъ пещеры, между-тѣмъ какъ находившіяся въ тылу войска ихъ бросались ломать мостъ.... переходный спускъ разрушенъ, образовался провалъ.... множество неприятельскихъ стрѣлковъ разсыпалось по лѣвому берегу рѣки за каниши, скалами, вдоль дорогъ, по вершинамъ горъ, внизу у Рейсы. Со всѣхъ сторонъ свистѣли смертоносныя пули, но не могли надолго остановить русскихъ, которые вскорѣ начали обходить неприятеля и заставили его удалиться отъ моста послѣ боя, обѣимъ сторонамъ стоявшаго многихъ жертвъ. Испорченный мостъ солдаты наши стали сплавивать бревнами; офицеры перевязывали бревна своими шарфами. Содѣйствіе австрійскихъ пионеровъ, приступившихъ было къ исправленію моста, генералу Ребиндеру показалось медленнымъ: онъ велѣлъ своимъ молодцамъ натаскать еще бревенъ, досокъ, хворосту. Такимъ образомъ къ 4-мъ часамъ мостъ кое-какъ былъ починенъ; колонна паша опять пошла впередъ, не переставая бороться съ неприятелемъ и затрудненіями мѣстности.

На другой день русскіе достигли Альторфа. По ихъ взятію С.-Готарда, ихъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ, подвиги неимоверной рѣшимости и чудныхъ, геройски исполненныхъ успѣй, не могли привести къ послѣдствіямъ, какія долженствовали-бы увѣичать подобную доблесть. Дальнѣйшій путь преграждало Луцернское озеро; горы совершенно прерывали сообщеніе по восточному берегу, а Суворову надобно въ-время посетить въ Швицъ, гдѣ онъ надѣялся найти продовольствіе, вступить въ сношеніе съ Линкеномъ, Елашпчемъ, Готце и Корсаковымъ, объ участи которыхъ послылись уже въ Альторфѣ неблагопріятныя слухи. Не раздумывая, не колеблясь, не давая даже войскамъ отдыха, вожь нашъ, чрезъ непроходимый дотогъ хребетъ Росштокъ, смѣло спускается въ Муттенскую долину (трудности этого пути изображены выше, при разсказѣ о слѣдованіи Багратіона отъ деревни Бюргленъ). Быстротою внезапнаго натиска, войска наши востребляютъ передовой отрядъ французовъ; часть ихъ сдается, другая переколота пиками и штыками....

«Страшный слѣдъ арміи обозначался множествомъ тѣлъ людей, лошадей и муловъ, разбросанныхъ по всему протяженію пути. Зато пе-

реходъ русскихъ чрезъ эти горы до-сихъ-поръ живеть въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ преданіе полубаснословное; показывая на эту тропинку, едва замѣтную на скалахъ и снѣжныхъ пустыняхъ, швейцарець говоритъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: «Здѣсь проходилъ Суворовъ». На картахъ Швейцаріи тропинка эта обозначается простою подписью: *Путь Суворова въ 1799 году* (стр. 66)

Напрасны были посылки непріятеля отрѣзать, или уничтожить, хотя малую часть войскъ нашихъ въ—продолженіе изумительнаго слѣдованія ихъ къ Муттену: неоднократно отбитые съ урономъ, французы не дерзали вновь нападать на сѣверныхъ героевъ, совершавшихъ подвиги почти невѣроятные, но, къ сожалѣнію, безплодные. Въ Муттенѣ Суворовъ узналъ о неудачѣ Корсакова подъ Цюрихомъ и пораженіи Готце на Линтѣ, подробно и безпристрастно описанныхъ въ главахъ LX и LXI. Елашичъ и Линкенъ, также разбитые французами, поспѣшно отступили за Рейнъ. Къ 15 сентября Суворовъ, покинутый союзниками, оставался въ Швейцаріи одинъ съ своею малочисленною, истомленною страшными переходами арміею, точнѣе — слабымъ корпусомъ, противъ котораго, въ превосходныхъ силахъ, устремлялся торжествующій Массена. Вполнѣ достигнувъ своей цѣли, разобивъ союзниковъ и не допустивъ соединенія Суворова съ Корсаковымъ, ретировавшимся къ Шафгаузену, республиканскій полководецъ намѣревался запретить русскимъ выходъ изъ Муттенской долины. Но если австрійскіе генералы не могли успѣшно бороться съ Сультомъ и Молиторомъ, Массенѣ доставался иной противникъ, и онъ слишкомъ самонадѣянно хвасталъ, общая «плѣннымъ русскимъ офицерамъ привести къ нимъ чрезъ нѣсколько дней самого фельдмаршала и Великаго Князя Константина Павловича» (стр. 124).

Тѣмъ не менѣе, по точнымъ словамъ историка нашего, «положеніе русскихъ войскъ въ Муттенской долинѣ было ужасно». 18-ти тысячный отрядъ, въ тѣсномъ ущельѣ, среди неприступныхъ горъ, со всѣхъ сторонъ окружалъ многочисленный непріятель. Войска наши, «изнуренныя немовѣрнымъ походомъ, почти босыя, безъ всякой теплой одежды, нѣсколько дней ужъ нуждались въ продовольствіи. Изъ запасовъ, которые везлись за отрядомъ, много потеряно на пути; сохранившіеся вьюки еще тянулись черезъ снѣговой хребетъ, у солдатъ не оставалось ни одного сухаря. Счастливыми считали себя тѣ, которымъ удавалось добыть нѣсколько картофелинъ. Офицеры и генералы съ радостью платили червонцами за каждый кусокъ хлѣба или сыра; однакъ, несмотря на столь бѣдственное положеніе, русскія войска не тронули ничего у жителей деревеньки Муттенъ. Великій Князь Кон-

стантинъ Павловичъ приказалъ на свои собственные деньги скупить все, что было у нихъ съѣстнаго и раздать солдатамъ: эта щедрость Великаго Князя облегчила хотя на одинъ день тяжкое положеніе войска; а жители, приученные республиканцами къ насильственнымъ поборамъ, были удивлены до крайности великодушію русскихъ». . . При такихъ обстоятельствахъ, Суворову, лишенному «послѣднихъ надеждъ на помощь отъ австрійскихъ войскъ», оставалось только думать о спасеніи собственной своей малочисленной арміи. Но гдѣ-же былъ выходъ изъ этого страшнаго положенія? отступить-ли назадъ въ Шахенскую долину? продолжать-ли наступленіе къ Швицу, или обратиться чрезъ гору Брагель къ Гларису въ долину Линты?.. Со всѣхъ сторонъ непріятель стерегъ выходы изъ Муттенской долины.

«По увѣренію иностранныхъ писателей (говорить г. Милютинъ), Суворовъ пришелъ будто-бы въ такое бѣшенство, что хотѣлъ броситься впередъ къ Швицу, сбить стоявшія тамъ войска французскія, выйти въ тылъ непріятельской арміи, и только настоятельныя просьбы нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ фельдмаршала отклонили его отъ такого отчаяннаго намѣренія. Но показаніе это опровергается всѣми русскими источниками: напротивъ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ очевидцевъ, движеніе на Швиць къ Эйнзидельну было предлагаемо австрійскими офицерами генеральнаго штаба и отвергнуто фельдмаршаломъ. 18-го же числа Суворовъ собралъ у себя военный совѣтъ, на который приглашены были Великій Князь Константинъ Павловичъ, всѣ русскіе генералы и нѣкоторые изъ штабъ офицеровъ; только австрійскій генералъ Ауфенбергъ приглашенъ не былъ».

Изображеніе этого совѣщанія, основанное на удостовѣреніи одного изъ участниковъ достопамятнаго похода, полковника Якова Ивановича Старкова, неоднократно слышавшаго разсказъ изъ устъ самого князя Багратіона, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ, живыхъ и даже драматическихъ страницъ разсматриваемой книги. Видно, что великій старецъ, впервые, въ-теченіе продолжительнаго и блистательнаго военнаго поприща своего, очутившійся въ критическомъ, опасномъ положеніи, дѣйствительно разстроены былъ нѣсколько духомъ, глубоко огорченъ, томимъ сомнѣніемъ и безпокойствомъ. Самое то обстоятельство, что онъ рѣшился прибѣгнуть къ военному совѣту, въ другое время, слѣдуя всегда внушеніямъ собственнаго, порывистаго генія, уже показываетъ нѣкоторое, очень, впрочемъ понятное и неизбѣжное смятеніе его. Свѣжіе лавры трепетали на его обнаженномъ челѣ; его личная слава, любовь къ славѣ отечества и блеску оружія русскаго, въ эти

испытательные дни, не могли не исполнить благородною тревогою его высокою и чистою душою...

Получивъ приглашеніе на военный совѣтъ, князь Багратионъ явился первый къ Суворову и засталъ его въ сильномъ волненіи. Въ полномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ, ходилъ онъ скорыми шагами по комнатамъ и, не замѣчая прихода Багратиона, отрывисто говорилъ про-себя, произнося короткія, несвязныя, несовсѣмъ понятныя фразы... между-прочимъ, сказалъ онъ: «нужите-то знать вести войну... зпать мѣстность... умѣть разсечь... не дать себя въ обманъ... умѣть бить... А бпгону быть—не мудрено!.. погубить столько тысячъ!.. и какихъ!.. въ одинъ день!.. помилуй Господи!» (Вѣроятно, слова эти отпосылись къ Корсакову.) Не смѣя присутствіемъ своимъ нарушать печальныя сѣтованія стараго, любимаго вождя, Багратионъ временно удалился, оставивъ фельдмаршала въ тревожномъ раздумьѣ... (Стран. 124—127). «Нѣсколько времени спустя, начали собираться приглашенные на совѣтъ; пришелъ и Великій Князь. Всѣ вмстѣ вошли къ фельдмаршалу. Суворовъ остановился, сдѣлалъ поклонъ, потомъ зажмурилъ глаза и, казалось, собиралъ свои мысли. После минутнаго молчанія, вдругъ окинулъ всѣхъ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ и началъ говорить торжественно, сильно, съ одушевленіемъ: «Корсаковъ разбить и прогнать за Рейнъ? Готце провалъ безъ вѣсти и корпусъ его разсѣять! Елашничъ и Липкентъ ушли! весь планъ нашъ разстроены!» Приписывая этотъ несчастный оборотъ дѣла винѣ австрійскаго кабинета, фельдмаршалъ вчислалъ въ сжатыхъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ, всѣ непріятности и проски, которые терпѣлъ онъ отъ австрійцевъ съ самаго прибытія своего въ Италію; въ доказательство коварной политики барона Тугута, приводилъ старанія его удалить русскихъ изъ Италіи и преждевременное выступленіе эрцгерцога Карла изъ Швейцаріи, имѣвшее неизбежнымъ послѣдствіемъ пораженіе Римскаго-Корсакова. Наконецъ и бѣдственное положеніе собственной своей арміи Суворовъ приписывалъ винѣ австрійцевъ: «еслибы (говорилъ онъ) не потеряны были пять днѣй въ Тавернѣ, то случившіяся несчастія были-бы предупреждены, и Массенѣ не удалось-бы одержать побѣды, подготовленныхъ коварною политикою союзнаго кабинета.

«Чѣмъ долѣе говорилъ Суворовъ, тѣмъ болѣе приходилъ въ одушевленіе, тѣмъ сильнѣе выражалось взволнованное состояніе души его. Поступки австрійскаго министра называлъ онъ прямо вѣроломствомъ и предательствомъ. Фельдмаршалъ припомнилъ измѣну, которая мѣлогда доставляла въ опасность Петра Велікаго на Дрютѣ; съ-тѣхъ-поръ, го-

ворять Суворовъ, русскія войска не были въ подобномъ безвыходномъ положеніи... «Теперь мы, среди горъ, окружены непріателемъ, прѣвосходнымъ въ силахъ. Чтѣ предпринять намъ? Идти назадъ—постыдно; видкогда еще не отступалъ я. Идти впередъ къ Швицу—невозможно: у Массены слыше *шестидесяти* тысячъ; у насъ же нѣтъ и «двадцати; къ-тому же мы безъ провіанта, безъ патроновъ, безъ артиллеріи... Помощи намъ ждать не отъ кого... мы на краю гибели!»...

«Прозвнеся эти тяжкія слова, Суворовъ едва могъ сдерживать долготу своего негодованія, горести и водненія. Онъ былъ убить, разтерзаны. Скорбь фельдмаршала отозвалась во всѣхъ слушающихъ его; у каждаго сжималось сердце.—«Теперь»—прибавилъ Суворовъ,—«одна остается надежда: на всемогущество Бога, да на храбрость и на самоотверженіе мощъ войскъ! Мы русскіе! съ нами Богъ!»..

«Какъ-будто искра электрическая пробѣжала во всѣхъ присутствовавшихъ. Придя въ какое то восторженное состояніе, Суворовъ продолжалъ: «Спасите честь Россіи и Государя! Спасите сына нашего Императора!»... Съ этими словами бросился онъ къ ногамъ Великаго Князя и облился слезами. Константинъ Павловичъ, въ смущеніи, поднималъ старика, обнималъ его, цѣловалъ и, рыдая, не могъ произнести ни одного слова. Всѣ окружающіе приведены были въ неизъяснимое водненіе; никому еще не случалось видѣть Суворова въ такомъ разстроенномъ и встревоженномъ состояніи. Семидесятилѣтній полководецъ, депитавшій въ тысячѣ опасностей, непреклонный до умирающаго, всегда изумлявшій своею желѣзною сплюю вози—теперь цѣкалъ отъ горя...

«Генералъ Дерфельденъ первый заговорилъ отъ имени всѣхъ русскіхъ начальниковъ; онъ ринулся за неизмѣнную храбрость и безпрекословное самоотверженіе войска, готоваго безропотно идти всюду, куда поведетъ великій полководецъ. Слова эти были истициымъ усажденіемъ для Суворова: выслушавъ Дерфельдена, фельдмаршалъ оживился; глаза его снова заблестали. «Да», сказалъ онъ съ увѣренностью; «мы русскіе, съ помощью Божіей мы все одолѣемъ!»

«Тогда начался совѣщанія о томъ, чтѣ предстояло предпринять: идти ли впередъ къ Швицу, или обратиться къ Гларису? По свѣдѣтельству Комаровскаго, Великій Князь Константинъ Павловичъ принялъ живое участіе въ совѣщаніяхъ и убѣдительно опровергалъ предложенное австрійскими офицерами движеніе къ Швицу. «Еслибъ даже и удалось «цанъ это движеніе (говорилъ Великій Князь), еслибъ даже действительныо вышелъ мы въ тылъ арміи непріательской, то какія-же будутъ «отъ того выгоды?—Мы еще болѣе отдалимся отъ главной нашей цѣли,

«то-есть отъ соединенія со всѣми частями союзныхъ силъ. Напротивъ того, «если пойдемъ къ Гларису и пробьемся чрезъ непріятельскія войска, «преграждающія намъ дорогу къ Ливтѣ, то немедленно-же соединимся «съ Линкеномъ, получимъ чрезъ него нѣкоторыя средства продоволь- «ствія, и умноживъ силы свои, можемъ легче предпринять всякое даль- «нѣйшее движеніе для соединенія съ прочими частями арміи»... Сооб- раженія эти были такъ основательны, что заслужили полное одобреніе фельдмаршала; всѣ присутствовавшіе въ совѣтѣ согласились съ мнѣні- емъ Великаго Князя» (стран. 127—130).

Прочитайте всю главу: «Муттенталь и Кленतालъ», изъ начала ко- торой заимствованы эти страницы, и убѣдитесь, въ какой мѣрѣ счаст- ливо, съ какимъ блистательнымъ успѣхомъ приведены были въ испол- неніе рѣшенія, принятыя въ описанномъ военномъ совѣтѣ. Бодро и му- жественно идутъ опять колонны русскія чрезъ новыя стремнины и про- пасти. Массена, Молисторъ, Лекурбъ мало-по-малу теряютъ свою само- надѣянность и внутренно сознаются въ преждевременной хвастливости. Стѣсненный, но непобѣдимый, неуступающій, подобно льву, гордо и смѣло, Суворовъ не только отражаетъ дружныя и, въ свою очередь, ловкія нападенія втрое превосходящаго численностью непріятели, но и бьётъ его чуть не на каждомъ шагу. Послѣдній, истинно-героическій періодъ изумительнаго шестнадцати-дневнаго швейцарскаго похода являъ новую, безпримѣрную доблесть слабаго числомъ, но несокрушимаго въ силѣ корпуса русскихъ, побѣждавшихъ скалистую природу и врага жи- ваго, одновременно боровшихся и съ упорными республиканцами и со всею суровостью осенне-зимняго ненастья, съ голодомъ и холодомъ....

Ихъ вель Суворовъ по горамъ —
И горы чудно уступали;
Ихъ вель на полчища къ врагамъ,
И тѣ предъ горстію бѣжали...

Къ сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ указать на мно- гія любопытныя подробности, какъ въ упомянутой главѣ: «Муттенталь и Кленतालъ», такъ и въ слѣдующей: «Выступленіе Суворова изъ Швей- царціи». Ограничиваемся выпискою изъ нихъ только двухъ мѣстъ, кото- рыя дадутъ хотя приблизительное понятіе объ остальномъ...

Съ самаго утра 19 сентября австрійская бригада Ауфенберга была въ схваткѣ съ непріятелемъ, и Молисторъ, пользуясь слабостью авст- рійцевъ, выслалъ къ нимъ парламентаря, требуя, чтобъ они положили оружіе. Къ счастью подоспѣлъ авангардъ Багратіона, и пока его «от- рядъ строился въ боевой порядокъ, нѣкоторые изъ австрійскихъ офице-

ровъ генеральнаго штаба сочли нужнымъ предупредить Великаго Князя Константина Павловича о томъ, что войска союзныя могутъ быть поставлены въ опасное положеніе, и уговаривали Его Высочество отъѣхать назадъ; но Великій Князь съ негодованіемъ отвѣчалъ, что присутствіе его именно въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть въ особенности полезно,—и, немедленно же подѣхавъ къ боевой линіи, одушевлялъ войска краткимъ привѣтствіемъ. «Мы со всѣхъ сторонъ окружены (сказалъ онъ); но вспомните, что завтра день радостный для цѣлой Россіи—день роженія нашего Государя и моего родителя; мы должны прославить этотъ день побѣдою, или умереть со славою!»... Восторженные клики раздались въ рядахъ доблестнаго войска, нешотерывшаго среди тяжкихъ испытаній той отваги воинской, которою одушевлено было на поляхъ Треббін и Нови. Весь отрядъ смѣло двинулся впередъ... Ауфенбергъ, ободренный приближеніемъ русскихъ, прервалъ переговоры съ непріятелемъ и началъ отводить свою бригаду назадъ. Тогда Молиторъ снова устремился на австрійцевъ, какъ на вѣрную добычу. Но князь Багратіонъ уже пробрался скрытно съ полкомъ своимъ по болотистому лѣсу, и давъ французамъ продвинуться впередъ, внезапно ударилъ имъ во флангъ съ крикомъ ура! Въ то же время загремѣлъ барабанъ, и русскіе гренадеры, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, ударили въ штыки прямо съ фронта. Неожиданно атакованные съ двухъ сторонъ, республиканцы остановились, начали отстрѣльваться и отступать. Не давая имъ опомниться, князь Багратіонъ атаковалъ ихъ и преслѣдовалъ до самаго озера. Здѣсь французскія войска стѣснились въ узкой дорогѣ, между берегомъ и отвѣсными горами. Чтобы не дать имъ времени втѣнуться въ тѣснину, князь Багратіонъ въ третій разъ атаковалъ республиканцевъ. При этомъ страшномъ столпленіи, до 200 французовъ потонуло въ озерѣ; болѣе 70 человекъ переколото штыками; 162 человекъ, при трехъ офицерахъ, захвачены въ плѣнъ» (стр. 133—134).

Вотъ предпоследняя ночь швейцарскаго похода, за деревнею Маттъ. То была «ночь темная и ненастная; снѣгъ падалъ хлопьями; не было даже дровъ, чтобы разложить огни. Пользуясь темнотою, французы приблизились на ружейный выстрѣлъ къ русскимъ войскамъ и расположились во всю ширину долины по обѣимъ сторонамъ рѣки; лѣвое крыло заняло крутыя, утесистыя горы, съ которыхъ республиканцы стрѣляли въ русскій лагерь, и даже покушались нѣсколько разъ спуститься въ долину. Всю ночь русскія войска ожидали нападенія; въ каждомъ батальонѣ дозволено было только нѣкоторой части людей поочередно отдыхать, а прочіе стояли въ ружьѣ... Около двухъ часовъ

пополуночи, 25 числа, русскія войска снова выступили въ походъ и успѣли отойти уже довольно далеко, когда, на разсвѣтъ, непріятель заиѣтилъ ихъ отступленіе. Французы снова напали на русскій арьергардъ; но, видя противъ себя одни казачьи посты, не рѣшились преслѣдовать ихъ далѣе въ узкое ущелье. Путь, предстоявшій русскимъ войскамъ, былъ еще труднѣе, чѣмъ всѣ прежніе переходы: въ разстояніи верстъ пяти отъ Эльма, начинается крутой и продолжительный подъемъ на высокой снѣговой хребетъ; узкая дорога, по которой можно идти лишь поодиночкѣ, пролегла большею-частью по косорогу, или по краямъ отвѣсной кручи, спускалась въ глубокія промоины, пересѣкала быстрые потоки и снова взбиралась на гору. Дорога эта, трудная сама по себѣ, сдѣлалась совсѣмъ непроходимю отъ продолжительнаго ненастья. При началѣ подъема, войска вязли въ грязи, едва вытаскивали ноги, спотыкались и даже обрывались въ бездны. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ круче и труднѣе становился подъемъ, а выпавшій въ ночь снѣжной снѣгъ совсѣмъ занесъ дорогу. Густыя облака одѣвали всю поверхность горы, такъ-что русскіе карабкались на-обумъ, ничего не видя передъ собою. Проводники разбѣжались и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь въ снѣжные сугробы; вьюга-же немедленно сметала всѣ слѣды и каждый солдатъ долженъ былъ пробивать себѣ новый путь. Съ высоты горъ слышались на днѣ долины глухіе раскаты грома; по временамъ съвозъ густой, непроницаемый туманъ, сверкала молнія. Огромные камни, срываемые бурей, съ грохотомъ катились въ бездны. Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскія войска на этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ, безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни: если кому случалось оступиться или поскользнуться, то не было уже спасенія. Одинъ офицеръ, вѣхавшій верхомъ, сорвался съ кручи и полетѣлъ стремглавъ вмѣстѣ съ лошадью. Еще труднѣе было вести лошадей и муловъ. До 300 вьюковъ погибло въ пропастяхъ; всѣ орудія пришлось побросать въ бездны... Цѣлый день безостановочно колонна тянулася черезъ хребетъ, и только авангардъ Милорадовича съ частью вьюковъ успѣлъ засвѣтло спуститься къ деревенькѣ Паникъ; остальные-же войска едва дошли и до вершины хребта. Вся колонна остановилась въ томъ положеніи, въ какомъ застигнута была ночью темнотою: не имѣя никакой возможности идти далѣе, выбившись совершенно изъ силъ, солдаты сами приютились гдѣ попало, на голомъ снѣгу, на камняхъ, или прислонившись къ скалѣ, и такъ провели цѣлую ночь, въ ожиданіи разсвѣта. Къ довершенію бѣдствія, въ-продолженіе ночи сдѣлалась такая стужа,

что многие солдаты заморзали на вершинѣ горы, а дорога стала чрезвычайно скользкою; чрезъ это спускъ съ хребта одѣлался до крайности труднѣйшъ... Къ полулюнѣ (26 числа) всѣ войска собрались у деревни Паниксъ, и послѣ небольшого привала, въ тотъ-же день дошли до города Иланца. Здѣсь остатки Суворовской арміи вышли наконецъ изъ всякой опасности: высокій снѣговой хребетъ прикрылъ ихъ отъ непріятеля. Въ Иланцѣ русскія войска спокойно отдохнули одну ночь: получили дровъ, обогрѣлись около бивачныхъ костровъ, а 27-го сентября пришли въ Куръ, гдѣ нашли изобильные запасы продовольствія. Мгновенно весь русскій лагерь оживился; горе и утомленіе забыты. Солдаты принялись чинить обувь, справлять амуницію; уже шутили надъ минувшими страданіями, и подѣ-часъ распѣвали веселыя пѣсни» (158 161).

Вотъ малый отрывокъ изъ русской Иліады; одна лишь суворовская глава. Таковъ былъ солдатъ нашъ изстари, такииъ видишь его и нынѣ, по прошествіи болѣе полувѣка, въ началѣ котораго русскіе, хотя ужъ и съ не старикомъ Суворовымъ, все-таки два раза добрались до Парижа.

Правда, цѣль знаменитаго швейцарскаго похода не была достигнута, потому-что союзники, въ-слѣдствіе недостаточнаго соглашенія и несостоятельности ихъ дѣйствій, принуждены были покинуть Гельвецію, однакожь, по справедливому выводу г. Милютина, «неудачная эта кампанія принесла русскому войску болѣе чести, чѣмъ самая блистательная побѣда. Нѣсколько тысячъ русскихъ, заброшенныхъ въ самую недоступную часть альповъ», впродолженіе слишкомъ двухъ недѣль, «боролись непрерывно со всѣми препятствіями суровой природы... Чрезвычайныя затрудненія, свойственныя вообще горной странѣ, особенно въ позднее время года, должны были-бы казаться неодолимыми для русскаго солдата, привыкшаго къ простору родимыхъ долинъ, къ раздолью необозримыхъ степей»; но «грозные великаны альповъ, съ своими снѣжными вершинами, съ отвѣсными ребрами, съ мрачными ущельями, не испугали нашихъ войскъ: смѣло проходили они съ артиллерією и выюками тамъ, гдѣ ступали до нихъ только привычныя охотники. Въ одномъ мѣстѣ на пути русской арміи попалась надпись на скалѣ: *Здѣсь прошелъ пустынный»* (162—163). Незыблительно сохраняя въ виду арміи спокойную паружность, Суворовъ умѣлъ ободрять войско и поддерживать его мужественный духъ. Однажды, на походѣ, замѣтивъ, что солдаты выбились изъ силъ и начинали унывать, Суворовъ громко затянулъ пѣсню: «*Что дѣлушки сдѣлалось! Что красной случилось?»* — Общій хохотъ раздался въ долинахъ, и солда-

ты весело пошли далѣе (см. стран. 165—166). Въ разсматриваемой книгѣ найдете не мало подобныхъ анекдотовъ, свидѣтельствующихъ и о гениальной находчивости престарѣлаго вождя, и о самоотверженіи его доблестной дружины.

Изъ двадцати тысячъ русскихъ, вступившихъ въ Швейцарію, послѣ многихъ, почти безпрерывныхъ битвъ и стычекъ въ продолженіе 16 дней, Суворовъ невредимо, однакожъ, довелъ до Иланца около пятнадцати тысячъ. «Болѣе 1600 человекъ убиты, упали въ пропасти, замерзли и пропали безъ вѣсти; раненныхъ было свыше 3500 человекъ... Неприятель, по вѣсти вѣроятіямъ, имѣлъ не меньшій уронъ. Русскіе вывели съ собою изъ Швейцаріи до 1400 плѣнныхъ французовъ, которыхъ передали въ Куръ въ руки австрійцевъ» (162).

Въ остальныхъ трехъ главахъ четвертаго тома (LXIV, LXV и LXVI) обстоятельно изображены, между-прочимъ, «послѣднія дѣйствія русскихъ въ Швейцаріи», то-есть положеніе корпуса Римскаго-Корсакова послѣ цюрихскаго сраженія, присоединеніе войскъ принца Ковде, сраженія при Шлатъ и Констанцѣ и обратный переходъ русскихъ на правую сторону Рейна, потомъ «удаленіе Суворова съ театра войны», въ-слѣдствіе несбывшихся предположеній о новыхъ наступательныхъ движеніяхъ и недоразумѣній, происшедшихъ между нашимъ фельдмаршаломъ и эрцгерцогомъ Карломъ, наконецъ «разрывъ между обоими императорами», причемъ, со всею достовѣрностью и точностью пояснены: политика тогдашняго вѣнскаго двора, тайныя сношенія его съ Франціею, дѣла сардинскія и прочее соприкосновенное съ современными событіями или отношеніями. Въ этихъ главахъ столько любопытнаго и, несмотря на отдаленіе времени, животрепещущаго, что еслибъ мы вздумали указывать и на одно лишь самое замѣчательное, то все-таки пришлось-бы выписать половину этихъ главъ. Видны союзниковъ, которые желали распространенія своихъ владѣній и домогались собственныхъ выгодъ, при общей сумятицѣ въ Европѣ, когда, напротивъ, Императоръ Павелъ имѣлъ безкорыстною цѣлью возстановленіе прежняго, до-революціоннаго порядка вещей, были причиною, что коалиція разрушилась, послѣ многихъ пожертвованій, непринесшихъ плода, оставшихся безъ результатовъ, казавшихся несомнѣнными въ періодъ побѣдъ Суворова въ Италіи. Полководецъ нашъ уклонился отъ свиданія, которое предлагалъ ему эрцгерцогъ для совѣщанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Искушенный въ сношеніяхъ съ союзниками, испытанный бѣдствіями въ Швейцаріи, князь Александръ Васильевичъ не довѣрялъ уже ничему и никому. Можетъ-статься, простирая опасенія свои до малшества, герой Треббін и Нови говорилъ: «юный генералъ эрцгер-

цогъ Карлъ хочеть меня обволшебить своимъ демоноенствомъ» (стран. 194). Иностранные писатели несогласіе это относили къ «раздраженному самолюбію Суворова, который будто-бы обидѣлся замѣчаніями эрцгерцога и счелъ унизительнымъ для себя принять уроки отъ молодого соперника. Рассказываютъ даже, что когда эрцгерцогъ прислалъ къ Суворову своего адъютанта, для личныхъ объясненій по предмету предстоявшихъ дѣйствій, то русскій полководецъ не захотѣлъ войти съ нимъ ни въ какіе разговоры, и въ пылу досады, будто-бы отвѣчалъ ему: «Скажите Его Высочеству, что я не знаю обороны: умѣю только атаковать; двинусь впередъ, когда признаю удобнымъ, и тогда не остановлюсь въ Швейцаріи, а пойду прямо во Франшъ-Конте. Скажите ему, что въ Вѣнѣ я буду у ногъ Его Высочества; а здѣсь я по меньшей мѣрѣ равенъ съ нимъ; онъ фельдмаршалъ — и я также; онъ служитъ великому императору — и я также; но онъ молодъ еще, я старъ; я приобрѣлъ опытность въ побѣдахъ и не приму ни отъ кого совѣтовъ или уроковъ» (стран. 184).

Монархъ русскій, наградившій Суворова, за подвиги и спасеніе арміи въ Швейцаріи, высокимъ званіемъ генералиссимуса, удостоившій его лестнѣйшихъ привѣтствій и ласкъ въ рескриптахъ, одобрилъ уклоненіе князя италійскаго отъ новаго сближенія съ ненадежными союзниками, и русскія войска получили повелѣніе возвратиться въ отечество. Во время пребыванія въ Прагѣ, Суворовъ помолвилъ сына своего (Аркадія Александровича) съ герцогинею саганскою, дочерью бывшаго герцога курляндскаго. Русскій полководецъ былъ тогда предметомъ общаго вниманія цѣлой Европы; владѣтельныя особы осыпали его знаками уваженія и новыми почестями. Курфиреть саксонскій поручилъ придворному живописцу Миллеру снять съ Суворова портретъ для дрезденской галереи; Нельсонъ писалъ къ нему: «Нѣтъ въ Европѣ чловѣка, который любилъ-бы васъ болѣе меня», и выражалъ радость, что похожъ лицомъ на Суворова. — «Милости царскія (говорить г. Милутичъ), знаки общаго почтенія, любовь арміи и цѣлой Россіи, казалось, могли-бы разсѣять самыя глубокія огорченія. Но душевныя раны Суворова были неизлечимы. Ничто не могло истребить той мысли, что онъ уходитъ съ театра войны, не довершивъ начатаго дѣла, не исполнивъ того подвига, который могъ-бы служить вѣнцомъ его славы... Онъ представлялся веселымъ и беззаботнымъ для того только, чтобъ скрыть истинное расположеніе души своей. Во всѣхъ замѣткахъ, писанныхъ Суворовымъ въ Прагѣ, выражается какое-то грустное разочарованіе. Онъ чувствовалъ, что попріще его кончено!» (стран. 211, т. V).

Въ Краковѣ Суворовъ сдалъ начальство надъ арміею генералу Розенбергу, «и, простившись съ войсками трогательнымъ приказомъ, отправился въ Петербургъ. Императоръ Павелъ ждалъ нетерпѣливо пріѣзда великаго полководца и готовилъ ему торжественный пріемъ. Для него отведены были комнаты въ Зимнемъ дворцѣ; въ Гатчинѣ долженъ былъ встрѣтить его флигель-адъютантъ съ рескриптомъ Государя. Графъ Ростопчинъ писалъ Суворову: «мы всё ждемъ васъ; дай Богъ, чтобъ здоровы пожаловали съ героями, спасшимися отъ злодѣевъ, холода, голода и трудовъ... Я болѣнь нетерпѣнѣемъ видѣть васъ и поцѣловать вашу руку»...—«Но Суворовъ уже въ Краковѣ почувствовалъ начало болѣзни, называемой *фликтеною*: сынь и пузыри постепенно покрыли все тѣло его; кашель и страданія до того усилились въ дорогѣ, что Суворовъ уже не въ силахъ былъ продолжать путешествія и остановился въ имѣніи своемъ, Кобринѣ. Долго Суворовъ боролся съ болѣзнію, но принужденъ былъ наконецъ лечь въ постель. Князь Багратионъ, находившійся до того времени неотлучно при своемъ благодѣтелѣ, отправился поспѣшно въ Петербургъ съ донесеніемъ о болѣзни генералиссимуса. Съ живымъ участіемъ принялъ Императоръ печальное извѣстіе: «Молю Бога, да возвратитъ мнѣ героя Суворова (писалъ ему Государь). По пріездѣ вашемъ въ столицу, узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожъ, никогда не сравняется съ вашими великими заслугами, оказанными мнѣ и государству». Потомъ, получая донесенія, что болѣзь Суворова усиливалась, Императоръ отправилъ къ нему своего лейбъ-медика Вейкарта... Сынь генералиссимуса также получалъ отъ Государя приказаніе отправиться въ Кобринъ. Новыя милости царскія оживили духъ Суворова и способствовали облегченію его страданій, болѣе чѣмъ пособія медицины. Онъ всталъ уже съ постели, и, по случаю великаго поста, ежедневно ходилъ въ церковь, пѣлъ на крылосѣ, читалъ громко Апостолъ, молился въ землю и соблюдалъ всё обряды церковныя. Вейкартъ никакъ не могъ отговорить его отъ постной пищи и часто ссорился съ больнымъ. Суворовъ ненавидѣлъ лекарства. — «Мнѣ надобна деревенская изба, молитва, баня, кашница, да квась», говорилъ онъ медику... Суворовъ охотно заводилъ разговоръ о торжественномъ пріемѣ, приготовленномъ ему въ Петербургѣ, восхищался новыми знаками благоволенія царскаго и прибавилъ: «Вотъ это вылечитъ меня лучше, чѣмъ Иванъ Ивановичъ Вейкартъ». По-временамъ припоминалъ онъ свои боевые подвиги, диктовалъ замѣтки о послѣдней кампаніи (помѣщенные въ приложенияхъ), мечталъ о будущей войнѣ и средствахъ успокоенія Европы. Но когда изнуренныя силы тѣлесныя напоминали старика преклонныя его лѣта, тогда

уныло говорилъ онъ: «нѣтъ, старъ я сталъ; поѣду въ Петербургъ, увижу Государя, и потомъ умирать—въ деревню»... Суворовъ рассчитывалъ прѣхать въ свое село Кончанское къ Петрову-дню и задать тамъ праздникъ; собрался построить каменный домъ съ церковью; дѣлалъ разныя хозяйственныя распоряженія... Наконецъ медики объявили Суворову, что можетъ онъ отправиться въ путь, съ тѣмъ однакоже, чтобъ ѣхалъ тихо, не болѣе 25-ти верстъ въ сутки. Суворовъ уже не могъ путешествовать по-прежнему, въ простой кибиткѣ: онъ ѣхалъ въ дормезѣ, лежа на перинѣ. Въ Петербургѣ обрадовались выздоровленію генералиссимуса. Графъ Ростопчинъ писалъ ему: «желалъ-бы я весьма, чтобъ ваше сіятельство были сами очевиднымъ свидѣтелемъ радости нашей, при полученіи извѣстія о выздоровленіи вашемъ». Самъ Императоръ, въ знакъ своего удовольствія, награждалъ чиномъ доктора Кернсона, которому Суворовъ преимущественно считалъ себя обязаннымъ излеченіемъ. Государь отдалъ уже всѣ приказанія относительно встрѣчи генералиссимуса: придворныя кареты ожидали его отъ самой Нарвы; войска, выстроенныя по обѣимъ сторонамъ дороги, за заставой и въ улицахъ, должны были привѣтствовать героя барабаннымъ боемъ, крикомъ ура, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ. Къ вечеру приготовлена была во всемъ городѣ иллюминація.»

«Но Суворову (продолжаетъ г. Милютинъ,)—не суждено было насладиться такимъ торжественнымъ выраженіемъ признательности царской. Болѣзнь его возобновилась сильнѣе прежняго. Не въ силахъ будучи продолжать пути, онъ остановился въ первой литовской деревушкѣ, по близости Вильны. Тутъ, въ бѣдной крестьянской хатѣ, лежалъ знаменитый полководецъ, на простой лавкѣ, покрытой полотномъ. Выраженіе лица его совершенно измѣнилось; убитый духомъ, Суворовъ не могъ уже преодолѣть страданій тѣлесныхъ: онъ молился, стоналъ и по временамъ вырывались изъ груди больного тяжкія восклицанія: «Боже, за что страдаю!.. Зачѣмъ не умеръ я въ Италіи!»... Однакожъ, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, Суворовъ опять сѣлъ въ карету и продолжалъ путь. Вездѣ, гдѣ останавливался онъ, народъ толпился у кареты; каждому хотѣлось взглянуть на великаго полководца. Въ Ригѣ Суворовъ остановился отдохнуть; онъ чувствовалъ себя лучше и въ первый день Св. Пасхи, собравъ послѣднія силы, надѣлъ мундиръ, былъ у обѣдни и разгавливался у генералъ-губернатора. Отъ Риги продолжалъ онъ путь почти шагомъ, такъ-что ѣхалъ до Петербурга еще цѣлыя двѣ недѣли. Наконецъ 20 апрѣля прибылъ онъ въ столицу. Въ Стрѣльнѣ встрѣтили его нѣкоторые изъ родныхъ и знако-

ныхъ; но всѣ торжества и почести были отиѣнены. Большой, изнеможенный, едва шевелясь на перинѣ, въѣхалъ Суворовъ въ Петербургъ въ десять часовъ вечера. Карета его тихо проѣхала по пустыннымъ улицамъ въ Коломну, гдѣ Суворовъ останавливался у своего племянника графа Д. И. Хвостова *. Императоръ Павелъ, узнавъ объ отчаянномъ положеніи Суворова, хотѣлъ успокоить его знаками своего участія: любимецъ полководца, князь Багратионъ, посланъ былъ Государемъ спросить о здоровьи генералиссимуса. Вотъ, что въ-послѣдствіи самъ онъ рассказывалъ объ этомъ: «Я засталъ Александра Васильевича въ постелѣ; онъ былъ очень слабъ; впадалъ въ обморокъ; терли ему виски спиртомъ и давали нюхать. Пришедши въ память, онъ взглянулъ на меня; но въ гениальныхъ глазахъ его уже не блестѣлъ прежній огонь. Долго смотрѣлъ онъ, какъ-будто стараюсь узнать меня; потомъ сказалъ: «а! это ты, Петръ; здравствуй!» — и замолчалъ. — Минуту спустя, онъ опять взглянулъ на меня, и я донесъ ему все, что Государь повелѣлъ. — Александръ Васильевичъ, казалось, оживился; но съ трудомъ проговорилъ: «поклонъ мой... въ ноги... Царю... сдѣлай... Петръ!.. ухъ... больно!»... — и застоналъ, и впалъ въ бредъ... — Я донесъ Государю Императору обо всемъ и пробылъ при Его Величествѣ за полночь. Всякій часъ доносили Государю объ Александрѣ Васильевичѣ. Между многими рѣчами, Его Величество «сказать изволилъ: «жаль его! Россія и Я со смертію его потеряемъ много, много, а Европа — все»... Графъ Ростопчинъ, показывавшій всегда столько дружбы и преданности къ Суворову, испросилъ соизволеніе Государя посѣтить умирающаго и вручить ему ордена св. Лазаря и Богородицы кармелитской, присланные генералиссимусу отъ короля Людовика XVIII. Суворовъ обрадовался посѣщенію графа Ростопчина. Жизнь героя угасала медленно, какъ-будто не рѣшаясь покинуть великаго человека. Съ каждымъ днемъ болѣе терялъ онъ память и впадалъ чаще въ бредъ. Уже позабывалъ онъ названія мѣстъ, гдѣ одержалъ въ послѣднюю кампанію самыя блистательныя побѣды; но по-временамъ еще вспоминалъ Измаилъ, Очаковъ, Прагу. Были минуты, когда умиравшій, какъ будто уснаиваясь вернуться къ жизни, приказывалъ приподнять себя съ постели, посадить въ кресла: но скоро опускалъ голову и забывался. Замѣчая безнадежное положеніе больнаго, родственники уговорили его пріобщиться Св. Тайнъ: онъ исполнилъ послѣдній долгъ христіанина, простился со всеми окружающими и потомъ впалъ въ совершенное без-

* Домъ, въ которомъ останавливался Суворовъ, находится на Крюковомъ каналѣ, за Торговымъ мостомъ, противъ Никольскаго-рынка, и принадлежитъ нынѣ г-нѣ Лобановой.

памятство. Всю ночь томился онъ въ предсмертномъ бреду; невнятные звуки вырывались изъ груди умирающаго; но видно было, что онъ еще грезилъ о битвахъ, о войнахъ, отдавалъ приказанія... Къ утру онъ успокоился и наконецъ умолкъ навсегда: 6-го мая, въ день Юва многострадальнаго, Суворовъ перешелъ въ вѣчность. Кончина великаго полководца произвела сильное впечатлѣнiе въ столицѣ, въ арміи, во всей Россіи. Такъ недавно еще гремѣла слава его побѣдъ, такъ свѣжи еще были въ памяти каждаго подвиги Суворова!—и вотъ бездыханный прахъ его лежитъ на столѣ; погребальныя свѣчи тускло освѣщаютъ блѣдное лицо его; комната обтянута чернымъ сукномъ; вокругъ лежатъ безчисленные ордена, шпаги, жезлы фельдмаршальскіе. Толпы народа стекаются ко гробу, поклониться покойнику... Императоръ Павелъ глубоко огорчился смертью полководца, и повелѣлъ воздать праху Суворова тѣ-же самыя почести, которыя были соблюдены при погребеніи фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго. 9-го мая печальное шествіе двинулось отъ Коломны къ Александро-Невской Лаврѣ. Вдоль всего пути тѣснились несмѣтныя толпы народа; за гробомъ шли всѣ значительнѣйшіе сановники; множество военныхъ со слезами провожали тѣло боготворимаго вождя. Самъ Императоръ стоялъ на Невскомъ-проспектѣ у Публичной библіотеки, и, снявъ шляпу, поклонился праху Суворова. Государь былъ такъ растроганъ, что не могъ удержаться отъ слезъ» (стр. 214—222). Митрополитъ Амвросій совершалъ обрядъ погребенія.

Лира Державина скорбно откликнулась на смерть Суворова. У пѣвца Фелицы висѣлъ въ кѣлткѣ снигирь, выученный пѣть одно колено военнаго марша. Въ день погребенія Суворова, Державинъ сопровождалъ печальное шествіе и, возвратясь въ домъ свой, услышалъ, что птичка поетъ военную пѣсню. Гавріилъ Романовичъ схватилъ перо и немедленно написалъ извѣстное стихотвореніе, начинающееся такъ:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый снигирь?
Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіенну?
Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ...

Изъ V-го тома, не менѣе первыхъ четырехъ занимательнаго и разнообразнаго, мы заимствовали только чрезвычайно любопытныя, какъ видѣлъ читатель, подробности о болѣзни и кончинѣ Суворова, героя сочиненія, не касаясь всего остальнаго, какъ, напримѣръ, экспедиціи въ Голландію, въ которой, благодаря своекорыстію англичанъ и оплошности

герцога юркскаго, потерпѣвъ неудачи Германъ, ни превосходныхъ дѣствій Ушакова въ Средиземномъ-морѣ. Короче, въ обѣихъ статьяхъ нашихъ, посвященныхъ классическому труду полковника Милютина, въ ограниченности ихъ объема, мы принуждены были оставить множество пробѣловъ, допустить пропуски многого и многого, весьма замѣчательнаго, открывающаго новыя розрѣнія, проливающаго новый свѣтъ на событія—съ чѣмъ непосредственно и ближайше ознакомится самъ читатель. Повторяемъ, что частью лишь разсмотрѣнное нами сочиненіе это—исторія Европы на рубежѣ двухъ столѣтій. Оно отличается образцовою полнотою и оконченностью. Книгу началъ покойный генералъ Михайловскій—Данилевскій, мастерскимъ изображеніемъ политическаго состоянія Европы передъ началомъ войны 1799 года, продолжалъ достойно г. Милютинъ, заключивъ искуснымъ обзоріемъ событій при качествѣ Императора Павла и воцареніи Александра I-го. Въ послѣднихъ главахъ выступаетъ на сцену первый консулъ Бонапарте. Приложенія ко всѣмъ пяти томамъ—истинная драгоценность въ военномъ, дипломатическомъ и политическомъ отношеніяхъ; и еслибы мы вздумали извлекать даже одно занимательнѣйшее или важнѣйшее, то сами написали бы первый томъ...

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ. — Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ. — Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности. — Деревянные гениы, или занятіе отъ нечего дѣлать. — Львица сезона съ ея изображеніями и львы съ чужими зубами и шерстью. — Метаморфоза. — Некрологъ. — Зимній садъ и зимнія литературныя новости.

Наконецъ, послѣ продолжительной и свое нравной осени, дождались мы глубокаго снѣга и трескучаго мороза: безъ нихъ зима намъ не въ зиму: въ шубѣ жарко, а въ бекешѣ холодно, на дрожкахъ тряско, а въ саняхъ валяю. Нельзя ручаться, что, покажѣтъ эти строки явятся въ печати, метеорологическая обсерваторія не скажетъ иное: легко можетъ приключиться внезапная оттепель. Какъ-бы то ни было, молодость обоюга пола

съ нетерпѣніемъ ждетъ перваго зимняго маскарада, какъ старость— послѣдняго счастья, продолжной улыбки красоты. 6 декабря много бываетъ именинниковъ, но многіе именинники вечеръ этого дня и часть слѣдующей за нимъ ночи проводятъ въ обширной залѣ Большаго театра, гдѣ тогда не танцуетъ Луиза Фабри или Роза Гиро, не поетъ Лагранжъ, но зато черныя домино увиваются около парадныхъ мундировъ, а ловкіе франты сладко напѣваютъ въ полузакрытые уши таинственныхъ «интриганокъ». Мы еще не получили достовѣрныхъ извѣстій: но нѣтъ сомнѣнія, что въ первый минувшій маскарадъ, котораго не беремъ описывать въ подробности, началось нѣсколько маленькихъ романовъ, достойныхъ остроумнаго пера нашихъ фельетонистовъ и плодовитаго воображенія нашихъ повѣствователей, умѣющихъ дополнить живымъ вымысломъ то, чему догадливая наглядность предстзляетъ болѣе или менѣе существенное основаніе; а воображеніе такъ легко разыгрывается подъ звуки маскарадныхъ оркестровъ, провожающіе дружескія пары и одинокихъ мечтателей....

Музыка звучитъ еще въ настроенномъ слухѣ, когда выходишь изъ маскарадной залы, и потомъ, закутавшись въ енотъ, медленно тащшься домой на смуромъ ванькѣ, способномъ, впрочемъ, привести въ забвеніе самую восхитительную изъ замаскированныхъ «Меланій». Но когда музыка не улаживаетъ петербургскаго жителя? Изъ-за нея лѣтомъ, въ воксальныхъ долинахъ и садахъ загорожья, не слышишь ароматическаго дыханія зефировъ; осенью, вдохновляя оперныхъ и водеvilльных пѣвцовъ и, наполняя собою междодѣйствія, она перебирается въ театры; передъ весною, въ теченіе пяти недѣль, раздражается неумолкаемымъ громомъ безсмѣнныхъ концертовъ, а въ промежутки зимы вдается въ исторію и классицизмъ, не пропускаетъ утра, стережетъ вашъ вечеръ, званый и незваный, досужій и несвободный.

Такъ въ исходѣ ноября и въ первой половинѣ декабря даваемы были еженедѣльно, по четвергамъ, извѣстнымъ фортепѣионистомъ, г. Мортъе-де-Фонтеномъ, *историческіе концерты*, старинныя, даже очень старинныя пьесы, относящіяся большей-частью ко второй половинѣ XVII вѣка; между прочимъ, г-жа де-Фонтенъ пѣла арію Лулли изъ оперы *Роландъ*, представленной въ Парижѣ въ 1685 году, и арію изъ оперы «*Mitane*», сочиненной въ 1686 г. Францискомъ Росси; г. Всеволодъ Мауеръ разыгрывалъ на скрипкѣ отрывокъ изъ сонаты Іосифа Тартини, которая, вѣроятно, принадлежитъ уже слѣдующему столѣтію, потому что Тартини родился въ 1692 году; самъ же учредитель концертовъ (происходившихъ въ залѣ П. И. Мятлевоі) исполнилъ на фортепіано хроматическую фантазію и фугу Себастіана Баха, и т. д.

Такъ (для красоты слога, мы этимъ словомъ напѣрены начать четыре періода къ-ряду), такъ выше уже названный г. Всеволодъ Мауреръ, оставаясь вѣрнымъ обычаю прежнихъ лѣтъ, то-есть зимъ, возобновилъ и въ нынѣшнюю свои *четыре квартетные сеанса*, между 29-мъ ноября и 27-мъ декабря, съ Моцартомъ, Гайдномъ, Мендельсономъ, Бетговенемъ—классическими мужами музыки, при пособіи своего отца и брата и участіи г. Рубинштейна...

Такъ, по примѣру-же прошлыхъ годовъ, еще съ 25-го октября, начались и продолжаются каждое воскресенье музыкальныя упражненія или утра (всего десять) въ здѣшнемъ университетѣ, свидѣтельствующія, что гг. студенты, отдавая должное наукѣ, не забываютъ и искусство, пробуждающее въ душѣ ощущенія вѣжныя, трогательныя и граціозныя.

Такъ, наконецъ, и загородье, среди невозмутимой зимней тишины въ его окрестностяхъ, иногда и кое-гдѣ оживляется симфоніями, эхо которыхъ далеко разносится по снѣжнымъ равнинамъ и между пустынными деревьями, убѣленными инеемъ. Любители прогулокъ на тройкахъ, въ розвальняхъ, весело мчатся, въ нѣкоторые вечера, къ екатерингофскому вокзалу, гдѣ, если вѣрить печатнымъ объявленіямъ, играетъ, подъ управленіемъ г. Мейера, бывшій оркестръ Іосифа Гунгля. Вѣроятно, большую часть членовъ этихъ отдаленныхъ музыкальныхъ собраний составляютъ жители смежныхъ съ Екатеринбургомъ кварталовъ, потому-что надобно много имѣть свободнаго времени и рѣшимости, чтобы охотно отправиться туда, въ стужу, зная навѣрное, что тамъ не услышишь ни покойнаго Паганини, ни помолодѣвшаго Рубина...

Однакожь, все-таки въ нынѣшнюю зиму, по-крайней-мѣрѣ до-сихъ поръ, музыки въ Петербургѣ меньше, нежели въ прошлую, когда она, между-прочимъ, почти ежедневно раздавалась и въ концертной залѣ Пассажа, теперь умолкшей и мрачной, какъ воспоминаніе любителей цыганскаго пѣнія, оглашавшаго ея изящные своды. Вообще Пассажъ какъ-то опустѣлъ, присмотрѣлся петербургцамъ въ послѣднюю пору. Не стало въ немъ ни прежнихъ праздничныхъ «концертовъ-прогулокъ» съ китайскими иллюминаціями, ни «полнаго газоваго освѣщенія», ни карликовъ и великановъ, ни какихъ зрѣлищъ и увеселеній, которыя, впрочемъ, приманчивы были для класса публики, неслишкомъ взыскательнаго, не общаго съ публикою Большаго и Михайловскаго театровъ. Только въ нижней галереѣ этого великолѣпнаго зданія г-жа Гебгардтъ поддерживаетъ нѣсколько быстро-пролетѣвшую, померкшую его славу. Заботясь о невнятныхъ удовольствіяхъ дѣтей, она устроила для нихъ премиленькій механическій театрикъ съ хоршенькими декорациями, авто-

матами и движущимися фигурками, съ «большою охотою или облавою» и разными другими затѣями, привлекательными для дѣтскаго возраста. Одна изъ декораций, которыя намъ случайно привелось видѣть, изображаетъ какую-то живописную мѣстность, окруженную горами и скалами, съ красивымъ городкомъ подъ лазуревымъ небомъ... уточки мирно плаваютъ въ тихой водѣ... на берегу куклы дѣйствуютъ какъ живые люди... Другая декорация представляетъ морскую бурю... «разъяренная» пучина взбрасываетъ и ломаетъ картонныя суда... громъ гремитъ за кулисами, огненные молніи озаряютъ на мгновеніе черныя тучи... «валы» шумятъ и «вѣтръ порывисто свиститъ и завываетъ»... малютки въ восхищеніи, плачутъ отъ радости и немножко отъ страха, который маменьки и тѣтеньки немедленно успокаиваютъ леденцами. Все это удовольствіе, вмѣстѣ съ леденцами, стоитъ менѣе 30 коп. сер., потому что за дѣтей собственно платится только половина этой суммы. Во время «представленія» играетъ какая-то очень негромкая гармонія, въ которой, по замѣчанію одного глубокомысленнаго посѣтителя, при насъ случившагося, нѣтъ будто-бы никакой идеи...

Мимоходомъ, шщеславно и важно брошенные слова эти заставили насъ задуматься на минуту... Идея? — Музыкантъ, писатель, строитель—все толкуютъ объ идеѣ, морочатъ себя и другихъ.—«Я, говоритъ первый, хочу, напримѣръ, показать передъ вами развитіе комнатной музыки отъ перваго выраженія фортепіано, при Франсискѣ Куперенѣ, до Бетговена, а въ дѣлѣ драматической музыки начну съ лирическихъ Трагедій Дулли и кончу Веберомъ...»—«Я, продолжаетъ онъ, или другой, покажу вамъ все величіе и достоинство классическаго стиля музыки передъ пестротой и неправильностью романтизма—увидите всю разницу между Моцартомъ и Верди... знатоки и читатели истиннаго искусства поймутъ и оцѣнятъ — вотъ наша идея!..»—«Я, прерываетъ писатель, докажу въ моей книгѣ, что въ ней, отъ первой до послѣдней страницы, проведена идея, какъ электричество по проволокт телеграфа...»—«Я, довершаетъ строитель, «воздвигая» этотъ домъ, имѣлъ въ виду слѣдующую идею, основанную на мѣстныхъ и климатическихъ условіяхъ» и т. п... Короче, вы заслушаетесь, придете въ восторгъ, когда они станутъ пояснять вамъ свои дѣйствительныя или мнимыя идеи, умалчивая о существенно-побудительной, такой естественной и простой. А вѣдь точно очень просто: музыканту нужны слушатели въ возможно-большемъ числѣ, писателю или журналисту—подписчики, строителю—достаточный доходъ, справедливое вознагражденіе за труды каждаго. Вотъ настоящая, «капитальная», всѣмоя идея, которая, впрочемъ, не мѣшаетъ моральной или отвлеченной!..

Эти «идеи» машинально мелькнули въ головѣ нашей, когда мы выходили изъ механическаго театра, и не станемъ защищать ихъ парадоксальности, если «таковая» въ нихъ вкралась...

Та-же г-жа Гебгардтъ, въ другомъ номерѣ той же нижней галереи Пассажа, устроила и другую забаву — «механическій самострѣль», съ виду похожій на ружье, но заряжаемый не пулей, не дробью, не порохомъ, а какою-то шелковистою някотью... вы прицѣливаетесь, спускаете курокъ—раздается выстрѣль... виноваты!.. мы увлеклись описательною прозою... ничего не раздается. ни малѣйшаго звука; но если зарядъ попадаетъ въ центръ круга или цѣли, то изъ картоновъ по сторонамъ ея выскакиваютъ какія-то фигуры. Не правда-ли, забавно,—и притомъ не дорого — каждый выстрѣль стоитъ лишь пятачекъ? Картина, служащая вывѣскою номера, весьма занимательна: нарисована какая-то стройная амазонка, грѣціозно прицѣливающаяся; за нею любопытствующая, нетерпѣливая толпа. А войдешь въ номеръ — пусто! Вѣрь послѣ этого вывѣскашъ и заглавляш! Выходитъ, что и точно, безъ парадокса, «идея» всегда ниже существенности, хотя и претендуетъ на выпренность. Только искусные практики попадаютъ въ среднюю круга; идеалисты, бѣльшей-частью, даютъ промахи.

Однакожъ, какъ ни пуста повидимому игрушка-самострѣль, бываютъ порою и у взрослыхъ забавы, обладающія небольшимъ смысломъ.—Вы давно ужъ знаете, изъ газетъ и журналовъ, и сами по себѣ или по молву, что Петербургъ еще съ прошлой зимы занимался, между-прочимъ, пресловутымъ столотвореніемъ. Объ этомъ явленіи столько было писано и у насъ, и за-границей, учеными и неучеными, людьми серьезными и юмористами, что мы, конечно, не владѣемъ въ новыя изслѣдованія по этому курьезному предмету, который имѣетъ уже свою исторію, исходную точку и финалъ, хотя собственно и составляетъ плохую комедію, фарсъ, вовсе незабавный. Для полноты нашей постоянной хроникки, записывающей на страницахъ своихъ все, болѣе или менѣе замѣчательное въ чередовомъ движеніи общественной жизни столицы, мы хотимъ только сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ фазисѣ «столотворенія», этого новѣйшаго открытія въ изобрѣтательный и тонкій вѣкъ нашъ...

Сначала въ «ходу» были обыкновенныя комнатныя столики и даже утѣпанные столы, вертѣвшіеся отъ налеганія на нихъ многихъ рукъ, которыя произвольно и непроизвольно давали толчокъ бѣдной мебели, безжизненному дереву, прихотливо вызванному на арену дѣйствованія. Но скоро взрослымъ игрушка эта прискучила, потому-что въ ней была одна лишь привлекательная сторона, а именно, когда усталая рука

ваша сладостно трепетала, касаясь мягкой, вѣжной, горячей ручки прекрасной сосѣдки и между обѣими пробѣгало дѣйствительное электричество, называемое врожденнымъ и взаимнымъ влеченіемъ, отчего собственно столъ и начиналъ прыгать, одновременно съ ускореннымъ біеніемъ вашего сердца и усиленнымъ дрожаніемъ руки...

Комнатные столы и столики, отлично исполнивъ кратковременную свою роль, покорно и уступчиво заплативъ легкую дань всемогущей модѣ, которой нипочѣмъ двигать дерево, потому—что она не однажды нарушала и равновѣсіе головъ человѣческихъ, заставляя ихъ, напришѣръ, кутаться въ тяжелые парики—комнатные столы, покуралесивъ нѣсколько мѣсяцевъ, чинно стали на свое обычное мѣсто, и съ-тѣхъ-веръ не двигаются, исключая, развѣ, когда прислуга слишкомъ ретиво стираетъ съ нихъ пыль, или какой-нибудь неумолимой гость неосторожно задѣнетъ за нихъ своею смущенною персоной...

Столъ ни съ мѣста, говоръ о нихъ затихъ; но кому-то, отъ нечего дѣлать, вздумалось продолжить шутку, потому-что немногіе повѣрили отдаленной возможности и удобству полезныхъ практическихъ примѣненій мнимаго открытія, хотя одинъ проказникъ, смѣясь себѣ въ кулакъ, утверждалъ, что, пожалуй, и Обуховскій мостъ не устоитъ, если наложить на него сотню, другую магнитическихъ рукъ... это, по-крайней-мѣрѣ, была остроумная насмѣшка надъ минутнымъ дурачествомъ, путьемъ препровожденіемъ времени, которое можно употреблять и полезно, и пріятно. Говоръ о движущихся столахъ, повторяемъ, мало-помалу затихалъ, когда кому-то взбрѣло на умъ, вслѣдъ за способностью ихъ движения, сообщить имъ и дивный талантъ собственнаго голоса. Нельзя было дать дереву языка, даровать органъ слова—примудрили палму или осину обратить въ «писателей», какъ будто-бы на блѣдомъ свѣтѣ и безъ того недостатокъ въ безталантныхъ бумагожарателяхъ, или людяхъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ: «дерево, просто дерево!»... Взяли дѣтскіе игрушечные столики, одну въ нихъ ножку замѣнили очиненнымъ карандашомъ и пустили ихъ писать по чистымъ листамъ, положеннымъ на большихъ столахъ, которые сами недавно были дѣйствующими лицами, а теперь стали безмолвнымъ и неподвижнымъ подножіемъ. По желанію затѣйщиковъ, столики, водимые, разумѣется, человѣческой рукою, давали письменные отвѣты на предлагаемые вопросы—какое раздолье остроумію, шуткѣ и проказамъ! Изустно и печатно рассказывали, по поводу этого, множество анекдотовъ, болѣе или менѣе интересныхъ; прибавляли даже, будто-бы нѣкоторые изъ производившихъ продолжительно эти опыты и помогавшихъ-ся добиться «письменъ» непосредственно отъ самихъ столчиковъ, все-

конечно, тупыхъ и безграмотныхъ, почувствовали напоследокъ въ какое умственное разстройство — бѣдненькія, слабенькія головы! Умные люди иногда замысловато поддерживали мистификацію, не желая свернуть о пустякахъ и серьезно опровергать то, что опровергается очевидностью и здравымъ смысломъ, и находя въ невинной шалости этой случай сказать остроту, сарказмъ, немного потѣшиться надъ легковѣрными. — «Что вы думаете о говорящихъ или пишущихъ столикахъ?» спросили одного степеннаго джентльмена, который страшно зѣвалъ, вида, что гдѣ-то цѣлый вечеръ убивали на эту ничтожную и, право, незанимательную забаву. — «Думаю, что они сами говорятъ за себя», отвѣчалъ тотъ: «по-этому вы напрасно трудитесь подсказывать, и направлять карандашъ такъ, чтобъ онъ, вмѣсто свойственныхъ ему каракуль, чертилъ желаемыя вами буквы». И, дѣйствительно, зачѣмъ важныя опроверженія тамъ, гдѣ эпиграмма останавливаетъ нелѣпыя возраженія! Такимъ-образомъ мнимо-пишущіе столики поступили наконецъ обратно къ дѣтямъ, изъ которыхъ разумнѣйшія говорили: «папенька, купите намъ другую игрушку—эта ужасно скучная!»

И у насъ, и въ иностранныхъ листкахъ, боже или менѣ ловко, издѣвались надъ описанной затѣей. Между-прочимъ, въ статьѣ Амеделя Ашара встрѣчаемъ нѣсколько довольно-остроумныхъ мѣстъ. — «По какому особенному праву», шутовски говоритъ онъ: «именно столы пользуются такою монополіей, въ ущербъ комодамъ, буфетамъ, шкапамъ, кроватямъ? Развѣ столы совершили какой-нибудь знаменитый подвигъ, а мебель иная сработана не изъ такого же дерева и хуже ихъ отдѣлана?.. Подъ столы падаютъ иногда упившіеся, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ здравый, трезвый смыслъ падалъ предъ столами (мы переводимъ не буквально, сохраняя только главное значеніе фразъ). Комоды прочнѣе, осаннѣе. Уже замѣчено было движеніе табуретовъ, шляпъ и даже дерзкихъ лоханокъ, которыя, какъ пираты, хотѣли похитить власть столовъ, сохранявшихъ ее однако преимущественно, потому-что они ближе подъ рукою... Прежде писали на столахъ, теперь столы пишутъ... Это-бы еще ничего; но вотъ досадно, всѣ вѣстѣ, управляемые столькими головами, въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они не придумали ни одной хорошенькой, граціозной шутки, ни одного истинно-остроумнаго отвѣта, ни одного порядочнаго стиха, — однишь словомъ, ничего такого, что стоило-бы запомнить... Пишутъ и рисуютъ!! Я самъ не видѣлъ, но меня увѣряютъ, хотя никто не показывалъ мнѣ ни ихъ живописи, ни басни, которая пристыдила-бы Лафонтена своею неправдоподобною баснею... Ипровизируютъ? Но развѣ это симфонія Бетговена, мелодія Шуберта, вальсъ Штрауса —

что-нибудь новенькое и хорошенькое? Оно, может-быть, и ново, да хорошего несколько!.. И хоть-бы, за недостатком творчества, они придумали что-нибудь просто полезное или приятное,—например, усовершенствование въ фотографіи, или, по-крайней-мѣрѣ, новый способъ приготавливать форели?.. И какая ловкая манера отвѣчать!.. По удару на букву! Самый маленькій отвѣтъ требуетъ одной или двухъ дюжины натисковъ столка. Для небольшого разговора необходимы сотни карандашъ! Неужели не могли изобрѣсть чего-нибудь поумнѣе, и надъ чѣмъ не смѣлись-бы толковые школьники?.. Говорить, что въ Комартенской-улицѣ отыскался-было столъ, превосходно рисовавшій. Вставьте ему баряндашъ въ ножку, и онъ тотчасъ-же набросаетъ, что вамъ угодно. Разъ попросили его снять портретъ съ молодой дѣвушки, находившейся при опытѣ. Столъ немедленно приводитъ въ движеніе карандашъ и смѣло пачкаетъ бумагу. По окончаніи работы, ее внимательно разсмариваютъ, и, послѣ долгихъ изысканій, сознаются, что рисунокъ, можетъ быть, представляетъ грубо начертанный слухотъ вѣтряной мельницы или слона съ хоботомъ... Это еще былъ удачвѣйшій изъ опытовъ!»...

Для разнообразія, столки иногда устремлялись отъ опытовъ, и за нихъ принимались люди. Операція совершалась такъ: пріятель бралъ вашу руку, просилъ васъ загадать что-нибудь про себя, всматривался въ вашу физиономію, стараясь угадать, по ея движенію, ваши сокровенныя мысли, между тѣмъ какъ правая рука его, будто-бы машинально, чертила что-то, большей-частью односложныя, двусмысленныя, неопредѣленныя слова, значеніе которыхъ могло быть такъ и сякъ толкуемо, служить приблизительнымъ, косвеннымъ отвѣтомъ, напримеръ: «статья можетъ... вѣроятно... конечно... современемъ... никогда... все случается.. едва-ли... сомнительно... вздоръ!» Это называлось «симпатическимъ вдохновеніемъ»!

Последняго рода опыты, если-бы роль Сибила занимали хорошенькія женщины, могли-бы еще быть занимательны, и намлось-бы немало охотниковъ довѣрять руку свою рукѣ снисходительной красавицы-гадаальщицы....

Какъ-бы то ни было, столонисаніемъ занимались лишь въ промежуткахъ между лѣтнимъ и зимнимъ сезонамъ, показывать афиши не извѣстали о прибытіи Рашели и не начались ея представленія... тогда столки умолкли и все заговорило о живой Пюви, прорицательницѣ классическихъ монологовъ и тирадъ Расина или Корнея... Газеты и журналы наводнились статьями о ней. Уступая общему интересу, «Нантеонъ» также внесъ свою лепту въ сосудъ, къ переполненію края

котораго жадно прикасаются воспламененныя уста публики. Вся рожь, въ которыхъ доселѣ являлась у насъ Рашель, одилены, переодѣлены, обсужены, растолкованы, перетолкованы. Только и разговоръ, что о ней: она стала и есть истинной, величественной львицей настоящаго сезона, какъ были некогда у насъ, поочередно, Марія Таліони, Фанни Эльслеръ, Джулія Гриси, Плесси, Вольнисъ, какъ недавно еще былъ у насъ львомъ Маріо. Рашель восхваляютъ въ прозѣ и стихахъ. Г. Бенедиктовъ, изрѣдка нынѣ настроивающій свою, любимую публику, лиру, не выдержавъ, и въ одной петербургской газетѣ напечаталъ прекрасный диэдрамбъ въ честь знаменитой актрисы, въ которомъ особенно удачна послѣдняя строфа, посвященная воспоминанію о намѣхъ, равно сшедшемъ въ могилу, великомъ трагикѣ:

И при захваченныхъ дыханьяхъ
Театра, полнаго огнемъ,
При громовыхъ рукоплесканьяхъ,
Всего, что жизнью дышитъ въ немъ,
Зашевелился міръ могильный,
Отверзлась гробовая сѣнь...
Рашель, твоей игрой всеильной
Миѣ зрится вызванная тѣнь;
Нашъ трагикъ, раннею кончиной
Отъ насъ оторванный, возсталъ,
И, устремивъ свой взоръ орлиный
На твой триумфъ, вострепеталъ.
Онъ близъ тебя замѣтилъ мѣсто,
Гдѣ-бъ ты могла урѣчь его
Въ лицѣ Тевея или Ореста,
Иль Иполита твоего...

Художественные магазины наполнились портретами, статуэтками, бюстиками, медальонами Рашели, болѣе или менѣе похожими. Кондитеръ Рабоцъ продаетъ *boubons Rachel*....

Вѣнки лавровые, букеты,
Молва, и слава, и конфеты,
И гулъ восторженныхъ похвалъ,
Земнаго счастья идеалъ!

Изъ Петербурга, говорятъ, Рашель поѣдетъ въ Москву—танъ новые триумфы, которые докажутъ міру, что

Сверь нашъ, гдѣ нравъ и въюга,
 Не хуже Запада и Юга,
 Искусство смыслить оцѣнять,
 Талантамъ данн воздавать!

Что Петербургу и Москвѣ ничто притомъ не въ диковнику, и объ столицы наши, пресыщенные заѣзжими знаменитостями всякаго рода, не восторгаются ими безотчетно, безусловно и безъисходно: зима, много лѣтъ, и мы требуемъ новыхъ фаворитовъ и фаворитокъ, для разнообразнаго удовлетворенія нашей эстетической любознательности....

Что касается нашихъ обыкновенныхъ львовъ, также смѣняемыхъ годами, въ нынѣшнемъ—они, слѣдуя уставу моды, измѣнили нѣсколько своей верхней зимней нарядъ. Широкое пальто уступило чему-то, напоминающему прежніе бекеша, и декадивирующему, что мода — кругъ, временемъ возвращающійся къ своей незамѣтной исходной точкѣ. Таія длинная, даже слишкомъ длинная: но бровные воротники неизмѣнно сохраняютъ свои права, а подборъ бекеша не подлежитъ, кажется, строгому условію: соболь, хорѣкъ или просто вата, на шелковой, разунѣтся, подкладѣ.... Львы, смѣняемые годами, сказано выше — но въ столицахъ завязые франты долго противятся вліянію лѣтъ или отцѣвѣтшаго возраста. Какъ мы уже однажды имѣли случай замѣтить, прежде всего у насъ страдаютъ волосы и зубы: но искусные парикмахеры и дантисты на каждомъ шагу, такъ-что почти не представляется необходимости затрудняться въ выборѣ. Не думайте, чтобъ мы имѣли въ виду рассказать веселенькій анекдотъ — нѣтъ, право, «истинное происшествіе», какъ встарину прибавляли въ скобкахъ при заглавіяхъ повѣстей, когда хотѣли вымыслъ выдать за истину.... Осенью, въ октябрь, или ноябрь—не помню хорошенько, довелось намъ проходить, около полудня, по Большой-Морской, къ Невскому. На тротуарѣ, у дома Барбе, столкнулись мы съ двумя какими-то джентльменами. Одинъ изъ нихъ чему-то громко смѣялся, и при этомъ нѣ-хотя обнаруживалъ рѣшительное отсутствіе двухъ, трехъ переднихъ зубовъ. У воротъ сказаннаго дома джентльмены разстались. Одинъ пошелъ далѣе; другой, беззубый, вошелъ въ ворота. Часа черезъ два возвращаемся тѣмъ же путемъ, и, какъ нарочно, изъ того-же дома Барбе выходитъ тотъ-же знакомый-незнакомецъ, самодовольно улыбаясь: пустота во рту у него прикрылась настоящими жемчужинами, перлами. Взглядываемъ на выѣски, и на одной изъ нихъ читаемъ: «Александръ Валленштейнъ» (сынъ извѣстнаго зубнаго врача)... Овидіево превращеніе!

Неизвѣстно намъ, когда вы будете читать эти строки, на праздникахъ, или послѣ праздниковъ. Последнее, едва-ли не вѣроятнѣе, по-

тому что и теперь, передъ праздниками, когда мы окончиваемъ статью, большинству не до чтенія. Всѣ хлопчутъ, суетятся, придумываютъ и покупаютъ подарки, всѣ, кромѣ немногихъ, которые, по возрасту, роду жизни или характеру, никогда не суетятся, во всякое время одинаково сохраняютъ спокойствіе и безмятежность, необходимыя для серьезныхъ дѣлъ и занятій. Хорошій сапный путь благопріятствуетъ передъ-праздничнымъ и праздничнымъ поѣздкамъ по городу. Удовольствій предостатъ безъ числа, и, въ числѣ ихъ, даже *зимній садъ*, устраиваемый во дворѣ известной, въ Большой Морской, гостиницы—Hotel de Princes, гдѣ, въ двадцать градусовъ мороза, вы будете наслаждаться тропическою теплотою, видомъ тропическихъ растений, благоуханіемъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, звуками музыки и дарами гастрономіи... Увидимъ, расскажем. Веселитесь-же, кто любитъ, учиться и можетъ веселиться, когда нѣтъ лихой скорби на сердцѣ о какой нибудь близкой, семейной утратѣ! Мы не хотѣли-бы кончать некрологомъ; но смерть такое обыкновенное явленіе въ жизни, что въ большихъ городахъ видишь его ежедневно. 12-го декабря скоропостижно скончался известный актеръ-пенсіонеръ императорскихъ театровъ, Василій Антоновичъ Шемаевъ, не въ преклонныхъ еще лѣтахъ. Когда-то онъ пѣлъ въ Робертѣ и удачно исполнялъ главные партіи въ русскихъ операхъ. Дивный голосъ, перешелъ на драматическую сцену и былъ очень хорошъ и забавенъ въ роляхъ простаковъ: г-на Марковецкаго можно назвать его ученикомъ и счастливымъ подражателемъ. Старое поколѣніе артистовъ нашихъ исчезаетъ мало-по-малу — такова чередъ жизни. Въ нынѣшнемъ году не стало Каратыгина, Брянскаго, Гусевой, и теперь Шемаева, нѣсколько лѣтъ тому оставившаго сцену.... Но молодое поколѣніе не дремлетъ на сценѣ и въ литературѣ.... Нѣсколько новыхъ книгъ лежатъ передъ нами: *Рыбаки*, г. Григоровича; *Слобожане*, г. Данилевскаго; *Игорь*, князь *Сверскій*, г. Гербеля, и, какъ нельзя болѣе кстати, по времени, *Святки*, разсказъ г. Михайлова. Обо всемъ этомъ въ *новомъ году*, съ которымъ, между-тѣмъ, беремъ свидѣсть поздравить нашихъ благосклонныхъ и снисходительныхъ читателей, желая имъ отъ души и «новаго счастья», въ дополненіе къ старому, прекрасному какъ воспоминаніе....

Новѣйшія дамскіе наряды нынѣшней зимы, какъ говорится, солидны, богаты и разорительны. Платья шьются изъ тяжелыхъ шелковыхъ матерій моаръ-антика, бракетеля, дамъ и затканыхъ пошадуровъ. На черныя платья выбирается преимущественно гро-де-туръ, или тяжелый

корсажъ. Корсажи носятъ высокіе, спереди, но-большей-части, открытые, кофты почти всегда съ фалдочками. Величайшую роскошь расточаютъ на шпозетки, рукавички, носовые платки, вообще на кружево и нитью. Зато, на этихъ платьяхъ почти совсѣмъ не видно отдалокъ, ни волановъ, ни буфовъ, ни гирляндъ. Признаемся, мы этому не мало обрадовались, потому-что грубые накладки и отдалки угрожали совсѣмъ было обезобразить своия тяжелыя вычурами изысканный костюмъ современныхъ дамъ.

Чтобы ближе ознакомиться съ модою настоящей минуты, господствующей въ Парижѣ и очищенной нѣсколько строгимъ вкусомъ петербургскихъ дамъ, мы представляемъ здѣсь вѣрное описаніе пяти самыхъ пышныхъ дамскихъ костюмовъ.

1-й костюмъ. Шляпка бархатная, черная, въ видѣ чепца, съ фаншоною и кружевною отдалкою. Платье изъ шотландской шелковой матеріи (valencias). Корсажъ высокій, напередѣ открытый и съ баскинами. Рукава полудлинныя, полуширокіе, съ широкими, глухими подрукавниками. Мантилья, à la Marionъ—Делоримъ, черная бархатная съ кардиналкою, кругомъ обшита чрезвычайно широкимъ чернымъ кружевомъ.

2-й костюмъ. Шляпка—безъ тульи, или безъ полей—какъ вамъ угодно: безъ тульи—потому, что поля, доходя до затылка, прикрываются тамъ ниспадающею бертою, обшитою кружевомъ; безъ полей—потому, что поля и тулья составляютъ одно и то же. Шляпка эта, атласная цвѣтная, отдалана бантами изъ бархата, а около полей двѣ обшивки изъ черныхъ и бѣлыхъ кружевъ. Какъ ни страненъ кажется съ перваго раза такой уборъ, но эта—шляпка верхъ изящества. Платье изъ дамъ, съ длинной, облегающей талію, кофточкою, обшитою кругомъ въ два ряда узкимъ чернымъ кружевомъ. Подрукавники кружевные, открытые.

3-й костюмъ. Шляпка атласная, съ страусовыми перьями на боку; подъ полями, съ боковъ, богато украшена цвѣтами. Платье шелковое съ двумя воланами, обшитыми двуцвѣтною, затканною лентою. Кофточка съ небольшими баскинами, отдаланная такою-же лентою, съ рукавами недлинными и неширокими, и съ такими-же подрукавниками. Бурну бархатное, съ широкими китайскими рукавами, обшитою кругомъ шотландскимъ плюшемъ, чрезвычайно похожимъ на мѣхъ, сверхъ котораго протянуты въ перенлетъ полоски атласной ленты.

4-й костюмъ. Шляпка атласная, съ широкими полями, украшенная стѣкою изъ чернаго бархата, и перомъ, переброшеннымъ черезъ

тулю. Назадъ бантъ изъ широкой атласной ленты, съ довольно-длинными концами. Подъ пеллами темные бархатные нѣнты. Платье атласное, затканное полосами, въ видѣ волановъ. Юбка чрезвычайно широкая и назадъ длинная. Корсажъ открытый, съ полудлинными рукавами. Казакинъ пунцовый бархатный, съ бертою и рукавами, сзади—въ тали собранный, напередъ застегнутый до низу. Берта и низъ казакина обшиты широкими листьями изъ чернаго шелкового тюля съ бархатною анликаціею. Рукава, съ небольшими разрѣзами, и передъ казакина украшены агранантомъ изъ узкихъ кружевъ. Богатый кружевной воротникъ. Это самый великолѣпный нарядъ, какой только можно придумать.

5-й костюмъ. Шляпка—ситъ шелку, бархату, кружевъ и перьевъ. Платье съ затканными, арками, квадратными полосами, съ открытымъ корсажемъ и очень широкими рукавами. Мантилья, называемая «московкою», черная бархатная, въ нѣсколько рядовъ обшита мелкимъ агранантомъ и кругомъ украшенная широкою бахромою. Она закрываетъ и мантилью и шаль.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ.

Теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ, сочиненіе г. *Алара* принятое для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ecole du Violon. Méthode complète et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris, composée par D. Alard. (Violin-Schule) цѣна 6 р. сер.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ.

BERTINI. Frère et soeur. Quatre petits duos à quatre mains liv. 1. 2. (Chaque 1 p.)
BUETI. Emelie et Beatrice. Variations brillantes et non difficiles sur un thème de Bellini. (1 p. 43 к.)

BOUYEROT. Duettino sur l'opéra: Elisire d'amore. (72 к.) Petite fantaisie sur la cavatine favorite de l'opéra: Niobe. (85 к.)

COBIA. Caprice-Nocturne. Op. 6. (75 к.)

HUNTER. Rondoletto sur un thème du Barbier. (1 p. 15 к.)

MARKS. Souvenir de la Russie. Transcriptions en forme de fantaisies sur des airs russes № 1. Боже царя храни. (60 к.) № 2. Вѣтна (60 к.) № 3. Назаръ ты ся небуди (75 к.) № 4. Соловей. (60 к.) № 5. Вотъ на пути село большое (60 к.) № 6. Коса. (60 к.)

MAYER. Elisa—Polka. (60 к.)

MAYER. L. DE. Ты не повѣришь какъ ты мила. (60 к.)

MOSCHLES. Traisième grande sonate. Op. 121. (3 p. 72 к.)

OSBORNE. Duo brillant sur opéra: Barbier de Seville. Op. 83. (1 p. 72 к.)

PATROUILL. Sur l'opéra: Fidelio de Beethoven (2 p. 85 к.)

SCHULHOFF. Grande Valse brillante. Op. 6. (1 p. 40 к.) Chant du Berger. Op. 23. (60 к.) Chanson des Paysans de Bohême. (85 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢВІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Грусть дѣвушки. (40 к.) Гдѣ вы дни мои, дни весенніе (40 к.)
 Съ радости веселья. (40 к.) Нескажу ни кому. (40 к.)

ВАНЬЕВЪ. Я васъ любила безнадежно. (70 к.) Моряки. Нелюдино наше море. Дуэль. (1 p. 15 к.) Взмогъ на небо мѣсяцъ лютый. (70 к.)
 Отрадный праекъ волшебной ночи. Дуэль. (1 p. 15 к.)

- ГРУДИНЪ.** Однозвучно гремитъ колокольчикъ. (60 к.) Долгоди же будешь, сердце ты томиться. (50 к.)
- ДАРГОНИНСКІЙ** Я все еще его люблю! Романъ пѣтый съ большими усѣхъ г-жею Виардо Гарціей (новое изданіе) (50 к.) Мечты мечты гдѣ ваша сладость. (75 к.) Богъ помочь вамъ! (50 к.)
- ДВРЪ.** Пѣсня Вероники: О милый другъ, изъ-за могилы. (55 к.)
- КОЛЬЕВЪ.** Не говори ни да ни нѣтъ! (40 к.)
- ЦЫГАНСКИЕ ПѢСНИ.** № 13. Садомъ садомъ кумасенка. (40 к.) № 14. Митунка голубушка. (30 к.) № 15. Мнѣ моркотно молоденкѣ (30 к.) № 16. Крамбамбули (30 к.) № 17. Тебяль забыть (30 к.) № 18. За Ураломъ за рѣкой (новое изданіе). (30 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

- НОРКОВЪ.** Торжественный маршъ изъ оперы: Осада Гента. (40 к.) Каватива (La mia letizia) изъ оперы: Ломбардцы. (40 к.)
- ВЕТРОВЪ.** Арія знаменитаго пѣвца Страдела. (70 к.)
- САРИКО.** Пѣсенка (La donna e mobile) изъ оперы: Риголетто. (40 к.) Cavatina de l'opéra: Maria di Rohan de Donizetti. (40 к.)
- Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лаубферта.

Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы какъ для пѣнія такъ и для всѣхъ инструментовъ въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ были бы они ни изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер., пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ перваго отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА,

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. Федоровичъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

НИТЪ НЕТРОВИЧЪ МОШКИНЪ чиновникъ.	}	<i>Г. Самойловъ</i>
КУТУЗОВЪ , майоръ.		
ВЕЛАГАЯ ИВАНОВНА КОРИЦЫНА , старушка-вдова	}	<i>Г-жа Самойлова.</i>
СОНИЧКА , ее племянница		

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Корацкой, въ С. Петербургѣ.

Небольшая, едино-убранная комната. Направо, на первом планѣ, машина для воды, на второмъ—дверь. Направо, на первомъ планѣ—столъ, на второмъ—ящикъ. Въ глубинѣ, лавъ-во, шкафъ; близъ шкафа, на полу, дамскій шпильный картонъ: въ среднѣй двери. Направо, окно, сквозь стекла котораго виднѣнъ конецъ лѣстницы, приставленной снаружи къ стѣнѣ.

Сумерки, которыя постепенно къ концу пьесы переходятъ въ ночь.

I.

КОРИЦЫНА одна.

Г-ША КОРИЦЫНА (съ сухарницей въ одной рукѣ и съ молочникомъ въ другой, отворивъ среднюю дверь, говорить за кулисами). Да что вы привязались?.. Нельзя, говорю я вамъ... Я не принимаю къ себѣ мужчинъ, особенно такихъ молодыхъ, какъ вы! Что?.. вы булочникъ?.. Да не все ли равно, кто бы вы ни были... вы всё на одну статью: всё волокиты? Что-съ? Вы не съѣдите меня?.. Знаю, что меня-то не съѣдите... да у меня здѣсь молодая племянница... нѣтъ, вы меня не надуете: вы не за деньгами пришли, а хотите поглазѣть на Соничку. Экая надобность пришла, подумаешь, въ какомъ-нибудь цѣлкомъ!.. Хорошо-же, впередъ я не буду у васъ брать въ долгъ, да и совсѣмъ не буду брать булокъ... Не входите сюда... говорятъ вамъ!.. оставайтесь въ кухнѣ: я сію минуту вынесу вамъ деньги за ваши черствые сухари... (захлопываетъ дверь, замыкаетъ ее и, поставя на столъ сухарницу и молочникъ, уходитъ въ дверь направо).

II.

МОШКИНЪ одинъ.

МОШКИНЪ (отворяетъ окно и показываетъ на лѣстницу). Ни здѣсь, ни на улицѣ ни души!.. (взглянувъ въ окно и крадетъ на цыпочкахъ на лѣстницѣ). Пользуясь сумерками и лѣстницей, которую оставилъ у этого окна красильщикъ, я, наконецъ, достигъ дѣла

мнѣ желаній... (*подходя къ авансценѣ и раскланиваясь*). Имѣю честь рекомендоваться. Петръ Петровичъ Мошкинъ... Формуляръ мой не блестящъ... званіе—неважный чиновникъ!.. состоянія никакого... Лучшая статья его: двадцать пять лѣтъ отъ-роду!.. Отличительная черта характера—доброта и твердость! Сердечныя наклонности—страстная любовь къ обитательницѣ этихъ чертоговъ—милой, очаровательной Соничкѣ... Позвольте ужъ кстати рекомендовать вамъ и предметъ моей страсти... Она... какъ вамъ сказать... сиротка, дѣвушка — и больше ничего... но это ничего составляетъ все... ей только семнадцать лѣтъ... личико ея прелесть прелестей... талія — стройная пальма... а ножки и ручки... ножки и ручки такія чудныя, что, просто, цѣловаль-бы ихъ и день и ночь... Къ несчастью, или, быть-можетъ, и къ счастью, если взять въ соображеніе вообще нынѣшніе нравы мужескаго поколѣнія, Соничка моя живетъ здѣсь съ своей теткой, такой строгой, такой неприступной теткой, словомъ: съ такой мегерой теткой, которая не только неприступна на знакомства, но даже сквозь стекла не дозволяетъ любоваться на свою красавицу-племянницу... Надобно вамъ сказать, что я живу напротивъ ихъ квартиры и привыкъ—было любоваться на мою Соничку въ окно... но старая мегера лишила меня и этого наслажденія... Вотъ ужъ третій день, какъ моя Соничка ни разу не подходила къ окну!.. Положеніе мое было ужасно!.. Дверь ихъ была для меня заперта... сойтись со старухой не было никакихъ средствъ... и вдругъ я узнаю, что наша мегера уѣхала куда-то изъ Петербурга... раздумывать было нечего... я увидѣлъ гѣстницу у окна... счастливая мысль блеснула въ головѣ—и вотъ я у нея... у моей прелестной Сонички!.. (*прислушиваясь*). Что это?.. Шумъ въ этой комнатѣ!.. Она, вѣрно, тамъ... посмотримъ въ щелочку... (*подходитъ къ двери и смотритъ въ замочную скважину; но въ это время входитъ Корицына со свѣчкой и Мошкинъ получаетъ ударъ дверью въ лобъ*).

III.

МОШКИНЪ И КОРИЦЫНА.

МОШКИНЪ. А!.. покорнѣе благодарю!

КОРИЦЫНА (*ставя свѣчу на столѣ, всторону*). Здѣсь нашъ соседъ!

МОШКИНЪ (*взглянувъ на Корицыну*). Тетка! Мегера!.. Я пропагъ!
Итакъ. Откуда она вошла?..

КОРИЦЫНА. Что вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь? Что вамъ угодно?

МОШКИНЪ. Что-съ?

КОРИЦЫНА. Я васъ спрашиваю, что вамъ угодно?..

МОШКИНЪ (*раскланиваясь*). Мнѣ?.. Какъ ваше здоровье?

КОРИЦЫНА. Тутъ дѣло не въ здоровьи... Я должна васъ предупредить, что мы не принимаемъ никого изъ мужчинъ...

МОШКИНЪ. Почему-же это?

КОРИЦЫНА. Потому-что я знаю ваше намѣреніе: вамъ хочется увидѣть мою племянницу...

МОШКИНЪ. А! если вы ужь это знаете, такъ позвольте мнѣ съ вами откровенно объясниться...

БУЛОЧНИКЪ (*за сценой, стуча въ дверь*). Касножа Корицынъ.

КОРИЦЫНА. Ахъ, Боже мой! я совсѣмъ забыла объ этомъ булочникѣ!..

МОШКИНЪ. А! это булочникъ!.. (*кричитъ*). Не стучи! подожди немножко, каспадинъ нѣмецъ!

КОРИЦЫНА. Перестаньте, не кричите!..

МОШКИНЪ. Извините, я долженъ съ вами объясниться... (*раскланивается*). Имѣю честь рекомендоваться... Петръ Петровичъ Мошкинъ... чиновникъ... двадцать-пять-лѣтъ отъ роду...

КОРИЦЫНА. Мнѣ какое дѣло, кто вы такой!

МОШКИНЪ. А дѣло, изволите видѣть, такое, что у васъ есть племянница... которая, извините за откровенность, въ тысячу разъ прекраснѣе васъ! Я очень часто встрѣчалъ ее на улицѣ, какъ она носила свою работу... Она мнѣ нравится... очень нравится... я влюбленъ въ нее по уши и успѣлъ уже передать ей изустно чувства моего сердца...

КОРИЦЫНА. Милостивый государь!

МОШКИНЪ. Позвольте, не перебивайте, дайте мнѣ все пересказать. Племянница ваша меня замѣтила — я въ этомъ увѣренъ точно такъ-же, какъ увѣренъ въ томъ, что дважды два—четыре... я смѣю даже предполагать, что она частенько думаетъ обо мнѣ и, вѣроятно, шепчетъ про себя: «ахъ, что это за милый молодой человекъ, этотъ Мошкинъ!»

КОРИЦЫНА. Извините, вы ошибаетесь!.. Скрипка моя никого не замѣчаетъ и не отличаетъ... Она васъ не любитъ!..

МОШКИНЪ. Ну, если не любить, такъ я ее люблю за двоихъ—это одно и то же!.. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, я долженъ васъ предупредить, что намѣренія мои честны и скромны...

КОРИЦЫНА. Знаю я ваши намѣренія... всѣ вы новѣсы и волокиты!
МОШКИНЪ. Я повѣса?

БУЛОЧНИКЪ (за сценой). Каспажа Корицынъ!..

МОШКИНЪ. Молчи, повѣса, можешь и подождать!.. (Корицыной).
Нѣтъ-съ, я не повѣса!.. Я это докажу вамъ... Я намѣренъ жениться на вашей племянницѣ... Вчерашній день я подалъ даже просьбу въ департаментъ о выдачѣ мнѣ свидѣтельства на женитьбу...

КОРИЦЫНА. Неправда, вчера вы все утро проглядѣли въ свое окно, только понапрасну... Соничка моя ужъ не будетъ сидѣть вотъ здѣсь, у окошка...

МОШКИНЪ. Позвольте... я ошибся... я полагъ третьягодня...

КОРИЦЫНА. Опять ложь! Третьягодня былъ праздникъ, стало-быть не было присутствія...

МОШКИНЪ. Да... дѣйствительно!.. Такъ это я ѣздилъ четвертагодня!..

КОРИЦЫНА. И это вздоръ! Четвертагодня вы проводили мою Соничку до Литейной; и когда она сказала, что лучше-бы вамъ идти на службу, вы отвѣчали ей, что вы сказываетесь больнымъ и вовсе не ходите въ департаментъ!..

МОШКИНЪ (всторону). Какъ это глупо, что она пересказываетъ все своей негерѣ!

БУЛОЧНИКЪ (за сценой, стуча въ дверь). Помилуйте, какъ долго мнѣ дожидать?

МОШКИНЪ (кричитъ). Да убирайся ты, если хочешь быть цѣлымъ!

КОРИЦЫНА. Мнѣ кажется, и вамъ-бы пора!

МОШКИНЪ. Мнѣ?.. Никогда!

КОРИЦЫНА. Такъ вы не хотите уйти?..

МОШКИНЪ (сядась на столъ). Смотрите, какъ я ухожу!.. Но это вамъ несколько не мѣшаетъ самимъ уйти, куда угодно; я, какъ часовой, буду оберегать вашу племянницу...

КОРИЦЫНА (взявъ со стола молочникъ). Слушайте-же... если вы сию минуту не выйдете отъ насъ, такъ я васъ .. (замахивается молочникомъ).

МОШКИНЪ. Позвольте, что это у васъ?..

КОРИЦЫНА. Что-бы ни было, но ужъ я не пожалѣю...

МОШКИНЪ (выхвативъ у нея молочникъ). А! славно!.. Нѣтъ, зачѣмъ-же понапрасно терять добро, я лучше выпью... (пьетъ изъ молочника).

КОРИЦЫНА. Вы еще вздумали шутить!.. погоди-же... если вы не выйдете, такъ я...

МОШКИНЪ. Что-съ?

КОРИЦЫНА. Я позову булочника, онъ вотъ тутъ, за дверью...

МОШКИНЪ. Не думаю... вы слышали, какъ я его пугнулъ... а въѣдъ нѣмцы трусоваты...

КОРИЦЫНА. Хорошо-же!.. Вы думаете, что я женщина, такъ не справлюсь съ вами... но у меня есть руки...

МОШКИНЪ. Неприлично, вовсе неприлично, особѣ прекраснаго пола давать волю своимъ рукамъ...

КОРИЦЫНА. У меня есть щетка, кочерга...

МОШКИНЪ. Стало, будетъ беззащитный бой!.. я безъ оружія!.. Ну, нечего дѣлать...

Для рыпарей моей отчизны
Всего дороже въ свѣтѣ честь!..
Хотябъ-то стѣило и жизни...

А я ужь не уйду...

КОРИЦЫНА (*внѣ себя*). Ну, такъ я рѣшусь на послѣднее средство: я васъ расцѣплю... (*приближается къ нему съ отчаянными объятіями*).

МОШКИНЪ (*отскакивая отъ нея*). Прощайте, сударыня!

КОРИЦЫНА. Слава Богу!

МОШКИНЪ (*подбѣжавъ къ средней двери, отмыкаетъ ее и, вынувъ ключъ, всторону*). Дѣло еще не проиграно: ключъ у меня въ рукахъ; мы этимъ воспользуемся! (*кладетъ ключъ въ карманъ*). Прощайте, беззубая моя красавица! (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

IV.

КОРИЦЫНА одна, потомъ **МОШКИНЪ**.

КОРИЦЫНА. Я беззубая... но Богъ съ нимъ... мнѣ все равно... я очень рада, что избавилась отъ такого гостя. Пойду теперь пить чай. (*Уходитъ въ комнату направо*).

МОШКИНЪ (*отворивъ среднюю дверь и увидя входящую Коричыну*). Ай!.. (*прячется*).

КОРИЦЫНА (*входя*). Ахъ! я и забыла взять сухари... Я беззубая!.. (*уходитъ въ комнату направо*).

ПОЖИТЬ одну, выглянуть въ среднюю зверь и не вида никого, выходить на авансцену.

Наконецъ, она убралась отсюда! Теперь она, вѣрно, будетъ пить чай, а потомъ, по обыкновенію, отправится или въ колбасную, или въ лавочку, приготовить что-нибудь къ ужину. Соничка останется одна, и тогда-то настанетъ для меня блаженнѣйшій часъ въ жизни!..

.. О, часъ, о, часъ, часъ счастливыхъ мечтаній!..

Однакожь, куда я спрячусь до того времени?.. развѣ въ шкафъ? Нѣтъ, тутъ можетъ случится предурное происшествіе: старуха, пожалуй, уходя изъ дома, замкнетъ шкафъ—и тогда я останусь, какъ волкъ въ западнѣ. Что тутъ еще?.. машинка для воды!.. но она такъ мала, что не закроетъ и ногъ... да тамъ-же и вода, а моя комплекція такъ слаба, что я чуть промочу ноги, тотчасъ сдѣлается насморкъ... Вотъ и картонка тоже ни къ чему не послужитъ... впрочемъ, попробуемъ... (*опускаетъ въ нее ногу*). Ай, ай!.. да тамъ ужъ кто-то спрятался! (*вынимая изъ картонки женскую тлѣнку*). Что это я надѣлалъ!.. бѣдняжка! какъ я безчеловѣчно тебя уничтожилъ!.. Къ счастью, на Вознесенской у меня есть знакомая нарядъ, у которой отличный модный магазинъ... она исправитъ это дѣло!.. (*вставляетъ колѣнку въ шляпку и старается ее выправить*). А покуда выправимъ какъ-нибудь... Ну! лопнула!.. (*бросаетъ тлѣнку въ картонку и закрываетъ его*). Покойся-же тѣмъ до той поры, пока тебя не исправитъ Шарлотта Густафьевна!.. Но куда-жь я въ-самомъ-дѣлѣ здѣсь спрячусь? Эта квартира расположена самымъ скреднѣйшимъ образомъ, и мебель вся такого рода, что не скроетъ и кончика моего носа.. (*обращаясь къ двери съ правой стороны*). Для чего, спрашиваю я тебя, о старая мегера! стала ты неодолимою преградой между достойнымъ молодымъ человѣкомъ, который страстно любитъ твою племянницу, и между прекрасною твоею племянницею, которая неменѣе страстно можетъ любить такого достойнаго молодого человѣка?.. Да, для чего, спрашиваю я тебя?.. отвѣчай-же!.. Что?.. ты говоришь, что этого требуютъ приличіе и нравственность... Тебѣ-ли говорить о нравственности! Я вѣдь знаю тебя вдоль и поперекъ... не даромъ-же я раздавалъ гривенники вашему дворнику!.. Ты хоть и живешь въ этомъ домѣ только пять лѣтъ, но у тебя, четыре года тому назадъ, была старая кухарка, которая жила у тебя съ молодости, она-то, по сердечнымъ наклонностямъ, или другимъ причинамъ, которыхъ я не хочу и знать, передала въ разсказѣ

всѣ твои проказы дворнику Никитѣ... Гривенники развязали его языкъ и я знаю всю твою подноготную, не хуже твоего біографа, еслибъ только удостоили чести составить изъ твоей жизни бібліографическій очеркъ для какого-нибудь журнала!... Къ чему, спрашиваю я, назадъ тому лѣтъ тридцать, хаживалъ къ тебѣ длинно-усый и чрезвѣрно длинно-рослый уланскій поручикъ?.. Не преподавалъ ли онъ тебѣ ужъ правила нравственности, старая мегера! Да, да, ты старая мегера; нѣтъ Тебѣ другаго названія! (*про себя*). Еслибъ удалось мнѣ познакомиться съ какии-нибудь служакой, этакимъ, какъ говорится, древнимъ вонномъ, тотъ бы... (*скача отъ восторга*). Bravo! я совсѣмъ позабылъ: у меня есть пріятель совершенно въ такомъ родѣ!.. Я его отыщу сію минуту... онъ явится сюда... представитъ меня этой мегерѣ, какъ своего племянника, или внука... меня пригласятъ пить чай... я останусь пить чай... потомъ оставать ужинать... я останусь ужинать!.. Наконецъ... (*танцуетъ*) Тра, ла, ла... о, необыкновенный умъ!.. о, находчивость!.. о...

КОРОЦЕНА (*за сценой*). Кто тамъ?

МОШКИНЪ. Голосъ мегеры!.. Прощай же, старая кодаунья, до радостнаго свиданья!.. (*убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

VI.

СОНЧКА, входа, изъ двери направо.

Кто здѣсь?.. (*осматривая*). Никого! а мнѣ какъ-будто послышался голосъ... Ну, слава Богу, мнѣ удалось его спровождать отсюда, и я теперь могу быть спокойна...

Теперь остаетя мнѣ не страшно
И безъ сѣднвъ и безъ чепца,
Теперь могу я безопасно
Страхнуть лѣтъ тридцать пять съ лица!
Какое бѣ было наслажденье,
Когда-бы мы въ одно мгновенье
Могли, по щущьему велѣнью,
И молодѣть
И хорошѣть!
Зато, по мнѣ, безчеловѣчно
Остаетя дѣвушкою вѣчно!
Ужъ лучше умереть, конечно,
Чѣмъ постарѣть
И подурнѣть!

Старушкой быть мнѣ надоть,
Все надо охать, да ворчать!..
Теперь-же, какъ помолодѣла,
Могу я пѣть и хохотать!..
Какое бѣ было наслаждение... и пр.

(сидится съ работой къ столу). Скажите пожалуйста, что такое сдѣлали бѣдныя дѣвушки этимъ несноснымъ мужчинамъ? За что они ихъ преслѣдуютъ?.. Ни одна хорошенькая дѣвушка въ Петербургѣ не можетъ выйти на улицу безъ того, чтобы не привазазасъ къ ней дорогѣй какой-нибудь повѣса!.. Понуда была здѣсь тетушка и перевозила меня... все шло прекрасно! взглянуть, бывало на меня однимъ глазомъ—и улыбнется... но увидя вдругъ другимъ тетушку—сдѣлаютъ гримасу и пойдутъ своей дорогой! Теперь, съ-тѣхъ-поръ, какъ она уѣхала въ Ладогу... (вставая) просто, проходу мнѣ не даютъ... (подразжал разнымъ голосамъ мужчины). «Позвольте васъ просить, сударыня... Скажите, далеко ли вы идете?.. Снѣю спросить, гдѣ вы позволите жить?..» Словомъ-сказать, въ два, три дня я столько натерѣлась страху, такнхъ наслушалась пошлостей и дерзостей, что боялась и на минуту выйти на улицу! Эти гадкіе мужчины такъ напугали меня, что мнѣ пришлось-бы остаться безъ работы и сидѣть голодомъ, безвыходно дома!.. Къ счастью, попался мнѣ въ руки вотъ этотъ старыи романъ... (взявъ со стола книжку). Я начала, со скуки, читать... и представьте, какое счастье! это не романъ, а просто сокровище!.. Въ немъ, между-прочимъ, описывается жизнь одной бѣдной дѣвушки, которая, какъ и я, осталась безъ тетки... Ей точно такъ-же, какъ и мнѣ, рѣшительно не давали покоя мужчины... Наконецъ, она изобрѣла чудесное средство: стала одѣваться старухой и въ этомъ видѣ выходила на улицу;—съ-тѣхъ-поръ, какъ рукой сняло: всѣ начали отъ нея отворачиваться... (положивъ книгу на столъ). Я воспользовалась этимъ, и вотъ, слава Богу, теперь совершенно покойна... Выхожу безъ страха изъ дома, никто на меня не глядитъ; а кто и взглянетъ—отвернется да и всторону... даже этотъ молодой человекъ, что живетъ напротивъ насъ, и тотъ бѣгаетъ отъ меня!.. (смѣясь). Я навожу, просто, страхъ на всѣхъ мужчинъ!... Конечно, мнѣ смѣшно и весело, что они меня не узнаютъ... однакожъ, подь-часъ... Все-таки мнѣ досадно, что я должна скрывать и мои густые волосы подъ чепцомъ, и мою стройную талью подъ мантилей, и даже быстрые мои глаза должна закрывать очками... Особенно досадно бываетъ, когда встрѣчается мнѣ нашъ сосѣдъ!.. Ахъ!.. еслибъ этотъ повѣса зналъ, что онъ сдѣлалъ съ моимъ сердцемъ!.. А что прикажете дѣ-

лать?.. Ему нельзя показать и тѣмъ расположенія... Вотъ онъ, не-смотря на мою скромность, осмѣлился даже придти сюда, къ намъ въ квартиру... Хорошо еще, что я была въ это время тетушкой!.. не будь я моей тетушкой... что стало-бы съ ея бѣдной племянницей? Ха, ха, ха!.. (слышится стукъ за дверью). Что это? Кто тамъ?

ГОЛОСЪ МУЖЧИНЫ. Я!

СОНИЧКА. Но кто вы?...

ГОЛОСЪ. Я! майоръ Пѣтуховъ!

СОНИЧКА. Пѣтуховъ? я не знаю никакого Пѣтухова.

ГОЛОСЪ. Мнѣ нужно поговорить.

СОНИЧКА. Съ кѣмъ?

ГОЛОСЪ. Съ госпожею Корицыной...

СОНИЧКА. Съ тетушкой?.. Но какое вы имѣете до нея дѣло?...

ГОЛОСЪ. Дѣло очень важное и интересное...

СОНИЧКА. (всторону). Важное и интересное дѣло!... (Смотря въ замочную скважину). О, да это старикъ!

ГОЛОСЪ. Отворите же мнѣ...

СОНИЧКА. (всторону). Отворено ужъ и безъ того... Не понимаю, куда дѣвался ключъ... (вслушь) Войдите!...

VII.

СОНИЧКА. МОШКИНЪ Мошкинъ одѣтъ въ старинное партикулярное платье, онъ съ свѣдами усами; подъ мышкой зонтикъ, на глазахъ очки, на лбу зонтикъ.

МОШКИНЪ (входя). Позвольте узнать... Пелагея Ивановна Корицына.

СОНИЧКА. Она живетъ здѣсь... Это моя тетушка...

МОШКИНЪ. А! вы ея племянница?... Очень рады! очень рады!... Могу сказать, прекрасная племянница!... У меня самого могла бы быть племянница, но вышло иначе: Богъ даровалъ мнѣ племянника!.. Хе, хе, хе!.. Позвольте, однакожь, узнать, Пелагея Ивановна...

СОНИЧКА. Она... А вы хорошо знаете мою тетушку?

МОШКИНЪ. То-есть, какъ вамъ сказать... если признаться откровенно... я... то-есть... я не имѣю чести ее знать... но несмотря на то... собственно для ея интереса... мнѣ надо поговорить съ нею...

СОНИЧКА. Но вы можете сказать мнѣ, что нужно — это одно и то же...

МОШКИНЪ. Ну нѣтъ-съ, не одно и то же... Есть вещи, которыхъ не должны вовсе знать молодыя особы, какъ, наприимѣръ, вы... (взгляв

стуль). Но не беспокойте ее, если она занята... я могу подождать, сколько вамъ угодно...

СЕНЧКА. (*всторону*). Однакожь, это любопытно... Онъ не знаетъ тетушки и хочетъ ей передать какой-то важный секретъ... (*Вслухъ*) Извините... я сейчасъ ей скажу...

МОШКИНЪ (*взявъ ее за руку*). Ахъ, пожалуйста, не беспокойте ее.

СЕНЧКА. Но вы сами говорите, что имѣете къ ней важное дѣло...

МОШКИНЪ. Очень важное... (*цѣлуя ея руку*) но все-таки не беспокойте ее...

СЕНЧКА. Но если это такъ для нея интересно...

МОШКИНЪ. Чрезвычайно интересно... (*цѣлуя ей снова руку*). Однакожь, не беспокойте ее.

СЕНЧКА. (*всторону*). Какой странный этотъ старичокъ!... А любопытно очень узнать... (*Идя къ двери направо*): Тетушка! тетушка! васъ спрашиваютъ!... Она сію минуту къ вамъ явится... (*Уходитъ*).

VIII!

МОШКИНЪ, одинъ, бросая въ дверь свою шляпу.

МОШКИНЪ. Браво! браво! начало удалось!... О; еслибъ только не эти сѣдые волосы!... Они рѣшительно запрещаютъ мнѣ выказать весь пламень, пожирающій мое сердце... а то бы, не знаю даже что бы я ей наговорилъ!... особенно когда была въ моихъ рукахъ, у моихъ горячихъ губъ ея маленькая, пухленькая ручка!... Но тише! вооружись терпѣніемъ, шалуни! будь разсудителенъ и скрой до времени свои страстные чувства подъ сѣдымъ парикомъ маіора Пѣтухова!... Да! я, наконецъ опять у нея... и зато, ужь если явился сюда по собственному пламенному желанію, такъ и выпроводить меня отсюда развѣ только силою огнестрѣльнаго оружія, котораго, признаться, я терпѣть не могу!... (*Размышляетъ*) Но что жь я буду врать этой старой мегерѣ?... Она увидитъ вдругъ человѣка, котораго никогда не видала... судя по этому, ей очень трудно будетъ и узнать ту особу, который она вовсе не знала!... Оно, конечно, неестественно, невѣроятно, не въ порядкѣ вещей, но потому-то именно и можетъ быть удачно!... Не робѣй же, Мошкинъ.

Держи вострѣе только ухо!

Будь дерзокъ такъ, какъ свѣтскій фатъ,

Болтливъ, какъ сиплетница старуха,

И смѣлъ, какъ на войнѣ солдатъ!

Будь остороженъ, какъ любовникъ,
Самоувѣренъ, какъ дантистъ,
И позабудь, что ты чиновникъ:
Ты здѣсь спевическій артистъ.

Вотъ она! (Кашляя). Гумъ! Гумъ!... Буду непременно кашлять: эти паузы дадутъ мнѣ возможность избѣгать запятыхъ въ разговорахъ...

IX.

МОШКИНЪ, СОННИЧКА, старухой, выходятъ изъ дверей направо.

МОШКИНЪ (кашляя), Гумъ! Гумъ!

СОННИЧКА (всторону). Мнѣ не пришло въ голову, что всѣ старые люди кашляютъ... примусь же и я кашлять... (кашляя). Гумъ! Гумъ!

МОШКИНЪ (всторону). Ну, и у нея кашель!.. Постараюсь же я кашлять посильнѣе... (раскланиваясь и кашляя сильнѣе). Имѣю честь... Гумъ! Гумъ!..

СОННИЧКА (всторону). Нѣтъ, я кашляю не такъ натурально, какъ онъ... Попробуемъ...

ОБА (кашляя вмѣстѣ). Гумъ, гумъ, гумъ!

МОШКИНЪ (всторону). Пора, однакожь, кончить этотъ концертъ... (Сонничка) Какой у васъ сильный кашель, сударыня; не угодно ли вамъ этихъ пастилекъ... (вынимаетъ папиросницу и тотчасъ-же ее прячетъ). Не то вынулъ!.. это папиросница.

СОННИЧКА. Покорнѣйше благодарю. Теперь мнѣ лучше...

МОШКИНЪ. Лучше?.. ну, тѣмъ лучше!.. (всторону). Странно, языкъ мой что-то прилипаешь...

СОННИЧКА. Мнѣ сказала племянница, что вамъ нужно поговорить со мною, по какому-то дѣлу...

МОШКИНЪ. Это дѣло, какъ нельзя лучше, можетъ объяснить вамъ моя наружность...

СОННИЧКА. Ваша наружность?

МОШКИНЪ. Да-съ!.. Поглядите-ка на меня хорошенько: неужели вы меня не узнаете?.. (всторону). Ну! задавай задачу! пустилъ бомбу!

СОННИЧКА (всторону). Такъ онъ солгалъ давеча: тетушка его вѣрно знаетъ... (вслушъ). Право... я смотрю на васъ... на...

МОШКИНЪ. И вы не узнаете повѣсу... шалуна Пѣтухова? (всторону). Еще пущена бомба!

СОННИЧКА (какъ-бы припоминая). Пѣтухова?.. (всторону). Если тетушка его знаетъ, такъ, мнѣ кажется, и я могу смѣло узнать его. (вслушъ). Позвольте... позвольте... Пѣтуховъ...

МОШКИНЪ. Ну, помните... бронею... съ черными усиками... въ уланской шапкѣ... который еще когда-то...

СОНИЧКА. Ахъ, Боже мой... ужъ это очень давно...

МОШКИНЪ. Именно очень давно!.. Наконецъ вы припомнили... да какъ вамъ и не припомнить повѣсу Пѣтухова!

СОНИЧКА. Да, да... да... да...

МОШКИНЪ (*всторону*). Наконецъ она меня узнала!.. (*вслушь*). Правда! я ужъ теперь не тотъ... немножко измѣнился... постарѣлъ... подурнѣлъ!.. А вы... вы все тѣ же!.. Какъ вы это, право, умѣли сохранить эти глазки, этотъ носикъ, этотъ ротикъ? какими это способомъ?.. Ужъ не отрыли-ли вы гдѣ-нибудь источникъ живой воды?.. (*всторону*). Экъ я ее бомбардирую... теперь ужъ она у меня не устоитъ!..

СОНИЧКА (*всторону*). Вѣрно я и въ видѣ тетушки несоветнѣ еще дурна... (*вслушь*). Ахъ, какъ вы мнѣ льстите!..

МОШКИНЪ. Нѣтъ, клянусь честью... Хе, хе, хе!.. странно, право, послѣ такого долгаго времени... согласитесь, вѣдь ужъ очень много времени...

СОНИЧКА. Да... ужъ очень много времени!.. но все это, однакожъ, не объясняетъ мнѣ дѣла, по которому вы...

МОШКИНЪ. Сю минуту я буду имѣть честь объяснить вамъ все, чтѣ слѣдуетъ... (*всторону*). Если только придумаю чтѣ-нибудь... (*вслушь*). Но прежде не мѣшало-бы намъ присѣсть, потому что въ наши лѣта и когда предстоитъ довольно-длинный разговоръ... (*кладетъ возлѣ себя шляпу и зонтикъ*).

СОНИЧКА (*всторону*). Чтѣ-жъ это хочеть онъ сказать тетушкѣ?.. (*Садится. Вслушь*). Я васъ слушаю...

МОШКИНЪ (*сидя и взявъ ее за руку*). По приѣздѣ въ Петербургъ, первую мысль мою было увидать поскорѣе мою бездѣльную Полю!..

СОНИЧКА. Полюну?

МОШКИНЪ. Да-съ! Развѣ вы уже забыли свое прежнее имя?..

СОНИЧКА (*всторону*). Какова тетушка! Называлась, вмѣсто Пелагеи, Полиной!

МОШКИНЪ. Скажите, зачѣмъ вы измѣнили это имя?

СОНИЧКА. Ахъ... на это были причины.

МОШКИНЪ. Причины?.. но я скромнѣе... не спрашиваю васъ о нихъ...

СОНИЧКА (*всторону*). И хорошо дѣлаешь!

МОШКИНЪ (*всторону*). Она во всемъ соглашается со мною... Кажется, предобрѣйшая женщина!

СОННИЧКА. Но, позвольте, это дѣло...

МОШКИНЪ. Какъ теперь помню... это было передъ турецкимъ походомъ...

СОННИЧКА. Такъ это дѣло относится къ турецкому походу?..

МОШКИНЪ. Нѣтъ... я говорю собственно о себѣ... Я припомнилъ, что видѣлъ васъ въ послѣдній разъ передъ турецкимъ походомъ... Боже мой! какія вы были тогда модница и кокетка!..

СОННИЧКА (жеманясь). Ахъ, мало-ли что было!..

МОШКИНЪ (всторону). Каковъ я!.. И тутъ навѣрняка пустилъ бомбу!

СОННИЧКА (всторону). Нѣтъ, какова моя тетушка!.. Сама модничала и кокетничала, а мнѣ запрещаетъ!

МОШКИНЪ. Какъ теперь гляжу на васъ... вы жъ первыиъ начали танцевать французскій кадрили... Боже ты мой! Какъ вы танцевали... Это не то, какъ танцуютъ теперь барышни... ходятъ, словно на гуляньи — нѣтъ; вы выдѣлывали самыя труднѣйшия па, не хуже г-жи Истоминной!.. Я еще, бывало, смотрю и вспомню стихи Пушкина:

Одной ногой касаясь пола,
Другою въ воздухъ кружить,
И вдругъ прыжокъ... и вдругъ летить...
Летить, какъ пухъ...

(*Всторону*). Еще бомба!..

СОННИЧКА (кокетничая). Хе, хе, хе!.. (*всторону*). Какова тетушка! А мнѣ запрещаетъ танцевать!

МОШКИНЪ. А какой голосъ былъ у васъ!.. рѣшительно Каталани!.. Еще вы пѣли... удивительно, какъ пѣли... очаровательно пѣли: «По всей деревнѣ, Катенька!..» Ахъ, Алина! Алина! сколько сладкихъ воспоминаній!..

СОННИЧКА. Какъ, Алина!.. Вы сейчасъ говорили, что я называлась Полинной?

МОШКИНЪ. Да... ты... ты — Полина!

СОННИЧКА (всторону). Скажите пожалуйста, да ужъ онъ говоритъ мнѣ ты!

МОШКИНЪ. Я теперь говорю о другой... Ну, вотъ объ этой Алинѣ... вы хорошо знаете... неужели вы забыли?..

СОННИЧКА. Нѣтъ, нѣтъ... теперь я вспомнила!

МОШКИНЪ (всторону). Какова находчивость!.. Она знаетъ даже и Алину!.. (*вслухъ*). Помните еще... Алина было хотѣла отбить у васъ этого гдѣрала...

СОНИЧКА. Какого генерала?..

МОШКИНЪ (*всторону*). Спрашиваетъ еще: какого генерала!.. Видно, у нея былъ не одинъ!.. (*вслухъ*). Ну, знаете... этого... вотъ еще который былъ такъ ревнивъ!

СОНИЧКА. Ахъ да... да!..

МОШКИНЪ. Еще помните, въ одно прекрасное утро онъ явился къ вамъ... кажется, въ гусарскомъ... или въ драгунскомъ мундирѣ?.. Нѣтъ, въ гусарскомъ... или въ драгунскомъ... да помогите мнѣ припомнить...

СОНИЧКА. Но я, право, не помню...

МОШКИНЪ. Вы не помните?

СОНИЧКА. Нѣтъ!

МОШКИНЪ (*взглянувъ на нее пристально и вставая*). О, такъ вы меня обманули!.. Вы не госпожа Корицына.

СОНИЧКА (*вставъ поспышно*).. Неправда! я Корицына!

МОШКИНЪ. Ну, если вы Алина... то-есть Полина... то-есть нынешнему Пелагея Ивановна Корицына, такъ скажите мнѣ, какъ звали этого генерала...

СОНИЧКА (*поспышно*). Пойдите... Я теперь точно припоминаю... онъ былъ въ драгунскомъ... или нѣтъ... въ гусарскомъ мундирѣ... Да... я теперь очень хорошо помню!

МОШКИНЪ. Ну, видите! Я не солгалъ... я никогда не лгу!.. (*всторону*). Это удивительно, какъ бомбы мои мѣтко падаютъ!.. (*вслухъ*). Я совершенно сохранилъ свою память... если хотите, я могу даже пересказать вамъ всѣ ваши любовныя проказы!..

Вотъ формуляръ всѣхъ вашихъ штукъ:
Сперва васъ прапорщикъ пѣнилъ,
За нимъ, по рангамъ, подпоручикъ,
Потомъ поручикъ побѣдилъ;
Потомъ нанести вамъ въ сердце рану
Штабсъ-капитану удалось,
Потомъ, въ порядкѣ, капитану,
А тамъ майору привелось.
За подполковникомъ—мѣстечко
Полковникъ въ вашемъ сердцѣ взялъ,
А въ заключеніе, сердечко
Вамъ оковтузилъ генералъ!
За нимъ была-ль какая свита —
Не знаю: мы ушли въ походъ...
И какъ затѣмъ все въ мракѣ скрыто
То счетъ мой дайте неидея!..

СОНИЧКА (всторону). Ай, дя тетушка!.. (увида, что Владимир идет к двери направо). Что это, куда онъ идет?.. Послушайте, куда вы?.. Скажете-ли вы, наконецъ, по какому дѣлу вы ко мнѣ пожаловали?..

МОШКИНЪ. Какъ по какому дѣлу?.. Кажется, я ужъ вамъ много наговорилъ дѣлаваго... Впрочемъ, если угодно, я начну себя... у меня много свободного времени...

СОНИЧКА. Но мнѣ-то некогда... и я хочу знать...

МОШКИНЪ (всторону) Что жъ я еще буду ей болтать?..

СОНИЧКА (взявъ шляпу и зонтикъ, подаетъ имъ Мошкину). Меня ждетъ племянница... и потому ..

МОШКИНЪ (взявъ шляпу и зонтикъ, поспѣшно). Племянница?.. Превольте... вотъ оно... вотъ настоящее-то дѣло, по которому я имѣлъ честь явиться къ вамъ...

СОНИЧКА. Моя племянница?.. Софья?..

МОШКИНЪ (забывшись). Чудная, восхитительная дѣвушка!.. Прелесть-прелестей!.. красота изъ красотъ!..

СОНИЧКА (забывшись также). Полноте... вы ужъ чересчуръ мнѣ льстите!

МОШКИНЪ. Вамъ?

СОНИЧКА (спохватясь). Нѣтъ!.. то-есть... вы конечно... Я люблю ее, какъ дочь!.. и потому...

МОШКИНЪ (всторону). Какъ дочь!.. Ну, такъ это не точно-я?.. (съ удареніемъ). Я готовъ пари держать, что она не тѣтя ея!

СОНИЧКА. Что вы говорите!

МОШКИНЪ (всторону). Во что бы то ни стало, я ужъ я оставляю ее сознаться!.. (кладетъ шляпу въ машинку, которая безъ прыжки, а зонтикъ ставитъ подлѣ нея).

СОНИЧКА. Что-жъ вы замолчали?

МОШКИНЪ (всторону). Послушайте, милѣйшая моя Пелагея Ивановна!.. (движеніе Сонички). Вы, повиданному, очень удивлялись, что я съ такимъ жаромъ разваливаю вашу племянницу... Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда вы все узнаете... Скажите, какъ вашей Соничкѣ теперь девятнадцать лѣтъ?

СОНИЧКА. Да, девятнадцать!

МОШКИНЪ. О, Боже!

СОНИЧКА. Что съ вами?

МОШКИНЪ. Девятнадцать лѣтъ!.. А двадцать лѣтъ тому назадъ...

СОНИЧКА. Что-же было двадцать лѣтъ тому назадъ?

МОШКИНЪ. И вы забыли!.. Помните-ка...

СОНЧКА. Да что такое?.. (*в сторону*). Что онъ хочетъ, чтобы я вспомнила?

МОШКИНЪ. И вы еще спрашиваете, что такое, тогда—какъ ваши воспоминанія должны совершенно гармонировать съ мои!.. Вы...

СОНЧКА. Я...

МОШКИНЪ (*съ крикомъ*). А! наконецъ вы вспомнили!.. Вы сознаетесь!.. Нѣтъ болѣе сомнѣнiя...

СОНЧКА. Да что такое?

МОШКИНЪ (*съ энтузиазмомъ*). Гдѣ она? Гдѣ моя дочь?.. Дайте мнѣ мою дочь!.. Я хочу благословить мою дочь!...

СОНЧКА (*съ удивленiемъ*). Ваша дочь!.. Вы говорите, что моя племянница...

МОШКИНЪ. Ваша племянница можетъ быть для цѣлаго свѣта вашей племянницей—прекрасно!.. Я не осуждаю васъ за это!.. Но для меня... для ея отца...

СОНЧКА. Вы, отецъ!.. о, нежел!..

МОШКИНЪ (*в сторону*). Видите, я сказалъ, что она сознается...

СОНЧКА. Ради Бога, не обманывайте меня!

МОШКИНЪ (*съ жаромъ*). Васъ обманывать... васъ Алина... то—есть Полина!.. когда самыя воспоминанія ваши говорятъ вамъ...

СОНЧКА (*в сторону*). Я не могу придти въ себя!.. Я, племянница тетушки... я дочь...

МОШКИНЪ. Гдѣ моя дочь?.. (*хочетъ идти въ комнату направо*). Дочь моя!..

СОНЧКА. Постойте, я сию минуту пришлю ее къ вамъ!

МОШКИНЪ. Боже мой!.. Какъ я ее расцѣлю!..

СОНЧКА. Вы...

МОШКИНЪ. Расцѣлю ее самымъ отеческимъ образомъ... (*в сторону*). и другимъ... (*вслушь*). Бѣгите же, Полина... бѣгите... и если вамъ не совсѣмъ ловко будетъ явиться ко мнѣ вмѣстѣ съ моею дочерью...

СОНЧКА. Да... действительно, мнѣ несовсѣмъ будетъ ловко...

МОШКИНЪ. Такъ и не беспокойтесь!.. (*в сторону*). Ты мнѣ вовсе не нужна, старая колдунья!.. (*вслушь*). Не беспокойтесь, я увольняю васъ отъ этого свиданiя!

СОНЧКА (*в сторону, уходя*). Онъ... онъ былъ... а тетушка не была... то—есть была... Боже мой! голова кругомъ идетъ!.. Сама не знаю, что говорю!..

(*Уходитъ въ комнату направо*).

Х.

МОШКИНЪ одинъ.

МОШКИНЪ (*смѣясь*). Удивительная женщина... необыкновенная старуха!.. Такая старуха, что только-бы ее живую поставить въ рамку... Но какъ живыхъ у насъ не ставятъ въ рамку, то я... чего-бы ужъ это не стоило, хотъ пришлось-бы взять денегъ въ долгъ безъ отдачи... закажу дагерротипный ея портретъ у Левицкаго и вставлю въ хорошую рамку, самаго новѣйшаго фасона а ля рококо или, а ля... чертъ знаетъ что!.. Все идетъ у меня, какъ по маслу, съ этой... ум!.. А я еще прозвалъ ее мегерой!.. Теперь даже стыдно, что я такую добрейшую душу называлъ мегерой: во всемъ соглашается со мною... И Пѣтухова знаетъ... и какую-то Алину... и генерала... и вѣрить мнѣ во всемъ на слово, безъ подписокъ, безъ документовъ... вѣрить, что я и Пѣтуховъ и отецъ... Да... одно только... если она, въ-самомъ-дѣлѣ такъ переменчива была въ сердечныхъ наклонностяхъ, какъ я ее увѣрялъ— а она согласилась со мною — то, признаюсь, не совсѣмъ-то пріятная репутація у нея!.. Примѣръ заразителенъ... вѣдь такъ, пожалуй, и племянница... О, что я говорю!.. Можетъ ли быть, чтобъ моя Соничка... прелесть-прелестей, красота изъ красотъ, типъ скромности девятнадцатаго столѣтія... походила хотъ сколько-нибудь на кокетку!.. Да и кто мнѣ мѣшаетъ, когда я женюсь, проводить эту тетумку куда-нибудь въ глушь, въ Саратовъ!..

Кути, валий голова!
 Мнѣ теперь все тринь-трава!
 Что ни будетъ, все равно...
 У меня въ умѣ одно,
 Чтобъ жениться поскорѣй
 Мнѣ на Соничкѣ моей!
 А какъ только я женюсь,
 Теткѣ низко поклонюсь.
 Не угодно-ли, молъ, вамъ
 Къ старымъ, миленькимъ друзьямъ...
 Къ Пѣтуховымъ и другимъ
 Обожателямъ своимъ!
 И тогда-то ужъ вдвоемъ
 Мы на славу заживемъ!
 Хотъ безъ денегъ и связей,
 Но зато и безъ друзей!
 О, судьба, судьба моя!
 На тебя надѣюсь я...
 Не суи мнѣ журавлей,
 Дай синицу поскорѣй...

Поскорѣй жену доставь,
А отъ тетушки избавь!
Кути, валай голова!
Мнѣ теперь все грѣхъ-трава!..
(Вертится, скачетъ и проч.)

СОНИЧКА (за кулисами), Сейчасъ иду, тетушка...
МОШКИНЪ, Голосъ Сонички!.. Исправимъ скорѣй парижъ и очки...
СОНИЧКА (также голосомъ Кориццной). Смотри-же, будь почти-теперь, мой дружокъ!..

МОШКИНЪ. Вотъ голосъ и нашей милой тетушки!.. Примемся-же
снять ей дашедь... Гумъ, гумъ, гумъ!..

XI.

МОШКИНЪ, **СОНИЧКА**, въ своемъ видѣ.

СОНИЧКА (выходя изъ комнаты направо, восторону). Я еще не могу прийти въ себя, послѣ того, что слышала...

МОШКИНЪ. Подойдите, подойдите сюда, мое безцѣнное дитя... поцелуйте мнѣ... (цѣлуетъ ее). Не конфузьтесь... мы ужъ условились по этому предмету съ вашей тетушкой!

СОНИЧКА. Да-съ, я знаю... (восторону). Боже мой!.. какъ онъ мнѣ объявитъ?..

МОШКИНЪ. Еще, еще разъ... (цѣлуетъ). Мы ужъ условились по этому предмету съ вашей тетушкой... Дайте другую щечку... мы ужъ условились... (цѣлуетъ ее въ другую щечку).

СОНИЧКА (восторону). Что это, какъ онъ меня цѣлуетъ!.. Однакожь, это очень натурально...

МОШКИНЪ. Ну-съ... Ну, что ваша тетушка?.. Что она вамъ сказала?..

СОНИЧКА. Она сказала, что почтенный мужичина... очень почтенный...

МОШКИНЪ. Да, да!..

СОНИЧКА. Желаетъ меня видѣть и поцѣловать...

МОШКИНЪ. Да, да!.. (цѣлуетъ). Ну-съ, только она вамъ и сказала?

СОНИЧКА. Да съ, только...

МОШКИНЪ. И рѣшительно больше ничего?..

СОНИЧКА. Больше ничего!

МОШКИНЪ. А гдѣ-жь теперь... гдѣ ваша почтенная, добрейшая тетушка?

СОНИЧКА. Она тамъ... въ комнату, подлѣ кухни... довольно-далеко... такъ—что трудно услышать ся голосъ...

МОШКИНЪ (всторону). Превосходно! Если мнѣ трудно услышать ея голосъ... такъ и ей также трудно услышать мой... стану-же сочинять вариации на мою тему... (*вслухъ*). И такъ... я могу, наконецъ, открыть вамъ причину, которая привела меня къ вамъ... Я долженъ вамъ сказать, что у меня... у меня есть дитя...

СОНИЧКА (всторону). Ахъ, я сама не своя!.. Сію минуту онъ назоветъ меня дочерью!

МОШКИНЪ. У меня... у меня есть сынъ!

СОНИЧКА (поспѣшно). Что-съ?

МОШКИНЪ. Прекрасный молодой человѣкъ... съ отличными достоинствами... съ чудной душой!.. Этотъ молодой человѣкъ любитъ васъ... что я говорю любить—обожаетъ!..

СОНИЧКА. Меня?.. (*всторону*). Странно! онъ теперь говорить совсѣмъ другое!..

МОШКИНЪ. И я явился, безъ церемоній, сватомъ къ вашей тетушкѣ...

СОНИЧКА. Вы...

МОШКИНЪ. Да-съ!.. Сію минуту я просилъ у нея вашу руку для моего сына!..

СОНИЧКА. У тетушки?..

МОШКИНЪ. Развѣ она вамъ не сказала этого?..

СОНИЧКА. Мнѣ?.. нѣтъ!..

МОШКИНЪ. Ахъ, старая вѣтревица!.. Я ее узнаю по этому!.. Дайте-же мнѣ вашу руку и отправимся къ моему сыну... Мы ужъ условились по этому предмету съ вашей тетушкой... (*Хочетъ ее вести*).

СОНИЧКА. Нѣтъ, нѣтъ... я не могу... (*всторону*). Боже мой! ужъ не мошенникъ ли это какой!

МОШКИНЪ (нѣжно). Пойдите, ради Бога, пойдите!.. Мой добрый сынъ ожидаетъ васъ!

СОНИЧКА (со страхомъ). Боже мой! какъ вы на меня странно глядите... И вовсе не въ очки... а просто...

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ лучше разсмотрѣть васъ!.. (*старается ее обнять*)..

СОНИЧКА (увертываясь). Зачѣмъ вы хотите меня обнять?..

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ поддержать васъ... вамъ легче будетъ идти...

СОНИЧКА. Странно... Вы такъ стары... а у васъ такіе чудесные зубы...

МОШКИНЪ. Это для того, чтобъ съѣсть васъ, моя прелесть!

СОНИЧКА. Аи!.. *(отбывая от него и крича)*. Вы не старикъ!
вовсе не старикъ!

МОШКИНЪ. А! если такъ... Если я не старикъ, такъ къ черту парикъ!.. *(Бросая въ воздухъ парикъ)*.

СОНИЧКА. Что я вижу. -- нашъ сосѣдъ!

МОШКИНЪ. Я окунулся въ живой водѣ... и выхожу молодымъ и прекраснымъ, для того, чтобъ отдать въ вѣчное твое владѣніе всѣ со-кровища моихъ прелестей!

СОНИЧКА *(всторону)*. Боже мой! еслибъ онъ зналъ, что я одна дома!.. *(кричитъ)*. Тетушка!..

МОШКИНЪ. Тсъ!

СОНИЧКА. Тетушка!

МОШКИНЪ. Тсъ!.. тише!.. не кричи, не зови ее!.. Повѣрь мнѣ, если я обманывалъ тебя, то для того только, чтобъ доказать тебѣ, какъ много, какъ безумно я люблю тебя!..

СОНИЧКА. Прошу васъ, не будьте тамъ фамильярны... не говорите мнѣ «ты»!

МОШКИНЪ. Я хотѣлъ удалить тебя отъ твоей безразвѣстной тетки, которая могла служить тебѣ весьма дурнымъ прищѣромъ...

СОНИЧКА. Вы осмѣлились бранить мою тетушку!.. *(кричитъ)*. Тетушка!

МОШКИНЪ. Тсъ!.. Я не хочу лгать тебѣ... Я бѣденъ... у меня весьма скромненькая квартирка... три стула, столъ и подержанная кровать... но это все будетъ принадлежать тебѣ... Пойдемъ же... *(хочетъ увлечь ее)*.

СОНИЧКА *(кричитъ)*. Тетушка! тетушка!... Спасайтесь же скорѣе! развѣ вы не слышите, что я зову тетушку?

МОШКИНЪ. Ты не хочешь идти со мною?.. Хорошо же... Я остаюсь здѣсь и буду снѣло ожидать твою тетку!

СОНИЧКА. Но она тамъ... она сію минуту придетъ сюда...

МОШКИНЪ. Пускай придетъ... пускай попробуетъ выпроводить меня отсюда... *(вынувъ изъ кармана ключъ, замыкаетъ дверь)*.

СОНИЧКА. Скажите пожалуйста... ключъ былъ у него въ карманѣ... Что вы дѣлаете?..

МОШКИНЪ *(вынувъ изъ кармана ключъ)*. Ты видишь этотъ ключъ... Гляди же теперь, куда онъ отправится!.. Маршъ! *(бросаетъ ключъ въ окно. Слышится звукъ разбитаго стекла)*.

СОНИЧКА *(вскрикивая)*. Аи!..

МОШКИНЪ *(холодно)*. Bravo! прямо попалъ въ свое окно!

СОНИЧКА. Берегитесь же... я сію минуту приведу сюда тетужку...
(отворить дверь направо). Она тамъ... слышите ли, она тамъ...

МОШКИНЪ. Постой!.. (слышенъ стукъ въ среднюю дверь). Кто-то стучится!..

СОНИЧКА. Тсъ!..

МОШКИНЪ. Тсъ!..

СОНИЧКА (всторону). Ахъ, еслибъ это была...

МОШКИНЪ. Тсъ!

ГОЛОСЪ СТАРУХИ (за сценой). Отвори! Это я!

СОНИЧКА (въ радости). Это она!.. я спасена!

МОШКИНЪ (тихо). Постойте!.. (вслухъ женскимъ голосомъ).

Кто вы?..

СОНИЧКА (тихо). Молчите, ради Бога!

ГОЛОСЪ (за сценой). Какъ кто?.. Твоя тетка!.. Я сію минуту только изъ Ладоги!

МОШКИНЪ. А, вотъ что!.. только сію минуту...

СОНИЧКА (тихо). Да замолчите ли вы?

ГОЛОСЪ. Развѣ ты не одна?..

СОНИЧКА. Нѣтъ...

МОШКИНЪ (подражая ея голосу). Нѣтъ, мы однѣ!.. (всторону).

Какова!... Ея тетужка только сію минуту возвратилась изъ Ладоги!.. Ха, ха, ха!..

СОНИЧКА. Да замолчите ли вы!

ГОЛОСЪ (за сценой). Отопрешь ли ты!

СОНИЧКА (тихо). Боже мой! что мнѣ дѣлать?.. Гдѣ я возьму те- перь ключъ?..

МОШКИНЪ (тихо). Погодите!.. (вслухъ, женскимъ голосомъ). Но точно ли вы увѣрены, что вы нѣтъ тетужка?..

ГОЛОСЪ. Что?

СОНИЧКА. Перестаньте...

МОШКИНЪ (также). Здѣсь ужъ и безъ васъ есть у меня тетужка...

ГОЛОСЪ. Да ты никакъ съума сошла!.. отвори скорѣе!..

МОШКИНЪ (также). Нѣтъ никакой возможности отворить... замокъ испорченъ.

ГОЛОСЪ. Боже мой! что за несчастіе... постой, я сбѣгю за слесаремъ!..

ХІІ.

МОШКИНЪ, СОНИЧКА.

МОШКИНЪ. Ушла!.. Bravo!.. (слышенъ стукъ чего-то падаю- щаго). Чу! свалилась никакъ съ лѣстницы!.. Bravoissimo!

СОНИЧКА (*всторону*). Все пропало!

МОШКИНЪ (*весело*). Теперь примемся за другую тетюшку!.. Я требую тетку номеръ второй!.. (*подходя къ двери направо и подбравъ голосу Сонички*) Тетюшка! тетюшка!.. помогите!.. здѣсь молодой человѣкъ... повѣса... шалунъ... ха, ха, ха!.. (*обернувшись, видитъ передъ собой Соничку. Она подаетъ ему раскрытую книжку, ту самую, которую читала въ шестой сценѣ*). Это что такое?

СОНИЧКА. Прочтите вотъ эти строчки...

МОШКИНЪ (*слѣдуя за ея пальцемъ глазами*). Что это?.. Что я вижу?.. Неужели... возможно-ли?... и вы... и ты...

СОНИЧКА (*закрывая книжку*). Теперь вы знаете все!..

МОШКИНЪ (*падая передъ ней на колѣна*). О, знаю все... и люблю тебя въ миллионъ тысячъ разъ болѣе!.. О, моя весталма!.. о, моя Лукреція... еслибъ у меня были десять тысячъ цѣлковыхъ, я сію минуту заказалъ бы золотой вѣнецъ... велѣлъ-бы бриллиантовыми бубнами выложить надпись: «чудной дѣвушкѣ девятнадцатаго вѣка»... и потомъ возложилъ бы этотъ вѣнецъ на твою прелестную голову!

СОНИЧКА. Да!.. а между-тѣмъ, что будетъ со мною?..

МОШКИНЪ. Что-жъ такое?..

СОНИЧКА. И вы еще спрашиваете... Сейчасъ возвратится тетюшка... отворить дверь—и что-же, какой сюрпризъ... она увидитъ меня одну... одну съ молодымъ человѣкомъ...

МОШКИНЪ. Да... но прибавь къ этому: съ будущимъ твоимъ мужемъ!..

СОНИЧКА (*въ радости*) Ахъ, неужели?..

МОШКИНЪ. Да! ты меня отлично обманула, и потому обязана быть моею женою.

СОНИЧКА. Ахъ, еслибъ я это прежде знала!..

МОШКИНЪ. Да развѣ могло быть иначе?.. Неужели ты считала меня такимъ подлецомъ!.. И такъ... предлагаю тебѣ, безцѣнный другъ, мою руку и богатства, которыхъ пока еще у меня нѣтъ...

СОНИЧКА. А я развѣ богаче васъ... всѣ мои сокровища заключаются въ трехъ платицахъ, въ демкинатовомъ бурнусѣ, въ однихъ серьгахъ, въ старой шляпкѣ... а главное въ рукахъ, которыя, до-сихъ-поръ кормили меня и тетюшку!..

МОШКИНЪ. Развѣ этого мало?.. Нѣтъ, ты миллионерка... нѣтъ, богаче миллионерки, потому-что ты прекрасная, честная дѣвушка и что у тебя добрейшая душа!.. Говори-же, согласна-ли ты быть моею женою?

СОНИЧКА. О, да... но я боюсь, что тетюшка не повѣритъ... и если она застанетъ насъ здѣсь...

МОШКИНЪ. Не безпокойся, а *жалось* завтра съ формальнымъ предложениемъ!

СОННИЧКА (*поспѣшно*). Тсъ! воть и тетушка!..

МОШКИНЪ (*прислушиваясь*). И, кажется, съ слесаремъ... слышишь... отправють замокъ!

СОННИЧКА. Гдѣ-жь вы спрячетесь?.. Выйти нѣтъ никакой возможности...

МОШКИНЪ (*отворивъ окно*). А эта лѣстница?.. Смотри...

СОННИЧКА. Чтѣ я вижу!..

МОШКИНЪ. Иногда и лѣстница красильщика можетъ намъ пригодиться!.. (*выльзая въ окно*). Любова до гроба!

СОННИЧКА. Навѣкъ!..

ГОЛОСЪ СТАРУХИ (*за сценой*). Кажется, идетъ на ладъ... ну, еще... еще...

МОШКИНЪ (*за окномъ, на лѣстницѣ*).

Прощай!

СОННИЧКА (*у окна, возль него*).

Прощайте, до свиданья!

МОШКИНЪ.

А что-жь залогъ мнѣ на прощанье?

СОННИЧКА (*подставляя ему щеку*).

Воть вамъ...

МОШКИНЪ (*цѣлуя ее нѣсколько разъ*).

Чудеснѣйшій залогъ!

Прощай, мой другъ...

СОННИЧКА.

Храни васъ Богъ!

МОШКИНЪ.

Какъ грустно это разставанье!

СОННИЧКА.

За то, какъ радостно свиданье!

МОШКИНЪ.

Иди одинъ въ окно теперь...

СОННИЧКА.

Зато войдете завтра въ дверь!

МОШКИНЪ.

А тамъ...

СОНИЧКА.

А тамъ.

МОШКИНЪ.

Всю жизнь съ тобой!

Я назову тебя женой...

СОНИЧКА.

А я васъ мужемъ назову!

МОШКИНЪ.

Тогда-то я ужъ заживу!

СОНИЧКА (*показывая на среднюю дверь*).

Пора!

МОШКИНЪ.

Пора!

СОНИЧКА.

Такъ до свиданья!

МОШКИНЪ.

Еще дай щечку на прощанье...

СОНИЧКА (*подставляя щеку*).

Ну, вотъ...

МОШКИНЪ (*целуетъ ее*).

Какъ вкусно!

СОНИЧКА.

Ахъ, ступай!

МОШКИНЪ.

Прощай!

СОНИЧКА.

Прощай!

МОШКИНЪ (*целуетъ ея руки*).

Прощай!

СОНИЧКА.

Прощай!

(Соничка отскакиваетъ отъ него. Мошкинъ скрывается за окномъ; въ эту минуту отворяется средняя дверь).

ОГЛАВЛЕНІЕ XII ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОМПАНИОНКА. Повѣсть Евгенія Лунскаго. (С. К.) (Кн. 11).

СТИХОТВОРЕНІЯ. А. Г. Ротчева. Вечеръ на морѣ.

Тропическая ночь.

Всегда, вездѣ одинъ.

До свиданія. (Кн. 11).

ВТОРАЯ ЖЕНА. Повѣсть Г. Корженевскаго. (Кн. 12).

РУБЦЕВОВА ГОЛОВКА. Разказъ В. В. Толбина. (Кн. 12).

СТИХОТВОРЕНІЯ. Н. П. Грекова. (Кн. 12).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

РАШЕЛЬ И КЛАССИЦИЗМЪ. В. Р. Зотова. (Кн. 11).

ПУССЕНЪ. (Кн. 11).

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЫ. (Кн. 12).

МЕЙЕРБЕРЪ И ЕГО ВЛІЯНІЕ. (Кн. 12).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОНІЯ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Говорить о томъ, что всегда одно и тожь? — Общее содержаніе комедій, пословицъ и водевилей Александринскаго театра. — Замѣчательнѣйшія явленія на русской сценѣ. — Максимовъ 1, въ «Гамлетѣ» Шекспира. — Почему Гамлетъ такъ труденъ для актеровъ, и кажется имъ такимъ легкимъ. — Ошибочное мнѣніе Байрона о Кинъ и Кемблѣ. Первое появленіе Гамлета въ европейскихъ переводахъ. — Первый русскій переводъ. — Пренніе и современные найтъ актеры въ роли Гамлета. — Мочаловъ и Каратыгинъ. Датская легенда объ Амлетѣ, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свою драму и главный ея характеръ. — Гамлетъ несущасшедшій, неслабодушный и нервнѣйшій, словомъ не водевилннй герой. — Мнѣніе Гёте о Гамлетѣ. — Г. Максимовъ 1. — Новый шагъ въ русскомъ искусствѣ на сценѣ. — Школа натурализма въ трагедіи. — Плохой переводъ Гамлета г. Полеваго и его плохія послѣдствія.

РАШЕЛЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Прѣздъ Рашели.—Послѣдняя знаменитость.—Ожиданія и надежды Петербурга.—Федра-Рашель.—*Ипполитъ* Эврипида.—*Ипполитъ* Семенови.—Разборъ Федры.—Завистники Расина.—*Федра* Падона.—Мнѣнїя о ней Лагарпа и Вольтера.—*Федра* Расина.—Прекрасные стихи и неестественные характеры.—Любовь Ипполита и Арсиа.—Сцена признанія и древности.—Труппа Рашели.—*Готье*, *Рафаэль*, *Шери*, *Кронье*, *Дина*.—Сестры Рашели.—Вліяніе ея на свою труппу.—Историческая вѣрность и пластика.—*Марія Стюартъ* Лебрюна и Шиллера.—Классицизмъ и нѣмецкая драма.—Рашель въ роли Маріи Стюартъ.—*Андромаха*.—Расинъ и требованія его вкуса.—Мнѣніе Корнеля.—Мысль пьесы.—*Андромаха* Эврипида.—Цѣль ея.—Герміона въ *Андромахъ* и *Орестъ* Эврипида.—Герміона Расина.—Какъ надобно играть ее, по мнѣнію Вольтера.—Значеніе пьесы и критика Лагарпа.—Разборъ трагедїи.—Пирръ.—Любовь à la française.—Неумѣстная провіа Герміоны.—Положеніе *Андромахи*.—*Орестъ*.—Почему мы такъ подробно разбираемъ трагедїи.—Враги *Андромахи*.—Эпиграммы Расина.—*Адриенна Лекуверрь*.—Ея исторія.—Драма Скриба.—Разборъ ея.—Герцогиня Бульонъ.—Шазель.—Появленіе Рашели.—Два голубя.—Двѣ стороны таланта Рашели.—Энергія и нѣжность.—Любовь Адриенны.—Сцена соперницъ.—Монологъ изъ *Федры*.—Пятый актъ.—Смерть Адриенны.—Какъ умирають отъ яда.—Рашель въ современной драмѣ и трагедїяхъ. (Кн. 11 и 12).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Осень.—Минувшее и настоящее.—Умѣнье раздувать афиши.—Театръ въ Курскѣ и Рыбинскѣ. (Кн. 11).

СМѢСЬ.

АЛЕКСАНДРЪ КАСТРЕНЪ И ЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ. Статья третья и послѣдняя.

В. И. Перекрестова. (Кн. 11).

ПЕТЕРБУРГСКІЕ САВОЯРЫ. Уличный типъ. *В. В. Толбина.* (Кн. 11).

ТРЕХЪСЯЧНЫЙ ПЛАНЪ У ВЕЛИКАНОВЪ. Статья первая. (Кн. 11).

Статья вторая. (Кн. 12).

ШЕСТОЙ КОНТИНЕНТЪ. *И. М. Новосильскаго.* (Кн. 11).

ДЖАКЪ ЛУННЫЙ СВѢТЪ. Повѣсть *Эллена-Поэ.* (Кн. 11).

НОВОСТИ ИЗЪ ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ. (Кн. 11).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТАНЦОРКИ ВРЕМЕНЪ ЛЮДОВИКА XV. Разсказъ *А. Барте.* (Кн. 12).

ВОСПОМИНАНІЕ ТУРИСТА. Гаванна и Матагвасъ. Изъ путешествій А. Г. Ротчева. (Кн. 12).

КУБГУДІА. Разсказъ изъ Абхазскихъ нравовъ. В. И. Сасинова. (Кн. 12).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Германскія легенды о женахъ Аттилы. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Жизнь и произведеніи Рембрандта (*статья Густава Планша*). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Последнія изслѣдованія историческаго значенія миеологическихъ древнихъ народовъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Что можетъ утѣшить въ жизни? (*разсказъ*). — Острова Уаланъ, Сандвичевы и Танти (*изъ путевыхъ записокъ Журьена де-ла-Гравьера*). — Новости парижской жизни. (*Письмо изъ Парижа*). (Кн. 11).

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузїи. — Литовскія легенды (1. Чудный цвѣтъ Ромбиноса. 2. Сливочная княжна). — «Ленора» Бюргера на португальскомъ языкѣ. — Основаніе Бухареста (*легенда*). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Очерки зоологической географіи. — Могутъ-ли кометы столкнуться съ землею? — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Томасъ Стотгердъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Нарядъ супруги дѣйскаго султана. — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы. — Вечеръ въ Дамаскъ. — Вашингтонъ — Ирвингъ. — Музыка и бібліотеки въ среднихъ вѣкахъ. — Турецкая сабля (*съверо-американскій разсказъ*). — Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*). — Картина Босфора. (Кн. 12).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВЪОТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ: «Этюды изъ женской жизни». Соч. А. П. С-на. — «Крымскіе цыгане». А. Котляревскаго. — «Миссъ Анна». Романъ Фенимора Купера. Переводъ съ англійскаго А. В. Горковенко. — **II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Еще выдержки изъ дневника одного мѣстнаго джентльмена. — Наружность Петербурга лѣтомъ и зимою. — Какъ проводятъ у насъ день съ осени до весны. — Театры, клубы, собранія, кондитерскія, кафе-рестораны, гостиницы съ ихъ публикою. — Хлыщѣ. — Уличныя зѣваки съ своими наблюденіями. Живопись и скульптура, замѣненные обувью. — Цѣльное вино и чистая вода. — Родникъ натуральной повѣи изъ камня. — Замѣчательный по части свѣтописи художникъ. — Серебряная лотерея. — Моды. (Кн. 11).

I. **НОВЫЕ КНИГИ:** «Исторія войны Россіи съ Франціей» въ царствованіи Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I, сочиненіе полковника *Милюткина*.
 II. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ.—Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ.—Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности.—Деревянные геніи, или занятіе отъ нечего дѣлать.—Львица сезона съ ея изображеніемъ и львы съ чужими зубами и шерстью.—Метаморфоза.—Такса для наема экипажей.—Некрологъ.—Зимній садъ и зимнія литературныя новости.
 (Кн. 12).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

СРЕДСТВО ВЫГОНЯТЬ ВОЛОКНЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
Н. Крестовскаго. (Кн. 11).
СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
 Передѣланная съ французскаго *П. С. Федоровымъ.*

III. СМѢСЬ.

1. Исторія одной танцовки времени Людовика IV. Разказъ *А. Барте*.
2. Воспоминанія русскаго туриста. Гаванна и Матанаасъ. Изъ путешествій *А. Г. Ротчева*.
3. Трехмѣсячный мѣвъ у великановъ. Статья вторая и послѣдняя.
4. Жубегула. Разказъ изъ Абхазскихъ нравовъ. *В. И. Савинова*.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Народныя пѣсни въ Андалузїи. — Литовскїи легенды 1. Чудный крѣзь Рембиноса. 2. Сливочная княжна. — Ленора — Бюргера на португальскомъ языкѣ. — Основаніе Бухареста (*легенда*). — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Очерки зоологической географіи. — Могутъ ли кометы столкнуться съ землею? — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Томасъ Стотгардъ. — **ИНТЕРЕСНЫЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Нарядъ супруги дѣйствительнаго султана. — Скорость экстренныхъ поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Странная игра природы. — Вечеръ въ Дамаскѣ. — Вашингтонъ — Ирвингъ. — Музыка и бібліотека въ среднихъ вѣкахъ. — Турецкая сабля (*сѣверо-американскій разказъ*). — Новости парижской жизни (*Письмо изъ Парижа*). — Картина Босора.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. НОВЫЯ КНИГИ:

-Исторія войнъ Россіи съ Франціей- въ Царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I, сочиненіе полковника *Милюткина*.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Первый маскарадъ и время передъ новымъ годомъ. — Историческіе концерты, классическіе квартеты, музыкальныя утра въ городѣ и гармоническіе вечера за городомъ. — Дѣтскій театръ и стрѣльба безъ звука и опасности. — Деревянные геніи, или занятіе отъ нечего дѣлать. — Львица сезона съ ея изображеніями и львы съ чужими зубами и шерстью. — Метаморфоза. — Такса для наема экипажей. — Некрологъ. — Зимній садъ и зимнія литературныя новости.

IV. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 12.

СТРАНИЦА ИЗЪ СТАРАГО РОМАНА: Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго *П. С. Федоровымъ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ извѣстнаго художника **В. Ф. ТИШКА**. (Съ фотографіи Александровскаго).
2. Музыка **ВЛЕТАЮЩІЙ ВАЛЬСЪ**, соч. *Ф. Бургмюллеромъ*, на мотивы новѣйшей оперы Галеви: «**НАБАБЪ**» (*Присланъ изъ Парижа*).

ПАНТЕОНЪ

выходить ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕНЕТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фото-литографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАВАНІЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непремѣнно получаютъ ВСѢ КНИЖКИ, начиная съ первой, со ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»

